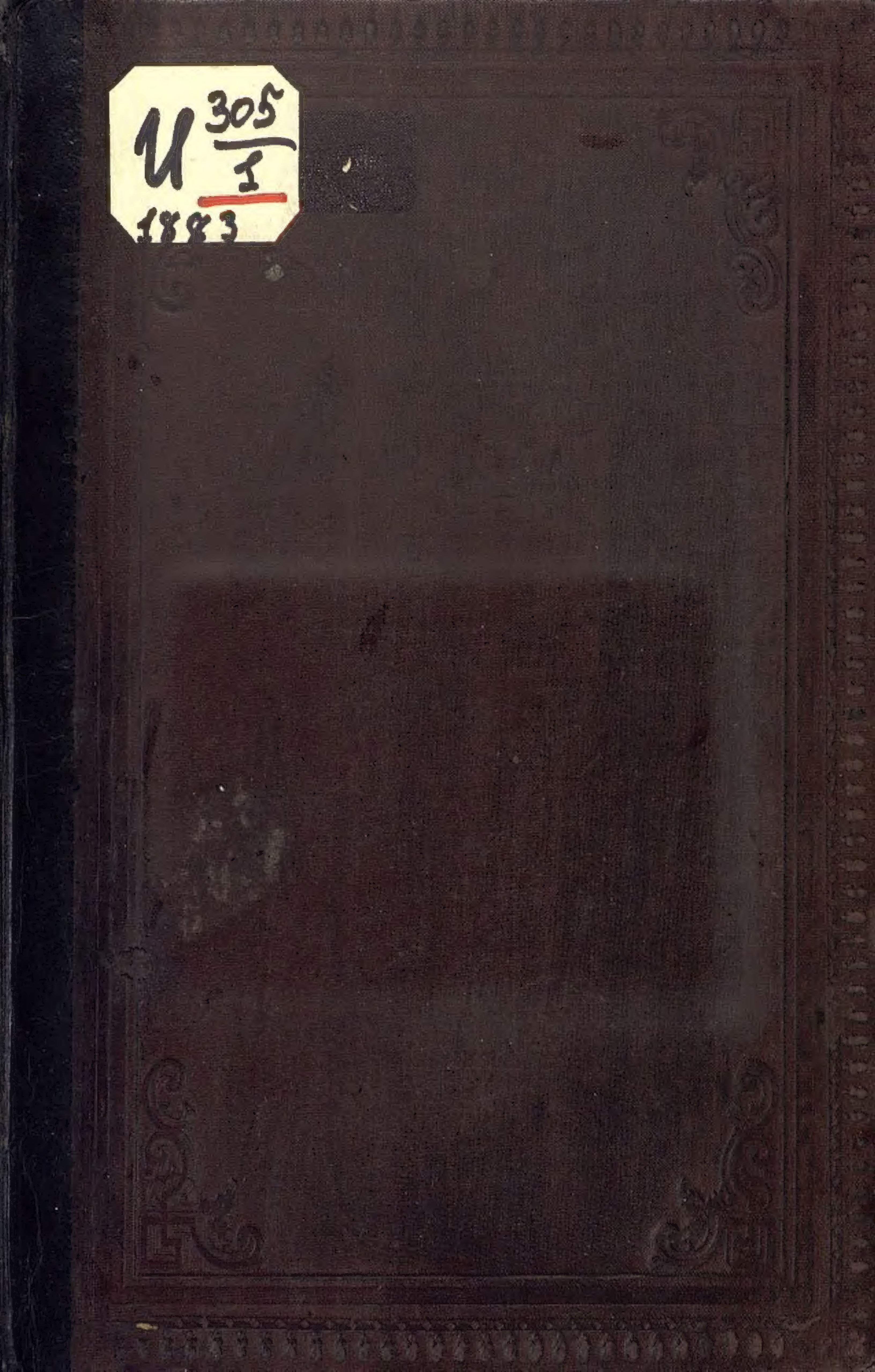
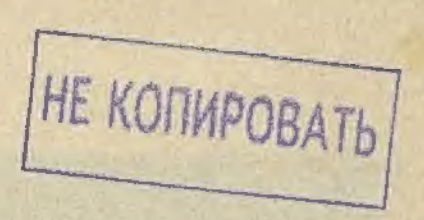
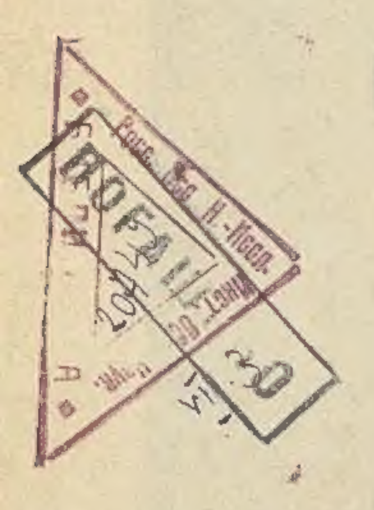

И 305/I
1883





М. Н. КАТКОВЪ.

СОБРАНІЕ ПЕРЕДОВЫХЪ СТАТЕЙ МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.



1883 годъ.

ИЗДАНІЕ С. П. КАТКОВОЙ.

МОСКВА.

1898.





Типографія В. В. Чичерина,
прот. Марьиной слоб., за Камеръ-Коллежскимъ вал., соб. д., 2 ст. Моск. уѣзда

1883 ГОДЪ.

Указатель статей[1]).

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА.

Общіе вопросы.[2])

Несостоятельность конституціоннаго режима. 26.

Заграничный парламентаризмъ и петербургскіе либералы. 37. [3])

Уваженіе нашей интеллигенціи ко всякой доблести не русской и презрѣніе къ отечественной. 105.

Анархическая пропаганда. 123.

Величіе власти Русскаго Царя. 129.

Русскій народный духъ. 130.

Торжественный въѣздъ и дни предшествовавшіе коронованію. 132—А.

День Священнаго Коронованія и помазанія св. мгромъ. 134.

Царскія милости. 135.

Желательность твердой власти и національной политики въ Россіи. 137.

Народное ликованіе въ Петербургѣ въ день священнаго Коронованія. 138—А.

По поводу словъ сказанныхъ Государемъ Императоромъ на обѣдѣ волостныхъ старшинъ. 140—А.

Обѣдъ волостнымъ старшинамъ. Знаменательныя слова Государя Императора. 142.

Освященіе Храма Христа Спасителя. 146—А.

Отзывы славянской печати по поводу Священнаго Коронованія. 151.

Лже-охранители. 186.

Администрація.

Измѣненіе состава общихъ собраній Сената. 220.

Военное дѣло.

Зачѣмъ намъ нужна помощь иностранцевъ въ изготовленіи средствъ государственной обороны? 46.

Новыя льготы для новобранцевъ. 49—А.

О „правилахъ для зачисленія въ кандидаты на должность уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ." 111.

Царскія милости раненымъ, увѣчнымъ и больнымъ воинамъ. 140—Б.

Историческій обзоръ русскаго регулярнаго войска начиная съ Петра I. 143.

Военныя желѣзныя дороги. 178—А.

О льготахъ по отбыванію воинской повинности такъ называемымъ „одиночкамъ." 219.

Ружье г. Ливчака. 243—Б.

Положеніе объ участіи въ эмеритальной кассѣ офицерскихъ чиновъ запаса. 346.

Кавказъ и Закавказье.

Административное объединеніе Кавказа. 133.

Крестьянское дѣло.

По поводу письма калужскаго помѣщика. 181—А.

Литература, науки и искусства.

Тургеневъ. 261.

Глинка. 270—Б.

Театрально-литературный комитетъ. 341—Б.

Народное здравіе.

Холерная эпидемія. 173. 180. 184.

Печать.

Гражданская тоска въ нашей прессѣ. 8—Б.

Печатное слово и судебный произволъ. 72—Б. 76—Б. 77—А.

Дѣло редактора-издателя *Московскаго Листка.* 350.

Пожарное дѣло.

Пожары и страховыя общества. 207.

Дѣятельность нашихъ страховыхъ обществъ. 228.

Взаимное страхованіе. 238. 249. 329—Б.

Проектъ устава обязательнаго взаимнаго страхованія въ г. Москвѣ. 284.

Польскій вопросъ.

Поучительный для насъ примѣръ Австро-Венгріи. 116.

---

[1]) Цифры означаютъ нумера *Московскихъ Вѣдомостей*, а буквы А, Б, В означаютъ первую, вторую или третью статью въ данномъ нумерѣ; нумеръ страницы указываетъ на часть статьи. Содержаніе нѣкоторыхъ статей могло быть обозначено лишь приблизительно.

[2]) Общіе вопросы касающіеся Россіи затрогиваются также въ нѣкоторыхъ статьяхъ, помѣщенныхъ подъ другими рубриками.

[3]) Заглавія напечатанныя курсивомъ сдѣланы самимъ М. Н. Катковымъ въ «Современной Лѣтописи» *Русскаго Вѣстника.*

Прибалтійскій край.

Пути сообщенія.

Рабочій вопросъ.

Религія и церковь.

Сельское хозяйство.

Самоуправленіе.

1. Городское.

2. Земское.

Сословія.

Судебное дѣло.

Учебное дѣло.

Финансовые вопросы.

1. Питейный вопросъ.

2. Пошлина.

3. Подати.

4. Промышленность и торговля.

5. Финансы.

Финляндія.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.

Восточный вопросъ.

Ватиканъ.

Австро-Венгрія.

Англія.

Африка.

Германія.

Испанія.

Турція.

Франція.

Общее обозрѣніе.

1883 годъ.

№ 1.

Москва, 31-го декабря.

Въ Лондонѣ на дняхъ должна собраться конференція представителей державъ для рѣшенія такъ-называемаго Дунайскаго вопроса. Приглашеніе на конференцію исходитъ отъ Англіи. Кромѣ великихъ державъ, участницей Лондонской конференціи будетъ и Румынія, которая съ 1878 года имѣетъ своего представителя въ международной Дунайской коммиссіи.

Главная задача предстоящей конференціи въ томъ заключается чтобы рѣшить вопросъ о продленіи полномочій международной коммиссіи. Согласно статьѣ 54 Берлинскаго трактата, вопросъ этотъ имѣлъ быть рѣшенъ еще въ апрѣлѣ 1882 года, за годъ до истеченія срока полномочій коммиссіи, истекающаго 24 апрѣля 1883 года; но разные детальные вопросы, какъ напримѣръ объ учрежденіи предложенной Австрійскимъ правительствомъ „смѣшанной коммиссіи,“ помѣшали исполненію этого постановленія.

Международная Дунайская коммиссія, вѣдающая судоходство отъ Галаца до устьевъ Дуная, вызвана къ жизни Парижскимъ трактатомъ 30 марта 1856 года. Права и обязанности этой коммиссіи опредѣлены Парижскою конференціей 1858 года, такъназываемымъ *Acte public* 1865 года, и Лондонскою конференціей 1871 года. На основаніи этихъ договоровъ, международной Дунайской коммиссіи порученъ верховный полицейскій надзоръ надъ водами Дуная между его устьями, и составленіе регламентовъ имѣющихъ обязательную силу. Берлинскій договоръ 1878 года нѣсколько видоизмѣнилъ устройство международной коммиссіи: область ея дѣйствія расширена (отъ Исакчи до Галаца), и Румыніи дано право участія въ коммиссіи.

Затѣмъ поступаетъ на обсужденіе Дунайской конференціи вопросъ объ учрежденіи „смѣшанной“ коммиссіи для надзора за судоходствомъ отъ Галаца до Желѣзныхъ Воротъ. Объ этой коммиссіи мы уже говорили въ свое время. Проектъ учрежденія ея уже давно обсуждается державами; предложенный Австро-Венгріей, подъ названіемъ *avant-projet*, на разсмотрѣніе Дунайской коммиссіи и затѣмъ нѣсколько видоизмѣненный по совѣту Германіи, онъ послѣ долгихъ переговоровъ между державами былъ наконецъ одобренъ членами Дунайской коммиссіи въ формѣ предложенія французскаго делегата, г. Баррера. Только представитель Румыніи отклонилъ предложеніе Баррера, которое такимъ образомъ не могло получить законной силы. Предложеніе Баррера заключалось, какъ извѣстно, въ томъ чтобъ была учреждена особая коммиссія отъ представителей прибрежныхъ нижнему Дунаю, то-есть Румыніи, Болгаріи и Сербіи, и неприбрежной Австро-Венгріи; чтобы предсѣдательство въ этой коммиссіи принадлежало той же Австріи, и наконецъ чтобъ одинъ изъ членовъ международной коммиссіи участвовалъ въ засѣданіяхъ этой новоучреждаемой „смѣшанной“ коммиссіи съ правомъ голоса.

Если сохраненіе Дунайской коммиссіи имѣетъ особенное значеніе для Англіи вслѣдствіе ея торговыхъ интересовъ, то связанный съ этимъ сохраненіемъ вопросъ о „смѣшанной коммиссіи,“ имѣетъ огромное значеніе для Австріи, не столько торговое, сколько политическое. Торговля Австріи на нижнемъ Дунаѣ гораздо незначительнѣе англійской, и въ послѣдніе годы даже нѣсколько упала, но въ Вѣнѣ на это не обращаютъ вниманія, разчитывая совершенно основательно что соединеніе турец-

кихъ желѣзныхъ дорогъ съ сербскою и австро-венгерскою сѣтью откроетъ Австріи новые рынки для сбыта ея товаровъ. Интересы Австріи на нижнемъ Дунаѣ, повторяемъ, прежде всего политическаго характера: упрочивъ свое вліяніе на юго-западѣ посредствомъ „оккупаціи,“ Австрія стремится къ преобладанію на Дунаѣ чтобъ успѣшнѣе исполнить свою „восточную миссію.“

Самый фактъ допущенія Румыніи на Лондонскую конференцію доказываетъ что она рѣшилась сдѣлать уступки. Полученныя сегодня вѣнскія газеты сообщаютъ что между Австро-Венгріей и Румыніей надняхъ состоится особое соглашеніе, коимъ нѣсколько видоизмѣняется предложеніе Баррера, соглашеніе, цѣною коего Румынія купила себѣ право не только совѣщательнаго, но и рѣшающаго голоса на Лондонской конференціи. Такимъ образомъ, почти несомнѣнно что предложеніе Баррера, которое державы уже одобрили въ принципѣ, будетъ принято, и австрійская дипломатія можетъ себя поздравить съ успѣхомъ, хотя и неполнымъ.

Только о Россіи, самой могущественной изъ державъ прибрежныхъ Дунаю, въ австрійскихъ газетахъ умалчивается. Большинство вѣнскихъ газетъ знаютъ что вопросъ о Килійскомъ гирлѣ исключенъ изъ программы занятій Лондонской конференціи. Русскій посолъ при Сентъ-Джемскомъ кабинетѣ получилъ инструкцію войти въ соглашеніе съ державами касательно Дунайской коммиссіи лишь въ томъ случаѣ если верховныя права Россіи въ Килійскомъ гирлѣ будутъ признаны. Австрійскія газеты, повидимому, не имѣютъ точныхъ свѣдѣній, полагая что Россія желаетъ только „оставить за собою право *производить измѣренія* въ Килійскомъ гирлѣ.“ Дѣло не въ „измѣреніяхъ,“ а въ томъ чтобы за Россіей были признаны верховныя права въ Килійскомъ гирлѣ, не подлежащія контролю никакой международной коммиссіи.

№ 4.

Москва, 3-го января.

Когда напечатанный въ № 330 *Московскихъ Вѣдомостей* за прошлый 1882 годъ списокъ 153 промышленныхъ и торговыхъ фирмъ обратилъ на себя общее вниманіе, было высказано сомнѣніе точно ли всѣ эти фирмы имѣютъ какое-нибудь отношеніе къ Закавказскому транзиту. Вѣдь не всѣ онѣ имѣютъ торговыя связи съ Персіей: что же имъ за дѣло до того пойдутъ или не пойдутъ иностранные товары транзитомъ чрезъ Закавказье? Въ какомъ бы смыслѣ ни былъ рѣшенъ вопросъ о транзитѣ, развѣ фирмамъ не имѣющимъ торговыхъ связей съ Персіей будетъ отъ этого тепло или холодно?

Но вотъ мы получили письмо не отъ фабриканта или торговца, а отъ помѣщика, не сбывающаго никакихъ товаровъ ни въ Персію, ни на Кавказъ, не ведущаго никакой торговли и говорящаго лишь о своихъ и тѣсно связанныхъ съ ними крестьянскихъ интересахъ:

„До какой степени вопросъ о безпошлинномъ транзитѣ Закавказскомъ затрогиваетъ интересы всѣхъ классовъ населенія, можетъ служить доказательствомъ слѣдующій фактъ:

„Крестьянское общество принадлежащаго мнѣ села Тейкова (Владимірской губ., Шуйскаго уѣзда), арендующее у меня базарную площадь этого села, настойчиво требовало отъ меня чрезъ своего уполномоченнаго чтобы въ новомъ условіи съ ними заключаемомъ было внесено что они арендуютъ эту площадь и продолжаютъ платить мнѣ прежнія за это деньги только если этотъ безпошлинный транзитъ будетъ отмѣненъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ всѣ фабрики которыми они живутъ должны будутъ сократить свое производство.

„Разумѣется, я имъ не могъ дать подобнаго обязательства, не зная какое рѣшеніе примутъ наши петербургскіе freetraders, и условіе такъ и осталось не подписаннымъ.

„И помѣщику не хорошо, да и мужику не легче.

„Впрочемъ, къ чести нашихъ крестьянъ долженъ присовокупить что они все-таки безо всякаго письменнаго обязательства внесли мнѣ деньги за первую половину года, вѣря мнѣ какъ ихъ дѣды вѣрили моимъ дѣдамъ (выраженіе ихъ уполномоченнаго), что если вопросъ о транзитѣ будетъ рѣшенъ не въ русскомъ смыслѣ, то я съ нихъ второй половины этой аренды требовать не буду.

„Такимъ образомъ, если защищаемое вами мнѣніе не возьметъ верхъ въ Петер-

бургѣ, я, не производящій никакихъ мануфактурныхъ товаровъ, еще менѣе ими торгующій, лишусь довольно значительной части моего дохода, а мои крестьяне лишатся быть-можетъ насущнаго хлѣба.

„Примите и пр. *Графъ Олсуфьевъ.*“

„27 декабря 1882.“

Въ самомъ дѣлѣ, какое дѣло владимірскому помѣщику до Закавказскаго транзита? И вотъ, однакоже, поземельный доходъ его оказывается въ зависимости отъ того какъ разрѣшится транзитный вопросъ.

Казалось бы, что общаго между крестьянами внутреннихъ губерній и далекимъ Закавказьемъ съ проведенною тамъ отъ Поти до Баку желѣзною дорогой? И однако, если между этими городами, самыя имена коихъ едва ли достигали до крестьянскихъ ушей, откроется транзитное движеніе иностранныхъ товаровъ, то у Тейковскихъ крестьянъ не будетъ средствъ для найма нужной имъ базарной площади. Возникаетъ вопросъ даже о насущномъ хлѣбѣ для этихъ крестьянъ, потому что фабрики, которыя даютъ имъ средства къ жизни, находятся въ опасности сократить свое производство.

Маленькій фактъ этотъ интересенъ тѣмъ что даетъ наглядно видѣть какъ въ народномъ хозяйствѣ все между собою связано. Разнообразные экономическіе интересы въ Россіи, какъ и вездѣ, находятся между собою въ зависимости, если не прямой то косвенной. Судьба постигающая одинъ изъ этихъ интересовъ отзывается на длинной цѣпи другихъ.

Не потому ли транзитный вопросъ, грозящій сокращеніемъ русскаго производства, и сталъ предметомъ такого общаго интереса?

Англія ведетъ войны изъ того чтобъ обезпечить отдаленные рынки для своего сбыта. А Россію обязываютъ облегчать доступъ иностраннымъ товарамъ и на сосѣдніе, и на свои рынки, въ явный подрывъ своимъ населеніямъ...

Усилія выставить транзитный вопросъ въ ложномъ свѣтѣ обнаружились съ самаго начала. Главнымъ органомъ этой лжи, какъ и всегда, была содержимая спеціально для интригъ газета *Голосъ.* Сперва раздувалось необычайно важное значеніе Закавказскаго транзита для Россіи, не въ государственномъ только, но и въ международномъ отношеніи: предполагалось плѣнить всѣхъ мыслію что разрѣшивъ и облегчивъ транзитъ, Россія сдѣлается „обладательницей міроваго пути“ (*Голосъ* 1882 года №№ 230 и 291). Затѣмъ, когда этотъ колоссальный пуфъ былъ уличенъ, когда выяснилось до очевидности что, вмѣсто выгодъ для Россіи, разрѣшеніе транзита поведетъ къ подрыву русской промышленности и торговли, мѣсто прежнихъ внушеній заступили иныя, прямо имъ противоположныя. Закулисные руководители *Голоса* стали настойчиво увѣрять что „сосредоточеніе общественнаго вниманія на вопросѣ о Закавказскомъ транзитѣ крайне прискорбно,“ что это „*вопросъ третьестепенный*,“ не имѣющій серіознаго значенія для русскихъ интересовъ (*Голосъ* 1882 г. №№ 321 и 348). Эта новая ложь должна была пасть въ виду длиннаго ряда ходатайствъ, которыя, одно за другимъ, стали поступать отъ торговыхъ и промышленныхъ людей Москвы, Нижняго-Новгорода, Иваново-Вознесенска, Шуи, Кинешмы, Оренбурга, Ташкента, Лодзи, отъ Владимірскаго губернскаго земскаго собранія. Наконецъ, сомнѣнія въ серіозности вопроса для русской промышленности утратили всякій смыслъ въ виду извѣстнаго заявленія съ которымъ обратились въ Московскій Биржевой Комитетъ *сто пятьдесятъ три* подписавшія его фирмы. Бо́льшая часть этихъ фирмъ извѣстны по всей Россіи, ихъ кредитъ, ихъ подписи вездѣ высоко цѣнятся; на биржахъ цѣна всѣхъ этихъ подписей въ совокупности опредѣляется не милліонами, а многими сотнями милліоновъ, если не милліардами.

Неразборчивые на средства, не отступающіе ни предъ какимъ подлогомъ, адвокаты транзита придумали новую, наглую до наивности, уловку. Объявляется (*Голосъ* 1882 года № 348) будто „московская агитація, съ участіемъ мѣстнаго и иногороднаго купечества, лишь прикрылась вопросомъ о транзитѣ, въ дѣйствительности же преслѣдуетъ совершенно иныя цѣли.“ Интересы русской промышленности и торговли тутъ де ни при чемъ: все дѣло тутъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, которыя „желаютъ дискредитировать мнѣніе большинства коммиссіи при министрѣ Финансовъ, разсматривавшей это дѣло.“ Это *Московскія Вѣдомости* „втянули въ агитацію купечество, и мобилизаціей Сундучнаго ряда замаскировываютъ дѣйствительныя цѣли этой агитаціи;“ цѣли же со-

стоятъ въ томъ чтобы „втянуть въ сферу своего вліянія финансовую политику государства, лишивъ ее всякой свободы дѣйствія.“ „Роль транзита, въ данномъ случаѣ,“ объявляютъ руководители *Голоса*, „болѣе декоративная, какъ и самого купечества, втянутаго въ агитацію газетою совершенно опьянѣвшею отъ того послушанія которое оказываютъ ея предначертаніямъ нѣкоторыя сферы...“

Возражать на такія выходки, разчитанныя на дураковъ, и совѣстно, и стыдно. Но онѣ интересны тѣмъ что раскрываютъ физіономію обмана который постоянно и неотступно морочитъ русскую публику.

Когда земскія собранія или городскія думы, состоящія большею частію изъ почтенныхъ, но не очень грамотныхъ людей, служатъ нерѣдко орудіемъ чьихъ-нибудь происковъ или фантазій, вотируютъ о педагогическихъ системахъ, о женскихъ курсахъ, подписываютъ ходатайства, не отдавая себѣ отчета въ ихъ направленіи и смыслѣ,—это называется общественнымъ мнѣніемъ. Когда въ *Голосѣ* или подобной газетѣ скажутъ „весь городъ говоритъ,“ „общественное мнѣніе встревожено,“ „вся Россія въ уныніи,“ съ этимъ правительство должно считаться какъ съ истиннымъ голосомъ Россіи. Но когда русскія сословія свидѣтельствуютъ въ своемъ собственномъ дѣлѣ которое имъ ближе чѣмъ кому-либо на свѣтѣ извѣстно, въ своей нуждѣ которую никто не можетъ болѣе ихъ чувствовать,—это Сундучный рядъ поднятый на ноги интриганомъ, который хочетъ столкнуть министра Финансовъ и занять его мѣсто, ибо такъ вѣроятно надо понимать слова *Голоса* что издатель *Московскихъ Вѣдомостей* хочетъ „втянуть въ сферу своего вліянія финансовую политику государства.“

Но если ты, мѣдный лобъ, полагаешь что русскіе люди не могутъ разобрать даже того тепло ли имъ или холодно, сыты они или голодны, и въ собственномъ, кровномъ для каждаго дѣлѣ легко становятся орудіемъ всякаго честолюбца, то въ какую же силу и для кого ты требуешь *конституціи?* Какихъ же кандидатовъ намѣренъ ты провести въ правительство чрезъ это, по твоему мнѣнію, стадо барановъ?

№ 5.

Москва, 4-го января.

Въ засѣданіи Германскаго рейхстага 11 января обсуждалось предложеніе соціалъ-демократа Либкнехта объ отмѣнѣ всѣхъ дѣйствующихъ въ Германіи такъ-называемыхъ „исключительныхъ законовъ,“ къ числу коихъ принадлежатъ: законъ о соціалистахъ, объ іезуитахъ, о противузаконномъ отправленіи духовныхъ требъ католическимъ духовенствомъ и о диктатурѣ въ Альзасъ-Лотарингіи. Во время преній было высказано кое-что представляющее и для насъ практическій интересъ. Въ 1878 году, послѣ покушенія Нобилинга, Германское правительство рѣшилось принять мѣры для обузданія революціонныхъ стремленій соціалъ-демократовъ. Мѣры эти нашли себѣ выраженіе въ законѣ о соціалистахъ, которымъ запрещается организація соціалъ-демократическихъ обществъ и товариществъ подъ какимъ бы то ни было именемъ и предлогомъ, предоставляется полиціи право конфисковать книги, журналы, газеты и листки въ которыхъ проводятся соціалистскія идеи и, наконецъ, устанавливаются правила такъ-называемаго малаго осаднаго положенія дѣйствующаго въ настоящее время въ Берлинѣ, Лейпцигѣ и Гамбургѣ съ ихъ окрестностями. Ко времени изданія закона соціалъ-демократическая партія въ Германіи располагала большими средствами денежными, цѣлою литературой, обширною сѣтью всевозможныхъ комитетовъ и обществъ. Бо́льшая часть рабочаго сословія была подъ ея вліяніемъ. На сходкахъ и митингахъ чуть не открыто проповѣдывалась революція. Законъ о соціалистахъ, значительно смягченный рейхстагомъ, быстро измѣнилъ положеніе партіи. Какъ только малое осадное положеніе было установлено въ Берлинѣ, онъ пересталъ быть главнымъ очагомъ революціонной заразы. Безо всякой судебной процедуры, безо всякихъ мѣръ стѣсняющихъ всѣхъ жителей безъ различія, берлинская полиція просто выслала изъ города всѣхъ коноводовъ партіи, конфисковавъ въ то же время суммы предназначенныя для содѣйствія пропагандѣ запрещенныхъ ученій. Литература соціалистовъ была уничтожена замѣчательно быстро: почти ежедневно во всѣхъ нѣмецкихъ газетахъ можно было видѣть длинные списки

запрещенныхъ и конфискованныхъ книгъ, брошюръ и листковъ, авторы и издатели которыхъ не лишались закономъ даже права приносить жалобы на неправильность конфискаціи, обставленной нѣкоторыми гарантіями. Но жалобъ этихъ они не приносили. Также скоро разстроились и всѣ комитеты и сообщества соціалистовъ „Пропагандисты,“ сказалъ однажды въ рейхстагѣ прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ, „были прогнаны съ улицы, ихъ публичнымъ безчинствамъ положенъ конецъ.“ Сдѣлать большаго, по крайней мѣрѣ на первое время, было нельзя. Соціалисты попытались снова свить разрушенное гнѣздо, но только въ другомъ мѣстѣ, выбравъ центромъ дѣятельности Гамбургъ. Пришлось и тамъ ввести малое осадное положеніе. „Главный штабъ соціалистовъ перебрался тогда въ Лейпцигъ, одинъ изъ главнѣйшихъ промышленныхъ центровъ Саксоніи и положительно первый книжный рынокъ Европы. Здѣсь, казалось имъ, они удобнѣе могутъ вести сношенія со своими заграничными соумышленниками, и сюда легче чѣмъ въ другой пунктъ пересылать листки и книги изданныя внѣ предѣловъ Германіи. Полтора года назадъ союзный совѣтъ, по требованію Саксонскаго правительства, ввелъ малое осадное положеніе и въ Лейпцигѣ. Съ этой минуты соціалисты потеряли въ Германіи почти всякую силу. Ихъ вожаки кочуютъ съ мѣста на мѣсто и едва могутъ поддерживать среди своихъ приверженцевъ нѣсколько кандидатуръ на мѣста въ парламентѣ. Борьба однако не кончена, и нѣмецкое правительство не успокоилось. Законъ о соціалистахъ остается въ прежней силѣ и исполняется со строгою послѣдовательностью. Полиція всюду строго слѣдитъ за дѣятельностью агитаторовъ и парализуетъ ее. Собирается сомнительный митингъ рабочихъ, какъ было на дняхъ въ Берлинѣ: полицейскій коммиссаръ внимательно прислушивается къ тому что̀ говорится. Малѣйшій намекъ, въ родѣ того что „я не могу де говорить свободно и откровенно ибо меня стѣсняетъ висящая надо мною ферула,“ и митингъ объявляется закрытымъ. Появляется сомнительная личность, около нея группируются нѣсколько лицъ, собираются деньги, и этой личности предлагаютъ оставить городъ. „Шагъ за шагомъ,“ жаловался одинъ соціалъ-демократъ въ рейхстагѣ въ прошломъ году, „шагъ за шагомъ слѣдитъ за нами полиція; каждаго изъ насъ провожаютъ почти до дверей палаты.“

Естественно что такой законъ и такое его исполненіе не нравится соціалъ-демократамъ, что они желаютъ во что̀ бы то ни стало избавиться отъ него. Вотъ почему ежегодно, какъ только правительство представляетъ палатѣ записку о примѣненіи этого закона за истекшій годъ и доказываетъ необходимость продолженія его дѣйствія, соціалистскіе депутаты вносятъ предложенія объ его отмѣнѣ. Разумѣется безуспѣшно, такъ какъ палата почти не удостоиваетъ вниманія серіозно выслушать ихъ доводы, изъ году въ годъ одни и тѣ же. Въ настоящемъ году, Либкнехтъ, одинъ изъ виднѣйшихъ вождей соціальной демократіи, прибѣгъ къ особому маневру. Онъ предложилъ отмѣнить не только законъ о соціалистахъ, но всѣ „исключительные законы,“ разчитывая что встрѣтитъ поддержку volens-nolens со стороны другихъ партій, особенно Поляковъ и клерикаловъ. Онъ грубо ошибся въ разчетахъ. Предложеніе его было безусловно отвергнуто, хотя и мотивированнымъ переходомъ къ очереднымъ дѣламъ. Тѣ на кого Либкнехтъ всего болѣе разчитывалъ подали голоса противъ его предложенія. Вожакъ партіи центра Виндтгорстъ прямо сказалъ что Либкнехтъ напрасно прибѣгаетъ къ своей уловкѣ, напрасно ищетъ связать свои интересы съ таковыми партіи центра. „Законъ о соціалистахъ можно отмѣнить тогда когда измѣнятся противъ кого онъ направленъ, когда они перестанутъ толковать о революціонныхъ цѣляхъ, когда перестанутъ перемигиваться съ русскими нигилистами...“ До тѣхъ поръ пока соціалъ-демократы не откажутся отъ нигилистовъ и французскихъ коммунниковъ они не добьются того о чемъ хлопочутъ. Либкнехтъ попытался было парализовать этотъ ударъ. „Я отвергаю общность между соціальною демократіей и нигилизмомъ, который есть специфически русское произведеніе. Отрицаю связь и съ французскими коммунниками.“ Но слова эти въ палатѣ почти никто не слушалъ. „Для надзора за нами развита такая система шпіонства, какъ нигдѣ, даже въ Россіи.“ Эти слова оратора напомнили палатѣ то что̀ говорилось и прежде, какъ доводъ противъ закона о соціалистахъ, но что̀ большинствомъ всегда признавалось какъ доказательство вѣрности принятыхъ пра-

вительствомъ мѣръ. Этихъ мѣръ было достаточно чтобы почти уничтожить сильную партію имѣющую голосъ въ парламентѣ.

Въ чемъ же заключаются эти мѣры?

Сущность не въ мѣрахъ, а въ томъ что въ Германіи есть правительство которое не становится игралищемъ интригъ, которое знаетъ что̀ хочетъ и дѣйствуетъ съ неуклонною послѣдовательностію.

Германскіе соціалъ-демократы дѣйствительно не имѣютъ ничего общаго съ нашими нигилистами; и г. Либкнехтъ не солгалъ предъ палатой, энергически утверждая это. Соціалъ-демократы въ Германіи, это есть дѣйствительно партія имѣющая основаніе въ народѣ. Соціалъ-демократическая партія знаменуетъ собою массы рабочаго люда на которыхъ опирается, или лучше сказать, съ которыми сливается, представляя собою какъ бы ея верхи, ея интеллигенцію. Вожаки партій стараются овладѣть рабочими классами, быть глашатаями и органами ихъ потребностей, которыя раздуваютъ и направляютъ далѣе въ смыслѣ своихъ ученій. Но соціалъ-демократы въ Германіи тѣмъ не менѣе имѣютъ реальное значеніе, и составляютъ дѣйствительно партію съ которою приходится считаться; между тѣмъ какъ нигилисты въ Россіи ни на что̀ не опираются и не имѣютъ никакой связи съ народомъ, не составляютъ партіи примыкающей къ какому-либо его сословію; они искусственно сфабрикованы изъ школьной молодежи въ цѣляхъ темной злоумышленной интриги враждебной Русскому государству. Зло главнымъ образомъ заключается не въ нигилизмѣ, а въ томъ что и все русское интеллигентное, или попросту сказать, умѣющее читать общество въ Россіи находится подъ постояннымъ, ежедневнымъ, невозбраннымъ дѣйствіемъ того же злоумышленнаго обмана который держитъ для своихъ цѣлей шайку нигилистовъ. Зло въ томъ что общество деморализовано, не видя ни въ законодательныхъ мѣрахъ, ни въ правительственныхъ дѣйствіяхъ руководящаго для себя начала. Общество воспитывается и направляется государствомъ. Если народъ не чувствуетъ твердыхъ указаній для себя и дергается то въ одну сторону то въ другую, въ немъ никнетъ духъ, и онъ легко потомъ становится жертвой всякаго обмана...

№ 6.

Москва, 6-го января.

Питейный вопросъ, обсуждавшійся въ концѣ 1881 и въ началѣ 1882 годовъ коммиссіей такъ-называемыхъ „свѣдущихъ людей,“ не мало потрудившихся надъ тѣмъ чтобы дать ему фальшивое направленіе пропагандой „облагороженія“ кабака и устроенія „общественныхъ питейныхъ заведеній,“ былъ переданъ затѣмъ на разсмотрѣніе уѣздныхъ и губернскихъ коммиссій. Всю минувшую осень продолжалось обсужденіе вопроса въ уѣздахъ, а теперь въ скоромъ времени ожидается окончаніе обсужденія его и по губерніямъ. Потомъ заключенія губернскихъ коммиссій поступятъ въ Петербургъ, гдѣ имъ будетъ сдѣланъ сводъ, который долженъ послужить матеріаломъ для предстоящей новой законодательной работы по питейному вопросу.

Съ передачей дѣла людямъ ближе стоящимъ къ населеніямъ испытывающимъ на себѣ всѣ гибельныя послѣдствія кабацкаго соблазна, обсужденіе питейнаго вопроса приняло совсѣмъ иное направленіе чѣмъ какое дано было ему въ Петербургѣ. Когда уѣздными коммиссіями спрашивались мнѣнія самихъ крестьянъ, ближе всѣхъ знакомыхъ съ кабакомъ и его прелестями, отъ нихъ всего чаще приходилось слышать желанія чтобы распивочная (кабацкая и трактирная) продажа спиртныхъ напитковъ по возможности вовсе не дозволялась, и чтобы сверхъ того и число мѣстъ продажи „на выносъ“ было ограничено какъ можно меньшимъ числомъ. Это же самое мнѣніе преобладало, повидимому, и въ уѣздныхъ коммиссіяхъ; къ такимъ же заключеніямъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, склонялись и многія губернскія коммиссіи. Замѣчено только, по мѣстамъ, что по мѣрѣ удаленія отъ народной среды, по мѣрѣ восхожденія по лѣстницѣ административныхъ учрежденій, отпоръ стремленіямъ разрѣшать, кромѣ продажи на выносъ, также и распивочную и предоставлять питейной торговлѣ нѣкоторыя льготы относительно числа мѣстъ питейной продажи становился слабѣе. Можно опасаться что съ новымъ шагомъ вверхъ по административной лѣстницѣ, эта податливость на компромиссы съ либеральными воззрѣніями на кабакъ возрастетъ, и что при окончательномъ разсмотрѣніи въ Пе-

тербургѣ губернскихъ проектовъ, питейный либерализмъ сдѣлаетъ вновь серіозные успѣхи. Невольно припоминается извѣстная, составленная въ 1881 году акцизнымъ вѣдомствомъ, офиціальная записка, столь рѣшительно высказывавшаяся въ пользу самой широкой свободы питейной торговли во всѣхъ ея видахъ, и распивочной и на выносъ.

Въ виду всего этого, получаетъ нѣкоторое значеніе сдѣланный въ Швейцаріи опытъ. Съ ходомъ питейнаго дѣла въ Швейцаріи знакомитъ напечатанная недавно въ газетѣ *Times* корреспонденція изъ Женевы. Вотъ что между прочимъ повѣствуетъ эта корреспонденція:

Въ 1874 году, въ швейцарскую конституцію включенъ былъ параграфъ 31-й, отнявшій у отдѣльныхъ кантоновъ всякую возможность регулировать и контролировать торговлю напитками. Упомянутый параграфъ постановляетъ что каждый гражданинъ Швейцаріи имѣетъ право производить безпрепятственно торговлю повсемѣстно въ Союзѣ; рѣшеніе же союзнаго трибунала истолковало этотъ параграфъ въ томъ смыслѣ что неограниченная свобода должна быть предоставлена и торговцамъ спиртными напитками всѣхъ наименованій. Такимъ образомъ, всѣ существовавшія дотолѣ ограниченія исчезли, и водка стала продаваться также свободно какъ хлѣбъ и съѣстные припасы. Между тѣмъ до 1874 года существовали многочисленныя затрудненія для открытія питейнаго дома. Прежде всего требовалось разрѣшеніе и согласіе мѣстнаго общественнаго управленія, которое, при выдачѣ патента, должно было соображаться съ мѣстною потребностью. Содержатели обязывались представлять достаточный залогъ въ обезпеченіе правильности торговли, и притомъ содержателями могли быть только люди безукоризненнаго поведенія. Помѣщенія питейныхъ заведеній должны были удовлетворять гигіеническимъ условіямъ, не могли быть содержимы женщинами, ихъ нельзя было открывать въ извѣстномъ разстояніи отъ церквей, школъ, сиротскихъ пріютовъ, домовъ для бѣдныхъ и тому подобныхъ учрежденій. Разрѣшенія для открытія давались на срокъ, и содержателямъ вмѣнялось въ обязанность, подъ страхомъ наказанія, не отпускать водки малолѣтнимъ, не дозволять послѣднимъ посѣщать ихъ заведенія, которыя къ тому же должны были закрываться въ продолженіе большей части воскреснаго дня и въ извѣстные часы вечеромъ.

Результаты отмѣны этихъ ограниченій выразились въ слѣдующемъ. До 1870 года во всемъ Швейцарскомъ Союзѣ числилось 17.807 мѣстъ открытой продажи питей; въ 1880 году ихъ было уже 21.738; другими словами, за періодъ времени когда приростъ населенія равнялся 6%, число кабаковъ увеличилось на 22%. Въ Женевѣ одинъ кабакъ приходится на 70 жителей, а во всемъ Союзѣ пропорція эта равна 1:130. Если же вычесть изъ общаго числа населенія женщинъ, дѣтей и больныхъ, то окажется по одному питейному заведенію на 30 человѣкъ. Въ кантонѣ Тургау одно заведеніе приходится на 20, 18 человѣкъ и еще менѣе. Въ иныхъ городахъ, напримѣръ Женевѣ, спиртные напитки имѣются во всякаго рода магазинахъ. Въ особой брошюрѣ о питейномъ вопросѣ въ Швейцаріи *(Das Wirthshaus)*, изданной г. Зигфридомъ, приводятся поразительныя цифры и выводы. Въ 1880 году, изъ 86 преступленій, грабежей, насилій и покушеній на убійство, случившихся въ небольшомъ Базельскомъ кантонѣ, 53 были совершены или въ тавернахъ, или лицами напившимися въ нихъ допьяна; изъ 32 насильственныхъ дѣйствій надъ чинами полиціи, въ 17 случаяхъ виновными были пьяные. Вообще, отъ 40 до 60 процентовъ преступниковъ оказались виновными только вслѣдствіе того что доведены были до преступленія нетрезвымъ состояніемъ. Чтобы полнѣе оцѣнить бѣдствія причиняемыя пьянствомъ, надобно еще принять во вниманіе время которое теряютъ посѣтители кабаковъ на тунеядство и бездѣльничанье. Въ этомъ отношеніи изслѣдованіе г. Зигфрида указываетъ на страшную бездну, предъ которою нельзя не содрогнуться. Авторъ заглядывалъ въ разчетныя книжки рабочихъ и сравнивалъ итоги заработковъ съ итогами значущимися въ долговыхъ реестрахъ которые ведутся въ питейныхъ заведеніяхъ, гдѣ эти рабочіе пользуются кредитомъ „до разчета:“ оказалось что между рабочими есть такіе которые зарабатываютъ 23 франка въ недѣлю, а пропиваютъ 20, и даже такіе которые оставляютъ въ кабакѣ свой заработокъ за всю недѣлю да еще остаются въ долгу на счетъ будущихъ благъ.

Все это, какъ свидѣтельствуетъ женевскій корреспондентъ *Times*, стало съ особенною силой обозначаться именно со времени „либеральнаго“ закона 1874 года. Это не могло не обратить на себя вниманія, и политическіе дѣятели Швейцаріи въ настоящее время крайне встревожены возростающимъ усиленіемъ пьянства среди швейцарскаго населенія. Несостоятельности, банкротства, преступленія противъ имущества возрастаютъ; замѣчается даже пониженіе стоимости земельныхъ участковъ, которые часто поступаютъ въ публичную продажу на удовлетвореніе взысканій по закладнымъ, не находя ни покупателей, ни нанимателей. Все это признается, если не прямымъ, то косвеннымъ послѣдствіемъ поголовнаго пьянства населенія, не исключая и женскаго. Есть мѣстности гдѣ употребленіе водки дошло до восьми литръ въ мѣсяцъ на душу; а въ одной деревнѣ, гдѣ насчитывается всего 600 душъ, одинъ трактирщикъ въ теченіе мѣсяца продалъ 4.200 литръ только водки, не считая другихъ напитковъ. Пьянство угрожаетъ повсемѣстно страшными бѣдствіями.

Не представляетъ ли это для насъ поучительнаго примѣра?

Между тѣмъ у насъ донынѣ акцизные чиновники не справляются съ нравственностію лицъ при выдачѣ патентовъ; разрѣшенія же требующіяся отъ сельскихъ сходовъ для открытія кабаковъ легко получаются за нѣсколько ведеръ водки. Не удивительно что у насъ бѣднѣйшая деревушка имѣетъ свой кабакъ, а гдѣ народъ зажиточнѣе, гдѣ его больше, кабакъ встрѣчается чуть не въ каждой десятой избѣ. Въ Швейцаріи ошибочный законъ умножилъ число питейныхъ заведеній, но корень зла выслѣженъ; на кабакъ тамъ ополчаются, его вредъ изобличается энергически и будетъ ослабленъ, чрезъ извѣстный періодъ времени, общими усиліями какъ правительства, такъ и общества. Въ Германіи проектируется новый общинный налогъ на питейныя заведенія съ цѣлію, между прочимъ, затруднить открытіе кабаковъ и уменьшить тѣмъ соблазнъ вовлекающій населеніе въ пьянство. У насъ же, сколько ни ропщутъ сельчане на матеріальный и нравственный вредъ причиняемый кабакомъ, сколько ни составляется ими приговоровъ о необходимости закрывать кабаки, стремленія предоставить питейной торговлѣ и ея соблазнамъ возможно большую свободу до сихъ поръ разчитываютъ восторжествовать надъ мольбами народа избавить его отъ этой язвы.

№ 8.

Москва, 7-го января.

А.

Телеграфъ изо всѣхъ столицъ Европы сообщилъ о врученіи циркулярной ноты Британскаго кабинета касательно Египетскаго вопроса, въ которой изложены „безкорыстныя“ намѣренія Англіи. Какъ далеко простирается это безкорыстіе видно изъ того что Франція сочла нужнымъ предъявить свой безсильный протестъ противъ прекращенія совмѣстнаго контроля надъ финансами Египта, на что Англія въ свою очередь спокойно отвѣтила что она считаетъ излишнимъ продолжать дальнѣйшіе сепаратные съ Франціей переговоры по этому предмету. Ей представляется найти какой ей угодно выходъ изъ положенія котораго она сама была главною виновницей, ибо Египетскій вопросъ затѣянъ никѣмъ инымъ какъ самою Франціей, во время прошлогодняго министерства Гамбетты. Получивъ первый толчекъ отъ его руки, событія развились такъ что Франціи пришлось или рѣшиться на энергическое дѣйствіе, или же присутствовать при захватѣ добычи ея соперникомъ. Республиканскій режимъ выдержалъ при этомъ *свою* пробу; благодаря ему, Французское правительство очутилось связаннымъ по рукамъ въ эту рѣшительную минуту, когда еще была возможность ограничить свободу дѣйствій соперника, а нынѣ, когда Англія уже стала твердою ногой на берегахъ Нила и пріобрѣла дешевою цѣной успѣхъ, за который при иныхъ условіяхъ ей пришлось бы поставить на карту всѣ свои силы, республиканскій режимъ оказывается неспособнымъ оградить достоинство Франціи благоразумнымъ воздержаніемъ отъ безплодныхъ протестовъ и неопредѣленныхъ угрозъ.

Ровно годъ тому назадъ, Гамбетта, бывшій въ то время главой французскаго министерства и министромъ иностранныхъ дѣлъ, и не подозрѣвавшій повидимому что ему грозитъ рѣшительный ударъ въ па-

латѣ представителей по вопросу объ избирательной реформѣ, посредствомъ которой онъ думалъ придать бо́льшую крѣпость и интенсивность государственной власти,—Гамбетта предложилъ Англіи послать Египетскому правительству ту угрожающую тождественную ноту которая послужила исходнымъ пунктомъ всего что̀ совершилось затѣмъ на берегахъ Нила. Въ чемъ именно заключался его планъ, объ этомъ теперь весьма трудно судить. Преемникъ его, г. Фрейсине, во всякомъ случаѣ, дѣйствовалъ не имѣя никакого плана. Въ маѣ мѣсяцѣ, соединенныя эскадры Англіи и Франціи появились предъ Александріей какъ бы во исполненіе угрозы высказанной въ январьской тождественной нотѣ, въ которой было сказано что всякая попытка нарушенія внутренняго порядка въ Египтѣ встрѣтитъ отпоръ со стороны соединенныхъ силъ Англіи и Франціи. Случай къ такому „соединенному отпору" не замедлилъ представиться: въ началѣ іюня произошла уличная рѣзня въ Александріи, устроенная подъ рукой Араби-пашой, который въ свою очередь подчинялся внушеніямъ изъ Константинополя. Мусульманскіе автономисты въ Константинополѣ и Каирѣ основывали свои разчеты на соперничествѣ между Франціей и Англіей, увѣренные что дѣло не дойдетъ до активнаго вмѣшательства соединенной эскадры. Разчетъ ихъ оказался вѣрнымъ. Англо-французская эскадра осталась нѣмою зрительницей тѣхъ ужасовъ которые на ея глазахъ совершались въ Александріи. Не менѣе вѣрными оказались разчеты мусульманскихъ фанатиковъ основанные на томъ что и европейская дипломатія въ совокупности, затѣявшая конференцію въ Константинополѣ для улаженія Египетскаго вопроса, будетъ не помѣхой, а скорѣе прикрытіемъ тому движенію въ Египтѣ которое поставило себѣ задачей избавленіе страны Фараоновъ отъ политическаго ига и экономической эксплуатаціи Европы.

Одного лишь не предвидѣли ни турецкая дипломатія съ Араби-пашой, дѣйствовавшимъ по ея внушеніямъ, ни Французское правительство, а именно того что Англія есть страна крѣпкаго государственнаго строя и преемственной традиціи въ политикѣ, предъ которою исчезаетъ всякая борьба партій и всякая рознь во взглядахъ лицъ застигнутыхъ въ рѣшительную минуту во главѣ управленія. Нѣкоторое время, послѣ уличныхъ безпорядковъ въ Александріи, кабинетъ Гладстона еще пытался побудить Францію къ совмѣстному дѣйствію. Но убѣдившись окончательно что имѣетъ дѣло съ конкуррентомъ неспособнымъ ни къ содѣйствію, ни къ противодѣйствію, англійское министерство сумѣло сразу перемѣнить фронтъ не только по отношенію къ своимъ внѣшнимъ противникамъ и политическимъ соискателямъ, но и отречься фактически отъ тѣхъ „принциповъ" коими незадолго предъ тѣмъ партія виговъ, съ г. Гладстономъ во главѣ, столь „безпощадно" критиковала внѣшнюю политику торіевъ. Представился случай пріобрѣсти одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ владычества надъ морями и обезпеченія „свободныхъ путей для англійскаго мореплаванія," и кабинетъ г. Гладстона, вытѣснивъ изъ своей среды г. Брайта, единственнаго человѣка который серіозно и въ принципѣ отвергаетъ политику захватовъ, смѣло вступилъ на путь Пальмерстона и Беконсфильда.

Въ началѣ іюля начальникъ англійской эскадры, стоявшей предъ Александріей, превратилъ этотъ городъ въ груду развалинъ, и не прошло двухъ мѣсяцевъ какъ весь Египетъ, со всѣми его крѣпостями и столицей, находился въ рукахъ „побѣдоносной" британской арміи, не превышавшей 20.000 человѣкъ. Весь походъ обошелся Англіи въ 4.000.000 фунтовъ стерлингъ на деньги и потерей нѣсколькихъ сотъ человѣкъ убитыми и ранеными.

А въ то время какъ Англія завоевывала при столь неожиданно благопріятныхъ обстоятельствахъ Египетъ, кабинетъ г. Фрейсине, спохватившись слишкомъ поздно и убѣдившись что Англійское правительство умѣетъ энергически дѣйствовать когда того требуютъ обстоятельства, не стѣсняясь „убѣжденіями" парламентскихъ партій, обратился ко французской палатѣ, требуя у нея разрѣшенія на отправку въ Египетъ французскаго экспедиціоннаго корпуса. Французская палата поспѣшила показать чего можно ожидать отъ республиканской Франціи въ критическую минуту когда обстоятельства требуютъ энергическаго дѣйствія, отказала въ требуемомъ разрѣшеніи и кстати провалила кабинетъ Фрейсине.

Преемникъ павшаго министра, г. Дюклеръ, возымѣлъ намѣреніе показать что Франція еще что-нибудь значитъ и что ея противодѣйствіе можетъ быть чувствитель-

по англійскому владычеству надъ морями. Съ этою цѣлью затѣяны были экспедиціи: въ Мадагаскаръ, въ Тонкинъ и еще сверхъ того въ Центральную Африку. Англійская печать со своей стороны постаралась поддержать эту жалкую фанфаронаду, принимая видъ будто она придаетъ этой затѣѣ серіозное значеніе...

Неудивительно что англійская политика мало смущается всѣми этими по истинѣ дѣтскими по своей наивности угрозами со стороны Франціи и что она сама придумала способъ успокоенія, долженствующій, по мнѣнію *Times*, примирить французское самолюбіе по поводу неизбѣжнаго нынѣ устраненія Франціи отъ принадлежавшихъ ей правъ въ Египтѣ. Предполагается де изъявить согласіе на отмѣну капитуляцій въ Тунисѣ и предоставить Франціи полную свободу ввести въ этой странѣ такой судебный порядокъ какой Франціи заблагоразсудится: это для Франціи fiche de consolation. Если она не будетъ довольна, тѣмъ хуже для нея.

Сверхъ того, Англія обѣщаетъ въ своей циркулярной нотѣ что Суэзскій каналъ останется на вѣки свободнымъ и что корабли, торговые и военные, будутъ свободно проходить по немъ даже въ случаѣ войны. Но можетъ ли это обѣщаніе имѣть какое-либо серіозное значеніе въ случаѣ войны съ самою Англіей, если египетскія крѣпости будутъ находиться, подъ тѣмъ или другимъ титуломъ, въ ея фактическомъ владѣніи?

Б.

„Скучно, писать нечего, дѣлать нечего, печать и общество въ уныніи, въ отчаяніи, всюду царитъ безмолвіе, бездѣйствіе, мертвящая тоска!“ Такова модная тема на которую теперь пишутся всѣ почти передовыя статьи, разсужденія, фельетоны и фельетончики нашей такъ-называемой „либеральной прессы.“ Всѣ сообщаемыя ею извѣстія прилаживаются искусственно подъ этотъ минорный тонъ, и все что бы и гдѣ бы въ Россіи ни случилось непремѣнно приписывается всей той же причинѣ, „безвыходной тоскѣ.“ Кассиръ украдетъ деньги—отъ гражданской тоски; земскія и городскія собранія не исполняютъ своихъ обязанностей—отъ гражданской тоски, публика мало посѣщаетъ театры—отъ тоски, театры биткомъ набиты публикой—опять-таки отъ тоски, которую нужно де хоть чѣмъ-нибудь разсѣять и т. д. до безконечности. А тоскуетъ общество, по словамъ „прессы,“ по тому же самому „правовому порядку,“ о которомъ твердитъ эта „пресса“ и избравшая ее своимъ органомъ интрига. „Правовой порядокъ,“ конечно, не мыслимъ безъ „свободы печати,“ которая де мигомъ разгонитъ тоску русскаго народа. А теперь несчастная печать принуждена наполнять свои столбцы скучнымъ вздоромъ, котораго и читать не хочется, такъ какъ ничего де *дѣльнаго* нельзя говорить, да и ничего *дѣльнаго* при правительственномъ надзорѣ и происходить не можетъ.

Что̀ бы вы сказали еслибъ уличные мошенники и разбойники стали жаловаться на гражданскую тоску подъ тѣмъ предлогомъ что есть законы запрещающіе имъ обманывать и грабить публику на большихъ дорогахъ?

По всѣ іереміады органовъ „прессы“ о томъ будто имъ ничего нельзя говорить окажутся до очевидности лживыми когда посмотришь съ какою наглостью они ежедневно систематически стараются распространить въ обществѣ враждебный государству обманъ, какъ безсовѣстно извращаютъ даже общеизвѣстные факты. Возьмите, напримѣръ, нумеръ *Голоса* отъ 30 декабря (№ 354) и посмотрите что̀ тамъ говорится въ передовой статьѣ! Въ ней проводится мысль что Пруссія поучила Россію притѣснять Поляковъ, сама же „участливо“ удовлетворяетъ всѣ ихъ желанія и осыпаетъ ихъ благодѣяніями.

„Такъ дѣйствовали Прусаки съ 1864 года въ эльбскихъ герцогствахъ... Такъ поступаютъ они съ Эльзасомъ и Лотарингіей... Такъ, напримѣръ, у себя въ Познани, прусскіе государственные люди никогда не примѣняли, по отношенію къ Полякамъ, такихъ исключительныхъ мѣръ какія рекомендовали Русскому правительству.“

Кто не знаетъ какъ Пруссія дѣйствовала въ Шлезвигѣ, Гольштиніи, Альзасъ-Лотарингіи и Познани? Кто не знаетъ что прусскіе Поляки съ нескрываемою завистью смотрятъ на русскихъ Поляковъ, а что русскіе Поляки какъ огня боятся Пруссіи! И тотъ же *Голосъ* который печатаетъ это нахальное вранье хнычетъ о томъ что у насъ цензура строга!

№ 9.

Москва, 8-го января.

Печатая замѣтку г. Тимоѳеева „Къ вопросу о Закавказскомъ транзитѣ,“ мы увѣрены что дѣлаемыя имъ для разъясненія этого вопроса указанія стали въ настоящую минуту уже излишними, что Министерство Финансовъ само навело всѣ тѣ справки о необходимости коихъ говоритъ г. Тимоѳеевъ. По всему вѣроятію, Департаментъ Мануфактуръ и Торговли собралъ нужныя для разъясненія вопроса цифры и отъ разныхъ фирмъ, о сбытѣ ихъ произведеній, и отъ транспортныхъ конторъ, пароходныхъ обществъ и желѣзныхъ дорогъ, о количествѣ отправленнаго товара за послѣднія десять лѣтъ, и отъ почтоваго вѣдомства, и отъ страховыхъ обществъ. Всѣ результаты этого статистическаго изслѣдованія мы разчитываемъ найти въ тѣхъ двухъ объемистыхъ томахъ матеріаловъ которые, по извѣстію *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, уже оканчиваются, если не окончены, печатаніемъ, и въ которыхъ сгруппировано множество фактическихъ данныхъ по вопросу о Закавказскомъ транзитѣ. Эти матеріалы, какъ сообщаетъ та же газета, должны послужить основаніемъ для предстоящаго разсмотрѣнія дѣла въ „особомъ совѣщаніи для обсужденія вопроса о Закавказскомъ транзитѣ.“

Очень важно чтобъ упомянутые матеріалы были незамедлительно разосланы по всѣмъ биржевымъ комитетамъ и торгово-мануфактурнымъ совѣтамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пущены въ продажу въ возможно большемъ числѣ экземпляровъ. Это нужно прежде всего для того чтобы всякія неточности и неполноты, которыхъ трудно избѣжать даже и въ офиціальномъ изданіи могли быть своевременно замѣчены и исправлены, дабы такимъ образомъ Высочайше учрежденное совѣщаніе не было введено ими въ заблужденіе, и дабы редакціонныя ошибки и недосмотры въ изданіи матеріаловъ не внесли за собою неправильности въ самое рѣшеніе транзитнаго вопроса.

Это не менѣе нужно еще въ другихъ видахъ. Въ своемъ ходѣ, сопровождавшемся многими странностями, обсужденіе транзитнаго вопроса вызвало сильную тревогу почти во всемъ русскомъ торгово-промышленномъ мірѣ, распространившуюся далеко за предѣлы круга собственно фабрикантовъ и торговцевъ. Рядъ фактовъ возбудилъ во многихъ умахъ мысль что нѣкоторые правительственные органы относятся къ дѣлу не безпристрастно, не какъ судьи между сторонниками и противниками иностраннаго транзита, а какъ адвокаты одной только стороны. Это было усмотрѣно, между прочимъ, въ выборѣ лицъ приглашенныхъ къ участію въ совѣщаніи „свѣдущихъ людей“ при Министерствѣ, куда были призваны въ обильномъ числѣ лица о которыхъ заранѣе можно было сказать что они будутъ отстаивать транзитъ во что бы то ни стало, куда былъ приглашенъ даже тифлисскій фельетонистъ г. Николадзе, и куда попали только двое или трое людей отъ которыхъ можно было ожидать что они замолвятъ слово за интересы русской промышленности. Да и эти немногіе въ коммиссіи защитники русскихъ промышленныхъ и торговыхъ интересовъ, какъ напоминаетъ г. Тимоѳеевъ, оказались поставленными въ неравныя условія съ ихъ многочисленными противниками: сторонники транзита хорошо знали напередъ о какихъ пунктахъ вопроса будетъ идти рѣчь, и потому явились на совѣщаніе во всеоружіи подготовленныхъ доводовъ и цифръ; защитникамъ русской промышленности отъ иностраннаго транзита, приглашеннымъ на совѣщаніе, вопросные пункты подлежавшіе обсужденію сообщены не были, такъ что, пишетъ г. Тимоѳеевъ, „если московскіе эксперты и познакомились съ предметомъ засѣданія, то лишь благодаря любезности директора Департамента Таможенныхъ Сборовъ.“ Между тѣмъ отъ нихъ требовали цифръ, цифръ и цифръ, которыхъ они не имѣли времени собрать, а потому не могли и представить, встрѣчая при собираніи ихъ, даже въ послѣдствіи, во многихъ случаяхъ неодолимыя затрудненія. А въ то же время защитникъ транзита, *Голосъ*, хвалился „обязательнымъ сообщеніемъ“ ему важныхъ цифръ изъ Департамента, — цифръ положенныхъ въ основаніе той сдѣланной подъ офиціальнымъ флагомъ продѣлки *) которая изобличена въ № 362 *Московскихъ Вѣдомостей* за прошлый годъ. Въ виду всего этого, нельзя не желать чтобы каждый могъ прочесть собранные нынѣ офиціально матеріалы и самолично убѣдиться что они не имѣютъ ничего общаго съ тою подта-

*) *Голосъ* 1882 года, №№ 321 и 348.

совкой цифръ и фактовъ, съ тѣми извращеніями правды, помощію коихъ *Голосъ* и другіе адвокаты иностраннаго транзита сѣяли смуту въ умахъ и держали въ возбужденномъ состояніи и тревогѣ массу интересовъ. Не хорошо оставлять въ силѣ недоразумѣніе,—еслиэто недоразумѣніе,— которое ставитъ газету *Голосъ* съ ея гнусными продѣлками въ солидарность съ тѣми или другими изъ вліятельныхъ лицъ. Къ устраненію такого недоразумѣнія могло бы послужить опубликованіе офиціальныхъ матеріаловъ въ которыхъ фактическія данныя, какъ *въ пользу* такъ и *противъ* закрытія транзита приведены съ одинаковыми безпристрастіемъ и полнотой.

Опубликованіе офиціальныхъ матеріаловъ покажетъ, между прочимъ, какое значеніе въ обсуждаемомъ дѣлѣ можетъ имѣть, напримѣръ, приведенный въ № 321 *Голоса* за прошлый годъ аптекарскій счетъ выгодъ ожидаемыхъ отъ разрѣшенія Закавказскаго транзита, счетъ, на который защитники его не перестаютъ ссылаться. Вотъ суммы которыя по этому счету должны ежегодно оставаться въ Россіи отъ провоза чрезъ Закавказье 670.000 пудовъ иностранныхъ транзитныхъ товаровъ стоимостью въ 6.000.000 рублей:

За провозъ 670.000 пудовъ отъ Поти до Тифлиса	201.000 руб.
За провозъ 335.000 пудовъ отъ Тифлиса до Джульфъ	335.000 „
За провозъ 335.000 пудовъ отъ Тифлиса до Баку	201.000 „
Фрахтъ за 335.000 пудовъ на Каспійскомъ морѣ, считая по 20 коп. съ пуда	67.000 „
Накладные расходы за погрузку, храненіе и пр. транзитныхъ товаровъ, стоимостью въ 6.000.000 р., въ размѣрѣ 3%	180.000 „
10% прибылей лицъ ведущихъ торговлю	600.000 „
Всего	1.584.000 „

Итакъ 1.584.000 рублей, вотъ цѣна ежегодныхъ порцій той чечевичной похлебки за которую должны быть проданы интересы русской промышленности и торговли и многочисленнаго рабочаго люда.

Въ ожиданіи выхода въ свѣтъ офиціальныхъ „матеріаловъ,“ мы повременимъ провѣрять цѣну этой похлебки и разъяснять въ какой мѣрѣ она фальшива, не будемъ даже указывать что изъ 335.000 рублей провозной платы отъ Тифлиса до Джульфъ львиная доля достается не русскимъ, а персидскимъ подданнымъ занимающимся караванною перевозкой по этому тракту. Примемъ пока всѣ приведенныя сейчасъ цифры *Голоса* на вѣру. Что же изъ этихъ цифръ слѣдуетъ?

Акціонеры Закавказской желѣзной дороги не желаютъ лишить ее провозной платы въ 402.000 рублей ожидаемыхъ отъ транзитныхъ грузовъ. Но такой ли это интересъ чтобъ ему могло быть придано серіозное значеніе при рѣшеніи такого вопроса какъ нынѣ обсуждаемый? Не говоримъ о томъ что, какъ извѣстно, бо́льшая часть акціонеровъ Закавказской желѣзной дороги не Русскіе, а иностранцы; этимъ акціонерамъ въ сущности все равно есть грузы или нѣтъ грузовъ у ихъ дороги: доходъ акціонеровъ не зависитъ отъ эксплуатаціонныхъ дорожныхъ сборовъ, онъ гарантированъ казной, приплаты коей по этой гарантіи, по свѣдѣніямъ компетентнаго въ этомъ дѣлѣ автора статьи „Вопросъ объ орошеніи въ Закавказьѣ“ (*Моск. Вѣд.*, № 1), доходитъ до 1.250.000 рублей въ годъ. Стало-быть, могутъ имѣть нѣкоторое значеніе развѣ заботы объ уменьшеніи этихъ казенныхъ приплатъ. Но на много ли могутъ онѣ сократиться, на много ли можетъ увеличиться *чистый доходъ* дороги отъ того что въ *валовой* ея *доходъ* поступали бы не только 402.000, но хотя бы суммы въ полтора и въ два раза бо́льшія? 150 или 300 тысячъ лишь капля въ морѣ, ежегодныхъ государственныхъ желѣзнодорожныхъ расходовъ: въ одномъ 1881 году, какъ видно изъ *Отчета Государственнаго Контроля*, наши желѣзныя дороги высосали изъ казны почти семьдесятъ милліоновъ рублей. Казна терпѣливо несетъ тяжесть подобныхъ расходовъ, находя имъ оправданіе въ той пользѣ которую желѣзныя дороги должны приносить русскому народному хозяйству, его интересы ставятся выше фискальныхъ соображеній. Можетъ ли же казна, параллельно съ этимъ, пренебречь существенными и крупными народно-хозяйственными интересами требующими закрытія транзита, пренебречь ради экономіи какихъ-нибудь 150—300 тысячъ рублей? Да и этихъ 150—300 тысячъ казна съ закрытіемъ транзита не потеряетъ: лишившись транзитныхъ грузовъ, дорога въ замѣнъ ихъ будетъ возить грузы русскіе для тѣхъ самыхъ потребителей которымъ сбывались иностранные товары.

Тифлисскимъ транзито-торговцамъ, конечно, очень лестно получать въ свою пользу десять процентовъ со всей стоимости проходящихъ чрезъ Закавказье транзитныхъ товаровъ. Можно было бы радоваться тому что нѣсколько закавказскихъ фирмъ имѣютъ въ рукахъ дѣло дающее имъ шестьсотъ тысячъ, пожалуй милліонъ и болѣе дохода, можно было бы даже похлопотать о томъ чтобы доставить имъ такое выгодное для нихъ дѣло, но лишь при томъ непремѣнномъ условіи чтобъ этотъ доходъ не былъ въ ущербъ Россіи и ея населенію. А какой смыслъ имѣютъ заботы о доставленіи крупныхъ барышей нѣсколькимъ закавказскимъ фирмамъ (ихъ не трудно было бы перечесть) цѣной подрыва вообще нашей промышленности и торговли, цѣной уменьшенія заработковъ нуждающагося въ трудѣ люда?

№ 11.

Москва, 10-го января.

Теперь еще трудно предвидѣть какія послѣдствія для политики Франціи будетъ имѣть неожиданная смерть Гамбетты. Несомнѣнно лишь то что въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ коренное переустройство республиканскихъ партій во французскомъ парламентѣ.

Побѣда на выборахъ 21 августа 1881 года, создавшихъ нынѣшнюю палату депутатовъ, осталась, какъ извѣстно, за партіей Республиканскаго Союза, во главѣ которой стоялъ Гамбетта. Депутаты, примкнувшіе къ этой партіи, представляли собою союзъ людей отличавшихся самыми противоположными убѣжденіями и стремленіями, но соединившихся въ тѣсную фалангу вокругъ выдающейся личности бывшаго диктатора. Тутъ были радикалы, все еще надѣявшіеся на то что Гамбетта, ставъ во главѣ правленія, осуществитъ обѣщанныя имъ въ 1869 году соціальныя реформы; такъ-называемые умѣренные республиканцы и представители мѣщанства (буржуазіи), видѣвшіе въ энергіи Гамбетты единственный оплотъ для республики противъ натиска претендентовъ на престолъ и соціалистовъ; горячіе патріоты, мечтавшіе о пресловутой *отместкѣ* Германіи, о которой такъ часто толковалъ Гамбетта; алчные, эгоистическіе честолюбцы примкнувшіе къ Гамбеттѣ какъ къ человѣку сильному, чрезъ котораго всего удобнѣе можно было устроить свои личныя дѣла и прибрать къ рукамъ дѣла государственныя; люди безхарактерные и безличные, слѣпо вѣровавшіе въ высокія „геніальныя“ политическія способности бывшаго диктатора; наконецъ даже искренніе монархисты какъ изъ лагеря бонапартистовъ, такъ и изъ лагеря легитимистовъ, отчаявшіеся въ возможности реставраціи Наполеонидовъ и Орлеановъ и надѣявшіеся со временемъ увидать фактическаго монарха въ лицѣ Леона Гамбетты. Всѣ эти люди еще при жизни самого Гамбетты относились другъ къ другу чрезвычайно враждебно, и лишь обаяніе вождя Республиканскаго Союза водворяло среди его членовъ необходимую дисциплину. Какъ самого Гамбетту такъ и приверженцевъ его противники называли презрительно *оппортунистами*, то-есть людьми дѣйствовавшими не по какимъ-нибудь доктринамъ, а сообразно съ обстоятельствами и удобствами минуты. Самъ Гамбетта не разъ открыто заявлялъ что онъ вовсе не гнушается кличкой оппортуниста, такъ какъ политика направленная къ истинному благу государства не можетъ руководствоваться отвлеченными доктринами, а напротивъ должна постоянно сообразоваться съ практическою стороной вѣчно мѣняющихся обстоятельствъ. И дѣйствительно Гамбетта былъ оппортунистомъ въ хорошемъ значеніи этого слова. Онъ ясно видѣлъ что управленіе государствомъ не мыслимо безъ твердой власти и, сколько могъ, всячески старался и словомъ и дѣломъ установить сильную власть. За то большинство его послѣдователей были оппортунистами въ худшемъ значеніи, то-есть людьми не имѣвшими никакихъ ясныхъ государственныхъ идеаловъ, а шедшими за Гамбеттой потому только что это для нихъ лично было и выгоднѣе и удобнѣе.

Теперь, со смертью главы Республиканскаго Союза, члены этой партіи, самой многочисленной сравнительно съ другими партіями парламента (210 депутатовъ), должны будутъ поневолѣ или примкнуть къ другимъ партіямъ, или образовать новую фракцію съ новою политическою программой.

Другія республиканскія партіи сами по себѣ слабы и не могутъ составить правительственнаго большинства. *Лѣвая ради-*

кальная партія, во главѣ которой стоитъ президентъ палаты Бриссонъ, считающійся нынѣ, послѣ смерти Гамбетты и генерала Шанзи, вѣроятнымъ преемникомъ Греви, состоитъ только изъ 40 депутатовъ. *Демократическій Союзъ*, повинующійся депутату Локруа, насчитываетъ также не болѣе 40 депутатовъ. *Лѣвый Центръ* группирующійся вокругъ Жюля Ферри еще малочисленнѣе, такъ какъ къ нему принадлежатъ лишь 25 депутатовъ. Наконецъ *Лѣвая несговорчивая* партія, съ г. Клемансо во главѣ, насчитываетъ, правда, 60 депутатовъ, но сама раздроблена на мелкія враждующія между собой фракціи *соціалистовъ*, *коммунистовъ*, *анархистовъ*, *коллективистовъ*, *поссибилистовъ* и чистыхъ *интрансигентовъ*. Въ какую изъ этихъ четырехъ республиканскихъ партій перейдетъ наибольшее число оппортунистовъ? Вотъ вопросъ отъ рѣшенія котораго зависитъ ближайшее будущее французской политики. Французскія газеты предсказываютъ что изъ Республиканскаго Союза выйдетъ столько депутатовъ что онъ потеряетъ свое преобладающее положеніе въ палатѣ, но что эти депутаты распредѣлятся довольно равномѣрно между остальными партіями, такъ что задача составить правительственное большинство окажется еще менѣе осуществимою нежели до сихъ поръ.

Итакъ, при настоящей палатѣ депутатовъ, нельзя повидимому и думать о возможности организовать прочную правительственную власть. Съ другой стороны, президентъ Греви едва ли рѣшится прибѣгнуть къ „насильственной" мѣрѣ распущенія палаты до законнаго срока 1885 года. Французской республикѣ предстоитъ, слѣдовательно, по всѣмъ вѣроятіямъ, пережить томительный періодъ бездѣйствія и безвластія, наполненный внутренними раздорами парламентскихъ партій, фракцій и коалицій.

Этимъ періодомъ думаютъ воспользоваться какъ соціалисты такъ и приверженцы претендентовъ. Какъ тѣ такъ и другіе надѣются подготовить народъ къ радикальному перевороту и достигнуть своей цѣли сперва на парламентскихъ выборахъ 1885 года, а затѣмъ на президентскихъ выборахъ 1886 года. Наибольшіе шансы на успѣхъ своей революціонной пропаганды имѣютъ, повидимому, соціалисты, конечно только среди рабочаго населенія и пролетаріата, но и этого можетъ быть достаточно для цѣлаго ряда переворотовъ, исхода которыхъ предвидѣть нельзя. На эти соціальные перевороты наиболѣе надѣются монархисты для учрежденія сперва диктатуры, а затѣмъ или имперіи, или королевской власти. Но бонапартисты раздѣлены на два непримиримые лагеря, изъ коихъ одинъ признаетъ законнымъ претендентомъ принца Жерома Наполеона Бонапарта, а другой—сына его Виктора. Пока принцъ Наполеонъ не умретъ, бонапартисты безсильны. Легитимисты также принуждены ждать смерти графа Шамбора, дабы послѣ него могъ явиться претендентомъ графъ Парижскій, а до тѣхъ поръ и они обречены на бездѣйствіе. Словомъ, шашки во Франціи расположены теперь такъ что онѣ взаимно другъ друга парализуютъ. Франція остается открытымъ вопросомъ.

№ 12.

Москва, 11-го января.

А.

Разшатанность внутренняго положенія Франціи какъ нельзя болѣе характеризуется тѣмъ лихорадочнымъ волненіемъ которое вызвано послѣднею демонстраціей принца Жерома Наполеона. Изо всѣхъ монархистскихъ претендентовъ онъ первый, какъ бы опасаясь быть предупрежденнымъ, поспѣшилъ воспользоваться смутой порожденною смертью Гамбетты, и въ 1883 году возобновилъ mutatis mutandis знаменитое похожденіе своего кузена, высадившагося въ 1837 году въ Булони съ живымъ орломъ на плечѣ и предъявившаго свои права на Наполеоновское наслѣдство. Принцъ Жеромъ не имѣлъ надобности подвергать свою особу опасности подобно Лудовику Наполеону; готовая на всѣ услуги и весьма распространенная газета *Figaro* открыла ему свои столбцы для обнародованія его манифеста, который одновременно съ этимъ разошелся по всей Франціи въ огромномъ числѣ экземпляровъ. Болѣе же всего успѣху демонстраціи помогло само Французское правительство, которое распорядилось арестовать его, чѣмъ, по сознанію самихъ французскихъ газетъ, оказало услугу если не самому принцу Жерому и бонапартистской пропагандѣ, то во всякомъ случаѣ

дѣлу монархіи. Демонстрація очевидно имѣла своею цѣлью только произвести какъ можно болѣе громкую демонстрацію, и это удалось. Изо всѣхъ кандидатовъ на французскій престолъ принцъ Жеромъ несомнѣнно самый безнадежный, и бонапартисты сами едва ли серіозно надѣются на успѣхъ его искательства. Вся демонстрація затѣяна ими лишь для того чтобы возбудить умы во Франціи и, погубивъ шансы того кто ихъ и безъ того не имѣетъ, тѣмъ сильнѣе повести агитацію въ пользу серіознаго кандидата, принца Виктора, старшаго сына Жерома. Лично принцъ Жеромъ производитъ почти комическое впечатлѣніе, являясь проповѣдникомъ монархическаго принципа противъ республиканской неурядицы и заступникомъ за религію противъ господствующихъ нынѣ во Франціи атеистовъ; ибо не очень далеко то время, когда тотъ же принцъ Жеромъ самъ открыто провозглашалъ себя республиканцемъ и атеистомъ. Это было въ то время когда на престолѣ Франціи сидѣлъ его двоюродный братъ, у котораго былъ прямой наслѣдникъ, и принцъ Жеромъ не могъ предвидѣть того ряда катастрофъ, при которыхъ стало ему возможно предъявленіе своихъ правъ на Наполеоновское наслѣдіе. Въ глазахъ Французовъ принцъ Жеромъ „невозможенъ“ еще и потому что за нимъ укрѣпилась нелестная репутація труса, пріобрѣтенная имъ въ качествѣ дивизіоннаго генерала въ Крымской и Италіянской кампаніяхъ. Въ глазахъ же Россіи и Германіи онъ компрометтировалъ себя своими, слишкомъ ужь интимными, связями съ парижскими вожаками польскаго возстанія 1863 года. Какъ бы то ни было, задуманная этимъ принцемъ демонстрація произвела въ Парижѣ сильную сенсацію; а предстоящій судъ надъ нимъ съ обычными въ случаяхъ подобнаго рода „пламенными“ рѣчами адвокатовъ, которые будутъ командированы ad hoc изъ лагеря бонапартистовъ, послужитъ для этой партіи чрезвычайно выгоднымъ и желаннымъ предлогомъ. Бонапартисты и не скрываютъ того какъ выгодна для ихъ цѣлей громкая реклама „судебныхъ преній.“ Послѣ ареста принца Жерома, одинъ изъ бонапартистскихъ депутатовъ увѣдомилъ парижскаго префекта полиціи что онъ наклеитъ манифестъ принца на своемъ домѣ, и *проситъ* чтобъ его подвергли за это судебному преслѣдованію.

Изо всѣхъ претендентскихъ партій во Франціи, бонапартисты наиболѣе подвижная, дѣятельная и искусившаяся въ дѣлѣ агитаціи и политической интриги. Еслибы живъ былъ принцъ Лудовикъ, сынъ Наполеона III, партія эта была бы несомнѣнно самою опасною для республики. Но теперь, при невозможности серіозно агитировать въ пользу принца Жерома, ближайшаго по старшинству наслѣдника Наполеонидовъ, и при необходимости выставлять при его жизни кандидатуру его сына, трудно допустить чтобъ эта партія могла выдвинуться на первый планъ въ предстоящей борьбѣ противъ республики. Но одно то что бонапартисты сочли возможнымъ уже теперь приступить къ дѣйствію и то волненіе которое ихъ демонстрація породила доказываютъ до какой степени со смертію Гамбетты кредитъ республики упалъ въ глазахъ самихъ Французовъ и какъ неизбѣжно страна идетъ навстрѣчу новой внутренней усобицѣ. Республиканскіе вожаки уже почуяли эту опасность. Это доказываетъ предложеніе депутата Флоке, внесенное 17-го января во французскую палату депутатовъ, о томъ чтобы всѣмъ членамъ фамилій царствовавшихъ во Франціи было воспрещено пребываніе въ предѣлахъ государства. Палата поспѣшила вотировать неотложность этого предложенія большинствомъ 328 голосовъ противъ 112. Затѣмъ 20-го января депутаты Баллю и Локруа внесли другой законопроектъ о немедленномъ удаленіи изъ арміи всѣхъ членовъ Орлеанской фамиліи. И къ этому предложенію палата отнеслась весьма сочувственно въ виду распространившихся слуховъ объ обширномъ легитимистскомъ заговорѣ и приняла неотложность законопроекта Баллю-Локруа большинствомъ 405 голосовъ противъ 94. Правительство не хотѣло отстать въ энергіи отъ частной инициативы отдѣльныхъ депутатовъ и само внесло законопроектъ предоставляющій право президенту войти съ представленіемъ въ совѣтъ министровъ о немедленной высылкѣ изъ страны тѣхъ членовъ царствовавшихъ во Франціи фамилій присутствіе коихъ можетъ угрожать безопасности государства. Но какъ бы ни было велико большинство въ палатѣ готовое поддержать такое предложеніе, агитація по поводу онаго двинетъ дѣло монархистской пропаганды, ибо въ борьбѣ противъ этого движенія всѣ враждующія между собою группы

монархистовъ подадутъ другъ другу руку, а въ глазахъ той части населенія которую преимущественно имѣетъ въ виду монархистская пропаганда, эта послѣдняя, конечно, только выиграетъ если палата дастъ себя увлечь черезчуръ усердными радикалами и постановитъ исключительную мѣру противъ членовъ царствовавшихъ домовъ. Благоразумные органы республиканской печати поняли это и стараются образумить потерявшихъ голову радикаловъ. *Journal des Débats* и *Temps* упрекаютъ ихъ въ томъ что у нихъ недостаетъ хладнокровія, и что республика еще не научилась считать себя правительствомъ. Замѣчаніе это совершенно вѣрно. Но республиканское правительство, лишенное своей главной опоры во вліятельной личности Гамбетты, потому и потеряло вѣру въ себя что чувствуетъ какъ ослабѣла въ странѣ вѣра въ прочность республиканскаго порядка.

Кромѣ бонапартистовъ есть еще двѣ претендентскія партіи, легитимисты съ графомъ Шамборомъ и орлеанисты, во главѣ коихъ стоитъ многочисленное потомство короля Лудовика-Филиппа. Графъ Шамборъ, или король Генрихъ V, какъ величаютъ его легитимисты, единственный представитель законнаго престолонаслѣдія во Франціи какъ внукъ Карла X, послѣдняго изъ королей старшей линіи французскихъ Бурбоновъ, свергнутаго въ іюльскую революцію 1830 года. Ему теперь 63 года и онъ бездѣтенъ. Уже поэтому одному его кандидатура на французскій престолъ есть скорѣе вопросъ принципа нежели практической политики. Орлеанская фамилія состоитъ нынѣ изъ четырехъ сыновей короля Лудовика-Филиппа, герцога Немурскаго, принца Жуанвильскаго, герцога Омальскаго и герцога Монпансье и, сверхъ того, изъ двухъ сыновей герцога Орлеанскаго, старшаго сына Лудовика-Филиппа, — графа Парижскаго, и герцога Шартрскаго. По праву наслѣдованія, графъ Парижскій признается орлеанскою партіей первымъ и главнымъ претендентомъ на французскій престолъ. До 1873 года права Орлеанскаго дома основывались скорѣе на революціонномъ началѣ нежели на принципѣ законнаго наслѣдованія, такъ какъ Лудовикъ-Филиппъ обязанъ былъ своимъ вступленіемъ на престолъ іюльскому перевороту 1830 года. Но въ 1873 году состоялось примиреніе принцевъ Орлеанскаго дома, происходящихъ отъ младшей линіи Бурбоновъ, съ графомъ Шамборомъ, который признанъ ими главой всего остающагося въ живыхъ потомства древней французской династіи.

Послѣ графа Шамбора само собою исчезнетъ всякое различіе между легитимистами и орлеанистами, и графъ Парижскій, которому нынѣ 44 года, останется единственнымъ *законнымъ* преемникомъ французской королевской короны.

Б.

Считаютъ барыши тифлисскихъ коммерсантовъ занимающихся транзитною торговлей, выставляютъ эти барыши какъ аргументъ въ пользу ея допущенія. Но считая эти барыши, не слѣдуетъ забывать что каждый аршинъ иностранной ткани, каждый фунтъ иностраннаго товара прошедшаго транзитомъ чрезъ Закавказье обогащаетъ, кромѣ тамошнихъ коммиссіонныхъ транзитныхъ фирмъ, только иностранныхъ производителей этихъ товаровъ, содѣйствуя благосостоянію обширныхъ группъ иноземныхъ интересовъ соприкасающихся съ каждымъ мѣстнымъ производствомъ. Иное дѣло сбытъ каждаго аршина или фунта товаровъ выработанныхъ въ Россіи. Барышъ получаемый отъ производства фабрикантомъ или заводчикомъ есть лишь малый процентъ сравнительно съ тѣмъ что получаютъ отъ производства многія тысячи людей которыхъ кормятъ фабрики и заводы. У насъ никто еще не попытался сдѣлать разчетъ сколько заработковъ остается въ пользу народнаго труда отъ каждаго милліона рублей въ суммѣ производства, если взять во вниманіе доставку сырья въ промышленные центры, всѣ работы по превращенію сырья въ издѣлія, затѣмъ доставку этихъ издѣлій на рынки сбыта: а было бы очень важно, для разъясненія вопроса, сравнить такой разчетъ съ разчетомъ выгодъ для русскаго народнаго труда отъ каждаго милліона въ суммѣ иностраннаго транзита чрезъ Закавказье... Но помимо прямыхъ заработковъ и выгодъ получаемыхъ массами русскаго люда всякихъ званій и состояній отъ каждой единицы русскаго производства, оно даетъ еще жизнь и движеніе множеству другихъ производствъ, рождая новый и новый спросъ на трудъ. Сокративъ свое производство, фабрикантъ сократитъ и число своихъ рабочихъ, и свой спросъ на продукты другихъ произ-

водствъ нужныхъ ему или какъ матеріалъ или какъ орудіе производства, — и трудно даже прослѣдить цѣпь такихъ сокращеній, которыя отзовутся чувствительными минусами не на однихъ только собственно промышленныхъ интересахъ, но и на высотѣ поземельной ренты, и на успѣшности поступленія налоговъ, возвышая цифры недоимокъ. Вслѣдствіе потерь понесенныхъ фабрикантами изготовляющими товары для сбыта въ Персію, Среднюю Азію, Кавказъ, Закавказье, Поволжье, потерпѣли бы несравненно бо́льшія потери какъ ихъ рабочіе, такъ и люди ничего собственно для Персіи, Средней Азіи и т. д. не производящіе. Транзитный вопросъ важенъ для фабрикантовъ; но онъ важенъ и для землевладѣльцевъ, особенно для крестьянъ.

Приводятъ цифры показывающія размѣръ какъ русскаго сбыта, такъ и иностраннаго ввоза въ Персію, ссылаются на нищету персидскаго населенія. Не будемъ говорить о невѣрности приводимыхъ цифръ, указанной, между прочимъ, ведущимъ торговлю въ Москвѣ и на Нижегородской ярмаркѣ персидскимъ подданнымъ купцомъ первой гильдіи мирзою Ашимовымъ. Оставимъ защитниковъ иностраннаго транзита при ихъ невѣрныхъ цифрахъ. Допустимъ что русское производство меньше чѣмъ на самомъ дѣлѣ заинтересовано въ сбытѣ своихъ товаровъ въ Персію. Но оно, во всякомъ случаѣ, очень заинтересовано въ сбытѣ своихъ продуктовъ собственно въ русскихъ предѣлахъ. Благодаря транзиту, иностранные товары свободно проникали бы въ Каспійское море, а разъ появившись на его водахъ, они станутъ распространяться по всѣмъ его и восточнымъ, и западнымъ побережьямъ, пойдутъ и въ Кисловодскъ, и въ Кизляръ, и въ Гурьевъ для дальнѣйшаго сбыта по обширнымъ районамъ, пойдутъ въ самую Астрахань для дальнѣйшей отправки вверхъ по Волгѣ. Предотвратить это нѣтъ способовъ: таможенный надзоръ на всемъ пространствѣ Каспійскаго моря и его береговъ, надзоръ, который бы не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ велъ къ цѣли, невозможенъ.

Говорятъ, предполагается создать таможенную крейсерскую флотилію на Каспійскомъ морѣ, которая устранила бы этотъ аргументъ противъ транзита. Не будемъ говорить, въ какой мѣрѣ послѣдовательно учреждать на Каспійскомъ морѣ таможенную крейсерскую флотилію и возлагать на нее неосуществимыя надежды, тотчасъ вслѣдъ за упраздненіемъ, какъ не достигающей цѣли, таможенной крейсерской флотиліи на Балтійскомъ морѣ. Спросимъ только что̀ можетъ сдѣлать проектируемая флотилія въ борьбѣ съ контрабандистами въ Каспійскомъ бассейнѣ. Если даже таможенныхъ крейсеровъ будетъ такъ много что можно будетъ отряжать по одному для сопровожденія каждаго изъ отходящихъ отъ Баку съ транзитными товарами судовъ вплоть до персидскихъ портовъ, много ли будетъ пользы даже отъ такого чрезвычайнаго таможеннаго надзора? Дойдя подъ конвоемъ до персидскаго берега, иностранные товары могутъ затѣмъ легко возвращаться къ близьлежащему русскому побережью, могутъ быть также легко отправляемы изъ Персіи въ русскіе порты, въ томъ числѣ въ Астрахань, подъ наименованіемъ персидскихъ и стало-быть съ уплатой въ таможняхъ лишь малаго процента той пошлины которой они подлежатъ при прямомъ ввозѣ въ Россію изъ Европы. Также безнадежна успѣшность пресѣченія контрабанды усиленнымъ таможеннымъ надзоромъ и на сухопутномъ караванномъ трактѣ отъ Тифлиса на Джульфы. И здѣсь нужно было бы отряжать особыя конвойныя команды для сопровожденія отъ Тифлиса до Джульфы каждаго фургона съ транзитнымъ товаромъ, и разставить цѣлую армію таможенной стражи по всей сухопутной русско-персидской границѣ дабы перевезенные въ Персію товары не возвращались оттуда въ Закавказье. Интересно было бы познакомиться со смѣтой расходовъ на содержаніе проектируемой Каспійской крейсерской флотиліи и на усиленіе сухопутной таможенной стражи въ Закавказьѣ въ размѣрахъ нужныхъ для конвоированія транзитныхъ товаровъ и для дѣйствительнаго надзора за всѣми пунктами сухопутной границы и побережья—не Закавказскаго только, но *всего* Каспійскаго. Любопытно было бы сравнить эту смѣту съ напечатанною въ *Голосѣ* смѣтой выгодъ которыя ожидаются для Россіи отъ разрѣшенія иностраннаго транзита чрезъ Закавказье.

———

№ 13.

Москва, 12-го января.

А.

Русскихъ людей укоряютъ въ косности, въ недостаткѣ предпріимчивости. Несправедливость этого укора въ косности была достаточно изобличена на прошлогодней Всероссійской Выставкѣ въ Москвѣ, гдѣ имѣли возможность заявить о себѣ многія русскія предпріятія достигшія серіозныхъ, превзошедшихъ ожиданія успѣховъ. Не мнимый недостатокъ, а напротивъ энергія русской предпріимчивости доказывается длиннымъ рядомъ общеизвѣстныхъ фактовъ. Эта энергія тѣмъ болѣе достойна вниманія, чѣмъ менѣе благопріятны условія для ея проявленія. Едва ли въ какой другой странѣ представляется болѣе препятствій съ которыми предпринимателямъ приходится вести часто непосильную борьбу. Недостатокъ свободныхъ капиталовъ, дороговизна ихъ найма, выражающаяся въ высотѣ учетнаго процента, неприноровленность системы кредита къ требованіямъ экономической жизни, громадность разстояній, неустройство въ путяхъ сообщенія, многочисленныя и важныя во многихъ отношеніяхъ несовершенства юридическихъ и административныхъ порядковъ и многое другое, создаютъ для нашей предпріимчивости затрудненія, часто неодолимыя, о которыхъ иностранцы не имѣютъ и понятія. Этого мало, въ противоположность тому что видимъ въ другихъ странахъ, у насъ не столько своя сколько чужая предпріимчивость можетъ при всякомъ случаѣ разсчитывать на преимущественное покровительство, на особую поддержку. Стóитъ какому-нибудь иностранцу задумать какое-нибудь предпріятіе въ Россіи, объ немъ тотчасъ же начнутъ кричать въ газетахъ на всѣхъ перекресткахъ, выставятъ предпринимателя благодѣтелемъ страны и станутъ, въ силу этого, требовать для него разныхъ льготъ, привилегій и субсидій. О русскихъ же предпринимателяхъ больше молчатъ, предоставляя ихъ самимъ себѣ и тѣмъ невыгоднымъ условіямъ въ которыхъ имъ приходится дѣйствовать. Иной разъ окажутъ поддержку какому-нибудь русскому предпріятію, но большею частію въ подрывъ другимъ, можетъ-быть къ личной выгодѣ предпринимателя, но во вредъ дѣлу за которое онъ взялся и въ которомъ онъ, вмѣсто того чтобы быть піонеромъ влекущимъ за собой многихъ послѣдователей, становится монополистомъ преграждающимъ для другихъ доступъ къ полезному дѣлу.

Тѣмъ не менѣе, русская предпріимчивость не перестаетъ проявлять свою живучесть. Она не никнетъ даже при нынѣшнемъ промышленномъ, торговомъ и банковомъ кризисѣ, даже въ виду того что затрудненный на каждомъ шагу въ западной половинѣ Россіи многими благопріятными иностранцамъ таможенными условіями и въ особенности тарифною политикой желѣзныхъ дорогъ нашъ промышленный и торговый міръ крайне встревоженъ опасеніями что у него, благодаря Закавказскому транзиту, будетъ отнято и восточное поле дѣятельности. Среди тревоги возбужденной транзитнымъ вопросомъ, въ средѣ московскаго торгово-промышленнаго міра не прекращается обсужденіе предпріятія отъ котораго слѣдуетъ ожидать серіозныхъ результатовъ если оно будетъ поставлено въ благопріятныя условія. Организуется общество съ цѣлію положить прочное основаніе торговымъ связямъ между Россіей и единовѣрными, родственными намъ племенами Балканскаго полуострова.

Необходимость установленія этихъ связей сознавалась давно и особенно живо была почувствована со времени послѣдней Восточной войны. Нуженъ, однако, шагъ для перехода отъ словъ къ дѣлу. Иниціативу въ этомъ отношеніи принялъ на себя жившій не малое время въ славянскихъ земляхъ и фактически убѣдившійся въ полнѣйшей возможности сбыта тамъ нашихъ товаровъ русскій торговецъ, потомственный почетный гражданинъ А. І. Мураневичъ. Послѣ годичнаго пребыванія его въ Сербіи, тридцать Сербовъ, торговцевъ и профессоровъ, письмомъ изъ Бѣлграда отъ 22 іюня 1881, обратились въ Москву съ просьбой положить начало русской торговлѣ на Дунаѣ. Просимъ, писали они въ этомъ письмѣ, „не оставить наше искреннее ходатайство предъ дорогими братьями Русскими объ осуществленіи проектируемой А. І. Мураневичемъ русской торговли въ Сербіи, которую мы, въ интересахъ славянства, всѣми силами здѣсь будемъ поддерживать.“ Осенью того же 1881 года, г. Мураневичъ, послѣ предварительныхъ объясненій съ русскимъ министромъ

резидентомъ въ Бѣлградѣ и съ русскимъ консуломъ въ Рущукѣ, прибылъ въ Москву чтобы вступить въ переговоры съ нѣкоторыми здѣшними крупными торговыми фирмами. Затѣмъ, въ ноябрѣ, было подано имъ предсѣдателю Московскаго Биржеваго Комитета формальное заявленіе по предмету установленія непосредственныхъ торговыхъ сношеній съ Сербіей, Болгаріей и Румыніей. Въ заявленіи предлагалось московскому купечеству, по всестороннемъ обсужденіи дѣла, „составить изъ себя такое общество которое бы начало торговлю русскими произведеніями на Балканскомъ полуостровѣ и которое бы вошло для этого въ переговоры съ Обществомъ Пароходства и Торговли для открытія русскихъ пароходныхъ рейсовъ по Дунаю по берегамъ княжествъ Болгарскаго и Сербскаго.“ „Открытіе пароходныхъ рейсовъ по Дунаю,“ писалъ при этомъ г. Мураневичъ, „будетъ служить не только для торговыхъ сношеній съ Россіей, но и для перевозки пассажировъ изъ означенныхъ княжествъ, а также и Румыніи. Появленіе русскаго флота на Дунаѣ было бы историческимъ событіемъ для балканскихъ народовъ; тѣмъ болѣе важно оно еще потому что это есть ихъ завѣтное искреннее желаніе; этого требуютъ и интересы Россіи.“ Для обсужденія представленнаго г. Мураневичемъ проекта, 10 декабря того же 1881 года, состоялось на биржѣ собраніе нѣсколькихъ значительнѣйшихъ московскихъ торговцевъ и фабрикантовъ. На этомъ совѣщаніи основная мысль проекта была вообще одобрена, но приступъ къ дѣлу былъ отложенъ до собранія необходимыхъ для того свѣдѣній.

Передавъ предпринятое имъ дѣло въ надежныя руки почетнѣйшихъ представителей московскаго купечества, съ Т. С. Морозовымъ во главѣ, г. Мураневичъ не переставалъ искать дальнѣйшей поддержки этому дѣлу также и со стороны русскихъ дипломатическихъ агентовъ въ Дунайскихъ Княжествахъ, главнымъ образомъ въ Болгаріи.

Между прочимъ, живое участіе въ немъ принялъ покойный М. Д. Скобелевъ. Незадолго до своей смерти, весною минувшаго года, прибывъ въ Москву, онъ видѣлся съ Т. С. Морозовымъ и другими представителями здѣшняго купечества, участвовалъ въ совѣщаніи на которомъ состоялась подписка на снаряженіе въ Болгарію особой экспедиціи для собранія свѣдѣній на мѣстѣ, и украсилъ подписной листъ своимъ именемъ *). Въ томъ что экспедиція не встрѣтитъ въ Болгаріи особыхъ затрудненій по исполненію своей задачи не могло быть сомнѣнія: въ этомъ ручалось серіозное вниманіе съ какимъ отнесся къ дѣлу князь Александръ Болгарскій, которому, въ бытность его въ Москвѣ, представлялась особая депутація отъ московскаго купечества **). Вскорѣ затѣмъ экспедиція, въ составъ которой, кромѣ г. Мураневича, вошли Л. И. Рагозинъ, А. Т. Макаровъ и И. Н. Радченко, была снаряжена и отправилась въ Болгарію, гдѣ была всюду встрѣчаема съ большою радостью. 2 іюля члены депутаціи представлялись его высочеству Князю Александру Болгарскому, который оказалъ имъ самый радушный пріемъ и наградилъ гг. Мураневича, Макарова и Радченка болгарскими медалями съ надписями „за заслуги.“ Результаты достигнутые экспедиціей оказались вообще благопріятными. Благодаря содѣйствію русскихъ дипломатическихъ агентовъ, болгарскій таможенный тарифъ, прежде неблагопріятный привозу русскихъ товаровъ, былъ пересмотрѣнъ и во многомъ измѣненъ въ желаемомъ направленіи. Не малый шансъ успѣха для предпринимаемаго дѣла представляетъ между прочимъ и положенное кн. Гагариными, пока еще слабое, начало русскаго пароходства на Дунаѣ. Независимо отъ того, при участіи г. Мураневича, проектируется учрежденіе славянскаго пароходнаго общества.

Въ настоящее время въ Москвѣ приступлено уже къ самой организаціи предположеннаго общества для торговли съ Балканскимъ полуостровомъ, и къ числу крупныхъ фирмъ давно уже изъявившихъ готовность принять въ немъ участіе одна за другой присоединяются новыя ***).

---

*) Вотъ имена участвовавшихъ въ совѣщаніи, кромѣ М. Д. Скобелева: Т. С. Морозовъ, В. Д. Аксеновъ, Н. Н. Коншинъ, А. Д. Носовъ, Д. И. Морозовъ, Г. А. Крестовниковъ, И. П. Рогожинъ, фирма Третьяковыхъ и Коншиныхъ, М. Г. Кувшинниковъ, М. С. Кузнецовъ, Л. И. Рагозинъ, А. І. Мураневичъ, И. С. Аксаковъ.

**) Именно: В. Д. Аксеновъ, Н. Н. Коншинъ, Д. И. Морозовъ и А. І. Мураневичъ.

***) Между прочими можемъ назвать А. И. Баранова, С. В. Лепешкина, А. И. Шамшина и фирму Бабкиныхъ, уже получившую заказъ 30.000 аршинъ сукна для болгарской арміи.

Будемъ надѣяться что русскіе капиталисты взявшіеся за это дѣло не охладѣютъ въ своемъ къ нему усердіи и не замедлятъ его осуществленіемъ. Какъ намъ передавали, они не обманываютъ себя насчетъ этого дѣла и, не строя воздушныхъ зáмковъ, не ждутъ отъ него особенно крупныхъ и скорыхъ барышей, а напротивъ сознаютъ возможность убытковъ, по крайней мѣрѣ въ первые годы. Тѣмъ болѣе они находятъ возможнымъ разчитывать что имъ въ этомъ дѣлѣ будетъ оказано всякое возможное содѣйствіе со стороны властей отъ которыхъ это зависитъ, что вообще имъ не будетъ отказано въ поддержкѣ не меньшей той какая подобнымъ предпріятіямъ оказывается въ другихъ странахъ. Полагаемъ что въ настоящемъ случаѣ, въ виду государственной важности дѣла, они не обманутся въ своихъ надеждахъ и разчетахъ.

Б.

Русская Церковь поминала на этихъ дняхъ одного изъ своихъ святителей, митрополита московскаго Филарета. Почему церковь хранитъ его память, почему имя его славится въ нашемъ отечествѣ и за предѣлами его? Отвѣтъ на это находимъ въ одной петербургской газетѣ: митрополитъ Филаретъ потому такъ славенъ и потому такъ чествуется его память что онъ былъ человѣкъ ничтожный, со многими слабостями и недостатками, которые съ особеннымъ тщаніемъ расписываются авторомъ статей появившихся къ юбилейному дню. Этотъ оригинальный панегиристъ не отдалъ себѣ отчета только въ одномъ: ничтожныхъ людей вездѣ и по всѣмъ частямъ безчисленное множество. Почему же столь значительное предпочтеніе предо всѣми ничтожными лицами дается ничтожеству митрополита Филарета? Почему онъ какъ былъ при жизни, такъ и по смерти остается на высотѣ при всѣхъ свойственныхъ человѣку слабостяхъ и односторонностяхъ? Самое появленіе къ юбилейному дню этихъ статей, которыхъ авторъ, съ настойчивостію достойною лучшаго дѣла, старается умалить и унизить его, не свидѣтельствуетъ ли о его величіи, ибо пытаться развѣнчать можно только того кто увѣнчанъ и стараться низвести можно только того кто стоитъ на высотѣ. Чтò же возвело на высоту этого іерарха? Чтò, несмотря на какіе бы то ни было недостатки, возвеличило его, это осталось внѣ горизонта усерднаго панегириста, который приберегъ къ юбилейному дню Филарета запасъ камердинерскихъ анекдотовъ. Филаретъ былъ въ теченіе пятидесяти лѣтъ высоко цѣнимымъ епископомъ, и до епископскаго сана былъ цѣнимъ высоко: не угодничествомъ же только предъ сильными земли пріобрѣлъ онъ свое значеніе и авторитетъ?

Мы относимся къ нашимъ великимъ людямъ какъ относится къ барину камердинеръ, для котораго, по французской пословицѣ, нѣтъ великаго человѣка. Оттого у насъ и нѣтъ великихъ людей. За то мы въ другомъ смыслѣ по-лакейски относимся къ чужимъ знаменитостямъ. Въ то время какъ наши юбилейные панегиристы стараются опошлить величавый образъ русскаго іерарха, русскія газеты находятъ довольно цвѣтовъ на могилу Гамбетты, который въ своей странѣ попалъ въ великіе люди лишь въ силу русской пословицы что „на безрыбьи и ракъ рыба."

Еще два слова: печальный панегиристъ митрополита Филарета, говорятъ, воспитанникъ Московской Духовной Академіи, ставитъ въ упрекъ его памяти патріархальный тонъ его обращенія съ подчиненными. Но патріархальность тона не всегда свидѣтельствуетъ о грубости нравовъ и во всякомъ случаѣ болѣе характеризуетъ время нежели личность. За то какое должно быть одичаніе чувства чтобы на торжество въ память всѣми уважаемаго дѣятеля явиться съ нечистотами.

№ 14.

Москва, 13-го января.

Нѣмецкая *Всеобщая Газета* съ недавняго времени переставшая быть *аугсбургскою*, такъ какъ она переселилась въ Мюнхенъ, но не прекратившая своей вражды къ Россіи, посвятила на дняхъ обширную статью по вопросу объ отношеніяхъ между Россіей и Австріей. Газета эта вообще гораздо болѣе заботится о судьбахъ Габсбургской монархіи, нежели о своемъ объединенномъ германскомъ отечествѣ къ которому и сама Баварія особенной нѣжности, какъ извѣстно, тоже не питаетъ. Въ виду недавнихъ интрижныхъ толковъ о весьма вѣроятномъ будто бы столкновеніи

между Россіей съ Германіей и Австріей и въ ожиданіи предстоящаго пріѣзда русскаго министра Иностранныхъ Дѣлъ въ Вѣну, названная газета сочла нужнымъ подвести итогъ какъ взаимнымъ отношеніямъ между Австріей и Россіей въ прошедшемъ, такъ и тѣмъ политическимъ задачамъ въ будущемъ при которыхъ возможно столкновеніе ихъ взаимныхъ интересовъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ безобидное для обѣихъ сторонъ примиреніе оныхъ.

Относительно прошедшаго *Всеобщая Газета* отмѣчаетъ намъ фактъ что изо всѣхъ своихъ сосѣдей монархія Габсбурговъ съ одною только Россіей никогда почти открыто не сталкивалась. Если не считать эпизодовъ Семилѣтней Войны и 1812 года, когда Австрія была принуждена Наполеономъ принять участіе въ походѣ противъ Россіи, Австрія никогда не вела съ Россіей обширной войны. Мы можемъ дополнить это отрицательное указаніе другими положительными, которыя баварская газета обходитъ совершеннымъ молчаніемъ: Россія не только никогда не выступала враждебно противъ Австріи, но неоднократно проливала свою кровь за монархію Габсбурговъ. Походъ Суворова въ Италію, кампанія 1805 года окончившаяся сраженіемъ при Аустерлицѣ, наконецъ Венгерская кампанія 1849 года, были предприняты исключительно съ цѣлью спасти Австрію отъ грозившей ей гибели и если въ 1854 году Австрія, согласно изреченію ея же министра, „удивила міръ своею неблагодарностью,“ то этими историческими фактами все-таки весьма вѣрно характеризуется взаимное положеніе обѣихъ державъ: Россія сама никогда не нуждалась въ услугахъ Австріи и въ годину тяжкихъ испытаній всегда почти видѣла ее въ рядахъ своихъ враговъ. Австрія же много разъ обязана была Россіи своимъ спасеніемъ.

Названная газета силится однако найти иное объясненіе указанному ею явленію, дабы прійти къ желательному для нея выводу относительно политики Австріи въ будущемъ. Объясненіе это заключается въ томъ что Россія неизмѣнно и послѣдовательно осуществляетъ свои политическія стремленія на Востокѣ и почти вполнѣ уже достигла (?) того къ чему она стремилась въ теченіе полутора вѣковъ. Австрія же все колебалась, и то выступала открыто противъ Турціи, какъ въ 1788 году, то сохраняла доброжелательный нейтралитетъ по отношенію къ завоевательнымъ стремленіямъ Россіи, какъ въ 1828 году, то опять заступалась за Турцію въ 1854 году, и наконецъ предоставила ее собственной участи въ послѣднюю Русско-Турецкую войну и даже (о, верхъ самоотреченія!) присвоила себѣ одну изъ турецкихъ провинцій (цѣною успѣха, за который заплачено русскою кровью). Какъ бы то ни было, но вотъ, по мнѣнію баварской газеты, истинная причина того что между Россіей и Австріей дѣло никогда не доходило до открытой войны; Россія постоянно де подвигается впередъ, тогда какъ Австрія постоянно предъ нею отступаетъ (?!).

Положеніе созданное Берлинскимъ трактатомъ — такъ продолжаетъ свои разсужденія названная газета — значительно измѣнило прежнія отношенія, а присоединеніе Босніи къ Австріи, равно какъ и перемѣна въ ея внутренней политикѣ, которая наступила вслѣдствіе этого присоединенія, заставляли думать что столкновеніе между обѣими державами неизбѣжно. Но недавніе оживленные толки по этому предмету въ газетахъ съ очевидностью выяснили де напротивъ что вліятельныя политическія сферы въ Австріи питаютъ стремленіе къ полюбовному соглашенію съ Россіей, на основаніяхъ мирнаго разграниченія ихъ обоюдныхъ притязаній на Балканскій полуостровъ. Офиціозная печать Австро-Венгерскаго правительства развиваетъ де свои планы по этому поводу съ достаточною ясностью, такъ что можно съ точностью указать линіи разграниченія которыя въ Вѣнѣ считаются условіемъ мирнаго разрѣшенія восточной проблемы. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о Константинополѣ и о Проливахъ, по поводу котораго Россія имѣла бы дѣло не съ одною Австріей, указанный планъ сводится де къ тому чтобы предоставить Австріи западную, а Россіи восточную половину Балканскаго полуострова. Кромѣ Босніи, Австрія получила бы Македонію и Албанію съ гаванью Салоники, которая, по мнѣнію вѣнскихъ офиціозовъ, должна быть крайнимъ пунктомъ австрійскаго *Drang nach Osten*, такъ что цѣной онаго они со своей стороны могли бы уступить Россіи и Константинополь. Сверхъ того, Россіи предоставляется объединить Восточную Румелію съ Болгарскимъ княжествомъ, расширивъ оное остатками турецкихъ владѣній до Эгейскаго моря.

Таково „полюбовное размежеваніе“ коимъ довольствовались бы, по этимъ сказамъ, правительственныя сферы въ Австріи. Но *Всеобщая Газета* этимъ раздѣломъ недовольна. Она находитъ, вопервыхъ, что положеніе Австріи въ южной части отмежеванныхъ ей такимъ образомъ владѣній было бы не совсѣмъ благонадежное, такъ какъ путь къ Салоникамъ лежалъ бы черезъ узкую полосу Новаго Базара, стѣсненную съ одной стороны владѣніями Сербіи, а съ другой Черногоріи. Такимъ образомъ, легко было бы преградить Австріи дорогу къ ея южнымъ владѣніямъ на Балканскомъ полуостровѣ. Избѣжать этого неудобства было бы возможно лишь въ томъ случаѣ еслибы Сербія была связана съ Австріей военною конвенціей, то-есть еслибы Сербія поступила къ ней въ вассальныя отношенія. Но на это нельзя де разчитывать даже въ виду преобладающаго нынѣ въ Сербіи дружелюбія къ Австріи, ибо оно весьма непрочно; да и прочія европейскія державы не согласятся отдать Сербію въ полное распоряженіе Австріи. Вовторыхъ, цитуемая нами газета опасается что обширное пріобрѣтеніе, которое сулится Австріи на Балканскомъ полуостровѣ, не будетъ ей въ прокъ по пословицѣ, *trop embrasse, mal etreint;* древней монархіи Габсбурговъ пришлось бы слишкомъ многое измѣнить въ своемъ установившемся порядкѣ и почти совсѣмъ переродиться чтобъ управиться съ такимъ пріобрѣтеніемъ и едва ли де она обладаетъ достаточною для этого эластичностью. Наконецъ, втретьихъ, не должно де забывать и того что система компенсацій стала почти признаннымъ принципомъ европейскаго права, и что „прочія европейскія державы“ не преминули бы потребовать себѣ соотвѣтствующаго вознагражденія для уравновѣшенія столь значительнаго приращенія австрійскаго могущества. Въ какой сторонѣ, спрашиваетъ *Всеобщая Газета*, пришлось бы искать такой компенсаціи, коль скоро турецкія владѣнія были бы распредѣлены безъ остатка?

Отвѣта на этотъ вопросъ газета не даетъ. Но не трудно догадаться что ею здѣсь затронутъ тотъ щекотливый пунктъ, который постоянно обходится молчаніемъ какъ германскою такъ и австро-венгерскою печатью, хотя несомнѣнно что онъ-то и есть истинное средоточіе всѣхъ политическихъ выкладокъ относительно будущихъ разчетовъ между Германскою имперіей и монархіей Габсбурговъ.

Бывшая аугсбургская газета, которой симпатіи направлены гораздо болѣе въ сторону Вѣны нежели Берлина, поставивъ свой вопросъ затронула именно это больное мѣсто. Австрійскимъ Нѣмцамъ и вообще южногерманскимъ патріотамъ потому именно претитъ мысль о расширеніи сферы австрійскаго могущества въ сторону Балканскаго полуострова что ими предвидится „компенсація“ которую рано или поздно потребуетъ за это Германія...

№ 15.

Москва, 14-го января.

Если, не принимая въ разчетъ ничего другаго, судить о ходѣ нашихъ торговыхъ дѣлъ по только-что вышедшей офиціальной „вѣдомости о количествѣ иностранныхъ товаровъ выпущенныхъ изъ таможенъ на внутреннее потребленіе, а также о русскихъ товарахъ вывезенныхъ за границу, по европейской торговлѣ, съ 1 января по 1 ноября 1882 года, сравнительно съ этимъ же періодомъ времени 1881 года,“ можно подумать что никакого торговаго, промышленнаго и земледѣльческаго кризиса у насъ ни минувшею осенью не было, ни теперь нѣтъ. Цифры этой вѣдомости представляютъ наше экономическое положеніе въ совершенно удовлетворительномъ и даже болѣе чѣмъ удовлетворительномъ видѣ. Самое главное для насъ—отпускъ хлѣба за границу. И вотъ, по этой самой существенной части, дѣла, какъ оказывается, шли гораздо лучше чѣмъ въ прошломъ 1881 и въ запрошломъ 1880 годахъ: въ десять мѣсяцевъ 1880 было отпущено за границу 21.611 733 четвертей, въ соотвѣтствующій періодъ 1881—18.300.208 четвертей, а въ таковой же періодъ минувшаго 1882 года въ полтора раза болѣе, 29.601.867 четвертей, причемъ нѣтъ ни одной статьи хлѣбной торговли по которой бы отпускъ 1882 былъ меньше отпуска 1881 года. Если и не въ равной мѣрѣ, то во всякомъ случаѣ благопріятнымъ представляется нашъ отпускъ и по всѣмъ прочимъ, не хлѣбнымъ статьямъ: вывозъ льна и пеньки оказался меньше прошлогодняго, но всѣ недочеты по этой части возмѣщаются увеличеніемъ отпуска

льнянаго и конопляннаго сѣмени; меньше вывезено крупнаго скота, за то много больше отправлено за границу мелкаго скота и лошадей, и кромѣ того возросъ противъ прошлогодняго отпускъ скотскихъ продуктовъ: шерсти, щетины, кости, кожъ и коровьяго масла. На какой же недостатокъ сбыта сельскихъ продуктовъ происходящій отъ застоя во внѣшней отпускной торговлѣ жалуются наши земледѣльцы? Откуда же могъ произойти у нихъ исключительный недостатокъ денежныхъ средствъ поведшій къ сокращенію спроса на русскія промышленныя издѣлія и причинившій тотъ промышленный кризисъ о которомъ такъ много толкуютъ фабриканты и заводчики?

Въ теченіе многихъ лѣтъ и по многу разъ въ году просматривая цифры офиціальныхъ таможенныхъ вѣдомостей, мы не разъ имѣли случай усомниться въ ихъ достовѣрности. Въ нихъ часто замѣчались неточности, и притомъ неточности не такого рода которыя могли бы быть оправдываемы на основаніи постоянно повторявшейся въ этихъ вѣдомостяхъ стереотипной фразы: „цифры привоза и отпуска товаровъ за (такой-то) годъ могутъ въ послѣдствіи подлежать измѣненію, *впрочемъ незначительному*, такъ какъ свѣдѣнія, изъ которыхъ онѣ извлечены, окончательно еще не вывѣрены.“ Такъ, напримѣръ, въ таможенной вѣдомости 1872 года оказались не точными 69 итоговъ изъ числа 74. Но гораздо важнѣе было не число погрѣшностей, а ихъ относительное значеніе: въ 19 случаяхъ эти неточности измѣрялись какими-нибудь единицами и десятками пудовъ, четвертей и т. п.; въ другихъ 19 случаяхъ—сотнями; въ десяти случаяхъ—уже тысячами, въ тринадцати—десятками тысячъ; невѣрность семи итоговъ опредѣлялась уже сотнями тысячъ, а въ одномъ итогѣ (по отпуску хлѣба) оказалась *погрѣшность слишкомъ на милліонъ четвертей*. При этомъ были такіе случаи что, напримѣръ, по Варшавской таможнѣ отпускъ ржи показывался *въ девять разъ* болѣе дѣйствительнаго (353.359 четв. вмѣсто 39.262), отпускъ муки ровно *въ десять разъ* (1.720 четв. вмѣсто 172), а „прочаго хлѣба“ почти *въ шесть разъ* (25 722 четв. вмѣсто 4.301); то же замѣчалось и по Одесской таможнѣ, гдѣ, напримѣръ, отпускъ муки показывался на 611.000 четвертей или слишкомъ *въ девять разъ* болѣе дѣйствительнаго (686.089 четв. вмѣсто 75.215), отпускъ ткацкихъ издѣлій преувеличивался *въ десять разъ*, и такъ далѣе. Подобныя неточности, которыя трудно отнести къ разряду „незначительныхъ,“ не мѣшаетъ принять въ соображеніе, между прочимъ, при обсужденіи транзитнаго вопроса, для оцѣнки дѣйствительнаго значенія иныхъ аргументовъ основанныхъ на кое-какихъ таможенныхъ цифрахъ. Возможность таковыхъ же погрѣшностей, конечно, нельзя упускать изъ вида и при сужденіяхъ о нашемъ нынѣшнемъ экономическомъ кризисѣ параллельно съ сужденіями о цифрахъ только-что вышедшей таможенной вѣдомости.

Но еслибъ и никакихъ погрѣшностей въ таможенныхъ вѣдомостяхъ не было, еслибы всѣ до одной цифры послѣдней таможенной вѣдомости, о которой мы ведемъ рѣчь, были совершенно вѣрны, сущность дѣла отъ этого мало измѣняется. Пусть сбытъ нашихъ продуктовъ за границу въ минувшемъ 1882 году былъ слишкомъ въ полтора раза болѣе таковаго же сбыта предшедшаго 1881. Но сбытъ сбыту рознь: бываетъ сбытъ выгодный, и бываетъ сбытъ невыгодный. Тяжкая необходимость можетъ вынуждать людей къ продажѣ принадлежащихъ имъ предметовъ по цѣнамъ много ниже тѣхъ въ которыя эти предметы обошлись имъ самимъ. Но таковыя продажи за безцѣнокъ не служатъ признакомъ благосостоянія продающихъ, для которыхъ тѣмъ хуже чѣмъ такихъ продажъ больше. Преимущественно этотъ смыслъ и имѣютъ жалобы земледѣльцевъ и промышленниковъ на тяжелое время нынѣшняго кризиса. Не въ томъ дѣло что совсѣмъ нельзя сбыть ни хлѣба, ни издѣлій, а въ томъ что трудно сбывать ихъ безъ большихъ для себя убытковъ. Именно въ этомъ смыслѣ объясняли мы значеніе нынѣшняго кризиса еще въ минувшемъ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда, указывая на заграничныхъ и своихъ домашнихъ спекулянтовъ старающихся извлечь изъ нашихъ экономическихъ затрудненій личныя для себя выгоды, мы писали между прочимъ слѣдующее: „они не прочь снабдить насъ нужными намъ для расплатъ иностранными векселями, но не иначе какъ продавая ихъ намъ въ тридорога, то-есть понижая вексельный курсъ нашего рубля до возможнаго минимума; они не прочь взять наши процентныя бумаги, но не иначе какъ оцѣнивая ихъ въ тридешева; они не прочь, пожалуй, взять отъ насъ въ

уплату и не имѣющій сбыта хлѣбъ, но не иначе какъ за безцѣнокъ. Къ этому направлена вся биржевая и торговая спекуляція о которой такъ много пишется въ газетахъ.“

Принявъ все это въ соображеніе, мы не видимъ по какимъ бы побужденіямъ можно было утѣшать себя показанными въ послѣдней таможенной вѣдомости довольно крупными цифрами нашего хлѣбнаго отпуска. „Къ исключительнымъ обстоятельствамъ,“—повторяемъ то что̀ говорили болѣе трехъ мѣсяцевъ тому назадъ, когда этихъ цифръ въ виду еще не имѣлось,—„къ экстреннымъ случаямъ нельзя относиться какъ къ нормальнымъ. Что̀ хорошо при нормальныхъ обстоятельствахъ, то можетъ быть дурно при исключительныхъ, и наоборотъ. Сбытъ хлѣба за границу въ возможно бо́льшихъ количествахъ имѣетъ для Россіи огромную важность и, говоря вообще, нельзя не радоваться росту хлѣбнаго отпуска изъ Россіи, ибо при нормальныхъ обстоятельствахъ размѣрами этого отпуска опредѣляются полученныя отъ него нашею страной выгоды. Но при исключительныхъ обстоятельствахъ настоящей минуты, хлѣбный отпускъ временноересталъ быть выгоднымъ для Россіи; отпускать хлѣбъ за границу при нынѣшнихъ на него цѣнахъ, при теперешнихъ условіяхъ заграничныхъ хлѣбныхъ рынковъ, значило бы отдавать хлѣбъ иностранцамъ за безцѣнокъ, въ прямой убытокъ русскимъ производителямъ его. Такому хлѣбному отпуску, размѣрами коего опредѣлялись бы только причиненные странѣ невознаградимые убытки, уже никакъ нельзя радоваться. Пока остаются въ силѣ нынѣшнія исключительно неблагопріятныя для сбыта хлѣба обстоятельства, хлѣбъ можетъ быть продаваемъ за границу лишь за безцѣнокъ и съ огромнымъ для насъ убыткомъ; но спустя нѣсколько времени, когда эти обстоятельства минуютъ, тотъ же самый хлѣбъ можетъ быть проданъ въ чужіе края за хорошую цѣну и съ выгодой. Есть поэтому разчетъ пріостановиться временно отпускомъ хлѣба и выжидать лучшихъ условій его сбыта. Не каждый годъ бываютъ въ Америкѣ такіе урожаи какъ въ нынѣшнемъ (1882); въ западной Европѣ такой повсемѣстный урожай какъ въ текущемъ (1882) году положительная рѣдкость; но еще рѣже такое совпаденіе одновременныхъ обильныхъ урожаевъ и въ Америкѣ, и въ западной Европѣ. Мы можемъ много выиграть если попридержимъ свой хлѣбъ въ рукахъ до того времени; мы много проиграемъ если поторопимся спустить его за что̀ ни пришлось теперь же. Мало того что производители хлѣба понесутъ убытки продавъ его дешевле того во что̀ онъ имъ самимъ обошелся: несвоевременнымъ, продешевленнымъ сбытомъ они уронятъ цѣны и своего будущаго хлѣба. Теперь хлѣбъ будетъ купленъ у нихъ дешево не для немедленнаго потребленія, а лишь для заготовленія запасовъ на будущее время, и эти запасы въ крѣпкихъ рукахъ заграничныхъ хлѣбныхъ спекуляторовъ будутъ тяготѣть на рынкахъ къ нашей невыгодѣ въ то время когда безъ этого былъ бы на хлѣбъ хорошій спросъ и стояли бы высокія цѣны. Никому изъ русскихъ производителей хлѣба и хлѣбныхъ торговцевъ не можетъ быть разчета сбывать съ рукъ свой товаръ въ ту минуту когда за него не даютъ и того во что̀ онъ обошелся владѣльцамъ. Къ такимъ продажамъ за безцѣнокъ, въ прямой убытокъ, можетъ побудить не разчетъ, а развѣ безысходная нужда. Устранить такую нужду, предоставить сельскому хозяйству и хлѣбной торговлѣ иной исходъ изъ нея, помимо продажи хлѣба за безцѣнокъ, вотъ чѣмъ всего лучше могъ бы быть облегченъ нынѣшній кризисъ. Такая задача не принадлежитъ къ числу неразрѣшимыхъ. Она уже была однажды поставлена ходомъ дѣлъ, сорокъ лѣтъ тому назадъ, и рѣшена тогда съ полнымъ успѣхомъ. Въ 1841 году, при страшномъ паденіи цѣнъ, наше земледѣліе и хлѣбная торговля переживали точно такой же кризисъ какъ и теперь. Но, пишетъ нашъ елецкій корреспондентъ, „кризисъ былъ пережитъ тогда относительно „легко, ибо правительство оказало помощь „выдачей подтоварныхъ ссудъ за небольшіе проценты; хлѣбъ былъ выдержанъ „дома и пошелъ уже потомъ за границу по „настоящей цѣнѣ. Государственный Банкъ „можетъ это сдѣлать и теперь, благо подобный уже примѣръ практически испытанъ. Лучше на время пріостановить безцѣльное погашеніе кредитныхъ билетовъ „и оказать могучую поддержку отечественному земледѣлію и хлѣбной торговлѣ.“

Не видать чтобы нашему земледѣлію и хлѣбной торговлѣ оказывалась такая желательная поддержка. Но утѣшительно по крайней мѣрѣ то что не принято мѣръ ко-

торыя могли бы затруднить оказаніе таковой поддержки. Министерство Финансовъ, какъ сказано во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра о государственной росписи на текущій годъ, „изъ осторожности, не приступило еще къ уничтоженію накопившихся въ банкѣ кредитныхъ билетовъ,“ между прочимъ въ виду того что „послѣдняя половина 1882 года представлялась неблагопріятною для уничтоженія извлеченныхъ изъ обращенія кредитныхъ билетовъ. Пріостановившійся отпускъ хлѣба за границу сильно повліялъ на пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ, что въ свою очередь не могло не отразиться на положеніи земледѣльческой и фабричной промышленности, а также на ходѣ внутренней торговли, вслѣдствіе уменьшенія спроса и на хлѣбъ, и на нѣкоторыя фабричныя произведенія.“

№ 16.

Москва, 15-го января.

Упорно держались и распространялись въ послѣдніе дни среди публики слухи о смутахъ во Франціи, слухи доходившіе до „положительныхъ“ извѣстій о безпорядкахъ въ Парижѣ и о походѣ предпринятомъ графомъ Шамборомъ во главѣ цѣлой арміи. Какъ ни вздорны были эти извѣстія, ими все-таки характеризуется теперешнее состояніе Франціи и отношеніе къ ней общаго мнѣнія Европы: всѣ видятъ что несчастная страна идетъ быстрыми шагами на встрѣчу новымъ и грознымъ испытаніямъ. Подобно кораблю потерявшему руль среди бурнаго моря, Франція несется по волѣ всяческихъ случайностей. Вотъ-вотъ налетитъ шквалъ, справа или слѣва, со стороны ли монархистовъ или приверженцевъ коммуны, и рѣшительно ни въ комъ нѣтъ увѣренности чтобы утлое судно выдержало напоръ и не опрокинулось въ бушующую бездну. Телеграфъ изъ Парижа силится, правда, успокоить эти тревожныя ожиданія, доказывая что слухи о волненіи господствующемъ среди парижскаго населенія превратны, что оно совершенно спокойно и никакихъ признаковъ тревоги не обнаруживается. „Парижъ,“ сказано въ офиціозной телеграммѣ, „гораздо болѣе работаетъ чѣмъ занимается политикой и желаетъ только спокойствія необходимаго для успѣшнаго хода дѣлъ. Рядъ театральныхъ эффектовъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ послѣ смерти Гамбетты, причинилъ безпокойство которое останавливаетъ дѣла и заставляетъ Парижанъ желать окончанія политической агитаціи. Принцами интересуются здѣсь лишь между прочимъ, и каково бы ни было рѣшеніе этого дѣла, оно не вызоветъ особеннаго возбужденія.“ Однако и въ этомъ очевидно разчитанномъ сообщеніи заключается признаніе что монархическая демонстрація, устроенная самымъ безнадежнымъ изъ претендентовъ на французскій престолъ, породила безпокойство, которое вредно повліяло на дѣла, то-есть на положеніе курса французскихъ бумагъ и вообще на ходъ французской торговли. Несомнѣнно что вся крупная и мелкая буржуазія, всѣ обладатели ренты коихъ во французскую „великую книгу государственнаго долга“ записано не менѣе шести милліоновъ, трепещутъ за свой достатокъ и жаждутъ спокойствія во что бы ни стало. Но злой рокъ Франціи именно въ томъ и заключается что элементы консерватизма сосредоточиваются исключительно въ этомъ классѣ мѣщански-самодовольныхъ *rentiers*, коимъ порядокъ дорогъ лишь насколько онъ ихъ обезпечиваетъ отъ матеріальныхъ убытковъ. Настоящіе же консервативные классы, тѣ коимъ охранительныя начала дороги не изъ одного лишь личнаго интереса, силой вещей поставлены во Франціи въ положеніе революціонеровъ.

Демонстрація принца Жерома Бонапарта, которая, казалось бы, затѣяна не въ угоду легитимной монархіи, олицетворяемой графомъ Шамборомъ, а затѣмъ и принцами изъ Орлеанскаго дома, тѣмъ не менѣе сразу подняла вопросъ объ опасности грозящей Французской республикѣ со стороны *всѣхъ* монархическихъ партій, между которыми нѣтъ солидарности. Республиканскіе радикалы поспѣшили внести предложеніе о поголовномъ изгнаніи всѣхъ членовъ фамилій нѣкогда царствовавшихъ во Франціи. Это предложеніе, которое внесъ отъ имени крайней лѣвой депутатъ Флоке, ясно показываетъ какую цѣну имѣютъ громкія фразы о „республиканской свободѣ“ кичливо противопоставляемой „монархическому произволу.“ Многочисленные принцы Орлеанскаго дома не замѣчены до сихъ поръ ни въ какихъ явныхъ или тайныхъ происках противъ существующаго порядка; они явились во Францію въ го-

дину постигшаго ее великаго бѣдствія и немедленно поступили въ ряды ея защитниковъ. Бóльшая часть изъ нихъ до сихъ поръ несутъ службу во французской арміи, исполняя оную наравнѣ съ простыми гражданами Французской республики, и лишь одинъ изъ нихъ, герцогъ Омальскій, дослужился до высокаго военнаго чина. И однако, достаточно было одной театральной выходки со стороны бонапартистскаго претендента, ихъ непримиримаго врага, чтобы навлечь на нихъ безпощадное гоненіе проповѣдниковъ „свободы, равенства и братства.“

Министерство Дюклера пожелало „смягчить“ безпощадное и крайне деспотическое предложеніе радикала Флоке. Вмѣсто общей законодательной мѣры относящейся до всѣхъ членовъ царствовавшихъ во Франціи домовъ, оно внесло предложеніе коимъ правительству предоставляется изгонять тѣхъ принцевъ „которыхъ присутствіе можетъ быть опасно для республики.“ Разница между предложеніемъ Флоке и предложеніемъ правительства, какъ говорятъ въ Парижѣ, лишь въ перестановкѣ словъ: Флоке требуетъ *l'expulsion de droit*: министерство Дюклера довольствуется однимъ *droit d'expulsion*.

Но для принцевъ Орлеанскаго дома, коихъ болѣе всего касается обсуждаемая нынѣ мѣра, предложеніе правительства едва ли не хуже чѣмъ предложеніе Флоке. Послѣднее предложеніе, которое будетъ повидимому принято палатой несмотря на сопротивленіе министерства, по всей вѣроятности было бы отвергнуто сенатомъ, какъ слишкомъ радикальное. Но предложеніе Дюклера, разъ прошедшее въ палатѣ, должно быть утверждено и сенатомъ, ибо въ противномъ случаѣ сенатъ рискуетъ вновь породить агитацію о пересмотрѣ конституціи и объ упраздненіи самого сената какъ учрежденія „тормозящаго республиканскій прогрессъ,“ о чемъ давно уже хлопочутъ радикалы. На дѣлѣ же предложеніе правительства повело бы къ тѣмъ же результатамъ что̀ и предложеніе радикаловъ, ибо тѣ изъ Орлеанскихъ принцевъ, кои были бы пощажены правительствомъ и не подверглись бы немедленному изгнанію, едва ли согласятся остаться во Франціи на произволъ администраціи, чтобы при каждой новой смѣнѣ министровъ вновь опасаться висящаго надъ ними Дамоклова меча.

Министерство Дюклера очевидно потеряло голову и не знало на что̀ рѣшиться въ виду затѣянной радикалами расправы со всѣми членами французскихъ династій. Оно не могло не сознавать что эта мѣра крайне несправедлива и должна возбудить распрю даже среди республиканцевъ, которые еще не пали ницъ предъ конвентомъ 1793 года. Съ другой стороны, для всякаго здравомыслящаго человѣка очевидно что изгнаніе изъ предѣловъ Франціи возможныхъ и дѣйствительныхъ претендентовъ на французскій престолъ отнюдь не умаляетъ опасности для республики, ибо одно изъ двухъ: либо претендентъ имѣетъ очень мало приверженцевъ въ странѣ, и тогда онъ не опасенъ пребывая въ ихъ средѣ; либо число его приверженцевъ велико и они составляютъ дѣйствительную силу. А въ этомъ случаѣ изгнаніе претендента и вообще открытое признаніе его „опаснымъ“ можетъ только усилить самоувѣренность его партіи и доставить ей бо́льшую свободу дѣйствій, не говоря ужь о томъ что при теперешнихъ средствахъ сообщенія слишкомъ легко преодолѣть разстояніе между изгнанникомъ и его партіей, и изгнанникъ имѣетъ всегда возможность появиться среди своихъ приверженцевъ когда въ этомъ настанетъ надобность. Такимъ образомъ еще подлежитъ вопросу что̀ „опаснѣе“ для республики: пребываніе ли во Франціи „подозрительныхъ принцевъ,“ состоящихъ большею частію въ военной службѣ, при которой возможенъ внимательный надзоръ за всѣми ихъ личными дѣйствіями; или же изгнаніе ихъ за предѣлы Франціи, что̀ само по себѣ должно вызвать въ нихъ горячее стремленіе къ измѣненію того порядка при коемъ они лишены отечества.

Со стороны людей стоящихъ за депутатомъ Флоке агитація въ пользу поголовнаго изгнанія принцевъ понятна. Ихъ движетъ, вопервыхъ, слѣпое озлобленіе которое они, въ качествѣ радикаловъ, питаютъ противъ монархіи, а вовторыхъ, этимъ революціонерамъ всякій скандалъ и всякая агитація на руку, если они могутъ повести къ низверженію существующаго министерства: они разчитываютъ что при настоящихъ обстоятельствахъ всякая перемѣна министерства должна совершиться въ ихъ пользу. Крайніе радикалы давно уже выдвинули *своего* кандидата въ главы кабинета, и президенту Греви рано или поздно придется призвать г. Клемансо и предоставить

ему сформированіе кабинета, или по крайней мѣрѣ значительной части онаго. Со времени Тьера, мечтавшаго объ „умѣренной республикѣ,“ составъ Французскаго правительства не переставалъ измѣняться въ смыслѣ все болѣе и болѣе радикальномъ. Этому движенію по наклонной плоскости очевидно суждено остановиться лишь когда двигаться далѣе будетъ уже некуда и когда французская республика очутится вновь лицомъ къ лицу съ мрачнымъ и кровавымъ призракомъ коммуны.

№ 18.

Москва, 17-го января.

1882 годъ прошелъ, а очередныя губернскія земскія собранія, которыя должны созываться не позже декабря, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ еще не открылись; въ другихъ они закрылись не окончивъ своихъ срочныхъ занятій за выбытіемъ до срока гласныхъ необходимыхъ для законнаго комплекта, а которыя не закрылись, тѣ ежедневно боролись съ равнодушіемъ своихъ членовъ, изъ лѣни или апатіи неохотно посѣщавшихъ засѣданія, то являясь слишкомъ поздно, то удаляясь слишкомъ рано. Если на это сѣтовали и въ столичныхъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, нечего удивляться что въ провинціи земскіе дѣятели „празднуютъ,“ разыскивая своихъ дополнительныхъ собратьевъ. Харьковское губернское собраніе закрылось 20 декабря за выбытіемъ гласныхъ, не разрѣшивъ больше одной трети представленныхъ ему докладовъ. По той же причинѣ закрылось до срока и Рязанское собраніе. Въ Калугѣ, какъ намъ телеграфировали, 8 января собраніе не открылось за отсутствіемъ гласныхъ.

Доклады касающіеся бюджетныхъ вопросовъ въ большинствѣ случаевъ едва выслушиваются; смѣтныя назначенія спѣшно утверждаются чтобы выиграть время для утвержденія послѣдующихъ, то и дѣло появляющихся изъ портфелей управъ; споры же возбуждаютъ мимоходомъ лишь тѣ статьи которыя касаются личныхъ окладовъ; спорятъ горячо и кончаютъ благополучнымъ утвержденіемъ почти всѣхъ предложеній управъ, или коммиссій, какъ бы ни была очевидна ихъ экстравагантность.

Мы уже упоминали о Черниговскомъ собраніи, которое долго не досчитывалось законнаго числа гласныхъ. Созванное на 7 декабря, оно могло быть открыто губернаторомъ только 11 числа въ $4^1/_2$ часа дня. Лишь къ этому моменту собралась одна треть гласныхъ (31 чел.). Въ рѣчи начальника губерніи, князя Шаховскаго, указанъ былъ рядъ предлежавшихъ этому собранію важныхъ задачъ, имѣющихъ цѣлью „въ связи съ мѣропріятіями правительства за текущій годъ,“ содѣйствіе развитію сельско-хозяйственной и промышленно-заводской производительности губерніи. Послѣ этой рѣчи собраніе приступило къ своимъ *очереднымъ* занятіямъ. Немедленно же началось, какъ сообщаетъ корреспондентъ газеты *Заря* (№ 277), разсмотрѣніе смѣты на 1883 годъ, „причемъ *„дѣло пошло быстро*, почти безъ преній, „такъ какъ,“ прибавляетъ онъ наивно, „споры уже имѣли мѣсто въ предварительныхъ коммиссіяхъ, да и собраніе „чувствовало свое небезопасное положеніе „въ виду возможности преждевременнаго „закрытія по недостатку гласныхъ.“ Какъ, въ самомъ дѣлѣ, не торопиться? требовалось узаконить размѣры „необязательныхъ“ расходовъ земства на будущій годъ: на содержаніе состава управы 9.400 руб.; ея канцеляріи 6.800 руб., да еще временно на ту же канцелярію 600 руб.; на статистическое отдѣленіе при управѣ же 8.000 руб.; на печатаніе *статистическихъ работъ земства* 2.500 р.; на бланки и отчеты управы 2.600 руб.; на изданіе *Земскаго Сборника* 3.000 руб.; на наемъ помѣщенія для управы 1.000 руб.; отдѣльно для собранія (на 10 дней только) 200 руб., и наконецъ на *вознагражденіе стенографа* 500 рублей. Эта статья прошла безъ преній. Что же, спрашивается, будетъ записываться въ дорого-оплаченныхъ стенограммахъ? Поневолѣ приходится сожалѣть что въ Черниговъ послѣ 7 декабря собрались еще четыре гласныхъ къ первоначально прибывшимъ 27, ибо они фактомъ своего прибытія посодѣйствовали растратѣ земскихъ сборовъ. И все это выше исчисленное было ассигновано всего „въ теченіе часа или полутора.“ 14 декабря, послѣ утвержденія смѣты, *часть гласныхъ уѣхали*, и засѣданіе въ тотъ день не могло уже состояться. Всѣ не смѣтные вопросы, по удостовѣренію той же *Зари* (№ 280), остались не разрѣшен-

ными. За то 13 числа собраніе успѣло ассигновать на составленіе статистическимъ отдѣленіемъ подворной описи уѣзда дополнительный кредитъ въ 3.000 рублей и на *пособіе женскимъ медицинскимъ курсамъ* 2.000 руб. (*Заря* № 279). Этотъ „либеральный" поступокъ земства искупитъ всѣ его грѣхи...

Въ сосѣдней съ Черниговскою, Полтавской губерніи, въ очередной сессіи 1881 г. предложена была важная для успѣховъ мѣстнаго самоуправленія мѣра, которая тогда не могла быть утверждена, потому что собраніе два раза было распущено за недостаткомъ гласныхъ, но которая была поставлена на очередь и принята почти единогласно въ настоящее время. Предложеніе это касалось изданія *Земскаго Обзора*. По поводу этой затѣи губернская управа въ своемъ докладѣ говоритъ слѣдующее: „Какъ бы ни ставили искусственныхъ предѣловъ разъединяющихъ земства разныхъ губерній, неизбѣжнымъ становится слѣдить за ходомъ земскаго хозяйства въ цѣлой Россіи; въ этомъ смыслѣ ознакомленіе съ практикой другихъ земствъ и пользованіе ихъ опытомъ крайне желательны, не говоря уже о томъ что въ смыслѣ провѣрки тѣхъ или другихъ заключеній такое знакомство необходимо" (*Заря*, № 279). Интересна программа задуманнаго земскаго періодическаго органа: изъ дебатовъ гласныхъ видно что новый земскій органъ имѣетъ выходить еженедѣльно въ размѣрѣ двухъ листовъ, что предположено отвести въ немъ „спеціальное мѣсто для руководящихъ статей по вопросамъ внутренней жизни земскихъ учрежденій," и что эта газета обойдется ежегодно всего въ 4.500 руб. Это немного дороже чѣмъ Черниговскій *Земскій Сборникъ*, который будетъ выходить неизвѣстно въ какіе сроки, безъ руководящихъ статей... Намъ все-таки кажется что Полтавское земство съ удобствомъ могло бы позаимствовать у сосѣда оттиски тѣхъ отчетовъ которые печатаются вѣроятно въ громадномъ числѣ экземпляровъ если на это тратятъ 2.600 рублей. Можетъ-быть полтавскіе земцы этимъ путемъ добыли бы и „знакомство съ практикой" и „провѣрку заключеній," и въ собственной газетѣ не нуждались бы. Но полтавскимъ земцамъ показалось напротивъ что имъ одного изданія мало, и управа предполагаетъ издавать для нихъ еще *Сборникъ Постановленій Полтавскаго Земства*, который, по словамъ корреспондента *Зари*, послужитъ указаніемъ „гдѣ и въ чемъ пробѣлъ въ дѣятельности земства." Но гдѣ и въ чемъ заключается этотъ пробѣлъ не трудно видѣть и безъ *Сборника*... Затѣмъ, въ промежуткахъ между личными препирательствами, земство постановило отпустить 500 рублей на исправленіе могилы Тараса Шевченка и рѣшило открыть подписку на памятникъ автору *Кобзаря* (*Заря*, № 282). Снова „либеральная" трата, которою смягчаются другія непроизводительныя.

Подвиги земскихъ гласныхъ другихъ губерній не менѣе назидательны.

Саратовское собраніе офиціально было открыто 7 декабря, и уже на другой день засѣданіе его долго не могло состояться за отсутствіемъ законнаго (31) числа гласныхъ. Разсмотрѣвъ всего одинъ докладъ о перенесеніи нѣкоторыхъ расходовъ по дорожнымъ сооруженіямъ изъ губернской въ уѣздныя земскія смѣты, собраніе 9 декабря утвердило девять статей земскаго бюджета безъ преній, остановившись лишь на статьѣ: *содержаніе губернской земской управы*. Такъ сообщаетъ *Саратовскій Листокъ* (№ 271). Предложены были два вопроса: 1) о спеціализированіи источника изъ котораго платятъ жалованье (sic), и 2) о сокращеніи числа членовъ управы. Въ чемъ собственно заключается операція „спеціализированія источника" мы изъ отчета *Листка* не уразумѣли, но узнали что собраніе оба предложенія отвергло, и очень шумѣло при обсужденіи еще третьяго предложенія губернской управы, объ увеличеніи отпускаемой на его содержаніе суммы съ 7.600 до 9.000 руб. и о томъ чтобы „простили" долгъ въ 921 р. числящійся на ея членахъ. Пренія были жаркія, но пустыя, такъ-сказать аматерскія, такъ какъ въ нихъ участвовало недостаточное число гласныхъ (комплектъ успѣлъ улетучиться), и собраніе пришлось закрыть, оставивъ вопросъ открытымъ. На другой день, когда 31-й гласный завернулъ невзначай въ залъ гдѣ ораторствуютъ земскіе чины, собраніе поторопилось *закрыть* щекотливый вопросъ, отпустивъ своей управѣ просимые 9.000 рублей. Но долги оно не сразу согласилось простить, а немного поломалось. Одно предложеніе: простить долги лишь тѣмъ служащимъ которые получаютъ менѣе 45 р. въ мѣсяцъ,

не прошло; провалилось и другое, которое предлагало прощеніе долговъ всѣмъ служащимъ, „но съ тѣмъ чтобы на будущее время этого не было." Затѣмъ, надо думать, разрѣшая сіе и на будущее время, собраніе постановило: *„снести со счетовъ долги числящіеся на служащихъ."*

11 декабря ареопагъ саратовскихъ гласныхъ бездѣйствовалъ: опять не досчитались гласныхъ... За то 12 декабря земская хроника Саратовской губерніи обогатилась замѣчательнымъ эпизодомъ. Дебатировался вопросъ объ отпускѣ на содержаніе женской гимназіи въ Саратовѣ 5.000 рублей, разрѣшенномъ еще въ 1879 году когда Министерство Народнаго Просвѣщенія уважило ходатайство земства о допущеніи его представителей къ участію въ конференціяхъ гимназіи, съ правомъ голоса. Губернская управа полагала въ своемъ докладѣ что этотъ расходъ долженъ почитаться постояннымъ. Гласный Ѳедоровскій, бывшій членъ конференціи отъ земства, сталъ доказывать что земство можетъ и не давать вспоможенія гимназіи на будущее время, если гимназія не будетъ этого заслуживать. Время это, по мнѣнію оратора, наступило, ибо въ гимназіи замѣчаются безпорядки. На замѣчаніе гласнаго Сафонова что земство не въ правѣ контролировать дѣятельность конференціи гимназіи, и что вообще ему не слѣдуетъ „дискредитировать" гимназію въ глазахъ общества разоблаченіемъ небывалыхъ, не названныхъ безпорядковъ, гласный Абакумовъ, состоящій въ настоящее время членомъ гимназической конференціи отъ земства, возразилъ что, по его мнѣнію, „называть безпорядки не требуется, такъ какъ они слишкомъ извѣстны не только гласнымъ, но и всему городу." Главный же безпорядокъ, по мнѣнію большинства, заключается де въ *„распущенности ученицъ,* что̀ происходитъ вслѣдствіе отсутствія между членами конференціи солидарности въ дѣлѣ воспитанія;" затѣмъ г. Ѳедоровскій указалъ на то обстоятельство что вопросъ „объ отношеніи членовъ конференціи къ воспитанницамъ и другъ къ другу возбуждался въ засѣданіи конференціи, но не былъ допущенъ къ разрѣшенію начальникомъ заведенія." Земское собраніе опредѣлило: утвердить расходъ въ 5.000 р. на гимназію, но довести до свѣдѣнія попечителя учебнаго округа о всемъ что̀ говорено было въ собраніи, и если разладъ между членами конференціи, мѣшающій надлежащему успѣху заведенія, не будетъ устраненъ, просить о назначеніи ревизіи (*Саратовскій Листокъ* № 274). Послѣ этихъ разоблаченій, Саратовское земство, съ разрѣшенія предсѣдателя, отдыхало пять минутъ, и затѣмъ, выслушавъ рѣчь гласнаго Лятошинскаго *о пользѣ женскихъ врачебныхъ курсовъ,* на вопросъ своего предсѣдателя, угодно ли будетъ собранію сдѣлать какое-либо пожертвованіе на эти курсы, отвѣтило утвердительно и ассигновало 1.000 руб. „почти единогласно," какъ сообщаетъ *Саратовскій Листокъ,* забывъ что семь изъ 31 гласныхъ подали протестъ, доказывая что 3 ст. Полож. о Земск. Учрежд. запрещаетъ собранію заниматься нуждами учрежденій состоящихъ внѣ предѣловъ своей губерніи. Протестъ такъ и остался только протестомъ.

№ 19.

Москва, 18-го января.

Читая газетные отзывы и толки по поводу публикуемыхъ государственныхъ бюджетовъ и *Отчетовъ Государственнаго Контроля,* невольно задаешь себѣ вопросъ: для чего эти бюджеты и отчеты публикуются? Конечно не для того чтобы въ газетахъ появлялись поверхностныя и легковѣсныя, но непремѣнно тенденціозныя, оптимистическія или пессимистическія сужденія, то съ цѣлію сыграть въ руку биржевыхъ повышателей и понижателей, то, напримѣръ, съ цѣлію доказать что Россія будто бы дошла до „такого невозможнаго въ финансовомъ отношеніи положенія" изъ котораго де „единственный выходъ представляетъ система децентрализаціи управленія, съ возложеніемъ попеченія о всѣхъ мѣстныхъ нуждахъ на мѣстныя же общественныя силы и—понятно само собою—съ организаціей болѣе крупныхъ и сильныхъ земскихъ единицъ чѣмъ губернія." Эту мысль, „высказанную уже раньше въ рядѣ статей о государственной росписи на 1882 годъ помѣщенныхъ въ журналѣ *Русская Мысль,"* проповѣдуетъ нынѣ *Голосъ* (№ 3),—не говорящій прямо что̀ онъ разумѣетъ подъ „болѣе крупными сильными земскими единицами," одно ли только, напримѣръ, Царство Польское, или со вклю-

ченіемъ въ него, ради большей крупности и силы, еще Сѣверо-Западнаго и Юго-Западнаго края, — но указывающій, „какъ неизбѣжный выходъ изъ нашихъ финансовыхъ затрудненій,“ установленіе такихъ порядковъ чтобы „на заботы этихъ общественныхъ силъ, этихъ общественныхъ учрежденій, отошло вполнѣ и всецѣло управленіе средствами необходимыми для удовлетворенія всѣхъ мѣстныхъ потребностей; на Министерствѣ же Финансовъ остались бы только попеченія о средствахъ необходимыхъ на содержаніе арміи, флота и центральныхъ учрежденій.“ Постановкой подобныхъ вопросовъ (которые не хуже *Голоса* ставилъ и шляхтичъ Мирскій на судѣ) достигаются ли цѣли въ какихъ правительство ежегодно знакомитъ публику съ положеніемъ своихъ финансовъ?

Хороши или дурны наши финансы — а они вовсе не такъ дурны какъ стараются представить ихъ, причемъ и вычисленный Государственнымъ Контролемъ крупный дефицитъ коимъ заключилось исполненіе государственной росписи 1881 года, при внимательномъ разсмотрѣніи контрольныхъ цифръ, на дѣлѣ сильно сокращается и теряетъ свою пугающую облицовку, — хороши или дурны наши финансы, правительство, знакомя съ ихъ положеніемъ публику, ужь конечно ждетъ отъ нея не пустыхъ аховъ и вздоховъ. Полагаемъ что въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ, отъ публики ожидается посильное содѣйствіе задачамъ финансовой и контрольной администраціи; что гласность въ этомъ дѣлѣ, подобно гласности на судѣ, имѣетъ своею цѣлію поддерживать органы этой администраціи на высотѣ ихъ призванія, давая возможность каждому подмѣтить и указать ошибки и недосмотры возможные во всякой дѣятельности, ибо errare humanum est.

Отлагая до времени разъясненіе почему вышеупомянутый, показанный въ *Отчетѣ Государственнаго Контроля*, восьмидесятимилліонный дефицитъ представляется намъ очень преувеличеннымъ, считаемъ долгомъ прежде всего указать на одинъ замѣченный нами недосмотръ имѣющій, какъ намъ кажется, немаловажное значеніе. Дѣло идетъ о капиталѣ почти въ *десять милліоновъ рублей*, который показывается въ числѣ суммъ имѣющихъ опредѣленное назначеніе и потому не могущихъ быть употребленными на текущія государственныя нужды, но который, — какъ явствуетъ именно изъ *Отчетовъ Государственнаго Контроля* и *Объяснительныхъ къ нимъ Записокъ*, — ни на какое употребленіе нейдетъ и лежитъ въ кассахъ втунѣ, тогда какъ не только можетъ, но долженъ пойти на подкрѣпленіе бюджетныхъ средствъ, особенно въ такое время когда бюджетные дефициты требуютъ то займовъ, то возвышенія налоговъ или введенія новыхъ.

Было бы не трудно разъяснить этотъ фактъ въ немногихъ словахъ еслибы наша публика была нѣсколько болѣе знакома съ контрольными терминами и порядками счетоводства. Но хотя контрольные отчеты публикуются вотъ уже шестнадцать лѣтъ, хотя въ теченіе этого времени писалось о нихъ очень много, причемъ они служили для нашей „прессы“ источникомъ откуда обильно черпались мнимо-вѣскія доказательства необходимости то ввести конституцію, то обратить Россію въ федеративное государство, то слѣдовать въ международной политикѣ извѣстному присловью „Ерёма, Ерёма, сидѣлъ бы ты дома,“ — сами контрольные отчеты и сущность того что въ нихъ содержится донынѣ остаются если не для всей, то для большинства публики темною водой во облацѣхъ. Это вынуждаетъ насъ войти въ предварительныя объясненія.

Разверните *Объяснительную Записку* къ *Отчету* Контроля за 1875 годъ*) на 34 страницѣ; тамъ, въ пяти графахъ подъ общимъ заглавіемъ „дѣйствительно израсходовано,“ значатся слѣдующіе итоги государственныхъ расходовъ:

Въ 1871	499.734.633 р.
„ 1872	523.077.475 „
„ 1873	539.140.337 „
„ 1874	543.317.034 „
„ 1875	543.221.521 „

Не думайте, однако, чтобъ эти показанныя „дѣйствительно израсходованными“ суммы были въ означенные годы дѣйствительно израсходованы. Возьмите контрольныя *Объяснительныя Записки* за 1871 (стр. 53), 1872 (стр. 39), 1873 (стр. 26), 1874 (стр. 27) и 1875 (стр. 23) годы, и

*) Беремъ этотъ годъ, какъ послѣдній въ которомъ не было чрезвычайныхъ расходовъ на военныя надобности и потому, при отсутствіи этого усложняющаго счеты элемента, болѣе удобный для объясненія.

вы увидите въ графѣ озаглавленной „израсходовано въ теченіе смѣтнаго періода“ слѣдующіе менѣе крупные итоги государственныхъ расходовъ:

Въ 1871—480.890.010 р. 26 к.
„ 1872—502.544.252 „ 85 „
„ 1873—513.048.630 „ 49 „
„ 1874—516.557.673 „ 74 „
„ 1875—521.895.523 „ 45 „

Эта значительная разница въ цифрахъ относящихся къ одному и тому же году происходитъ отъ того что въ итогъ „дѣйствительнаго расхода“ включаются суммы не только въ самомъ дѣлѣ израсходованныя, но и которыя „подлежатъ еще къ отпуску (то-есть израсходованію) въ теченіе слѣдующихъ смѣтныхъ періодовъ.“ Эти послѣднія суммы откладываются и хранятся въ кассахъ для удовлетворенія кредиторовъ казны по разнымъ частямъ расходныхъ смѣтъ за прежніе годы. Назовемъ эти ежегодно откладываемыя суммы общимъ именемъ депозитнаго фонда. Въ этомъ фондѣ отчисляемыя въ него суммы не должны храниться вѣчно: только въ теченіе четырехъ лѣтъ кредиторы казны могутъ получать изъ этого фонда что имъ слѣдуетъ; по прошествіи же четырехъ лѣтъ, „удовлетвореніе не выполненныхъ въ прежнее время потребностей“ прекращается, и остающіяся невытребованными суммы, какъ „свободный остатокъ,“ обращаются въ доходъ казны. Правило это не распространяется единственно на „платежи по государственнымъ долгамъ:“ по этой статьѣ удовлетвореніе кредиторовъ казны не прекращается и по минованіи упомянутаго четырехлѣтняго срока, и нужныя для сего суммы не поступаютъ въ доходъ казны, но по 1874 годъ включительно оставлялись въ депозитномъ фондѣ; начиная же съ 1875, платежи по государственнымъ долгамъ покрывались уже изъ депозитнаго фонда въ четырехлѣтній періодъ полностію, почему свободные остатки отъ депозитовъ прежнихъ лѣтъ поступаютъ въ казну сполна, безо всякаго изъ нихъ вычета *).

Теперь приступимъ къ дѣлу, въ надеждѣ что наше дальнѣйшее изложеніе будетъ вполнѣ понятно читателямъ.

*) Если не считать вычетомъ такъ-называемые „расходы при заключеніи росписи незаявленные;“ въ нашей сегодняшней статьѣ принимать эти расходы въ разсчетъ нѣтъ никакой надобности.

Какъ великъ долженъ быть депозитный фондъ перешедшій отъ 1881 въ наслѣдство 1882 году, и изъ какихъ именно суммъ долженъ онъ состоять? Вотъ вопросъ, разъясненіемъ коего открывается тотъ, почти десятимилліонный, праздно лежащій капиталъ, который давно долженъ былъ поступить, но донынѣ не поступилъ въ распоряженіе Министерства Финансовъ.

Въ депозитномъ фондѣ къ 1882 году должны были оставаться, вопервыхъ, 61.160.061 р. 22 к. (*Обз. Зап.*, 1881, стр. 27) для покрытія неисполненныхъ расходовъ 1881 года; вовторыхъ, сумма равная итогу оставшихся неисполненными расходовъ за предшедшіе три года: 1880, 1879 и 1878. Этотъ итогъ счесть не трудно. Неисполненныхъ расходовъ къ 1882 году оставалось *):

Отъ 1880	12.362.466 р.	8 к.
„ 1879	12 819.550 „	12 „
„ 1878	5.113.755 „	92 „
Итого . .	30.295.772 „	12 „

Итакъ для полнаго покрытія всѣхъ расходовъ 1878, 1879 и 1880 годовъ оставшихся неисполненными къ 1882 году требовалось имѣть въ депозитномъ фондѣ равно 30.295.772 р. 12 к.

*) Вотъ счетъ этихъ неисполненныхъ расходовъ сдѣланный на основаніи данныхъ приведенныхъ въ *Объяснительныхъ Запискахъ* Государственнаго Контроля.

	Руб.	К.
Отъ 1880 неисполненныхъ расходовъ оставалось	53.193.915	86
(*Об. Зап.* 1880, стр. 27).		
Въ этотъ счетъ въ 1881 уплачено	40.831.449	78
(*Об. Зап.* 1881, стр. 51).		
Осталось къ 1882	*12.362.466*	*8*
Отъ 1879 неисполненныхъ расходовъ оставалось	64.452.590	32
(*Об. Зап.* 1879, къ стр. 22).		
Уплачено:		
Въ 1880 . . . . 39.451.024 19		
(*Об. Зап.* 1880, стр. 49).		
Въ 1881 . . . 12.182.016 1		
(*Об. Зап.* 1881, стр. 50).		
Итого	51.633.040	20
Осталось къ 1882	*12.819.550*	*12*
Отъ 1878 неисполненныхъ расходовъ оставалось	40.779.959	25
(*Об. Зап.* 1878, къ стр. 26).		
Уплачено:		
Въ 1879 . . . . 25.314.753 33		
(*Об. Зап.* 1879, стр. 41).		
Въ 1880 . . . . 9.058.701 9		
(*Об. Зап.* 1880, стр. 48).		
Въ 1881 . . . . 1.292 748 91		
(*Об. Зап.* 1881, стр. 50).		
Итого	35.666.203	33
Осталось къ 1882	*5.113.755*	*92*

А какая сумма значится въ депозитномъ фондѣ для покрытія этихъ расходовъ по *Объяснительной Запискѣ* къ послѣднему, недавно вышедшему *Отчету Государственнаго Контроля* за 1881 годъ (стр. 47)?

40.266.747 руб. 68 коп., то-есть *на 9.970.975 р. 56 к. больше чѣмъ нужно*.

Для уплатъ за 1878, 1879 и 1880 годы этотъ десятимилліонный капиталъ не нуженъ. Но не требуется ли онъ для обезпеченія уплаты неисполненныхъ расходовъ болѣе раннихъ лѣтъ: 1877, 1876, 1875?

Нѣтъ, не требуется: отъ этихъ лѣтъ никакихъ неисполненныхъ расходовъ не осталось. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, довольно сдѣлать справку въ *Объяснительныхъ Запискахъ* къ *Отчетамъ Государственнаго Контроля* за 1881 (стр. 47), 1880 (стр. 45) и 1879 (стр. 42) годы. Эта справка показываетъ что всѣ кредиты 1877, 1876 и 1875 годовъ окончательно закрыты, и что по заключеніи счетовъ съ кредиторами казны, неистребованныя ими суммы, сдѣлавшіяся свободными отъ всякаго назначенія, изъяты изъ депозитнаго фонда, причемъ не понадобилось оставлять въ немъ ни копѣйки на „платежи по государственнымъ долгамъ,“ такъ какъ всѣ таковые платежи уже были произведены полностію.

Но, можетъ-быть, вышеупомянутую сумму 9.970.975 р. 56 к. нужно держать въ депозитномъ фондѣ на покрытіе расходовъ оставшихся неисполненными отъ 1874 и еще болѣе давнихъ лѣтъ?

Нѣтъ, никакой надобности въ этомъ не имѣется. *Въ послѣдній разъ* уплаты изъ депозитнаго фонда по расходамъ 1874 года (7.687.547 р. 99 к.) и прежнихъ лѣтъ (1.463.384 р. 64 к.) были сдѣланы въ 1878 году (*Об. Зап.* 1878, стр. 44). Съ тѣхъ поръ, въ уплатѣ расходовъ за 1874 и прежніе годы *уже никакой надобности не представлялось*. Признаніе ненадобности таковыхъ уплатъ самимъ Государственнымъ Контролемъ выразилось въ томъ что начиная съ 1879 года въ *Объяснительныхъ Запискахъ* къ его *Отчетамъ* устранена изъ таблицъ самая графа куда бы могли заноситься расходы за „прежнее время,“ то-есть за время *до* четырехлѣтняго періода предшествующаго отчетному году (*Объясн. Зап.* 1879, стр. 40, 1880, стр. 46, 1881, стр. 48).

Итакъ, удерживаемый въ депозитномъ фондѣ почти десятимилліонный капиталъ не требуется ни для расходовъ 1878—1881 годовъ, ни для расходовъ 1875—1877 годовъ, ни для расходовъ 1874 и другихъ давно прошедшихъ лѣтъ. Для чего же онъ лежитъ въ этомъ фондѣ, зачѣмъ не поступаетъ въ Государственное Казначейство для уменьшенія надобности въ займахъ и налогахъ? Не напоминаетъ ли этотъ забытый въ кассахъ, не имѣющій никакого назначенія, затерявшійся въ контрольныхъ итогахъ *десятимилліонный* капиталъ извѣстнаго анекдота о часовомъ поставленномъ въ прошломъ столѣтіи въ одномъ изъ Императорскихъ садовъ къ кусту розъ съ нераспустившимся бутономъ который прогуливавшаяся императрица пожелала сберечь нетронутымъ до другаго дня? Разсказываютъ что у куста учрежденъ былъ караульный постъ, на которомъ часовые смѣнялись одинъ за другимъ обычнымъ порядкомъ; прошли года, скончалась великая государыня, смѣнялись одно другимъ новыя царствованія, а караульный постъ среди сада у куста все оставался, хотя давно всѣми было забыто почему это дѣлалось, и когда наконецъ, уже въ текущемъ столѣтіи, возникъ объ этомъ вопросъ, не сразу могли объяснить значеніе этого неумѣстнаго караульнаго поста. Не слѣдуетъ ли обратить къ полезному назначенію забытый десятимилліонный капиталъ точно также какъ и забытаго анекдотическаго часоваго?

Шла и не перестаетъ идти рѣчь о печальномъ положеніи въ какомъ находятся бѣдные вкладчики обанкрутившагося Скопинскаго Банка, которымъ предстоитъ получить чуть ли не по пяти копѣекъ за рубль по тѣмъ вкладнымъ билетамъ которые по закону, въ опредѣленныхъ имъ границахъ и условіяхъ, должны приниматься казной „наравнѣ съ наличными деньгами.“ Шла и идетъ рѣчь о томъ что казна должна придти на помощь этимъ не по ихъ винѣ разореннымъ вкладчикамъ, принявъ на себя уплаты по вкладамъ и предоставивъ себѣ, а не бѣдному люду взысканія съ виновныхъ въ растратѣ, изъ коихъ главнаго, Рыкова, рядомъ дарованныхъ ему знаковъ отличія, правительство какъ бы рекомендовало особому довѣрію публики. Противъ оказанія вкладчикамъ этой справедливости или милости выставлялся тотъ аргументъ что у казны, при нашемъ будто бы безвыходномъ финансовомъ положеніи, нѣтъ для того свободныхъ денежныхъ средствъ, а ихъ понадобилось

бы — шутка сказать — можетъ-быть семь милліоновъ; можетъ-быть еще болѣе. Но вотъ оказывается налицо остававшійся донынѣ никому невѣдомымъ, совершенно свободный, почти десятимилліонный капиталъ!

„Безысходное финансовое положеніе,“ доказываемое ссылкой на исчисленный въ контрольномъ отчетѣ за 1881 годъ дефицитъ въ 80.659.140 р. 58 к. (*Об. Зап*: 1881, стр. 45). Но вѣдь эта контрольная цифра имѣетъ лишь бухгалтерское, а не дѣйствительное значеніе: она получилась лишь потому что въ итогъ доходовъ 1881 года не включены „остатки отъ расходовъ заключенныхъ смѣтъ 1877 года“ въ суммѣ 35.404.946 р. 77 к. Включите эту сумму въ счетъ доходовъ, и размѣръ дефицита съ 80 сократится до 45 милліоновъ. Нѣтъ основанія не считать свободныхъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ прежнихъ лѣтъ въ ряду „обыкновенныхъ доходовъ:“ эти свободные остатки *ежегодно* поступаютъ въ доходъ казны, хотя сумма этихъ поступленій и не доходила никогда до цифры 1881 года. Подвергните обстоятельному разбору еще нѣкоторыя цифры, и окажется что финансовое, а не бухгалтерское, значеніе дефицита 1881 года должно быть опредѣлено не только не 80 милліонами, но и не 45 милліонами, а много меньшею цифрой. Вычтите затѣмъ изъ этой цифры вышеуказанный забытый въ депозитномъ фондѣ десятимилліонный капиталъ, великъ ли затѣмъ окажется дефицитъ и такъ ли онъ страшенъ какъ его малюютъ?

№ 20.

Москва, 19-го января.

„По истинѣ, заговоры и комплоты во Франціи приняли характеръ эпидеміи,“ замѣчаетъ парижскій корреспондентъ *Кельнской Газеты* въ письмѣ отъ 20 января. Зараза появилась де въ прошломъ году и теперь только усиливается; говорятъ разомъ о четырехъ заговорахъ: наполеонистскомъ, легитимистскомъ, орлеанистскомъ и биржевомъ подъ патронатомъ Ротшильда, который будто бы для своихъ цѣлей добивается президентства герцога Омальскаго. „Словомъ, добавляетъ корреспондентъ, кто хочетъ изучать искусство заговоровъ, тому положительно слѣдуетъ посѣтить Францію, гдѣ онъ можетъ встрѣтить лишь одно затрудненіе въ своихъ занятіяхъ, это обиліе матеріала,“ такъ какъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ де Француза который не былъ бы заговорщикомъ. Къ этимъ четыремъ заговорамъ теперь грозитъ присоединиться еще пятый, „революціонный,“ предложенный открыто на одномъ изъ парижскихъ митинговъ и ставящій цѣлью „воспользоваться борьбою буржуазной республики съ монархистами“ чтобы нанести ударъ обѣимъ этимъ сторонамъ и „сразу покончить съ ними.“ А для этого нужно де организовать баталіоны революціонеровъ въ Буржѣ, Реймсѣ, Неверѣ и Роанѣ, „гдѣ число хозяевъ незначительно и гдѣ армія пролетаріевъ велика.“ Проектъ организаціи созданъ очевидно ad hoc и можетъ-быть даже подъ вліяніемъ слуховъ о заговорѣ и организаціи роялистовъ. Во всякомъ случаѣ сходство наружное есть. Про роялистовъ говорятъ что они организуютъ „баталіоны Католическаго Союза“ въ зáмкахъ запада Франціи; революціонеры, желающіе покончить и съ „мѣщанскою республикой“ и съ монархистами, мечтаютъ о „баталіонахъ революціонеровъ“ въ городахъ охватывающихъ Парижъ съ сѣверо-востока. Трудно не замѣтить что всѣ эти „баталіоны“ о которыхъ теперь разказывается одного происхожденія; всѣ они только варіаціи припѣва *Марсельезы*: „Aux armes, citoyens! formez vos bataillons“... Телеграфъ извѣстилъ что 25 (13) января, въ коммиссіи по дѣлу претендентовъ, министръ внутреннихъ дѣлъ назвалъ слухи о заговорѣ и организаціи легитимистовъ лишенными основанія; они выдуманы де въ Парижѣ людьми хорошо извѣстными правительству, которое за ними внимательно слѣдитъ. Военный министръ поспѣшилъ добавить что настроеніе арміи превосходное, что дисциплина соблюдается весьма строго и что въ арміи не обнаруживалось ничего противнаго существующему порядку. Эти министерскія заявленія убѣдительно доказываютъ что слухамъ о монархистскомъ заговорѣ и организаціи во Франціи вѣрили, во всякомъ случаѣ, многіе даже изъ тѣхъ кто по своему положенію могли бы скорѣе другихъ узнать истину. Надо припомнить что свѣдѣнія о роялистской организаціи появились первоначально въ такихъ газетахъ какъ *Evénement*, *la Paix* и *Voltaire*, и что газета *Temps*, при своемъ обычно-сдержанномъ тонѣ, назвала сущность сообщеннаго

ими „не подлежащею сомнѣнію," хотя подробности можетъ-быть и не совсѣмъ де точны. Парижскій корреспондентъ *Daily News*, передавая все это по телеграфу въ Лондонъ, съ увѣренностью оговаривается что „это не утка, но результатъ правительственнаго дознанія." Два дня спустя, 21 января, парижскій корреспондентъ *Кельнской Газеты* не менѣе настойчиво увѣряетъ что „правительство теперь самымъ подробнымъ образомъ освѣдомлено о роялистскихъ замыслахъ, и что свѣдѣнія парижскихъ газетъ о приготовленіяхъ роялистовъ отнюдь не преувеличены." А между тѣмъ свѣдѣнія эти были дѣйствительно почти чудовищныя. Что въ самомъ дѣлѣ разказывалось? Въ зáмкахъ всего запада Франціи уже почти организована сила въ 32 баталіона и найдены лошади въ числѣ достаточномъ для сформированія двухъ полковъ кавалеріи. Тридцать два баталіона составляютъ двѣ сильныя дивизіи пѣхоты, каждая въ 16 баталіоновъ. Это цѣлый корпусъ пѣхоты. Всякому извѣстно какъ трудно организовать такую силу даже при полной свободѣ дѣйствій, которой въ данномъ случаѣ быть не могло. Не легко расписать по баталіонамъ тридцать двѣ тысячи человѣкъ находящихся даже въ полномъ распоряженіи организатора и являющихся отбывать свою воинскую повинность, а въ данномъ случаѣ надо было еще навербовать волонтеровъ, и какъ навербовать? — даромъ, во имя извѣстнаго принципа и съ соблюденіемъ полной тайны. Передавался впрочемъ и самый процессъ вербовки: въ зáмкахъ запада устраивались де охоты на которыя были приглашены окрестные поселяне. Здѣсь, на охотѣ, стало-быть всенародно, ихъ убѣждали записываться въ роялистскіе баталіоны. Все это, конечно, не могло бы сохраняться въ тайнѣ долгое время, точно также какъ всѣ эти охоты не могли слѣдовать одна за другою въ короткій срокъ... Какъ ни мало правдоподобія было во всѣхъ слухахъ о роялистской организаціи, имъ упорно вѣрили. И въ этомъ можетъ-быть самая интересная сторона всего дѣла. Сказкамъ Жюля Верна никто не повѣритъ; вѣрятъ если не существующему, то возможному. Самая вѣра въ возможность подобнаго заговора не доказываетъ ли, съ одной стороны, что монархисты располагаютъ во Франціи громадными средствами и силою, а съ другой, общую увѣренность въ слабости теперешняго республиканскаго правительства, у котораго на глазахъ могли бы совершиться приготовленія къ его низверженію. Эта увѣренность съ замѣчательною откровенностью высказана была на митингѣ „революціонеровъ" въ Парижѣ, которые находятъ возможнымъ привести въ исполненіе организацію совершенно подобную роялистской, даже впередъ заявивъ объ этомъ громогласно и несмотря на неудачу своихъ прежнихъ попытокъ въ этомъ смыслѣ. Все это высказывалось съ публичной трибуны на митингѣ. Можно ли всенародно предлагать что-нибудь совершенно немыслимое, несбыточное, не возбуждая если не негодованія, то по крайней мѣрѣ смѣха и презрѣнія? А между тѣмъ оратора встрѣтили даже восторженно.

Всѣ эти слухи и толки пріобрѣтаютъ значеніе симптомовъ кризиса который Франція переживаетъ. При этихъ условіяхъ становится весьма интереснымъ и тотъ фактъ что въ странѣ нѣтъ полной увѣренности въ благонадежности той арміи на которую опирается правительство. Военный министръ старался разсѣять это недовѣріе. Успѣлъ ли онъ въ этомъ и былъ ли онъ правъ, покажутъ обстоятельства. Пока любопытно что министръ и самъ какъ будто не вполнѣ вѣрилъ тому въ чемъ старался убѣдить другихъ. По крайней мѣрѣ онъ допускаетъ что удаленіе принцевъ со службы „можетъ возбудить неудовольствіе въ арміи" съ которымъ слѣдуетъ считаться. А между тѣмъ принцы, по словамъ того же министра, „не занимаютъ исключительнаго положенія въ арміи." Гдѣ же дисциплина въ той арміи изъ которой правительство не можетъ безъ риска удалить лица которому не довѣряетъ? Что-нибудь одно: или во французской арміи дисциплина расшатана, или что принцы въ арміи значатъ то же что въ республикѣ Гамбетта.

№ 21.

Москва, 20-го января.

Извѣстія изъ Вѣны за послѣдніе дни переполнены подробностями о блестящемъ пріемѣ оказанномъ въ Вѣнѣ русскому министру Иностранныхъ Дѣлъ, пріемѣ, какого, по словамъ одной изъ вѣнскихъ телеграммъ, „не было оказано ни одному иностранному сановнику." Если судить на

основаніи вѣнскихъ признаковъ, то пріемъ этотъ во многомъ напоминаетъ знаменитый пріѣздъ въ Вѣну князя Бисмарка осенью 1879 года, и тѣ изъ вѣнскихъ газетъ, въ которыхъ отражается настроеніе придворныхъ сферъ, стараются установить и внутреннюю связь между этими визитами двухъ иностранныхъ министровъ, намекая на то что пріѣздъ г. Гирса въ Вѣну будетъ имѣть своимъ результатомъ „расширеніе" установленныхъ въ 1879 году, при посредствѣ князя Бисмарка, интимныхъ отношеній. Будутъ вѣроятно и другіе комментаріи, ибо если припомнимъ что тѣсный союзъ между Германіей и Австріей, основанный въ 1879 году, усиленно выставлялся въ теченіе трехъ лѣтъ какъ „шахматный ходъ" противъ Россіи, то теперешнее сближеніе съ нею, если судить по пріему статсъ-секретаря Гирса, могло бы быть понимаемо какъ перестановка прежней комбинаціи и какъ прекращеніе того „исключительнаго" единенія, о коемъ еще недавно германская печать отзывалась какъ о двойственномъ союзѣ, въ которомъ „нѣтъ мѣста для третьяго."

Но само собою разумѣется что всѣ эти толки газетъ будутъ ничѣмъ инымъ какъ „свободными" измышленіями по поводу событія слишкомъ замѣтнаго съ наружной стороны, но внутренній смыслъ котораго не скоро еще будетъ очевиденъ для публики.

Пока имѣется лишь одно указаніе на дѣйствительно наступившую перемѣну: разсуждая о циркулярной нотѣ Англійскаго правительства отъ 3 января по поводу Египта, вѣнская, а за нею и берлинская печать толкуютъ о положеніи принятомъ по отношенію къ предложеніямъ Англіи „тремя имперіями," причемъ присовокупляется что окончательное рѣшеніе по этому предмету было отложено до пріѣзда русскаго министра въ Вѣну.

Но если по этому предмету рѣшено дѣйствовать на основаніи тройственнаго соглашенія, то это во всякомъ случаѣ будетъ лишь соглашеніе отрицательнаго свойства, ибо повидимому всѣ европейскія державы, за исключеніемъ Франціи, заявившей протестъ противъ англійской ноты, рѣшились сохранить выжидательное положеніе и предоставить пока Англіи самой разрѣшить тотъ рядъ вопросовъ, который ею указывается въ ея нотѣ, не высказывая ни одобренія, ни порицанія ея будущимъ затѣямъ на берегахъ Нила. Такая выжидательная политика есть только продолженіе образа дѣйствій принятаго съ тѣхъ поръ какъ Константинопольская конференція по египетскимъ дѣламъ прекратила свои занятія, и Англіи предоставлено было дѣйствовать на свой рискъ и страхъ. Египетскій вопросъ есть часть великаго Восточнаго вопроса, и окончательное рѣшеніе на берегахъ Нила невозможно доколѣ отмѣчена вопросительнымъ знакомъ будущая судьба Балканскаго полуострова и владычества турецкаго султана вообще. Англійскіе министры расточаютъ письменныя и словесныя увѣренія въ томъ что они не питаютъ корыстныхъ замысловъ насчетъ Египта и не намѣрены въ чемъ-либо нарушить международныя права, основанныя на трактатахъ. Довѣряться или нѣтъ этимъ обѣщаніямъ—коль скоро никто не желаетъ дѣятельно вмѣшаться въ дѣло, нѣтъ надобности поднимать безплодныя пререканія и дѣлать протесты въ родѣ того который сочло нужнымъ предъявить министерство г. Дюклера.

Циркулярная нота Британскаго кабинета отъ 3 января распадается на двѣ части, изъ коихъ первая трактуетъ о той сторонѣ Египетскаго вопроса которая, по мнѣнію Англійскаго правительства, имѣетъ характеръ международный, а вторая касается внутреннихъ интересовъ Египта. Англія признаетъ за европейскими державами право заявить свое мнѣніе лишь относительно первой части вопроса, и тутъ прежде всего выдвигается будущее положеніе Суэзскаго канала. Не заявляя формально о нейтрализаціи канала, Англія предлагаетъ чтобы каналъ оставался свободнымъ для прохода судовъ во всякое время и при всѣхъ политическихъ обстоятельствахъ, но со слѣдующими ограничительными условіями: на случай войны долженъ быть установленъ крайній срокъ въ теченіе котораго военное судно можетъ оставаться въ каналѣ, причемъ не дозволяется ни въ какомъ случаѣ высаживать на берега канала войско или складывать наономъ военные припасы. Никакія военныя дѣйствія не могутъ происходить между непріятельскими судами ни въ каналѣ, ни на прилегающей къ оному египетской территоріи, хотя бы одною изъ воюющихъ сторонъ была Турція. Египетскій хедивъ сохраняетъ вполнѣ верховную власть надъ каналомъ; но никакія укрѣпленія не могутъ быть воздвигнуты ни на берегахъ онаго, ни по близости береговъ.

Не мѣшаетъ конечно принять къ свѣдѣнію эти „гарантіи свободы“ Суэзскаго канала, предлагаемыя Англіей. Со временемъ онѣ могутъ пригодиться какъ дипломатическое оружіе противъ нея. Но насколько всѣ эти условія фиктивны, за примѣромъ идти недалеко. Когда въ августѣ прошедшаго года англійскій главнокомандующій избралъ Суэзскій каналъ своимъ операціоннымъ базисомъ противъ Араби-паши, Англія въ теченіе нѣсколькихъ дней держала каналъ въ формальной блокадѣ и не пропускала никакихъ иностранныхъ военныхъ судовъ ни со стороны Суэза, ни со стороны Портъ-Саида. Можно ли сомнѣваться что и на будущее время Англія будетъ держаться предлагаемыхъ ею условій доколѣ это будетъ совпадать съ ея интересами; но что она ни на минуту не поколеблется запереть каналъ и вообще воспользоваться имъ для своихъ военныхъ цѣлей, коль скоро сама будетъ находиться въ войнѣ съ какою-либо изъ морскихъ державъ.

Вообще можно ли считать сколько-нибудь серіознымъ положеніе, которое съ такою настойчивостью поддерживаетъ англійская дипломатія, объ отдѣленіи вопроса о Суэзскомъ каналѣ отъ вопроса о „будущемъ внутреннемъ устройствѣ Египта,“ то-есть другими словами о томъ въ чьихъ рукахъ будетъ находиться фактическое господство на берегахъ Нила. Что Англія имѣетъ въ виду крѣпко держать въ своихъ рукахъ добычу, это ясно видно изъ той же циркулярной ноты и именно изъ той ея части въ которой трактуется о внутреннемъ устройствѣ Египта, относительно коего за европейскими державами не признается право голоса. Египетская армія, сказано въ циркулярѣ, будетъ имѣть весьма ограниченный составъ и командованіе оною будетъ, „по желанію хедива,“ предоставлено англійскимъ офицерамъ. Такимъ образомъ, Англія гарантировала себя отъ повторенія возстанія при коемъ Араби-паша былъ лишь выразителемъ патріотическихъ инстинктовъ мѣстнаго населенія. Опасность не предстоитъ болѣе ни со стороны хедива, „сохраняющаго вполнѣ свои верховныя права,“ но проявляющаго оныя не иначе какъ при посредствѣ англійскаго совѣтника и не имѣющаго въ своемъ непосредственномъ распоряженіи ни одного солдата, ни со стороны его подданныхъ, которые вздумали бы помимо хедива отстоять свою независимость отъ опеки чужеземцевъ. Египетскія крѣпости получатъ конечно англійскихъ комендантовъ. Въ виду всего этого, англійское предложеніе о свободѣ Суэзскаго канала „во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ“ весьма похоже на иронію со стороны *beatus possidens*.

Но сумѣетъ ли Англія надолго удержать за собою столь удачно пріобрѣтенное фактическое владѣніе и упрочить оное, если не юридически, то силою давности, это вопросъ всецѣло принадлежащій будущему. Отвѣтъ на оный будетъ заключаться въ томъ отвѣтѣ который дастъ исторія на Восточный вопросъ во всей его совокупности.

Вотъ почему и не слѣдовало бы предварять этотъ отвѣтъ преждевременною сдѣлкой предлагаемою со стороны Англіи.

№ 22.

Москва, 21-го января.

Какъ могло случиться что не какая-нибудь иголка, но совершенно свободный десятимилліонный капиталъ такъ затерялся въ контрольныхъ счетахъ, послѣ введенія единства кассъ, что никто о немъ и не вѣдалъ, хотя онъ несомнѣнно оставался во всей своей цѣлости и неприкосновенности? Если не вполнѣ, то отчасти можно разъяснить этотъ вопросъ путемъ изученія опубликованныхъ контрольныхъ *Отчетовъ* и *Объяснительныхъ* къ нимъ *Записокъ*. Подѣлимся съ читателями тѣмъ что мы вынесли изъ внимательнаго сличенія этихъ документовъ.

Въ вышедшей пятнадцать лѣтъ тому назадъ контрольной *Объяснительной Запискѣ* за 1867 годъ, на страницѣ 57, читаемъ:

„Отъ смѣтъ прежняго до 1866 года времени оставались неудовлетворенныя потребности, цифра которыхъ хотя и не могла быть опредѣлена съ совершенною точностью, но *ни въ какомъ случаѣ не должна была превышать* тѣхъ *23.000.000 р.* которые къ 1 января 1867 года оставались свободными отъ рессурсовъ поступившихъ до 1866 года.“

Эти 23 милліона (и даже нѣсколько больше) *) сполна поступили въ депозитный

---

*) Именно 23.452.053 р. 6½ к. См. *Объяснительную Записку къ Отчету Государственнаго*

фондъ предназначенный для покрытія неисполненныхъ расходовъ прежнихъ лѣтъ. Цифра 23.000.000, какъ видно изъ приведенной выписки, была наивысшая, несомнѣнно превышавшая ту которой дѣйствительно требовали расходы на покрытіе коихъ она предназначалась. Слѣдовало опредѣлить дѣйствительно нужную для этихъ расходовъ сумму и возвратить въ казну то что̀ изъ нея было на эти расходы излишне отпущено. Если точнаго разчета нельзя было сдѣлать ни въ 1866, ни въ 1867, ни въ 1869 годахъ, то его несомнѣнно можно было сдѣлать въ одинъ изъ слѣдующихъ годовъ, начиная съ 1871 года, когда уже никакихъ уплатъ за время *до* 1866 года не производилось (см. *Об. Зап.* 1871, стр. 118), или съ 1875, когда минула даже десятилѣтняя давность по всѣмъ счетамъ какіе оставались неоплаченными за время до 1866. Но никакихъ указаній на то чтобы таковой разчетъ былъ учиненъ ни въ одномъ изъ контрольныхъ отчетовъ не находится и, сколько извѣстно, никакой отчетности по этой части съ 1866 года и до сихъ поръ представлено не было. *Казна дала на расходы 23 милліона, больше чѣмъ было нужно, но сдачи отъ расходчиковъ до сихъ поръ не получила.* Вся эта слѣдовавшая казнѣ сдача осталась въ депозитномъ фондѣ, и это было первое начало въ происхожденіи тѣхъ 9.970.975 р. 56 к. которые нынѣ въ немъ оказываются излишними.

Вовторыхъ, разсмотрѣніе контрольныхъ *Объяснительныхъ Записокъ* обнаруживаетъ еще другое немаловажное обстоятельство, для разъясненія коего, впрочемъ, нужно сперва припомнить слѣдующіе кассовые порядки.

Кромѣ расходовъ оплачиваемыхъ изъ доходовъ текущаго года, ежегодно производятся еще уплаты по неисполненнымъ расходамъ прежнихъ лѣтъ, не изъ текущихъ бюджетныхъ средствъ, а изъ депозитовъ заблаговременно отчисленныхъ именно для сего назначенія при заключеніи прежнихъ годичныхъ смѣтъ. Разными вѣдомствами составляются къ концу бюджетнаго года и въ слѣдующій затѣмъ льготный срокъ списки кредиторовъ казны съ причитающимися имъ отъ нея суммами,

Контроля за 1869 годъ, главы „О балансовомъ сводѣ заключенной росписи 1869 года“ и „Объ удовлетвореніи невыполненныхъ потребностей прежнихъ лѣтъ.“

итогъ коихъ и поступаетъ при этомъ въ депозитный фондъ. Это расходы прежнихъ лѣтъ „заявленные,“ для которыхъ въ депозитномъ фондѣ всегда должна быть налицо равная имъ сумма. Но помимо этихъ предвидимыхъ, заявленныхъ расходовъ, ежегодно приходится еще производить за прежніе годы уплаты непредвидѣнныя, о которыхъ въ спискахъ кредиторовъ казны упомянуто не было. Это расходы прежнихъ лѣтъ „незаявленные,“ для покрытія коихъ никакихъ суммъ въ депозитномъ фондѣ не числится. Итогъ такихъ незаявленныхъ расходовъ, конечно, каждый годъ бываетъ различный: это цифра совершенно *случайная*.

Что касается расходовъ заявленныхъ, то по истеченіи опредѣленнаго срока исполненіе ихъ прекращается, и неистраченная часть относящагося къ нимъ депозита, какъ свободный остатокъ, обращается въ доходъ казны. Цифры такихъ *ежегодно* оказывающихся „свободныхъ остатковъ“ тоже *случайныя*: онѣ бываютъ то больше, то меньше.

Изъ этихъ-то свободныхъ остатковъ и покрываются обыкновенно вышеупомянутые „незаявленные“ расходы *). *Ежегодныя суммы „свободныхъ остатковъ“ обыкновенно бываютъ значительно больше ежегодныхъ итоговъ „незаявленныхъ расходовъ.“* Такъ, напримѣръ, въ *Контрольныхъ Объяснительныхъ Запискахъ* за послѣднія восемь отчетныхъ лѣтъ показаны слѣдующія цифры:

Годы.	(Стр.)	Незаявленные расходы. Руб.	К.	Свободные остатки. Руб.	К.
1874	(65 и 66)	1.845.857	10	5.230.099	65
1875	(47 и 48)	892.467	67	3.862.415	17
1876	(49 и 50)	1.285.070	40	2.008.671	92
1877	**)	2.732.504	99	3.215.462	25
1878	(45 и 46)	1.122.446	76	1.652 093	97
1879	(41 и 42)	989.872	1	698.946	28
1880	(49 и 45)	1.044.079	5	2.465.733	91
1881	(51 и 47)	1.842.251	97	37.247.198	74

*) Для соблюденія точности, можно прибавить что въ нѣкоторые годы часть „незаявленныхъ“ расходовъ покрывалась и изъ другихъ источниковъ, напримѣръ, изъ несуществующихъ нынѣ запасныхъ фондовъ Военнаго и Морскаго министерствъ.

**) См. *Правительственный Вѣстникъ* 1878 года № 277, стр. 2, гдѣ напечатана часть контрольной *Объяснительной Записки* за 1877 годъ. Ссылаемся на *Правительственный Вѣстникъ* потому что *Отчетъ Государственнаго Контроля* съ *Объяснительною Запиской* и *Приложеніями* къ нему нами полученъ не былъ. Лица хлопотавшія по нашему порученію о полученіи ихъ для насъ, не имѣвъ въ этомъ успѣха, передали намъ что, какъ исключеніе изъ общаго правила, *Отчетъ Госу-*

Если изъ приведенной таблицы исключить 1879 и 1881 годы (изъ которыхъ въ первомъ былъ необычно малый, а въ послѣднемъ непомѣрно большой свободный остатокъ), то для остальныхъ шести лѣтъ получимъ среднія годовыя цифры: 3.072.412 р. 81 к. свободнаго остатка и 1.487.070 р. 99 к. незаявленныхъ расходовъ. Такимъ образомъ, въ среднемъ выводѣ, *цифра свободныхъ остатковъ бываетъ обыкновенно слишкомъ вдвое болѣе цифры незаявленныхъ расходовъ*. Это постоянное превышеніе второй цифры первою даетъ слѣдовательно казнѣ средній *ежегодный* доходъ въ 1.585.341 р. 82 к.

Надобно полагать что подобныя превышенія „незаявленныхъ расходовъ" „свободными остатками" не составляютъ привилегіи только послѣднихъ восьми отчетныхъ лѣтъ, но имѣли мѣсто и въ предшедшіе имъ годы, что стало-быть и въ тѣ годы должно было ежегодно, если не по полутора милліона, то хоть по сколькунибудь отчисляться изъ депозитнаго фонда въ доходъ казны. *По никакихъ подобныхъ отчисленій до 1874 года*, по 1873 включительно, *въ казну не поступило*. Всѣ ежегодныя превышенія свободныхъ остатковъ надъ незаявленными расходами, вмѣсто того чтобы поступать въ казну, до 1874 года оставлялись въ депозитномъ фондѣ, содѣйствуя накопленію пребывавшаго до сихъ поръ въ забвеніи почти десятимилліоннаго капитала.

Почему и зачѣмъ это дѣлалось, неизвѣстно. Изъ разсмотрѣнія контрольныхъ *Объяснительныхъ Записокъ* видно только что до 1871 года въ контрольномъ вѣдомствѣ принималась на вѣру и практиковалась слѣдующая двойная фикція: *предполагалось что одна случайная цифра* (свободнаго остатка) *всегда математически равна другой тоже совершенно случайной цифрѣ* (незаявленныхъ расходовъ).

Въ 1871, 1872 и 1873 годахъ упомянутая сейчасъ фикція замѣнилась другою: предположеніемъ что закрытія кредитовъ по расходамъ въ счетъ прежнихъ заключенныхъ смѣтъ вовсе не происходитъ, что никакихъ „свободныхъ остатковъ" для покрытія изъ нихъ „незаявленныхъ расходовъ" не имѣется. Надобно полагать, однако, что, какъ всегда, такъ и въ эти три года оказывались какіе-нибудь свободные остатки. Но ни одной копѣйки изъ *этихъ* остатковъ не поступило до сихъ поръ въ казну, и ни одной копѣйки изъ нихъ не пошло на уплату возникавшихъ въ эти годы незаявленныхъ заранѣе расходовъ: эти незаявленные расходы покрыты частію изъ суммъ находившихся въ распоряженіи Министерства Финансовъ за границей (*Об. Зап.* 1871, стр. 120), изъ суммъ превышенія бюджетныхъ доходовъ надъ расходами (*Об. Зап.* 1872, стр. 98 и 100) и изъ депозитныхъ остатковъ освободившихся уже въ послѣдствіи, именно въ 1874 году (*Об. Зап.* 1873, стр. 70 и *Об. Зап.* 1874, стр. 66). Всѣ депозитные свободные остатки какіе могли оказаться въ 1871, 1872 и 1873 годахъ *) остались сполна въ депозитномъ фондѣ и вошли въ общій итогъ излишнихъ въ немъ 9.970.975 р. 56 к.

Могли быть, конечно, и другія еще обстоятельства вслѣдствіе коихъ нѣкоторыя суммы оставлялись въ депозитномъ фондѣ вмѣсто того чтобы поступать на подкрѣпленіе общихъ средствъ Государственнаго Казначейства. Но чтобы составить нѣкоторое понятіе какимъ путемъ могъ накопиться въ депозитномъ фондѣ не имѣющій рѣшительно никакого назначенія, совершенно свободный и лежащій донынѣ непроизводительно почти десятимилліонный капиталъ, полагаемъ, довольно и вышеизложеннаго.

Еще два слова о депозитномъ фондѣ служащемъ для обезпеченія уплатъ по неисполненнымъ расходамъ прежнихъ лѣтъ. Была пора когда этотъ фондъ былъ значительно менѣе итога тѣхъ расходовъ коимъ онъ долженъ былъ служить обезпеченіемъ, что было результатомъ того что въ 1866 году, отъ котораго осталось неисполненныхъ расходовъ на 17.844.028 р. $12^3/_4$ к., отчислено было въ депозитный фондъ только 3.730.329 р. $54^1/_4$ к. (*Об. Зап.* 1871, стр. 121). Но въ 1871 го-

дарственнаго Контроля за 1877 годъ вовсе не печатался, и что касательно этого года ограничились публикаціей одной только *Объяснительной* къ нему *Записки*, напечатанной въ №№ 275, 276 и 277 *Правительственнаго Вѣстника*. Такъ ли это, не знаемъ.

*) Въ теченіе *двухъ* лѣтъ депозитные остатки еще могли и не освобождаться, вслѣдствіе замѣны прежняго двухлѣтняго періода для окончательнаго заключенія смѣтъ по расходамъ неисполненнымъ въ бюджетный годъ періодомъ четырехлѣтнимъ. Но *трехъ съ ряду лѣтъ* въ которыя не освобождалось бы депозитныхъ остатковъ, сколько мы понимаемъ дѣло, быть не могло.

ду происходившій отсюда дефицитъ былъ пополненъ до послѣдней копѣйки изъ общихъ средствъ Государственнаго Казначейства (*Об. Зап.* 1871 стр. 123 *). Но когда дѣлался этотъ строгій разчетъ между отдѣльнымъ депозитнымъ фондомъ и общимъ казначействомъ, никому не пришло въ голову сдѣлать одновременно разчетъ по которому кое-что должно было поступить не изъ казны въ депозитный фондъ, а наоборотъ изъ депозитнаго фонда въ казну. Точно также не вспомнили о своевременности таковаго разчета въ 1874 и 1875 годахъ, когда измѣнялся порядокъ уплатъ изъ депозитнаго фонда неисполненныхъ расходовъ по государственнымъ долгамъ. Равнымъ образомъ, не дошло до этого разчета и въ минувшемъ году, хотя болѣе чѣмъ 35-милліонная сумма поступившая изъ депозитнаго фонда въ казну, показавъ какое серіозное значеніе могутъ имѣть при исполненіи нашихъ бюджетовъ освобождающіеся депозитные остатки, не могла не привлечь къ депозитному фонду особаго вниманія и не подать повода къ провѣркѣ числящихся въ немъ суммъ. Такимъ образомъ, въ общемъ выводѣ, оказывается что при всѣхъ личныхъ перемѣнахъ въ составѣ управленія Государственнаго Контроля, *балансъ по депозитному фонду*, во всѣ шестнадцать лѣтъ, начиная съ 1866, *ни разу не находился въ надлежащемъ равновѣсіи:* до 1871 года въ этомъ фондѣ было денегъ меньше чѣмъ нужно; начиная съ 1871 года постоянно больше чѣмъ нужно. Странно что это ни разу не обратило на себя вниманія Министерства Финансовъ, хотя во главѣ его двукратно стояли бывшіе государственные контролеры. А между тѣмъ, казалось бы, какъ не принять мѣръ къ удостовѣренію въ полной ли суммѣ поступаетъ въ казну ежегодный доходъ по статьѣ отчисленій изъ депозитнаго фонда?

Въ виду разъясненнаго случая съ депозитнымъ фондомъ, самъ собою напрашивается вопросъ: нѣтъ ли чего подобнаго и въ другихъ нашихъ отдѣльныхъ фондахъ, желѣзнодорожномъ и прочихъ? У насъ не мало такихъ особыхъ казенныхъ кошельковъ, которые строго взыскиваютъ съ казны свои на нее претензіи. Но всегда ли и съ должною ли строгостью ведется контроль надъ этими отдѣльными кошелями, и не перепадаетъ ли въ нихъ изъ казны чего-нибудь лишняго?

№ 23.

Москва, 22-го января.

Когда 29 іюля 1881 года появился въ официальномъ журналѣ Французской республики новый законъ о печати, то не было конца восторженнымъ ликованіямъ доктринеровъ либерализма. По ихъ словамъ, можно было думать что наступила для всего человѣчества новая эра которая знаменуется этимъ „самымъ совершеннымъ изо всѣхъ доселѣ дѣйствовавшихъ законовъ о печати,“ которому де суждено рано или поздно „съ тріумфомъ совершить побѣдоносное шествіе вокругъ всего свѣта.“ Разумѣется и наши „органы прессы“ пришли въ восторгъ отъ народившагося во Франціи либеральнаго чудища и начали пѣть ему хвалебные гимны, расчищать для него русскую почву и готовились тріумфальныя арки къ тому моменту когда оно, въ своемъ кругосвѣтномъ обходѣ, прибудетъ и въ нашъ убогій край.

Новый законъ дѣйствительно предоставлялъ идеальную безнаказанность всевозможнымъ проступкамъ и преступленіямъ, творимымъ путемъ печати; или, вѣрнѣе сказать, уничтожалъ самую идею такихъ преступленій. Интересы частныхъ лицъ нашли въ немъ, правда, охрану отъ нападеній бандитовъ печати; за то вся обширная область государственныхъ и общественныхъ интересовъ была вполнѣ предоставлена въ ихъ полное распоряженіе. Здѣсь они могли безнаказанно совершать

---

*) Именно изъ общихъ государственныхъ средствъ на пополненіе дефицита образовавшагося въ депозитномъ фондѣ съ 1866 было отчислено въ 1871 году 13.656.870 р. 25 к. (*Об. Зап.* 1871, стр. 120 и 123). Недостаточность отчисленія сдѣланнаго въ депозитный фондъ въ 1866 выражается нѣсколько большею цифрой, именно 14.113.698 р. $58\frac{1}{2}$ к. Но всей этой суммы для возстановленія равновѣсія въ фондѣ, по счетамъ Контроля, не понадобилось; ибо, вопервыхъ, на покрытіе неисполненныхъ расходовъ за время *до 1866* года, вмѣсто круглой, максимальной цифры 23 000.000 р., въ которую они были приблизительно опредѣлены, поступила въ фондъ бóльшая сумма 23.452.053 р $6\frac{1}{2}$ к.; вовторыхъ, по удовлетворенію „незаявленныхъ“ расходовъ, исчисленныхъ въ 1871 году въ суммѣ 1.405.006 р. 6 к., зачислено въ томъ же году въ фондъ 1.409.775 р. 33 к. (изъ суммъ находившихся въ распоряженіи Министерства Финансовъ за границей), то-есть на 4.769 р. 27 коп. больше чѣмъ требовалось.

свои набѣги, нападать на кого и на что̀ имъ угодно; здѣсь они могли, словомъ, вволю разгуляться на полномъ просторѣ.

Впрочемъ, доктринеры были увѣрены что преступленія печати постигнетъ заслуженная кара, но только не закона, а что̀ гораздо де страшнѣе — „общественнаго мнѣнія." „Печать служитъ органомъ общественнаго мнѣнія, а слѣдовательно и регулироваться можетъ только общественнымъ мнѣніемъ." Такъ гласитъ принципъ либеральнаго доктринерства. Изъ этого основнаго положенія дѣлаются, какъ извѣстно, чрезвычайно легко самые простые и самые наивные выводы: предоставьте всѣмъ говорить все что̀ имъ угодно; если будетъ говорить дуракъ, всѣ тотчасъ увидятъ что онъ дуракъ и перестанутъ его слушать, а онъ слѣдовательно перестанетъ говорить; если будетъ говорить лжецъ, всѣ тотчасъ узнаютъ въ немъ обманщика, отвернутся отъ него и этимъ самымъ заставятъ его замолчать; если начнетъ свою проповѣдь развратитель, всѣ немедленно съ чувствомъ омерзенія заткнутъ себѣ уши, а слѣдовательно проповѣдь его никого не развратитъ и т. д.; значитъ все самымъ мирнымъ и естественнымъ путемъ придетъ въ должный порядокъ и равновѣсіе; въ печати будутъ раздаваться лишь умныя, правдивыя и нравственныя рѣчи.

Французскій законъ о печати былъ именно построенъ на этихъ наивныхъ воззрѣніяхъ, и восторженные хвалители его со сладостнымъ замираніемъ сердца ожидали той блаженной минуты когда чудодѣйственный законъ водворитъ во Франціи эту небывалую доселѣ вещь: разумную, честную, нравственную печать.

Этимъ благодушнымъ ожиданіямъ, какъ извѣстно, не суждено было сбыться. Не прошло и года какъ печать дошла до самыхъ крайнихъ предѣловъ безнравственности. Бульвары Парижа, рабочіе кварталы и улицы окружающія школы были залиты цѣлымъ потокомъ самой грязной, самой отвратительной *иллюстрированной порнографической* литературы. Были люди которые съ омерзеніемъ отворачивались отъ этихъ произведеній „свободной печати," были даже такіе которые ихъ собственноручно съ негодованіемъ рвали и жгли; но это далеко не были тѣ *всѣ* граждане которые, по предположенію наивныхъ доктринеровъ, должны были своимъ единодушнымъ затыканіемъ ушей и закрываніемъ глазъ заставить замолчать развратниковъ печати; напротивъ, эти рыцари печатнаго слова съ каждымъ днемъ плодились все болѣе, и эксплуатація свободы печати приносила имъ немалые барыши. Депутаты съ ужасомъ увидѣли свой промахъ, и 26 іюня 1882 года, громаднымъ большинствомъ голосовъ (433 противъ 46), измѣнили свой „идеальный законъ о печати" съ цѣлью ограничить свободу развращающей нравственность литературы, полагаясь при этомъ не на „регулированіе общественнаго мнѣнія," а на чувствительныя наказанія, налагаемыя на свободныхъ литераторовъ самимъ закономъ.

Конечно нашлись въ палатѣ и такіе депутаты которые громко протестовали противъ такого грубаго нарушенія свѣтлой доктрины свободы печати и готовы были воскликнуть „périsse la morale plutôt qu'un principe;" но ихъ успокоивали тѣмъ что принципъ свободной печати тутъ де ни причемъ, такъ какъ подъ этимъ названіемъ разумѣется въ сущности только свобода политической, религіозной и соціальной, а не порнографической печати, что обузданіе этой послѣдней отнюдь не можетъ служить примѣромъ для ограниченія свободы политической и общественной мысли, которая конечно на вѣки должна оставаться нерушимою. Въ этомъ успокоительномъ смыслѣ репрессивная мѣра Французскаго правительства и парламента была истолкована и нашими хвалителями свободной печати.

Прошелъ еще одинъ годъ. Порнографы попріутихли, но за то зашевелились другіе рыцари свободной печати: соціалисты, коммунисты, анархисты, нигилисты и прочая сволочь. Началась открытая, запальчивая, кровожадная проповѣдь противъ капитала, противъ собственности, противъ „буржуазіи," наконецъ противъ всего современнаго общества. Рабочіе призывались къ открытому мятежу, и въ печати, и въ народныхъ собраніяхъ (пользующихся такою же „идеальною свободой" какъ и печать) безо всякихъ стѣсненій изрыгались воззванія къ грабежу, поджогу и убійству. Либеральные доктринеры пробовали сперва съ благодушною улыбкой подтрунивать надъ этими воззваніями, „которыя конечно останутся безъ послѣдствій, такъ какъ они слишкомъ *глупы*," но скоро улыбка сошла съ ихъ устъ и они тревожно стали прислушиваться къ возраставшей пропагандѣ.

Оказалось что и здѣсь ожиданія ихъ не сбылись. „Глупые“ листки и „глупыя“ рѣчи имѣли положительный успѣхъ. Самыя нелѣпыя доктрины находили горячихъ адептовъ среди рабочаго люда всей Франціи, съ радостью видѣвшаго законное, научное и даже нравственное оправданіе для самыхъ грубыхъ и порочныхъ инстинктовъ своей слабости. Тѣ самыя развратныя статьи, надъ которыми либеральные депутаты подтрунивали въ своихъ кабинетахъ, и салонахъ, принимались за чистую монету рабочими въ кабакахъ и народныхъ сходкахъ и такимъ образомъ вполнѣ достигали своей цѣли. Начались забастовки съ особымъ анархическимъ характеромъ, съ покушеніями убить владѣльцевъ фабрикъ „сосущихъ кровь и потъ несчастныхъ рабочихъ.“ Свободная печать всѣми силами и средствами поддерживала и разжигала организаторовъ этихъ забастовокъ, и всѣ еще помнятъ какъ соціалистическія газеты открыли подписку для поднесенія „почетнаго револьвера“ гражданину Фурнье, стрѣлявшему въ своего фабричнаго хозяина.

Когда наконецъ анархическая пропаганда охватила все рабочее населеніе Монсолемина, и несчастные рудокопы, распаленные статьями и рѣчами Крапоткиныхъ, Борда и другихъ международныхъ и своеземныхъ негодяевъ, перешли въ августѣ прошлаго года отъ слова къ дѣлу и начали пускать въ ходъ динамитные патроны, тогда стало вполнѣ яснымъ что „общественное мнѣніе“ также плохо „регулируетъ“ соціалистическую литературу какъ прежде плохо регулировало порнографическую. Требовалось снова посягнуть на „идеальный законъ,“ не проявлявшій требуемой чудодѣйственной силы. Но теперь уже трудно было сдѣлать это, не касаясь „священнаго принципа свободы печати.“ Поэтому правительство и депутаты не рѣшались прибѣгнуть къ этой необходимой мѣрѣ, страшась упрека въ недостаткѣ „либерализма,“ и выжидали удобнаго и благовиднаго предлога чтобы чѣмъ-нибудь прикрыться при совершеніи столь богохульнаго дѣла.

И вотъ наконецъ предлогъ найденъ. Его подалъ своимъ шутовскимъ манифестомъ принцъ Жеромъ. Въ этомъ манифестѣ встрѣчаются нѣкоторые платоническіе упреки безалаберности республиканскаго режима, производящіе впечатлѣніе розовой водицы въ сравненіи съ кровавыми листами соціалистическихъ газетъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ съ радостью ухватились за манифестъ принца Жерома чтобы по поводу его принять мѣры противъ печати благо эти мѣры можно было прикрыть несомнѣнно „либеральнымъ“ намѣреніемъ обуздать свободу *враждебной республикѣ* печати. Поэтому, пока возбужденіе депутатовъ противъ бонапартистовъ и легитимистовъ еще не успѣло остыть, правительство поспѣшило внести въ парламентъ, наряду съ законопроектомъ направленнымъ спеціально противъ принцевъ-претендентовъ, другой законопроектъ имѣющій цѣлію вообще предохранить правительство республики отъ оскорбленій. Что этотъ второй проектъ направленъ не только противъ однихъ приверженцевъ монархіи, но и противъ другихъ враждебныхъ правительству партій, это тотчасъ всѣ сразу поняли, да этого и не старалось скрыть само правительство. Вотъ тѣ слова которыми мотивировалъ свой проектъ министръ юстиціи Девесъ въ засѣданіи 20 января: „Законъ о печати 29 іюля 1881 года содержитъ въ себѣ нѣкоторые пробѣлы, на которые уже часто было указано. Оставляя безъ наказанія (répression) оскорбленія (outrages) наносимыя правительству республики, законъ этотъ слишкомъ много полагался на умѣренность партій и на умѣренный характеръ ихъ нападеній (cette loi a trop présumé de la modération des partis et du caractère de leurs attaques). Недавніе часто повторявшіеся факты доказали необходимость обезпечить посредствомъ наказаній (pénalités) уваженіе къ конституціоннымъ законамъ. Кромѣ того, намъ показалось нужнымъ позаботиться о быстромъ прекращеніи нѣкоторыхъ мятежныхъ демонстрацій (prompte répression de certaines démonstrations séditieuses).“ Съ этою цѣлью правительство предложило налагать на оскорбителей правительства республики наказанія до двухъ лѣтъ тюремнаго заключенія и до 3.000 фр. денежнаго штрафа и сверхъ того (о ужасъ!) изъять подобные процессы изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ и передать ихъ юрисдикціи исправительныхъ трибуналовъ. Послѣдняя мѣра особенно знаменательна. Она ясно показываетъ что судъ присяжныхъ не признается годнымъ для политическихъ процессовъ даже въ такой ультралиберальной странѣ какъ Французская республика. Опытъ суда присяжныхъ надъ монсолемин-



скими бунтарями далъ самые плачевные результаты: пришлось прервать судебное разбирательство, длившееся уже цѣлую недѣлю предъ Шалонскими присяжными, и перенести весь процессъ въ другой судебный округъ, такъ какъ становилось очевиднымъ что присяжные, напуганные угрозами соціалистовъ, введенные въ заблужденіе софистикой ихъ адвокатовъ, оправдаютъ сидѣвшихъ на скамьѣ подсудимыхъ героевъ динамита. Поэтому и процессъ Крапоткина и его товарищей былъ переданъ не суду присяжныхъ, а трибуналу Ліонской исправительной полиціи. Поэтому, наконецъ, и будущіе процессы оскорбителей правительства путемъ печати предполагается разбирать безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Это является уже принципіальнымъ нарушеніемъ доктрины о свободѣ печати и о регулированіи ея посредствомъ общественнаго мнѣнія. Можно поэтому ожидать что въ палатѣ при обсужденіи проекта г. Девеса, оставшагося министромъ юстиціи и въ новомъ кабинетѣ Фальера, откроются горячія пренія между болѣе благоразумными людьми и слѣпыми доктринерами, готовыми погубить скорѣе государство чѣмъ затверженную ими фразу.

Чѣмъ кончатся эти пренія, неизвѣстно. Можетъ-быть проектъ г. Девеса будетъ отвергнутъ коалиціей правой стороны съ крайнею лѣвой, но самое появленіе его бросаетъ свѣтъ на пресловутую „идеальную свободу печати.“

№ 25.

Москва, 24-го января.

А.

Замѣтка „Ветлужскаго Старожила“ о лѣсномъ хозяйствѣ напечатанная въ № 351 *Московскихъ Вѣдомостей* за прошлый годъ, на которую мы тогда же обращали вниманіе читателей, не осталась не замѣченною. Наши тоскующіе по конституціи прогрессисты не упустили случая принять лѣсокрадовъ подъ свою защиту; они не могли при этомъ не накинуться на Ветлужскаго Старожила, предлагавшаго серіозныя мѣры противъ лѣсокрадства:

> Отсталой онъ, то видно по платью,
> Притѣснять хочетъ меньшую братью!

Къ этому же разряду „отсталыхъ,“ надобно полагать, будетъ причисленъ и авторъ статьи „Къ вопросу о лѣсныхъ порубкахъ“ помѣщенной въ № 23 нашей газеты за текущій годъ. Онъ также какъ и Ветлужскій Старожилъ, указываетъ и на невозможность сохранять лѣса и вести правильное лѣсное хозяйство при тѣхъ размѣрахъ какіе приняло у насъ лѣсокрадство, и на невозможность для лѣсовладѣльца найти себѣ защиту и управу на лѣсокрадовъ ни у судебной, ни у административной власти. Онъ, также какъ и Ветлужскій Старожилъ, находитъ необходимымъ принятіе дѣйствительныхъ мѣръ для огражденія лѣсной собственности отъ воровъ ее расхищающихъ, предлагая между прочимъ, кромѣ усиленія отвѣтственности за лѣсныя порубки и приравненія лѣсныхъ кражъ ко всякимъ другимъ кражамъ, установить чтобы крестьяне являющіеся въ городъ на базары съ лѣсомъ и дровами обязательно имѣли при себѣ удостовѣренія или своего сельскаго начальства, если лѣсной матеріалъ взятъ изъ ихъ собственныхъ дачъ, или отъ владѣльцевъ лѣсовъ, если лѣсной матеріалъ пріобрѣтенъ ими изъ лѣсовъ владѣльческихъ. Противъ этой послѣдней мѣры наши прогрессисты уже высказались самымъ рѣшительнымъ образомъ какъ противъ стѣсненія „торговаго“ промысла. Точно также не считаетъ себя въ правѣ стѣснять торговлю краденымъ лѣсомъ и полиція, которая въ Борисоглѣбскѣ объясняла лѣсовладѣльцамъ Хрѣнниковымъ что она „не имѣетъ для того законнаго основанія, такъ какъ торговля на городскихъ базарахъ разными лѣсными матеріалами и дровами привезенными на возахъ изъ деревень промыселъ совершенно свободный.“

Необъяснимое, только у насъ возможное противорѣчіе: съ одной стороны, при единодушныхъ рукоплесканіяхъ „либераловъ,“ объявляется необходимымъ наложеніе правительственной опеки надъ лѣсовладѣльцами по отношенію къ ихъ собственности; съ другой—проповѣдуется полная „свобода экономическихъ отправленій,“ laissez faire, laissez passer, по отношенію къ лѣсокрадству, лѣснымъ ворамъ, ихъ пособникамъ и пристанодержателямъ. Это ведетъ на практикѣ между прочимъ къ такимъ куріозамъ. Нѣкоторые лѣсовладѣльцы, изъ желанія беречь свои лѣса, предпочитали покупать лѣсъ для собствен-

ныхъ построекъ, дабы не рубить лѣса въ своихъ заповѣдныхъ дачахъ. Что же оказывалось на дѣлѣ? Они покупали лѣсъ рубленный лѣсокрадами именно въ этихъ ихъ заповѣдныхъ дачахъ. Владѣющіе большою лѣсною дачей въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ, гг. Хрѣнниковы, въ видахъ сохраненія этой дачи, хотѣли ввести на своемъ сахарномъ заводѣ нефтяное отопленіе; но должны были отказаться отъ исполненія этого намѣренія, ибо оно не повело бы къ цѣли: „вѣдь все равно, какъ ни охраняй лѣсъ, его разворуютъ, такъ лучше срубить его подъ корень чтобы спасти свою собственность.“ „Мы, лѣсовладѣльцы,“ пишетъ одинъ изъ представителей фирмы Хрѣнниковыхъ,—
„благодаря наглости порубщиковъ, изъ обывателей Солдатской Слободы и с. Чигарака, поставлены буквально въ осадное положеніе. Во все время нашего 40-лѣтняго владѣнія лѣсною дачей, у насъ было много сотенъ случаевъ мелкихъ порубокъ, на которые мы не обращали никакого вниманія; но за послѣдніе три года, особенно за послѣднее время, нападенія лѣсныхъ воровъ стали учащаться и приняли широкіе размѣры. Такъ съ 26 ноября минувшаго года по 10 января сего года, то-есть въ теченіе полутора мѣсяца, было совершено на нашъ лѣсъ семь нападеній шайками отъ 20 до 200 человѣкъ, вооруженныхъ, кромѣ топоровъ, еще заряженными ружьями. При нападеніи въ ночь съ 9 на 10 декабря, одинъ изъ членовъ нашей фирмы, потомственный почетный гражданинъ П. П. Хрѣнниковъ, вздумавшій лично остановить одну изъ лошадей воровъ съ наложеннымъ на сани лѣсомъ, получилъ отъ порубщиковъ столь сильные удары толстыми дубинами въ голову что безъ сознанія упалъ на мѣстѣ, находится теперь въ крайне болѣзненномъ состояніи, и неизвѣстно будетъ ли живъ. Во время означенныхъ послѣднихъ семи нападеній на нашъ лѣсъ, срублено порубщиками и вывезено болѣе 3.000 корней четырехъ-и пятивершковыхъ деревъ, на сумму около 5—6.000 рублей... Мы, и наши служащіе каждый базарный день въ Борисоглѣбскѣ видимъ цѣлые воза дровъ и разнаго лѣса самовольно нарубленныхъ въ нашей лѣсной дачѣ (видитъ это и весь городъ); указываемъ на то всякій разъ мѣстной полиціи, но послѣдняя отказывается ото всякаго преслѣдованія явныхъ лѣсныхъ воровъ...“

Подобные факты говорятъ сами за себя, и развѣ только наши „либералы“ могутъ, въ виду ихъ, отрицать значеніе лѣсокрадства въ дѣлѣ лѣсоистребленія и доказывать что въ интересахъ лѣсоохраненія нужно прежде всего стѣснить право собственности, продолжая по прежнему смотрѣть сквозь пальцы на воровскіе подвиги порубщиковъ не своего, а чужаго лѣса.

Нѣтъ спора что помимо воровскихъ порубокъ и помимо вырубанія лѣсовъ владѣльцами, какъ единственнаго иногда средства спасти отъ воровъ свою собственность не подвергаясь напрасно полицейской и судебной волокитѣ, не малую роль играютъ также и сплошныя вырубки лѣсныхъ дачъ ихъ владѣльцами по инымъ побужденіямъ, главнымъ образомъ по затруднительности для многихъ землевладѣльцевъ достать инымъ путемъ нужныя имъ деньги. Наши экономисты восторгаются тою банковою реформой которая смела съ лица русской земли прежнія незыблемо стоявшія государственныя кредитныя учрежденія съ ихъ ломбардами и дала въ замѣнъ ихъ банки въ родѣ Кронштадтскаго или Коммерческаго Ссуднаго въ Москвѣ, Скопинскаго, Петербургскаго Общества Взаимнаго Кредита, почти закабаленнаго Ротшильду и прославленнаго Юханцевымъ Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, Саратовско-Симбирскаго Акціонернаго Банка и иныхъ. Господа гордящіеся этою реформой какъ дѣломъ рукъ своихъ превозносятъ ее какъ „одно изъ первыхъ звеньевъ въ цѣпи реформъ минувшаго царствованія,“ ставятъ ее на ряду съ „упраздненіемъ откуповъ,“ „освобожденіемъ крестьянъ,“ „учрежденіемъ новыхъ судовъ.“ Но сознаютъ ли они что этою своею реформой они, страшно затруднивъ для всего русскаго землевладѣнія и земледѣлія, въ самый критическій для него моментъ, переходъ отъ крѣпостнаго труда къ вольнонаемному, вмѣстѣ съ тѣмъ положили начало тому усиленному лѣсоистребленію которое нынѣ всѣхъ такъ озабочиваетъ? Одновременно съ потерей дароваго труда лишившись поддержки Опекунскаго Совѣта, помѣщики были вынуждены роковою необходимостью продавать лѣса за безцѣнокъ разнымъ спекулянтамъ, которые, спѣша возвратить затраченные на покупку капиталы, торопились вырубить купленные лѣса, благо усилился

спросъ на дрова вслѣдствіе быстрой постройки желѣзныхъ дорогъ.

Не указываетъ ли это забываемое многими обстоятельство на необходимость облегченія и удешевленія кредита для нашего землевладѣнія не только въ видахъ поддержанія сельскаго хозяйства, которое подъ вліяніемъ американской конкурренціи повсюду находится въ болѣе или менѣе критическомъ положеніи, но и въ видахъ устраненія одной изъ главныхъ причинъ лѣсоистребленія? Изданіе закона который положилъ бы конецъ широкому разгулу воровскихъ топоровъ по чужимъ лѣсамъ и доставленіе землевладѣнію удобствъ облегченнаго и удешевленнаго кредита, который уменьшилъ бы нужду заставляющую лѣсовладѣльцевъ прибѣгать ко сплошнымъ вырубкамъ лѣсовъ, вотъ тѣ положительныя мѣры которыя, помимо многихъ другихъ, должны предшествовать отрицательной мѣрѣ ограниченія правъ лѣсной собственности. Идти инымъ путемъ, узаконить прежде всего эту отрицательную мѣру, которая безъ положительныхъ мѣръ не можетъ привести ни къ чему доброму, значило бы начать дѣло не съ начала, а съ конца.

Б.

Сторонники Закавказскаго транзита, надобно полагать, не хуже насъ понимающіе что этотъ транзитъ есть главнымъ образомъ ширма для прикрытія контрабанды которая наводняла бы и Кавказъ, и всѣ прилегающіе къ нему и къ Каспійскому морю обширные районы, въ подрывъ русскому народному труду, напрягаютъ всѣ усилія чтобы всякими правдами и неправдами доказать будто допущеніе транзита не повлечетъ за собою развитія контрабанды, будто между транзитомъ и контрабандой, какъ въ теоріи такъ и на практикѣ, нѣтъ ничего общаго. Но вотъ полученное нами письмо свидѣтельствующее какъ широко, благодаря транзиту, распространяется контрабанда уже теперь, когда транзитъ еще не пользуется услугами рельсоваго пути отъ Тифлиса до Баку:

„М. г.—Я имѣю торговлю и жительство въ городѣ Гурьевѣ и посылаю караваны съ товарами въ степь. Такъ въ истекшемъ году, въ маѣ мѣсяцѣ, мои прикащики торговали между Киргизами-Адаевцами за фортомъ Александровскимъ и, къ великому ихъ удивленію, встрѣтили широкія англійскія бязи, похожія на Морозовскія, съ поддѣльными, хотя плохо, русскими клеймами, продававшіяся на 20% дешевле. Продавцы этой бязи дербентскіе Евреи. Есть у нихъ и англійскіе ситцы, но эти ситцы, вслѣдствіе неудачныхъ рисунковъ, не приноровленныхъ ко вкусамъ Киргизовъ, плохо продаются. Если въ тѣ времена когда Баку не былъ соединенъ рельсами съ Поти, англійскіе товары имѣли доступъ на восточное побережье Каспійскаго моря и мѣшали сбыту русскихъ произведеній, то что же будетъ теперь, когда, по удобному желѣзнодорожному пути, можно скоро и дешево доставить въ Баку всевозможные товары? Нѣтъ сомнѣнія что намъ уже не зачѣмъ будетъ ѣздить въ Москву, а придется покупать всѣ товары въ Баку, откуда провозъ до Гурьева стóитъ 15 к. съ пуда на парусныхъ судахъ, тогда какъ провозъ изъ Москвы стóитъ зимой 1 р. 80 к., лѣтомъ 70 к. съ пуда.

„Примите и пр.

„*Временно-гурьевскій 2-й гильдіи купецъ Василій Ефимовъ Ванюшинъ. Москва, 21 января 1883.*"

Надобно или умышленно закрывать глаза чтобы не видать дѣйствительности, или быть совершенно не знающимъ ся кабинетнымъ теоретикомъ чтобы не понять значенія какое имѣютъ приведенныя соображенія въ вопросѣ о Кавказскомъ транзитѣ. Хорошо знакомые съ этою дѣйствительностью люди промышленнаго и торговаго міра нисколько не удивятся если, въ случаѣ дозволенія транзита, контрабандные товары начнутъ конкуррировать съ русскими не только во всей Средней Азіи, по всему низовому Поволжью, во всѣхъ при-Донскихъ и при-Уральскихъ областяхъ, но станутъ проникать даже въ Сибирь, а пожалуй и въ предѣлы центральнаго промышленнаго Московскаго округа. Вотъ главная причина почему съ такою необычною тревогой, колеблясь между страхомъ и надеждой, ждутъ рѣшенія транзитнаго вопроса люди промышленнаго и торговаго міра, а вмѣстѣ съ ними и почти всѣ русскіе люди.

№ 26.

Москва, 25-го января.

„Упраздненіе, добровольное отреченіе исполнительной власти въ соединеніи съ одурѣвшимъ отъ страха парламентскимъ большинствомъ, содрогающимся при малѣйшемъ дуновеніи и бросающимся то въ одну сторону, то въ другую—все это вовсе не похоже на правительство: это отрицаніе всякаго правительства, это смѣшеніе всѣхъ властей, это бездѣльное барахтаніе въ бездонномъ болотѣ.“ Такими словами характеризуетъ настоящее положеніе Франціи республиканская серіозная газета *Journal des Débats*. Ту же самую характеристику повторяютъ на всѣ лады и остальные органы республиканской печати (о монархическихъ газетахъ и говорить нечего); всѣ безъ исключенія политическія партіи, которыми такъ обильна Французская республика, объявившія другъ другу непримиримую вражду, въ одномъ только представляютъ замѣчательный примѣръ единогласія, въ признаніи что политика Франціи никогда еще въ мирное время не представляла столь жалкаго, столь возмутительнаго зрѣлища какъ теперь.

Слабое, безжизненное министерство Дюклера подало въ отставку, и на его мѣсто назначено новое министерство, которое однако съ перваго же дня оказалось еще блѣднѣе и ничтожнѣе прежняго. Даже такія завѣдомо безхарактерныя личности какъ гг. Ферри и де-Фрейсине отказались отъ предложенной имъ чести сформировать при настоящихъ обстоятельствахъ новое министерство, и пришлось поневолѣ ввѣрить заразъ постъ министра-президента, министра иностранныхъ и министра внутреннихъ дѣлъ такому совершенно неизвѣстному въ политическомъ мірѣ государственному человѣку какъ гражданинъ Фальеръ, который въ первый день появленія своего въ палату упалъ въ обморокъ, не кончивъ своей жалкой, безцвѣтной рѣчи, а затѣмъ уже въ палату больше не показывался. Сама палата депутатовъ раздроблена на такія мелкія фракціи что совершенно лишена возможности держаться какого-либо опредѣленнаго направленія въ своей политикѣ и тратитъ свое время на личныя препирательства и мелкія интриги. „Съ такою палатой совершенно невозможно имѣть какое-нибудь дѣло,“ ежедневно вотъ уже цѣлый годъ твердятъ французскіе политики, а между тѣмъ, на точномъ основаніи конституціи, эта никуда не годная палата до сихъ поръ разыгрываетъ роль верховной правительницы Франціи. Президентъ республики г. Греви обрекъ себя по принципу на какое-то летаргическое бездѣйствіе, стараясь представить изумленному міру идеалъ строго-конституціоннаго правителя, который, какъ извѣстно, долженъ быть „первымъ рабомъ верховнаго владыки, всемогущаго народа.“ „Абсолютное безпристрастіе,“ которымъ такъ кичится г. Греви, выводитъ изъ терпѣнія даже самыхъ горячихъ поклонниковъ конституціоннаго режима. Вотъ какъ напримѣръ отзывается о г. Греви республиканская газета *National*:

„Мы допускаемъ что глава великой націи можетъ игнорировать грязныя интриги и низкіе маневры зловредныхъ личностей, производящихъ свое пагубное вліяніе на рѣшенія парламента. Мы понимаемъ что г. Греви въ спокойное время можетъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ смотрѣть на то какъ г. Флоке безцеремонно кладетъ ноги на столъ. Но теперь время скептическаго созерцанія прошло. Теперь государство въ опасности. Раздаются зловѣщіе голоса, на сцену являются опасные люди. Всѣхъ насъ охватываетъ чувство страха; готовятся проскрипціи, народъ обучаютъ гнусной фразеологіи адвокатишекъ (avocassons) 93 года. Всякое министерство уже распадается не успѣвъ еще явиться на свѣтъ. Всякій наглецъ находитъ себѣ восторженныхъ слушателей. Всякій крикунъ имѣетъ свой придворный штатъ. Всякій фанатикъ находитъ послѣдователей, которые быстро его перегоняютъ. Инстинктивное недовѣріе охватило биржу и еще болѣе подрываетъ уже надорванные финансы. Наступилъ великій кризисъ, кризисъ политическій, соціальный, финансовый и, можетъ-быть, кризисъ нашей иностранной политики, такъ какъ невозможно чтобы представляемое нами печальное зрѣлище не возбуждало эгоистическихъ стремленій нашихъ соперниковъ. Чего же ждетъ г. Греви? Неужели въ подобное время первый сановникъ республики исполнилъ свои обязанности предъ отечествомъ если далъ офиціальный обѣдъ и пожалъ руку всѣмъ лицамъ посѣщающимъ его бальные вечера? Вотъ вопросъ который мы

ставимъ: Пусть на него отвѣтитъ совѣсть г. Греви."

Увы, отвѣтъ г. Греви на подобные вопросы заранѣе извѣстенъ: „Въ конституціонномъ государствѣ нѣтъ мѣста живой личной инициативѣ. Всѣ обязаны слѣпо и безусловно подчиняться волѣ верховнаго народа, проявляющейся чрезъ рѣшенія его избранниковъ, членовъ парламента." И отвѣтъ г. Греви будетъ вполнѣ логиченъ. При томъ шаблонномъ доктринерскомъ парламентаризмѣ на которомъ основано все зданіе Французской республики и который подъ именемъ „праваго порядка" такъ расхваливается нашею печатью, такой правитель какъ г. Греви дѣйствительно можетъ считаться идеальнымъ, а такое положеніе въ какомъ теперь находится Франція является совершенно нормальнымъ и естественнымъ. По фикціи этого „праваго *порядка*" (!) страной управляетъ народъ. Представителемъ этого народа является парламентъ, а глава государства и его министры считаются лишь исполнителями воли народа, т.-е. парламента. Если у этого парламента не окажется, какъ въ данномъ случаѣ, никакой опредѣленной воли, если онъ сдѣлается гнѣздомъ грязныхъ эгоистическихъ интригъ, если онъ будетъ губить финансы, страну и народъ, то все это будетъ происходить „по священной волѣ народа," и кто вздумаетъ воспротивиться ей, тотъ конечно измѣнникъ. Приходится терпѣливо ждать извѣстное число лѣтъ, по прошествіи которыхъ народъ снова „изречетъ свою волю," т.-е. въ палату проберется новая куча интригановъ, которые снова будутъ разыгрывать роль „представителей народа."

Но, несмотря на свою идеальную стройность, логика парламентаризма часто наталкивается на совершенно непредвидѣнныя затрудненія. Предоставляя по основному своему принципу полную свободу всѣмъ гражданамъ государства, конституція предоставляетъ ее слѣдовательно и тѣмъ которые замышляютъ уничтоженіе самой конституціи. „Мысли и рѣчи свободны," говоритъ кодексъ доктринеровъ, а слѣдовательно и тѣ мысли и рѣчи свободны которыя направлены противъ существованія этого кодекса. Такъ или нѣтъ? Вотъ вопросъ надъ которымъ теперь ломаютъ себѣ голову французскіе политики. Палата рѣшила что подобныя мысли и рѣчи преступны, а сенатъ, какъ всѣ увѣряютъ, съ подобнымъ толкованіемъ конституціонной свободы никогда не согласится.

Другой конституціонный вопросъ возбужденный послѣднимъ рѣшеніемъ палаты отличается еще большею тонкостью. По предложенію г. Фабра, представители народа постановили что Орлеаны и Наполеониды лишаются своихъ активныхъ и пассивныхъ избирательныхъ правъ, и что всѣ избирательныя записки поданныя впредь па какихъ бы то ни было законодательныхъ выборахъ и носящія имя одного изъ этихъ принцевъ должны считаться недѣйствительными. Такъ рѣшили представители народа, и если сенатъ утвердитъ это рѣшеніе, то оно вступитъ въ законную силу. Но что̀ если народъ, этотъ верховный владыка, возьметъ да выберетъ въ какихъ-нибудь департаментахъ кого-нибудь изъ принцевъ въ палату или въ сенатъ? Какъ тогда поступить? Кассировать этотъ выборъ, то-есть нарушить „священную волю народа?" По конституціи это совершенно невозможно и въ высшей степени *преступно*, а между тѣмъ по той же конституціи законы принятые парламентомъ имѣютъ безусловную силу, и нарушеніе народной воли, слѣдовательно, не будетъ преступнымъ!

Вопросы надъ рѣшеніемъ которыхъ теперь трудятся безличное французское правительство и безглавый парламентъ затрогиваютъ слѣдовательно самыя коренныя основанія конституціоннаго режима. И теперь уже становится очевиднымъ что въ какомъ бы смыслѣ они ни нашли себѣ рѣшеніе, они теоретически уничтожаютъ ученіе объ идеальномъ совершенствѣ парламентаризма. Въ практическомъ отношеніи негодность этого хваленаго режима давно уже доказана плачевнымъ положеніемъ къ которому онъ привелъ несчастную Францію.

№ 27.

Москва, 26-го января.

А.

Дунайскій вопросъ въ послѣднее время очень усложнился. Судя по послѣднимъ извѣстіямъ, между Австріей и Румыніей соглашеніе все еще не состоялось, такъ что вопросъ объ участіи послѣдней на пред-

стоящей Лондонской конференціи съ правомъ рѣшающаго голоса все еще остается открытымъ. Настойчивость Румыніи, если вѣрить вѣнскимъ газетамъ, оказалась не совсѣмъ безуспѣшною. Делегатъ Франціи въ Дунайской коммиссіи, г. Баррeръ, согласился де отчасти видоизмѣнить свой проектъ „смѣшанной" коммиссіи, но уступки имъ предлагаемыя Румынское правительство считаетъ слишкомъ незначительными. Вѣнская печать, конечно, выражаетъ по этому поводу негодованіе и предлагаетъ совершенно исключить Румынію изъ конференціи, хотя въ силу Берлинскаго трактата Румынія имѣетъ своего делегата въ международной коммиссіи. Также непріязненно встрѣчено въ Вѣнѣ и Пештѣ и выраженное Болгаріей желаніе имѣть своего представителя на Лондонской конференціи, на что, по словамъ газетъ, не соглашается и Турецкое правительство, угрожающее, въ случаѣ исполненія желаній Болгаріи, отказаться отъ участія въ Лондонской конференціи. Только желаніе Сербіи участвовать въ конференціи встрѣчено въ Вѣнѣ довольно равнодушно и даже отчасти сочувственно, что объясняется твердымъ убѣжденіемъ вѣнскихъ государственныхъ людей что нынѣшній австрофильскій кабинетъ Пирочанца поддержитъ всѣ требованія Австро-Венгріи, хотя бы они были направлены во вредъ интересамъ прибрежныхъ нижнему Дунаю государствъ.

Всѣ вышеприведенныя обстоятельства заставляютъ предполагать что предстоящія совѣщанія Лондонской конференціи пойдутъ далеко не такъ успѣшно какъ надѣялись въ Вѣнѣ. Если даже допустить что конференція единогласно одобритъ проектъ Баррера о смѣшанной коммиссіи и не станетъ входить въ его обсужденіе (чего желаетъ Австрійское правительство), то возникаетъ вопросъ какимъ образомъ заставить Румынію признать права коммиссіи, которой поручено безъ согласія на то самой Румыніи распоряжаться въ ея водахъ.

Весьма характерно что при всѣхъ разсужденіяхъ, появляющихся въ послѣднее время въ вѣнскихъ газетахъ по поводу Дунайскаго вопроса, о Россіи упоминается только какъ-то вскользь, какъ будто она не имѣетъ на нижнемъ Дунаѣ никакихъ интересовъ. Во время пребыванія нашего министра Иностранныхъ Дѣлъ въ столицѣ Австріи, по общему мнѣнію австрійскихъ газетъ, онъ вмѣстѣ съ графомъ Кальноки обсуждалъ, между прочимъ, и Дунайскій вопросъ и, какъ увѣряетъ офиціозная вѣнская печать, между Австріей и Россіей состоялось какое-то соглашеніе, причемъ однако „о притязаніяхъ Россіи на Килійское гирло не было де и рѣчи, такъ какъ притязанія эти задѣваютъ интересы Европы." Но какое же, спрашивается, могло бы состояться соглашеніе соотвѣтствующее интересамъ обѣихъ державъ въ равной мѣрѣ еслибы принадлежащее Россіи Килійское гирло осталось во владѣніи Дунайской коммиссіи, а Австрія распространила бы свое вліяніе и на ту часть Дуная которой она неприбрежна? Могущественнѣйшая изъ прибрежныхъ Дунаю державъ, Россія очевидно не можетъ, изъ любезности къ своимъ сосѣдямъ, жертвовать своими интересами на Дунаѣ, и если представитель Россіи въ Дунайской коммиссіи далъ свое согласіе на проектъ Баррера,—проектъ мало чѣмъ отличающійся отъ пресловутаго австрійскаго *avant-projet*,—то надо полагать что правительство наше энергически поддержитъ свои права въ устьяхъ Дуная. Въ Австріи, повидимому, все еще полагаютъ что Россія должна имѣть въ виду исключительно чужіе интересы и жертвовать своими. Миролюбивая политика Россіи и ея готовность дѣлать уступки тамъ гдѣ онѣ возможны имѣютъ однако свои предѣлы. Предстоящая Лондонская конференція должна открыть глаза какъ врагамъ, такъ и друзьямъ нашимъ: мы не сомнѣваемся что нашъ представитель на конференціи явится защитникомъ *русскихъ* интересовъ и поддержитъ ихъ энергически, не обращая вниманія на то что скажутъ наши тайные и явные враги.

Поѣздка нашего министра Иностранныхъ Дѣлъ въ Вѣну вызвала цѣлый рядъ нелѣпыхъ толковъ и комбинацій; въ вѣнскихъ газетахъ печатался цѣлый рядъ политическихъ догадокъ ни на чемъ не основанныхъ; но допустить нелѣпость что Россія откажется отъ своихъ правъ на Дунаѣ и въ то же время, изъ платонической любви къ Австро-Венгріи, будетъ содѣйствовать упроченію политическаго вліянія послѣдней на нижнемъ Дунаѣ и прибрежной ему, освобожденной русскою кровью Болгаріи,—подобной нелѣпости мы, признаться, не ожидали даже отъ австрійскихъ газетъ.

Б.

Въ послѣднихъ трехъ нумерахъ (17, 18 и 19) *Правительственнаго Вѣстника* напечатано обширное извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета министра Государственныхъ Имуществъ по горной части за 1881 годъ. Отчетъ этотъ съ должною прямотой касается самыхъ существенныхъ сторонъ горнаго промысла, находящихся въ непосредственной связи со множествомъ самыхъ разнообразныхъ и важныхъ интересовъ промышленности, торговли, администраціи, военнаго и отчасти даже школьнаго дѣла. Горный промыселъ составляетъ или, говоря точнѣе, долженъ бы составлять одну изъ важнѣйшихъ отраслей народнаго труда. Но въ какомъ положеніи находится у насъ это дѣло? „Въ концѣ прошлаго и даже въ началѣ текущаго столѣтія, такъ начинается отчетъ, Россія играла на западно-европейскихъ рынкахъ роль первенствующаго поставщика продуктовъ минеральнаго царства, и по общему количеству своего производства въ этомъ отношеніи стояла въ одномъ ряду съ другими первоклассными державами.“ А теперь? „Нынѣ, какъ поставщикъ металловъ и минераловъ, за исключеніемъ золота, Россія занимаетъ на всемірномъ рынкѣ ничтожное мѣсто,“ уступая по размѣру производительности даже такого металла какъ желѣзо маленькой Бельгіи. Отчетъ спѣшитъ оговориться что наше горное производство не уменьшилось въ размѣрахъ съ начала столѣтія, что оно, напротивъ, даже значительно возрасло. Если мы оказались позади другихъ, то потому что развитіе у насъ горнаго дѣла шло медленнѣе чѣмъ на западѣ. Тамъ усердно хлопотали о развитіи горнаго промысла; у насъ, напротивъ, поставляли препоны его развитію. Первый ударъ нашей горной промышленности нанесло примѣненіе каменнаго угля къ металлургическимъ операціямъ. Пока для этихъ операцій шло древесное топливо, ни одна изъ странъ Западной Европы не могла соперничать съ нами, затрудняясь недостаткомъ въ лѣсѣ; дешевое топливо, „громадныя залежи котораго расположены въ самомъ близкомъ разстояніи отъ рудниковъ,“ поставило западно-европейское производство „въ несравненно болѣе выгодныя условія чѣмъ тѣ при которыхъ оно могло развиваться у насъ.“ Страннымъ образомъ и паръ не помогъ, а повредилъ намъ, измѣнивъ условія перевозки. Пока перевозка была медленная, преимущественно водой, пока дешевизна движущей силы, воды и вѣтра, „умѣряла вліяніе разстояній на выгодность производства,“ преимущества были на нашей сторонѣ, тогда какъ развитіе желѣзныхъ дорогъ придало чрезвычайно важное значеніе близости мѣста добычи громоздкихъ продуктовъ къ центрамъ ихъ сбыта. У насъ развитіе желѣзнодорожной сѣти замедлялось въ значительной мѣрѣ громадностью разстояній. Въ Западной Европѣ горнопромышленныя мѣстности быстро покрылись густою сѣтью рельсовыхъ путей, тогда какъ у насъ „до сихъ поръ горное дѣло еще не пользуется такими путями въ желательной мѣрѣ.“ Но этого мало; желѣзныя дороги строившіяся у насъ не только не содѣйствовали развитію горнаго промысла, но послужили еще одною изъ дѣятельныхъ причинъ положительно содѣйствовавшихъ „нашей отсталости“ вслѣдствіе ошибочныхъ административныхъ и законодательныхъ мѣропріятій. „Постройка желѣзныхъ дорогъ,“ такъ поясняется это далѣе въ отчетѣ, „во всѣхъ государствахъ Западной Европы и въ Сѣверной Америкѣ оживлявшая туземную металлургическую промышленность самымъ усиленіемъ спроса на желѣзо, у насъ повліяла неблагопріятно на горнозаводское дѣло, усиливъ ввозъ иностраннаго желѣза.“ Дошло до куріоза: „въ центрѣ нашей горной промышленности, на Уралѣ, у подножія богатѣйшаго въ мірѣ мѣсторожденія магнитнаго желѣзняка, проложены иностранные рельсы!“ Любопытно и слѣдующее: не подалеку отъ строящейся Екатеринбурго-Тюменской дороги лежитъ Каменскій казенный заводъ, близь котораго найденъ превосходный каменный уголь, который, какъ признаетъ отчетъ, можетъ быть приспособленъ къ выдѣлкѣ желѣзнодорожныхъ принадлежностей. Сдѣлано ли это приспособленіе? Нѣтъ, а между тѣмъ налицо всѣ выгоды, все что содѣйствовало развитію заграничныхъ заводовъ: и уголь близко, и мѣсто сбыта подъ рукой! Еще примѣръ. На Артинскомъ заводѣ установилось производство косъ. Вырабатывается ихъ до 38.000 штукъ. Производство можно довести до 180.000, затративъ на это 74.000 рублей. И это не было сдѣлано, несмотря на ничтожность требуемой суммы, и на то что косы эти „при большемъ ихъ предложеніи на рынкѣ мо-

гли бы вытѣснить иностранныя и оказать тѣмъ сельскому хозяйству немаловажную услугу", тѣмъ болѣе что артинскія косы не уступаютъ штирійскимъ и каринтійскимъ. Мы какъ будто умышленно задерживаемъ ростъ своей производительности въ пользу иностранной: тутъ въ пользу штирійскихъ косъ, тамъ въ пользу солингенскихъ клинковъ, имѣющихъ, благодаря низкому тарифу, выгодный сбытъ въ ущербъ клинкамъ нашего Златоустинскаго завода.

На ряду съ таможенными, желѣзнодорожными и горно-административными порядками, на наши горные заводы повліяло и военное вѣдомство, „въ послѣднее время начавшее уклоняться отъ дачи нарядовъ казеннымъ горнымъ заводамъ," всѣ приспособленія коихъ сдѣланы преимущественно для исполненія военныхъ нарядовъ. Правда, часть военныхъ заказовъ отошла къ частнымъ заводчикамъ, но только часть; другая и довольно крупная доля попала въ руки иностранныхъ фабрикантовъ, тогда какъ изготовленіе предметовъ государственной обороны едва ли возможно оставить исключительно въ рукахъ даже своей частной промышленности.

№ 28.

Москва, 27-го января.

Коммиссія для разсмотрѣнія вопроса о Закавказскомъ транзитѣ, какъ извѣстно, уже приступила къ своимъ занятіямъ. Было бы преждевременно судить о томъ какія мнѣнія получатъ въ ней преобладаніе. Не для всѣхъ ея членовъ вопросъ представляется выясненнымъ въ надлежащей степени; признано нужнымъ вызвать и выслушать разныхъ лицъ которыхъ русскій торгово-промышленный міръ признавалъ бы дѣйствительными представителями его интересовъ. Въ силу этого вызова, уже выбраны четырнадцать экспертовъ, на половину выборными Московскаго Биржеваго Общества, на половину здѣшнимъ Мануфактурнымъ Совѣтомъ, по шести отдѣламъ: хлопчатобумажному, шерстяному, шелковому, канительному, стеклянному и сахарному *). Вмѣстѣ съ тѣмъ выборные обратились по телеграфу въ Департаментъ Мануфактуръ и Торговли съ просьбой о разрѣшеніи избрать экспертовъ еще по отдѣламъ химическому, металлическому и писчебумажному.

Можно надѣяться что голосъ русскихъ интересовъ будетъ уваженъ. По иностранная интрига, повидимому, не унываетъ. Не стѣсняясь противорѣчіями она мѣняетъ, при каждомъ поворотѣ, свои маневры. Давно ли, кажется, доказывалось на всѣ лады что вопросъ о транзитѣ, якобы „третьестепенный," не имѣетъ для русскихъ промышленныхъ и торговыхъ интересовъ никакого серіознаго значенія, что вся „агитація" противъ транзита возбуждена единственно издателемъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Теперь же начинаютъ укорять русскихъ торговыхъ людей въ корыстолюбіи и жадности. Съ русскихъ фабрикантовъ и торговцевъ теперь снимается тотъ укоръ который дѣлался имъ минувшею осенью,— укоръ въ неумѣньѣ вести агитацію какъ умѣютъ иностранцы, пуская въ ходъ и лесть, и подкупъ; теперь дается понять что наши торговцы и промышленники не только умѣютъ все это дѣлать, но и дѣлаютъ, какъ будто русское дѣло въ Россіи, для своего успѣха, можетъ нуждаться въ пріемахъ къ какимъ свойственно прибѣгать только чужому и нечистому дѣлу!

О томъ какъ повсемѣстно и въ какой силѣ заинтересована русская промышленность, а стало-быть и вообще Россія, въ вопросѣ о транзитѣ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, ходатайство Харьковскаго биржеваго общества о закрытіи транзита, и телеграмма туркестанскаго генералъ-губернатора М. Г. Черняева, который заявляетъ что вопросъ о транзитѣ черезъ Кавказъ и Каспій иностранныхъ товаровъ до крайности волнуетъ всѣхъ значительныхъ представителей мѣстной торговли, и что одна мысль о возможности утвердительнаго разрѣшенія вопроса въ пользу иностранцевъ уже дѣйствуетъ удручающимъ образомъ на виды дальнѣйшей русской торговли на рынкахъ края и всей

*) Именно избраны:
По *хлопчато-бумажному* отдѣлу: Морозовъ (Т. С.), Барановъ (А. И.), Якунчиковъ (В. И.), Коншинъ (М. Н.).
По *шерстяному* отдѣлу: Четвериковъ, Бутиковъ, Арманъ.
По *шелковому* отдѣлу: Сапожниковъ (В. Г.), Лепзерсонъ.
По *канительному* отдѣлу: Алексѣевъ (С. В.), Шамшинъ.
По *стеклянному* отдѣлу: Щегляевъ.
По *сахарному* отдѣлу: Сергѣевъ, Маркъ (Вогау).

Средней Азіи, свидѣтельствуя что дозволеніе транзита было бы ударомъ не только отечественной промышленности и торговлѣ, но и нашему политическому значенію въ Средней Азіи.

Вчера въ нашей газетѣ была напечатана замѣтка г. Тимоѳеева „Еще о Закавказскомъ транзитѣ," передающая слухи возникшіе благодаря канцелярской тайнѣ въ какой держатся офиціально собранные для Коммиссіи матеріалы по транзитному вопросу. Не беремся судить о томъ въ какой мѣрѣ всѣ эти слухи вѣрны или не вѣрны. Не знаемъ правильно или не правильно составленъ „Журналъ совѣщанія, происходившаго при Министерствѣ Финансовъ по вопросу о Закавказскомъ транзитѣ, 25 октября 1882 года" и былъ ли онъ подписанъ всѣми на немъ присутствовавшими, но можемъ сказать утвердительно что этотъ журналъ дѣйствительно напечатанъ во главѣ „Матеріаловъ." Говорили ли что-нибудь на совѣщаніи 25 октября, и въ какомъ именно смыслѣ говорили, гг. Кавосъ и Коншинъ, мы также не знаемъ; но можемъ утвердительно сказать что въ напечатанномъ журналѣ К. Л. Кавосъ показанъ въ числѣ лицъ высказавшихся за сохраненіе Закавказскаго транзита, а Н. Н. Коншинъ не только не показанъ въ числѣ говорившихъ, но и не показанъ въ числѣ присутствовавшихъ на совѣщаніи: въ журналѣ изложено лишь содержаніе полученной отъ него записки. Предоставляя себѣ поговорить о разныхъ относящихся къ транзитному вопросу матеріалахъ въ послѣдствіи, когда мы будемъ имѣть возможность ближе съ ними ознакомиться, не можемъ однакоже не остановиться теперь на той ихъ части которая касается непосредственно нашихъ изданій, *Московскихъ Вѣдомостей* и *Русскаго Вѣстника*.

Въ офиціальныхъ матеріалахъ отведены четыре страницы для „отзывовъ печати по поводу сооруженія Тифлисско-Бакинской желѣзной дороги," при чемъ оказана честь и нашимъ изданіямъ цѣлымъ рядомъ указаній на печатавшіяся въ нихъ статьи. Такъ, между прочимъ, дѣлаются ссылки: на статью „Международные вопросы въ Азіи" г. Венюкова въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1877 года, на статью Z „Опытъ экономическаго очерка Кавказскаго края, преимущественно Закавказья" печатавшуюся въ №№ 13, 14, 16, 97 и др. *Московскихъ Вѣдомостей* 1876 года, и на статью г-на Герсеванова „Кавказскія желѣзныя дороги" въ № 239 и др. *Московскихъ Вѣдомостей* 1874 года. Почему вниманіе составителя Матеріаловъ остановилось именно на этихъ, а не какихъ другихъ статьяхъ печатавшихся въ нашихъ изданіяхъ, мы не знаемъ. Намъ не совсѣмъ понятно какое отношеніе можетъ имѣть къ обсуждаемому нынѣ транзитному вопросу статья въ которой говорилось что Поти-Бакинская желѣзная дорога можетъ усилить сбытъ кавказскихъ нефти и хлопка и поднять цѣнность земли въ Караязской степи. Нѣсколько бо́льшую связь съ транзитомъ имѣетъ статья г. Герсеванова, трактующая не спеціально о Поти-Бакинской дорогѣ, но о цѣлой рельсовой сѣти которая прорѣзала бы Кавказъ въ разныхъ направленіяхъ и связала бы ее съ общею русскою желѣзнодорожною сѣтью. Въ проектированную г. Герсевановымъ сѣть кавказскихъ дорогъ входила и Поти-Бакинская, причемъ мимоходомъ упоминалось объ иностранномъ транзитѣ и вызываемыхъ имъ опасеніяхъ, съ замѣчаніемъ въ томъ общемъ смыслѣ что эти опасенія не должны быть препятствіемъ къ постройкѣ дороги, ибо правительство всегда можетъ принять надлежащія мѣры къ тому чтобы не допустить вреднаго для русскихъ промышленныхъ и торговыхъ интересовъ соперничества иностранныхъ транзитныхъ товаровъ. Что̀ бы, однако, ни было высказано въ статьяхъ гг. Z, Герсеванова и Венюкова и въ какихъ-либо другихъ статьяхъ появлявшихся въ разное время въ нашихъ изданіяхъ, эти случайно приходившія къ намъ статьи были выраженіемъ мнѣній только ихъ авторовъ. Въ то время когда эти статьи печатались, транзитный вопросъ не былъ на очереди. Вопросъ этотъ опредѣлился лишь съ конца минувшаго лѣта. Въ чемъ наше мнѣніе состоитъ и чѣмъ оно мотивировано, публика знаетъ изъ цѣлаго ряда нашихъ статей печатавшихся въ послѣдніе мѣсяцы въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* и *Русскомъ Вѣстникѣ* *). Мо-

*) Исполняя желаніе многихъ нашихъ читателей, перечисляемъ тѣ нумера нашей газеты гдѣ печатались какъ наши такъ и стороннія статьи имѣющія отношенія къ транзитному вопросу. Мы высказывались по этому предмету въ *Моск. Вѣд.* 1882, въ №№ 222, 227, 257, 295, 299, 302, 306, 308, 314, 321, 330, 333, 344, 361 и 362; *Моск. Вѣд.* 1883, №№ 4, 9, 12 и 25; *Русскій Вѣстникъ* 1882, ноябрьская и декабрьская книжки („Современная Лѣтопись"). Стороннія статьи и коррес-

жетъ-быть именно въ виду достаточной извѣстности какъ самого мнѣнія, такъ и его основаній, и не найдено было нужнымъ дѣлать на нихъ какія-либо указанія въ отдѣлѣ „отзывовъ печати." Равнымъ образомъ не сдѣлано указаній и на статьи другихъ газетъ по транзитному вопросу печатавшіяся въ послѣдніе мѣсяцы. Приводить въ матеріалахъ статьи, напримѣръ, газеты *Голосъ* было бы, впрочемъ, даже излишнею роскошью: это слишкомъ облегчило бы трудъ досужихъ людей которымъ вздумалось бы сопоставлять выдержки изъ этихъ статей съ нѣкоторыми записками защитниковъ и вошедшими въ составъ матеріаловъ.

№ 29.

Москва, 28-го января.

По телеграммамъ изъ Лондона, конференція по Дунайскому вопросу должна была открыться вчера, 8 февраля. Кромѣ вопроса о продолженіи дѣйствій международной Дунайской коммиссіи, учрежденной по Берлинскому трактату, коей срокъ истекаетъ въ началѣ этого года, конференція эта должна высказаться и по вопросу о томъ основательны ли возраженія поднимаемыя съ разныхъ сторонъ противъ признанія Килійскаго гирла Дуная, которое на всемъ протяженіи своемъ омываетъ Русскую территорію, исключительнымъ достояніемъ Россіи, или же это гирло должно быть подчинено, подобно болѣе южнымъ рукавамъ Дунайскаго устья, власти и контролю международной коммиссіи. Россія, какъ извѣстно, рѣшительно отвергаетъ всякія возраженія и, какъ слышно, поставила самый вопросъ о продолженіи дѣйствій Дунайской коммиссіи въ зависимость отъ безусловнаго признанія ея права нераздѣльнаго владѣнія сѣвернымъ гирломъ Дуная. Такое энергическое настояніе на своемъ безспорномъ правѣ уже возымѣло свое дѣйствіе, какъ всегда въ случаяхъ подобнаго рода. Несмотря на отчаянные возгласы враждебныхъ Россіи газетъ, какъ Германія, такъ и Австрія не обнаруживаютъ намѣренія противодѣйствовать требованіямъ Россіи, и по слухамъ сообщаемымъ парижскою газетой *Temps*, принятіе Дунайскою конференціей предложеній Русскаго правительства не подлежитъ сомнѣнію. Есть, правда, указаніе на то что противниками Россіи по вопросу о Килійскомъ гирлѣ выступятъ Англія и Франція. Что касается Англіи, то сопротивленіе Россіи на Востокѣ есть неизмѣнная черта ея политики и потому нечего удивляться что и Гладстоновскій кабинетъ продолжаетъ эту традицію. Но если вѣрно что и Франція имѣетъ въ виду возобновить Наполеоновскую политику пятидесятыхъ годовъ и по поводу Килійскаго гирла освѣжитъ тогдашнюю *entente cordiale*, то это было бы по истинѣ изумительное проявленіе того политическаго недомыслія коимъ отличаются теперешніе правители Франціи. Трудно представить себѣ вопросъ, въ коемъ интересы Франціи были бы менѣе замѣшаны. Но еще труднѣе представить себѣ ту политическую комбинацію въ силу которой Франціи было бы выгодно идти рука-объ-руку съ Англіей въ вопросахъ касающихся Востока, теперь когда еще такъ чувствуется пораженіе понесенное Франціей въ Египетскомъ дѣлѣ...

Устье Дуная образуетъ, подобно устью всѣхъ прочихъ великихъ рѣкъ, обширную дельту со множествомъ развѣтвленій, занимающую пространство въ 2.700 квадратныхъ километровъ. Во время высокой воды все это пространство бываетъ покрыто разливомъ и останавливающаяся послѣ разлива вода образуетъ массу малыхъ озерковъ и болотъ окаймляющихъ дунайскую дельту съ обѣихъ сторонъ. Самое теченіе Дуная раздѣляется въ этомъ мѣстѣ на три главные рукава: Килійскій, самый сѣверный, Св. Георгія, самый южный, и Сулинскій, текущій по серединѣ и составляющій лишь вѣтвь рукава Св. Георгія. Килійскій рукавъ принимаетъ въ себя, по новѣйшимъ гидротехническимъ вычисленіямъ, больше половины всей водной массы Дуная. Тѣмъ не менѣе Килійскій рукавъ имѣетъ, при самомъ впаденіи въ море, въ гирлѣ того же названія, совершенно ничтожную глубину, до такой степени ничтожную что и самыя мелкосидящія суда, приходящія съ моря, не могутъ въ обыкновенное время, за исключеніемъ половодья, пройти чрезъ баръ образуемый песчаными осадками многочис-

---

понденціи по тому же предмету: *Моск. Вѣд.* 1882, №№ 296, 299, 307, 308, 314, 317, 321, 322, 326, 332, 333, 344, 357; *Моск. Вѣд.* 1883, №№ 6, 9, 13, 20, 21, 22, 23 и 27.

ленныхъ мелкихъ развѣтвленій Килійскаго рукава.

Вотъ почему послѣ Парижскаго мира 1856 года, когда образована была международная коммиссія для регулированія устьевъ Дуная открытаго для свободнаго плаванія, вопросъ о томъ который изъ рукавовъ выбрать для этой цѣли разрѣшенъ былъ въ пользу Сулинскаго, который хотя и менѣе многоводенъ нежели Килійскій и Георгіевскій, но течетъ быстрѣе, а потому представляетъ болѣе удобствъ для борьбы противъ песчаныхъ осадковъ посредствомъ техническихъ сооруженій. Сооруженія эти обыкновенно заключаются въ каменныхъ плотинахъ суживающихъ теченіе, вслѣдствіе чего оно становится быстрѣе и уноситъ больше осаждающуюся массу. Образованіе бара хотя и не устраняется этимъ вполнѣ, а лишь переносится на другое мѣсто, но если плотины имѣютъ достаточно крѣпкій профиль и продолжены до самаго впаденія рѣчнаго теченія въ море, песчаные осадки распредѣляются на болѣе обширное пространство и такимъ образомъ обмеленіе бываетъ менѣе значительно. Опытъ однако доказалъ что одного регулированія, то-есть суженія рѣчнаго теченія, недостаточно для того чтобы противодѣйствовать осажденію рѣчныхъ седиментовъ, и что при этомъ играетъ также большую роль направленіе и сила морскаго береговаго теченія. Это прибрежное теченіе у устьевъ Дуная имѣетъ направленіе отъ сѣвера къ югу, такъ что осадки Килійскаго рукава Дуная относятся морскимъ теченіемъ къ Сулинскому устью и такимъ образомъ причиняютъ не только обмеленіе входа въ Дунай черезъ Килійскій рукавъ, но постепенно разрушаютъ результаты работъ производимыхъ для углубленія фарватера въ Сулинскомъ гирлѣ. Гидрографическія изслѣдованія позднѣйшаго времени, доказавшія что черезъ Килійскій рукавъ направляется къ морю наибольшая масса воды изъ Дуная, привели въ то же время къ убѣжденію что достаточная глубина фарватера при Сулинѣ не будетъ обезпечена никакими техническими работами пока не будутъ предприняты такія же работы для регулированія Килійскаго гирла, ибо лишь такимъ образомъ измѣнилось бы направленіе струи несущей осадки Килійскихъ водъ къ Сулинскому фарватеру. Отсюда ясно что работы для облегченія судоходнаго пути на Килійскомъ гирлѣ были бы въ то же время существенною подпорой для такихъ же работъ на Сулинскомъ гирлѣ, другими словами, что предложенныя Русскимъ правительствомъ техническія сооруженія въ Килійскомъ рукавѣ Дуная принесли бы существенную пользу судоходству по остальнымъ рукавамъ Дунайской дельты.

Съ точки зрѣнія общей пользы не можетъ, такимъ образомъ, возникнуть никакого возраженія противъ работъ русскихъ инженеровъ въ Килійскомъ гирлѣ. Если работы эти будутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ облегченіе судоходства по этому рукаву Дуная, то онѣ въ то же время послужатъ къ упроченію результатовъ такихъ же работъ въ Сулинскомъ рукавѣ, который на основаніи трактатовъ предоставленъ въ международное пользованіе.

№ 30.

Москва, 29-го января.

По поводу состоявшагося на дняхъ въ Москвѣ избранія экспертовъ и предстоящаго отъѣзда ихъ въ Петербургъ для участія въ обсужденіи транзитнаго вопроса, въ средѣ торгово-промышленнаго міра возникли толки, вѣроятно порожденные какимъ-нибудь недоразумѣніемъ, но тѣмъ не менѣе повергающіе многихъ въ смущеніе. Утверждаютъ будто эксперты вызываются не для разъясненія вопроса о томъ, требуется или не требуется закрыть иностранный транзитъ черезъ Закавказье, а чтобы, вопреки своимъ интересамъ и въ противность голосу всего промышленнаго міра Россіи, раздавшагося изъ конца въ конецъ ея, просить объ утвержденіи транзита... Вопросъ о транзитѣ еще не рѣшенъ. Верховная власть еще не изрекла своего слова долженъ ли транзитъ остаться, а между тѣмъ представители русскаго торговаго и промышленнаго міра созываются для того чтобы регулировать этотъ ненавистный имъ транзитъ какъ дѣло уже въ принципѣ рѣшенное! Вышло бы такъ что русская промышленность сама ходатайствуетъ о томъ противъ чего она безусловно и рѣшительно протестуетъ. Если транзитъ съ какой-либо точки зрѣнія будетъ законодательно удержанъ, то тогда лишь было бы время подумать о томъ какъ смягчить и вредъ установленіемъ какихъ-

либо пошлинъ на транзитъ. Но какая же надобность предрѣшать вопросъ когда еще онъ обсуждается въ самомъ принципѣ?... Тотъ самый торгово-промышленный міръ который въ концѣ минувшаго ноября мѣсяца такъ единодушно признавалъ необходимымъ ходатайствовать предъ самимъ Престоломъ о закрытіи транзита иностранныхъ товаровъ черезъ Закавказскій край долженъ такимъ образомъ чрезъ посредство избранныхъ имъ экспертовъ сдѣлать все возможное для того чтобъ этотъ транзитъ все-таки остался. Что дѣлать, какъ вести себя нашимъ экспертамъ поставленнымъ въ такое фальшивое положеніе? спрашиваютъ другъ друга торговцы и промышленники. Остается развѣ ходатайствовать о наложеніи на иностранные товары перевозимые по Закавказскимъ желѣзнымъ дорогамъ пошлинъ въ высшемъ размѣрѣ противъ тѣхъ какія установлены общимъ таможеннымъ тарифомъ. Такое исключительное повышеніе пошлинъ на иностранный привозъ въ Закавказье и далѣе было бы, впрочемъ, мѣрой справедливою по отношенію къ русской промышленности, ибо возстановляло бы въ ея пользу равновѣсіе нарушаемое тѣмъ что иностранные товары привозимые въ Поти и другіе черноморскіе кавказскіе порты пользуются выгодами особенно дешевыхъ фрахтовъ, между тѣмъ какъ на русскіе товары падаютъ всѣ невыгоды дорогаго провоза, причемъ до сихъ поръ даже вовсе нѣтъ рельсоваго пути который связывалъ бы нашу общую желѣзнодорожную сѣть съ Каспійскимъ моремъ. Но, по всему вѣроятію, экспертамъ въ Петербургѣ придется имѣть дѣло съ предложеніями не повысить, но понизить транзитныя пошлины сравнительно съ общими таможенными, и въ преніяхъ по этому предмету торговаться по копѣйкамъ, причемъ force majeure, пожалуй, заставитъ ихъ жертвовать русскими интересами въ пользу иностранныхъ. Между тѣмъ, если даже не возбуждать вопроса о подъемѣ транзитныхъ пошлинъ выше общаго уровня пошлинъ таможенныхъ, если считать самую мысль объ этомъ непозволительною крайностью протекціонизма, то всякое пониженіе транзитныхъ пошлинъ сравнительно съ общими таможенными нормами было бы несравненно худшею крайностью фритредерства. Если почему-либо возбраняется первая „крайность,“ почему непремѣнно слѣдуетъ удариться въ другую? Почему вредный для русскихъ интересовъ транзитъ долженъ быть поставленъ въ привилегированное положеніе, ради чего должны быть измышляемы для него особыя „транзитныя“ пошлины? Установленіе транзитныхъ пошлинъ въ размѣрѣ общаго таможеннаго тарифа, съ тѣмъ чтобы всякія измѣненія въ немъ распространялись и на транзитъ, есть наименьшее чѣмъ могутъ быть въ данномъ случаѣ удовлетворены нужды нашей промышленности. Нашъ дѣйствующій таможенный тарифъ считаютъ очень высокимъ: Но такъ судятъ о немъ только манчестерцы и вообще иностранные производители: всѣ сравнивавшіе нашъ тарифъ съ американскимъ, благодаря коему такъ высоко поднялось благосостояніе Соединенныхъ Штатовъ, давно убѣдились что пошлинныя нормы нашего тарифа, если не всѣ, то большею частію слишкомъ низки. Должны ли представители русской промышленности помочь ихъ дальнѣйшему пониженію въ интересахъ транзита, вреднаго для Россіи и въ политическомъ отношеніи?

Признается несомнѣннымъ что въ интересахъ Россіи было бы безусловное закрытіе транзита, и вмѣстѣ съ тѣмъ предлагается уступка, то-есть пожертвованіе насущными русскими интересами ради какихъ-то фантастическихъ соображеній. Но могутъ ли всѣ подобныя соображенія идти въ сравненіе съ серіознымъ ущербомъ отъ неразрывно связанной съ транзитомъ контрабанды, ущербомъ который грозитъ нашей промышленности не въ невѣдомомъ будущемъ, а въ настоящемъ? Дѣло стоитъ такъ что наложеніе на транзитные товары идущіе чрезъ Поти и Батумъ пошлины въ размѣрѣ сколько-нибудь меньшемъ противъ общей нормы таможеннаго обложенія было бы для русской промышленности равнозначительно такому же пониженію пошлинъ на иностранные товары привозимые черезъ нѣкоторыя первоклассныя таможни на нашей западно-европейской границѣ.

№ 32.

Москва, 31-го января.

Наши статьи въ №№ 19 и 22 *Московскихъ Вѣдомостей* вызвали офиціальное разъясненіе со стороны Государственнаго Контроля, напечатанное въ № 24 *Правительственнаго Вѣстника* и воспроизведен-

ное затѣмъ во вчерашнемъ № 31 нашей газеты.

Это офиціальное сообщеніе, съ одной стороны, признаетъ справедливымъ наше замѣчаніе о томъ что вычисленный Контролемъ „дефицитъ 1881 года не имѣетъ устрашающаго характера,“ подтверждая это наше замѣчаніе цѣлымъ рядомъ цифръ; съ другой стороны, „сообщеніе“ оспариваетъ вѣрность сдѣланныхъ нами замѣчаній о капиталѣ въ 9.970.975 р. 56 к. числящемся въ депозитномъ фондѣ на покрытіе расходовъ прежнихъ лѣтъ, но не имѣющемъ на самомъ дѣлѣ никакого назначенія.

Разъясняя какимъ именно путемъ въ депозитномъ фондѣ предназначенномъ для покрытія неисполненныхъ расходовъ прежнихъ лѣтъ могъ накопиться этотъ не имѣющій никакого назначенія десятимилліонный капиталъ, мы указали только два источника изъ которыхъ онъ могъ образоваться:

1) Для покрытія неисполненныхъ расходовъ за время до 1866 года „*казна дала на расходы 23 милліона, больше чѣмъ было нужно, но сдачи отъ расходчиковъ до сихъ поръ не получила.* Вся эта слѣдовавшая казнѣ сдача осталась въ депозитномъ фондѣ, и это было первое начало въ происхожденіи тѣхъ 9.970.975 р. 56 к. которые нынѣ въ немъ оказываются излишними.“

2) Всѣ ежегодно обнаруживающіяся по счетамъ депозитнаго фонда „превышенія свободныхъ остатковъ надъ незаявленными расходами, вмѣсто того чтобы поступать въ казну, до 1874 года оставлялись въ депозитномъ фондѣ, содѣйствуя накопленію пребывавшаго до сихъ поръ въ забвеніи почти десятимилліоннаго капитала.“

Указывая на эти два источника (вѣрность этого указанія не оспаривается Государственнымъ Контролемъ въ его офиціальномъ сообщеніи), мы присовокупили что „могли быть, конечно, и другія еще обстоятельства вслѣдствіе коихъ нѣкоторыя суммы оставлялись въ депозитномъ фондѣ, вмѣсто того чтобы поступать на подкрѣпленіе общихъ средствъ Государственнаго Казначейства.“ Мы доказывали что въ депозитномъ фондѣ, для тѣхъ расходовъ на покрытіе коихъ онъ предназначенъ, нужно не 40.266.747 р. 68 к., а 30.295.772 р. 12 к., то-есть менѣе на 9.970.975 р. 56 к. Государственный Контроль „считаетъ необходимымъ объяснить что эта разница не есть послѣдствіе ошибки или недосмотра.“

Однако всегда ли можно полагаться на цифры въ *Отчетахъ Государственнаго Контроля* какъ на безошибочныя?

Казалось бы, странный вопросъ! Къ контрольнымъ цифрамъ нельзя относиться такъ какъ къ цифрамъ таможенныхъ вѣдомостей. Если въ этихъ послѣднихъ иногда изъ *семидесяти четырехъ* итоговъ *шестьдесятъ девять* оказываются неточными, причемъ въ тридцати случаяхъ невѣрности опредѣляются тысячами, десятками тысячъ и сотнями тысячъ пудовъ, четвертей и т. п., а въ одномъ случаѣ погрѣшность оказывается *слишкомъ на милліонъ четвертей хлѣба;* если въ таможенныхъ вѣдомостяхъ вмѣсто дѣйствительныхъ цифръ, появляются иногда цифры преувеличенныя *въ шесть, въ девять* и *въ десять разъ* (напримѣръ 25.722 вмѣсто 4.301, или 353.359 вмѣсто 39.262, или 686.089 вмѣсто 75.215, или 1.720 вмѣсто 172 и т. д.); то ничего подобнаго, конечно, нельзя предполагать въ цифрахъ контрольныхъ *Отчетовъ.* Можно сомнѣваться сколько угодно въ цифрахъ таможенныхъ вѣдомостей: онѣ и не выдаются за точныя, о нихъ прямо объявляется что онѣ „окончательно еще не вывѣрены,“ что онѣ „могутъ въ послѣдствіи подлежать измѣненію, *впрочемъ незначительному*“ (напримѣръ съ чѣмъ-нибудь на милліонъ четвертей хлѣба). Но въ *Отчетахъ Государственнаго Контроля* не можетъ быть иныхъ цифръ кромѣ окончательно и строго вывѣренныхъ: провѣркою ихъ занимается цѣлое особое вѣдомство съ немалочисленнымъ штатомъ служащихъ, содержаніе коего, какъ видно изъ бюджета на текущій годъ, обходится государству свыше двухъ съ половиной милліоновъ рублей въ годъ.

Но, зная все это, мы все-таки повторяемъ вопросъ: отличаются ли контрольныя цифры совершенною точностью?

Въ контрольной *Объяснительной Запискѣ* 1878 года (стр. 46, строка 8-я снизу) расходы подлежавшіе исполненію въ счетъ росписей прежнихъ до этого года лѣтъ и оставшіеся неисполненными къ 1879 году показаны въ суммѣ 59.937.633 р. 91 к. Эта цифра должна была перейти безъ всякаго измѣненія на 39 страницу (строка 9-я снизу) *Объяснительной Записки* 1879 года, но она слегка измѣнилась и обратилась въ 59.937.634 р. 21 к., можетъ-

быть по опискѣ писца, который почему-то взамѣнъ 3 руб. 91 коп. поставилъ 4 руб. 21 коп. и тѣмъ внесъ невѣрность во всѣ послѣдующіе итоги, съ итогами 1881 года включительно.

Погрѣшность не стóящая вниманія: всего 30 коп. Но если возможны ошибки въ копѣйкахъ, почему не быть ошибкамъ въ рубляхъ?

Развертываемъ *Объяснительную Записку* 1880 года на 45 страницѣ: тамъ (строки 13 и 14 сверху) дѣлается вычитаніе: изъ 82.196.170 руб. 2 коп. вычитается 2.465.733 р. 91 к. Разность должна быть 79.730.436 р. 11 к.; но счетчикъ поставилъ 79.730.435 р. 11 к.: ровно на одинъ рубль меньше чѣмъ слѣдуетъ. Это также внесло маленькую неточность во всѣ послѣдующіе итоги до нашего времени.

Опять ничтожная ошибка всего въ одинъ рубль. Но при ошибкахъ въ рубляхъ, почему не быть ошибкамъ въ тысячахъ? Тысячная ошибка какъ разъ и оказалась на той же самой 45 страницѣ, четырьмя строками выше рублевой.

Требовалось счесть „свободный остатокъ" отъ депозита 1876 года (44.890.032 рубля 86 коп., *Об. Зап.* 1876, стр. 26) на оставшіеся отъ него неисполненными расходы. По этимъ расходамъ было уплачено:

Въ 1877 году..........	17.602.147 р.	81 к. *)	
„ 1878 „ .... (*Об. Зап.* 1878, стр. 45.)	23.443 119 „	73 „	
„ 1879 „ .... (*Об. Зап.* 1879, стр. 40.)	594.934 „	13 „	
„ 1880 „ .... (*Об. Зап.* 1880, стр. 48.)	788 097 „	28 „	
Итого....	42.428.298 „	95 „	

Имѣя эти цифры, „свободный остатокъ" безъ особаго труда можетъ опредѣлить каждый гимназистъ младшаго возраста:

Депозитъ оставшійся отъ 1876 года.........	44.890 032 р.	86 к.
Итогъ уплатъ сдѣланныхъ въ четырехлѣтній періодъ 1877 - 1880....	42.428 298 „	95 „
Свободный остатокъ .	2.461.733 „	91 „

Вмѣсто этой цифры, свободный остатокъ отъ депозита 1876 года въ *Объяснительной Запискѣ* 1880 (стр. 45, строка 10 сверху) опредѣленъ въ 2 465.733 р. 91 к., то-есть съ ошибкой въ *четыре тысячи* рублей, которая и перешла во всѣ послѣдующіе итоги.

*) См. *Об. Зап.* 1877 въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* 1878, № 277, стр. 2.

Гдѣ возможны ошибки въ тысячахъ, почему не быть ошибкамъ въ милліонахъ?

Развертываемъ *Объяснительную Записку* 1874 года на 64 и 65 страницахъ, гдѣ находимъ перечень всѣхъ расходовъ произведенныхъ въ 1874 году изъ депозитнаго фонда. Вотъ итоги этихъ расходовъ:

За прежнее время (до 1870 года).......	448.272 р.	71 к.
„ 1870 годъ.......	148.646 „	91 „
„ 1871 „	417.939 „	98 „
„ 1872 „	3.431.509 „	35 „
„ 1873 „	11.775.605 „	12 „
Расходовъ ко дню заключенія смѣтъ незаявленныхъ..............	*1.845.857 „*	*10 „*
Всего...	18.067.831 „	17 „

Перевернемъ страницу и сдѣлаемъ изъ нея слѣдующую выписку, отмѣчая курсивомъ мѣста на которыя хотимъ обратить особое вниманіе читателей:

„*За исключеніемъ изъ общей суммы* заявленныхъ по смѣтамъ прежнихъ лѣтъ расходовъ (52.208.102 руб. 74 коп.) *суммы дѣйствительно произведенныхъ въ 1874 году уплатъ 18.067.831р. 17 к.*, цифра неисполненныхъ еще расходовъ прежняго времени должна бы опредѣлиться въ 34.140.271 р. 57 к. Но такъ какъ изъ числа заявленныхъ по заключенной смѣтѣ 1870 года расходовъ (23.236.309 р. 38 к.), по 1874 годъ включительно, оплачено, какъ видно изъ отчетовъ Государственнаго Контроля за послѣдніе четыре года, только 15.742.048 р. 6 к., менѣе на 7.494. 261 р. 32 к., которые, за истеченіемъ въ 1874 г. срока дѣйствія именныхъ списковъ смѣты 1870 г., составляютъ уже свободный остатокъ, подлежащій (кромѣ 2.264.161 р. 67 к. оставшихся не уплаченными по займамъ) исключенію изъ счета предстоящихъ казнѣ уплатъ, то цифра неисполненныхъ и требующихъ оплаты расходовъ прежняго времени сократится до 28.910.171 р. 92 к. Отъ предназначенной для покрытія сихъ расходовъ суммы (50.063.792 р. 40 к.), *за произведенными изъ нея въ теченіе 1874 года уплатами 18.067.831 р. 17 к.* и предстоящими по заключеннымъ смѣтамъ расходами (28.910.171 руб. 92 коп.), къ 1875 г. *составился остатокъ въ 3.085.789 рублей 31 коп., который составляетъ дѣйствительное превышеніе отчисленныхъ средствъ надъ цифрою остающихся неисполненными расходовъ*, и потому можетъ быть обращенъ на удовлетвореніе буду-

щихъ потребностей Государственнаго Казначейства.“ (*Об. Зап.* 1874, стр. 66.)

Приведенная выписка, кажется, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ что въ 1874 году уплата въ 18.067.831 руб. 17 к. произведена *сполна*, что всѣ разчеты по депозитному фонду послѣ этой уплаты сведены *окончательно*, и что по этому окончательному разчету въ этомъ фондѣ оказался излишекъ въ 3.085.789 р. 31 к., который и поступилъ въ Государственное Казначейство.

Итакъ 18.067.831 р. 17 к. уплачены. А если эта сумма уплачена, то стало-быть уплачены и всѣ вышеприведенные въ нашей табличкѣ отдѣльные итоги, изъ которыхъ эта сумма слагается; *стало-быть оплачены и произведенные въ 1874 году расходы прежняго времени, при заключеніи росписей не заявленные, на 1.845.857 р. 10 к.* Уплаченные разъ въ 1874 году, эти 1.845.857 р. 10 к., надобно полагать, не будутъ уже въ послѣдствіи уплачиваться вторично...

Но развернемъ *Объяснительную Записку* 1875 года на 48 страницѣ; заглянемъ не въ текстъ, а въ подстрочное примѣчаніе,—и что же? Уплаченная разъ въ 1874 году сумма 1.845.857 р. 10 к. оказывается въ 1875 г. *уплаченною вторично!* Вотъ это подстрочное примѣчаніе отъ слова до слова:

„Расходы по росписи 1871 года, заявленные къ производству послѣ заключенія росписи того года, простирались до 18.844.622 р. 55 к.; изъ нихъ 3.704.163 р. 87 к. предназначены на платежи по государственнымъ долгамъ. На счетъ заявленной къ отпуску суммы (18.844.622 р. 55 к.) по 1 января 1876 года дѣйствительно произведено расходовъ на 12.855.010 р. 53 к. (въ томъ числѣ на платежи по долгамъ 1.576.967 р. 2 к.), остается къ отпуску на платежи по долгамъ 2.127.196 р. 85 к. и отнесено *произведенныхъ въ 1874 году расходовъ прежняго времени, при заключеніи росписей не заявленныхъ, на 1.845.857 р. 10 к.* Затѣмъ остальные 2.016.558 р. 7 к., за истеченіемъ срока дѣйствія именныхъ списковъ, къ дальнѣйшему отпуску не подлежатъ.“

Что это значитъ? Двукратная уплата, сперва въ 1874, потомъ въ 1875 году, однихъ и тѣхъ же расходовъ! Значитъ, новое крупное хищеніе въ 1.845.857 р. 10 к....

Нѣтъ, слава Богу, хищенія, въ данномъ случаѣ, нѣтъ. Это просто ошибка, *просчетъ* Государственнаго Контроля—excusez du peu—1.845.875 р. 10 к. Останься этотъ просчетъ незамѣченнымъ, казна считала бы въ депозитномъ фондѣ на 1.845 857 р. 10 к. больше того что въ немъ дѣйствительно находилось, и могла бы потребовать съ хранителей фонда возмѣщенія недостающей суммы. Контрольное вѣдомство, однако, замѣтило свой столь невыгодный для кассировъ просчетъ и поспѣшило исправить свою ошибку. Вторичная уплата означенной суммы только кажущаяся, а не дѣйствительная: не понимаемъ только почему найдено было болѣе удобнымъ придать поправкѣ просчета характеръ мнимой двукратной уплаты, вмѣсто того чтобы просто оговорить сдѣланную ошибку.

Какъ бы то ни было, самая крупная изъ замѣченныхъ нами контрольныхъ ошибокъ, отъ которой впрочемъ казна не потерпѣла бы невыгоды, оказывается исправленною. Но не всѣмъ крупнымъ ошибкамъ такъ счастливится. Мы должны сейчасъ указать на ошибку, вслѣдствіе которой въ 1876 году поступило въ казну изъ депозитнаго фонда на 892.467 р. 67 к. меньше чѣмъ слѣдовало: эта невыгодная для казны ошибка не была замѣчена и до сихъ поръ осталась неисправленною.

Въ 1876 году предстояло опредѣлить сумму „свободныхъ остатковъ“ отъ депозита по расходамъ смѣты 1872 г. (20.533.221 руб. 90 коп. *Об. Зап.* 1872, стр. 39) ко времени заключенія этой смѣты не исполненнымъ. Вычислить цифру этихъ „свободныхъ остатковъ“ не трудно. Въ счетъ заявленныхъ неисполненными расходовъ 1872 года было уплачено:

Въ 1873 году . . . . . . (*Об. Зап.* 1873, стр. 69).	10.796.524 р	99 к.
Въ 1874 году . . . . . . (*Об. Зап* 1874, стр. 65).	3.431.509 „	35 „
Въ 1875 году . . . . . . (*Об. Зап.* 1875, стр. 47).	1.658.565 „	7 „
Въ 1876 году . . . . . . (*Об. Зап.* 1876, стр 48).	252.713 „	65 „
Итого . . .	16.139.313 „	6 „

Стóитъ вычесть этотъ итогъ уплатъ изъ 20.533.221 р. 90 к., и окажется что остатокъ былъ 4.393.908 р. 84 к.; изъ этой суммы должно было остаться въ депозитномъ фондѣ 1.492.769 р. 25 к. на оставшіеся неисполненными платежи по государственнымъ долгамъ. Сдѣлавъ этотъ

вычетъ, получаемъ долженствовавшій поступить въ казну *свободный остатокъ 2.901.139 р. 59 к.*

Это вѣрный счетъ; а по счету Контроля (вслѣдствіе ариѳметической ошибки въ сложеніи четырехъ уплатъ за счетъ 1872 года, сдѣланныхъ въ 1873, 1874, 1875 и 1876 годахъ) показано что всѣхъ уплатъ изъ депозита 1872 года было сдѣлано не 16.139.313 руб. 6 коп., а будто бы *17.081.780 р. 73 к., на 892.467 р. 67 к. болѣе чѣмъ было уплачено на самомъ дѣлѣ.* Вслѣдствіе этого и *свободный остатокъ, поступившій въ доходъ казны, оказался* только въ 2.008.671 р. 92 к., *на 892.467 руб. 67 коп. менѣе чѣмъ должно было поступить.*

Вотъ въ доказательство дословный текстъ перваго подстрочнаго примѣчанія къ 50 страницѣ *Объяснительной Записки* 1876 года:

„*При заключеніи росписи 1872 года, заявлено было расходовъ на 20.533.221 р. 90 к.* (въ томъ числѣ 4.862.231 р. 62 к. на платежи по государственнымъ долгамъ), *въ счетъ коихъ по 1 января 1877 года отпущено 17.031.780 р. 73 к.* (въ томъ числѣ на платежи по долгамъ 3.369.462 р. 37 к.). Затѣмъ остается къ отпуску только 1.492.769 р. 25 к., предназначенныхъ на платежи по займамъ, не подчиненнымъ общимъ правиламъ о заключеніи смѣтъ; остальные же *2.008.671 р. 92 к.*. за истеченіемъ срока дѣйствія именныхъ списковъ, *составляютъ свободныя средства Государственнаго Казначейства.*"

Странная игра случая: цифра разъясненной сейчасъ, сдѣланной въ контрольномъ отчетѣ 1876 года ошибки совпадаетъ рубль въ рубль, копѣйка въ копѣйку съ итогомъ сдѣланныхъ въ 1875 году уплатъ по расходамъ „ко дню заключенія смѣтъ незаявленнымъ" (*Об. Зап.* 1875, стр. 47), сумма коихъ уже была тогда удержана изъ остатка отъ депозита 1871 года (ibidem, стр. 48, строка 12 сверху), послѣ чего эту сумму уже никакъ не слѣдовало, присчитывая вновь, удерживать еще и изъ свободнаго остатка отъ депозита 1872 года.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло дѣйствительно съ двукратнымъ удержаніемъ у казны суммы 892 467 р. 67 к. на одни и тѣ же расходы. Но и въ данномъ случаѣ нѣтъ повода предполагать какое-нибудь злоупотребленіе. Это просто недосмотръ, дополняющій собою рядъ тѣхъ недосмотровъ о которыхъ мы уже говорили и благодаря которымъ образовался въ депозитномъ фондѣ столь долго скрывавшійся отъ людскихъ взоровъ, совершенно свободный, не имѣющій никакого назначенія почти десятимилліонный капиталъ. Въ составъ его вошли и вышеупомянутые 892.467 р. 67 к.

Итакъ вотъ сумма, близкая къ милліону, которая удержана въ депозитномъ фондѣ и не поступила въ доходъ казны вслѣдствіе явной ошибки, вслѣдствіе доказаннаго недосмотра.

Всѣ пять замѣченныхъ нами цифровыхъ контрольныхъ ошибокъ—и въ 30 к., и въ 1 р., и въ 4.000 р., и въ 1.845.457 р. 10 к., и въ 892.467 р. 67 к.—относятся только къ одному уголку въ лабиринтѣ контрольныхъ отчетовъ, къ счетамъ по депозитному фонду. Но одни ли эти счеты имѣютъ привилегію на цифровыя неточности? Не окажется ли какихъ-нибудь погрѣшностей и по другимъ частямъ многосложнаго контрольнаго счетоводства съ разными его развѣтвленіями?

Отлагая до времени разъясненіе разныхъ другихъ сторонъ дѣла затронутыхъ въ сообщеніи *Правительственнаго Вѣстника*, скажемъ пока нѣсколько словъ въ объясненіе почему мы утверждаемъ что капиталъ въ 9.970.975 р. 56 коп. *не имѣетъ никакого назначенія*, по крайней мѣрѣ не имѣлъ онаго до того момента когда *Отчетъ Государственнаго Контроля за 1881 годъ* былъ опубликованъ.

Еслибъ означенный десятимилліонный капиталъ дѣйствительно имѣлъ то назначеніе которое приписывается ему въ офиціальномъ сообщеніи, то онъ и употреблялся бы по этому приписанному ему назначенію. *Но этого не было ни въ 1879, ни въ 1880, ни въ 1881 году.* Ни въ одномъ изъ этихъ годовъ, изъ „спорнаго" десятимилліоннаго капитала не употреблялось *ни копѣйки* ни на какіе государственные расходы, ни по прежнимъ, ни по текущимъ смѣтамъ, ни по системѣ государственнаго кредита, ни по инымъ подраздѣленіямъ и параграфамъ государственныхъ бюджетовъ.

№ 33.

Москва, 1-го февраля.

Документальныя свѣдѣнія сообщаемыя лондонскимъ корреспондентомъ мюнхен-

ской *Всеобщей Газеты* по вопросу о томъ кому принадлежитъ верховная власть надъ Килійскимъ рукавомъ Дуная весьма любопытны. Названная газета не скрываетъ что возбужденное по этому предмету пререканіе имѣетъ политическую подкладку, и что противодѣйствіе Дунайской коммиссіи притязаніямъ Россіи имѣло главнымъ образомъ цѣлію преградить ей доступъ къ Дунаю. Что же касается технической стороны дѣла, то спеціальные интересы Россіи не только не сталкиваются въ вопросѣ о Килійскомъ гирлѣ съ международными интересами, но напротивъ, регулированіе этого устья, которое Россія имѣетъ въ виду взять въ свои руки, послужитъ къ улучшенію судоходства по остальнымъ рукавамъ Дуная. Это признаетъ и *Всеобщая Газета*, посвятившая не давно этому вопросу особую статью. Судоходство по Килійскому рукаву, донынѣ почти не существующее, будетъ открыто усиліями и издержками Россіи не для однихъ русскихъ судовъ, но и для всѣхъ; сверхъ того, регулированіе теченія дунайскихъ водъ въ Килійскомъ рукавѣ и у Килійскаго гирла должно, какъ теперь всѣми признано, принести существенную пользу и всѣмъ остальнымъ устьямъ Дуная. Изъ-за чего же, спрашивается, весь этотъ шумъ и почему „притязанія" Россіи встрѣтили столь упорное противодѣйствіе остальныхъ участниковъ въ Европейской Дунайской коммиссіи, которой предоставлена работа объ улучшеніи и охраненіи судоходства по Дунаю, но которая вовсе не призвана къ задачамъ политическаго свойства и ужъ никакъ не для того чтобы „быть преградой" на пути России къ Балканскому полуострову.

Россія формуловала совершенно ясно свое право на принадлежащее ей Дунайское прибрежье съ того момента какъ часть этого прибрежья вновь поступила въ ея владѣніе. Въ 1879 году Европейская Дунайская коммиссія приступила къ пересмотру регламента о судоходствѣ по Дунаю (acte public) отъ 2 ноября 1865. Представитель Россіи тогда же указалъ что рукавъ Дунайскаго устья поступившій въ ея владѣніе по Берлинскому трактату есть ея исключительная собственность. Русскій делегатъ, г. Романенко, заявилъ при этомъ что Дунайская коммиссія совершенно забыла объ этомъ гирлѣ и ничѣмъ не выразила своего желанія или намѣренія подчинить его своей юрисдикціи. Но не успѣлъ Килійскій рукавъ перейти во власть Россіи какъ тотчасъ же была сдѣлана попытка къ расширенію юрисдикціи коммиссіи и на этотъ рукавъ. Для этого предложено было установить международный тарифъ для лоцмановъ проводящихъ суда по Килійскому гирлу. Представитель Россіи замѣтилъ тогда же что онъ не усматриваетъ надобности въ такомъ международномъ тарифѣ, подтверждая что Килійскій рукавъ никогда не подлежалъ юрисдикціи международной коммиссіи. Согласіе свое на пересмотръ регламента представитель Россіи въ засѣданіи ноября 1880 года поставилъ въ зависимость отъ принятія оговорки, по которой 5 и 6 статьи этого регламента, устанавливающія предѣлы компетенціи коммиссіи, не должны имѣть примѣненія къ лѣвому побережью Дуная, составляющему русскую территорію. Это заявленіе послужило исходнымъ пунктомъ весьма жаркихъ пререканій происходившихъ затѣмъ въ нѣдрахъ Дунайской коммиссіи. Главнымъ противникомъ Россіи явился, какъ и слѣдовало ожидать, делегатъ Англійскаго правительства, во главѣ коего еще стоялъ въ то время лордъ Биконсфильдъ. Ссылаясь на стт. 15 и 16 Парижскаго трактата, англійскій делегатъ, полковникъ Сибомъ, заявилъ въ засѣданіи коммиссіи 8 декабря 1879 что „Дунайская коммиссія не отказалась и не могла безъ особаго международнаго соглашенія отказаться отъ Килійскаго рукава Дуная. Работы въ этомъ рукавѣ не были предпринимаемы лишь по техническимъ и финансовымъ соображеніямъ. Но это вовсе не значитъ что коммиссія отказалась отъ права предпринять такія работы если того потребуютъ общіе интересы международнаго судоходства." Къ этому мнѣнію присоединились всѣ остальные делегаты, кромѣ Русскаго, которые облекли свое мнѣніе въ формальную резолюцію отъ 12 декабря 1879 приведенную текстуально въ упомянутой корреспонденціи *Всеобщей Газеты* и повторяющую доводы англійскаго делегата. Русскій же делегатъ сдѣлалъ, при подписаніи дополнительнаго акта къ регламенту 2 ноября 1865 года, подписанному въ маѣ 1881, оговорку о томъ что постановленія этого акта „не должны имѣть примѣненія къ лѣвому берегу Килійскаго рукава, то-есть къ русской территоріи."

Тѣмъ не менѣе, Дунайская коммиссія постановила 20 мая 1882 снарядить сво-

ихъ инженеровъ для производства различныхъ гидрографическихъ работъ вдоль лѣваго берега Килійскаго рукава и потребовала отъ русскаго делегата чтобъ иностраннымъ инженерамъ были выданы паспорты для безпрепятственнаго проѣзда по русской территоріи и для работъ на русскомъ побережьи. Г. Романенко заявилъ на это въ засѣданіи 21 ноября 1882 года что Русское правительство не намѣрено препятствовать работамъ инженеровъ коммиссіи, но требуетъ лишь чтобы въ этихъ работахъ приняли участіе русскіе инженеры. Но и это слишкомъ податливое предложеніе встрѣтило возраженіе со стороны президента Дунайской коммиссіи. Тогда г. Романенко заявилъ что „Русское правительство ни въ какомъ случаѣ не откажется отъ своихъ верховныхъ правъ и что притязаніе коммиссіи чтобъ ея посланные были допущены къ производству работъ на русской территоріи безо всякаго участія и наблюденія со стороны Русскаго правительства совершенно непостижимо. Онъ напоминаетъ что трактаты всегда уважали верховныя права прибрежныхъ государствъ и что его правительство основываетъ свое требованіе именно на существующихъ трактатахъ.“ Представители Англіи, Франціи, Италіи, Австро-Венгріи, Румыніи и Турціи (значитъ, всѣ кромѣ Германіи) заявили на это свое единогласное возраженіе, настаивая на томъ что международная коммиссія имѣетъ право „дѣйствовать съ полною независимостью,“ не подчиняясь никакому контролю со стороны какого бы то ни было изъ прибрежныхъ государствъ.

Противодѣйствіе оказанное Дунайскою коммиссіей Россіи такъ объясняется корреспондентомъ излагающимъ указанное пререканіе по подлиннымъ документамъ: интересъ Россіи заключается де главнымъ образомъ въ томъ чтобы разорвать послѣднюю изъ преградъ поставленныхъ ей по пути къ Дунаю Парижскимъ трактатомъ. Политика эта, поддерживаемая съ великою настойчивостью (увы, такъ ли?), увѣнчалась де двумя великими успѣхами: открытіемъ вновь Чернаго Моря для русскихъ военныхъ судовъ по Лондонскому трактату 1871 года и возвращеніемъ Россіи отнятой у нея по Парижскому трактату части Бессарабіи. Еслибы теперь удалось Россіи отстоять свою точку зрѣнія по вопросу о Килійскомъ рукавѣ, то это было бы третьимъ и весьма важнымъ этапомъ къ возстановленію на нижнемъ теченіи Дуная того порядка вещей который существовалъ до 1856 года.

Мы думаемъ что возстановленіе на нижнемъ теченіи Дуная порядка вещей существовавшаго до Парижскаго трактата подразумѣвалось само собою когда часть территоріи отнятая у Россіи по этому трактату была ей возвращена по Берлинскому трактату. Господа члены Дунайской коммиссіи, которая обязана своимъ существованіемъ Парижскому трактату, могутъ сожалѣть объ этомъ сколько угодно. Тѣмъ не менѣе это не даетъ имъ права закрывать глаза на ходъ историческихъ событій и не признавать очевидныхъ фактовъ. Само собою разумѣется что Россія, купившая цѣной крови возстановленіе своихъ прибрежныхъ правъ на Дунай, не можетъ считать себя связанною Парижскимъ трактатомъ, который отрѣзалъ Россію отъ этой рѣки. Думать что Россію можно оттѣснить отъ Дуная послѣ того какъ принадлежавшее ей дунайское побережье находится вновь въ ея рукахъ есть химера; и какъ бы искренно почтенные члены Дунайской коммиссіи ни предавались этой химерѣ, имъ волей-неволей придется считаться съ дѣйствительностью. А дѣйствительность эта заключается въ томъ что Россія и фактически и легально обладаетъ верховнымъ правомъ на принадлежащемъ ей побережьи Дуная, и если возможна коллизія между этимъ неоспоримымъ и по самому существу своему неограниченнымъ правомъ съ правами коммиссіи установленными ранѣе и при иныхъ условіяхъ, то само собою разумѣется что уступить должно отжившее право: *lex posterior derogat priorem legem.*

№ 35.

Москва, 3-го февраля.

Возвращаемся къ „сообщенію“ Государственнаго Контроля.

Споръ между Государственнымъ Контролемъ и нами касается пока только разницы въ 9.970.975 р. 56 к. оказавшейся между суммой которая *числится* въ депозитномъ фондѣ на покрытіе расходовъ прежнихъ лѣтъ и тою которая дѣйствительно *должна въ немъ оставаться* для

означенной цѣли. Объ этой разницѣ въ офиціальномъ сообщеніи № 24 *Правительственнаго Вѣстника* сказано слѣдующее:

„Государственный Контроль считаетъ необходимымъ объяснить что эта разница не есть послѣдствіе ошибки или недосмотра. Она происходитъ отъ того что *Московскія Вѣдомости*, выведя цифру 30.295.772 руб. 12 коп., берутъ въ разчетъ только неисполненные расходы 1880, 1879 и 1878 гг., полагая что всѣ кредиты за прошедшіе годы закрыты. Между тѣмъ, по существующему порядку, кредиты предназначенные на платежи по государственнымъ займамъ, неподчиненные общимъ правиламъ о заключеніи смѣтъ, не закрываются, а оставляются безсрочно и нераздѣльно въ распоряженіи Министерства Финансовъ, для безостановочнаго производства уплатъ по непредставленнымъ своевременно купонамъ и для покрытія передержекъ въ текущихъ платежахъ, вслѣдствіе, напримѣръ, измѣненій въ курсѣ. Посему остатки этихъ кредитовъ, и по истеченіи крайняго срока дѣйствія именныхъ списковъ кредиторовъ казны, оставлялись въ счетѣ предстоящихъ казнѣ уплатъ, какъ указано въ объяснительныхъ запискахъ къ отчетамъ Государственнаго Контроля за прежніе годы (объясн. зап. 1874 года, стр. 66, 1875 года, стр. 48, 1876 г., стр. 50, 1877 года, стр. 46). Они и входятъ въ составъ цифры 40.266.747 р. 68 к. За послѣдующее время такихъ остатковъ по смѣтамъ системы государственнаго кредита не было."

Выписанныя сейчасъ строки должны производить на читателя такое впечатлѣніе что *Московскія Вѣдомости*, по незнакомству съ существующими контрольными порядками, впали въ ошибку, и не обратили вниманія на указанныя страницы контрольныхъ *Объяснительныхъ Записокъ*, которыя между тѣмъ разъясняютъ де и то какъ образовался „будто бы забытый въ кассахъ капиталъ въ 9.970.975 р. 56 к.," и то почему этотъ капиталъ оставляется въ депозитномъ фондѣ, а не перечисляется въ общія средства Государственнаго Казначейства. Если развернуть предъ собою указанныя въ „сообщеніи" страницы *Объяснительныхъ Записокъ*, выписать оттуда остатки „кредитовъ предназначенныхъ на платежи по государственнымъ займамъ, не подчиненныхъ общимъ правиламъ о заключеніи смѣтъ," и сложить эти остатки:

2.264.161 р. 67 к. (*Об. Зап.* 1874 г. стр. 66)
2.127.196 „ 85 „ (*Об. Зап.* 1875 г. стр. 48)
1.492.769 „ 25 „ (*Об. Зап.* 1876 г стр. 50)
3.138 604 „ 58 „ (*Об. Зап.* 1877 г. стр. 46*)

Итого 9.022.732 р. 35 к.

получимъ сумму 9.022.732 р. 35 к., очень близко подходящую къ цифрѣ 9.970.975 р. 56 к. Это близкое сходство двухъ цифръ способно утвердить въ умѣ читателя впечатлѣніе что мы ошиблись, что *Московскія Вѣдомости* взвели поклепъ на счетоводство Государственнаго Контроля.

Нѣтъ, мы не ошиблись. Указанныя въ „сообщеніи" страницы *Объяснительныхъ Записокъ*, и не однѣ только эти страницы, но и многія другія, не за 1874—1877 только годы, но и за многіе другіе, были прочитаны нами со всѣмъ надлежащимъ въ подобномъ дѣлѣ вниманіемъ. Особые порядки относительно „кредитовъ предназначенныхъ на платежи по государственнымъ займамъ, не подчиненныхъ общимъ правиламъ о заключеніи смѣтъ," намъ хорошо извѣстны. Въ этомъ легко убѣдиться изъ того самаго № 19 *Московскихъ Вѣдомостей* по поводу коего найдено было нужнымъ напечатать „сообщеніе" въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*. Именно въ № 19 нашей газеты, говоря о депозитномъ фондѣ, мы писали:

„.... Только въ теченіе четырехъ лѣтъ кредиторы казны могутъ получать изъ этого фонда что̀ имъ слѣдуетъ; по прошествіи же четырехъ лѣтъ, „удовлетвореніе не выполненныхъ въ прежнее время потребностей" прекращается, и остающіяся невытребованными суммы, какъ „свободный остатокъ," обращаются въ доходъ казны. *Правило это не распространяется единственно на „платежи по государственнымъ долгамъ:" по этой статьѣ удовлетвореніе кредиторовъ казны не прекращается и по минованіи упомянутаго четырехлѣтняго срока, и нужныя для сего суммы не поступаютъ въ доходъ казны, но* по 1874 годъ включительно *оставлялись въ депозитномъ фондѣ*; начиная же съ 1875, платежи по государственнымъ долгамъ покрывались уже изъ депозитна-

*) См. *Правительственный Вѣстникъ* 1878 г. № 277, стр. 2.

го фонда въ четырехлѣтній періодъ полностію...“

Указываемый „сообщеніемъ“ итогъ 9.022.732 р. 35 к. самъ по себѣ, а указываемый нами капиталъ въ 9.970.975 р. 56 коп. тоже самъ по себѣ. Сообщеніе ошибается полагая будто, выводя цифру 30.295.772 р. 12 к. (которая должна была оставаться къ 1882 году въ депозитномъ фондѣ вмѣсто числящихся въ немъ 40.266.747 р. 68 к.), мы „брали въ разчетъ *только* неисполненные расходы 1880, 1879 и 1878 гг.“ Нѣтъ, мы брали въ разчетъ не одни только эти годы. Это должно быть хорошо извѣстно писавшему сообщеніе если только былъ прочтенъ имъ № 19 *Московскихъ Вѣдомостей*. Вотъ что, между прочимъ, было напечатано въ этомъ нумерѣ относительно невѣдомо зачѣмъ удерживаемыхъ въ депозитномъ фондѣ 9.970.975 руб. 56 коп.:

„Для уплатъ за 1878, 1879 и 1880 годы этотъ десятимилліонный капиталъ не нуженъ. *Но не требуется ли онъ для обезпеченія уплаты неисполненныхъ расходовъ болѣе раннихъ лѣтъ: 1877, 1876, 1875?*

„*Нѣтъ, не требуется:* отъ этихъ лѣтъ никакихъ неисполненныхъ расходовъ не осталось. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, довольно сдѣлать справку въ *Объяснительныхъ Запискахъ* къ *Отчетамъ Государственнаго Контроля* за 1881 (стр. 47), 1880 (стр. 45) и 1879 (стр. 42) годы. Эта справка показываетъ что всѣ кредиты 1877, 1876 и 1875 годовъ окончательно закрыты, и что по заключеніи счетовъ съ кредиторами казны, неистребованныя ими суммы, сдѣлавшіяся свободными ото всякаго назначенія, изъяты изъ депозитнаго фонда, причемъ не понадобилось оставлять въ немъ ни копѣйки на „платежи по государственнымъ долгамъ,“ такъ какъ всѣ таковые платежи уже были произведены полностію.

„*Но, можетъ-быть, вышеупомянутую сумму 9 970.975 р. 56 к. нужно держать въ депозитномъ фондѣ на покрытіе расходовъ оставшихся неисполненными отъ 1874 и еще болѣе давнихъ лѣтъ?*

„*Нѣтъ, никакой надобности въ этомъ не имѣется. Въ послѣдній разъ* уплаты изъ депозитнаго фонда по расходамъ 1874 года (7.687.547 руб. 99 к.) и прежнихъ лѣтъ (1.463.384 руб. 64 к.) были сдѣланы въ 1878 году (*Об. Зап.* 1878, стр. 44). Съ тѣхъ поръ, въ уплатѣ расходовъ за 1874 и прежніе годы *уже никакой надобности не представлялось.* Признаніе ненадобности таковыхъ уплатъ самимъ Государственнымъ Контролемъ выразилось въ томъ что начиная съ 1879 года въ *Объяснительныхъ Запискахъ* къ его *Отчетамъ* устранена изъ таблицъ самая графа куда бы могли заноситься расходы за „прежнее время,“ то-есть за время *до* четырехлѣтлѣтняго періода предшествующаго отчетному году (*Объясн. Зап.* 1879, стр. 40, 1880, стр. 46, 1881, стр. 48).

„Итакъ, *удерживаемый въ депозитномъ фондѣ почти десятимилліонный капиталъ не требуется ни для расходовъ 1878—1881 годовъ, ни для расходовъ 1875—1877 годовъ, ни для расходовъ 1874 и другихъ давно прошедшихъ лѣтъ.* Для чего же онъ лежитъ въ этомъ фондѣ, зачѣмъ не поступаетъ въ Государственное Казначейство для уменьшенія надобности въ займахъ и налогахъ?“

Отмѣченныя курсивомъ мѣста въ приведенной выпискѣ изъ нашей статьи показываютъ что мы не были такъ неосмотрительны чтобъ основать свои выводы на данныхъ только трехъ лѣтъ, не принявъ въ разчетъ прочихъ. Не найдется ли, наоборотъ, какихъ-нибудь неосмотрительныхъ заявленій въ напечатанномъ по поводу нашихъ статей „сообщеніи?“

Это „сообщеніе“ говоритъ о неподчиненіи общимъ правиламъ о заключеніи смѣтъ *только* однихъ „кредитовъ предназначенныхъ на платежи по государственнымъ займамъ;“ по прямому смыслу сообщенія, *только* „остатки этихъ кредитовъ, и по истеченіи крайняго срока дѣйствія именныхъ списковъ кредиторовъ казны, оставлялись въ счетѣ предстоящихъ казнѣ уплатъ,“ то-есть въ депозитномъ фондѣ. Но точно ли *только* остатки *этихъ* кредитовъ удерживались въ депозитномъ фондѣ по истеченіи крайняго срока дѣйствія именныхъ списковъ кредиторовъ казны? Къ „*этимъ*“ ли только кредитамъ относится, напримѣръ, все то что осталось въ депозитномъ фондѣ и отъ 23.000.000 рублей зачисленныхъ въ него на покрытіе неисполненныхъ расходовъ за время до 1866 года, и отъ 81.612.280 руб. 44 к. *) за-

*) Именно: отъ 1866—17.814.028 р. 12¾ к.
„ 1867—19.127.420 „ 64 „
„ 1868—21.059.174 „ 2¼ „
„ 1869—23.581.657 „ 65 „
Итого. . . 81.612.280 р. 44 к.

численныхъ въ депозитный фондъ на таковые же расходы 1866—1869 годовъ?

Можетъ-быть было бы затруднительно отвѣтить на этотъ послѣдній вопросъ: онъ относится можетъ-быть къ слишкомъ давнему періоду дѣятельности контрольнаго вѣдомства, и притомъ къ такому *стомилліонному* капиталу (104.612.280 р. 44 к.) по которому, сколько извѣстно, до сихъ поръ не сведены счеты, и не представлено обстоятельной контрольной отчетности. Обратимся къ болѣе недавнему времени, къ суммамъ по которымъ контрольное вѣдомство свело счеты и представило требуемую отчетность. Спросимъ: *изъ остатковъ ли отъ „кредитовъ* предназначенныхъ на платежи *по государственнымъ займамъ*" было удержано въ депозитномъ фондѣ въ 1878 году *болѣе полутора милліона* рублей?

Изъ остатковъ отъ „*этихъ*" кредитовъ удержать что-нибудь было невозможно, по той простой причинѣ что никакихъ остатковъ отъ „этихъ" кредитовъ къ концу 1878 года, при окончательномъ заключеніи смѣты 1874 года, не оказалось. Напротивъ, вмѣсто какого-нибудь остатка отъ „этихъ" кредитовъ, оказалась недостача въ 357 р.: именно, весь итогъ оставшихся отъ 1874 года неисполненными платежей былъ 11.774.868 р. 45 к., а въ этотъ счетъ въ теченіе четырехъ лѣтъ 1875—78 было уплачено 11.775.225 р. 45 к., ровно на 357 р. болѣе противъ кредита отчисленнаго на эти платежи въ депозитный фондъ. Итакъ, при окончательномъ заключеніи въ 1878 году смѣты 1874 года, вовсе не оказалось остатковъ отъ такихъ „неподчиненныхъ общимъ правиламъ о заключеніи смѣтъ" кредитовъ, которые, какъ сказано въ сообщеніи, „не закрываются, а оставляются безсрочно и нераздѣльно въ распоряженіи Министерства Финансовъ:" *оказался остатокъ только отъ кредитовъ подчиненныхъ общимъ правиламъ*, то-есть такой остатокъ *который долженъ былъ сполна поступить на подкрѣпленіе средствъ Государственнаго Казначейства*. Опредѣлить сумму этого остатка не трудно:

Всѣхъ кредитовъ на неисполненные расходы 1874 года было зачислено въ депозитный фондъ (*Отчетъ Гос. Контр.* 1874 г. стр. 589)	26.759.360 р. 60 к.
Въ счетъ этихъ кредитовъ, какъ явствуетъ изъ контрольныхъ *Объясн. Записокъ* 1875, 1876, 1877 и 1878 гг., въ четырехлѣтіе 1875—1878 израсходовано	23.550.754 р. 74 к.
Остатокъ . . .	3.208.605 р. 86 к.

3.208.605 р. 86 к.—вотъ итогъ суммъ которыя остались невостребованными къ крайнему сроку дѣйствія именныхъ списковъ кредиторовъ казны; 3.208.605 руб. 86 к.—вотъ сумма которая, за исключеніемъ изъ нея 341.537 р. 65 к., должна была, послѣ заключенія счетовъ въ 1878 году, поступить въ казну.

Поступили ли въ доходъ казны эти слѣдовавшіе ей 2.867.068 р. 21 к.?

Нѣтъ, не поступили. Вмѣсто 2.867.068 р. 21 к., поступило въ казну только 1.310.556 р. 32 к., какъ явствуетъ изъ контрольной *Объяснительной Записки* 1878 года, гдѣ (стр. 46) между прочимъ сказано:

...„такъ какъ изъ общей суммы заявленныхъ при заключеніи росписи 1874 года расходовъ (26.759.360 р. 60 к.) *1.652.093 р. 97 к.* остались къ крайнему сроку дѣйствія именныхъ списковъ по смѣтѣ того года невостребованными и потому дальнѣйшему отпуску не подлежатъ, то на эту сумму... долженъ образоваться остатокъ отъ отчисленныхъ на покрытіе ихъ средствъ. На этотъ остатокъ должны быть отнесены, какъ указано выше, 341.537 р. 65 к., израсходованные въ 1878 г. на такія потребности прежняго времени, о коихъ ко времени заключенія смѣтъ заявлено не было, и потому совершенно свободный остатокъ отъ средствъ, отчисленныхъ на расходы по заключеннымъ росписямъ, составилъ 1.310.556 р. 32 к."

Почему же въ доходъ казны не поступили остальные слѣдовавшіе ей 1.556.511 р. 89 к.? Вѣдь эта сумма никакими кредиторами казны не была истребована и не принадлежала къ числу тѣхъ кредитовъ которые „не закрываются, а оставляются безсрочно и нераздѣльно въ распоряженіи Министерства Финансовъ." Зачѣмъ же эти слишкомъ полтора милліона были удержаны въ депозитномъ фондѣ?

Въ сообщеніи относительно оказавшагося въ депозитномъ фондѣ, *не имѣющаго никакого назначенія*, капитала въ 9.970.975 р. 56 к. говорится что накопленіе его „не есть послѣдствіе ошибки или недосмотра."

Однако, если не считать указанное сейчасъ неправильное удержаніе въ депозитномъ фондѣ 1.556.511 р. 89 к. злоупотребленіемъ — къ чему, полагаемъ, нѣтъ основаній,—то что же это если не крупная ошибка или недосмотръ, содѣйствовавшій накопленію десятимилліоннаго капитала, настойчиво отклоняемаго отъ полезнаго государству употребленія?

Невольно при этомъ останавливаетъ на себѣ вниманіе послѣдовательность крупныхъ ошибокъ въ контрольномъ счетоводствѣ по депозитному фонду:

Публикуется *Отчетъ* Контроля за 1874 г. съ крупною ошибкой въ 1.845.857 р. 10 к.

Печатается затѣмъ контрольный *Отчетъ* за 1875 годъ: въ немъ сдѣланная годъ назадъ ошибка исправляется, и исправляется не простою прямою оговоркой, но особымъ способомъ, дающимъ поправкѣ характеръ мнимой двукратной уплаты.

Какъ ошибка 1874 года, такъ и ея поправка въ 1875 году, проходятъ никѣмъ незамѣченными. Вслѣдъ затѣмъ публикуется контрольный *Отчетъ* за 1876 г., съ новою крупною ошибкой, благодаря коей не попали въ доходъ казны слѣдовавшіе ей 892.467 р. 67 к. (ibidem).

1877 годъ прошелъ благополучно, но уже безъ поправки сдѣланной годъ назадъ ошибки. Затѣмъ контрольный *Отчетъ* за 1878 годъ ознаменовывается новою крупною ошибкой, вслѣдствіе коей казна не дополучила слѣдовавшихъ ей 1.556.511 р. 89 коп.

Въ контрольныхъ отчетахъ за слѣдующіе годы, по депозитному фонду мы не нашли ничего подобнаго такимъ ошибкамъ. Но за то въ нихъ мы наталкиваемся на иное, небывалое прежде явленіе: на ежегодныя ***передержки*** въ платежахъ по государственнымъ займамъ оставшихся неисполненными отъ предшедшихъ лѣтъ.

„Для покрытія этихъ передержекъ, для безостановочнаго производства уплатъ по не представленнымъ своевременно купонамъ,“ по прямому смыслу сообщенія, должны идти остатки „кредитовъ предназначенныхъ на платежи по государственнымъ займамъ, не подчиненныхъ общимъ правиламъ о заключеніи смѣтъ,“ которые „не закрываются, а оставляются безсрочно и нераздѣльно въ распоряженіи Министерства Финансовъ.“ Въ этомъ состоитъ представленное въ сообщеніи оправданіе того непререкаемаго факта что въ депозитномъ фондѣ удерживается вовсе ненужный для прямыхъ цѣлей этого фонда капиталъ въ 9.970.975 руб. 56 к. Но изъ этого ли указаннаго въ офиціальномъ сообщеніи источника покрывались упомянутые нами сейчасъ передержки въ платежахъ по государственнымъ займамъ оставшихся не исполненными отъ предшедшихъ лѣтъ?..

Нѣтъ, изъ этого источника не было взято ни копѣйки, какъ еслибы никто и не подозрѣвалъ его существованія, какъ еслибъ этого источника, этого излишняго въ депозитномъ фондѣ почти десятимилліоннаго капитала вовсе не имѣлось въ наличности. Передержки, о которыхъ рѣчь, покрывались сполна изъ остатковъ отъ такихъ кредитовъ которые подчинены общимъ правиламъ о заключеніи смѣтъ, которые поэтому должны быть закрываемы, причемъ ихъ остатки должны поступать въ доходъ казны, а не въ число суммъ „оставляемыхъ безсрочно и нераздѣльно въ распоряженіи Министерства Финансовъ.“ На счетъ сокращенія казеннаго дохода, а не на счетъ не имѣющаго назначенія десятимилліоннаго капитала, были отнесены и вышеупомянутая маленькая передержка въ 357 рублей, и крупныя передержки въ платежахъ по государственнымъ долгамъ оставшихся неисполненными отъ 1875, 1876 и 1877 годовъ, при сведеніи итоговъ по депозитному фонду въ контрольныхъ *Отчетахъ* 1879, 1880 и 1881 годовъ. Цифры платежей по государственнымъ долгамъ оставшихся неисполненными отъ 1875, 1876 и 1877 лѣтъ были:

5.470.809 р. 80 к.
24.405.505 „ 63 „
24.238.743 „ 82 „

А на покрытіе этихъ платежей, какъ видно изъ контрольныхъ отчетовъ, израсходовано:

7.286.804 р. 47 к.
25.187.415 „ 65 „
24.606.712 „ 70 „

такъ что покрытіе неисполненныхъ платежей по государственнымъ долгамъ сопровождалось послѣдовательными передержками въ размѣрѣ:

1.815.994 р. 67 к.
781.910 „ 2 „
367.968 „ 88 „

Итого 2.965.873 р. 57 к.

Вся эта сумма передержекъ въ 2.965.873 рубля 57 коп. была покрыта изъ тѣхъ свободныхъ остатковъ которые должны были бы поступить въ доходъ казны сполна, безъ этого почти трехмилліоннаго вычета.

Еще крупнѣе передержка по той же статьѣ платежей по государственнымъ долгамъ оставшихся не исполненными отъ 1878 года.

Изъ *Отчета Государственнаго Контроля* за 1878 годъ (стр. 156—157) мы знаемъ что по смѣтѣ того года на „платежи процентовъ и погашенія по долгамъ" осталось не исполненныхъ расходовъ всего 10.911.340 р. 35 к. Эта сумма поступила въ депозитный фондъ, изъ котораго затѣмъ и производились расходы въ 1879, 1880 и 1881 годахъ. Сколько же въ эти три года уплачено въ счетъ вышеупомянутыхъ 10.911.340 р. 35 к.? Вотъ какія цифры уплатъ нашли мы въ контрольныхъ *Объяснительныхъ Запискахъ:*

Въ 1879 году	9.023.026 р.	47 к.
„ 1880 „	3.877.202 „	31 „
„ 1881 „	325.295 „	26 „
Итого	13.225.524 „	4 „

Итакъ въ счетъ слѣдовавшихъ къ уплатѣ 10.911.340 р. 35 к. только въ три года уплачено 13.225.524 р. 4 к., то-есть *переплачено 2.314.183 р. 69 к.*, и сверхъ того могли предстоять расходы въ счетъ тѣхъ же 10.911.340 р. 35 к. еще въ 1882, а можетъ-быть и въ слѣдующіе годы...

Эта новая крупная передержка опять-таки не находится ни въ какой связи съ тѣмъ десятимилліоннымъ капиталомъ который якобы предназначенъ служить именно для покрытія таковыхъ передержекъ: передержки покрывались, а этотъ десятимилліонный капиталъ не убывалъ ни на копѣйку, оставаясь все въ одномъ и томъ же размѣрѣ и сохранясь неприкосновеннымъ къ 1882 году.

Вышеупомянутыя передержки, составляющія въ итогѣ почтенную сумму въ нѣсколько милліоновъ рублей, давно уже останавливали на себѣ наше вниманіе, но мы воздерживались заявлять о нихъ печатно, недоумѣвая чѣмъ онѣ могутъ быть объяснены и стараясь подыскать для нихъ необходимое объясненіе. Мы искали этого объясненія въ измѣненіи вексельныхъ курсовъ. Но колебаніями этихъ курсовъ невозможно было объяснить почему на покрытіе платежа опредѣленнаго по заключеніи росписи 1878 года въ 10.911.340 р. 35 к. могло быть израсходовано 13.225.524 рубля 4 коп., тѣмъ болѣе что изъ общей суммы не исполненныхъ въ 1878 году платежей по государственнымъ долгамъ больше половины относится къ платежамъ производимымъ не въ металлической, а въ кредитной валютѣ, стало-быть къ такимъ на которые измѣненія вексельныхъ курсовъ не могли имѣть никакого вліянія. Какъ бы ни было велико паденіе курсовъ въ 1879, 1880 и 1881 годахъ сравнительно съ курсомъ который былъ принятъ за норму для государственной росписи 1878 года, оно никакъ не могло, при расходѣ съ небольшимъ въ пять милліоновъ рублей, повести къ передержкѣ въ 2.314.183 рубля 69 коп. Трудность объяснить эту передержку увеличивалась еще тѣмъ что государственные доходы и расходы въ контрольномъ *Отчетѣ* за 1878 годъ были балансированы при допущеніи, по разнымъ статьямъ, разчета не по одинаковымъ, а по различнымъ нормамъ вексельныхъ курсовъ. Не разъясняетъ вполнѣ этого и сообщеніе напечатанное въ № 24 *Правительственнаго Вѣстника*. Изъ него мы узнаемъ что не закрываемые кредиты предназначенные на платежи по государственнымъ займамъ употребляются Министерствомъ Финансовъ не только „для безостановочнаго производства уплатъ по не представленнымъ своевременно купонамъ," но и „для покрытія передержекъ въ текущихъ платежахъ, вслѣдствіе, напримѣръ, измѣненія въ курсѣ." Но какъ понимать такое объясненіе? Еслибы на передержки въ текущихъ платежахъ шли остатки отъ кредитовъ предназначенныхъ на платежи по государственнымъ долгамъ, дѣло было бы совершенно ясно. Но начиная съ кредитовъ 1874 года, какъ видно изъ вышеизложеннаго, никакихъ остатковъ отъ этихъ кредитовъ не было, были наоборотъ недостачи составляющія въ итогѣ сумму въ нѣсколько милліоновъ рублей. Какой же характеръ имѣютъ эти недостачи? Неужели тотъ что казенныя суммы показанныя въ контрольныхъ *Отчетахъ* израсходованными на одно употребленіе, въ дѣйствительности расходовались на другое, напримѣръ, суммы показанныя отпущенными на оставшіеся неисполненными *отъ 1878 года* платежи по государ-

ственнымъ долгамъ расходовались въ дѣйствительности *на текущіе платежи 1879, 1880 и 1881 годовъ*, для которыхъ въ эти годы имѣлись особыя бюджетныя средства, при недостаточности коихъ могли быть испрошены сверхсмѣтные кредиты?

Сообщеніе ставитъ намъ на видъ что „оставленіе кредитовъ на платежи по го-„сударственнымъ долгамъ незакрытыми на-„ходится въ связи съ особыми условіями „производства расходовъ и счетоводства „по этимъ оборотамъ, которые изъяты отъ „дѣйствія общаго счетнаго и ревизіоннаго „порядка.“ Можемъ только пожалѣть что общіе ясные порядки счетовъ и строгія ревизіи не распространяются въ полной мѣрѣ на систему государственнаго кредита играющую, на ряду съ системой желѣзнодорожнаго хозяйства, такую важную роль въ нашихъ ежегодныхъ государственныхъ бюджетахъ. Серіозный контроль тутъ необходимѣе чѣмъ гдѣ-либо. Въ отчетности по крупнымъ денежнымъ оборотамъ, не только государственнымъ, но и частнымъ, не должно быть ничего неяснаго и запутаннаго: къ чему можетъ вести подобная запутанность наглядно показалъ недавній судебный процессъ о злоупотребленіяхъ въ С.-Петербургскомъ Обществѣ Взаимнаго Кредита.

Руководители *Голоса*, чрезъ посредство этой газеты готовой служить всякой лжи, всякому нечистому и нечестному дѣлу, объявили что выводы нашихъ статей №№ 19 и 22 *Московскихъ Вѣдомостей* „мыльные пузыри,“ что наши выводы основаны на „намѣренномъ искаженіи и подтасовкѣ“ цифръ съ цѣлію „обморочить русскую публику, а можетъ-быть отуманить и самое правительство.“ Теперь, послѣ напечатанія сообщенія въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* и нашихъ по поводу этого сообщенія разъясненій, всѣ честные люди имѣютъ возможность рѣшить, къ намъ ли или къ кому другому должны быть отнесены сдѣланныя черезъ газету *Голосъ* ея закулисными внушителями заявленія; мы ли стремимся „обморочить русскую публику, а можетъ-быть отуманить и самое правительство.“

№ 36.

Москва, 4-го февраля.

Нѣкоторая часть австро-венгерской печати усиленно старается раздуть Дунайскій вопросъ, который подлежитъ разсмотрѣнію собравшейся для этого въ Лондонѣ конференціи, и придать дѣлу такой видъ будто Австро-Венгріи приходится отстаивать тутъ чуть не самое бытіе свое, имѣя своими противниками съ одной стороны Россію, а съ другой Англію, не говоря уже о второстепенныхъ придунайскихъ государствахъ, съ которыми Австрія также ведетъ постоянныя пререканія. Но эти возгласы едва ли служатъ отраженіемъ дѣйствительно существующаго въ вѣнскихъ правительственныхъ сферахъ настроенія. Это скорѣе отголоски восточной политики графа Андраши, который не только офиціально „удалился на покой,“ но и пересталъ играть роль невидимаго внушителя. Все указываетъ напротивъ на то что конференція по вопросу о Дунаѣ обойдется мирно, и что представители великихъ державъ приступятъ къ ней уже напередъ согласившись по существеннымъ пунктамъ, такъ что важныхъ пререканій и не будетъ, если не считать протеста который съ такимъ шумомъ заявила Румынія по поводу недопущенія ея къ участію въ конференціи съ правомъ голоса. Кромѣ Румыніи, имѣются на Дунаѣ еще два вновь возникшіе государства, Болгарія и вполнѣ независимая Сербія, которыя съ одинаковымъ правомъ могли бы настаивать на томъ чтобъ и имъ былъ предоставленъ голосъ на конференціи. Конференція рѣшила остаться при установившемся международномъ обычаѣ, по которому лишь великимъ державамъ принадлежитъ рѣшающій голосъ въ вопросахъ европейскаго значенія. Во всякомъ случаѣ, указанное рѣшеніе есть уже успѣхъ австрійской дипломатіи, такъ какъ по тѣмъ вопросамъ которые подлежатъ рѣшенію Лондонской конференціи главными антагонистами между собой являются Австро-Венгрія и Румынія. Спеціальный интересъ Россіи сосредоточивается въ этомъ дѣлѣ на вопросѣ о Килійскомъ рукавѣ. Но Россія изъяла этотъ вопросъ изъ международнаго обсужденія своимъ твердымъ заявленіемъ что не намѣрена отказываться отъ своихъ верховныхъ правъ въ предѣлахъ своей территоріи. Вопросъ же о томъ,

какъ слѣдуетъ организовать международный надзоръ за судоходствомъ по Дунаю, Россія можетъ спокойно предоставить европейскому ареопагу, ибо каково бы ни было это рѣшеніе оно уже не можетъ заключать въ себѣ той задней мысли которая присутствовала при всѣхъ прежнихъ поползновеніяхъ касательно Дуная, поползновеніяхъ еще недавно сказавшихся въ нѣдрахъ самой Дунайской коммиссіи и клонившихся къ тому чтобы отрѣзать отъ Дуная именно Россію. Тенденція эта стала абсурдомъ съ тѣхъ поръ какъ Россія вновь пріобрѣла ту полосу территоріи которая за тѣмъ и была у нея отнята чтобы вычеркнуть ее изъ списка прибрежныхъ дунайскихъ государствъ. Высшіе руководители европейской дипломатіи поняли это лучше нежели ея агенты въ Галацѣ, которымъ жаль было разстаться съ упраздненными традиціями Парижскаго трактата. И при такихъ условіяхъ вопросы подлежащіе разрѣшенію Лондонской конференціи потеряли свой острый политическій характеръ и могутъ быть разрѣшены безъ особенныхъ пререканій.

Самое судоходство по Дунаю далеко не имѣетъ теперь того значенія какое оно имѣло въ то время когда вопросъ о немъ впервые поставленъ былъ Парижскимъ трактатомъ. Таково мнѣніе преобладающее нынѣ въ Англіи, и по этой причинѣ Англійское правительство не намѣрено, по словамъ *Times*, настойчиво оспаривать притязанія Россіи на исключительное обладаніе Килійскимъ рукавомъ. „Великая рѣка подобная Дунаю,“ замѣчаетъ органъ Лондонскаго Сити, „не можетъ никогда потерять своего значенія къ качествѣ пути международныхъ сообщеній; но все направленіе теперешняго прогресса въ дѣлѣ всемірнаго торговаго оборота клонится скорѣе къ уменьшенію значенія Дуная. Дунай изливаетъ свои воды въ такомъ захолустномъ углу Чернаго Моря отъ котораго путь къ западно-европейскимъ рынкамъ отдаленнѣе нежели путь отъ Нью-Йорка. Страны черезъ которыя протекаетъ эта рѣка открыты нынѣ для сообщеній по желѣзнымъ дорогамъ въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ; многіе еще болѣе прямые пути проектированы и будутъ въ скорости проложены соединенными усиліями стратегіи и промышленности. Румынское правительство пріобрѣло недавно въ собственность желѣзнодорожную линію отъ Черноводы до Кюстенджи, имѣя въ виду превратить Кюстенджи въ свой главный морской портъ. Неудобство перегрузки для провоза грузовъ по этой линіи къ морю въ значительной мѣрѣ уравновѣсится выигрышемъ отъ сокращенія пути по извилистому теченію Дуная отъ Черноводы къ Сулину и оттуда моремъ къ Кюстенджи. Изъ центральной Европы грузы направляются нынѣ съ бо́льшимъ удобствомъ, съ одной стороны, къ сѣвернымъ приморскимъ портамъ Германіи, а съ другой — къ Тріесту. Сама Австрія довела нынѣ свою желѣзнодорожную сѣть до Сараева и дѣятельно старается о томъ чтобъ имѣть въ своемъ распоряженіи прямой путь до Салоникъ. Даже въ предѣлахъ самой Австріи существуетъ теперь цѣлая сѣть искусственныхъ водяныхъ сообщеній коими торговля пользуется дабы обойти неудобства судоходства по Дунаю.“

Австро-Венгрія въ сущности не можетъ быть причислена къ прибрежнымъ дунайскимъ государствамъ, ибо тамъ гдѣ начинается теченіе Дуная подлежащее международному контролю, то-есть у Желѣзныхъ Воротъ, кончаются владѣнія Австріи. Настаивая на томъ что нижнее теченіе Дуная, отъ Желѣзныхъ Воротъ до моря, имѣетъ для Австро-Венгріи первостепенный интересъ, австрійская политика хлопочетъ не столько о своихъ торговыхъ и промышленныхъ выгодахъ, которыя вовсе не находятся въ такой зависимости отъ этого воднаго пути какъ во времена былыя, а о томъ чтобъ укрѣпить за собою преобладаніе надъ новыми государствами возникшими на Дунайскомъ побережьи. Но изъ этихъ новыхъ государствъ Румынія уже теперь противится тенденціямъ Австріи, и нѣтъ сомнѣнія что и Болгарія, когда она болѣе окрѣпнетъ и избавится отъ той номинальной опеки которую еще сохранила надъ нею Турція и которая мѣшаетъ ей заявить свой голосъ съ такою же энергіей какъ Румынія, будетъ и со своей стороны противиться притязаніямъ Австріи.

При такомъ положеніи дѣла и въ предвидѣніи того что̀ должно дать естественное развитіе націй въ будущемъ, Россія можетъ совершенно спокойно выждать исхода предстоящей конференціи въ Лондонѣ. Дѣло идетъ о томъ какъ окончательно устроить международный надзоръ за судоходствомъ по нижнему теченію

Дуная. Постановленія по этому предмету Парижскаго трактата, отчасти подтвержденныя и Берлинскимъ, до сихъ поръ не осуществились. Имѣется „европейская коммиссія“ изъ представителей всѣхъ великихъ державъ, которая учреждена была первоначально лишь на два года, но была затѣмъ нѣсколько разъ продолжена и окончательно назначенный срокъ которой истекаетъ лишь въ текущемъ февралѣ, и не существуетъ второй *постоянной* коммиссіи прибрежныхъ государствъ, также проектированной Парижскимъ трактатомъ, для которой европейская коммиссія должна была выработать подробный регламентъ и затѣмъ разойтись. Австрія добивалась чтобъ эта коммиссія изъ четырехъ прибрежныхъ государствъ состояла подъ ея председательствомъ и съ правомъ перевѣса для ея голоса. Взамѣнъ этого предложенія, противъ котораго возстали Румынія, Болгарія и Сербія, французскій делегатъ европейской коммиссіи г. Барреръ предложилъ свой проектъ, по которому въ составъ второй коммиссіи долженъ входить, кромѣ Австріи, Румыніи, Болгаріи и Сербіи, еще одинъ изъ членовъ европейской коммиссіи, смѣняемый чрезъ каждое полугодіе поочереди въ алфавитномъ порядкѣ.

Лондонская конференція должна высказаться по поводу этого проекта Баррера и сверхъ того рѣшить вопросъ о продолженіи полномочій европейской коммиссіи. Если проектъ Баррера будетъ принятъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ и европейская коммиссія должна превратиться изъ временнаго въ постоянное учрежденіе.

Таковъ и будетъ по всей вѣроятности результатъ Лондонской конференціи.

№ 37.

Москва, 5-го февраля.

Петербургскій либерализмъ заболтался. По поводу раскрытыхъ на судѣ хищеній въ Петербургскомъ Обществѣ Взаимнаго Кредита, *хлыщи* либерализма заявляютъ въ своемъ офиціальномъ органѣ что „общественное мнѣніе возмущено страшною распущенностью и безурядицей въ дѣлѣ требующемъ самаго строгаго вниманія и неукоснительнаго надзора,“ и изрекли свое неизбѣжное ceterum censeo о необходимости ввести у насъ „правовой порядокъ“ или, какъ у нихъ теперь принято выражаться, „общественный контроль.“ „Не станемъ утѣшать себя мыслью, восклицаютъ они съ горечью, что однѣ судебныя кары могутъ привести къ упорядоченію нашего банковаго дѣла и избавить насъ отъ хищеній и отъ хищниковъ. Соблазнъ и надежда что такъ или иначе можетъ удастся избѣгнуть кары, останутся въ силѣ.“ Когда же, спрашивается, исчезнетъ этотъ соблазнъ? А вотъ когда *общественное дѣло поступитъ въ дѣйствительности подъ бдительный и неусыпный контроль самого общества* (*Голосъ*, № 31).

Но вѣдь Общество Взаимнаго Кредита *въ дѣйствительности* ни подъ чьимъ инымъ контролемъ не состоитъ кромѣ общественнаго: оно само есть общество. Правительство въ общественные банки, на бѣду ихъ, не вступается. И вотъ этому общественному контролю, оказавшемуся столь вреднымъ въ банковомъ дѣлѣ, Петербургскій мундирный либерализмъ орудующій газетами въ родѣ *Голоса* хотѣлъ бы подчинить все государственное управленіе Россіи, дабы и здѣсь „общественное мнѣніе возмущалось страшною распущенностью и безурядицей въ дѣлѣ требующемъ самаго строгаго вниманія и неукоснительнаго надзора.“

Еще забавнѣе внезапная перемѣна фронта тѣхъ же нашихъ „либераловъ“ по отношенію ко Французской республикѣ. Вотъ уже три недѣли какъ они ежедневно дѣлаютъ выговоры „старику стоящему во главѣ республики,“ громятъ „quasi-министерство Фальера“ и возмущаются „вопіющею несправедливостью“ палаты депутатовъ, которую нужно де какъ можно скорѣе распустить за то что она „совершенно дискредитируетъ Францію въ глазахъ Европы.“ Горе президенту Греви если онъ станетъ „увертываться“ и не послушается петербургскаго *хлыща*, который обращается къ нему со слѣдующею рѣчью:

„Сколько бы ни увертывался президентъ республики отъ необходимости остановиться на единственной разумной мѣрѣ, могущей уладить всю эту путаницу, то-есть на распущеніи палаты депутатовъ, распущеніе это дѣлается роковою необходимостью, и безъ него дѣло не обойдется даже въ томъ случаѣ еслибы неизбѣжность его повела къ отставкѣ самого Жюля Греви“ (*Голосъ*, № 19)

Въ чемъ же такъ провинилось Французское правительство предъ *Голосомъ*? Оно не выдержало пробы петербургскаго ли-

берализма, и рѣшилось прибѣгнуть къ „аракчеевскимъ“ мѣрамъ какъ административная высылка враждебныхъ правительству гражданъ, ограниченіе священной свободы печати, изъятіе политическихъ процессовъ изъ юрисдикціи суда присяжныхъ, а палата депутатовъ—horribile dictu—отнеслась сочувственно къ такому ретроградному правительству и громаднымъ большинствомъ голосовъ уже одобрила первую изъ этихъ „чудовищныхъ, вопіющихъ несправедливостью“ мѣръ. Какой вредный примѣръ для Россіи! По части либерализма петербургскія канцеляріи со своими органами далеко превзошли всю Европу съ Французскою республикой включительно. Не знаемъ даже зачѣмъ насъ приглашаютъ, въ видахъ прогресса, подражать Европѣ; напротивъ, ей слѣдуетъ дотянуться до уровня нашихъ либераловъ. Послушайте съ какимъ негодованіемъ отзываются они объ Аракчеевцахъ и крѣпостникахъ третьей Французской республики:

„Наложивъ неосторожную руку на принципъ широкой политической терпимости... эти проповѣдники „административной высылки“ добровольно отталкиваютъ отъ себя сочувствіе либераловъ всѣхъ національностей“ (*Голосъ*, № 15).

Французскіе либералы должны потерпѣть наказаніе: министры должны подать въ отставку, а депутаты, „избранники священной воли народа,“ должны быть лишены своихъ полномочій посредствомъ распущенія палаты. Вы можетъ-быть думаете что затѣмъ послѣдуетъ торжественный актъ всеобщей свободной подачи голосовъ, посредствомъ которой верховный владыка, народъ, изречетъ свою безпристрастную священную волю? Вовсе нѣтъ. Народъ дуракъ, онъ „легко можетъ придать новымъ общимъ выборамъ анти-республиканскій характеръ.“ Этого, конечно, допускать не слѣдуетъ. Нужно, слѣдовательно, произвести сильное давленіе на священную волю народа, и это, какъ съ развязностью доказываетъ петербургскій Макіавелли, сдѣлать очень легко посредствомъ офиціальныхъ кандидатуръ и другихъ избирательныхъ маневровъ:

„Правительство всегда можетъ сильно вліять на выборы если только оно вполнѣ располагаетъ услугами префектовъ, подпрефектовъ и многочисленныхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей провинціальной администраціи. Министерство, подобранное президентомъ республики со специальною цѣлью распущенія палаты депутатовъ *и руководительства новыми выборами, всегда можетъ устроить дѣла такъ чтобы выборы эти кончились въ пользу республики*“ (*Голосъ*, № 23).

Вотъ вамъ и свобода выборовъ и священная воля народа!

Французскіе либералы дискредитовали не только Францію въ глазахъ Европы, но, что гораздо важнѣе, они дискредитовали въ глазахъ читателей *Голоса* парламентскій режимъ, который долженствовалъ подъ именемъ „праваго порядка“ или „общественнаго контроля“ исцѣлить магическимъ образомъ Русскій народъ ото всякихъ политическихъ, соціальныхъ, финансовыхъ, уголовныхъ, климатическихъ и метеорологическихъ недуговъ. Интрига съ ужасомъ предвидитъ что „Франція скоро можетъ устать отъ перипетій парламентскаго управленія и потребовать крѣпко организованной исполнительной власти“ (*Голосъ*, № 27). Каковъ тогда будетъ скандалъ!

Негодность того режима который русско-польская интрига согласилась называть „правовымъ порядкомъ“ сдѣлалась теперь очевидною на примѣрѣ Франціи, надъ которою двѣнадцать лѣтъ производится, какъ бы in anima vili, по всѣмъ правиламъ искусства, отвратительный экспериментъ доктринерскаго парламентаризма. Это теперь стало до такой степени очевиднымъ что даже наши мѣдные лбы этого отрицать не могутъ. Признакомъ парламентскаго управленія, говоритъ петербургская газета,

„является тѣсная связь исполнительной власти съ народнымъ представительствомъ и прямая зависимость отъ народнаго представительства.. Самое управленіе отдается палатамъ и становится дѣломъ палатскаго большинства... Палата управлять не можетъ и всякая исполнительная власть, поставленная въ необходимость управлять съ палатой, должна сдѣлать одно изъ двухъ: или *поработить* палату, то-есть обратить ее въ ничто, или подчиниться палатѣ, то-есть уничтожить себя. Робеспьеръ въ конвентѣ—образецъ перваго исхода; нынѣшніе „кабинеты“—обращики втораго“ (*Голосъ*, № 27).

Вы думаете что послѣ этого признанія негодности парламентаризма политики *Голоса* сознаются что они до сихъ поръ морочили публику? Напротивъ, они съ новымъ рвеніемъ рекомендуютъ намъ этотъ

негодный режимъ. Парламентаризмъ, видите ли, не годится для *демократій*, но онъ необходимъ для *монархій*; онъ не годится для Франціи, но хорошъ для Россіи. Мы должны де отдать парламенту „обсужденіе законовъ, право вотировать бюджетъ и установлять налоги и право контролировать законность дѣйствій администраціи," но не должны де отдавать ему „самое управленіе" которое не должно становиться „дѣломъ палатскаго большинства," въ чемъ собственно де и является признакъ парламентаризма.

Но если правительство будетъ получать деньги необходимыя для управленія только при угожденіи парламентскому большинству вообще и его фракціямъ, группамъ и отдѣльнымъ членамъ въ особенности, то развѣ исполнительная власть не будетъ находиться въ той именно „тѣсной связи съ народнымъ представительствомъ" и въ той именно „прямой зависимости отъ народнаго представительства" которая и составляетъ, по словамъ тѣхъ же петербургскихъ политикановъ, признакъ зловреднаго парламентаризма. Та фиктивная граница которую наши шарлатаны стараются провести между пагубнымъ де „парламентскимъ управленіемъ" и благотворнымъ „конституціоннымъ порядкомъ" есть только новая фаза одного и того же грубаго обмана.

Не указываютъ ли намъ эти господа на какое-нибудь государство въ Европѣ, обладающее „конституціоннымъ порядкомъ" безъ „парламентскаго управленія?" Нѣтъ, такого государства въ Европѣ нѣтъ. Они указываютъ намъ на Соединенные Штаты; но они принуждены сознаться что въ Америкѣ раздаются жалобы на интриги партій и постыдные маневры, которыми нерѣдко сопровождаются выборы президента. „При парламентскомъ управленіи," прибавляютъ они, „Америка лишилась бы всякой исполнительной власти, которая теперь обезпечивается странѣ на всякіе четыре года. Сколько, говорятъ они, кабинетовъ пало бы въ теченіе этого срока при парламентскомъ управленіи."

Что сказать о нахалахъ, которые оберегаютъ Америку отъ парламентаризма какъ отъ чумы стараясь привить ее къ Россіи? Они желали бы укрѣпить четырехлѣтнюю „исполнительную власть" президента Соединенныхъ Штатовъ, а власть Русскаго Царя потрясти и ослабить...

№ 39.

Москва, 7-го февраля.

На Балканскомъ полуостровѣ снова затрудненія и опасности... Почти пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ европейская дипломатія создала тамъ новую гарантію мира, пресловутый Берлинскій трактатъ, но постановленія этого трактата и понынѣ еще не всѣ приведены въ исполненіе.

Вопросъ объ „окончательномъ" регулированіи турецко-черногорской границы присоединеніемъ къ Черногоріи нѣсколькихъ ничтожныхъ округовъ на юго-восточной границѣ княжества (великодушно предложенныхъ дипломатами взамѣнъ пріобрѣтенныхъ кровью областей Герцеговины) все еще не рѣшенъ. Турецкіе министры и ихъ невѣдомые совѣтники съ большимъ успѣхомъ продолжаютъ свою политику обмана, а Европа никакъ не можетъ принудить Турцію къ исполненію принятаго ею обязательства. Какъ извѣстно, регулированію турецко-черногорской границы сперва мѣшала миѳическая „Албанская лига," которая внезапно исчезла съ лица земли во время демонстраціи европейскихъ флотовъ, и Турція уступила западную частичку перепадающей къ Черногоріи территоріи. Международная демаркаціонная коммиссія производила, правда, работы и на юго-восточной границѣ Черногоріи, но постановленія ея остались безъ исполненія. Державы затѣмъ предоставили Черногорскому правительству войти съ Турецкимъ въ непосредственное соглашеніе по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ. Возстаніе въ Герцеговинѣ и Босніи и прямой результатъ его, эмиграція Герцеговинцевъ и Кривошіянъ въ сосѣднюю Черногорію, поневолѣ должны были на время отвлечь вниманіе отъ юго-восточной границы, тѣмъ болѣе что по настоянію Австро-Венгріи Черногорское правительство должно было выставить на своей сѣверной и сѣверо-восточной границахъ военный кордонъ въ обезпеченіе военныхъ операцій австрійскихъ войскъ въ южной Герцеговинѣ и Бокѣ Которской. Изъ отрывочныхъ свѣдѣній сообщаемыхъ вѣнскими и пештскими газетами видно что переговоры между Черногоріей и Турціей продолжались, но съ перерывами благодаря политикѣ „оттягиванья," столь успѣшно практикуемой турецкими министрами когда дѣло идетъ

объ уступкахъ—не Англіи, а Черногоріи или Россіи...

Наконецъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, Турція великодушно согласилась прислать особую коммиссію для проведенія демаркаціонной линіи и окончательнаго рѣшенія спорнаго вопроса. Одновременно съ этими рѣшеніями Высокой Порты, въ Вѣнѣ опять были получены сенсаціонныя извѣстія изъ Албаніи. Къ австровенгерскому консулу въ Скутари явилась депутація „съ ходатайствомъ о занятіи Албаніи австрійскими войсками для водворенія въ странѣ порядка.“ Офиціозные вѣнскіе органы поспѣшили опровергнуть извѣстіе объ официальномъ принятіи консуломъ этой депутаціи, но самаго факта новой агитаціи среди Албанцевъ не сочли нужнымъ опровергать. Чрезъ нѣсколько дней печать сообщила уже о новомъ ходатайствѣ Албанцевъ, тождественномъ съ первымъ, и о петиціи скутарійскихъ христіанъ султану. Толки эти затѣмъ вскорѣ смолкли, и турецкій коммиссаръ пограничной коммиссіи послѣ долгихъ колебаній прибылъ наконецъ въ Цетинье. Начало переговоровъ было довольно успѣшное и можно было надѣяться что вопросъ будетъ наконецъ рѣшенъ и справедливыя требованія Черногоріи исполнены. Вскорѣ однако обнаружилось что турецкій уполномоченный, Бедри-бей, не имѣетъ „достаточныхъ инструкцій,“ и переговоры оттянулись. Наконецъ, по всѣмъ пунктамъ состоялось соглашеніе, подписана особая конвенція, и коммиссіи осталось только привести ее въ исполненіе. Несмотря на то что вопросъ былъ такимъ образомъ совершенно рѣшенъ съ формальной точки зрѣнія, Турція со свойственнымъ ей вѣроломствомъ все-таки отказывается исполнить свои обязательства. Официальная черногорская газета сообщаетъ о продѣлкахъ турецкаго коммиссара слѣдующее: „Согласно конвенціи заключенной въ Цетиньѣ между уполномоченными Турціи и Черногоріи, пограничныя коммиссіи обоихъ государствъ должны были 24 января явиться въ сопровожденіи солдатъ въ одномъ изъ пунктовъ Краины и передать Черногоріи уступленную ей область. Коммиссіи въ извѣстный часъ должны были встрѣтиться въ Тополь-Горицѣ. Прибывъ въ условленный часъ на мѣсто, черногорская коммиссія не нашла тамъ ни коммиссаровъ, ни солдатъ турецкихъ. Черногорцы дожидались слишкомъ часъ, но Турки не являлись. Тогда Черногорцы рѣшили отыскивать Турокъ на берегахъ Скутарійскаго озера. Черногорскій пароходъ обошелъ сѣверный берегъ, но коммиссіи турецкой не означилось нигдѣ. Черногорцы рѣшили терпѣливо выждать еще нѣкоторое время. Но когда и это не повело ни къ чему, начальникъ черногорской коммиссіи, Симо Поповичъ, послалъ одного изъ членовъ коммиссіи въ Скутари потребовать у Бедри-бея объясненій и пригласить его явиться въ условленномъ мѣстѣ для приступленія къ регулированію границы. Что же Бедри-бей? Узнавъ о прибытіи черногорской депутаціи, онъ ложится въ постель и объявляетъ что простудился въ дорогѣ. На замѣчаніе черногорскаго делегата что онъ можетъ послать вмѣсто себя другаго изъ членовъ турецкой коммиссіи, турецкій полковникъ объяснилъ что этого не можетъ сдѣлать, ибо отвѣтственность лежитъ на немъ. „Впрочемъ,“ замѣтилъ далѣе Бедри-бей, *„я по телеграфу испрошу себѣ новыхъ инструкцій изъ Константинополя...“* Черногорцамъ надоѣла эта комедія и они сами приступятъ къ работамъ. Окончивъ здѣсь работу, Черногорцы отправились на другую сторону озера, гдѣ демаркаціонная линія также еще не установлена. Начальникъ черногорской коммиссіи снова пригласилъ Бедри-бея, но тотъ отговорился неполученіемъ изъ Константинополя отвѣта, *ибо телеграфное сообщеніе прервано...* Черногорцы не рѣшились продолжать работы, опасаясь засады, и вернулись назадъ оставивъ незначительный гарнизонъ.“

Извѣщенное объ этихъ событіяхъ Черногорское правительство, какъ извѣстно, передало представителямъ великихъ державъ въ Цетиньѣ ноту, въ коей заявляется что Черногорія прервала всякія сношенія съ Турціей и настаиваетъ на томъ чтобы проведеніе демаркаціонной линіи было возложено на международную коммиссію. Англія, какъ видно изъ вѣнскихъ газетъ, уже изъявила согласіе прислать своего представителя, согласятся вѣроятно и другія державы, но отъ обѣщанія до исполненія пройдетъ еще не мало времени, а между тѣмъ уже пролилась кровь: въ окрестностяхъ Скутари произошла у Черногорцевъ кровавая схватка съ баталіономъ турецкихъ регулярныхъ войскъ; съ обѣихъ сторонъ убитые и раненые...

№ 40.

Москва, 8-го февраля

Защитники транзита перемѣнили фронтъ по всей линіи. Теперь уже не слышно рѣчей о томъ что на русскую промышленность въ этомъ вопросѣ не стóитъ обращать вниманія, и что ея интересъ въ этомъ дѣлѣ ничтоженъ. Тѣ самые люди которые еще недавно относились къ „претензіямъ" русской промышленности въ транзитномъ дѣлѣ не иначе какъ съ презрѣніемъ и насмѣшкой вдругъ превратились въ защитниковъ и друзей „Замоскворѣчья и Сундучнаго ряда." Пошла въ ходъ мысль о необходимости будто бы компромисса между настоятельными требованіями русскаго народнаго труда и интересами иностраннаго транзита.

Вмѣсто прежнихъ рѣчей о пользѣ и выгодахъ транзита, защитники его не прочь вести теперь рѣчи о причиняемыхъ имъ Россіи вредѣ и убыткахъ. Если же транзитъ еще требуется, то только въ интересахъ самой русской промышленности, которая можетъ де пострадать если транзитъ чрезъ Закавказье будетъ закрытъ безусловно. На эту послѣднюю тему и разыгрываются теперь варіаціи.

Транзитъ безусловно вреденъ; сравнительно съ причиняемымъ имъ вредомъ, о ничтожныхъ, грошовыхъ выгодахъ какія могли бы извлекать изъ него Закавказская дорога и горсть Закавказцевъ не стóитъ и говорить: это доказано, противъ этого могли бы спорить развѣ люди съ мѣднымъ лбомъ. Въ интересахъ Россіи совершенно пріостановить привозъ заграничныхъ товаровъ въ Персію и Центральную Азію. Но, замѣчаютъ при этомъ, не все желательное возможно: закрытіемъ транзита мы не преградимъ доступа иностранныхъ товаровъ на персидскіе и среднеазіятскіе рынки, не сдѣлаемъ этихъ рынковъ исключительнымъ нашимъ достояніемъ. Если мы закроемъ транзитъ, если мы установимъ что иностранный товаръ чтобы пройти въ Персію долженъ быть предварительно оплаченъ ввозною пошлиной по нашему общему таможенному тарифу, развѣ иностранцы не найдутъ возможности доставлять свои товары въ Персію и далѣе не уплачивая этихъ пошлинъ? Вмѣсто того чтобы выгружать свои товары въ Поти и Батумѣ и везти ихъ потомъ чрезъ Закавказье, они могутъ выгружать ихъ, напримѣръ, въ Трапезунтѣ и везти ихъ чрезъ Эрзерумъ на Тавризъ и далѣе. Конечно, этотъ вьючный трактъ очень неудобенъ и перевозка товаровъ по этому пути такъ дорога и сопряжена съ такимъ рискомъ что не можетъ идти и въ сравненіе съ удобствами и дешевизной провоза по нашей Закавказской желѣзной дорогѣ. Во всѣхъ попыткахъ умалить разницу въ стоимости и удобствахъ провоза товаровъ въ Персію чрезъ Закавказье и чрезъ Азіятскую Турцію нельзя не видѣть явныхъ натяжекъ. Высчитывая эту разницу, сторонники транзита забываютъ что цѣна провоза по Трапезунтскому тракту есть величина измѣнчивая, что эта цѣна даже только на протяженіи отъ Трапезунта до Тавриза колеблется между 450 и 1.000 піастровъ (25—57 рублей золотомъ) за кантаръ; что эта цѣна провоза имѣетъ наклонность къ постоянному возрастанію въ такихъ размѣрахъ что, напримѣръ, стоявшія въ 1848 году цѣны отъ 200 до 600 піастровъ замѣнились нынѣ цѣнами отъ 450 до 1.000 піастровъ; что, кромѣ платы чарводарамъ (вощикамъ), должны быть принимаемы въ разчетъ еще расходы коммиссіонные, взимаемые при наймѣ чарводаровъ въ главныхъ городахъ Персіи, рахдарныя (внутреннія) пошлины, плата за складъ товаровъ и за вѣсы; что кромѣ того должны быть приняты въ разчетъ важная въ торговомъ дѣлѣ разница въ быстротѣ перевозки (на одномъ пути достаточно одного мѣсяца, на другомъ нужно около шести мѣсяцевъ чтобы транзитный товаръ дошелъ до Мешеда), разница въ стоимости упаковки товаровъ нужной на томъ и на другомъ пути, разница въ рискѣ зависящемъ отъ степени безопасности, разница въ стоимости дальнѣйшаго слѣдованія на востокъ транзитныхъ товаровъ, съ одной стороны, прибывшихъ изъ Трапезунта въ Энзели, съ другой—привезенныхъ изъ Баку въ Гязскій портъ, и т. д. Рьяные защитники транзита забываютъ все это, забываютъ какое значеніе въ перевозкѣ товаровъ имѣютъ почти непроходимыя горы отдѣляющія сѣверо-западную Персію отъ сѣверо-восточной. Но всѣ эти неудобства существующія нынѣ и ограждающія, къ нашей выгодѣ, сѣверо-восточную Персію и сосѣдніе съ ней рынки отъ наплыва иностранныхъ товаровъ, могутъ быть когда-нибудь устранены. Въ случаѣ закрытія За-

кавказскаго транзита, то-есть обложенія транзитныхъ товаровъ пошлинами по общему таможенному тарифу, иностранцы, пожалуй, станутъ заботиться объ улучшеніи Трапезунтскаго тракта и, чего добраго, пожалуй построятъ желѣзную дорогу для провоза въ Персію своихъ товаровъ. Эта дорога завалитъ де персидскіе рынки иностранными товарами, а контрабандисты повезутъ ихъ изъ Персіи въ наши предѣлы, точно также какъ нынѣ сбываются у насъ, въ ущербъ русской промышленности, товары проходящіе чрезъ наши таможни подъ видомъ транзитныхъ. Будемъ же предусмотрительны въ дѣлѣ огражденія русскихъ промышленныхъ интересовъ, помѣшаемъ иностранцамъ построить транзитный рельсовый путь внѣ нашихъ предѣловъ, а для этого пусть русская промышленность поступится частью своихъ требованій, пусть она удовольствуется, вмѣсто прекращенія ненавистнаго ей транзита, наложеніемъ пошлинъ на нѣкоторые транзитные товары, притомъ въ такомъ размѣрѣ чтобъ иностранцы могли помириться съ пошлиной, такъ чтобъ имъ пріятнѣе было платить пошлину чѣмъ заботиться о постройкѣ новой желѣзной дороги въ Персію. Вмѣсто запрещенія транзита, введемъ де транзитныя пошлины, ради достиженія одновременно двухъ цѣлей: оградить интересы отечественной промышленности и торговли, съ одной стороны, и предотвратить постройку транзитнаго рельсоваго пути, внѣ нашихъ границъ, съ другой. Будемъ гнаться за обоими этими зайцами и, вопреки пословицѣ, поймаемъ обоихъ.

Такова сущность аргументаціи которая теперь въ особенномъ ходу. На кого, однако, она разчитана?..

Закавказская желѣзная дорога и идущее по ней движеніе транзитныхъ или, попросту, контрабандныхъ товаровъ есть фактъ, причиняемый этимъ движеніемъ вредъ русской промышленности есть вредъ дѣйствительный; транзитная же желѣзная дорога внѣ нашихъ предѣловъ есть не что̀ иное какъ мечта воображенія, вредъ отъ этой несуществующей дороги — вредъ фантастическій. И вотъ, насущные интересы русской промышленности должны быть урѣзаны ради нелѣпой и несбыточной фикціи!

Иностранцы могутъ построить внѣ нашихъ предѣловъ желѣзную дорогу чтобы возить въ Персію свои товары... Примите въ разчетъ какъ трудно будетъ построить имъ эту непомѣрно длинную дорогу, какія страшныя техническія трудности придется имъ преодолѣвать при проложеніи рельсовъ чрезъ множество горныхъ кряжей, и какъ дорого обойдется имъ постройка дороги при такихъ условіяхъ; подумайте что на капиталъ нужный для ея постройки никто не дастъ той гарантіи которая дана для капиталовъ затраченныхъ на Закавказскую желѣзную дорогу. Зачѣмъ же вводить иностранцевъ въ такое убыточное, стоящее десятковъ, если не сотень милліоновъ дѣло какъ постройка новой транзитной дороги, когда такъ легко избавить ихъ отъ этихъ большихъ затратъ и убытковъ подслуживишись имъ Закавказскою дорогой и, при помощи транзитныхъ пошлинъ, давая имъ возможность теперь же причинять русскому народному труду весь тотъ вредъ который еще Богъ вѣсть могъ ли бы быть причиненъ въ далекомъ будущемъ, даже въ томъ случаѣ еслибы постройка транзитной чугунки внѣ нашихъ границъ была не сумасбродною фантазіей, а серіознымъ проектомъ? Въ этомъ послѣднемъ немыслимомъ случаѣ, развѣ что-нибудь вынуждало бы насъ сидѣть сложа руки и не принимать никакихъ мѣръ къ тому чтобы привезенные въ Персію по фантастической чугункѣ товары не проникали къ намъ котрабанднымъ путемъ? Или, можетъ-быть, проектируемая Каспійская таможенная крейсерская флотилія и другія мѣры усиленія таможеннаго надзора хороши только какъ аргументъ для защиты Закавказскаго транзита, но никуда не годятся какъ средства для борьбы съ контрабандой не опирающеюся на Закавказскій транзитъ?

Въ интересахъ этого транзита выставляется пугало въ видѣ якобы возможной желѣзной дороги изъ Трапезунта въ сѣверо-восточную Персію. Но кто и на какія сумашедшія деньги будетъ строить длинную, дорогую линію, чрезъ горы и пустыни неспособныя дать мѣстныхъ грузовъ, по малолюдной странѣ находящейся въ крайнемъ упадкѣ не позволяющемъ и думать о возможности развитія тутъ бойкой экономической жизни, значительнаго торговаго и промышленнаго движенія?

Безсмыслица такой транзитной дороги которая упиралась бы какъ въ тупикъ въ персидскій пустырь до такой степени бросается въ глаза что болѣе умные изъ адвокатовъ Закавказскаго транзита и транзит-

ныхъ пошлинъ предпочитаютъ говорить не объ этой невозможной дорогѣ, но о другой, которая, начинаясь въ какомъ-нибудь изъ турецкихъ портовъ вела бы чрезъ всю азіятскую Турцію и Персію къ сухопутной границѣ Индіи. Подобныя дороги въ Индію, дѣйствительно, не разъ проектировались и обсуждались, но всегда были предметомъ скорѣе платоническихъ и академическихъ преній чѣмъ дѣловой рѣчи. Смѣнявшихъ другъ друга проектовъ въ этомъ родѣ было нѣсколько, и изъ нихъ тѣ которые предлагали направить линію близко къ Каспійскому прибрежью и нашимъ границамъ были наименѣе осуществимые, по чрезмѣрной длинѣ проектированныхъ рельсовыхъ путей, превышающей четыре тысячи верстъ. Пока не былъ прорытъ Суэзскій каналъ, пока прорытый уже каналъ находился еще въ рукахъ Египетскаго хедива, пока оставалось спорнымъ чье, французское или англійское, вліяніе возобладаетъ въ Египтѣ и на Суэзскомъ перешейкѣ,—была еще нѣкоторая возможность допускать что Англія рѣшится пожалуй, ради своихъ индійскихъ интересовъ, на жертвы необходимыя для постройки 4.000-верстной бездоходной желѣзной дороги. Но ради чего стала бы она приносить эти громадныя жертвы теперь когда она стала твердою ногой въ Египтѣ и захватила Суэзскій каналъ? Распоряжаясь какъ хозяинъ этимъ каналомъ, ради чего будетъ Альбіонъ, при всемъ его коварствѣ, строить 4.000-верстную дорогу? Для товарнаго движенія? Но едва ли найдутся такіе неразчетливые товароотправители которые предпочтутъ дорогой провозъ по чугункѣ дешевымъ фрахтамъ морскаго пути. Для политическихъ и военныхъ цѣлей? Но плохая была бы политика строить такую дорогу въ нѣсколькихъ переходахъ отъ русскихъ границъ, такъ чтобы въ случаѣ войны русскіе отряды легко могли прервать всякое по ней сообщеніе.

Въ какихъ же видахъ, послѣ всего этого, ведется рѣчь о транзитныхъ пошлинахъ, когда интересы Россіи требуютъ просто закрытія транзита, и когда нѣтъ никакихъ, ни экономическихъ, ни политическихъ, сколько-нибудь уважительныхъ соображеній которыя побуждали бы колебаться въ транзитномъ вопросѣ и поступиться интересами русскаго народнаго труда?

Тѣмъ большее смущеніе было причинено извѣстною телеграммой отъ директора Департамента Мануфактуръ и Торговли, полученною биржевыми комитетами и предлагающею представить списокъ кандидатовъ-экспертовъ „для избранія лицъ къ обсужденію пошлины на нѣкоторые транзитные товары слѣдующіе чрезъ Закавказье...“

№ 41.

Москва, 9-го февраля.

Теперь, въ самый разгаръ парламентскихъ преній о германскомъ военномъ бюджетѣ и пенсіонномъ уставѣ, когда министръ задумывалъ выйти въ отставку, когда оппозиція съ успѣхомъ нападала на министерство отказывая ему въ средствахъ на расширеніе стрѣльбищъ, на постройку казармъ и унтеръ-офицерскихъ школъ, на освѣженіе и улучшеніе офицерскаго состава, въ самомъ консервативномъ изъ прусскихъ органовъ, въ *Крестовой Газетѣ*, появился рядъ статей подъ заглавіемъ: *Wie steht es mit den Rüstungen Russlands?* написанныхъ въ совершенно мирномъ тонѣ и самымъ рѣшительнымъ образомъ посрамляющихъ всѣ прошлогодніе вопли о близкой войнѣ и мнимыхъ военныхъ приготовленіяхъ Россіи.

Статьи *Крестовой Газеты*, очевидно принадлежащія перу одного изъ извѣстныхъ военныхъ авторитетовъ, даютъ отчасти понять въ чемъ заключается истинная причина той необычайной, вполнѣ напоминающей „времена конфликта“ ярости, съ какою оппозиція нападала на министерство. Это придаетъ статьямъ консервативной берлинской газеты особый интересъ и значеніе.

Войдемъ въ подробности. „Въ послѣдніе годы, сказано въ одной изъ статей, было много толковъ о русскихъ вооруженіяхъ, но весьма немногіе уяснили себѣ истинную причину оныхъ; періодическая печать выставляла ихъ какъ приготовленія къ войнѣ, тогда какъ это были лишь отдѣльныя проявленія обширной, глубокой реформы всей русской военной системы.“ Случайное совпаденіе этихъ реформъ съ нѣкоторыми политическими слухами было причиной что имъ придавали грозное значеніе. Россія задумывала военную реформу еще предъ послѣднею войной; Россія вышла изъ нея побѣдительницей, но боевой опытъ вновь подтвердилъ необходи-

мость обширной реорганизаціи чтобы не остаться позади прочихъ первоклассныхъ державъ Европы. „Военныя реформы имѣютъ тотъ характеръ что если сказали А, то неизбѣжно сказать и В. Реорганизація арміи такое дѣло которое въ одинъ годъ исполнить невозможно. Уже разсуждая теоретически реформа можетъ считаться конченною не ранѣе истеченія полнаго срока службы людей поступившихъ въ ряды арміи при началѣ преобразованій." На дѣлѣ обыкновенно бываетъ и того хуже, такъ что „ранѣе конца восьмидесятыхъ годовъ воинская повинность не можетъ войти въ плоть и кровь націи." Этого мало. Успѣхъ на войнѣ зависитъ не отъ системы только; къ войнѣ нужно подготовляться во всемъ; тутъ нѣтъ мелочей. Необходима хорошая тактическая подготовка войскъ, гибкая организація, соотвѣтствующая система крѣпостей и удачная сѣть желѣзныхъ дорогъ. „Въ этомъ отношеніи Россія до 1877 года стояла далеко позади Германіи и Франціи; если цифра войскъ на бумагѣ въ Россіи теперь выше нежели въ этихъ странахъ, то это еще далеко не доказываетъ чтобы Россія могла въ одиночку выставить противъ Германіи превосходныя силы." Здѣсь нѣмецкій авторъ дѣлаетъ рѣшительный оборотъ. „Столь серіозный вопросъ требуетъ строжайшей объективности, а если мы будемъ объективны и перестанемъ смотрѣть на военныя улучшенія сосѣда какъ на угрозу противъ насъ, то должны будемъ согласиться что Россія имѣла всѣ причины позаботиться пополнить все чего не доставало ея военной силѣ въ сравненіи съ силой сдѣлавшейся могущественною Германіи." То было время когда численная сила германской арміи далеко превосходила русскую; въ Германіи была старая, уже испытанная организація, система мобилизаціи отличалась не достижимою до этого быстротой, желѣзныя дороги во время войны переходили въ руки военнаго управленія, система крѣпостей превосходила русскую, тактическая подготовка нѣмецкихъ войскъ „всѣмъ въ глаза кидалась." „Смотрѣла ли Россія на развитіе нѣмецкой военной силы съ 1866 года какъ на военную угрозу противъ себя? Перестали ли бы мы дѣлать то что̀ указывало намъ географическое положеніе и военно-политическія условія Европы еслибы въ Россіи посмотрѣли на это неблагосклонно?" спрашиваетъ нѣмецкій авторъ и прямо отвѣчаетъ: „Нѣтъ, мы продолжали и продолжаемъ дѣлать что̀ нужно. Россія поступаетъ въ настоящее время точно также." Таковы общія соображенія статей *Крестовой Газеты*; за ними слѣдуютъ интересныя подробности. Въ свое время въ нѣмецкой печати было не мало слуховъ и толковъ о фортификаціонныхъ сооруженіяхъ въ Привислинскомъ краѣ, о постройкѣ стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ и тому подобномъ. Говорилось что треугольникъ образуемый Новогеоргіевскомъ, Иванъ-Городомъ и Брестъ-Литовскомъ, съ переправой черезъ Вислу у Варшавы, составляетъ плацдармъ на которомъ можетъ быть сосредоточена сильная армія назначенная для вторженія въ Германію. Все это, по мнѣнію *Крестовой Газеты*, совершенно неосновательно: „Военныя средства Россіи въ Польшѣ не соотвѣтствуютъ даже внутреннему состоянію послѣдней." Нѣтъ ни большихъ стратегически выгодно расположенныхъ крѣпостей, ни цѣлесообразной желѣзнодорожной сѣти „То что̀ дѣлается теперь, правда, улучшаетъ военныя средства Россіи противъ сосѣднихъ державъ, но не имѣетъ угрожающаго характера." Треугольникъ крѣпостей около Варшавы „по натурѣ своей" имѣетъ строго оборонительный характеръ. Это центральный пунктъ, а центральное расположеніе имѣетъ не всегда наступательное значеніе. Зависитъ это отъ многихъ причинъ, но довольно де сказать что пути сообщенія Варшавы со внутреннею Россіей недостаточны для быстраго сосредоточенія здѣсь значительныхъ силъ (всего три линіи), что обезпеченная переправа черезъ Вислу имѣется всего въ одномъ пунктѣ, и что вдоль западной границы вовсе нѣтъ желѣзнодорожной линіи которая связала бы существующіе и задуманные рельсовые пути. Совсѣмъ въ иномъ положеніи находится Германія. Къ русской границѣ ведутъ въ провинціи Пруссія *четыре*, въ Познани *три*, въ Силезіи „опять *три*" желѣзныя дороги, на Вислѣ двѣ переправы (Диршау и Торнъ), желѣзныя дороги опираются на линію крѣпостей „имѣющихъ наступательный характеръ," каковы Кенигсбергъ, Торнъ и Познань. Помимо всего этого, восточная граница Германіи, по характеру мѣстности покрытой озерами, болотами и множествомъ рѣкъ и протоковъ, весьма неудобна для наступательныхъ дѣйствій изъ Россіи. „Итакъ пере-

вѣсъ рѣшительно на сторонѣ Германіи," не говоря уже о высокихъ достоинствахъ ея арміи. Всѣ эти соображенія нѣмецкій спеціалистъ заключаетъ замѣчаніемъ что Германіи нечего опасаться, такъ какъ и по исполненіи Россіей ея преобразованій перевѣсъ въ силѣ останется на сторонѣ Германіи. Но не въ этой части статей ихъ настоящій вѣсъ и цѣль. Покончивъ съ силой, организаціей, желѣзными дорогами и крѣпостями, нѣмецкій авторъ переходитъ къ нашей кавалеріи. Тутъ выводъ уже противоположный. „Въ устройствѣ и организаціи кавалеріи Россія опередила Германію." Конечно нѣмецкая кавалерія въ войну 1870—1871 годовъ дѣйствовала де блистательно въ сравненіи съ дѣйствіями русской кавалеріи въ 1877 и 1878 годахъ, но въ Германіи понимали и понимаютъ необходимость преобразованія конницы, организаціи кавалерійскихъ дивизій, введеніе однообразія въ вооруженіи, снаряженіи и обученіи. Написаны томы по этому предмету, но дѣло не подвигается. „Россія же разрѣшила эти вопросы однимъ почеркомъ." Въ будущихъ войнахъ кавалеріи придется играть бо́льшую роль нежели въ прежнихъ, только не на поляхъ большихъ битвъ. „Поставить кавалерію въ возможность немедленно по объявленіи войны вторгнуться въ непріятельскую землю и подготовить тактическое рѣшеніе есть задача къ которой стремятся всѣ арміи," стало-быть въ будущемъ съ самаго начала можно ждать крупныхъ кавалерійскихъ дѣлъ. Какъ всегда, побѣда останется за тѣмъ кто послѣднимъ введетъ въ дѣло резервы, но ежедневно будутъ случаи что кавалерія безъ хорошаго огнестрѣльнаго оружія, безъ умѣнья дѣйствовать пѣшкомъ, будетъ затрудняться въ исполненіи своей задачи. Войны Франко-Германская и Русско-Турецкая наглядно доказали это. Русская кавалерія вся обращена въ драгунъ, сведена въ дивизіи, снабжена ружьями, „а не карабинами;" ей можетъ быть поставлена всякая цѣль, всякая задача. Совсѣмъ въ другомъ положеніи будетъ конница безъ огнестрѣльнаго оружія. „Я испыталъ, говоритъ авторъ, что̀ значитъ давать кавалеріи не имѣющей ружей широкія задачи. Въ кампанію 1870 года, 1-я и 6-я нѣмецкія кавалерійскія дивизіи въ одинъ голосъ говорили что кавалерія *безъ пѣхоты* не можетъ идти впередъ." „Неужели ли же это теперь забыто!" Съ этого восклицанія раскрывается настоящая мысль статьи. „Не забудемъ, говоритъ далѣе авторъ, что если восточный фронтъ Германіи покрытый ручьями и озерами легко защищать, то все-таки кавалерійская дивизія, умѣющая драться пѣшимъ строемъ, разгонитъ загородившій ей дорогу пѣхотный баталіонъ —да и побольше—и откроетъ путь для дальнѣйшихъ операцій," а въ этомъ-то и все дѣло при войнѣ въ восточной части Пруссіи. Германія должна переформировать и перевооружить свою кавалерію, свести ее въ дивизіи и по примѣру Россіи подкрѣпить конною артиллеріей. Теперь есть де удобнѣйшее для этой реформы время: русскія преобразованія потянутся еще годы, а пока они не кончены, Россія о войнѣ и помышлять не можетъ.

Какой же выводъ можно сдѣлать изъ статей *Крестовой Газеты?* Германія нуждается въ мирѣ, Россія не готова къ войнѣ, и будетъ готова не скоро; перевѣсъ въ силѣ на сторонѣ Германіи. Она должна воспользоваться этимъ временемъ чтобы починить нѣкоторыя прорѣхи въ своей организаціи и преобразовать кавалерію. Нужно замѣтить что въ послѣдніе годы германское военное управленіе дѣйствовало и дѣйствуетъ именно такъ, но лишь нѣсколько въ иномъ направленіи. Военное начальство Германіи понимаетъ что развитію военныхъ силъ сосѣдей, особенно численному, нужно прежде всего противопоставить развитіе внутреннихъ качествъ и безъ того сильной нѣмецкой арміи. Вотъ почему очень уступчивое полтора года назадъ, когда зашла рѣчь объ обученіи рекрутскаго резерва предназначеннаго пополнять убыль въ арміи въ военное время, министерство настойчиво, до министерскаго кризиса включительно, добивается измѣненія пенсіоннаго устава, чтобъ имѣть возможность устранить изъ арміи престарѣлыхъ и уже не соотвѣтствующихъ своимъ должностямъ, „не способныхъ къ службѣ въ полѣ" офицеровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ высокими и рано назначаемыми пенсіями привлечь къ офицерской службѣ. Въ послѣдніе годы въ Германіи началъ было сказываться недостатокъ въ офицерахъ и именно въ младшихъ чинахъ, что̀ приписывали невыгодности военной карьеры съ ея слишкомъ тяжелымъ, медленнымъ чинопроизводствомъ. Устранить все это необходимо, ибо иначе нѣмецкая армія можетъ, съ чѣмъ соглашаются обѣ стороны,

испытать повтореніе неудачъ 1806 года. „Армія, въ голосъ говорятъ и правительство и оппозиція, не выноситъ застоя.“ Если такъ, то казалось бы что правительству и оппозиціи и спорить не о чемъ. Но въ томъ-то и дѣло что правительство и оппозиція съ 1862 года смотрятъ на военную реформу съ разныхъ точекъ зрѣнія. Оппозиція добивается короткаго срока службы, развитія между офицерами бюргерскаго элемента, устраненія того что̀ оппозиція зоветъ „духомъ военной касты,“ „исчадіемъ юнкерства;“ правительство, обратно, видитъ въ этихъ требованіяхъ путь ведущій къ милиціи, къ паденію военнаго духа, къ ослабленію военной силы Германіи.

№ 42.

Москва, 10-го февраля.

Въ числѣ вопросовъ обсуждавшихся на послѣднемъ съѣздѣ горнопромышленниковъ въ Харьковѣ, едва ли не первое мѣсто по своей важности занималъ вопросъ о мѣрахъ къ расширенію сбыта донецкаго минеральнаго топлива. Предъ нами лежитъ докладъ коммиссіи съѣзда по этому вопросу, сто̀ящій вниманія.

Прошла пора когда нужно было твердить о каменно-угольныхъ богатствахъ нашего юга для привлеченія предпринимателей которые занялись бы ихъ разработкой. Не мало людей уже взялись за это дѣло, положивъ въ него свои капиталы, и не мало другихъ готовы послѣдовать ихъ примѣру. Каменно-угольная промышленность на югѣ въ короткое время сдѣлала серіозные успѣхи; однако развивается она далеко не въ тѣхъ размѣрахъ какъ было бы возможно и, стало-быть, желательно. Развитіе ея задерживается затруднительностью сбыта угля, ограниченностью района этого сбыта и соперничествомъ иностраннаго угля тѣснящаго донецкій и съ юга, и съ запада, и съ сѣвера. Эти неблагопріятныя обстоятельства не только препятствуютъ приступамъ къ разработкѣ новыхъ копей, но мѣшаютъ эксплуатаціи и тѣхъ которыя уже разрабатываются: добывается угля много меньше чѣмъ нужно для Россіи, но много больше чѣмъ сколько можно его сбыть при существующихъ условіяхъ. Массы добытаго угля остаются на рукахъ у углепромышленниковъ, и не малыя количества подолгу лежатъ на нѣкоторыхъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ, ожидая отправки по назначенію. Понятно желаніе углепромышленниковъ высвободиться изъ-подъ различныхъ тисковъ ограничивающихъ сбытъ угля сравнительно тѣснымъ райономъ и тормозящихъ его даже въ предѣлахъ этого района. Въ этихъ видахъ давно выяснена и признана необходимость развитія путей сообщенія съ устройствомъ рельсовыхъ подъѣздныхъ путей отъ копей и заводовъ къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ, устройство портовъ и пристаней съ приспособленіями для перегрузки угля гдѣ онъ съ рельсовыхъ путей долженъ переходить на водные, усиленіе провозной способности желѣзныхъ дорогъ по которымъ идетъ и можетъ идти уголь, установленіе благопріятныхъ для его сбыта желѣзнодорожныхъ тарифовъ, обложеніе иностраннаго угля таможенною пошлиной и принятіе нѣкоторыхъ другихъ мѣръ.

Въ интересахъ своего дѣла, углепромышленники, вопервыхъ, хлопочутъ о скорѣйшей постройкѣ желѣзныхъ дорогъ уже признанныхъ необходимыми Комитетомъ Министровъ: Восточно-Донецкой (отъ ст. Звѣрево Козлово-Воронежской дороги къ Волгѣ) и Миллеровской, находя крайне желательнымъ чтобы къ постройкѣ этихъ дорогъ было приступлено не позже весны, ибо на промышленности отзывается вредно потеря каждаго лишняго года; вовторыхъ, выражаютъ желаніе чтобы былъ подвергнутъ всестороннему изученію проектъ желѣзной дороги отъ Воронежа до Ельца (около ста верстъ), которая, по предположеніямъ, особенно съ постройкой Миллеровской вѣтви, удешевила бы доставку донецкаго угля въ Москву на 3—3½ копѣйки въ пудѣ.

Важность постройки этихъ дорогъ, особенно Восточно-Донецкой, которая дала бы исходъ каменному углю въ нашу главнѣйшую внутреннюю систему водяныхъ сообщеній, по своей очевидности, находится внѣ всякаго сомнѣнія. Медлить ея постройкой нѣтъ основанія, такъ же какъ нѣтъ основанія медлить постройкой Сибирской дороги, которой страна ждетъ вотъ уже пятнадцать лѣтъ, постройка которой Высочайше утверждена еще въ 1875 году, и которая, однако, до сихъ поръ не строится, хотя каждый годъ промедленія даетъ себя чувствовать. О недостаткѣ средствъ на постройку такихъ дорогъ какъ Восточно-

Донецкая и въ особенности Сибирская не можетъ быть рѣчи, если оказываются средства на постройку дороги Самарско-Уфимской.

Кромѣ постройки нужныхъ для расширенія сбыта угля рельсовыхъ путей, углепромышленники просятъ о скорѣйшемъ сооруженіи Маріупольскаго порта, безъ чего построенная Маріупольская дорога не можетъ удовлетворять своему назначенію. Дѣйствительно, безъ порта въ который бы она упиралась, эта дорога была бы крупною ошибкой, а потраченныя на нее деньги чуть не брошенными даромъ. Далѣе, требуется углубленіе Таганрогскаго порта, устройство пристани въ Александровскѣ на Днѣпрѣ и принятіе мѣръ къ улучшенію фарватеровъ въ Донскихъ гирлахъ. Отсутствіе благоустроенныхъ пристаней съ приспособленіями для перегрузки угля дурно отзывается на его сбытѣ: перегрузка нынѣ ложится на цѣны донецкаго угля накладнымъ расходомъ въ двѣ и болѣе копѣйки на пудъ, а по отношенію къ такому товару какъ уголь двѣ копѣйки въ пудѣ во многихъ случаяхъ рѣшаютъ вопросъ быть или не быть сбыту. Затѣмъ, углепромышленники хлопочутъ объ освобожденіи ихъ угля и антрацита отъ другаго накладнаго расхода, какимъ ложатся на него попудные сборы въ пользу Таганрога, Маріуполя и другихъ городовъ, и о запрещеніи подобныхъ сборовъ пока каменноугольная промышленность не разовьется вполнѣ и пока не установится сбытъ угля въ Черноморскомъ бассейнѣ. Трудно усомниться въ основательности такого ходатайства. Разные мѣстные городскіе интересы требующіе прiисканія источниковъ для поддержанія равновѣсія въ городскихъ бюджетахъ могутъ быть болѣе или менѣе уважительны; но несравненно важнѣе государственная задача развить нашу каменно-угольную промышленность. Ради этой задачи потрачены, тратятся и будутъ тратиться десятки милліоновъ рублей, и въ виду этого нельзя допускать чтобъ успѣхъ дѣла тормозился въ угоду мелочнымъ сравнительно интересамъ. Полагаемъ что разчетливѣе дать инымъ городамъ субсидію, если ужь они не могутъ безъ этого обойтись, чѣмъ допускать сборы приносящіе важной промышленности ущербъ несравненно большій тѣхъ суммъ которыя эти сборы даютъ городамъ.

Но едва ли не самымъ горячимъ вопросомъ для углепромышленности является въ настоящую минуту вопросъ о желѣзнодорожныхъ тарифахъ по перевозкѣ угля. Вотъ что пишутъ намъ по этому предмету изъ Харькова:

„Семь лѣтъ мы безуспѣшно ходатайствуемъ о пониженіи желѣзнодорожныхъ тарифовъ по перевозкѣ угля. Наконецъ, на послѣднемъ съѣздѣ, по предложенію министра Государственныхъ Имуществъ, былъ разсмотрѣнъ вопросъ о пониженіи тарифа на дальнія разстоянія безъ повышенія на ближайшія. Но представители желѣзныхъ дорогъ нашли возможнымъ сдѣлать пониженіе тарифа лишь при условіи повышенія его на ближайшія разстоянія. Такъ, представитель Курско-Харьково-Азовской дороги предложилъ ввести дифференціальный тарифъ такого рода чтобы, повысивъ ставки для ближайшихъ рынковъ, понизить оныя для отдаленныхъ, притомъ такъ чтобы средняя выручка съ пудо-версты осталась не уменьшенною, или чтобы въ среднемъ итогѣ дѣйствующіе тарифы остались тѣ же. Когда же дошло дѣло до разчета, то оказалось что для всего настоящаго района потребленія донецкаго угля пришлось бы повысить тарифъ отъ 1 до 2 копѣекъ на пудъ, словомъ удорожить уголь тамъ гдѣ онъ борется съ дровами и иностраннымъ углемъ и понизить тарифъ для тѣхъ пунктовъ гдѣ нашъ уголь пока совсѣмъ не употребляется. Все это не можетъ быть допущено при настоящемъ положеніи каменно-угольной промышленности и съѣздъ отвергъ это предложеніе, постановивъ просить правительство установить тарифъ до $^1/_{70}$ за Знаменку, за Серпуховъ и т. д., но не допускать повышенія тарифа для ближайшихъ рынковъ."

У желѣзныхъ дорогъ, конечно, могутъ быть свои разчеты по которымъ для нихъ была бы выгоднѣе предлагаемая ими комбинація дифференціальныхъ тарифовъ, отъ $^1/_{40}$ до $^1/_{70}$ копѣйки съ пуда и версты, смотря по разстояніямъ перевозки. Можетъ-быть въ нѣкоторой, но конечно не въ такой степени какъ требуютъ иные представители желѣзно-дорожнаго міра, и могли бы быть въ этомъ дѣлѣ допущены нѣкоторыя уступки спеціальнымъ желѣзнодорожнымъ интересамъ. Но нельзя забывать какъ часто проявляется у насъ антагонизмъ между этими спеціальными интересами и насущными нуждами страны, нельзя забывать что желѣзныя дороги строились не для удобствъ тѣхъ кто ихъ экс-

плуатируетъ. Ежегодныя громадныя казенныя приплаты по желѣзнодорожному хозяйству тяжело ложатся на податныя, производительныя силы страны, и нельзя не требовать чтобъ эти тягости выкупались соотвѣтственными услугами дорогъ русскому производству. Сомнительно чтобы можно было достигнуть установленія полнаго соотвѣтствія между желѣзнодорожными порядками и тѣми цѣлями которымъ рельсовыя сообщенія должны удовлетворять, пока не совершится выкупъ казною дорогъ у разнокалиберныхъ обществъ которыя ими распоряжаются. Выкупъ дорогъ у насъ необходимѣе чѣмъ въ какой другой странѣ: только этимъ путемъ можетъ быть положенъ конецъ той сложной, причудливой и измѣнчивой игрѣ желѣзнодорожныхъ тарифовъ и распорядковъ, къ которымъ волею-неволей приходится примѣняться всему народно-хозяйственному быту терпящему отъ того неисчислимыя невыгоды. Но и до выкупа дорогъ необходимо установить дѣйствительное, не фиктивное только, подчиненіе государству желѣзныхъ дорогъ и ихъ провозныхъ тарифовъ.

Другой важный для угольной промышленности вопросъ есть наложеніе таможенныхъ пошлинъ на привозный уголь. Можно спорить о размѣрахъ этого таможеннаго обложенія по морской и сухопутной границѣ, о высотѣ пошлинъ какія должны быть взимаемы съ привознаго угля, съ одной стороны, въ Балтійскихъ, съ другой въ Черноморскихъ портахъ; но послѣ продолжительнаго и разносторонняго обсужденія вопроса, кажется, можно думать что необходимость наложенія пошлинъ на привозный уголь должна быть признана по крайней мѣрѣ въ принципѣ. Наложенія этой пошлины ждали еще въ ту пору когда обсуждались измѣненія въ таможенномъ тарифѣ по Европейской торговлѣ, утвержденныя 1 іюня минувшаго года. Эти ожиданія не оправдались, но можно надѣяться что остается не долго ждать ихъ осуществленія.

№ 43.

Москва, 11-го февраля.

Представители великихъ державъ собравшіеся въ Лондонѣ на конференціи для рѣшенія Дунайскаго вопроса обсудили уже бо́льшую часть бывшихъ на очереди вопросовъ, и конференція будетъ вѣроятно скоро закрыта. Хотя постановленія конференціи оффиціально сохраняются въ тайнѣ, однако газетные репортеры ухитрились, какъ это обыкновенно бываетъ, сообщать результатъ каждаго засѣданія. Судя по отзывамъ газетъ, въ особенности австрійскихъ, болѣе другихъ интересующихся Дунайскимъ вопросомъ, засѣданія эти имѣли самый мирный характеръ, и представители великихъ державъ выказали де на этотъ разъ необыкновенное единодушіе. Прежде всего единогласно рѣшено устранить Румынію отъ участія въ засѣданіяхъ конференціи съ правомъ рѣшающаго голоса, затѣмъ единогласно принято предложеніе делегата Франціи въ международной коммиссіи, г. Баррера, объ учрежденіи особой commission mixte, въ составъ коей, кромѣ представителей Австро-Венгріи, Румыніи, Болгаріи и Сербіи, должны входить по очереди одинъ изъ членовъ международной коммиссіи; далѣе одобрено требованіе Россіи „о предоставленіи ей производить работы въ Килійскомъ гирлѣ;“ причемъ однако конференція также „единодушно“ потребовала отъ Россіи „нѣкоторыхъ гарантій касательно взиманія таксы“ съ судовъ которыя современемъ будутъ проходить по Килійскому гирлу; и наконецъ, въ одно изъ послѣднихъ засѣданій, рѣшенъ вопросъ о продленіи полномочій международной коммиссіи и о расширеніи ея юрисдикціи на участокъ отъ Галаца до Браилова. Единодушіе выказанное представителями державъ поистинѣ умилительно, въ особенности если принять во вниманіе что интересы этихъ державъ на нижнемъ Дунаѣ во многомъ діаметрально противоположны. Всѣ скептики теперь должны убѣдиться что „Европа“ не есть миѳъ, и что постановленія принятыя представителями великихъ державъ обязательны для всѣхъ кого они касаются и противъ кого направлены...

Итакъ, въ академическомъ смыслѣ Дунайскій вопросъ можно считать вполнѣ рѣшеннымъ; но этого очень мало. Дѣло въ томъ что какъ Румынія такъ и Болгарія отказываются признать для себя обязательными постановленія конференціи, и дѣлаютъ по этому вопросу торжественный протестъ. Народное представительство какъ въ Букурештѣ такъ и въ Софіи едино-

душно одобрило заявленія министровъ объ этомъ вопросѣ касающемся первостепенныхъ интересовъ Болгаріи и Румыніи. Послѣдняя, надобно согласиться, имѣла бы право участвовать въ конференціи съ рѣшающимъ голосомъ, такъ какъ въ силу Берлинскаго трактата Румынія имѣетъ своего представителя въ международной коммиссіи, а Лондонская конференція созвана главнымъ образомъ для того чтобы рѣшить вопросъ о продленіи полномочій этой коммиссіи, истекающихъ въ концѣ апрѣля. Да и кромѣ того вопросъ объ учрежденіи „смѣшанной" коммиссіи, долженствующей между прочимъ распоряжаться на Румынской территоріи, конечно касается интересовъ этого государства. Первоначально державы отнеслись къ требованію Румыніи весьма сочувственно и вопросъ объ участіи ея въ конференціи считался рѣшеннымъ даже въ австрійскихъ офиціозныхъ кругахъ. Но когда выяснилось что представитель Румыніи будетъ рѣшительно отстаивать интересы Румыніи противъ чрезмѣрныхъ притязаній Австро-Венгріи, лондонскіе дипломаты изъ опасенія поставить на карту результатъ конференціи (рѣшенія конференціи принимаются только „единогласно") рѣшили устранить Румынію для того чтобы дѣло „сошло гладко," хотя практическое примѣненіе торжественнаго постановленія представителей великихъ державъ стало теперь болѣе чѣмъ сомнительнымъ.

Что касается положенія принятаго по отношенію къ конференціи Болгарскимъ правительствомъ, то его также нельзя не признать правильнымъ. Но дать Болгаріи хотя бы только *совѣщательный* голосъ при рѣшеніи вопроса объ интересахъ княжества оказалось невозможнымъ, ибо это нарушило бы верховныя права Турціи, не имѣющей на Дунаѣ никакихъ интересовъ. Что результатъ Дунайской конференціи не очень удаченъ, это видно между прочимъ по тону вѣнской печати. Офиціозныя вѣнскія газеты заявляютъ въ примирительномъ тонѣ что Австрія можетъ довольствоваться уже тѣмъ что предложеніе Баррера одобрено всѣми державами, хотя вопросъ объ осуществленіи этого проекта еще далеко не рѣшонъ. Даже органъ графа Андраши, *Пештскій Ллойдъ,* обыкновенно относившійся весьма свысока къ требованіямъ Румыніи, и тотъ признается что упорное сопротивленіе Румыніи есть фактъ въ высшей степени неудобный, и утѣшаетъ затѣмъ своихъ читателей всеобщимъ сочувствіемъ какое встрѣтила де Австро-Венгрія со стороны всѣхъ безъ исключенія великихъ державъ, причемъ предлагаетъ Австрійскому правительству войти въ сдѣлку съ Румыніей и сдѣлать ей нѣкоторыя уступки. Удастся ли этотъ планъ покажетъ будущее (кромѣ Румыніи придется входить въ сдѣлку и съ Болгаріей), во всякомъ случаѣ результатъ Дунайской конференціи не оправдалъ ни чьихъ ожиданій, и если Румынское и Болгарское правительства будутъ послѣдовательны, то пресловутому проекту Баррера еще далеко до осуществленія. Единственнымъ положительнымъ результатомъ конференціи можно считать послѣднее постановленіе ея о продленіи полномочій международной коммиссіи, въ которомъ болѣе другихъ заинтересована Англія. Но и это рѣшеніе теряетъ свое значеніе если принять во вниманіе что полномочія коммиссіи продолжены только на $5^1/_2$ лѣтъ. Члены конференціи, повидимому, сами хорошо понимаютъ что рѣшеніе вопросовъ первостепенной важности безъ участія тѣхъ государствъ коихъ они касаются не имѣетъ большаго значенія. Вѣроятно, они оттого и ограничились столь короткимъ срокомъ что сами придаютъ своимъ постановленіямъ характеръ лишь временный.

№ 44.

Москва, 12-го февраля.

А.

Вчерашнее засѣданіе англійскаго парламента, о коемъ вкратцѣ сообщаетъ телеграфъ, будетъ вѣроятно поворотнымъ пунктомъ въ судьбѣ теперешняго англійскаго кабинета. Ударъ ему нанесенъ не противникомъ, но однимъ изъ ближайшихъ друзей. Бывшій членъ кабинета и недавній статсъ секретарь по дѣламъ Ирландіи, г. Форстеръ, рѣшился прервать молчаніе которое онъ хранилъ съ тѣхъ поръ какъ разногласіе съ главой кабинета заставило его покинуть свой постъ. Онъ произнесъ рѣчь направленную главнымъ образомъ противъ Ирландской Лиги, изобличая ее въ непосредственномъ сообщничествѣ съ тою шайкой убійцъ которая судится теперь въ Дублинѣ. Но разоблаче-

нія г. Форстера были тяжелымъ пораженіемъ не для однихъ *гомрулеровъ*; въ нихъ косвенно выражалось рѣзкое порицаніе ирландской политики нынѣшняго кабинета, и потому рѣчь эта произвела, судя по отзывамъ англійской печати, потрясающее впечатлѣніе. При той дисциплинѣ которая господствуетъ въ средѣ англійскихъ политическихъ партій зловѣщимъ для кабинета признакомъ служитъ уже то что г. Форстеръ рѣшился прервать молчаніе которое онъ хранилъ въ теченіе почти цѣлаго года, хотя ни для кого не было тайной что онъ вышелъ изъ кабинета именно потому что рѣшительно не раздѣлялъ мнѣнія г. Гладстона о необходимости умиротворить Ирландію уступками и поблажками той партіи которая извѣстна подъ именемъ Ирландской Лиги и не имѣетъ будто бы ничего общаго съ дѣйствующими въ темнотѣ убійцами. Г. Форстеръ заявилъ на этотъ разъ открыто что онъ вышелъ изъ кабинета вслѣдствіе отказа дать ему дальнѣйшія полномочія на принудительныя мѣры кои, по его мнѣнію, слѣдовало направить не только противъ скрывающихся во мракѣ заговорщиковъ, дѣйствующихъ кинжаломъ и динамитомъ, но и противъ „легальныхъ“ агитаторовъ съ г. Парнелломъ во главѣ, которые офиціально отрекаясь ото всякой солидарности съ убійцами, въ дѣйствительности имъ потворствуютъ. Легко представить себѣ какое значеніе должно было имѣть это заявленіе теперь, когда по судебному разбирательству производящемуся въ Дублинѣ выяснилось что тотъ самый членъ Земельной Лиги, который по рекомендаціи г. Парнелла велъ переговоры съ г. Гладстономъ во время заключенія такъ-называемаго Кильмангамскаго соглашенія между *гомрулерами* и г. Гладстономъ, оказывается нынѣ однимъ изъ сообщниковъ убійства лорда Кавендиша и г. Борка. Это высказалъ на судѣ свидѣтель Кери который самъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ убійства и который нарисовалъ предъ судомъ потрясающую картину этого убійства. Изъ этого показанія видно, между прочимъ, что главные руководители этого сообщества находились въ Лондонѣ, откуда получены были самые кинжалы съ помощью которыхъ было совершено убійство. Во главѣ заговорщиковъ стояла личность извѣстная самимъ убійцамъ не по имени, а какъ „нумеръ первый.“ Этотъ заправитель дѣлъ обладалъ, по показанію Кери, неограниченными денежными средствами; вообще же сами убійцы были того мнѣнія что денежныя средства доставлялись имъ отъ Земельной Лиги.

Поразительнѣе всего то что г. Гладстонъ и теперь повидимому упорно придерживается своего взгляда. Въ этомъ отношеніи сообщены были на дняхъ любопытныя свѣдѣнія о бесѣдѣ которую имѣлъ г. Гладстонъ во время своего пребыванія въ Каннахъ съ вожакомъ французскихъ радикаловъ г. Клемансо. Англійскій премьеръ почему-то воспользовался своимъ пребываніемъ на французской территоріи для свиданія именно съ этимъ претендентомъ на вакантное мѣсто руководителя французской политики открывшееся по смерти Гамбетты. Г. Клемансо, какъ полагаютъ, снискалъ себѣ расположеніе г. Гладстона тѣмъ что онъ менѣе всѣхъ прочихъ говоруновъ французской палаты нападалъ на англійскую экспедицію въ Египетъ. Какъ бы то ни было, г. Клемансо былъ весьма любезно принятъ г. Гладстономъ, и содержаніе ихъ бесѣды сообщено было всѣми французскими и англійскими газетами. Между прочимъ г. Гладстонъ коснулся въ этой бесѣдѣ и вопроса объ Ирландіи и высказалъ по этому поводу вожаку французскихъ радикаловъ будто бы такія предположенія: „мы отмѣнили,“ сказалъ г. Гладстонъ, „преобладающее положеніе англиканской церкви въ Ирландіи, мы облегчили многія тягости для ирландскихъ фермеровъ; а теперь мы имѣемъ въ виду создать въ Ирландіи такое положеніе при коемъ самый послѣдній изъ Ирландцевъ долженъ проникнуться убѣжденіемъ что онъ обладаетъ долей правительственной власти и что управленіе совершается чрезъ него и для него.“ Изреченіе это, темное и неопредѣленное какъ оракулъ, породило однако не мало толковъ и послужило новымъ поводомъ для нападокъ на англійскаго премьера, который еще теперь считаетъ возможнымъ заигрывать съ ирландскими гомрулерами какъ бы укрѣпляя ихъ въ убѣжденіи что правительство будетъ для нихъ тѣмъ уступчивѣе чѣмъ смѣлѣе они будутъ въ своихъ требованіяхъ.

Судя по нѣкоторымъ, хотя пока весьма осторожнымъ намекамъ англійскихъ газетъ, такое настроеніе г. Гладстона по отношенію къ ирландскихъ агитаторамъ грозитъ

полнымъ раздвоеніемъ въ нѣдрахъ теперешняго кабинета. Вліятельнѣйшій послѣ премьера членъ кабинета, маркизъ Гартингтонъ, почти не скрываетъ своего недовольства противъ подобной политики, и если нападки оппозиціи не будутъ имѣть прямымъ послѣдствіемъ паденіе кабинета, то весьма вѣроятно что маркизъ Гартингтонъ послѣдуетъ примѣру г. Форстера и выйдетъ въ отставку; а это несомнѣнно повлечетъ за собою отпаденіе отъ г. Гладстона большинства той партіи виговъ, которые хотя и вступили въ союзъ съ радикальною фракціей, но отнюдь съ нею не слились

Б.

Мы не знаемъ продолжаютъ ли *Русскія Вѣдомости* служить органомъ нѣкоторыхъ господъ профессоровъ здѣшняго Университета, но еслибы мы придавали какое-либо значеніе мнѣніямъ этой газеты и еслибы притомъ были очень самолюбивы, то намъ не могло бы не польстить то благоговѣніе съ какимъ эта газета относится къ нашему авторитету, что̀ особенно выразилось въ ея нынѣшнемъ нумерѣ. Эти господа почему-то полагаютъ что институту нашихъ присяжныхъ засѣдателей грозитъ опасность, и чтобы защитить этотъ институтъ не находятъ ничего лучшаго какъ сослаться на авторитетъ нашихъ мнѣній высказанныхъ почти за двадцать лѣтъ предъ симъ. Нужды нѣтъ что этотъ несчастный судъ присяжныхъ съ тѣхъ поръ осрамился, что онъ въ томъ видѣ какъ практикуется у насъ являетъ собою поруганіе правосудія, что жизнь которой онъ навязанъ вопіетъ противъ него,—нужды нѣтъ, пусть зло остается во всей своей силѣ, ибо за семнадцать лѣтъ предъ симъ *Московскія Вѣдомости* отзывались благопріятно о судѣ присяжныхъ. *Московскія Вѣдомости* не погрѣшимы: если онѣ рекомендовали это учрежденіе, то надобно держаться его во что̀ бы то ни стало, хотя бы двадцатилѣтній опытъ доказалъ его негодность.

Но мы не хотимъ быть предметомъ столь рабскаго культа, мы не хотимъ быть въ такой степени непогрѣшимымъ авторитетомъ чтобы наше слово когда-то сказанное имѣло болѣе значенія чѣмъ вопіющее свидѣтельство опыта. Въ этомъ институтѣ разочаровалась вся Европа, всѣ тѣ страны гдѣ онъ введенъ былъ шаблоннымъ порядкомъ. Въ Германіи на очереди вопросъ о замѣнѣ этого института чѣмъ-нибудь инымъ. Если цѣлый міръ ошибался, почему же было и намъ не ошибиться?

Но если газета вызвавшая эти строки была бы столько же честною сколько хочетъ казаться либеральною, еслибъ она изучала наши давнія статьи не только благоговѣйно, но и добросовѣстно, то она должна бы знать что мы были рѣшительными противниками именно того учрежденія которое введено у насъ судебною реформой подъ именемъ присяжныхъ засѣдателей. Насъ, равно какъ и всю Европу, плѣняла мысль о судѣ основанномъ на живомъ убѣжденіи человѣческой совѣсти, и намъ при обсужденіи реформы предносился тотъ судъ присяжныхъ который дѣйствительно основанъ на этомъ началѣ. Судъ присяжныхъ въ этомъ смыслѣ исторически выработался въ Англіи и не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ шаблоннымъ учрежденіемъ которое, въ подражаніе англійскимъ порядкамъ, сфабриковано было во Франціи, распространилось потомъ по всей Европѣ и перешло къ намъ. Существенное и характеристическое отличіе суда присяжныхъ въ Англіи заключается въ единогласіи приговора. Двѣнадцать человѣкъ призванныхъ рѣшать вопросъ о виновности должны вынести единогласный приговоръ. Одиннадцать находятъ подсудимаго виновнымъ или невиновнымъ, но одинъ остается при своемъ убѣжденіи, и приговоръ не состоялся. Вотъ судъ основанный на убѣжденіи совѣсти. Но какой смыслъ имѣетъ судъ присяжныхъ составленный изъ случайно набранныхъ, или скорѣе подобранныхъ, какъ у насъ часто бываетъ, двѣнадцати человѣкъ которые рѣшаютъ дѣло по большинству голосовъ? Совѣстью одаренъ человѣкъ, а не случайная толпа, и какая гарантія въ томъ что семеро признали фактъ, а пятеро не признали, или наоборотъ? Затѣмъ, въ Англіи судъ присяжныхъ находитъ коррективъ себѣ въ высокомъ авторитетѣ судьи (какихъ на всю Англію имѣется только шестнадцать), который имѣетъ право отсылать присяжныхъ обратно въ ихъ камеру.

Итакъ, предъ реформой мы отстаивали настоящій судъ присяжныхъ противъ поддѣлки его которая введена была къ намъ подъ этимъ именемъ, и которой негодность чувствуется вездѣ, а у насъ болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь.

Но еслибы теперь возникъ вопросъ о судѣ присяжныхъ, то послѣ сдѣланнаго опыта рѣшились ли бы мы рекомендовать его въ улучшенномъ видѣ? Признаемся, безобразія какими ознаменовано почти двадцатилѣтнее существованіе его у насъ не располагаютъ къ новому опыту. Однако мы не считаемъ невозможнымъ возвратить, не разрушая, къ здравому смыслу и судъ присяжныхъ, и многое другое въ нашихъ судебныхъ порядкахъ.

Судъ присяжныхъ можетъ соотвѣтствовать своей идеѣ только при условіи единогласія. Но условіе это сопряжено съ тяжкими своего рода затрудненіями. Чего же требуетъ здравый смыслъ? Единогласный приговоръ двѣнадцати человѣкъ можетъ считаться достаточною гарантіей въ дѣлѣ правосудія; въ случаѣ же разногласія пусть рѣшаетъ судъ, и пусть выборъ того или другаго приговора падаетъ вполнѣ на его отвѣтственность.

При обсужденіи судебной реформы, мы держались во многомъ началъ противоположныхъ тѣмъ какія потомъ были приняты законодательствомъ. Многаго не могли мы одобрить въ этой реформѣ, но когда она состоялась, мы считали своимъ долгомъ защищать юное и слабое учрежденіе окруженное непріязненными ему силами. Въ первые годы своего существованія оно дѣйствительно подвергалось опасности, и мы, *только мы одни*, являлись на защиту его. Но время протекало, быстро измѣнялось все вокругъ, и новое учрежденіе изъ притѣсняемаго и гонимаго стало само притѣснителемъ. Обнаружились тѣ фальшивыя начала которыя вошли въ его организацію и отъ которыхъ мы предостерегали, и опытъ оправдалъ наши опасенія. Между судебными учрежденіями за семнадцать лѣтъ предъ симъ, и судебными учрежденіями оправдавшими Вѣру Засуличъ цѣлая бездна. Не мы измѣнились въ отношеніи къ судебнымъ учрежденіямъ, измѣнилось ихъ положеніе въ народной жизни и ихъ характеръ. Тотъ самый долгъ который прежде обязывалъ насъ защищать ихъ, теперь обязываетъ выступать съ обличеніемъ противъ нихъ.

Еслибы *Русскія Вѣдомости* дѣйствительно честно относились къ поднятому ими вопросу, то они не позволили бы себѣ сказать что мы при обсужденіи дѣла Пейчъ находили что „органы суда должны руководствоваться не только указаніями губернаторовъ, но даже плясать по дудкѣ дивизіонныхъ генераловъ, предводителей дворянства и вообще членовъ порядочнаго общества.“ Ничего подобнаго нами не было и не могло быть сказано. Мы протестовали и протестуемъ противъ судебнаго произвола, находили и находимъ что онъ не только не лучше, но хуже произвола административнаго...

№ 46.

Москва, 14-го февраля.

Морское Министерство перебило у Круппа покупку трети паевъ Обуховскаго сталелитейнаго завода; за то иностранная компанія Ротвель успѣла заарендовать на Невѣ, подъ Шлиссельбургомъ, 2.000 десятинъ земли подъ пороховой заводъ. Заводъ еще не построенъ, а компанія уже успѣла вступить въ подрядъ съ казной и заключить контрактъ на изготовленіе *ежегодно пяти тысячъ* пудовъ пороха разныхъ сортовъ, въ томъ числѣ и „призматическаго.“ Отъ помощи иностранцевъ въ изготовленіи средствъ государственной обороны мы или не хотимъ, или не умѣемъ отдѣлаться...

Скажутъ что на этотъ разъ иностранцы строятъ заводъ у насъ дома, затрачиваютъ свои капиталы въ Россіи, и что это не только не вредно, но даже полезно для насъ. Все это было бы plausible, еслибы дѣло шло о ситцевой или суконной фабрикѣ, а не о пороховомъ заводѣ. Вопервыхъ, частное пороходѣліе у насъ только что начинаетъ развиваться и пока еще не можетъ выдержать конкурренціи съ заводомъ построеннымъ на средства богатѣйшей въ Европѣ пороходѣльной компаніи; вовторыхъ, Шлиссельбургскій заводъ не самостоятельное учрежденіе, а филіальное, управляемое и направляемое изъ-за границы. Заработковъ нашему рабочему люду оно не дастъ, даже угольщикамъ; пороховой техники у насъ впередъ не подвинетъ. Работать на Ротвелевскомъ заводѣ подъ Шлиссельбургомъ будутъ иностранцы по указаніямъ своего заграничнаго правленія и своихъ главныхъ техниковъ, пребывающихъ также заграницей. Въ пороховомъ производствѣ многое основано не на указаніяхъ теоріи, а на пріемахъ выработанныхъ опытомъ; каж-

дый заводъ имѣетъ свой секретъ, каждый сортъ пороха требуетъ особой сноровки. Наши заводы работающіе на казну, въ случаѣ надобности, могутъ и подѣлиться своими секретами; но такъ ли поступитъ заводъ иностранной компаніи? Въ новѣйшей артиллеріи порохъ играетъ далеко болѣе важную роль нежели прежде. Чуть ли не каждый родъ орудій требуетъ особаго сорта пороха, а какого именно, какихъ свойствъ и качествъ, это необходимо опредѣлять болѣе или менѣе продолжительными и сложными опытами какихъ безъ содѣйствія пороховаго завода и исполнить нельзя. Какое значеніе имѣютъ эти опыты для артиллеріи, лучше всего показываетъ примѣръ Германіи. Тамъ въ послѣднее время производились обширные опыты надъ крупно-зернистымъ или такъ-называемымъ „гальковымъ" порохомъ, а какіе при этомъ получены результаты, о томъ пока никому не вѣдомо; Германское правительство не считаетъ даже возможнымъ обнародовать хотя бы общіе выводы изъ своихъ наблюденій. Мало того, на дняхъ, въ германскомъ морскомъ вѣдомствѣ сдѣлано распоряженіе чтобы свѣдѣнія о матеріальной части корабельной артиллеріи не могли быть сообщаемы никому за исключеніемъ лицъ служащихъ во флотѣ, и то для надобностей службы. Въ сухопутныхъ войскахъ такое постановленіе дѣйствуетъ въ Германіи уже давно. А мы вынуждены будемъ дѣлиться нашими свѣдѣніями съ заводомъ иностранной компаніи, которая сумѣетъ извлечь изъ нихъ для себя такую же пользу какую въ свое время извлекли Берданъ, Круппъ и Гатлингъ, выдававшіе труды русскихъ артиллеристовъ за свои.

Къ помощи иностранцевъ приходится прибѣгать когда нѣтъ своихъ рабочихъ рукъ и силъ, пока дѣло еще не установилось; даже Англичане за порохомъ для своихъ самыхъ большихъ морскихъ пушекъ обращаются на Рейнъ. Но зачѣмъ прибѣгать къ иностранцамъ когда въ ихъ пособіи нѣтъ настоятельной надобности? И можно ли постоянно пользоваться ихъ услугами? У насъ есть свои спеціалисты въ дѣлѣ пороховаго производства. Мы могли бы стоять въ этомъ дѣлѣ не позади, а впереди другихъ. Россія первая въ Европѣ стала приготовлять, много лѣтъ назадъ, призматическій порохъ. Отъ насъ онъ перешелъ въ Германію, а теперь мы нуждаемся будто бы въ услугахъ Ротвелевской компаніи! Съ начала семидесятыхъ годовъ, у насъ производились опыты надъ различными сортами пороха, въ этихъ опытахъ принимали участіе наши лучшіе артиллеристы, пользующіеся европейскою извѣстностью, а между тѣмъ въ прошлую войну мы стрѣляли изъ ружей Бердана порохомъ для нихъ непригоднымъ; для заказанной въ 1877 году дальнобойной артиллеріи точно также пришлось выписывать, вмѣстѣ съ пушками, порохъ изъ Германіи.

Какъ и почему все это случается было бы очень любопытно разъяснить, особенно теперь когда возникъ вопросъ о преобразованіи и надлежащемъ устройствѣ техническихъ вѣдомствъ, о взаимномъ контролѣ и взаимномъ содѣйствіи между ними. Говорятъ, между прочимъ, что давно установившіеся у насъ постоянные строго спеціализованные, мало освѣжаемые въ своемъ личномъ составѣ „ученые" техническіе комитеты не только не содѣйствуютъ быстрому развитію извѣстныхъ производствъ, но напротивъ тормозятъ дѣло. Въ самомъ дѣлѣ, у насъ имѣется „ученый" артиллерійскій комитетъ, съ постоянными и совѣщательными членами, а между тѣмъ и пушку, и ружье, и стальной бронепробивающій снарядъ мы беремъ изъ-за границы и притомъ позднѣе другихъ. У насъ есть инженерный комитетъ, тоже ученый, а въ дѣлѣ сооруженія крѣпостей мы опять позади сосѣда. Въ кампанію наши войска выступили съ недостаточнымъ числомъ шанцеваго инструмента, да и то далеко не удобнаго, и вышло такъ что солдаты, набрасывая себѣ закрытія, рыли землю руками и крышками походныхъ котелковъ. Есть ученый комитетъ генеральнаго штаба, но не было порядочныхъ картъ Турціи, съ которою мы начали войну почти ничего не зная о производительныхъ силахъ того края гдѣ намъ приходилось дѣйствовать. Этого мало. Наши ученые комитеты, обходясь казнѣ не дешево, не избавляютъ насъ даже отъ разнаго рода накладныхъ расходовъ по учрежденію временныхъ коммиссій, особенно по артиллерійскому вѣдомству. Стóитъ припомнить что и тѣ ружья которыми главнымъ образомъ были снабжены наши войска въ минувшую кампанію введены у насъ почти исключительно трудами двухъ особыхъ коммиссій, одной распорядительной, другой

исполнительной. Вопросъ о томъ можно или нельзя изготовлять въ Россіи стальные бронепробивающіе снаряды точно также пришлось отдать на обсужденіе особой коммиссіи. Если такъ, если при существованіи постоянныхъ ученыхъ комитетовъ приходится еще обращаться къ составленію спеціальныхъ ad hoc коммиссій, то не лучше ли довольствоваться только послѣдними? Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра. Не будь у насъ ученаго артиллерійскаго комитета, пожалуй никогда не былъ бы открытъ какой-то жучокъ будто бы пожирающій порохъ!

№ 47.

Москва, 15-го февраля.

Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ длится общій и повсемѣстный промышленный и торговый кризисъ. У торговцевъ нейдутъ съ рукъ товары, покупатели забираютъ ихъ въ половинномъ и часто менѣе чѣмъ въ половинномъ количествѣ противъ того какъ покупались они обычно. Съ нераспроданными запасами товаровъ на рукахъ, не имѣя въ виду усиленія ихъ распродажи въ близкомъ будущемъ, торговцы воздерживаются отъ заказовъ и закупокъ новыхъ партій товаровъ. Не трудно понять какъ такое положеніе торговыхъ дѣлъ должно отзываться на производствѣ. Необходимый для правильнаго хода производства оборотъ капиталовъ нарушенъ. Деньги затраченныя на производство фабрикантомъ или заводчикомъ не возвращаются къ нему путемъ продажи продуктовъ чтобы давать ему средства для дальнѣйшаго веденія дѣла. Сильное сокращеніе сбыта, граничащее съ пріостановкой его, такъ какъ и сокращенный сбытъ возможенъ лишь при значительномъ пониженіи цѣнъ, ведетъ къ тому что фабрики и заводы занимаются выработкой товаровъ не для снабженія ими потребителей, а главнымъ образомъ для наполненія своихъ же складовъ. И по приходящимъ отовсюду свѣдѣніямъ, фабричные и заводскіе склады переполнены массой нейдущихъ съ рукъ товаровъ. Работать для наполненія своихъ складовъ, при невозможности продать заготовленные товары по сходнымъ и сноснымъ цѣнамъ чтобы выручить деньги затраченныя на производство, дѣло не только невыгодное, но и опасное во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего, оно можетъ вести къ банкротствамъ совершенно особаго рода, къ несостоятельности фирмъ у которыхъ активъ значительно выше пассива, но которыя недостаткомъ сбыта ставятся въ невозможность оплачивать свои срочныя обязательства, потому что ихъ капиталы заключаются въ массахъ товара, и эти капиталы, при данныхъ обстоятельствахъ, не могутъ быть обращены въ деньги соотвѣтственно разчету по какому срочныя обязательства выдавались. Затѣмъ производство не для сбыта, а для переполненія фабричныхъ складовъ, кромѣ вышеупомянутыхъ разорительныхъ несостоятельностей со всѣми ихъ печальными, широко развѣтвляющимися послѣдствіями, ведетъ еще къ другому злу,—къ продленію кризиса противъ того періода времени какимъ онъ могъ бы ограничиться, ибо излишне заготовленный, переполнившій склады товаръ не перестанетъ угнетать рынки сбыта до тѣхъ поръ пока не разойдется между потребителями. Для крупныхъ и сильныхъ фирмъ, конечно, все это имѣетъ сравнительно меньшее значеніе: имъ менѣе грозитъ опасность несостоятельности, имъ легче пережить кризисъ еслибъ онъ и затянулся еще на нѣкоторое время. Но не такова участь фирмъ мелкаго и средняго калибра: имъ прямо грозитъ разореніе, которое только облегчитъ монополизацію производства въ рукахъ крупныхъ и сильныхъ производителей.

Извѣстенъ рецептъ прописываемый политико-экономами въ случаяхъ подобныхъ нашему нынѣшнему промышленному кризису для ослабленія его вредныхъ послѣдствій: необходимо временное сокращеніе производства, приведеніе его въ соразмѣрность съ видами на сбытъ производимыхъ продуктовъ. Чтобы знать этотъ рецептъ и его цѣлебность не требуется, впрочемъ, знакомства ни съ политико-экономическою, ни съ иными науками: сокращать и даже прекращать производство во время кризиса вынуждаетъ фабриканта прямой разчетъ и не только разчетъ, но и просто необходимость по истощеніи средствъ положенныхъ въ производство и не возвращающихся фабрикантамъ вслѣдствіе застоя въ оборотахъ. Эта необходимость сокращенія производства чувствуется у насъ почти повсемѣстно. Производство безъ соотвѣтственнаго сбыта есть производство въ пря-

мой убытокъ, а несомнѣнно-убыточнымъ дѣломъ мало кто хочетъ и мало кто можетъ заниматься. Съ разныхъ сторонъ приходятъ вѣсти что фабрики то тутъ, то тамъ уменьшаютъ производство сокращая число рабочихъ дней и часовъ, или уменьшаютъ убыточность производства пониженіемъ заработной платы. И нѣтъ сомнѣнія что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ дѣятельность фабрикъ сократилась бы несравненно быстрѣе и гораздо въ бо́льшихъ размѣрахъ еслибы фабриканты въ этомъ дѣлѣ могли руководиться только разчетами невыгодъ отъ продолженія производства. Но кромѣ убыточности производства безъ надежды на удовлетворительный сбытъ, фабриканты должны руководиться еще и иными соображеніями. Выгодное для нихъ, сокращеніе производства невыгодно для массы рабочихъ. Какъ бы ни было убыточно продолженіе производства, фабриканту не можетъ быть желательно совершеннымъ прекращеніемъ его порвать часто многими годами и десятками лѣтъ установившіяся связи съ мѣстнымъ рабочимъ населеніемъ и тѣмъ создать затрудненіе для своей дѣятельности когда, по минованіи кризиса, настанетъ для нея благопріятное время. Фабрикантамъ нужно поэтому лишь уменьшить для себя убыточность дѣла, не пріостанавливая его вполнѣ, чтобъ имѣть возможность пережить кризисъ безъ разоренія. Но это недостижимо безъ ущерба для рабочихъ. Всякое сокращеніе работъ, всякое пониженіе заработной платы уменьшаетъ ихъ средства къ жизни. Рабочимъ было бы желательно чтобы вся тяжесть кризиса пала на хозяевъ.

Это столкновеніе интересовъ хозяина съ интересами рабочаго люда сказывалось, въ тѣхъ или иныхъ формахъ, вездѣ и при всѣхъ серіозныхъ промышленныхъ кризисахъ. Періоды такихъ кризисовъ бываютъ обыкновенно и періодами обостренія рабочаго вопроса. У насъ рабочаго вопроса въ томъ смыслѣ какъ онъ давно возникъ во многихъ другихъ государствахъ, слава Богу, нѣтъ; той полной разрозненности, того рѣшительнаго антагонизма между хозяевами и рабочими какіе бываютъ въ другихъ странахъ, у насъ не замѣчается. Но безъ столкновенія между интересами двухъ сторонъ при разныхъ случаяхъ, конечно, не можетъ обойтись дѣло и у насъ. Невозможно чтобъ и нынѣшній кризисъ, признаваемый всѣми особенно тяжелымъ, не подавалъ къ тому повода. Самымъ лучшимъ выходомъ изъ этихъ столкновеній было бы соглашеніе на экономической почвѣ. Было бы всего лучше еслибы рабочимъ могло быть объяснено, а ими понято, что кризисъ есть общая бѣда какъ ихъ, такъ и ихъ хозяевъ, что эту бѣду нужно пережить общими силами и обоюдными жертвами; что во время кризиса для самихъ рабочихъ бываетъ выгоднѣе мириться съ нѣкоторымъ пониженіемъ задѣльной платы или съ извѣстнымъ уменьшеніемъ работъ, чѣмъ домогаться чтобы хозяева продолжали производство въ тѣхъ же размѣрахъ и на тѣхъ же условіяхъ какъ въ хорошее время, пока не лопнутъ; что лучше потерпѣть временное уменьшеніе заработка чѣмъ потерять его вовсе. Но не всегда бываетъ то что̀ желательно, и недоразумѣнія между хозяевами и рабочими требуютъ по мѣстамъ вмѣшательства власти которая устанавливала бы взаимныя отношенія между сторонами на основаніи закона.

Къ сожалѣнію, въ нашемъ законодательствѣ по этой части большой пробѣлъ, восполняемый съ грѣхомъ пополамъ подборомъ нѣсколькихъ кое-какъ случайно сопоставленныхъ правилъ во многомъ противорѣчащихъ и самимъ себѣ, и требованіямъ жизни и справедливости, частію неисполнимыхъ, частію неисполняемыхъ на практикѣ,—правилъ, которыя каждый можетъ прочесть въ выдаваемыхъ рабочимъ разчетныхъ тетрадяхъ. Трудность руководиться этими правилами возникаетъ почти каждый разъ когда является въ томъ надобность. Необходимость закона на который можно было бы опираться при разрѣшеніи обоюдныхъ жалобъ и несогласій между рабочими и хозяевами сознается давно. Лѣтъ семь тому назадъ, вопросъ объ этомъ былъ въ полномъ ходу, составлялись, измѣнялись и дополнялись, переходя изъ коммиссій въ коммиссіи, законодательные проекты по этому важному предмету, но вскорѣ дѣло вдругъ заглохло и было предано забвенію. Теперь обстоятельства принуждаютъ о немъ вспомнить.

Вслѣдствіе промышленнаго кризиса, какъ сказано, во многихъ мѣстностяхъ и на многихъ фабрикахъ и заводахъ состоялось сокращеніе дней и часовъ работы или пониженіе задѣльной платы рабочимъ. Бы-

ло ли это дѣломъ законнымъ или правонарушеніемъ? Хорошо если такого вопроса не возникало, но онъ ежеминутно можетъ возникнуть и потребовать рѣшенія со стороны властей. Чѣмъ могутъ онѣ руководствоваться при постановленіи своихъ рѣшеній?

Въ „правилахъ" опредѣляющихъ „обязанности и права хозяевъ" находимъ параграфъ третій, который гласитъ что „хозяинъ не въ правѣ понизить самовольно задѣльную или мѣсячную плату прежде истеченія условленнаго срока." Подробнаго разъясненія этого правила нѣтъ, но широкое въ интересахъ рабочаго люда истолкованіе его влечетъ за собою тотъ выводъ что въ теченіе всего того періода на который нанятъ рабочій, хозяинъ не въ правѣ *самовольно* ни понизить той сдѣльной платы какая существовала на фабрикѣ въ моментъ поступленія на нее рабочаго, ни сократить, до истеченія срока на который нанятъ рабочій, размѣры производства, такъ какъ это сокращеніе уменьшило бы заработокъ, то-есть измѣнило бы условіе которое имѣлъ въ виду рабочій поступая на фабрику. Чего нельзя сдѣлать самовольно, то можетъ быть однако сдѣлано по соглашенію, или съ чьего-либо разрѣшенія въ виду исключительныхъ обстоятельствъ. Къ сожалѣнію, въ „правилахъ" нѣтъ никакихъ указаній на то кѣмъ, какимъ путемъ и при какихъ обстоятельствахъ могло бы быть дано подобное разрѣшеніе, равно какъ нѣтъ указаній и на то какими способами могло бы въ подобныхъ случаяхъ состояться соглашеніе между хозяиномъ и рабочимъ и какимъ порядкомъ оное могло бы быть засвидѣтельствовано дабы ни та ни другая сторона не оспаривала потомъ его условій и не отказывалась подчиниться имъ. Этотъ существенный пробѣлъ въ „правилахъ," не восполняемый никакимъ обязательнымъ для обѣихъ сторонъ, основаннымъ на правѣ постановленіемъ, ведетъ къ тому что всѣ многочисленные случаи пониженія фабричныхъ заработковъ и сокращенія работъ остаются подъ вопросомъ, должно ли ихъ причислить къ самовольнымъ, то-есть незаконнымъ дѣйствіямъ, или же они произошли безъ нарушенія права. Рабочіе обыкновенно нанимаются на срокъ отъ Покрова до Пасхи. Вскорѣ послѣ того оказывается необходимость, въ виду обозначившагося кризиса, сократить или уменьшить стоимость производства. Принимается одна изъ такихъ мѣръ: или сокращеніе работъ съ 6 на 5 дней въ недѣлю, или отмѣна работъ въ ночную смѣну отъ 11 до 5 часовъ утра, или пониженіе на 10% сдѣльной платы. За мѣсяцъ вывѣшивается объ этомъ объявленіе. Затѣмъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ рабочіе разчитываются на новыхъ условіяхъ. Считать ли что въ данномъ случаѣ не было самовольнаго поступка? Если онъ былъ, то у рабочихъ было достаточно времени чтобъ его обжаловать. Но правы ли они будутъ если, вмѣсто принесенія жалобы, сдѣлаютъ стачку?

Въ другихъ странахъ, напримѣръ въ Англіи, гдѣ правительство не вмѣшивается въ борьбу между трудомъ и капиталомъ, стачки служатъ въ извѣстной мѣрѣ гарантіей для одной стороны противъ давленія другой. Но у насъ стачки не могутъ быть допускаемы, и нѣтъ никакого основанія къ ихъ допущенію когда власть беретъ на себя установленіе отношеній между сторонами при возникновеніи споровъ и недоразумѣній. У насъ необходимы энергическія мѣры къ тому чтобы стачекъ не было, необходимо указать рабочимъ законный путь для заявленія ихъ неудовольствій съ пресѣченіемъ незаконнаго. Если стачка вызвана нарушеніемъ правъ рабочаго люда, нарушенныя права должны быть возстановлены; но если при стачкѣ обнаружился дурной духъ волнующій рабочихъ, то не слѣдуетъ оказывать поблажекъ вреднымъ элементамъ. Такія поблажки, въ видахъ поддержанія на время внѣшняго и мнимаго порядка и спокойствія, были бы плохою политикой, какими бы громкими фразами и софизмами она ни оправдывалась. Не довольно ли мы поплатились за систему поблажекъ вредному духу и несогласимымъ элементамъ? Благодаря такой системѣ умиротворенія мы сами подготовили условія при какихъ только и могъ вспыхнуть польскій мятежъ 1863 года. Тою же системой поблажекъ мы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сами создали рядъ тѣхъ университетскихъ безпорядковъ, благодаря которымъ испорчено столько молодежи. Должно остерегаться чтобы не внести порчу и въ среду нашего рабочаго населенія. Оно отличается пока добрымъ духомъ, не допускающимъ возникновенія у насъ рабочаго вопроса въ той острой формѣ какъ за границей. Но власть

у насъ достаточно сильна на то чтобъ изъ ничего создать худое.

№ 48.

Москва, 16-го февраля.

Сущность переживаемаго нынѣ страною промышленнаго кризиса совершенно ясна и понятна: сильно уменьшился спросъ на товары внутренняго производства, и потому они остаются на рукахъ у ихъ производителей, которые вынуждаются этимъ, во избѣжаніе разоренія, сокращать работы или понижать плату рабочимъ. Но чѣмъ причиненъ этотъ кризисъ, что его обостряетъ и поддерживаетъ? Товары русскаго производства не находятъ сбыта въ обычныхъ размѣрахъ. Но почему же этотъ сбытъ съузился и что мѣшаетъ ему расшириться?

Какъ на одну изъ главныхъ причинъ нашего нынѣшняго промышленнаго кризиса справедливо указывается на неблагопріятное положеніе нашей хлѣбной торговли, характеризуемое вялостью заграничнаго спроса и упадкомъ цѣнъ на хлѣбъ. Отсюда недостатокъ денежныхъ средствъ у сельскаго населенія, то-есть у главнаго потребителя издѣлій русскаго производства.

Само собою разумѣется что при недостаткѣ денегъ приходится сокращать расходы и воздерживаться отъ многихъ покупокъ. Но такъ ли великъ на самомъ дѣлѣ этотъ причиненный временною заминкой въ хлѣбной торговлѣ недостатокъ средствъ чтобы можно было только одною этою причиной объяснять возникшій промышленный кризисъ во всемъ его объемѣ и силѣ? Не въ такой же мѣрѣ хлѣбный сбытъ плохъ чтобы привести къ какому-то небывалому, исключительному безденежью. Хлѣбъ шелъ за границу по цѣнамъ много понизившимся противъ прежнихъ, но за то, по таможеннымъ свѣдѣніямъ, его вывезено въ минувшемъ 1882 г. въ полтора раза болѣе противъ 1881 года *). Такимъ образомъ, въ денежномъ отношеніи, потерянное на цѣнахъ было частію возмѣщено размѣрами сбыта, а отсюда далеко до такого общаго безденежья какимъ могъ бы быть объясненъ нынѣшній промышленный кризисъ. Притомъ, еслибъ именно во внезапно возникшемъ недостаткѣ денежныхъ средствъ была главная причина застоя въ сбытѣ продуктовъ русской промышленности, то эта же причина, этотъ же недостатокъ средствъ долженъ былъ бы повести къ сокращенію сбыта у насъ не однихъ русскихъ, но и заграничныхъ товаровъ. А этого на дѣлѣ, по тѣмъ же таможеннымъ свѣдѣніямъ, вовсе не видно. Оказывается такимъ образомъ странный фактъ не столько уменьшенія денежныхъ средствъ, сколько усиленія въ нихъ свойства уклоняться отъ покупки русскихъ товаровъ и обращаться на покупку иностранныхъ. И обозначился такой странный фактъ именно вслѣдъ за недавнею Всероссійскою Промышленно-Художественною Выставкой, столь наглядно показавшею техническіе успѣхи достигнутые нашими заводчиками и фабрикантами и доказавшею неосновательность огульнаго предпочтенія всякихъ иностранныхъ товаровъ своимъ русскимъ; именно вслѣдъ за тѣми,—правда, робкими и незначительными,—измѣненіями въ нашемъ таможенномъ тарифѣ на которыя въ № 27 *Правительственнаго Вѣстника* указывалось какъ на пунктъ поворота нашей торговой политики къ системѣ покровительства отечественной промышленности...

Кстати объ этихъ недавнихъ измѣненіяхъ въ тарифѣ и объ оказанномъ ими содѣйствіи русской промышленности. Одно изъ наиболѣе важныхъ въ ряду этихъ измѣненій относилось къ опредѣленію діаметра прутоваго желѣза при которомъ оно должно считаться за проволоку. Занимающіеся этою отраслью металлическаго производства заводчики усмотрѣли въ этой тарифной перемѣнѣ серіозное поощреніе и въ разчетѣ на нее приняли мѣры къ расширенію выработки русской проволоки, сдѣлавъ въ этихъ видахъ немалыя затраты. Имъ пришлось, однако, горько разочароваться. Измѣненіе статьи 167 таможеннаго тарифа повело не къ огражденію русскихъ рынковъ отъ наплыва иностранной проволоки, а наоборотъ, къ загроможденію ихъ массами этого иностраннаго товара, надолго парализовавшему дѣйствіе льготы которая такъ порадовала было русскихъ заводчиковъ. Вслѣдствіе отсрочекъ относительно вступленія въ силу

*) Именно всего въ одиннадцать мѣсяцевъ, съ 1 января по 1 декабря, было вывезено:
Въ 1881 году 21.442.375 четв.
Въ 1882 „ 32.515.063 „

упомянутой статьи въ измѣненномъ видѣ, получились, какъ видно изъ послѣдней таможенной вѣдомости, слѣдующія цифры: въ одиннадцать мѣсяцевъ, съ 1 января по 1 декабря, было привезено изъ-за границы желѣзной и стальной проволоки:

Въ 1881 году. . . . . . . 14.020 пудовъ.
„ 1882 „ . . . . 560.172 „

Затѣмъ и по миновании отсрочекъ приведшихъ къ такому результату, по вступлении наконецъ измѣненія ст. 167 тарифа въ полную силу, далеко еще не настала пора для русскихъ проволочниковъ воспользоваться дарованною имъ 1 іюня льготой. Прутовое желѣзо до полудюйма въ діаметрѣ не проникаетъ болѣе въ Россію чрезъ таможни по европейской границѣ иначе какъ подъ условіемъ оплаты охранительною для русскаго производства пошлиной. Но это не значитъ чтобы не пропускаемое безъ этого условія чрезъ означенныя таможни иностранное прутовое желѣзо не могло проникать къ намъ инымъ путемъ, въ обходъ этихъ таможень, совершенно безпошлинно и въ какомъ угодно количествѣ, подъ видомъ финляндскаго продукта. Видя грозящую отсюда опасность русскому металлическому производству, „Наслѣдники П. І. Гужонъ“ заявили о ней чрезъ посредство нашей газеты (№ 14). Въ этомъ своемъ заявленіи они ошиблись предположивъ что дѣло идетъ о дарованіи льготы по привозу въ Россію финляндскаго прутоваго желѣза въ опредѣленномъ количествѣ. Эта ихъ ошибка чрезъ мѣсяцъ, но сугубо исправлена официальнымъ „опроверженіемъ“ напечатаннымъ двукратно, сперва въ прибавленіи къ *Правительственному Вѣстнику* разосланномъ 14 февраля, затѣмъ въ № той же газеты, отъ 15 февраля. Изъ этого опроверженія явствуетъ что „Наслѣдники П. І. Гужонъ“ видятъ условія, въ какія поставлено русское производство, въ слишкомъ розовомъ цвѣтѣ. Не со ввозомъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ пудовъ прутоваго желѣза, и то лишь въ случаѣ еслибы мнимое ходатайство о таковомъ ввозѣ было уважено, приходится имѣть дѣло русскому производству, но съ правомъ Финляндіи ввозить въ Россію прутовое желѣзо безпошлинно въ неограниченномъ никакою нормою количествѣ. Ведутся, правда, переговоры между министромъ финансовъ Имперіи и Финляндскимъ сенатомъ, но къ чему они придутъ и когда окончатся—неизвѣстно. До тѣхъ же поръ, не десятки тысячъ, а сколько угодно, хоть милліоны пудовъ привознаго прутоваго желѣза (всякаго безъ различія діаметра) могутъ быть безпошлинно водворены въ Россіи и образовать въ ней запасы этого товара хоть на нѣсколько лѣтъ, такъ что осуществленіе данной 1 іюня охраны русскому производству можетъ оказаться отложеннымъ ad calendas graecas.

Примѣръ поучительный, дающій нить къ разъясненію причинъ нашего нынѣшняго промышленнаго кризиса. Не относительно одного прутоваго и проволочнаго желѣза служитъ Финляндія рогомъ изобилія изъ котораго сыплются на русскіе рынки разные безпошлинные товары. Было бы слишкомъ трудно перечислить всѣ эти товары: понадобилось бы нѣсколько колоннъ нашей газеты для того чтобы перепечатать 1) „Роспись финляндскимъ товарамъ и издѣліямъ, кои дозволяется привозить въ Россію по сухопутной Финляндской границѣ, также Балтійскимъ моремъ, Финскимъ заливомъ и частью Ладожскимъ озеромъ, прямо изъ Финляндіи на финляндскихъ и россійскихъ судахъ *безъ пошлинъ*, но не иначе какъ со свидѣтельствами мѣстнаго начальства въ томъ что они происхожденія и издѣлія финляндскаго, и которые сверхъ клейма мануфактуръ, фабрикъ и заводовъ, на коихъ выдѣланы, должны имѣть клейма фабрикантныхъ судовъ, или, гдѣ оныхъ нѣтъ, магистратовъ, поколику могутъ подлежать таковымъ клеймамъ,“ и 2) „Роспись финляндскимъ товарамъ, произведеніямъ и издѣліямъ, кои дозволяется привозить въ Россію по сухопутной финляндской границѣ, также Ладожскимъ озеромъ, Балтійскимъ моремъ и Финскимъ заливомъ, прямо изъ Финляндіи на финляндскихъ или россійскихъ судахъ, *безъ свидѣтельства о происхожденіи и безъ пошлины*“ (Св. Зак. т. VI, Уст. Тамож. по прод. 1876 г. Прилож. къ ст. 1485).

Но Финляндія представляетъ собою хотя и широкія, но не главныя ворота чрезъ которыя вторгаются въ Россію иностранные товары въ подрывъ русскому производству оныхъ. Еще шире отворены южныя кавказскія ворота подъ транзитнымъ флагомъ...

Закавказскій транзитъ выдается за торговлю иностранцевъ съ Персіей. Но на

дѣлѣ это не торговля съ Персіей, а просто водвореніе въ Россіи иностранныхъ товаровъ безъ соблюденія тѣхъ условій какія требуются при прохожденіи ихъ чрезъ наши таможни. Вызываются въ Петербургъ одни за другими выборные отъ разныхъ биржевыхъ комитетовъ и мануфактурныхъ совѣтовъ, уже высказавшихся обстоятельно о значеніи транзитнаго вопроса, вызываются неизвѣстно зачѣмъ. Отъ всѣхъ этихъ экспертовъ едва ли можно ожидать услышать что-нибудь еще новое въ разъясненіе вопроса, изъ-за чего стоило бы затягивать его рѣшеніе. А предположено будто бы, какъ говорятъ, пригласить еще экспертовъ и отъ Петербургскаго биржеваго общества, какъ будто его голосъ можетъ имѣть какой-нибудь вѣсъ въ этомъ совершенно ему чуждомъ и незнакомомъ дѣлѣ. А быть-можетъ не излишне было бы освѣдомиться кой о чемъ у нѣкоторыхъ проживающихъ въ Москвѣ Персіянъ, ведущихъ дѣйствительную, а не мнимую торговлю въ Персіи и хорошо съ нею знакомыхъ. Эти Персіяне, какъ слышно, очень сомнѣваются чтобы кавказскіе транзитоторговцы вели дѣла дѣйствительно съ Персіей и сбывали именно туда свои транзитные товары...Нѣтъ, не въ Персію идутъ, не для нея назначаются эти товары, а для контрабанднаго водворенія въ Россіи, для вытѣсненія русскихъ товаровъ съ ихъ обычныхъ рынковъ, и со всѣхъ Каспійскихъ прибрежій, и съ Поволжья, и отовсюду куда покровительствуемый контрабандный товаръ можетъ проникнуть.

Имѣетъ или не имѣетъ это значенія при объясненіи причинъ нашего нынѣшняго промышленнаго кризиса? Замѣтимъ, между прочимъ, что начало кризиса какъ разъ совпало съ необычайнымъ, небывалымъ усиленіемъ размѣровъ Закавказскаго транзита: въ предшедшіе годы онъ опредѣлялся сотнями тысячъ пудовъ; въ минувшемъ 1882 году онъ дошелъ уже до милліона пудовъ. Съ транзитными товарами повторяется очевидно то же что продѣлывалось съ проволокой во время вышеупомянутыхъ отсрочекъ примѣненія статьи 167 тарифа въ измѣненномъ видѣ. Пока о транзитѣ судятъ да рядятъ, пережевывая одно и то же до оскомины, иностранцы и ихъ кавказскіе агенты спѣшатъ ввезти къ намъ чрезъ закавказскія транзито-контрабандныя ворота неслыханныя прежде массы товаровъ, спѣшатъ тѣмъ съ бо́льшимъ рвеніемъ чѣмъ слабѣе становится надежда что вопросъ будетъ наконецъ рѣшенъ не въ русскомъ, а въ иностранномъ интересѣ. Ихъ главное желаніе теперь чтобы рѣшеніе вопроса какъ можно болѣе затянулось, чтобъ онъ прошелъ еще какія-нибудь инстанціи... Имъ дорогъ тутъ каждый день; при усиленной транзитной работѣ, можно въ короткое время заготовить въ Россіи склады quasi-транзитныхъ товаровъ не только въ годичной, но и въ двухъ и въ трехгодичной пропорціи, послѣ чего пожалуй запрещайте транзитъ... Не скоро тогда дождетесь пользы отъ запрета, не скоро и русская промышленность получитъ обратно рынки сбыта нужные ей чтобы выйти изъ нынѣшняго кризиса и дохнуть полною грудью...

№ 49.

Москва, 17-го февраля.

А.

Пренія, длившіяся съ 5 до 9 ноября 1881 года во Французской палатѣ депутатовъ, были сочтены въ свое время важнымъ событіемъ въ исторіи французскаго парламентаризма. Въ теченіе четырехъ дней депутаты всѣхъ партій съ необыкновенною убѣдительностью доказывали что г. Жюль Ферри, бывшій въ то время министромъ-президентомъ, совершенно въ министры не годится, и въ теченіе всѣхъ этихъ четырехъ дней не явилось въ палатѣ *ни одного* депутата который хотя бы однимъ словомъ попытался заступиться за бѣднаго министра-президента; даже военный министръ, генералъ Фарръ, и тотъ старался свалить взведенныя и на него обвиненія на того же несчастнаго Жюля Ферри, который одинъ кое-какъ отбивался отъ сыпавшихся на него со всѣхъ сторонъ упрековъ и въ концѣ концовъ принужденъ былъ подать въ отставку.

Нѣкоторые депутаты не довольствовались однако этимъ и предлагали предать г. Жюля Ферри суду за дурное управленіе, причинившее тяжкій вредъ странѣ. Это преданіе суду, по ихъ мнѣнію, было совершенно необходимо дабы „министерская отвѣтственность,“ занесенная какъ основной догматъ въ конституцію, не оставалась фикціей. Но большинство депута-

товъ не согласились на это предложеніе на томъ де основаніи что парламентская отвѣтственность гораздо важнѣе судебной, ибо парламентъ есть не иное что̀ какъ весь народъ Французскій и приговоръ парламента имѣетъ поэтому гораздо бо́льшую силу чѣмъ приговоръ какого-нибудь судебнаго трибунала. „Можетъ ли быть, говорили они, для политическаго дѣятеля наказаніе суровѣе того какое 9 ноября постигло г. Ферри? Послѣ такого процесса и такого приговора политическая роль его окончательно сыграна; послѣ такого паденія встать невозможно.“ За ними вторили хоромъ республиканскія газеты, самодовольно доказывая что министерская отвѣтственность въ такомъ демократическомъ государствѣ какъ Франція не есть фикція, и что г. Ферри понесъ тяжелое, но справедливое наказаніе наложенное на него неумолимымъ верховнымъ судьей, народомъ, уничтожившимъ все его прежнее политическое значеніе.

Такимъ образомъ, 9 ноября 1881 года г. Ферри покинулъ свой постъ министра-президента осужденный приговоромъ 319 депутатовъ. Съ тѣхъ поръ прошло съ небольшимъ пятнадцать мѣсяцевъ, и 25 (13) февраля текущаго года *тѣ же самые* депутаты, но теперь уже въ числѣ 395 человѣкъ, привѣтствовали того же г. Ферри какъ министра-президента вполнѣ заслуживающаго довѣрія парламента, то-есть всей Франціи. Что̀ же совершилъ г. Ферри въ эти пятнадцать мѣсяцевъ такого что „Франція“ могла столь радикально измѣнить свой взглядъ на него? Ровно ничего. Онъ все время считался въ опалѣ предъ парламентомъ и въ политическія дѣла не вмѣшивался. А дѣла все болѣе и болѣе запутывались и пришли наконецъ въ такое безвыходное положеніе что всѣ признали необходимымъ поручить ихъ распутать опытному государственному человѣку. И такимъ человѣкомъ во всей Франціи оказался только г. Ферри, негодность котораго какъ правителя торжественно была признана Французскою палатой депутатовъ 9 ноября 1881 года. И вы думаете что республиканцы во Франціи очень озадачены такимъ неожиданнымъ и нелѣпымъ оборотомъ дѣлъ? Нисколько; они все это находятъ очень естественнымъ, а о „министерской отвѣтственности“ никто теперь не поминаетъ. Всѣ они очень хорошо знаютъ что какъ ни плохъ г. Ферри въ качествѣ политическаго дѣятеля, остальныя свѣтила республики еще хуже его.

Но можетъ-быть г. Ферри окружилъ себя министрами которые до сихъ поръ еще не осуждены „народнымъ приговоромъ“ и ихъ искусная опытность восполнитъ недостатки главы кабинета? Нѣтъ, этого сказать нельзя. Всѣ они люди новые, ничѣмъ замѣчательнымъ себя не заявившіе. Министръ внутреннихъ дѣлъ Вальдекъ-Руссо и министръ публичныхъ работъ Рейналь были принуждены подать въ отставку 26 января 1882 года въ качествѣ жалкихъ спутниковъ (tristes satellites) Гамбетты, которымъ де мѣсто было не въ министерствѣ, а въ передней Кагорскаго кесаря. Министръ финансовъ Тираръ уже трижды „падалъ“ и съ г. де-Фрейсине, и съ г. Дюклеромъ, и съ г. Фалльеромъ; министръ юстиціи Мартенъ-Фелье—адвокатъ, никогда министерствомъ не управлявшій; морской министръ Шарль Брёнъ — сенаторъ, никогда въ морской службѣ не состоявшій; военный министръ Тибоденъ — новоиспеченный генералъ, имени котораго до настоящаго мѣсяца никто не зналъ; наконецъ министръ иностранныхъ дѣлъ Шаллемель-Лакуръ, бывшій журналистъ и сотрудникъ въ *République Française*, который по протекціи г. Гамбетты былъ отправленъ посломъ въ Лондонъ, гдѣ онъ однако обнаружилъ необыкновенную близорукость какъ въ вопросѣ о заключеніи Англо-Французскаго торговаго трактата, такъ въ особенности въ Египетскомъ вопросѣ. Таковы сотрудники г. Ферри, взявшіе на себя тяжкую, почти неисполнимую задачу внести нѣкоторый порядокъ въ хаосъ Французской республики. Достаточно сказать что теперь на очередь снова выступилъ вопросъ о пересмотрѣ конституціи, съ которымъ не справился Гамбетта. Снова откроется эра безконечныхъ конституціонныхъ вопросовъ, придающихъ самой Франціи характеръ открытаго вопроса и тормозящихъ всю торговлю и промышленность страны. Представители главныхъ фирмъ обратились уже съ адресомъ къ „безличному“ президенту Греви, умоляя его положить конецъ торговому и финансовому кризису. „Если этотъ кризисъ продолжится,“ пишетъ одинъ изъ видныхъ фабрикантовъ Парижа, г. Леталль, заявляя о своемъ присоединеніи къ этому адресу, „я принужденъ буду черезъ нѣсколь-

ко недѣль закрыть свои мастерскія. Зажигательныя рѣчи въ публичныхъ собраніяхъ, парламентское большинство, лишенное всякаго руководства, депутаты воображающіе себя всѣ безъ исключенія кардиналами Ришелье и избравшіе девизомъ: пусть гибнетъ Франція, лишь бы мнѣ сдѣлаться министромъ, — вотъ причины того кризиса подъ которымъ мы изнемогаемъ." Что эта жалоба не единичная, а всеобщая, ясно уже изъ того что ее повторяютъ не только всѣ торговцы, промышленники, но и теоретики политической экономіи. „Нельзя отрицать, говоритъ г. Поль Леруа-Больё въ *Journal des Débats*, что общее положеніе Франціи въ настоящее время далеко не удовлетворительно и внушаетъ серіозныя опасенія относительно будущаго. Всюду какъ во внутренней, такъ и внѣшней политикѣ, въ экономическихъ дѣлахъ, въ финансахъ, всюду встрѣчается растерянность и безсвязность. Главный недостатокъ всѣхъ министровъ, всѣхъ членовъ парламента, всего правительства— отсутствіе предусмотрительности и характера."

Нигдѣ однако недостатокъ этотъ не проявляется въ такой рѣзкой формѣ, какъ въ иностранныхъ дѣлахъ, и едва ли удастся устранить его г. Жюлю Ферри. Новый министръ-президентъ прямо заявляетъ въ своей декларацiи что иностранная политика кабинета останется такою же (!) какою она была въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, то-есть политикой мира, составляющею первую потребность великой демократіи." Онъ, правда, къ этому прибавляетъ что „политика мира еще не есть политика бездѣйствія," но это говорили и его предшественники, и всѣ знаютъ настоящую цѣну этой фразы. „Дипломатическое значеніе Франціи, говоритъ *Moniteur Universel*, благодаря ея двѣнадцатилѣтней иностранной политикѣ пало въ настоящее время такъ низко какъ не падало даже во время осады Парижа, а развѣ только въ 93 году. Франція какъ будто вычеркнута изъ списковъ европейскаго концерта." Въ теченіе послѣдняго мѣсяца, т.-е. съ 20 января по 22 февраля, дѣло дошло до того что даже не имѣлось министра иностранныхъ дѣлъ, такъ что никто не можетъ взять на себя хотя бы фиктивную министерскую отвѣтственность за всѣ происшедшія въ это время международныя дѣйствія Франціи. А въ это время, напримѣръ, Англія безцеремонно уничтожила послѣдній остатокъ французскаго вліянія въ Египтѣ; въ это же время она подняла въ Константинополѣ Ливанскій вопросъ, желая устранить вліяніе Франціи и въ странѣ Маронитовъ. Въ то же самое время, наконецъ, открылась въ Лондонѣ Дунайская конференція которая будетъ обсуждать *французскій* проектъ юнаго дипломата Баррера, составившаго этотъ проектъ въ угоду Австрійскому правительству, не сообразуясь съ тѣмъ насколько дѣйствительно интересы Франціи требуютъ теперь угождать Австріи въ ущербъ другимъ придунайскимъ государствамъ.

Франція идетъ систематически и какъ бы добровольно во внутренней политикѣ къ хаотическому разложенію, а во внѣшней къ летаргіи. Она видитъ и чувствуетъ какъ собираются похоронить ее, но не можетъ выйти изъ оцѣпенѣнія.

А между тѣмъ иные французскіе политики требуютъ чтобы Россія связала свою судьбу съ этимъ разлагающимся трупомъ, который при своей жизни всегда старался вредить Россіи, всегда во всемъ являлся ея ожесточеннымъ противникомъ...

Б.

Въ сентябрѣ прошлаго года разбиралось въ Московскомъ Окружномъ Судѣ дѣло о злостномъ банкротствѣ купца Ѳеодора Солодовникова при участіи трехъ его сыновей и купца Ивакина. Краткій отчетъ объ этомъ дѣлѣ былъ помѣщенъ въ № 279 *Московскихъ Вѣдомостей*. Ѳ. Солодовниковъ, имѣвшій суконную фабрику въ Богородскомъ уѣздѣ и производившій обширную торговлю, въ 1872 году скрылся изъ Москвы и по укрывательству отъ платежа долговъ объявленъ въ 1873 году несостоятельнымъ должникомъ. Въ 1874 г. онъ былъ задержанъ въ Новохоперскомъ уѣздѣ, гдѣ проживалъ подъ именемъ одного изъ своихъ сыновей. Сумма претензій поступившихъ въ конкурсъ простиралась до 530 000 рублей, а фабрика съ машинами и домъ, принадлежавшіе Солодовникову, коими покрывалась по крайней мѣрѣ половина долговъ, оказались заложенными, такъ что кредиторы коихъ долги не были обезпечены залогомъ получили всего по 6 копѣекъ на рубль. Присяжные признали что банкротство Солодовникова было злонамѣренное; что имущество его

было скрыто отъ обращенія онаго на удовлетвореніе его дѣйствительныхъ заимодавцевъ и передано безденежно другимъ лицамъ, и что конкурсная масса отягощена была фиктивными претензіями ложныхъ заимодавцевъ. Но признавъ злостное банкротство Өедора Солодовникова, единственнаго владѣльца фирмы, присяжные отвѣтили отрицательно на вопросъ о виновности его въ этомъ преступленіи, признавъ вмѣстѣ съ тѣмъ участниками онаго одного изъ сыновей Солодовникова и купца Ивакина.

Какъ видно изъ помѣщенной ниже корреспонденціи, дѣло это разсматривалось 27 января сего года въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ Правительствующаго Сената. Да не подумаютъ однако что оно перенесено было на ревизію Сената представителемъ интересовъ правосудія, которое не можетъ считаться удовлетвореннымъ при внутреннемъ противорѣчіи заключающемся въ приговорѣ присяжныхъ, признавшихъ съ одной стороны что банкротство Өедора Солодовникова было злонамѣренное, а съ другой что Өедоръ Солодовниковъ не есть злонамѣренный банкротъ. Нѣтъ, обвинитель остался доволенъ этимъ приговоромъ, и протеста не принесъ. Вслѣдствіе этого Сенатъ лишенъ былъ возможности кассировать приговоръ въ интересахъ правосудія, ибо этого не допускаетъ „принципъ состязательнаго процесса.“ Дѣло разсматривалось по кассаціоннымъ жалобамъ двухъ обвиненныхъ. Доводы которые приводилъ предъ Сенатомъ одинъ изъ защитниковъ, г. Лохвицкій, были весьма резонны, и еслибъ они были выставлены отъ имени прокуратуры, то нельзя сомнѣваться въ томъ что кассаціонный судъ не оставилъ бы приговора въ силѣ. Г. Лохвицкій доказывалъ что въ дѣлѣ торговой несостоятельности не можетъ быть безыменнаго банкротства; въ этомъ преступленіи можетъ быть виновно только лицо оказавшееся банкротомъ; если же несостоятельный не признанъ виновнымъ въ злонамѣренномъ банкротствѣ, то и самое преступленіе немыслимо. На этомъ основаніи защитники двухъ лицъ обвиненныхъ въ участіи въ банкротствѣ доказывали что такого участія не могло быть коль скоро нѣтъ самаго преступленія, что дѣяніе въ коемъ они признаны виновными (сокрытіе имущества несостоятельнаго) можетъ быть подведено подъ рубрику мошенничества, но не злостнаго банкротства.

Правительствующій Сенатъ не уважилъ просьбы о кассаціи и въ конечномъ результатѣ рѣшеніе это должно признать правильнымъ, ибо въ сущности и Өедоръ Солодовниковъ присяжными не оправданъ, такъ какъ ими признано что его несостоятельность сопровождалась дѣяніями заключающими въ себѣ всѣ признаки злонамѣреннаго банкротства.

Присяжные не оправдали, а *помиловали* Өедора Солодовникова...

№ 50.

Москва, 18-го февраля.

Вся Англія глубоко взволнована раскрытіемъ подробностей злодѣянія 6 мая минувшаго года въ Фениксъ-Паркѣ въ Дублинѣ, жертвами коего были только-что назначенный тогда статсъ-секретарь (министръ) Ирландіи лордъ Кавендишъ и его помощникъ г. Бёркъ. Волненіе это усилилось послѣ двухдневныхъ парламентскихъ преній вызванныхъ рѣчью г. Форстера, въ засѣданіи 22 февраля, который былъ предмѣстникомъ лорда Кавендиша и вышелъ въ отставку по несогласію съ кабинетомъ. О впечатлѣніи произведенномъ этою рѣчью мы уже упомянули тотчасъ по полученіи телеграфнаго извѣщенія о ней. Теперь мы имѣемъ предъ глазами полный стенографическій отчетъ о двухдневныхъ преніяхъ британскаго парламента, и подробное ознакомленіе съ ними поучительно не для одной Англіи.

Давно ли попрекали Россію нигилизмомъ, утверждая что нигилизмъ и всѣ преступленія нашихъ злоумышленниковъ происходятъ отъ того что въ Россіи не имѣется парламентскаго устройства? Наилучшимъ средствомъ борьбы противъ крамолы рекомендовалось всевозможное ослабленіе власти и уступки крамолѣ, уступки безъ конца. Напротивъ, были всѣ указанія на то что Англія отнюдь не менѣе Россіи имѣетъ дѣло со враждебною организаціей; что одинаковыя причины порождаютъ и тамъ однородныя явленія совершенно независимо отъ государственнаго устройства, и что только энергическое проявленіе власти можетъ положить конецъ злодѣяніямъ направляемымъ тайною рукой государственной измѣны. Но борясь съ ирландскою крамолой, Англійское правительство продолжало

относиться съ безграничнымъ снисхожденіемъ къ чужестраннымъ крамольникамъ, оказывая имъ широкое гостепріимство. Сопротивленіе Англіи было главною причиной того что мысль о солидарности правительствъ въ борьбѣ со злоумышленною организаціей не созрѣла до положительнаго рѣшенія. Все это потому что Англія будто бы ограждена отъ пропаганды. И что же? Судебное разбирательство въ Дублинѣ раскрыло тайну ирландской революціонной организаціи. Въ средѣ Ирландскаго народа возникла пропаганда направленная къ разрушенію самой основы Британской монархіи, и эта идея,—враждебная, какъ у насъ польская, государственному единству, — сумѣла воспользоваться самыми разнообразными способами примѣненія ко всѣмъ условіямъ и положеніямъ, а для достиженія цѣли не пренебрегла никакими средствами. Первоначально организована была такъ-называемая Земельная Лига, остававшаяся на легальной почвѣ, агитировавшая открыто чрезъ ирландскихъ членовъ парламента и отрекающаяся до сихъ поръ ото всякой связи и солидарности съ членами революціонныхъ союзовъ, избравшихъ тайныя убійства главнымъ орудіемъ своей борьбы. Подвиги ирландскихъ революціонеровъ были весьма схожи съ образомъ дѣйствій польскихъ крамольниковъ и ихъ слѣпыми или развращенными пособниками, русскими соціалистами. Это сходство стало разительнымъ послѣ признаній одного изъ главныхъ участниковъ ирландскаго заговора, члена дублинскаго городскаго управленія, Каррея, явившагося на судъ обличителемъ своихъ сообщниковъ. Онъ показалъ что состоялъ въ революціонномъ союзѣ феніевъ съ 1861 года. Въ 1878 году въ Дублинѣ учреждена была „директорія,“ управлявшая дѣйствіями разбросанныхъ по всей Ирландіи революціонныхъ группъ, для коихъ терроризація посредствомъ тайныхъ убійствъ стала единственнымъ средствомъ борьбы. Въ 1881 году эта организація приняла названіе *Ирландскихъ Непреодолимыхъ*. Въ этотъ союзъ было принято около 250 человѣкъ, отъ коихъ требовалась страшная клятва, произносимая съ ножомъ въ рукахъ, въ томъ что всякій поступающій въ союзъ обязывается безпрекословно исполнять всѣ приказанія данныя ему отъ имени союза, цѣлью котораго выставлялось „истребленіе всѣхъ тирановъ страны.“ Съ тѣхъ поръ предпринятъ былъ рядъ покушеній направленныхъ главнымъ образомъ противъ представителей англійской государственной власти, который окончился убійствомъ въ Феникс-Паркѣ. По словамъ Каррея, участники этого и всѣхъ предшествовавшихъ убійствъ были лишь исполнителями приказаній которыя имъ передавались таинственными личностями, коихъ имена имъ до сихъ поръ неизвѣстны. Тѣ же снабжали ихъ весьма обильно денежными средствами и оружіемъ. Каррей слышалъ однако что деньги доставлялись изъ кассъ Земельной Лиги; а одинъ изъ членовъ Лиги, Шериданъ, являлся къ нимъ постоянно переодѣтый священникомъ подъ именемъ патера Мёрфи. Этотъ самый Шериданъ былъ рекомендованъ главой Лиги, г. Парнелломъ, первенствующему министру, г. Гладстону, который велъ съ г. Парнелломъ переговоры о содѣйствіи Лиги прекращенію тайной революціонной пропаганды.

Противъ соглашенія съ Земельною Лигой и вообще противъ политики уступокъ возсталъ главнымъ образомъ тогдашній главный секретарь (министръ) Ирландіи г. Форстеръ. Но г. Гладстонъ до такой степени еще вѣрилъ въ возможность умиротворенія Ирландіи путемъ уступокъ что рѣшился скорѣе пожертвовать г. Форстеромъ нежели г. Парнелломъ. Но спустя нѣсколько дней послѣ удаленія г. Форстера, преемникъ его лордъ Кавендишъ, вмѣстѣ со своимъ помощникомъ Бёркомъ, были убиты при обстановкѣ удивительно напоминающей убійство генерала Мезенцова въ Петербургѣ. Одинъ изъ участниковъ, Кавана, служившій кучеромъ для убійцъ и увезшій ихъ съ мѣста преступленія, первый выдалъ своихъ сообщниковъ; а вслѣдъ за нимъ учинилъ полное сознаніе и Каррей, котораго участіе выразилось въ томъ что онъ подалъ убійцамъ знакъ *посредствомъ маханія бѣлымъ платкомъ*.

Убійство въ Фениксъ-Паркѣ заставило тогда встрепенуться Англійское правительство. Всякая мысль о союзѣ съ Земельною Лигой была брошена; власть развернула всю свою мощь и съ тѣхъ поръ число тайныхъ убійствъ въ Ирландіи не только значительно сократилось, но и удалось напасть на слѣдъ заговора, прибрать къ рукамъ всѣхъ главныхъ участниковъ убійства въ Фениксъ-Паркѣ и побудить двухъ участниковъ онаго явиться обличителями остальныхъ. Но обвиненіе прямыхъ участниковъ

убійства не было единственнымъ результатомъ энергическихъ дѣйствій правительства. „Всякій видѣвшій и слышавшій теперешнихъ обвиняемыхъ по кильманганскому слѣдствію,“ пишетъ одинъ изъ корреспондентовъ присутствующихъ на судѣ, „долженъ вынести убѣжденіе что за ними стоятъ совсѣмъ иные люди и что не въ головѣ этихъ темныхъ личностей зародился и выработался тотъ планъ коего они были лишь слѣпыми исполнителями.“ И вотъ г. Форстеръ взялъ на себя указать кто именно стоитъ за этими убійцами и чья рука ихъ направляла. Рѣчь произнесенная имъ 22 февраля въ парламентѣ была ни чѣмъ инымъ какъ обвинительнымъ актомъ противъ Земельной Лиги, главные участники которой, съ г. Парнелломъ во главѣ, засѣдали тутъ же. Г. Форстеръ выставилъ цѣлый рядъ подавляющихъ уликъ почерпнутыхъ имъ изъ рѣчей и дѣйствій членовъ Лиги за многіе годы, которыя съ очевидностью доказываютъ связь между тайною и явною крамолой, между тайными убійцами и участниками парламентской и легальной агитаціи, какъ называетъ г. Парнеллъ дѣйствія Земельной Лиги. Г. Парнеллъ возразилъ г. Форстеру на другой день, но рѣчь его не только не ослабила впечатлѣнія словъ г. Форстера, но еще болѣе укрѣпила всеобщее убѣжденіе что дѣло Лиги и дѣло тайныхъ ирландскихъ революціонеровъ есть одно и то же дѣло и что правительству отнынѣ предстоитъ въ Ирландіи, какъ выразился членъ кабинета г. Тревеліанъ, „путемъ строгихъ каръ, вновь укоренить въ Ирландскомъ народѣ поколебленное въ немъ убѣжденіе что преступленіе преступно.“

№ 51.

Москва, 19-го февраля.

Офиціальные *Обзоры внѣшней торговли Россіи* обыкновенно такъ запаздываютъ своимъ появленіемъ въ свѣтъ что теряютъ бо́льшую часть своего значенія по отношенію къ современнымъ интересамъ. Такъ, напримѣръ, послѣдній такой *Обзоръ* за 1881 годъ появился только въ текущемъ февралѣ 1883 года, почему за многими вошедшими въ него свѣдѣніями остался, такъ сказать, лишь архивно-историческій интересъ. Однако и изъ запоздалыхъ свѣдѣній этого статистическаго сборника могутъ быть сдѣланы по нѣкоторымъ частямъ выводы любопытные и поучительные не менѣе тѣхъ какіе сообщаются въ немъ его составителями. Такъ, интересно посмотрѣть какъ выразилось въ цифрахъ вліяніе на ходъ торговли нѣкоторыхъ мѣръ установленныхъ Высочайше утвержденными мнѣніями Государственнаго Совѣта 3 іюня и 16 декабря 1880 и 12 мая 1881.

Тяжкій и дорого обошедшійся многолѣтній опытъ шагъ за шагомъ разрушалъ тѣ иллюзіи которыя созданы были доктринерскими увлеченіями пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ. Непокорная этимъ иллюзіямъ жизнь и ея практика съ каждымъ годомъ настойчивѣе требовали исправленія крупныхъ ошибокъ сдѣланныхъ подъ вліяніемъ принесенной изъ чужи книжной доктрины. Одною изъ такихъ ошибокъ была принятая въ 1861 году мѣра поощренія русскаго машиностроенія путемъ дозволенія безпошлиннаго привоза изъ-за границы чугуна и желѣза для машиностроительныхъ заводовъ, безъ необходимаго русскому машиностроенію облегченія конкурренціи съ иностраннымъ. Огромными массами, ежегодно десятками милліоновъ пудовъ хлынули къ намъ иностранные металлы, отнимая рынки сбыта у нашей горной промышленности, подавляя эту важную отрасль народнаго труда которая, при благопріятныхъ условіяхъ, должна бы служить для Россіи не меньшимъ источникомъ богатства чѣмъ какимъ служитъ для Англіи ея горное дѣло. Такимъ образомъ дѣлу машиностроенія была принесена тяжкая, но безплодная жертва. Прочнымъ основаніемъ для него могла быть только тѣсная связь съ отечественною выработкой металловъ, а эта-то именно связь и была порвана; необходимымъ условіемъ для развитія машиностроенія было обезпеченіе внутреннихъ рынковъ для сбыта его продуктовъ, и именно въ этомъ-то необходимомъ условіи ему и было отказано. Горное дѣло хирѣло, подавляемое наплывомъ безпошлинныхъ и низкопошлинныхъ привозныхъ металловъ, и въ то же время успѣхи машиностроенія были парализованы загроможденіемъ внутреннихъ рынковъ привозными безпошлинными и низкопошлинными машинами. Десятки милліоновъ казенныхъ денегъ были брошены на то чтобы создать машиностроеніе при такихъ условіяхъ и, ради исполненія щедрыхъ казенныхъ заказовъ,

создалось нѣсколько эфемерныхъ полурусскихъ, полуиностранныхъ передѣлочныхъ заводовъ относящихся къ общему экономическому строю не какъ органическія части, но какъ паразитные наросты. Вотъ все что было достигнуто, для чего казна отказывалась отъ многихъ милліоновъ ежегоднаго дохода съ привозныхъ металловъ, для чего она тратила еще бо́льшія суммы податныхъ денегъ, для чего губилась своя металлическая промышленность и стало-быть отнимались десятки милліоновъ заработковъ у русскаго трудящагося люда.

Ошибка была наконецъ сознана, и рѣшено было ее исправить. Но этому исправленію предшествовала ожесточенная борьба разныхъ русскихъ и нерусскихъ интересовъ и вліяній,—борьба, отчасти напоминающая ту какая ведется до сихъ поръ по транзитному вопросу,—и результатомъ этой борьбы было то что вмѣсто простаго исправленія ошибки состоялось нѣчто межеумочное между ошибкой и ея исправленіемъ, нѣкій компромиссъ между ними, причемъ мы, отставъ отъ одного берега, не пристали къ другому. Вредный нашему металлическому производству безпошлинный привозъ металловъ былъ отмѣненъ. Но почти столь же вредный, низкопошлинный привозъ оныхъ былъ оставленъ въ прежней силѣ и даже еще поощренъ пониженіемъ нѣкоторыхъ пошлинъ (на сталь, на желѣзо въ лому). Далѣе, какъ бы затѣмъ чтобъ отмѣна безпошлиннаго привоза металловъ не въ дѣлѣ не усилила спроса на русскіе металлы, оказано нѣкоторое поощреніе привозу иностранныхъ металлическихъ издѣлій пониженіемъ градаціи прежнихъ пошлинъ съ оныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ запретъ безпошлиннаго привоза постановленный относительно металловъ не въ дѣлѣ не былъ распространенъ на иностранныя металлическія издѣлія: чугунъ нельзя привезти изъ-за границы не оплативъ его пошлиной; но можно привозить не платя пошлинъ чугунныя отливки и т. п. Что̀ касается машиностроенія, то ему было оказано поощреніе повышеніемъ пошлинъ на нѣкоторыя машины съ 30 и 50 до 80 (потомъ до 88) коп. съ пуда и обложеніемъ въ этомъ же размѣрѣ нѣкоторыхъ машинъ привозившихся прежде безпошлинно; остается лишь вопросъ даютъ ли эти пошлины нашему машиностроенію охрану въ той мѣрѣ въ какой оно въ ней нуждается, особенно въ виду спеціальнаго покровительства какое оказывается привозу иностранныхъ машинъ тарифною политикой и распорядками нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Несомнѣнно серіозное и дѣйствительное поощреніе оказано затѣмъ лишь вагоностроенію: оно ограждено пошлинами имѣющими не только покровительный, но запретительный характеръ.

Такова сущность мѣры принятой 3 іюня 1880 года. При всѣхъ ея указанныхъ недостаткахъ и противорѣчіяхъ, она все-таки была шагомъ, хотя слабымъ, отъ фритредерской къ охранительной таможенной политикѣ, и многимъ у насъ, особенно въ Петербургѣ, этотъ шагъ былъ не по сердцу, многимъ хотѣлось его отсрочить, если ужь нельзя было ему помѣшать, точно такъ же какъ нынѣ многіе хлопочутъ о томъ чтобъ отсрочить отмѣну Кавказскаго транзита если ужь нельзя помѣшать ей, или парализовать ее какимъ-нибудь компромиссомъ. Приведеніемъ въ дѣйствіе таможеннаго тарифа 28 мая 1857 года,—тарифа которымъ разрушались многія уцѣлѣвшія отъ прежняго времени плотины ограждавшія Россію отъ наводненія иностранными товарами,—приведеніемъ въ дѣйствіе этого фритредерскаго тарифа не медлили ни минуты: онъ тотчасъ же былъ разосланъ по всѣмъ таможнямъ, и каждая изъ нихъ должна была принять его въ руководство со дня полученія онаго. Русскому производству не было дано ни малѣйшей отсрочки и передышки для того чтобы приготовиться къ перенесенію удара какимъ былъ для него тарифъ 1857 года. Но приведеніемъ въ дѣйствіе тарифныхъ измѣненій 3 іюня 1880 не нашли нужнымъ торопиться. Иностранному производству, для котораго иныя изъ этихъ измѣненій могли быть невыгодны, дана была семимѣсячная передышка отсрочкой исполненія мѣры 3 іюня до 1 января 1881 года. И иностранцы не упустили воспользоваться данною имъ льготой чтобы до наступленія 1 января 1881 г. ввезти въ Россію въ 1880 году побольше тѣхъ товаровъ на которые повышалась пошлина, дабы затѣмъ не имѣть надобности ввозить ихъ съ уплатой пошлинъ повышенныхъ. Въ *Обзорѣ Внѣшней Торговли* находимъ по этой части слѣдующія небезынтересныя данныя:

Тарифъ на вагоны, кромѣ вагоновъ для конно-желѣзныхъ дорогъ, наложенъ почти запретительный: и вотъ мы видимъ что въ 1880 году ихъ ввозится 833 штуки,

тогда какъ въ 1879 было ввезено только 75, послѣ чего въ 1881 не понадобилось уже платить повышенную пошлину съ каждой оси: не было привезено ни одного вагона.

Въ 1879 году разныхъ машинъ и аппаратовъ, кромѣ сельско-хозяйственныхъ, было ввезено 4.696.481 пудовъ на 43.351.160 рублей; въ 1880 ихъ поспѣшили ввезти въ количествѣ 6.405.803 пудовъ на сумму 61.917.548 рублей, чтобы затѣмъ въ 1881 году, при повышенныхъ пошлинахъ, можно было уже ограничиться ввозомъ всего 1.418.671 пудовъ на сумму 15.134.045 рублей. Ясно что при такомъ условіи уменьшившійся иностранный привозъ не повелъ къ желательному сокращенію складовъ иностранныхъ машинъ въ Россіи, къ такому сокращенію которое открыло бы на рынкахъ просторъ для сбыта машинъ русскаго производства.

Сильно и разомъ, хотя можетъ-быть только на одинъ годъ, упалъ привозъ иностранныхъ машинъ обложенныхъ пошлиной. За то изъ году въ годъ растетъ безпошлинный привозъ машинъ сельско-хозяйственныхъ. Ихъ было привезено:

въ 1879	году	на	3.999.863 р.
„ 1880	„	„	5.502.432 „
„ 1881	„	„	7.948.066 „

Это не совсѣмъ утѣшительно для русскаго машиностроенія, но это можетъ быть, пожалуй, признано утѣшительнымъ съ точки зрѣнія успѣховъ русскаго сельскаго хозяйства. Только въ должной ли мѣрѣ строгъ надзоръ за тѣмъ чтобы подъ видомъ безпошлинныхъ сельско-хозяйственныхъ не провозились иныя, подлежащія пошлинѣ машины? Намъ передавали что недавно одинъ русскій заводчикъ, выписавшій чрезъ коммиссіонера нужную ему машину, былъ крайне удивленъ получивъ повѣстку о пришедшей на его имя машинѣ земледѣльческой. Онъ полагалъ что это ошибка; ему отвѣчали чтобъ онъ не безпокоился, что машина та самая какая ему нужна... Ходятъ толки и объ иного рода обходахъ тарифныхъ пошлинъ. Разказываютъ что относящіеся къ „частямъ и принадлежностямъ машинъ и аппаратовъ“ навои для ткацкихъ машинъ прибываютъ иногда съ намотанною на нихъ готовою основой, которая слѣдуетъ при навояхъ въ видѣ „тары...“

Что касается металлическихъ издѣлій, то въ виду не повышенія, а напротивъ пониженія тарифа по нѣкоторымъ относящимся сюда статьямъ привоза, не было надобности торопиться ввозомъ оныхъ въ 1880 году: былъ скорѣе разчетъ нѣсколько помедлить ввозомъ, чтобы затѣмъ наверстать свое при болѣе льготныхъ условіяхъ 1881 года. Такъ и выходитъ по *Обзору*: въ 1879 году было ввезено металлическихъ издѣлій на 17.472.819 р.; въ 1880 этотъ привозъ сократился до 14.930.493 р. чтобы затѣмъ въ 1881 году подняться до 19.897.299 р.

Обзоръ (стр. 246, 247 и 260) подтверждаетъ, далѣе, странный фактъ допущенія безпошлиннаго привоза иностранныхъ издѣлій при запретѣ безпошлиннаго привоза матеріаловъ изъ которыхъ они дѣлаются. Чугунъ, напримѣръ, безъ оплаты пошлиной въ 1881 году не допускался; но за то „чугунныя отливки безъ отдѣлки“ пропускались и безъ уплаты установленной пошлины, и такой безпошлинный привозъ ихъ идетъ прогрессируя:

въ 1879	109.480 пуд.
„ 1880	138.713 „
„ 1881	147.475 „

Въ какой мѣрѣ такой порядокъ соотвѣтствуетъ требованіямъ охраны русскаго производства, предоставляемъ судить читателямъ.

Обратимся къ другой мѣрѣ которая была принята въ концѣ 1880 и вступила въ силу съ 1 января 1881, къ надбавочнымъ 10%, за малыми исключеніями, ко всѣмъ таможеннымъ пошлинамъ. Эта мѣра была принята не въ видахъ измѣненія тарифа въ охранительномъ или иномъ смыслѣ; никакого значенія, кромѣ фискальнаго, она не имѣла. Благодаря ей, чувствительно повысились только тѣ пошлины которыя и безъ того были сравнительно высоки, и остались безъ замѣтнаго измѣненія всѣ тѣ низкія пошлины которыя, въ интересахъ охраны русскаго производства, нуждаются въ серіозномъ повышеніи. Способъ примѣненія этой фискальной мѣры былъ, однако, именно такой при которомъ достиженіе предположенной фискальной цѣли отодвигалось на возможно дальній срокъ. Былъ установленъ 10-процентный добавочный сборъ, но при этомъ данъ былъ льготный срокъ желающимъ отъ него уклониться и, какъ сказано въ *Обзорѣ*, „во избѣжаніе уплаты этого сбора, по желанію торгующихъ, было выпущено изъ таможень еще въ концѣ 1880 года

весьма значительное количество товаровъ предназначавшихся для внутренняго потребленія въ 1881 году." Это повело къ тому что повышенныя пошлины 1881 года дали казнѣ значительно меньшій доходъ противъ того какой она получала при менѣе высокихъ пошлинахъ 1878 и 1879 годовъ.

Остается сказать нѣсколько словъ о мѣрѣ 12 мая 1881 года касательно обложенія пошлиной привозныхъ джутовыхъ и иныхъ мѣшковъ. Съ 33 коп. пошлина на нихъ была поднята до 2 р. съ пуда, и это повышеніе пошлины вступило въ силу съ 1 іюня того же 1881 года. Въ результатѣ получилось то что привозъ мѣшковъ, равнявшійся въ 1880 г. 739.969 пуд., въ 1881 году сократился до 520.031 пуд. Въ *Обзорѣ* не сказано какая доля изъ этой послѣдней цифры приходится на первые пять мѣсяцевъ до 1 іюня и какая на остальные семь мѣсяцевъ; но этотъ пробѣлъ не трудно восполнить помощію простыхъ уравненій съ двумя неизвѣстными. Оказывается что во всѣ послѣдніе семь мѣсяцевъ было ввезено менѣе 20.000 пудовъ, а въ первые пять болѣе полумилліона. Ввозилось, стало-быть, среднимъ числомъ по 100.000 пудовъ въ мѣсяцъ. Для остальныхъ же семи мѣсяцевъ ничтожный ввозъ какихъ-нибудь 20.000 пудовъ былъ только фиктивною цифрой, нисколько не соотвѣтствовавшею размѣрамъ дѣйствительнаго привоза джутовыхъ мѣшковъ. Сдѣланное, въ интересахъ охраны русской льняной промышленности, повышеніе пошлины на джутовые мѣшки, какъ извѣстно, обратилось на практикѣ, въ силу предписанныхъ таможнямъ, но не опубликованныхъ ни въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, ни въ *Указателѣ Министерства Финансовъ*, „правилъ," въ разрѣшеніе безпошлиннаго привоза мѣшковъ изъ-за границы, подъ видомъ обратныхъ...

Такая ли таможенная политика, какъ та которая выразилась въ трехъ вышеупомянутыхъ мѣрахъ и ихъ исполненіи, нужна Россіи для ея экономическаго и финансоваго благоустроенія? Такая ли политика можетъ быть признана національною русскою?

№ 53.

Москва, 21-го февраля.

Случаи крестьянскаго самосуда надъ конокрадами и лѣсокрадами день ото дня становятся все чаще и грозятъ стать необходимою частью нашего обычнаго права. На дняхъ, напримѣръ, въ Одесскомъ окружномъ судѣ разбиралось дѣло о расправѣ съ конокрадомъ, и о какой страшной расправѣ! Вора привязали къ хвосту лошади и погнали ее въ „колючку." Присяжные, впрочемъ, оправдали убійцу. А вотъ еще случай, также недавно (въ февралѣ) переданный газетами. Недалеко отъ Одессы, лѣсникъ былъ вынужденъ стрѣлять по лѣсокрадамъ и убилъ разомъ двухъ, но и самъ остался на мѣстѣ изрубленный третьимъ. Также на дняхъ былъ случай въ селѣ Барановѣ, Ломжинской губерніи, гдѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, стало усиливаться конокрадство; крестьяне рѣшили раздѣлаться съ воромъ суммарно: поймали, повалили и заколотили палками до смерти. Въ Ольгіопольскомъ уѣздѣ, тоже на дняхъ, какъ передаетъ *Кіевлянинъ*, такимъ же образомъ забиты два конокрада. Все это факты опубликованные въ первой половинѣ февраля,—а сколько подобныхъ случаевъ самосуда до оглашенія не доходитъ! Изъ Ростова-на-Дону передаютъ въ *Южный Край* что окрестные крестьяне хлопочутъ о выселеніи воровъ на Амуръ принимая на себя всѣ расходы. Но и тутъ встрѣчаются затрудненія. Въ *Кіевлянинѣ* недавно сообщался характеристическій въ этомъ отношеніи случай: Крестьяне двухъ деревень Терновской волости Заславскаго уѣзда составили приговоръ о выселеніи двухъ конокрадовъ которые были посажены въ заславскую тюрьму, но изъ губернскаго города пришла отмѣна приговора (правильнаго и законнаго) на томъ основаніи что конокрады не были формально уличены, а потому де и высланы изъ волости быть не могутъ. Когда пришлось освободить ихъ, то роли измѣнились: властью, въ страхѣ и трепетѣ держащею все населеніе, стали конокрады. Изъ опасенія ихъ мести все общество за ними ухаживаетъ и ихъ ублажаетъ, потому что крестьянамъ хорошо извѣстно что въ сосѣднихъ деревняхъ конокрады, выпущенные изъ тюремъ, поджигали дома, не говоря уже объ уводѣ лошадей. Итакъ, не остается ничего дру-

гаго какъ самосудъ... Печальная и страшная необходимость!

Лѣсокрадство, въ свою очередь, усилилось до того что слышатся жалобы даже изъ самыхъ лѣсныхъ мѣстностей, какъ Ковельскій уѣздъ и по-Ветлужье. „Крадутъ у всѣхъ и почти всѣ крестьяне,“ читаемъ мы въ одномъ изъ многихъ объ этомъ писемъ, „крадутъ и богатые и бѣдные, отъявленные воры и порядочные люди; крадутъ и самовольно рубятъ не изъ нужды, а по распущенности, хотя свои лѣса берегутъ.“ У насъ теперь пересматривается Уложеніе о Наказаніяхъ. Очень бы кстати было коснуться при этомъ и устава о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями. Слабость отвѣтственности и особенно затруднительность привлекать къ ней въ виду частаго повторенія проступковъ, все это увеличиваетъ дерзость лѣсокрадовъ, доходящую до убійства лѣсныхъ сторожей и до поджога имѣній лѣсовладѣльца который рискнетъ прибѣгнуть къ серіозному преслѣдованію виновныхъ. Въ Германіи не затруднились издать Драконовскіе законы по этому предмету, налагающіе серіозную отвѣтственность даже за простое нарушеніе границы чужой лѣсной дачи, за самовольное собираніе въ ней грибовъ и ягодъ. Говорятъ что въ Германіи дѣло находится въ иномъ положеніи, что тамъ лѣса дѣйствительно охраняются владѣльцами, а у насъ нѣтъ. Но это возраженіе ведетъ къ заключенію обратному. При обширности нашихъ лѣсныхъ дачъ, при большомъ развитіи лѣсокрадства, надзоръ за лѣсомъ у насъ крайне труденъ; изъ многихъ лѣсокрадовъ попадается одинъ. Чѣмъ меньше рискъ быть пойманнымъ, тѣмъ больше должна быть отвѣтственность.

Безнаказанности лѣсокрадовъ не мало покровительствуетъ ничтожность отвѣтственности за небрежное обращеніе съ огнемъ въ лѣсахъ, вызывающее много обширныхъ лѣсныхъ пожаровъ. За разведеніе костровъ въ чужомъ лѣсу виновному грозитъ только денежный штрафъ, а аресту подвергается виновный лишь въ случаѣ пожара.

Но всего менѣе понятна слабость взысканій по отношенію къ конокрадамъ. Конокрады нерѣдко составляютъ хорошо организованныя шайки, входящія въ сношенія между собою, помогающія одна другой „хоронить концы.“ Нѣтъ сомнѣнія что строгая отвѣтственность за мелкую кражу имѣла бы своимъ послѣдствіемъ уменьшеніе числа такихъ нарушеній права собственности которыя выходятъ изъ предѣловъ мировой юрисдикціи.

№ 54.

Москва, 22-го февраля.

Долго державшіеся высокихъ охранительныхъ пошлинъ, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты приступили къ пониженію своего таможеннаго тарифа. Хотя большинствомъ всего только шести голосовъ, конгрессъ, какъ извѣстила полученная вчера ньюйоркская телеграмма, принялъ 21 февраля (4 марта) билль о таможенномъ тарифѣ уменьшающій размѣры пошлинъ какими облагались донынѣ привозимые въ Америку изъ другихъ странъ металлическіе, шерстяные и иные товары. Какое торжество для фритредеровъ, какой ударъ для протекціонистовъ! Америка, этотъ главный очагъ, эта важнѣйшая опора протекціонизма, чью торговую политику выставляли какъ примѣръ для подражанія, сознаетъ наконецъ ошибочность этой политики, отступается отъ нея и дѣлаетъ шагъ—хотя и не такой рѣшительный какъ хотѣлось бы политико-экономамъ чистокровной манчестерской породы, но все же шагъ—отъ строго покровительной къ болѣе благосклонной иностранному привозу системѣ таможенныхъ пошлинъ... Не должно ли это послужить урокомъ для другихъ странъ, между прочимъ и для Россіи? Не слѣдуетъ ли намъ, въ виду этого урока, воздержаться отъ попытокъ измѣнять нашъ тарифъ въ покровительномъ смыслѣ и признать наоборотъ дальновидность государственнаго ума тѣхъ экономистовъ по чьему совѣту мы много раньше и гораздо смѣлѣе Американцевъ вышли на путь поощренія иностраннаго привоза изданіемъ тарифовъ 1850 и 1857 годовъ, а затѣмъ дальнѣйшими пониженіями пошлинъ и иными мѣрами того же свойства?

Многими у насъ подобные вопросы могутъ быть поставлены и приняты какъ нѣчто серіозное. Огромное большинство нашихъ „интеллигентовъ“ считаютъ необходимымъ носить какую-нибудь кличку, принадлежать къ какому-нибудь обособленному отъ другихъ лагерю, либеральному или консервативному, фритредерскому или

протекціонному. Для умовъ принявшихъ только внѣшній лоскъ просвѣщенія, неспособныхъ ни во что вдуматься, ни до чего додуматься, такъ удобно брать готовыя программы съ готовыми доводами для ихъ защиты, и затѣмъ выдавать свое попугайство въ ихъ повтореніи за твердость убѣжденій. Не многіе понимаютъ у насъ что можно не противорѣча себѣ быть одновременно въ чемъ нужно либераломъ, въ чемъ нужно консерваторомъ; что нѣтъ необходимости быть непремѣнно фритредеромъ или протекціонистомъ, а можно быть то тѣмъ, то другимъ, смотря по тому что, гдѣ и когда требуется. Какъ въ дѣлѣ войны могутъ быть необходимы переходы отъ оборонительныхъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ и наоборотъ, такъ и въ дѣлѣ торговой и промышленной конкурренціи обстоятельства могутъ требовать переходовъ отъ строго оборонительной системы запретительныхъ и покровительныхъ тарифовъ къ наступательной системѣ пониженныхъ пошлинъ и свободной торговли. Не въ томъ достоинство полководца что онъ всегда и настойчиво держится только одного способа войны, но въ умѣньѣ различать моменты когда можно и должно переходить отъ наступленія къ оборонѣ, отъ обороны къ наступленію. Примѣръ Америки поучителенъ не потому что эта страна строго держалась началъ протекціонизма, а потому что она сумѣла усвоить эти начала когда это потребовалось ея экономическими и финансовыми условіями и, не подчиняясь рабски ни протекціонной, ни фритредерской доктринамъ, не задумалась отступить отъ усвоенной политики какъ только это отступленіе сдѣлалось нужнымъ вслѣдствіе измѣненія въ условіяхъ которыми она была вызвана. Перемѣны въ тарифной политикѣ могутъ быть въ извѣстномъ отношеніи сравнены со вставкой и выставкой рамъ въ домахъ смотря по сезонамъ. Введеніемъ у себя высокихъ покровительныхъ пошлинъ Американцы, такъ-сказать, вставили рамы въ своемъ домѣ съ наступленіемъ зимы, и начинаютъ теперь выставлять рамы въ виду того что зима смѣнилась весной въ ихъ народно-хозяйственной обстановкѣ. У насъ дѣло шло обратнымъ порядкомъ, мы вводили у себя либеральные тарифы, мы выставляли рамы въ своемъ домѣ не соображаясь съ сезономъ, не думая о томъ что отъ несвоевременности этихъ мѣръ могутъ закоченѣть наши финансы, могутъ замерзнуть молодые ростки и всходы нашей промышленности. И надѣлавъ такія ошибки, мы упрямимся въ нихъ сознаться, стараемся помѣшать всякой мѣрѣ которая могла бы сколько-нибудь поправить дѣло. Такъ, напримѣръ, въ занимающемъ нынѣ всѣхъ транзитномъ вопросѣ необходимость вставить рамы стала очевидностью, но вставляя ихъ, почему не оставить, въ видѣ транзитныхъ пошлинъ, такихъ щелей чтобы мертвящій нашу промышленность сквозной вѣтеръ могъ у насъ безпрепятственно разгуливать попрежнему?..

Въ критическую для Соединенныхъ Штатовъ эпоху усобицы между Сѣверомъ и Югомъ, Американцы явили себя достойными выпавшей на ихъ долю исторической задачи. Они не остановились ни предъ какими, ни финансовыми, ни экономическими, ни кровавыми жертвами какія только были нужны для спасенія ихъ федераціи отъ грозившаго ей разложенія. Кризисъ былъ пережитъ, бунтовавшіе конфедераты были подавлены, рабство отмѣнено. Но этотъ результатъ былъ купленъ цѣною сильнаго экономическаго и финансоваго разстройства. Скажутъ что это неправда, что финансы Америки не были разстроены, что въ ея бюджетахъ немедленно вслѣдъ за войной оказался огромный перевѣсъ доходовъ надъ расходами дававшій возможность тотчасъ же приступить къ постепенному погашенію сдѣланныхъ во время войны государственныхъ долговъ... Это такъ, но положеніе финансовъ лишь въ слабой мѣрѣ опредѣляется бюджетными балансами. Гораздо важнѣе этихъ благопріятныхъ балансовъ было разстройство денежной системы, выразившееся паденіемъ ассигнацій (гринбаковъ) до такого низкаго уровня, до какого биржевая цѣна нашихъ кредитныхъ билетовъ никогда еще не понижалась. Не кредитными операціями на имѣвшіяся въ въ избыткѣ бюджетныя средства могъ быть положенъ конецъ этому разстройству денежной системы, не помощію ихъ могъ быть возстановленъ размѣнъ гринбаковъ на золото, когда однимъ изъ результатовъ войны былъ переходъ въ руки иностранцевъ долговыхъ американскихъ обязательствъ на громадныя, милліардныя суммы, по которымъ нужно было платить проценты и погашеніе и золотомъ, и товарами, между тѣмъ какъ потрясенное международною войной

производство почти во всѣхъ его отрасляхъ и видахъ сократилось до крайности. Въ увѣщаніяхъ повести дѣла по рецептамъ извѣстной экономической доктрины не было недостатка: Американцамъ настойчиво совѣтовали (такъ же какъ не перестаютъ совѣтовать и намъ) облагодѣять разоренный войною народъ дешевизной всѣхъ нужныхъ ему товаровъ, которые охотно навезутъ ему услужливые иностранцы, и исправить денежную систему немедленнымъ изъятіемъ ассигнацій. Многіе въ Америкѣ не прочь были послѣдовать этимъ совѣтамъ, и была даже сдѣлана проба извлеченія ассигнацій изъ обращенія. Но эта попытка скоро была брошена, какъ только Янки раскусили къ чему ведутъ эти добрые совѣты. Они своевременно убѣдились что пока на нихъ лежатъ милліардные долги иностранцамъ и пока международный разчетный балансъ не наклонится серіозно въ ихъ пользу, всѣ старанія возстановить металлическое и денежное обращеніе будутъ работой Сизифа, а сокращеніе бумажно-денежнаго обращенія, при невозможности металлическаго, будетъ лишь тормазомъ въ развитіи внутреннихъ производительныхъ силъ, лишая ихъ необходимаго орудія всякихъ оборотовъ. Создавъ высокимъ охранительнымъ тарифомъ благопріятныя условія для развитія всѣхъ видовъ своей промышленности, Америка не раздѣлывала одною рукой то что̀ дѣлала другою: она не только не отняла у производства необходимыхъ ему бумажныхъ денегъ, но приняла еще мѣры къ тому чтобы бумажно-денежное обращеніе возрасло до размѣровъ существовавшей въ немъ надобности. Эта поруганная доктринерами политика не замедлила посрамить ихъ своими результатами. Огражденное отъ непосильной на первыхъ порахъ иностранной конкурренціи на внутреннихъ рынкахъ, снабженное необходимыми орудіями мѣны (хотя и не наилучшими, но во всякомъ случаѣ лучшими чѣмъ никакими), американское производство скоро сдѣлало поразительные, удивившіе міръ успѣхи. Не уплатою государственныхъ долговъ изъ бюджетныхъ избытковъ главнымъ образомъ исправила Америка свое финансовое положеніе, но сокращеніемъ иностраннаго привоза и усиленіемъ внутренняго производства, давшимъ возможность увеличить отпускъ. Когда дѣло дошло до того что, благодаря уздѣ въ какой держалось расширеніе привоза, ежегодный перевѣсъ надъ нимъ отпуска сталъ выражаться ежегодно цифрами во сто, въ двѣсти и двѣсти пятьдесятъ милліоновъ долларовъ, Америка естественно перестала быть должницей иностранныхъ кредиторовъ и освободилась отъ экономической и финансовой отъ нихъ зависимости. При ограниченномъ, благодаря высокому тарифу, сбытѣ своихъ товаровъ въ Америку, иностранцы были вынуждены расплачиваться за американскіе товары американскими долговыми обязательствами, а затѣмъ золотомъ. Бумажныя цѣнности и золото въ послѣдніе годы лились рѣкою изъ Европы въ Америку, восполнивъ съ лихвою всю убыль въ нихъ нѣкогда причиненную войной. При такихъ обстоятельствахъ, вексельные курсы не могли не дойти до al pari, валюта не могла не исправиться, и возстановленіе размѣна бумажныхъ денегъ, съ увѣренностью что осуществленіе его не встрѣтитъ никакихъ затрудненій, не могло быть предметомъ вопроса.

Дѣло было сдѣлано. Неразмѣнныя бумажныя деньги отслужили свою службу и уступили мѣсто металлическому обращенію. Отслужилъ свою службу и высокій по всѣмъ статьямъ таможенный тарифъ. Оставлять его на вѣки безъ измѣненія значило бы наводнять страну золотомъ свыше мѣры дѣйствительной въ немъ надобности, то-есть не въ пользу, а во вредъ. Настала пора облегчить доступъ въ страну иностранныхъ товаровъ болѣе полезныхъ ей чѣмъ золото. Начались пониженія разныхъ пошлинъ, а нѣкоторые товары стали допускаться безъ пошлины. Характеристично при этомъ то что наибольшія тарифныя послабленія распространялись на товары не производимые въ Америкѣ, стало быть на такіе которые не угрожали конкурренціей американскому производству. Вопреки тому что̀ мы видимъ во всѣхъ другихъ странахъ, Америка, какъ только позволили обстоятельства, отмѣнила не какія другія привозныя пошлины, а именно чисто фискальныя, ложащіяся на потребленіе безъ пользы для производства: только по американскому тарифу и чай, и кофе, и какао давно уже ввозятся безъ пошлины, при оставленіи въ силѣ высокихъ охранительныхъ пошлинъ. Ставшій чрезмѣрнымъ перевѣсъ отпуска надъ привозомъ долженъ побуждать Американцевъ къ пониженію шагъ за шагомъ также и сохранявшихся донынѣ покровительныхъ пошлинъ тамъ

гдѣ это можетъ быть сдѣлано безъ подрыва ихъ экономическимъ силамъ. Именно такая попытка и была сдѣлана 21 февраля (4 марта). Удачна ли эта попытка, достаточно ли соображенъ съ существующими обстоятельствами выборъ статей по которымъ допущено пониженіе таможеннаго тарифа, это другой вопросъ, на который отвѣчать рано, на который отвѣтитъ время. Но на все предшествовавшее этой послѣдней попыткѣ время уже отвѣтило, и его отвѣтъ не мѣшаетъ принимать въ соображеніе при сужденіяхъ и о нашей таможенной политикѣ, и о способахъ исправленія нашей денежной системы и вексельныхъ курсовъ.

№ 55.

Москва, 23-го февраля.

Англійское правительство офиціально подтвердило вчера предъ парламентомъ что оно потребовало отъ правительства Соединенныхъ Штатовъ выдать одного изъ предполагаемыхъ участниковъ убійства въ Фениксъ-Паркѣ, Шеридана. По извѣстіямъ изъ Парижа, сообщаемымъ въ англійскихъ газетахъ, тамъ былъ арестованъ 27 февраля Ирландецъ Франкъ Байрнъ, состоявшій секретаремъ Земельной Лиги; арестъ этотъ послѣдовалъ по требованію Англійскаго правительства обвиняющаго Байрна въ участіи въ томъ же убійствѣ; о выдачѣ Байрна также ведутся дѣятельные переговоры съ Французскимъ правительствомъ. Въ этой безцеремонности и самоувѣренности, въ этомъ можно сказать нахальствѣ, вся тайна успѣховъ англійской политики и въ большомъ, и въ маломъ. Таковы издавна ея традиціи, одинаково соблюдаемыя ея обѣими правительственными партіями; ни одинъ изъ англійскихъ правителей ни минуты не колеблется заявить по отношенію къ другимъ государствамъ такія требованія которыя Англія отвергаетъ, когда таковыя предъявляются къ ней, причемъ принимаетъ такой видъ что къ ней съ подобными требованіями и не обращаются.

Англійская политика всегда умѣла пользоваться чужими смутами въ своихъ видахъ. Англія была открытымъ убѣжищемъ для революціонеровъ всѣхъ странъ; на англійской территоріи политическіе бѣглецы находили не только безопасный пріютъ, но и средства продолжать свои враждебныя козни противъ законнаго порядка въ ихъ отечествѣ. Въ прежнія времена англійское гостепріимство по отношенію къ революціонерамъ всѣхъ странъ еще могло прикрываться болѣе или менѣе благовиднымъ предлогомъ. Политическіе перевороты были явленіемъ обычнымъ на материкѣ Европы и бо́льшая часть политическихъ бѣглецовъ пріютившихся въ Англіи принадлежала къ числу *побѣжденныхъ партій*. Они были преступниками въ своемъ отечествѣ, но не убійцами въ обыкновенномъ смыслѣ слова. Если ихъ руки и были обагрены, то кровь была ими пролита въ открытомъ бою.

Но благодаря главнымъ образомъ именно англійской политикѣ образовалась шайка международныхъ бандитовъ, и зло приняло въ наши дни громадные размѣры. Правительства всѣхъ странъ убѣждаются въ необходимости установить общія для всѣхъ цивилизованныхъ народовъ начала борьбы противъ международныхъ разбойниковъ и убійцъ, ибо только этимъ путемъ возможно съ одной стороны лишить ихъ всякой надежды на безнаказанность, а съ другой, утвердить убѣжденіе что убійство есть преступленіе безусловно караемое, убѣжденіе поколебленное именно тѣмъ что убійцы одной страны свободно еще разгуливаютъ въ другой.

Такому соглашенію болѣе всѣхъ другихъ воспротивилась Англія. Вслѣдствіе ея возраженій, международное соглашеніе не только не состоялось, но, что̀ еще хуже, Англія продолжаетъ оказывать иностраннымъ перебѣщикамъ такое же безграничное гостепріимство какъ и въ тѣ времена когда на каждаго бѣглеца пристававшаго къ берегамъ Англіи смотрѣли какъ на жертву политической тиранніи. Эти „жертвы" пользовались своимъ убѣжищемъ не только для того чтобы избѣгнуть кары, но на почвѣ Англіи, подъ покровительствомъ ея законовъ, нерѣдко съ ея содѣйствія, продолжали свою преступную дѣятельность. Отсюда высылались новые убійцы и орудія для совершенія новыхъ преступленій. Еще четверть вѣка тому назадъ было доказано какую роль играетъ англійское право убѣжища въ дѣлѣ политическаго убійства. Покушеніе Орсини противъ Наполеона III, стоившее жизни десяткамъ людей, было цѣликомъ подготовлено въ Лондонѣ, отку-

да привезены были и бомбы брошенныя руками Орсини и Піетри. Третій заговорщикъ, Бернаръ, остался въ Лондонѣ; въ выдачѣ его было отказано; а когда его предали англійскому суду за приготовленія къ убійству предпринятыя на англійской почвѣ, онъ былъ торжественно оправданъ.

Припомнимъ другой болѣе близкій примѣръ. Виновникъ адскаго покушенія противъ покойнаго Государя, совершеннаго въ Москвѣ 19 ноября 1879, былъ въ послѣдствіи пойманъ въ Парижѣ. Французское правительство первоначально изъявило готовность его выдать, что̀ доказывается самымъ фактомъ его ареста. Затѣмъ оно струсило предъ агитаціей домашнихъ крамольниковъ и отказало въ выдачѣ прибѣгнувъ для этого ко лжи будто бы не было доказано тождество личности преступника. Это былъ позорный предлогъ, но все-таки предлогъ. Когда же Гартманнъ былъ отпущенъ, онъ перебрался въ Англію и тутъ зажилъ открыто подъ своимъ именемъ и англійскія газеты печатали со словъ его разказъ объ его участіи въ московскомъ покушеніи. Со стороны Россіи даже и попытки не было сдѣлано чтобы добиться отъ Англійскаго правительства выдачи Гартманна, который и до сихъ поръ преспокойно проживаетъ въ Англіи. Вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли выдѣлить изъ разряда имѣющихъ право на убѣжище тѣхъ кои „работаютъ" для революціи съ помощью кинжала и динамита, для Англіи не существуетъ.

Но вотъ теперь, когда ирландскіе революціонеры стали успѣшно дѣйствовать тѣми же орудіями, когда Англія испытала на себѣ самой, и притомъ больше чѣмъ какая-либо иная страна, ужасающія послѣдствія крамолы дѣйствующей въ духѣ ея же политики, Англійское правительство, не колеблясь и ни въ чемъ не сомнѣваясь, предъявило къ двумъ иностраннымъ правительствамъ требованіе о выдачѣ лицъ заподозрѣнныхъ въ ирландскихъ убійствахъ!

Въ руководящемъ органѣ французскихъ коммунаровъ мы читаемъ слѣдующія разсужденія Рошфора по поводу ареста Байрна въ Парижѣ:

„Выдать Байрна Англіи это все равно какъ еслибы Гартманнъ былъ выданъ Россіи. Гартманнъ ушелъ, но мы увѣрены что Байрнъ не отвертится... Близкій другъ Парнелла разказывалъ намъ на дняхъ повѣсть о томъ что̀ претерпѣваютъ Ирландцы отъ своихъ вѣковыхъ притѣснителей Англичанъ. Мы можемъ лишь удивляться тому какимъ образомъ эти мученики въ своемъ ангельскомъ терпѣніи до сихъ поръ устояли противъ мысли взорвать весь Лондонъ на воздухъ."

Между разсужденіемъ этого прогорѣлаго софиста революціи и тѣми соображеніями въ силу которыхъ Англія всегда отстаивала свое право убѣжища нѣтъ никакой разницы по существу. Какими же доводами подкрѣпляетъ она свои требованія обращенныя къ другимъ правительствамъ?

№ 56.

Москва, 24-го февраля.

Дѣло Островлевой и Худина, о которомъ мы говорили въ двухъ замѣткахъ, не сдано еще въ архивъ. Экспертъ, врачъ Кандинскій, заключеніе котораго было выслушано въ этомъ казусномъ процессѣ, счелъ нужнымъ напечатать письмо, въ которомъ силится доказать правильность состоявшагося по этому дѣлу приговора, но не на основаніи доводовъ почерпнутыхъ изъ наукъ входящихъ въ его спеціальность, а аргументами *юридическаго* свойства, признавая въ то же время свою „некомпетентность въ сферѣ юридическихъ вопросовъ." „Что̀ дѣлать, восклицаетъ сей экспертъ-психіатръ, если ни одинъ юристъ до сихъ поръ не возвысилъ голоса на защиту суда и присяжныхъ отъ несправедливыхъ нареканій" (*Московскихъ Вѣдомостей*, разумѣется). Этого мало: одинъ изъ состава присяжныхъ засѣдателей, судившихъ Островлеву, счелъ себя обязаннымъ дополнить свѣдѣнія сообщенныя въ письмѣ г. Кандинскаго. Этотъ судья факта, скрывающійся подъ буквой Р, разказываетъ въ *Новомъ Времени* (№ 250) „что виновность „Худина и Островлевой въ дерзкой, *а въ „послѣдствіи уже* (sic) въ предобдуманной „кражѣ, въ скрытіи и продажѣ завѣдомо „краденаго, *была рѣшена единогласно.*" Однако подсудимые ушли изъ суда оправданными, какъ же это случилось? Г. Р. удостовѣряетъ что присяжные засѣдатели, несмотря на единогласное ихъ убѣжденіе въ виновности подсудимыхъ, „благодаря „неумѣнью предсѣдателя выяснить постав„ленные вопросы предъ уходомъ засѣда-

„телей на совѣщаніе,—въ данномъ случаѣ „были поставлены въ тиски изъ которыхъ „имъ не было выхода *для приговора по „совѣсти и убѣжденію.*"

Вотъ стало-быть что̀ называется Шемякинъ судъ!

Въ судъ приглашены были врачи-эксперты, отъ которыхъ требовалось заключеніе о нормальности умственныхъ способностей подсудимой Островлевой въ виду какихъ-то неправильностей въ ея физическомъ сложеніи. Для чего и кому это было нужно? На присяжныхъ эта странная экспертиза не произвела никакого дѣйствія.

Почему же дерзкая по убѣжденію присяжныхъ воровка и ея соумышленникъ Худинъ ушли изъ суда оправданными?

Присяжные не могли признать *всѣхъ признаковъ* преступленія, о доказанности которыхъ говорилось въ первомъ, отдѣльно поставленномъ на ихъ разрѣшеніе, вопросѣ. Они и отвѣтили: „нѣтъ, не доказано." Они признали фактъ *кражи*, но не видѣли *разбоя*, и прибавили къ вышесказанному отвѣту, „въ похищеніи виновны." Очевидно что и на слѣдующіе два вопроса о виновности собственно подсудимыхъ присяжные могли отвѣтить только утвердительно. Но судъ не принялъ вопроснаго листа отъ присяжныхъ, не разрѣшилъ имъ прочесть ихъ вердиктъ, а возвратилъ ихъ къ новому совѣщанію, предварительно внушивъ имъ что имъ не предоставлено давать отвѣты на вопросы которые имъ предложены не были.

Присяжные, какъ бы подчиняясь приказу, отвѣтили на первый вопросъ: „нѣтъ, не доказано," и остальные вопросы оставили безъ отвѣта.

Такимъ-то безхитростнымъ образомъ Островлева произведена была въ идеалъ русской женщины, а кравшій съ нею вмѣстѣ Худинъ отпущенъ безъ наказанія.

Одна изъ петербургскихъ газетъ почему-то вообразила что мы, указывая на недостатки нашего судопроизводства, порицаемъ только тѣхъ несчастныхъ которыхъ въ обширной судебной комедіи заставляютъ противъ воли играть жалкую роль *присяжныхъ засѣдателей*. „Дѣйствительно ли, спрашиваетъ эта газета, безобразія суда присяжныхъ должны быть относимы всецѣло къ присяжнымъ? Взять хотя бы дѣло Островлевой: оказывается что не присяжные, а тотъ именно судъ который будто бы представляетъ болѣе гарантій правосудія чѣмъ большинство присяжныхъ, напуталъ (!), и тѣмъ поставилъ послѣднихъ въ необходимость вынести приговоръ, несогласный ни съ обстоятельствами дѣла, ни съ собственнымъ убѣжденіемъ присяжныхъ. Обстоятельство это разъяснилось совершенно случайно, а мало ли такихъ неудачныхъ (!) приговоровъ о происхожденіи которыхъ до публики не доходитъ никакихъ извѣстій?" (*Новое Время*, 16-го февраля.)

Мы согласны что въ тѣхъ приговорахъ которые *Новое Время*, ради эвфемизма, называетъ „неудачными" виновны не люди попадающіе въ составъ присяжныхъ засѣдателей, а судебная организація. Дѣйствительно, и Островлеву, и Вѣру Засуличъ, и многихъ другихъ явныхъ преступниковъ и преступницъ оправдали въ сущности не присяжные засѣдатели, а тѣ судьи которые или тенденціознымъ веденіемъ судебнаго слѣдствія, или лукавою, если не просто глупою, постановкой вопросовъ, или инымъ способомъ „поставили присяжныхъ въ необходимость вынести приговоръ несогласный ни съ обстоятельствами дѣла, ни съ собственнымъ убѣжденіемъ присяжныхъ." Но если судьи могутъ у насъ такъ безнаказанно издѣваться надъ здравымъ смысломъ и правосудіемъ, то не потому ли это что они могутъ прятаться за мнимою непогрѣшимостью присяжныхъ? Оправдалъ ли бы, напримѣръ, г. Кони Вѣру Засуличъ еслибъ ему пришлось произнести этотъ вопіющій приговоръ отъ своего лица, вмѣсто того чтобы подсунуть его тѣмъ двѣнадцати человѣкамъ которые изображали собой Пиѳію, приводимую въ дѣйствіе разными скрытыми пружинами? Присяжные, это люди которыхъ хватаютъ съ улицы и сажаютъ въ залѣ судебныхъ засѣданій, и изъ нихъ для каждаго процесса подбирается *по масти* двѣнадцать человѣкъ. Между этими людьми есть всякіе, и они ни въ чемъ неповинны, и ни за что̀ не несутъ отвѣтственности. Но это-то и худо. Вопросъ не въ людяхъ, а въ самомъ учрежденіи, въ глупомъ положеніи людей которые служатъ прикрытіемъ и орудіемъ неправды.

№ 60.

Москва, 28-го февраля.

Культурная борьба въ Германіи вступила въ новую, острую фазу, которая потребовала обнародованія дипломатическихъ документовъ обмѣненныхъ между Берлиномъ и Ватиканомъ. Это пріемъ къ которому въ Германіи прибѣгаютъ очень неохотно и только въ исключительныхъ случаяхъ.

26 февраля, какъ передалъ телеграфъ, прусскій посланникъ въ Ватиканѣ, г. Шлёцеръ, вручилъ папѣ отвѣтное письмо императора Вильгельма. Содержаніемъ этого письма, которому суждено можетъ-быть дать рѣшительный поворотъ внутренней политикѣ Германіи, въ равной мѣрѣ интересуются и либералы, и партія центра, которая чуть не за день предъ тѣмъ въ упоръ требовала отъ министра исповѣданій содержанія этого документа. Министръ отклонилъ требованіе, вразумивъ любопытныхъ что нельзя же разглашать въ Берлинѣ содержаніе письма еще не доставленнаго по назначенію. Теперь, впрочемъ, содержаніе письма вкратцѣ сдѣлалось извѣстно: императоръ въ немногихъ словахъ высказываетъ „надежду на скорое осуществленіе мирныхъ намѣреній папы.“ Этимъ подтверждается замѣчаніе большей части нѣмецкой печати что Германское правительство рѣшилось продолжать переговоры съ Ватиканомъ пока тщета ихъ не станетъ по крайней мѣрѣ очевидна всякому.

„Культурная борьба“ возникла вмѣстѣ съ Германскою имперіей и, какъ вездѣ, не въ церковномъ, а въ политическомъ интересѣ. Она была вызвана стремленіями партикуляристовъ помѣшать внутреннему объединенію и упроченію вновь созданной имперіи, а курія въ свою очередь изъявила большую готовность воспользоваться предложенными ей услугами германскихъ партикуляристовъ. Въ свою очередь правительство не могло допустить чтобы католическая церковь была въ Германіи „государствомъ въ государствѣ съ иноземнымъ непогрѣшимымъ властелиномъ во главѣ.“ Правительство не могло допустить чтобы прусскіе католическіе епископы, получавшіе содержаніе отъ казны, признавали себя болѣе подданными папы нежели Германскаго императора, чтобъ они не приносили даже присяги на вѣрность императору. Кто-нибудь долженъ былъ уступить, или Ватиканъ, или Берлинъ. Переговоры не привели ни къ чему, и агитація, во главѣ которой стали прусскіе епископы, усиливалась со дня на день, принимая чисто революціонный характеръ. При такихъ условіяхъ, въ министерство Фалька, начиная съ 1873 года, постепенно вышелъ цѣлый рядъ узаконеній, извѣстныхъ теперь подъ общимъ именемъ *майскихъ законовъ*, регулирующихъ отношенія католической церкви къ государству въ Пруссіи. Майскими законами опредѣленъ въ точности порядокъ назначенія всѣхъ католическихъ духовныхъ лицъ, обозначено гдѣ и какъ они должны получать свое предварительное и затѣмъ спеціальное богословское образованіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, установлены порядокъ и мѣра отвѣтственности духовныхъ лицъ предъ особымъ судомъ за злоупотребленіе проповѣдью, исповѣдью и за самовольное, безъ разрѣшенія гражданскихъ властей, отправленіе требъ въ тѣхъ приходахъ гдѣ священники умерли или устранены отъ должностей какъ не подчинившіеся майскимъ законамъ. Надо прибавить что, при обсужденіи майскихъ законовъ въ парламентѣ, партія центра и даже отчасти консервативы не разъ указывали правительству что законы эти не во всемъ согласны съ канонами католической церкви. Но это, по мнѣнію министерства, были именно тѣ пункты гдѣ уступка всего менѣе возможна.

Результатъ майскихъ законовъ обнаружился почти немедленно. Одинъ за другимъ были удалены почти всѣ католическіе епископы Пруссіи; больше трети приходовъ осиротѣли. Курія оставалась однако непреклонною. Прямыя сношенія съ нею были невозможны за упраздненіемъ въ 1875 году прусской миссіи при Ватиканѣ. Оставались косвенные пути чрезъ Вѣну и Мюнхенъ. Такъ пять лѣтъ тому назадъ и возникли переговоры, обозначившіеся первоначально лишь обмѣномъ вѣжливостей. Дѣло измѣнилось лишь съ 1878 года, когда правительство, круто измѣнивъ свою таможенную политику, разошлось съ націоналъ-либералами. Партія центра поспѣшила воспользоваться „перемѣною политической погоды“ и поддержала торговую политику канцлера, разчитывая заставить его современемъ вывести императора на путь ведущій въ Каноссу, какъ замѣтили въ парламентѣ либералы. Такою монетой, отвѣ-

чалъ князь Бисмаркъ, мы не заплатимъ за услугу, потому что такая монета „въ Германіи не чеканится.“ Дѣйствительно, не только въ Ватиканѣ, но и въ средѣ партіи центра ждали далеко бóльшаго нежели предложилъ князь Бисмаркъ въ законопроектѣ 1880 года. На основаніи этого законопроекта примиреніе было невозможно, но являлась по крайней мѣрѣ возможность замѣстить нѣсколько священническихъ вакансій и устранить случаи затрудненія въ исполненіи церковныхъ требъ. Партія центра желала не этого. „Къ удивленію, говорилъ тогда въ парламентѣ князь Бисмаркъ, наиболѣе энергическими противниками уступокъ въ пользу католической церкви выступили депутаты партіи центра; но правительство не смущается этимъ, и если по настоянію центра вычеркиваются изъ проекта нѣкоторыя льготы, то католики Германіи увидятъ только кто дѣйствительно заботится о нхъ насущныхъ нуждахъ: клерикальный центръ или государственная власть.“ Уступки сдѣланныя Прусскимъ правительствомъ не остались безъ послѣдствій: съ одной стороны онѣ повели къ смягченію культурной борьбы, а съ другой—создали почву на которой дѣлались возможными переговоры съ Ватиканомъ показавшимъ къ тому готовность. Между тѣмъ разладъ между правительствомъ и либеральными партіями, вызванный перемѣною торговой и финансовой политики правительства, все усиливался; германскій канцлеръ долженъ былъ искать новой опоры покровительствуя сближенію партіи центра съ консервативами. Среди такихъ условій, лѣтомъ 1881 года, посланникъ Германіи въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, г. Шлёцеръ, бывшій прежде секретаремъ прусскаго посольства въ Ватиканѣ, находясь въ отпуску въ Италіи, на свой страхъ вошелъ въ сношенія съ лицами окружавшими папу. Донесеніе Шлёцера послужило началомъ новой фазы, причемъ императоръ размѣнялся съ папою письмами. Этотъ шагъ прусской церковной политики въ свое время вызвалъ не мало толковъ въ печати. Назначенію „представителя Пруссіи“ при папѣ придавалась преувеличенная важность; возникли было толки даже о „Римскомъ вопросѣ;“ въ Ватиканѣ смотрѣли на дѣло хотя и не безъ розовыхъ надеждъ, но понимали что до прекращенія борьбы еще далеко. Князь Бисмаркъ не задумался подтвердить это заявивъ что дѣло идетъ не о дипломатическомъ представителѣ Пруссіи въ Ватиканѣ, какого она имѣть не можетъ, а только о посредникѣ въ сношеніяхъ правительства съ главою католической церкви. Но назначеніе Шлёцера, тѣмъ не менѣе, значительно измѣнило отношенія между Берлиномъ и Ватиканомъ, давъ возможность въ теченіе лѣта замѣстить нѣсколько епископскихъ каѳедръ. При такихъ условіяхъ написано было письмо папы къ императору отъ 3 декабря 1882 года, въ которомъ его святѣйшество выразилъ удовольствіе по поводу замѣчанія тронной рѣчи въ Прусскомъ ландтагѣ о сохраненіи европейскаго мира и увѣренность въ возстановленіи затѣмъ и религіознаго мира. „Увѣренность эта, сказано далѣе, особенно укрѣпилась вслѣдствіе назначенія прусскаго посланника въ Ватиканѣ.“ „Какъ для церкви, такъ и для государства, сказано нѣсколько ниже въ письмѣ, выгодно прекратить борьбу, ибо церковь поддерживаетъ въ людяхъ духъ повиновенія.“ Въ заключеніе папа „по долгу своего сана“ указываетъ на необходимость пересмотра прусскаго законодательства по церковнымъ дѣламъ, въ видахъ устраненія всего несовмѣстнаго съ понятіемъ католической церкви, „что еще крѣпче привязало бы сердца прусскихъ католиковъ къ трону.“ На это письмо главы католической церкви послѣдовалъ отвѣтъ императора, которымъ началось обнародованіе переписки. Отвѣтъ помѣченъ 22 декабря и контрасигнированъ княземъ Бисмаркомъ. Упомянувъ что замѣщеніе епископскихъ каѳедръ въ Пруссіи состоялось главнымъ образомъ вслѣдствіе „предупредительности“ Прусскаго правительства, императоръ замѣчаетъ что „еслибы подобное сближеніе послѣдовало и по вопросу о назначеніи священниковъ,“ еслибы готовность къ уступкамъ и соглашенію была ясно выражена и со стороны куріи, то онъ могъ бы „позаботиться о пересмотрѣ законовъ кои были необходимы во время борьбы.“ Итакъ, условіемъ прекращенія культурной борьбы ставится серіозная уступка со стороны куріи, и отъ ней требуется рѣшительный шагъ. Соглашеніе по вопросу о назначеніи священниковъ, о которомъ упоминается въ императорскомъ письмѣ, возлагаетъ на епископовъ обязанность представлять правительству на предварительный просмотръ списокъ лицъ предназначаемыхъ на священническія мѣста,

съ тѣмъ чтобъ оно имѣло возможность устранить людей ему неугодныхъ. Въ этомъ требованіи, по мнѣнію правительства, заключается серіозная гарантія противъ тѣхъ явленій которыя вызвали изданіе майскихъ законовъ и обострили культурную борьбу. Понятно что партія заинтересованная въ продолженіи борьбы въ свою очередь должна была употребить всѣ усилія чтобы затруднить соглашеніе по этому пункту. И она добилась своего. Папа отвѣчалъ императору письмомъ отъ 30 января. Онъ готовъ дозволить представленіе кандидатскихъ списковъ, но не иначе какъ послѣ измѣненія мѣръ прусскаго законодательства касательно исправленія священниками требъ, а также постановленій о подготовкѣ къ духовному званію, ибо „церковь, такъ же какъ и государство, должна сама подготовлять своихъ слугъ въ томъ духѣ какъ признаетъ для себя нужнымъ.“ Это послѣднее требованіе есть очевидно противовѣсъ представленію кандидатскихъ списковъ. Дѣйствительно, безразлично кто изъ кандидатовъ будетъ выбранъ, если всѣ кандидаты будутъ люди одинаковаго воспитанія и образованія, если они чуть не съ дѣтства будутъ ведены въ извѣстномъ духѣ подъ руководствомъ епископа и по указаніямъ куріи въ особыхъ школахъ. Но требованія поставленныя въ письмѣ папы далеко не даютъ понятія о дѣйствительныхъ требованіяхъ Ватикана. Папа указываетъ только общія условія, присовокупляя что подробности дѣла изложены въ особой нотѣ кардинала Якобини, уже врученной прусскому посланнику. Нота эта, помѣченная 19 января, обращаетъ въ ничто податливость выраженную въ письмѣ папы. Оказывается что въ Римѣ говорятъ о представленіи кандидатскихъ списковъ не какъ о постоянной, а какъ о *единовременной* мѣрѣ, допускаемой въ отплату за измѣненіе майскихъ законовъ, которое могло бы „достаточно гарантировать свободное отправленіе церковной юрисдикціи и надлежащаго воспитанія духовныхъ лицъ.“ Правда, кардиналъ оговариваетъ что представленіе кандидатскихъ списковъ и впредь можетъ быть допущено, но не иначе какъ по особому соглашенію и только „послѣ окончательнаго пересмотра майскихъ законовъ.“ Содержаніемъ ноты и поставленными въ ней требованіями въ Берлинѣ, конечно, не могли быть довольны; въ ней, какъ и въ подтверждающемъ его, позднѣйшемъ по времени, письмѣ папы увидѣли только „желаніе взять все не давая ничего.“ „Содержаніе ноты, замѣтила *Крестовая Газета*, не соотвѣтствуетъ ожиданіямъ; многое въ ней свидѣтельствуетъ о глубокомъ разногласіи между Прусскимъ правительствомъ и куріей.“ *Post* находитъ что нота „усиливаетъ опасенія за возможность соглашенія,“ такъ какъ курія очевидно де ставитъ ни во что уступки 1880 и 1882 годовъ. Офиціозная печать высказывалась сдержаннѣе, но тоже въ смыслѣ далеко неблагопріятномъ. Опасенія за возможность соглашенія усилились взрывомъ самыхъ рѣзкихъ нападокъ партіи центра на правительство въ ландтагѣ, при обсужденіи бюджета. Ораторы партіи центра прямо находили что никакія уступки не могутъ быть сдѣланы куріей, такъ какъ Прусское правительство продолжаетъ де слѣдовать „все той же политикѣ Фалька, только подъ другою личиною.“ Къ чему приведетъ новое письмо императора къ папѣ покажутъ обстоятельства: пока любопытно отмѣтить слова органа князя Бисмарка, *Сѣверо-Германской Газеты*, обращенныя къ либераламъ, что слабая поддержка ихъ въ парламентѣ лишаетъ правительство увѣренности что оно можетъ опереться на нихъ въ культурной борьбѣ, а это можетъ де вынудить его на бо́льшую чѣмъ до сихъ поръ уступчивость въ сношеніяхъ съ куріей.

№ 61.

Москва, 1-го марта.

Дѣятельность европейской дипломатіи, если вѣрить иностраннымъ газетамъ, угрожаетъ принять по истинѣ необычайные размѣры. Не успѣли окончиться занятія Лондонской конференціи по Дунайскому вопросу, а дипломатамъ уже приходится ломать себѣ голову чтобы подготовить новыя *дружественныя* сдѣлки на конференціяхъ въ столицѣ Оттоманской имперіи.

Константинопольская конференція, созванная еще въ началѣ прошлаго года для рѣшенія Египетскаго вопроса, не успѣвъ сладить съ этою задачей благодаря отказу Англіи подчиниться коллективному голосу Европы, отложила свои засѣданія на неопредѣленный срокъ, и вотъ представители державъ намѣрены воспользоваться этою отсрочкой ad calendas graecas, чтобы по-

слѣ окончательнаго рѣшенія Дунайскаго вопроса приступить сперва къ вопросу о назначеніи новаго сирійскаго губернатора на мѣсто неугоднаго Франціи Рустемъ-паши, а затѣмъ къ разсмотрѣнію жалобъ Высокой Порты на неисполненіе нѣкоторыхъ статей Берлинскаго трактата, касающихся Греціи, Сербіи, Черногоріи и Болгаріи.

О ходѣ переговоровъ по этому вопросу сообщаютъ слѣдующее: Недѣли двѣ тому назадъ Турецкое правительство обратилось къ великимъ державамъ съ циркулярною нотой, въ коей выражено желаніе чтобы представители державъ подписавшихъ Берлинскій договоръ собрались въ Константинополь на конференцію „для окончательнаго регулированія тѣхъ постановленій Берлинскаго трактата коими опредѣляются обязательства Балканскихъ государствъ относительно Турціи.“ Дѣло идетъ объ опредѣленіи той части турецкаго государственнаго долга какую бы взвалить на вышеозначенныя четыре владѣнія, предѣлы коихъ расширены благодаря русско-турецкой войнѣ. Далѣе, конференція должна опредѣлить размѣръ дани которую Болгарія, въ качествѣ вассальнаго государства, должна уплачивать ежегодно Турціи. Что касается Румыніи, то, по словамъ офиціозныхъ австрійскихъ газетъ, съ нея ничего не потребуютъ, ибо она получила, правда, Добруджу, но за то лишилась части Бессарабіи уступленной или, лучше сказать, возвращенной Россіи, такъ что послѣдняя война будто бы „не принесла Румынамъ никакихъ выгодъ.“ Турецкіе дипломаты, какъ видно, не дремлютъ. По свѣдѣніямъ офиціозной *Политической Корреспонденціи*, турецкая нота послужила поводомъ къ обмѣну мыслей между великими державами, причемъ большинство ихъ отнеслось де къ турецкому проекту весьма сочувственно.

Сочувствіе коимъ турецкая нота встрѣчена въ Вѣнѣ объясняется главнымъ образомъ тѣмъ что, кромѣ вопроса о государственномъ долгѣ и Болгарской дани, въ ней выдвинутъ и вопросъ о занятіи Балканскихъ проходовъ турецкими войсками и о срытіи Дунайскихъ крѣпостей. Послѣднее обстоятельство даетъ поводъ предполагать что въ составленіи Турецкой ноты принимали участіе главнымъ образомъ дипломаты Австріи, ибо для Турціи нѣтъ важности въ томъ будутъ ли и впредь существовать полуразвалившіяся Дунайскія крѣпости или нѣтъ. Что въ Австріи придаютъ большое значеніе уничтоженію Дунайскихъ крѣпостей, это наглядно доказываютъ и нѣкоторые запросы въ парламентахъ Вѣнскомъ и Пештскомъ, въ особенности постановленія венгерской делегаціи въ ея послѣднюю сессію. „Мы надѣемся, говоритъ офиціозный органъ Венгерскаго правительства, *Пештскій Ллойдъ*, что министръ иностранныхъ дѣлъ не забылъ еще какъ у насъ (въ Венгріи) относятся къ вопросу о Дунайскихъ крѣпостяхъ. На одинъ изъ запросовъ въ делегаціи министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣтилъ тогда что державы неоднократно требовали чтобы Болгарское правительство срыло Дунайскія крѣпости, на что оно каждый разъ отвѣчало что работы эти стоили бы очень дорого, и что у Болгаріи нѣтъ достаточныхъ средствъ для срытія крѣпостей которыя и безъ того находятся въ полуразрушенномъ состояніи и не могутъ быть помѣхой судоходству по Дунаю.“ Газета напоминаетъ далѣе о единогласномъ постановленіи делегаціи пригласить правительство чтобъ оно непремѣнно настояло на скорѣйшемъ срытіи Дунайскихъ крѣпостей, и въ заключеніе выражаетъ увѣренность что делегаціи, въ предстоящую сессію, потребуютъ у министра иностранныхъ дѣлъ отчета по вопросу о Дунайскихъ крѣпостяхъ. Справедливо ли сообщеніе *Политической Корреспонденціи* о сочувствіи, съ какимъ встрѣчена Турецкая нота державами, мы не знаемъ. Постановленія Берлинскаго трактата не исполнены именно Турціей: не смѣшны ли ея сѣтованія на неисполненіе этого трактата? Пусть бы прежде она удовлетворила справедливыя требованія Черногорскаго правительства и нѣкоторые другіе пункты Берлинскаго трактата. Что касается спеціально болгарской дани и суммы турецкаго долга который Болгарія должна взять на себя, то вопросъ этотъ поднимать тѣмъ менѣе своевременно что Болгарское правительство должно сперва уплатить Россіи расходы на содержаніе оккупаціонной арміи. Финансы княжества препятствовали ему исполнить это обязательство, но оно во всякомъ случаѣ должно предшествовать всѣмъ другимъ.

Впрочемъ, желаніе Турецкаго правительства поправить свои финансы весьма естественно, и нельзя не подивиться что Порта упускаетъ изъ виду весьма важное для ея финансовъ обстоятельство. Турец-

кій государственный долгъ, какъ это видно изъ постановленій Берлинскаго трактата относительно Черногоріи, Болгаріи и Сербіи, ложится не только на турецкія провинціи, но и на тѣ области которыя перестали быть турецкими и отошли къ другимъ государствамъ. У Турціи есть двѣ обширныя провинціи превосходящія размѣрами ея уступки въ пользу балканскихъ государствъ. Мы говоримъ о Босніи и Герцеговинѣ. Провинціи эти и нынѣ юридически находятся подъ скипетромъ султана, но благодаря захвату ихъ Австро-Венгріей султанъ не получаетъ съ нихъ никакого дохода. Если Австрія фактически завладѣла этими провинціями, то она обязана взять на себя и соотвѣтствующую часть турецкаго долга. Очевидно что нелегальность пользованія этими провинціями не можетъ дать никакихъ преимуществъ захватившей ихъ державѣ предъ другими государствами получившими незначительные клочки легальнымъ путемъ.

№ 63.

Москва, 3-го марта.

Промышленный кризисъ затягивается, становясь серіознѣе день ото дня. Никто не знаетъ когда кончится нынѣшній застой въ дѣлахъ, это небывалое, граничащее съ пріостановкой, сокращеніе сбыта продуктовъ нашей промышленности, и съ каждымъ днемъ слабѣютъ надежды на то что наступитъ наконецъ пора когда фабрики и заводы станутъ опять работать не для наполненія собственныхъ складовъ, а для продажи. Вынужденное такимъ ходомъ дѣлъ сокращеніе производства съ пониженіемъ заработной платы, по мѣстамъ давно уже начавшееся, грозитъ принять большіе размѣры. Пока это сокращеніе сдерживается опасеніями вызвать въ средѣ сгруппированныхъ на фабрикахъ и заводахъ массъ рабочаго люда волненія, которыя потребовали бы вмѣшательства судебныхъ или административныхъ властей. Зная формальное, раздутое и одностороннее толкованіе какое дается третьему параграфу извѣстныхъ „правилъ“ опредѣляющихъ права и обязанности хозяевъ, многіе фабриканты и заводчики, насколько хватаетъ силъ и средствъ, воздерживаются пока сокращать производство на своихъ фабрикахъ и заводахъ, но только до времени, только до Пасхи, которая уже не за горами. Хорошаго тутъ мало для обѣихъ сторонъ, и для хозяевъ, и для рабочихъ. Чѣмъ долѣе отстрочивается приступъ къ сокращенію размѣровъ и издержекъ производства, чѣмъ больше вслѣдствіе этого накопляется въ фабричныхъ складахъ не находящихъ сбыта товаровъ и чѣмъ дороже обходятся эти товары хозяевамъ, тѣмъ въ бо́льшихъ размѣрахъ должны будутъ многіе сократить свое производство послѣ Пасхи.

Нельзя не видѣть что открывающаяся послѣ Пасхи перспектива представляетъ мало утѣшительнаго, и было бы не только безполезно, но положительно вредно скрывать это отъ себя. Если до сихъ поръ кризисъ ложился всею своею тяжестью почти исключительно на хозяевъ промышленныхъ предпріятій, то черезъ нѣсколько недѣль еще болѣе должны будутъ терпѣть отъ него и массы рабочаго люда. Нужно помочь одинаково и хозяевамъ и рабочимъ, нужно устранить причины побуждающія сокращать производство и понижать заработки, нужно по мѣрѣ возможности открыть сбытъ накопившимся и накопляющимся въ складахъ продуктамъ производства на которые не оказывается спроса.

Эту задачу нельзя было бы признать неразрѣшимою,—хотя она, конечно, была бы не изъ легкихъ,—еслибъ единственною причиной промышленнаго застоя было безденежье потребителей вслѣдствіе сокращенія хлѣбнаго отпуска и упадка цѣнъ на сельскіе продукты. Но еще двѣ недѣли тому назадъ мы имѣли случай замѣтить что не это безденежье играетъ тутъ главную роль, а то что существующія въ странѣ денежныя средства идутъ на покупку чужестранныхъ товаровъ.

Обѣ главныя наши морскія границы, и Черноморская и Балтійская, одинаково служатъ подрыву нашего народнаго промышленнаго труда водвореніемъ на русскихъ рынкахъ такъ-сказать узаконенной контрабанды, съ одной стороны въ видѣ Закавказскаго транзита, съ другой въ видѣ безпошлиннаго привоза товаровъ изъ Финляндіи. Эти двѣ раны давно зіяютъ, но съ особою силой стали онѣ истощать нашъ экономическій организмъ именно въ послѣднее время, наканунѣ возникновенія у насъ промышленнаго кризиса. Никогда еще Закавказскій транзитъ не достигалъ такихъ

размѣровъ какъ въ 1881 году, но и небывало большой транзито-контрабандный привозъ этого года былъ только прелюдіей къ несравненно большему таковому же привозу въ минувшемъ 1882 году. А что творилось по этой части въ только что истекшіе январь и февраль, какимъ лихорадочно-усиленнымъ, безостановочнымъ ходомъ работаетъ эта паровая контрабандная машина въ настоящія минуты? Точно также и Финляндскій безпошлинный привозъ, всегда вредившій русскому производству, никогда еще не вредилъ ему въ такой мѣрѣ какъ именно въ послѣдніе годы. О Закавказскомъ транзитѣ было довольно говорено, и значеніе его стало всѣмъ понятно; нельзя сказать того же о Финляндскомъ привозѣ. Между тѣмъ на дѣлѣ причиняемый имъ вредъ еще серіознѣе.

На офиціальныя таможенныя цифры и оцѣнки вообще полагаться трудно; какъ далеки онѣ отъ дѣйствительности обозначилось, между прочимъ, при обсужденіи вопроса о такъ-называемыхъ цѣновныхъ пошлинахъ, отмѣненныхъ только минувшимъ лѣтомъ: привозъ иностранныхъ товаровъ на десятки милліоновъ рублей отмѣчался въ таможняхъ привозомъ на какіе-нибудь три или четыре милліона, причемъ голландскія полотна и батистъ оцѣнивались среднимъ числомъ дешевле гривенника за аршинъ, а сшитое изъ нихъ бѣлье еще въ полтора раза дешевле и т. п. *). Въ виду этого было бы, полагаемъ, ошибкой принимать за точныя тѣ цифры которыми таможенное вѣдомство опредѣляетъ цѣнность Закавказскаго провоза и Финляндскаго привоза, такъ какъ въ дѣйствительности размѣры ихъ несомнѣнно въ нѣсколько разъ превышаютъ формальную казенную оцѣнку. Тѣмъ не менѣе однако пропорціональное отношеніе между тѣмъ и другимъ не лишено значенія. „Цѣнность иностранныхъ товаровъ провезенныхъ черезъ Закавказскій край за 1881 годъ“ опредѣлена въ 7.772.103 рублей, а „привозъ товаровъ изъ Финляндіи“ въ томъ же году опредѣленъ въ 10.388.956 руб. **): сравните эти двѣ цифры чтобы, зная какъ разорителенъ для Россіи Кавказскій транзитъ, поразмыслить о томъ менѣе ли разорителенъ для нея привозъ Финляндскій.

Но чтобы дѣло было яснѣе, чтобы читатели могли составить себѣ понятіе объ его сущности, приведемъ нѣсколько частныхъ примѣровъ.

Наша хлопчато-бумажная промышленность, при всѣхъ несовершенствахъ таможеннаго тарифа, менѣе многихъ другихъ можетъ сѣтовать на недостаточность таможеннаго покровительства. Размѣромъ таможенныхъ пошлинъ она могла бы довольствоваться, но, само собою разумѣется, лишь при томъ непремѣнномъ условіи чтобы пошлины не оставались только на бумагѣ, а дѣйствительно взимались со всѣхъ приходящихъ изъ-за границы хлопчато-бумажныхъ издѣлій. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ?

Возьмемъ офиціальныя свѣдѣнія за 1879 годъ. Иностранныхъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій въ этомъ году прошло чрезъ наши европейскія таможни на сумму около 6 милліоновъ рублей (5.984.627); на ряду съ этимъ оплаченнымъ пошлинами привозомъ, въ томъ же году проникло въ страну безпошлинно:

Ткацкихъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій изъ Финляндіи на. . .	770.507 р.
Мануфактурныхъ товаровъ путемъ Закавказскаго транзита. .	1.132.537 „
Итого . .	1.912.044 р.

Безпошлинный привозъ въ такихъ размѣрахъ, конечно, не могъ не вредить внутреннему производству, но вредилъ не въ такой степени чтобы причинить кризисъ. Обратимся теперь къ офиціальнымъ цифрамъ за 1881 годъ. Число желающихъ привозить въ Россію хлопчато-бумажныя издѣлія съ оплатой ихъ установленными пошлинами, какъ оказывается, значительно уменьшилось: да и глупо было бы платить пошлины когда можно не платить. Съ 6 милліоновъ, правильный привозъ бумажныхъ издѣлій спустился далеко ниже 5 милліоновъ (4.706.026) руб. За то безпошлинный привозъ выросъ разомъ, превратившись изъ исключенія въ общее правило. Именно было привезено:

Ткацкихъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій изъ Финляндіи на. . .	2.731.693 р
Мануфактурныхъ товаровъ путемъ Закавказскаго транзита. .	3 207.880 „
Итого . .	5.939.573 р.

Сличите приведенныя офиціальныя цифры 1879 и 1881 годовъ, и скажите: какое

*) См. *Моск. Вѣд.* 1882, № 103.

**) См. *Обзоръ внѣшней торговли Россіи за 1881 годъ*, стр. 321 и 457.

значеніе можетъ имѣть для промышленности установленный покровительный тарифъ при допускаемыхъ обходахъ этого тарифа и при тѣхъ размѣрахъ въ какихъ этими обходами пользуются? Безпошлинный привозъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій на нѣсколько милліоновъ рублей по таможенной оцѣнкѣ и, стало-быть, на нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей по дѣйствительной стоимости! И это еще, какъ сказано, только прелюдія къ несравненно большему безпошлинному привозу 1882 года... Какой еще нужно искать причины отчего возникъ и такъ упорно держится нынѣшній промышленный кризисъ?

Отъ хлопчато-бумажной перейдемъ къ другой отрасли промышленности, напримѣръ, къ производству экипажей. Благодаря данной ему таможенной охранѣ, правильный привозъ конкуррирующихъ съ нимъ иностранныхъ экипажей не великъ: въ 1881 году ихъ прошло чрезъ таможни (съ уплатой пошлинъ) всего на 118.095 р. Но за то нашему производству приходилось въ томъ же году конкуррировать со втрое большею массой (на 308.366 р.) экипажей привезенныхъ безпошлинно изъ Финляндіи...

Возьмемъ въ примѣръ еще какую-нибудь отрасль промышленности, напримѣръ, производство бумажныхъ обоевъ. Это производство тоже пользуется, повидимому, достаточнымъ покровительствомъ. Бѣда только въ томъ что покровительство на дѣлѣ обращается въ нуль благодаря Финляндскому безпошлинному привозу. Уже въ 1879 году съ оплатой пошлиной было привезено обоевъ всего на 189.429 р. при безпошлинномъ привозѣ изъ Финляндіи на значительно бо́льшую сумму 236.322 р. Но эти цифры — цвѣтки въ сравненіи съ съ тѣми ягодками какія представляютъ офиціальныя данныя 1881 года: при сокращеніи правильнаго привоза до суммы 155.131 р., безпошлинный привозъ изъ Финляндіи поднялся до 1.390.760 р. Вотъ вамъ и покровительство!

Это примѣръ сравнительно мелкій, но поучительный. По свѣдѣніямъ Министерства Финансовъ, весь итогъ обойнаго производства въ Россіи въ 1879 году опредѣлялся суммой съ небольшимъ въ милліонъ рублей (1.082.000 *). Безпошлинный привозъ финляндскихъ и иностранныхъ чрезъ Финляндію привозимыхъ обоевъ дѣлаетъ такимъ образомъ ненужными всѣ обойныя фабрики какія только были у насъ въ 1879 году, предоставляя имъ распустить ихъ рабочихъ на всѣ четыре стороны. Если до этого еще не дошло, то легко можетъ дойти какъ по обойному такъ и по многимъ другимъ болѣе важнымъ производствамъ если не будутъ устранены ведущія къ тому причины.

*) *Ежегодникъ Министерства Финансовъ*, вып. XII, стр. 539.

Ограничимся, на первый разъ, приведенными примѣрами. И этихъ немногихъ примѣровъ довольно чтобы видѣть что при Закавказскомъ транзитѣ и Финляндскомъ безпошлинномъ привозѣ покровительныя пошлины нашего тарифа оказываются пустымъ миражемъ, нисколько не ограждающимъ нашей промышленности отъ подавляющей заграничной конкурренціи. Усиленный натискъ этой конкурренціи, съ двухъ концовъ, чрезъ Поти въ Черномъ Морѣ и чрезъ всѣ порты въ Балтійскомъ, невозбранно наводняющій наши рынки массами всякихъ товаровъ, не могъ не отбить покупателей у товаровъ русскаго производства, не могъ не причинить кризиса.

Зная причины бѣдствія, можно ли терпѣть чтобъ эти причины продолжали дѣйствовать? Ждать ли чтобы Закавказскій транзитъ и Финляндскій привозъ разорили русскую промышленность, и чтобы затѣмъ приступить къ ихъ отмѣнѣ когда будетъ уже поздно? Не слѣдуетъ забывать что всякая болѣзнь лѣчится успѣшнѣе когда захвачена врачемъ вовремя.

№ 64.

Москва, 4-го марта.

Съ какой стороны ни взглянуть, незавиднымъ представляется, при нынѣшнихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, положеніе нашего промышленнаго міра, недоумѣвающаго чего ему ждать, на что разчитывать, къ чему готовиться. Отовсюду видитъ онъ себя тѣснимымъ усиленными натисками заграничной конкурренціи, встрѣчающей съ русской стороны, вмѣсто отпора, непонятное потворство, если не прямое содѣйствіе, усердныхъ союзниковъ. Тарифная политика большей части желѣзнодорожныхъ обществъ, распоряжающихся

рельсовою сѣтью построенною на казенныя деньги и ежегодно требующею отъ казны десятковъ милліоновъ рублей, парализуетъ покровительственное значеніе таможенныхъ пошлинъ, отбивая у русскаго труда внутренніе западные рынки установленіемъ высокой провозной платы съ идущихъ туда русскихъ товаровъ и до крайности пониженной платы съ товаровъ идущихъ туда и далѣе изъ-за границы. Съ Кавказа, съ прочихъ прикаспійскихъ и со всѣхъ вообще юго-восточныхъ рынковъ, наши товары вытѣсняются Закавказскимъ транзитомъ, никогда еще не работавшимъ въ подрывъ русской промышленности такъ усиленно и торопливо какъ въ послѣдніе мѣсяцы. Съ такою же возрастающею энергіей отвоевываются у русской промышленности тѣ районы сбыта на которые могутъ проникать изо всѣхъ нашихъ Балтійскихъ портовъ (а равно черезъ Ладожское озеро и сухопутную Финляндскую границу) заграничные товары подъ флагомъ финляндской привиллегіи безпошлиннаго привоза. Въ какой прогрессіи развивается этотъ подрывающій наше внутреннее производство финляндскій привозъ явствуетъ уже изъ приведенныхъ въ № 63 *Московскихъ Вѣдомостей* примѣровъ: безпошлинный наплывъ къ намъ хлопчато-бумажныхъ тканей съ 770.507 р. въ 1879 году поднялся въ 1881 до 2.731 693 р. (по казенной, крайне приниженной оцѣнкѣ), то-есть увеличился чуть не вчетверо; таковой же наплывъ бумажныхъ обоевъ въ тотъ же короткій срокъ возросъ съ 236.322 р. до 1.390.760 р., то-есть увеличился въ шесть разъ и дошелъ до размѣровъ упраздняющихъ русское обойное производство... Чего еще ждать впереди?

Всѣ стороны транзитнаго вопроса окончательно выяснились и, можно сказать, давно уже перестали быть предметомъ спора для понимающихъ дѣло людей, но въ томъ будетъ ли наконецъ рѣшенъ этотъ вопросъ многіе начинаютъ уже отчаиваться. Перешедшее въ пустое переливаніе изъ пустаго въ порожнее, обсужденіе этого вопроса, въ которомъ уже не осталось ничего что нужно было бы обсуждать, топчется на одномъ мѣстѣ и своею ничѣмъ не объяснимою медлительностью, на радость интригѣ ведущей этотъ нескончаемо-затягиваемый процессъ противъ русскихъ интересовъ, повергаетъ въ уныніе и апатію людей напрасно ожидающихъ осуществленія мѣры которая вывела бы русскія промышленныя дѣла изъ тупика, мѣры которая всѣми признана необходимою и неотложною. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда органы какъ *Голосъ* разчитывали обморочить кого нужно выдавъ транзитъ, съ одной стороны, за дѣло первостепенной важности, сулящее Россіи величайшія и неисчислимыя выгоды, съ другой — за третьестепенный вопросъ нисколько де не затрогивающій интересовъ русской промышленности, дѣло кипѣло, рѣшеніемъ его торопились, такъ торопились что не успѣли извѣстить вызванныхъ изъ Москвы и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ экспертовъ на какіе вопросы ожидаются отъ нихъ отвѣты; такъ торопились что все обсужденіе вопроса, повидимому, предполагалось ограничить однимъ пресловутымъ засѣданіемъ экспертовъ 25 октября; такъ торопились что поспѣшность сказалась въ самой редакціи журнала этого засѣданія, который такъ и остался невѣрнымъ и неподписаннымъ кѣмъ слѣдуетъ, что не помѣшало ему, впрочемъ, войти въ офиціальные „Матеріалы по вопросу о Закавказскомъ транзитѣ.“ Но какъ только безчисленными и вѣскими заявленіями со всѣхъ концовъ Россіи вопросъ былъ поставленъ на надлежащую почву въ его единственномъ правильномъ смыслѣ, торопливость вдругъ смѣнилась черепашьимъ движеніемъ, медлительными переходами вопроса изъ одной инстанціи въ другую, задерживаемыми на пути разными обрядностями канцелярской рутины. Лишь въ февралѣ состоялся вторичный вызовъ экспертовъ, до сихъ поръ неизвѣстно съ какою цѣлію, съ тою ли которая была намѣчена директоромъ Департамента Торговли и Мануфактуръ въ его телеграммѣ, то-есть для „обсужденія пошлины на нѣкоторые транзитные товары,“ то-есть для признанія транзита, или же, какъ сказано въ № 27 *Правительственнаго Вѣстника*, „для разъясненія дѣла и для разсмотрѣнія и сообщенія своего заключенія по собраннымъ Министерствомъ Финансовъ матеріаламъ, которые экспертамъ будутъ предъявлены.“ Послѣдняя цѣль, впрочемъ, не могла быть достигнута: задолго предъ тѣмъ отпечатанные „матеріалы“ были розданы экспертамъ лишь наканунѣ дня въ который должны были они давать о нихъ заключенія, такъ что не было физической возможности даже и бѣгло прочесть розданные фоліанты... Но вотъ прошло около мѣсяца и

послѣ этого новаго опроса экспертовъ, а дѣло все не движется, и всѣ терпящіе отъ этой проволочки едва ли могутъ найти себѣ успокоеніе въ той мысли что когда-нибудь вопросъ дождется же своей очереди..

Такъ идутъ дни за днями, мѣсяцы за мѣсяцами, и съ каждымъ днемъ въ небывалой прогрессіи растутъ въ русскихъ предѣлахъ громадные запасы транзито-контрабандныхъ товаровъ можетъ-быть на нѣсколько лѣтъ.

Русскимъ промышленникамъ, конечно, было пріятно прочесть въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* приговоръ столь долго господствовавшей у насъ доктринѣ, приговоръ выраженный въ заявленіи что Министерство Финансовъ въ 1882 году „открыто" выступило на путь покровительства русскому производству. Но остается понынѣ не совсѣмъ яснымъ въ чемъ именно выразилось это открытое выступленіе на новый путь, и много ли могла выиграть отъ того русская промышленность при оставленіи въ силѣ Закавказскаго транзита и финляндскихъ привиллегій безпошлиннаго привоза?

Намекается, безъ сомнѣнія, на состоявшіяся 1 іюня и долженствовавшія вступить въ силу съ 1 іюля измѣненія таможенныхъ пошлинъ по нѣкоторымъ статьямъ тарифа, также можетъ-быть и на мѣры принятыя противъ привоза изъ-за границы мѣшковъ для хлѣба. Все это въ свое время было принято во вниманіе и оцѣнено быть-можетъ выше стоимости. Вообще говоря, огромное большинство прошлогоднихъ тарифныхъ перемѣнъ было лишено серіознаго значенія: это было большею частію не измѣненіе, а округленіе пошлинъ (частію съ небольшимъ повышеніемъ, частію съ таковымъ же пониженіемъ оныхъ), или наложеніе вновь пошлинъ не столько съ покровительственными, сколько съ фискальными цѣлями. Но нѣкоторыя изъ прошлогоднихъ измѣненій въ тарифѣ дѣйствительно могли бы принести серіозную пользу русскому производству... могли бы еслибы дѣйствіе общаго таможеннаго тарифа не парализовалось частію Закавказскимъ транзитомъ, главнымъ же образомъ—финляндскими привиллегіями безпошлиннаго привоза. Для тѣхъ кто недостаточно знакомъ съ сущностью этихъ привиллегій, дѣло будетъ яснѣе если привести на выдержку нѣсколько изъ многаго множества примѣровъ.

Русскіе скотоводы могли быть порадованы наложеніемъ на привозное сало 30-копѣечной пошлины. Но ограждаетъ ли это ихъ отъ иностранной конкурренціи когда не только привозное сало, но и привозныя сальныя и стеариновыя свѣчи и мыло могутъ, подъ видомъ идущихъ изъ Финляндіи, но безъ свидѣтельства о ихъ происхожденіи, проникать въ страну безпошлинно въ какомъ угодно количествѣ и черезъ Петербургъ, и черезъ Ригу, и черезъ Либаву, и черезъ всякіе иные Балтійскіе порты, и по Финляндской желѣзной дорогѣ?

На привозную шерсть наложена рублевая пошлина. Но много ли тутъ корысти русскимъ овцеводамъ когда „шерсть сырая всякая" можетъ быть привозима безпошлинно точно такимъ же порядкомъ какъ сало, свѣчи и мыло, и когда допущенъ безпошлинный привозъ тѣмъ же самымъ порядкомъ всякой, и крашеной и некрашеной, шерстяной пряжи? Наравнѣ съ шерстяною, на одинаковомъ основаніи, допускается также безпошлинный привозъ пряжи льняной и пеньковой.

Не больше значенія имѣетъ и 50-копѣечная пошлина наложенная на невыдѣланныя кожи, въ виду того что не только не выдѣланныя, но и выдѣланныя кожи могутъ быть ввозимы безпошлинно такъ же какъ шерсть и сало.

Нужно ли приводить еще дальнѣйшіе примѣры? Это значило бы перечислить чуть не всѣ статьи тарифа параллельно съ реэстрами товаровъ безпошлинный привозъ коихъ въ Россію составляетъ финляндскую привиллегію. Интересующіеся могутъ сами на досугѣ сравнить разныя статьи тарифа съ этими длинными реэстрами которые они найдутъ въ Продолженіи 1876 года къ шестому тому Свода Законовъ, гдѣ, напечатанные мелкимъ шрифтомъ въ двѣ колонны, они занимаютъ нѣсколько страницъ начиная съ 222-й. Мало такихъ производствъ для которыхъ эти реэстры не представляли бы бóльшаго или меньшаго интереса: они почти въ равной мѣрѣ касаются и хлопчатобумажныхъ, и полотняныхъ, и шерстяныхъ, и писчебумажныхъ, и обойныхъ, и иныхъ фабрикъ, и металлическаго, и кожевеннаго, и химическаго, и экипажнаго, и мебельнаго, и токарнаго, и иныхъ производствъ, и изготовленія одежды, и, въ заключеніе, почти всѣхъ видовъ кустарной промышленности.

Не всѣ значащіеся въ этихъ реэстрахъ товары допускаются къ безпошлинному привозу безъ представленія свидѣтельствъ о ихъ происхожденіи: часть этихъ товаровъ, для безпошлиннаго пропуска, должны имѣть на себѣ финляндскія клейма и сопровождаться выправленными у мѣстнаго начальства свидѣтельствами о томъ что они происхожденія и издѣлія финляндскаго,—гарантія для русской промышленности не хуже той какая имѣется на Кавказѣ противъ обращенія таможняго транзита въ контрабанду...

Много и долго было говорено о привозныхъ мѣшкахъ и о вредѣ причиняемомъ этимъ привозомъ русской льняной промышленности. На мѣшки была наложена двухрублевая пошлина, но ея значеніе, какъ извѣстно, было тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ парализовано допущеніемъ безпошлиннаго привоза такъ-называемыхъ „обратныхъ" мѣшковъ. Послѣ долгихъ ходатайствъ, удалось недавно выхлопотать упраздненіе этой лазейки къ обходу тарифа. Безпошлинный пропускъ „обратныхъ" мѣшковъ прекратился или долженъ скоро прекратиться. Но много ли отъ этого выиграетъ льняная промышленность? Какъ мѣшечный холстъ, такъ и мѣшки, подъ видомъ финляндскихъ, могутъ быть ввозимы безпошлинно (и безъ свидѣтельствъ о происхожденіи) въ какомъ угодно количествѣ во всѣ наши балтійскіе портовые города, въ томъ числѣ и въ Либаву, для перевозки ихъ оттуда по желѣзнымъ дорогамъ куда потребуется...

Правда, русскіе промышленники въ теченіе долгаго времени успѣли свыкнуться со вредомъ финляндскаго безпошлиннаго привоза, и терпѣли его точно также какъ и ущербъ причиняемый Кавказскимъ транзитомъ. Но въ послѣднее время финляндскій привозъ становится уже не тѣмъ чѣмъ онъ былъ прежде. Это совершенно понятно: на окольныя дорожки идутъ когда встрѣчаютъ преграды на прямомъ пути. Возвышеніе съ 1 января 1881 г. таможенныхъ пошлинъ на 10% повело къ тому что привозъ, напримѣръ, хлопчатобумажныхъ тканей быстро увеличился вчетверо и дошелъ до размѣровъ нисколько не уступающихъ тѣмъ въ какихъ этотъ товаръ идетъ къ намъ путемъ Закавказскаго транзита. Затѣмъ, принятыя въ прошломъ году мѣры покровительства русскому производству служатъ достаточнымъ побужденіемъ къ экстраординарному усиленію финляндскаго безпошлиннаго привоза и по многимъ другимъ статьямъ. Если не въ какомъ другомъ, то въ этомъ отношеніи означенныя покровительственныя мѣры сдѣлали свое дѣло. Это не какія-нибудь пустыя опасенія, это фактъ, подтверждаемый, между прочимъ, тѣмъ положеніемъ въ какомъ очутилось русское проволочное производство. Фактъ этотъ былъ заявленъ въ статьѣ напечатанной, за подписью „Наслѣдниковъ П. О. Гужона," въ № 14 *Московскихъ Вѣдомостей*, на которую чрезъ мѣсяцъ, стало быть по довольномъ разсмотрѣніи, данъ былъ отвѣтъ въ № 37 *Правительственнаго Вѣстника* (*Моск. Вѣд.* № 48). Изъ этого отвѣта оказывается что подрывающій эту важную отрасль русскаго металлическаго производства усиленный безпошлинный привозъ проволочнаго желѣза совершенно въ порядкѣ вещей; что изъ Финляндіи прутовое желѣзо „можетъ быть ввозимо безпошлинно въ Россію въ неограниченномъ количествѣ;" что Финляндцы тутъ въ своемъ правѣ, а притязательными оказываются русскіе проволочники добивающіеся ограниченія этого права...

Нѣтъ, не объ ограниченіи Финляндскаго безпошлиннаго привоза слѣдуетъ думать, но о полномъ его упраздненіи. Можно питать всевозможныя сочувствія ко всѣмъ заинтересованнымъ какъ въ Закавказскомъ транзитѣ, такъ и въ привилегіяхъ Финляндскаго привоза, но этимъ сочувствіямъ не должны же быть приносимы въ жертву интересы русскаго народнаго труда, ни въ большихъ, ни въ малыхъ размѣрахъ.

№ 65.

Москва, 5-го марта.

А.

Лондонская конференція окончила свои работы. 10 марта представители державъ собрались въ послѣдній разъ и подписали новый договоръ долженствующій регулировать дунайское судоходство. Несмотря на многія затрудненія возникшія въ началѣ конференціи главнымъ образомъ по поводу требованія Россіи признать ея законныя права на той части Дуная которая протекаетъ чрезъ русскую территорію, соглашеніе въ концѣ концовъ состоялось ко всеобщему удовольствію. Новый договоръ

заключаетъ въ себѣ семь статей касающихся продленія полномочій международной Дунайской коммиссіи на 21 годъ, судоходства по Килійскому гирлу и новаго судоходнаго регламента на протяженіи Дуная отъ Желѣзныхъ Воротъ до Браилова.

Продленіемъ полномочій Дунайской коммиссіи интересовались болѣе всего морскія державы, Англія и Франція. Первая, какъ извѣстно, ведетъ въ устьяхъ Дуная обширную торговлю (изъ судовъ приходящихъ по Сулинскому гирлу слишкомъ 60 процентовъ составляютъ англійскія); поэтому англійскій представитель и настаивалъ энергически на томъ чтобы полномочія международной коммиссіи были продлены на возможно большій срокъ. Требованіе это уважено, и Англія слѣдовательно можетъ быть совершенно довольна результатомъ конференціи, тѣмъ болѣе что дѣятельность международной коммиссіи распространена и на участокъ отъ Галаца до Браилова.

Требованіе Россіи о формальномъ признаніи ея верховныхъ правъ и исключительной юрисдикціи въ Очаковскомъ устьѣ, оба берега котораго суть русская территорія, несмотря на его законность, встрѣтило сопротивленіе главнымъ образомъ со стороны Англіи, которая должна была однако уступить, въ виду возможности отказа со стороны Россіи на продленіе полномочій международной коммиссіи. Принятію нашихъ предложеній способствовало и то обстоятельство что державы, признавъ въ 1856 году международный характеръ Дуная, согласились однако чтобы юрисдикція на среднемъ теченіи Дуная принадлежала Австро-Венгріи какъ державѣ территоріальной, коей принадлежатъ оба берега Дуная на всемъ его среднемъ теченіи. Въ виду этого прецедента, державы не могли отказать и Россіи въ ея требованіяхъ сводившихся лишь къ тому чтобы за нею были признаны такія же права какими давно пользуется Австро-Венгрія.

Въ виду того что регулированіе Очаковскаго устья, по мнѣнію нѣкоторыхъ инженеровъ, могло бы вредно отозваться на работахъ уже произведенныхъ Дунайскою коммиссіей въ Сулинскомъ гирлѣ (мнѣніе, какъ это показали изслѣдованія нашихъ спеціалистовъ, совершенно неосновательное), представители державъ на Лондонской конференціи потребовали чтобы Россія дала гарантіи что этого не случится. Представитель нашъ изъявилъ согласіе извѣщать международную коммиссію о производимыхъ въ Очаковскомъ устьѣ работахъ, причемъ однако могущія возникнуть затрудненія будутъ рѣшаемы отнюдь не международною коммиссіей, но дипломатическими переговорами между державами. Возможности подобныхъ затрудненій, какъ мы замѣтили, впрочемъ не предвидится.

Что касается установленія таксъ съ судовъ которыя будутъ со временемъ проходить по Очаковскому устью, то вопросъ этотъ, бывшій долгое время предметомъ обсужденія, рѣшенъ въ смыслѣ для насъ болѣе или менѣе благопріятномъ. За Россіей признано право установлять таксы за проходъ судовъ, причемъ въ виду обоюдныхъ интересовъ Сулинскаго и Килійскаго судоходства правительство наше будетъ извѣщать державы имѣющія представителей въ Дунайской коммиссіи о принятыхъ имъ мѣрахъ. Такимъ образомъ, международная Дунайская коммиссія совершенно устраняется отъ той части Дуная которая протекаетъ по русской территоріи.

Гораздо труднѣе было рѣшить вопросъ о той части Килійскаго рукава которая протекаетъ между предѣлами Россіи и Румыніи. Международное соглашеніе тутъ представлялось необходимымъ, тѣмъ болѣе что Румынское правительство до сихъ поръ еще формально не признало за Россіей уступленную ей часть Бессарабіи. Представители державъ согласились чтобы разработанный международною коммиссіей регламентъ для судоходства былъ примѣненъ на этой части Килійскаго рукава, причемъ, однако, завѣдываніе судоходствомъ будетъ находиться исключительно въ рукахъ русскаго и румынскаго делегатовъ коммиссіи.

Въ высшей степени важный вопросъ объ отмѣнѣ VII статьи Берлинскаго трактата, воспрещающей возведеніе какихъ бы то ни было укрѣпленій на берегахъ Дуная, не былъ поднятъ на конференціи нашимъ представителемъ, хотя несомнѣнно Россія имѣетъ такое же право возводить укрѣпленія на своей территоріи какъ и Австро-Венгрія. Случилось это, какъ слышно, главнымъ образомъ по настоянію нашего Военнаго Министерства, которое въ настоящее время не располагаетъ достаточными суммами для возведенія значительныхъ укрѣпленій и опасается чтобы другія госу-

дарства, ссылаясь на примѣръ Россіи, не приступили къ постройкѣ укрѣпленій которыя были бы для насъ угрозой. Кто подразумѣвается здѣсь, мы не знаемъ. Нижнему Дунаю кромѣ Россіи прибрежны только Болгарія и Румынія.

Вотъ въ краткихъ словахъ постановленія Лондонской конференціи касающіяся непосредственно Россіи.

Предложеніе французскаго делегата Дунайской коммиссіи, Баррера, касательно учрежденія смѣшанной коммиссіи, въ составъ коей войдутъ представители Румыніи, Болгаріи, Сербіи и Австро-Венгріи, также принято конференціей, но съ нѣкоторыми измѣненіями въ пользу прибрежныхъ государствъ. Первоначально проектъ Баррера былъ принятъ цѣликомъ, но протестъ Румыніи и Болгаріи, ихъ торжественное заявленіе что они не признаютъ для себя обязательными постановленія конференціи, повидимому произвели свое впечатлѣніе. Австро-Венгрія отказалась отъ двойнаго представительства въ смѣшанной коммиссіи, а прибрежнымъ государствамъ предоставлено право самимъ назначать рѣчныхъ субъ-инспекторовъ въ своихъ участкахъ.

Болѣе другихъ выиграла на конференціи конечно Австро-Венгрія: конференція признала что держава эта имѣетъ важные интересы на нижнемъ Дунаѣ и предоставила ей право участвовать въ засѣданіяхъ смѣшанной коммиссіи, хотя Австро-Венгрія не прибрежна Дунаю въ той его части гдѣ будетъ распоряжаться новоучрежденная коммиссія. Въ виду этого, и еще того что на среднемъ теченіи Дуная за Австро-Венгріей давно уже признаны такія же права какія теперь признаны за Россіей, жалобы австрійской печати что отъ конференціи выиграла одна Россія являются полною безсмыслицей.

Б.

Обращаемъ вниманіе на помѣщаемую ниже статью „По вопросу о Кавказскомъ транзитѣ,“ присланную намъ однимъ изъ крупныхъ и уважаемыхъ иваново-вознесенскихъ фабрикантовъ.

„Сокращать производство или не сокращать, вотъ вопросъ который озабочиваетъ весь промышленный міръ и соприкасающіяся съ нимъ матеріальнымъ трудомъ сотни тысячъ человѣкъ рабочаго люда,“ пишетъ авторъ, указывая на прямую связь этой злобы дня съ близкимъ или далекимъ рѣшеніемъ вопроса о транзитѣ. О томъ же самомъ думаютъ и говорятъ и въ Москвѣ, и въ другихъ промышленныхъ центрахъ. Черезъ нѣсколько недѣль наступаетъ Пасха, конечный срокъ до котораго остается занятымъ на фабрикахъ нынѣшній комплектъ ихъ рабочихъ; послѣ Пасхи долженъ начаться новый наемъ, новая ряда рабочихъ „на поживу,“ говоря техническимъ фабричнымъ жаргономъ. Сколько можно будетъ занять рабочихъ рукъ, сколькимъ нообходимо отказать въ работѣ? Бо́льшая или меньшая цифра зависитъ отъ видовъ на сбытъ, а виды на сбытъ находятся въ зависимости отъ кого *какъ* и *скоро ли* рѣшится вопросъ о транзитѣ. Тутъ учитывается всякая тѣнь сомнѣнія въ томъ что рѣшеніе послѣдуетъ въ благопріятномъ для промышленности смыслѣ; учитывается каждый день промедленія громоздящій новыя массы транзито-контрабандныхъ товаровъ на массы уже навезенныхъ. „Знаютъ ли это въ правящихъ сферахъ?“ спрашиваютъ многіе другъ друга: „не слѣдуетъ ли обратиться ко властямъ за разъясненіемъ чего и когда должно ожидать, дабы не впасть въ ошибку которая можетъ такъ тяжело отозваться на многихъ тысячахъ рабочаго люда?“ — „Не покажется ли это назойливостью?“ отвѣчаютъ имъ болѣе спокойные или равнодушные люди: „вѣдь ужь и такъ пустили дурную славу о нашихъ промышленникахъ за ихъ непокладливость, такъ какъ они не пошли на удочку транзитныхъ пошлинъ.“ Таковъ смыслъ, въ общихъ чертахъ, повсемѣстнаго нынѣ говора.

Очевидно что дѣло выходитъ изъ ряда тѣхъ къ которымъ безъ особаго вреда можетъ быть примѣняемъ обычный медлительный ходъ разсмотрѣнія законодательнымъ порядкомъ. Невольно припоминается случай подходящій къ одной категоріи съ настоящимъ, случай не очень давній, относящійся къ 1877 году. Всѣ помыслы русскихъ людей были устремлены тогда на Болгарію, гдѣ наши войска, съ Царственными Вождями во главѣ, вели геройскую борьбу и съ непріятелемъ, и съ непогодами поздней осени, нуждаясь во многомъ, особенно въ теплой одеждѣ. Въ то самое время начались въ Россіи закупки бараньихъ шкуръ и овчинныхъ полушубковъ для вывоза за границу и въ сущности для снаб-

женія ими турецкой арміи. Это было замѣчено и заявлено. Вслѣдъ затѣмъ безъ промедленія сдѣланъ былъ всеподданнѣйшій докладъ, по которому и состоялось 8 октября 1877 года Высочайшее повелѣніе, объявленное 10 октября Правительствующему Сенату: „воспретить вывозъ за границу сырыхъ бараньихъ шкуръ и овчинъ, а также и издѣлій изъ оныхъ изъ портовъ Балтійскаго моря и черезъ западную границу, за исключеніемъ предназначаемыхъ для нашей арміи и служащихъ.“ Цѣль была достигнута. Но была ли бы она достигнута еслибы къ вопросу объ овчинныхъ полушубкахъ были примѣнены всѣ тѣ пріемы обсужденія и весь тотъ путь прохожденія по инстанціямъ которые тормозятъ рѣшеніе транзитнаго вопроса?

Съ тѣхъ поръ какъ транзитный вопросъ пересталъ быть неяснымъ и спорнымъ, медлить его рѣшеніемъ также мало основаній какъ мало ихъ было при рѣшеніи вопроса о полушубкахъ въ приведенномъ примѣрѣ. Какъ тогда каждый день промедленія нарушалъ бы не въ нашу пользу равновѣсіе въ обстановкѣ своихъ и непріятельскихъ солдатъ, такъ и нынѣ, по отношенію къ транзиту, каждый день промедленія отнимаетъ хлѣбъ у русскихъ рабочихъ.

Отмѣна транзита, конечно, должна повлечь за собою рядъ дополнительныхъ мѣръ: упраздненіе нѣсколькихъ таможень существовавшихъ только для транзита, обращеніе сберегаемыхъ этимъ упраздненіемъ средствъ на учрежденіе двухъ, трехъ новыхъ таможенъ и на усиленіе таможенной стражи, пересмотръ сухопутнаго азіятскаго тарифа и т. д. Обстоятельное обсужденіе и выработка всѣхъ этихъ дополнительныхъ мѣръ можетъ, конечно, потребовать болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Но проектированіе и утвержденіе всѣхъ этихъ дополнительныхъ мѣръ могутъ идти своимъ порядкомъ и послѣ рѣшенія главной задачи—остановить наплывъ транзитной контрабанды.

Еще менѣе основаній медлить огражденіемъ русской промышленности отъ подрыва причиняемаго ей Финляндскимъ безпошлиннымъ привозомъ, который для нея еще вреднѣе чѣмъ Кавказскій транзитъ; тутъ никакихъ дополнительныхъ мѣръ обсуждать не требуется: достаточно простой отмѣны ничѣмъ неоправдываемыхъ Финляндскихъ привилегій на эксплуатацію Россіи.

В.

Въ послѣдніе два дня изъ Лондона приходятъ динамитныя извѣстія, впрочемъ очень лаконическія и сжатыя. Въ прошлый четвергъ, въ 10 часовъ вечера, произошелъ де въ Вестминстерѣ взрывъ столь сильный что потрясъ даже зданіе парламента, напугавъ членовъ палаты общинъ, засѣдавшихъ въ то время, хотя самый взрывъ случился въ домѣ Бюро Мѣстнаго Управленія, фасадъ котораго на половину разрушенъ, окна разбиты. Въ тотъ же вечеръ, въ помѣщеніи редакціи газеты *Times*, взорвало ящикъ съ порохомъ неизвѣстно какъ туда попавшій, причинивъ незначительный вредъ. Оба случая тогда же стали предметомъ запроса въ парламентѣ, и г. Гаркортъ констатировалъ тотъ и другой въ тѣхъ же неопредѣленныхъ выраженіяхъ. До настоящаго момента, по прошествіи двухъ сутокъ, еще неизвѣстны подробности; мы знаемъ только что слѣдствіе производится, что виновные еще не открыты, что разрушеніе зданія произведено динамитомъ.

Ясно пока только то что англійскіе политики не только смущены, но и растерялись въ виду случившагося.

Итакъ, не въ Россіи только бываютъ динамитные взрывы, но и въ Англіи, въ Лондонѣ, въ средоточіи ея государственнаго устройства, почти въ самомъ парламентѣ. Это постóитъ взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ. Значитъ пресловутый „правовой порядокъ“ ничего не обезпечиваетъ. Иронія судьбы хотѣла чтобы лондонскій взрывъ случился въ Board of local government, гдѣ начальствуетъ архи-либералъ и радикалъ Гладстоновскаго кабинета, сэръ - Чарлзъ Дилкъ. Правительство нынѣшняго Англійскаго кабинета по отношенію къ ирландской крамолѣ сбилось было на пути или на безпутицу „диктатуры сердца,“ и вотъ пришло къ такимъ же результатамъ какъ и мы. Съ другой стороны, поучительно для насъ еще то что динамитные взрывы и подобныя покушенія дѣлаются не одними русскими нигилистами, и что русскіе нигилисты, фабрикованные изъ учащейся молодежи, сами не болѣе какъ динамитъ въ рукахъ политической интриги...

№ 67.

Москва, 7-го марта.

Англійская печать старается придать особенное значеніе тому пріему который былъ оказанъ принцу Вельсскому въ Берлинѣ, во время пріѣзда его въ германскую столицу по случаю празднованія серебряной свадьбы его сестры съ наслѣдникомъ германскаго престола. Императоръ Вильгельмъ пожаловалъ принцу Вельсскому чинъ фельдмаршала германской арміи: этотъ фактъ нынѣ подтверждается, несмотря на то что берлинская печать отнеслась скептически къ первоначальному о томъ извѣстію, и въ тамошнихъ газетахъ появилась было поправка въ томъ смыслѣ что императоръ Вильгельмъ подарилъ принцу Вельсскому маршальскій жезлъ по принадлежащему ему чину фельдмаршала *англійской* арміи.

Вообще берлинская печать продолжаетъ соблюдать по отношенію къ Англіи весьма сдержанный тонъ и ограничивается простою отмѣткой тѣхъ заискивающихъ любезностей какими англійская печать съ нѣкоторыхъ поръ наперерывъ забѣгаетъ предъ Германіей. Органъ Лондонскаго Города старается придать отличію полученному принцемъ Вельсскимъ возможно широкое политическое значеніе, усматривая въ томъ нѣчто гораздо болѣе важное чѣмъ простой обмѣнъ любезностей. „Эта почесть,“ замѣчаетъ *Times*, „есть выдающееся подтвержденіе того доброжелательства Германіи и ея вѣнценоснаго вождя къ Англіи и къ Англійскому народу. Впрочемъ, имѣются и другія указанія такого благоволенія въ дѣлахъ, совершенно независимыхъ отъ придворныхъ празднествъ; мы не можемъ не указать на дружелюбіе выказанное намъ Германіей по всѣмъ возникавшимъ въ послѣднее время международнымъ вопросамъ. Во всѣхъ фазахъ кои прошелъ за послѣдніе годы Восточный вопросъ, какъ-то при передѣлѣ Турецкихъ владѣній, въ пререканіяхъ съ Греціей и Черногоріей, въ Египетскомъ дѣлѣ и въ Дунайскомъ вопросѣ, Германія всегда оказывалась въ согласіи съ англійскою политикой, и она охотно употребляла свое вліяніе на поддержаніе и содѣйствіе англійскимъ воззрѣніямъ.“

Утвержденіе газеты *Times* будто Германія всегда поддерживала англійскую политику по дѣламъ Востока, между прочимъ и по Египетскому вопросу, должно быть оставлено на ея отвѣтственности. Прямаго и офиціальнаго опроверженія со стороны Германскаго правительства, конечно, нельзя ожидать еслибъ это утвержденіе было несогласно съ истиной. Но нельзя не припомнить что оно пускается въ ходъ не въ первый разъ. И каждый разъ, во время египетскихъ событій прошлаго лѣта, когда въ англійскихъ газетахъ и парламентѣ указывалось на „полное сочувствіе“ Германіи англійскому предпріятію въ Египтѣ, германская печать, какъ офиціозная такъ и независимая, не только высказывала свое сомнѣніе, но и прямой протестъ противъ этихъ „черезчуръ смѣлыхъ“ указаній. А на этихъ дняхъ италіянскій министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Манчини, въ рѣчи произнесенной имъ 14 марта въ италіянской палатѣ депутатовъ при обсужденіи бюджета министерства иностранныхъ дѣлъ, подтвердилъ не англійскія утвержденія, а нѣмецкія опроверженія. Упомянувъ о вооруженномъ вмѣшательствѣ Англіи въ египетскія дѣла, г. Манчини сказалъ что общественное мнѣніе Италіи, какъ и Франціи, было противъ этого вмѣшательства. „Что же касается Германіи и Австріи,“ прибавилъ италіянскій министръ, „то онѣ не противились ему, *но и не одобряли*.“

Что же знаменуетъ это слишкомъ замѣтное заискиваніе англійской печати предъ Германіей?

Но кстати объ упомянутой рѣчи г. Манчини. Мы имѣемъ пока лишь телеграфное изъ ней извлеченіе. Но въ ней замѣчательно то что италіянскій министръ подтверждаетъ существованіе *союза* между Италіей съ Германіей и Австріей и заявляетъ что правительство останется ему вѣрно. Въ чемъ же однако заключается этотъ союзъ? Изъ словъ италіянскаго министра выходитъ что онъ имѣетъ лишь отрицательное значеніе: „воздерживаться не только отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій (противъ кого?), но и отъ всякаго шага могущаго породить недовѣріе.“ Г. Манчини пришлось однако выдержать энергическую атаку со стороны приверженцевъ партіи ирредентистовъ, кои имѣютъ не мало приверженцевъ и въ италіянскомъ парламентѣ и для которыхъ всякій намекъ на союзъ Австріи есть нестерпимая обида. Одинъ изъ нихъ, депутатъ Фанци,

не довольствуясь протестомъ противъ союза съ Австріей, высказалъ свое неудовольствіе по поводу приниженнаго положенія въ которое поставлена Италія, вынужденная „поддерживать преслѣдуемую Германіей политику перевѣса.“ Г. Манчини въ отвѣтѣ на рѣчь г. Фанци счелъ нужнымъ возразить противъ притязаній ирредентистовъ, заявивъ что „Италія, признавъ право требовать обратно потерянную когда-либо территорію, поколебала бы довѣріе къ международнымъ договорамъ и возбудила бы во всѣхъ великихъ державахъ недовѣріе.“

Не одна впрочемъ *Italia irredenta* есть больное мѣсто наводящее нѣкоторую тѣнь на международныя отношенія Австріи, несмотря на успокоительныя офиціальныя заявленія иностранныхъ министровъ. Кромѣ италіянскихъ, имѣются и германскіе ирредентисты, открыто высказывающіе стремленіе къ возсоединенію съ германскимъ отечествомъ нѣмецкихъ провинцій Австріи. Эти нѣмецкіе патріоты находятся не за предѣлами Австріи, а внутри ея, въ самой столицѣ, и засѣдаютъ въ австрійскомъ парламентѣ.

Депутатъ Австрійскаго рейхсрата г. Шёнереръ навлекъ на себя гоненіе судебной власти, которая потребовала отъ рейхсрата разрѣшенія на преданіе его суду, по слѣдующему поводу. Нѣмецкіе студенты Вѣнскаго университета устроили недавно *коммершъ* въ память Рихарда Вагнера, на который прибыла депутація отъ студентовъ Бреславскаго университета. Когда депутація изъ Бреслава отправлялась въ обратный путь, членамъ оной была устроена овація: вѣнскіе студенты поднесли имъ между прочимъ громадный букетъ изъ *васильковъ*. Извѣстно, что васильки—любимые цвѣты императора Вильгельма. Но, недовольствуясь этимъ, депутатъ Шёнереръ, присутствовавшій на прощальномъ *коммершъ*, произнесъ рѣчь въ которой между прочимъ сказалъ: „Въ кратковременное пребываніе нашихъ бреславскихъ друзей мы научились понимать другъ друга, и я надѣюсь что мы будемъ понимать другъ друга и въ будущемъ. Я убѣжденъ что они сходятся съ нами въ мысляхъ и что они понимаютъ языкъ цвѣтовъ, коихъ выраженіемъ служитъ этотъ букетъ.“ На этомъ же студенческомъ банкетѣ былъ предложенъ тостъ въ честь фельдмаршала графа Мольтке, „который руководилъ прусскими войсками въ 1866 году.“ Ректоръ Вѣнскаго университета обратился съ воззваніемъ къ вѣнскимъ студентамъ, въ которомъ онъ высказываетъ „свое негодованіе по поводу манифестаціи набрасывающей тѣнь на добрую славу Вѣнскаго университета“ и увѣщеваетъ студентовъ воздержаться отъ антипатріотическихъ дѣйствій, наносящихъ позоръ вѣнской *almae matri*, „этому древнему и почтенному созданію славнаго дома Габсбурговъ.“

Берлинская печать находитъ что Австрійскому правительству не слѣдовало бы принимать эти демонстраціи слишкомъ горячо къ сердцу и придавать г. Шёнереру слишкомъ большую важность чрезъ привлеченіе его къ суду, чѣмъ онъ несомнѣнно де воспользуется для новыхъ демонстрацій въ томъ же духѣ. Но въ то же время берлинская печать осыпаетъ упреками министерство графа Таафе за то что оно потворствуетъ „деспотизму“ теперешняго большинства Австрійскаго рейхсрата надъ либерально-нѣмецкимъ меньшинствомъ, деспотизму который еще недавно сказался де по случаю обсужденія резолюціи внесенной депутатами изъ Словаковъ добивавшихся чтобы въ законопроектѣ о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ была включена оговорка, по которой въ словакскихъ гимназіяхъ преподаваніе происходитъ на ихъ родномъ языкѣ. Нѣмецкіе депутаты были такъ возмущены тѣмъ что въ пользу этой резолюціи высказалось большинство палаты что они отказались отъ права слова, заявивъ что они не въ силахъ бороться противъ внѣшняго принужденія.

Министерство графа Таафе дѣйствительно ведетъ довольно энергическую борьбу противъ партіи нѣмецкихъ либераловъ-централистовъ и всячески старается лишить ее того значенія преобладающаго политическаго элемента въ Цислейтаніи которое присвоиваетъ себѣ нѣмецкое населеніе западной половины Австрійской имперіи. А со стороны австрійскихъ Нѣмцевъ главный аргументъ, къ которому всего чаще прибѣгаютъ они противъ графа Таафе, заключается въ томъ что его внутренняя политика находится въ прямомъ противорѣчіи со внѣшнею политикой Австріи, основаніемъ коей провозглашено тѣсное единеніе съ Германіей.

Противъ этого упрека Австрійское правительство отмалчивается...

№ 68.

Москва, 8-го марта.

А.

Около мѣсяца тому назадъ, говоря о послѣднемъ съѣздѣ горнопромышленниковъ въ Харьковѣ, мы замѣтили что едва ли не самымъ горячимъ вопросомъ для углепромышленности является теперь вопросъ о желѣзнодорожныхъ тарифахъ по перевозкѣ угля. Въ настоящую минуту этотъ вопросъ служитъ предметомъ обсужденія въ правительственныхъ сферахъ, причемъ въ Петербургъ вазваны нѣкоторые изъ представителей Донецкой каменноугольной промышленности для участія въ совѣщаніяхъ въ Горномъ Департаментѣ и въ Техническо-Инспекторскомъ комитетѣ Министерства Путей Сообщенія по обсужденію ходатайствъ вышеупомянутаго съѣзда. Кромѣ заявленій этого съѣзда, на разсмотрѣніе правительства поступило также ходатайство нѣсколькихъ крупныхъ московскихъ фирмъ, подавшихъ 8 минувшаго февраля свою записку, о необходимости попиженія желѣзнодорожныхъ тарифовъ по перевозкѣ донецкаго угля, министрамъ Финансовъ, Путей Сообщенія и Государственныхъ Имуществъ, а также и графу Баранову. По своей сущности, московская записка совпадаетъ и съ ходатайствомъ донецкихъ углепромышленниковъ, и съ напечатанною въ № 28 *Московскихъ Вѣдомостей* статьей „Донецкій и англійскій каменный уголь на Московскомъ рынкѣ.“

Съ какой стороны ни взглянуть на дѣло, нельзя не пожелать чтобы вопросъ былъ рѣшенъ въ смыслѣ благопріятномъ какъ для каменноугольной, такъ и для фабричной и заводской промышленности. Не только ихъ интересы въ данномъ случаѣ совершенно согласны между собою, но пониженіе стоимости провоза русскаго угля требуется, кромѣ того, еще многими другими важными соображеніями. Этимъ путемъ была бы усилена разработка нашихъ каменноугольныхъ залежей, были бы увеличены заработки и даны занятія нѣсколькимъ тысячамъ рабочихъ рукъ, были бы вмѣстѣ съ тѣмъ сокращены размѣры лѣсоистребленія въ околомосковныхъ фабричныхъ районахъ; устранить для этого района нужду въ привозномъ изъ-за границы топливѣ замѣною его русскимъ донецкимъ углемъ значило бы вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовать улучшенію нашего международнаго разчетнаго баланса уменьшеніемъ денежныхъ уплатъ за границу за продуктъ имѣющійся въ самой Россіи въ неисчерпаемомъ изобиліи, что не лишено значенія въ дѣлѣ поддержанія уровня нашихъ вексельныхъ курсовъ. Желательное во всѣхъ отношеніяхъ пониженіе желѣзнодорожнаго тарифа по перевозкѣ русскаго угля встрѣчаетъ противодѣйствіе единственно въ близорукихъ разчетахъ нѣкоторыхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, хотя иныя изъ нихъ, напримѣръ Московско-Курской дороги, безъ всякаго сторонняго побужденія, изъявляютъ готовность понизить тарифъ на уголь (впрочемъ не круглый годъ) до $^1/_{70}$ к. съ пуда и версты. О желѣзнодорожное противодѣйствіе разбиваются въ теченіе многихъ лѣтъ и стремленія правительства дать нашему угольному дѣлу надлежащее развитіе, и всѣ направленныя въ ту же сторону ходатайства промышленниковъ.

Но можетъ-быть просимое промышленниками пониженіе тарифа было бы въ самомъ дѣлѣ разорительно для желѣзныхъ дорогъ, можетъ-быть промышленники оказываются въ данномъ случаѣ чрезмѣрно притязательными, не принимая совсѣмъ въ разчетъ спеціальныхъ интересовъ доходности желѣзныхъ дорогъ?

Нельзя было бы счесть за особую притязательность, еслибы промышленники просили даже чтобы за провозъ русскаго угля по русскимъ дорогамъ взималась нѣсколько низшая провозная плата противъ той какая берется съ угля англійскаго. Но промышленники этого не просятъ; они не просятъ даже полнаго уравненія русскаго угля съ англійскимъ, не домогаются чтобы къ донецкому углю были примѣнены точь-въ-точь тѣ же тарифныя нормы какія примѣняются къ идущему въ Москву англійскому углю. Спеціальный желѣзнодорожный интересъ возить дешевле такъ-называемые обратные грузы принимается въ соображеніе, этому интересу дѣлается возможная уступка. Англійскій уголь везутъ въ Москву изъ Ревеля съ платой по $^1/_{81}$ к. съ пуда и версты, изъ Петербурга и Балтійскаго Порта съ еще болѣе дешевою платой по $^1/_{86}$ к. съ пуда и версты. Объ установленіи такихъ низкихъ цѣнъ по провозу донецкаго угля въ Москву при нынѣшнихъ обстоятельствахъ не просятъ. Просятъ только чтобъ этотъ провозъ не

былъ почти въ полтора раза дороже провоза иностраннаго угля, чтобы тарифная ставка была понижена съ $^1/_{60}$ до $^1/_{72}$. Вотъ размѣръ пониженія противъ котораго направлены желѣзнодорожные протесты.

Эти протесты не безусловные. На осеннемъ съѣздѣ углепромышленниковъ въ Харьковѣ, желѣзнодорожники готовы были пойти на компромиссъ со своими оппонентами: они соглашались понизить тарифъ для дальнихъ рынковъ, въ томъ числѣ для Москвы, куда нынѣ, по дороговизнѣ провоза, донецкій уголь почти вовсе не можетъ идти, съ $^1/_{60}$ до $^1/_{70}$ съ пуда, но съ тѣмъ чтобы цѣна провоза на ближніе рынки, которыми пока только и живетъ каменноугольная промышленность, была повышена противъ нынѣшней, смотря по разстояніямъ, съ $^1/_{60}$ до $^1/_{50}$, до $^1/_{45}$ и даже $^1/_{40}$ коп. съ пуда и версты. Этимъ встрѣчнымъ предложеніемъ объявлялось углепромышленникамъ, такъ сказать, слѣдующее: вы хотите расширить вашъ сбытъ, вы хотите пріобрѣсти новые дальніе рынки; хорошо, мы сдѣлаемъ вамъ снисхожденіе, установимъ тарифъ необходимый для достиженія вашей цѣли, но не даромъ; купите у насъ новые дальніе рынки стѣсненіемъ сбыта на ближнихъ; помогите намъ установить въ нашу пользу особый трехклассный желѣзнодорожный налогъ на потребителей угля въ Донецкомъ районѣ съ 500-верстнымъ радіусомъ. Пусть донецкій уголь подешевѣетъ въ Москвѣ, но пусть за то онъ вздорожаетъ на разстояніяхъ до 200, до 350 и до 500-верстной желѣзнодорожной перевозки.

Само собой разумѣется что на введеніе такого рода и подобныхъ имъ дифференціальныхъ тарифовъ со стороны углепромышленниковъ не могло послѣдовать согласія: принять ихъ значило бы не улучшить, а ухудшить существующія условія. Выслушавъ желѣзнодорожниковъ, углепромышленники пришли къ заключенію: не понижая нынѣ дѣйствующихъ тарифовъ на дорогахъ перевозящихъ минеральное топливо для рынковъ ближайшихъ, установить пониженные тарифы для отдаленныхъ рынковъ, то-есть до Знаменки и за Знаменку, до Серпухова и за Серпуховъ, до Рязани и за Рязань

Притязанія желѣзнодорожниковъ на установленіе предлагаемыхъ ими дифференціальныхъ тарифовъ могли бы получить характеръ нѣкоторой уважительности еслибы могло быть доказано одно изъ двухъ: или что 1) дѣйствующій тарифъ въ $^1/_{60}$ к. по перевозкѣ на не особенно большихъ разстояніяхъ разорителенъ для желѣзныхъ дорогъ, такъ что имъ нужно хлопотать о повышеніи онаго; или что 2) для нихъ будетъ разорительно возить уголь по $^1/_{72}$ к. на дальнія разстоянія, такъ что необходимо дать имъ особое вознагражденіе за убыточность такой перевозки. Но ни то, ни другое, полагаемъ, не можетъ быть доказано, а приводимые вмѣсто доказательствъ софизмы могутъ ввести въ заблужденіе развѣ только людей не понимающихъ дѣла.

Такъ, отстаивая предлагаемый ими дифференціальный тарифъ, желѣзнодорожники постоянно твердятъ что возить уголь по $^1/_{60}$ невыгодно, не представляя тому, однако, никакихъ убѣдительныхъ цифровыхъ доказательствъ, да и не легко доказывать то что противорѣчитъ дѣйствительности. Когда, на послѣднемъ съѣздѣ углепромышленниковъ, желѣзнодорожники были приглашены представить доказательства невыгодности этой перевозки, оказалось что они сами не знаютъ во что обходится дорогамъ перевозка одного пуда угля, и что мнимая убыточность перевозки по $^1/_{60}$ объясняется въ желѣзнодорожныхъ отчетахъ дѣтски-наивными соображеніями. Чтобъ оцѣнить всю прелесть этой наивности всего лучше взять въ примѣръ исторію пониженія почтовыхъ и телеграфныхъ тарифовъ. Извѣстенъ фактъ что разумныя пониженія этихъ тарифовъ постоянно вели не къ сокращенію, а къ возрастанію почтоваго и телеграфнаго дохода: брали дешевле за каждое письмо и телеграмму, но за то число пересылаемыхъ писемъ и телеграммъ увеличивалось въ такой мѣрѣ что почтовое и телеграфное вѣдомства оказывались въ немалыхъ барышахъ. Представьте же себѣ, однако, что вмѣсто того чтобы считать эти барыши, стали бы высчитывать понесенные означенными вѣдомствами убытки: вотъ сколько теперь пересылается писемъ и телеграммъ! еслибы за каждое брать по прежней высокой таксѣ, доходъ былъ бы много больше нынѣшняго и выразился бы вотъ какою высокою цифрой, а до этой высокой цифры теперь недовыручено... Всѣ, конечно, осмѣяли бы счетчиковъ принимающихъ такую недовыручку за убытокъ. А именно такими счетчиками и оказываются иные изъ

нашихъ желѣзнодорожниковъ. По существовавшему прежде дифференціальному тарифу за провозъ угля взималось по $^1/_{36}$, $^1/_{40}$, $^1/_{50}$ и $^1/_{60}$ коп. Угля по этимъ высокимъ тарифамъ провозилось мало. Различныя высокія тарифныя ставки были замѣнены однообразною пониженною, въ $^1/_{60}$ коп.: уголь стали возить по дорогѣ въ бо́льшихъ количествахъ. И вотъ, наиболѣе выигравшая отъ этого дорога начинаетъ считать сколько бы она выручила еслибъ эти привлеченные къ ней пониженіемъ провозной таксы угольные грузы оплачивались по прежнимъ высокимъ таксамъ при которыхъ и самыхъ этихъ грузовъ не было бы: воображаемый невозможный доходъ сравнивается съ дѣйствительнымъ, вычисляется мнимая недовыручка, за которую дорога должна де быть вознаграждена казной. Не знаемъ принимала ли казна подобныя претензіи въ уваженіе, но вмѣсто того чтобъ оныя выслушивать, можно было бы со всѣмъ краснорѣчіемъ цифръ убѣдить правленіе дороги что именно тою мѣрой привлеченія къ ней угольныхъ грузовъ, на которую оно ропщетъ какъ на притѣсненіе, дорога выведена изъ ея прежняго состоянія безнадежной бездоходности и поставлена въ положеніе близкое къ тому чтобы выйти изъ гарантіи. По доставленнымъ намъ свѣдѣніямъ, перевозка угля по этой недовольной своими тарифами дорогѣ съ 1872 къ 1882 возрасла съ 8 до 45 милліоновъ пудовъ, причемъ выручка съ версты поднялась съ 4.000 до 13.000 рублей.

Таковы были результаты удешевленія провоза угля до $^1/_{60}$ к. съ версты на сравнительно близкихъ разстояніяхъ. Точно также не убыткомъ, а выгодой для дорогъ, не уменьшеніемъ, а увеличеніемъ ихъ доходности, было бы установленіе тарифа въ $^1/_{72}$ для перевозки угля на дальнія разстоянія. Тѣ угольные грузы которые нынѣ перевозятся по $^1/_{60}$ и всѣ выгоды отъ этой перевозки попрежнему остались бы за дорогами. Но къ этимъ грузамъ прибавилась бы масса новыхъ для снабженія донецкимъ углемъ новыхъ обширныхъ рынковъ, куда онъ нынѣ не можетъ идти, не выдерживая дороговизны провоза, но гдѣ, какъ напримѣръ въ Москвѣ, при тарифѣ въ $^1/_{72}$, онъ могъ бы выдерживать конкурренцію съ углемъ иностраннымъ. Каждая дорога особенно дорожитъ грузами пробѣгающими по ней возможно большее разстояніе; для такихъ грузовъ каждая дорога охотно дѣлаетъ сбавки въ своихъ тарифахъ. Дѣлать такія сбавки прямой спеціальный желѣзнодорожный разчетъ. Только по такимъ особенно выгоднымъ для дорогъ грузамъ угля и требуется пониженіе тарифа съ $^1/_{60}$ до $^1/_{72}$. Впрочемъ, едва ли можно думать что желѣзныя дороги не понимаютъ какъ выгодно для нихъ то пониженіе тарифа противъ котораго онѣ возстаютъ. Но имъ еще выгоднѣе чтобъ это пониженіе состоялось противъ ихъ воли, по правительственному принужденію. Тогда выгодная афера можетъ быть выдана за тяжкое пожертвованіе своими интересами государственнымъ видамъ, а въ вознагражденіе за такое мнимое пожертвованіе можно будетъ потребовать отъ правительства уже не мнимыхъ, а дѣйствительныхъ льготъ, субсидій, гарантій и тому подобнаго...

Б.

Никогда еще національная борьба въ Австріи не принимала такого остраго характера какъ въ послѣднее время, подъ правленіемъ феодальнаго министерства графа Таафе, выставившаго своимъ девизомъ примиреніе всѣхъ національностей населяющихъ Цислейтанію. Централистскій нѣмецкій режимъ, въ послѣдніе годы своего существованія, доказалъ свою несостоятельность. Усиленная германизація не могла принести плодовъ тамъ гдѣ Нѣмцы составляютъ меньшинство и гдѣ другія національности стоятъ уже давно на довольно высокомъ культурномъ уровнѣ и воодушевлены желаніемъ во что бы то ни стало защитить свою національность отъ угрожающей германизаціи. Поэтому пришлось перемѣнить систему въ надеждѣ что дѣла при новыхъ порядкахъ пойдутъ лучше, и что Нѣмцы, занимая и безъ того господствующее положеніе, въ концѣ концовъ примирятся съ тѣмъ что Австрія не есть держава чисто германская и что она не можетъ вести національную политику внутри за неимѣніемъ сильнаго національнаго элемента.

Разчетъ оказался невѣренъ.

Прошло уже три года съ тѣхъ поръ какъ графъ Таафе стоитъ во главѣ управленія, а дѣла нисколько не поправились: политика нынѣшняго австрійскаго кабинета не удовлетворила ни одной изъ враждующихъ

сторонъ. Чехи не безъ основанія ропщутъ на систематическое угнетеніе въ тѣхъ округахъ своей страны гдѣ населеніе смѣшанное; Словинцы не довольны тѣмъ что учебное дѣло все еще въ рукахъ Нѣмцевъ; галицкіе Русскіе ропщутъ на угнетеніе отъ Поляковъ; наконецъ Нѣмцы, въ лицѣ своихъ вожаковъ, проповѣдуютъ присоединеніе къ Германіи.

Дѣло вожака нѣмецкой партіи, депутата Шёнерера, заслуживаетъ вниманія. Присутствуя вмѣстѣ съ нѣкоторыми нѣмецкими профессорами Вѣнскаго университета на вечеринкѣ студентовъ, почтенный депутатъ позволилъ себѣ произнести рѣчь въ коей провозгласилъ союзъ австрійскихъ Нѣмцевъ съ Германіей и пилъ за здоровье императора Вильгельма, будущаго короля Богеміи! Полный текстъ рѣчи г Шёнерера намъ неизвѣстенъ: австрійская цензура не пропустила его въ публику. Прокуратура сочла необходимымъ поднять уголовное преслѣдованіе противъ участвовавшихъ на вечеринкѣ и, вслѣдствіе этого, обратилась къ палатѣ депутатовъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи предать суду депутата Шёнерера какъ лица болѣе другихъ скомпрометтированнаго. Послѣ долгихъ обсужденій, сперва въ особой парламентской коммиссіи, затѣмъ на общемъ собраніи депутатовъ, палата въ тайномъ засѣданіи постановила исполнить требованіе суда. Отчетъ этого засѣданія не подлежалъ обнародованію; поэтому ходъ преній намъ неизвѣстенъ, но результатъ ихъ ясно доказываетъ что возмутительная рѣчь г. Шёнерера выражаетъ мнѣніе весьма значительнаго числа депутатовъ Вѣнскаго рейхсрата. Изъ 263 депутатовъ участвовавшихъ въ тайномъ засѣданіи палаты 156 высказались въ пользу преданія суду и лишенія Шёнерера депутатскаго права изъятія (Immunitätsrecht), а 107 противъ него. Эти сто семь депутатовъ (всѣ безъ исключенія члены нѣмецкой оппозиціонной партіи) такимъ образомъ признали себя солидарными съ лицемъ открыто приглашавшимъ къ государственной измѣнѣ. Ссылка на то что парламентъ неоднократно отказывался исполнить требованія судебныхъ властей о выдачѣ депутатовъ дѣйствовавшихъ противъ правительства, ссылка эта, повторяемая почти всѣми оппозиціонными газетами, въ данномъ случаѣ неумѣстна. Съ конституціонной точки зрѣнія парламентъ долженъ былъ защищать неприкосновенность своихъ членовъ ведущихъ открытую борьбу противъ *правительства партіи*, противъ министерства, которое находится у дѣлъ пока располагаетъ въ палатѣ извѣстнымъ большинствомъ голосовъ. Но рѣчь г. Шёнерера направлена не противъ министерства графа Таафе, не противъ системы коей онъ представитель, но противъ *единства имперіи:* ее нельзя назвать иначе какъ *революціонною* или *измѣнническою*. „Радикальныя партіи есть и во Франціи, и въ Италіи, и въ другихъ государствахъ, справедливо замѣчаетъ пражская *Politik*, и всѣ онѣ стремятся ко внутреннему перевороту, но никому изъ нихъ не приходило въ голову пожертвовать даже пядью отечественной земли въ пользу иностраннаго государства.“ Депутатъ рейхсрата Шёнереръ проповѣдуетъ раздѣлъ Австріи, и его поддерживаютъ 107 сотоварищей. Явленіе наглядно характеризующее прочность Австро-Венгерской монархіи...

Замѣчательно что правительство привлекаетъ г. Шёнерера къ судебной отвѣтственности не за государственную измѣну, какъ слѣдовало ожидать, а просто за нарушеніе общественной тишины. Чѣмъ руководятся въ данномъ случаѣ австрійскіе министры? Не сознаніемъ ли своего безсилія?

По поводу пресловутаго Львовскаго процесса, поднятаго по настоянію польской партіи противъ ни въ чемъ неповинныхъ и достойныхъ уваженія галицкихъ патріотовъ, нами была высказана мысль что цѣлости Габсбургской имперіи угрожаетъ не Востокъ, а Западъ. Мнѣніе это находитъ теперь весьма убѣдительное подтвержденіе.

Вѣнская печать съ горечью отмѣчаетъ фактъ что въ послѣдніе три, четыре года закрыты четыре студенческія общества за распространеніе *непатріотическихъ* тенденцій. Фактъ знаменательный, но и весьма естественный. Давно было сказано: „L'Autriche n'est pas un état, ce n'est qu'un gouvernement.“

В.

Въ Москвѣ получена изъ Закавказья слѣдующая телеграмма, сообщающая свѣдѣнія касающіяся тамошняго транзита и идущая изъ благонадежнаго источника:

„*Тифлисъ*, 5 марта. Въ теченіе 1882 года отправлено транзитомъ 21.130 мѣстъ мануфактуры, 77.988 ящиковъ сахара,

11.864 ящиковъ разнаго товара, всего 738.048 пудовъ, на 16.626.765 рублей. За январь и февраль 1883 года сообщу съ подробностями письмомъ."

Стоимость иностранныхъ товаровъ провезенныхъ чрезъ Закавказье въ 1881 году опредѣлялась въ 7.772.103 рубля; въ 1882 году вмѣсто этой цифры мы видимъ уже 16.626.765 рублей. Это болѣе чѣмъ вдвое. Можетъ-быть кого-нибудь радуетъ подобная прогрессія, но едва ли русскую промышленность, едва ли русскихъ рабочихъ...

Цифры въ вышеприведенной телеграммѣ, надобно полагать, такого же офиціальнаго происхожденія какъ и цифра 1881 года, а всѣ знаютъ что офиціальныя оцѣнки бываютъ въ нѣсколько разъ ниже дѣйствительныхъ. Если транзитъ 1881 года опредѣлялся цифрой $7^3/_4$ милліоновъ, можно быть увѣрену что на дѣлѣ онъ простирался до 20 или 30 милліоновъ. Если итогъ транзитнаго провоза въ минувшемъ 1882 году оцѣняется въ $16^1/_2$ милліоновъ, смѣло можно предполагать вмѣсто этой цифры 50, если не 80 милліоновъ рублей.

№ 69.

Москва, 9-го марта.

А.

На дняхъ телеграфъ извѣстилъ что „проектируются для призыва новобранцевъ новыя льготы вытекающія изъ начала *домохозяйственнаго*, а не семейнаго, какъ теперь." Проектируется стало-быть замѣна одной системы льготъ другою, основанною на новомъ началѣ. Воинская повинность всюду считается очень тяжелою и требуетъ особыхъ заботъ объ уравнительности разверстки. Но въ то же время необходимо и очень серіозное вниманіе къ нуждамъ тѣхъ на кого падаетъ ея отбываніе. Поставку одного и того же годоваго контингента можно сдѣлать для населенія и болѣе легкою и болѣе тяжелою. Льгота данная однимъ ложится тяжестью на другихъ. Необходима поэтому строгая, точная и подробная сортировка правъ на льготу. Здѣсь все должно быть принято во вниманіе.

Съ извѣстіемъ о замышляемомъ преобразованіи системы льготъ по семейному положенію почти какъ разъ совпало обнародованное извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета министра Внутреннихъ Дѣлъ по исполненію призыва въ минувшемъ году. Числовыя данныя этого отчета не лишены интереса въ настоящемъ случаѣ. Оказывается что въ минувшемъ году въ призывные списки было внесено и слѣдовательно подлежало отбыванію повинности 791.858 человѣкъ. Изъ этого числа, на льготы по семейному положенію имѣли право 394.119 человѣкъ или *почти половина* всѣхъ внесенныхъ въ призывные списки. Далѣе, изъ отчета видно что при осмотрѣ и пріемѣ новобранцевъ освобождено отъ службы въ войскахъ по недостаточному росту, по болѣзнямъ и тѣлеснымъ недостаткамъ и по неспособности къ строевой службѣ, 54.517; назначена отсрочка по невозмужалости, для излѣченія болѣзни и вслѣдствіе нахожденія подъ судомъ, 89.209 человѣкъ. Такимъ образомъ, устранено отъ исполненія повинности 143.726 человѣкъ. Прибавляя сюда же 28.443 человѣка самовольно неявившихся къ призыву, получимъ вмѣстѣ съ имѣющими право на льготы по семейному положенію 566.288 человѣкъ. Вычтя эту цифру изъ 791.858, получимъ 225.570, на которые и должна лечь вся тяжесть *дѣйствительнаго* исполненія воинской повинности. Между тѣмъ на службу по разверсткѣ принято 206.844 человѣка. Оказывается такимъ образомъ что вынутіе жребія для лицъ годныхъ къ службѣ и не имѣющихъ права на льготу составляетъ почти *только формальность*, такъ какъ почти всѣ они должны неизбѣжно поступить въ ряды. Понятно поэтому что установленная у насъ система льготъ по семейному положенію вызываетъ не мало нареканій со стороны тѣхъ кто ею не пользуется. Даваемыя широкою рукой льготы, при установившейся системѣ разверстки рекрутскаго контингента между призывными участками, вели къ тому что многіе изъ льготныхъ наиболѣе нуждающихся въ облегченіи не могли воспользоваться своимъ правомъ. Законъ (ст. 146 Устава о воинск. пов.) опредѣляетъ что медицинскому освидѣтельствованію, опредѣляющему годность къ военной службѣ, подлежатъ всѣ вынувшіе жребій, но въ такой послѣдовательности: прежде всего не имѣющіе права на льготу по семейному положенію; затѣмъ, если число этихъ лицъ недостаточно для покрытія тре-

буемаго съ участка контингента, „подвергаются освидѣтельствованію, *въ послѣдовательномъ порядкѣ* жеребьевыхъ нумеровъ, лица имѣющія право на льготу третьяго разряда, за симъ втораго и наконецъ перваго, до дополненія требуемаго числа новобранцевъ.“ Обиліе льготныхъ не даетъ возможности сортировать ихъ въ каждомъ разрядѣ по мѣрѣ дѣйствительной нужды. Въ результатѣ выходитъ что изъ льготныхъ зачисляется ежегодно на службу свыше пяти тысячъ человѣкъ. Такая система льготъ требуетъ серіознаго пересмотра въ видахъ необходимости вникнуть въ дѣйствительныя нужды населенія. Кромѣ справедливости, этого требуютъ экономическія соображенія вынуждающія государство заботиться о благосостояніи хозяйствъ на которыя падаютъ налоги.

Далѣе. Десятилѣтняя практика отбыванія воинской повинности указала слабость первоначальныхъ требованій относительно физическаго развитія принимаемыхъ въ военную службу. Не мало людей признаваемыхъ при пріемѣ годными оказывались потомъ недостаточно крѣпкими для перенесенія трудностей службы, наполняли госпитали и лазареты, увольнялись затѣмъ вовсе отъ службы со здоровьемъ въ конецъ разстроеннымъ. Требованія относительно физическаго развитія приходится повышать, а между тѣмъ повышеніе это возможно не иначе какъ на счетъ зачисленія въ службу льготныхъ. Сдѣлать это возможно; таких широкихъ и щедрыхъ льготъ нѣтъ нигдѣ, но на практикѣ всякое повышеніе пріемныхъ требованій все-таки оказалось бы слишкомъ отяготительнымъ, именно потому что наши льготные разряды слишкомъ крупны; въ каждомъ изъ разрядовъ находятся поэтому люди въ дѣйствительности далеко не одинаковыхъ правъ на льготу, а между тѣмъ порядокъ пріема ставитъ всѣхъ ихъ на одну доску. Сверхъ того, подлежитъ вопросу въ какой мѣрѣ правильно льготы разбиты на разряды. Принятое распредѣленіе встрѣтило не мало возраженій при первоначальной разработкѣ закона. Такъ, между прочимъ, указывалось что „единственные сыновья при отцѣ способномъ къ труду“ причисляемые къ первому разряду льготныхъ, и „единственно способные къ труду сыновья при отцѣ способномъ къ труду и братьяхъ моложе восемнадцати лѣтъ“ отнесенные ко второму разряду, могли бы быть включены въ одинъ разрядъ, и что каждый изъ разрядовъ могъ бы быть въ свою очередь подраздѣленъ на классы. Насколько послѣднее замѣчаніе справедливо видно между прочимъ изъ самаго законоположенія. Въ статьѣ 45 Устава о воинской повинности первый разрядъ льготныхъ имѣетъ четыре подраздѣленія, а между тѣмъ всѣ зачисленныя въ него лица по отбыванію повинности поставлены въ условія совершенно одинаковыя.

Аномаліи эти не могутъ быть устранены никакими частными дополнительными распоряженіями; каждое изъ такихъ распоряженій, ограждая интересы одного класса призывныхъ, могло бы обратиться очень легко въ ущербъ другому, такъ какъ увеличить общее число нельзя безъ сокращенія ежегоднаго контингента. Требуется поэтому общій пересмотръ всѣхъ постановленій о льготахъ по такъ-называемому семейному положенію. Этотъ-то именно пересмотръ теперь и проектируется, причемъ за основаніе предполагается принять не семейство, а *хозяйство*, ибо въ крестьянскомъ быту это далеко не одно и то же.

Но если въ основаніе льготъ по воинской повинности принять, вмѣсто *семейнаго* начала, *домохозяйственное*, то не усилится ли чрезъ это зло семейныхъ раздѣловъ, на которое всѣ жалуются?

Б.

Дипломатическая сдѣлка устроенная Лондонскою конференціей по Дунайскому вопросу нашла себѣ выраженіе не въ одномъ трактатѣ, но еще въ особомъ протоколѣ, имѣющемъ обязательную силу и скрѣпленномъ подписью всѣхъ представителей державъ на послѣднемъ засѣданіи конференціи. Первая статья этого протокола предоставляетъ членамъ международной Дунайской коммиссіи право „свободно двигаться по Килійскому гирлу и его устьямъ съ цѣлью собиранія свѣдѣній.“ Во второй статьѣ изложено единогласное постановленіе конференціи что назначеніе болгарскаго делегата Смѣшанной Коммиссіи должно быть предлагаемо на утвержденіе Турецкаго правительства, и наконецъ въ третьей статьѣ ограждается консульская юрисдикція по отношенію къ судамъ плавающимъ между Желѣзными Воротами и Браиловымъ.

Все это, а именно двѣ первыя статьи, не очень лестно для нашего національна-

го достоинства. Болгарія, при полной самостоятельности своего управленія, кажется, не нуждалась бы въ султанской санкціи для своего уполномоченнаго на рѣкѣ омывающей ея берега: это ея внутреннее дѣло. Но ближайшее значеніе имѣетъ для насъ первая статья, на которую кичливо ссылался въ палатѣ общинъ лордъ Фисморисъ, говоря о гарантіяхъ коими обставлена уступка Россіи принадлежащаго ей устья Килійскаго гирла. Обидно уже и то что мы должны были отстаивать право распоряжаться самопроизвольно на своей территоріи. Право это было намъ уступлено, но съ оговоркой что къ намъ будутъ наѣзжать члены международной коммиссіи для наблюденія за нами. Не понимаемъ зачѣмъ понадобилась эта оговорка если не затѣмъ чтобъ оскорбить достоинство Россіи какъ великой державы. Не однимъ хлѣбомъ и державы бываютъ живы.

По словамъ вѣнскихъ газетъ, въ послѣднемъ засѣданіи конференціи представитель Австро-Венгріи, графъ Карольи, торжественно обратилъ вниманіе членовъ конференціи на обнаружившіяся въ ея засѣданіяхъ „вѣскія доказательства уступчивости Австрійскаго правительства, выразившейся въ томъ что оно отказалось отъ двойнаго представительства въ Смѣшанной Коммиссіи и согласилось на раздѣленіе нижняго Дуная отъ Желѣзныхъ Воротъ до Браилова на три участка, согласно требованію Румыніи." Великодушіе со стороны Австріи поистинѣ изумительное. Австрійцы гордятся имъ и выставляютъ на показъ. Еслибъ Австрія предварительно потребовала чтобъ ей было поручено назначеніе *всѣхъ* членовъ Смѣшанной Коммиссіи и затѣмъ, конечно, отказалась бы отъ такого размашистаго требованія, то это было бы еще эффектнѣе...

№ 70.

Москва, 10-го марта.

Финляндскій безпошлинный привозъ и его крайне вредныя для Россіи послѣдствія служатъ въ промышленномъ и торговомъ мірѣ предметомъ оживленныхъ толковъ едва ли не въ большей степени чѣмъ даже Кавказскій транзитъ. Читаютъ и перечитываютъ стт. 1.485, 1.486, 1.491, 1.497 и др. Т. VI Уст. Тамож. по продолженію 1876 г. (стр. 133 и слѣд.) вмѣстѣ съ приложеніями къ этимъ статьямъ (стр. 222 и слѣд.), и чѣмъ болѣе вникаютъ въ ихъ содержаніе, тѣмъ болѣе убѣждаются какимъ тяжелымъ ярмомъ лежатъ на русской промышленности финляндскія торговыя привилегіи. Нѣтъ почти ни одной отрасли производства которая не видѣла бы для себя съ этой стороны уже наступившихъ или грозящихъ и стоящихъ у дверей серіозныхъ опасностей и болѣе или менѣе крупныхъ ущербовъ.

Присвоенныя Финляндіи торговыя привилегіи были всегда, и въ тридцатыхъ, и въ сороковыхъ годахъ, и въ болѣе позднее время, несомнѣнною аномаліей, но въ началѣ онѣ не имѣли на практикѣ важнаго значенія. Въ теченіе долгаго періода, ежегодный финляндскій безпошлинный привозъ оцѣнивался таможнями всего въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Но вслѣдъ за изданіемъ „либеральныхъ" по отношенію къ иностранцамъ таможенныхъ тарифовъ 1850 и 1857 годовъ, было найдено своевременнымъ проявить либерализмъ на русскій счетъ и по отношенію къ Финляндіи. 20 декабря 1858 года было издано новое положеніе о торговлѣ Имперіи съ Финляндіей, съ прямою цѣлію увеличить финляндскія привилегіи или, по официальному выраженію, „въ видахъ расширенія торговыхъ правъ Финляндіи." Вслѣдствіе этого, финляндскій безпошлинный привозъ тотчасъ же утроился и учетверился, затѣмъ увеличился въ восемь и десять разъ, а по послѣднимъ официальнымъ даннымъ, онъ почти въ двадцать разъ крупнѣе прежняго *). Затѣмъ въ послѣднее время обстоятельства повернулись особенно выгодно для возрастанія этого безпошлиннаго привоза въ почти безграничныхъ размѣрахъ.

„Бѣдные" Финляндцы были въ особой модѣ въ то время когда издавалось Положеніе расширявшее ихъ торговыя привилегіи; на самыхъ убогихъ клавикордахъ разыгрывался тогда извѣстный романсъ „лайба плылъ, вѣтеръ былъ," и это не мало помогло успѣшному сбору пожертвованій для голодающихъ Финляндцевъ, давшему милліонную сумму. Случись у нихъ

---

*) Въ 1858 году этотъ привозъ оцѣненъ таможнями въ 584.198 рублей, въ 1859 — въ 1.742.966 руб., въ 1860—въ 2.288.497 руб., въ 1869—въ 4.725.895 р., въ 1881—въ 10.388.956 р.

новый голодъ, русская благотворительность и нынѣ, конечно, поспѣшила бы къ нимъ на помощь съ не менѣе щедрыми пожертвованіями. Но не хорошо то что подогрѣтыя тогда сочувствія къ нашимъ финляндскимъ сосѣдямъ, заслонивъ собою всѣ другія соображенія, помогли осуществить мѣру явно обидную и убыточную для своихъ русскихъ населеній. Бѣдные смирные сосѣди были облагодѣяны, но при этомъ были забыты тѣ о комъ у поэта вырвался изъ души скорбный стихъ:

> Эта скудная природа,
> Эти бѣдныя селенья,
> Край родной долготерпѣнья,
> Край ты Русскаго народа...

По тенденціозной извращенности нашихъ ходячихъ либеральныхъ понятій, у насъ любятъ указывать на обѣднѣніе народа, но главнымъ образомъ въ видахъ внесенія смуты въ междусословныя отношенія, для пропагандированія идей въ родѣ раздѣла между нуждающимися сосѣдскихъ земель. Но тѣ же самые ходатаи за народъ прикидываются не понимающими какъ сильно задерживается подъемъ нашего народнаго благосостоянія суженіемъ сферы выгодныхъ примѣненій народнаго труда вслѣдствіе разнообразныхъ льготъ предоставленныхъ иностранному привозу множества предметовъ которые могли бы вырабатываться у себя дома, своими рабочими. Теперь въ ходу мысль о развитіи кустарныхъ промысловъ, о разслѣдованіи причинъ ихъ упадка замѣчаемаго во многихъ мѣстностяхъ, объ изысканіи мѣръ къ ихъ поддержанію и распространенію. Этому нельзя не порадоваться, нельзя не пожелать успѣха добрымъ начинаніямъ въ этомъ важномъ дѣлѣ. Но несомнѣнно что одно изъ условій успѣха тутъ есть обезпеченіе нашимъ кустарямъ сбыта ихъ издѣлій, такъ чтобы Россія служила рынкомъ сбыта для своихъ русскихъ, а не сосѣдскихъ финляндскихъ кустарныхъ производствъ, и съ этой точки зрѣнія нельзя не обратить серіознаго вниманія на финляндскія привилегіи. Не съ расширеніемъ ли этихъ привилегій совпадаетъ по мѣстамъ начало упадка многихъ видовъ нашей кустарной промышленности?

„Россія для Русскихъ“ (не въ какомъ-либо племенномъ, но въ національно-политическомъ смыслѣ), вотъ девизъ успѣха и для кустарной, и для всей вообще русской промышленности. Къ сожалѣнію, въ нашей торговой политикѣ долгое время преобладали и не знаемъ утратили ли и нынѣ силу стремленія служащія прямою антитезой этому девизу. Мы какъ будто поставили своею задачей пріискивать благовидные предлоги продавать Россію въ жертву чужой эксплуатаціи. Это сказалось и въ недавней, еще не завершившейся исторіи транзитнаго вопроса; это сказывается также въ исторіи финляндскихъ привилегій и нашихъ къ нимъ отношеній. Эти привилегіи не умаляются, а все растутъ въ силѣ и объемѣ: онѣ уже не тѣ какія были дарованы 20 декабря 1858, не тѣ какія значатся въ Таможенномъ Уставѣ по продолженію 1876 года, къ нимъ уже прибавилось не мало дополнительныхъ льготъ, между прочимъ въ 1881—1882 годахъ, то-есть какъ разъ въ тотъ періодъ когда мы будто бы выступили открыто на путь поощренія русскихъ производствъ. На дѣлѣ эти поощренія оказываются сильнымъ побужденіемъ для Финляндцевъ ввозить къ намъ безпошлинно товары сбытомъ коихъ прежде они не занимались.

Не по всѣмъ статьямъ предоставлена имъ привилегія безпошлиннаго ввоза товаровъ въ какомъ угодно количествѣ; по нѣкоторымъ статьямъ таковой привозъ ограниченъ опредѣленною нормой. Но можетъ ли наша промышленность, въ виду этихъ ограниченій, считать свои интересы достаточно огражденными?

Возьмемъ для примѣра хлопчато-бумажное производство. Въ приложеніи къ ст. 1.485 по прод. 1876, изъ Финляндіи могутъ быть ввозимы безпошлинно „пряжа бумажная всѣхъ разборовъ безъ различія и бумажныя издѣлія всякія, фабричной работы, до 50.000 пудовъ ежегодно“ (стр. 227). До какой суммы можетъ достигнуть безпошлинный привозъ на основаніи одной этой статьи, если по этой рубрикѣ будутъ ввозиться только тонкія и вообще высокихъ цѣнъ бумажныя ткани? Ввозить же по этой статьѣ не высокіе сорта, дешевыя бумажныя ткани, нѣтъ надобности: онѣ могутъ пройти безпошлинно, хотя бы въ количествѣ милліона пудовъ, подъ другою рубрикою „бумажныя матеріи плотныя, грубыя, крестьянскаго издѣлія“ (стр. 222). Но и при этомъ условіи наши добрые финляндскіе сосѣди безпошлиннымъ ввозомъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій въ количествѣ 50.000 пудовъ не удовольствовались, а стали хлопотать объ увеличеніи этой цифры

до 75.000 пуд. По извѣстію финляндскихъ газетъ, воспроизведенному въ № 103 *Journal de St.-Pétersbourg* за минувшій годъ, незастѣнчивымъ просителямъ, по распоряженію министра Финансовъ, было дано просимое. Вѣрно ли это извѣстіе? Въ письмѣ къ намъ одного фабриканта было выражено сомнѣніе въ его вѣрности, на томъ основаніи что никакого закона дарующаго такую новую льготу Финляндцамъ опубликовано не было, а министерскимъ распоряженіемъ она не могла быть дана потому что существующимъ закономъ министру не предоставлено на то власти, какъ это и разъяснено въ упомянутомъ письмѣ ссылкой на ст. 1.491 Тамож. Уст. Но сомнѣваясь въ вѣрности извѣстія объ этомъ новомъ расширеніи финляндскихъ привилегій, авторъ письма къ намъ не могъ умолчать о тревогѣ какую оно должно было причинить въ промышленномъ мірѣ, и потому выражалъ желаніе „чтобы вопросъ этотъ не остался безъ разъясненія.“ Но этого разъясненія до сихъ поръ, въ теченіе полутора мѣсяца, не послѣдовало, и прежнія сомнѣнія смѣнились убѣжденіемъ въ вѣрности извѣстія переданнаго петербургскою французскою газетой. Стало-быть иностранная конкурренція русскому хлопчато-бумажному производству на русскихъ рынкахъ облегчена и расширена какъ разъ предъ возникновеніемъ у насъ промышленнаго кризиса, какъ разъ на то время когда сокращеніе сбыта вынуждаетъ нашихъ фабрикантовъ сокращать производство и распускать рабочихъ?

Но еслибъ и не было этого кризиса, ни въ какомъ случаѣ нельзя признать правильнымъ и согласнымъ съ національною политикой такой порядокъ при которомъ Финляндцы поставлены въ Россіи въ привилегированное положеніе передъ коренными Русскими. Наши производители, платящіе не мало разныхъ прямыхъ и косвенныхъ казенныхъ сборовъ, оплачиваютъ свой матеріалъ, привозный хлопокъ, пошлиной въ размѣрѣ 45 коп. металлическихъ или, при теперешнемъ курсѣ, около 75 к. кредитныхъ съ пуда; Финляндцы, не вносящіе въ русскую казну ни копѣйки, получаютъ свой хлопокъ безпошлинно, имѣютъ кромѣ того предъ нашимъ производствомъ преимущества дешеваго топлива и даровой водяной силы, стало-быть могутъ вырабатывать товары много дешевле нашего,—и при этомъ пользуются привилегіей безпошлиннаго къ намъ привоза, чѣмъ затрудняется и дѣлается почти невозможнымъ сбытъ русскихъ бумажныхъ издѣлій по меньшей мѣрѣ въ сѣверо-западныхъ частяхъ Россіи...

На зарѣ русской исторіи, Олегъ добился отъ Грековъ торговыхъ льготъ для своего народа, но для этого было ему нужно прибить свой щитъ на вратахъ Царяграда. Финляндцы пока еще не прибили своего щита на вратахъ русскаго Кремля, ихъ страна не покорившая насъ, а покоренная, но меньше ли отъ того добытыя ими надъ нами преимущества и права? До чего они простираются показываетъ примѣръ того что̀ случилось съ нашимъ проволочнымъ производствомъ.

Это производство съ его развѣтвленіями прежде у насъ было довольно развито, но оно было подорвано привозомъ иностранныхъ металловъ, причемъ бо̀льшая часть привозной проволоки пропускалась въ Россію съ оплатой низкою пошлиной установленною для простаго желѣза. Казалось что это невыгодное русскому производству условіе было устранено указомъ 1 іюня 1882, который долженъ былъ вступить въ силу съ 1 іюля того же года. Этимъ указомъ было установлено что проволокой должно считаться желѣзо не до $^1/_4$ дюйма, какъ прежде, а до $^1/_2$ дюйма въ діаметрѣ. Въ виду этого наши заводчики принялись возобновлять бывшее, но заброшенное проволочное производство, расширили его, купили новыя дорогія машины, увеличили средства заводовъ, устроили новые заводы, затративъ въ это дѣло всѣ свои средства, весь возможный кредитъ, и запаслись готовностью выдѣлывать до 4 милліоновъ пудовъ цѣннаго проволочнаго желѣза. Но всѣ ихъ разчеты, основанные на вѣрѣ въ дѣйствительность принятой прошлымъ лѣтомъ охранительной таможенной мѣры, разбились въ прахъ о силу Финляндскаго торговаго права въ Россіи. Законъ опредѣлившій какое желѣзо считать проволокой обязателенъ у насъ для всѣхъ, но не для Финляндцевъ, хотя никакой оговорки относительно нераспространенія закона 1 іюня на финляндскіе товары въ немъ не сдѣлано, и хотя въ дѣйствующемъ Таможенномъ Уставѣ, при исчисленіи финляндскихъ торговыхъ привилегій, нѣтъ никакихъ опредѣленій какое финляндское желѣзо считать, какое не считать проволокой при ввозѣ

его въ Россію. Увѣренность въ недѣйствительности русскихъ законодательныхъ опредѣленій по этой части такъ сильна, что Вестфальское Общество проволочной промышленности поспѣшило приторговать въ Финляндіи Дальбургскій заводъ въ Гангое у г. Штюнце, а затѣмъ и купило этотъ заводъ, съ цѣлью изготовлять тамъ для безпошлиннаго ввоза къ намъ въ громадныхъ количествахъ проволоку того діаметра при которомъ, по новымъ правиламъ, она должна оплачиваться пошлиной въ 1 р. 10 к. съ пуда. Пошли толки о какихъ-то возникшихъ по этому предмету переговорахъ и ходатайствахъ. Одинъ изъ русскихъ заводчиковъ подумалъ что все дѣло тутъ въ одномъ изъ обычныхъ назойливыхъ попрошайничествъ, что Финляндцы ходатайствуютъ о разрѣшеніи имъ безпошлиннаго ввоза сколькихъ-то десятковъ тысячъ пудовъ проволочнаго желѣза, о чемъ и было имъ заявлено въ № 14 *Московскихъ Вѣдомостей*. Онъ ошибся: не Финляндцамъ приходится тутъ ходатайствовать предъ русскими властями, напротивъ Русскимъ надо просить снисходительности властей финляндскихъ, ибо, какъ гласитъ офиціальное сообщеніе въ № 37 *Правительственнаго Вѣстника*, „полосовое, *прутовое*, болтовое и обручное желѣзо можетъ быть ввозимо безпошлинно въ Россію (изъ Финляндіи) въ неограниченномъ количествѣ и *безъ опредѣленія наименьшихъ размѣровъ тѣхъ издѣлій*."

Говорятъ что у насъ господствуетъ какой-то абсолютизмъ, который нужно де замѣнить правовымъ порядкомъ. Но какихъ же еще ждать правовыхъ порядковъ когда и безъ нихъ изданный въ Россіи законъ, для своего вступленія въ силу и для опредѣленія въ какой именно мѣрѣ дѣйствіе его можетъ быть допущено, требуетъ „обоюднаго соглашенія между министромъ Финансовъ Имперіи и Финляндскимъ Сенатомъ." Теперь идутъ переговоры объ установленіи основаній для такого соглашенія. Увѣнчаются ли они лучшимъ успѣхомъ чѣмъ наши международные переговоры о соблюденіи пріобрѣтенныхъ русскою кровью правъ и выгодъ Россіи?

При такихъ отношеніяхъ къ возведеннымъ въ какое-то международное договорное право льготамъ дарованнымъ Финляндіи, при такомъ широкомъ истолкованіи этихъ льготъ, чего можетъ ожидать себѣ отъ нихъ русская промышленность? Каково, напримѣръ, положеніе русской льняной промышленности въ виду предоставленнаго Финляндіи права ввозить безпошлинно мѣшки въ какомъ угодно количествѣ во всѣ порты Балтійскаго моря.

Могутъ ли быть оставлены въ силѣ, въ какой бы то ни было мѣрѣ, всѣ эти столь невыгодныя и обидныя для Русскаго народа привилегіи? По какимъ уважительнымъ причинамъ могли бы онѣ быть терпимы?

Финляндія представляетъ собою совершенно отдѣльный отъ Россіи государственный организмъ. У нея своя конституція, особая финансовая и торговая политика, своя особая денежная система, свой особый таможенный тарифъ. Почему же Русскій народъ долженъ въ чемъ-либо жертвовать своими интересами странѣ живущей съ нимъ розною политическою и хозяйственною жизнію? Развѣ потому что Финляндія пользуется даровыми услугами разныхъ русскихъ учрежденій содержимыхъ на русскія деньги, причемъ еще требуетъ, по слухамъ, чтобы въ русскихъ консульствахъ знали шведскій и финляндскій языки? Развѣ потому что входившая нѣкогда въ составъ Россіи и почти было уже обрусѣвшая Выборгская губернія, не послѣ пораженія, а послѣ побѣды, отдана Финляндіи, которая не замедлила изгладить въ ней слѣды прежняго господства? Или можетъ-быть потому что Финляндцы ведутъ себя смирно и не возмущаются противъ данныхъ имъ въ ущербъ русскимъ интересамъ привилегій?

Если Финляндіи необходимъ безпошлинный вывозъ ея произведеній въ Россію, ничто не мѣшаетъ ей вступить съ Россіей въ такую же тѣсную экономическую связь въ какой стоятъ между собою части Германской имперіи, въ какой стояли между собой государства входившія въ составъ Германскаго Таможеннаго Союза. Ихъ экономическому единенію не мѣшало даже то что у каждаго государства былъ свой государь, а Великій Князь Финляндскій есть прирожденный Монархъ Русской Имперіи. На памяти живущаго поколѣнія была упразднена таможенная граница между Россіей и Царствомъ Польскимъ, со введеніемъ его въ общую русскую таможенную черту. То же самое, для обоюдной пользы, полагаемъ, слѣдуетъ сдѣлать и по отношенію къ Финлян-

діи. Иного правильнаго, разумнаго и безобиднаго рѣшенія возникшаго вопроса мы не можемъ себѣ представить.

— —

№ 71.

Москва, 11-го марта.

Австро-нѣмецкая печать съ нѣкоторыхъ поръ усиленно занимается Черногоріей, и нѣтъ конца инсинуаціямъ, сплетнямъ и клеветамъ коими осыпается маленькая страна составляющая бѣльмо на глазу австрійскихъ „патріотовъ“ *sui generis*, которые имѣютъ своимъ главнымъ органомъ *Всеобщую Газету* издаваемую въ *Мюнхенѣ*.

„Политика Черногоріи,“ такъ начинаетъ названная газета одну изъ своихъ многочисленныхъ передовыхъ статей посвящаемыхъ Черной Горѣ, „приняла въ послѣднее время столь рѣшительное направленіе въ сторону Россіи что вниманіе австрійскихъ государственныхъ людей должно бдительно слѣдить за каждою ея фазой. Но не одну Австрію затрогиваютъ событія совершающіяся въ Цетиньѣ: Турція и Сербія также взираютъ съ опасеніемъ на дальнѣйшій ходъ вещей. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ Сербія должна была уступить Черногоріи свою роль южно-славянскаго Піемонта, а съ тѣхъ поръ какъ г. Ристичъ — этотъ сербскій Кавуръ или еще вѣрнѣе сербскій Бисмаркъ — долженъ былъ оставить управленіе дѣлами юнаго королевства, взоры всѣхъ недовольныхъ южнославянскихъ племенъ отвернулись отъ Бѣлграда и обратились или прямо на Петербургъ, или на болѣе близкое Цетинье, гдѣ царствуетъ въ сущности вассалъ Россіи.“

Въ чемъ же однако дѣло и чѣмъ Черногорія такъ согрѣшила предъ баварскими ревнителями интересовъ Австріи? На это даетъ отвѣтъ одинъ „весьма свѣдущій“ корреспондентъ *Всеобщей Газеты*, который посвященъ, по его собственнымъ словамъ, во всѣ закулисныя подробности южно-славянской политики, лично знакомъ со всѣми государственными людьми Бѣлграда и Цетинья и даже сражался въ 1875 году въ рядахъ Герцеговинцевъ, былъ взятъ Турками въ плѣнъ и приговоренъ къ смертной казни, избавленіемъ отъ которой онъ обязанъ де заступничеству князя Бисмарка. Своего имени этотъ авантюристъ не объявляетъ; но къ опознанію своему добавляетъ еще одну примѣту; онъ былъ корреспондентомъ не только вѣнскихъ газетъ, но и *Голоса*.

По словамъ этого „глубокаго знатока“ дѣла указанный поворотъ въ политикѣ Черногоріи наружнымъ образомъ сказался въ недавнемъ министерскомъ кризисѣ, причемъ во главу министерства сталъ Божо Петровичъ, родственникъ князя Николая и ревностный приверженецъ Россіи, а бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Машо Вербица былъ вовсе удаленъ отъ участія въ управленіи. Верховный совѣтъ Черногорскаго княжества обнародовалъ мотивы увольненія Машо Вербицы, которые заключаются въ томъ что онъ нажилъ себѣ большое состояніе путемъ вымогательствъ и разнаго рода поборовъ. Корреспондентъ этого не отрицаетъ; но онъ указываетъ въ оправданіе Вербицы то обстоятельство что тотъ получалъ значительные подарки изъ Австріи, гдѣ онъ имѣетъ де высокихъ покровителей: двое изъ сыновей его воспитываются въ вѣнскомъ Терезіанумѣ насчетъ Австрійскаго императора. Въ Цетиньѣ онъ держался де главнымъ образомъ благодаря поддержкѣ австрійскаго резидента. Но послѣ возвращенія князя Николая изъ Петербурга было де признано что пора скинуть маску и министръ державшій сторону Австріи былъ уволенъ.

При всей своей антипатіи къ преемнику Вербицы, Божо Петровичу, корреспондентъ отзывается о немъ однако какъ о человѣкѣ высокаго образованія и какъ о горячемъ патріотѣ, упрекая его лишь въ томъ что онъ всѣмъ сердцемъ сочувствуетъ герцеговинскимъ братьямъ. Упрекъ довольно куріозный со стороны человѣка который самъ о себѣ разказываетъ будто онъ сражался и чуть не сложилъ голову за инсургентовъ Босніи и Герцеговины.

Въ настоящее время, впрочемъ, онъ беретъ сторону Турціи противъ Черногоріи и старается доказать что Порта не имѣетъ никакой возможности удовлетворить требованія Черногоріи о регулированіи границы у сѣверо-восточнаго края Скутарійскаго озера, такъ какъ Албанцы, живущіе въ этихъ мѣстахъ, не хотятъ подчиниться Черногоріи. Корреспондентъ „надѣется“ что требованіе Черногоріи, основанное на буквальномъ смыслѣ Берлинскаго трактата, не будетъ имѣть успѣха, ибо въ противномъ случаѣ Турція рискуетъ де вызвать возстаніе всего Албанскаго народа.

Большой куріозъ, эта игра въ возстаніе Албанцевъ! Ею пользовалась съ успѣхомъ сначала одна Турція, а теперь этотъ „мятежный духъ" Албанцевъ сталъ выступать на сцену по командѣ каждый разъ когда кому бы то ни было понадобится урѣзать въ чемъ-нибудь Черногорію. Эти *мятежники* до того послушны что сами призываютъ европейскую коммиссію и изъявляютъ готовность дожидаться со своимъ возстаніемъ пока коммиссія не покончитъ своего изслѣдованія!

Другой пунктъ недовольства противъ Черногоріи со стороны австрійскихъ газетъ — есть недавній пріемъ въ Цетиньѣ Петра Карагеоргіевича. Это посѣщеніе столицы Черногоріи предполагаемымъ претендентомъ на Сербскій престолъ очень не понравилось въ Бѣлградѣ. Король Миланъ не можетъ де слышать равнодушно о самомъ имени Карагеоргіевичей, и вѣнскія газеты убѣждены что пріѣздъ Петра Карагеоргіевича въ Цетинье есть маневръ направленный лично противъ короля Милана за его дружественное расположеніе къ Австріи.

Изъ словъ того же корреспондента *Всеобщей Газеты* оказывается что онъ лично знакомъ и съ Петромъ Карагеоргіевичемъ, и въ 1875 году сражался вмѣстѣ съ нимъ въ Герцеговинѣ. Князь Петръ Карагеоргіевичъ сражался тогда очень храбро за своихъ единоплеменниковъ и имѣетъ де многихъ приверженцевъ не только въ Босніи и Герцеговинѣ, но и въ самой Сербіи. Князь Петръ отличается, по словамъ того же корреспондента, горячею приверженностію къ дѣлу освобожденія своихъ славянскихъ братьевъ и онъ быть-можетъ былъ бы дѣйствительно опасенъ для теперешней сербской династіи, но не имѣетъ никакихъ денежныхъ средствъ, такъ какъ имѣнія Карагеоргіевичей, находящіяся въ Венгріи, принадлежатъ его отцу, Александру, коего Сербское правительство обвиняло въ соучастіи въ убійствѣ отца короля Милана, князя Милана Обреновича, и обвиняло, по удостовѣренію корреспондента, вполнѣ неосновательно, такъ какъ показанія на основаніи коихъ Сербское правительство домогалось выдачи князя Александра были подложно составлены съ этою цѣлью въ Бѣлградѣ.

Несмотря однако на то что личные антецеденты князя Петра Карагеоргіевича свидѣтельствуютъ въ пользу его нравственной безупречности, и что нѣтъ ни одного факта который подкрѣплялъ бы преувеличенный страхъ Сербіи противъ этой фамиліи, его поѣздка въ Цетинье и пріемъ ему тамъ оказанный выставляется какъ актъ явной непріязни противъ Сербіи „обличающій смертельную вражду между династіями Обреновичей и Негушей." Несмотря на увѣреніе офиціальнаго органа Черногорскаго правительства что этотъ пріѣздъ не имѣетъ политическаго значенія, и что въ Цетиньѣ не могли не оказать радушія потомку Чернаго Георгія, освободителя Сербіи, Австрійское правительство признало нужнымъ обратиться къ Черногоріи съ офиціальнымъ запросомъ по этому поводу. Князь Николай Черногорскій отвѣтилъ на это, по словамъ австрійскихъ газетъ, что онъ воленъ принимать у себя въ странѣ кого ему угодно и не обязанъ въ томъ никому отчетомъ. Но этотъ единственно приличный отвѣтъ только еще болѣе раздражилъ вѣнскихъ друзей Сербіи, которые поспѣшили предостеречь и Австрію, указывая какія-то совершающіяся въ тишинѣ политическія соглашенія, коимъ покровительствуетъ Россія, и если Австрія не будетъ бдительно смотрѣть за всѣмъ что совершается въ Цетиньѣ, то легко де можетъ случиться что при удобномъ случаѣ результатъ этихъ соглашеній неожиданно обнаружится не только въ занятыхъ Австріей провинціяхъ, но и въ Сербіи.

Вѣрнѣе однако всего что весь этотъ шумъ поднятъ вовсе не потому чтобы въ Вѣнѣ дѣйствительно чего-либо опасались, а дабы дать Черногоріи почувствовать что она не можетъ безнаказанно выгораживать себя изъ „сферы австрійскаго могущества." Нагляднымъ тому подтвержденіемъ послужилъ и вопросъ о регулированіи границы близь сѣверо-восточнаго угла Скутарійскаго озера, где Албанцы умѣютъ кстати бунтовать и вовремя смиряться...

№ 72.

Москва, 12-го марта.

А.

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* отъ 9 марта (№ 68) была напечатана полученная одною изъ крупныхъ московскихъ

фирмъ и сообщенная ею намъ телеграмма изъ Тифлиса слѣдующаго содержанія:

„Въ теченіе 1882 года отправлено транзитомъ 21.130 мѣстъ мануфактуры, 77.988 ящиковъ сахара, 11.864 ящиковъ разнаго товара, всего 738.048 пудовъ, на 16.626.765 рублей. За январь и февраль 1883 года сообщу съ подробностями письмомъ.“

Въ предположеніи что приведенныя въ телеграммѣ цифры добыты изъ офиціальныхъ источниковъ, мы, печатая ихъ, сдѣлали слѣдующее замѣчаніе: „Стоимость иностранныхъ товаровъ провезенныхъ чрезъ Закавказье въ 1881 году опредѣлялась въ 7.772.103 рубля; въ 1882 году вмѣсто этой цифры мы видимъ уже 16.626.765 рублей.“ По поводу этого замѣчанія, какъ намъ телеграфируютъ изъ Петербурга, въ вышедшемъ тамъ сегодня, 12 марта, нумерѣ *Правительственнаго Вѣстника* появилось слѣдующее „сообщеніе:“

„Въ нѣкоторыхъ газетахъ были помѣщены указанія на замѣчаемое ежедневно возрастаніе количества и цѣнности иностранныхъ товаровъ, провезенныхъ чрезъ Закавказье въ Персію, и въ доказательство такого возрастанія сопоставлялись цифры цѣнности сихъ товаровъ за 1881 и 1882 годы, причемъ стоимость транзитныхъ товаровъ для 1881 года опредѣлялась въ 7.772.103 рубля и для 1882 года въ 16.626.765 рублей. По этому поводу надлежитъ замѣтить что по офиціальнымъ даннымъ имѣющимся въ Департаментѣ Таможенныхъ Сборовъ, въ 1881 году пропущено транзитомъ въ Персію 660.726 пуд. разныхъ товаровъ, общая стоимость которыхъ, по принятымъ Департаментомъ Таможенныхъ Сборовъ основаніямъ для опредѣленія цѣнъ соотвѣтствующихъ видовъ товаровъ, опредѣляется въ 7.772.103 рубля. Въ 1882 году провезено транзитомъ 752.355 пудовъ товаровъ, стоимость которыхъ, исчисленная на тѣхъ же основаніяхъ, не превышаетъ 9.042.146 рублей“.

Итакъ, тифлисскій корреспондентъ московской фирмы ошибся какъ относительно суммы въ какую оцѣнивается транзитный привозъ 1882 года по кавказскимъ и петербургскимъ таможеннымъ соображеніямъ, такъ и относительно самаго количества привезенныхъ на Кавказъ транзитныхъ товаровъ. Собирая свои свѣдѣнія на мѣстѣ, онъ полагалъ что транзитный привозъ оцѣненъ въ 16 милліоновъ; но въ двухъ съ половиной тысячахъ верстъ отъ Тифлиса, въ Петербургѣ, этотъ привозъ оцѣненъ всего въ 9 милліоновъ рублей. Онъ полагалъ что транзитныхъ товаровъ въ прошломъ году привезено 738.048 пудовъ, а ихъ привезено *больше* на 14.307 пудовъ...

Этимъ можно было бы ограничиться и не говорить болѣе о вышеприведенномъ „сообщеніи,“ еслибъ ему не придавало особаго значенія то обстоятельство что оно появилось непосредственно вслѣдъ за подачей въ Московскій Биржевой Комитетъ заявленія отъ *семидесяти восьми* крупныхъ промышленныхъ фирмъ съ просьбой повторить ходатайство о скорѣйшемъ разрѣшеніи транзитнаго вопроса въ смыслѣ благопріятномъ для русской промышленности и торговли. Въ этомъ заявленіи, указывающемъ на тѣсную связь транзитнаго вопроса съ неотложнымъ разчетомъ сколько рабочихъ рукъ могутъ быть заняты на фабрикахъ послѣ Пасхи и сколькимъ должно быть отказано въ работѣ, въ числѣ мотивовъ необходимости ускорить рѣшеніе вопроса о Закавказскомъ транзитѣ приведенъ между прочимъ слѣдующій: „Въ послѣднее время распространился слухъ о томъ что къ Поти и Батуму подвозъ иностранныхъ товаровъ для транзита усиливается въ значительной степени, и одинъ этотъ слухъ уже дѣйствуетъ удручающимъ образомъ на торговлю произведеніями русскихъ фабрикъ.“ Защитникамъ иностранныхъ и контрабандныхъ интересовъ было бы на руку ослабить впечатлѣніе производимое этою аргументаціей, и они, конечно, не прочь будутъ ссылаться на офиціальное сообщеніе въ подтвержденіе того что „указанія на замѣчаемое ежедневно возрастаніе количества и цѣнности иностранныхъ товаровъ провезенныхъ чрезъ Закавказье въ Персію“ принадлежатъ де къ области вымысла. Чтобы не дать интригѣ сдѣлать изъ офиціальнаго сообщенія такое употребленіе для какого оно отнюдь не предназначается, не лишнимъ будетъ опредѣлить, такъ сказать, степень достовѣрности приведенныхъ въ немъ статистическихъ свѣдѣній, а также и отношеніе оныхъ къ заявленію московскихъ фабрикантовъ.

Промышленный міръ встревоженъ приходящими съ Кавказа вѣстями о возрастающемъ со дня на день наплывѣ туда такъ-называемыхъ транзитныхъ, то-есть

въ сущности контрабандныхъ товаровъ. Этотъ наплывъ, сколько извѣстно, началъ усиливаться съ той поры какъ у интриги ослабѣла надежда на рѣшеніе транзитнаго вопроса въ ущербъ русскимъ интересамъ, то-есть лишь въ самомъ концѣ минувшаго года, и стало-быть съ особою энергіей транзито-контрабандная машина начала дѣйствовать въ текущемъ году. Никакого опроверженія усиленной транзитной перевозки за послѣдніе мѣсяцы въ оффиціальномъ сообщеніи не содержится. Изъ него оказывается, напротивъ, что и въ минувшемъ 1882 году транзитный привозъ возросъ противъ прошедшаго 1881 года слишкомъ на 90.000 пудовъ. Фабрикантовъ встревожила цифра транзитнаго привоза въ 738.048 пудовъ; „сообщеніе" замѣняетъ ее еще болѣе тревожною цифрой 752.355 пудовъ. Но и эта послѣдняя цифра не принадлежитъ къ числу окончательно провѣренныхъ, а относится къ числу тѣхъ таможенныхъ цифръ въ которыхъ, какъ замѣчено, могутъ оказываться ошибки въ тысячи, десятки тысячъ и сотни тысячъ пудовъ, такъ что въ окончательномъ статистическомъ выводѣ и приведенная въ „сообщеніи" цифра можетъ много вырости.

Промышленный міръ встревоженъ частною телеграммой изъ Тифлиса опредѣлявшею цѣнность прошлогодняго транзитнаго привоза въ 16.626.765 руб. Устраняется ли поводъ къ этой тревогѣ заявленіемъ что, „по принятымъ Департаментомъ Таможенныхъ Сборовъ основаніямъ для опредѣленія цѣнъ соотвѣтствующихъ видовъ товаровъ," цѣнность этого привоза опредѣляется меньшею цифрой 9.042.146 руб.? Эти „основанія" таможенныхъ оцѣнокъ и ихъ отношеніе къ дѣйствительности, надобно полагать, извѣстны промышленному и торговому міру нѣсколько лучше чѣмъ міру канцелярскому. Въ какой мѣрѣ можно полагаться на таможенныя оцѣнки, и какъ мало заботится наша оффиціальная статистика о вѣрности своихъ цифръ и объ исправленіи въ нихъ самыхъ явныхъ несообразностей, можно видѣть, между прочимъ, изъ слѣдующаго примѣра.

Новыя основанія таможенныхъ оцѣнокъ введены десять лѣтъ тому назадъ. До 1872 года стоимость привозныхъ и отпускныхъ товаровъ опредѣлялась по исправляемымъ время отъ времени прейсъ-курантамъ постоянной цѣнности; но съ 1872 года, какъ было заявлено въ оффиціальномъ *Обзорѣ Внѣшней Торговли Россіи* за тотъ годъ, Департаментъ Таможенныхъ Сборовъ началъ собирать „ото всѣхъ таможенныхъ учрежденій болѣе точныя свѣдѣнія о дѣйствительной стоимости товаровъ, провѣренныя не только съ биржевыми прейсъ-курантами, но и со справочными цѣнами городскихъ думъ, ратушъ и земскихъ управъ, а также и съ показаніями торгующихъ, и этими цѣнами замѣнилъ цѣны постоянныя." Каковы же оказались съ самаго начала, именно въ 1872 году, эти *болѣе точныя, провѣренныя* оцѣнки *дѣйствительной* стоимости товаровъ?

Вержболовская и Александровская таможни оцѣнили хлопокъ въ 20 руб., а Кронштадская, по 30 коп. (sic) за пудъ! По прочимъ таможнямъ хлопокъ цѣнился различно, отъ 75 коп. (sic) до 16 р. 25 коп. за пудъ.

Рижская таможня оцѣнила каменный уголь въ 37½ коп., а сосѣдняя Перновская 3½ коп. за пудъ; прочія цѣнили его отъ 4 до 15 коп. пудъ.

Нарвскою таможней привозная соль оцѣнена въ 11 к., а Рижскою въ 60 к. пудъ; прочими отъ 14 до 40 к. пудъ.

Всѣ эти и масса другихъ несообразностей были тогда же, вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ *Обзора Внѣшней Торговли* за 1872 годъ, указаны въ обстоятельной передовой статьѣ помѣщенной въ № 153 *Русскаго Міра* за 1874 годъ. Что же, воспользовалась ли чиновничья статистика сдѣланными ей указаніями? Нисколько. Какъ въ *Обзорѣ* 1872 года, такъ точно и въ недавно вышедшемъ *Обзорѣ* 1881 года, красуется одна и та же цифра опредѣляющая привозъ хлопка по европейской границѣ въ 1872 году суммой 46,882.000 р.,— та самая цифра которая была выведена на основаніи таможенныхъ оцѣнокъ хлопка, между прочимъ, въ 75 к. и 30 к. за пудъ!

И предъ *такими*-то „основаніями" таможенныхъ оцѣнокъ, предъ такою-то статистикой должны обращаться въ ничто свѣдѣнія получаемыя торговыми людьми отъ ихъ дѣловыхъ корреспондентовъ и заявленія дѣлаемыя на основаніи этихъ не канцелярскимъ путемъ добытыхъ свѣдѣній!

Замѣтимъ кстати что къ обыкновенному привозу вообще и транзитному въ частности примѣняются таможеннымъ вѣдом-

ствомъ далеко не одинаковыя основанія оцѣнокъ. Такъ, что̀ касается привоза мануфактурныхъ товаровъ по нашей европейской границѣ, они, по даннымъ *Обзора* за 1881 годъ, были оцѣнены среднимъ числомъ: хлопчатобумажныя 68 р. 82 к., шерстяныя 86 р. 29 к., шелковыя издѣлія 415 р. 93 к. за пудъ. Въ свѣдѣніяхъ о Кавказскомъ транзитѣ въ томъ же *Обзорѣ*, и бумажные, и шерстяные, и шелковые товары показаны огуломъ, подъ общимъ наименованіемъ мануфактурныхъ: естественно ожидать что при такомъ сведеніи различныхъ товаровъ въ одну рубрику, средняя оцѣнка ихъ должна быть выше оцѣнки, напримѣръ, однихъ хлопчатобумажныхъ издѣлій. Не тутъ-то было. Всякіе вообще транзитные мануфактурные товары оцѣнены даже не по 68 р. 82 к., а дешевле 30 рублей (29 р. 10 к.) за пудъ, какъ будто транзитомъ нейдутъ никакіе другіе мануфактурные товары кромѣ простыхъ миткалей... Не въ этомъ ли обстоятельствѣ слѣдуетъ искать разъясненія того что тифлисскій корреспондентъ московской фирмы оцѣнилъ меньшее количество транзитныхъ товаровъ слишкомъ въ 16½ милліоновъ, тогда какъ „сообщеніе" оцѣниваетъ большее ихъ количество въ девять милліоновъ рублей? Не взялъ ли корреспондентъ въ основаніе своего разчета общую норму таможенныхъ оцѣнокъ, не зная о существованіи спеціально-транзитной нормы?..

Мы изложили что̀ имѣли сказать по поводу только что появившагося въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* сообщенія вызваннаго одною изъ нашихъ недавнихъ замѣтокъ. Но останавливаетъ на себѣ вниманіе еще то обстоятельство что это въ теченіе полутора мѣсяца вотъ уже четвертое „сообщеніе" направленное противъ нашихъ и не нашихъ статей появляющихся въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Прежде мы были предметомъ исключительнаго вниманія руководителей разныхъ органовъ неофиціальной, такъ-называемой либеральной и консервативной „прессы," содержимой на подачки ея благодѣтелей: ловили каждое наше слово чтобы такъ или иначе заподозрить его точность, извратить его смыслъ, вообще какимъ-нибудь образомъ повернуть противъ русскихъ интересовъ которымъ мы служимъ. Теперь мы сдѣлались предметомъ особаго вниманія нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ посылающихъ свои сообщенія въ *Правительственный Вѣстникъ*. Было бы однако желательно чтобы какъ содержаніе, такъ и изложеніе печатаемыхъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* сообщеній подвергались, прежде ихъ опубликованія, болѣе строгому просмотру и обсужденію, дабы въ этихъ сообщеніяхъ не встрѣчалось крупныхъ промаховъ, которые тоже могутъ быть сочтены „правительственными." Между тѣмъ промаховъ въ „сообщеніяхъ," о которыхъ рѣчь, оказывается не мало.

Оставляя въ сторонѣ нынѣшнее сообщеніе по поводу коего написана статья, возьмемъ предшествовавшее ему, напечатанное въ № 37 *Правительственнаго Вѣстника*, „опроверженіе" помѣщенной въ № 14 *Московскихъ Вѣдомостей* статьи Наслѣдниковъ П. О. Гужона. Какой смыслъ имѣло это опроверженіе, о которомъ мы уже имѣли случай говорить? Тотъ что Высочайше утвержденное постановленіе 1 іюня 1882 года, опредѣлившее какое желѣзо слѣдуетъ признавать проволокой, не можетъ быть вполнѣ закономъ пока Финляндскій Сенатъ и русскій министръ Финансовъ не договорятся о томъ въ какой мѣрѣ этотъ законъ долженъ быть ограниченъ ихъ обоюднымъ соглашеніемъ... Идутъ переговоры съ Финляндіей, надобно полагать съ цѣлію выговорить возможно лучшія условія для Россіи: и въ самый разгаръ этихъ переговоровъ объявляется чрезъ *Правительственный Вѣстникъ* что Финляндія имѣетъ право вовсе не обращать вниманія на русскій законъ 1 іюня 1882 года и ввозить въ Россію безпошлинно упомянутую въ этомъ законѣ проволоку въ какомъ угодно количествѣ. И подъ вліяніемъ сдѣланнаго такимъ путемъ внушенія, Финляндцы, по доходящимъ до насъ свѣдѣніямъ, подняли голову и предъявляютъ болѣе высокія требованія въ ущербъ русской промышленности и русскому народному труду.

Другое сообщеніе, напечатанное въ № 27 *Правительственнаго Вѣстника*, своимъ содержаніемъ вступаетъ въ противорѣчіе съ офиціальною телеграммой директора Департамента Мануфактуръ и Торговли. Въ этомъ сообщеніи было объявлено что „правительство признало нужнымъ держаться строго покровительственнаго таможеннаго тарифа и Министерство Финансовъ не отступитъ отъ пути на который оно открыто вступило въ 1882 году (фактическія данныя будутъ приведены въ од-

„комъ изъ слѣдующихъ нумеровъ *Прави-„тельственнаго Вѣстника*).“ Вотъ уже мѣсяцъ и десять дней какъ публика напрасно ищетъ на столбцахъ *Правительственнаго Вѣстника* этихъ обѣщанныхъ „фактическихъ данныхъ,“ и вмѣсто нихъ прочла только вышеупомянутое заявленіе о толкованіи даваемомъ закону 1 іюня 1882 сравнительно съ финляндскими привилегіями...

Обратимся къ четвертому сообщенію, напечатанному въ № 24 *Правительственнаго Вѣстника* касательно забытаго въ кассахъ десятимилліоннаго капитала. Этимъ сообщеніемъ отрицалось существованіе ошибки или недосмотра въ тѣхъ частяхъ контрольныхъ отчетовъ на которыя мы указывали: на дѣлѣ ошибокъ и недосмотровъ оказалось много, и притомъ какихъ? то въ 892.467 р. 67 к., то въ 1.845.857 р. 10 к., то въ 1.556.511 р. 89 к. Въ сообщеніи заявлялось что указанный нами десятимилліонный капиталъ не забытъ, что онъ служитъ для опредѣленнаго назначенія. А на повѣрку оказалось что онъ для этого назначенія вовсе не служитъ, что на это назначеніе нейдетъ изъ него ни копѣйки, а идутъ на это назначеніе совсѣмъ другія суммы, которыя должны были бы полностію поступать въ казну, но полностію въ нее не поступаютъ, чѣмъ въ послѣдніе годы государственные доходы были уменьшены на нѣсколько милліоновъ рублей. Все это, какъ сказано въ сообщеніи, „не представляетъ неудобствъ.“ Не представляла въ свое время неудобствъ и особая касса существовавшая при Департаментѣ Общихъ Дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, однако ее, послѣ недавнихъ происшествій, какъ намъ телеграфировали вчера изъ Петербурга, приказано немедленно закрыть.

Лучше было бы не допускать печатанія несоотвѣтствующихъ дѣйствительности, а потому и не выдерживающихъ критики сообщеній, по крайней мѣрѣ не допускать печатанія ихъ безъ обозначенія что отвѣтственность за содержаніе оныхъ падаетъ на такія-то должностныя лица, а не на правительство.

Б.

Только что состоялось поразительное, до неистовства обрадовавшее наши антиправительственные органы опредѣленіе кассаціонныхъ департаментовъ Сената о преданіи бывшаго казанскаго губернатора Скарятина суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, какъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* напечатано слѣдующее сообщеніе переданное намъ вчера вкратцѣ по телеграфу:

„Въ № 66 *Петербургской Газеты*, отъ 9 сего марта, въ передовой статьѣ подъ заглавіемъ *Къ процессу Кронштадтскаго Банка* помѣщены свѣдѣнія и сужденія по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Кронштадтскомъ Коммерческомъ Банкѣ, направленныя къ тому чтобъ указать на неосновательное будто бы привлеченіе къ уголовной отвѣтственности по этому дѣлу подсудимыхъ статскаго совѣтника князя Оболенскаго и потомственнаго почетнаго гражданина Суздальцева, которые въ числѣ другихъ лицъ преданы суду по опредѣленію С.-Петербургской Судебной Палаты. Означенныя свѣдѣнія оказываются фактически вполнѣ невѣрными и несогласными съ дѣйствительными обстоятельствами дѣла. Что же касается основанныхъ на такихъ превратныхъ свѣдѣніяхъ явно одностороннихъ сужденій, то ихъ появленіе въ повременномъ изданіи представляется совершенно неумѣстнымъ, въ виду предстоящаго еще гласнаго разсмотрѣнія и разрѣшенія упомянутаго дѣла судомъ въ судебномъ засѣданіи, впредь до котораго закономъ воспрещается оглашеніе въ печати какихъ-либо данныхъ относящихся до существа производящагося уголовнаго дѣла.

„Вслѣдствіе этого по поводу помѣщенія въ *Петербургской Газетѣ* вышеупомянутой статьи возбуждено, по распоряженію прокурора С.-Петербургской Судебной Палаты, надлежащее уголовное преслѣдованіе, на основаніи ст. 1.038 Улож. о Наказ. уголовн. и исправ., дополн. по продолженію 1876 года.“

Мы прочли инкриминированную статью въ *Петербургской Газетѣ*, и не можемъ придти въ себя отъ изумленія. Вѣрны или не вѣрны сообщенныя въ ней свѣдѣнія, односторонни или не односторонни высказанныя въ ней сужденія,—но въ ней нѣтъ ни одного слова которое могло бы оправдать воздвигаемое противъ нея уголовное преслѣдованіе. Ничего не можетъ быть безобиднѣе и безвреднѣе этой статейки. Свѣдѣнія и сужденія въ вопросѣ совершенно спеціальномъ, не колеблющемъ ни основныхъ законовъ государства, ни началъ нравственности и общественнаго порядка, ни

религіи, это нѣсколько словъ сказанныхъ въ защиту не какого-либо крамольника, но совершенно мирнаго гражданина, нѣсколько словъ, основательныхъ или неосновательныхъ, которыя никому и ничему повредить не могутъ,—гдѣ же поводъ къ преслѣдованію уголовнаго свойства которое можетъ вести редактора газеты къ тюремному заключенію! Гдѣ злой умыселъ составляющій основанія уголовной отвѣтственности? Судебныя учрежденія причислены къ такъ-называемымъ либеральнымъ учрежденіямъ; въ нихъ доктринеры видятъ палладіумъ общественной свободы. Вотъ вамъ и либерализмъ!

Выходитъ такъ что можно обсуждать законы, правительственныя мѣры, внутреннюю и внѣшнюю политику, отъ которой зависитъ спокойствіе государства; но нельзя коснуться опредѣленія судебной палаты или дѣйствій прокуратуры, не рискуя попасть въ тюрьму.

Законъ запрещаетъ обнародовать свѣдѣнія о подслѣдственномъ дѣлѣ пока слѣдствіе продолжается. Смыслъ закона очевиденъ. Преждевременное оглашеніе свѣдѣній можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ повредить слѣдствію, помѣшать раскрытію истины, повести къ сокрытію слѣдовъ преступленія. Такъ и сказано въ самомъ текстѣ закона. А потому законъ запрещаетъ оглашеніе подробностей подслѣдственнаго дѣла лишь до заключенія слѣдствія, что также выражено въ текстѣ закона. Но слѣдствіе по дѣлу о Кронштадтскомъ банкѣ уже было заключено и передано въ судъ когда появилась инкриминированная статья: гдѣ же основаніе привлекать газету къ уголовной отвѣтственности въ силу упомянутаго закона? Законно ли это? Или судебное вѣдомство мнящее себя независимымъ отъ государства и самодовлѣющимъ организмомъ не обязано стѣсняться закономъ и стоитъ выше его какъ власть самодержавная и лишь подъ Богомъ ходящая. Зачѣмъ же и ссылаться на законъ?

Вотъ еще черта: Когда журналы и газеты, во время слѣдствія, вкривь и вкось толковали о Кронштадтскомъ дѣлѣ, но во вредъ князю Оболенскому, то прокуратура молчала; когда же одна газета, уже по заключеніи слѣдствія, въ законное время, скромно выразила сомнѣніе въ справедливости привлеченія его къ уголовной отвѣтственности и указала на гражданскую сторону дѣла, то газету эту также привлекаютъ къ уголовной отвѣтственности.

Одновременно съ появленіемъ вышеприведеннаго сообщенія въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* получили мы текстъ адреса князю Д. Д. Оболенскому, подписаннаго тульскими дворянами во время послѣднихъ выборовъ: не усмотритъ ли наша юстиція и въ адресѣ этомъ что-либо уголовное?

„М. Г., князь Дмитрій Дмитріевичъ,

„Собравшись по случаю выборовъ Тульскаго дворянства на предстоящее трехлѣтіе, мы были глубоко огорчены вашимъ отсутствіемъ.

„Извѣстіе о постигшемъ васъ несчастіи не могло не вызвать въ насъ искренняго къ вамъ сочувствія. Двѣнадцатилѣтняя дѣятельность ваша какъ предводителя дворянства въ уѣздахъ Ефремовскомъ и Епифанскомъ давно ознакомила насъ съ безупречною честностью вашею въ дѣлахъ общественныхъ и всегдашнею готовностью вашею на всякое доброе и полезное дѣло.

„Внѣшнія обстоятельства могли сложиться случайно неблагопріятно, но мы пребываемъ увѣрены въ томъ что намѣренно вы не могли принять участіе въ какомъ-либо недостойномъ поступкѣ. Увѣренность эта заставляетъ насъ обратиться къ вамъ съ выраженіемъ нашего неизмѣннаго къ вамъ довѣрія и уваженія.

„Да поможетъ вамъ Богъ вселить тѣ же убѣжденія въ вашихъ судьяхъ. *Тульскій губернскій предводитель дворянства Свѣчинъ.*“ (Слѣдуютъ 108 подписей, въ томъ числѣ 8 уѣздныхъ предводителей и московскій губернскій предводитель, графъ Бобринскій, какъ епифанскій помѣщикъ.)

№ 74.

Москва, 14-го марта.

А.

Положеніе дѣлъ въ славянскихъ государствахъ Балканскаго полуострова очень неладное.

Въ Болгарскомъ княжествѣ одинъ министерскій кризисъ слѣдуетъ за другимъ, и русскіе генералы, призванные княземъ для управленія дѣлами, воюютъ со своими болгарскими товарищами по кабинету. Чего прежде не было, разгарается вражда ме-

жду туземнымъ и пришлымъ изъ Россіи элементами администраціи. Кто правъ, кто виноватъ, трудно разобраться, и мы не рѣшаемся печатать сообщенія нашего корреспондента пока сколько-нибудь не разберемся въ этомъ хаосѣ. Впрочемъ, русскіе генералы хороши на войнѣ, но такъ ли они хороши въ дѣлахъ мира, право не знаемъ. У насъ самихъ что-то не совсѣмъ ладно идутъ дѣла мира... Но мы пока ограничиваемся только тѣмъ что констатируемъ печальный фактъ неурядицы въ Болгарскомъ княжествѣ, за которое пролито столько русской крови...

Хуже чѣмъ въ Болгаріи положеніе дѣлъ въ Сербіи, политическая самостоятельность коей также куплена цѣной русской крови. Нынѣшнее сербское министерство, доведшее Сербію почти до банкротства, подавившее въ Сербіи начатки промышленности торговымъ трактатомъ съ Австро-Венгріей и разорвавшее историческую связь съ Россіей, ожесточенно продолжаетъ злополучную „культурную борьбу,“ исходъ коей, судя по всѣмъ признакамъ, грозитъ потрясеніемъ православной церкви въ Сербіи. Уже полтора года прошло съ тѣхъ поръ какъ нынѣшніе сербскіе министры удалили митрополита Михаила за его отказъ ввести въ православную Сербскую церковь особый видъ симоніи. Можно было думать что преслѣдованіе митрополита вызвано исключительно политическими мотивами, что Сербское правительство выдумало лишь предлогъ чтобъ удалить, въ угоду вѣнскимъ и пештскимъ друзьямъ, лицо пользующееся въ Россіи уваженіемъ. Можно было предполагать что достигнувъ этой цѣли кабинетъ Пирочанца-Новаковича оставитъ въ покоѣ православную церковь и ея каноны. Но нѣтъ, гоненія на церковь не только не прекратились, а приняли еще болѣе острый характеръ, между тѣмъ какъ усиливается католическая агитація въ двухъ славянскихъ провинціяхъ, Босніи и Герцеговинѣ. Располагая въ скупщинѣ большинствомъ не *избранныхъ*, а *назначенныхъ* депутатовъ, сербскій министръ народнаго просвѣщенія провелъ, безъ предварительнаго согласія сербскаго синода, новый законъ „о церковныхъ властяхъ,“ находящійся въ противорѣчіи съ канонами православной церкви. Нашъ бѣлградскій корреспондентъ въ свое время сообщилъ намъ текстъ этого закона; мы ограничимся поэтому напоминаніемъ что, по проекту г. Новаковича, избраніе митрополита Сербской церкви поручается какой-то особой коллегіи, въ коей должны участвовать министръ-президентъ, министръ народнаго просвѣщенія, предсѣдатель государственнаго совѣта, предсѣдатели аппелляціоннаго и кассаціоннаго судовъ и пять депутатовъ избираемыхъ скупщиной. Надо замѣтить что многія изъ высшихъ должностныхъ лицъ Сербіи исповѣдуютъ вѣру католическую, и что въ числѣ депутатовъ сербской скупщины есть и Евреи, и магометане, такъ что избраніе православнаго митрополита поставлено будетъ такимъ образомъ въ зависимость отъ иновѣрцевъ, такъ какъ въ новомъ законѣ не упоминается чтобъ „избиратели“ митрополита были православнаго исповѣданія. Какъ эта статья, такъ и нѣкоторыя другія, по коимъ духовенство поставлено въ полную зависимость отъ министра народнаго просвѣщенія, переполнили чашу терпѣнія сербскихъ епископовъ. Сербскіе епископы, къ коимъ присоединился даже администраторъ сербской митрополіи опредѣленный нынѣшнимъ кабинетомъ, Моисей, заявили въ торжественномъ протестѣ что не могутъ признать новый законъ и потому должны съ прискорбіемъ удалиться... Правительство тѣмъ не менѣе назначило на 1 апрѣля „выборы митрополита,“ въ коихъ не будетъ участвовать ни одного епископа. Назначеніе новыхъ епископовъ министромъ народнаго просвѣщенія, какъ съ радостію сообщаютъ австрійскія газеты, также дѣло рѣшенное. Кто будетъ рукополагать этихъ епископовъ, неизвѣстно. Сербское правительство, по слухамъ, обращалось даже къ „патріарху“ австрійскихъ Сербовъ, мадьярону Анджеличу, съ просьбой прислать для этой цѣли двухъ епископовъ, но и тотъ отказался...

Б.

Франція представляетъ пеструю картину всевозможныхъ движеній, которыя, при всей своей разнородности, имѣютъ общею цѣлью прежде всего покончить съ нынѣшнимъ режимомъ и вырвать власть изъ рукъ безсильнаго правительства „третьей республики.“ Мины подводятся съ разныхъ сторонъ. Клерикалы и монархисты рѣшили „соединить бѣлое знамя съ краснымъ чтобъ отнять управленіе страной у толпы задорныхъ болтуновъ,“ какъ говоритъ одна

изъ прокламацій наклеенныхъ въ Парижѣ 17 марта.

Уменьшеніе количества публичныхъ работъ и застой въ торговлѣ, на который еще недавно жаловались президенту Греви торговцы большихъ городовъ, значительно содѣйствовали успѣху враждебныхъ правительству агитацій, увеличивъ количество рабочихъ безъ работы до небывалой цифры. Парижскія газеты утверждаютъ что въ данную минуту въ одномъ Парижѣ не менѣе шестидесяти тысячъ рабочихъ остаются безъ заработковъ. *Progrès de Lyon* сообщаетъ что въ Ліонѣ болѣе двадцати тысячъ рабочихъ имѣютъ работы только на половину рабочаго дня. Такимъ образомъ, масса самаго безпокойнаго люда, подготовленная долговременнымъ бѣдствіемъ, отдана въ руки агитаторовъ всѣхъ оттѣнковъ, которые *обрабатываютъ* рабочихъ и формируютъ изъ нихъ баррикадную армію. Либерализмъ республиканскаго законодательства покровительствуетъ революціонной агитаціи, допуская абсолютную свободу печати и сходокъ, и плоды этой свободы уже сказались рядомъ болѣе или менѣе опасныхъ волненій, начиная отъ монсолеминскихъ безпорядковъ и кончая уличнымъ бунтомъ въ Парижѣ 9 и 11 марта.

Правительству „третьей республики" приходится бороться съ открытыми нападеніями и съ тайными минами, и первые опыты этой борьбы показали безсиліе правительства связаннаго по рукамъ и ногамъ доктринами нелѣпаго либерализма. Боясь потерять послѣдній *престижъ* — и безъ того весьма сомнительный — въ глазахъ республиканскаго большинства, правители Франціи, на первыхъ порахъ, въ борьбѣ съ революціоннымъ движеніемъ ограничились полумѣрами, тщательно избѣгая всякаго дѣйствія которое могло бы быть истолковано какъ нарушеніе „великаго принципа республиканской свободы."

Пока приходилось имѣть дѣло съ монсолеминскими и ліонскими анархистами задача была легкая: можно было ухватиться за законъ 1872 года объ интернаціоналкѣ и съ разными натяжками подвести подъ него преступную дѣятельность анархистовъ, хотя радикальная печать не безъ основанія заявляла что дѣйствія подсудимыхъ отнюдь не выходили изъ условій коими республиканская свобода обставляетъ пользованіе печатью.

Но вотъ явился манифестъ принца Жерома Наполеона. Перепуганное правительство „третьей республики" рѣшается дѣйствовать энергически; но республиканское законодательство не давало никакихъ средствъ для борьбы съ „претендентомъ." Тогда пришлось оставить въ сторонѣ „великіе принципы республиканской свободы" и прибѣгнуть къ помощи „реакціонныхъ" монархистскихъ законовъ. Жерома Наполеона арестовали въ силу закона 10 іюня 1853 года, которымъ виновникъ *2 декабря* хотѣлъ обезпечить себя со стороны республиканцевъ и орлеанистовъ. Когда обвинительная камера не нашла возможнымъ предать принца суду, такъ какъ вывѣшивая свой манифестъ онъ отнюдь не нарушилъ закона о печати 1881 года, то прибѣгли къ проскрипціи выгнать изъ Франціи всѣхъ принцевъ. Но когда благоразумная часть сенаторовъ воспротивилась этой безполезной и рискованной мѣрѣ, то снова пришлось прибѣгнуть къ „реакціонному"-монархистскому законодательству, и законъ 1839 года, имѣвшій въ виду обезпечить монархію отъ военной революціи, сослужилъ службу республиканскому правительству.

Принцы были удалены изъ арміи, но агитація продолжалась съ возрастающею энергіей. Бонапартистскій депутатъ Кунео д'Орнано разослалъ манифестъ принца Жерома по всѣмъ коммунамъ своего округа и грозилъ судомъ всякому кто позволилъ бы себѣ срывать со стѣнъ этотъ манифестъ. Бѣлое знамя каждый день появлялось на колокольнѣ то одного, то другаго провинціальнаго города и напоминало правительству что враги его не спятъ. Въ то же время анархистскіе вожаки собирали публичные митинги на которыхъ убѣждали рабочихъ взяться за оружіе чтобы низвергнуть правительство, а радикальная печать не переставала доказывать изо дня въ день необходимость революціи. Правители „третьей республики" поняли что пора принять мѣры противъ начинающагося пожара, но „великіе принципы свободы" не давали имъ средствъ тушить раздуваемое агитаторами пламя. И вотъ снова республиканскіе правители должны были прибѣгнуть къ „реакціонному" законодательству, и министръ внутреннихъ дѣлъ, г. Вальдекъ-Руссо, въ циркулярѣ къ прокурорамъ рекомендуетъ тушить всякую анти-правительственную агитацію опира-

ясь на законъ 1848 года. Наконецъ, когда обездоленные республикою рабочіе, подстрекаемые революціонными агитаторами, устроили уличный бунтъ въ Парижѣ, то растерявшееся правительство не знало что предпринять съ „гражданами," и безсильно маневрировало отрядами городовыхъ, едва отстоявшихъ жилище самого президента отъ бушевавшей толпы. Зная о готовящемся на 11 марта повтореніи безпорядковъ, правители либеральной республики рѣшили въ крайности прибѣгнуть въ „реакціонному" пріему и разогнать бунтующихъ при помощи вооруженной силы. Опытъ 11 марта показалъ что эта „реакціонная" мѣра вполнѣ примѣнима къ свободной сволочи „третьей республики," и обрадовавшіеся открытію республиканскіе правители топтали „гражданъ" кавалеріей вопреки „великому принципу свободы." Но такъ какъ на 18 марта, ко дню годовщины коммуны, нужно было ожидать серіознаго волненія, которое могло потребовать болѣе широкаго примѣненія „реакціонной" силы, то республиканскіе правители постарались найти легальное оправданіе для кавалерійскихъ атакъ, и снова пришлось прибѣгнуть къ „реакціонному" законодательству. Законъ 1848 года выручилъ: власти свободной республики напечатали приказъ коимъ „граждане" оповѣщались что если они не послушаются трехъ барабанныхъ сигналовъ, то будутъ арестованы, заключены въ тюрьму и преданы суду.

Итакъ, теперь ясно что правительство „третьей республики," почувствовавъ на себѣ неудобство „великихъ принциповъ абсолютной свободы," въ борьбѣ съ начинающимся броженіемъ поняло безсиліе на которое его обрекаетъ доктрина, и ухватилось за законы созданные монархіями. Каждый разъ какъ правителямъ республики приходилось обороняться отъ революціонныхъ агитаторовъ, они находили спасеніе то въ законѣ 1839 года, то въ законѣ 1848 года, то въ законѣ 1853 года, словомъ въ „реакціонныхъ" законахъ...

Борьба за существованіе, которую ведетъ теперь правительство „третьей республики," только началась, и конецъ ся нельзя предвидѣть. Въ данную минуту по всей Франціи производятся аресты и обыски, и борьба съ революціоннымъ движеніемъ ведется при помощи совсѣмъ не „либеральныхъ" мѣръ. Аресты производятся безо всякихъ объясненій предъ публикой, благо за судебными властями осталось отъ временъ монархіи право арестовать гражданъ безъ разрѣшенія улицы. Но когда арестованные будутъ преданы суду, то правителямъ „третьей республики" придется подыскать подходящій къ случаю законъ и, по всей вѣроятности, снова выручитъ „реакціонное" законодательство, благо коммунники 1871 года, сожигая дворцы, не догадались истребить старые уголовные кодексы.

№ 75.

Москва, 15-го марта.

Никто себѣ не врагъ, никому не охота хлопотать о собственномъ упраздненіи и уничтоженіи. Это одинаково справедливо по отношенію и къ людямъ, и къ интересамъ, и къ учрежденіямъ, дурнымъ или хорошимъ, уважительнымъ или неуважительнымъ, полезнымъ или вреднымъ — все равно: каждому желательно отстоять себя. Не добровольною смертію скончались, напримѣръ, наши многимъ памятныя управы благочинія, и еслибы дѣло о нихъ рѣшалось согласно съ мнѣніями тѣхъ для кого онѣ были теплымъ мѣстечкомъ, эти учрежденія, надобно полагать, здравствовали бы и донынѣ. Точно также естественно не желаетъ упраздниться и цѣлая группа таможень расположенныхъ не по границамъ, а внутри Закавказья. Много очень нелестнаго писано о таможенной части въ Закавказьѣ, о непреодолимыхъ трудностяхъ борьбы разныхъ мѣстныхъ начальниковъ съ тамошними традиціонными таможенными злоупотребленіями, можетъ-быть не меньше чѣмъ о грѣхахъ управъ благочинія. Особенно строгіе отзывы въ этомъ родѣ читали мы въ статьяхъ защитниковъ Закавказскаго транзита, между прочимъ въ офиціозной тифлисской газетѣ *Кавказъ*. Но закавказскія таможенныя учрежденія готовы не обижаться не совсѣмъ одобрительнымъ послужнымъ спискомъ какимъ снабжаютъ ихъ сторонники транзита, лишь бы защитникамъ его удалось отстоять свое дѣло, съ которымъ связано существованіе таможень Тифлисской, Нахичеванской, Эриванской, Ахалкалакской, Александропольской и Ахалцихской. Закройся транзитъ, и всѣмъ этимъ только

ради транзита живущимъ таможнямъ нечего будетъ дѣлать, потребуется упразднить ихъ, кромѣ развѣ Тифлисской, которая можетъ-быть осталась бы на подобіе складочныхъ Варшавской и Харьковской таможень до тѣхъ поръ пока опытъ показалъ бы ея ненадобность. Останься транзитъ въ силѣ, этимъ былъ бы причиненъ ущербъ русской промышленности, но за то была бы дана жизнь и работа внутреннимъ закавказскимъ таможнямъ. Даже и замѣна всѣхъ ихъ одною Тифлисскою, при существованіи транзита, не была бы такимъ непріятнымъ дѣломъ какъ въ случаѣ полнаго закрытія транзита. Понятно что не безъ интереса должны слѣдить всѣ такимъ образомъ заинтересованные въ дѣлѣ за измѣняющимися отъ времени до времени пріемами и аргументаціей адвокатовъ транзита. Удастся ли этимъ адвокатамъ, въ ихъ тяжбѣ съ русскою промышленностію, отстоять хоть что-нибудь, чтобы транзитъ уцѣлѣлъ хоть въ какомъ-нибудь видѣ, причемъ могло бы уцѣлѣть и то что съ нимъ связано? Пусть будетъ безусловно запрещенъ транзитъ на Баку—съ этимъ транзитнымъ путемъ не связано существованіе ни одной изъ упомянутыхъ таможень—но пусть будетъ сохраненъ транзитъ на Джульфу, на какихъ бы то ни было условіяхъ, хотя бы съ наложеніемъ самыхъ высокихъ пошлинъ на транзитные товары, и дѣло въ шляпѣ.

Не могутъ желать упраздненія своего дѣла и транзито-контрабандные торговцы: ихъ прямой интересъ сохранить за собою возможно широкое поле для своей дѣятельности. Если утрачена надежда завоевать для контрабанды свободный доступъ въ Каспійское море со всѣми его прибрежьями, тѣмъ упорнѣе нужно отстаивать для нея сухопутные закавказскіе тракты на Джульфу, съ которыхъ кое-что, пожалуй, можетъ свернуть и въ сторону Каспія. Отстоять транзитъ на Джульфу можетъ-быть еще важнѣе чѣмъ на Баку. Не даромъ въ нѣкоторыхъ запискахъ поданныхъ по начальству представителями нашего промышленнаго міра было выражено что транзитъ черезъ Джульфу сопровождается для нашей промышленности даже бóльшимъ вредомъ чѣмъ черезъ Баку, „такъ какъ контрабанда особенно удобоисполнима при перевозкѣ товара вьючнымъ способомъ."

Только о транзитѣ на Джульфу и идетъ теперь рѣчь, а всѣ хлопоты о транзитѣ на Баку окончательно брошены какъ безуспѣшные. Только съ Джульфинскимъ транзитомъ должна де помириться русская промышленность: чего ей это стóитъ? много ли она отъ этого потеряетъ? Вѣдь этимъ путемъ иностранные товары пойдутъ не на Каспій, не въ Среднюю Азію, не въ Восточную, а въ Западную Персію, куда они и при полномъ закрытіи Закавказскаго транзита все равно проникнутъ чрезъ Трапезунтъ и Эрзерумъ: пусть же лучше они пройдутъ туда чрезъ наши владѣнія съ уплатой транзитныхъ пошлинъ, оставивъ въ нашихъ рукахъ выгоды отъ ихъ перевозки. Это выгоды ничтожныя, грошевыя, но зачѣмъ и отъ нихъ отказываться если можно ихъ получить безъ вреда для нашей промышленности? Но вся суть въ томъ, можетъ ли быть оставленъ для транзита Джульфинскій трактъ безъ вреда для нея.

Главный вопросъ тутъ не въ обезпеченіи за русскими товарами рынковъ Западной Персіи: не только при транзитныхъ пошлинахъ, но и при полной отмѣнѣ транзита, иностранная конкурренція, конечно, устранена не будетъ. Дѣло не въ устраненіи этой конкурренціи съ не особенно важныхъ для насъ западно-персидскихъ рынковъ, а въ устраненіи ея съ весьма важныхъ для насъ рынковъ закавказскихъ и съ другихъ, куда товары могутъ идти изъ Закавказья. Допустить чтобы какой бы то ни было закавказскій трактъ былъ открытъ для транзита, значитъ допустить снабженіе Кавказа этими транзитными товарами, въ подрывъ сбыту тамъ русскихъ товаровъ. Допустить для транзитныхъ товаровъ какое бы то ни было пониженіе пошлинъ противъ общаго таможеннаго тарифа, значитъ въ этой самой мѣрѣ облегчить для иностранцевъ экономическое господство въ этомъ краѣ въ ущербъ нашему внутреннему производству вообще и въ ослабленіе покровительства необходимаго для возникновенія и развитія разныхъ производствъ на самомъ Кавказѣ. Контрабанда не прекратится и послѣ полнаго закрытія транзита, но эта будетъ контрабанда пограничная, идущая извнѣ, а не внутренняя. А всего труднѣе уберечься отъ домашняго вора. Да и со внѣшнею контрабандой будетъ легче справляться когда всѣ силы внутренняго таможеннаго надзора будутъ направлены на подкрѣпленіе средствъ надзора пограничнаго. Кавказъ не перестанетъ снабжаться отчасти

контрабандными товарами, но не въ такихъ размѣрахъ и не съ такою наглостью какъ это дѣлается при допущеніи транзита. А до чего доходитъ эта наглость можно видѣть хотя бы изъ слѣдующаго примѣра. Сегодня намъ доставленъ образчикъ стеариновыхъ свѣчъ которыми снабжается Кавказъ кажется изъ Марсели. Это не просто контрабанда, это мошенническая поддѣлка съ цѣлію придать весьма плохому и потому дешевому товару видъ русскаго издѣлія извѣстной фирмы. Тотъ же цвѣтъ оберточной бумаги, одинаковая по виду этикетка съ русскими двуглавыми орлами справа и слѣва, носящими московскій гербъ на груди, съ тѣмъ только несовершенствомъ поддѣлки что на настоящей этикеткѣ поставленный слѣва гербъ немного покрупнѣе и безъ ободка, а на поддѣльной оба русскіе герба одинаковой величины и оба съ ободками, да еще съ тѣмъ что вмѣсто наименованія фирмы *„Бр. Крестовниковыхъ и К°“* на поддѣльной этикеткѣ стоитъ: *„Б. Кристовниковъ.“* Какъ ярко отпечатлѣлось въ этомъ послѣднемъ, спеціально восточномъ, искаженіи плутовство именно мѣстныхъ кавказскихъ контрабандистовъ дорожащихъ связями съ готовыми дѣлить ихъ барыши иностранцами! Если подобныя продѣлки имѣютъ мѣсто даже относительно свѣчъ, то что̀ же дѣлается, напримѣръ, по сбыту на Кавказѣ иностранныхъ тканей? Какъ же не хлопотать объ оставленіи за транзитомъ Джульфинскаго тракта для доставленія удобствъ ихъ контрабандному сбыту!

Контрабандныя цѣли, конечно, прикрываются флагомъ русскихъ интересовъ. Россія должна де предпочесть меньшее зло Джульфинскаго транзита большему злу—возможности что Англичане пожалуй возьмутъ да и построятъ желѣзную дорогу изъ Трапезунта въ Персію. Будетъ ли Англичанамъ разчетъ строить воображаемую дорогу которою насъ пугаютъ какъ дѣтей букой, объ этомъ вообще избѣгаютъ распространяться. А между тѣмъ фактъ состоитъ въ томъ что весь итогъ транзитныхъ товаровъ, очень крупный по суммѣ своей стоимости и по тому подрыву какой причиняетъ нашей промышленности, не такъ великъ по вѣсу чтобы для перевозки этихъ товаровъ могла быть построена большая желѣзная дорога чрезъ страну которая своихъ мѣстныхъ грузовъ для перевозки дать не можетъ. Всей массы транзитныхъ грузовъ, считая какъ тѣ которые шли до сихъ поръ чрезъ Закавказье такъ и тѣ которые выгружались въ Трапезунтѣ, недостаточно для того чтобъ окупить содержаніе даже сравнительно небольшой Закавказской дороги. Какой же можетъ быть смыслъ строить для этой горсти (по вѣсу) грузовъ несравненно болѣе длинную, несравненно болѣе дорогую линію? Разчитывать на возрастаніе количества этихъ грузовъ Англичане могли бы только въ надеждѣ сбывать ихъ къ намъ на Кавказъ и на Каспій, но не въ Персію, страну находящуюся въ состояніи крайняго экономическаго упадка, безъ видовъ на лучшее будущее. При такихъ обстоятельствахъ, Англичане, не охотники до невыгодныхъ предпріятій, строить дороги не станутъ: игра не сто̀итъ свѣчъ. Но еслибъ имъ и вздумалось построить эту дорогу, осуществимую только въ воображеніи защитниковъ транзита, много ли бы мы отъ этого потеряли, при огражденіи Кавказа отъ наплыва иностранныхъ товаровъ и при упроченіи тѣмъ его экономическихъ связей со всею Имперіей?

Нѣтъ, хотя постройка Англичанами Трапезунтской дороги немыслима и не страшна даже въ томъ случаѣ еслибы была дѣломъ статочнымъ, все-таки допустимъ Джульфинскій транзитъ изъ тонкаго политическаго разчета: мы этимъ путемъ можемъ будто бы держать Англію въ своихъ рукахъ. Чуть лишь Англичане задумаютъ что-нибудь не по насъ, мы заставимъ ихъ прикусить язычекъ, погрозивъ закрытіемъ Джульфинскаго транзита... Не думайте что мы шутимъ: такія глубокомысленныя разсужденія высказываются серіозно, ихъ приходилось выслушивать недавно въ Петербургѣ московскимъ экспертамъ, не знавшимъ хорошенько зачѣмъ ихъ собственно вызывали. Каковъ однако смыслъ этого куріознаго аргумента? Транзитъ черезъ Джульфу такъ важенъ и выгоденъ для иностранцевъ что ихъ можно держать въ уздѣ угрозой его отмѣны? Но не слѣдуетъ ли отсюда что онъ столько же невыгоденъ для русской промышленности, въ интересахъ которой и представляется необходимымъ отнюдь не допускать его? Плохая политика бить противниковъ своими боками, говорить имъ: я дозволяю вамъ себя общипывать; смотрите же не ссорьтесь со мною, ибо въ такомъ случаѣ я уже не позволю вамъ живиться на мой счетъ.

№ 76.

Москва, 16-го марта.

А.

Въ полученномъ сегодня нумерѣ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты* отъ 25 марта на видномъ мѣстѣ напечатана слѣдующая замѣтка:

„*Gazeta Narodowa* воспроизводитъ выдержки *Русской Старины* изъ мемуаровъ генерала Муравьева, бывшаго генералъ-губернатора Литвы. Львовскій листокъ съ удареніемъ указываетъ что по изложенію генерала польское возстаніе 1863 года вызвало большое смущеніе въ Петербургѣ, и что Императоръ въ то время уже рѣшался пожертвовать Царствомъ Польскимъ чтобы спасти остальныя польскія провинціи Россіи. *Gazeta Narodowa* пользуется этимъ для сравненія политическаго положенія Россіи въ 1863 году съ настоящимъ и высказываетъ мнѣніе что при теперешнемъ положеніи вещей въ Россіи страхъ предъ послѣдствіями польской инсуррекціи былъ бы основательнѣе нежели двадцать лѣтъ назадъ, когда Россія, сильная внутри и внѣ, могла подавить возстаніе."

Эта объективная замѣтка, только констатирующая, повидимому, взглядъ польской газеты, появилась въ органѣ князя Бисмарка и не безъ цѣли, и не ex abrupto. Она находится въ связи съ цѣлымъ рядомъ указаній нѣмецкой офиціозной печати на положеніе принимаемое Поляками и особенно польскимъ духовенствомъ въ виду „культурной борьбы" возгорѣвшейся теперь съ особенною силой. Не далѣе какъ нѣсколько дней назадъ та же *Сѣверо-Германская Газета* прямо замѣтила что „за неудачу попытокъ къ примиренію свѣтскихъ властей съ духовными нельзя исключительно винить ни папу, ни Пруссію, такъ какъ отношенія между ними мутятся многосложными вліяніями, которыя не имѣютъ ничего общаго съ дѣлами церкви и только эксплуатируютъ ихъ для политическихъ цѣлей." Говорилось это по поводу дѣятельности проживающаго въ Ватиканѣ кардинала Ледоховскаго, который благодаря нелѣпой, отчасти имъ же распространенной баснѣ пользуется особыми милостями папы. Не далѣе какъ день спустя, министерская *Провинціальная Корреспонденція* такъ отозвалась о дѣятельности католическаго духовенства въ польскихъ провинціяхъ Пруссіи: „Католическое духовенство дѣлаетъ все чтобы каждаго католика нѣмецкаго происхожденія и образованія обратить въ Поляка," почему и пренебрегаетъ преподаваніемъ на нѣмецкомъ языкѣ въ такой мѣрѣ что прежній архіепископъ Познанскій держался правила вовсе не допускать преподаванія Закона Божія въ тѣхъ школахъ гдѣ правительство не находило возможнымъ допустить это преподаваніе на языкѣ польскомъ. „Между тѣмъ, правительство видитъ что каждая уступка въ этомъ дѣлѣ даетъ только новое оружіе для пропаганды полонизма... Хлопочутъ очевидно о Польшѣ выходящей далеко за предѣлы даже 1772 года." Замѣчаніями офиціозныхъ органовъ дѣло не ограничилось, такъ какъ 4 декабря прусскій посланникъ въ Ватиканѣ Шлёцеръ счелъ необходимымъ обратиться съ особою нотой къ кардиналу Якобини, разоблачая продѣлку партіи поддерживающей Ледоховскаго и выставляющей его какимъ-то „мученикомъ" Прусскаго правительства „за ревность о церкви." Нота Шлёцера обнародована въ Берлинѣ только теперь тоже не безъ причины. Она относится къ тому времени когда въ Берлинѣ еще вѣрили въ успѣхъ переговоровъ съ папой и потому не имѣли надобности указывать на затрудненія встрѣчаемыя при этихъ переговорахъ. Теперь положеніе дѣлъ измѣнилось, и въ Берлинѣ считаютъ умѣстнымъ разъяснить почему, въ силу какихъ именно вліяній и интересовъ, не можетъ прекратиться „культурная борьба."

Вліянія эти, какъ замѣтилъ органъ имперскаго канцлера, многосложны, но между ними должны же быть преобладающія. Указать на нихъ правительству весьма важно. Всѣ въ Германіи давно знаютъ что въ поддержаніи „культурной борьбы" всего болѣе заинтересованы партикуляристы, и что такъ-называемая парламентская партія центра, слывущая католическою, есть не болѣе какъ орудіе въ ихъ рукахъ. Точно также извѣстно что вмѣстѣ съ партіей центра всегда и во всемъ идутъ „Поляки," составляющіе въ парламентѣ маленькую группу. Каково ихъ отношеніе къ партіи центра? До сихъ поръ Поляки были только „хвостомъ" партіи центра и служили орудіемъ въ рукахъ партикуляристовъ. Не доказываютъ ли теперь разоблаченія нѣмецкой офиціозной печати

что положеніе Поляковъ нѣсколько мѣняется, что изъ орудія они тщатся стать цѣлью. Въ самой Германіи они не могли почерпнуть себѣ надеждъ. Въ двѣнадцать лѣтъ существованія Германской имперіи положеніе партій и внутренняя связь ея такъ окрѣпла что теперешніе партикуляристы едва ли и мечтаютъ о возможности ея расторженія. Вся ихъ задача сводится лишь къ тому чтобы поддержать или поднять нѣкоторыя особыя права вассальныхъ членовъ. Вожакъ партіи центра Виндтгорстъ, сторонникъ Ганноверской династіи, хлопочетъ развѣ лишь о возстановленіи ея на престолѣ, но и не мечтаетъ о полной самостоятельности Ганновера; онъ готовъ даже войти въ сдѣлку относительно Брауншвейгскаго наслѣдства и пожалуй помириться на простомъ возвращеніи захваченныхъ Пруссіей Ганноверскихъ капиталовъ извѣстныхъ подъ именемъ „вельфскаго фонда."

Въ разчетахъ на ослабленіе государственной власти Россіи и на ошибки ея политики относительно католической церкви, польскія притязанія становятся заносчивѣе и въ Германіи. Притязанія эти особенно усилились съ тѣхъ поръ какъ Поляковъ стали поощрять въ Вѣнѣ, величая ихъ „вѣрными союзниками австрійскаго правительства" и давая имъ поводъ думать, какъ выразился на дняхъ *Курьеръ Польскій*, что „возстановленіе Польши въ интересахъ Австріи."

Можетъ-быть *Gazeta Narodowa* не безъ причины, а во всякомъ случаѣ не безъ особой цѣли, сочла полезнымъ взвѣсить политическую силу Россіи за двадцать лѣтъ назадъ и сегодня. Смыслъ словъ польскаго органа довольно ясенъ: если насъ, хочетъ сказать онъ, двадцать лѣтъ назадъ струсили въ Петербургѣ, струсили когда Россія была „сильна внѣ и внутри," то теперь должны струсить еще больше. Польскій органъ и теперь, очевидно, точно такъ же какъ въ 1863 году, но въ большей мѣрѣ, разчитываетъ на поддержку польскаго дѣла нашею внутреннею смутой, нашею партіей „праваго порядка" и нашею политикой относительно римско-католической церкви, которую мы сами усиленно дѣлаемъ національно-польскою.

Б.

Русскія Вѣдомости, испугавшись упрека въ либеральной радости по случаю преслѣдованія печати, поспѣшили учинить диверсію. Онѣ рады, что ихъ „петербургскій собратъ" *привлеченъ къ суду*, а не подвергся административной расправѣ за его „формальное, *хотя и пустое*, нарушеніе закона," и желаютъ ему вполнѣ оправдаться. Оправдаться отъ *пустаго* обвиненія! Судебнымъ чинамъ приходится благодарить своего защитника словами басни: „хотя услуга намъ при нуждѣ дорога" и т. д.

Насъ же *Русскія Вѣдомости* продолжаютъ упрекать въ извращеніи смысла 1.038 ст. Улож. о Наказан. Извращеніе заключается де въ софистическомъ толкованіи указаннаго узаконенія, которое гласитъ: „кто до судебнаго засѣданія или „прекращенія дѣла огласитъ въ печати свѣ„дѣнія обнаруженныя дознаніемъ или пред„варительнымъ слѣдствіемъ, тотъ, *смот„ря по болѣе или менѣе вреднымъ отъ „сего послѣдствіямъ*, подвергается" и т. д.

Законъ этотъ воспрещаетъ оглашеніе свѣдѣній обнаруженныхъ предварительнымъ слѣдствіемъ въ виду вреда который можетъ отъ того произойти: вотъ главное. Спрашивается, въ чемъ же могутъ состоять вредныя послѣдствія предусматриваемыя 1.038 ст. Улож. о Наказаніяхъ? Очевидно въ томъ чтобы не помѣшать слѣдствію, которое въ иныхъ случаяхъ требуетъ строгой тайны. Услужливый же защитникъ судебнаго вѣдомства полагаетъ что 1.038 ст. предусматриваетъ вредное вліяніе на будущихъ присяжныхъ, имѣющихъ участвовать въ судебномъ разбирательствѣ. Свѣдѣнія обнаруженныя слѣдствіемъ могутъ вредно дѣйствовать на присяжныхъ! Вотъ до чего можно договориться если не стѣсняться ни совѣстью, ни здравымъ смысломъ! Но можетъ ли законъ имѣть въ виду сокрытіе отъ присяжныхъ тѣхъ свѣдѣній, прочтеніемъ коихъ должно начинаться судебное разбирательство? Прокуратура, привлекающая къ судебной отвѣтственности *Петербургскую Газету*, указываетъ на „одностороннія сужденія" въ ней высказанныя, между тѣмъ какъ статья 1.038, на которую прокуратура ссылается, ничего не говоритъ о „сужденіяхъ," а только запрещаетъ до поры до времени обнародованіе „свѣдѣній," не возбраняя касаться судебныхъ опредѣленій. Никакого исключенія не дѣлается относительно судебныхъ опредѣленій обвинительной камеры. Но коль скоро состоялось судеб-

ное опредѣленіе въ силу коего субъектъ состоявшій подъ слѣдствіемъ становится лицомъ подсудимымъ или обвиняемымъ, то нѣтъ *законнаго* основанія воспрещать всякое слово по поводу состоявшагося судебнаго опредѣленія.

Русскія Вѣдомости напрасно упрекаютъ насъ въ софизмѣ. Еслибъ онѣ прежде уяснили себѣ смыслъ и цѣль закона который онѣ взялись истолковывать, то не стали бы дурачить своихъ читателей утѣшеніемъ что возбужденное за пустяки преслѣдованіе кончится пустяками.

Мы думаемъ что достоинство суда и судебныхъ членовъ обязываетъ ихъ не возбуждать пустыхъ дѣлъ.

№ 77.

Москва, 17-го марта.

А.

Возвращаемся къ вопросу, возбужденному репрессивнымъ дѣйствіемъ судебнаго вѣдомства противъ газеты сказавшей нѣсколько словъ въ защиту одного изъ лицъ привлеченныхъ къ суду по дѣлу о Кронштадтскомъ банкѣ. Вопросъ этотъ не имѣетъ для насъ никакого личнаго значенія. Мы не адвокаты ни газеты, ни тѣхъ лицъ за которыхъ она вступилась. Да и дѣло это *пустое*. Но для насъ оно имѣетъ общее значеніе, и о немъ стоитъ сказать еще нѣсколько словъ независимо отъ пререканій съ *Русскими Вѣдомостями*.

Въ Англіи, классической странѣ такъ-называемой политической свободы и самостоятельнаго судоустройства, предварительное слѣдствіе по судебнымъ дѣламъ, требующимъ слѣдствія, производится открыто и также состязательнымъ образомъ какъ и самый процессъ. Сторона обвиненія и сторона защиты препираются публично предъ мировымъ или полицейскимъ судьей, точно также какъ и во время собственно судебнаго засѣданія, на которомъ окончательно рѣшается участь обвиняемаго лица. Слѣдуетъ замѣтить что руководитель предварительнаго слѣдствія, мировой или полицейскій судья, не есть членъ судебной корпораціи и не находится ни въ какой отъ нея зависимости. Еще менѣе зависитъ отъ нея и самое преданіе суду. Дѣло, выясненное въ публичномъ состязательномъ процессѣ, передается въ извѣстныхъ случаяхъ на рѣшеніе такъ-называемаго большаго суда присяжныхъ состоящаго изъ мѣстныхъ нотаблей, не имѣющихъ никакого отношенія къ судебной корпораціи, и которымъ соотвѣтствовало бы то что у насъ называется сословными представителями. Преданіе суду есть тяжкое дѣло, и англійскій порядокъ не ввѣряетъ преданія суду самой же судебной власти. У насъ напротивъ: судебная корпорація и слѣдствіе производитъ,—притомъ тайно, и на всей своей волѣ, съ правомъ предварительнаго заключенія въ тюрьму,—и суду предаетъ, и судитъ, и сама провѣряетъ свои рѣшенія, никому и ни въ чемъ не отдавая отчета. Власть ея простирается не только на частныхъ лицъ, но de facto и на правительственныхъ. Она нашла не лишнимъ между прочимъ вооружиться правомъ оградить и отъ публики тайнодѣйствіе обвинительной власти. Запрещено оглашать въ печати свѣдѣнія „обнаруженныя дознаніемъ и предварительнымъ слѣдствіемъ.“ Не знаемъ съ лучшимъ ли успѣхомъ, благодаря этому, ведется у насъ слѣдственное дѣло, чѣмъ тамъ гдѣ оно производится болѣе или менѣе открыто; но законъ возбраняющій оглашеніе „свѣдѣній обнаруженныхъ слѣдствіемъ“ мотивируетъ это запрещеніе предотвращеніемъ „вредныхъ послѣдствій.“ Если держаться строго текста закона, то воспрещается оглашеніе не всякихъ свѣдѣній о дѣлѣ подлежащемъ слѣдствію, а лишь такихъ кои самимъ слѣдствіемъ обнаружены. Затѣмъ, по силѣ закона, только въ томъ случаѣ воспрещается оглашеніе когда оказывается вредъ. Безвредныхъ же свѣдѣній, хотя бы и добытыхъ самимъ слѣдствіемъ, законъ не запрещаетъ. Спрашивается, какія же вредныя послѣдствія предусматриваетъ законъ запрещая преждевременное оглашеніе свѣдѣній? Очевидно, помѣху слѣдствію. Но, говорятъ, этимъ не ограничивается возможный вредъ. Оглашеніе свѣдѣній предварительнаго слѣдствія можетъ де подѣйствовать на публику не въ томъ смыслѣ какъ желала бы обвинительная власть, и чрезъ то повліять на настроеніе будущихъ присяжныхъ (которые у насъ, кстати сказать, не всегда знаютъ грамотѣ). Печать де, овладѣвъ фактами предварительнаго слѣдствія, можетъ придать имъ ту или другую окраску и высказать сужденія не согласныя со взглядами судебнаго вѣдомства.

Наши „либералы," въ случаѣ надобности, не хуже цензуры озабочены вредомъ тенденціозной окраски фактовъ и сужденій. Но законъ, изъ предѣловъ котораго не должна, по самой профессіи своей, выходить никакая судебная власть,—законъ, возбраняя опубликованіе свѣдѣній добытыхъ слѣдствіемъ, не запрещаетъ сужденій по поводу опредѣленія о преданіи суду. Въ возраженіе намъ говорятъ: „Можно ли „разбирать обвинительный актъ или замѣняющее его опредѣленіе Палаты, не „касаясь данныхъ предварительнаго слѣдствія?" Но данныя предварительнаго слѣдствія, переходя въ опредѣленіе Палаты, а затѣмъ и въ самый процессъ, получаютъ новое значеніе и уже составляютъ судебное опредѣленіе или обвинительный актъ, а не слѣдственное дѣло. Предавая суду преслѣдуемое лицо Судебная Палата объявляетъ за какое дѣяніе, и никакой законъ не возбраняетъ оглашеніе этого свѣдѣнія, которое и самъ судъ объявляетъ, а равно и сужденій къ какимъ оно подаетъ поводъ съ той или другой точки зрѣнія. Въ данномъ случаѣ, газета не раскрывала тайнъ камеры судебнаго слѣдователя, а только заявила о преданіи извѣстнаго лица суду за такое-то дѣяніе, высказавъ при этомъ свое сужденіе. Примѣнять къ этому статью 1.038 значитъ расширять по произволу примѣненіе закона. Наши либералы, впрочемъ, допускаютъ всякій произволъ со стороны судебныхъ инстанцій и чиновъ, требуя преклоненія предъ нимъ какъ предъ высшею законностію.

Итакъ, къ чему сводится вопросъ? Доктрина нашихъ „либераловъ" требуетъ чтобы судебная корпорація была во всемъ самовластна, а съ тѣмъ вмѣстѣ и со стороны публики обезпечена, и чтобы преслѣдуемое лицо, пораженное тяжкимъ рѣшеніемъ предающимъ его суду, безмолвно шло на скамью подсудимыхъ, и чтобы никто не смѣлъ сказать во всеуслышаніе слово въ его пользу—во вредъ сколько угодно если обвиняемый не мошенникъ, не разбойникъ, и въ особенности если по несчастію занималъ административную должность. Будто бы тѣ неизвѣстныя лица которымъ приведется быть присяжными засѣдателями настроятся вреднымъ образомъ если кто-нибудь не раздѣляющій воззрѣнія обвинительной власти выскажетъ публично свое мнѣніе! Присяжные во время процесса разобщаются съ публикой; ихъ не допускаютъ до сношеній съ кѣмъ бы то ни было; ихъ запираютъ для совѣщаній; въ засѣданіи дѣло раскрывается предъ ними во всѣхъ подробностяхъ; они выслушиваютъ обвинительный актъ основанный на предварительномъ слѣдствіи; они присутствуютъ при новомъ слѣдствіи, которое нерѣдко даетъ результаты противоположные предварительному; наконецъ, они слышатъ страстныя рѣчи и обвиненія, и защиты. Что же значатъ предъ этимъ статьи появившіяся въ газетѣ? Можетъ ли предполагаемое впечатлѣніе такой статьи что-нибудь значить въ сравненіи съ тѣми которыя сыплются на присяжныхъ во время судебнаго засѣданія? Нѣтъ, если считается нужнымъ возбранять выраженіе мнѣнія несогласнаго съ воззрѣніемъ обвинительной власти, то побужденіемъ къ тому можетъ быть все что хотите, только не опасеніе за безпристрастіе присяжныхъ...

Б.

Между Испаніей и Германіей возникло интересное столкновеніе по поводу торговаго трактата, на которое стоитъ обратить вниманіе. Въ первый разъ Германія примѣняетъ къ дѣлу свои такъ-называемыя „боевыя пошлины" предусмотрѣнныя тарифомъ 1879 года (параграфъ 6) и сразу въ высшей мѣрѣ, въ видѣ надбавки въ 50% по всѣмъ важнѣйшимъ статьямъ испанскаго ввоза въ Германію. Сущность дѣла заключается въ слѣдующемъ. Въ Испаніи существуютъ двѣ тарифныя нормы, одна общая, другая пониженная для державъ съ которыми заключены особые трактаты. Болѣе полугода назадъ кончился срокъ торговаго договора между Испаніей и Германіей и начались сношенія о заключеніи новаго трактата, но съ повышенными со стороны Испаніи пошлинами. Германія выговорила себѣ нѣсколько уступокъ и предложила взамѣнъ того понизить свои пошлины на нѣкоторые испанскіе товары. Казалось все шло гладко, какъ вдругъ съ осени начали встрѣчаться разнаго рода затрудненія и недоразумѣнія. Однако дѣйствіе прежняго трактата мѣсяцъ за мѣсяцемъ продолжалось. Послѣдній срокъ оканчивался 15 марта. За нѣсколько дней предъ тѣмъ Испанія потребовала особыхъ уступокъ. Германія отвѣтила отказомъ, ссылаясь что требуе-

мая уступка затрогиваетъ крупные ея интересы. Переговоры не были прерваны, но такъ какъ послѣдній срокъ предоставленныхъ въ Испаніи нѣмецкимъ товарамъ льготъ оканчивался, то 14 марта Испанское правительство распорядилось чтобы впредь до заключенія торговаго договора пошлина съ германскихъ товаровъ взималась по общему таможенному тарифу. Этотъ шагъ вызвалъ раздраженіе въ Берлинѣ; отвѣтомъ на него было предложеніе Союзному Совѣту поднять пошлину на испанскій товаръ. Въ Испаніи, въ свою очередь, взглянули на берлинскій шагъ какъ на репрессалію вызывающую въ свою очередь возмездіе.

Чѣмъ кончится это столкновеніе для насъ не совсѣмъ безразлично. Въ Испанію чрезъ Гамбургъ ввозится, подъ видомъ нѣмецкаго, значительное количество русскаго спирта. Правда, въ послѣднее время въ Германіи, по требованію тамошнихъ заводчиковъ, были приняты мѣры къ сокращенію отпуска русскаго спирта подъ нѣмецкимъ этикетомъ, но эти мѣры сократили оборотъ пока очень немного; иное дѣло если договоръ съ Испаніей не состоится. Посмотримъ сослужатъ ли боевыя пошлины ту службу Германіи какъ разчитывалось при ихъ установленіи. Это и помимо выгодъ торговли спиртомъ не лишено для насъ значенія.

№ 78.

Москва, 18-го марта.

Дней десять тому назадъ, въ общемъ собраніи Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената впервые гласно разбиралось дѣло бывшаго Казанскаго губернатора, г. Скарятина, не по существу, а по частному, говоря судебною терминологіей, вопросу. Объ этомъ дѣлѣ давно уже протрубили наши лжелиберальныя газеты и всячески позорили г. Скарятина на основаніи свѣдѣній добытыхъ будто бы предварительнымъ слѣдствіемъ, нисколько не стѣсняясь закономъ воспрещающимъ обнародованіе таковыхъ свѣдѣній, тѣмъ самымъ закономъ который нынѣ такъ отстаивается и такъ широко истолковывается тою же печатью по поводу предстоящаго процесса о крушеніи Кронштадтскаго Банка. Разница между дѣломъ тайнаго совѣтника Скарятина и дѣломъ о Кронштадтскомъ Банкѣ заключается лишь въ томъ что перваго поносили въ печати, тогда какъ за нѣкоторыхъ подсудимыхъ по дѣлу Кронштадтскаго Банка одна газета заступилась, и, не публикуя никакихъ *свѣдѣній* изъ предварительнаго слѣдствія, выразила лишь сомнѣніе въ правильности *постановленія* о преданіи ихъ суду.

Дѣло бывшаго Казанскаго губернатора заслуживаетъ самаго серіознаго вниманія по существу взведеннаго на него обвиненія. Но теперь мы намѣрены указать только на недоумѣнія вызываемыя *частнымъ* постановленіемъ общаго собранія Кассаціонныхъ Департаментовъ, состоявшимся 7 марта.

Уголовному Кассаціонному Департаменту былъ предложенъ, какъ трибуналу первой инстанціи, которой подсудны дѣла по преступленіямъ должности о лицахъ административнаго вѣдомства не ниже четвертаго класса, обвинительный актъ составленный оберъ-прокуроромъ Перваго Департамента Правительствующаго Сената по обвиненію бывшаго казанскаго губернатора въ оскорбленіи словомъ и дѣйствіемъ разныхъ лицъ во время усмиренія безпорядковъ, происшедшихъ въ концѣ 1878 года среди татарскаго населенія Казанской губерніи. Первый Департаментъ усмотрѣлъ въ дѣйствіяхъ губернатора признаки проступка предусмотрѣннаго ст. 347 Улож. о Нак.,—постановилъ предать его суду Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента безъ участія присяжныхъ засѣдателей.

Но Уголовный Кассаціонный Департаментъ, который по отношенію къ должностному лицу въ рангѣ г. Скарятина образуетъ изъ себя судебное присутствіе, такое же какимъ въ обыкновенныхъ дѣлахъ служитъ окружный судъ, не принялъ обвиненія въ томъ видѣ какъ оно было формуловано Первымъ Департаментомъ замѣняющимъ въ дѣлахъ этого рода обвинительную камеру, то-есть ту инстанцію какую въ обыкновенныхъ дѣлахъ составляетъ судебная палата. Уголовный Кассаціонный Департаментъ, „разбирая обстоятельства изложенныя въ обвинительномъ актѣ,“ нашелъ что дѣйствія г. Скарятина должны быть подведены не подъ 347 ст. Улож. о Нак., а подъ статью 1.533 того же Уложенія, предусматривающую нанесеніе съ умысломъ тяжкихъ побоевъ, за что положено въ той статьѣ заключеніе въ смирительномъ домѣ съ потерею нѣкоторыхъ

особенныхъ правъ и преимуществъ. Такое наказаніе можетъ быть постановлено не иначе какъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. На этомъ основаніи Уголовный Кассаціонный Департаментъ постановилъ признать дѣло Скарятина подсуднымъ тому же Департаменту съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Такимъ образомъ Уголовный Кассаціонный Департаментъ въ отмѣну постановленія обвинительной камеры по этому дѣлу, то-есть Перваго Департамента Правительствующаго Сената, измѣнилъ формулу обвиненія и самый порядокъ суда коему признанъ подлежащимъ г. Скарятинъ. Обвиненіе взведено на него болѣе тяжкое и по смыслу закона безусловно позорящее. На это постановленіе г. Скарятинъ принесъ частную жалобу въ общее собраніе Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената, которая и разбиралась въ засѣданіи 7 марта и оставлена общимъ собраніемъ безъ послѣдствій.

Неизвѣстны мотивы, коими руководствовалось общее собраніе Кассаціонныхъ Департаментовъ, оставивъ жалобу безъ послѣдствій. Быть-можетъ жалоба отвергнута по чисто-формальному соображенію, такъ какъ общее собраніе по ст. 1.113 Уст. Угол. Суд. служитъ лишь *аппелляціонною* инстанціей надъ Уголовнымъ Департаментомъ въ тѣхъ случаяхъ когда послѣдній является судебною инстанціей первой степени. О томъ же чтобъ эта аппелляціонная инстанція могла разсматривать и частныя жалобы по вопросамъ возникающимъ *до* постановленія судебнаго приговора, въ законѣ нѣтъ указаній. Но если г. Скарятинъ будетъ судимъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, то онъ не можетъ принести и аппелляціи въ общее собраніе Кассаціонныхъ Департаментовъ, ибо приговоры постановляемые присяжными не подлежатъ аппелляціи; этого мало: г. Скарятинъ не будетъ имѣть возможности жаловаться и въ кассаціонномъ порядкѣ, ибо по ст. 1.114 Уст. Угол. Суд. такого рода жалобы не допускаются когда дѣло разсматривается Кассаціоннымъ Департаментомъ какъ судебною инстанціей.

Такимъ образомъ, выходитъ что кассаціонный судъ, поставленный во главѣ судебнаго вѣдомства для наблюденія за точнымъ исполненіемъ закона и для исправленія всякихъ отступленій отъ законнаго порядка, можетъ, въ тѣхъ случаяхъ когда онъ самъ исполняетъ обязанности судебной инстанціи, допустить въ своемъ производствѣ какія угодно отступленія отъ указаннаго въ законѣ порядка, и подсудимый, подлежащій этому высшему суду, не имѣетъ никакихъ способовъ добиться возстановленія нарушеннаго закона!

Это кажется невѣроятнымъ; а между тѣмъ по дѣлу г. Скарятина выходитъ что это такъ.

Трудно понять въ силу какихъ указаній закона Уголовный Кассаціонный Департаментъ счелъ возможнымъ *отмѣнить* постановленіе Перваго Департамента о преданіи г. Скарятина суду безъ участія присяжныхъ и замѣнить оное постановленіемъ о преданіи суду съ участіемъ присяжныхъ по ст. 1.533 Улож.

Въ дѣлахъ о преступленіяхъ должностныхъ лицъ законъ не хотѣлъ предоставить судебной власти неограниченный просторъ. Въ ст. 1.095 Устава Уголовнаго Судопроизводства сказано: „Начальство „обвиняемаго въ преступленіи должности, „прежде преданія его суду, обязано при-„вести всѣ предметы обвиненія въ такую „ясность чтобы постановленіе о преданіи „суду заключало въ себѣ всѣ свѣдѣнія „необходимыя для составленія прокуроромъ „обвинительнаго акта и чтобы судебному „мѣсту можно было приступить въ его за-„сѣданіи прямо къ судебному слѣдствію." Далѣе въ ст. 1.103 постановлено что „Судъ „по дѣламъ о преступленіяхъ должности „производится какъ въ судебныхъ мѣстахъ, „такъ и въ *Кассаціонномъ Департаментѣ* „*также* общимъ порядкомъ уголовнаго су-„допроизводства." А вотъ правило которое „въ общемъ порядкѣ уголовнаго судопроиз-„водства" обязательно для суда, разсматривающаго дѣло по существу: „Окружный Судъ," сказано въ ст. 549 Уст. Угол. Суд., „*не входитъ въ разсмотрѣніе подсудности* „*и порядка производства дѣла*, по кото-„рому состоялось опредѣленіе Судебной „Палаты о преданіи обвиняемаго суду; „если же откроются новыя обстоятельства, „не бывшія въ виду Палаты, но имѣющія „вліяніе на дальнѣйшее направленіе дѣла, „то Судъ представляетъ о томъ Палатѣ."

Изъ сопоставленія приведенныхъ статей закона несомнѣнно вытекаетъ что Уголовный Кассаціонный Департаментъ, въ который поступилъ обвинительный актъ, составленный на основаніи постановленія Перваго Департамента о преданіи тайнаго совѣтника Скарятина суду безъ присяж-

ныхъ, долженъ былъ приступить въ своемъ засѣданіи прямо къ судебному слѣдствію (ст. 1.095); что онъ не могъ входить въ разсмотрѣніе подсудности и порядка производства дѣла по которому состоялось опредѣленіе Перваго Департамента о преданіи г. Скарятина суду, и что даже въ томъ случаѣ еслибъ Уголовный Кассаціонный Департаментъ усмотрѣлъ вновь открывшіяся обстоятельства, не бывшія въ виду Перваго Департамента, то онъ обязанъ сообщить о томъ Первому Департаменту. (Стт. 1.103 и 549 Уст. Уг. Суд.)

Постановленіе Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента объ измѣненіи порядка производства дѣла о г. Скарятинѣ находится въ явномъ и прямомъ противорѣчіи съ прописанными выше законами. Какъ могло быть допущено такое отступленіе отъ закона со стороны высшаго блюстителя судебной законности какимъ поставленъ кассаціонный судъ, и какимъ способомъ можетъ быть исправлено указанное нарушеніе еслибъ оно оказалось неосновательнымъ и несправедливымъ, вотъ въ чемъ недоумѣнія...

Еслибы мы жили во Французской республикѣ съ президентомъ Греви во главѣ, то послѣднее недоумѣніе было бы не разрѣшимо. Но мы живемъ въ Россійской Имперіи гдѣ господствуетъ Верховная Власть свободная и надъ всѣмъ возвышенная, которой всѣ власти суть слуги. Она совершенно свободна, и ея велѣнія суть законъ. Итакъ, *теоретически* всякое подобное недоумѣніе разрѣшается само собою. Верховная власть въ Россіи имѣетъ ничѣмъ не стѣсненную возможность возстановить всякое право и пресѣчь всякую несправедливость если захочетъ.

№ 79.

Москва, 19-го марта.

Въ одной финляндской газетѣ (*Wenäjän tullirajasta*) появилась пространная статья, перепечатанная и въ другихъ, но не для мѣстной публики, а для русской. Для объясненій съ Русскими не найденъ однако удобнымъ русскій языкъ, хотя авторъ знакомъ и съ баснями Крылова, и съ сочиненіями Гоголя, и съ выраженіями въ родѣ: „тѣ же самовары въ тѣхъ же окнахъ:“ какъ видно, Финляндцамъ не приходится употреблять русскій языкъ даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ когда они его знаютъ. Предпочтенъ международный, дипломатическій языкъ. Написанная на французскомъ языкѣ, статья озаглавлена „La frontière douanière entre la Russie et le Grand Duché de Finlande (Таможенная граница между Россіей и Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ), имѣетъ видъ полемики съ *Новымъ Временемъ*, но въ ней достается всѣмъ кто находитъ что границу между Россіей и Финляндіей слѣдуетъ или упразднить, включивъ Финляндію въ общую русскую таможенную черту, или сдѣлать не фиктивною, а дѣйствительною таможенною границей, примѣнивъ къ ней съ должною строгостію правило дѣйствующее на всемъ протяженіи русской таможенной линіи. Всѣмъ кто такъ думаетъ дѣлается внушеніе какъ постыдно „Славянской расѣ, обладающей третьею частію Стараго Свѣта, не находить достаточно простора для развитія своей національности,“ но подобно лакею Осипу въ Гоголевскомъ *Ревизорѣ*, находившему что „и веревка пригодится,“ бросать жадные взоры на скудно одаренную Провидѣніемъ Финляндію, съ тѣмъ чтобы и она „была поглощена въ безконечномъ дѣлѣ ассимиляціи.“ За что хотите вы поступить такъ съ Финляндіей, спрашиваетъ авторъ статьи, ссылаясь на басню о Волкѣ и Ягненкѣ чтобы приравнять русскія сужденія къ претензіямъ Волка что Ягненокъ мутитъ ему воду... Этотъ Ягненокъ бесѣдуетъ однако въ финляндской газетѣ совсѣмъ инымъ тономъ чѣмъ въ упомянутой баснѣ. „Таможенная граница,“ объявляетъ онъ какъ ультиматумъ русскому Волку, „до такой степени необходима для нашего существованія что мы никогда, ни подъ какимъ условіемъ, не могли бы отъ нея отказаться,“ даже „еслибы существованіе этой границы было противно интересамъ Россіи.“ Это было бы, конечно, „бѣдственное столкновеніе“ (collision désastreuse), но что дѣлать! не финляндскіе же интересы могутъ отступить предъ русскими. Впрочемъ, никакого столкновенія въ этомъ отношеніи между финляндскими и русскими интересами, какъ увѣряетъ финляндская газета, нѣтъ и быть не можетъ. Таможенная граница съ Финляндіей необходима де именно для Россіи, причемъ, пользуясь ею въ торговомъ отношеніи, не столько де Финляндія эксплуатируетъ Россію сколько Россія Финляндію,

такъ что не съ русской стороны можетъ быть ропотъ на *Русско-Финляндскій торговый трактатъ*, и если Финляндцы молчатъ и довольны имъ, то Русскіе могутъ этому только радоваться. „По отношенію къ Россіи," говоритъ финляндская газета, „существующій регламентъ гласитъ: можно ввозить въ Финляндію все кромѣ того-то и того-то; но когда идетъ рѣчь о правахъ Финляндіи, регламентъ выражается такъ: все запрещено кромѣ такихъ-то и такихъ-то товаровъ." „Мы защищаемъ существующій порядокъ," читаемъ въ той же газетѣ, „потому что онъ намъ кажется столь же выгоднымъ для Россіи какъ и для Финляндіи."

Можно сказать и напечатать что̀ угодно: языкъ безъ костей и бумага все терпитъ.

Мы не знаемъ что̀ это за торговый трактатъ между Имперіей и Великимъ Княжествомъ" (le traité de commerce entre l'Empire et le Grand-Duché). Сколько намъ извѣстно, торговыя отношенія между Имперіей и Финляндіей опредѣлены не дипломатическимъ путемъ, не актомъ международнаго обязательства, а просто Высочайшимъ повелѣніемъ 20 декабря 1858. Это было не уравновѣшеніе обоюдныхъ выгодъ, не право выговоренное Финляндіей, а оказанная ей, въ ущербъ Россіи, милость. Обоюдность льготъ русскому ввозу въ Финляндію и финляндскому ввозу въ Россію только мнимая, а не дѣйствительная. Главную часть нашего отпуска въ Финляндію составляетъ хлѣбъ, и по этой статьѣ мы не нуждаемся ни въ какихъ льготахъ съ ея стороны: безо всякихъ льготъ Финляндія продовольствовалась бы русскимъ хлѣбомъ; пошлины на него были бы тягостью лишь для финляндскихъ потребителей, а не для русскихъ производителей. Если допустить что за безпошлинный пропускъ къ себѣ нашего хлѣба Финляндія въ правѣ требовать себѣ въ вознагражденіе безпошлиннаго пропуска ея товаровъ въ Россію, то пришлось бы, пожалуй, признать такое же право и за Англіей: она тоже не беретъ пошлинъ съ привознаго русскаго хлѣба, стало-быть и для ея издѣлій надо открыть безпошлинный пропускъ въ Россію. „Что̀ вы найдете въ магазинахъ нашихъ торговцевъ?" спрашиваетъ финляндская газета, и отвѣчаетъ: „русскіе товары привезенные безпошлинно, хлопчато-бумажныя и шерстяныя ткани, даже столовые ножи." Неужели не въ насмѣшку это сказано? Конечно если порыться въ финляндскихъ магазинахъ, то въ нихъ найдутся и кое-какіе русскіе товары. Но можно ли серіозно говорить о ввозѣ, напримѣръ, русскихъ металловъ и металлическихъ издѣлій въ Финляндію всего на сумму менѣе 350.000 рублей, при одновременномъ привозѣ въ Россію финляндскихъ металловъ и металлическихъ издѣлій болѣе чѣмъ на полтора милліона рублей? Или о привозѣ въ Финляндію русскихъ хлопчатобумажныхъ тканей на 60.474 руб., при одновременномъ привозѣ въ Россію финляндскихъ хлопчатобумажныхъ тканей на 2.731.693 руб.? Или о привозѣ въ Финляндію русскихъ шерстяныхъ издѣлій и суконъ всего на 39.071 руб.*)?

Дѣло въ томъ что Финляндія великодушно допускаетъ безпошлинный привозъ къ себѣ русскихъ товаровъ нисколько не подрывающихъ ея собственнаго производства, и притомъ такихъ обложеніе коихъ пошлиной дало бы очень малый доходъ финляндской казнѣ, а взамѣнъ допускается свободный пропускъ въ Россію финляндскихъ товаровъ прямо въ подрывъ русскаго производства, и притомъ такихъ освобожденіе коихъ отъ пошлинъ лишаетъ русскую казну милліонныхъ доходовъ. Послушать финляндскаго публициста, выйдетъ будто Россія заваливаетъ Финляндію издѣліями своей промышленности, а Финляндія везетъ въ Россію главнымъ образомъ скудныя произведенія своихъ болотъ и лѣсовъ, чуть ли не одни лѣтописные лыки и вѣники. На повѣрку же выходитъ что русскій отпускъ состоитъ главнымъ образомъ изъ хлѣба и разнаго сырья, а финляндскій, наоборотъ, болѣе чѣмъ на половину изъ фабричныхъ, заводскихъ и ремесленныхъ издѣлій и лишь меньшею частію изъ сырыхъ и полуобработанныхъ продуктовъ.

Напираютъ на то что списокъ русскихъ товаровъ не пользующихся правомъ безпошлиннаго ввоза въ Финляндію не великъ. Да, не великъ, но за то въ этотъ коротенькій списокъ попали и чай, и сахаръ, и патока, и всякіе напитки, и табакъ который одинъ составляетъ шестую часть всего нашего отпуска въ Финляндію. Невозможно отрицать непомѣрной длинноты списка финляндскихъ товаровъ на которые распространяется льгота безпошлин-

*) См. *Обзоръ Внѣшней Торговли Россіи* за 1881 годъ, стр. 87, 88 и 321.

наго къ намъ привоза: стараются по крайней мѣрѣ выставить этотъ списокъ не имѣющимъ серіознаго значенія перечнемъ пустяшныхъ товаровъ. Алфавитный порядокъ ихъ исчисленія представляетъ удобство къ тому; изъ-за бересты можно не замѣтить бумажныхъ матерій, изъ-за коры древесной—проглядѣть кожи и шкуры *выдѣланныя* и невыдѣланныя, изъ-за песку и піявокъ—пряжу бѣлую и крашеную пеньковую, льняную и шерстяную, и т. д. безъ конца. Подчеркиваются далѣе количественныя ограниченія размѣровъ безпошлиннаго финляндскаго привоза по нѣкоторымъ статьямъ, напримѣръ, указываютъ что безпошлинный привозъ дѣтскихъ игрушекъ по одному списку ограниченъ только 300 пудами, но при этомъ забываютъ прибавить что по другому списку дѣтскія игрушки могутъ быть привозимы въ неограниченномъ количествѣ. Говорятъ объ ограниченности льготы допускающей безпошлинный привозъ финляндскаго чугуна будто бы только въ количествѣ до 200.000 пудовъ, умалчивая что это ограниченіе касается лишь „чугуна не въ дѣлѣ изъ Финляндской горной руды,“ но что чугунъ изъ болотной и озерной руды, затѣмъ всякій „чугунъ въ дѣлѣ, въ томъ числѣ и эмальированная посуда“ и, что еще важнѣе, „желѣзо полосовое, прутовое, болтовое, обручное и рельсы желѣзныхъ дорогъ“ могутъ быть ввозимы безпошлинно въ какомъ угодно количествѣ. И такъ во всемъ. Фигура умолчанія оказалась особенно на руку правдивому и безпристрастному финляндскому публицисту, писавшему съ цѣлію произвести нужное ему впечатлѣніе.

Читатель можетъ отсюда видѣть можно ли положиться на завѣренія будто за финляндскій безпошлинный привозъ въ наши предѣлы Россія болѣе чѣмъ вознаграждена льготами предоставленными въ Финляндіи привозу русскому. Но можетъ-быть бо́льшаго довѣрія заслуживаетъ утвержденіе что таможенная черта между Россіей и Финляндіей необходима для первой не менѣе чѣмъ для послѣдней?

Эту таможенную черту, говоритъ финляндская газета, признавалъ необходимою самъ графъ Канкринъ. Безъ нея де Россія не могла бы оградить себя отъ неизмѣримо-громаднаго наплыва контрабанды, ибо финляндскіе берега тянущіеся на 2.000 верстъ, при множествѣ острововъ и удобныхъ пристаняхъ, слишкомъ открыты для контрабандистовъ, и русскій таможенный надзоръ не былъ бы въ состояніи бороться съ ними. А финляндскій надзоръ находитъ или не находитъ возможнымъ на этихъ берегахъ не допускать контрабанднаго привоза чаю, сахару, напитковъ, табаку и т. п.? Швеція и Норвегія относительно своей береговой линіи находятся въ подобныхъ же условіяхъ, но это не мѣшаетъ тамъ дѣйствительности таможеннаго надзора: надо думать что трудность онаго съ успѣхомъ одолѣвается и въ Финляндіи. Или же финляндскій таможенный надзоръ на берегахъ не дѣйствителенъ? Въ такомъ случаѣ наши выгоды отъ необходимаго Финляндцамъ таможеннаго отъ насъ обособленія сводятся къ тому что это разграниченіе даетъ Финляндцамъ возможность брать пошлины съ русскихъ чаю, сахару, напитковъ и табаку при невозможности пресѣчь безпошлинный контрабандный привозъ ихъ изъ другихъ странъ. Вѣдь признаніе невозможности оградить финляндскіе берега отъ наплыва контрабанды въ самыхъ широкихъ размѣрахъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ признаніе что Финляндія представляетъ собою обширный складъ всяческой контрабанды, для которой и открытъ въ Россію широкій и свободный доступъ предоставленіемъ этому именуемому Финляндіей контрабандному складу привилегій безпошлиннаго привоза!

Итакъ, что-нибудь одно: или таможенный надзоръ на береговой финляндской границѣ возможенъ, и въ такомъ случаѣ обращаются въ ничто всѣ возраженія противъ неудобствъ включить Финляндію въ общую съ Россіей таможенную черту; или этотъ надзоръ невозможенъ, и въ такомъ случаѣ нельзя допускать никакого безпошлиннаго привоза изъ Финляндіи если не хотѣть подрыва русской промышленности финляндско-иностранною контрабандой.

Россіи, видите ли, стыдно думать объ упраздненіи *необходимой для существованія Финляндіи* таможенной границы и тѣхъ привилегій коими она пользуется. „Провидѣніе,“ говоритъ авторъ статьи, „даровало великой Русской націи драгоцѣнныя преимущества, оно даровало ей неизмѣримыя плодоносныя поля, неисчерпаемыя минеральныя богатства, произведенія всѣхъ поясовъ земнаго шара; итакъ мы убѣждены что просвѣщенная часть русской публики (кому не лестно получить отъ финляндскаго публициста аттестатъ просвѣ-

щенности, хотя бы цѣной пожертвованія русскими интересами?) видитъ въ этомъ довольно матріаловъ для работы и прогресса чтобы не завидовать немногимъ благамъ которыми мы, бѣдные обитатели окраинъ, владѣемъ благодаря труду..." „Промышленность покровительствуемая значительными тарифами, на территоріи которая простирается отъ Китая до Карпатовъ, отъ Ледовитаго Океана до южнаго берега Каспія," замѣчаетъ далѣе тотъ же публицистъ, „можетъ ли эта промышленность жаловаться что ей не достаетъ простора для развитія или на то что иностранцы и, что еще куріознѣе, Финляндцы ее разоряютъ? Эта жалоба напоминаетъ намъ лошадь жалующуюся на тяжесть мухи которая на нее сѣла."

Но бываютъ и такія мухи отъ которыхъ лошади спадаютъ съ тѣла. Это старый припѣвъ что русскому великану ни по чемъ потеря крови высасываемой приставленными къ нему съ разныхъ сторонъ піявками. Этотъ припѣвъ повторяется при всякомъ случаѣ, и недавно еще, относительно одной изъ статей финляндскаго безпошлиннаго привоза, приходилось выслушивать его русскимъ проволочнымъ заводчикамъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ успокоивали увѣреніемъ что количество проволочнаго или прутоваго желѣза, которое можетъ быть разрѣшено Финляндіи для безпошлиннаго ввоза, такъ де ничтожно что на массу всей потребности Россіи не будетъ имѣть никакого вліянія... Дѣйствительно, еслибы разница въ цѣнѣ безпошлиннаго финляндскаго желѣза распредѣлялась на всю массу всего остальнаго проволочнаго желѣза потребляемаго въ Россіи, то какіе-нибудь 100—200 тысячъ пудовъ безпошлиннаго финляндскаго желѣза можетъ-быть и не имѣли бы очень большаго вліянія на интересы русскихъ заводчиковъ. Но въ торговой практикѣ совсѣмъ не такъ. Всякое пониженіе цѣны, напримѣръ, въ Петербургѣ влечетъ за собою равносильное пониженіе въ Либавѣ и Москвѣ; Москва вліяетъ на Таганрогъ и Одессу и т. д. Петербургъ и его районъ потребляетъ до 500 тысячъ пудовъ проволочнаго желѣза въ годъ (хотя теперь производятъ его болѣе). Если допустить туда, какъ на ближайшій рынокъ Финляндіи, ввозъ безпошлиннаго финляндскаго желѣза, положимъ въ количествѣ 100 тысячъ пудовъ, какіе получатся результаты? 100 тысячъ пудовъ представляютъ 176.000 р. не взятой пошлины, которая, распредѣляясь на остальные 500 тысячъ пудовъ петербургскаго сбыта, причиняетъ давленіе въ 35 коп. на каждый пудъ, т. е. въ Петербургѣ, чтобы конкуррировать съ Финляндіей, заводчикъ долженъ понизить цѣну своему проволочному желѣзу на 35 коп., при безпошлинномъ ввозѣ 200 тысячъ пудовъ—на 70 коп. и т. д. Соотвѣтственное пониженіе цѣны должно послѣдовать въ Либавѣ, Москвѣ, Варшавѣ, Одессѣ, Таганрогѣ, въ Нижнемъ, на Уралѣ. Развѣ это ничего не значитъ? Зачѣмъ же устанавливать охранительныя пошлины для русскихъ заводчиковъ если имѣть настежь открытую дверь изъ Финляндіи? Неужели интересы даже одной нашей сѣверной столицы столь ничтожны что можно совершенно свободно, безо всякой надобности, причинять ей ущербъ отнимая дѣло у рабочихъ? По офиціальнымъ даннымъ, въ Петербургѣ значится всего 81.000 фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ; поэтому, казалось бы, безработица одной-двухъ тысячъ человѣкъ ничего не значитъ. Но это ошибочный взглядъ. Вопервыхъ, кромѣ постоянныхъ 80 тысячъ рабочихъ, всѣ заводы и фабрики занимаютъ не меньшее того количество поденщиковъ; вовторыхъ, безработица нѣсколькихъ тысячъ людей, въ силу экономическаго закона, влечетъ за собою пониженіе размѣра заработковъ для цѣлыхъ массъ рабочаго люда...

Финляндскій публицистъ возмущается противъ мнѣнія выставляющаго Финляндцевъ какими-то нищими живущими на счетъ Россіи. „Нѣтъ, господа," говоритъ онъ, „мы ни такъ богаты чтобы возбуждать вашу завись, ни такъ бѣдны чтобы заслуживать ваше сожалѣніе... Богъ даровалъ намъ стойкость духа и тѣла необходимую для обработки нашей почвы, а благосклонные монархи благоволили даровать намъ *selfgovernment* которое одно (seul) сдѣлало эту почву пригодною, не говоримъ къ обитанію, но къ обитанію достойному человѣка." Этимъ сказано что Финляндцы въ состояніи нести не только равныя, но и бо́льшія тягости сравнительно съ русскими населеніями, которымъ, по мѣстамъ, еще далеко до той достойной человѣка житейской обстановки какою пользуются Финляндцы.

Но дѣло тутъ не въ *selfgovernment'ѣ*, а въ томъ что почти съ начала текущаго столѣтія Русскій народъ несъ на себѣ

снятыя съ финляндскихъ плечъ тягости,— въ томъ что „Финляндія была почти совершенно освобождена отъ тяжкаго бремени воинской повинности" (какъ натуральной, такъ и денежной по военному бюджету). Забывая свое *seul* приставленное къ *selfgovernment'у*, самъ финляндскій публицистъ не могъ не признать что освобожденіе отъ воинской повинности „много содѣйствовало развитію его страны, что оно было можетъ-быть необходимымъ элементомъ этого развитія." Для русскихъ населеній такія льготы невозможны; онѣ и не требуются; но нельзя не пожелать чтобъ они были освобождены отъ барщины на чужихъ.

№ 81.

Москва, 21-го марта.

А.

Лондонская конференція окончила свои занятія еще 10 марта, но новая конвенція подписанная представителями участвовавшихъ въ конференціи державъ еще не ратификована, и ратификація послѣдуетъ ранѣе шести мѣсяцевъ. Срокъ этотъ опредѣленъ самою конференціей, члены коей не потеряли еще надежду что прибрежныя владѣнія (Румынія, Сербія и Болгарія) примирятся съ ея постановленіями.

Противъ состоявшагося въ Лондонѣ соглашенія прежде всѣхъ выступаетъ Румынія. Не безъ основанія Румынское правительство опасается притязаній Австро-Венгріи; трудно предположить чтобы румынскіе министры, поддержанные въ данномъ случаѣ всѣми безъ исключенія партіями, изъявили согласіе на договоръ клонящійся, нѣкоторыми постановленіями своими (именно взятыми изъ пресловутаго проекта Баррера), къ ограниченію правъ Румыніи на ея собственную территорію. Согласіе можетъ послѣдовать развѣ лишь въ томъ случаѣ если Австрія, хвалящаяся своими „уступками въ пользу прибрежныхъ государствъ," согласится сдѣлать болѣе серіозныя.

Къ протесту Румыніи, какъ уже извѣстно, присоединилась и Болгарія, министры коей заявили въ народномъ собраніи что не могутъ признать договоръ составленный безъ участія болгарскаго представителя и касающійся непосредственно интересовъ княжества. Если болгарское правительство, еще при самомъ началѣ конференціи, изъ принципа рѣшилось протестовать противъ сдѣлки касающейся болгарскихъ водъ Дуная, то тѣмъ труднѣе допустить что оно признаетъ обязательность для нихъ постановленій конференціи, изъ коихъ одно безспорно унизительно для Княжества. Мы говоримъ о постановленіи (не попавшемъ впрочемъ въ текстъ договора, а только оговоренномъ въ протоколѣ) въ силу коего представитель Болгарскаго княжества въ новоучреждаемой смѣшанной коммиссіи утверждается султаномъ. Какими соображеніями руководились участники конференціи изрекая столь обидное и ничѣмъ не оправдываемое постановленіе, положительно непонятно. Берлинскій договоръ, вовсе не пристрастный къ Россіи, призналъ за Болгарскимъ княжествомъ полную автономію во всѣхъ его внутреннихъ вопросахъ. Смѣшанная же Коммиссія есть учрежденіе чисто административное. Политическихъ вопросовъ она рѣшать не будетъ; ея задача только блюсти за исполненіемъ судоходнаго регламента и ограждать права и интересы прибрежныхъ владѣній на всемъ протяженіи Дуная отъ Желѣзныхъ Воротъ до Браилова. Иное дѣло еслибы Болгарія потребовала имѣть своего представителя въ Международной Дунайской коммиссіи, въ вѣдѣніи коей находятся устья Дуная. Члены этой коммиссіи засѣдаютъ въ качествѣ представителей великихъ державъ подписавшихъ Парижскій и Берлинскій трактаты, коими въ принципѣ признанъ международный характеръ Дуная.

Постановленіе Лондонской конференціи о необходимости утвержденія Турціей болгарскаго делегата Смѣшанной Коммиссіи въ силу верховныхъ правъ Турціи тѣмъ менѣе объяснимо что болгарскій делегатъ уже имѣлъ честь засѣдать рядомъ съ уполномоченнымъ Высокой Порты въ такъ-называемой Conférence à quatre, обсуждавшей вопросъ о соединеніи Балканской желѣзнодорожной сѣти съ австрійскою. На этотъ прецедентъ члены конференціи не обратили почему-то никакого вниманія; на него не могла указать и Болгарія, ибо представителемъ ея на конференціи (по собственному вызову) былъ англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Гранвиль, который вѣроятно забылъ объ этомъ фактѣ, тѣмъ болѣе что желѣзнодорожный

путь долженствующій связать Константинополь и Эгейское море съ Германіей и Австро-Венгріей вовсе не въ интересахъ Великобританіи. Не имѣя подъ руками протокола того засѣданія конференціи на коемъ обсуждался проектъ учрежденія Смѣшанной Коммиссіи, мы не знаемъ какъ отнесся къ вопросу о болгарскомъ делегатѣ коммиссіи нашъ представитель.

Какъ бы то ни было, всякій промахъ можно исправить. Постановленія Лондонской конференціи еще не ратификованы; конференція соберется вѣроятно еще въ одно засѣданіе для принятія къ свѣдѣнію результатовъ переговоровъ съ прибрежными государствами: наша дипломатія, во всякомъ случаѣ, конечно, настоитъ на устраненіи несообразности которая попала въ протоколъ подписанный на послѣднемъ засѣданіи Лондонской конференціи...

Б.

Послѣ того какъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* отъ 9 марта (№ 68) была напечатана полученная одною изъ московскихъ фирмъ телеграмма изъ Тифлиса, извѣщавшая что такъ-называемыхъ транзитныхъ товаровъ привезено на Кавказъ въ 1882 году на сумму 16.626.765 рублей, въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* отъ 12 марта (№ 56) появилось опроверженіе этого сообщенія, объявлявшее что стоимость транзитныхъ товаровъ въ 1882 году составляла не 16.626.765 рублей, а всего 9.042.146 рублей.

Что̀ могла подумать публика въ виду такого офиціальнаго опроверженія? Не должна ли была она заключить что корреспондентъ московской фирмы хотѣлъ ее обморочить сообщая небывалую цифру? Такъ вотъ де къ какимъ штукамъ прибѣгаютъ люди просящіе объ отмѣнѣ транзита, могъ подумать читатель: должно-быть дѣло-то ихъ не совсѣмъ-то чистое если они прибѣгаютъ къ выдумкамъ...

Нѣтъ, сообщенная корреспондентомъ московской фирмы цифра 16.626.765 рублей не была его выдумкой. Транзитный привозъ 1882 года оцѣненъ именно въ эту сумму, и оцѣненъ не корреспондентомъ московскихъ фирмъ, но „торгующимъ при Тифлисской таможнѣ купечествомъ.“ Это явствуетъ изъ слѣдующаго напечатаннаго въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* отъ 20 марта (№ 62) дополнительнаго сообщенія:

„Въ дополненіе къ напечатаннымъ въ № 56 *Правительственнаго Вѣстника* сего года свѣдѣніямъ о количествѣ и цѣнности иностранныхъ товаровъ, провезенныхъ въ 1881 и 1882 годахъ *транзитомъ черезъ Закавказье въ Персію*, Департаментъ Таможенныхъ Сборовъ считаетъ нужнымъ пояснить что общая стоимость сихъ товаровъ за 1882 годъ, исчисленная по цѣнамъ объявленнымъ торгующимъ при Тифлисской таможнѣ купечествомъ, выражается въ цифрѣ 16.626.765 руб. Но эта оцѣнка, какъ очевидно преувеличенная по нѣкоторымъ статьямъ, не могла быть принята во вниманіе. Такъ, напримѣръ, оцѣнены: издѣлія хлопчатобумажныя отъ 63 до 70 рублей за пудъ, шерстяныя во 150 рублей. Между тѣмъ цѣны хлопчатобумажныхъ издѣлій, отправляемыхъ въ Персію, сколько извѣстно, не превышаютъ 45 руб. за пудъ и вообще колеблются между 18 и 40 рублями за пудъ. Цѣны же на шерстяныя издѣлія равняются, въ среднемъ, отъ 50 до 80 руб. за пудъ. Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить что такъ какъ для правильнаго сужденія о возрастаніи цѣнности транзита за 1882 годъ, сравнительно съ 1881 годомъ, должны быть сопоставлены итоги цѣнности товаровъ исчисленные на одинаковыхъ основаніяхъ, то приращеніе для 1882 года, при оцѣнкѣ принятой Департаментомъ, выразится въ цифрѣ(9.042.146—7.772.103=1.270.043) 1.270.043 рублей или 16,3%. Если же принять для обоихъ годовъ цѣны объявленныя купечествомъ, то это приращеніе опредѣлится въ 2.291.105 р. (16.626.765—14.335.660=2.291.105) или 15,9%.“

Итакъ, никто другіе какъ тифлисскіе торговцы дѣлаютъ невѣрныя оцѣнки транзитному привозу. Впрочемъ, едва ли кто и думалъ чтобы транзито-торговцы оцѣняли свои товары въ ихъ дѣйствительной стоимости; напротивъ, есть основаніе полагать что они оцѣниваютъ свои товары ниже стоимости, дабы крупнымъ итогомъ оцѣнки не тревожить русскую промышленность.

Въ Департаментѣ Таможенныхъ Сборовъ думаютъ однако иначе, полагая что тифлисскіе торговцы преувеличиваютъ вдвое цѣнность транзитнаго привоза, какъ будто бы въ ихъ виды можетъ входить представленіе транзита какъ можно болѣе вреднымъ для русской промышленности и торговли. Поэтому въ Департаментѣ Таможен-

ныхъ Сборовъ, какъ видно изъ вышеприведеннаго сообщенія, систематически принижается оцѣнка транзитнаго привоза: за 1881 годъ тифлисскіе торговцы оцѣниваютъ этотъ привозъ въ 14 милліоновъ, а таможенное вѣдомство ставитъ вмѣсто этой цифры 7 милліоновъ; въ 1882 году тѣ же торговцы оцѣниваютъ транзитный привозъ въ 16 милліоновъ, а таможенное вѣдомство замѣняетъ эту цифру 9 милліонами.

Дѣлаются подобныя „поправки" на основаніи той фикціи что транзитные товары, которые значатся на бумагѣ идущими „транзитомъ черезъ Закавказье въ Персію," будто бы и на самомъ дѣлѣ для Персіянъ назначаются. Персія страна нищенская, сколько-нибудь цѣнныхъ товаровъ покупать не могущая: стало-быть и цѣнить транзитные товары слѣдуетъ примѣняясь къ персидскому нищенству, — что однако не мѣшаетъ, въ защиту закавказскаго транзита, выставлять пугаломъ фантастическую желѣзную дорогу, которую будто бы Англичане примутся строить въ эту нищенскую страну какъ только мы закроемъ свой транзитъ...

Но вѣдь въ томъ-то и дѣло что подъ видомъ транзита въ Персію идетъ снабженіе иностранными товарами самого Закавказья и другихъ русскихъ рынковъ, что̀ можетъ-быть не значится по бумагамъ, но что̀ какъ нельзя лучше извѣстно всему русскому торгово-промышленному міру. Нищенская оцѣнка примѣняется такимъ образомъ къ товарамъ предназначаемымъ вовсе не для нищенскихъ населеній. Потому-то, въ видахъ именно контрабанднаго снабженія Кавказа транзитными товарами, такъ и хлопочутъ о томъ чтобы транзитъ былъ сохраненъ въ той или иной формѣ, на тѣхъ или иныхъ условіяхъ, лишь бы Тифлисъ попрежнему остался складочнымъ мѣстомъ транзитныхъ товаровъ, то-есть по просту контрабанды.

Русскій торгово-промышленный міръ замѣчаетъ съ тревогой что когда русскіе товары нейдутъ съ рукъ, приливъ транзитныхъ товаровъ въ Закавказье усиливается, а въ послѣдніе мѣсяцы, по слухамъ, онъ принялъ такіе размѣры что навезенныхъ товаровъ достанетъ можетъ-быть не на одинъ годъ. Сообщеніе *Правительственнаго Вѣстника* подтверждаетъ что даже по показаніямъ тифлисскихъ торговцевъ транзитный привозъ 1882 года былъ на 15,9% болѣе привоза 1881 года (по таможеннымъ разчетамъ не на 15,9, а на 16,3%): интересно бы знать въ какихъ же размѣрахъ возросъ этотъ привозъ въ послѣдніе мѣсяцы, когда транзито-контрабандная машина стала работать съ лихорадочною поспѣшностью пользуясь проволочками въ рѣшеніи транзитнаго вопроса...

№ 82.

Москва, 22-го марта.

Обращаемъ вниманіе читателей на помѣщенный ниже отчетъ о дѣлѣ разбиравшемся 19 марта въ С.-Петербургской Судебной Палатѣ, по коему подсудимымъ былъ одинъ изъ столичныхъ мировыхъ судей города Петербурга, г. Бузовъ. Обвиненіе заключалось въ превышеніи власти и въ нерадѣніи по службѣ и слабомъ за подчиненными надзорѣ, послѣдствіемъ чего было то что судебный приставъ Дѣтскій, состоявшій при петербургскихъ мировыхъ учрежденіяхъ, растратилъ до 36.000 р. принадлежащихъ наслѣдникамъ трехъ лицъ умершихъ въ Петербургѣ въ 1880 году. Деньги эти были приняты на храненіе судебною властью, которая по закону обязана пещись о сбереженіи отъ растраты и расхищенія движимаго имущества умершихъ до передачи онаго признаннымъ по суду наслѣдникамъ и органомъ той же власти расхищены.

Дѣло г. Бузова находится въ связи съ дѣломъ бывшаго судебнаго пристава Дѣтскаго, который за указанную растрату судился въ Петербургскомъ Окружномъ Судѣ 29 іюля прошедшаго года и *присяжными оправданъ.* Мы въ свое время обратили вниманіе на этотъ изумительный, даже со стороны нашихъ присяжныхъ засѣдателей, приговоръ. Единственнымъ оправданіемъ которое представилъ на судѣ судебный приставъ Дѣтскій было то что онъ эти деньги *проигралъ въ карты;* а по показанію свидѣтелей-сослуживцевъ, Дѣтскій не только игралъ въ карты, проигрывая до 500 р. въ вечеръ, но вообще жилъ широко (штатное жалованье судебнаго пристава—600 р. въ годъ) и много денегъ тратилъ на любовныя связи. Присяжнымъ не былъ поставленъ простой вопросъ о томъ виновенъ ли Дѣтскій въ преступленіи въ которомъ онъ самъ сознался (въ Англіи присяжныхъ вовсе и не стали бы спраши-

вать въ подобномъ случаѣ); нѣтъ, вопросъ былъ раздѣленъ по ходатайству повѣреннаго гражданскихъ истцовъ. Первый вопросъ гласилъ: „доказано ли что подсудимый, состоя въ должности судебнаго пристава, въ періодъ времени съ конца 1879 по 1881 годъ, издержалъ на свои надобности ввѣренныя ему по службѣ деньги и билеты на сумму до 36.000 рублей, а затѣмъ, послѣ открытія этого преступленія, добровольно означенныхъ денегъ не возвратилъ?“ На этотъ вопросъ присяжные отвѣтили: *да, доказано*. Второй вопросъ гласилъ: „Если доказано, то виновенъ ли Дѣтскій въ преступленіи описанномъ въ первомъ вопросѣ?“ На это присяжные отвѣтили: *нѣтъ, не виновенъ*, и Дѣтскій вышелъ изъ суда оправданнымъ. Мы думаемъ, и въ свое время высказали что это рѣшеніе присяжныхъ не должно было остаться въ силѣ. Прокуратура не только имѣла основаніе, но, полагаемъ, обязана была опротестовать этотъ приговоръ который подлежалъ отмѣнѣ, такъ какъ судъ не имѣлъ ни малѣйшаго повода раздроблять вопросъ о виновности, послѣдствіемъ чего было то что присяжные, признавъ доказаннымъ что Дѣтскій употребилъ на свои надобности деньги ввѣренныя ему по службѣ и денегъ этихъ не пополнилъ по открытіи *этого преступленія*, имѣли отвагу прибавить что Дѣтскій въ этомъ доказанномъ дѣяніи невиновенъ, то-есть что сдѣлавъ все что онъ сдѣлалъ поступилъ совершенно правильно и отвѣтственности не подлежитъ. Теперь однако оказывается что прокуратура не сочла нужнымъ „воспользоваться своимъ правомъ протеста,“ и вопіющій приговоръ „вошелъ въ законную силу.“ Дѣтскій былъ судебный приставъ, а не участковый...

Наслѣдники капиталовъ проигранныхъ и растраченныхъ судебнымъ приставомъ не такъ легко примирились съ этимъ „вердиктомъ“ какъ органъ публичной обвинительной власти; и такъ какъ съ Дѣтскаго взять нечего, то они стали домогаться взысканія съ того должностнаго лица которому судебный приставъ былъ непосредственно подчиненъ по дѣламъ объ „охраненіи наслѣдственныхъ имуществъ,“ то-есть съ того мироваго судьи въ участкѣ котораго открылись указанныя наслѣдства. Этимъ должностнымъ лицомъ былъ мировой судья XXIII мироваго участка города Петербурга, Бузовъ. Прокуратура въ свою очередь также привлекла г. Бузова къ отвѣтственности за служебныя упущенія Судебная Палата подвергла его выговору за нерадѣніе по службѣ и присудила съ него, въ пользу гражданскихъ истцовъ, свыше 25.000 р. съ процентами.

Обстоятельства послужившія къ обвиненію г. Бузова дополняютъ картину раскрывшуюся при судебномъ разбирательствѣ о Дѣтскомъ. Мировой судья Бузовъ заявилъ на судѣ что онъ служитъ мировымъ судьей *пятое* трехлѣтіе и что онъ вновь удостоился выбора въ мировые судьи послѣ того какъ обнаружена была растрата въ его участкѣ 36.000 руб. Это очень характеристично. Характеристично и то что г. Бузовъ не причастенъ корыстной цѣли преступленія Дѣтскаго. Но мировой судья, занимающій эту должность *пятнадцать лѣтъ*, находился съ одной стороны въ глубокомъ невѣдѣніи относительно предѣловъ своихъ правъ и обязанностей, а съ другой, относился съ удивительною небрежностью къ своему дѣлу. Г. Бузовъ обязанъ былъ какъ мировой судья заботиться объ охраненіи цѣлости имущества лицъ умершихъ въ его участкѣ. Обязанность эта возлагается закономъ именно на мироваго судью. Но г. Бузовъ не только ограничивался тѣмъ что поручалъ судебному приставу всѣ дѣйствія по приведенію въ извѣстность имущества умершихъ и по принятію онаго на храненіе (это отступленіе отъ закона допускается сплошь и рядомъ нашими мировыми судьями); онъ вообразилъ что обязанность *охраненія* наслѣдства впредь до принятія онаго законными наслѣдниками или до поступленія онаго въ опеку есть то же что власть на утвержденіе наслѣдниковъ и на распредѣленіе между ними наслѣдственныхъ долей, каковая власть мировому судьѣ не присвоена. Г. Бузовъ приступилъ прямо къ распредѣленію наслѣдственныхъ капиталовъ и эти распоряженія предпринималъ опять-таки не самъ, а давалъ о томъ *предписанія* судебному приставу, который и распорядился такъ что нѣкоторые наслѣдственные капиталы ушли цѣликомъ, а изъ нѣкоторыхъ значительная часть на „коммерческія игры“ съ товарищами по службѣ, на рысаковъ и на любовницъ.

Присвоивъ себѣ власть ему непринадлежащую и передавъ отъ себя эту власть судебному приставу, г. Бузовъ не счелъ

даже нужнымъ хоть сколько-нибудь слѣдить за исполненіемъ его предписаній, касавшихся операцій со значительными капиталами. *Съ апрѣля по ноябрь* мѣсяцъ онъ и не спрашивалъ у судебнаго пристава никакого отчета о томъ какъ тотъ распорядился капиталами, которые онъ принялъ на основаніи распоряженій судьи и еще спустя двѣ недѣли послѣ того какъ обнаружилось уже преступленіе Дѣтскаго и г. Бузову было сообщено о томъ что Дѣтскій устраненъ отъ должности, онъ давалъ ему письменныя предписанія о томъ какъ ему распорядиться имѣвшимися въ рукахъ Дѣтскаго капиталами „согласно волѣ завѣщателя.“

Вотъ характерный образчикъ выборнаго должностнаго лица!

За всѣ эти упущенія и нерадѣнія г. Бузову въ дисциплинарномъ отношеніи сдѣланъ выговоръ; сверхъ того, онъ присужденъ къ уплатѣ потерпѣвшимъ наслѣдникамъ суммъ растраченныхъ судебнымъ приставомъ. Самъ приставъ, еслибъ у него и было чѣмъ пополнить растрату, не могъ бы быть подвергнутъ этому гражданскому взысканію за свое преступленіе, такъ какъ рѣшеніемъ о немъ уголовнаго суда, вошедшимъ въ законную силу, создана „юридическая фикція“ его невиновности. Защитникъ Бузова воспользовался этою фикціей и старался на судѣ доказать что если Дѣтскій невиновенъ въ растратѣ, то за него не можетъ отвѣчать и его непосредственный начальникъ, мировой судья: не было растраты, стало-быть не было и нерадѣнія. Къ счастію для потерпѣвшихъ, имъ на подмогу явилось то самое вопіющее противорѣчіе въ приговорѣ присяжныхъ на которое выше указано: Дѣтскій невиновенъ, но растрата имъ учиненная доказана. Поэтому онъ самъ не отвѣчаетъ, но мировой судья, допустившій растрату, обязанъ вознаградить потерпѣвшихъ.

Но обладаетъ ли г. Бузовъ имуществомъ достаточнымъ для удовлетворенія потерпѣвшихъ? И если не обладаетъ, то неужели наслѣдники, капиталы коихъ проиграны въ карты судебнымъ приставомъ Дѣтскимъ, должны считать эти капиталы безвозвратно потерянными?

Справедливо было бы возложить отвѣтственность на избирателей мироваго судьи. Это вытекаетъ отчасти изъ смысла статьи 360 Улож. о Наказ., ибо по этой статьѣ общество избравшее извѣстное должностное лицо отвѣчаетъ за оное, въ случаѣ его несостоятельности, если это лицо *завѣдомо* способствовало присвоенію или растратѣ чужаго имущества. Было бы весьма полезно распространить это правило и на случай нерадѣнія по охраненію наслѣдствъ, ибо, вопервыхъ, должно же оградить прочнымъ образомъ интересы лицъ коихъ наслѣдственное имущество поступаетъ *ex officio* и помимо ихъ желанія въ завѣдываніе должностныхъ лицъ для цѣлей охраненія, а между тѣмъ оказывается расхищеннымъ; а вовторыхъ, избирающіе мировыхъ судей быть-можетъ станутъ тщательнѣе справляться о томъ въ какой мѣрѣ избираемый кандидатъ обладаетъ необходимыми качествами, зная что неосмотрительность въ этомъ отношеніи можетъ отозваться на ихъ карманѣ.

Нѣтъ, нельзя сказать чтобы на нашихъ судебныхъ порядкахъ можно было успокоиться...

№ 83.

Москва, 23-го марта.

Давно ли въ Англіи находили неприличнымъ и невозможнымъ допустить переговоры объ установленіи международныхъ правилъ выдачи политическихъ разбойниковъ виновныхъ въ убійствѣ, и удивлялись какъ могъ Германскій рейхстагъ просить объ этихъ мѣрахъ свое правительство, и какъ могло оно взяться за такое ходатайство; теперь та же Англія требуетъ и отъ Франціи и отъ Америки выдачи своихъ политическихъ убійцъ. На какомъ основаніи? Потому что „эти люди, говоритъ *Daily News* (отъ 16 марта), подобно пиратамъ суть враги человѣчества, и долгъ каждой цивилизованной страны гдѣ эти люди находятся изловить ихъ и подвергнуть должной карѣ или выдать правительству отъ котораго они скрылись.“ Англія подъ рукой уже взываетъ къ сосѣдямъ, убѣждая ихъ въ необходимости совокупныхъ и рѣшительныхъ усилій для подавленія анархической язвы. Недавно *Evening Post*, въ Америкѣ, сообщала что Англія употребляетъ усилія чтобы согласить правительство Соединенныхъ Штатовъ къ учрежденію международной полиціи противъ анархистовъ.

Въ полученномъ вчера нумерѣ берлинской офиціозной газеты *Post*, на мѣстѣ

передовой статьи нашли мы любопытную корреспонденцію изъ Лондона, озаглавленную: *Къ вопросу о совокупныхъ мѣрахъ противъ международныхъ анархистовъ.* „Необъяснимое дѣло что въ то самое время когда враги гражданственности дѣйствуютъ съ полнымъ единодушіемъ, защитники общественнаго порядка всѣ силы своего ума, всю свою находчивость направляютъ на изысканіе предлоговъ уклониться отъ совмѣстныхъ дѣйствій противъ общаго врага.“ Такъ начинается лондонская корреспонденція. Нельзя не согласиться что такая „своеобразная политика служитъ лучшею охраной общему врагу,“ давая ему полную возможность спокойно строить ковы. Но кто же болѣе самой Англіи виноватъ во всемъ этомъ? Не она ли болѣе всѣхъ мѣшала установленію того единодушія на отсутствіе котораго теперь жалуется? Давно ли еще наши нигилисты и нѣмецкіе соціалисты, Гартманы и Мосты, выставлялись въ Англіи жертвами русской тиранніи и нѣмецкой солдатчины, и имъ давалось въ Англіи „убѣжище“ со всѣми удобствами чинить свою пропаганду и приводить въ исполненіе свои замыслы. „Дорогимъ, продолжаетъ корреспондентъ, неоцѣненнымъ жизнямъ грозитъ ежедневно опасность; великія историческія зданія приходится охранять тщательнѣе нежели во время войны. Врагъ цивилизованный пощадилъ бы ихъ; не таковъ тотъ съ кѣмъ идетъ борьба: это врагъ дикій.“

Дѣло въ томъ что зло противъ котораго всѣ боролись и которое еще недавно открыто покровительствовалось Англіей, разомъ дало ей почувствовать себя со всѣми послѣдствіями. „Иностранная и внутренняя политика парализованы; торговля и промышленность стали и капиталъ ищетъ себѣ другаго помѣщенія.“ Вотъ что, слѣдовательно, заставило Англію перемѣнить свой взглядъ и фарисейски недоумѣвать какимъ образомъ „отребью общества, людямъ умственно надорваннымъ,“ можетъ быть дозволено держать „трудящихся людей въ страхѣ и трепетѣ“. „Но человѣчество, замѣчаетъ лондонскій корреспондентъ, полно противорѣчій: оно долго смотрѣло на этихъ разбойниковъ какъ на лицъ священныхъ. Человѣкъ вынужденный на преступное дѣло воплями дѣтей перестаетъ быть предметомъ сострадательной[?] данія, а негодяй убивающій хладнокровно и съ разчетомъ пользуется охраной.“ Но напрасно обвинять человѣчество въ противорѣчіяхъ; въ нихъ не человѣчество виновато, а основанная на обманѣ политика самой Англіи. Она изобрѣла и пустила въ ходъ доктрины въ которыя сама не вѣритъ, и употребляла ихъ для уловленія людской глупости. Сюда относятся и „священное право убѣжища,“ и фритредерство, и упраздненіе правительственнаго дѣйствія, все что составляетъ катехизисъ нашего либерализма. Что-то подумаютъ наши либералы которые считали своимъ долгомъ in verba magistri jurare, что-то подумаютъ они теперь когда оказывается что учитель своими доктринами только эксплуатировалъ людскую глупость?

„Можно признать непреложнымъ, продолжаетъ корреспондентъ, что пока политическіе преступники, которымъ удалось избѣжать руки правосудія у себя дома, будутъ находиться въ безопасности, всѣ другія мѣры для подавленія анархіи дадутъ незначительный практическій результатъ... Пока будетъ признаваться право убѣжища, революціонеры будутъ всегда мѣнять свою главную квартиру; придется жутко въ одномъ мѣстѣ, они переберутся въ другое... Но остался ли бы имъ хоть клочокъ земли гдѣ можно найти убѣжище еслибы всѣ націи, вмѣсто того чтобы дѣйствовать порознь, стали бы дѣйствовать въ согласіи между собою?.. Только международное соглашеніе можетъ положить конецъ распространенію заразы.“ Организація такого похода противъ бандитовъ, состоящихъ на службѣ у всякой интриги, „конечно можетъ въ началѣ встрѣтить затрудненія; но эти затрудненія легко могутъ быть побѣждены.“ Для успѣха нужно и теперь, какъ прежде, только взаимное соглашеніе правительствъ, чему главнымъ образомъ мѣшала Англія изъ своекорыстныхъ цѣлей. За Англіей стало дѣло. Не отъ нея ли долженъ идти починъ къ принятію тѣхъ мѣръ которыя ей до сихъ поръ напрасно предлагались? Но Англія попала въ сѣти которыя такъ долго систематически разставляла другимъ. Привыкнувъ считать выгоднымъ для себя дѣломъ смуту у сосѣда, Англія ждетъ что и къ ней отнесутся точно также какъ поступала она сама и будутъ злорадствовать ея затрудненіямъ. Не даромъ *Daily News* въ передовой статьѣ отъ 28 марта иронически замѣтила: „было бы теперь весьма

кстати если бы Франція и Америка сдѣлали для насъ то чего мы никогда не дѣлали для Австріи, Россіи и Франціи.“ Вотъ въ чемъ можетъ заключаться помѣха дѣлу. Какъ бы то ни было, иронія рока заставляетъ именно Англію принять иниціативу предложенія о взаимной выдачѣ политическихъ бандитовъ, точно также какъ сила *прогресса* понудила ее учредить у себя жандармскую полицію, чуть было совсѣмъ не упраздненную нами — въ угоду *прогрессу*...

№ 84.

Москва, 24-го марта.

При рѣшеніи государственныхъ вопросовъ, законодательство часто находится въ затрудненіи какъ согласить два уважительные интереса, какъ помирить два права приходящія въ столкновеніе. Понятны колебанія, даже излишняя мнительность, въ улаженіи затрудненій этого рода: односторонняя мѣра можетъ повредить существенному въ странѣ интересу и подорвать благосостояніе народа, можетъ нарушить справедливость и поколебать устои государственнаго порядка. Такъ было, напримѣръ, при отмѣнѣ крѣпостнаго права. Спрашивается, какіе же интересы сталкиваются въ пресловутой тяжбѣ о Закавказскомъ транзитѣ? Съ одной стороны, русская промышленность, съ которою связаны не только интересы цѣлыхъ классовъ, но и вообще благосостояніе народа, съ другой... съ другой—*контрабанда!* Въ сущности, только контрабанда. И вотъ надо уравновѣшивать эти два великія дѣла, надо согласовать интересы собственности и труда съ выгодами вора, дабы огражденіемъ первыхъ не стѣснить и не умалить послѣднихъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы наконецъ эти нахалы, русскіе промышленники, не черезчуръ ужь много хватили въ свою пользу въ ущербъ контрабанднымъ ворамъ...

Часть нашихъ рынковъ, и очень важныхъ, захвачена контрабандой, процвѣтающею подъ видомъ такъ-называемаго транзита иностранныхъ товаровъ въ Персію. Можно ли затрудняться вопросомъ за кѣмъ оставить рынки въ Россіи, за народнымъ ли трудомъ или за контрабандистами? Какой смыслъ можетъ имѣть придумыванье компромиссовъ между той и другой стороной? Простое, не допускающее двухъ рѣшеній дѣло тянется безъ конца, рынки остаются во власти контрабандистовъ, а русская промышленность, постигнутая кризисомъ отъ недостатка сбыта, осуждена смотрѣть какъ успѣшно сбываются на отнятыхъ у нея рынкахъ контрабандные товары, и усиленно заготовляются запасы ихъ на будущіе годы...

Сначала проповѣдывалось что на русскую промышленность, на эти Замоскворѣчье и Сундучный рядъ, не стóитъ обращать вниманія когда рѣчь идетъ о „всемірномъ пути“ чрезъ русскія владѣнія. Когда эта пошлость была обличена и принуждена была умолкнуть, громко забарабанили интересы Закавказской желѣзной дороги, съ ея преимущественно иностранными акціонерами, требующей ежегодно милліонныхъ приплатъ казенной гарантіи дабы имѣть нѣсколько сотъ тысячъ рублей валоваго дохода, да чтобы перепадало кое-что погонщикамъ верблюдовъ и фургонщикамъ (въ большой пропорціи не русскимъ, а персидскимъ подданнымъ), занимающимся перевозкой транзитныхъ товаровъ отъ Тифлиса. Но выяснилось что все это интересы ничтожные въ сравненіи съ крупнымъ государственнымъ интересомъ русской промышленности. Выяснилось также что законные, правильные мѣстные закавказскіе интересы не пострадаютъ, а выиграютъ съ отмѣной транзита, что именно транзитъ, то-есть контрабанда, препятствуетъ возникновенію и развитію мѣстныхъ производствъ; что Закавказская дорога тоже ничего не потеряетъ если будетъ возить, вмѣсто иностранныхъ транзитныхъ, русскіе товары для снабженія тѣхъ же рынковъ. Разоблачилась фальшь всѣхъ приводимыхъ въ защиту транзита аргументовъ, но на смѣну ихъ не замедлилъ явиться новый. Транзитъ приходится сохранить дабы Англичане не построили желѣзную дорогу отъ Трапезунта въ Персію!..

Хорошо бы, говорятъ, помочь русской промышленности, — да какъ быть когда въ перспективѣ является возможность постройки Англичанами желѣзной дороги изъ Трапезунта въ Персію? Правда, говорятъ, транзитъ чрезъ Закавказье вреденъ, ущербъ причиняемый имъ русскому промышленному труду значителенъ, но нужно помириться съ этимъ вредомъ, не то Англичане построятъ свою дорогу.

Несомнѣнно что Англичане, и не одни они, очень дорожатъ рынками для своего сбыта, чему не мѣшало бы намъ поучиться у нихъ. Но какими рынками дорожатъ они въ нашемъ транзитномъ вопросѣ? Персидскими ли или нашими Русскими? Въ Персію ли идутъ эти такъ-называемые транзитные товары?

Говорятъ что въ Персію. Эти товары въ канцелярскихъ бумагахъ значатся де провозимыми „транзитомъ черезъ Закавказье въ Персію." Подъ таковою же рубрикой показываются они и въ таможенной отчетности. Какъ мало соотвѣтствуютъ дѣйствительности графы нашей статистики, это хорошо было извѣстно еще Чичикову, который самъ служилъ по таможенной части.

Вотъ, съ одной стороны, Персія, разоренная, дошедшая до крайней нищеты, такъ что ея немногочисленное населеніе въ нѣсколько лѣтъ сильно сократилось, страна падающая при господствующей въ ней неурядицѣ. Вотъ, съ другой стороны, Закавказье давнымъ давно, благодаря русскимъ деньгамъ и крови, благоденствующее, богатое, непрерывно богатѣющее, находящееся въ условіяхъ прямо противоположныхъ тѣмъ которыя повели къ обѣднѣнію Ирландіи. Ирландія не могла не обѣднѣть когда ея доходы изъ года въ годъ тратились внѣ ея предѣловъ. Закавказье не могло не богатѣть когда въ его предѣлахъ тратятся громадныя суммы изъ доходовъ другихъ русскихъ областей. За израсходованіемъ въ предѣлахъ Закавказья всѣхъ мѣстныхъ государственныхъ доходовъ изъ общихъ средствъ русской казны, тамъ было еще израсходовано, какъ видно изъ отчетовъ Государственнаго Контроля, въ шесть лѣтъ 1871—1876 почти 130 милліоновъ рублей (129.553 431 р. 76$^1/_2$ к.), затѣмъ въ четыре года 1878—1881 (за 1877 у насъ нѣтъ данныхъ) свыше 162$^1/_2$ милліоновъ (162.568.520 р. 73 к.), итого въ десятилѣтіе болѣе 292 милліоновъ рублей: это вчетверо болѣе доходовъ собственно Закавказскаго края за то же самое десятилѣтіе (74.394.039 р.),—доходовъ которые въ немъ же были израсходованы. Которая же изъ этихъ двухъ странъ, разоряемая своими правителями Персія, или осыпаемое русскими податными деньгами Закавказье, оказывается въ состояніи покупать иностранные товары на большія суммы?

Странный вопросъ! Но еще куріознѣе отвѣтъ который находимъ на него въ нашей таможенной статистикѣ. Персія, напримѣръ въ 1881 году, купила де иностранныхъ товаровъ, прошедшихъ къ ней только путемъ Закавказскаго транзита, на 14.335.660 руб. по оцѣнкѣ тифлисскихъ торговцевъ, оцѣнкѣ приниженной таможенными чиновниками до 7.772.103 рублей; сверхъ того, въ ту же Персію идутъ де иностранные европейскіе товары на большія суммы чрезъ Трапезунтъ. Вотъ она, какова эта нищенская Персія! А много ли товаровъ въ состояніи купить богатое Закавказье? Весь итогъ привоза иностранныхъ товаровъ въ Закавказье чрезъ всѣ его черноморскіе порты и Тифлисскую таможню оцѣненъ всего въ 3.127.465 рублей, и это безъ приниженія оцѣнокъ, примѣняемаго къ транзиту; это съ присоединеніемъ къ европейскому привозу также и значительнаго морскаго привоза изъ Турціи; это общій итогъ всего законно ввезеннаго въ Закавказье чрезъ Черноморскіе порты, со включеніемъ даже большихъ массъ иностраннаго каменнаго угля поставляемаго въ Поти! Бѣдное Закавказье, ты оказалось не въ состояніи въ 1881 году купить иностранныхъ льняныхъ, шелковыхъ, шерстяныхъ и хлопчато-бумажныхъ издѣлій болѣе чѣмъ на 550 тысячъ рублей (безъ приниженія оцѣнки), тогда какъ Персія въ томъ же году получила только черезъ Тифлисъ, помимо Трапезунтскаго привоза, иностранныхъ „мануфактурныхъ товаровъ," по спеціально приниженной оцѣнкѣ, на 3.279.483 рублей, а по настоящей цѣнѣ Богъ вѣсть во сколько разъ болѣе!

Но будь, въ самомъ дѣлѣ, такова пропорція снабженія иностранными товарами Персіи и Закавказья, магазины и лавки во всѣхъ мѣстахъ Закавказья не были бы завалены иностранными товарами... Нѣтъ, не Персія, а Закавказье служитъ рынкомъ для товаровъ значащихся идущими „транзитомъ въ Персію." Не Персія потребляетъ и массу товаровъ идущихъ транзитомъ на Эрзерумъ изъ Трапезунта: значительная часть этихъ товаровъ ввозится тоже въ Закавказье подъ видомъ низкопошлинныхъ азіятскихъ товаровъ. Рынокъ который для Англичанъ дорого сохранить за собою, это не Персія, а Закавказье, которое можетъ много покупать и для себя, и для препровожденія на другіе русскіе

рынки. Если Англичанамъ, послѣ упраздненія Закавказскаго транзита, понадобилось бы строить дорогу, то никакъ не въ Персію, а въ Тифлисъ, центръ Закавказскаго транзито-контрабанднаго торга...

Говорятъ закройте транзитъ на Баку, но оставьте на Джульфу. Что это можетъ значить? Тутъ ужь и мизерный желѣзнодорожный интересъ оставленъ въ сторонѣ. Это можетъ значить только то чтобы Тифлисъ продолжалъ служить громаднымъ складомъ контрабанды...

№ 86.

Москва, 26-го марта.

Особенное вниманіе австрійской печати посвящено теперь вопросу объ отношеніяхъ Италіи къ Австріи и Германіи. Въ своихъ двухъ обширныхъ парламентскихъ рѣчахъ объ иностранной политикѣ Италіи, италіянскій министръ иностранныхъ дѣлъ г. Манчини не только выступилъ поборникомъ болѣе тѣснаго сближенія съ Австріей и Германіей, но и рѣзко осуждалъ дѣйствія *ирредентистовъ*, какъ опасныя для единства и цѣлости Италіянскаго королевства. Искренно ли говорилъ г. Манчини или нѣтъ, осуждая ирредентистовъ *огуломъ*, о томъ вѣдаетъ конечно только онъ самъ, но за границей (въ Австріи и Германіи) заявленія его произвели впечатлѣніе. Офиціозные германскіе органы привѣтствовали слова Манчини какъ драгоцѣнный залогъ европейскаго мира. Не менѣе сочувственно отнеслась къ нимъ и часть австрійскихъ органовъ печати, уже давно проповѣдующихъ необходимость сближенія съ южнымъ сосѣдомъ. Несмотря однако на всѣ любезности коими обмѣниваются италіянскія и австрійскія газеты, до союза между Италіей и Австріей очень далеко. Если и предположить что вѣковая распря между Италіей и Австріей совершенно забыта (а предположить это весьма трудно), то остается еще не мало причинъ какъ со стороны Италіи, такъ и Австріи не допускающихъ между ними тѣснаго сближенія.

Манчини строго осудилъ агитацію *ирредентистовъ:* если слова его относились только къ крайней фракціи этой партіи мечтающей о республикѣ и находящейся въ близкихъ сношеніяхъ съ разными соціалистскими группами, прибѣгающими для достиженія своихъ цѣлей къ кинжалу и динамиту, то онъ говорилъ конечно искренно, какъ италіянскій патріотъ и вѣрноподданный своего короля. Въ этомъ смыслѣ были вѣроятно и поняты слова Манчини большинствомъ депутатовъ выразившихъ сочувствіе заявленію министра что противъ нарушителей порядка будутъ приняты строгія мѣры. Но огромное большинство ирредентистовъ, оставаясь чужды преступнымъ замысламъ приставшихъ къ нимъ радикаловъ, тѣмъ не менѣе считаютъ Австрію врагомъ Италіи и не отказались отъ своего девиза объединенія всѣхъ италіянскихъ областей, значительная часть коихъ все еще находится подъ скипетромъ Габсбурговъ. Эту партію врядъ ли можно обвинить въ антимонархическихъ стремленіяхъ, тѣмъ болѣе что провозглашаемая ими національная идея создала Италіянское королевство и утвердила на престолѣ Савойскій домъ. Съ этою единственно сильною и популярною партіей придется всегда считаться Италіянскому правительству какая бы партія ни стояла у кормила.

Поборникомъ австро-италіянскаго союза въ Австріи является также незначительное меньшинство. Партія нынѣ находящіяся у дѣлъ являются, какъ это видно изъ газетныхъ отзывовъ, рѣшительными противниками тѣснаго сближенія съ Италіей. Мощная въ католической Австріи клерикальная партія, служащая связующимъ звеномъ между консервативною нѣмецкою и разными славянскими фракціями рейхсрата, все еще не примирилась съ тѣми отношеніями которыя установились между Италіянскимъ правительствомъ и папскимъ престоломъ, и открыто поддерживаетъ всѣ жалобы Ватикана на „притѣсненія“ со стороны Италіянскаго правительства. Папскій нунцій въ Вѣнѣ есть persona gratissima въ руководящихъ сферахъ Австрійской имперіи. Славяне, въ особенности Словинцы и Чехи, выступаютъ противниками Италіи вслѣдствіе предпочтенія которое подъ централистскимъ нѣмецкимъ режимомъ оказывалось австрійскимъ Италіянцамъ предъ Славянами населяющими южныя области Австріи и составляющими тамъ большинство. Одинъ изъ вліятельнѣйшихъ чешскихъ органовъ, пражская *Politik*, служащая органомъ чешскаго клуба, открыто выступала противъ союза съ Италіей

даже во время пребыванія короля Гумберта въ Вѣнѣ.

Въ виду вышеизложеннаго, въ виду невозможности возвращенія къ прежнему централистскому анти-клерикальному режиму, мы врядъ ли ошибаемся полагая что мысль о *тѣсномъ* союзѣ между Австріей и Италіей неосуществима. Между этими державами возможенъ только болѣе или менѣе сносный modus vivendi.

Однако, вскорѣ за обнародованіемъ рѣчи италіянскаго министра иностранныхъ дѣлъ, въ одной изъ лондонскихъ газетъ былъ напечатанъ текстъ письменнаго договора, будто бы заключеннаго между Италіей, съ одной стороны, и Германіей и Австро-Венгріей, съ другой. Обнародованіе этого документа вызвало сенсацію и о немъ поспѣшили высказаться всѣ офиціозные органы тѣхъ странъ коихъ договоръ касается. Прежде всего появилась замѣтка офиціознаго италіянскаго *Агентства Стефани*, опровергающая существованіе какого бы то ни было письменнаго соглашенія между Италіей и ея сѣверными сосѣдями. Офиціозныя вѣнскія газеты отнеслись къ лондонскому сообщенію иронически. Пражская *Politik* пишетъ по этому поводу дословно: „Неоднократно уже было заявлено, на основаніи компетентныхъ источниковъ, что привлеченіе третьей державы къ австро-германскому союзу исключено по крайней мѣрѣ до истеченія срока договора 1879 года, то-есть до 20 октября 1884 года. Изъ этого слѣдуетъ что присоединеніе Италіи къ этому союзу *невозможно*. Ни Австрія, ни Германія *не могутъ* заключить съ Италіей договора имѣющаго болѣе или менѣе наступательный или даже оборонительный характеръ.“

Но важнѣе прямое заявленіе *Сѣверо-Германской Газеты*, вкратцѣ переданное сегодня телеграфомъ: органъ князя Бисмарка объявляетъ лондонское сообщеніе о договорѣ съ Италіей чистою выдумкой.

№ 88.

Москва, 28-го марта.

Періодъ всеобщаго увлеченія принципами „свободной торговли“ почти повсемѣстно близится къ концу. Еще не такъ давно общимъ лозунгомъ торговой политики почти всѣхъ странъ было пониженіе таможенныхъ пошлинъ, какъ бы съ цѣлію превратить всѣ внутренніе рынки въ международные, устранить всѣ преграды обособляющія каждое государство отъ прочихъ въ народно-хозяйственномъ отношеніи, и чуть ли не одна Америка шла противъ этого общаго теченія. За исключеніемъ ея, почти повсюду каждый новый пересмотръ тарифа или международныхъ торговыхъ конвенцій какъ бы обязательно сопровождался расширеніемъ каждою страной льготъ предоставляемыхъ ею въ ея предѣлахъ для иноземной конкурренціи. Это признавалось служеніемъ дѣлу прогресса, дѣлу экономическаго объединенія всего политически разрозненнаго міра. Лишь неохотно, скрѣпя сердце, допускалось при этомъ сохраненіе тѣхъ или другихъ покровительныхъ пошлинъ отмѣна коихъ могла бы потрясти все внутреннее производство, допускалось, такъ сказать, на время, въ разчетѣ при первомъ удобномъ случаѣ окончательно устранить всѣ препятствія къ космополитическому рѣшенію всѣхъ экономическихъ задачъ. Послѣдствія общаго увлеченія такимъ якобы научнымъ направленіемъ не заставили себя ждать. Чѣмъ болѣе расширялся просторъ для всемірной конкурренціи не для тѣхъ только кто желалъ и былъ въ силахъ на нее отважиться, но и для немогущихъ ее выдерживать, тѣмъ труднѣе доставалась борьба за существованіе всѣмъ недостаточно окрѣпшимъ экономическимъ силамъ въ ихъ столкновеніи съ силами превозмогающими. Страны опередившія другихъ въ промышленномъ развитіи тяготѣли надъ отставшими подавляя ростъ ихъ промышленности, присвоивая себѣ фактическую монополію производства того что онѣ могли бы производить. Эта эксплуатація менѣе богатыхъ и сильныхъ конкуррентовъ не могла, наконецъ, не вызвать противодѣйствія, которое въ послѣдніе годы стало проявляться все сильнѣе, давая мало-по-малу международной торговой политикѣ направленіе обратное прежнимъ тенденціямъ. Не прельщаясь проповѣдуемою изъ Англіи доктриной, ея собственныя колоніи заботливо ограждаютъ свою возникающую промышленность отъ подавляющаго наплыва издѣлій ихъ метрополіи. Изъ года въ годъ безостановочно повышаетъ свои таможенные тарифы Германія. Франція, Италія, даже Испанія, при заключеніи новыхъ торговыхъ конвенцій въ замѣнъ прежнихъ,

заботятся о томъ чтобы по возможности взять назадъ сдѣланныя прежде иностранному привозу уступки. Всюду болѣе и болѣе входитъ въ общее убѣжденіе что для обогащенія и благосостоянія государства нужно прежде всего заботиться о своей національной промышленности. Даже Турція видитъ необходимость не отставать отъ этого общаго теченія. Турецкое правительство, какъ было сообщено въ *Политической Корреспонденціи*, въ настоящее время занимается изученіемъ вопросовъ о тарифѣ, предполагая повысить пошлины на нѣкоторые привозные товары и между прочимъ отмѣнить такъ-называемыя транзитныя пошлины. Многимъ державамъ Порта уже заявила формально о своемъ рѣшеніи измѣнить заключенные съ ними прежде торговые договоры. Россія, по словамъ константинопольскаго корреспондента той же *Политической Корреспонденціи*, будто бы предлагала продлить на время дѣйствіе русско-турецкаго торговаго договора, срокъ коего истекаетъ въ непродолжительномъ времени, но это предложеніе отклонено де Турецкимъ правительствомъ, которое намѣрено отказать и Англіи въ подобномъ требованіи.

Что Англія желала бы продлить дѣйствіе своего торговаго договора съ Турціей и оставить его безъ измѣненія, это не удивительно: она была нація наиболѣе благопріятствуемая, и отъ измѣненія прежнихъ порядковъ можетъ только проиграть, а не выиграть. Но трудно понять почему бы Россія могла желать сохраненія порядковъ отнюдь для нея невыгодныхъ, которые только формально, на бумагѣ, распространяли на нее торговыя выгоды предоставленныя въ Турціи другимъ націямъ, на дѣлѣ же ставили русскій сбытъ въ Турцію въ исключительно стѣсненныя условія. Въ этомъ убѣдилась на мѣстѣ особая экспедиція которая въ минувшемъ году была снаряжена въ Болгарію нѣсколькими представителями московскаго промышленнаго міра. Оказалось что при взиманіи общей процентной пошлины по турецкому таможенному тарифу, русскіе товары оцѣниваются по болѣе высокой нормѣ чѣмъ однородные товары идущіе изъ другихъ странъ, такъ что съ одного и того же товара берется бóльшая пошлина если онъ русскій и меньшая если онъ не русскій. Какія же побужденія могли бы мы имѣть къ продленію такого невыгоднаго для насъ неравенства? Развѣ только тѣ что наши политико-экономы въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ со времени заключенія (въ 1861 году) торговаго договора съ Турціей не успѣли ознакомиться съ его практическимъ для Россіи значеніемъ и потому не готовы къ его пересмотру, не зная что въ русскихъ интересахъ желательно въ немъ измѣнить и что оставить?

Journal de St.-Pétersbourg извѣщаетъ что по возбужденному Портой вопросу о пересмотрѣ русско-турецкаго торговаго трактата уже идутъ переговоры, причемъ турецкія предложенія обсуждаются и въ Министерствѣ Финансовъ: ему въ этомъ дѣлѣ предстоитъ опредѣлить тѣ условія на коихъ настаивать будетъ уже задачей дипломатіи. Таково ли однако положеніе этого Министерства чтобъ оно могло съ желаемымъ успѣхомъ играть выпадающую на его долю роль въ этомъ, равно какъ и въ другихъ дѣлахъ народно-хозяйственнаго, а не фискальнаго свойства?

Министерство Финансовъ есть учрежденіе по преимуществу и почти исключительно фискальное. Его главная задача наполненіе государственной казны ради соблюденія бюджетнаго равновѣсія. Теоретически, оно, конечно, озабочено и процвѣтаніемъ народнаго хозяйства какъ источника государственныхъ доходовъ, но это цѣль далекая, которую должно имѣть въ виду и къ которой можно стремиться лишь на досугѣ каковой можетъ остаться и не остаться между спѣшными дѣлами по веденію собственно казеннаго хозяйства, по сбору казенныхъ доходовъ хотя бы и съ ущербомъ на практикѣ для хозяйства народнаго. Обильныя поступленія акцизныхъ и патентныхъ сборовъ, напримѣръ, стоятъ для Департамента Неокладныхъ Сборовъ далеко впереди вопроса о вредѣ причиняемомъ кабаками, и представителями этого вѣдомства не разъ отрицался очевидный и всѣми сознаваемый фактъ разоряющаго и развращающаго народъ кабацкаго пьянства. Сходнымъ же направленіемъ по необходимости характеризуется дѣятельность и другихъ финансовыхъ департаментовъ. Подчиняясь этому общему направленію, и Департаментъ Торговли и Мануфактуръ на практикѣ едва ли не болѣе занятъ взиманіемъ сборовъ за право торговли, дающихъ казнѣ болѣе 20 милліоновъ рублей, чѣмъ изученіемъ и удовлетвореніемъ торговыхъ и промышленныхъ

нуждъ. При иныхъ порядкахъ, этотъ Департаментъ, конечно, могъ бы оказаться болѣе знакомымъ съ дѣйствительныхъ ходомъ дѣлъ и несомнѣнно проявлялъ бы свою дѣятельность и по вопросу о Закавказскомъ транзитѣ, и по вопросу о Финляндскихъ торговыхъ привилегіяхъ, и по другимъ подобнымъ вопросамъ иначе чѣмъ нынѣ. Это не столько вина людей, сколько результатъ несовершенства въ организаціи учрежденія. Для устраненія этого вреднаго неудовольствія требовалось бы устранить смѣшеніе разнородныхъ, фискальныхъ и народно-хозяйственныхъ задачъ, при которомъ послѣднія подавляются и поглощаются первыми, нужно бы полное разграниченіе однѣхъ отъ другихъ, такъ чтобъ одно вѣдомство, не развлекаясь побочными дѣлами, блюло важные для государства фискальные интересы, а другое, освобожденное отъ суетливыхъ хлопотъ сборщика налоговъ и кассира, могло нераздѣльно посвящать всю свою дѣятельность заботамъ о не менѣе важномъ государственномъ интересѣ подъема народнаго хозяйства по всѣмъ его отраслямъ. Не знаемъ что было бы лучше, присоединеніе ли Департамента Торговли и Мануфактуръ (съ оставленіемъ сборовъ за право торговли въ финансовомъ вѣдомствѣ) къ Министерству Государственныхъ Имуществъ, подобно тому какъ присоединенъ къ нему Горный Департаментъ, или же учрежденіе новаго министерства сельскаго хозяйства, промышленности и торговли, въ которое отошли бы всѣ органы другихъ министерствъ завѣдующіе дѣлами касающимися разныхъ отраслей производства. Первое быть-можетъ было бы удобнѣе.

Учрежденіе особаго центральнаго государственнаго органа для попечительства надъ всѣми отраслями народнаго производства кажется дѣломъ тѣмъ болѣе настоятельнымъ чѣмъ сильнѣе жалобы на многочисленныя проявленія экономическаго разстройства по разнымъ частямъ, и чѣмъ несомнѣннѣе ошибочность той экономической и торговой политики которой мы донынѣ держались. Для многихъ эта политика стала рутиной, а отъ рутины трудно отрѣшиться людямъ которые на ней воспитались и состарились. При всемъ сознаніи необходимости перейти отъ космополитической политики къ національной, людямъ и учрежденіямъ ведшимъ дѣла по иной колеѣ трудно переламывать себя чтобы ревностно и успѣшно идти по колеямъ для нихъ незнакомымъ. Для новаго вина требуются и мѣхи новые.

№ 89.

Москва 29-го марта.

А.

Мѣры принимаемыя у насъ административною властью, на основаніи дѣйствующихъ законовъ о государственной безопасности, вызываютъ нерѣдко вопли негодованія. Стóитъ губернатору выслать лицо по свѣдѣніямъ его неблагонадежное, какъ поднимается гвалтъ о нарушеніи правъ личности, о попраніи „правоваго порядка.“ Къ этимъ голосамъ прислушиваются, принимаютъ ихъ къ свѣдѣнію. Многія необходимыя мѣры, страха ради либеральнаго, парализуются подобными агитаціями: земскія собранія спѣшатъ выбирать административно сосланныхъ въ гласные, протесты приносимые губернаторами по поводу такихъ выборовъ признаются лишенными основанія Правительствующимъ Сенатомъ. За то, напротивъ, чины судебнаго вѣдомства пользуются у насъ, къ великой радости „либераловъ,“ полною свободой распоряжаться личною свободой по своему усмотрѣнію. Всѣ помнятъ еще дѣйствія слѣдователя раскрытыя по дѣлу г. Пейча. Сегодня мы печатаемъ письмо г. Котельникова и приложенное къ оному заключеніе по его дѣлу, утвержденное опредѣленіемъ Московской Судебной Палаты. Изъ этихъ документовъ нельзя не убѣдиться съ перваго взгляда что нижегородскій судебный слѣдователь привлекъ г. Котельникова къ слѣдствію за растрату, тогда какъ *договорныя* отношенія обвиняемаго къ жалобщику (*могли подлежать вѣдѣнію единственно суда гражданскаго, а не уголовнаго*). Слѣдователь не могъ этого не усмотрѣть если онъ только юристъ. А между тѣмъ онъ не только принялъ дѣло къ своему производству, но *въ видахъ интересовъ правосудія* заключилъ Котельникова подъ стражу.

Скажутъ, Судебная Палата прекратила преслѣдованіе какъ незаконное. Тѣмъ яснѣе представляется произволъ слѣдователя и тѣмъ необъяснимѣе отсутствіе въ опредѣленіи Палаты постановленія о надлежа-

щемъ взысканіи съ виновныхъ въ подобномъ произволѣ.

Публикѣ извѣстно судебное дѣло о волчанскомъ исправникѣ Зографѣ, дѣло очень характеристическое. О немъ придется намъ еще говорить, такъ какъ мы имѣемъ теперь подъ рукой всѣ относящіеся къ нему документы. Администраторъ которому ввѣрено спокойствіе города съ его уѣздомъ, долго безпорочно служившій, состоявшій на хорошемъ счету у своего начальства, пользующійся засвидѣтельствованнымъ уваженіемъ общества своей мѣстности, счелъ нужнымъ, при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, подвергнуть на нѣсколько дней аресту кабатчика о которомъ ходила дурная молва, на котораго неоднократно поступали жалобы требовавшія бдительнаго за нимъ полицейскаго надзора, который судился и былъ осужденъ за пріемъ краденыхъ вещей, и былъ дѣйствительно потомъ высланъ изъ уѣзда по распоряженію высшей административной власти. Подвергая означеннаго субъекта аресту, исправникъ не выходилъ изъ предоставленныхъ ему полномочій; но допустимъ что принятая имъ предупредительная мѣра была излишня и произвольна. Какое же должностное лицо можетъ похвалиться что никогда и ни въ чемъ не сдѣлало какого-либо упущенія или чего-нибудь лишняго? Но ошибки и уголовное преступленіе различаются toto genere. Начальство предостерегаетъ подчиненнаго, дѣлаетъ ему напоминанія, замѣчанія, выговоры, наконецъ увольняетъ его отъ службы. Но вотъ между подчиненнымъ и его начальствомъ врывается чуждая власть, оцѣниваетъ по своему дѣйствія должностнаго лица, подвергаетъ его своему суду какъ преступника, проводитъ его чрезъ мучительную нравственную пытку и осуждаетъ его на тяжкую и позорящую кару, между тѣмъ какъ его озадаченное начальство благоговѣйно присутствуетъ при этомъ священнодѣйствіи. Пусть такъ, но если нежелателенъ произволъ со стороны административныхъ чиновъ, то почему произволъ долженъ быть сладокъ со стороны судебныхъ чиновъ? Если исправникъ справедливо или нѣтъ подвергается преслѣдованію за произвольное лишеніе свободы, то почему остаются совершенно безотвѣтственными чины судебнаго вѣдомства когда они прибѣгаютъ къ этой мѣрѣ безъ достаточныхъ основаній? Ужели они въ самомъ дѣлѣ святые? Если судится, какъ тяжкое преступленіе, арестъ подозрительнаго и опороченнаго человѣка, котораго никакой арестъ не можетъ обезчестить, то можетъ ли оставаться безконтрольнымъ распоряженіе слѣдователя или прокурора, заключающихъ въ тюрьму лицо не опороченное, пользующееся уваженіемъ своихъ согражданъ и своего сословія, но имѣющее несчастіе, напримѣръ, носить княжескій титулъ, или состоять въ значительномъ чинѣ и занимать болѣе или менѣе высокое положеніе въ обществѣ? Почему, въ самомъ дѣлѣ, произвольное распоряженіе административной власти должно вызывать всеобщее негодованіе, а таковое же распоряженіе судебныхъ чиновъ оставаться для нихъ безъ послѣдствій? Почему не возбуждается вопросъ, не было ли въ дѣйствіяхъ обвинительной власти грубаго неуваженія къ личности или нечистыхъ побужденій? Какъ административнымъ властямъ долгъ ихъ службы предоставляетъ право принимать нѣкоторыя мѣры общественной безопасности, требующей задержанія или высылки вредныхъ по ихъ усмотрѣнію лицъ, такъ точно предоставляется слѣдователямъ и прокурорамъ лишать свободы подозрѣваемыхъ ими лицъ, дабы тѣ не могли уклоняться отъ правосудія. Но если отъ администратора въ подобныхъ случаяхъ требуется безукоризненность, то почему же слѣдуетъ легко относиться къ распоряженіямъ судебныхъ чиновъ? Почему не требуется отъ нихъ отчета въ распоряженіяхъ которыя могутъ пасть тяжкимъ бѣдствіемъ на людей имъ не справедливо или безъ надобности подвергшихся,—требуются даже въ тѣхъ случаяхъ когда обвиняемое лицо выходитъ по суду оправданнымъ?

Развѣ не должно быть подвергаемо серіозной отвѣтственности легкомысленное, пристрастное, явно несправедливое преданіе суду чинами Судебной Палаты, или фальшь если таковая оказалась бы въ обвинительномъ актѣ? Развѣ не долженъ отвѣчать прокуроръ если въ процессѣ онъ дѣйствуетъ какъ органъ не закона, а какой-либо партіи или своихъ личныхъ побужденій и своего произвола? Развѣ не долженъ былъ подлежать строжайшей отвѣтственности предсѣдатель суда когда судъ надъ убійцей подъ его руководствомъ превратился въ поруганіе пострадавшаго? Неужели все это святые, а губернаторы и исправники клятые?

Не давно была рѣчь о преслѣдованіи которымъ угрожалось одной изъ петербургскихъ газетъ за нѣсколько словъ сказанныхъ въ защиту князя Д. Д. Оболенскаго, привлеченнаго къ суду по дѣлу о Кронштадтскомъ банкѣ. Можно ожидать что и самого князя Оболенскаго, въ ожиданіи отсроченнаго суда надъ нимъ, посадятъ въ кутузку. Что жь? еслибъ это случилось даже безъ надобности и основанія, никто за это отвѣчать не будетъ, какъ пришлось отвѣчать исправнику Волчанскаго уѣзда, котораго дѣйствія разбирались по ниточкѣ и которому приписывались даже побужденія не только не обнаруженныя, но опровергнутыя фактами слѣдствія. Впрочемъ, для чего могло бы понадобиться, съ точки зрѣнія обвинительной власти, лишеніе обвиняемаго свободы въ промежутокъ времени отъ слѣдствія до суда? Возможно ли предположить чтобы князь Оболенскій могъ убѣжать? Дѣйствіе же въ которомъ онъ обвиняется не такого свойства чтобы можно было скрыть его слѣды: оно все налицо. Но, скажутъ, оставаясь на свободѣ онъ можетъ въ домахъ и во вліятельныхъ сферахъ защищать свою честь и высказываться противъ привлеченія своего къ суду. Хорошо, но почему же нужно было бы отнимать у человѣка эту свободу?

Б.

Въ Германскомъ рейхстагѣ только что окончилось первое чтеніе весьма важнаго, по общему сознанію, законопроекта, близко касающагося и нашихъ интересовъ. Дѣло идетъ о возвышеніи пошлинъ на привозный лѣсъ. По дѣйствующему тарифу 1879 года строительный и подѣлочный лѣсъ въ сыромъ видѣ, или обдѣланный только топоромъ, оплачивался одною маркой за 1.000 килограммовъ. Пошлину эту предположено поднять втрое и взимать съ 1.000 килограммовъ *три* марки. Почти въ той же пропорціи повышается пошлина на брусья, доски, бочечный лѣсъ и обручъ: вмѣсто прежнихъ $2^1/_2$ марокъ съ 1.000 килограммовъ, предполагается взимать 7 марокъ.

Лѣсъ въ Германію везутъ главнымъ образомъ изъ Россіи, а затѣмъ изъ Австріи и Швеціи съ Норвегіей. Русскій ввозъ состоитъ преимущественно изъ сырья, тогда какъ Швеція съ Норвегіей и Австрія ставятъ лѣсъ въ дѣлѣ; первыя двѣ доску и бочку, а послѣдняя брусья и доски. Такимъ образомъ возвышеніе пошлины на лѣсъ должно быть особенно чувствительно именно для насъ. Мы отпускаемъ лѣсъ-сырье, а пошлина на него увеличивается въ нѣсколько большемъ размѣрѣ нежели на прочіе сорта. Нашъ отпускъ обширнѣе и въ послѣднее время росъ быстрѣе нежели отпускъ изъ другихъ странъ. Какая причина неожиданнаго и притомъ столь значительнаго повышенія пошлинъ? Германія пересмотрѣла и подняла свой тарифъ очень недавно, только въ 1879 году. Это и замѣтили противники повышенія пошлинъ въ рейхстагѣ. „Такъ, отвѣтилъ правительственный коммиссаръ, но нѣмецкое лѣсное хозяйство находится въ затруднительномъ положеніи потому что пошлина по своему размѣру не достигла цѣли; она слишкомъ низка чтобъ оградить интересы нѣмецкихъ лѣсовладѣльцевъ,“ доходы которыхъ быстро уменьшаются именно вслѣдствіе той причины что рынокъ переполненъ привознымъ лѣсомъ. Противъ этого необходимо де принять мѣры если не желаютъ разоренія лѣсовладѣльцевъ, а вмѣстѣ съ ними и лѣсорабочихъ. Въ Германіи насчитывается 14 милліоновъ гектаровъ лѣса, изъ коихъ половина принадлежитъ казнѣ и общинамъ, пятая часть крупнымъ, а остальное мелкимъ лѣсовладѣльцамъ. „И по количеству, и по качеству нѣмецкій лѣсъ можетъ удовлетворить потребностямъ страны,“ которая вовсе не нуждается въ такомъ привозѣ какой замѣчается теперь. Ожидать чтобы ввозъ иностраннаго лѣса въ Германію сократился самъ собою, вслѣдствіе разрушенія лѣснаго хозяйства странъ откуда лѣсъ вывозится, пришлось бы слишкомъ долго; „когда это можетъ случиться трудно даже предвидѣть.“ Остается поднять пошлину, устроивъ такъ чтобы нѣмецкій сбытъ сдѣлался выгоднѣе безъ сокращенія иностраннаго ввоза „болѣе чѣмъ нужно.“ „Напрасно думаютъ, говоритъ представитель правительства, что возвышеніе пошлинъ на лѣсъ, увеличивъ сбытъ, поведетъ къ истребленію лѣсовъ. Это совершенно неосновательно. Лѣсоистребленіе начинается вовсе не тогда когда цѣны на лѣсъ высоки, а напротивъ когда онѣ падаютъ, когда лѣсовладѣлецъ вынужденъ для полученія извѣстной суммы денегъ сводить большія партіи, и когда бездоходность лѣса препятствуетъ правильному лѣ-

соразведенію." Послѣ этого замѣчанія, весьма назидательнаго и для насъ, правительственный коммиссаръ г. Данкельманъ, считающійся однимъ изъ крупныхъ знатоковъ лѣснаго дѣла, прямо обратился къ вопросу кто и почему выступаетъ въ Германіи противъ возвышенія пошлинъ на лѣсъ. „Противъ пошлинъ на привозный лѣсъ ратуетъ только небольшая, но за то сильная партія крупныхъ международныхъ лѣсоторговцевъ имѣющихъ паровыя лѣсопильни на всѣхъ главныхъ путяхъ по которымъ идетъ въ Германію иностранный лѣсъ;" только имъ и выгоденъ дешевый заграничный лѣсъ. Правда, они даютъ дѣло слишкомъ 30 тысячамъ рабочихъ, но это не имѣетъ никакого значенія въ сравненіи съ выгодами разработки своего лѣса, съ дѣломъ которымъ кормятся въ Германіи милліоны людей, такъ какъ стоимость однѣхъ лѣсныхъ работъ простирается до 189 милліоновъ марокъ. Напрасно, слѣдовательно, думать будто возвышеніе пошлинъ на лѣсъ выгодно только лѣсовладѣльцамъ и притомъ только лѣсовладѣльцамъ крупнымъ. Лѣсъ вообще важный источникъ дохода и правительство вынуждено поднимать его цѣнность, а тѣмъ самымъ увеличивать доходъ и лѣсовладѣльца, и лѣсорабочаго, и лѣсоторговца.

Законопроектъ встрѣтилъ сильную оппозицію въ рейхстагѣ. Центръ, имѣющій свои счеты съ правительствомъ, высказывается самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ возвышенія пошлинъ; вся лѣвая сторона палаты, руководимая фритредерами, и слышать не хочетъ о законопроектѣ. Только консервативы высказываются за новыя пошлины. Положеніе дѣлъ таково что министръ сельскаго хозяйства самъ вынужденъ былъ поддерживать передачу законопроекта въ особую коммиссію. Любопытно что предложеніе въ этомъ смыслѣ было принято нехотя: голоса раздѣлились поровну; за коммиссію подано только однимъ голосомъ больше. Это считается признакомъ что законопроектъ или будетъ отвергнутъ, или же надолго застрянетъ въ палатѣ, подобно законопроекту о табачной монополіи и страхованіи рабочихъ.

Какъ бы то ни было, а возвышеніе пошлинъ на лѣсъ стоитъ на очереди въ Германіи и рано или поздно будетъ принято палатой. Намъ слѣдуетъ, въ свою очередь, торопиться принятіемъ хотя бы тѣхъ немногихъ мѣръ для поддержанія нашего лѣсохозяйства, о которыхъ такъ много говорилось и писалось въ послѣднее время. Мы привыкли откладывать дѣла въ долгій ящикъ. На этотъ разъ приходится однако поторопиться если не хотимъ не только разоренія лѣсовладѣльцевъ, но и значительнаго ухудшенія нашего разчетнаго баланса съ иностранцами.

№ 90.

Москва, 30-го марта.

Какъ слышно, по Высочайшему повелѣнію назначается особая коммиссія для обсужденія вопроса о Финляндскихъ привилегіяхъ безпошлиннаго ввоза въ Россію. Обративъ вниманіе на этотъ вопросъ, правительство идетъ на встрѣчу потребностямъ русскаго промышленнаго міра, его желаніямъ которыя были формально выражены въ заявленіи поданномъ въ Московскій Биржевой Комитетъ и подписанномъ множествомъ значительнѣйшихъ промышленныхъ фирмъ (около пятидесяти подписей). Вотъ это заявленіе:

„Одна изъ причинъ препятствующихъ сбыту нашихъ товаровъ—Кавказскій транзитъ и сопряженная съ нимъ контрабанда—разъяснена, и на нее уже обращено вниманіе правительства. Но другая причина, ставящая русскую промышленность въ еще болѣе стѣснительное положеніе—Финляндскія привилегіи безпошлиннаго привоза—до сихъ поръ вовсе еще не подвергалась обсужденію. Между тѣмъ, въ этомъ дѣлѣ заинтересованы почти всѣ отрасли нашего производства, отъ горнаго до сельскохозяйственныхъ, отъ металлическаго до хлопчато-бумажнаго, отъ льнянаго и шерстянаго до мебельнаго и токарнаго, отъ химическаго и кожевеннаго до ремесленныхъ и кустарныхъ. Вслѣдствіе Финляндскихъ привилегій безпошлиннаго привоза обращаются во вредъ русскому производству даже благія начинанія правительства въ поощреніи нашего народнаго труда. Повышенія охранительныхъ пошлинъ ведутъ не къ ослабленію чужеземной конкурренціи на внутреннихъ рынкахъ, а напротивъ къ усиленію оной. Финляндскій безпошлинный привозъ хлопчато-бумажныхъ тканей, въ обходъ общаго таможеннаго тарифа, уже въ 1881 году превышалъ размѣры провоза ихъ транзитомъ чрезъ Кав-

казъ; металлическое проволочное производство приведено въ застой тѣмъ же Финляндскимъ привозомъ; обойное производство почти уже подавлено этимъ привозомъ, и почти ни одно изъ производствъ не можетъ считать себя обезпеченнымъ отъ той же участи при неизвѣстности въ какихъ размѣрахъ уже пользуется или каждую минуту можетъ воспользоваться заграничная финляндская и не-финляндская конкурренція льготой безпошлиннаго привоза многоразличныхъ товаровъ, исчисленныхъ въ приложеніи къ статьѣ 1.485 Свода Законовъ VI тома по продолженію 1876 года (стр. 222—228). Въ настоящее время фабрикантами и заводчиками долженъ быть сдѣланъ разчетъ сколько рабочихъ рукъ могутъ они нанять послѣ Пасхи. При необезпеченности сбыта, причиняемой заграничною финляндскою конкурренціей, многіе производители должны будутъ сократить работы въ большей мѣрѣ чѣмъ это вызывается трудными обстоятельствами переживаемаго нынѣ промышленнаго кризиса. Нельзя не опасаться что имѣющій послѣдовать такимъ образомъ отказъ въ пріемѣ на фабрики многихъ тысячъ, а можетъ-быть и десятковъ тысячъ рабочаго люда, можетъ повести къ печальнымъ и для хозяевъ и для рабочихъ недоразумѣніямъ и столкновеніямъ, коихъ конечно всячески желательно избѣгать.

„Принимая во вниманіе все вышеизложенное, нижеподписавшіеся покорнѣйше просятъ Московскій Биржевой Комитетъ пригласить выборныхъ Московскаго Биржеваго Общества для обсужденія этого важнаго для всѣхъ отраслей русской промышленности вопроса и для формулованія ходатайства о полной отмѣнѣ сказанныхъ Финляндскихъ привилегій безпошлиннаго привоза, причиняющихъ неисчислимый ущербъ русскому народному труду.“

Заявленіе это было подано въ здѣшній Биржевой Комитетъ уже около трехъ недѣль тому назадъ, но, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ и побужденіямъ, ему до сихъ поръ не было дано надлежащаго хода созывомъ выборныхъ Московскаго Биржеваго Общества, хотя для созыва выборныхъ достаточно требованія заявленнаго не только почти пятьюдесятью, но и пятнадцатью фирмами. Это трехнедѣльное удержаніе подъ сукномъ поданнаго въ Комитетъ заявленія уже послужило поводомъ къ разнымъ толкамъ объясняющимъ обнаруженную по отношенію къ нему медлительность обстоятельствами однородными съ тѣми вслѣдствіе коихъ нѣкоторыя уважаемыя въ Москвѣ фирмы, желавшія прочесть полученную Комитетомъ извѣстную телеграмму директора Департамента Торговли и Мануфактуръ г. Ермакова о вызовѣ экспертовъ по транзитному вопросу, встрѣчали въ томъ какія-то затрудненія. Оказались будто бы затрудненія канцелярскаго свойства и относительно заявленія по вопросу о финляндскихъ таможенныхъ привилегіяхъ. Разказываютъ будто съ канцелярской точки зрѣнія найдена неудовлетворительною самая редакція приведеннаго выше заявленія; зачѣмъ де въ ней, напримѣръ, упоминается объ обойномъ дѣлѣ, когда въ числѣ подписавшихся нѣтъ ни одного обойнаго фабриканта, хотя тѣсная связь обойной и писчебумажной фабрикаціи не подлежитъ сомнѣнію, и хотя въ числѣ подписавшихся значится одна изъ важнѣйшихъ въ Россіи писчебумажныхъ фирмъ; зачѣмъ де, далѣе, среди множества заслуживающихъ полнаго уваженія подписей замѣшалась какая-то одна коей значеніе можетъ подлежать спору, и т. д. Основательны или неосновательны подобные толки, но имъ многіе вѣрили, имѣя въ виду что при послѣднемъ вызовѣ экспертовъ въ Петербургъ какими-то представителями тамошняго либеральнаго чиновничества, по слухамъ, откровенно высказывалось мнѣніе что биржевые комитеты не болѣе какъ ихъ агентуры долженствующія сообразоваться съ ихъ мнѣніями. Отсюда дѣлался выводъ что кому-нибудь въ Петербургѣ можетъ быть непріятно возбуждаемое въ Москвѣ ходатайство объ отмѣнѣ вредныхъ для русской промышленности финляндскихъ привилегій; что поэтому лучше замять дѣло о такомъ ходатайствѣ, дабы нерасположенные къ нему не сочли русскихъ промышленниковъ и торговцевъ слишкомъ назойливыми, не довольствующимися жалобой на одну кавказскую контрабанду, но дерзающими жаловаться и на контрабанду финляндскую. Возможно что всѣ подобныя заключенія не опирались ни на чемъ кромѣ нѣсколько странной и трудно объяснимой медлительности биржевыхъ должностныхъ лицъ въ дѣлѣ живо интересующемъ торгово-промышленный міръ, въ трудную пору промышленно-торговаго кризиса и притомъ почти наканунѣ наступленія новаго срока найма рабочихъ на фабрики и заводы... Но еслибъ и были дѣйствительно какія нибудь соо-

браженія побуждавшія кого-нибудь считать возбужденіе вопроса о финляндскихъ привилегіяхъ безпошлиннаго привоза дѣломъ несвоевременнымъ, эти соображенія обращаются теперь въ ничто въ виду возбужденія вопроса высшимъ правительствомъ.

Нельзя не пожелать успѣха предстоящимъ работамъ коммиссіи. Для полноты же этого успѣха несомнѣнно требуется возможно лучшее ознакомленіе со свойствами всѣхъ тѣхъ интересовъ которые должны быть удовлетворены рѣшеніемъ предлежащаго вопроса. Нѣтъ сомнѣнія что съ финляндскими интересами въ этомъ дѣлѣ коммиссія будетъ освѣдомлена въ полной мѣрѣ, а пожалуй и съ избыткомъ. Объ этомъ въ Финляндіи позаботятся. Тамошніе промышленники и торговцы не пріучены къ боязни прослыть назойливыми въ своихъ ходатайствахъ и представленіяхъ, и финляндскія власти не стѣсняются передачей и рекомендаціей оныхъ русскимъ властямъ. Назначенные въ составъ коммиссіи министръ-статсъ-секретарь Финляндіи и финляндскій генералъ-губернаторъ будутъ поэтому болѣе чѣмъ въ достаточной мѣрѣ освѣдомлены о томъ что̀ можетъ представляться желательнымъ для выгодъ Финляндіи, равно какъ и о томъ какъ слѣдуетъ смотрѣть на русскія выгоды съ финляндской точки зрѣнія. Для правильнаго рѣшенія вопроса, полагаемъ, необходимо чтобы представители собственно русскихъ интересовъ въ коммиссіи, касательно ознакомленія съ ними, были поставлены въ не менѣе благопріятныя условія. Безъ этого коммиссія легко можетъ впасть въ ошибки, не сознавая въ полной мѣрѣ вреда какимъ онѣ могутъ отозваться для русскаго народнаго труда,—въ ошибки подобныя тѣмъ въ которыя не разъ впадало при обсужденіи финляндскихъ ходатайствъ наше финансовое вѣдомство когда случалось примѣнять къ нимъ § 7 Положенія о торговлѣ Имперіи съ Финляндіей (ст. 1.491, т. VI Уст. Тамож. по прод. 1876 года). Этимъ параграфомъ предоставлено министру Финансовъ расширять финляндскія льготы по безпошлинному привозу разныхъ товаровъ которые „могутъ быть сбываемы въ Имперіи съ выгодою для финляндской промышленности, если министръ Финансовъ не усмотритъ въ томъ подрыва россійскимъ фабрикамъ и промышленности, равно какъ и значительнаго ущерба въ таможенномъ доходѣ,"—и упоминаемое здѣсь „усмотрѣніе" не разъ шло въ разрѣзъ съ дѣйствительными интересами русскихъ фабрикъ и промышленности, конечно не вслѣдствіе чего иного, какъ недостаточнаго съ ними ознакомленія, недостатка связи и общенія между финансовымъ вѣдомствомъ и нашею промышленностію. Такъ было, сколько извѣстно, при расширеніи Финляндскихъ льготъ и по привозу проволочнаго желѣза, и по привозу машинъ, и по привозу судовъ, и по привозу хлопчатобумажныхъ пряжи и тканей. и. т. п.

Подрывъ причиняемый русской промышленности этими расширеніями Финляндскихъ льготъ усугубляется еще тѣмъ что точный размѣръ оныхъ и текстъ министерскихъ распоряженій коими онѣ давались остаются неизвѣстными русскимъ промышленникамъ, которымъ предоставляется дѣлать свое дѣло въ потемкахъ, не зная при какихъ именно условіяхъ они дѣйствуютъ и съ какою именно конкурренціей должны считаться. Трудно объяснить себѣ соображенія въ силу которыхъ относящіяся сюда распоряженія могутъ считаться какою-то канцелярскою тайной отъ русскихъ промышленниковъ, интересы коихъ столь серіозно ими затрогиваются, такъ же трудно какъ и неопубликованіе извѣстныхъ министерскихъ „правилъ" о безпошлинномъ пропускѣ такъ-называемыхъ обратныхъ мѣшковъ, „правилъ" коими парализовалась на практикѣ сила закона 12 мая 1881 года. Можетъ-быть тайна прикрывающая распоряженія касающіяся расширенія финляндскихъ льготъ не такъ строга какъ думаютъ; можетъ-быть нѣкоторыя фирмы желавшія ознакомиться съ текстомъ этихъ распоряженій чрезъ своихъ петербургскихъ корреспондентовъ потерпѣли неудачу въ этомъ по винѣ самихъ этихъ корреспондентовъ не знавшихъ къ кому именно обратиться за справкой; но уже одно то что приходится изыскивать пути для наведенія справокъ о томъ какимъ новымъ истолкованіямъ и дополненіямъ подвергнутъ дѣйствующій законъ, уже одно то что эти истолкованія и дополненія не обнародуются какъ должно быть обнародуемо все имѣющее силу законовъ и ихъ касающееся, уже одно это производитъ на промышленность удручающее впечатлѣніе, лишая ее увѣренности въ завтрашнемъ днѣ.

По вопросу о Финляндскихъ привилегіяхъ русская промышленность, надобно пола-

гать, будетъ спрошена также какъ была спрошена по равно важному вопросу о Закавказскомъ транзитѣ. Но чтобъ она могла дать отвѣтъ вполнѣ соотвѣтствующій тѣмъ обстоятельствамъ и условіямъ въ какихъ находится, она прежде всего должна быть вполнѣ ознакомлена со всѣми условіями которыя созданы для нея дополнительными къ Положенію 20 декабря 1858 года разъясненіями и распоряженіями. Безъ этого не можетъ быть и рѣчи о равенствѣ въ постановкѣ русскихъ и финляндскихъ интересовъ при обсужденіи возникшаго вопроса, и на этотъ пунктъ, конечно, будетъ обращено вниманіе выборныхъ Московскаго Биржеваго Общества при имѣющемъ быть собраніи ихъ согласно вышеприведенному, поданному въ Биржевой Комитетъ заявленію. Но главнымъ предметомъ совѣщанія долженъ быть вопросъ, можно ли въ русскихъ промышленныхъ интересахъ удовольствоваться лишь какими-нибудь измѣненіями въ финляндскихъ привилегіяхъ безпошлиннаго привоза, или же необходима полная отмѣна этихъ вредныхъ русскому народному труду привилегій.

№ 91.

Москва, 31-го марта.

Прочитавъ присланную намъ изъ Петербурга часть отчета о судебномъ засѣданіи по пресловутому дѣлу quasi-дѣвицы Островлевой и ея сподвижника по извощичьему промыслу Худина, напечатанную въ № 29 *Московскихъ Вѣдомостей*, мы, пораженные сообщеннымъ по телеграфу извѣстіемъ объ оправданіи подсудимыхъ несмотря на подавляющую массу уликъ, высказали предположеніе что „присяжные засѣдатели отпустили подсудимымъ тяжкій грѣхъ подъ какимъ-либо давленіемъ," разъяснить которое мы предоставили себѣ по полученіи всѣхъ свѣдѣній о томъ что творилось или говорилось на судѣ. На другой день, узнавъ какіе были поставлены судомъ вопросы на разрѣшеніе присяжныхъ, мы не могли не замѣтить что вся отвѣтственность за исходъ дѣла падаетъ на судъ, усумнившійся безо всякаго законнаго основанія въ самомъ событіи преступленія и вопрошавшій у присяжныхъ: совершилось ли дѣяніе въ которомъ сами подсудимые сознались. Мы видѣли въ этомъ нарушеніе 754 ст. Уст. Уг. Суд., которое и порицали, находя что судъ виновенъ въ оправданіи явнаго и возмутительнаго насилія учиненнаго подсудимыми (правда, не изъ числа исправниковъ или губернаторовъ).

Въ послѣдствіи изъ письма одного изъ присяжныхъ засѣдателей, судившихъ Островлеву и Худина, напечатаннаго въ *Новомъ Времени*, стало намъ извѣстно что судъ не дозволилъ прочесть присяжнымъ тѣ утвердительные отвѣты которые они первоначально дали на вопросы, потому что они отвергли признакъ открытаго нападенія на жертву преступленія. Мы сказали тогда (№ 56): „Островлеву, какъ и „Вѣру Засуличъ, и многихъ другихъ преступниковъ и преступницъ, *оправдали въ* „*сущности не присяжные засѣдатели, а* „*тѣ судьи* которые или тенденціознымъ „веденіемъ судебнаго слѣдствія, или лукавою постановкой вопросовъ, или инымъ „способомъ привели присяжныхъ въ необходимость вынести приговоръ несогласный ни съ обстоятельствами дѣла, ни съ „ихъ убѣжденіемъ."

Оказалось что и уголовный Кассаціонный Департаментъ Сената, до котораго дѣло дошло по протесту прокурора, усмотрѣлъ въ образѣ веденія процесса Островлевой со стороны Петербургскаго окружнаго суда нарушеніе существенныхъ правилъ судопроизводства, насиліе надъ убѣжденіемъ присяжныхъ и какъ бы вынужденіе ихъ оправдать виновныхъ, и не только отмѣнилъ этотъ безобразный приговоръ, *но сдѣлалъ суду замѣчаніе* за безобразное веденіе дѣла. Правда, отъ этого безличнаго и не влекущаго за собою никакихъ серіозныхъ послѣдствій *замѣчанія* никому не будетъ ни тепло ни холодно; но хорошо ужь и то что приговоръ отложенъ.

Мы больше всѣхъ возставали противъ судебной неправды которая бросалась въ глаза въ дѣлѣ Островлевой и потому дивимся читая въ *Новомъ Времени* слѣдующую тираду: „это разъясненіе Кассаціоннаго Сената—лучшій урокъ для тѣхъ господъ которые вмѣстѣ съ *Московскими* „*Вѣдомостями* увлекаются мыслью *объ отдачѣ присяжныхъ подъ опеку суда*."

Но *Московскія Вѣдомости* увлекаются мыслію не о томъ чтобъ отдать присяжныхъ подъ опеку суда, а развѣ о томъ чтобы совсѣмъ отъ нихъ избавиться, или же такъ поставить этотъ институтъ чтобъ онъ не былъ насмѣшкой надъ здравымъ

смысломъ и правосудіемъ. Если *Новое Время* находитъ что на правосудіе нашей магистратуры полагаться нельзя, то мы спорить съ нимъ объ этомъ не будемъ; но потому-то и не желателенъ институтъ присяжныхъ въ томъ видѣ какъ онъ введенъ въ наше судопроизводство. Нашъ институтъ присяжныхъ не обезпечиваетъ правосудія ни отъ неспособныхъ, ни отъ недобросовѣстныхъ судей, а напротивъ, благодаря своей безотвѣтственности и непогрѣшимости, служитъ удобнымъ прикрытіемъ всякой несправедливости и фальши. Если предположить что, напримѣръ, въ данномъ случаѣ былъ со стороны судившихъ умыселъ, то именно благодаря присяжнымъ умыселъ этотъ и могъ быть приведенъ въ исполненіе. Никто не могъ бы отъ своего имени постановить столь разительный по своей нелѣпости приговоръ какой былъ навязанъ въ данномъ случаѣ присяжной Пиѳіей. Простой смертный, кто бы онъ ни былъ, или постыдится или побоится сказать отъ своего имени что-либо явно несообразное, а безотвѣтственному оракулу, лишенному всякой совѣсти, хотя и долженствующему представлять собою совѣсть, все возможно.

Судъ присяжныхъ можетъ что-либо значить и чему-либо служить гарантіей только при условіи единогласія. Но именно этого-то условія которое даетъ смыслъ институту присяжныхъ и не дано ему въ нашемъ судоустройствѣ. Этою чертой существенно отличается судъ присяжныхъ въ Англіи, гдѣ онъ есть серіозное дѣло, отъ фальшиваго подобія ему сфабрикованнаго на континентѣ и перешедшаго къ намъ. По примѣру англійскаго учрежденія, вездѣ присяжныхъ полагается числомъ двѣнадцать. Очевидно что приговоръ ихъ можетъ быть дѣломъ совѣсти только при единогласіи. Только при такомъ условіи приговоръ этихъ двѣнадцати человѣкъ въ Англіи и имѣетъ законную силу. Если между двѣнадцатью есть одинъ не согласный, то приговоръ состояться не можетъ. При условіи единогласія, голосъ *каждаго* равенъ *всѣмъ*, и каждый несетъ на себѣ всю нравственную отвѣтственность за приговоръ, и стало-быть *каждый* имѣетъ силу остановить противное его совѣсти рѣшеніе *всѣхъ*.

Но что значитъ приговоръ двѣнадцати человѣкъ тамъ гдѣ для законности приговора вовсе не требуется убѣжденія *каждаго*? Тутъ во многихъ случаяхъ дѣло рѣшается *однимъ*. *Пятеро* высказались за оправданіе, *шестеро* за обвиненіе, и отъ произвола одного зависитъ оправданіе или обвиненіе. Если онъ выскажется за оправданіе, подсудимый будетъ оправданъ, такъ какъ голоса раздѣлятся поровну, а этого, на основаніи 813 ст. Угол. Судопр., совершенно достаточно для оправданія. Если же онъ подастъ свой голосъ за обвиненіе, то обвинительный приговоръ будетъ произнесенъ по большинству голосовъ. Изъ двѣнадцати человѣкъ пятеро или шестеро могутъ даже вовсе воздержаться отъ подачи голоса, такъ какъ они уже никакого не имѣютъ значенія коль скоро изъ остальныхъ шестеро высказались за оправданіе или семеро за обвиненіе.

Вердиктъ нашихъ присяжныхъ засѣдателей есть слѣпая лотерея, которая иногда превращается въ лотерею подложную. Посадите на ихъ мѣсто гадальщицу, поставьте предъ судьями рулетку, и дайте имъ возможность, когда это понадобится, производить „давленіе“ на эти слѣпыя орудія случая, и вы достигнете простымъ и легкимъ способомъ тѣхъ результатовъ которые теперь достигаются съ напрасною тратой времени.

Если нѣтъ особыхъ политическихъ обстоятельствъ среди которыхъ и въ Англіи, какъ теперь по случаю ирландской крамолы, отмѣняется судъ присяжныхъ для извѣстнаго рода преступленій, то, говоря вообще, можно положиться на совѣсть двѣнадцати человѣкъ давшихъ присягу сказать правду, всю правду и только правду. Можно надѣяться что въ числѣ двѣнадцати всегда найдется по крайней мѣрѣ одинъ человѣкъ и обладающій разумѣніемъ и серіозно понимающій долгъ совѣсти. А если такой найдется, то правосудіе нарушено не будетъ, скандала не случится. Имѣетъ ли съ этимъ сходство судъ присяжныхъ какъ онъ практикуется у насъ? Если для приговора не требуется убѣжденія *каждаго* изъ двѣнадцати, то, пользуясь правомъ отвода, можно подбирать искусственно такой составъ присяжныхъ какой требуется въ интересѣ той или другой партіи — только не въ интересѣ правосудія.

Дѣла подобныя тому которое разбиралось 22 марта въ здѣшней судебной Палатѣ совсѣмъ не рѣдкость въ нашей судебной практикѣ. О подкупѣ присяжныхъ были дѣла въ самые первые годы судеб-

ной реформы, и съ тѣхъ поръ повторяются все чаще и чаще. При этомъ не слѣдуетъ забывать что подобнаго рода преступленіе лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ всплываетъ наружу. Это не то что убійство, грабежъ, поджогъ или кража, при коихъ событіе преступленія всегда становится извѣстнымъ, хотя бы виновникъ остался неоткрытымъ. Подкупъ совершается келейно; подкупатель и подкупаемый одинаково имѣютъ интересъ скрыть свою сдѣлку; нужна большая наивность съ обѣихъ сторонъ чтобы допустить постороннихъ свидѣтелей при торгѣ этого рода. Впрочемъ, грязовецкіе крестьяне заключили свою сдѣлку очень открыто. Это типическій образчикъ того съ какою безцеремонностію подкупаются у насъ простачки. Почти всегда дѣйствіе происходитъ въ трактирѣ, на глазахъ у многихъ; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго что только крестьяне-присяжные и попадались до сихъ поръ. Но кто станетъ утверждать что не бываетъ подкуповъ болѣе серіозныхъ и по болѣе утонченнымъ преступленіямъ? Мы знаемъ что существующій у насъ порядокъ составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей самъ по себѣ крайне не удовлетворителенъ, и что въ добавокъ тѣ немногія правила кои установлены закономъ въ видахъ исключенія изъ состава присяжныхъ людей нравственно-неблагонадежныхъ остаются мертвою буквой. Въ списки присяжныхъ включаются всѣ безъ разбору, и нравственная квалификація нашихъ *судей общественной совѣсти* не была бы болѣе гадательною и случайной еслибы для участія въ судѣ просто зазывалось въ судъ извѣстное число людей съ улицы. Можно даже сказать что такая система была бы большею гарантіей противъ подкупа нежели теперешній порядокъ, при которомъ сторонамъ заранѣе извѣстенъ списокъ тридцати человѣкъ, изъ коихъ 12 будутъ его судить. Изъ этихъ 30 подсудимый имѣетъ право отвести шестерыхъ; дѣйствуя по теоріи вѣроятностей, подсудимый долженъ задобрить лишь двѣнадцать человѣкъ, ибо если изъ нихъ только половина попадетъ въ составъ присяжныхъ по его дѣлу, онъ обезпеченъ, такъ какъ шесть голосовъ поданныхъ за подсудимаго рѣшаютъ дѣло въ его пользу. Такимъ образомъ оказывается что совершенно случайный подборъ судей изъ первыхъ встрѣчныхъ служилъ бы, по крайней мѣрѣ отрицательно, большею гарантіей неподкупнаго приговора нежели существующій нынѣ порядокъ, при коемъ положительныхъ гарантій безпристрастія присяжныхъ никакихъ не имѣется. Станетъ ли кто утверждать что никакихъ гарантій и не нужно? Наши либералы станутъ. Они фарисейски преклоняются предъ каждымъ приговоромъ присяжныхъ, какъ бы онъ ни былъ нелѣпъ, и хотя они часто указываютъ на гласность суда и свободу критики, допускаемую относительно судебныхъ приговоровъ какъ на одно изъ преимуществъ нашихъ судебныхъ порядковъ, но это не болѣе какъ лицемѣрная уловка съ ихъ стороны. Наша либеральная журналистика не только никогда не позволяетъ себѣ критиковать дѣйствія суда и въ особенности приговоры присяжныхъ, но накидывается съ яростью на всякаго кто позволяетъ себѣ такую критику. Относительно подкупа присяжныхъ наши либеральные органы ограничиваются простою отмѣткой фактовъ, и до сихъ поръ никто изъ нихъ не задался вопросомъ о томъ достаточно ли ограждено въ этомъ отношеніи правосудіе закономъ?

И въ этомъ отношеніи, повторимъ, единственною серіозною гарантіей послужило бы *единогласіе* вердикта присяжныхъ. Тридцать человѣкъ, собранныхъ случайно вмѣстѣ, изъ разныхъ слоевъ общества, невозможно разомъ склонить къ завѣдомо неправильному мнѣнію, а тѣмъ менѣе подкупить. Въ числѣ тридцати всегда найдется по крайней мѣрѣ половина людей съ совѣстью и со смысломъ; и если въ число двѣнадцати присяжныхъ попадетъ хотя одинъ способный отстоять свое убѣжденіе, то, при условіи единогласія, приговоръ противный интересамъ правосудія не состоится, хотя бы всѣ остальные расположены были покривить душой.

Что касается дѣла о грязовецкихъ присяжныхъ, то московскіе присяжные оправдали ихъ, хотя не было представлено ни одного факта опровергающаго обвиненіе.

Но заговоривъ объ единогласіи присяжныхъ, слѣдуетъ и договорить. Нельзя не признать что единогласіе имѣетъ и оборотную сторону. Попадетъ въ число двѣнадцати одинъ нечестный или одинъ кривотолкъ, и такой, несмотря на единогласіе остальныхъ, можетъ затормозить рѣшеніе дѣла. Затормозить, но не испортить, — и это ужь хорошо. Лучше чтобы не состоял-

ся приговоръ чѣмъ вышелъ бы несправедливый или нелѣпый. Но если при разномысліи не можетъ состояться приговоръ присяжныхъ, то во избѣжаніе напрасныхъ проволочекъ приговоръ могутъ уже въ такомъ случаѣ постановить коронные судьи не прикрываясь безотвѣтственнымъ и непогрѣшимымъ оракуломъ, и приговоръ суда подлежалъ бы аппелляціи въ общемъ порядкѣ. Право аппелляціи было бы несравненно лучшею гарантіей какъ для закона такъ и для подсудимаго чѣмъ присяжная безаппелляціонная лотерея.

№ 92.

Москва, 1-го апрѣля.

Италіянскій министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Манчини, счелъ нужнымъ вновь высказаться публично по вопросу о тройномъ союзѣ между Италіей, Германіей и Австріей. Рѣчь г. Манчини произнесена на этотъ разъ въ италіянскомъ сенатѣ (въ засѣданіи происходившемъ въ середу, 11 апрѣля) и была какъ бы офиціальнымъ итогомъ всѣхъ толковъ о томъ же предметѣ кои возбуждены были его недавнею рѣчью въ палатѣ депутатовъ. Толки и слухи были весьма разнообразнаго свойства, и нельзя сказать чтобъ и теперь было вполнѣ ясно какого рода отношенія установились между тремя державами. Очевидно лишь что для нѣкоторыхъ цѣлей понадобилось выдвинуть на первый планъ этотъ новый тройственный союзъ, всего вѣроятнѣе для того чтобы произвести впечатлѣніе въ Ватиканѣ, предъ упорствомъ котораго князь Бисмаркъ пріостановился послѣ четырехлѣтней настойчивой „культурной борьбы.“

Послѣ первой рѣчи г. Манчини, одна лондонская газета обнародовала самые пункты оборонительнаго и наступательнаго союза заключеннаго будто бы между тремя державами. Сообщеніе это было формально опровергнуто; но при этомъ нѣкоторыя вѣнскія газеты заявили что соглашеніе все-таки облечено въ письменную форму и изложено въ протоколахъ которыми обмѣнялись договорившіеся дипломаты. Вслѣдъ затѣмъ появилась 8 апрѣля извѣстная замѣтка въ *Сѣверо-Германской Газетѣ*, сущность которой была передана по телеграфу лишь вкратцѣ и не вполнѣ точно. Органъ князя Бисмарка, правда, категорически отрицалъ существованіе формальнаго договора, но при этомъ привелъ рядъ аргументовъ, доказывающихъ „логическую необходимость“ оборонительнаго союза между тремя упомянутыми державами „для сохраненія мира.“ Наибольшее впечатлѣніе произвелъ исходный пунктъ этой аргументаціи, что для мира Европы опасность настала бы лишь съ того момента когда во Франціи произошла бы внутренняя перемѣна „выходящая за предѣлы существующаго тамъ нынѣ государственнаго порядка,“ и управленіе перешло бы въ руки лица, или принципа, которые искали бы упроченія своей власти чрезъ воззваніе къ воинственнымъ наклонностямъ Французской націи. Знаменательнымъ показалось то что газета князя Бисмарка сочла нужнымъ повторить теперь тотъ аргументъ въ пользу сохраненія во Франціи республиканскаго порядка и свое несочувствіе стремленіямъ французскихъ монархистовъ который двѣнадцать лѣтъ тому назадъ князь Бисмаркъ высказывалъ въ перепискѣ съ графомъ Арнимомъ. Съ кѣмъ бы ни затѣяла Франція войну, съ Италіей ли или съ Германіей, побѣда Франціи имѣла бы, по мнѣнію берлинской офиціозной газеты, пагубныя послѣдствія для всѣхъ трехъ державъ. Въ случаѣ побѣды надъ Германіей, Италія почувствовала бы надъ собою политическій гнетъ Франціи. При побѣдѣ надъ Италіей, эта послѣдняя попала бы совсѣмъ подъ вліяніе Франціи, и тогда стало бы возможно нападеніе на Австрію соединенными силами Франціи и Италіи, между тѣмъ какъ одна Италія никогда на это не отважится. Изо всего этого слѣдуетъ де что всѣ три державы силою вещей принуждены совокупно заботиться о сохраненіи мира, и оборонять другъ друга отъ нападеній извнѣ на основаніи правила: tua res agitur dum paries proximus ardet. Въ сущности же выходитъ что три державы обезпечиваютъ миръ другъ отъ друга связывая себя взаимно.

Въ рѣчи произнесенной третьяго дня въ сенатѣ, г. Манчини подтвердилъ что между Италіей, съ одной стороны, и Германіей съ Австріей, съ другой, установились „болѣе интимныя отношенія,“ что соглашеніе существуетъ относительно всѣхъ главныхъ вопросовъ, и что благодаря этому „вліяніе Италіи въ европейскомъ ареопагѣ возрастаетъ.“ Г. Манчини коснулся и отношеній между Италіей и Франціей: от-

вергнувъ толки о томъ будто соглашеніе трехъ державъ имѣетъ характеръ враждебно-наступательный противъ Франціи, италіянскій министръ высказался однако противъ колоніальной политики Франціи заявивъ что Италія не допуститъ чтобы Франція дѣлала новые захваты въ Средиземномъ морѣ.

Весьма вѣроятно что рѣшительность съ которою италіянскій министръ высказался противъ французскихъ замысловъ на Средиземномъ морѣ есть послѣдствіе соглашенія по этому предмету съ Германіей и Австріей, кои немного рискуютъ, становясь въ этомъ дѣлѣ на сторонѣ Италіи противъ глубоко приниженной и неспособной на какую бы то ни было энергическую политику Французской Республики.

Откровенныя газеты въ Австро-Венгріи и теперь не скрываютъ своего недовѣрія ко вновь провозглашенному союзу, находя его крайне искусственнымъ. Таковы разсужденія вліятельной мадьярской газеты, *Пештскаго Ллойда*, которая находитъ что искренній союзъ возможенъ между Германіей и Италіей, коихъ интересы нигдѣ не сталкиваются, но что сближеніе Италіи съ Австро-Венгріей возможно не по внутреннему побужденію, а по вынужденію обстоятельствъ, и сопряжено для Италіи съ большимъ самоотреченіемъ. Новѣйшій поворотъ слѣдуетъ де объяснить лишь необходимостью: отношенія между Италіей и Австріей стали принимать въ послѣднее время характеръ далеко недружелюбный, съ одной стороны, вслѣдствіе агитаціи италіянскихъ ирредентистовъ, за которыми стоитъ большинство италіянскихъ патріотовъ, а съ другой, вслѣдствіе интимныхъ отношеній между австрійскимъ дворомъ и Ватиканомъ. Натянутость этихъ отношеній дошла въ послѣднее время до того что Италіи пришлось избирать одно изъ двухъ: либо рѣшиться на открытый разрывъ съ Австріей, либо, и какъ можно скорѣе, сойти съ этого опаснаго пути. Италія избрала послѣднее и примкнула къ Австро-Германскому союзу лишь потому что послѣдній занимаетъ въ настоящее время въ Европѣ господствующее положеніе и имѣть оный противъ себя, въ виду безсилія Франціи, было бы слишкомъ опасно. Итакъ, италіянскіе государственные люди уступили, по мнѣнію венгерской газеты, скорѣе необходимости нежели внутреннему влеченію. „Но," утѣшаетъ себя далѣе *Пештскій Ллойдъ*, „необходимость ведетъ иногда въ политической жизни къ болѣе прочнымъ послѣдствіямъ нежели самая симпатія. Это доказывается лучше всего нашими отношеніями къ Германіи. Нужно было обо многомъ забыть съ обѣихъ сторонъ прежде нежели установилось доброе согласіе, которое перешло затѣмъ въ тѣсное сближеніе. А теперь это сближеніе пользуется и тутъ и тамъ всеобщимъ сочувствіемъ. Быть-можетъ такой же переворотъ совершится со временемъ и въ Италіи."

Однако, кто въ самой Австріи питаетъ непоколебимую вѣру въ прочность Австро-Германскаго союза?

№ 93.

Москва, 2-го апрѣля.

Нѣтъ такого анти-національнаго, вреднаго русскимъ интересамъ дѣла которое не находило бы себѣ у насъ ревностныхъ защитниковъ готовыхъ отстаивать его всячески, не разбирая средствъ. Всякая мѣра въ ущербъ Россіи, словомъ все что можетъ причинить ей вредъ и не выгоды непремѣнно находитъ себѣ горячихъ приверженцевъ и усердныхъ заступниковъ. Это-то и называется у насъ либерализмомъ. Въ нынѣшнее время это особенно ярко выразилось при обсужденіи вопроса о Закавказскомъ транзитѣ; это не могло не обозначиться и по не менѣе важному вопросу о Финляндскихъ привилегіяхъ безпошлиннаго ввоза въ Россію.

Спеціальнымъ органомъ интригъ направленныхъ противъ всякаго русскаго интереса была въ теченіе многихъ лѣтъ газета *Голосъ*. Изданіе *Голоса* пріостановлено, но его вдохновители остались какъ были, а къ ихъ услугамъ, на мѣсто *Голоса* г. Краевскаго, не замедлилъ найтись другой органъ съ двойственною кличкой—*Новости* и *Биржевая Газета*, и съ редакторомъ-издателемъ г. Нотовичемъ. Вслѣдъ за запрещеніемъ газеты г. Краевскаго, г. Нотовичу дано разрѣшеніе выпускать его газету въ двухъ изданіяхъ, изъ которыхъ одно служитъ замѣной запрещеннаго *Голоса*. Тотъ либерализмъ sui generis, которымъ дышала каждая строка *Голоса*, не имѣетъ повода сѣтовать на администрацію. Нуженъ былъ ему предлогъ для укора цензурныхъ властей въ стѣсненіи пе-

чати: этотъ предлогъ ему данъ. Нужно попрежнему продолжать проповѣдь предъ тою же аудиторіей: предоставлена полная къ тому возможность, да еще съ выгодой отдѣлаться отъ массы грязи годами насловившейся на пріостановленной газетѣ. *Голосъ* умеръ, да здравствуютъ *Новости*, въ ихъ осьмнадцатирублевомъ изданіи! Перемѣнилось имя, но осталась сущность.

По вопросу о Закавказскомъ транзитѣ дирижорами либеральнаго оркестра было предоставлено газетѣ *Голосъ* держать первую скрипку. *Новостямъ* г. Нотовича приходилось только вторить своему первенствующему собрату. Теперь, по вопросу о Финляндскихъ таможенныхъ привилегіяхъ, *Новости* въ ихъ новой роли замѣнителя *Голоса* играютъ уже первую скрипку. Въ своемъ № 86, отъ 31 марта, услужливо и съ горячимъ сочувствіемъ воспроизводятъ онѣ изъ „финской чрезвычайно распространенной газеты *Суометаръ*“ почти дословно ту самую по-французски напечатанную статью, о которой мы говорили въ № 79 *Московскихъ Вѣдомостей*, и въ которой Россія сравнивается съ возовою лошадью, а Финляндія съ присѣвшею на нее мухой, тѣ же кто не желали бы видѣть Россію въ положеніи возовой лошади укоряются въ лакейской жадности и завистливости. Гельсингфорскій корреспондентъ „русскихъ“ *Новостей*, г. Майновъ, идетъ при этомъ, однако, еще далѣе финляндскихъ публицистовъ въ выраженіи негодованія противъ нежелающихъ чтобы Русскій народъ несъ барщину на припущенниковъ пріютившихся подъ кровомъ ея могущественной державы: недовольные этою барщиной обзываются уже не Замоскворѣчьемъ и Сундучнымъ рядомъ, но „Мамаями и Тамерланами всякаго прогресса,“ „политическими Держимордами“ стремящимися „съ пѣной у рта предать потоку и разграбленію все путное...“ Куріозно что все это печатается въ *Голосѣ* преобразившемся въ *Новости* уже послѣ того какъ въ газетахъ было сообщено о назначеніи, по Высочайшему повелѣнію, особой коммиссіи для обсужденія вопроса о Финляндскихъ привилегіяхъ.

Читателямъ памятны пріемы какіе употреблялись въ *Голосѣ* чтобы сбить съ толку публику и убѣдить ее что транзитъ и неразрывно связанная съ нимъ контрабанда необходимы будто бы именно въ русскихъ интересахъ. Тѣ же самые пріемы, съ тою же фальшивою игрой въ цифры пущены теперь въ ходъ *Новостями* по Финляндскому вопросу. Прочтите передовую статью въ № 84 этой газеты отъ 29 марта и, подъ общимъ впечатлѣніемъ массы приведенныхъ въ ней цифръ, вы можете подумать что указанія на ущербъ причиняемый русской промышленности финляндскими привилегіями лишены основанія, что въ торговыхъ сношеніяхъ между Россіей и Финляндіей львиная доля выгодъ приходится на долю первой, а немалыя невыгоды на долю второй. Но что окажется если вглядѣться въ цифры изъ которыхъ дѣлается такой выводъ?

Всѣ эти цифры одного пошиба и одной степени вѣрности. Опровергать ихъ всѣ, одну за другою, значило бы только утомлять вниманіе читателей. Но достаточно будетъ и одного примѣра для того чтобы читатель зналъ съ чѣмъ онъ въ данномъ случаѣ имѣетъ дѣло. Возьмемъ безъ выбора самую первую изъ приведенныхъ въ статьѣ цифръ касающихся „цѣнности главнѣйшихъ фабрикатовъ вывезенныхъ въ 1881 году изъ Россіи въ Финляндію.“ Эта цифра 9.031.672 марки, сумма на которую будто бы вывезено *тканей* изъ Россіи въ Финляндію.

Кто станетъ провѣрять эту цифру, кто подумаетъ чтобъ она была выдуманная? 9.031.672 марки, это, при курсѣ марки въ сорокъ копѣекъ кредитныхъ, составляетъ 3.612.668 рублей, а при такомъ отпускѣ русскихъ тканей въ Финляндію странны были бы жалобы на подрывъ русскаго ткачества привозомъ въ Россію финляндскихъ тканей менѣе чѣмъ на 3.100.000 рублей (по нашимъ официальнымъ даннымъ за 1881 годъ). Но развернемъ *Обзоръ Внѣшней Торговли Россіи за 1881 годъ* на 88 страницѣ гдѣ перечислены всѣ виды тканей вывезенныхъ въ томъ году изъ Россіи въ Финляндію, съ показаніемъ ихъ количества и таможенной оцѣнки, и выпишемъ все сюда относящееся:

Вывезено тканей въ Финляндію:

Хлопчато-бумажныхъ .	2.662	пуд.	60.474 р.
Полотна парусного . .	1.869	куск.	22.428 „
„ равентуха .	136	„	1.090 „
Холста.	1.053	арш.	200 „
Разныхъ	7.920	пуд.	110.800 „
Шерстяныхъ издѣлій .	—	„	23.902 „
Сукна	449	„	15.169 „
Итого . .	—		234.063 р.

234.063 р. или 585.157 марокъ, вотъ вся стоимость русскаго отпуска тканей

въ Финляндію, вотъ офиціальная цифра въ замѣнъ которой *Новости* ставятъ внушительную цифру 9.031.672 марокъ или 3.612.668 рублей. И на такого-то рода статистикѣ предлагается основывать сужденіе о значеніи финляндскихъ привилегій для русской промышленности и торговли!

Нѣтъ, еслибы финляндскіе магазины на самомъ дѣлѣ были такъ переполнены русскими тканями какъ въ томъ стараются увѣрить и тамошніе, и петербургскіе защитники финляндскихъ таможенныхъ привилегій, едва ли появилось бы въ газетахъ куріозное по формѣ воззваніе гг. Братьевъ Улвныхъ въ Гельсингфорсѣ къ господамъ фабрикантамъ суконъ и касторовъ о желаніи „получать сукна и касторы изъ фабрикъ Россіи, а также женскія платяныя матеріи, холстяные и другіе товары.“ Прежде такихъ объявленій что-то не появлялось, а появилось таковое какъ разъ въ ту пору когда возникъ вопросъ о Финляндскихъ привилегіяхъ и когда начались усиленныя старанія выставить Финляндію будто бы большою охотницей до русскихъ фабрикатовъ и будто бы потребительницей ихъ на крупныя суммы.

Куріозенъ отзывъ газеты *Новости* объ отношеніи Министерства Финансовъ къ вопросу о Финляндскихъ привилегіяхъ. „Министерство Финансовъ,“ читаемъ въ этой газетѣ, „считаетъ себя *вынужденнымъ* предложить Финляндскому Сенату ограниченіе безпошлиннаго ввоза изъ Финляндіи проволочнаго желѣза, для устраненія съ ея стороны спекуляціи въ этой отрасли промышленности и въ виду повышенія пошлины на желѣзо этого рода въ Россіи.“ Итакъ, въ виду застоя русскаго проволочнаго производства причиняемаго подрывомъ со стороны привилегированной финляндской контрабанды, Министерство дѣлаетъ шаги къ тому чтобы сколько-нибудь ослабить ея вредное вліяніе не по собственному побужденію, а по какому-то *вынужденію*. Что другое хотѣли сказать *Новости* своею вышеприведенною фразой? Или, можетъ-быть, тутъ имѣлось въ виду намекнуть Финляндцамъ, будьте де спокойны, Министерство Финансовъ на вашей сторонѣ и если что и сдѣлаетъ въ пользу русской промышленности, то лишь по принужденію?

№ 95.

Москва, 4-го апрѣля.

А.

Германскій парламентъ весьма внимательно, статью за статьей, обсуждаетъ теперь проектъ измѣненія устава о промыслахъ. Пренія рейхстага представляютъ любопытныя данныя для характеристики нѣмецкаго быта въ послѣднее время; но въ нихъ найдется не мало такого что можно принять къ свѣдѣнію и намъ.

Въ проектированныхъ правительствомъ измѣненіяхъ интересны мѣры направленныя къ поддержанію нравственности. Требуется чтобы на устройство всякаго рода такъ-называемыхъ „концертовъ“, „чтеній“ и зрѣлищъ въ ресторанахъ, трактирахъ и другихъ подобныхъ заведеніяхъ, содержатели ихъ брали особое промысловое свидѣтельство, заручившись предварительно выдаваемымъ *условно*, то-есть съ правомъ взять назадъ, разрѣшеніемъ полиціи. Полиція же, давая разрѣшеніе, обязана обращать вниманіе на нравственныя качества искателя, на помѣщеніе его заведенія и на то чтобы число выдаваемыхъ разрѣшеній соотвѣтствовало населенію той общины гдѣ живетъ искатель. „Излишнее развитіе подобныхъ заведеній, сказалъ въ палатѣ представитель правительства, ведетъ только къ развитію кутежей и мотовства молодежи, на что жалуются, какъ видно изъ поданныхъ петицій, многіе родители. Помимо того, всѣ подобныя зрѣлища, *не служащія высшимъ цѣлямъ искусства*, дѣйствуютъ крайне развратительно и должны быть ограничены до послѣдней возможности;“ „хотя бы даже въ тѣхъ только видахъ, добавилъ одинъ изъ ораторовъ, чтобъ избавиться отъ развитія въ странѣ художественнаго пролетаріата.“ Въ тѣхъ же видахъ подвергается надзору уличное пѣніе и комедіантство. Обращено вниманіе и на торговлю ходебщиковъ. Въ Германіи ихъ насчитывается теперь чуть не до двухъ сотъ тысячъ. Число ихъ въ послѣднія десять лѣтъ удвоилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился и характеръ дѣятельности. Въ прежніе годы, эти люди торговали только полезными для населенія предметами, и въ иныхъ мѣстностяхъ Германіи считались людьми положительно необходимыми. Теперь обратно: товаръ ходебщиковъ составляютъ вещи по преимуществу заманчивыя; торговля основывается

на соблазнѣ и обманѣ, которымъ новыя правила полагаютъ конецъ. Ходебщикамъ не позволяется торговать ни процентными бумагами, ни лотерейными билетами; въ числѣ товаровъ не можетъ быть золотыхъ и серебряныхъ вещей, ношенаго платья и лѣкарствъ. Скупать и вымѣнивать старое серебро и золото точно также запрещается. Устранены вообще способы и средства выманиванья денегъ у крестьянъ, главныхъ покупателей у ходебщиковъ.

Еще большее вниманіе обращено правительствомъ на разносную торговлю произведеніями печати, книгами и картинами. „Злоупотребленія этихъ торгашей, замѣтилъ правительственный коммиссаръ Бёдикеръ, вопіющія. Правительство вынуждено обратить особое вниманіе на книжный кольпортажъ, котораго не водилось до 1869 года, теперь же необходимо ограничить его.“ Въ принципѣ съ этимъ соглашались въ палатѣ всѣ; разногласіе возникло только о способѣ и размѣрѣ ограниченій. Правительство находило возможнымъ допустить разносную продажу библій, духовнонравственныхъ книгъ, календарей и учебниковъ. Нѣкоторые пошли дальше. Депутатъ Гертлингъ не затруднился, напримѣръ, внести предложеніе о совершенномъ запрещеніи книжнаго кольпортажа, находя что причиняемый имъ вредъ далеко превосходитъ пользу. „Чѣмъ торгуютъ ходебщики?“ спросилъ онъ: „произведенія серіозной литературы держатся ими только для вида. Ихъ главный товаръ — соблазнительная картинка, безнравственный романъ, а между тѣмъ главными покупателями ходебщиковъ школьники, крестьяне и городская прислуга.“ Парламентская коммиссія обсуждавшая законопроектъ точно также обратила вниманіе на необходимость запрещенія разносной торговли „безнравственными и неудобными въ религіозномъ отношеніи книгами и картинами.“ Нѣсколько иначе посмотрѣли на дѣло либералы. Ихъ испугало не только запрещеніе, но даже ограниченіе книжной разносной торговли. Но по какимъ соображеніямъ? Въ Германіи, доказывалъ депутатъ Каппъ, имѣется де 5.846 книгопродавческихъ фирмъ изъ коихъ 1.079 существуютъ единственно разносомъ. Всякое сокращеніе этой торговли подорветъ де ихъ обороты, а вмѣстѣ уронитъ литературный гонораръ. Возраженіе въ томъ смыслѣ что большое число фирмъ существующихъ разносною торговлей книгъ сомнительнаго достоинства, и даже положительно безнравственныхъ, доказываетъ только „великіе размѣры существующаго зла,“ и что книжная торговля ничего не потеряетъ, а литература выиграетъ, если изъ оборота будутъ изъяты произведенія остающіяся за барьеромъ литературы, на либераловъ не подѣйствовало. Они составляли на этотъ разъ нѣкоторое большинство въ палатѣ, и имъ удалось провести поправку г. Баумбаха воспрещающую только продажу „книгъ съ выигрышами“ вещами и деньгами. Отъ первоначальнаго проекта осталось однако требованіе чтобы торгующій книгами въ разносъ имѣлъ при себѣ ихъ списокъ, утвержденный властями его постояннаго мѣстожительства. Въ этомъ положеніи вся сила. Власти могутъ утвердить и не утвердить представленную „накладную“ товара, руководясь при этомъ закономъ о мѣрахъ противъ соціалистовъ, воспрещающимъ всякое произведеніе „вредное для государства, общества, религіи и нравственности.“

Доктринеры либерализма, отцы анархистовъ, требуютъ какъ въ экономической сферѣ, такъ и въ дѣлѣ общественной нравственности, бездѣйствія правительства. Съ точки зрѣнія этихъ ученій всякому предоставляется свободно дѣйствовать, только не правительству. Зачѣмъ же, спрашиваютъ анархисты, зачѣмъ же и нужно правительство: долой его! Анархія есть прямое и вѣрное заключеніе изъ посылокъ того либерализма который полагаетъ требованія прогресса и свободы не въ улучшеніи, а въ упраздненіи правительства.

Б.

Противъ Франціи союзы заключаются, — а что во Франціи теперь дѣлается?

Послѣ шумныхъ дней уличнаго бунта 9 и 11 марта настало затишье по случаю пасхальной вакаціи. Обыкновенно депутаты пользуются временемъ вакацій чтобы дать отчетъ своимъ избирателямъ о своей дѣятельности или чтобы заручиться ихъ платоническимъ сочувствіемъ въ предстоящихъ парламентскихъ походахъ. На этотъ разъ подготовительная агитація имѣла болѣе серіозный характеръ, обусловленный крупными событіями волновавшими палаты въ теченіе января и февраля.

Сенатъ дважды отвергъ принятый палатой законопроектъ объ изгнаніи принцевъ. Столкновеніе было неизбѣжно, но его обошли при помощи президентскаго декрета 24 февраля. Декретъ, опираясь на монархистскій законъ 1839 года, изгналъ принцевъ не изъ страны, а изъ арміи. Такимъ образомъ, конфликтъ былъ устраненъ, но его *обошли*, а не разрѣшили. Фактъ столкновенія не остался безъ послѣдствій; но палата поняла что въ сенатѣ она имѣетъ опаснаго противника ея бойкимъ и запальчивымъ законодательнымъ предначертаніямъ, и ея большинство, ставшее почти радикальнымъ со смертію Гамбетты, рѣшилось отдѣлаться отъ сената. И вотъ, не возбуждавшія дотолѣ сочувствія палаты предложенія гг. Андріё и Бароде о пересмотрѣ конституціи выдвинулись на первый планъ. Программа пересмотра заключавшаяся въ этихъ предложеніяхъ вовсе не была симпатична большинству, въ особенности программа г. Андріё; но сила не въ программахъ: нужно только добиться постановки вопроса о пересмотрѣ на очередь. Когда формировалось министерство Ферри, новому кабинету навязывался пересмотръ конституціи и - если вѣрить органамъ правой —подъ этимъ условіемъ кабинету обѣщалась поддержка со стороны всемогущаго большинства. Г. Ферри обѣщалъ. Но когда предложеніе гг. Андріэ и Бароде пошло на обсужденіе, г. Ферри заявилъ о несвоевременности пересмотра „въ виду недавнихъ эпизодовъ горячей борьбы между двумя палатами.“ Онъ совѣтовалъ прежде заняться подготовкой избирателей въ этомъ смыслѣ ко времени новыхъ выборовъ. Тогда политическіе вожаки лѣвой и центра поняли что ихъ обошли и, воспользовавшись мыслію Ферри о подготовкѣ избирателей, основали *лигу пропаганды пересмотра конституціи*. Лига эта сформировалась въ формѣ ассоціаціи, не ожидая законодательнаго разрѣшенія вопроса объ ассоціаціяхъ, включивъ въ свой составъ и депутатовъ, и эксъ-депутатовъ, и сенаторовъ лѣвой, и лицъ вліятельныхъ изъ департаментовъ.

Въ три короткія засѣданія лига выработала себѣ программу. Рѣшено было воспользоваться вакаціоннымъ временемъ и разъѣхавшись по провинціямъ рядомъ рѣчей поднять движеніе въ глубокихъ массахъ провинціальной Франціи и волнами этого движенія опрокинуть сопротивленіе пересмотру, встрѣченное въ іезуитствующемъ министерствѣ и упрямомъ консервативномъ сенатѣ. Какъ разъ въ это время начиналась очередная сессія генеральныхъ департаментскихъ совѣтовъ. Члены лиги помчались въ провинцію и рядомъ краснорѣчивыхъ фейерверковъ пущенныхъ предъ генеральными совѣтами пытались добиться постановленій, въ которыхъ выражалось бы страстное желаніе наискорѣйшаго пересмотра конституціи.

Но судьба посмѣялась надъ радикалами-политиками. Генеральные совѣты отвергли предложенія членовъ лиги, за исключеніемъ трехъ-четырехъ совѣтовъ, которые отослали эти предложенія въ спеціальныя коммиссіи. Чѣмъ обусловливается эта неудача стараній лиги, компрометтирующимъ ли участіемъ въ ней роялистовъ, или нежеланіемъ совѣтовъ нарушить законъ воспрещающій имъ заявлять въ своихъ постановленіяхъ тѣ или другія политическія требованія? Вѣрнѣе послѣднее: на это есть указаніе въ мотивированномъ постановленіи Нимскаго генеральнаго совѣта. Оно гласитъ: „Принимая во вниманіе что законъ воспрещаетъ генеральнымъ совѣтамъ выраженіе политическихъ желаній, генеральный совѣтъ, желая подать примѣръ уваженія къ закону и полагаясь на министерское заявленіе утвержденное палатой, постановляетъ простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ.“

Впрочемъ, идея необходимости пересмотра нашла себѣ сочувственный пріемъ въ одномъ изъ провинціальныхъ политическихъ центровъ, именно въ Ліонѣ. Не мудрено что тамъ лига пересмотра конституціи могла имѣть успѣхъ: тамъ даже интернаціоналка пользуется большимъ почетомъ, почему и избрала своею резиденціей это старое гнѣздо революціонныхъ дрожжей... Такимъ образомъ попытка радикаловъ обратиться съ воззваніемъ къ странѣ и опираясь на исполинское Панургово стадо произвести давленіе на палаты—не удалась. Утомленная безконечными и безплодными парламентскими бурями, потерявъ вѣру въ своихъ болтуновъ (*самъ* Клемансо потерпѣлъ фіаско въ генеральныхъ совѣтахъ), страна осторожно и недовѣрчиво отнеслась къ ихъ новому проекту генеральной ломки послѣднихъ тормазовъ, и дала имъ внушительный, хотя и совершенно безполезный, урокъ уваженія къ законамъ той конституціи кото-

рую они такъ усердно стараются разорвать для замѣны ея „конституціей легальной анархіи…“

Маленькій парижскій парламентъ, именуемый муниципальнымъ совѣтомъ, затѣялъ со своей стороны маленькую реформу, которая могла бы содѣйствовать процвѣтанію Франціи. Одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ совѣта, трибунъ уличной черни, г. Жофренъ, предложилъ возстановить пресловутую національную гвардію 1871 года. По тщательномъ разсмотрѣніи предложенія остроумнаго совѣтника, бюро муниципальнаго совѣта передало новый законопроектъ на разсмотрѣніе спеціальной коммиссіи. Коммиссія одобрила предложеніе большинствомъ шести голосовъ противъ двухъ, и назначила краснорѣчиваго докладчика для проведенія спасительнаго законопроекта въ совѣтѣ.

Въ то же время г. Жофренъ, подражая парламентскимъ членамъ „лиги пересмотра,“ затѣялъ агитацію въ средѣ парижской сволочи и рядомъ собраній *парижскаго* уличнаго парламента пропагандируетъ необходимость возстановленія національной гвардіи, увѣряя что эта парижская пугачевщина уничтожитъ вредное вліяніе буржуазіи на дѣла Франціи и замѣнитъ собою вредную регулярную армію, существующую исключительно для поддержанія „протухлаго общества.“

Г. Жофренъ добился въ своей агитаціи лучшихъ результатовъ чѣмъ гг. Клемансо, Камиллъ Пельтанъ и К°., и если новые выборы будутъ также удачны какъ замѣна умершаго белльвильскаго депутата проходимцемъ Кшижановскимъ (Лакруа), и избраніе въ депутаты отъ Ліона анархиста Бріалу, то можно надѣяться что законопроектъ Жофрена изъ муниципальнаго совѣта перейдетъ въ палату, и агитаторы пересмотра конституціи, опираясь на національную гвардію, заставятъ замолчать послѣднихъ Могиканъ политическаго здравомыслія, и снова настанутъ славные дни марта 1871 года, и долго бездѣйствовавшіе ex-коммунники снова займутъ принадлежавшее имъ мѣсто въ „великой соціальной республикѣ…“

№ 96.

Москва, 5-го апрѣля.

Какъ въ дѣлѣ военной обороны стали невозможными прежнія кремневыя ружья, и необходимость привела къ замѣнѣ ихъ сперва пистонными, а затѣмъ казнозарядными разныхъ системъ; какъ въ дѣлѣ сообщеній прежнія эстафеты замѣнились телеграммами, и для гужевыхъ способовъ передвиженія и перевозки стала невозможною конкурренція съ желѣзными дорогами: такъ и хлѣбной торговлѣ нельзя оставаться при прежнихъ пріемахъ. Неудовлетворительность несоотвѣтствующихъ времени и обстоятельствамъ пріемовъ въ нашей хлѣбной торговлѣ признана всѣми и стала общимъ мѣстомъ. Даже столь мало компетентное въ промышленныхъ и торговыхъ дѣлахъ собраніе какъ прошлогодній промышленный съѣздъ въ Москвѣ поняло необходимость вывести нашу хлѣбную торговлю на новую дорогу.

Самый серіозный конкуррентъ нашъ въ хлѣбной торговлѣ есть Америка. Успѣшно бороться съ нею можно лишь равнымъ съ ней оружіемъ, при тѣхъ же условіяхъ какія созданы ею для этой торговли. Практикой нашихъ заатлантическихъ конкуррентовъ выработана особая такъ-называемая складочно-варрантная система хлѣбной торговли, съ усовершенствованными приспособленіями нагрузки и выгрузки хлѣба, его сортировки, храненія, провѣтриванья и удешевленной перевозки въ ссыпную. Достоинство этой системы заключается и въ уменьшеніи разницы между цѣнами хлѣба для производителей и потребителей, такъ что для первыхъ онѣ повышаются, а для вторыхъ понижаются, и вообще въ улучшеніи условій хлѣбнаго сбыта предоставленіемъ продавцу возможности пользоваться широкимъ кредитомъ подъ непроданный еще хлѣбъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ что введеніе подобной системы въ Россіи было бы дѣломъ въ высшей степени полезнымъ, что система эта, примѣненная правильно, могла бы одновременно и увеличить выгоды хлѣбопашества, и усилить сбытъ хлѣба его удешевленіемъ. Будь эта система введена у насъ ранѣе, страна гораздо легче переживала бы кризисъ причиненный начавшимся съ минувшаго августа застоемъ въ хлѣбной торговлѣ. Задержки въ

сбытѣ хлѣба не вели бы къ столь тяжкому безденежью какъ въ послѣднее полугодіе еслибъ имѣлись склады куда можно было бы ссыпать хлѣбъ, пользуясь до его продажи возможностью получать ссуды подъ варранты. Но введеніе складочно-варрантной системы требуетъ, конечно, не малыхъ средствъ какъ на устройство обширныхъ хлѣбныхъ магазиновъ и разныхъ приспособленій, такъ и на составленіе складочнаго капитала для варрантныхъ ссудъ: въ этомъ и заключается, можно сказать, главная трудность дѣла, которую впрочемъ едва ли можно считать непреодолимою въ странѣ нашедшей средство для постройки желѣзнодорожной сѣти болѣе чѣмъ въ двадцать тысячъ верстъ. Всѣ эти соображенія такъ просты что предложенный Министерствомъ Финансовъ вопросъ о средствахъ для успѣшной борьбы съ американскою конкурренціей, по сбыту русскихъ сельско-промышленныхъ продуктовъ на иностранныхъ торговыхъ рынкахъ, прямо вызываетъ тотъ отвѣтъ который данъ былъ общимъ собраніемъ прошлогодняго промышленнаго съѣзда въ слѣдующей его резолюціи:

„Одною изъ важнѣйшихъ мѣръ для борьбы съ американскою конкурренціей слѣдуетъ признать устройство складовъ, съ приспособленіями для механической нагрузки и выгрузки товаровъ (элеваторы), въ важнѣйшихъ мѣстахъ отправленія грузовъ, въ узловыхъ станціяхъ, равно какъ на пристаняхъ и пограничныхъ пунктахъ; а настоятельность этой мѣры заставляетъ желать возможно скораго осуществленія такихъ предпріятій. Необходимо чтобы рядомъ съ устройствомъ подобныхъ складовъ привилась и укоренилась на практикѣ перевозка хлѣба въ ссыпную. Въ виду общегосударственнаго значенія указываемаго предпріятія складовъ, которое потребуетъ значительнаго капитала и исполнить которое не въ силахъ одна частная предпріимчивость, желательно чтобы правительство приняло его подъ свое покровительство и оказало необходимое содѣйствіе такому важному дѣлу.“

Частная предпріимчивость, однакоже, какъ намъ пишутъ изъ Петербурга, беретъ на себя это дѣло общегосударственнаго значенія, находя возможнымъ обойтись безъ матеріальнаго содѣйствія отъ казны. Проектируется большое акціонерное общество съ собственными крупными средствами, достаточными для исполненія задуманнаго широкаго дѣла. Учредителями общества, какъ намъ пишутъ, состоятъ русскія лица извѣстныя по своему общественному положенію и матеріальнымъ средствамъ, при участіи американскихъ капиталистовъ. Проектъ устава предполагаемаго акціонернаго общества уже готовъ, и на дняхъ ожидаютъ пріѣзда въ Петербургъ американскихъ уполномоченныхъ, съ прибытіемъ коихъ дѣлу данъ будетъ надлежащій ходъ.

Итакъ, Американцы приглашаются помочь намъ въ дѣлѣ конкурренціи съ Американцами. Безъ ихъ содѣйствія будто бы невозможно обойтись, такъ какъ на предполагаемое обширное предпріятіе потребуются многіе десятки милліоновъ рублей. Разчитывается что Американцы, затрачивая на это дѣло свои капиталы, приложатъ къ нему пріобрѣтенныя ими на практикѣ знанія и опытность. Это хорошо; но если Американцы будутъ главными вкладчиками въ акціонерный капиталъ, если они вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ опытные практики, будутъ главными руководителями и распорядителями въ предпріятіи, то невольно возникаетъ сомнѣніе какъ бы услуга Американцевъ русскому хлѣбному дѣлу не получила на практикѣ такого же характера какъ и услуга оказанная г. Уайненсомъ Николаевской желѣзной дорогѣ, услуга отъ которой пришлось потомъ откупаться слишкомъ дорогою цѣной...

Дѣло къ участію въ коемъ приглашаются нынѣ Американцы несравненно важнѣе того которое нѣкогда было поручено г. Уайненсу, и тѣмъ необходимѣе дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ какъ можно осмотрительнѣе и осторожнѣе. При складочно-варрантной системѣ, все дѣло кредита въ хлѣбной торговлѣ будетъ въ значительной мѣрѣ зависѣть отъ устроителей и распорядителей. Могущественная акціонерная компанія, владѣющая обширною сѣтью варрантныхъ складовъ на всѣхъ узлахъ желѣзныхъ дорогъ, во всѣхъ портахъ и другихъ средоточіяхъ хлѣбнаго торга, и имѣющая въ своемъ распоряженіи всѣ улучшенныя средства передвиженія хлѣба изъ любаго пункта въ другой, можетъ стать въ Россіи огромною монопольною силой, которая будетъ держать въ своихъ рукахъ главныя нити хлѣбной торговли. Такая сила можетъ быть весьма благодѣтельною, но можетъ стать и вредною, и, полагаемъ, не

мѣшаетъ серіозно поразмыслить прежде чѣмъ отдать ее какой бы то ни было компаніи, особенно же составленной преимущественно изъ иностранцевъ. Можетъ-быть изложенныя сейчасъ опасенія преувеличены и неосновательны, но желательно чтобъ они были совершенно устранены прежде чѣмъ отдать дѣло имѣющее столь великую важность для всей русской хлѣбной торговли въ руки первой компаніи пожелавшей взять на себя его эксплуатацію. Складочно-варрантная система со всѣми ея приспособленіями можетъ устроиться и безъ американскихъ капиталовъ. Варрантное дѣло очень выгодно и можетъ давать крупные дивиденды, а это позволяетъ разсчитывать что для организаціи его найдутся и русскіе капиталы, соединенные не въ одну, а можетъ-быть въ нѣсколько компаній и товариществъ, которыя, конечно, не затруднятся пригласить къ себѣ на службу опытныхъ американскихъ спеціалистовъ для устроенія технической стороны дѣла. Какъ замѣчено выше, предпріятіе, о которомъ рѣчь, имѣетъ не просто коммерческое, но государственное значеніе, и какъ таковое, оно едва ли безо всякихъ неудобствъ могло бы быть отдано безусловно въ частныя руки съ устраненіемъ участія въ немъ правительства. Можетъ-быть наоборотъ было бы лучше чтобъ инипіатива этого дѣла исходила отъ правительства, и чтобы въ его же рукахъ оставалось главное руководство имъ. Затраты на это дѣло въ видѣ ссудъ и субсидій оправдывались бы его несомнѣнною пользой, можетъ-быть въ большей мѣрѣ чѣмъ всякія другія затраты казны по устроенію рельсовой сѣти.

Впрочемъ, подробности задуманнаго предпріятія еще неизвѣстны, а только по подробностямъ и можно будетъ судить о значеніи предпріятія и характерѣ какой оно можетъ усвоить. Во всякомъ случаѣ, однако, желательно чтобы новое предпріятіе обратило на себя вниманіе всѣхъ кого оно можетъ касаться, и чтобъ оно подверглось обсужденію между хлѣбными торговцами и производителями хлѣба. Не на комъ другомъ какъ на нихъ можетъ отозваться всякая ошибка въ уставѣ подобной компаніи, и едва ли желательно чтобъ этотъ уставъ явился для нихъ сюрпризомъ.

№ 97.

Москва, 6-го апрѣля.

А.

Англійскія газеты переполнены извѣстіями о зловѣщихъ динамитныхъ открытіяхъ послѣднихъ дней. Многіе столбцы большихъ политическихъ органовъ посвящены подробнѣйшимъ описаніямъ пойманныхъ личностей, ихъ квартиръ и всего что̀ въ нихъ найдено; сообщаются до мельчайшихъ подробностей всѣ факты служащіе къ уликѣ арестантовъ. Полиція пользуется газетною гласностью; сообщаетъ, напримѣръ, о найденныхъ предметахъ, вывѣшиваетъ на людныхъ пунктахъ фотографическіе снимки и приглашаетъ публику опознавать ихъ и доставлять полиціи свѣдѣнія о личностяхъ у которыхъ они видѣли эти вещи въ послѣднее время. Зато нѣкоторые свидѣтели подверглись формальной осадѣ со стороны репортеровъ мелкой печати, спѣшившихъ какъ можно скорѣе въ своихъ личныхъ интересахъ добыть свѣдѣнія интересовавшія публику; газетные „допрощики“ не давали имъ покоя ни днемъ, ни ночью. Вслѣдствіе этого полиція заявила что имена свидѣтелей, коихъ показанія навели полицію на слѣдъ преступниковъ, не будутъ болѣе оглашаемы, дабы оградить ихъ отъ назойливости газетныхъ репортеровъ.

Подслѣдственныхъ арестантовъ содержатъ обыкновенно въ Лондонѣ въ полицейскихъ участкахъ, и они могутъ быть заключены въ тюрьму лишь послѣ того какъ состоялось опредѣленіе о преданіи ихъ суду. Но содержаніе недавно задержанныхъ динамитчиковъ въ полицейскомъ арестномъ домѣ внушало нѣкоторое опасеніе, въ виду того что эти дома расположены среди тѣсныхъ улицъ и можно было опасаться какой-либо отчаянной попытки къ освобожденію арестованныхъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ далъ, помимо суда, приказъ о переводѣ арестантовъ въ Миллъбанкскую тюрьму на берегу Темзы, коей „крѣпостныя стѣны, какъ замѣчаетъ *Times*, служатъ достаточно надежнымъ оплотомъ противъ какихъ бы то ни было отчаянныхъ покушеній.“

Но всего замѣчательнѣе какъ быстро умѣетъ дѣйствовать, самъ по себѣ тяжеловѣсный, законодательный аппаратъ въ

Англіи, когда того требуетъ безопасность государства. Не объ огражденіи привилегій „правоваго порядка" заботятся въ это время законодательные органы, а о томъ чтобы какъ можно болѣе способствовать энергическому дѣйствію власти. Это всего лучше подтвердилъ принятый на дняхъ парламентомъ билль объ усиленіи наказаній за фабрикацію и храненіе съ преступною цѣлью взрывныхъ веществъ. По старому закону, дѣйствовавшему въ Англіи до послѣдней недѣли, высшею мѣрой наказанія, коему могли подвергнуться пойманные въ Лондонѣ, Глазго, Бёрмингамѣ и другихъ городахъ злодѣи, не успѣвшіе привести свой умыселъ въ исполненіе, благодаря энергическимъ розыскамъ полиціи, было бы двухгодичное тюремное заключеніе (если бы не было доказано участіе этихъ преступниковъ въ государственномъ заговорѣ). Нужно было вооружить власть болѣе сильными карательными средствами и притомъ съ такою поспѣшностью чтобы злодѣи не ускользнули отъ болѣе строгой кары. Извѣстно какой сложный путь проходитъ при парламентскомъ порядкѣ каждое мѣропріятіе, прежде нежели оно получаетъ силу закона. Билль вносимый въ нижнюю палату долженъ пройти „три чтенія" и голосованія, изъ коихъ одно *въ комитетскомъ порядкѣ*, причемъ обсуждаются подробности билля, сопровождаемыя еще особенными формальностями: спикеръ уступаетъ свое мѣсто особо избранному президенту; палата превращается въ комитетъ. Пренія могутъ быть затянуты до безконечности, какъ доказывали недавніе примѣры. Билль принятый палатой общинъ вносится въ палату лордовъ, гдѣ онъ подвергается той же процедурѣ троекратнаго обсужденія и голосованія; а послѣ принятія обѣими палатами новый законъ представляется на утвержденіе королевы. О королевской санкціи сообщается оффиціально палатѣ лордовъ въ присутствіи депутаціи отъ палаты общинъ со спикеромъ во главѣ, и лишь съ этого момента новый законъ вступаетъ въ силу.

Вся эта процедура была продѣлана въ одинъ день, или вѣрнѣе *въ одинъ вечеръ*, 9 апрѣля, въ который былъ внесенъ и утвержденъ билль объ усиленіи наказаній за самовольную выдѣлку и храненіе у себя взрывныхъ веществъ. Билль внесенъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, сэръ-Вильямомъ Гаркортомъ, потребовавшимъ чтобы палата общинъ приняла оный къ обсужденію *внѣ очереди*. Согласіе на это было изъявлено тотчасъ же, всѣ три чтенія прошли непрерывно одно за другимъ, почти безъ преній и билль принятъ былъ при знакахъ одобренія обѣихъ партій. Вслѣдъ затѣмъ билль, утвержденный палатой общинъ, былъ внесенъ въ палату лордовъ; глава *консервативной* партіи, лордъ Солсбери, счелъ нужнымъ высказать нѣсколько *либеральныхъ* возраженій противъ билля, находя оный слишкомъ суровымъ и несогласнымъ съ традиціонными пріемами англійскаго судопроизводства. Но эти возраженія были сдѣланы лишь для очистки оппозиціонной совѣсти и для соблюденія парламентскаго декорума. Правительство ограничилось весьма краткимъ, хотя и очень энергическимъ опроверженіемъ торійскаго либерализма, и билль былъ утвержденъ безъ формальнаго раздѣленія голосовъ. А на другой день палата лордовъ выслушала королевское сообщеніе объ утвержденіи билля.

Вотъ какъ умѣютъ дѣйствовать въ Англіи когда интересы англійскаго государства нуждаются въ дѣйствіи.

Содержаніе самаго билля заключается въ общихъ чертахъ въ слѣдующемъ: Всякое покушеніе произвести взрывъ, а также фабрикація или храненіе взрывныхъ веществъ съ преступною цѣлію, даже если не послѣдовало отъ этого никакихъ вредныхъ послѣдствій, наказывается каторжною работой до 20 лѣтъ. Производство и храненіе взрывныхъ веществъ, въ томъ случаѣ если обвиняемый не можетъ доказать что у него не было преступной цѣли, наказываются тюремнымъ заключеніемъ сопряженнымъ съ тяжкими работами отъ 2 до 14 лѣтъ. Всякое содѣйствіе, пособничество и укрывательство виновниковъ взрыва или покушенія на оный, будетъ ли то чрезъ денежное пособіе, чрезъ предоставленіе помѣщенія или инымъ способомъ, наказываются въ одинаковой мѣрѣ какъ непосредственное участіе въ преступленіи.

Тотъ же билль содержитъ нѣсколько новыхъ постановленій касательно расширенія полномочій власти при арестѣ обвиняемыхъ, а также по предмету обысковъ на судахъ и въ домахъ. Замѣчательно постановленіе о томъ что по дѣламъ о взрывахъ и приготовленіяхъ къ онымъ никто не имѣетъ права уклониться отъ явки на судъ для дачи показаній и не освобо-

ждается отъ обязанности давать показанія, хотя бы вопросы предлагаемые свидѣтелю клонились къ изобличенію его самого.

Право свидѣтеля уклоняться отъ дачи такихъ показаній которыя могутъ обратиться во вредъ ему считается непреложнымъ принципомъ шаблонной судебной доктрины. Оно внесено въ видѣ безусловнаго правила и въ нашъ Уставъ Уголовнаго Судопроизводства. Воображаемъ какую бурю вызвало бы въ средѣ нашихъ либеральныхъ поборниковъ „состязательнаго процесса“ что-либо въ родѣ ограниченія упомянутаго правила. Въ Англіи же такое ограниченіе предложено и принято „либеральною“ партіей.

Б.

4 апрѣля, какъ сообщено въ газетахъ, въ Государственномъ Совѣтѣ обсуждались проекты новыхъ законоположеній по управленію Кавказомъ. По этому поводу, въ Петербургѣ, между прочимъ, говорятъ за вѣрное будто князь Дондуковъ-Корсаковъ ходатайствуетъ о предоставленіи ему права разрѣшать безпошлинный ввозъ иностранныхъ издѣлій для чиновниковъ. Трудно повѣрить этому, ибо такое исключительное право могло бы породить массу злоупотребленій, и подъ видомъ товаровъ идущихъ безпошлинно для чиновниковъ Кавказъ могъ бы наводниться контрабандой. Въ томъ что спеціально чиновничій интересъ, и въ Закавказьѣ, и въ Петербургѣ, и гдѣ угодно, требуетъ безпошлиннаго привоза иностранныхъ товаровъ не можетъ быть сомнѣнія: это для канцелярскаго люда то же что прибавка къ жалованью. Но странно было бы рѣшать государственные вопросы съ такой точки зрѣнія. Лучше просто и прямо повысить получаемые чиновниками оклады, если они не достаточны, чѣмъ портить, въ пособіе имъ, законодательныя мѣры, дѣлая въ нихъ лазейки для контрабанды.

Возникновеніе слуха объ этой новой контрабандной лазейкѣ какъ разъ въ ту пору когда вопросъ о Закавказскомъ транзитѣ близится къ рѣшенію довольно характеристично: если преграждается путь ко снабженію Закавказья контрабандными товарами подъ предлогомъ транзита, то въ замѣнъ открылась бы возможность снабженія контрабандой того же Закавказья подъ видомъ товаровъ выписываемыхъ безпошлинно для чиновниковъ. Почему бы однако давать привилегію безпошлинной выписки иностранныхъ товаровъ только кавказскимъ чиновникамъ, почему ужь не распространить эту привилегію на всѣхъ служащихъ въ Имперіи?

Сколько бы такимъ путемъ создалось мелкихъ складовъ безпошлинныхъ товаровъ, и какъ развилось бы коммиссіонное дѣло по ихъ сбыту во всей странѣ!

Что касается транзитнаго вопроса, то въ послѣднее время въ Петербургѣ былъ въ ходу такой проектъ: распространить дѣйствіе общаго таможеннаго тарифа на всѣ вообще транзитные товары, за исключеніемъ только трехъ статей, съ которыхъ взимать пониженныя, спеціальныя транзитныя пошлины, именно съ сахара 2 руб. 20 к., съ хлопчатобумажныхъ издѣлій 10 рублей, а съ шерстяныхъ 15 р. съ пуда. Комбинація эта имѣетъ видъ полнаго прекращенія транзита съ исключеніемъ сдѣланнымъ всего для трехъ товаровъ. Но внѣшность бываетъ обманчива, и въ данномъ случаѣ она обманчивѣе чѣмъ гдѣ-либо. Дѣло въ томъ что сахаръ и мануфактурные товары составляютъ болѣе 5/6 всего транзитнаго привоза, а всѣ прочіе товары менѣе 1/6 онаго *). И выходитъ такимъ образомъ что безусловное запрещеніе транзита пало бы только на ничтожную его часть, а вся его масса подошла бы подъ даваемую ему широкую льготу, такъ что общее правило обращается въ исклю-

*) *Въ Обзорѣ Внѣшней Торговли Россіи* за 1881 годъ (стр. 457), по спеціально приниженной таможеннымъ вѣдомствомъ оцѣнкѣ (приниженіе доходитъ до того что показанную тифлисскими торговцами цифру 14.335.660 р. таможенные чиновники замѣнили цифрой 7.772.103 р., цѣня огуломъ всѣ мануфактурные товары, и хлопчатобумажные, и шерстяные, и шелковые, по 29 р. 10 к. за пудъ на кругъ), приводятся слѣдующія цифры транзитнаго привоза:

Мануфактурныхъ товаровъ	3.279.483 р.
Сахару	3.207.880 „
Итого	6.487.363 р.

Остальныхъ транзитныхъ товаровъ:

Чая	628.690 р.
Красокъ	90.572 „
Фарфоровыхъ, фаянсовыхъ и стеклянныхъ издѣлій	49.341 „
Пряностей	27.525 „
Металловъ и металлическихъ издѣлій	15.208 „
Писчебумажнаго товара	2.038 „
Прочихъ товаровъ	471.366 „
Итого	1.284.740 р.

ченіе, а исключеніе становится правиломъ.

О размѣрѣ льготъ предоставляемыхъ такимъ проектомъ транзитному снабженію Кавказа иностранными фабрикатами можно судить по слѣдующему сравненію общихъ тарифныхъ съ предлагаемыми транзитными пошлинами:

По статьямъ 201, 202, 205 и 209 тарифа, пошлины на шерстяныя издѣлія опредѣлены въ 44, въ 56, въ 90 коп. и въ 3 р. 30 к. съ фунта. Всѣ эти разнообразныя пошлины для шерстяныхъ издѣлій привозимыхъ транзитомъ предполагается замѣнить однообразною въ 37½ к. съ фунта.

По статьямъ 210—213 тарифа, для хлопчатобумажныхъ издѣлій существуетъ слѣдующая градація пошлинъ: 31 к., 40 к., 42 к., 50 к., 55 к., 66 к., 83 к., 1 р. 20 к. и 1 р. 32 к. Въ замѣнъ всѣхъ этихъ пошлинъ, для транзита предлагается установить однообразную въ 25 к. съ фунта.

Что касается сахара, то назначеніе транзитной пошлины въ 2 р. 20 коп. есть полное лишеніе русскаго рафинаднаго производства всей той охраны какая дается ему общимъ тарифомъ.

Для закавказскихъ и сосѣднихъ съ ними потребителей этихъ транзитныхъ товаровъ, проектируемыя пониженныя пошлины могутъ быть очень пріятны, и имъ, можетъ-быть, мало дѣла до невыгодъ отъ этихъ пошлинъ для русскаго производства. Но едва ли справедливо жертвовать общимъ интересомъ частнымъ и мелочнымъ выгодамъ закавказскихъ потребителей. Достаточно того что между тѣмъ какъ ни одной закавказской копѣйки нейдетъ на общія имперскія нужды, въ Закавказьѣ тратятся ежегодно десятки милліоновъ рублей изъ общей русской казны. Не желательно допускать какой бы то ни было подрывъ нашихъ податныхъ силъ, а всякія льготы транзиту неизбѣжно клонятся во вредъ русскому промышленному труду.

Но еще болѣе чѣмъ на допущеніе льготныхъ транзитныхъ пошлинъ сторонники водворенія на Кавказѣ транзито-контрабандныхъ товаровъ разчитываютъ на промедленіе въ рѣшеніи вопроса и на возможно бóльшую отсрочку вступленія въ силу ожидаемаго рѣшенія онаго. Надѣются что вмѣстѣ съ рѣшеніемъ закрыть транзитъ будетъ постановлено что это рѣшеніе вступитъ въ дѣйствіе съ такого-то числа, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ это дѣлалось при осуществленіи большей части мѣръ по таможенному вѣдомству. Всякія подобныя отсрочки всегда были какъ бы обращаемымъ къ иностранцамъ приглашеніемъ поторопиться наводненіемъ Россіи тѣми товарами отъ наплыва коихъ законодатель стремился оградить русскую промышленность. Точно также назначеніе болѣе или менѣе отдаленнаго срока отмѣны транзита было бы своего рода обращеннымъ къ нему призывомъ ознаменовать отсчитанные ему послѣдніе дни такимъ усиленнымъ привозомъ въ Тифлисъ транзитныхъ товаровъ чтобы запасовъ ихъ достало на нѣсколько лѣтъ.

Впрочемъ въ запасахъ транзито-контрабандныхъ товаровъ уже и теперь, безъ сомнѣнія, нѣтъ недостатка на Кавказѣ. Водвореніе тамъ этихъ товаровъ достигло уже въ 1881 году никогда еще прежде небывалыхъ размѣровъ, а въ 1882 году, какъ согласно свидѣтельствуютъ столь несходныя между собою тифлисскія и петербургскія офиціальныя таможенныя цифры, шло еще ходче. Затѣмъ, въ январѣ и февралѣ текущаго года, по полученнымъ изъ Тифлиса одною здѣшнею промышленною фирмой свѣдѣніямъ, транзитный привозъ опредѣлялся цифрами: 19.365 мѣстъ во 130.407 пудовъ 9 фунтовъ на сумму 1.934.982 р. „Какъ эти такъ и прежде доставленныя свѣдѣнія“ (опредѣлявшія привозъ транзитныхъ товаровъ за 1882 годъ въ 16.626.762 р.), прибавляетъ корреспондентъ московской фирмы, „добыты мною изъ статистическихъ данныхъ Тифлисской таможни, а потому самыя вѣрныя; слѣдовательно въ сообщеніи *Правительственнаго Вѣстника* (№ 56, отъ 12 марта), уменьшавшемъ стоимость транзитнаго провоза на половину, цифровыя данныя не точны.“ Эта неточность относящихся къ транзиту офиціальныхъ цифръ, происходящая вслѣдствіе сокращенія въ Петербургѣ цифръ Тифлисской таможни почти вдвое, служитъ предметомъ многихъ толковъ. Ужь не дѣлается ли это таможеннымъ вѣдомствомъ, спрашиваютъ между прочимъ, изъ боязни испугать русскую промышленность внушительными цифрами, тѣмъ болѣе что, какъ всѣмъ извѣстно, въ этомъ случаѣ собственно транзитъ не играетъ никакой роли, а транзитные товары остаются въ Закавказьѣ какъ контрабанда?

№ 98.

Москва, 7-го апрѣля.

Тѣсная связь вопроса объ успѣхахъ сельскаго хозяйства съ вопросомъ о винокуреніи не подлежитъ спору. Это не значитъ, конечно, чтобы земледѣліе и скотоводство безусловно нуждались въ винокуреніи; но въ немъ нельзя не видѣть важное подспорье сельскаго хозяйства, открывающее выгодный и удобный мѣстный сбытъ всякимъ хлѣбнымъ продуктамъ, въ томъ числѣ и такимъ которые, вслѣдствіе подмочки, залежалости или иной порчи, трудно и неудобно было бы сбывать на рынкахъ, а съ другой стороны дающее барду которая позволяетъ увеличивать скотные дворы и массы получаемаго съ нихъ удобренія. Однимъ изъ крупныхъ золъ дѣйствующей у насъ въ послѣднія десятилѣтія питейной системы былъ разрывъ этой естественной связи между винокуреніемъ и сельскимъ хозяйствомъ которое лишилось той существенной подмоги какою должно быть для него винокуреніе. Много неблагопріятныхъ причинъ дѣйствовали совокупно и одновременно въ подрывъ помѣщичьимъ хозяйствамъ, затрудняя для нихъ и часто дѣлая невозможнымъ переходъ отъ прежнихъ условій къ новымъ въ самую трудную эпоху перелома вызваннаго великимъ дѣломъ освобожденія крестьянъ; но если иногда бываетъ довольно и капли для переполненія сосуда, то питейная система, причинившая закрытіе мелкихъ хозяйственныхъ винокуренъ и отнявшая у сельскаго хозяина всѣ выгоды винокуренія, была сильнымъ ударомъ который не могъ не повести къ разстройству и разоренію многихъ экономій. Другой, несравненно сильнѣйшій, ударъ сельскому хозяйству нанесла дѣйствующая питейная система страшнымъ развитіемъ кабацкаго пьянства, въ размѣрахъ небывалыхъ и неслыханныхъ даже во времена давно осужденныхъ питейныхъ откуповъ. Весь сельскій бытъ, вмѣсто бывшей крѣпостной, получилъ кабацкую окраску. На самой зарѣ освобожденія создалась для народа иная, неотразимо притягательная для непривыкшихъ владѣть собою людей, сила кабацкаго соблазна. Подъ его повсемѣстнымъ, непрестаннымъ, растлѣвающимъ дѣйствіемъ, не могли не расшататься и общественный строй, и семейный бытъ, и все хозяйство нашего крестьянства. Какъ въ бездонную пропасть понеслись въ кабакъ народные достатки, плоды крестьянскаго труда и земли, крестьянскій скарбъ, самыя необходимыя принадлежности хозяйственнаго инвентаря. Кабакъ сѣетъ семейные раздоры съ сопровождающими ихъ разорительными раздѣлами крестьянскихъ дворовъ; благодаря ему пропивается не только все что̀ есть, но и чего еще нѣтъ, будущій трудъ и будущій урожай, что̀ налагаетъ на крестьянъ безвыходную кабалу переходящихъ изъ года въ годъ долговъ. Съ года на годъ множатся массы безлошадныхъ и безкоровныхъ крестьянъ, и число ихъ—страшно сказать—начинаютъ опредѣлять милліонами. Возможны ли какіе бы то ни было сельско-хозяйственные успѣхи при такихъ условіяхъ? Удивляются что снятіе крѣпостнаго ига не повело къ ожиданному улучшенію быта крестьянъ, но какое улучшеніе возможно когда все доброе что̀ было въ освобожденіи парализовано наложеннымъ на народъ болѣе тяжкимъ и общимъ чѣмъ крѣпостное, губительнымъ кабацкимъ игомъ?

Съ живѣйшимъ сочувствіемъ помѣщаемъ мы статью В. А. Кокорева внушенную мыслями за которыя мы усердно, хотя доселѣ и безуспѣшно ратуемъ. Освободить народъ отъ кабака, отъ этой преграды всякому подъему народнаго благосостоянія, всякихъ улучшеній въ его бытѣ, и возстановить связь сельскаго хозяйства съ винокуреніемъ, такъ чтобы винокуреніе служило ему серіозною поддержкой, вотъ двѣ цѣли намѣченныя авторомъ статьи, которому никто не можетъ отказать въ знаніи этого вопроса со всѣхъ его сторонъ и во всѣхъ его развѣтвленіяхъ. В. А. Кокоревъ давно покинулъ питейное дѣло и не имѣетъ никакого къ нему прикосновенія. Этого мало: онъ развязался съ нимъ и въ прошедшемъ, такъ какъ, вслѣдствіе превратностей фортуны, ему пришлось лишиться стяжаній доставленныхъ ему виннымъ откупомъ, а своимъ нынѣшнимъ состояніемъ онъ обязанъ, благодаря своимъ способностямъ, другаго рода промышленнымъ дѣламъ. Но осталась у него практическая опытность которая сообщаетъ авторитетъ его слову не только въ вопросахъ касающихся питейнаго дѣла, но и во многихъ другихъ финансовыхъ и экономическихъ вопросахъ. Въ предлагаемомъ имъ проектѣ питейной реформы намѣчены

только главныя ея черты, безъ разработки подробностей, которыя въ такомъ дѣлѣ имѣютъ особую важность, но въ которыя можетъ-быть еще рано вдаваться пока не установлены основанія. Можно находить предлагаемыя имъ мѣры вполнѣ или не вполнѣ соотвѣтствующими цѣлямъ, но нельзя не обратить на нихъ серіознаго вниманія

Со своей стороны замѣтимъ что въ цѣляхъ мы сходимся съ нимъ вполнѣ и безусловно. Въ вопросѣ о винокуреніи не окажется, при его разработкѣ, поводовъ къ важному разногласію. Но относительно средствъ къ прекращенію пьянства мы сомнѣваемся какая система могла бы лучше и вѣрнѣе привести къ нимъ, та ли которую онъ рекомендуетъ, или же система казенной питейной монополіи которую предлагали мы еще съ осени 1881 года. При которой изъ этихъ двухъ системъ представляется болѣе основаній разчитывать на прекращеніе повальнаго, безшабашнаго пьянства и на замѣну его правильнымъ домашнимъ употребленіемъ вина, такимъ же какъ, напримѣръ, домашнее употребленіе чая и всякихъ жизненныхъ припасовъ,—вотъ вопросъ требующій разъясненія.

При казенной питейной монополіи, устраняющей корчемство установленіемъ одинаковыхъ цѣнъ вина и въ ведерной, и въ раздробительной распродажѣ, при возможности покупать вино только въ казенныхъ винныхъ лавкахъ, расположенныхъ на значительномъ одна отъ другой разстояніи, въ опредѣленномъ числѣ на каждый уѣздъ или станъ, обезпечиваются, какъ намъ кажется, наилучшія условія къ тому чтобы пилось вино запасенное, въ мѣру средствъ и дѣйствительной надобности, для домашняго употребленія; соблазнъ купить водки или добыть ее въ долгъ въ минуты охмѣленія или легкомысленнаго увлеченія устраняется если винной продажи подъ рукой не окажется, а по дорогѣ къ винной лавкѣ можно успѣть нѣсколько разъ одуматься. Представитъ ли такія же гарантіи противъ неразумнаго пьянаго разгула система свободной продажи вина наравнѣ со всякими другими товарами, въ каждой деревенской лавкѣ торгующей чаемъ, сахаромъ, хлѣбомъ и прочими предметами крестьянскаго употребленія? Въ каждой деревнѣ у каждаго вино будетъ подъ рукой, при возможности всегда получить его и за деньги, и за вещи, и въ кредитъ, съ неменьшимъ удобствомъ чѣмъ въ кабакѣ. Не могутъ ли завестись при такихъ условіяхъ у деревенскихъ гулякъ непрерывныя попойки со взаимными угощеніями не хуже кабацкихъ? Ставимъ этотъ вопросъ не въ предосужденіе предложеннаго В. А. Кокоревымъ проекта, но въ надеждѣ вызвать разработку тѣхъ его подробностей которыми устранялись бы или по крайней мѣрѣ ослаблялись бы высказанныя опасенія.

Въ подробное и обстоятельное разсмотрѣніе проекта мы пока не входимъ; цѣль нашей замѣтки единственно обратить на него вниманіе и вызвать обсужденіе его людьми знакомыми съ дѣломъ и съ условіями народнаго быта. Что касается практической удобоисполнимости проекта, то съ этой стороны, конечно, ни въ комъ не возникнетъ сомнѣній подобныхъ тѣмъ какія высказывались касательно предложенной въ нашей газетѣ казенной питейной монополіи. Эти сомнѣнія не казались и не кажутся намъ вѣскими. Самое серіозное изъ нихъ то что будто бы невозможно набрать контингентъ людей достаточно надежныхъ чтобы поручить имъ казенныя питейныя лавки и продажу изъ нихъ водки на такихъ же основаніяхъ на какихъ ведется казенная продажа гербовой бумаги и марокъ. Набрать массу пригодныхъ къ этому дѣлу людей для всего государства, при ничтожныхъ окладахъ, было бы дѣйствительно слишкомъ трудною задачей. Но въ предѣлахъ каждаго уѣзда отдѣльно, при назначеніи достаточныхъ окладовъ и при участіи лучшихъ мѣстныхъ земскихъ силъ, при правильномъ мѣстномъ надзорѣ, въ рекомендаціи и выборѣ людей задача упрощается...

№ 99.

Москва, 8-го апрѣля.

А.

Вопросъ о „союзѣ“ между Италіей, Австро-Венгріей и Германіей, выступившій на первый планъ послѣ рѣчи произнесенной въ италіянской палатѣ депутатовъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Манчини, все еще составляетъ предметъ толковъ въ европейской печати.

Помѣщаемая ниже рѣчь венгерскаго министра президента Тисы, служащая отвѣтомъ на внесенную недѣли двѣ тому назадъ интерпелляцію, врядъ ли разъяснила интересующій всѣхъ вопросъ, хотя наглядно доказываетъ что Австро-Венгрія и Италія смотрятъ на дѣла съ діаметрально противоположной точки зрѣнія.

Италіянскій министръ заявилъ о существованіи какого-то союза съ Германіей и Австро-Венгріей. Заявивъ о мирныхъ цѣляхъ преслѣдуемыхъ тремя державами и объ искреннемъ желаніи Италіянскаго правительства сохранить дружественныя отношенія ко Франціи, Манчини счелъ долгомъ торжественно возвѣстить что Италія будетъ ревниво оберегать свои интересы, и въ виду своихъ важныхъ торговыхъ интерессовъ никогда не допуститъ чтобы Франція продолжала слѣдовать въ сѣверной Африкѣ политикѣ захвата, столь успѣшно начатой провозглашеніемъ протектората въ Тунисѣ. Словъ этихъ никто не могъ понять иначе какъ угрозу Франціи (такъ поняло ихъ и значительное большинство французскихъ газетъ), и заявленія министра такимъ образомъ какъ бы косвенно подтвердили тѣ „сенсаціонныя" извѣстія лондонскихъ газетъ которыя поставили себѣ задачей опровергнуть и самъ г. Манчини, и г. Тиса.

Опасеніе съ которымъ Италія относится ко Франціи съ точки зрѣнія своихъ торговыхъ интересовъ болѣе или менѣе основательно, и Манчини поэтому счелъ нужнымъ торжественно возвѣстить о рѣшимости Италіянскаго правительства оградить эти интересы. Понятно также что и для Германіи весьма невыгодно всякое усиленіе вліянія Франціи и что германскій канцлеръ вѣроятно очень радъ союзнику противъ стараго врага. Но причемъ тутъ Австрія и ея интересы? „Было бы совершенно *безсмысленно*, сказалъ венгерскій министръ-президентъ, еслибы Австро-Венгерская монархія дозволила вовлечь себя въ комбинацію направленную противъ Франціи, съ которою мы находимся въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ и дружбу которой мы желаемъ сохранить."

Обсуждая послѣ произнесенія первой рѣчи италіянскаго министра иностранныхъ дѣлъ вопросъ объ отношеніяхъ между Италіей и Австро-Венгріей, мы привели рядъ фактовъ съ цѣлью показать что союза, который могъ бы устоять при всякихъ политическихъ переворотахъ, между этими державами нѣтъ и быть не можетъ. Мы указывали на причины мѣшающія этому соглашенію какъ со стороны Италіи, такъ и со стороны Австріи. Рѣчь венгерскаго министра-президента подтверждаетъ высказанное нами объ отношеніяхъ Италіи къ Австро-Венгріи. Лишь нѣсколько недѣль тому назадъ стало извѣстно о какой-то состоявшейся между тремя державами сдѣлкѣ, а министры двухъ державъ только что вступившихъ въ союзъ офиціально развиваютъ въ парламентѣ взгляды другъ другу противорѣчащіе.

Наибольшее недовольство, какъ и слѣдовало ожидать, новый тройственный союзъ вызвалъ въ Англіи. Англійская политика всегда старалась сохранить свою опеку надъ Италіей и удержать италіянскихъ государственныхъ людей отъ сближенія какъ съ Германіей, такъ и съ Франціей. Египетское предпріятіе потому главнымъ образомъ сошло такъ гладко для Англіи что англійской дипломатіи удалось помѣшать сближенію между Франціей и Италіей съ цѣлью противодѣйствія экспедиціи въ Египетъ. Теперь же Италія заявляетъ о своей твердой рѣшимости охранять свои интересы на Средиземномъ Морѣ. Г. Манчини говорилъ, правда, лишь о стремленіяхъ Франціи, несогласныхъ съ этими интересами. Но не трудно понять что слова италіянскаго министра относились по крайней мѣрѣ настолько же и къ Англіи. „Весьма трудно понять," замѣчаетъ *Daily News* отъ 12 апрѣля, „какого рода пользу можетъ извлечь для себя Италія изъ союза съ Австріей и Германіей. Помощь ея для этихъ двухъ державъ не такъ важна чтобъ она могла договариваться съ ними какъ равный съ равнымъ. Если же условія соглашенія основаны не на равноправности, то Италія взвалила на себя бремя которое ей едва ли по силамъ. Еслибъ Италія довольствовалась собственною безопасностью и заботилась бы главнымъ образомъ объ упроченіи своего внутренняго преуспѣянія, ей едва ли нужно было бы особенно опасаться своихъ сосѣдей. Франція не въ такомъ положеніи чтобы затѣвать какую-либо ссору съ Италіей съ завоевательною цѣлью. Ни Германія, ни Австрія не имѣютъ интереса нападать на Италію если только она сама не поддастся агитаціи своихъ ирредентистовъ. Но коль скоро Италія становится союзницей двухъ вели-

кихъ центральныхъ европейскихъ державъ, то это можетъ быть не иначе какъ подъ условіемъ такого увеличенія своихъ военныхъ силъ которое сдѣлало бы ея помощь этимъ державамъ цѣнною. А военныя издержки Италіи уже теперь крайне велики, ибо они поглощаютъ свыше 40 процентовъ ея доходовъ. Недавно установленное равновѣсіе ея финансовыхъ средствъ неминуемо должно въ такомъ случаѣ поколебаться."

Забили тревогу и нѣкоторыя изъ русскихъ газетъ. Появилась интрига которая теперь во всемъ ходу. Извѣстно что именно эти органы поставили себѣ задачей изобличать черезъ свои русскіе органы „коварные замыслы Германіи противъ Россіи," при чемъ обычная мораль заключается въ томъ что для огражденія своей безопасности на западной границѣ недостаточно мѣръ военнаго свойства, но что слѣдуетъ болѣе всего стараться расположить въ пользу Россіи польское населеніе, дабы оно могло служить оплотомъ противъ внѣшняго врага. Эту идею, въ связи съ указываніемъ на враждебные замыслы Германіи, приводилъ постоянно *Голосъ*, какъ въ передовыхъ статьяхъ, такъ и въ разныхъ корреспонденціяхъ, между коими особенно выдавались корреспонденціи изъ Вѣны.

Теперешній вѣнскій корреспондентъ *Новостей* поразительно напоминаетъ прежняго тамошняго корреспондента *Голоса*, и само собою разумѣется что онъ не могъ пропустить „безъ надлежащаго освѣщенія" и безъ своего патріотическаго *caveant consules* событіе столь крупное какъ установленіе новаго тройнаго союза. Онъ задается вопросомъ о томъ, какіе интересы могли побудить Австрію принять на себя обязанность ограждать Германію и Италію отъ опасностей грозящихъ имъ со стороны Франціи. „Этотъ вопросъ," замѣчаетъ корреспондентъ, „долженъ главнымъ образомъ интересовать *насъ*, Русскихъ, потому что онъ именно и касается России." Австрія де усиленно готовится къ войнѣ на своихъ восточныхъ, прилегающихъ къ Россіи, окраинахъ. А потому „въ виду неопровержимаго факта существованія тройственнаго союза, намъ, Русскимъ, необходимо быть настороже и съ своей стороны также готовиться... Наши сосѣди не могутъ насъ за это обвинять; не мы составляемъ союзы и не наша дипломатія возбуждаетъ европейское общественное мнѣніе. Если имъ можно составлять союзы съ оборонительными цѣлями, то намъ *изолированнымъ и покинутымъ всѣми* и Богъ велѣлъ обороняться. Это на нашъ взглядъ единственная мораль, которую мы можемъ вывести изъ извѣстій о тройственномъ союзѣ. Въ этомъ отношеніи мы собственно и должны быть обязаны г. Манчини и союзнымъ офиціозамъ за ихъ *откровенность*. Г. Манчини можетъ быть увѣренъ что намъ не менѣе чѣмъ ему дороги *миръ и порядокъ*; но именно миръ и порядокъ требуютъ, по нашему мнѣнію, чтобы наше отечество позаботилось о своихъ западныхъ границахъ."

„Забота о западныхъ границахъ," по мнѣнію этихъ патріотовъ, можетъ выразиться лишь исполненіемъ требованій „польской справы..." Для этого и выдумываются якобы грозящія намъ опасности.

Б.

Русскія Вѣдомости съ большимъ азартомъ ратуютъ за судъ присяжныхъ. Въ защиту его, съ комическою торжественностію, выдвигаютъ онѣ непререкаемый авторитетъ трехъ свѣтилъ: нѣмецкаго ученаго Бруннера, датскаго профессора Ринна, англійскаго юриста Джона Росселя. Не довольствуясь этимъ, онѣ бросаются на свою публику съ дубиннымъ аргументомъ: русскій де народъ очень пристрастился къ этому учрежденію, и скорѣе откажется отъ городскаго и земскаго самоуправленія чѣмъ допуститъ чиновничій контроль „надъ вердиктомъ общественной совѣсти." Комплиментъ нашимъ нынѣшнимъ жрецамъ Ѳемиды! Чиновникъ на языкѣ извѣстнаго сорта газетъ есть бранное слово и значитъ нѣчто хуже чѣмъ мошенникъ.

Но чтобы толковать о судѣ совѣсти, надо прежде знать совѣсть и знать что̀ такое совѣсть.

Развѣ это совѣсть когда изъ тридцати шести взятыхъ съ улицы человѣкъ прокуроръ и адвокатъ подтасовываютъ двѣнадцать какъ ловкіе игроки сдаютъ карты? Развѣ это совѣсть когда эти двѣнадцать человѣкъ выносятъ приговоръ, который совѣстью шестерыхъ или пятерыхъ изъ нихъ проклинается? Не грубѣйшее ли насиліе совѣсти участвовать въ приговорѣ которому совѣсть претитъ? Гдѣ же тутъ совѣсть когда рѣшается дѣло не силою внутренняго убѣжденія, а счетомъ безот-

вѣтственныхъ и не рѣдко подтасованныхъ голосовъ?

Судъ присяжныхъ существуетъ по истинѣ какъ *судъ совѣсти* только въ Англіи, гдѣ онъ есть древнее, исторически образовавшееся учрежденіе, основанное на единогласіи. На материкѣ Европы учрежденіе это, обработанное по французскому шаблону, распространилось отнюдь не въ силу сознанія народами его „несомнѣнной пользы,“ и не потому что народы Европы очень полюбили эту форму суда, а въ силу политическихъ вѣяній не имѣющихъ ничего общаго съ судебною правдой. Въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ эта форма суда введена даже позднѣе чѣмъ въ Россіи. Русскій же народъ здѣсь рѣшительно ни при чемъ и былъ бы счастливъ еслибъ его избавили отъ этой формы суда совѣсти оскорбляющей совѣсть всякаго въ комъ она имѣется.

Еслибы писатели *Русскихъ Вѣдомостей* знали совѣсть, то они не стали бы прибѣгать, напримѣръ, къ такому фокусу:

Для разрѣшенія будто бы 500.000 уголовныхъ дѣлъ, въ наши суды за послѣднія 17 лѣтъ призваны де были шесть милліоновъ русскихъ гражданъ, которые, разъ вкусивъ сладость исполненія судейскихъ обязанностей, добровольно не дадутъ лишить себя этой прерогативы. Изъ этого видно что юристы *Русскихъ Вѣдомостей* знаютъ, по крайней мѣрѣ, первыя ариѳметическія дѣйствія. Каждое дѣло разрѣшается двѣнадцатью присяжными; помноживъ затѣмъ число дѣлъ на число присяжныхъ, въ итогѣ получимъ 6 милліоновъ. Эти математики забыли что въ каждомъ дѣлѣ участвуютъ въ сладкой дремотѣ еще *двое*, запасныхъ, что̀ вмѣстѣ съ бодрствующими составитъ число семь милліоновъ. Но они безъ всякой совѣсти упустили изъ виду что присяжные, числомъ 36, призываются на цѣлую сессію, въ продолженіе которой разрѣшается нѣсколько десятковъ дѣлъ, и что въ особенности въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ на соотвѣтствующія сессіи призываются въ присяжные ежегодно почти одни и тѣ же лица, изъ которыхъ одна треть регулярно отсутствуетъ. Если при этомъ принять во вниманіе что число дѣлъ разрѣшенныхъ у насъ присяжными увеличено *Русскими Вѣдомостями* по крайней мѣрѣ *втрое*, въ итогѣ окажется что наврядъ ли и двѣ сотни тысячъ людей побаловались судомъ.

Но еще куріозъ: *Русскія Вѣдомости*, въ своемъ протестѣ противъ нашей магистратуры якобы чиновничьей, утверждаютъ что отъ аппелляціонной инстанціи „чуть ли не въ каждомъ нумерѣ *Юридическаго Обозрѣнія* открещивается (кто бы вы думали?) населеніе Кавказа!..“ Вотъ какая новость! Населеніе Кавказа in corpore издаетъ юридическій журналъ въ которомъ открещивается отъ аппелляціоннаго производства по уголовнымъ дѣламъ.

№ 100.

Москва, 9-го апрѣля.

Вышло такъ что въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* до сихъ поръ не было ничего о дѣлѣ которое поднимало большой шумъ въ нашей печати. Мы говоримъ о дѣлѣ бывшаго казанскаго губернатора, Н. Я. Скарятина. *Московскія Вѣдомости* не могли участвовать въ травлѣ которой онъ былъ предметомъ; но онѣ не имѣли свѣдѣній и для того чтобы сказать отрезвляющее слово. Не имѣли, но могли бы имѣть, — и мы не оправдываемъ себя въ упущеніи. Въ нѣкоторое извиненіе себѣ можемъ сказать только то что мы не могли предвидѣть того развитія какое принято этимъ дѣломъ и наконецъ его исхода. Вопросъ былъ объ образѣ дѣйствій административнаго лица при исполненіи имъ своихъ служебныхъ обязанностей, — вопросъ между правительствомъ и однимъ изъ его органовъ. Можно было ожидать что вопросъ этотъ не представитъ затрудненій, не осложнится, не обострится и разрѣшится легко и незамедлительно. Правительство знаетъ своихъ дѣятелей, ихъ полномочія, кругъ ихъ обязанностей, ихъ личныя достоинства и недостатки, ихъ службу, и не нуждается, казалось бы, въ уличномъ шумѣ для того чтобы судить о дѣятельности служащихъ ему лицъ.

Но вотъ дѣло бывшаго казанскаго губернатора, о которомъ всѣ забыли и которое, казалось, было уже кончено, вдругъ снова вынырнуло и огласилось. Оказалось что оно, въ продолженіе трехъ лѣтъ, томилось подъ слѣдствіемъ, и наконецъ, какъ уже читателямъ нашимъ извѣстно, предано не только суду, но суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Администраторъ занимавшій важный постъ, начальникъ губерніи, за дѣйствія учиненныя имъ по должности, отдается подъ судъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Судъ присяжныхъ, — чего же лучше? Особенно въ томъ видѣ какъ онъ установленъ у насъ... Судъ присяжныхъ есть, говорятъ, драгоцѣннѣйшая гарантія для подсудимаго; но обвиняемый, бывшій казанскій губернаторъ, тайный совѣтникъ Скарятинъ, просилъ избавить его отъ этой драгоцѣнной гарантіи. Прошеніе его по этому предмету разсматривалось въ соединенномъ засѣданіи кассаціонныхъ департаментовъ Сената, которые опредѣлили оставить это прошеніе безъ послѣдствій. Желаетъ обвиняемый или не желаетъ, ему даруется эта гарантія. Бывшаго губернатора будутъ судить неизвѣстные люди въ качествѣ представителей общественнаго мнѣнія или, какъ въ этомъ случаѣ выражаются, общественной совѣсти.

Но вопросъ теперь не объ институтѣ присяжныхъ. Поразительный въ Россіи случай суда надъ дѣйствіями правительственнаго лица людьми случайно набранными съ улицы, вотъ въ чемъ вопросъ. Какъ по поводу суда надъ Вѣрой Засуличъ, превратившагося въ судъ надъ генераломъ Треповымъ, такъ теперь наши публицисты могутъ еще разъ съ торжествомъ воскликнуть что въ Россіи начинается „новая эра."

На этотъ разъ мы сочли своимъ долгомъ ознакомиться ближе съ этимъ дѣломъ, и получили о немъ свѣдѣнія которыя изложены въ помѣщаемой ниже статьѣ. Мы провѣряли эти свѣдѣнія отзывами разныхъ лицъ не находящихся ни въ какихъ отношеніяхъ къ Н. Я. Скарятину. Впрочемъ, интересъ для насъ заключается не въ подробностяхъ которыя могутъ быть болѣе или менѣе не точны или не достаточно полны. Интересъ обязывающій насъ сказать свое слово заключается въ самой сущности дѣла, въ его основномъ очеркѣ.

Несомнѣнно то что въ Казанской губерніи, чуть не на половину заселенной магометанскимъ людомъ, были, въ концѣ 1878 года, смуты причиненныя злоумышленными слухами, начавшимися еще во время войны, о томъ будто Татаръ правительство намѣрено насильно крестить. Смуты эти принимали тревожные размѣры и требовали энергическихъ и рѣшительныхъ дѣйствій власти. Потребовалось двинуть военную силу. Губернаторъ, конечно, доносилъ центральному правительству о происходившемъ и дѣйствовалъ, вѣроятно, не безъ вѣдома министра. Принятыми мѣрами волненіе было прекращено и спокойствіе было возстановлено безъ выстрѣла; не было ни убитыхъ, ни раненыхъ. Губернаторъ, предупредивъ военную команду, прибылъ лично въ наиболѣе бунтовавшую татарскую волость и пересѣкъ зачинщиковъ розгами, а виновныхъ въ тяжкомъ истязаніи одного изъ пострадавшихъ лицъ передалъ судебному слѣдователю.

Мы не адвокатствуемъ за г. Скарятина, съ которымъ не находимся ни въ родствѣ, ни въ кумовствѣ, ни даже въ знакомствѣ; но не можемъ не сказать что онъ принадлежитъ къ числу безспорно заслуженныхъ лицъ. Въ трудную эпоху крестьянской реформы онъ, если не ошибаемся, былъ три раза сряду выбираемъ Курскимъ дворянствомъ въ должность губернскаго предводителя, и участвовалъ въ качествѣ депутата въ совѣщаніяхъ редакціонныхъ коммиссій. Затѣмъ, въ продолженіе *четырнадцати* лѣтъ, онъ управлялъ Казанскою губерніей, одною изъ самыхъ трудныхъ для управленія по разнородности ея смѣшаннаго населенія, по мусульманскому фанатизму, по бывшей тамъ неурядицѣ и запущенности. Во все время никакихъ жалобъ на его управленіе, сколько извѣстно, не было, никакихъ безпорядковъ въ Казанской губерніи не происходило, даже посреди университетской молодежи, которая при немъ не бунтовала, а до него и послѣ него бунтовала какъ вездѣ.

Мы не имѣемъ претензіи выдавать аттестатъ въ добропорядочномъ поведеніи бывшему начальнику Казанской губерніи. Его служба должна быть извѣстна высшему правительству. Четырнадцатилѣтнее управленіе губерніей что-нибудь значитъ. Въ такой продолжительный срокъ, на такомъ трудномъ посту, долженъ былъ явственно обозначиться и самъ онъ, и характеръ его дѣятельности. Не могли бы въ наше время гласности утаиться злоупотребленія за столь долгій промежутокъ времени. Съ другой стороны, трудно предположить чтобы человѣкъ, съ честію и пользою служившій на своемъ посту, вдругъ ни съ того ни съ сего натворилъ чудесъ за которыя долженъ подвергнуться позорящему суду. Въ губерніи которою управ-

лялъ тайный совѣтникъ Скарятинъ онъ оставилъ по себѣ репутацію честнаго, умнаго и столько же справедливаго сколько энергическаго администратора. Недавно въ этой губерніи была сенаторская ревизія. Найдены ли въ дѣлахъ слѣды какихъ-либо злоупотребленій за время губернаторства г. Скарятина?

Слѣдуетъ присовокупить что г. Скарятинъ управлялъ губерніей въ то время когда тамъ вводились и устраивались новые порядки. По общимъ отзывамъ, онъ высоко держалъ знамя правительственной власти которой былъ представителемъ, умѣряя заносчивость новыхъ учрежденій и не дозволяя имъ выступать изъ должныхъ предѣловъ. Но, сколько извѣстно, онъ не приходилъ съ ними въ столкновеніе, дѣйствуя правильно, и дѣла тамъ текли спокойно и мирно, хотя новые дѣятели, во имя *либерализма*, не долюбливали его какъ *консерватора*, что̀ и оказалось когда назначено было слѣдствіе надъ нимъ. Лай газетныхъ собакъ, какъ во время этого слѣдствія, такъ и теперь по случаю поразившаго его опредѣленія кассаціонныхъ департаментовъ, явленіе характеристическое, свидѣтельствующее въ пользу его и въ честь ему, каковъ бы ни былъ окончательный исходъ его дѣла. Съ какою наглою ироніей *Московскій Телеграфъ* выражалъ увѣренность что судъ присяжныхъ, оправдывающій убійцъ и грабителей, не помилуетъ де бывшаго казанскаго губернатора! По мнѣнію этого честнаго органа, именно затѣмъ г. Скарятинъ будто бы и предается суду присяжныхъ чтобъ они засудили его...

Теперь, спрашивается, въ чемъ же собственно преступленіе г. Скарятина? Обязанность губернатора, непремѣнная и главная, требовала быстраго и рѣшительнаго прекращенія бунта принимавшаго серіозные размѣры. Чрезвычайныя обстоятельства требуютъ вездѣ и всегда чрезвычайныхъ мѣръ. На губернатора пала бы тяжкая отвѣтственность еслибы въ данномъ случаѣ онъ поступилъ небрежно и уклончиво. Въ обстоятельствахъ извѣстнаго рода, начальствующему лицу не только дозволяется, но и предписывается, въ случаѣ надобности, употреблять вооруженную силу. Убивать людей есть злодѣяніе; бываютъ однако положенія когда это требуется печальнымъ, но непреклоннымъ долгомъ. Въ данномъ случаѣ, бывшій начальникъ Казанской губерніи никого не лишилъ жизни, но былъ вынужденъ прибѣгнуть къ тѣлесной расправѣ. Розги выкинуты у насъ изъ арсенала обыкновенныхъ полицейскихъ репрессій, хотя во всѣхъ волостныхъ правленіяхъ Россійской Имперіи онѣ все-таки остаются вседневнымъ наказаніемъ какъ исправительнымъ, такъ и выбивающимъ земскія и государственныя подати. Губернатору не указано, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, прибѣгать къ тѣлесной расправѣ, какъ не указано и разстрѣливать людей. Теперь, спрашивается, можно ли назвать нормальными обстоятельства вынуждавшія прибѣгнуть къ военной силѣ? Если же начальствующее лицо не только имѣло право, но было обязано употребить тягчайшія мѣры для усмиренія буйныхъ массъ, дѣйствовать прикладами, штыками и ружейнымъ огнемъ, то будетъ ли превышеніемъ власти употребленіе легчайшихъ способовъ репрессіи, усмирившихъ бунтъ безъ пролитія крови, безъ лишенія людей жизни? Лѣтъ за двѣнадцать предъ симъ, когда правительственная власть еще удерживала свои позиціи, а кассаціонныхъ сенаторовъ было вдвое или втрое менѣе, въ Одессѣ, во время Пасхи, произошла уличная свалка, начавшаяся ссорою Грековъ съ Евреями; тогда тоже приходилось употребить военную силу и точно также начальствовавшимъ тогда въ томъ краѣ лицомъ была усмирена розгами масса людей оказавшихъ сопротивленіе полиціи. И что же? Распоряженіе генералъ-адъютанта Коцебу было признано вполнѣ разумнымъ и умѣстнымъ, и не поколебало довѣрія къ нему верховной власти. Въ вину казанскому губернатору поставляется будто бы учиненная имъ съ нѣкоторыми изъ бунтовавшихъ Татаръ собственноручная расправа. Но измѣняется ли этимъ сущность факта? Коль скоро дѣло доходило до употребленія физической расправы, то есть ли существенная разница въ томъ, кулакомъ ли она дѣйствовала, или палкой. Несравненно важнѣе то обстоятельство что употребленіе силы не стоило никому жизни и никого не изувѣчило. Считаемъ не лишнимъ однако констатировать слѣдующее: Вскорѣ послѣ этихъ событій, въ томъ же году, министръ Внутреннихъ Дѣлъ отправилъ, для дознанія на мѣстахъ, директора полиціи исполнительной, тайнаго совѣтника Косаговскаго, который о сѣченіи розгами засвидѣтельствовалъ, но ни о ка-

кихъ другихъ формахъ расправы ни отъ кого не слыхалъ и ни о чемъ подобномъ не доносилъ, хотя Татары и тогда, вѣроятно, не молчали. Только черезъ два года послѣ того, когда министромъ Внутреннихъ Дѣлъ (графомъ Лорисъ-Меликовымъ) было наряжено надъ г. Скарятинымъ судебное слѣдствіе, впервые было выдвинуто противъ него обвиненіе въ собственноручныхъ побояхъ. Странно! Зачѣмъ бы кажется было ему марать руки когда у него въ распоряженіи было столько рукъ болѣе чѣмъ его привычныхъ къ подобной расправѣ?

Есть у насъ извѣстнаго сорта либералы которые скажутъ: стрѣляй, но сѣчь не смѣй. Это де унизительно для человѣческаго достоинства, это де противно цивилизаціи и не водится въ *правовой* Европѣ. Эти хлыщи цивилизаціи не подозрѣваютъ что въ цивилизованной Европѣ розги и даже плети въ извѣстныхъ случаяхъ употребляются, что въ самыхъ цивилизованныхъ, наиболѣе *правовыхъ* странахъ, употребляются какъ исправительныя, такъ и карательныя тѣлесныя наказанія въ разныхъ степеняхъ и силѣ. Такъ въ Англіи, такъ въ Германіи.

Г. Скарятинъ подвергся тяжкой участи. Однако можно ли сказать что онъ совсѣмъ невиновенъ въ постигшемъ его несчастіи? Человѣкъ его лѣтъ, его общественнаго положенія, занимавшій съ честью высокій правительственный постъ, обезславленъ, поруганъ, находится подъ слѣдствіемъ какъ преступникъ, обязанный подпискою о невыѣздѣ изъ мѣста жительства, наконецъ отданный подъ судъ грозящій лишеніемъ чести и ссылкой; онъ могъ бы однако избѣжать всего этого еслибъ былъ сообразительнѣе, лучше слѣдилъ бы за признаками времени и умѣлъ бы сообразоваться съ „вѣяніями."

Въ то время когда онъ справлялся съ бунтовавшими Татарами, онъ не разпозналъ что въ нашей государственной метафизикѣ совершился поворотъ. Правительство сдавало тогда свои послѣднія цитадели и отрекалось отъ себя. Агентамъ государственной власти поставлялось и въ заслугу, и въ обязанность измѣнять ей. Бездѣйствовать въ правительственномъ смыслѣ и дѣйствовать усердно въ подрывъ правительственному началу, вотъ что̀ требовалось. Гдѣ же былъ г. Скарятинъ когда происходилъ знаменитый сенатскій процессъ ста девяноста трехъ, въ томъ числѣ будущихъ героевъ динамита и цареубійцъ (въ томъ числѣ и Богдановича-Кобозева, и Стефановича, приговоренныхъ теперь, только что окончившимся судомъ, къ повѣшенію), оправданныхъ за малымъ исключеніемъ, въ укоръ и поношенію энергическому и ревностному прокурору ихъ изловившему? Гдѣ онъ былъ когда творился еще болѣе знаменитый судъ надъ генераломъ Треповымъ и апоѳеозъ его убійцы при рукоплесканіяхъ обезумѣвшей петербургской интеллигенціи? Все это было въ томъ же 1878 году когда казанскій губернаторъ, въ своей наивной отсталости, вздумалъ проявлять власть и принимать мѣры общественной безопасности. Онъ не понялъ что открывалась „новая эра," что наступала диктатура анархіи, что близилось цареубійство. Еслибы казанскій губернаторъ проникся тогда новыми вѣяніями, онъ отставилъ бы по 3 п. исправника котораго прогнали взбунтовавшіяся татарскія волости и предалъ бы суду избитыхъ бунтовщиками муллъ, волостныхъ старшинъ и стражниковъ. Онъ былъ бы прославленъ въ газетахъ и быть-можетъ повышенъ по службѣ еслибы при этомъ, въ успокоеніе Татаръ что ихъ крестить не будутъ, далъ бы имъ волю обрѣзывать христіанъ, и поддержалъ бы ихъ требованія назначать самимъ себѣ муфтія, да научилъ бы ихъ требовать себѣ конституціи, да еще поднялъ бы на ноги и студентовъ своего университета, и имъ также предложилъ бы, какъ и дѣйствительно нѣсколько позднѣе предлагалось московскимъ студентамъ, требовать себѣ конституціи, да еслибы онъ еще предалъ суду какого-нибудь казанскаго Булюбаша за неуважительный отзывъ о высланныхъ подъ надзоръ полиціи и т. д.

Итакъ, бывшаго губернатора за преступленіе по должности будетъ судить *улица*.

Впрочемъ, бабушка на двое сказала, гласитъ пословица. Что̀ если *улица* признаетъ его невиновнымъ и *помилуетъ* его? Въ какомъ положеніи очутится власть которая предрѣшила его виновность, предавъ его тяжкому суду за преступленіе по должности?

№ 102.

Москва, 11-го апрѣля.

А.

Статья В. А. Кокорева по вопросамъ о пьянствѣ и винокуреніи, помѣщенная въ № 98 *Московскихъ Вѣдомостей*, на которую тогда же было нами указано, вызвала въ *Московской Газетѣ* (№ 96) пространный критическій этюдъ, взвѣшивающій каждую мысль, почти каждое слово почтеннаго автора и въ общемъ выводѣ осуждающій весь его проектъ какъ въ частностяхъ, такъ и въ цѣломъ.

Критикъ не довольствуется порицаніемъ средствъ предлагаемыхъ г. Кокоревымъ для достиженія поставленныхъ имъ цѣлей: онъ возражаетъ противъ самыхъ цѣлей. Выходитъ такъ что будто бы вовсе нѣтъ надобности дѣлать что-нибудь для возстановленія порванной связи между сельскимъ хозяйствомъ и винокуреніемъ, и что чуть ли не излишне думать о врачеваніи язвы народнаго пьянства, о замѣнѣ неправильнаго потребленія водки правильнымъ. Проводится, между прочимъ, такой взглядъ: „Сказать что деревня гибнетъ отъ пьянства просто преувеличеніе. По тому что одинъ, два, три человѣка въ деревнѣ, да и то не во всякой, пропиваются, нельзя обобщать дѣло. А если пьютъ въ праздники, то и всѣ пьютъ, особенно горожане. Очевидно, лучше было бы пить порціонно ежедневно, но на это рѣшительно не хватитъ средствъ, точно также же какъ и имѣть ежедневно въ супѣ курицу, хотя таковыя и водятся въ деревняхъ.“

Читая и слушая подобныя сужденія, невольно сомнѣваешься, точно ли эти господа не проѣздомъ только видали деревню и въ самомъ ли дѣлѣ они знаютъ, хотя и похваляются такимъ знаніемъ, какъ она пьетъ и какъ отзывается на ней сосѣдство кабаковъ и трактировъ. Не одинаково живутъ, не одинаковъ уровень благосостоянія въ деревняхъ гдѣ есть кабаки и трактиры, и въ деревняхъ гдѣ ихъ нѣтъ въ близкомъ сосѣдствѣ. Это хорошо извѣстно всѣмъ дѣйствительно знакомымъ съ сельскимъ бытомъ; это особенно хорошо знаютъ сами крестьяне, которые сами ни о чемъ такъ не молятъ какъ объ избавленіи ихъ отъ кабацкаго соблазна которому лишь немногіе могутъ противостоять. Ежедневное „порціонное“ употребленіе водки крестьянамъ не по карману; но и нѣтъ необходимости непремѣнно создать въ крестьянскомъ быту такую ежедневную, превышающую средства, потребность. Положительно необходимо только озаботиться увеличеніемъ крестьянскихъ средствъ на правильное удовлетвореніе потребностей, не допуская чтобъ эти средства проходили у крестьянъ между рукъ и были отвращаемы отъ полезнаго употребленія на обогащеніе кабачниковъ выжимающихъ изъ народа все что можно выжать. Только огражденіемъ народнаго труда отъ бездонной кабацкой ямы въ которой безвозвратно пропадаютъ его плоды можетъ быть дана народу возможность зачинить многочисленныя прорѣхи въ его хозяйствѣ, накопить необходимую ему залежную копѣйку и мало-по-малу поднять его благосостояніе на столько чтобъ ему было по средствамъ удовлетвореніе его правильныхъ, умѣренныхъ потребностей, чтобъ ему стало, наконецъ, по средствамъ и „порціонное“ употребленіе водки тамъ гдѣ въ томъ есть надобность. Не желать устраненія кабацкихъ соблазновъ значитъ не желать народу возможнаго для него благоденствія даже въ будущемъ.

Въ сравненіи съ задачей избавить народъ отъ губительнаго пьянства, которому онъ предается не съ обдуманнымъ намѣреніемъ, но невольно, не имѣя силъ вырваться изъ окружающихъ его кабацкихъ сѣтей, — сравнительно съ этою задачей, другая, о болѣе правильной постановкѣ винокуренія, не имѣетъ, можетъ-быть, и второстепеннаго значенія. Но само по себѣ, какъ одна изъ важныхъ отраслей народнаго производства, оно заслуживаетъ серіознаго вниманія, не меньшаго чѣмъ всякое другое, напримѣръ, сахароваренное. Вопросъ о томъ какую роль должно играть винокуреніе въ народномъ хозяйствѣ, быть ли ему только фабрикаціей спирта и ничѣмъ болѣе, или же быть не послѣднимъ звеномъ въ цѣпи другихъ тѣсно связанныхъ между собою производствъ, не есть вопросъ праздный. Не слѣдуетъ, конечно, ничего преувеличивать, и было бы, напримѣръ, ошибкой думать что все наше сельское хозяйство процвѣтетъ какъ только на смѣну крупныхъ явятся небольшіе сельско-хозяйственные винокуренные заводы, что даваемой этими заводами барды будетъ достаточно на то чтобъ откармливать весь

содержимый сельскими хозяевами скотъ. Но нѣтъ никакого сомнѣнія что если и не во всемъ своемъ составѣ, то хотя частію сельское хозяйство много выиграло бы отъ мелкихъ винокурень; что въ такихъ винокурняхъ имѣлся бы для многихъ сельскихъ продуктовъ болѣе подручный и удобный сбытъ чѣмъ на крупныхъ заводахъ; что гораздо большее количество скота откармливалось бы бардою чѣмъ нынѣ, когда барда по мѣстамъ просто выливается какъ ненужный и не находящій сбыта отбросъ, и что выгоды полезнаго употребленія барды и вообще винокуренія распространялись бы по странѣ равномѣрнѣе и справедливѣе, не монополизуясь въ рукахъ только крупныхъ производителей и лишь въ пользу не многихъ мѣстностей. Конечно и при мелкомъ сельскохозяйственномъ винокуреніи не всѣ безъ исключенія сельскіе хозяева воспользовались бы его выгодами, но все же ими воспользовались бы многіе, очень многіе, не такъ какъ нынѣ. Не всѣ въ равной мѣрѣ пользуются и сельско-хозяйственными машинами, но это не аргументъ противъ машинъ, и точно также не аргументъ противъ сельскихъ винокурень то что онѣ не могутъ быть заведены въ каждой деревнѣ.

Высказывается мнѣніе что мелкое сельское винокуреніе отжило свой вѣкъ, что сила самихъ вещей привела къ замѣнѣ мелкихъ винокурень крупными, что поэтому неразумно искусственно воскрешать сельскохозяйственное винокуреніе посредствомъ премій или иныхъ поощреній, что это было бы, такъ сказать, гальванизаціей трупа. Но говорить такъ можно только при незнакомствѣ съ дѣломъ. Не естественнымъ ходомъ развитія экономической жизни убито сельское винокуреніе и вынуждено уступить мѣсто нынѣшнимъ типамъ винокуренныхъ заводовъ, но цѣлымъ рядомъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ. Система безакцизнаго перекура принудила сельскія винокурни къ насильственной смерти, точно такъ же какъ различныя варіаціи нормъ винокуренія создавали спросъ то на тѣ, то на другіе хлѣбные продукты для выгонки спирта. Какъ въ свеклосахарномъ, такъ и въ винокуренномъ производствѣ, предписываемыя сверху правила, смѣнявшіяся одно другимъ, вели къ перестройкамъ и передѣлкамъ заводовъ, возможнымъ только въ наиболѣе подвижномъ промышленномъ мірѣ, но не въ сельскохозяйственномъ. Угоняться за всѣми предписываемыми техническими перемѣнами для сельскаго винокуренія было невозможно, точно такъ же какъ невозможно было ему конкуррировать съ созданными акцизною системой крупными заводами на перекурѣ, который давалъ возможность съ большою выгодой продавать вино ниже тѣхъ цѣнъ во что оно обходилось самимъ производителямъ. Сельское винокуреніе должно было пасть, и оно пало. Разрушить легко; но легко разрушаемое не такъ легко возстановляется Сельское хозяйство много выиграло бы отъ возобновленія сельскохозяйственныхъ винокурень, но у сельскихъ хозяевъ нѣтъ прежнихъ средствъ для ихъ возстановленія. Ихъ прежнія затраты на это дѣло пошли прахомъ не по ихъ винѣ. Новыя затраты на винокуреніе, вслѣдствіе измѣнившихся техническихъ условій, требуются въ бо́льшихъ чѣмъ прежде размѣрахъ, а средствъ на нихъ не имѣется, да еслибъ и имѣлись, трудно на нихъ отваживаться при конкурренціи сильныхъ, окрѣпшихъ крупныхъ заводовъ и съ перспективою быть подорванными этою конкурренціей. Только та же сила которая подавила сельское винокуреніе можетъ вновь поднять оное путемъ премій, или ссудъ, или иныхъ поощреній. Такія поощрительныя мѣры на пользу сельскаго хозяйства были бы только уплатой слѣдующаго ему долга, возвратомъ того что̀ было у него отнято.

Б.

Въ № 100 *Московскихъ Вѣдомостей*, говоря о дѣлѣ бывшаго казанскаго губернатора Н. Я. Скарятина, мы упомянули о дѣйствіяхъ администраціи при усмиреніи черни въ городѣ Одессѣ. Это было въ 1872 году, во время Пасхи. Чернь, обезумѣвъ отъ пьянства, принялась грабить еврейскіе дома и лавки. Тогдашній новороссійскій генералъ-губернаторъ, генералъ Коцебу, выѣхавъ верхомъ на базарную площадь гдѣ бушевала толпа и имѣя въ своемъ распоряженіи достаточно военной силы чтобы скомандовать наступленіе, приказалъ прежде полиціи усмирять буйныхъ нагайками и розгами. Экзекуція была учинена тутъ же, на улицѣ; толпы быстро разбѣжались, и безпорядки прекратились безъ выстрѣла Порицала ли тогда высшая правительственная власть это распоряженіе генералъ-губернатора? Нѣтъ. Возму-

тилось ли общественное мнѣніе? Напротивъ, въ Одессѣ сожалѣли только почему генералъ-губернаторъ дѣйствовалъ энергически лишь на третій день свалки, а не въ первый, когда этимъ возможно было предупредить разгромъ многихъ жилищъ. Когда же газета *Голосъ*, окрашенная въ то время въ яркія *антисемитскія* краски, вздумала доказывать что администрація не имѣла права своевольно наказывать кого-либо безъ разрѣшенія судовъ, министръ Внутреннихъ Дѣлъ далъ ей предостереженіе. Какъ извѣстно, генералъ Коцебу не навлекъ на себя никакой кары; напротивъ, онъ вскорѣ получилъ высшее назначеніе и былъ возведенъ въ графское достоинство.

Въ 1881 году, также во время Пасхи, въ Одессѣ снова явилось тревожное опасеніе что чернь начнетъ буйствовать. Городъ находился нѣсколько дней буквально въ осадномъ положеніи; военные патрули ходили по улицамъ и занимали площади. Однако, при извѣстіи о разбитыхъ стеклахъ въ лавкахъ, въ середу на Святой недѣлѣ, никто не скомандовалъ: „пли." Нарушившихъ порядокъ просто изловили и окруживъ цѣпью полицейскихъ спровадили къ гавани, гдѣ ихъ помѣстили на баржахъ отбуксированныхъ отъ берега и поставленныхъ на якорѣ. Три дня одесская публика созерцала, съ высоты приморскаго бульвара, узниковъ этихъ пловучихъ тюремъ. Чрезъ нѣсколько времени администрація разобрала кто изъ задержанныхъ подлежалъ судебному преслѣдованію, а кто административнымъ взысканіямъ. Одесскіе полицейскіе дома огласились затѣмъ воплями шальныхъ парней, которыхъ, ради острастки на будущее, посѣкли по распоряженію администраціи. Хорошо ли такъ было поступлено или нѣтъ, но Одесса не сдѣлалась театромъ сценъ какія потомъ разыгрались въ Елисаветградѣ, Кіевѣ и Балтѣ.

Мы предоставляемъ всякому судить такъ или иначе объ этихъ дѣйствіяхъ полицейской власти; предоставляемъ однимъ одобрять, другимъ порицать ихъ. Дѣло теперь не въ этомъ. Считаемъ только не лишнимъ замѣтить, по адресу тѣхъ господъ которые все ссылаются на западную Европу и негодуютъ, во имя ея цивилизаціи и *правовыхъ* порядковъ, на подобные факты у насъ. Въ странѣ самой *правовой*, самой западной, самой цивилизованной, родинѣ политической свободы и суда присяжныхъ, откуда всѣ другія страны заимствовали шаблонно всѣ такъ-называемыя либеральныя учрежденія, въ Англіи, даже при нормальныхъ обстоятельствахъ, мировые судьи (которые, мимоходомъ, нисколько не походятъ на нашихъ мировыхъ судей, а служатъ органами мѣстнаго управленія, назначаются правительствомъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и соединяютъ въ себѣ неразрывно административную, полицейскую и судебную власти), мировые судьи, арестуя подозрительныхъ бродягъ и *rogues*, держатъ ихъ въ заключеніи и исправляютъ ихъ нравы девятихвосткой, которая постóитъ нашей нагайки. Припомнимъ фактъ большихъ размѣровъ, получившій всеобщую огласку и бывшій въ Лондонѣ. Появились тамъ во множествѣ уличные грабители отъ которыхъ не было прохода мирнымъ жителямъ; немедленно было сдѣлано распоряженіе чтобы негодяевъ, слывшихъ подъ именемъ garroters, по изловленіи нещадно сѣчь. Пересѣчено было множество, и лондонскія улицы быстро освободились отъ этой язвы. Мы приводимъ эти факты не съ тѣмъ чтобъ оправдывать ими вышеупомянутыя распоряженія одесскихъ властей, а только съ тѣмъ чтобы нашимъ ревнителямъ цивилизаціи, которые корятъ насъ западомъ, показать какіе они хлыщи.

Послѣ 1872 года, положеніе о власти губернаторовъ не измѣнилось ни въ чемъ. Почему же то что̀ было признано правильнымъ въ 1872 году, оказалось преступнымъ въ 1878 году? И отчего въ то самое время когда бывшій Казанскій губернаторъ былъ преданъ судебно-слѣдственнымъ истязаніямъ, въ Одессѣ, вновь, по распоряженію административной власти, творилась тѣлесная расправа? Какъ случилось что дѣятельный, вѣрою и правдою служившій своему Государю правитель преданъ позорящему суду за то самое что̀ дѣлалось другими въ подобныхъ обстоятельствахъ и прежде и послѣ? Еслибъ и оказалась какая-либо разница между дѣйствіями администраціи въ Одессѣ и дѣйствіями бывшаго Казанскаго губернатора въ 1878 году, то такая ли чтобъ одни повысились въ чести, а другой былъ бы обезславленъ и преданъ суду...

№ 103.

Москва, 12-го апрѣля.

Мы уже имѣли случай указать на то съ какою энергіей, рѣшительностью и пренебреженіемъ всѣхъ доктринъ *либерализма* сумѣло Англійское *либеральное* правительство отнестись къ дѣлу подавленія крамолы когда эта язва коснулась ея самой. Пока Англія считала себя застрахованною отъ революціонныхъ бандитовъ, она была ихъ главною покровительницей не только въ матеріальномъ отношеніи, радушно предоставляя имъ работать словомъ и дѣломъ на своей территоріи, но и тѣмъ въ особенности что признаніемъ принципа „убѣжища" она спутала понятія. Политическіе убійцы становились чуть не героями перешагнувъ за предѣлы своей страны и вступивъ на почву „свободной" Англіи; они гордо поднимали голову и пользовались печатью для публичной проповѣди о своихъ подвигахъ, забрасывая грязью правительство своей страны. Чѣмъ наглѣе была проповѣдь разрушенія, тѣмъ смиреннѣе пасовала предъ нею либеральная доктрина, принимая за чистую монету все что англійская политика лицемѣрно выдавала за непреложное начало англійскаго государственнаго права.

Послушайте же какъ выражался англійскій министръ внутреннихъ дѣлъ и притомъ членъ либеральнаго (въ англійскомъ смыслѣ) кабинета когда дѣло коснулось самой Англіи и ей пришлось на себѣ испытать дѣятельность революціонной шайки, руководители которой сидятъ въ безопасности по ту сторону Атлантическаго Океана и высылаютъ въ Англію своихъ выдрессированныхъ посредствомъ суровой дисциплины динамитныхъ эмиссаровъ. „Мы переживаемъ такое время," говорилъ сэръ Вильямъ Гаркортъ въ засѣданіи палаты общинъ, внося свой билль о взрывныхъ веществахъ, „когда намъ всѣмъ *предстоитъ дѣйствовать, а не вести парламентскіе дебаты.* Намъ всѣмъ извѣстно съ какимъ врагомъ мы имѣемъ дѣло. Мы боремся противъ *организованной* банды, состоящей не изъ однихъ только преступниковъ низшаго разбора, но изъ людей интеллигентныхъ классовъ общества, которые соединились для разрушенія всего что составляетъ основу общежитія, людей открыто проповѣдующихъ и развивающихъ свое ученіе (хотя ихъ организація скрывается во мракѣ), которое сводится къ истребленію массы людей и разрушенію цѣлыхъ городовъ. Мы имѣемъ дѣло со злодѣями, которые, подобно морскимъ разбойникамъ, должны быть объявлены врагами всего человѣческаго рода, лишенными національности. Опасность предъ которою мы стоимъ теперь лицомъ къ лицу есть опасность отчасти новая, какъ, напримѣръ, нигилизмъ; и мы должны бороться противъ нея новымъ оружіемъ..."

Но развѣ нигилизмъ существуетъ со вчерашняго дня? Развѣ мысль о томъ что всѣ эти приверженцы всесвѣтной крамолы и проповѣдники убійствъ и разрушенія должны быть приравнены къ морскимъ пиратамъ и объявлены врагами всего человѣчества, съ тѣмъ чтобы всякая цивилизованная страна нетолько отказывала имъ въ пріютѣ у себя, но и предавала ихъ заслуженной карѣ,—развѣ эта мысль не высказывается уже болѣе десяти лѣтъ здравомыслящими людьми? Кто же болѣе Англіи противился тому чтобъ эта мысль перешла наконецъ въ писанное право международнаго союза? Кто не знаетъ что Англія была виною тому что не получило практическаго осуществленія даже то скромное предложеніе которое возникло въ 1881 году, послѣ преступленія 1 марта, по иниціативѣ Германскаго рейхстага и которое было разослано княземъ Бисмаркомъ ко всѣмъ державамъ? Сэръ-Вильямъ Гаркортъ теперь только убѣдился что парижскіе петролейщики и русскіе нигилисты суть враги всего человѣчества, потому что ихъ замыслы направлены на убійства и разрушеніе. Но въ 1871 году, когда парижская коммуна была подавлена, не въ Англію ли скрылись герои коммуны ускользнувшіе изъ рукъ французскихъ властей? Почему же Англійское правительство не подумало тогда что оно даетъ у себя убѣжище людямъ которые сожгли лучшую часть Парижа съ помощью петролея (динамитъ еще не былъ тогда въ ходу) и которые разстрѣляли на улицѣ парижскаго архіепископа и сотни людей виновныхъ въ ихъ глазахъ лишь потому что принадлежали къ имущимъ классамъ? А русскіе нигилисты развѣ со вчерашняго только дня учредили свою главную квартиру въ Лондонѣ? Въ Лондонѣ же воздвигли свои „свободные станки" коноводы нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ съ Мостомъ во главѣ, которые

проповѣдуютъ противъ Германіи то самое что ирландскіе революціонныя газеты въ Америкѣ пропагандируютъ противъ Англіи.

Итакъ, Англія должна была на себѣ испытать послѣдствія этой безграничной „свободы слова“ чтобъ убѣдиться что есть непосредственная связь между этою „неприкосновенною привилегіей политической свободы“ и динамитомъ. Теперь Англійское правительство признаетъ такую причинную связь. Въ той самой рѣчи, на которую мы сослались, сэръ-Вильямъ Гаркортъ замѣтилъ въ самомъ началѣ: „Не одинъ разъ уже обращалось вниманіе палаты на угрозы противъ насъ *разбойничьей заграничной печати*; нашлись люди которые по невѣдѣнію или по другимъ причинамъ сочли возможнымъ отнестись съ насмѣшкой къ опасности которую представляли для насъ эти мятежныя рѣчи, теперь для всякаго очевидно что дѣло это было не шуточное.“

Итакъ, дѣло становится не шуточнымъ съ той только минуты когда опасность угрожаетъ самой Англіи. Тогда, и только тогда, вещи начинають называться ихъ настоящимъ именемъ. Англійское правительство сдѣлало даже попытку побудить Американское правительство къ обузданію „разбойниковъ печати.“ А еще не слышно чтобы рядомъ съ суровыми мѣрами, которыя нынѣ приняты въ Англіи противъ ирландскихъ заговорщиковъ, имѣлось тамъ въ виду ограничить свободу дѣйствій тѣхъ международныхъ „пиратовъ“ которые понынѣ стекаются въ Лондонъ со всѣхъ концовъ міра, и запасаясь здѣсь инструкціями и всѣмъ нужнымъ, развозятъ по всему міру свою пропаганду и способы разрушенія.

Неужели европейская дипломатія не соберется и теперь съ духомъ чтобы поставить Англіи на видъ двоедушіе ея образа дѣйствій и ея двойную мѣру?..

№ 104.

Москва, 13-го апрѣля.

Проектъ преобразованія русской хлѣбной торговли учрежденіемъ складочно-варрантой системы преимущественно на американскіе капиталы и при американскомъ же главенствѣ въ управленіи не могъ не обратить на себя вниманія, и къ намъ начинаютъ уже поступать заявленія по этому предмету далеко не сходныя между собою.

Изъ числа присланныхъ намъ заявленій, прежде всего обращаемъ вниманіе на помѣщенное ниже письмо князя А. В. Мещерскаго. Онъ горячо привѣтствуетъ въ принципѣ въ высокой степени полезность этого предпріятія, въ надеждѣ что оно какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ избавитъ отъ ихъ главной общей бѣды, той „что на *одинъ* разъ когда пшеница продана безубыточно приходится продать *десять* разъ по убыточной цѣнѣ.“

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы помѣщаемъ другое заявленіе, противоположнаго свойства, идущее отъ „хлѣбнаго торговца,“ нашего елецкаго корреспондента. Вмѣсто привѣтствій задуманному предпріятію, мы читаемъ въ его корреспонденціи о „тревожномъ чувствѣ“ которое де возбуждено какъ въ землевладѣльческомъ, такъ и въ коммерческомъ мірѣ, слухами объ иностранной компаніи добивающейся взять въ свои руки монополію по эксплуатаціи русскаго хлѣбо-торговаго дѣла. Помимо опасеній вызываемыхъ монополизаціей хлѣбнаго дѣла, онъ высказываетъ еще опасеніе какъ бы система элеваторовъ и насыпныхъ вагоновъ не причинила, вмѣсто выгодъ, серіознаго вреда нашему народному хозяйству. Эта система должна удешевить и облегчить перевозку, а стало-быть и сбытъ хлѣба за границу, только де *въ зернѣ*. Но уже и теперь перевозка хлѣба въ зернѣ сравнительно съ перевозкой его въ переработанномъ видѣ пользуется у насъ большими преимуществами, въ подрывъ имѣющей такую огромную важность перерабатывающей хлѣбъ промышленности, которая подъ неблагопріятнымъ вліяніемъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ, вмѣсто того чтобы развиваться, находится въ застоѣ и клонится къ упадку. При усиленномъ поощреніи зерноваго сбыта, мукомольная промышленность, которую нужно всячески поддерживать, о чемъ отовсюду идутъ настоятельныя ходатайства, была бы де убита. Отпуская за границу свой хлѣбъ почти исключительно въ зернѣ, страна получаетъ за него наинизшую цѣну, тогда какъ отпуская его въ переработанномъ видѣ она получала бы за него цѣну наивысшую. При зерновомъ отпускѣ, весь огромный заработокъ даваемый переработкой зерна отнимается у своего народа и отдается ино-

странцамъ; вмѣстѣ съ зерномъ, безвозвратно уходятъ за границу и условія плодородія родной почвы; вся громадная масса получаемыхъ при переработкѣ зерна отбросовъ отнимается у своего сельскаго скотоводства, и обращается въ даровое кормленіе чужаго скота, на пользу чужаго земледѣлія. Желательно преобразовать нашъ хлѣбный отпускъ устраненіемъ по возможности всѣхъ этихъ его невыгодъ, а не усиливать и упрочивать эти невыгоды поощреніемъ *исключительно* зерноваго отпуска.

Остановимся пока на этихъ двухъ противорѣчивыхъ заявленіяхъ.

Это правда что мукомольная промышленность и вообще всѣ виды переработки хлѣба дѣло очень важное. Возможно бо́льшая замѣна отпуска зерна отпускомъ хлѣба въ переработанномъ видѣ вела бы къ несомнѣнному обогащенію страны ежегодно на десятки, можетъ-быть даже на сотни милліоновъ. Помимо большихъ прямыхъ выгодъ отъ развитія въ странѣ этой доходной промышленности, могущей дать народу многомилліонные заработки, можетъ-быть еще важнѣе косвенныя отъ нея выгоды. Если можно относиться скептически къ необходимости винокуренной барды для сельско-хозяйственнаго скотоводства, то не можетъ подлежать никакому сомнѣнію сельско-хозяйственное значеніе отрубей и другихъ побочныхъ продуктовъ переработки хлѣба. Удержаніе въ странѣ и обращеніе на пользу своего скотоводства ежегодно многихъ десятковъ милліоновъ пудовъ этихъ побочныхъ продуктовъ обработки хлѣба есть цѣль къ которой нужно всячески стремиться: это вопросъ о судьбахъ нашего земледѣлія, вопросъ о поддержаніи плодородія нашей почвы въ періодъ когда изъ многихъ мѣстностей уже слышатся громкія сѣтованія на ея истощеніе, и не меньшія жалобы на невозможность содержанія скота въ нужномъ для земледѣлія количествѣ, за недостаткомъ необходимаго для него корма. Дѣло такъ важно что нельзя останавливаться предъ крупными жертвами въ видахъ развитія перерабатывающей хлѣбной промышленности. Необходимо устранять все что препятствуетъ ея развитію, прежде всего не допуская ни подъ какимъ видомъ въ нашихъ желѣзнодорожныхъ тарифахъ такихъ провозныхъ ставокъ которыя обращались бы въ подрывъ мукомольному производству, постановивъ непремѣннымъ правиломъ чтобы всякое удешевленіе и облегченіе перевозки зерноваго хлѣба обязательно сопровождалось удешевленіемъ и облегченіемъ транспортировки хлѣба переработаннаго, такъ чтобы сбытъ сего послѣдняго былъ премированнымъ, а не угнетеннымъ сравнительно со сбытомъ зерна. При существующихъ условіяхъ, пока перерабатывающая хлѣбъ промышленность, столь долго остававшаяся въ полномъ небреженіи, не достигла желаемаго развитія, было бы вполнѣ согласно со здравою національною политикой установить выдачу премій за вывозъ хлѣба не въ зернѣ, а въ мукѣ и другихъ обработанныхъ видахъ. Не будь такъ грозна для насъ американская хлѣбная конкурренція, будь менѣе невыгоденъ для насъ созданный многолѣтнимъ рядомъ экономическихъ ошибокъ нашъ международный разчетный балансъ, могла бы идти рѣчь, пожалуй, даже о нѣкоторомъ стѣсненіи зерноваго отпуска, напримѣръ, о положеніи на вывозимое зерно небольшой отпускной пошлины.

Но ни о какихъ стѣсненіяхъ вывоза зерна не можетъ быть рѣчи при существующихъ обстоятельствахъ. Намъ нужно во что бы то ни стало расширить существующія статьи отпуска, даже при сознаніи малой выгодности ихъ, чтобы не допускать возрастанія нашихъ долговъ иностранцамъ въ чрезмѣрной прогрессіи. Пока наше мукомольное производство не стало какъ должно на ноги, пока мука не имѣетъ значительнаго мѣста въ нашемъ отпускѣ, мы должны всячески заботиться объ удержаніи за нашимъ зерномъ тѣхъ иностранныхъ рынковъ откуда шагъ за шагомъ вытѣсняетъ его американская конкурренція; надобно заботиться объ удешевленіи нашего хлѣба безъ ущерба его производителямъ, дабы обезпечить за нимъ рынки сбыта. Но еслибъ эта забота и не была такъ настоятельною, все же нельзя было бы пренебрегать устройствомъ элеваторовъ и перевозкою хлѣба въ ссыпную: ведя къ сокращенію накладныхъ расходовъ, эта система перевозки и тогда была бы нужна, если не для удешевленія нашего хлѣба для потребителей, то для повышенія цѣнъ на него получаемыхъ нашими производителями. Эта система *сама по себѣ* вовсе не находится въ противорѣчіи съ интересами обрабатывающей хлѣбъ промышленности: напротивъ, удешевленіе перевозки нужнаго ей зерна

есть прямой ея интересъ, если только перевозка муки поставлена въ не менѣе выгодныя условія.

Затѣмъ что касается складочно-варрантной системы, то ея несомнѣнныя и важныя выгоды находятся внѣ спора, и можно желать чтобъ ея выгодами равно пользовались продавцы и зерна, и муки, и другихъ товаровъ. Относиться непріязненно къ системѣ варрантовъ могутъ только спекулянты-перекупщики, которымъ она мѣшала бы прижимать производителей хлѣба въ трудныя минуты и брать у нихъ хлѣбъ за дешево съ тѣмъ чтобы продавать въ тридорога.

Необходимо уравнять условія русскаго хлѣбнаго сбыта съ американскимъ, и въ этихъ видахъ введеніе у насъ системы варрантныхъ складовъ было бы дѣйствительно благодѣяніемъ. Но въ Америкѣ складочно-варрантная система не есть дѣло фактически сосредоточенное въ рукахъ какой-либо одной компаніи; тамъ оно раздроблено по рукамъ многихъ соперничающихъ одно съ другимъ предпріятій. Несмотря на отсутствіе монополіи, въ Америкѣ признаны необходимыми серіозныя гарантіи противъ злоупотребленій тамошней складочно-варрантной системы; надъ операціей установленъ дѣйствительный и дѣятельный контроль, въ видѣ инспекціи торговыхъ палатъ.

Введеніе складочно-варрантной системы со всѣми ея приспособленіями необходимо. Но надобно чтобъ эта операція не была предметомъ монополіи въ частныхъ рукахъ и особенно въ рукахъ иностранцевъ которые не упустятъ извлечь до послѣдней копѣйки всякую выгоду какую только можетъ предоставить имъ любой пунктъ даннаго ихъ компаніи устава, всякая въ немъ обмолвка. Складочно-варрантная операція ни въ какой странѣ не предоставлена монополіи; смотря по мѣстнымъ условіямъ, ее берутъ на себя и разные частные предприниматели, и желѣзнодорожныя общества, и города; ее можетъ брать на себя и государство, и лишь въ этомъ послѣднемъ случаѣ монопольный характеръ операціи не возбуждалъ бы опасеній.

Указаніе на то что половина американскихъ желѣзныхъ дорогъ была выстроена на англійскія деньги едва ли можетъ быть признано серіознымъ аргументомъ. Говоримъ это не потому что Американцы позаботились выкупить изъ иностранныхъ рукъ акціи и облигаціи своихъ желѣзныхъ дорогъ, и что ихъ экономическое положеніе много улучшилось послѣ того какъ они такимъ образомъ освободили свою страну отъ эксплуатаціи оной чужеземными капиталистами. Постройка желѣзнодорожной сѣти требовала нѣсколькихъ сотъ милліоновъ рублей; можно было усомниться въ возможности осуществить полезное дѣло своими средствами; можно было поэтому сказать иностранцамъ: приходите строить намъ желѣзныя дороги и управлять ими. Совсѣмъ иное дѣло посылать за море за какими-нибудь двадцатью милліонами, говоря ихъ владѣльцамъ: приходите устроить нашу русскую хлѣбную торговлю — и володѣть ею.

№ 105.

Москва, 14-го апрѣля.

Въ нашей интеллигенціи образовалась удивительная складка: она понимаетъ, допускаетъ и уважаетъ всякую инціативу, энергію, предпріимчивость, въ смыслѣ нерусскомъ, и напротивъ невольно и безотчетно относится пренебрежительно ко всему что происходитъ на русской почвѣ, въ русскомъ смыслѣ, и клонится въ пользу Россіи. Говоримъ: невольно и безотчетно; потому что никто изъ нашихъ умниковъ конечно не сознаетъ за собою такого грѣха, и всѣ примутся и негодовать и чураться коль скоро кто дерзновенно поставитъ на видъ вышеупомянутое свойство нашей интеллигенціи. Свойство это есть послѣдствіе издавна ведущейся антинаціональной политики, въ которой и заключается источникъ всѣхъ нашихъ глупостей и всѣхъ нашихъ золъ. Поразительныя несообразности, которыя такъ не рѣдко оказываются и во мнѣніяхъ и въ дѣлахъ нашихъ, происходятъ не отъ того чтобы люди у насъ были отъ природы неспособны распознавать добро и зло, а вслѣдствіе фальшивой складки образовавшейся въ умахъ. Мы гдѣ нужно либеральны и гдѣ нужно консервативны въ чуждомъ и противномъ нашей народности направленіи, въ силу навыка который сложился исторически и дѣйствуетъ инстинктивно. Наша интеллигенція почтительно снимаетъ шапку предо всякимъ нерусскимъ движеніемъ, даже въ томъ случаѣ когда ей приходится, по офи-

ціальному положенію, бороться съ нимъ. Тутъ она старается показать себя цивилизованною и вѣжливою, мягкою и уступчивою, либерально-консервативною и консервативно-либеральною; тутъ она расшаркивается, конфузится и улыбается своими наилучшими улыбками. Совсѣмъ иной принимаетъ она видъ когда ей приходится вѣдаться съ русскою инипіативой, съ дѣломъ русскаго происхожденія; тутъ она ставитъ себѣ долгомъ,— долгомъ либерализма и консерватизма, долгомъ цивилизаціи и прогресса,—быть грубою, суровою, придирчивою, неуступчивою; тутъ она не только не поощряетъ, но систематически подавляетъ всякую живую силу, всякій духъ инипіативы; тутъ явятся на каждомъ шагу заставы и шлагбаумы. Она попробуетъ въ какомъ смыслѣ направлено дѣло, изъ какихъ интересовъ и побужденій оно исходитъ и къ чему клонится, и если почувствуетъ что интересъ его есть русскій интересъ, что духъ его есть русскій духъ, то она немедленно станетъ ему поперекъ дороги, и во всѣхъ ея словахъ и дѣйствіяхъ такъ и послышится „куда ты, рыло, лѣзешь?“ Недавно видѣли мы яркій тому примѣръ по поводу вопроса о транзитѣ. Тѣ самые органы которые требуютъ конституціи и кричатъ объ общественномъ мнѣніи, безстыднѣйшимъ образомъ опрокинулись на русскую промышленность когда она заговорила въ своемъ интересѣ. Заговори тѣ же люди въ какомъ - либо нерусскомъ интересѣ, имъ была бы воздана честь и хвала, а въ тѣхъ сферахъ которыя судятъ и рядятъ она нашла бы себѣ поборниковъ и ревнителей. Помните сколько шуму было по поводу того что губернаторъ высѣкъ Татаръ! А высѣкли русскихъ буяновъ въ Одессѣ, всѣ нашли это естественнымъ и отнеслись къ дѣлу благоразумно.

Мы то и дѣло слышимъ о пассивности нашего православнаго духовенства, о недостаткѣ въ немъ духа инипіативы и энергіи. Однако попробуй-ка какой-нибудь выскочка изъ русскаго православнаго духовенства дѣйствовать съ убѣжденіемъ, въ томъ смыслѣ въ какомъ и можетъ и должно дѣйствовать русское православное духовенство, какъ странно всѣ переглянутся между собою, и какъ мало серіозной поддержки встрѣтитъ такая дѣятельность, увы, въ правительственныхъ сферахъ! Мы печатаемъ сегодня печальную исторію объ усиліяхъ неутомимыхъ и энергическихъ, поднятыхъ духовнымъ лицомъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, гдѣ такъ желательно и такъ необходимо живое дѣйствіе пастырей церкви. Все придумано, все пріискано, все употреблено чтобы затруднить дѣло. Отецъ Анатолій — и русской народности, уроженецъ западной Руси, гдѣ православію приходится вести постоянную борьбу, но гдѣ не могъ бы держаться польскій вопросъ еслибы правительство поддерживало, не выдавало русскіе элементы. Отъ кого достопочтенному архимандриту Успенскаго монастыря приходится отбиваться? Отъ тѣхъ властей въ которыхъ надобно было бы ему находить себѣ всякое поощреніе и поддержу. Корреспондентъ доставившій намъ помѣщаемыя въ этомъ нумерѣ свѣдѣнія о дѣятельности отца Анатолія прислалъ намъ и копію официальныхъ документовъ которые подтверждаютъ все высказанное въ этой корреспонденціи. Читая эти документы видишь какъ опутана и затруднена дѣятельность русскаго человѣка въ русскомъ смыслѣ. Сколько къ нему придирокъ и какимъ несчастнымъ и безправнымъ является онъ въ своихъ усиліяхъ! Будь онъ Полякъ и дѣйствуй онъ, конечно, умно и ловко, въ смыслѣ противномъ Россіи, съ какимъ по крайней мѣрѣ уваженіемъ относились бы къ нему даже въ тѣхъ случаяхъ когда приходилось бы изъ приличія нѣсколько регулировать его дѣятельность. Благодаря новому соглашенію съ Ватиканомъ, въ Привислинскихъ губерніяхъ и въ Западномъ Краѣ водворяются, въ значительномъ числѣ, *польско-*католическіе (у насъ не *римскій* католицизмъ, а *польскій*) епископы; правительственный контроль установленный надъ распоряженіями этихъ епископовъ отмѣняется, и каждый изъ нихъ становится въ своей епархіи полнымъ хозяиномъ вооруженный сильною властію при той военно-духовной дисциплинѣ которою отличается воинствующая римская (у насъ польская) церковь. Посмотрите же какое жалкое положеніе будутъ имѣть сравнительно съ ними православные архипастыри, къ которымъ власти подходятъ подъ благословеніе, но у которыхъ не просятъ содѣйствія цѣлямъ правительства въ народномъ просвѣщеніи и въ упроченіи освящаемаго Церковію порядка. Епископъ радъ былъ бы и самъ что-нибудь сдѣлать и поддержать всякое доброе начинаніе въ предѣлахъ своей епархіи, но его сейчасъ осадятъ и поставятъ на мѣ-

сто то губернаторъ, то попечитель, то какой-нибудь непремѣнный членъ отъ земства, даже консисторія, которая у насъ не всегда слушается своего епископа...

Заговоритъ ли русскій интересъ, примется ли за дѣло русскій человѣкъ, напримѣръ пастырь православный, тысяча окажется формальностей, возраженій, замѣчаній: и то неправильно, и это неловко; всякое лыко ставится въ строку. Отецъ Анатолій съ глубокимъ убѣжденіемъ, не жалѣя силъ, исполнялъ въ сферѣ своего дѣйствія то что правительство должно ставить и повидимому ставитъ своею задачей: распространеніе среди народа просвѣщенія подъ сѣнію церкви. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли быть сомнѣніе что наша первоначальная школа должна главнымъ образомъ находиться въ рукахъ духовенства? Но вотъ въ то время когда правительство учреждаетъ коммиссію для разработки вопроса о приходскихъ училищахъ (хотя и разрабатывать-то въ сущности нечего въ дѣлѣ столь простомъ и очевидномъ) настоятель монастыря въ Могилевской губерніи, давно и успѣшно трудившійся для этого дѣла и въ томъ смыслѣ какой необходимо и желательно придать ему, положившій свою душу на это дѣло, выработавшій не въ пустыхъ дебатахъ, но на многолѣтней практикѣ, свой планъ,—лишается возможности дѣйствовать, подвергается строгой цензурѣ отъ мѣстныхъ властей, и чуть не изгоняется изъ края какъ мятежникъ, подобно тому какъ при генералѣ Потаповѣ, изъ того же края, изгонялись призванные Муравьевымъ изъ глубины Россіи чиновники,—изгонялись въ качествѣ демагоговъ и соціалистовъ потому что отъ нихъ солоно приходилось врагамъ Россіи...

Неужели высшее правительство не избавитъ людей подобныхъ отцу Анатолію отъ необходимости бороться не то что съ врагами Россіи, а съ властями своего правительства, въ которыхъ они должны были бы находить себѣ поддержку? Времена трудныя; пора направить служебныя власти должнымъ образомъ и неукоснительно замѣнять тѣхъ кого направлять было бы трудомъ напраснымъ...

№ 106.

Москва, 15-го апрѣля.

Рядъ сказаній о новѣйшемъ тройномъ союзѣ еще не заключился: къ офиціальнымъ недомолвкамъ и офиціознымъ разоблаченіямъ по этому предмету должно присоединить новую версію парижскаго корреспондента газеты *Times*, извѣстнаго г. Бловица, этого дипломата между газетными корреспондентами. Г. Бловицъ ѣздилъ недавно въ Италію, по спеціальной повидимому „миссіи.“ Въ Римѣ ему оказанъ былъ торжественный пріемъ мѣстными представителями печати; а по возвращеніи въ Парижъ онъ посвятилъ одну изъ ежедневныхъ своихъ корреспонденцій, помѣщенную въ нумерѣ *Times* отъ 19 апрѣля, „тройному союзу.“ Онъ заявляетъ что все что до сихъ поръ проникло въ публику имѣло скорѣе цѣлью скрыть истину нежели разоблачить ее. Онъ, г. Бловицъ, собралъ по этому предмету достовѣрныя свѣдѣнія и, побуждаемый стремленіемъ къ истинѣ, рѣшается „прервать молчаніе“ и разказать какъ дѣло было.

Переговоры о союзѣ начались, по сказанію г. Бловица, еще въ іюнѣ прошедшаго года, и эти переговоры повели къ подписанію въ ноябрѣ „тройной ноты,“ заключающей въ себѣ якобы формальную взаимную гарантію неприкосновенности владѣній всѣхъ трехъ державъ, обязывающую ихъ подать общую помощь той изъ нихъ которая подвергнется нападенію. Сверхъ того, всѣ три державы взаимно обезпечиваютъ де неприкосновенность „морскихъ правъ“ каждой изъ нихъ. Что подразумѣвается подъ этимъ загадочнымъ выраженіемъ, г. Бловицъ точнѣе не опредѣляетъ. Срокъ трактата шестилѣтній. Къ этому корреспондентъ *Times* считаетъ нужнымъ добавить что слухъ о томъ будто бы первоначально переговоры велись между Австріей и Италіей, и что Германія одобрила оное и присоединилась къ нему только въ послѣдствіи—невѣренъ; переговоры велись одновременно между всѣми тремя державами, и результатомъ этихъ переговоровъ, продолжавшихся около полугода, была „тройная нота.“

Кому же однако изъ трехъ контрагентовъ угрожала столь великая опасность внѣшняго нападенія въ іюнѣ прошедшаго года? Г. Бловицъ соглашается что въ на-

стоящее время не предвидится ни съ чьей стороны воинственныхъ замысловъ противъ кого бы то ни было. Но въ іюнѣ прошедшаго года Египетскій вопросъ находился въ самой критической фазѣ своего развитія. Гамбетта не только былъ еще живъ, но никто не подозрѣвалъ его скорой кончины повлекшей за собою столь глубокое приниженіе Франціи. Было де извѣстно что Гамбетта строилъ обширные планы по поводу египетскаго предпріятія, въ которомъ онъ желалъ чтобы Франція приняла дѣятельное участіе. И вотъ тогда-то Италіянцевъ охватилъ страхъ который г. Бловицъ самъ признаетъ нелѣпымъ, страхъ о томъ что Франція намѣревается напасть на Италію врасплохъ и занять Туринъ. Подъ вліяніемъ этого нелѣпаго опасенія, италіянскіе политики рѣшились оградить себя оборонительнымъ союзомъ. Отчасти этому содѣйствовало и то что Италія, въ теченіе трехъ лѣтъ, имѣла своими представителями въ Парижѣ очень плохихъ политиковъ, такъ что между обѣими державами почти не было никакого общенія, а потому немудрено де что возникли всякаго рода взаимныя недоразумѣнія и подозрѣнія.

Съ точки зрѣнія посторонняго зрителя, какъ напримѣръ Англіи или Россіи, трудно де понять какая выгода въ подобномъ союзѣ. Но каждая изъ участницъ соглашенія имѣла въ этомъ дѣлѣ, по мнѣнію г. Бловица, свои *особыя* соображенія (стало-быть не общій для всѣхъ трехъ одинаковый интересъ), а именно: Германія упрочивала главную цѣль своихъ политическихъ стремленій — предупрежденіе возможности союза между Франціей и Россіей. Сверхъ того, она получила новый способъ нравственнаго давленія на Ватиканъ и побужденія его къ уступчивости въ безконечномъ церковномъ вопросѣ посредствомъ угрозы окончательно принять сторону Квиринала, въ его спорахъ съ Ватиканомъ. Для Австріи выгода заключалась въ томъ что Италія при союзѣ перестанетъ быть для нея вѣчною угрозой и должна будетъ сама справляться съ ирредентистами. Кромѣ того, Австріи развязывались съ этой стороны руки на Востокѣ, и на случай столкновенія съ Россіей она избавлялась отъ необходимости ограждать себя съ тыла.

Вотъ въ чемъ заключаются въ главныхъ чертахъ тѣ побужденія которыя, по сказанію г. Бловица, привели къ соглашенію, коимъ характеризуется новѣйшая фаза европейской политики. Союзъ заключенъ не вслѣдствіе дѣйствительной общности интересовъ, хотя бы временной. Договоръ имѣетъ предметомъ обезопасить союзниковъ другъ отъ друга на случай нападенія на котораго-либо изъ нихъ. Каждый изъ союзниковъ спѣшитъ заявить что онъ не имѣетъ никакого повода опасаться предполагаемаго общаго врага, а напротивъ питаетъ къ нему наилучшія, самыя дружелюбныя чувства. Одинъ изъ союзниковъ, Австро-Венгрія, соединился съ Италіей подъ предлогомъ обороны противъ Франціи; но на самомъ дѣлѣ Австрія не имѣетъ ни малѣйшей причины ссориться съ Франціей. Италія же, со своей стороны, избавилась этимъ способомъ отъ опасности представившейся черезчуръ пылкому воображенію ея государственныхъ людей при исключительныхъ условіяхъ, которыя и исчезли къ тому времени когда союзъ былъ заключенъ.

Понятно что съ одной стороны для Германіи, съ другой для Австріи имѣется разсчетъ связать Италію; но послѣ всѣхъ объясненій и разоблаченій до сихъ поръ остается непостижимымъ въ чемъ заключается выгода Италіи.

Какихъ впрочемъ хитроумныхъ комбинацій не приходится встрѣчать! Такъ одна изъ турецкихъ газетъ, издающаяся въ Константинополѣ, стала недавно проповѣдывать о совершенномъ тождествѣ интересовъ между Австріей и Турціей... Султанъ подписалъ на дняхъ декретъ о соединеніи австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ съ турецкими, вслѣдствіе чего установится прямой рельсовый путь изъ Вѣны въ Салоники. Газета *Османліе*, доказывавшая прежде что такое соединеніе грозитъ бѣдой турецкому владычеству въ Европѣ, перемѣнила тонъ и теперь старается доказать что Турціи и Австріи предстоитъ одинаковая миссія. Вотъ образчикъ той исторической философіи которою турецкій органъ подкрѣпляетъ свое разсужденіе: „Провидѣніе указало обоимъ государствамъ сходное назначеніе. Оба они находятся на томъ пути гдѣ встрѣчаются и взаимно оплодотворяются духъ Востока и духъ Запада. Турція и Австрія одинаково служатъ теплицами гдѣ созрѣваютъ и крѣпнутъ народныя индивидуальности. Но они не могутъ отдѣльно одна отъ другой съ успѣхомъ исполнить свое великое призваніе, а имъ необходимо дѣйствовать сообща, Турція какъ продол-

женіе Европы въ сторону Азіи, а Австрія какъ продолженіе Азіи въ сторону Европы."

Не знаемъ насколько это сопоставленіе покажется лестнымъ въ Вѣнѣ, но для турецкаго публициста такое измышленіе право не дурно.

№ 109.

Москва, 20-го апрѣля.

Вышедшая на дняхъ офиціальная вѣдомость о ходѣ нашей внѣшней торговли по европейской границѣ въ 1882 году сравнительно съ 1881 годомъ, совокупно съ рядомъ предшествовавшихъ вѣдомостей, даетъ основанія для сужденій о тѣхъ шагахъ въ области таможенной политики которые были сдѣланы въ 1882 году.

Минувшій годъ ознаменовался не малочисленными измѣненіями въ нашемъ таможенномъ тарифѣ. Рѣчь объ нихъ шла еще задолго до того какъ они состоялись. Съ самаго начала 1882 года о нихъ уже кричали въ германскихъ газетахъ какъ о чемъ-то будто бы могущемъ нанести ударъ тамошней промышленности и торговлѣ, угрожая намъ возмездіемъ. Судя по шуму который поднимался изъ-за задуманныхъ измѣненій въ тарифѣ, можно было полагать что готовится какая-нибудь крупная мѣра которая составитъ эпоху въ нашей таможенной политикѣ, приблизивъ нашъ тарифъ, напримѣръ, къ американскому. На дѣлѣ, однако, и послѣ состоявшихся 1 іюня и вступившихъ въ силу съ 1 іюля измѣненій, нашъ таможенный тарифъ отнюдь не утратилъ того общаго характера какой данъ былъ ему съ 1850, 1857 и слѣдующихъ годовъ. Измѣненій въ тарифѣ было много счетомъ, но лишь немногія изъ этихъ многочисленныхъ измѣненій имѣли характеръ поощренія русскаго производства; большею же частію тарифныя перемѣны имѣли только фискальное значеніе, а еще въ большей мѣрѣ были простымъ округленіемъ пошлинъ, то съ небольшимъ повышеніемъ, то съ небольшимъ пониженіемъ оныхъ. Это было замѣчено какъ только сдѣланныя въ тарифѣ измѣненія были опубликованы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тогда же было выражено сомнѣніе что перемѣны въ тарифѣ приведутъ къ предположеннымъ фискальнымъ и покровительственнымъ цѣлямъ такъ скоро и въ той мѣрѣ какъ было бы желательно. Достиженіе этихъ цѣлей явно парализовалось, вопервыхъ, льготнымъ для привоза мѣсячнымъ срокомъ со дня утвержденія тарифныхъ измѣненій до дня вступленія ихъ въ силу,—срокомъ, въ теченіе коего могли усиленно, въ чрезвычайныхъ количествахъ привозиться всѣ тѣ иностранные товары на которые распространялось повышеніе пошлины; вовторыхъ, тѣмъ что этотъ льготный срокъ былъ въ сущности не мѣсячнымъ, а чуть ли не полугодичнымъ: перемѣны имѣвшія состояться въ тарифѣ, хотя онѣ не были предметомъ гласнаго обсужденія и облекались канцелярскою тайной, были тѣмъ не менѣе заранѣе извѣстны многимъ фирмамъ занимающимся выпиской иностранныхъ товаровъ, и эти фирмы заблаговременно разсылали повсюду свои циркуляры, которые оглашались и въ печати, приглашая запасаться иностранными товарами прежде чѣмъ будутъ повышены пошлины. Вся первая половина минувшаго года и въ особенности іюнь мѣсяцъ отличались вслѣдствіе этого спекулятивною игрой въ обходъ тарифныхъ измѣненій. Офиціальныя таможенныя вѣдомости служатъ тому подтвержденіемъ.

Возьмемъ для примѣра кофе. Въ видахъ увеличенія таможенныхъ сборовъ, пошлина на него была съ 1 іюля повышена съ 1 р. 65 к. до 2 р. 50 к. Въ виду этого повышенія пошлины, привозъ кофе за одинъ іюнь 1882 года выразился цифрой 216.891 пуд., тогда какъ іюньскій ввозъ этого товара опредѣлялся цифрами:

въ 1880 году.	55.502 пуд.
„ 1881 „	40.786 „

Вообще же привозъ кофе распредѣлился между первою и второю половинами прошлаго года такимъ образомъ: въ первомъ полугодіи, до 1 іюля, привезено 412.277 пудовъ; во второмъ полугодіи, съ уплатой повышенной пошлины, всего только 96.583 пуд., такъ что во всѣ шесть мѣсяцевъ, съ іюля по декабрь, не было ввезено и половины того количества которое прошло черезъ таможни въ одномъ іюнѣ мѣсяцѣ. Несмотря на малый привозъ кофе во второмъ полугодіи, благодаря усиленному привозу его въ первомъ, общій годичный привозъ его оказался не меньше привоза предшедшаго 1881 года, но больше на 84.429 пудовъ.

Приблизительно то же что по привозу

кофе оказалось и по привозу другихъ товаровъ на которые съ 1 іюля повышены пошлины частію съ цѣлію поддержать внутреннее производство. Размѣры привоза этихъ товаровъ въ іюнѣ 1882 г. бросаются въ глаза, особенно если сравнить ихъ съ цифрами привоза за тотъ же іюнь мѣсяцъ 1881 года:

	Привезено:	
	Въ іюнѣ 1881.	Въ іюнѣ 1882.
Сала скотскаго	59.464	106.695 пуд.
Кожъ невыдѣланныхъ	26.979	101.634 „
Бумажной пряжи	30.215	121.049 „
Шерсти некрашеной	33.276	87.614 „
„ крашеной	8.486	55.540 „
„ пряденой	22.198	94.738 „
Красокъ анилиновыхъ	3.338	19.200 „
Соды	267.263	570 528 „
Полотна и батиста на	103.934	862.314 руб.
Платья и бѣлья на	103.550	494.091 „

Какъ въ частности іюнь мѣсяцъ, такъ и вообще вся первая половина 1882 года отличалась усиленнымъ наплывомъ этихъ товаровъ на наши рынки. Именно привозъ ихъ между первымъ и вторымъ полугодіями распредѣлялся такъ:

	Привезено въ 1882 г.:	
	Съ 1 января по 30 іюня.	Съ 1 іюля по 31 дек.
Сала скотскаго	294.255	186.057 пуд.
Кожъ невыдѣланныхъ	247.075	112.850 „
Шерсти некрашеной	229.830	106.043 „
Шерсти крашеной	130.829	35.715 „
Шерсти пряденой	228.808	68.846 „
Красокъ анилиновыхъ	33.424	7.198 „
Соды	1.259.171	606.018 „

При такихъ условіяхъ, таможенныя мѣры принятыя въ видахъ ослабленія конкурренціи иностранныхъ товаровъ съ русскими на нашихъ рынкахъ, вмѣсто того чтобы достигать этой цѣли, большею частью вели прямо къ противоположнымъ результатамъ. Несмотря на повышеніе и наложеніе вновь пошлинъ, привозъ къ намъ сала, кожъ, шерсти разныхъ сортовъ, анилиновыхъ красокъ, соды и т. д. оказался въ минувшемъ 1882 году не меньшимъ, а напротивъ значительно бо́льшимъ противъ предшедшаго 1881 года. Что въ томъ что съ 1 іюля привозъ заграничнаго полотна и батиста упалъ до ничтожныхъ размѣровъ? Русскимъ производителямъ полотна отъ этого нисколько не легче, потому что до 1 іюля, въ шесть мѣсяцевъ, ввезено въ Россію полотна и батиста много болѣе чѣмъ во весь 1881 годъ. То же должно замѣтить и о большей части другихъ товаровъ.

Что касается бумажной пряжи, то съ офиціальными данными ея привоза случился куріозъ, возможный, кажется, только въ нашей таможенной статистикѣ. Вопреки математической аксіомѣ, часть оказалась больше своего цѣлаго, полугодичный привозъ оказался больше привоза годичнаго: именно, привозъ бумажной пряжи до 1 іюля 1882 года показанъ въ 390.103 пудовъ, а привозъ ея въ теченіе всего 1882 года показанъ только въ 358.635 пудовъ. Вслѣдствіе такихъ нѣсколько странныхъ статистическихъ выкладокъ получился неизвѣстно въ какой мѣрѣ вѣрный выводъ показавшій уменьшеніе привоза иностранной бумажной пряжи въ Россію въ 1882 году почти на 22 тысячи пудовъ противъ 1881 года. Но еслибы даже это уменьшеніе бумажной пряжи стояло внѣ сомнѣнія, и въ такомъ случаѣ легче ли стало русскимъ бумагопрядильнямъ при одновременномъ усиленіи безпошлиннаго привоза бумажной пряжи изъ-за Финляндской таможенной границы въ бо́льшихъ размѣрахъ?

Вообще, по вышеуказаннымъ причинамъ, прошлогоднія измѣненія въ тарифѣ нисколько не облегчили стѣсненнаго, при нынѣшнемъ кризисѣ, положенія русскаго производства, а существованіе финляндскихъ привилегій безпошлиннаго привоза не позволяетъ разсчитывать чтобъ означенныя тарифныя перемѣны оказали свое полезное дѣйствіе даже и въ будущемъ. Какъ бы ни сократился привозъ сельдей, сала, кожъ, шерсти, проволоки, полотна, платья и т. д. по Европейской торговлѣ, наши экономическія условія едва ли измѣнятся къ лучшему при одновременномъ усиленіи безпошлиннаго привоза этихъ самыхъ товаровъ по торговлѣ Финляндской, имѣющей привилегію наводнять наши рынки контрабандой между прочимъ чрезъ всѣ балтійскіе порты.

По многимъ изъ вышеприведенныхъ цифръ можно судить какъ умѣютъ иностранцы и ихъ коммиссіонеры въ Россіи пользоваться, въ ущербъ русскому производству, отсрочками примѣненія таможенныхъ мѣръ и періодами обсужденія оныхъ. Тѣмъ бо́льшую тревогу испытываетъ русскій промышленный міръ въ виду непонятной медлительности обсужденія всесторонне разъясненнаго вопроса о Закавказскомъ транзитѣ. Каждый день промедленія въ его рѣшеніи, умножая запасы контрабанды въ русскихъ предѣлахъ, ве-

детъ все къ большему парализованію на долгое время благотворныхъ послѣдствій ожидаемаго рѣшенія этого столь живо всѣхъ интересующаго вопроса.

№ 110.

Москва, 21-го апрѣля.

На дняхъ, въ *Moniteur de Rome*, признанномъ органѣ папской куріи, появилась длинная статья о тройственномъ союзѣ „Италіи съ центральною Европой," вызвавшая теперь не менѣе длинный отвѣтъ со стороны органа князя Бисмарка, *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты.* Полемика эта не лишена своего интереса. *Moniteur de Rome* считаетъ тройственный союзъ за fait accompli, но находитъ его „противуестественнымъ, а потому непрочнымъ." „Всякій союзъ, поучаетъ ультрамонтанскій листокъ, можетъ держаться только при одинаковости взглядовъ и интересовъ, чего между Италіей и Австріей совершенно не оказывается. Ирредентизмъ и религіозная политика Италіянскаго правительства создали глубокую пропасть между Вѣной и Квириналомъ." Обращаясь къ Германіи, римская газета находитъ что она имѣетъ не мало причинъ искать сближенія съ Италіей; въ числѣ этихъ причинъ на первомъ мѣстѣ стоитъ „римско-прусская церковная распря, вызвавшая образованіе въ Германіи мощной парламентской партіи центра," съ которою правительство такъ или иначе вынуждено постоянно считаться. Если сближеніе съ Италіей выгодно для Германіи, то это еще не значитъ чтобъ оно было выгодно и для Италіи. Чтобы добиться цѣли германскій канцлеръ вынужденъ де былъ прибѣгнуть къ своему искусству политическихъ застращиваній и посуловъ, увѣнчавшемуся и на этотъ разъ желаннымъ успѣхомъ. Органъ куріи кончаетъ свои замѣчанія словами: „nil violentum durabile." Нѣмецкая офиціозная газета отвѣчаетъ на всѣ эти замѣчанія по пунктамъ. „Ирредентизмъ, говоритъ она, менѣе силенъ нежели общая потребность государствъ средней Европы обоюдно гарантировать прочность мира;" что же касается религіозной политики Италіи, то отношенія Квиринала къ Ватикану не могутъ де повредить „сосѣдской дружбѣ" между Италіей и Австро-Венгріей. „Религіозная политика," какъ выражается органъ куріи, или „культурная борьба," какъ говорятъ въ Германіи, не помѣшала же установленію близкихъ отношеній между Вѣной и Берлиномъ. Почему же религіозная политика Италіи можетъ создать пропасть между вѣнскимъ Бургомъ и Квириналомъ и безсильна повліять на отношенія между Берлиномъ и Вѣной? Католическая партія въ Вѣнѣ несомнѣнно пользуется значительнымъ вліяніемъ, но, какъ оказывается, не въ дѣлахъ международныхъ. „Еще менѣе основательны" замѣчанія клерикальной газеты относительно застращиваній и обѣщаній. Имперскій канцлеръ достаточно де опытенъ чтобы не прибѣгать къ такимъ пріемамъ которые, въ добавокъ, и не могли бы никогда навязать Италіи политику несогласную съ ея собственными интересами... Если въ политикѣ государствъ средней Европы установилось согласіе, то причину тому надо искать исключительно въ общемъ для нихъ интересѣ поддержанія мира. Далеко не такъ рѣшительны возраженія *Сѣверо-Германской Газеты* по вопросу о томъ какое вліяніе могла имѣть внутренняя политика Германіи на ея международныя отношенія и въ частности на сближеніе съ Италіей. Органъ германскаго канцлера отдѣлывается замѣчаніемъ что *Moniteur de Rome* не долженъ бы въ этомъ случаѣ основываться на однихъ предположеніяхъ и догадкахъ. Нельзя смѣшивать достовѣрнаго съ вѣроятнымъ. „Припомнимъ во всякомъ случаѣ что имперскій канцлеръ много лѣтъ открыто высказывалъ убѣжденіе что всѣ государства имѣющія католическихъ подданныхъ нуждаются въ поддержаніи нѣкотораго державнаго значенія папы. Не знаемъ держится ли канцлеръ этого взгляда теперь, и если не держится, то не знаемъ какія соображенія побудили его измѣнить мнѣніе или отказаться отъ его практическаго осуществленія." За этимъ намекомъ на извѣстныя надежды куріи, которыя вызваны недавнимъ назначеніемъ прусскаго посла въ Ватиканѣ, берлинская офиціозная газета предлагаетъ простой, по ея мнѣнію, ключъ къ разъясненію всѣхъ „неясностей и загадокъ" въ политикѣ германскаго канцлера. Вся прошлая политическая дѣятельность служитъ де доказательствомъ что князь Бисмаркъ не руководится ни настроеніями минуты, ни симпатіями, ни антипатіями. На первомъ мѣстѣ у него

дѣйствительные интересы; планы канцлера мѣняются только подъ вліяніемъ фактовъ и событій „не отъ него зависящихъ." Никто не можетъ считать себя вполнѣ свободнымъ въ выборѣ и друзей и враговъ: „и дружба и вражда во всякомъ случаѣ зависятъ отъ обоюдной иниціативы сторонъ."

Эти общія замѣчанія *Сѣверо-Германская Газета* высказываетъ не безъ особой цѣли. Въ Берлинѣ очевидно желаютъ чтобъ ихъ хорошенько затвердили въ Ватиканѣ и воспользовались бы ими на практикѣ. Пруссія, читается тутъ между строками, расположена къ примиренію съ папой, но это зависитъ не отъ нея одной: дружественныя отношенія могутъ возстановиться только въ томъ случаѣ если того же дѣйствительно пожелаетъ Ватиканъ. Въ Берлинѣ готовы сдѣлать уступки, но требуютъ взаимности; готовы даже на „органическій пересмотръ" майскихъ законовъ, но не сдѣлаютъ де ни одного шага пока не убѣдятся что политика Ватикана оставила путь чрезмѣрныхъ притязаній основанныхъ на невѣрномъ пониманіи дѣйствительнаго значенія и силы партіи центра. Въ засѣданіи палаты депутатовъ Прусскаго ландтага 25 апрѣля, министръ исповѣданій фонъ-Госслеръ почти безъ обиняковъ высказалъ это, замѣтивъ что всякая парламентская резолюція въ пользу смягченія „культурной борьбы" можетъ только помѣшать переговорамъ между Пруссіей и Ватиканомъ. Любопытно что замѣчаніе министра высказанное весьма категорически осталось безъ вліянія, такъ какъ консервативы поддержанные центромъ все-таки провели такую резолюцію, несмотря на то что противъ нея подали голоса всѣ остальныя партіи, начиная съ умѣренныхъ консервативовъ. Берлинскій корреспондентъ *Кельнской Газеты* объясняетъ это тѣмъ что „въ высшихъ сферахъ подулъ другой вѣтеръ." Можетъ-быть это и такъ, но всякая перемѣна вѣтра чѣмъ-нибудь да обусловливается. Князь Бисмаркъ, какъ замѣтила *Сѣверо-Германская Газета*, руководится не симпатіями и антипатіями, а дѣйствительными интересами, измѣняя свои планы подъ вліяніемъ событій „которыя не отъ него зависятъ." Было время когда ходъ событій и перемѣна политическаго вѣтра привели Германію къ сближенію съ Австро-Венгріей. Не то ли же самое случилось и теперь? Если вѣтеръ гонитъ Германію къ примиренію съ Ватиканомъ, то не отъ того ли что мы слишкомъ поспѣшили открыть ея тылъ въ борьбѣ съ нимъ?

№ 111.

Москва, 22-го апрѣля.

Въ нумерѣ *Русскаго Инвалида* отъ 8 апрѣля напечатанъ приказъ по военному вѣдомству за № 77, при коемъ приложены новыя Высочайше утвержденныя „Правила для зачисленія въ кандидаты на должности уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ." Въ число условій дающихъ право на эту должность впервые вводится опредѣленный, строгій и довольно обширный *государственный экзаменъ*.

Кругъ дѣйствій уѣзднаго воинскаго начальника чрезвычайно обширенъ; онъ входитъ въ непосредственныя сношенія со всѣми мѣстными административными властями, съ земскими, городскими и желѣзнодорожными учрежденіями, принимаетъ участіе въ занятіяхъ коммиссій о воинской повинности, распоряжается мобилизаціонными дѣлами, присутствуетъ въ нѣкоторыхъ экзаменныхъ коммиссіяхъ. Весьма важно чтобы лицо занимающее такую должность было вполнѣ ознакомлено со всѣми своими правами и обязанностями, чтобъ оно знало свою отвѣтственность, чтобъ оно умѣло правильно понимать всѣ относящіяся къ кругу его дѣятельности законоположенія и тѣ начала на которыхъ они основаны. Безъ этого уѣздный воинскій начальникъ будетъ только путать, тормозить дѣло, возбуждая безполезную переписку и вызывая невольнымъ образомъ вредныя пререканія между разными властями и вѣдомствами. Въ иныхъ случаяхъ незнаніе дѣла и грубыя ошибки—напримѣръ, при мобилизаціи—поправимы только съ большимъ трудомъ и потерей времени.

Нельзя сказать чтобы выборъ въ уѣздные воинскіе начальники былъ до сихъ поръ достаточно строгъ. Отъ назначаемаго въ должность не требовалось никакихъ гарантій въ знаніи дѣла и даже въ умѣніи взяться за него. Бывали случаи что уѣздные воинскіе начальники не справлялись съ простымъ исполненіемъ расписаній по мобилизаціи и отправленію призванныхъ къ службѣ резервистовъ въ войска. Въ войну 1877 и 1878 годовъ высшія учре-

жденія мѣстныхъ войскъ, въ самыя горячія минуты, были заваливаемы телеграммами и письменными вопросами уѣздныхъ начальниковъ. Съ упрощеніемъ системы мѣстныхъ военныхъ учрежденій, съ упраздненіемъ должностей губернскихъ воинскихъ начальниковъ и штабовъ мѣстныхъ войскъ, такой порядокъ сдѣлался рѣшительно нетерпимъ. Настоящими правилами ему положенъ конецъ.

Что же требуется отъ назначаемаго въ должность уѣзднаго воинскаго начальника? Онъ долженъ быть достаточно опытенъ, „имѣть во всѣхъ отношеніяхъ хорошую служебную аттестацію,“ причемъ „каждое назначеніе кандидата на должность не оправданное послѣдующею его службой возлагается на отвѣтственность начальника представившаго его къ зачисленію, по закону, какъ за неправильное аттестованіе подчиненнаго.“ Наконецъ, кандидатъ долженъ выдержать установленный теоретическій и практическій экзаменъ.

Экзаменъ практическій не возбуждаетъ сомнѣній. Онъ есть только первая, бѣглая, внѣшняя провѣрка правильности данной кандидату его ближайшимъ начальствомъ рекомендаціи. Можетъ-быть въ этихъ видахъ предсѣдателемъ составляемой ad hoc экзаменной „повѣрочной“ коммиссіи назначается, смотря по обстоятельствамъ, начальникъ или корпуснаго, или военно-окружнаго штаба. Очень естественно высшему военному начальству освѣдомиться, знакомо ли назначаемое на должность лицо съ многочисленными законоположеніями коими опредѣляется кругъ его будущей дѣятельности, умѣетъ ли кандидатъ взяться за дѣло. Иное экзаменъ теоретическій. Желательно чтобъ онъ не имѣлъ школьнаго характера, заключался бы не въ формальности и не подавалъ бы повода къ пустымъ придиркамъ. Оправдываться такой теоретическій экзаменъ можетъ только пользой службы. Отъ экзаменующагося требуется знаніе элементарнаго курса Военной Администраціи въ размѣрѣ программъ военныхъ училищъ. Это немного, но все дѣло въ томъ какъ требовать. На должность воинскихъ начальниковъ рекомендуются штабъ-офицеры достаточно опытные, съ „хорошею во всѣхъ отношеніяхъ“ служебною аттестаціей. Эти лица самою предшествовавшею ихъ службой практически уже довольно ознакомлены съ элементарными свѣдѣніями администраціи. Въ свое время, при производствѣ въ офицеры, они экзаменовались даже и въ знаніи школьнаго учебника Администраціи. Нужно ли требовать отъ нихъ чтобъ они воспроизводили „билеты“ этого учебника предъ коммиссіей? Не достаточно ли потребовать только умѣнья примѣнять свои познанія къ тому или другому служебному вопросу? Отъ офицера претендующаго занять начальническую должность было бы справедливо потребовать знакомства въ *подлинникахъ* съ тѣми узаконеніями изложеніе которыхъ въ сокращеніи составляетъ курсъ Военной Администраціи. Не время ли покончить съ тѣми порядками при которыхъ офицеръ можетъ прослужить десятки лѣтъ и несмотря на это такъ-таки и не прочесть главнѣйшихъ отдѣловъ Свода Военныхъ Постановленій.

Нельзя не желать чтобы принципы положенные въ основу правилъ для зачисленія въ должности уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ нашли себѣ примѣненіе при назначеніи всѣхъ вообще начальниковъ частей военно-административнаго вѣдомства: госпиталей, интендантскихъ складовъ, магазиновъ, пріемныхъ коммиссій и тому подобныхъ учрежденій. До сихъ поръ во всѣ эти должности люди назначались, повидимому, не съ вѣтру; требовалась рекомендація. Но рекомендующій не несетъ никакой не только законной, но даже и нравственной отвѣтственности за назначаемое по его указаніямъ лицо. Ему рѣшительно все равно оправдаетъ или нѣтъ послѣдующая служба назначеннаго на должность лица сдѣланную рекомендацію. При такихъ условіяхъ далеко не всѣ люди будутъ рекомендовать съ должною осмотрительностью. Не въ этой ли неразборчивости при назначеніи въ хозяйственныя должности слѣдуетъ искать главную причину всѣхъ тѣхъ безпрестанныхъ хищеній всякаго рода которыми такъ богата судебная хроника послѣдняго времени? Не менѣе важно и незнакомство назначенныхъ лицъ съ возлагаемыми на нихъ обязанностями, вслѣдствіе чего начальствующее лицо можетъ невольнымъ образомъ попасть въ руки искусившагося долголѣтнимъ опытомъ подчиненнаго дѣльца. Возможно ли при такихъ условіяхъ искоренить злоупотребленія? Неумѣлое, незнакомое съ дѣлами лицо можетъ, пожалуй даже догадываться о злоупотребленіяхъ подчиненнаго, но оно будетъ не въ состояніи ни понять ихъ, ни

предотвратить, ни прекратить простыми законными мѣрами. Не странно ли что назначающій высшихъ военныхъ начальниковъ, отъ командира дивизіи до отдѣльнаго баталіона включительно, несетъ прямую отвѣтственность за „послѣдующую службу“ этихъ лицъ, тогда какъ назначеніе высшихъ чиновъ хозяйственнаго разряда оставляется внѣ такой отвѣтственности, несмотря на то что чрезъ руки этихъ чиновъ проходятъ не милліоны, а даже десятки милліоновъ казенныхъ денегъ и матеріала. Что̀ отсюда выходитъ? Ни начальникъ, ни законодатель не увѣрены въ благонадежности исполнителя. Имъ остается поэтому обставлять каждое дѣло рядомъ формальностей, вводить самую мелкую отчетность, въ которой въ послѣдствіи только путаются контролирующія учрежденія. А чѣмъ мелочнѣе, сложнѣе хозяйственный учетъ, тѣмъ легче скрыть всякое злоупотребленіе. Только надлежащій выборъ должностныхъ лицъ, серіозныя гарантіи ихъ благонадежности могутъ устранить хищеніе и прямо обусловленную имъ сложную систему отчетности, вызывающую нескончаемую переписку которая заваливаетъ наши канцеляріи, безо всякой нужды увеличивая ихъ личный составъ.

У насъ вошло въ обычай сравнивать личный составъ нашихъ штабовъ и управленій съ составомъ штабовъ германскихъ. Гдѣ сидятъ у насъ десятки людей, тамъ въ Германіи заняты единицы. Почему же это такъ? Нѣмецкая машина развѣ менѣе сложна, отчетность менѣе строга? Вовсе нѣтъ; а потому что въ Германіи уже давно установился тотъ порядокъ что аттестующее лицо несетъ дѣйствительную отвѣтственность за правильность дѣлаемой служебной рекомендаціи какъ со стороны нравственныхъ качествъ подчиненнаго, такъ и со стороны знанія послѣднимъ всѣхъ требованій службы. При такихъ условіяхъ, кругъ дѣятельности исполнительныхъ органовъ можетъ быть шире и въ излишнихъ формальностяхъ нѣтъ надобности. Кончимъ примѣромъ. Германія ведетъ переговоры съ Испаніей относительно торговаго трактата. Испанія ставитъ требованія, Германія отвѣчаетъ на нихъ, и что̀ же? Было нѣсколько случаевъ что Испанія предъявляла требованія прямо во вредъ себѣ, не зная всего размѣра своихъ торговыхъ оборотовъ по той или другой статьѣ, и это незнаніе поправлялось нѣмецкими таможенными учрежденіями. Таковъ результатъ правильнаго и строгаго выбора служащихъ.

№ 112.

Москва, 23-го апрѣля.

Дипломатія Франціи, попавшая въ руки „самого народа,“ не разъ уже обнаруживала въ своихъ дѣйствіяхъ изумительную близорукость, безалаберность и непослѣдовательность. Въ послѣднее время она потерпѣла цѣлый рядъ болѣе или менѣе тяжкихъ нравственныхъ и матеріальныхъ неудачъ, завершившихся генеральнымъ пораженіемъ въ Египетскомъ вопросѣ. Возникшій въ настоящее время Тонкинскій вопросъ, для разрѣшенія котораго Французское правительство готовитъ экспедицію въ восточную Азію, служитъ новою характеристическою иллюстраціей неимовѣрнаго хаоса царящаго въ иностранной политикѣ Третьей Республики.

Въ 1862 году правительство Наполеона III присоединило ко Франціи Кохинхину, составлявшую часть Аннамской имперіи. Это присоединеніе было результатомъ экспедиціи предпринятой Французами для обезпеченія Европейцевъ терпѣвшихъ всякаго рода притѣсненія отъ Аннамитовъ.

Мирный договоръ, заключенный въ Сайгонѣ 5 іюня 1862 года, отдавалъ Кохинхину въ полное распоряженіе Французамъ и налагалъ на Аннамское правительство обязательство уплатить военныя издержки Франціи. Но въ 1867 году Франція расширила свои кохинхинскія владѣнія присоединеніемъ къ нимъ трехъ Аннамскихъ провинцій. Это новое присоединеніе было вызвано необходимостью положить конецъ безпрестаннымъ набѣгамъ аннамитскихъ разбойниковъ тревожившихъ французскія владѣнія.

Въ вознагражденіе за эти отнятыя три провинціи Французское правительство предложило Аннаму прекратить уплату военныхъ издержекъ, установленную договоромъ 1862 года. Аннамскіе дипломаты на это предложеніе не согласились, и по этому поводу начались продолжительные переговоры, прервавшіеся въ 1870 году и окончившіеся лишь 15 марта 1874 года формальнымъ договоромъ между Франціей и Аннамомъ.

На основаніи этого договора, импера-

торъ Аннамскій, Тю-Дюкъ, предоставилъ Франціи въ полную собственность всѣ три провинціи занятыя Французами въ 1867 году, а Франція въ свою очередь отказывалась отъ $5^1/_2$ милліоновъ франковъ, которые она имѣла право получить на основаніи перваго договора 1862 года. Сверхъ того, новый договоръ регулировалъ взаимныя политическія отношенія между Франціей и Аннамомъ. Самая богатая изъ Аннамскихъ провинцій, Тонкинъ, прилегающая къ южной границѣ Китая, постоянно подвергалась набѣгамъ то китайскихъ мятежниковъ, то преслѣдовавшихъ ихъ регулярныхъ китайскихъ войскъ. Съ другой стороны, морской берегъ Тонкина сильно страдалъ отъ китайскихъ пиратовъ. Аннамское правительство, не будучи въ силахъ обезпечить Тонкинъ отъ этихъ хищническихъ набѣговъ, обратилось съ просьбой о помощи ко Франціи и, вслѣдствіе этого, договоромъ 1874 года Франція обязалась взять Тонкинъ подъ свою охрану, содержать у береговъ его нѣсколько военныхъ судовъ, а внутри страны достаточное количество войска для поддержанія порядка и спокойствія страны. Аннамское правительство обязывалось въ свою очередь признать надъ собою протекторатъ Франціи и не заключать безъ ея согласія никакихъ договоровъ съ какимъ бы то ни было иноземнымъ правительствомъ.

Таковы были условія опредѣленныя договоромъ 15 марта 1874 года, который былъ подписанъ, въ президентство маршала Макъ-Магона, министромъ-президентомъ герцогомъ Броль и министромъ иностранныхъ дѣлъ герцогомъ Деказомъ. До сихъ поръ политика Франціи по отношенію къ Аннаму была послѣдовательна. Мало-помалу, съ 1862 до 1874 года, подготовлялось постепенное подчиненіе Аннама Франціи. Англія и Китай весьма тревожились въ то время тѣмъ что богатая и плодородная страна, на которую они давно точили зубы, достанется не имъ, а Франціи. Но скоро дѣла приняли совершенно иной оборотъ. Маршалъ Макъ-Магонъ исполнилъ, правда, съ точностію всѣ условія договора 1874 года и послалъ въ Тонкинъ отрядъ французскихъ войскъ для охраны его отъ китайскихъ набѣговъ. Но когда онъ, въ 1879 году, принужденъ былъ уступить свой постъ „безличному" г. Греви, и иностранныя дѣла Франціи поступили въ распоряженіе „верховнаго владыки," миѳическаго народа, тогда договоръ 1874 года былъ преданъ забвенію въ виду возгорѣвшейся внутренней политической борьбы, и пока во Франціи правительство и парламентъ заняты были амнистіей коммунаровъ, преслѣдованіемъ религіи и вопросомъ о выборахъ по округамъ или по спискамъ, Тонкинъ снова сдѣлался жертвой китайскихъ сухопутныхъ и морскихъ хищниковъ. Тщетно Аннамскій императоръ обращался за помощью, на основаніи договора, къ начальнику французскихъ войскъ: не получая подкрѣпленія изъ Франціи, полковникъ Ривіеръ не рѣшался дѣйствовать съ необходимою энергіей и выжидалъ болѣе точныхъ приказаній изъ Парижа.

Видя такое бездѣйствіе Франціи, Китайское правительство рѣшилось воспользоваться этимъ благопріятнымъ для него обстоятельствомъ. Пекинскій кабинетъ предложилъ Аннамскому императору заключить особый договоръ, который поставилъ бы Тонкинъ подъ протекторатъ Китая. Императоръ Аннамскій Тю-Дюкъ, полагая что Французы уже и не помнятъ о договорѣ 1874 года, согласился на предложеніе Китайскаго правительства, и въ прошломъ году, безъ вѣдома Франціи, подписалъ трактатъ съ Китаемъ, на основаніи котораго китайскія войска имѣли право занять Тонкинъ для поддерживанія въ немъ порядка, который уже не охранялся болѣе французскими войсками. Узнавъ объ этомъ договорѣ, полковникъ Ривіеръ встряхнулся и, уже не дожидаясь приказаній отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, на свой страхъ двинулся въ походъ со своимъ небольшимъ отрядомъ и одержалъ нѣсколько побѣдъ въ стычкахъ съ китайскими хищниками. Тогда Китайское правительство протестовало противъ этихъ дѣйствій французскихъ войскъ, такъ какъ они де противорѣчатъ какъ договору заключенному Китаемъ съ Аннамомъ, такъ и *договору заключенному Китаемъ съ Франціей.* Полковникъ Ривіеръ заявилъ что первый изъ названныхъ договоровъ не имѣетъ силы, а второй вовсе не существуетъ. Китайское правительство отвѣтило на это заявленіе простымъ предъявленіемъ договора, подписаннаго въ прошломъ году французскимъ посломъ въ Пекинѣ г. Буре (Bourée): договоромъ этимъ Франція уступала свой протекторатъ надъ Аннамомъ Китаю. Въ подлинности этого документа сомнѣваться было нельзя. Оказалось что дѣйствительно

въ прошломъ году Китайское правительство предложило г. Буре подписать этотъ договоръ; на вопросъ г. Буре какъ ему поступить, тогдашній министръ-президентъ Фрейсине, съ согласія Греви, не входя въ подробное разсмотрѣніе вопроса, отвѣтилъ что „лучше всего избѣгать какихъ бы то ни было затрудненій,“ такъ какъ въ то время въ разгарѣ былъ Египетскій вопросъ. Г. Буре разсудилъ что всего спокойнѣе совершенно отказаться отъ Тонкина, что онъ и сдѣлалъ, подписавъ вышеупомянутый договоръ. Объ этомъ договорѣ повидимому ничего не зналъ преемникъ Фрейсине, г. Дюклеръ, такъ какъ по неразъясненнымъ еще причинамъ *договоръ не былъ присланъ для ратификаціи въ Парижъ*. Все дѣло обнаружилось лишь теперь, и теперешнее министерство Ферри поспѣшило отозвать г. Буре изъ Пекина и заявить Китайскому правительству что оно не признаетъ договора подписаннаго французскимъ посломъ, и намѣрено въ точности исполнить договоръ 1874 года, пославъ сильное подкрѣпленіе полковнику Ривіеру. Одновременно обратилось оно къ палатѣ депутатовъ съ просьбой ассигновать 5½ милл. фр. на отправку этого подкрѣпленія. Еще неизвѣстно какъ отнесутся къ этой просьбѣ представители народа, и какъ слѣдовательно республиканская дипломатія выберется изъ этого жалкаго затрудненія.

№ 114.

Москва, 25-го апрѣля.

Считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ по поводу сообщаемыхъ въ помѣщаемой ниже корреспонденціи изъ Петербурга свѣдѣній о предполагаемомъ учрежденіи новаго акціонернаго „Общества Россійскихъ зерноподъемныхъ и товарныхъ складовъ.“ Дѣло, устройство коего беретъ на себя это общество, имѣетъ несомнѣнно важное значеніе; оно несомнѣнно оказало бы большія услуги нашей хлѣбной торговлѣ уже однимъ уменьшеніемъ накладныхъ расходовъ по его перевозкѣ; это признается всѣми. Но мало кто знакомъ въ достаточной мѣрѣ съ характеромъ услугъ которыя можетъ приносить задуманное предпріятіе; ходячія понятія по этой части вообще довольно смутны, и отчасти это служитъ причиной что иные относятся съ предубѣжденіемъ и недовѣріемъ къ самой мысли объ устройствѣ элеваторовъ, въ то же время какъ другіе возлагаютъ на проектируемое общество преувеличенныя надежды. Къ числу такихъ преувеличенныхъ надеждъ, какъ намъ кажется, принадлежитъ между прочимъ предположеніе что вышеупомянутое акціонерное предпріятіе чуть не сразу освободитъ производителей хлѣба, какъ помѣщиковъ такъ и крестьянъ, отъ гнета со стороны скупщиковъ хлѣба захватившихъ въ свои руки фактическую монополію хлѣбной торговли, и тѣмъ дастъ имъ возможность продавать хлѣбъ по болѣе выгоднымъ чѣмъ донынѣ цѣнамъ. Не знаемъ на чемъ основываются подобные разчеты и почему въ Россіи система элеваторовъ приведетъ къ результату который не достигается ею и въ Америкѣ.

Условія сбыта хлѣба производителями его въ Америкѣ иныя чѣмъ въ Россіи, но хлѣбная торговля тамъ находится въ рукахъ скупщиковъ точно также какъ у насъ, и не въ системѣ элеваторовъ заключаются главнымъ образомъ условія ставящія американскихъ сельскихъ хозяевъ по продажѣ ихъ хлѣба въ положеніе болѣе выгодное сравнительно съ нашими производителями хлѣба. Система элеваторовъ дѣлаетъ хлѣбъ удобоподвижнымъ, облегчая и удешевляя какъ перемѣщеніе хлѣбныхъ грузовъ изъ одного пункта въ другой, такъ и переходъ хлѣбныхъ партій изъ однѣхъ рукъ въ другія, третьи и такъ далѣе. Въ этомъ главное ея свойство. Но всѣ эти услуги система элеваторовъ оказываетъ именно скупщикамъ хлѣба и лишь тѣмъ немногимъ изъ его производителей которые, помимо занятій сельскимъ хозяйствомъ, выступаютъ также въ роли хлѣбныхъ торговцевъ. Выгоды американскихъ сельскихъ хозяевъ предъ нашими по сбыту ихъ хлѣба заключаются не столько въ системѣ элеваторовъ сколько въ исключительной близости къ нимъ пунктовъ служащихъ для нихъ рынками сбыта. Такими рынками служатъ имъ каждая пристань на водяныхъ сообщеніяхъ, каждая желѣзнодорожная станція, и трудно даже представить себѣ громадность числа этихъ рынковъ, если взять въ разчетъ обширность и развѣтвленность американской водяной сѣти и еще большую обширность сѣти рельсовыхъ сообщеній (общая длина американскихъ дорогъ уже въ 1878 году опре-

дѣлялась свыше 143.000 верстъ). При такихъ обстоятельствахъ, доставка хлѣба съ мѣста производства до ближайшаго мѣста сбыта требуетъ передвиженія его на разстояніе среднимъ числомъ около пятнадцати верстъ, и вообще рѣдко какому сельскому хозяину приходится возить свой хлѣбъ на продажу далѣе чѣмъ за 25, много за 30 верстъ. На каждой пристани, на каждой желѣзнодорожной станціи живетъ какой-нибудь хлѣбный торговецъ или агентъ торговаго дома, если же тамъ ихъ нѣтъ, то они не замедлятъ явиться по первому требованію желающихъ продать свой хлѣбъ. При этомъ сдѣлки по продажѣ хлѣба производителями торговцамъ, по описанію г. Орбинскаго изучавшаго хлѣбное дѣло въ Америкѣ, происходятъ такимъ образомъ. Землевладѣлецъ или фермеръ, собравъ хлѣбъ, посылаетъ образцы его къ тому лицу или къ тѣмъ лицамъ кому располагаетъ продать; на основаніи образцовъ стороны условливаются въ цѣнѣ и, въ условленное время, сходятся лично или чрезъ повѣренныхъ на той станціи куда продавцу удобнѣе доставить свой хлѣбъ; тутъ онъ сличается съ образцами и принимается покупщикомъ, если признается имъ сходнымъ съ ними. Такъ какъ при каждой почти станціи имѣется элеваторъ съ надлежащими приспособленіями для взвѣшиванія хлѣба, то обмѣриванія и обвѣшиванія при пріемкѣ хлѣба не бываетъ, но дѣло не обходится безъ прижимокъ со стороны покупщика, который, напримѣръ, можетъ признать хлѣбъ несходнымъ съ образцами: тогда предварительная сдѣлка оказывается несостоятельною, и цѣна выговаривается уже другая. Покупщику почти всегда очень хорошо извѣстно положеніе продавца; онъ знаетъ всю подноготную его дѣлъ, знаетъ сколько на немъ долгу, когда срокъ уплаты, иногда самъ состоитъ его кредиторомъ; все это такъ же какъ и у насъ, и всѣмъ этимъ покупщикъ, при соглашеніи о цѣнѣ хлѣба, пользуется въ видахъ эксплуатаціи продавца можетъ-быть еще съ большею безцеремонностью чѣмъ у насъ. Отъ этой эксплуатаціи продавецъ системою элеваторовъ не ограждается, эта система не даетъ ему удобствъ кредита подъ варранты, при помощи коего онъ могъ выжидать болѣе выгодныхъ цѣнъ: этими удобствами кредита могутъ пользоваться только хлѣбные торговцы по доставленіи скупленныхъ ими партій хлѣба въ главные складочные пункты. Если при всемъ этомъ американскіе производители хлѣба гораздо менѣе чѣмъ у насъ терпятъ отъ прижимокъ скупщиковъ, то причина этому не столько въ элеваторахъ сколько въ другихъ условіяхъ. Американскій фермеръ не чета нашему крестьянину, котораго ничего не стóитъ обойти любому кулаку; за хлѣбными цѣнами въ разныхъ пунктахъ и вообще за движеніемъ хлѣбной торговли онъ слѣдитъ, между прочимъ по ежедневно читаемымъ газетамъ, гораздо внимательнѣе чѣмъ большинство даже нашихъ степныхъ помѣщиковъ; поэтому обмануть и прижать его трудно; не сойдясь съ однимъ покупщикомъ, онъ увѣренъ что тотчасъ же найдетъ другаго при существующей въ Америкѣ сильной конкурренціи между покупщиками.

Тѣмъ не менѣе, однако, введеніе у насъ системы элеваторовъ, съ такимъ же повсемѣстнымъ ея распространеніемъ какъ и въ Америкѣ, не осталось бы безъ добрыхъ послѣдствій по улучшенію условій сбыта хлѣба его производителями. Еслибы при каждой желѣзнодорожной станціи имѣлись у насъ элеваторы, то-есть магазины со всѣми приспособленіями для нагрузки и выгрузки, взвѣшиванія и т. д., куда хлѣбъ могъ бы быть помѣщаемъ для храненія впредь до продажи и дальнѣйшей перевозки, при умѣренныхъ таксахъ за магазинажъ, характеръ хлѣбной торговли вѣроятно не замедлилъ бы измѣниться къ лучшему. Во-первыхъ, привозимый на станціи хлѣбъ пересталъ бы подвергаться вреднымъ атмосферическимъ вліяніямъ, отъ которыхъ онъ нынѣ часто остается беззащитнымъ, и рискъ порчи хлѣба отъ этихъ вліяній пересталъ бы служить элементомъ понижающимъ хлѣбныя цѣны. Во-вторыхъ, для помѣщиковъ, вообще для производителей крупныхъ партій хлѣба, открылась бы нѣкоторая, хотя и не всегда осуществимая возможность непосредственнаго пользованія какъ элеваторами, такъ и варрантными ссудами, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ когда у владѣльца крупной хлѣбной партіи имѣются достаточныя наличныя средства на платежи за храненіе хлѣба въ элеваторахъ и на перевозку его за свой счетъ въ главные складочные пункты, гдѣ хлѣбъ могъ бы поступить въ общую массу и замѣниться въ рукахъ владѣльца цертификатомъ опредѣляющимъ количество и сортиментъ товара,—цертифи-

катомъ который затѣмъ представлялъ бы почти тѣ же удобства пользованія кредитомъ и выжиданія цѣнъ для продажи какъ и разныя бумажныя денежныя цѣнности. Во всякомъ случаѣ возможность для каждаго, купивъ хлѣбъ на какой бы то ни было станціи и доставивъ его въ ближайшій крупный складъ, обращать его въ хлѣбныя квитанціи замѣняющія самый хлѣбъ при дальнѣйшихъ продажныхъ и кредитныхъ сдѣлкахъ, можетъ увеличить кругъ людей занимающихся хлѣбными сдѣлками, что должно усилить конкурренцію между ними, къ выгодѣ производителей хлѣба.

Важныя условія для того чтобы система элеваторовъ оказала свое полезное дѣйствіе заключаются, вопервыхъ, въ томъ чтобы плата за магазинажъ и разныя услуги оказываемыя элеваторами была самая умѣренная; вовторыхъ, въ томъ чтобы подведеніе хлѣбныхъ партій подъ тотъ или другой сортиментъ производилось подъ контролемъ надежной зерновой инспекціи; втретьихъ, чтобы элеваторы были устроены не въ немногихъ только пунктахъ, но повсемѣстно, по возможности при каждой станціи. Всѣ эти условія, какъ намъ кажется, съ бо́льшимъ успѣхомъ могли бы быть достигнуты еслибы дѣло не сосредоточивалось въ рукахъ одной компаніи. Дѣло покрытія Россіи цѣлою сѣтью нѣсколькихъ тысячъ хлѣбныхъ магазиновъ едва ли такого рода чтобъ его удобно и выгодно было предоставить одной компаніи, да и едва ли оно было бы ей по силамъ, такъ же какъ не было бы по силамъ какой-либо одной компаніи созданіе для Россіи торговаго флота въ размѣрахъ требуемыхъ нуждами ея торговли. Какъ нѣтъ надобности и не желательно чтобы торговыя суда принадлежали одному владѣльцу, такъ точно нѣтъ надобности и не желательно чтобъ одному владѣльцу принадлежала вся масса элеваторовъ. Дабы они устроились въ томъ количествѣ какое требуется, желательно привлечь къ ихъ устройству не однѣ, но возможно большее число рукъ, съ возможно большею между ними конкурренціей, причемъ крупные предприниматели соперничали бы другъ съ другомъ по устройству большихъ элеваторовъ въ портовыхъ городахъ и внутреннихъ складочныхъ пунктахъ, а мелкіе — по устройству малыхъ элеваторовъ при желѣзнодорожныхъ станціяхъ. Дѣло устройства элеваторовъ очень выгодное; въ Америкѣ получаемые отъ него барыши превышаютъ вчетверо расходы по эксплуатаціи. Въ Америкѣ оно устроилось само собою благодаря американской предпріимчивости и легкости съ какою тамъ находятся деньги на всякое дѣло. У насъ предпріимчивость не въ такой мѣрѣ подвижна и стремительна. Отсюда однако еще не слѣдуетъ чтобы на выгодное устройство элеваторовъ не нашлось у насъ ни рукъ, ни капиталовъ. Но на первыхъ порахъ они могли бы быть привлечены къ новому, непривычному дѣлу лишь особыми приманками, напримѣръ, льготными ссудами на устройство элеваторовъ. Выдача такихъ ссудъ можетъ-быть скорѣе двинула бы дѣло повсемѣстнаго ихъ устройства чѣмъ организація одной компаніи которая постройкой складочныхъ магазиновъ лишь тамъ гдѣ это представляетъ особыя выгоды и монополизаціей главныхъ пунктовъ въ своихъ рукахъ можетъ даже пожалуй затормозить развитіе дѣла, снявъ для себя сливки и оставивъ другимъ снятое молоко. Выдача правительственныхъ ссудъ могла бы быть между прочимъ обусловлена опредѣленіемъ условій устройства большихъ и малыхъ элеваторовъ, а равно таксъ за ихъ услуги. Возникновеніе, при помощи этихъ ссудъ, многихъ конкуррирующихъ между собою элеваторовъ, какъ можно полагать, послужило бы также нѣкоторою гарантіей правильности зерновой инспекціи, безъ которой складочно-варрантная система почти невозможна. При монополіи въ этомъ дѣлѣ могло бы открыться широкое поле для разныхъ злоупотребленій.

№ 115.

Москва, 26-го апрѣля.

Въ арсеналѣ громкихъ и лживыхъ фразъ, которыми „либеральные" хлыщи старались обморочить русскую публику, фигурировала между прочимъ фраза о блестящемъ положеніи финансовъ *республиканской* Франціи, благодаря тому что тамъ государственною казной распоряжается не правительство, а самъ народъ въ лицѣ парламента.

Суровая необходимость заставила однако французскихъ финансистовъ сознаться теперь что этотъ режимъ вовсе не обезпечиваетъ государственнаго хозяйства даже при такихъ неистощимыхъ рессурсахъ какими обладаетъ французская казна. Пол-

вилось „страшное“ привидѣніе дефицита и принудило переполошившееся правительство и парламентъ прибѣгнуть къ конверсіи 5% ренты, выпущенной въ 1871 году для покрытія военныхъ издержекъ, въ дающую лишь 4½ процента.

Появленіе дефицита въ государственномъ бюджетѣ не есть еще признакъ разстройства финансовъ; сила въ причинахъ его по которымъ можно судить находится ли финансовая политика въ нормальномъ положеніи или нѣтъ. Съ другой стороны, уменьшеніе ренты на полпроцента, дающее возможность правительству сохранить 35 милліоновъ франковъ на покрытіе дефицита, само по себѣ не представляетъ основанія для сужденія о важности финансоваго кризиса во Франціи, и съ теоретической точки зрѣнія является весьма невинною экономическою мѣрой. Но если разсмотрѣть ее въ связи съ обстоятельствами, она вмѣстѣ съ причиной дефицита послужитъ иллюстраціей положенія дѣлъ.

Г. Мингетти, одинъ изъ защитниковъ парламентаризма, съ полною откровенностью излагаетъ въ своей книгѣ, *Политическія партіи и ихъ вмѣшательство въ правосудіе и администрацію (I Partiti politici e la ingerenza loro nella giustizia e nell' amministrazione*. Bologna, 1881), тѣ причины вслѣдствіе которыхъ депутаты, дабы обезпечить себѣ благоволеніе избирателей, принуждены обѣщать имъ золотыя горы изъ государственной казны и затѣмъ, въ свою очередь, принуждаютъ правительство, зависящее отъ этихъ „представителей народа,“ соглашаться ежегодно на множество сверхсмѣтныхъ расходовъ, которые становятся истинною язвой бюджета, какъ скоро превращаются въ орудіе частныхъ интересовъ и личныхъ интригъ. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ благодаря которымъ сверхсмѣтные расходы во Франціи съ каждымъ годомъ росли быстро, причемъ на слѣдующій годъ они уже вносились, если не всѣ то большею частію, въ нормальный бюджетъ, увеличивая собой государственные расходы, покрывавшіеся до сихъ поръ кое-какъ сверхсмѣтными доходами, но достигшіе теперь такихъ размѣровъ (болѣе трехъ милліардовъ) что государство принуждено сократить сумму процентовъ платимыхъ имъ своимъ кредиторамъ.

Какъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ вмѣшательства депутатовъ въ финансовое управленіе страны, приведемъ только слѣдующее обстоятельство. Республиканцы обыкновенно обвиняютъ имперію въ чрезмѣрномъ увеличеніи числа чиновниковъ которое ложилось тяжелымъ бременемъ на бюджетъ. Но при третьей республикѣ дѣла въ этомъ отношеніи стали гораздо хуже. Депутаты превратились по необходимости въ коммиссіонеровъ своихъ избирателей, и принуждены выпрашивать у министровъ все новыя казенныя мѣста для сыновей и родственниковъ тѣхъ граждан̆ъ которые ихъ избрали своими представителями, а министры принуждены удовлетворять всѣ просьбы депутатовъ, дабы подолѣе сохранить свои портфели. Приходится поневолѣ создавать все новыя и новыя должности, и въ результатѣ оказалось что съ 1871 года до 1883 года расходы на чиновниковъ увеличились на 87.322.000 франковъ!

Послѣ этого становится понятнымъ что при теперешнемъ режимѣ во Франціи и думать нечего объ уменьшеніи налоговъ, на которое до сихъ поръ все еще надѣялись наивные граждане, вѣрившіе въ „блестящее состояніе французскихъ финансовъ.“ Министръ Тираръ прямо заявилъ что всѣ 35 милліоновъ, которые сберегутся отъ конверсіи ренты, цѣликомъ пойдутъ на покрытіе дефицита. Сверхъ того, онъ далъ понять что въ скоромъ времени придется прибѣгнуть къ займу, которымъ увеличится двадцатимилліардный государственный долгъ Франціи. А впереди предстоятъ новыя алчныя вымогательства „представителей народа,“ стоящихъ якобы на бдительной стражѣ финансовыхъ интересовъ государства.

Офиціальное появленіе перваго дефицита въ бюджетѣ республиканской Франціи совпало какъ разъ съ другимъ экономическимъ кризисомъ, который наступилъ во французской торговлѣ и промышленности вслѣдствіе стачекъ между рабочими. Посредствомъ періодическихъ стачекъ, рабочіе всѣхъ отраслей промышленности довели заработную плату до такой небывалой высоты что хозяева фабрикъ и мастерскихъ принуждены или совершенно закрывать свои промышленныя заведенія, или же налагать высокія цѣны на свои произведенія; кончилось тѣмъ что французскія издѣлія, благодаря либеральному таможенному тарифу, не могутъ выдерживать конкурренціи съ дешевыми заграничными произведеніями, и

французскіе экономисты съ ужасомъ видятъ какъ постепенно увеличивается ввозъ иностранныхъ товаровъ и уменьшается вывозъ собственныхъ произведеній. Фабричное производство постепенно сокращается во Франціи, а между тѣмъ рабочіе, причинявшіе это сокращеніе своими стачками и остающіеся теперь безъ работы, попадаютъ въ сѣти соціалистовъ и, вмѣсто того чтобы въ своихъ требованіяхъ сообразоваться съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ, взываютъ къ борьбѣ съ капиталистами-эксплуататорами, и требуютъ во что бы то ни стало работы за увеличенную плату. Извѣстный экономистъ Поль Леруа-Больё давно уже предсказывалъ въ *Journal des Débats* наступленіе промышленнаго и торговаго кризиса, но не указалъ другаго исхода кромѣ наивнаго преподанія добрыхъ совѣтовъ рабочимъ. Онъ приводитъ между прочимъ слѣдующій характеристическій примѣръ. Въ Парижѣ живутъ нѣсколько тысячъ каменьщиковъ, плотниковъ, штукатуровъ и маляровъ, требующихъ каждые два года увеличенія заработной платы. Такъ какъ вслѣдствіе этого постройка новыхъ домовъ обходится слишкомъ дорого, а населеніе Парижа во время третьей республики почти не увеличивается, то съ каждымъ годомъ все уменьшается стройка новыхъ домовъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшается и работа каменьщиковъ и плотниковъ. Эти послѣдніе громко протестуютъ и заявляютъ свое „право на работу," обвиняя ненавистную „буржуазію" въ намѣренномъ нарушеніи этого „неотъемлемаго права народа, освященнаго великою революціей." А такъ какъ буржуазія тутъ ни при чемъ и пособить горю рабочихъ не можетъ, то они сходятся на шумные митинги, возбуждаютъ другъ друга къ безпощадной расправѣ съ „эксплуататорами," и устраиваютъ, подъ руководствомъ Луизы Мишель и прочей революціонной сволочи, тѣ уличныя демонстраціи которыя происходили въ Парижѣ 9 и 11 марта. Леруа-Больё предлагаетъ усовѣстить каменьщиковъ и плотниковъ доказавъ имъ что ихъ демонстраціи, конечно, не въ состояніи будутъ привлечь иностранцевъ въ Парижъ, а слѣдовательно стройка новыхъ домовъ не усилится уличными безпорядками, а только еще болѣе сократится... Къ сожалѣнію, кабинетные совѣты почтеннаго доктринера остались безъ послѣдствія. Рабочіе попрежнему остались въ убѣжденіи что они несчастныя жертвы *буржуазной эксплуатаціи*...

Доктринеры видятъ свои недостатки, но связанные по рукамъ и ногамъ своею доктриной, сами исправить зла не могутъ.

№ 116.

Москва, 27-го апрѣля.

Интрига не брезгающая никакими средствами дабы отклонить отъ прямаго пути національную политику Россіи, и въ послѣднее время улавливающая наивныхъ людей химерой неминуемой будто бы войны между Германіей и Россіей, поспѣшила, какъ и слѣдовало ожидать, воспользоваться загадочнымъ союзомъ между Германіей, Австріей и Италіей, какъ новымъ средствомъ для запугиванія, съ одной стороны, а съ другой, дабы проповѣдывать свое пресловутое „примиреніе" Россіи съ Поляками. *С.-Петербургскія Вѣдомости*, принадлежащія къ числу уловленныхъ, въ простотѣ души своей считаютъ очевиднымъ что „Германія готовится къ чему-то необычайному имѣющему сейчасъ же (!!) послѣдовать." Въ этомъ мнѣніи названная газета подаетъ благіе совѣты „почтенной редакціи" польской газеты *Kray*, издаваемой въ Петербургѣ, и отвергая систему маркиза Велёпольскаго, за которую стоитъ польскій органъ, и вообще польскую аристократію, склоняется, вмѣстѣ съ *Новостями*, скорѣе въ пользу средняго класса польской шляхты, въ противоположность г. Спасовичу, который, по словамъ газеты *Новости*, является сторонникомъ графа Сигизмунда Велёпольскаго, старшаго сына правителя Польши въ 1862—1863 годахъ. „Графъ Сигизмундъ Велёпольскій," объясняютъ *Новости*, а за ними повторяетъ и издатель *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, „хлопоталъ посредствомъ *Голоса*, *Порядка*, *Вѣстника Европы* и варшавско-польскаго изданія г. Спасовича *Athenaeum* объ устройствѣ для себя въ Петербургѣ такого положенія которое давало бы ему право и возможность, выражаясь подлинными словами г. Спасовича, „„указывать въ столицѣ на насущнѣйшія потребности Поляковъ.""

Но *С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ*, повидимому, недостаточно того что Поляки

и до сихъ поръ имѣютъ въ столицѣ и *Вѣстникъ Европы* и газету *Kray*, какъ органы для указыванія ихъ насущнѣйшихъ потребностей. Онъ полагаетъ что „не изъ среды магнатовъ, а тѣмъ болѣе не изъ среды Вѣлепольскихъ *e tutti quanti*, слѣдуетъ выбирать примирителя между Поляками и *руководителя судебъ Польскаго народа въ Россіи*.“ Демократическая польская шляхта, вотъ въ чью сторону склоняется газета г. Комарова, воздающая впрочемъ въ той же статьѣ восторженную похвалу Адаму Чарторыйскому, котораго онъ называетъ „геніальнымъ дипломатомъ, не понимавшимъ *(sic)* ни Польши, ни Руси.“

Сбитый съ толку редакторъ *С.-Петербурскихъ Вѣдомостей* не вѣдаетъ самъ что говоритъ, и изъ безсвязныхъ рѣчей его можно лишь понять что интригѣ до сихъ поръ удается уловить въ свои сѣти людей, нѣкогда проникнутыхъ чувствомъ своей національности и патріотизма. Иное дѣло газета *Новости* и ея вѣнскій корреспондентъ, подписывающійся буквами Н. М. Мы уже имѣли случай указать какъ этотъ корреспондентъ постоянно предостерегаетъ „насъ Русскихъ,“ отъ имени которыхъ онъ не перестаетъ говорить противъ коварныхъ замысловъ Германіи, неизмѣнно повторяя что Россія можетъ себя обезопасить противъ грозящей ей бѣды однимъ лишь средствомъ: „реформами“ въ Польшѣ. До сихъ поръ этотъ патріотъ, проживающій въ Вѣнѣ, ограничивался только этимъ указаніемъ. Теперь же, пользуясь тройнымъ союзомъ, онъ точнѣе опредѣляетъ ту политическую програму, которая, по его мнѣнію, одна можетъ спасти Россію.

Польская *справа* имѣетъ безстыдство проповѣдывать свое „сближеніе между Россіей и Польшей“ на основаніи той самой общеславянской идеи, которую враждебныя Россіи газеты въ Германіи и Австріи выставляютъ подъ отдѣломъ „панславизма“ какъ аргументъ въ пользу единенія Германіи съ другими державами. Опираясь на мнѣніе пражской *Politik*, упомянутый корреспондентъ находитъ настоящій моментъ очень удобнымъ *„для насъ“* чтобы подвергнуть серіозному и безпристрастному пересмотру отношенія Россіи къ Польшѣ. Недавнее занятіе польскихъ епископскихъ каѳедръ почти вездѣ считалось де первымъ шагомъ въ этомъ направленіи, и поэтому желательно де чтобъ эта политика, проникнутая дальновидною государственною мудростью, не пострадала вслѣдствіе ошибокъ и промаховъ нѣкоторыхъ черезчуръ усердныхъ чиновниковъ.

Что же рекомендуется Россіи для установленія между Русскими и Поляками новаго *modus vivendi?* Ни больше, ни меньше какъ федеральная конституція въ родѣ австрійской. „Не придавая чрезмѣрнаго вѣса польскому элементу въ Россіи,“ разсуждаетъ цитуемый корреспондентъ, заимствуя свои соображенія изъ пражской *Politik*, „можно все-таки безъ преувеличенія утверждать что если Русскому правительству удастся (?) ввести въ Польшу такое положеніе дѣлъ какое напримѣръ существуетъ въ Галичинѣ, то Россія немедленно же заручится большими симпатіями и много выиграетъ въ Австро-Венгріи и Франціи, между тѣмъ какъ отношенія къ Германіи будутъ гораздо болѣе обезпеченными чѣмъ теперь.“ И далѣе: „Въ виду свирѣпствующей въ Европѣ маніи союзовъ, Австрія стала преслѣдовать единственно вѣрную и спасительную политику, именно ту чтобы примирить ея народы и не давать развиваться отчаянной національной оппозиціи могущей имѣть неблагопріятныя послѣдствія въ случаѣ внѣшнихъ усложненій. Лучшій другъ Россіи не можетъ совѣтовать ей ничего другаго какъ только вовремя послѣдовать въ этомъ отношеніи примѣру Австріи.“

Любопытенъ еще доводъ коимъ вѣнскій корреспондентъ подкрѣпляетъ рекомендуемый имъ для Россіи примѣръ Австріи. Никто иной какъ самъ князь Бисмаркъ содѣйствовалъ упроченію теперешняго министерства графа Таафе, коего программа состоитъ въ примиреніи національностей. Заключая союзъ съ Австріей, дальновидный германскій канцлеръ хотѣлъ де прежде всего чтобъ она была сильною, потому что одна только сильная союзница можетъ быть полезною. Сильною же Австрія можетъ быть только въ томъ случаѣ если въ ней господствуетъ система примиренія славянскихъ народностей. При такой системѣ Австрія, какъ союзница Германіи (противъ Россіи конечно), сильна двоякимъ образомъ: вопервыхъ, большинство населенія довольно, а вовторыхъ, въ случаѣ внѣшнихъ столкновеній, то-есть войны съ Россіей, славянскіе народности будутъ сражаться противъ Россіи, несмотря на свои симпатіи къ ней. „Спрашивается,“ такъ заключаетъ корреспондентъ, „если сѣ-

веро-германскіе всеобщіе опекуны желаютъ чтобы дѣла въ Россіи и особенно въ Польшѣ остались по прежнему, должны ли и мы, Русскіе, этого желать? Намъ кажется что этотъ вопросъ вызоветъ громкое и единогласное русское: нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!“ Введеніе въ Польшѣ положенія подобнаго галиційскому хотя и не совсѣмъ де возможно теперь, тѣмъ не менѣе положеніе занимаемое нынѣ Поляками въ Австріи можетъ быть де для „насъ Русскихъ“ очень поучительно.

Мы тоже думаемъ что положеніе Поляковъ въ Австріи можетъ быть для насъ, Русскихъ, очень поучительно. Достаточно указать на постоянныя и систематическія угнетенія коими теперешнее преобладаніе Поляковъ въ Галиціи отзывается на трехмилліонномъ русскомъ населеніи этого искони русскаго края. Достаточно вспомнить прошлогодній процессъ во Львовѣ и теперешнія гоненія на православіе чтобъ уразумѣть съ полною ясностью въ какой мѣрѣ Поляки способны проникнуться духомъ примиренія и насколько они призваны служить той идеѣ, которую *польская справа* среди русской печати стала эксплуатировать въ свою пользу.

№ 117.

Москва, 28-го апрѣля.

„Тройной союзъ нигдѣ можетъ-быть, пишутъ изъ Рима въ *Гамбургскій Корреспондентъ*, не вызвалъ такого раздраженія какъ въ Ватиканѣ,“ и по многимъ причинамъ. Издавна политика Ватикана направлена къ тому чтобъ изолировать Италію. Въ этихъ видахъ Римская курія пошла де на сдѣлку съ Россіей, ищетъ примиренія съ Англіей, готова поддерживать французскихъ легитимистовъ, заключить перемиріе съ Германіей, хотя бы цѣной нѣкоторыхъ болѣе или менѣе существенныхъ уступокъ. И вдругъ эта Италія которую надѣялись изолировать, въ самый разгаръ дѣла, становится членомъ мощнаго союза, подавъ руку Австріи и Германіи. „Aut aut, сказалъ корреспонденту одинъ изъ вліятельнѣйшихъ прелатовъ, въ итало-германскомъ союзѣ Ватикану нѣтъ мѣста... Вся наша государственная мудрость направлена къ реставраціи Церковной Области. Какой бы ни былъ компромиссъ съ Италіей, пока она владѣетъ Римомъ, все будетъ пустою химерой; это противорѣчитъ всѣмъ нашимъ традиціямъ. Его святѣйшество желаетъ жить въ мирѣ со всѣми чтобы въ удобную минуту быть готовымъ (pronto) стать противъ Италіи.“ „Вотъ почему, разказываетъ корреспондентъ, курія смотритъ на тройной союзъ какъ на актъ ей враждебный, направленный противъ свѣтскаго суверенитета папы.“ Этотъ союзъ гарантируетъ Италіи ея теперешнія границы и устраняетъ такъ-называемый „Римскій вопросъ.“ И кто жь это дѣлаетъ? Прежде всего та самая Германія которую въ Ватиканѣ считали было уже вступившею на путь въ Каноссу, вслѣдствіе настоятельныхъ нуждъ ея внутренней политики, вслѣдствіе „понуканій“ клерикаловъ и сепаратистовъ партіи центра. Германія должна расплатиться за это. „Никто не можетъ служить разомъ двумъ господамъ, даже и Германская имперія,“ говорятъ въ Ватиканѣ. Германія должна выбрать одно изъ двухъ: или миръ съ папой, или союзъ съ Италіей.

Таковъ тонъ какимъ заговорили въ Ватиканѣ, особенно послѣ принятой Прусскою палатой депутатовъ резолюціи которая рекомендуетъ правительству органическій пересмотръ майскихъ законовъ, то-есть именно то чего добивается Римская курія отъ Пруссіи. Еслибъ эта резолюція была предложена партіей центра, она потеряла бы часть своей цѣны; совсѣмъ иное теперь. Резолюцію 25 апрѣля предложили и провели консервативы и притомъ вопреки предостереженіямъ министра исповѣданій, который указываетъ что эта резолюція можетъ затруднить переговоры между Пруссіей и Ватиканомъ, поднявъ требованія послѣдняго. „Общественное мнѣніе въ Германіи, говорятъ офиціозные органы Римской куріи, громко требуетъ примиренія съ папой; оно порицаетъ этотъ недавній тройственный союзъ.“ Такъ истолковали въ Римѣ значеніе резолюціи 25 апрѣля. Нѣмецкое правительство должно де будетъ уступить требованіямъ населенія. Оно не можетъ де долго и упорно настаивать на своихъ прежнихъ воззрѣніяхъ. Понятно что при такихъ условіяхъ положеніе прусскаго посланника въ Римѣ становится затруднительнымъ и теряются виды на сдѣлку. „Если переговоры кончатся ничѣмъ, если соглашеніе не будетъ достигнуто, замѣтилъ на дняхъ органъ князя Бисмарка,

Сѣверо-Германская Газета, то мудрено будетъ доказать что въ этой неудачѣ неповинна консервативная резолюція 25 апрѣля." „Что за непонятное нетерпѣніе," дополнила къ обширной статьѣ *Провинціальная Корреспонденція*. „Правительству вовсе не для чего было давать эти непрошеные совѣты, и не только не прошеные, но открыто заявленные нежелательными, основанными на недостаточномъ знаніи и пониманіи дѣла?" Если офиціозная печать высказывается такъ рѣзко противъ консерваторовъ, то не служитъ ли это доказательствомъ что принявъ резолюцію, о которой идетъ рѣчь, Прусскій ландтагъ въ самомъ дѣлѣ сыгралъ въ руку Римской куріи. Переговоры, однако, продолжаются. Еще въ засѣданіи ландтага 25 апрѣля министръ исповѣданій заявилъ палатѣ что отвѣтъ Германіи на римскую ногу изготовленъ и представленъ на благоусмотрѣніе императора. Теперь изъ Рима телеграфируютъ что по словамъ *Moniteur de Rome* эта нота въ скоромъ времени будетъ доставлена г. Шлёцеру и что нѣмецкій „отвѣтъ въ принципѣ благопріятенъ требованіямъ Ватикана;" „но, прибавляетъ органъ куріи, въ Берлинѣ склоняются въ пользу простой отмѣны уголовныхъ постановленій майскихъ законовъ, вмѣсто органическаго ихъ пересмотра." Этого для Ватикана теперь уже мало. Ему очевидно нужны отъ Германіи уступки которыя дали бы возможность германскимъ католикамъ занять такое положеніе при которомъ они могли бы указывать пути германской политикѣ, увлечь ее въ ту сторону куда нужно Римской куріи. Въ Берлинѣ всегда понимали что клерикалы хлопочутъ не о нуждахъ католиковъ, а о своихъ выгодахъ. Князь Бисмаркъ однажды высказалъ это даже прямо въ ландтагѣ. Теперь въ этомъ сознается и Ватиканъ. Въ Римѣ хотятъ прекращенія „культурной борьбы," но не считаютъ примиреніе съ Германіей цѣлью. Дружбѣ Германіи даютъ цѣну, но лишь поскольку этою дружбой можно воспользоваться въ интересахъ рѣшенія „Римскаго вопроса." Стóитъ припомнить что именно съ толковъ о возбужденіи Германіей „Римскаго вопроса" начались и теперешнія сношенія между сю и папой. Не случайно князь Бисмаркъ пожелалъ возстановить прусское посольство въ Ватиканѣ; куріи это льстило: она взглянула на прусскаго посланника въ Ватиканѣ какъ на „дипломатическаго агента при иностранномъ государѣ." Объ этомъ назначеніи папа счелъ даже нужнымъ съ „удовольствіемъ" вспоминать въ своемъ письмѣ къ императору Германскому.

Итакъ, прекратится культурная борьба въ Германіи, или только смягчится; послѣдуетъ ли между Берлиномъ и Ватиканомъ миръ или только перемиріе, этотъ актъ не останется изолированнымъ; онъ будетъ во всякомъ случаѣ только частью сложной политической комбинаціи которою заняты политики Ватикана, однимъ изъ маневровъ той борьбы которую Римская курія съ 1870 года ведетъ противъ Италіи. Естественнымъ образомъ эта борьба обращена теперь противъ тройственнаго союза. Для насъ это не лишено интереса. Весьма назидательно что и наша сдѣлка съ папой выставляется частью все того же общаго плана дѣйствій. Если это такъ, то и послѣдствія нашего недавняго „примиренія" съ папой будутъ тѣ или другія въ зависимости отъ насъ же самихъ...

№ 118.

Москва, 29-го апрѣля.

А.

По послѣднимъ телеграммамъ изъ Константинополя, дипломатіи удалось уладить вопросъ о назначеніи генералъ-губернатора въ Ливанъ. Вопросъ этотъ былъ чуть ли не единственнымъ офиціальнымъ предметомъ дипломатическихъ переговоровъ между членами „европейскаго концерта" за послѣдніе два мѣсяца. Для разрѣшенія онаго нарушенъ былъ летаргическій сонъ, въ который погружена была европейская конференція въ Константинополѣ съ лѣта прошедшаго года.

Ливанскій вопросъ есть застарѣлый вопросъ, отъ времени до времени выступающій наружу чтобы стать предметомъ политическаго соперничества и дипломатической интриги; но такъ какъ дѣйствіе происходитъ въ Азіи, среди полудикихъ племенъ, то интрига политическая сказывается обыкновенно въ ужасающихъ кровопролитіяхъ. Затѣмъ наступаетъ затишье пока интрига не посѣетъ новаго раздора и не вызоветъ новаго кровопролитія.

Замѣчательно однако что въ Ливанѣ на

первомъ планѣ стоитъ интересъ церковный. Католическая церковь считаетъ себя призванною укрѣпить здѣсь свое господство, и Франція является тутъ главною поборницей католицизма, какъ будто ею до сихъ поръ управляетъ монархъ носящій титулъ „христіаннѣйшаго,“ а не единомышленники г. Поля Бера, изгоняющіе Распятіе изъ школъ.

Ливанскія горы населены издавна двумя народностями, Маронитами и Друзами, которыя хотя и говорятъ однимъ языкомъ, нарѣчіемъ арабскаго, и по всей вѣроятности принадлежатъ къ одному племени, тѣмъ не менѣе питаютъ одна къ другой непримиримую вражду вслѣдствіе различія вѣры. Марониты издревле христіане, тогда какъ Друзы не могли быть обращены даже въ магометанство и сохранили остатки языческихъ вѣрованій. Турецкое правительство издавна предоставляло Ливанской провинціи бо́льшую автономію нежели какой-либо изъ прочихъ подвластныхъ ей въ Азіи странъ. Ливанцы управлялись князьями по собственному выбору, и до тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія Марониты и Друзы жили въ мирѣ между собою; вассальные Портѣ князья, которые ими управляли, были то христіане, то язычники, и неоднократно бывали случаи перемѣны княземъ религіи въ угоду той или другой части подвластныхъ ему населеній. Въ 1841 году Друзы перерѣзали множество Маронитовъ. Съ тѣхъ поръ Ливанскія горы были неоднократно свидѣтелями ужасающихъ избіеній. Усобица свирѣпствовала не только вслѣдствіе озлобленія двухъ родственныхъ племенъ, но еще болѣе по проискамъ, съ одной стороны, Порты, которая возымѣла намѣреніе прекратить автономію Ливана, а съ другой, вслѣдствіе тайныхъ подстрекательствъ католическаго духовенства, пользовавшагося поддержкой не только Франціи, которая всячески старалась о сохраненіи своего *престижа* въ Сиріи, но и Австріи, считавшей себя обязанною, въ качествѣ великой католической державы, заботиться объ интересахъ своей церкви на Востокѣ. Но избранный въ началѣ сороковыхъ годовъ, по настоянію этихъ двухъ державъ, ливанскимъ княземъ эмиръ Эминъ, принадлежавшій къ католической фамиліи Шебабъ, внезапно перешелъ въ исламъ. Этимъ вызвано новое возстаніе Маронитовъ и новыя страшныя кровопролитія. На нѣкоторое время Портѣ удалось успокоить страну устранивъ вовсе автономныхъ правителей Ливана и передавъ управленіе въ руки губернатора. Но Марониты, по наущенію французскихъ эмиссаровъ, вновь возстали въ 1860 году и это междуусобіе послужило для Франціи предлогомъ къ посылкѣ въ Сирію экспедиціоннаго корпуса. Французскія войска заняли эту страну, но не прежде какъ она была въ конецъ разорена междуусобіемъ и турецкими баши-бузуками. За то французское самолюбіе было удовлетворено. На конференціи представителей державъ въ Константинополѣ былъ подписанъ 9 іюня 1860 года протоколъ, по коему „автономная ливанская провинція“ должна быть управляема губернаторомъ по назначенію Оттоманской Порты, но не иначе какъ католикомъ, котораго назначеніе должно быть утверждаемо европейскими державами.

До послѣдняго времени Ливаномъ управлялъ Рустемъ-паша, Италіянецъ по происхожденію, бывшій до того оттоманскимъ посломъ въ Россіи. Срокъ его назначенія (десятилѣтній) истекъ 23 апрѣля; и вотъ по вопросу кого назначить ему преемникомъ и происходили оживленные дипломатическіе переговоры. Рустемъ-паша весьма мало обращалъ вниманія на Францію и оказывалъ ей явное пренебреженіе съ тѣхъ поръ какъ Французская республика теряла шагъ за шагомъ свою силу на Востокѣ. Когда зашла рѣчь о назначеніи ему преемника, французская дипломатія энергически возстала противъ продолженія его полномочія, желая спасти свое обаяніе въ Передней Азіи, и хоть въ этомъ вознаградить себя за политическія неудачи постигшія ее въ Египтѣ. Но гдѣ найти высшаго турецкаго сановника, который въ то же время былъ бы и католикъ? Выборъ былъ весьма ограниченный, и тѣ кого рекомендовалъ французскій посолъ, маркизъ де-Ноаль, были отвергнуты Англіей и Россіей. Что же касается Германіи и Австріи, то онѣ ничего не возразили противъ предложеннаго Портой албанскаго принца (пренкъ по-албански) Бибъ-Дода. Послѣдній выросъ въ Константинополѣ, и хотя считается христіаниномъ и католикомъ, но обладаетъ всѣми пороками питомцевъ сераля, среди котораго онъ и получилъ свое воспитаніе послѣ поголовнаго избіенія его родственниковъ, изъ коихъ состояла владѣтельная династія Албаніи. Россія и Англія рѣшительно отвергли кандидатуру албанскаго принца.

Въ концѣ концовъ достигнуто соглашеніе и выборъ, какъ сообщаетъ телеграфъ, палъ на Васса-эфенди, Албанца по происхожденію и католика, занимающаго нынѣ какой-то административный постъ въ Адріанополѣ.

„Дѣло сложилось въ настоящее время такъ, разсуждаетъ одинъ изъ публицистовъ *Всеобщей Газеты* (бывшей аугсбургской), выдающій себя за глубокаго знатока Востока, „что великою державой можетъ считать себя лишь та которая имѣетъ на Востокѣ свои собственные великіе интересы и умѣетъ ихъ отстаивать. Но Востокъ этотъ не тотъ уже что̀ былъ прежде. Востокъ распался на свои составныя части, и каждой великой державѣ предстоитъ заботиться о своихъ интересахъ не только на Востокѣ вообще, но въ каждой изъ его частей въ отдѣльности."

Однако по вопросу о Ливанѣ ни одной изъ державъ не удалось отстоять своихъ отдѣльныхъ интересовъ.

Б.

Въ день семнадцатой годовщины открытія „новыхъ судовъ" въ Москвѣ, *Русскія Вѣдомости* воздали хвалу всякимъ началамъ *правоваго порядка*, примѣняемымъ въ учрежденіяхъ основанныхъ уставами 20 ноября 1864 года, „неизмѣнной вѣрности ихъ завѣту данному ихъ основателемъ," и тому „духу" который въ нихъ витаетъ, „*новому духу*, совершенно отличному отъ того который господствуетъ въ другихъ учрежденіяхъ."

О тѣхъ грустныхъ явленіяхъ изъ міра судебнаго, которыя въ послѣднее время неоднократно возмущали русское общество, упомянутая газета повидимому забыла или умышленно умолчала чтобы не смутить юбилейнаго торжества. За то она съ нѣкоторымъ неистовствомъ вспоминаетъ что нашлись органы печати которые выставляли на видъ эти явленія несовмѣстимыя съ правосудіемъ, и высказывали что въ нашихъ судахъ не все обстоитъ благополучно.

Не сумѣвъ согласовать выразившееся недовольство судами со своимъ тезисомъ будто бы „громадное большинство населенія нисколько не измѣнило своихъ симпатій къ нимъ," *Русскія Вѣдомости* сочли за лучшее напомнить своимъ читателямъ что и въ первый годъ судебной реформы у насъ ополчались противъ основныхъ началъ ея „органы революціоннаго консерватизма" и что въ то время „нѣкій публицистъ" выступилъ въ защиту новыхъ судовъ со словами, которыя эта газета нашла умѣстнымъ повторить въ день ихъ семнадцатой годовщины.

Мы очень благодарны *Русскимъ Вѣдомостямъ* за эту выдержку изъ статьи писанной нами въ 1866 году. Она дѣйствительно была вызвана „революціоннымъ консерватизмомъ" который въ сущности не разнится отъ революціоннаго либерализма нашихъ дней. „Все что̀ есть живаго, мыслящаго, *разумѣющаго*, скажемъ мы и сегодня, не можетъ не быть глубоко затронуто судьбою возникшаго у насъ судебнаго порядка." И теперь мы утверждаемъ что „было бы грустно еслибъ этотъ порядокъ оказался только формой безъ сущности." И теперь мы ставимъ тотъ же вопросъ: „правда ли что въ настоящее время положены основы *благоустроенной* и независимой судебной власти, правда ли что мы имѣемъ судебныя учрежденія *которыми обезпечивается* законъ и право?"

Слова эти вызванныя „революціоннымъ консерватизмомъ" столько же относятся, mutatis mutandis, и къ *революціонному* либерализму. Это тотъ же духъ лжи, только въ другомъ костюмѣ, съ тою лишь разницей что въ то отдаленное время наши новые суды были новорожденнымъ младенцемъ, а нынѣ они выросли и обнаруживаютъ нерѣдко присутствіе въ своихъ органахъ того самаго фальшиваго духа отъ котораго приходилось ихъ тогда отстаивать.

Какъ прежде, такъ и теперь желаемъ мы у насъ водворенія суда по истинѣ самостоятельнаго въ вѣрномъ служеніи своему государству. Мы желаемъ чтобы наши суды прониклись своимъ призваніемъ и были достойны его; чтобъ они ни въ какомъ случаѣ не были органомъ ни консерватизма революціоннаго, ни либерализма революціоннаго, а были бы лишь органомъ правосудія, независимымъ отъ какихъ бы то ни было *вѣяній*...

№ 119.

Москва, 30-го апрѣля.

Переговоры между Германіей и Испаніей о торговомъ трактатѣ вступили въ послѣднюю фазу. Нотой отъ 6 мая, полный

текстъ которой напечатанъ теперь въ *Сѣверо-Германской Газетѣ*, Германія ставитъ свои послѣднія условія и требуетъ рѣшительнаго отвѣта, который „будетъ признанъ ею окончательнымъ.“ Если Испанія дастъ отвѣтъ не такой какой желаютъ въ Берлинѣ, переговоры будутъ прерваны и обѣ стороны надолго сохранятъ тѣ спеціально возвышенныя пошлины которыя ими недавно установлены въ виду колебанія переговоровъ, какъ возмездіе за несговорчивость.

Мы уже имѣли случай недавно замѣтить что переговоры между Испаніей и Германіей не лишены интереса и для насъ. Теперь изъ опубликованной нѣмецкой ноты оказывается что интересъ этотъ гораздо крупнѣе нежели можно было полагать. Короче, мы заинтересованы исходомъ переговоровъ едва ли не болѣе чѣмъ сама Германія.

Нѣмцы ведутъ обширные торговые обороты съ Испаніей и ввозятъ туда какъ свои, такъ и наши товары. Стоимость „чисто нѣмецкихъ продуктовъ“ въ нотѣ 6 мая исчислена въ 25 милліоновъ марокъ. Стоимость русскихъ издѣлій сбываемыхъ въ Испанію германскими коммерсантами вполнѣ не обозначена, но видно что они перепродаютъ одного „русскаго спирта и водки на 15 милліоновъ марокъ.“ Къ этому слѣдуетъ добавить ленъ, пеньку, кожи и мѣха въ сложности почти на милліонъ марокъ. Все что привозится изъ нѣмецкихъ портовъ Испанское правительство считаетъ, какъ видно изъ ноты 13 апрѣля, „товаромъ германскимъ“ и слѣдовательно, если переговоры будутъ прерваны, подчинитъ спеціальному возвышенному тарифу; наоборотъ, если договоръ состоится, русскія издѣлія пойдутъ въ Испанію чрезъ нѣмецкія руки по тарифу пониженному, установленному для всѣхъ сторонъ съ которыми Испанія находится въ договорѣ.

Надо замѣтить что главный камень преткновенія въ переговорахъ между Испаніей и Германіей заключается въ высокой стоимости всего нѣмецкаго ввоза въ Испанію. „Испанія, сказано въ германской нотѣ 6 мая, требуетъ пониженія нѣмецкаго тарифа, ссылаясь что всѣ выгоды договора на сторонѣ Германіи, которая привозитъ въ Испанію на бо́льшую сумму нежели получаетъ оттуда сама.“ Этотъ взглядъ справедливъ не только со внѣшней стороны. Если откинуть товаръ не нѣмецкій, тогда окажется что „испанскій ввозъ въ Германію на 50% выше нѣмецкаго ввоза въ Испанію.“ Для Германіи предметы общаго ея вывоза имѣютъ далеко не одинаковую цѣнность и значеніе. Одни торговые обороты Гамбурга и Бремена съ Испаніей составятъ 33 милліона марокъ, но изъ Ганзейскихъ городовъ отправляется товаръ почти исключительно не русскаго, австрійскаго и шведскаго происхожденія, „который, въ видахъ дальнѣйшей отправки въ Испанію, складывается въ этихъ вольныхъ гаваняхъ: оборотъ этотъ вовсе не зависитъ отъ торговой сдѣлки между Германіей и Испаніей,“ хотя весь этотъ товаръ и попадаетъ въ испанскую статистику подъ рубрикой „германскаго товара.“

Итакъ, все дѣло въ томъ согласится ли Испанское правительство съ этими доводами; если согласится, Германія достигнетъ своей цѣли, нѣмецкій товаръ пойдетъ въ Испанію съ пониженною пошлиной, которою воспользуются отчасти и наши издѣлія. Говоримъ *отчасти* потому что льготная пошлина на спиртъ и водку выговаривается Германіей только для своихъ фабрикатовъ, подлинность которыхъ въ видахъ ходатайствъ нѣмецкихъ заводчиковъ должна удостовѣряться особыми свидѣтельствами.

Сто́итъ обратить вниманіе и на другіе доводы германской ноты, хотя они и не имѣютъ прямаго отношенія къ нашимъ оборотамъ. Испанія требуетъ пониженія германской пошлины на вино въ бочкахъ, слишкомъ не высокой и крайне неблагопріятной для испанскаго отпуска, стоимость котораго въ 1881 году достигала только двухъ милліоновъ марокъ. Германія указываетъ въ отвѣтъ что „пониженіе или повышеніе потребленія иностранныхъ винъ въ Германіи, какъ показываетъ опытъ, зависитъ совершенно отъ иныхъ причинъ нежели измѣненіе тарифа, такъ какъ ввозъ вина въ бочкахъ увеличивается годъ отъ году.“ Въ 1880 году онъ составлялъ 43½ милліона килограммовъ, а къ 1882 году поднялся до 50 милліоновъ килограммовъ. Любопытно замѣчаніе относительно ввоза соли изъ Испаніи въ Германію. По мнѣнію Испанскаго правительства, ввозъ соли бывшій въ 1877 году „весьма значительнымъ,“ упалъ въ послѣднее время, такъ какъ при существующей не пошлинѣ ввозъ этотъ становится невозможнымъ. Что же оказывается? Пошлина на ввозимую въ

Германію моремъ соль не измѣнялась съ 1867 года, такъ что „ввозъ 1877 года, весьма значительный,“ существовалъ при той же пошлинѣ которая теперь считается невозможною. Случилось такое явленіе единственно вслѣдствіе развитія германскаго производства подъ дѣйствіемъ разумно установленной пошлины, вмѣстѣ съ отмѣной въ 1867 году соляной монополіи. Уничтоженіе монополіи при огражденіи народнаго труда сдѣлало то что съ небольшимъ въ десять лѣтъ привозъ испанской соли въ Германію прекратился совершенно. Не служитъ ли этотъ примѣръ весьма нагляднымъ доказательствомъ тѣхъ выгодъ которыя доставляетъ народному труду огражденіе его отъ иностранной конкурренціи? Еслибы Германія въ 1867 году ошиблась и назначила бы пошлину ниже существующей, то Испанскому правительству вѣроятно не было бы нужды добиваться теперь ея пониженія въ тѣхъ видахъ чтобы доставить хоть какой-нибудь сбытъ своему продукту. Разница лишь та что барышъ который шелъ бы въ испанскіе карманы остается теперь весь въ Германіи. Рядъ такихъ мѣръ ставитъ разчетный балансъ Германіи съ Испаніей въ болѣе выгодныя условія, заставляющія послѣднюю невольнымъ образомъ употреблять всяческія усилія чтобы добиться пониженія германской пошлины, или же развязать себѣ руки чтобы поднять свой тарифъ по произволу.

№ 121.

Москва, 2-го мая.

Наконецъ, прорвалось! Бунты предоставлялись русской сволочи, а въ Варшавѣ все было спокойно. Добрые люди тамъ пожимали плечами смотря на неистовства русскихъ нигилистовъ, и ставили ихъ въ вину и церкви русской, и государству русскому, и народности русской. Но наконецъ не вытерпѣли, и вотъ, съ недавнимъ оживленіемъ польской справы, начались бунты въ польскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ мартѣ былъ бунтъ въ Александрійскомъ Лѣсномъ Институтѣ, а въ началѣ апрѣля совершена возмутительная мерзость въ Варшавскомъ Университетѣ: безголовый студентъ, подбитый агитаторами, занесъ руку на попечителя неугоднаго польской справѣ... Извѣстіе объ этомъ тотчасъ же было передано телеграммами и письмами изъ пограничныхъ станцій въ польскія газеты выходящія въ Познани, Краковѣ и Львовѣ, и возбудило тамъ ликованія.

Когда, въ началѣ марта, произошли безпорядки въ Александрійскомъ Лѣсномъ Институтѣ, заставившіе попечителя прекратить на время лекціи въ немъ и удалить виновныхъ, польская печать за границей старалась свалить вину безпорядковъ на распоряженія властей, и наполнялась безобразными выходками на личность и дѣятельность досточтимаго А. Л. Апухтина, который неуклонно и честно, въ укоръ другимъ властямъ, исполнялъ свой правительственный долгъ. Тогда же польскія газеты напечатали нѣчто въ родѣ манифеста студентовъ исключенныхъ изъ Института, въ которомъ они предавали проклятію начальство помѣшавшее имъ безобразничать. Но, сверхъ этого манифеста, *Gazeta Narodowa* (№ 75) сообщила и воззваніе исключенныхъ студентовъ Института къ студентамъ Варшавскаго Университета. Содержаніе этого воззванія состоитъ въ своеобразномъ изложеніи хода всего дѣла, повлекшаго за собою удаленіе виновныхъ студентовъ и временное закрытіе заведенія. Но въ этомъ „актѣ,“ находящемся въ связи съ оскорбленіемъ попечителя студентомъ Университета и волненіями которыя послѣдовали вслѣдъ за тѣмъ, появляются намеки и другаго сорта: „воззваніе“ хочетъ увѣрить что попечитель желаетъ совершенно закрыть Лѣсной Институтъ и Университетъ, чтобы лишить весь край высшихъ учебныхъ заведеній, и что съ этою цѣлью онъ „ударилъ въ самую чувствительную струну всей польской молодежи, распорядившись о чтеніи по-русски лекцій польской литературы въ Варшавскомъ Университетѣ.“ Извѣстно что молодой польскій ученый, ученикъ покойнаго слависта В. В. Макушева, г. Вержбольскій, на котораго возложено было чтеніе лекцій польской литературы на русскомъ языкѣ, преданъ былъ чуть не проклятію польскою печатью, не желающею понять что въ Варшавѣ основанъ русскій, а не польскій университетъ. Итакъ, исключенные студенты Лѣснаго Института, по обычаю *справы*, стараются убѣдить что высшія власти желаютъ вызвать безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ своими распоряженіями чтобы закрыть ихъ.

Спрашивается, что же мѣшало бы властямъ закрыть эти заведенія еслибъ онѣ находили эту мѣру нужною? Но агентамъ *справы народовой* нѣтъ дѣла до логическихъ соображеній.

Прошелъ лишь одинъ мѣсяцъ послѣ дѣла въ Александріи, и вотъ 4 апрѣля начинаются безпорядки въ Варшавскомъ Университетѣ. Что же пишутъ *Часъ, Газета Народова, Дневникъ Познанскій* и др.? Онѣ не только стараются оправдать студента Жуковича, послужившаго орудіемъ польской справы, но и прославляютъ его дѣло какъ великій подвигъ. Онѣ обрадовались что этотъ студентъ, къ его вящему позору, оказался православнымъ и стараются сначала представить дѣло такъ что во всемъ виновны одни Русскіе. Но мало-по-малу онѣ принимаютъ другой тонъ, и Жуковичъ является мстителемъ за всѣ „угнетенія" вынесенныя польскою справой отъ энергическихъ дѣйствій неуклонно исполняющаго свой долгъ попечителя округа, какъ сказано въ Высочайшемъ рескриптѣ, при пожалованіи ему ордена Александра Невскаго. Затѣмъ являются статьи самаго рѣзкаго тона въ этихъ газетахъ, и начинается ликованіе по поводу неминуемаго, по фантазіи Поляковъ, отозванія А. Л. Апухтина отъ занимаемаго имъ поста. Польская фантазія нашла уже кандидатовъ и указывала то на то, то на другое лицо, по преимуществу изъ угодныхъ и удобныхъ для *справы*. Появились даже телеграммы что А. Л. Апухтинъ не возвратится въ Варшаву.

Но вскорѣ наступило разочарованіе: оказалось что А. Л. Апухтинъ не оставляетъ Варшавы, что всѣ служащіе подъ его начальствомъ и всѣ русскіе кружки, къ которымъ примкнули и благомыслящіе изъ Поляковъ, возмущены событіемъ, готовятъ адресы и выражаютъ ему свое сочувствіе. Дѣло сорвалось, и вотъ *Часъ* помѣщаетъ нѣсколько словъ обращенныхъ къ молодежи, которую онъ считаетъ нужнымъ предостеречь, хотя и оправдываетъ ея поступки...

Но когда сдѣлалось извѣстнымъ что въ день Свѣтлаго Воскресенія Государь пожаловалъ А. Л. Апухтину орденъ Александра Невскаго, причемъ Высочайшій рескриптъ ясно обозначилъ заслуги варшавскаго попечителя, то польскія иностранныя газеты окончательно смутились. Онѣ съ горестію сообщаютъ это извѣстіе убѣдившись что правительство имѣетъ твердыя и опредѣленныя намѣренія. *Dziennik Poznanski,* въ № 100 отъ 2 мая, въ грубой и дерзкой статьѣ, даетъ полный разгулъ своему негодованію. Что же озлобило эти органы Польской справы? То ли что Русское правительство не намѣрено потакать ея притязаніямъ, и что Русскій Государь умѣетъ поддерживать тѣхъ кто честно исполняетъ его предначертанія?

№ 122.

Москва, 3-го мая.

У всѣхъ на языкѣ забота о подъемѣ народнаго благосостоянія, о возможномъ облегченіи лежащихъ въ народѣ податныхъ и иныхъ тягостей. Но никакія подати, сборы и повинности, во всей ихъ совокупности, не лежатъ на населеніяхъ такимъ тяжелымъ гнетомъ какъ кабацкая эксплуатація. Никакая другая мѣра не могла бы въ такой степени поднять народное благосостояніе и матеріальное и нравственное, какъ освобожденіе этихъ населеній отъ губительнаго кабацкаго соблазна. Пока народъ не освобожденъ отъ кабака, мало надеждъ на то что податныя и всякія иныя облегченія поведутъ къ тѣмъ цѣлямъ ради коихъ даруются: сбавляемые съ крестьянъ рубли большею частію пойдутъ не на улучшеніе ихъ быта, а на обогащеніе кабачниковъ.

Это хорошо извѣстно, и въ душѣ мало кто не убѣжденъ что именно съ этой стороны всего важнѣе и нужнѣе придти на помощь народу, который самъ въ минуты своего духовнаго просвѣтленія и постоянно въ лицѣ лучшихъ изъ своей среды ни о чемъ такъ не проситъ какъ объ освобожденіи его отъ кабаковъ: въ нихъ главная причина народнаго разоренія, главный источникъ большей части крестьянскихъ бѣдъ. Мало кто сомнѣвается въ томъ что еслибы наложенъ былъ запретъ на публичное пьянство, съ замѣной его домашнимъ употребленіемъ вина, еслибы кабаки, то-есть распивочная продажа питей, были уничтожены, и еслибы затѣмъ вообще число мѣстъ торговли питьями было ограничено лишь необходимымъ минимумомъ, результаты получились бы самые благодѣтельные. Значительная часть тѣхъ милліоновъ рублей которые пропиваются крестьянами

въ каждой губерніи оставалась бы въ ихъ карманахъ и шла бы на улучшеніе ихъ хозяйственнаго инвентаря; возможность накопленія своей залежной копѣйки помогла бы крестьянамъ выйти изъ кабальной зависимости отъ кулаковъ; уменьшились бы поводы къ разоряющимъ крестьянъ семейнымъ раздѣламъ; въ большой пропорціи сократилось бы число сельскихъ пожаровъ, и еще въ большей мѣрѣ сократилось бы число проступковъ и преступленій; весь складъ жизни получилъ бы лучшій, облагороженный, болѣе достойный человѣка обликъ. Что же мѣшаетъ принять мѣру которая вела бы къ такимъ послѣдствіямъ?

Главною помѣхой постоянно были опасенія бюджетнаго свойства, опасенія недоборовъ въ казенномъ питейномъ доходѣ. Существующая питейная система съ ея безчисленными питейными заведеніями, высасывающими изъ народа все что можно высосать, несомнѣнно разорительна и губительна для него, но она будто бы выгодна и необходима для казны; часть того что высасываютъ эти піявки составляетъ государственный доходъ, и казна не свела бы концовъ съ концами еслибъ отказалась отъ поступающихъ въ нее такимъ путемъ болѣе чѣмъ двухъ сотъ милліоновъ рублей ежегодно. Отказаться отъ такой суммы казнѣ дѣйствительно было бы трудно. Но есть ли это серіозный доводъ въ пользу системы при которой за каждый поступающій въ казну рубль народъ долженъ платиться двумя и тремя рублями если не болѣе, и при которой онъ не только разоряется, но и развращается. Казнѣ нуженъ двухсотъ-милліонный питейный доходъ, но для чего можетъ быть ей нужна несмѣтная орда кабачниковъ содержаніе которыхъ обходится народу дороже содержанія всей русской арміи? Неужели нѣтъ возможности, не отнимая у казны ея питейнаго дохода, избавить страну отъ поѣдающей ее кабацкой саранчи? Позволительно ли мириться съ этою саранчей и оставлять въ силѣ сродную ей питейную систему?

Конечно, прежде чѣмъ ломать зданіе признанное непригоднымъ и строить взамѣнъ его новое, бываетъ иногда не лишнимъ подумать нельзя ли сохранить прежнее строеніе, приспособивъ его къ назначенію, которому оно должно служить, помощью тѣхъ или другихъ передѣлокъ. Наша дѣйствующая питейно-акцизная система оказалась несостоятельною во всѣхъ отношеніяхъ; но прежде чѣмъ окончательно упразднять ее и замѣнять совершенно иною, естественно поставить вопросъ, нельзя ли исправить эту систему, нельзя ли, оставивъ въ силѣ главныя ея основанія, приноровить ихъ такъ чтобы народъ былъ избавленъ отъ кабацкаго соблазна ведущаго къ разоренію и развращенію и чтобы между винокуреніемъ и сельскимъ хозяйствомъ была возстановлена тѣсная связь, важная для успѣховъ скотоводства и земледѣлія. Но неизлѣчимымъ больнымъ бываютъ не въ состояніи помочь самые знающіе и опытные врачи, и намъ сдается что никакая опытность и знаніе дѣла не въ состояніи излѣчить нашу акцизно-питейную систему отъ ея вредныхъ свойствъ. Горбатаго только могила исправитъ, говоритъ народное присловье, и это присловье, какъ намъ кажется, вполнѣ примѣнимо къ существующимъ у насъ питейнымъ порядкамъ.

Года полтора тому назадъ, когда питейный вопросъ былъ, казалось, серіозно возбужденъ и имѣлась надежда на его разрѣшеніе, мы сперва полагали что дѣло можно ограничить упраздненіемъ распивочной продажи и сокращеніемъ вообще мѣстной торговли. Но рядъ вѣскихъ возраженій убѣдилъ насъ что безъ серіозныхъ мѣръ противъ корчемства сокращеніе мѣстъ питейной торговли можетъ оставаться только на бумагѣ; что самою дѣйствительною мѣрой противъ корчемства было бы уничтоженіе разницы между цѣною вина въ оптовой и розничной продажѣ въ раздробь, осуществимой лишь при установленіи казенной питейной монополіи. И чѣмъ болѣе вникали мы въ вопросъ, тѣмъ болѣе убѣждались что казенная монополія есть единственно вѣрное рѣшеніе питейнаго вопроса, равно выгодное и для казны и для народа. Это было бы не полумѣрой, а дѣйствительнымъ и рѣшительнымъ средствомъ покончить и съ явными, и съ тайными кабаками, не только безъ умаленія, но и съ приращеніемъ казеннаго питейнаго дохода. Отдѣлаться отъ кабака, писали мы между прочимъ, для правительства можетъ-быть еще важнѣе и нужнѣе чѣмъ для народа. Будучи бичемъ для народа, кабакъ въ то же время и самый страшный врагъ казны. Кабакъ сокращаетъ размѣры питейныхъ сборовъ, которые казна могла бы получать безъ отягощенія народа; разоряя народъ, онъ подрываетъ основы государственныхъ

финансовъ, лишаетъ всѣ источники государственныхъ доходовъ присущей имъ эластичности. Сокращая государственные доходы, кабакъ вмѣстѣ съ тѣмъ вноситъ разстройство и хаосъ во многія области народной жизни, благоустройство коихъ составляетъ государственную задачу, ради которой и налагаются на народъ разныя повинности. Не будь кабака, задача государственнаго управленія сдѣлалась бы легче и благодарнѣе; правительство вышло бъ изъ той мрачной тѣни какую набрасываетъ на него кабакъ, вселяя въ умы мысль будто спаиваніе, разореніе и развращеніе народа требуется самимъ правительствомъ. Порвать всякія связи съ людьми кабацкаго лагеря, вотъ желаемая цѣль которой должна достигнуть питейная реформа, если хотѣть чтобъ она была дѣломъ серіознымъ. Достиженіе этой цѣли путемъ установленія казенной питейной монополіи не только не сопровождалось бы какою-либо со стороны казны жертвой, а напротивъ повело бы къ такому приращенію государственныхъ доходовъ что стали бы возможны многія финансовыя и иныя реформы нынѣ откладываемыя по соображеніямъ бюджетнаго свойства.

Встрѣченная въ началѣ сомнѣніями, мысль о рѣшеніи питейнаго вопроса именно введеніемъ казенной монополіи болѣе и болѣе усвоивается людьми понимающими дѣло. Къ числу ихъ присоединился и такой знатокъ дѣла какъ В. А. Кокоревъ. Въ своей статьѣ „Нужды и потребности,“ онъ допускалъ возможность ограничиться нѣкоторыми улучшеніями въ существующей питейной системѣ, не касаясь ея основаній. Но вслѣдъ затѣмъ онъ призналъ что это было бы лишь полумѣрой, что серіознымъ рѣшеніемъ вопроса былъ бы переходъ къ системѣ казенной монополіи, и въ нашихъ рукахъ находится составленный имъ въ общихъ чертахъ проектъ заключающій въ себѣ цѣлый рядъ дѣльныхъ указаній на то какимъ путемъ могла бы быть успѣшно осуществлена на практикѣ казенная питейная монополія. Будемъ надѣяться что В. А. Кокоревъ на однихъ этихъ указаніяхъ не остановится и не откажется послужить своимъ знаніемъ дѣла и многолѣтнею практическою опытностію разработкѣ серіозной питейной реформы. А въ крайней важности и необходимости ея онъ убѣжденъ можетъ-быть болѣе чѣмъ кто-либо. „Общее желаніе всей Руси,“ говоритъ онъ, „заключается въ томъ чтобы наступленію Священнаго Коронованія предшествовалъ лучъ надежды на то что избранный правительствомъ экономическій путь вѣренъ. Нельзя не присовокупить что народная и промышленная жизнь находится въ самой гнетущей истомѣ отъ ожиданія путеводныхъ указаній. Быть-можетъ эти слова покажутся многимъ преувеличенными и невѣроятными, но справедливость ихъ подтверждается массой безпомощныхъ людей которые стучатся въ наши двери. Иные говорятъ: если пропился какой-нибудь мужикъ, то и погибай за свою вину. Но такъ какъ пропились два милліона, теперь пропивается третій, а за нимъ пойдетъ четвертый, то уже тутъ нельзя махнуть рукой! Спасая пропившихся мы спасаемъ себя, спасаемъ общій порядокъ.“

№ 123.

Москва, 4-го мая.

Вслѣдъ за симъ мы печатаемъ изложеніе дѣла выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ. Составлено это изложеніе на основаніи разказовъ крестьянъ которые въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ходатайствовали объ очищеніи ихъ мѣстности отъ заразы социалистической пропаганды и посѣянныхъ ею въ ихъ мѣстности плевелъ. Много разъ обращались эти крестьяне по такому своему дѣлу и къ мѣстнымъ, и къ петербургскимъ властямъ; не разъ заходили они и къ намъ при неоднократныхъ своихъ хожденіяхъ съ Поволжья въ Петербургъ, гдѣ бывали выслушиваемы многими высокостоящими лицами.

Дѣло этихъ крестьянъ, между прочимъ, бросаетъ свѣтъ на темныя стороны вопроса о томъ при какихъ условіяхъ ведется у насъ революціонная пропаганда, въ чемъ сила и значеніе всѣхъ этихъ мутящихъ нашу жизнь противугосударственныхъ броженій. Въ мѣстности откуда родомъ эти крестьяне, революціонная пропаганда свила себѣ гнѣздо около четырехъ лѣтъ тому назадъ; среди ихъ жили и дѣлали свое дѣло и Соловьевъ, совершившій потомъ 2 апрѣля покушеніе на жизнь покойнаго государя, и Богдановичъ работавшій, подъ именемъ Кобозева, надъ устройствомъ адской мины на Малой Садовой улицѣ въ Пе-

тербургѣ, и многіе другіе изъ той же шайки. Часть этой саранчи разсѣялась, но оставила по себѣ сѣмена, отъ которыхъ добрые люди до сихъ поръ не могутъ отдѣлаться.

Начало этой пропаганды совпадаетъ по времени съ либеральнымъ роспускомъ на всѣ четыре стороны, по сенатскому суду, массы испорченныхъ людей, привлекавшихся къ Жихаревскому слѣдствію, причемъ появленію пропагандистовъ предшествовали нѣкоторыя перемѣны въ составѣ мѣстной администраціи. Чуть не весь личный составъ особенно близко стоящихъ къ крестьянамъ властей, начиная съ предводителя, непремѣннаго члена уѣзднаго крестьянскаго присутствія, исправника, становаго и жандармскаго капитана, и кончая земскимъ агентомъ страхованія и земскими же врачемъ и акушеркой, оказались лицами или прямо способствующими дѣлу пропаганды, или потворствующими ей и не допускающими никакого ей противодѣйствія. Тяжелое впечатлѣніе производитъ этотъ бывшій адвокатъ-предводитель, держащій при себѣ лицо привлекавшееся къ Каракозовскому дѣлу и затѣмъ принимающій къ себѣ писцомъ будущаго цареубійцу Соловьева. Тяжелое впечатлѣніе производятъ эти власти рекомендующія на должности волостныхъ писарей Соловьева, Богдановича (Кобозева), Страхова, устраняющія тѣхъ волостныхъ старшинъ которые не соглашаются принять къ себѣ этихъ людей, ставящія ихъ распорядителями всего крестьянскаго быта и встрѣчающія окрикомъ всякій протестъ противъ ихъ пропаганды.

Что должны были думать крестьяне, видя что навязанные имъ властями писаря занимаются раздачей возмутительныхъ книгъ и ведутъ злоумышленныя проповѣди о передѣлѣ земель, о неплатежѣ долговъ, объ отмѣнѣ податей, о замѣнѣ властей общественными управленіями, о равенствѣ, о томъ что власти не будетъ? Какъ должны были перепутаться понятія крестьянъ въ виду того что проповѣдники всѣхъ этихъ ученій находили въ мѣстныхъ представителяхъ власти поддержку, и что эти власти находились съ пропагандистами-писарями въ товарищескихъ отношеніяхъ, запросто „водили съ ними компанію!“ Значитъ такъ и нужно, значитъ все это требуется...

При такихъ обстоятельствахъ, отрадное явленіе представляютъ собою эти крестьяне не дозволившіе сбить себя съ толку, неутомимо, несмотря на всѣ препятствія и невзгоды, дѣлавшіе все возможное чтобъ исполнить гражданскій долгъ. Обнаруженная ими при этомъ энергія по истинѣ изумительна. Сколько пришлось имъ въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ вытерпѣть всякихъ неправдъ и притѣсненій и отъ своихъ поставленныхъ и настроенныхъ пропагандистами сельскихъ властей, и отъ начальствъ; сколько пришлось имъ выслушать увѣщаній „бросить дѣло и жить мирно...“ Такія увѣщанія не всегда, конечно, были знакомъ сочувствія ко крамолѣ. Они часто были просто уступкой тѣмъ вѣяніямъ, сила коихъ достигла своего апогея въ эпоху „диктатуры,“ когда возмущаться противъ дѣяній легальной и нелегальной пропаганды считалось чуть не преступленіемъ.

Но ни увѣщанія, ни прещенія, ни трата денегъ и времени, ни злыя насмѣшки сбитыхъ съ толку пропагандистами односельчанъ надъ неудачами многочисленныхъ поѣздокъ ко властямъ не уклонили ихъ отъ исполненія того что они считали своимъ священнымъ долгомъ. Тяжело, конечно, было имъ выслушивать отъ своихъ супротивниковъ что „дѣлается по нашему, а не по вашему.“ Но правда должна была брать свое; и такъ и было по мѣрѣ того какъ дѣло разъяснялось предъ высшими властями.

При всемъ противодѣйствіи какое встрѣчалъ протестъ крестьянъ, пропагандистамъ пришлось бѣжать изъ той мѣстности гдѣ они было основались и проживали около года подъ ложными именами. Затѣмъ, разъясненіемъ дѣла, крестьяне добились того что послѣ одной изъ ихъ поѣздокъ въ Петербургъ были смѣнены въ ихъ мѣстности и губернаторъ, и уѣздный предводитель, и непремѣнный членъ, и жандармскій капитанъ, и исправникъ, и становой. Наконецъ они добились смѣны и излюбленнаго пропагандистами волостнаго старшины. Можно надѣяться что при окончательномъ разъясненіи дѣла будутъ устранены въ ихъ мѣстности и прочіе остающіеся пока еще въ силѣ слѣды производившейся тамъ пропаганды.

Но съ какимъ страшнымъ трудомъ, съ какою медленностью достигается всякій успѣхъ въ этой борьбѣ съ анархическими теченіями! До какой степени медлительно дѣйствуетъ въ подобныхъ настоящему слу-

чаяхъ наша административная машина видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго. Результатомъ одной изъ поѣздокъ крестьянъ въ Петербургъ было объявленіе тамъ крестьянамъ что по волѣ Государя Императора для разслѣдованія ихъ дѣла назначена особая коммиссія. Дѣйствительно, мѣсяца чрезъ два прибыла на мѣсто коммиссія, а затѣмъ крестьяне имѣли счастіе услышать что они правы въ своемъ дѣлѣ, что все ими заявленное подтвердилось, и что дѣло пойдетъ въ Министерство Юстиціи. Что̀ сталось съ ихъ дѣломъ въ Министерствѣ Юстиціи и былъ ли ему тамъ данъ какой-нибудь ходъ, неизвѣстно. Но понадобилась новая поѣздка крестьянъ въ Петербургъ, новое заявленіе ихъ предъ высшими властями, подкрѣпленное свидѣтельствомъ г. Писарева, разслѣдывавшаго дѣло, для того чтобы раскрытія сдѣланныя коммиссіей повели къ практическимъ результатамъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, у насъ не разъ повторялись обращаемыя къ обществу приглашенія оказывать содѣйствіе властямъ въ борьбѣ съ революціонною пропагандой. Но плохо приходится тѣмъ кто не шуточно относится къ такимъ приглашеніямъ. Что̀ ожидаетъ ихъ показываетъ примѣръ этихъ крестьянъ, нѣсколько лѣтъ сряду добивающихся очистить свою мѣстность отъ посѣянныхъ въ ней плевелъ. Нельзя не удивляться ихъ энергіи которую не могли подавить всѣ претерпѣнныя ими испытанія. Но всякая энергія имѣетъ свои предѣлы, и не каждый способенъ на нее въ такой степени. Слѣдовать политикѣ „диктатуры сердца“ и мирволить анархической пропагандѣ, подлаживаясь къ ней, гораздо спокойнѣе и выгоднѣе чѣмъ прослыть безпокойнымъ и очутиться между двухъ огней наживъ себѣ непріятности и отъ властей, и отъ крамольниковъ.

Въ помѣщаемомъ ниже изложеніи дѣла упомянутыхъ крестьянъ мы не назвали ни губерніи, ни уѣзда гдѣ оно разыгрывалось, ни лицъ къ нему прикосновенныхъ. Но еслибы дѣло стало предметомъ новаго правительственнаго разслѣдованія, еслибы признана была нужнымъ провѣрка крестьянскихъ разказовъ, можетъ-быть не во всякой мелочной подробности удовлетворяющихъ требованіямъ строгой точности, мы готовы по первому приглашенію поименовать и лица, и мѣстности.

№ 124.

Москва, 5-го мая.

А.

Въ свое время мы сообщали что Турецкое правительство обратилось къ представителямъ великихъ державъ съ циркулярною нотой, прося ихъ собрать конференцію чтобы перенести часть турецкаго долга на Сербію, Черногорію, Болгарію и Грецію. Предполагаемая конференція должна была, кромѣ того, опредѣлить размѣры болгарской дани. Нѣсколько дней тому назадъ, въ иностранныхъ газетахъ появилось извѣстіе будто державы согласились исполнить это желаніе Порты. Оказалось однако что извѣстіе это не совсѣмъ вѣрно, по крайней мѣрѣ что касается Россіи. По свѣдѣніямъ офиціознаго *Пештскаго Ллойда*, русскій посолъ въ Константинополѣ вручилъ на дняхъ Портѣ отвѣтную ноту своего правительства, которая должна была произвести впечатлѣніе на турецкихъ сановниковъ. Въ упомянутой нотѣ заявляется что Турція исполнила далеко не всѣ обязательства возложенныя на нее Берлинскимъ трактатомъ, между прочимъ не уплатила еще 400.000 турецкихъ лиръ въ пользу русскихъ торговцевъ потерпѣвшихъ убытки во время послѣдней войны. Въ нотѣ значится далѣе что Русское правительство не можетъ поддерживать претензій Турціи къ Болгаріи, Сербіи и Греціи, пока Турція не исполнитъ своихъ обязательствъ относительно Россіи.

Но если дѣло идетъ о поправленіи турецкихъ финансовъ то лучше было бы Турціи постараться переложить часть своего государственнаго долга на Австро-Венгрію, захватившую двѣ богатѣйшія изъ ея провинцій...

Берлинскій конгрессъ не только предоставилъ Австро-Венгріи, подъ видомъ водворенія порядка, владѣніе Босніей и Герцеговиной, но и поручилъ ей образовать соотвѣтствующій желѣзнодорожный союзъ съ государствами полуострова.

Три года длились переговоры, пока въ Вѣнѣ созвана была такъ-называемая *Conférence à quatre*; долго тянулись засѣданія этой конференціи, державшей въ строгой тайнѣ свои протоколы. На дняхъ участвовавшіе въ ней делегаты пришли къ окончательному соглашенію и, какъ извѣ-

стилъ насъ телеграфъ, 9 мая н. с. подписана выработанная ими конвенція. Содержаніе ея еще не обнародовано офиціально, вѣнская и берлинская печать хранитъ пока молчаніе по этому предмету. Но *Всеобщая Газета* (бывшая *аугсбургская*), извѣстная своими давнишними связями съ вѣнскими правительственными сферами, въ нумерѣ своемъ отъ 13 мая, знакомитъ своихъ читателей съ существенными частями выработаннаго конференціей желѣзнодорожнаго договора, имѣющаго цѣлью прямое сообщеніе Вѣны и Пешта съ Константинополемъ и Салониками.

Сообщеніе это имѣетъ всѣ признаки достовѣрности, и мы узнаемъ слѣдующее:

Состоявшійся договоръ касается двухъ главныхъ путей: одного, непрерывнаго изъ Вѣны въ Константинополь, на Землинъ-Бѣлградъ - Нишъ - Пиротъ - Корибродъ-Софію-Бакерель-Бѣлово и Сарембей (конечная станція уже существующей линіи изъ Филиппополя въ Константинополь) и другаго — изъ Вѣны въ Салоники, примыкающая ко Враньѣ, конечной станціи на существующей линіи Бѣлградъ - Вранья и имѣющая идти на соединеніе съ существующею линіей Митровица - Салоники. Срокомъ для окончанія всѣхъ этихъ и другихъ проектируемыхъ въ этой конвенціи дорогъ назначенъ октябрь 1886 года.

Касательно эксплуатаціи выговоренъ въ конвенціи цѣлый рядъ опредѣленій которыми движеніе на этихъ линіяхъ подчиняется такимъ же правиламъ какія вообще приняты для международнаго желѣзнодорожнаго движенія. Послѣ этой, столь невинной фразы, *Всеобщая Газета* перечисляетъ и самыя условія.

По ширинѣ, рельсовый путь долженъ вполнѣ соотвѣтствовать австрійскимъ дорогамъ; та же должна быть сигнальная система, тѣ же способы эксплуатаціи. Между Вѣной и Константинополемъ, какъ между Вѣной и Салониками, должны обращаться въ оба конца, не менѣе одного раза въ сутки, сквозные поѣзда, идущіе со скоростью 35 километровъ въ часъ. Тарифы пассажирскаго и товарнаго движенія разъ навсегда установлены относительно нормальной поверстной стоимости и приняты всѣ мѣры предосторожности къ устраненію вредныхъ для торговыхъ сношеній дифференціальныхъ тарифовъ.

Правда, потребовалось цѣлыхъ пять лѣтъ чтобы достигнуть этихъ результатовъ; правда, приходилось много хлопотать для согласованія заинтересованныхъ сторонъ (по свидѣтельству *Всеобщей Газеты*, много хлопотъ причинило упрямство Турціи, опасавшейся стратегическихъ неудобствъ); но и полученные результаты справедливо названы этою газетой блестящими, — разумѣется въ интересахъ Австро-Венгріи, какъ и сознается упомянутая газета.

Б.

Въ числѣ почетныхъ гостей имѣющихъ прибыть на дняхъ въ Москву на торжество Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ будутъ и владѣтельные князья двухъ славянскихъ княжествъ Балканскаго полуострова, Болгаріи и Черногоріи. Обоихъ князей ведетъ въ Москву не простой этикетъ, но естественное тяготѣніе къ Россіи.

На пути сюда, князь Александръ Болгарскій посѣтилъ Аѳины и Цетинье. Поѣздка эта, о которой много толковала иностранная печать, не лишена значенія и, надо полагать, послѣдствіемъ ея будетъ болѣе тѣсное сближеніе независимыхъ балканскихъ владѣній.

Какъ и слѣдовало ожидать, князю Болгарскому былъ оказанъ радушный пріемъ и въ Аѳинахъ, и въ особенности въ Цетиньѣ. О совѣщаніяхъ между княземъ Александромъ и королемъ Эллиновъ не сообщалось конечно никакихъ свѣдѣній, но даже славянофобская печать (жалующаяся между прочимъ на молчаливость греческихъ министровъ „отказавшихся дать объясненія представителямъ великихъ державъ касательно совѣщаній съ княземъ Александромъ") единогласно утверждаетъ что между княземъ Болгарскимъ и Греческимъ правительствомъ состоялось дружественное соглашеніе по всѣмъ спорнымъ вопросамъ.

Необыкновенною сердечностію отличался пріемъ оказанный князю Болгарскому въ столицѣ Черной Горы. Не только князь и высшіе сановники, но все населеніе встрѣтило его съ братскимъ радушіемъ. Въ офиціальной черногорской газетѣ появилась наканунѣ пріѣзда князя статья, изъ коей видно какое громадное значеніе придаютъ въ Цетиньѣ тѣсному сближенію съ Болгарскимъ княжествомъ. „Въ лицѣ князя Александра, говоритъ *Глас Черногорца*,

мы искренно привѣтствуемъ государя того народа съ которымъ Черногорія всегда была въ тѣсной связи. Съ Болгаріей насъ соединяютъ не только племенныя узы, но и важнѣйшіе политическіе интересы. Подобно тому какъ Черногорія съ ятаганомъ въ рукахъ, въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, была живымъ протестомъ противъ инородцевъ пришедшихъ изъ Азіи и разрушившихъ цвѣтущія государства Балканскаго полуострова, такъ теперь обновленная Болгарія призвана быть мощнымъ факторомъ при государственномъ и народномъ перерожденіи Востока. Съ искреннимъ сочувствіемъ и болью слѣдилъ Черногорскій народъ за страданіями Болгарскаго народа подъ турецкимъ игомъ. Съ великою радостью привѣтствовалъ онъ недавнее освобожденіе его, увѣренный что пріобрѣлъ въ немъ вѣрнаго и надежнаго друга, который будетъ дѣлить съ нимъ радость и горе."

„На Балканскомъ полуостровѣ, говоритъ далѣе *Гласъ Черногорца*, не все еще совершено чего можно было и должно пожелать. Многое сдѣлано только на половину какъ у Болгаръ, такъ и у насъ. Предъ нами великая и трудная задача. Надо поэтому готовиться къ будущему, а это благодаря Богу и *сѣверному дядѣ* пойдетъ теперь легче, ибо спали оковы съ тысячей братскихъ рукъ. Освободилась сила бывшая до сихъ поръ связанною и служившая общему врагу. Ее необходимо теперь направить на благо народа. Освобожденіе Болгарскаго народа мы привѣтствовали съ искреннею радостью. Мы привѣтствовали Болгаръ въ семьѣ восточныхъ народовъ какъ братьевъ и какъ народъ достоинства коего мы научились цѣнить и уважать. Съ тѣми доблестями коими Богъ одарилъ Болгарскій народъ онъ займетъ достойное мѣсто среди народовъ Востока и сдѣлаетъ все отъ него зависящее чтобы Востокъ засіялъ новою славой. Мы счастливы теперь что намъ представляется случай еще разъ выразить предъ его высочествомъ княземъ Александромъ нашу братскую любовь къ Болгарскому народу. Мы привѣтствуемъ государя взявшаго на себя задачу вывести народъ Болгарскій на путь счастія и преуспѣянія, укрѣпить и направить его къ тѣмъ цѣлямъ которыя возлагаютъ на него исторія и народныя преданія. Если нашъ августѣйшій гость не встрѣтитъ здѣсь особенно блестящаго пріема, то онъ найдетъ нѣчто стоящее гораздо больше: онъ найдетъ искреннія братскія сердца. Онъ убѣдится въ нашей любви къ Болгарскому народу, въ нашемъ желаніи взяться за общую работу на благо нашего общаго будущаго."

Газета объясняетъ далѣе что солидарность между славянскими народами Балканскаго полуострова необходима для рѣшенія великой задачи, и что балканскіе народы достойны наслѣдовать Востокъ. „Поѣздка князя Александра черезъ Аѳины въ Цетинье, заключаетъ *Гласъ Черногорца*, исполняетъ наши сердца радостію, ибо она служитъ доказательствомъ что въ Софіи отлично понимаютъ положеніе Балканскихъ народовъ."

№ 126.

Москва, 7-го мая.

Съ тѣхъ поръ какъ взоры Австріи обратились на Востокъ, *Всеобщая* (бывшая аугсбургская) *Газета* съ великимъ усердіемъ разрабатывала Восточный вопросъ съ точки зрѣнія австрійскихъ интересовъ. Издаваемая старинною и богатою книгопродавческою фирмой Котты, она не щадила средствъ на изученіе всѣхъ странъ Востока посредствомъ спеціальныхъ корреспондентовъ, и въ ней дѣйствительно помѣщаются отъ времени до времени статьи и корреспонденціи обнаруживающія замѣчательное знакомство съ мѣстными условіями. Съ тѣмъ вмѣстѣ *Всеобщая Газета* всегда обнаруживала очень недружелюбное расположеніе къ Россіи. Тѣмъ интереснѣе ея сужденія когда она подвергаетъ критикѣ „послѣдніе успѣхи" Австріи на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ этой газеты, именно отъ 15 мая, появилась на первомъ мѣстѣ статья подъ заглавіемъ *Взглядъ на Сербію*, составляющая продолженіе цѣлаго ряда статей, въ которыхъ анонимный авторъ, съ знаніемъ подробностей, но съ очевидною тенденціей въ пользу Австріи, подвергаетъ пересмотру весь Восточный вопросъ. По мнѣнію автора, Востокъ въ прежнемъ смыслѣ этого слова уже не существуетъ; онъ распался на свои составные элементы и на многія отдѣльныя области, изъ коихъ каждая требуетъ иной политики со стороны дер-

жавъ такъ или иначе заинтересованныхъ судьбою Востока. Въ послѣдней своей статьѣ авторъ излагаетъ свой взглядъ не только на миссію Австріи въ Сербіи, но высказываетъ свое мнѣніе о томъ насколько политика этой державы по отношенію къ Сербіи увѣнчалась успѣхомъ. Австрія склонила на свою сторону главу Сербскаго государства. Вѣрная старинной традиціи своей политики, которая всегда основывала свои союзы на личныхъ соглашеніяхъ, Австрія и въ данномъ случаѣ довольна тѣмъ что король Миланъ вполнѣ ей преданъ и воспользовался своею властью для того чтобы подавить въ народѣ то что не согласуется съ видами вѣнской политики.

Но именно этотъ оборотъ дѣлъ авторъ статьи не признаетъ полезнымъ ни для короля Милана, ни для австрійской политики. Никто не заподозритъ нѣмецкаго публициста въ пристрастіи къ Сербскому народу,—да онъ и не скрываетъ того что Балканскій полуостровъ имѣетъ для него интересъ лишь по скольку можетъ утвердиться на немъ австрійская гегемонія. Но тѣмъ любопытнѣе его свидѣтельство о результатахъ достигнутыхъ теперь австрійскимъ вліяніемъ. Авторъ свидѣтельствуетъ что образъ дѣйствій теперешняго Сербскаго правительства противъ духовенства не только произволенъ, но и ошибоченъ. Насиліе надъ духовенствомъ, по его наблюденію, глубоко отозвалось въ сердцѣ народа. Король и его правительство многое сдѣлали чтобы доказать свою преданность Австріи; но Сербскій народъ и духовенство, въ коемъ олицетворяется истинный духъ народа, именно поэтому де отшатнулись отъ правительства и взоры ихъ обратились съ упованіемъ на Россію, вліяніе которой въ Сербіи скорѣе укрѣпилось нежели ослабѣло именно вслѣдствіе чрезмѣрнаго усердія правительства Сербскаго въ сторону противоположную.

Таково показаніе публициста *Всеобщей Газеты*, показаніе заслуживающее особеннаго вниманія именно потому что исходитъ отъ лица не скрывающаго своей непріязни къ Россіи.

Но публицистъ цитуемой газеты не довольствуется заявленіемъ фактовъ; онъ предлагаетъ и совѣтъ свой какъ помочь дѣлу чтобы не погубить цѣли къ которой, по его мнѣнію, должна неуклонно стремиться австрійская политика. Для этого необходимо де чтобъ Австрія приняла на себя не только въ Сербіи, но и на всемъ Балканскомъ полуостровѣ роль посредника и верховнаго примирителя всѣхъ борющихся между собою элементовъ, не только не подавляя, но напротивъ, поощряя національныя стремленія отдѣльныхъ народностей, дабы въ концѣ концовъ установить нѣчто въ родѣ федераціи славянскихъ государствъ Балканскаго полуострова подъ гегемоніей Австріи. Въ ожиданіи же этой мечты будущаго, авторъ совѣтуетъ умѣрить излишнее усердіе нынѣшнихъ правителей Сербіи, и въ открывшейся нынѣ распрѣ между Сербскимъ народомъ и его правительствомъ принять подъ свое покровительство народъ. Во всякомъ случаѣ публицистъ предостерегаетъ австрійскую политику противъ того ошибочнаго взгляда, будто возможно чтобъ Австрія заняла по отношенію къ Сербіи положеніе подобное тому какое занимаетъ Россія по отношенію къ Болгаріи. Существенная разница, которую никогда де не должно упускать изъ виду, заключается въ томъ что Болгарія признаетъ Россію своимъ естественнымъ покровителемъ и добровольно подчиняется ея вліянію, вопервыхъ потому что обязана Россіи самымъ своимъ существованіемъ, а вовторыхъ потому что тутъ имѣются родственныя узы основанныя на единствѣ вѣры и происхожденія; на Австрію же Сербы, а равно и прочіе балканскіе Славяне не перестаютъ де смотрѣть какъ на германскую державу...

Авторъ цитуемой статьи забылъ указать еще на то что Австрію признаютъ германскою державой не одни только балканскіе Славяне, но и австрійскіе Нѣмцы, которые не мирятся съ мыслію что Австрія навсегда выбыла изъ Германіи...

Весьма интересно сопоставить съ приведенными указаніями нѣмецкаго публициста сообщеніе англійскаго корреспондента касающееся другой части бывшихъ турецкихъ владѣній, гдѣ также идетъ рѣчь о перемѣнахъ наступившихъ послѣ войны между Россіей и Турціей. Спеціальный корреспондентъ газеты *Daily News* объѣхалъ недавно всю Арменію и подробно разказываетъ въ письмѣ, помѣщенномъ въ нумерѣ названной газеты отъ 9 мая, свои впечатлѣнія вынесенныя изъ наблюденія надъ положеніемъ и бытомъ какъ въ той ея части которая осталась во власти Турціи, такъ и въ той которая перешла къ Россіи. Англійскій корреспондентъ съ во-

сторгомъ говоритъ о громадномъ преуспѣяніи которое замѣтно повсюду, начиная отъ Карса до послѣдней армянской деревушки, по сю сторону нашей новой малоазіятской границы. Цвѣтущее состояніе этой страны какого она достигла въ теченіе пяти лѣтъ еще поразительнѣе если сопоставить оное съ картиной неурядицы и разоренія какую представляетъ турецкая Арменія. Корреспондентъ энергически опровергаетъ, на основаніи личныхъ наблюденій, слухи о томъ будто Россія готовится присоединить остальную часть Арменіи путемъ завоеванія. Но онъ не сомнѣвается въ томъ что присоединеніе должно рано или поздно совершиться послѣ окончательнаго распаденія Турціи, ибо большинство подвластныхъ до сихъ поръ Турціи Армянъ страстно желаетъ де объединенія всего Армянскаго народа подъ властью Россіи. Лишь незначительная часть турецкихъ Армянъ высказывается противъ этого, опасаясь что Россія поглотитъ армянскую націю и лишитъ ее самобытности. Редакція *Daily News*, со своей стороны, находитъ что Арменія, войдя цѣликомъ въ предѣлы Россіи, стала бы для нея въ Малой Азіи второю Польшей... И вслѣдствіе этого, англійская газета полагаетъ что пріобрѣтеніе Россіей остальной части Арменіи весьма желательно. Это походитъ на даръ Данаевъ...

№ 129.

Москва, 10-го мая.

Весь этотъ блескъ, это великолѣпіе и пышность и превосходящія всякое описаніе ликованія народа не могутъ вполнѣ ознаменовать все священное величіе предстоящаго событія. Государь, особымъ изволеніемъ Промысла призванный на престолъ своихъ предковъ, приходитъ освятить тайнодѣйствіемъ Церкви дарованную Ему самодержавную власть. Россія будетъ жива доколѣ не изсякнетъ ея вѣра въ благодатную силу этого дѣйствія, доколѣ Вѣнчаніе Русскаго Царя на царство будетъ сохранять въ православномъ мірѣ не только государственное, но и церковное значеніе. Русскій Царь есть не просто глава государства, но стражъ и радѣтель восточной Апостольской Церкви, которая отреклась ото всякой мірской власти и ввѣрила себя храненію и заботамъ Помазанника Божія.

Что имѣетъ религіозное значеніе, то становится не только общественнымъ, но для каждаго изъ вѣрущихъ своимъ сердечнымъ дѣломъ. Будемъ же молиться не только при общественныхъ богослуженіяхъ, но и каждый въ клѣти своей, чтобы Господь ниспослалъ возлюбленному Государю нашему благодатную силу для царскаго подвига. Нѣтъ на свѣтѣ жребія отвѣтственнѣе самодержавной власти Русскаго Царя. Будемъ молиться чтобы Помазанникъ Божій сохранилъ внимательность и чуткость къ движеніямъ своего сердца, и довѣрялъ имъ болѣе чѣмъ побужденіямъ извнѣ идущимъ.

Всякое сѣмя даетъ плодъ по роду своему. Мы можемъ сослужить нашу службу человѣчеству лишь оставаясь послѣдовательными и вѣрными себѣ. Всего хуже смѣшеніе системъ. Все навѣянное со стороны, всѣ идеи выработанныя изъ чуждой жизни, могутъ только задерживать и болѣзненно смущать движеніе нашей собственной жизни.

Русское самодержавіе не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ что рисуютъ себѣ люди судящіе о немъ по чужимъ понятіямъ. Понятое въ своемъ истинномъ смыслѣ, оно окажется лучшимъ и вѣрнѣйшимъ обезпеченіемъ всякаго блага какимъ только можетъ дорожить человѣчество. Оно выражаетъ собою единую власть, ни отъ какихъ партій и отдѣльныхъ интересовъ не зависящую, надо всѣмъ возвышенную, чистую ото всякаго эгоизма, равную цѣлому. Не противъ, но на защиту свободы обнаженъ ея мечъ. Она не можетъ и не должна терпѣть никакой неподчиненной ей или не отъ нея исходящей власти въ странѣ, ни какого государства въ государствѣ.

Противоположность между нами и Западомъ въ томъ состоитъ что тамъ все основано на договорныхъ отношеніяхъ, а у насъ на вѣрѣ, и противоположность эта опредѣлилась первоначально положеніемъ какое Церковь приняла на Западѣ и какое приняла она на Востокѣ. Тамъ въ основаніи двоевластіе, у насъ единовластіе.

Церкви и съ ней всему народу свобода, а власть, полная и нераздѣльная, Царю,— вотъ наша система.

№ 130.

Москва, 11-го мая.

Незабвенный день! Дай Богъ чтобы день 10 мая внесъ свѣтъ и успокоеніе въ робкіе и мятущіеся умы, чтобъ онъ отрезвилъ и ободрилъ ихъ, чтобы помогъ имъ яснѣе видѣть и вѣрнѣе понимать окружающее. Безцѣннымъ украшеніемъ великолѣпнаго торжества былъ самъ народъ среди котораго оно совершалось. Тотъ духъ который явился въ этихъ массахъ нельзя было бы вызвать никакими способами еслибъ онъ не жилъ въ народѣ. Что умилительнѣе крестнаго знамени которымъ осѣнила себя сотня тысячъ людей на Ходынскомъ полѣ когда двинулся торжественный поѣздъ! Что можетъ лучше свидѣтельствовать о народномъ чувствѣ какъ не этотъ порывъ благословлять крестнымъ знаменіемъ Царя и Царицу? Сколько нѣжности сказалось въ этомъ движеніи которое не передавалось отъ одного къ другому, но свободно и само собою вырывалось изъ сердецъ! И при одушевленіи, какая благоговѣйная сдержанность! Порядокъ охранялъ главнымъ образомъ самъ народъ. Вотъ характеристическій фактъ который мы имѣемъ изъ вѣрнаго источника: во все продолженіе этого дня въ Москвѣ былъ заявленъ только одинъ полицейскій случай, поимка вора забравшагося въ карманъ. Нигдѣ никакого буйства, никакой неурядицы, ни одного пьянаго. Вечеромъ этого дня по Тверской блиставшей огнями и предъ великолѣпно убраннымъ и иллюминованнымъ генералъ-губернаторскимъ домомъ народъ толпился несмѣтными массами и ни малѣйшаго случая который могъ бы нарушить спокойствіе. Полиціи пришлось только въ двухъ мѣстахъ спасти отъ народа двухъ возбудившихъ его подозрѣніе какихъ-то молодыхъ людей которые забыли обнажить головы во время шествія, хотя и въ далекѣ отъ него.

Этотъ ли народъ не заслуживаетъ заботъ о его благѣ, заботъ не тщеславія, но мудрости? Не слѣдуетъ ли избавить его отъ золъ которымъ онъ безвинно и напрасно подвергается? Не слѣдуетъ ли внять его мольбамъ и избавить его, во что бы то ни стало, отъ язвы кабака, и еще отъ того что хуже кабака, отъ нашей растлѣвающей quasi-интеллигенціи которая тщится разбудить въ нёмъ звѣря? Не слѣдуетъ ли открыть ему щедрою рукой источники просвѣщенія подъ сѣнію Церкви, чего онъ такъ проситъ, о чемъ онъ такъ молитъ? Не слѣдуетъ ли озаботиться чтобы наши учрежденія, судебныя и другія, долженствующія поддерживать, охранять и возвышать народную нравственность, дѣйствительно соотвѣтствовали своему назначенію? Ради народа, въ видахъ его истиннаго блага, должно неукоснительно отрезвить эти учрежденія, согласить ихъ, поставить на мѣсто и твердою рукой удалить изъ нихъ все фальшивое. Народный трудъ нуждается въ устраненіи напрасныхъ стѣсненій каковы, напримѣръ, устарѣвшая паспортная система, которая, ни мало не стѣсняя негодяевъ, тяжкимъ гнетомъ давитъ честныхъ людей. Ни въ чемъ, ни въ какихъ искусственныхъ носящихъ пышныя имена учрежденіяхъ, не найдемъ мы такой твердой опоры государственному порядку какъ въ духѣ нашего народа. Да поможетъ намъ Богъ соблюсти это чудо любви, преданности и здравомыслія, которое зовется русскимъ народнымъ духомъ.

№ 131.

Москва, 12-го мая.

На дняхъ (*Моск. Вѣд.* № 126) мы напечатали письмо, за подписью „Отправитель," полученное нами отъ одной изъ значительнѣйшихъ московскихъ промышленныхъ и торговыхъ фирмъ и касающееся нѣкоторыхъ сторонъ нашего желѣзнодорожнаго дѣла. Постановка этого дѣла у насъ давно признана неудовлетворительною, давно признано необходимымъ измѣнить къ лучшему. Была учреждена, 22 іюля 1876 года, особая высшая коммиссія для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи. Не мало шума и толковъ было вызвано дѣятельностью этой коммиссіи, не мало возлагалось на нее надеждъ. Чрезъ полтора мѣсяца минетъ семь лѣтъ со времени ея учрежденія; но много ли лучше стали теперь чѣмъ были за семь лѣтъ условія товарнаго и пассажирскаго движенія, много ли лучше теперь чѣмъ тогда удовлетворяютъ наши желѣзныя дороги потребностямъ народнаго труда, земледѣлія, промышленности, торговли? Напримѣръ, представляются ли улучшеніемъ тѣ нововведенія по части желѣзнодорожныхъ сборовъ на которыя указываетъ въ своемъ письмѣ „Отправитель?"

Въ качествѣ Москвича и промышленника, онъ указываетъ на вздорожаніе въ Москвѣ торфа, древеснаго топлива и строительныхъ матеріаловъ къ которому ведутъ новыя правила, установившія въ пользу желѣзнодорожныхъ обществъ нѣчто въ родѣ новаго налога въ размѣрѣ 2 рубля 40 копѣекъ съ вагона на отправителей грузовъ— налога, по словамъ автора письма, ничѣмъ не оправдываемаго, такъ какъ онъ не служитъ вознагражденіемъ за какія-нибудь услуги желѣзной дороги отправителю, но достается дорогѣ даромъ. Конечно, при большихъ разстояніяхъ перевозки, налогъ въ 2 руб. 40 коп. съ вагона не особенно тяжелъ для отправителей, но при небольшихъ разстояніяхъ съ какихъ везутся въ Москву кирпичъ, дрова, торфъ новый налогъ оказывается довольно чувствительнымъ. Благодаря ему, стоимость провоза дровъ или торфа въ Москву, напримѣръ, изъ Богородска увеличивается на 30%, а съ промежуточныхъ станцій въ еще большемъ размѣрѣ. Это, можетъ-быть, мелочь, но именно изъ массы подобныхъ мелочей и слагаются условія препятствующія удешевленію нашего производства и дѣлающія для него невозможною конкурренцію съ производствомъ иностраннымъ.

Много серіознѣе другая сторона дѣла— отсутствіе у насъ четвертаго класса въ пассажирскомъ движеніи, класса необходимаго для того чтобъ услуги желѣзныхъ дорогъ были въ полной мѣрѣ доступны не однимъ состоятельнымъ классамъ общества, но и массамъ рабочаго населенія. У насъ, при громадности разстояній чрезъ которыя должны передвигаться ищущіе заработка люди, необходимость для нихъ удешевленнаго проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ гораздо настоятельнѣе чѣмъ въ иномъ изъ европейскихъ государствъ. Въ Германіи, напримѣръ, рабочіе гораздо менѣе чѣмъ у насъ могутъ тяготиться дороговизной проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ, а при сравнительно небольшихъ разстояніяхъ проѣзда рабочихъ всякая сбавка въ ихъ пользу съ пассажирской платы тамъ особенно невыгодна для желѣзныхъ дорогъ. И однако въ Германіи установленъ для рабочихъ четвертый классъ „съ проѣздною платой не дороже $0,_{64}$ коп. за версту.“ А нашъ рабочій людъ, которому приходится передвигаться на громадныя разстоянія, долженъ оплачивать каждую версту проѣзда вдвое дороже, по $1^1/_4$ копѣйки!

О необходимости удешевленнаго пассажирскаго тарифа для рабочихъ говорятъ давно. Между прочимъ, еще въ августѣ 1879 года значительныя торговыя фирмы Москвы входили въ Высочайше учрежденную коммиссію для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи съ представленіемъ о введеніи на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ въ пассажирскихъ поѣздахъ четвертаго класса съ проѣздною платой не свыше полукопѣйки за версту. Но введеніе этой важной для народнаго труда мѣры до сихъ поръ тормозится, хотя въ то же время незамедлительно осуществляются мѣры въ родѣ установленія вышеупомянутыхъ сборовъ требуемыхъ интересами желѣзнодорожныхъ обществъ.

Едва ли какой другой странѣ обошлась такъ дорого ея желѣзнодорожная сѣть какъ Россіи. Ради ея сооруженія, у насъ не останавливались ни предъ какими жертвами. Указываютъ на большія финансовыя затрудненія съ которыми приходится бороться. Но огромная доля этихъ затрудненій есть результатъ тѣхъ расходовъ которые должна была нести казна и по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, и по ихъ содержанію. Способъ постройки нашихъ желѣзныхъ дорогъ былъ одною изъ главныхъ причинъ ежегоднаго возрастанія итога нашихъ заграничныхъ долговъ и расходовъ, приведшихъ нашъ международный разчетный балансъ въ такое положеніе при которомъ прочное улучшеніе вексельныхъ курсовъ и возстановленіе металлическаго обращенія стало надолго дѣломъ крайне затруднительнымъ. Условія нашего желѣзнодорожнаго хозяйства служатъ хроническою причиной нашихъ бюджетныхъ дефицитовъ. Мы осудили на долговременный застой наше горное дѣло лишь бы постройка рельсовой сѣти шла успѣшно; мы ради ея урѣзывали себя во многомъ другомъ, отказывали себѣ въ удовлетвореніи многихъ другихъ потребностей. Но получила ли страна въ построенныхъ желѣзныхъ дорогъ то что должна была получить, что окупало бы всѣ ради ихъ принесенныя ею жертвы?

Постройка желѣзныхъ дорогъ была дѣломъ весьма выгоднымъ для концессіонеровъ нажившихъ себя такія состоянія о какихъ не мечтали даже прежніе винные откупщики, для разныхъ господъ которыхъ концессіонеры находили нужнымъ задабривать, для коммиссіонеровъ и иностранныхъ промышленниковъ исполнявшихъ желѣзно-

дорожные заказы, для заграничныхъ банкировъ прислуживавшихся иностранными капиталами на ростовщичьихъ условіяхъ. Но въ той же ли мѣрѣ была она выгодна для казны и для страны? Съ каждымъ годомъ отъ казны требуются лишь десятки милліоновъ на покрытіе недочетовъ по хозяйству распоряжающихся рельсовою сѣтью желѣзнодорожныхъ обществъ. Гдѣ нѣтъ недочетовъ, а есть прибыли, казна и страна въ этихъ прибыляхъ не участвуютъ. Гдѣ нѣтъ прибыли, а одни недочеты, тамъ эти недочеты сполна падаютъ на казну и стало-быть на податныя силы народа. Накопляющіяся за населеніями податныя недоимки взыскиваются строго; недоимщикамъ постоянно грозитъ продажа всего что можетъ быть отчуждено изъ ихъ имущества. А между тѣмъ весь итогъ числящихся за населеніями недоимокъ ничего не значитъ сравнительно съ итогомъ недоимокъ накопившихся за желѣзнодорожными обществами.

Масса рабочихъ идущихъ пѣшкомъ на заработки вдоль линій желѣзныхъ дорогъ, вслѣдствіе дороговизны проѣзда по нимъ, такая ли это картина на которой можно было бы успокоиться? Мы не разъ высказывались въ пользу непосредственнаго подчиненія желѣзныхъ дорогъ правительственной власти съ устраненіемъ господствующаго на нихъ произвола частныхъ компаній. Къ этой же мысли пришелъ и авторъ упомянутаго письма, справедливо замѣчающій что желѣзныя дороги, имѣющія столь важное экономическое и политическое значеніе, должны находиться безусловно въ вѣдѣніи и распоряженіи правительства и еще менѣе могутъ быть предметомъ частнаго права чѣмъ почты, телеграфы и водяныя сообщенія.

№ 132.

Москва, 19-го мая.

А.

Вся Европа соединилась теперь въ Москвѣ. Принцы царствующихъ домовъ и представители всѣхъ дворовъ собрались на торжество Россіи. Да послужитъ это всѣхъ соединяющее торжество ко всеобщему успокоенію! Да будетъ оно знаменіемъ прочнаго и честнаго мира, въ которомъ такъ нуждаются всѣ интересы! Никакой вражды, ничего затаеннаго не вноситъ Россія въ свои международныя отношенія. Съ одними находимся мы въ установившейся исторически и испытанной дружбѣ, взаимно необходимой и дорогой; съ другими — на пути къ сближенію, также взаимно цѣнимому. Старыя соперничества теряютъ предметъ и почву, возникающія недоразумѣнія и разногласія ищутъ почвы для соглашенія. Правительства убѣждаются въ солидарности своихъ интересовъ гораздо болѣе существенныхъ и важныхъ для всѣхъ чѣмъ тѣ которые могутъ рознить и ссорить ихъ.

Для Россіи этотъ своего рода конгрессъ имѣетъ еще особое значеніе.

Давно уже въ Европѣ съ величайшимъ интересомъ слѣдятъ за событіями нашей жизни, стараясь усмотрѣть въ нихъ болѣе или менѣе ясные симптомы той воображаемой болѣзни которою будто бы, какъ многіе до сихъ поръ полагали, зараженъ Русскій народъ. Въ послѣднее время, правда, стали раздаваться и за границей все чаще голоса, выражавшіе сомнѣнія, дѣйствительно ли Русскій народъ такъ разстроенъ, такъ глубоко пораженъ революціоннымъ недугомъ, какъ могло издали казаться, судя по возмутительнымъ явленіямъ которыхъ смысла никто не могъ понять; однако въ Европѣ до сихъ поръ еще съ безпокойствомъ поглядывали на Россію, и многіе изъ нашихъ гостей ѣхали въ Москву въ неизвѣстности придется ли имъ быть свидѣтелями народнаго торжества или революціи.

Праздникъ 10 мая былъ торжественнымъ опроверженіемъ клеветы на Русскій народъ и очевиднымъ для всѣхъ обличеніемъ обмана который смущалъ и своихъ и чужихъ. Если у кого изъ иностранныхъ гостей нашихъ оставались сомнѣнія въ Русскомъ народѣ, то они теперь исчезли. Вечеромъ 10 мая полетѣли телеграммы во всѣ столицы Европы, свидѣтельствовавшія о необычайномъ патріотическомъ энтузіазмѣ народа при торжественномъ вступленіи Государя Императора въ первопрестольную столицу. Телеграфъ уже сообщилъ намъ съ какимъ сочувствіемъ отзывалась на эту радостную вѣсть иностранная, въ особенности англійская печать.

Россія предстала предъ цѣлымъ міромъ въ своемъ истинномъ своеобразномъ видѣ, со всею безпредѣльною преданностью народа самодержавному Царю, не нужда-

ющемуся для упроченія своей верховной власти ни въ какихъ договорахъ съ своимъ народомъ.

Всѣмъ становится теперь ясно что появившаяся у насъ злоумышленная организація есть дѣло чуждое Россіи и враждебное не правительству только, но и всему народу. Да поможетъ намъ знаменательное торжество 10 мая окончательно освободиться отъ грубаго обмана и навсегда усвоить себѣ убѣжденіе что намъ не угрожаетъ никакая опасность пока власть Государя будетъ непосредственно покоиться на такомъ прочномъ основаніи какъ непобѣдимая вѣра и безусловная преданность народа. Будемъ надѣяться что лица во власти почерпнутъ изъ убѣдительнаго опыта, совершающагося нынѣ предъ ихъ глазами, новую бодрость къ твердому, неуклонному и строго послѣдовательному образу дѣйствій во всѣхъ отрасляхъ управленія, сообразному съ дѣйствительными, а не фиктивными потребностями нашего народа.

Б.

Въ числѣ дорогихъ гостей нашихъ находится Князь Николай I Черногорскій. Народъ въ Москвѣ знаетъ его и встрѣчаетъ какъ роднаго. Гдѣ ни появится онъ, народъ привѣтствуетъ его съ горячимъ и осмысленнымъ одушевленіемъ.

Проѣздомъ въ Москву князь Черногорскій остановился на нѣсколько дней въ Вѣнѣ, гдѣ ему былъ оказанъ со стороны двора радушный пріемъ. Правда, въ венгерской печати не обошлось и на этотъ разъ безъ недостойныхъ выходокъ; но вѣнская печать, напротивъ, вела себя на сей разъ совершенно прилично, а въ нѣкоторыхъ изъ вѣнскихъ газетъ появились статьи вполнѣ сочувственныя Черногоріи и доблестному вождю ея народа.

Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія напечатанное въ *Neue Freie Presse*, отъ 20 мая, изложеніе „бесѣды,“ которую имѣлъ одинъ изъ редакторовъ этой газеты съ княземъ Николаемъ. Описавъ симпатичную наружность своего высокаго собесѣдника, его выразительную рѣчь и необыкновенное прямодушіе съ которымъ князь говорилъ о своихъ сосѣдственныхъ отношеніяхъ къ Австро-Венгріи и о дружелюбіи и уваженіи, которыя онъ питаетъ къ ея монарху, авторъ сообщенія приводитъ подлинныя слова сказанныя его свѣтлостью. Князь Николай коснулся прежде всего отношеній своихъ и своего народа къ Россіи. Слова эти тѣмъ знаменательнѣе что были сказаны въ столицѣ Австріи и австрійскому публицисту.

„Русскій народъ и мой народъ,“ началъ князь, „связаны между собою узами самой „задушевной симпатіи. Подумайте о нашемъ „племенномъ родствѣ и нашемъ единствѣ „по вѣрѣ, о братствѣ по оружію и о столь„кихъ благодѣяніяхъ оказанныхъ Россіей „Черногоріи, возлагающихъ на насъ долгъ „вѣчной благодарности, и вы должны по„нять какъ велика наша привязанность къ „Россіи. Вашъ императоръ вполнѣ уразу„мѣлъ это, и онъ далекъ отъ того чтобы „ставить мнѣ въ упрекъ естественную мою „преданность Россіи. И въ самомъ дѣлѣ, „могли ли бы и въ Вѣнѣ питать ко мнѣ „какое-либо довѣріе еслибы въ моихъ отно„шеніяхъ къ Россіи было хоть что-нибудь „двусмысленное и хоть бы тѣнь неблаго„дарности?“

Восхваляя добрыя качества своего народа, князь Николай съ полною искренностью признаетъ его отсталость въ культурномъ отношеніи, которая объясняется тѣмъ что до самого послѣдняго времени ему приходилось отстаивать въ тяжкой борьбѣ свое существованіе.

„Теперь, благодареніе Богу, забота эта „прекратилась,“ заключилъ князь Николай; „Черногорія чувствуетъ себя вполнѣ „безопасною и притомъ пріобрѣла доступъ „къ морю, это первостепенное условіе куль„туры и преуспѣянія. Культурная работа „и должна теперь начаться. Въ этомъ я „ставлю отнынѣ главную цѣль моей жиз„ни, все мое честолюбіе, какъ государь и „человѣкъ, послѣ того какъ мнѣ дано бы„ло расширить мои владѣнія. И я надѣюсь „что мой сынъ будетъ усердно продолжать „начатое его отцомъ.“

№ 133.

Москва, 14-го мая.

Почти полное административное обособленіе Кавказа отъ Имперіи, бывшее необходимымъ въ тѣ времена когда онъ былъ театромъ непрерывной войны, давно уже сдѣлалось аномаліей ничѣмъ не оправдываемою. Этой аномаліи положенъ теперь конецъ: 26 минувшаго апрѣля состоялся

именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату о преобразованіи управленія Кавказскимъ и Закавказскимъ краемъ „соотвѣтственно современному положенію сей части Имперіи." Высочайше утвержденные „Учрежденіе управленія Кавказскаго края" и „Штаты управленія Главноначальствующаго гражданскою частію на Кавказѣ и чиновъ Министерства Государственныхъ Имуществъ" еще не опубликованы вполнѣ (печатаніе ихъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* только-что началось), но уже изъ общихъ основаній преобразованія изложенныхъ въ указѣ и изъ первой главы „Учрежденія" видно важное значеніе состоявшейся мѣры.

До сихъ поръ губерніи и области входившія въ составъ Кавказскаго намѣстничества составляли нѣчто похожее на особое отъ Россіи государство, управлявшееся почти само по себѣ, подобно тому какъ управлялись лѣтъ за двадцать предъ симъ губерніи Царства Польскаго. Какъ для сего послѣдняго столицей была Варшава, такъ для Кавказа былъ столицей Тифлисъ, загораживая собою отъ мѣстныхъ населеній обще-русскій центръ управленія. На Кавказъ почти не распространялась распорядительная власть министерствъ и главныхъ управленій по дѣламъ подлежащимъ ихъ вѣдѣнію; почти по каждой отрасли администраціи тамъ имѣлись свои органы, какъ бы свои миніатюрныя министерства, управлявшія по своему, не считая необходимымъ сообразовать свои дѣйствія съ общимъ ходомъ и направленіемъ дѣлъ въ Россіи: въ Петербургѣ могла быть своя политика, въ Тифлисѣ своя, и взоры мѣстныхъ населеній естественно обращались болѣе на Тифлисъ чѣмъ на далекую русскую столицу, которая была для нихъ какъ бы чѣмъ-то внѣшнимъ и чуждымъ. Указомъ 26 апрѣля упраздняется цѣлый рядъ маленькихъ кавказскихъ министерствъ съ передачею производящихся въ нихъ дѣлъ въ министерства, главныя управленія и подвѣдомственныя имъ установленія, а также въ канцелярію главноначальствующаго на Кавказѣ, по принадлежности. Эта передача должна совершиться 1 іюля текущаго года когда должны быть приведены въ дѣйствіе учрежденіе управленія Кавказскаго края и относящіеся къ оному новые штаты. Особыя управленія почтовою и гражданскою медицинскою частями на Кавказѣ не упраздняются одновременно съ прочими: ихъ рѣшено оставить „въ теченіе 1883 года," на основаніяхъ опредѣленныхъ въ учрежденіи управленія Кавказскаго края, изъ чего слѣдуетъ заключить что съ наступленіемъ 1884 года и эти двѣ части подчинятся общимъ порядкамъ управленія, вмѣстѣ съ окончательнымъ упраздненіемъ особаго кавказскаго бюджета. Составленная на текущій годъ отдѣльная финансовая смѣта доходовъ и расходовъ по гражданскому управленію Закавказскаго края была послѣднею: начиная съ будущаго года всѣ эти доходы и расходы будутъ уже вноситься въ общія финансовыя смѣты респективныхъ министерствъ и главныхъ управленій.

Съ подчиненіемъ Кавказа общему порядку управленія, этотъ край въ административномъ отношеніи будетъ простымъ генералъ-губернаторствомъ, мало чѣмъ отличающимся отъ другихъ генералъ-губернаторствъ. По своимъ правамъ и обязанностямъ главноначальствующій гражданскою частью на Кавказѣ подчиняется вообще „Общей инструкціи генералъ-губернаторамъ" изложенной въ 415—462 статьяхъ ч. I т. II Св. Зак., лишь съ нѣкоторыми отступленіями отъ нея которыхъ требуютъ особыя мѣстныя обстоятельства, отдаленность края, а также отчасти и малое знакомство центральныхъ властей съ условіями тамошнихъ дѣлъ не подлежавшихъ донынѣ ихъ вѣдѣнію. Во всякомъ случаѣ, однако, общія мѣры центральныхъ властей будутъ отнынѣ имѣть полную силу на Кавказѣ и за Кавказомъ точно такъ же какъ и во всѣхъ прочихъ частяхъ Имперіи. Лишь въ случаяхъ особенной важности, когда распоряженіе присутственнаго мѣста или должностнаго лица административнаго вѣдомства можетъ имѣть послѣдствіемъ нарушеніе государственнаго или общественнаго интереса, главноначальствующему на Кавказѣ предоставляется право, подъ личною своею отвѣтственностію, пріостановить исполненіе такого распоряженія, съ перенесеніемъ онаго, въ то же время, на разсмотрѣніе высшей, въ порядкѣ подчиненности, инстанціи. Равнымъ образомъ, если въ указахъ Правительствующаго Сената объ исполненіи общихъ по государству мѣръ, предписанныхъ порядкомъ законодательнымъ или исполнительнымъ, не будетъ прямо сказано что онѣ распространяются также на Закавказье и на тѣ части Кубанской и Терской об-

ластей которыя заняты туземнымъ населенiемъ, главноначальствующiй можетъ, въ случаѣ если по мѣстнымъ обстоятельствамъ найдетъ неудобнымъ примѣненiе такой мѣры, сообщать подлежащему министру или главнокомандующему, въ теченiе *двухъ мѣсяцевъ* отъ полученiя указа, причины, почему онъ полагаетъ не распространять ее на упомянутыя мѣстности. Вообще, если главноначальствующiй встрѣтитъ какiя-либо неудобства по исполненiю общихъ распоряженiй министровъ и главноуправляющихъ, ему предоставляется увѣдомлять ихъ о таковыхъ неудобствахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ особо важныхъ случаяхъ, и прiостанавливать, подъ личною своею отвѣтственностiю, исполненiе означенныхъ распоряженiй, до полученiя дальнѣйшихъ указанiй, при чемъ, въ случаѣ несогласiя министра или главноуправляющаго съ мнѣнiемъ главноначальствующаго, дѣло поступаетъ на разрѣшенiе Комитета Министровъ. По подобный контроль высшей мѣстной власти надъ примѣнимостью распоряженiй властей центральныхъ можетъ имѣть добрыя послѣдствiя; это не то что мало полезный и болѣе фиктивный чѣмъ дѣйствительный контроль какой предоставлялся центральнымъ властямъ надъ распоряженiями и проектами мѣстной власти когда сiя послѣдняя управляла Кавказомъ по своему усмотрѣнiю.

Нельзя не привѣтствовать отмѣну искусственной обособленности въ какой донынѣ оставался Кавказъ во вредъ и ему, и всему государству. Эта важная мѣра можетъ не улыбаться развѣ только мечтамъ такъназываемой „молодой Арменiи,“ сочиняющей карты границъ воображаемаго будущаго Армянскаго царства. Эта мѣра первый серiозный шагъ къ установленiю надлежащихъ отношенiй между Кавказомъ и прочими частями Имперiи, отношенiй которыя позволили бы сказать что не напрасно пролиты тамъ потоки русской крови, не напрасно затрачены тамъ сотни миллiоновъ русскихъ денегъ. Это важный шагъ по управленiю нашими окраинами въ духѣ нацiональной политики. Будемъ надѣяться что за первымъ шагомъ послѣдуютъ и другiе, что административное объединенiе будетъ сопровождаться также устраненiемъ обособленности Кавказа въ экономическомъ и иныхъ отношенiяхъ. Будемъ ждать скорой и безусловной отмѣны Закавказскаго транзита и Батумскаго порто-франко служащихъ къ наводненiю Кавказа контрабандой и не допускающихъ установленiя надлежащихъ экономическихъ связей между нашими центральными и кавказскими рынками и производствами; будемъ ждать соединенiя обособленной Кавказской рельсовой сѣти съ общею сѣтью русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Многое на Кавказѣ нуждается въ преобразованiяхъ, начиная съ общественныхъ управленiй которыя въ перiодъ административной обособленности края получили такой характеръ что, напримѣръ, городское управленiе Тифлиса, этой бывшей столицы Грузiи, съ ея преимущественно русскимъ и грузинскимъ населенiемъ, состоитъ изъ представителей почти исключительно одного армянскаго элемента. Многое тормозящее правильный ходъ развитiя Кавказа въ тѣсной связи съ прочими частями Имперiи должно быть устранено; многому что можетъ содѣйствовать развитiю этого богатаго края къ общему благу всего государства, и что оставалось донынѣ въ небреженiи, должно быть положено начало.

№ 134.

Москва, 15-го мая.

Великое событiе совершилось. Въ первопрестольной Москвѣ, подъ сѣнiю „Дома Пресвятыя Богородицы“ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ III возложилъ на Себя вѣнецъ Своихъ предковъ и воспрiялъ священное мνропомазанiе. Событiе великое,—и не для одной Россiи, ибо Русскiй Царь есть всемiрная сила. Совершилось при явномъ благословенiи Божiемъ, явномъ не только для русскаго сердца, но и для постороннихъ. Событiе благодатное и священное, которымъ запечатлѣвается неразрывный союзъ Русскаго Самодержавiя съ Православною Церковiю. Совершилось образомъ соединившимъ въ чувствѣ умиленiя не только вѣрующихъ, но и чужихъ намъ по вѣрѣ. Не возможно было безъ глубокаго сердечнаго движенiя видѣть и слышать все нынѣ происходившее въ Успенскомъ соборѣ,—слышать какъ на приглашенiе служителя алтаря исповѣдать вѣру: „како вѣруеши,“ раздался во храмѣ символъ вѣры произнесенный твердымъ и убѣжденнымъ голосомъ Царя; слышать какъ потомъ, одинъ колѣнопреклоненный,

Царь произносилъ Свой обѣтъ Богу; видѣть какъ преклонила колѣни предъ Своимъ Державнымъ Супругомъ Царица, принимая отъ Него освященіе Его вѣнца, и какъ Государь по возложеніи на Нее короны и порфиры запечатлѣлъ лобзаніемъ Свое новое священное съ Нею вѣнчаніе... Трудно было удержаться отъ слезъ, и молитва сама собою слагалась въ сердцѣ способномъ молиться.

Наполнявшій Кремль несмѣтный народъ, можно сказать, присутствовалъ въ соборѣ. Головы были обнажены, и при громѣ орудій возвѣщавшихъ моменты священнодѣйствія народъ крестился и молился.

Для народнаго вѣрующаго чувства все было въ этотъ день знаменательно. Когда появлялся Царь предъ народомъ являлось и солнце во всемъ блескѣ своихъ лучей. Скрывался Царь изъ глазъ народа, небо покрывалось облаками и шелъ дождь. Когда выстрѣлы орудій возвѣщали народу о совершеніи Таинства, облака мгновенно разошлись и солнце засіяло.

Всегда вѣнчаніе русскихъ царей на Царство было великимъ и священнымъ для народа торжествомъ. Но нынѣ, послѣ недавнихъ испытаній, оно имѣетъ особое благодатное значеніе, которое со всею силой чувствуется народомъ...

№ 135.

Москва, 16-го мая.

Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ даннымъ 15 сего мая излиты неисчислимыя милости на бѣдствующихъ и страждущихъ. Кромѣ прощенія и облегченія участи совершившихъ преступныя дѣянія лицъ, которыя могутъ по самому свойству вины заслуживать снисхожденія, Манифестъ распространяетъ сію милость и на многихъ изъ числа болѣе тяжкихъ преступниковъ „кои смиреніемъ въ наказаніи, поведеніемъ и трудолюбивою жизнью обнаруживаютъ нравственное исправленіе." Даже людямъ которые, отступивъ отъ святой клятвы вѣрности престолу, закону и отечеству, впали въ преступленія государственныя, открытъ Манифестомъ путь къ помилованію, при условіи проявленія ими искренняго раскаянія и возвращенія на стезю добра, закона и истиннаго долга. Опредѣленіе поскольку таковыя лица могутъ подходить подъ означенныя условія предоставлено министру Внутреннихъ Дѣлъ, частію по соглашенію съ министромъ Юстиціи. Облегчая участь множества осужденныхъ, освобождая многихъ отъ тюремнаго заключенія, покрывая прощеніемъ и забвеніемъ многое содѣянное, слагая многоразличные штрафы, пени и начеты, Манифестъ прежде всего и главнѣе всего даетъ важныя, существенныя облегченія массамъ трудящихся и нуждающихся населеній.

Тяжелымъ бременемъ лежатъ на крестьянахъ недоимки въ прямыхъ податяхъ и сборахъ накопляющіяся на нихъ отъ времени до времени, особенно вслѣдствіе несчастныхъ случайностей неурожая, пожаровъ, повѣтрій или безработицы. Разъ накопившись, онѣ надолго мѣшаютъ крестьянину подняться и справиться въ своемъ хозяйствѣ когда старыми недочетами поглощаются всѣ избытки благопріятныхъ лѣтъ. Манифестъ во многомъ облегчаетъ; во многомъ вполнѣ слагаетъ съ населеній тяжесть этого бремени. Всѣ недоимки числящіяся къ 1 января 1883 года по подушной подати во всей Имперіи прощены сполна. Почти то же можно сказать о недоимкахъ по выкупнымъ платежамъ платимымъ крестьянами всѣхъ разрядовъ; по оброчной подати и лѣсному налогу платимымъ бывшими государственными крестьянами; по лѣсному налогу платимому населеніемъ горнозаводскихъ округовъ; по поземельному оброку платимому крестьянами казенныхъ имѣній въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и по половинно-оброчной подати платимой переселенцами, ибо мало гдѣ размѣры таковыхъ недоимокъ превышаютъ годовой окладъ сборовъ за 1882 годъ. Эти великія облегченія, помимо многихъ другихъ исчисленныхъ въ Манифестѣ, дарованныя податнымъ сословіямъ, конечно, обойдутся казнѣ во много милліоновъ рублей, но эти милліоны не ущербъ, не утрата, а усиленіе источниковъ государственнаго дохода: они дадутъ недоимщикамъ возможность стать исправными плательщиками налоговъ. Сложеніе недоимокъ не останется безъ благотворныхъ послѣдствій для милліоновъ сельскаго люда, особенно если неукоснительно послѣдуютъ мѣры къ устраненію самой главной причины накопленія недоимокъ и всякаго разстройства въ крестьянскомъ хозяйствѣ— соблазновъ кабака.

Не остались забытыми и интересы дворянъ-землевладѣльцевъ. Не малая и въ

ныхъ случаяхъ весьма тяжкая жертва была потребована отъ многихъ изъ нихъ Положеніемъ 28 декабря 1881 года объ обязательномъ выкупѣ. Тяжесть этой жертвы, по возможности, облегчена. Помѣщикамъ, утратившимъ утвержденное за ними Положеніемъ 19 февраля 1861 года цѣнное право переоброчки, лишившимся затѣмъ возможности получать за поступившую въ крестьянскій надѣлъ земельную собственность дополнительные платежи, такъ-называемую дополнительную *пятую копѣйку*, даровано новымъ особымъ указомъ 15 мая право получать изъ казны третью часть вышеупомянутой „пятой копѣйки." Другая льгота тѣмъ же помѣщикамъ, дарованная тѣмъ же указомъ 15 мая, быть-можетъ еще существеннѣе: установлены правила дозволяющія, при извѣстныхъ условіяхъ, не удерживать изъ выкупныхъ ссудъ числящіеся къ 1 января 1883 года долги по ссудамъ изъ бывшихъ кредитныхъ установленій, если остающіяся въ собственномъ владѣніи помѣщиковъ свободныя отъ другихъ залоговъ земли могутъ служить достаточнымъ обезпеченіемъ этихъ долговъ, причемъ долги эти переводятся на земли оставшіяся за надѣломъ.

Какъ состоявшійся Всемилостивѣйшій Манифестъ, такъ и примыкающій къ нему указъ касающійся помѣщиковъ не представляютъ собою какой-либо правительственной программы. Ими ничего не предвѣщается, но нуждающимся и удрученнымъ по своей и не своей винѣ даруются милости и помощь, дабы никто, кому возможно оказать ихъ, не остался забытымъ во дни ознаменованные великимъ для всей Русской земли событіемъ.

№ 137.

Москва, 18-го мая.

Совершившееся торжество, въ той силѣ какъ оно совершилось, было для нашего отечества необходимостію. Оно должно поднять и обновить насъ. Оно должно обозначить грань между прошедшимъ и новою открывающеюся эрой въ жизни Россіи. Оно, мы вѣримъ и надѣемся, положитъ тѣ начала которыми опредѣлится дальнѣйшій ходъ нашей исторіи. Что ожидаетъ насъ, то еще скрыто для разумѣнія; но мы хранимъ вѣру въ Промыслъ насъ ведущій. Такъ или иначе мы должны выйти изъ затрудненій оставленныхъ намъ прошедшимъ, воспользоваться его опытомъ и восполнить наши недостатки. Болѣе всего государственная жизнь наша страдала недостаткомъ единства въ правительствѣ, непослѣдовательностію и противорѣчіями въ его дѣйствіяхъ. Между разными вѣдомствами одного и того же правительства шла глухая и нерѣдко явная борьба. Учрежденія дѣйствовали наперекоръ и въ подрывъ одно другому. Лица во власти нерѣдко относились другъ къ другу какъ бы вожди вражескихъ армій, употребляя между собою всякаго рода военныя хитрости. Вслѣдствіе этого, законодательныя и административныя мѣры выходили недостаточно соображенными съ потребностями ихъ вызывавшими, даже въ ущербъ имъ, и бывало такъ что въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же отношеніи, правительство говорило и *да* и *нѣтъ*. Вслѣдствіе этого, порождалось въ странѣ чувство правительственнаго безвластія, призракъ анархіи, и всѣ озирались ища чѣмъ и какъ восполнить недостатокъ правительства. Личныя самолюбія брали верхъ надъ очевидностію факта, надъ убѣжденіями здраваго смысла, и хозяйничали въ дѣлахъ государственнаго интереса. Вопіющія несправедливости совершались во имя требованій правды. Противуправительственныя тенденціи поддерживались во имя правительственнаго авторитета. Печать стала органомъ всякой лжи и обмана, который даже не бралъ труда прикрывать себя. Школа стала предметомъ злоумышленной эксплуатаціи. Явился такъ-называемый нигилизмъ которымъ воспользовались враги Россіи чтобы создать ту революціонную мистификацію которая изумила міръ и причинила намъ столько зла. Прежде всего надо раздѣлаться съ этою язвой,—и мы избавимся отъ нея немедленно какъ только установится у насъ правительство совершенно солидарное, съ ясною программой, съ опредѣленными цѣлями, и взглянетъ на все единственно и исключительно съ точки зрѣнія государственной пользы, здраваго смысла и требованій своей, а не чужой жизни...

Теперь, благодаря нынѣшнимъ великимъ торжествамъ, и для постороннихъ стало ясно что русская революція есть призракъ. Сколько разъ свидѣтельствовали мы противъ этой клеветы на русскій народъ; сколько разъ обличали мы обманъ кото-

рый старался увлечь наше правительство на пути крамолы, подъ видомъ удовлетворенія потребностей народа; сколько разъ приходилось намъ оспаривать и своихъ и иностранныхъ политиковъ которые сознательно или безсознательно становились органами мистификаціи, убѣждая Россію отказаться отъ самой себя и примкнуть своею громадой къ чужой системѣ, что могло бы имѣть своимъ послѣдствіемъ только ея разстройство и паденіе! Теперь всѣ наперерывъ спѣшатъ свидѣтельствовать о совершенномъ здоровьѣ Русскаго народа и могуществѣ Россіи.

Не только уличное мнѣніе въ Европѣ о Россіи измѣнилось, но и международныя отношенія къ этому времени поправились. Вотъ доброе знаменіе для будущаго. Даже Англія, которая всегда подозрительно относилась къ намъ и была нашимъ главнымъ противникомъ на Востокѣ, теперь предвидитъ возможность добраго соглашенія своихъ интересовъ съ нашими.

Но чтобы все это упрочилось, намъ необходимо ясно знать чего мы хотимъ и чего должны хотѣть. Это требуется какъ для международной, такъ и для внутренней политики нашей. Чтобы сохранять миръ и имѣть успѣхъ надо не ослаблять требованій національной политики, но здраво разумѣть ихъ и бодро слѣдовать имъ.

№ 138.

Москва, 19-го мая.

А.

Взоры всего міра обращены на Россію. Отовсюду несутся поздравленія, благожеланія, горячія выраженія сочувствія. Было бы желательно чтобъ эти поздравленія Русскому Царю и въ Его лицѣ Россіи, по крайней мѣрѣ болѣе знаменательныя, были обнародованы. Такими изъявленіями скрѣпляются симпатическія связи между народами.

Совершавшееся въ Москвѣ торжество распространялось на всю безпредѣльную Россію. Во всѣхъ городахъ и селахъ своихъ праздновала она великій день своего обновленія. Со всѣхъ сторонъ приходятъ къ намъ извѣстія о коронаціонныхъ празднествахъ. Каждое мѣстечко хочетъ чтобъ его голосъ слышался въ общемъ громадномъ хорѣ. Къ сожалѣнію, кое-гдѣ власти, по излишней формальности, пріостанавливали молебствія въ самый день 15 мая до полученія извѣстія изъ Москвы, что очень огорчало населенія.

Въ самомъ Петербургѣ одушевленіе массъ не знало предѣловъ. Стеченіе народа наполнявшаго улицы, великолѣпно иллюминованныя, было такъ громадно что доходило до давки, и экипажамъ невозможно было двигаться. Въ усердіи своемъ народъ не позволялъ проходить мимо Аничкова Дворца съ покрытою головой и нерѣдко останавливалъ людей казавшихся ему съ виду не соотвѣтствующими торжеству. Полиція отмѣнила городскую иллюминацію на третій день праздника. Распоряженіе это нельзя не признать благоразумнымъ еще и потому что вслѣдствіе Всемилостивѣйшаго Манифеста было выпущено въ эти дни изъ тюремъ до полуторы тысячи содержавшагося въ нихъ преступнаго люда.

Вслѣдствіе неожиданнаго прекращенія иллюминаціи, въ городѣ распространился печальный слухъ, еще прежде пущенный какимъ-то банкиромъ, о послѣдовавшей будто бы кончинѣ императора Вильгельма. Печальная молва оказалась лишенною всякаго основанія, но она подала поводъ къ знаменательной по своей внезапности манифестаціи; множество народа приходило къ дому Германскаго консульства справляться о состояніи здоровья маститаго Монарха, истиннаго, добраго, испытаннаго друга Россіи.

Б.

Была пора когда стѣсненіями и ограниченіями полагалось возможнымъ образумить заблудшихъ и вернуть ихъ въ лоно православія; на дѣлѣ однако достигался результатъ противоположный; раскольники только болѣе ожесточались противъ церкви, приписывая ей принудительныя мѣры, которыя принимала государственная власть охраняющая церковь. Но послѣднія десятилѣтія ознаменовались цѣлымъ рядомъ допущенныхъ по отношенію къ раскольникамъ послабленій. Многія стѣснительныя для нихъ законоположенія были отмѣнены; многія изъ не отмѣненныхъ оставались въ силѣ только на бумагѣ.

Вслѣдъ за изданіемъ, въ день Священнаго Коронованія, Всемилостивѣйшаго Манифеста, обнародуется цѣлый рядъ зако-

нодательныхъ мѣръ которыя какъ бы дополняютъ его. Обнародовано Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта „о дарованіи раскольникамъ нѣкоторыхъ правъ гражданскихъ и по отправленію духовныхъ требъ.“ Новымъ законоположеніемъ отмѣнены не имѣющія практическаго смысла стѣсненія. Принадлежность къ расколу дѣлала людей не правоспособными занимать общественныя должности, влекла за собой иногда ограниченія въ правахъ и по полученію паспортовъ, и по производству торговли и промысловъ. Ограниченія въ пользованіи гражданскими правами устранены. Раскольникамъ дозволено общественное богослуженіе съ возбраненіемъ лишь того что могло бы стать явнымъ соблазномъ для православныхъ; раскольники могутъ отнынѣ не только исправлять и возобновлять свои молельни, но и устраивать новыя гдѣ въ томъ представится надобность. Поводы къ жалобамъ на гоненія и притѣсненія устранены. О притѣсненіяхъ не можетъ быть отнынѣ и рѣчи, а развѣ о возможности случаевъ проявленія нетерпимости со стороны раскольниковъ и ихъ давленія на православныхъ. Дабы льготы дарованныя первымъ не обратились во вредъ послѣднимъ, въ законоположеніи между прочимъ оговорено что „въ томъ случаѣ когда въ волости, состоящей изъ православныхъ и раскольниковъ, въ должности волостнаго старшины утвержденъ будетъ раскольникъ, помощникъ его долженъ быть изъ православныхъ.“

Дарованіе льготъ раскольникамъ, расширеніе ихъ правъ, отмѣна прежнихъ по отношенію къ нимъ стѣсненій не значитъ однако отказъ отъ заботъ къ возсоединенію ихъ съ церковью. Къ этой цѣли, съ вящимъ противъ прежняго стараніемъ, должна быть направлена дѣятельность духовенства. Съ отмѣной полицейскихъ стѣсненій, духъ раздраженія долженъ мало-помалу ослабѣвать; уши и сердца упорствующихъ въ отчужденіи должны стать болѣе доступными къ духовнымъ увѣщаніямъ не имѣющимъ въ себѣ ничего принудительнаго. Есть дверь черезъ которую старообрядцы удобно могутъ входить въ церковь на полное единеніе съ нею, не поступаясь обрядами съ коими свыклись, коими дорожатъ какъ святыней и которые допускаются церковью на ряду съ господствующими. Эта дверь, полагаемъ, должна быть растворена шире чѣмъ растворялась доселѣ. Съ единовѣрія долженъ быть снятъ наложенный на него на практикѣ отпечатокъ отчужденія, смущающій совѣсть единовѣрцевъ. Успѣхи единовѣрія, успѣхи обращенія раскольниковъ къ церкви затруднены тѣмъ что единовѣріе представляется чѣмъ-то среднимъ между расколомъ и православіемъ, только какъ бы шагомъ къ единенію съ церковью, хотя такой взглядъ противорѣчитъ церкви. Разница въ обрядѣ не касается существа ея, а потому съ ея точки зрѣнія единеніе должно быть полное. Возможно ли дѣлать различіе между единовѣрцами и православными когда у нихъ одно и то же священство и равная сила священнодѣйствія и таинствъ? Различіе дѣлаемое между *единовѣріемъ* и православіемъ на практикѣ смущаетъ многихъ желающихъ приступить къ единовѣрію и даже многихъ изъ давно приступившихъ къ нему. Вотъ гдѣ, кажется, таится главное препятствіе къ возсоединенію раскольниковъ съ церковью. Если пастыри церкви не погрѣшаютъ совершая богослуженіе и по тому, и по другому обряду, то нѣтъ повода препятствовать и мірянамъ избирать тотъ обрядъ къ которому болѣе склоняется ихъ совѣсть.

Полное уравненіе православія съ единовѣріемъ было бы самымъ дѣйственнымъ средствомъ къ ускоренію столь желательнаго возсоединенія раскольниковъ съ церковью, прекращенію церковнаго раздора и возстановленію мира нарушеннаго болѣе двухъ вѣковъ тому назадъ. Медлить ли принятіемъ означенной, столь много обѣщающей и указуемой духомъ братолюбія мѣры? Ожидать ли чтобы, въ виду предоставленныхъ раскольникамъ льготъ, въ умахъ единовѣрцевъ стало возникать сожалѣніе о томъ что они не остались въ расколѣ?

№ 139.

Москва, 20-го мая.

Съ 25 апрѣля по 9 мая въ Петербургскомъ окружномъ судѣ разбиралось дѣло Кронштадтскаго банка судебный отчетъ о которомъ мы считали лишнимъ помѣщать въ нашей газетѣ. Es ist eine alte Geschichte, и она не представляетъ особаго интереса чтобы знакомить нашихъ читателей со всѣ-

ми ея подробностями. Лѣтъ двадцать тому назадъ возникла у насъ *банковая лихорадка:* частные акціонерные и складочные, разныхъ общественныхъ учрежденій, банки открывались у насъ чуть не въ каждомъ городѣ и посадѣ, нерѣдко по нѣскольку заразъ, открывались и для подъема *народнаго кредита,* и для вящаго успѣха всякихъ либеральныхъ успѣховъ. Какъ за мыльными пузырями за ними гонялись, ими восторгались; какъ мыльные пузыри они и полопались... Намъ не разъ приходилось говорить о ненадежности этихъ источниковъ кредита, поощрявшихся финансовою политикой которая руководилась болѣе модой чѣмъ потребностями страны.

Не для чего повторять то что мы твердили со времени „краха“ Московскаго Ссуднаго Банка и до скандала обнаруженнаго процессомъ Петербургскаго Общества Взаимнаго Кредита, разбиравшагося въ теченіе перваго мѣсяца сего года въ томъ же Петербургскомъ судѣ.

Достаточно сказать что городъ Кронштадтъ, морская твердыня наша, долженствующая охранять финскіе берега своими фортами и броненосцами, въ началѣ семидесятыхъ годовъ почуялъ потребность расширить свой коммерческій кредитъ и основалъ тоже, по иниціативѣ нѣкоторыхъ невскихъ коммерсантовъ, свой „Частный Коммерческій Банкъ“ съ цѣлью развитія коммерческой предпріимчивости тамъ гдѣ могла развиваться плодотворнымъ образомъ только дѣятельность морскаго вѣдомства, ненуждавшагося въ частномъ кредитѣ. Банкъ открылся и влачилъ, какъ и слѣдовало ожидать, весьма жалкое существованіе года два, не находя выгоднаго помѣщенія своему основному капиталу въ 500,000 рублей, не привлекая тоже, разумѣется, никакихъ частныхъ капиталовъ или сбереженій на свои ничтожные обороты. Но у этого банка былъ уставъ сочиненный по всѣмъ правиламъ искусства, а, главное, его основной капиталъ еще не былъ расхищенъ; этого было достаточно для биржевыхъ воротилъ въ Петербургѣ. Нашлась шайка ихъ которая почуяла наживу и, пріобрѣтя большинство акцій Кронштадтскаго Банка, избрала для управленія его дѣлами, для оживленія его оборотовъ, „свое правленіе“ изъ лицъ испытанныхъ и свѣдущихъ. Въ ихъ числѣ оказался и г. Шеньянъ, и г. Синебрюховъ, не мало способствовавшій разоренію Петербургскаго Взаимнаго Кредита (за каковыя дѣянія и осужденный тѣмъ же судомъ), и нѣкій дѣлецъ, способный въ качествѣ „соломеннаго“ директора служить цѣлямъ лицъ поставившихъ его, г. Лангвагенъ.

Не долго хозяйничали эти господа *на наличное:* къ 1875, въ банкѣ и основной и запасные капиталы были уже израсходованы на собственныя нужды его заправителей. Налицо оставались только голыя цифры отчетовъ, красовавшіяся въ его ежемѣсячныхъ балансахъ, доставлявшіяся Министерству Финансовъ и публиковавшіяся въ газетахъ въ отдѣлѣ объявленій. Солидность этихъ отчетовъ и балансовъ основывалась на вексельной бумагѣ подписанной лишь членами правленія или лицами имъ близкими. Долго это не могло оставаться тайной и нуженъ былъ какой-нибудь исходъ. Ловкіе дѣльцы и отыскали его въ § 12 своего устава. Согласно этому параграфу, разрѣшалось Кронштадтскому Банку производить пріемъ суммъ на вклады срочные и безсрочные, то-есть разрѣшалась операція принимать отъ частныхъ лицъ и учрежденій наличныя деньги для обращенія изъ процентовъ, въ удостовѣреніе чего имъ выдавались „вкладные билеты.“ Эти-то билеты, отпечатанные въ экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ и снабженные подписями и печатью правленія, по другимъ параграфамъ устава и согласно распоряженіямъ Министерства Финансовъ, считались цѣнностью равною той суммѣ которая значилась на ихъ бланкахъ. А такъ какъ Банкъ могъ вмѣстѣ съ тѣмъ выдавать частнымъ лицамъ ссуды подъ обезпеченіе ихъ векселей, то не трудно было додуматься до слѣдующей хитрой комбинаціи. Если Банку невозможно, за истощеніемъ всѣхъ его денежныхъ средствъ, участвовать на наличныя въ какихъ-либо коммерческихъ предпріятіяхъ, отъ которыхъ прибыли могли бы восполнить растраченные капиталы, то онъ можетъ вмѣсто денегъ снабдить его заемщиковъ своими вкладными билетами, которые эти послѣдніе могутъ употреблять на „залоги“ въ дѣлахъ съ казной и получать, наконецъ, подъ нихъ ссуды какъ отъ Государственнаго, такъ и отъ другихъ банковъ.

Первыя попытки къ такого рода сдѣлкамъ правленіе Кронштадтскаго Банка предприняло съ акціонерами общества „Путилов-

скихъ заводовъ" и съ товариществомъ „Военное Коммиссіонерство," образовавшимися предъ началомъ послѣдней войны. Опытъ удался: представители этихъ фирмъ получали изъ Банка, подъ обезпеченіе своихъ векселей, фиктивныя ссуды въ видѣ закладныхъ билетовъ и эти послѣдніе не только были ими реализованы безъ особыхъ затрудненій, но даже были приняты въ обезпеченіе ссудъ изъ Государственнаго Банка.

Такой успѣхъ вскружилъ голову директорамъ Кронштадтскаго банка: они искали случая выпустить „свои денежные знаки" на болѣе крупныя суммы, и онъ не замедлилъ представиться. Въ то время нѣкто г. Суздальцевъ имѣлъ въ своихъ рукахъ концессію на постройку Боровицкой желѣзной дороги и искалъ капитала для выпуска своихъ акцій. Ему нужны были деньги, которыя и предложилъ услужливо ему г. Шеньянъ подъ векселя, выговоривъ себѣ долю участія въ выгодахъ постройки Боровицкой дороги. Г. Суздальцевъ не стѣснялся получать, вмѣсто наличныхъ суммъ, вкладные билеты, которые уже оказали ему тѣ же услуги. Онъ и заключилъ, сперва словесный съ г. Шеньяномъ, а затѣмъ письменный съ правленіемъ Банка, договоръ, по которому онъ получилъ *для представленія въ Государственный Банкъ*, въ обезпеченіе 50% акціонернаго фонда вновь строившейся дороги, вкладныхъ билетовъ Кронштадтскаго Банка 321.000 руб., взамѣнъ коихъ выдалъ ему на эту сумму векселей и принялъ Банкъ участникомъ въ своемъ предпріятіи на извѣстныхъ условіяхъ.

Началась война съ Турціей. Интендантское вѣдомство, заключивъ пресловутый договоръ съ „Товариществомъ по Продовольствію Арміи" на Дунаѣ, нуждалось еще въ подрядчикахъ для заготовленія сухарей въ предѣлахъ Имперіи и вызвало желающихъ взять на себя эти подряды. На этотъ призывъ откликнулись не одни записные коммерсанты, ищущіе наживы гдѣ бы она ни представлялась, но также человѣкъ занимавшій почетное положеніе въ обществѣ, крупный землевладѣлецъ. Мы говоримъ о князѣ Д. Д. Оболенскомъ. Можетъ-быть, на его рѣшимость повліялъ тотъ же искуситель, директоръ Кронштадтскаго банка г. Шеньянъ, предложившій ему добыть денежные залоги. Извѣстно что наши землевладѣльцы могутъ достать деньги лишь на тяжелыхъ условіяхъ въ разныхъ земельныхъ банкахъ. А тутъ предлагается ссуда подъ обыкновенные векселя, учитываемые всего только изъ *восьми* процентовъ. Но, объявляютъ князю Оболенскому, вамъ дадутъ вкладные билеты нашего банка: это тѣ же деньги. Князь Оболенскій справляется въ Министерствѣ Финансовъ, въ Государственномъ Банкѣ. Пожалуйте намъ эти билеты, гласитъ отвѣтъ, мы и ссуду за нихъ выдадимъ, и въ залогъ по подряду примемъ... Дѣло сдѣлано; первый подрядъ на сухари взятъ у интендантства въ компаніи съ Шеньяномъ, при представленіи билетовъ Кронштадтскаго банка на 250.000 рублей.

Во что обошлась князю Оболенскому эта афера видно изъ того что когда наступилъ срокъ платежа по его векселямъ, выданнымъ Банку, а также соотвѣтственный срокъ выкупа вкладныхъ билетовъ, у него для того и другаго оказался недочетъ на *восемьдесятъ тысячъ* рублей.

Удивительнаго тутъ нѣтъ ничего. Учетъ по векселямъ стóитъ номинально восемь, а въ дѣйствительности десять, если не больше, процентовъ. Получивъ вмѣсто денегъ билеты, послѣдніе должно еще реализовать и опять-таки уплачивать за это проценты. Къ этому слѣдуетъ принять въ разчетъ что если билеты выданы на 250.000 рублей, они не учитываются въ полной суммѣ, а на 10—15% ниже ихъ номинальной стоимости. Такимъ образомъ, съ перваго же шага обнаруживается потеря въ 30 слишкомъ процентовъ отъ подобной сдѣлки. А такъ какъ предпріятіе на которое рѣшился князь Оболенскій въ теченіе шести или даже девяти мѣсяцевъ, — на каковой срокъ писаны и его векселя и пріобрѣтенные взамѣнъ ихъ билеты, — не даетъ еще прибылей, а поглощаетъ лишь употребленные на него капиталы, то недочетъ въ 80.000 рублей свидѣтельствуетъ только что матеріальное положеніе князя Оболенскаго было еще далеко не расшатано. Конечно, этотъ первый опытъ долженъ былъ бы предостеречь опытнаго дѣльца отъ увлеченія оперировать столь убыточными цѣнностями. Но князь Оболенскій былъ далеко неискусившійся мудрецъ въ финансовыхъ разчетахъ. Помилуйте, внушительно наставляютъ его, вы слишкомъ скоро пожелали уладить такое продолжительное дѣло какъ казенный подрядъ; вы напрасно смущаетесь ничтожнымъ дефи-

цитомъ когда впереди миллiонъ прибыли въ виду; ступайте смѣло впередъ; покройте образовавшiйся недочетъ новыми векселями, подкрѣпите ихъ подписями вашей супруги, у которой свои имѣнiя, мы вамъ откроемъ еще большiй кредитъ на такiе векселя, расширимъ вашу дѣятельность на поприщѣ подрядовъ, и вы скоро будете считать прибыли.

Не устоялъ князь Оболенскiй противъ этого соблазна. Онъ выдавалъ все болѣе и болѣе векселей и все на большiя суммы получалъ вкладные билеты. Онъ сталъ получать по нимъ, и то съ бóльшимъ трудомъ, съ уплатой значительныхъ не только учетныхъ, но и коммиссiонныхъ процентовъ, всего *половину* тѣхъ суммъ которыя значились на билетахъ, но уплачивалъ банку проценты по своимъ векселямъ на всю ихъ сумму, и все продолжалъ подписывать новые и новые векселя.

Какъ ни долго тянулась эта исторiя,— болѣе двухъ лѣтъ,—но и ей насталъ конецъ. Безразсудный выпускъ вкладныхъ билетовъ Кронштадтскаго Банка довелъ эти бумаги до ихъ нормальной стоимости, т.-е. до нуля. Вслѣдъ за тѣмъ и предпрiятiя основанныя на такихъ деньгахъ естественно должны были рухнуть. Князь Оболенскiй съ такимъ же успѣхомъ могъ приготовить на нихъ сухари для армiи, какъ г. Суздальцевъ выстроить Боровицкую дорогу. Мало того: и тотъ, и другой, потерявъ все свое состоянiе, остались неоплатными должниками по своимъ векселямъ выданнымъ злополучному банку, надъ которымъ наконецъ открылся конкурсъ и началось слѣдствiе о подвигахъ членовъ его правленiя, не замедлившее обнаружить всѣ описанныя нами злоупотребленiя, предусмотрѣнныя различными статьями Уложенiя о Наказанiяхъ.

Впрочемъ, во время этого слѣдствiя подсудимые отрицали свою виновность въ одномъ изъ дѣянiй которое на нихъ возводилось, и не на томъ основанiи что они этого дѣянiя не совершали, а лишь потому что не усматривали въ немъ *признаковъ преступленiя*. Ссылаясь на обычай всѣхъ банковъ, они доказывали что выпускъ вкладныхъ билетовъ не на основанiи внесенныхъ въ банкъ суммъ, а потому что получавшiй эти билеты давалъ банку такъ-называемые *бронзовые* векселя, практиковался во всѣхъ банкахъ и что они это не считали дѣянiемъ воспрещеннымъ закономъ.

Замѣчательно что для подтвержденiя подобной ссылки подсудимыхъ на факты и обычаи, въ судебное засѣданiе по этому дѣлу вызывался самый компетентный экспертъ,—бывшiй управляющiй Государственнымъ банкомъ Е. И. Ламанскiй, который публично подтвердилъ этотъ обычай нашихъ кредитныхъ учрежденiй въ перiодъ времени о которомъ идетъ рѣчь въ этомъ дѣлѣ, и удостовѣрилъ что это не было тайной и для министра Финансовъ.

Такое заявленiе произвело на дняхъ сенсацiю въ заграничной печати. Оно обличило предъ Европой всю неурядицу нашихъ банковыхъ порядковъ, давно намъ знакомую изъ цѣлаго ряда процессовъ.

Изъ дѣла видно что ни князь Оболенскiй, ни г. Суздальцевъ, не состояли членами правленiя Кронштадтскаго Банка, не входили въ составъ его акцiонеровъ, наблюдательнаго комитета или ревизiонной коммиссiи. Они просто поплатились за свое довѣрiе къ бумагамъ этого Банка потерей состоянiя и стали должниками его по векселямъ, эквивалентъ которыхъ ими не полученъ, а если и полученъ, то въ цѣнностяхъ признанныхъ ничего не стóящими.

Это ли не тяжкое взысканiе за легковѣрiе?

Обвинительной власти этого было недостаточно. Онъ былъ еще преданъ суду.

Изъ того что князь Оболенскiй, получая изъ Банка вкладные билеты, долженъ былъ знать что состоянiе счетовъ Банка не обезпечиваетъ выпуска этихъ билетовъ, выводится его виновность въ преступленiи предусмотрѣнномъ *1.690 ст. Уложенiя о Наказанiяхъ.*

Выписываемъ буквальный текстъ этой статьи: „За подложное *составленiе* актовъ, „которые должны быть совершаемы или „являемы у крѣпостныхъ дѣлъ или у но„тарiусовъ, а равно и за подложное озна„ченiе учиненной будто бы явки такихъ „актовъ и за умышленную переправку, „или подчистку, или другiя измѣненiя въ „актахъ настоящихъ, виновные подвер„гаются *лишенiю всѣхъ правъ состоянiя* „и ссылкѣ въ Сибирь..."

Чтó же общаго между разоренiемъ князя Оболенскаго и означеннымъ въ этой статьѣ преступленiемъ?

———

№ 140.

Москва, 21-го мая.

А.

Въ тяжкое пережитое нами время, діаволъ ходилъ по Русской землѣ сѣя плевелы раздора и смуты. Богъ не далъ взойти проклятому посѣву. Крѣпкая вѣра русскаго народа спасла его. Онъ устоялъ въ искушеніи. Злоумышленныя усилія потрясти общественный порядокъ и вооружить одно сословіе противъ другаго не имѣли успѣха. Но да избавитъ насъ Богъ отъ дальнѣйшаго искушенія: Нужно оградить народъ отъ козней обмана, который пользуется даже царскимъ именемъ чтобъ овладѣть безхитростными умами. Новая, открывшаяся эра, будемъ надѣяться, положитъ конецъ всякимъ неясностямъ и шатаніямъ которыя были послѣдствіемъ быстрыхъ и недостаточно согласованныхъ нововведеній. Всего нужнѣе установить мирныя и добрыя отношенія между дворянствомъ и крестьянствомъ. Слова сказанныя Государемъ на обѣдѣ волостныхъ старшинъ опредѣляютъ тотъ характеръ отношеній который всего лучше можетъ обезпечить земскій миръ...

Б.

„Въ непрестанномъ вниманіи къ нуждамъ арміи и отеческой заботливости объ участи какъ самихъ воиновъ, такъ и членовъ семействъ ихъ, въ особенности же тѣхъ главы коихъ кровію запечатлѣли свою преданность Престолу и Отечеству,“ такъ начинается приказъ по военному вѣдомству отданный 15 мая,—Государь Императоръ соизволилъ повелѣть ознаменовать день Священнаго Коронованія цѣлымъ рядомъ новыхъ милостей. Расширены права на *ежемѣсячное* пособіе отъ казны отставнымъ нижнимъ чинамъ сдѣлавшимся неспособными къ личному труду отъ ранъ, увѣчій и болѣзней. До сихъ поръ правомъ на такое пособіе пользовались лишь тѣ нижніе чины кои были признаны неспособными къ труду еще въ бытность на службѣ и за тѣмъ уволены домой. Но огромная масса раненыхъ, увѣчныхъ и неизлѣчимо больныхъ увольняется въ запасъ или въ отставку еще способными къ труду. Нѣсколько лѣтъ трудовой жизни, нужды и тяжкія лишенія разстраиваютъ здоровье слабыхъ, а законъ не давалъ имъ права на ежемѣсячное пособіе. Теперь Монаршая милость простерлась и на нихъ. Сдѣлавшіеся неспособными къ труду вслѣдствіе увѣчій, ранъ и болѣзней понесенныхъ на службѣ, хотя и по выходѣ изъ оной, сравнены въ правахъ съ тѣми кои признаются таковыми при самомъ увольненіи домой.

Въ томъ же приказѣ объявлены милости семействамъ всѣхъ убитыхъ, умершихъ отъ ранъ и безъ вѣсти пропавшихъ офицеровъ: они будутъ получать пенсіи изъ инвалиднаго капитала въ полномъ окладѣ, а дѣтямъ этихъ лицъ, равно и отставныхъ раненыхъ офицеровъ, предоставлено особое пособіе на воспитаніе до 12 лѣтъ безусловно, а далѣе дочерямъ на прежнихъ основаніяхъ, сыновьямъ же лишь неспособнымъ къ военной службѣ или непопавшимъ на казенныя вакансіи въ военно-учебныя заведенія.

Милость оказана и тѣмъ молодымъ людямъ которые, выдержавъ всѣ установленные экзамены, не могли быть произведены въ офицеры за неимѣніемъ вакансій. На всѣхъ въ свѣтлый день Коронованія надѣтъ офицерскій мундиръ. Безъ этого многимъ изъ нихъ пришлось бы цѣлые годы ждать производства.

О военныхъ чинахъ впавшихъ въ преступленія и проступки, но которые „примѣрнымъ поведеніемъ заявили раскаяніе въ совершенныхъ проступкахъ“ мы не говоримъ. Они подошли подъ Всемилостивѣйшій манифестъ, и приказъ (№ 104) опредѣляетъ только подробности. Но для бывшихъ офицеровъ и тутъ явлена новая милость: всѣ разжалованные по суду въ рядовые или на основаніи закона поступившіе на службу рядовыми изъ числа *исключенныхъ* со службы и состоявшіе ко дню Священнаго Коронованія уже унтеръ-офицерами, теперь представлены къ производству въ офицеры или въ первый гражданскій чинъ.

Со времени объявленія воинской повинности армія перестала быть особымъ сословіемъ, и сливается съ народомъ. Каждый въ трудную минуту призывается на защиту отечества. Милости изливаемыя на армію оказываются всему народу, искони увѣренному въ „непрестанномъ вниманіи къ нуждамъ и въ отеческой заботливости“ Царя.

B.

Политическое затишье, господствовавшее въ последнія недели въ Европе, внезапно нарушилось острымъ кризисомъ, возникшимъ на дальнемъ Востоке и поразившимъ многострадальную Францію новымъ горемъ, грозя ей, а за ней быть-можетъ и целому міру, весьма серіозными усложненіями.

Храбрый капитанъ Ривьеръ, старый морякъ и блестящій, остроумный литераторъ, одинъ изъ редкихъ въ наше время людей одаренныхъ энергіей и твердымъ характеромъ, полтора года отстаивалъ съ горстью моряковъ честь французскаго знамени въ Тонкине, совершилъ въ борьбе съ Аннамцами геройскіе подвиги, взявъ приступомъ цитадели Ганой и Намъ-Дингъ, и наконецъ 14 (26) мая, выдержавъ съ 400 матросовъ двухмесячную осаду въ Ганое, попытался пробиться сквозь ряды 5,000 войска непріятелей, былъ окруженъ дикими туземцами, захваченъ въ пленъ и съ 15 своихъ товарищей посаженъ на колъ!

Громовымъ ударомъ поразило это известіе Французское правительство и парламентъ, обсуждавшіе целый месяцъ (съ 13 [26] апреля) вопросъ о томъ отпустить ли 5½ милліоновъ франковъ на посылку вспомогательнаго отряда на выручку осажденнаго гарнизона. Министръ иностранныхъ делъ, Шаллемель Лакуръ потратилъ целые потоки цветистаго красноречія чтобъ успокоить господъ депутатовъ увереніемъ что Тонкинскій вопросъ не грозитъ въ будущемъ никакою опасностью, и что экспедиція на помощь капитану Ривьеру будетъ лишь „военною прогулкой." Но время шло среди этихъ академическихъ словопреній, а между темъ осажденные въ Ганое Французы терпели крайнія лишенія, не сдаваясь непріятелю, въ десять разъ превосходившему ихъ численностью и вооруженному европейскимъ оружіемъ новейшей конструкціи, въ надежде на то что Французская республика пошлетъ имъ кого-нибудь на выручку. Роковое известіе о мученической смерти капитана Ривьера положило конецъ ораторскимъ упражненіямъ адвокатовъ, считающихся представителями французскаго народа, и палата депутатовъ *единогласно* утвердила кредитъ въ 5½ милліоновъ фр., который правительство испрашивало для „военной прогулки" въ Тонкинъ. Но теперь, после Ганойской катастрофы, обстоятельства приняли серіозный, трагическій характеръ, и вероятно скоро придется Французскому правительству снова вымаливать у господъ депутатовъ новые милліоны для поддержанія чести Франціи на Востоке. Не одни торговые интересы заставятъ Французовъ заботиться о поддержаніи своего авторитета въ Тонкине, какъ это было до сихъ поръ. Они обязаны теперь смыть позоръ запятнавшій французское знамя и добиться грознаго возмездія за смерть своихъ братьевъ, а для этого едва ли хватитъ 5½ милліоновъ франковъ. Къ тому же за Тонкинскимъ вопросомъ возникаетъ теперь другой, более серіозный, Китайскій вопросъ... Столкновеніе Франціи съ Китаемъ отзовется на всехъ государствахъ.

Министры богдыхана заключили, какъ известно, безъ ведома Французскаго правительства, особый договоръ съ французскимъ посланникомъ въ Пекине, г. Буре. На основаніи этого договора, Китай соглашался признавать протекторатъ Франціи надъ Тонкиномъ (основанный на трактате 1874 года и не вызывавшій до сихъ поръ протеста со стороны Китайскаго правительства) съ темъ однако условіемъ чтобы Китаю были уступлены некоторые тонкинскіе города где сосредоточивается главная торговля по Красной Реке. Французское правительство отказалось утвердить этотъ наивный и унизительный для Франціи договоръ и отозвало г. Буре изъ Пекина, назначивъ на его место своего посла въ Японіи, г. Трику. Но китайскіе дипломаты, настаивавшіе сперва на исполненіи договора подписаннаго г. Буре, сами теперь отказались отъ него какъ унизительнаго для Китая, такъ какъ де богдыханъ иметъ неотъемлемыя историческія права на Тонкинъ, и французскаго протектората ни подъ какимъ видомъ и ни на какихъ условіяхъ допустить тамъ не можетъ. На южной границе Китая уже сосредоточены сильные отряды китайскихъ войскъ подъ главнымъ начальствомъ, генерала Лихунъ-Чана, съ темъ чтобы въ случае надобности вторгнуться въ Тонкинъ и очистить его совершенно отъ французскихъ гарнизоновъ. Какъ вчера насъ известилъ телеграфъ, новый французскій посолъ Трику отправился къ Лихунъ-Чану дабы убедить его не вмешиваться въ тонкинскія дела. Но китайскіе дипломаты едва ли согласятся отказаться отъ своихъ притязаній и не

станутъ особенно церемониться съ Франціей, въ особенности послѣ Ганойской катастрофы.

Рокъ заставляетъ Францію противъ воли каждое лѣто заниматься колоніальною политикой и отправлять военныя экспедиціи то въ Африку, то въ Азію. Въ 1881 году пришлось ей одновременно вести войну въ Тунисѣ съ Крумирами, въ Алжирѣ съ Бу-Амемой. Въ 1882 году она потеряла все свое политическое и торговое вліяніе въ Египтѣ. Въ настоящемъ году приходится опять одновременно отстаивать французскіе интересы въ Сенегалѣ, куда отправленъ капитанъ Брацца, въ Мадагаскарѣ, гдѣ уже приступилъ къ военнымъ дѣйствіямъ адмиралъ Пьерръ, и наконецъ въ Тонкинѣ, куда на дняхъ отправится эскадра изъ Рошфора и Тулона. Можетъ-быть для Франціи и нужна энергическая колоніальная политика для поддержанія бодрости арміи и націи и для спасенія ихъ отъ грубаго матеріализма; но колоніальная политика тогда только имѣетъ смыслъ если ведется съ тою строгою послѣдовательною и зоркою дальновидностью какою отличается политика Англіи. Къ сожалѣнію, царствующій во Франціи доктринерскій парламентаризмъ, связывающій правительство по рукамъ и ногамъ и свергающій по нѣскольку разъ въ годъ цѣлыя министерства, совершенно лишаетъ Францію возможности слѣдовать примѣру Англіи въ обезпеченіи своихъ восточныхъ колоній. Республиканская серіозная газета *Temps* слѣдующими, исполненными горечи, словами характеризуетъ колоніальную политику Французской республики: „Мы дѣйствуемъ съ какою-то вялостью или робостью и дѣлаемъ три шага впередъ съ тѣмъ только чтобы тотчасъ сдѣлать одинъ или два шага назадъ. Мы пропускаемъ самые удобные случаи, а потомъ, когда событія заставляютъ насъ противъ воли принимать энергическія мѣры, бываемъ принуждены дѣлать съ бо́льшими расходами и при менѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ то предъ чѣмъ мы колебались нѣсколько лѣтъ или даже мѣсяцевъ тому назадъ. Нерѣшительность, непослѣдовательность, отсрочки, вызывавшія все болѣе серіозныя усложненія простаго въ началѣ вопроса, вотъ въ двухъ словахъ исторія нашей политики въ Тонкинѣ. 2 апрѣля 1882 года капитанъ Ривьеръ взялъ приступомъ Ганой, и съ тѣхъ поръ мы оставили этого храбраго офицера въ совершенно ненормальномъ и опасномъ положеніи, изъ котораго онъ вышелъ поплатившись жизнію за наши колебанія. Мы должны были придти къ нему вовремя на помощь, этого требовала простая логика; но къ сожалѣнію логика ничего не имѣетъ общаго съ непрочностью министерствъ! Съ апрѣля 1882 года до мая 1883 года смѣнились у насъ четыре министерства, изъ коихъ каждое принуждено было изучать Тонкинскій вопросъ съ самаго начала, въ то время какъ наши противники усиливались и ободрялись и наши союзники ослабѣвали и совершенно насъ покидали." Французскія газеты припоминаютъ теперь что въ прошломъ декабрѣ морской министръ Жорегиберри приготовилъ было подробный проектъ экспедиціи въ Тонкинъ. Но президентъ Греви, опасаясь встрѣтить оппозицію въ палатѣ депутатовъ, не согласился внести этотъ проектъ въ парламентъ. 16 декабря происходили горячія пренія въ совѣтѣ министровъ; миролюбивая политика президента республики взяла вверхъ, и адмиралъ Жорегиберри, бросивъ тутъ же въ порывѣ досады свой проектъ въ пылающій огонь камина, подалъ немедленно въ отставку, которой однако президентъ, во избѣжаніе скандала, не принялъ. Все кончилось тогда въ Парижѣ благополучно и полюбовно. Теперь эпилогомъ къ этому торжеству миролюбія является истребленіе французскаго гарнизона въ Гангонѣ и страшная смерть капитана Ривьера, наконецъ необходимость привести въ исполненіе преданный пламени проектъ адмирала Жорегиберри.

№ 142.

Москва, 23-го мая.

Содержаніе достопамятныхъ словъ сказанныхъ Государемъ Императоромъ 21 мая представителямъ двухъ тѣсно соединенныхъ между собою сословій, крестьянства и дворянства, было въ тотъ же день вѣрно сообщено въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* при описаніи этого праздника. На другой день, текстъ Царскихъ словъ, по распоряженію министра Внутреннихъ Дѣлъ, былъ напечатанъ во множествѣ экземпляровъ для раздачи волостнымъ старшинамъ, которые отвезутъ эти драгоцѣнные листки въ свои уѣзды, такъ что весь сельскій

людъ услышитъ обращенный къ нему, добрый, ласковый и остерегающій голосъ Самого Государя. Все что простымъ людямъ было неясно, все что могло смущать ихъ, должно исчезнуть послѣ этихъ словъ, лицомъ къ лицу слышанныхъ народомъ отъ Царя. Всѣ нелѣпые слухи о передѣлѣ полей и даровыхъ прирѣзкахъ, распространившіеся между крестьянами, шли не изъ ихъ среды, но вносились въ нее врагами нашего отечества, общими врагами и Царя и народа. Это сказалъ теперь Самъ Царь. Не всѣмъ былъ ясенъ вражескій источникъ этихъ возбужденій, прикрывавшихся заботами о народномъ благосостояніи. Люди, хотя и доброжелательные, но легкомысленные и тщеславные, думали дѣйствительно способствовать благосостоянію народному, потворствуя этимъ вражескимъ попыткамъ уклонить насъ на путь не къ добру ведущій. Къ добру ли можетъ вести возбужденіе въ людяхъ похоти живиться чужимъ добромъ? Доброе ли дѣло возбуждать въ людяхъ любовь къ даровымъ стяжаніямъ? Но именно въ эту сторону направлялись мнимыя заботы о народномъ благосостояніи. У тебя мало, у сосѣда много—бери у сосѣда. Куда угодили бы мы еслибы каждый ждалъ и требовалъ „даровыхъ прирѣзокъ“ сколько кому понадобится? Сегодня понадобилось десять, завтра понадобится двадцать десятинъ. Желаніямъ которыя несутся налегкѣ и безъ труда—нѣтъ предѣла. Почему не желать чтобы каждая крестьянская изба превратилась въ помѣщичьи хоромы и чтобъ у каждаго двора было по крайней мѣрѣ десятинъ по пятисотъ, со всѣми принадлежностями, и еще лучше чтобы каждый имѣлъ и даровыя рабочія силы, которыя бы все за него дѣлали, а сами бы ѣсть не просили?..

„Новыя вѣянія“ пронеслись надъ нашею страной не безъ послѣдствій. Они возбудили было движенія которыя клонятся не къ улучшенію народнаго хозяйства и труда, а къ возбужденію въ населеніяхъ недовольства и страсти къ перемѣнамъ и приключеніямъ. Вдругъ, напримѣръ, показалось всѣмъ тѣсно въ Россіи. Понадобилось не только не стѣснять, что хорошо, но усиленно поощрять переселеніе крестьянскаго люда приманкой дароваго многоземелья въ отдаленныхъ мѣстахъ. Оказалось нужнымъ чтобъ Европейская Россія, которая страдаетъ рѣдкостію своего населенія, спѣшила выбрасывать его избытокъ въ дальніе края. Въ населеніяхъ возбуждался духъ перекочевки, и вотъ многія семьи, распродавъ свой скарбъ, пускаются въ далекій путь, сами не зная куда и зачѣмъ. По свѣдѣніямъ которыя получаются изъ разныхъ мѣстъ, положеніе многихъ такихъ переселенцевъ бываетъ крайне бѣдственное. Въ городахъ, лежащихъ на пути этихъ кочевыхъ движеній, власти не знаютъ что дѣлать и какъ помочь бѣдному, взбудораженному люду.

Другое зло, еще болѣе важное, семейные раздѣлы и вообще разложеніе вѣками сложившагося семейнаго быта народа. Наконецъ, кто истинно радѣетъ о народномъ благосостояніи тотъ не можетъ не видѣть какою пагубой отзывается на крестьянскомъ хозяйствѣ неправильная постановка финансовой системы, которая своимъ источникомъ имѣетъ кабакъ и требуетъ стѣсненія народнаго труда паспортною системой.

Теперь возбужденъ вопросъ о переустройствѣ нашего мѣстнаго управленія. Желательно чтобы при этомъ нашлась формула которая сдѣлала бы, сколько возможно, солидарными интересы двухъ этихъ сословій, составляющихъ главный устой государства, дворянства и крестьянства. Когда волостные старшины шли во Дворцѣ поздравлять Ихъ Величества, то представители крестьянства были сгруппированы по губерніямъ и во главѣ каждой группы шелъ предводитель дворянства, а 21 мая, обращаясь къ крестьянамъ, Его Величество изволилъ въ то же время привѣтствовать Всемилостивѣйшимъ словомъ и находившихся тутъ предводителей дворянства, соединивъ въ одной мысли и то и другое сословіе. Этимъ символически обозначается связь этихъ двухъ сословій, которыхъ благосостояніе зависитъ отъ справедливаго и полезнаго имъ обоимъ соглашенія условій ихъ быта.

Оба сословія равно нуждаются, для своего благосостоянія, въ крѣпкомъ огражденіи собственности; оба живутъ земледѣліемъ; оба глубоко заинтересованы въ охраненіи общественной нравственности; оба нуждаются въ обезпеченіи законной свободы справедливою и сильною, до Царя восходящею властью. Изъ тѣснѣйшаго единенія обоихъ сословій, дворянство вынесетъ себѣ обновленіе и оживленіе, а крестьянство найдетъ въ немъ огражденіе отъ „кулаковъ“ и всякихъ вражескихъ попытокъ.

чѣмъ яснѣе каждое будетъ разумѣть свои собственныя выгоды, тѣмъ справедливѣе и доброжелательнѣе будетъ относиться къ другому.

№ 143.

Москва, 24-го мая.

Вчера, 23 мая, въ слободѣ Преображенской праздновалась двухсотлѣтняя годовщина учрежденія перваго регулярнаго русскаго войска, Потѣшныхъ, изъ которыхъ создались старѣйшіе полки нашей арміи, Преображенскій, Семеновскій, наша гвардейская артиллерія, наша регулярная конница и именно драгуны.

Потѣшные, названные въ 1700 году гвардіей, были тѣмъ зерномъ изъ котораго развилась наша армія, твердыня и слава нашего отечества.

Гвардія была не только образцомъ для арміи, она была высшею школой изъ которой до самыхъ временъ Анны Іоанновны, то-есть до учрежденія Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса, выходили всѣ командиры и всѣ офицеры армейскихъ войскъ.

Потребность въ устройствѣ регулярной военной силы чувствовалась въ Россіи еще задолго до Петра. Іоаннъ IV учреждаетъ стрѣльцовъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ — полки „солдатскіе,“ „рейтарскіе“ и „драгунскіе“ иноземнаго строя. Но вся эта военная сила ни по обученію, ни по способу укомплектованія, ни по образу жизни не походила на то что мы привыкли звать регулярнымъ войскомъ. И стрѣльцы, и солдаты съ рейтарами и драгунами были собственно милиціей, „поселеннымъ войскомъ,“ жили въ слободахъ и занимались хозяйствомъ, лишь изрѣдка собираясь для обученія. По окончаніи военныхъ дѣйствій, вся эта сила распускалась по домамъ.

Совсѣмъ въ другомъ видѣ представляются потѣшные полки Преображенскій съ Семеновскимъ и созданные по ихъ образцу полки пѣхотные: они несутъ постоянную службу, непрерывно обучаются строю и маневрированію, содержатся налицо и въ войнѣ, и въ мирѣ. Праздникъ старѣйшихъ частей нашей гвардіи, по справедливости, есть вмѣстѣ и двухсотлѣтній юбилей нашей регулярной арміи.

Въ 1874 году у насъ „введена“ общеобязательная воинская повинность. Стоитъ вспомнить теперь что такая повинность впервые, и ранѣе нежели во всей остальной Европѣ, введена была у насъ указомъ Петра о рекрутскомъ наборѣ изданнымъ въ 1699 году. Въ силу этого указа, воинская служба сдѣлалась обязательною какъ для дворянъ такъ и для крестьянъ. Какъ въ дѣлѣ комплектованія, такъ и въ обученіи войскъ, Петръ только пользовался „примѣромъ“ иностранцевъ, но велъ дѣло совершенно самостоятельно и обгонялъ своихъ учителей. Когда строевые уставы всей Европы, по выраженію извѣстнаго Рюстова, отличались „варварскою сложностью,“ уставы Петра поражали необычайною простотой. Петръ приказывалъ учить „яко въ самомъ бою“ и отличалъ ученіе новобранца отъ стараго солдата. И на стрѣльбу, и на штыкъ было обращено одинаковое вниманіе. „Всему мать есть безконфузство, пишетъ Петръ въ инструкціи Нарышкину, — ибо сіе едино войско возвышаетъ:“ этимъ требуется отъ войскъ твердая рѣшимость сойтись съ непріятелемъ грудь съ грудью, требуется нравственная подготовка войска. „Исправное оружіе,“ сказано въ Петровскомъ уставѣ, „есть противу непріятеля сильнѣйшая вещь, но при добрыхъ порядкахъ и храбрыхъ сердцахъ.“

Въ западныхъ арміяхъ того времени мы видимъ нѣсколько родовъ конницы; Петръ заводилъ исключительно только драгунъ, то-есть кавалерію одинаково способную къ дѣйствію и въ пѣшемъ, и въ конномъ строю. Замѣчательно что такое же предпочтеніе драгунамъ отдавали въ послѣдствіи и Фридрихъ II, и Наполеонъ I.

Съ самаго начала учрежденія регулярной арміи Петръ обратилъ вниманіе на образованіе офицеровъ и требовалъ чтобъ они достаточно знакомились съ артиллерійскимъ и инженернымъ дѣломъ. „Зѣло нужно дабы офицеры, пишетъ онъ въ указѣ 1721 года, знали инженерство, буде не все, то хотя часть онаго,“ ибо инженеровъ всюду посылать невозможно, а каждый долженъ умѣть „оборону себѣ сдѣлать.“ Эту мысль постигли въ арміяхъ только теперь.

Русская армія въ своей исторіи совершила полный круговоротъ: послѣ смерти своего основателя она не разъ отступала отъ началъ имъ установленныхъ, усвои-

вая иностранные образцы, но сила вещей заставила возвратиться ее на путь указанный Петромъ: слѣдить за успѣхами военнаго дѣла за границей, но идти своею дорогой.

Въ одномъ только русская армія шла неуклонно по указанному пути. Она всегда помнила что „безконфузство всему мать,“ что „добрые порядки,“ то-есть дисциплина, и „храбрыя сердца“—важнѣе нежели усовершенствованія матеріальной части. Послѣ Полтавской битвы, обращаясь къ Преображенцамъ, Петръ говоритъ что они, „имѣя любовь къ Богу, къ вѣрѣ православной, къ церкви и къ царю, не щадили живота своего и на тысячи смертей устремлялись безбоязненно.“ Не это ли самое чувство провело русскую армію чрезъ Альпы, Араратъ, Балканы, чрезъ песчаныя степи Азіи? Не оно ли помогло русской арміи справиться съ лучшими въ мірѣ войсками предводимыми величайшимъ полководцемъ нашего вѣка? „Не намъ, не намъ, а имени Твоему,“ гласитъ надпись медали въ память 1812 года. Въ четвергъ, 26 мая, будетъ освященъ великій памятникъ этой эпохи, Храмъ Спасителя. Въ парадѣ при его открытіи будутъ участвовать войска еще недавно также лившія свою кровь за освобожденіе Балканскихъ Славянъ, какъ ихъ предки лили ее за освобожденіе народовъ Европы, тѣхъ самыхъ „двунадесяти языкъ“ которые, повинуясь волѣ своего вождя, доходили до того мѣста гдѣ теперь воздвигнутъ величественный Храмъ Спасителя. Русская армія осталась вѣрна себѣ.

№ 144.

Москва, 25-го мая.

Вопросъ о Закавказскомъ транзитѣ рѣшенъ, и рѣшенъ Его Величествомъ въ самомъ благопріятномъ для русской промышленности смыслѣ. Транзитъ отмѣненъ, и вѣроятно на дняхъ будетъ обнародовано состоявшееся по сему предмету рѣшеніе. Сообщеніе это, мы знаемъ, обрадуетъ всю промышленность изъ края въ край нашего отечества, что очень благовременно въ нынѣшніе торжественные дни. Вопросъ этотъ возбуждалъ разногласіе, но верховный Законодатель Россіи въ своихъ рѣшеніяхъ не зависитъ отъ большинства какихъ бы то ни было собраній.

Чѣмъ большій ущербъ терпѣла русская промышленность и торговля отъ Закавказскаго транзита и нераздѣльной съ нимъ контрабанды, чѣмъ сильнѣе тормозился ходъ нашихъ торговопромышленныхъ дѣлъ опасеніями за исходъ транзитнаго вопроса, тѣмъ легче вздохнетъ теперь торгово-промышленный міръ, и облегченіе почувствуется всѣми, прямо или косвенно связанными съ нимъ, многоразличными интересами. Одна изъ причинъ усложнявшихъ переживаемый страною экономическій кризисъ устранена. Одною изъ причинъ побуждавшихъ сокращать производство, къ невыгодѣ терявшаго при этомъ свои заработки трудящагося люда, стало меньше. Это не можетъ остаться безъ добрыхъ послѣдствій. Но благопріятный моментъ былъ бы потерянъ еслибы наши торгово-промышленные люди, порадовавшись что рѣшеніемъ транзитнаго вопроса установляется экономическое тяготѣніе Закавказья и прикаспійскихъ рынковъ къ русскимъ торгово-промышленнымъ центрамъ, не постарались, и въ свою очередь, поддержать это тяготѣніе. Не достаточно заготовлять товары и ждать пока за ними явятся въ Москву и на Нижегородскую ярмарку покупатели изъ Закавказья, Персіи и Средней Азіи. Надобно пойти на встрѣчу этимъ покупателямъ, надобно среди ихъ устроить склады русскихъ товаровъ, и чѣмъ больше будетъ такихъ складовъ, чѣмъ большій будутъ они представлять выборъ товаровъ приноровленныхъ къ мѣстнымъ потребностямъ и вкусамъ, тѣмъ лучше. Не слѣдуетъ забывать что учрежденіе складовъ, особенно на первыхъ порахъ, будетъ не совсѣмъ легкимъ дѣломъ, и можетъ встрѣтить не малыя затрудненія. Въ Закавказьѣ, между прочимъ, можно ожидать, по бывшимъ примѣрамъ, сильнаго противодѣйствія со стороны мѣстныхъ торговцевъ смотрящихъ на торговлю въ томъ краѣ какъ на свою монополію. Борьба съ этою издавна установившеюся и окрѣпшею монополіей можетъ оказаться слишкомъ тяжелою и не посильною отдѣльнымъ фирмамъ, которыя пожелали бы распространить свою дѣятельность на Закавказье учрежденіемъ тамъ своихъ складовъ. Но, что трудно для разрозненныхъ попытокъ, то можетъ быть вѣрнѣе достигнуто соединенными дружными усиліями. Еще въ минувшемъ ноябрѣ, мы высказывали на-

дежду что рѣшеніе транзитнаго вопроса вызоветъ организацію солиднаго товарищества для учрежденія торговыхъ конторъ и агентствъ за Кавказомъ, а также въ Астрахани и на восточно-каспійскихъ рынкахъ, и, гдѣ нужно, складочныхъ магазиновъ съ выдачей баррантовъ, подъ которые могъ бы быть открываемъ кредитъ и частными банками и отдѣленіями Государственнаго; въ такомъ товариществѣ находили бы себѣ опору попытки и отдѣльныхъ фирмъ къ расширенію русскаго сбыта на Востокѣ и Юго-Востокѣ, и къ водворенію тамъ активной русской торговли. Сколько намъ извѣстно, мысль объ учрежденіи подобнаго товарищества уже раздѣляется нѣкоторыми изъ здѣшнихъ капиталистовъ, и можно надѣяться что недалеко время когда она придетъ въ исполненіе. Собственными усиліями къ расширенію и упроченію торговыхъ связей въ Азіи торгово-промышленный міръ всего лучше покажетъ въ какой мѣрѣ онъ цѣнитъ состоявшееся согласно съ его ходатайствами рѣшеніе транзитнаго вопроса и въ какой мѣрѣ способенъ онъ воспользоваться измѣнившимися къ его выгодѣ условіями торговли.

Нѣтъ сомнѣнія что одною отмѣной транзита сдѣлано далеко не все нужное для того чтобы русская торговля на Востокѣ и Юго-Востокѣ стала въ надлежащія условія обезпечивающія развитіе ея въ желаемыхъ размѣрахъ. Но послѣ перваго шага, сопряженнаго съ крутымъ поворотомъ отъ прежней долго господствовавшей въ томъ краѣ торговой политики, дальнѣйшіе шаги въ новомъ направленіи требуемомъ русскими интересами будутъ гораздо легче и, конечно, не замедлятъ послѣдовать. За прекращеніемъ административной обособленности Кавказа отъ прочихъ областей Имперіи должно послѣдовать и его экономическое съ ними объединеніе, на которое и открываются виды съ отмѣной транзита. До сихъ поръ управленіе на Кавказѣ имѣло характеръ преимущественно военнаго занятія; русскій элементъ въ краѣ почти сплошь былъ въ немъ пришлымъ. Установленію и развитію оживленныхъ сношеній края съ прочими частями Имперіи и съ ея центромъ, при которыхъ край мало-помалу сталъ бы дѣйствительно русскимъ, мѣшала ошибочная политика поощрявшая торговыя и вообще экономическія связи его съ чужими краями и дѣлавшая его предметомъ монопольной эксплуатаціи для иностранцевъ и ладившихъ съ ними мѣстныхъ армянскихъ капиталистовъ, какъ будто для нихъ, въ теченіе многихъ десятилѣтій, тратились сотни милліоновъ русскихъ денегъ и лилась русская кровь которою Россія купила полное обладаніе Кавказа. Продолжая идти тѣмъ же путемъ, мы пожалуй могли бы придти къ образованію Кавказа въ особое армянское царство существованіемъ котораго были бы заинтересованы иностранныя державы, и которое лишало бы насъ всѣхъ выгодъ обладанія Каспійскимъ моремъ и Среднею Азіей. Этотъ путь рѣшительно оставленъ. Сдѣланы рѣшительные шаги въ новомъ направленіи, согласно съ требованіями національной политики. Конечно, еще многое тормозящее правильный ходъ развитія Кавказа въ тѣсной связи съ прочими частями Имперіи должно быть устранено; еще многому что можетъ содѣйствовать развитію этого богатаго края, и что оставалось донынѣ въ пренебреженіи, должно быть положено начало. Но что именно нужно сдѣлать, это всего лучше можетъ показать практика тѣхъ русскихъ людей которые возьмутъ на себя трудъ быть піонерами въ цивилизаторскомъ дѣлѣ упроченія и расширенія экономическихъ связей Кавказа и прочихъ прикаспійскихъ странъ съ центральными областями Имперіи. Имъ на дѣлѣ будутъ виднѣе препятствія къ этой цѣли, и также въ чемъ и съ какой стороны нужнѣе помощь для ея достиженія. Можно имѣть увѣренность что ни въ устраненіи этихъ препятствій, ни въ оказаніи нужной помощи русскимъ людямъ не будетъ отказано. Съ этою надеждой несомнѣнно встрѣчена будетъ всѣми наступающая съ отмѣной транзита новая эра во взаимныхъ отношеніяхъ между Россіей и ея кавказскими и среднеазіатскими владѣніями.

№ 146.

Москва, 27-го мая.

А.

Наконецъ совершилось освященіе Храма Христа Спасителя. Совершилось оно во дни освященія самодержавной власти Русскаго Царя. Исполненіе обѣта во славу и вѣчную память минувшему совпало съ началомъ новой эры въ жизни Россіи.

За семьдесятъ лѣтъ предъ симъ, по избавленіи нашего отечества отъ непріятельскаго нашествія, данъ былъ обѣтъ воздвигнуть этотъ Храмъ. Сорокъ слишкомъ лѣтъ строился онъ на новомъ мѣстѣ послѣ неудачной попытки, и долго его громада высилась надъ Москвою готовая и не готовая къ своему святому назначенію. Когда, наконецъ, внутри его все было окончено, событія замедляли и отсрочивали день его освященія, какъ бы для того чтобы Боговѣнчанный начинатель будущихъ судебъ нашего отечества былъ и совершителемъ священнаго завѣта. Да будетъ же это благимъ знаменіемъ для новаго царствованія! Вся сила въ томъ чтобы въ дальнѣйшемъ ходѣ нашей исторической жизни мы оставались вѣрны себѣ, чтобы мы блюли завѣты нашей исторіи, чтобы мы во всѣхъ нашихъ преобразованіяхъ не теряли своего существа, то-есть чтобы мы оставались въ живыхъ...

Двѣнадцатый Годъ — одна изъ самыхъ славныхъ и рѣшающихъ эпохъ нашей исторіи. Двѣнадцатый Годъ ознаменованъ великимъ подъемомъ нашего народнаго духа. Не съ этой ли поры начинается въ преобразованной Петромъ Россіи ея народное самосознаніе, пробуждается русская мысль, оживляется русское слово? Мы сказали: *начинается*. Теперь Богъ дастъ наступаетъ пора когда эти начатки должны войти въ силу и оплодотворить нашу жизнь. То что сказывалось въ торжественные моменты нашей исторіи, въ чемъ мы чувствуемъ святыню нашего народнаго духа, то должно стать яснымъ руководящимъ началомъ нашего государственнаго разумѣнія и нашихъ стремленій. Какъ въ великую годину испытанія, Христосъ Спаситель избавилъ наше отечество отъ вражескаго нашествія, такъ да избавитъ Онъ насъ и теперь отъ вражескаго нашествія лжи и обмана которыя пытаются внести смуту въ нашу жизнь. Та же сила спасетъ насъ и среди новыхъ испытаній переживаемыхъ нами и быть-можетъ предстоящихъ намъ. Испытанія для того и посылаются людямъ и народамъ чтобъ они являли въ нихъ свой духъ.

Въ основу нашей исторіи положено начало единовластія. Къ нему все клонилось и на немъ должно все зиждиться. Въ немъ завѣтъ нашего прошлаго, въ немъ залогъ нашего будущаго. Единовластіе, не въ одномъ внѣшнемъ, но въ глубокомъ внутреннемъ смыслѣ этого слова, должны мы не только соблюсти, но и осуществить далѣе во всей полнотѣ и силѣ. Только здѣсь, только на этомъ пути, найдемъ мы руководящую норму нашему развитію. Все отсюда уклоняющее можетъ только вредить намъ и задерживать насъ.

Характеристическая особенность Русскаго народа и его государства опредѣляется положеніемъ той церкви которую принялъ Русскій народъ при самомъ вступленіи своемъ на свѣтъ исторіи. Существенное отличіе православной церкви отъ ея Западной сестры состоитъ въ томъ что она отреклась ото всякой земной власти, а потому и не внесла въ нашу жизнь начала двоевластія которымъ опредѣляется исторія Запада и въ которомъ заключается все его отличіе отъ Востока.

Всѣ признаютъ теперь живое единеніе Русскаго Царя съ Его народомъ. Только то что совершается у насъ въ духѣ этого единенія, только то и прочно и плодотворно. Все что не изъ этого духа исходитъ вноситъ въ дѣла наши ложь и сбиваетъ ихъ съ пути. Но это единеніе плодотворно и дѣйственно только при полной взаимности.

Вѣрный и непоколебимо-преданный другъ Россіи, князь православной Черногоріи, свидѣтельствуя о своемъ единеніи со своимъ народомъ, сказалъ однажды: „Народъ мой повинуется мнѣ какъ одинъ человѣкъ, а я въ свою очередь повинуюсь во всемъ его духу, его чувству, другихъ цѣлей не имѣю какъ служить ему.“

Б.

Кругъ благодѣтельныхъ мѣръ примыкающихъ ко Всемилостивѣйшему Манифесту послѣдовавшему 15 мая и какъ бы служащихъ ему дополненіемъ еще не завершился. За прощеніемъ по Манифесту податныхъ недоимокъ послѣдовалъ указъ о пониженіи самыхъ размѣровъ податнаго подушнаго оклада. Подушная подать повсемѣстно и для всѣхъ плательщиковъ оной понижается съ 1 января предстоящаго 1884 года на одну десятую часть; для многихъ плательщиковъ ея, именно въ мѣстностяхъ признанныхъ наименѣе благопріятными, она уменьшена на половину; на половину же понижена подушная подать со всѣхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ всѣхъ губерній и областей; наконецъ, съ бывшихъ фабрич-

ныхъ и заводскихъ крестьянъ, а также съ безземельныхъ крестьянъ приписанныхъ къ сельскимъ обществамъ безъ пріемныхъ приговоровъ, взиманіе подушной подати съ 1 января совсѣмъ прекращается. Это даетъ большое облегченіе народу, особенно послѣ сложенія старыхъ недоимокъ и пониженія выкупныхъ платежей. Остается желать чтобы всѣ эти облегченія послужили дѣйствительному благу, чтобы добрыя послѣдствія ихъ не были парализованы кабакомъ, чтобы то что перестанетъ взимать казна съ крестьянъ не было взимаемо съ нихъ кабачниками. Пониженіемъ податей устраняется одно изъ препятствій къ улучшенію крестьянскаго хозяйства; Богъ дастъ за этою мѣрой не замедлятъ другія необходимыя для приведенія народнаго быта въ наиболѣе благопріятныя условія. Одна изъ такихъ мѣръ уже возвѣщена. Съ цѣлію уменьшить стѣсненія въ передвиженіи людей, министру Внутреннихъ Дѣлъ предоставлено войти въ соображенія о возможныхъ измѣненіяхъ въ дѣйствующихъ правилахъ касательно паспортовъ и перечисленія лицъ податнаго состоянія изъ одного общества въ другое.

Какъ въ дѣлѣ войны каждый достигнутый успѣхъ требуетъ дальнѣйшихъ шаговъ дабы плоды успѣха не были потеряны, такъ и въ дѣлахъ мирнаго управленія. За принятыми уже мѣрами къ подъему народнаго хозяйства и труда должны послѣдовать новыя коими обезпечивалась бы и усугублялась бы польза сдѣланнаго. Равнымъ образомъ, съ расширеніемъ правъ предоставленныхъ раскольникамъ самъ собою поступаетъ на ближайшую очередь вопросъ объ единовѣріи, о полномъ уравненіи его съ православіемъ. То же самое можно замѣтить и о другихъ серіозныхъ мѣрахъ, между прочимъ объ отмѣнѣ Закавказскаго транзита которая, ради своей цѣли, требуетъ принятія новыхъ дополнительныхъ мѣръ однороднаго значенія.

Транзитъ отмѣненъ, но опубликованіе указа о состоявшейся отмѣнѣ замедлилось. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, ибо всякій законъ получаетъ обязательную силу не прежде какъ со дня его объявленія, и „въ присутственныхъ мѣстахъ, каждый законъ воспріемлетъ свою силу и долженъ быть прилагаемъ къ дѣламъ не прежде какъ со дня полученія его въ томъ или другомъ мѣстѣ, къ исполненію коего оный подлежитъ." Такимъ образомъ транзитъ продолжаетъ пока оставаться въ силѣ, къ выгодѣ тѣхъ кто имъ пользовался и къ невыгодѣ русской промышленности, для которой тутъ каждый лишній день не лишенъ значенія, особенно съ тѣхъ поръ какъ открылось движеніе по всему протяженію отстроенныхъ закавказскихъ дорогъ. Однако обнародованіе законодательнаго рѣшенія о транзитѣ не заставитъ себя долго ждать, а потому пора приступать уже къ соображеніямъ о мѣрахъ которыя упрочили бы Русскому промышленному труду и торговлѣ то развитіе на которое открылись виды съ отмѣной транзита.

Главная цѣль отмѣны транзита заключается въ ограждeніи Закавказья и сосѣднихъ прикаспійскихъ и среднеазіятскихъ рынковъ отъ наплыва иностранной контрабанды вытѣсняющей оттуда товары русскаго производства. Цѣль эта однако не можетъ быть достигнута вполнѣ если, затворивъ одну дверь чрезъ которую водворялась контрабанда, мы оставимъ отворенною другую чрезъ которую контрабанда проникаетъ въ край съ неменьшимъ удобствомъ. Эта другая дверь—Батумское порто-франко. Роль какую играетъ Батумъ въ его качествѣ „вольной гавани" хорошо извѣстна русскому торгово-промышленному міру. Эта роль такова что, благодаря ей, самое присоединеніе Батума къ Россіи, вмѣсто важныхъ выгодъ какія могло бы получать народное хозяйство отъ этой прекрасной, одной изъ лучшихъ въ Черномъ Морѣ, гаваней, сдѣлалось для него фактомъ отрицательнаго значенія, не подкрѣпляющею его, а ослабляющею силой. Вмѣсто того чтобы служить исключительно русскимъ интересамъ, Батумъ служитъ преимущественно интересамъ чужеземнымъ; это какъ бы форпостъ иностранной промышленной и торговой конкурренціи поставленный на русской территоріи и широко во всѣ стороны распространяющій свое вредное, подрывающее русскихъ конкуррентовъ вліяніе. По своему положенію, Батумъ представляетъ всѣ удобства для водворенія чрезъ него контрабанды не только въ Закавказьи, но и въ европейскихъ портахъ нашего Черноморскаго побережья. Какъ вольная гавань, Батумъ одинаково служитъ складочнымъ пунктомъ для русскихъ и для иностранныхъ товаровъ; тѣ и другіе легко могутъ быть смѣшиваемы въ немъ въ общую массу и при дальнѣйшемъ направленіи оттуда въ Закавказье

или въ Азовскіе и Новороссійскіе порты легко могутъ быть выдаваемы одни за другіе, такъ что иностранныя ткани, сахаръ и другіе товары могутъ проникать изъ Батума въ наши предѣлы подъ видомъ и на правахъ русскихъ продуктовъ. Строго изслѣдовать въ каждомъ данномъ случаѣ происхожденіе каждаго тюка въ каждой партіи товара идущаго изъ Батумскаго порто-франко на практикѣ невозможно. Пресѣчь батумскую контрабанду можно было бы развѣ лишь установленіемъ правила что всякій товаръ идущій изъ Батума, какого бы происхожденія онъ ни былъ, долженъ въ русскихъ таможняхъ оплачиваться пошлиной какъ иностранный; но это значило бы совсѣмъ отнять Батумъ у русской торговли, лишить ее возможности пользоваться удобствами этой гавани увеличившимися со времени постройки Батумской желѣзной дороги. Въ русскихъ интересахъ затрудненія могутъ быть устранены гораздо проще отмѣной порто-франко и приравненіемъ Батума ко всѣмъ другимъ русскимъ портамъ. Лишь при такомъ условіи Батумъ, купленный русскою кровью и устрояемый на русскія деньги, сталъ бы русскимъ, а не чужимъ достояніемъ. Какія могутъ быть препятствія къ отмѣнѣ Батумскаго порто-франко? Пятьдесятъ девятая статья Берлинскаго трактата? Но въ этой статьѣ выражено не формальное международное обязательство, а лишь *намѣреніе* Россіи сдѣлать Батумъ вольною гаванью, существенно торговою. Намѣреніе это исполнено. Но при измѣнившихся обстоятельствахъ и при обозначившихся отъ вольной гавани невыгодахъ для Россіи, одно намѣреніе можетъ уступить мѣсто другому. Выгодная и необходимая для Россія, отмѣна Батумскаго порто-франко, быть можетъ, вызвала бы неудовольствіе со стороны иностранныхъ фирмъ которымъ оно на руку. Но въ большей ли мѣрѣ важны для насъ выраженія такого неудовольствія чѣмъ, напримѣръ, для Румыніи, которая, нисколько не стѣсняясь чужестранными протестами, отмѣнила недавно порто-франко въ своихъ четырехъ портовыхъ городахъ? Или можетъ быть Россія менѣе властна на своей территоріи чѣмъ Румынія на своей? Къ тому же простая отмѣна порто-франко нисколько не помѣшала бы Батуму оставаться гаванью „существенно торговою.“

№ 147.

Москва, 28-го мая.

Въ Англіи и Франціи въ настоящее время выдвинутъ на очередь вопросъ о Суэзскомъ каналѣ. Послѣ занятія Египта, въ прошедшемъ году, Англійское правительство дало формальное увѣреніе всѣмъ державамъ въ томъ что каково бы ни было будущее государственное устройство Египта и отношеніе въ какое это страна будетъ поставлена къ Англіи, для Суэзскаго канала будетъ де создано отдѣльное отъ Египта международное положеніе, обезпечивающее свободу этого всемірнаго пути и его нейтральность въ случаѣ войны. До сихъ поръ однако ни относительно Египта, ни относительно Канала не выработано окончательнаго проекта, и Англійское правительство этимъ дѣломъ не торопится.

Между тѣмъ въ Англіи стали поговаривать что теперешній Суэзскій каналъ далеко не соотвѣтствуетъ развивающемуся судоходству по этому пути, а такъ какъ всего болѣе прибываетъ англійскихъ судовъ, то среди лондонскихъ капиталистовъ возникла мысль, которую немедленно подхватила англійская печать, о необходимости проложить второй каналъ для соединенія Средиземнаго и Чермнаго морей. Въ началѣ этотъ проектъ выставлялся какъ способъ освободить англійское судоходство отъ теперешней французской администраціи Канала, во главѣ коей стоитъ его энергическій строитель, г. Лессепсъ, который еще въ прошедшемъ году, во время Египетской экспедиціи, былъ крайне неудобенъ для Англійскаго правительства своею агитаціей противъ англійскаго предпріятія. Но политическая агитація, которую велъ г. Лессепсъ на свою руку, должна была въ концѣ концовъ затихнуть когда политика Французскаго правительства, подъ пагубнымъ вліяніемъ борьбы парламентскихъ партій, смиренно преклонилась предъ совершившимся фактомъ. Вопросъ о Суэзскомъ каналѣ мало-по-малу перешелъ съ политической на техническую почву, и въ этомъ отношеніи никто не оспариваетъ того что Суэзскій каналъ уже теперь далеко не соотвѣтствуетъ потребностямъ всемірнаго мореходства. Онъ такъ узокъ что два корабля не могутъ двигаться по немъ рядомъ. Каналъ имѣетъ нѣсколько станцій съ расширеннымъ бассейномъ, гдѣ ко-

рабли останавливаются выжидая прохода встрѣчныхъ судовъ. Съ обоихъ концовъ Канала суда пропускаются по очереди, и чѣмъ больше приходитъ судовъ, тѣмъ болѣе теряется времени въ ожиданіи очереди и на промежуточныя стоянки. Словомъ, на Каналѣ ощущается такое же неудобство какъ на рельсовомъ пути съ одною парой рельсовъ когда усиливается движеніе.

Но подобно тому какъ на желѣзной дорогѣ въ одинъ путь несравненно выгоднѣе проложить вторую пару рельсовъ по старому полотну нежели построить новую параллельную дорогу, такъ и приведеніе судоходнаго пути чрезъ Суэзскій перешеекъ въ положеніе соотвѣтствующее усилившимся потребностямъ мореплаванія гораздо удобнѣе будетъ достигнуто расширеніемъ существующаго Канала настолько чтобы суда могли двигаться не задѣвая одно другое, нежели постройкой новаго канала параллельно существующему, или даже въ другомъ направленіи отъ Александріи, какъ проектировали первоначально англійскіе капиталисты. Послѣднее предположеніе, о каналѣ отъ Александріи къ Суэзу, едва ли и было серіознымъ. Оно было выставлено со стороны Англіи лишь въ отвѣтъ на возраженія г. Лессепса, который доказывалъ что онъ, какъ получившій отъ Египетскаго правительства концессію на прорытіе Суэзскаго перешейка, владѣетъ, въ силу этой концессіи, монополіей на водяной путь по его теперешнему направленію и можетъ воспротивиться всякой иной концессіи на какой бы то ни было параллельный каналъ по перешейку. Англійскимъ предпринимателямъ не было особенной надобности пускаться въ пренія съ г. Лессепсомъ о юридической силѣ полученной имъ концессіи. Было гораздо удобнѣе запугать г. Лессепса возможностью проложенія новаго канала въ два пути, по иному направленію. Этого было достаточно чтобы заставить строителя задуматься о судьбѣ его сооруженія, которое было бы совершенно убито новымъ каналомъ. Этимъ способомъ и найденъ былъ путь къ примиренію столкнувшихся интересовъ. Это было тѣмъ легче для Англіи что и теперешній Суэзскій каналъ, построенный Французами и на французскія деньги, въ дѣйствительности принадлежитъ англійской казнѣ, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ пріобрѣла бо́льшую часть акцій Суэзскаго канала въ свою собственность.

Какъ сообщаетъ парижскій корреспондентъ *Times*, отъ 28 мая, между Англійскимъ правительствомъ и Компаніей Суэзскаго Канала состоялось соглашеніе, причемъ рѣшено вмѣсто проектированнаго прежде новаго канала—параллельнаго первому, по предположенію французскихъ капиталистовъ, и канала отъ Александріи къ Суэзу, по мысли англійскихъ предпринимателей—увеличить ширину теперешняго канала до 80 метровъ по всему пути. Расширенный Каналъ имѣетъ быть раздѣленъ по срединѣ теченія видимою на поверхности воды линіей; такимъ образомъ получатся два пути, по которымъ суда могутъ двигаться двумя встрѣчными и непрерывными вереницами не задѣвая другъ друга. Высчитано что такимъ образомъ провозная способность Канала увеличится до 18.000.000 тоннъ въ годъ, то-есть втрое противъ того количества судовъ какое имѣетъ теперь возможность проходить чрезъ Каналъ. А это надолго, если не навсегда, обезпечитъ безостановочное движеніе по этому міровому пути. Весь расходъ на расширеніе Канала исчисленъ въ 20 милліоновъ франковъ, что составляетъ ничтожную сумму сравнительно съ тою какая потребовалась бы на проложеніе новаго канала.

Корреспондентъ *Times* прибавляетъ что г. Лессепсъ весьма доволенъ состоявшимся соглашеніемъ, ибо онъ давно предвидѣлъ необходимость проложенія втораго пути по Каналу; но ему едва ли удалось бы побудить къ этому французскихъ акціонеровъ, еслибъ Англійское правительство не пришло ему на помощь.

Французское правительство едва ли можетъ быть такъ же довольно какъ г. Лессепсъ, для котораго финансовая сторона дѣла стоитъ на первомъ планѣ.

Но для Англіи достигнутый такимъ образомъ результатъ значительно дополняетъ успѣхъ прошлогодней экспедиціи. Каково бы ни было будущее политическое устройство которое Англія такъ неторопливо вырабатываетъ для „автономнаго" Египта, фактическое господство надъ берегами Нила и надъ Суэзскимъ каналомъ, этимъ дѣйствительнымъ и прямымъ путемъ въ Индію, останется въ ея рукахъ.

Россія можетъ взирать на этотъ успѣхъ Англіи безо всякой зависти. Что касается техническаго улучшенія, коимъ значительно сократится какъ время прохожденія су-

довъ по Каналу, такъ и плата за проходъ, то оно будетъ въ прямую пользу русскому судоходству, какъ и всѣмъ прочимъ.

Но и съ чисто-политической точки зрѣнія окончательное утвержденіе англійскаго господства на берегахъ Нила можетъ лишь способствовать въ будущемъ къ устраненію многихъ поводовъ къ соперничеству и политической борьбѣ между обѣими державами. Справедливо говоритъ *Times*, въ сочувственной Россіи статьѣ по поводу Священнаго Коронованія, что въ мірѣ есть достаточно мѣста для интересовъ Англіи и Россіи. Россія и прежде никогда не становилась поперекъ пути Англіи, и если были столкновенія, то задирательная роль всегда принадлежала Англіи. Господствующимъ интересомъ англійской политики всегда было и останется огражденіе ея владычества въ Индіи. Пока Константинополь и его проливы почитались „ключомъ" пути изъ Европы въ Индію, Англія считала нужнымъ ревниво оберегать каждый шагъ русской политики на Востокѣ и противиться всему что Россія предпринимала не съ цѣлью завоеваній, а лишь для утвержденія и огражденія своихъ законныхъ интересовъ на Черномъ Морѣ.

Помимо этого вѣковаго соперничества на Востокѣ нѣтъ другихъ точекъ соприкосновенія гдѣ интересы обѣихъ державъ, изъ коихъ одна по преимуществу морская, а другая по преимуществу континентальная, должны были бы по необходимости враждебно столкнуться. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ считать серіозными опасенія завоеванія Индіи Россіей со стороны Средней Азіи.

Съ установленіемъ англійскаго господства надъ Египтомъ центръ тяжести Восточнаго вопроса, поскольку имъ затрогиваются законные интересы Англіи, перемѣстился съ Босфора на берега Нила. Настоящая и прямая дорога въ Индію въ ея рукахъ.

А съ тѣмъ вмѣстѣ и вѣрно понятые пути англійской политики отодвинулись далеко отъ тѣхъ точекъ гдѣ они скрещивались съ путями Россіи.

№ 149.

Москва, 30-го мая.

Пока обсуждался транзитный вопросъ, не разъ возникали опасенія что онъ можетъ разрѣшиться какою-нибудь полумѣрой, компромиссомъ, при которомъ русскіе интересы были бы приняты во вниманіе не вполнѣ, а лишь отчасти, и для транзитной контрабанды остались бы лазейки, что портило бы все дѣло. Въ силу Высочайшаго повелѣнія, бывшій иностранный транзитъ черезъ Закавказье закрывается безусловно, безъ малѣйшихъ ограничительныхъ оговорокъ. Это не значитъ чтобъ иностранные товары не могли впредь проникать въ Персію и другія восточныя страны черезъ Закавказье и вообще черезъ Россію. Но имъ предоставляется проходить туда лишь на тѣхъ же условіяхъ на какихъ они имѣютъ сбытъ въ Россіи, то-есть съ оплатой пошлинами по нашему общему таможенному тарифу. Во всемъ ли достаточна предоставленная русскому народному труду на русской территоріи таможенная охрана, это другой вопросъ, но какова она есть на дѣлѣ, эта охрана распространена и на Закавказье и на всѣ сосѣдніе прикаспійскіе рынки. Такимъ образомъ, по важности своего значенія, состоявшееся рѣшеніе транзитнаго вопроса занимаетъ несомнѣнно одно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду многихъ благодѣтельныхъ мѣръ дополнившихъ собою Всемилостивѣйшій Манифестъ 15 мая.

Одновременно съ рѣшеніемъ транзитнаго вопроса вполнѣ состоялось постановленіе о дополненіи статьи 73 общаго таможеннаго тарифа по европейской торговлѣ особымъ примѣчаніемъ, въ силу коего сахаръ рафинадъ привозимый къ черноморскимъ портамъ Закавказскаго края долженъ очищаться пошлиной въ 2 р. 20 к. золотомъ съ пуда. Въ какой мѣрѣ это измѣненіе тарифа соотвѣтствуетъ *общимъ* интересамъ русской сахарной промышленности судить трудно за неимѣніемъ для того достаточно данныхъ. Официальныя статистическія данныя по этой части ниже всякой критики, какъ явствуетъ между прочимъ изъ послѣдняго въ текущемъ году *Обзора внѣшней торговли Россіи* за 1881 годъ. Такъ, напримѣръ, изъ 332 страницы этого отчета оказывается что иностраннаго „сахара рафинада, мелиса, лумпа и леденца въ головахъ и кускахъ" по всей азіятской границѣ было привезено 117.129 пудовъ на 121.398 рублей (sic), т. е. цѣною немного дороже одного рубля за пудъ и много дешевле трехъ копѣекъ за фунтъ. Въ отдѣльности же по Закавказ-

скому краю офиціальная таможенная статистика еще куріознѣе. Смотришь на 335 страницу отчета и не вѣришь глазамъ: „всего по Закавказскому краю“ того же самаго иностраннаго сахару рафинаду и пр. привезено въ 1871 году *108.348* пудовъ на *21.178* рублей (sic)!.. Выходитъ что привозимый въ Закавказье *сахаръ рафинадъ* оцѣнялся нашими таможенными статистиками *дешевле 20 коп. за пудъ, дешевле полукопѣйки за фунтъ!!* Само собою разумѣется что подобная статистика не могла дать никакихъ основаній для сужденій о размѣрахъ пошлины какою долженъ быть обложенъ идущій въ Закавказье иностранный рафинадъ; нужна ли тутъ пошлина въ 3 р. 30 к. съ пуда какъ по всей европейской границѣ, или же слѣдуетъ ограничиться 2 р. 20 к. съ пуда, то-есть тѣмъ размѣромъ пошлины какимъ обложенъ по всей европейской границѣ сахаръ-сырецъ? Изъ Кіева, одного изъ центровъ нашего свеклосахарнаго производства, былъ поданъ голосъ въ пользу 2 р. 20 к., и правительство послѣдовало этому указанію: если сама свеклосахарная промышленность, довольствуясь таможенною охраной лишь для выварки сахара-сырца, находитъ излишнею какую бы то ни было охрану для рафинаднаго производства, было бы странно навязывать ей то въ чемъ она не нуждается. Но голосъ кіевскихъ сахароваровъ былъ ли голосомъ всего русскаго сахарнаго производства, этого мы не знаемъ?..

Судить о значеніи этой мѣры и о ея возможныхъ результатахъ было бы преждевременно, но позволительно высказать нѣкоторыя соображенія. До сихъ поръ ни на Закавказье, ни черезъ Закавказье сахаръ-сырецъ почти вовсе не шелъ, а шелъ исключительно сахаръ рафинадъ. Казалось поэтому что для русской промышленности нужна была именно рафинадная пошлина какъ ограждающая отъ иностранной конкурренціи тотъ русскій товаръ который можетъ имѣть тамъ хорошій сбытъ. Въ разчетѣ на рафинадныя пошлины, сколько извѣстно, проектировалась, если уже не начала осуществляться, постройка рафинадныхъ заводовъ въ Одессѣ; могли затѣмъ основаться рафинадные заводы и въ самомъ Закавказьѣ для переработки привознаго ли изъ Европейской Россіи или своего мѣстнаго сахарнаго песку. Какое окажетъ дѣйствіе на осуществленіе этихъ видовъ отмѣна рафинадной пошлины по Черноморскому побережью? Пойдетъ ли тамъ въ ходъ русскій рафинадъ нисколько не боясь конкурренціи иностраннаго, или же сбытъ попрежнему останется за иностраннымъ, причемъ мало будетъ шансовъ и для сбыта на Закавказскомъ рынкѣ русскаго сахарнаго песку, и для развитія тамъ мѣстнаго сахароваренія? Вотъ вопросъ на который должно дать отвѣтъ недалекое будущее.

Во всякомъ случаѣ, въ виду отмѣны рафинадной пошлины въ черноморскихъ портахъ въ Закавказьѣ, самъ собою возникаетъ вопросъ нужно ли сохраненіе этой пошлины и по всей нашей европейской границѣ. Если наше рафинадное производство въ состояніи безо всякой охраны конкуррировать съ иностраннымъ по сбыту своихъ продуктовъ въ Закавказьѣ, то тѣмъ легче можетъ оно конкуррировать съ нимъ, такъ сказать, у себя дома. А если такъ, то снявъ таможенный налогъ съ закавказскихъ потребителей рафинада, почему бы оставлять эту тягость на всероссійскихъ потребителяхъ? Зачѣмъ всѣ мы будемъ переплачивать по $2^1/_2$ коп. на каждомъ фунтѣ сахару, когда сахарная промышленность нисколько въ этомъ не нуждается судя по отзыву кіевскихъ сахароваровъ? Объ этомъ стоитъ подумать, особенно въ виду той спекулятивной игры на повышеніе и пониженіе цѣнъ сахара которая давно уже замѣчается на нашихъ сахарныхъ рынкахъ и грозитъ стать хроническою болѣзнью. Не поведетъ ли къ ея прекращенію разрѣшеніе рафинаднаго вопроса, — конечно не въ ущербъ свеклосахарной промышленности въ которую затрачены большіе капиталы и которая даетъ не малыя выгоды и заработки массамъ сельскаго и заводскаго рабочаго люда?

На ряду съ мыслью о распространеніи таможенной мѣры принятой по одной черноморской границѣ Закавказья на всю нашу европейскую границу, стоитъ другая, которая не разъ высказывалась въ нашемъ торгово-промышленномъ мірѣ — о распространеніи общаго таможеннаго тарифа на всю сухопутную границу Закавказья. Пока этого не сдѣлано, пока изъ Азіятской Турціи и Персіи разные мануфактурные и иные товары будутъ провозиться съ оплатой спеціально низкими пошлинами, цѣль для которой закрытъ Закавказскій транзитъ не будетъ вполнѣ достигнута, дѣло останется недодѣланнымъ, незавершен-

нымъ. Не для снабженія нищенствующихъ Персіянъ будутъ идти чрезъ Трапезунтъ иностранные транзитные товары, но для водворенія ихъ у насъ въ Закавказьѣ подъ видомъ привозимыхъ изъ Турціи и Персіи. Какъ въ Закавказскомъ транзитѣ интересовалъ иностранцевъ сбытъ товаровъ не столько въ Персію сколько въ Закавказье, такъ и въ Трапезунтскомъ транзитѣ сбытъ товаровъ въ Закавказье стоитъ на первомъ планѣ, и ради именно этого сбыта всего скорѣе можетъ быть приступлено къ улучшенію ведущихъ отъ Трапезунта транзитныхъ путей. Оградивъ русскую промышленность и торговлю отъ подрыва со стороны Поти, Тифлиса и Баку, необходимо докончить дѣло огражденіемъ ея и отъ подрыва со стороны закавказской сухопутной границы. Распространеніе на эту границу нашего общаго таможеннаго тарифа и упраздненіе Батумскаго порто-франко, вотъ два вопроса поставленные на ближайшую очередь самымъ актомъ отмѣны Закавказскаго транзита.

№ 150.

Москва, 31-го мая.

Ни въ чемъ такъ не сказалась теперешняя приниженность Франціи и ея политическое безсиліе какъ въ толкахъ по поводу затѣваемой ею экспедиціи въ Тонкинъ. Франція готовится отомстить далекимъ варварамъ за пораженіе нанесенное ими предательскимъ образомъ горсти французскихъ храбрецовъ брошенныхъ своимъ правительствомъ на произволъ случая. Французское правительство въ послѣднее время было слишкомъ занято вопросами о самомъ себѣ, и оно столько разъ смѣнялось что о преемственности политики, особливо на такомъ далекомъ пунктѣ какъ восточное азіятское побережье, не могло быть и рѣчи. Неудивительно поэтому что гарнизонъ въ Тонкинѣ былъ буквально забытъ. Но вотъ грянулъ ударъ, и нельзя было не встрепенуться. Съ лихорадочною поспѣшностью принялись во Франціи за снаряженіе экспедиціи въ индо-китайскія колоніи, дабы „смыть позоръ нанесенный французскому знамени.“ Это дало толчокъ и вопросу объ отношеніяхъ между Франціей и Китаемъ, которыя въ послѣднее время очень запутались благодаря тому что правительство отказалось утвердить трактатъ заключенный его посланникомъ въ Пекинѣ, относительно разграниченія взаимныхъ притязаній Франціи и Китая на восточный берегъ индо-китайскаго полуострова.

Но тутъ-то и обнаружилось до какой степени Французское правительство, шаткое внутри, безсильно и не можетъ сдѣлать рѣшительнаго шага безъ риска втянуть Францію въ обширную и вовсе для нея нежелательную войну съ Китаемъ, а быть-можетъ и не съ однимъ Китаемъ.

Китайское правительство, очевидно, понимаетъ что Франція теперь уже не та грозная держава которая сумѣетъ превозмочь всѣ трудности, когда дѣло идетъ о возстановленіи ея значенія между отдаленными народами. Китай самымъ недвусмысленнымъ образомъ предостерегаетъ Францію и грозитъ ей войной въ случаѣ если она будетъ дѣйствовать въ Тонкинѣ и Аннамѣ безъ предварительнаго съ нимъ соглашенія, то-есть если Франція не признаетъ притязаній Китая на верховную надъ этими странами власть. Въ этомъ смыслѣ высказался китайскій посолъ маркизъ Цзенгъ во время своего пребыванія въ Москвѣ корреспонденту *Агентства Гаваса*, и сообщеніе этого *Агентства*, переданное по телеграфу въ Парижъ, вызвало тамъ сильнѣйшую сенсацію. Въ противность увѣреніямъ, высказаннымъ недавно во французскомъ сенатѣ, что Франція не имѣетъ повода опасаться столкновенія съ Китаемъ, хотя она намѣрена примѣрно наказать виновниковъ гибели г. Ривьера, маркизъ Цзенгъ заявилъ что война между Франціей и Китаемъ весьма вѣроятна если Французское правительство будетъ дѣйствовать въ томъ духѣ какъ говорилъ г. Шальмелъ-Лакуръ въ сенатѣ.

По послѣднимъ сообщеніямъ парижскихъ газетъ, возможность войны съ Китаемъ дѣйствительно предусматривается и, сообразно съ этимъ, экспедиція снаряжаемая въ Азію приняла весьма обширные размѣры.

Но этимъ дѣло не ограничивается. Противъ Франціи раздаются еще другія, болѣе грозныя, предостереженія со стороны Англіи. При первомъ слухѣ о томъ что Франція намѣрена энергически дѣйствовать въ Тонкинѣ, газета *Times* поспѣшила возвысить свой голосъ. „Если походъ Франціи въ Тонкинъ, замѣтила лондонская газета, приведетъ къ столкновенію

ея съ Китаемъ, то это тотчасъ же затронетъ и британскіе интересы. Намъ нельзя будетъ оставаться равнодушными зрителями событій которыя могутъ повредить нашимъ обширнымъ торговымъ интересамъ въ той сторонѣ. Но и помимо торговыхъ интересовъ, сосѣдство Франціи въ Индо-Китаѣ для насъ также мало желательно какъ и для Китая. Франція повидимому полагаетъ что мы будемъ относиться равнодушно къ ея территоріяльнымъ пріобрѣтеніямъ въ отдаленныхъ частяхъ свѣта въ вознагражденіе за то что она предоставила намъ распоряжаться какъ мы хотѣли въ Египтѣ. Но наше правительство отнюдь не раздѣляетъ этого взгляда. Флибустьерскія предпріятія Франціи въ Мадагаскарѣ и на западѣ Африки намъ не нравятся; но тутъ мы ей мѣшать не будемъ. Въ Тонкинѣ же дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе, и весьма можетъ быть что наше правительство сочтетъ нужнымъ провести тамъ черту далѣе которой оно не потерпитъ дѣйствій Франціи."

Въ томъ же духѣ высказался и органъ премьера, *Daily News.*

На эти, весьма недвусмысленныя, угрозы со стороны Англіи, парижская печать возразила съ крайнимъ раздраженіемъ, и раздраженіе отозвалось даже въ офиціальной рѣчи г. Шальмель-Лакура по поводу экспедиціи въ Тонкинъ. Французскій министръ сказалъ что онъ надѣется что Китай не поддастся „коварнымъ и злобнымъ" внушеніямъ подстрекающимъ его къ открытой враждѣ противъ Франціи.

Среди этой ожесточенной полемики, одинъ изъ близкихъ къ Французскому правительству органовъ, газета *Temps,* вздумала въ свою очередь пригрозить Англіи. Угроза эта довольно куріознаго свойства; она заключается въ томъ что, въ случаѣ антагонизма между Франціей и Англіей, Россія „можетъ возобновить Восточный вопросъ" предъявивъ свои притязанія на турецкую часть Арменіи. Эта перспектива возобновленія Восточнаго вопроса должна де служить предостереженіемъ для Англіи, дабы она имѣла въ виду что если она окажетъ поддержку Китаю противъ Франціи, Франція въ свою очередь окажетъ Россіи поддержку противъ Англіи.

Мы однако не слыхали чтобы Россія предприняла съ своей стороны какой-либо самостоятельный шагъ по поводу Арменіи. Все что она дѣлала въ этомъ отношеніи, то дѣлала въ совокупности съ прочими державами. Сама Англія, напротивъ, приняла на себя въ послѣднее время заступничество за турецкую Арменію, и лордъ Дёфферинъ, имѣвшій по этому поводу нѣсколько энергическихъ объясненій съ султаномъ, навлекъ на себя крайнее неудовольствіе турецкихъ и туркофильскихъ газетъ, которыя обозвали его „англійскимъ Меншиковымъ." Газеты эти объясняютъ настоянія Англіи на счетъ Арменіи тѣмъ что г. Гладстонъ имѣетъ въ виду отказаться отъ трактата лорда Биконсфильда съ Портой объ уступкѣ Англіи Кипра, взамѣнъ котораго Англія обязалась гарантировать Турціи ея владѣнія въ Малой Азіи.

Если это такъ, то французская газета едва ли удачно попала своею угрозой. Кстати, нельзя не припомнить появившуюся недавно въ *Daily News* обширную корреспонденцію изъ Эрзерума, въ которой выставлялось съ одной стороны бѣдственное положеніе части Арменіи оставшейся во власти Турціи и цвѣтущее состояніе провинціи отошедшей къ Россіи и предлагалось ей присоединить къ себѣ всю Арменію....

Куріозно что теперь съ разныхъ сторонъ за Россію и отъ ея имени поднимаютъ вопросы о которыхъ еще такъ недавно не позволяли ей заикнуться, и наконецъ навязываютъ ей стяжанія на Востокѣ?..

№ 151.

Москва, 1-го іюня.

О великомъ праздникѣ Русской земли все еще встрѣчаемъ множество отзывовъ въ иностранной печати, въ особенности же въ газетахъ славянскихъ. О прекрасныхъ, исполненныхъ братской любви и преданности отзывахъ Черной Горы на русскій праздникъ сообщали мы въ свое время, сообщаемъ и сегодня. Полученныя сегодня болгарскія газеты свидѣтельствуютъ что братскія узы между Болгаріей и Россіей, скрѣпленныя кровью, не только не ослабѣли, какъ это было бы желательно иностраннымъ интриганамъ ведущимъ усиленную агитацію на Балканскомъ полуостровѣ, но повидимому еще болѣе укрѣпились. Мелкія недоразумѣнія, происходившія въ послѣднее время между Болгарами и нѣ-

которыми изъ Русскихъ на болгарской службѣ; забыты въ виду великаго событія совершившагося 15 мая въ Москвѣ, и *вся* Болгарія ликуетъ такъ же искренно какъ и Россія. Надобно замѣтить что не только въ княжествѣ Болгарскомъ, но и въ находящейся подъ турецкимъ владычествомъ Восточной Румеліи, великій русскій праздникъ чествовался какъ свой. Изо всѣхъ почти городовъ получены заявленія и адресы съ выраженіемъ горячей преданности Русскому Царю и Россіи. Полученный вчера нумеръ издаваемой въ Филиппополѣ и весьма распространенной болгарской газеты *Марица* весь напечатанъ, въ знакъ радости по случаю коронованія Русскаго Царя, золотыми буквами; первая страница газеты украшена роскошною каймой изъ національныхъ цвѣтовъ. Не менѣе сочувственно и восторженно отзываются о коронаціи и издаваемыя въ Австріи славянскія газеты какъ *Pozor*, *Sloboda*, *Српски Лист* и другія.

Только офиціозная печать всѣмъ обязанной намъ Сербіи (оппозиціонныхъ сербскихъ газетъ мы не получаемъ, такъ какъ ихъ не пропускаетъ въ Россію австрійская цензура) и главнымъ образомъ органъ нынѣшняго кабинета, *Видело*, не сочли нужнымъ сказать ни единаго сочувственнаго слова при полученіи извѣстія о совершившемся въ Москвѣ торжествѣ. *Видело* ограничилось тѣмъ что перепечатало изъ враждебныхъ Россіи австрійскихъ и польскихъ газетъ разныя инсинуаціи. Это чрезмѣрное и слишкомъ показное стараніе подслужиться Австріи врядъ ли угодно даже вѣнскимъ и пештскимъ патронамъ нынѣшняго Сербскаго кабинета. Во всякомъ случаѣ, лишенное всякаго достоинства поведеніе — плохая политика, которая не можетъ заслужить ничего кромѣ презрѣнія даже отъ тѣхъ предъ кѣмъ пресмыкается.

Страннымъ должно показаться, въ самомъ дѣлѣ, что весь православный славянскій міръ, не исключая *сербскихъ* странъ какъ Черногорія, Хорватія, Далматія, выражаютъ радость по случаю русскаго торжества, а независимая, благодаря Россіи, Сербія такъ отозвалась въ своемъ офиціозномъ органѣ, что лучше бъ было просто промолчать.

Было бы несправедливо обвинять весь Сербскій народъ за постыдный образъ дѣйствій его нынѣшнихъ правителей. По сообщенію *Политической Корреспонденціи*, именитые граждане Ужицкаго округа (того самаго гдѣ нѣсколько дней тому назадъ происходили серіозные безпорядки, причина коихъ по настоящее время все еще „не выяснена“) отправили Государю Императору адресъ со множествомъ подписей, въ коемъ выражаютъ желаніе чтобы „Покровитель всѣхъ Славянъ, Другъ и Благодѣтель Сербскаго народа, жилъ много лѣтъ на страхъ своихъ враговъ и враговъ Славянства.“ Это выраженіе преданности Русскому Государю наглядно доказываетъ что народное чувство не изсякло въ Сербіи и не имѣетъ ничего общаго съ поведеніемъ его правителей.

Въ Сербскомъ народѣ стараются распространить мнѣніе будто Россія намѣрена захватить всѣ славянскія страны, и что тѣсное сближеніе съ нею можетъ быть опасно для сербской національности. При связи съ Австріей, говорятъ они, „Сербы все-таки останутся Сербами и имъ не угрожаетъ никакой опасности быть обращенными въ Нѣмцевъ.“ Послѣднія событія могли каждому показать какъ превратны эти инсинуаціи. Россія не захватила ни одного клочка славянской земли на Балканскомъ полуостровѣ, а Боснія и Герцеговина заняты австрійскими войсками... Правители Сербіи воображаютъ себѣ быть-можетъ (они по крайней мѣрѣ объ этомъ постоянно съ паѳосомъ говорятъ) что политика ихъ чисто національная и что они не зависятъ и не желаютъ зависѣть ни отъ кого. Но не говоря уже о Черногоріи, даже Румынія, которая болѣе соприкасается съ Австріей, сумѣла поставить себя въ положеніе гораздо болѣе независимое чѣмъ Сербія въ послѣдніе годы. Въ Дунайскомъ вопросѣ патріотическій образъ дѣйствій Румынскаго правительства заслуживаетъ всякаго уваженія. Нота Англіи въ коей Румынія приглашается признать постановленія Дунайской конференціи не имѣла въ Букурештѣ успѣха. Уже изъ тронной рѣчи Румынскаго короля при открытіи текущей сессіи палатъ было очевидно что Румынія рѣшилась энергически защищать свои верховныя права на своей территоріи, то-есть на той части Дуная которая омываетъ берега Румыніи. На дняхъ отправился въ Лондонъ румынскій посланникъ Гика, который вручитъ отвѣтъ своего правительства на англійскую ноту. Документъ этотъ еще не обнародованъ, но содержаніе его уже извѣстно. Румынія на-

отрѣзъ отказывается предоставить Австріи въ своихъ водахъ такія права какія Австрія никогда не предоставила бы иностранной державѣ въ своихъ. Рѣшительный протестъ Румыніи противъ нѣкоторыхъ постановленій Дунайской конференціи былъ энергически поддержанъ и *вассальною* Болгаріей, правители коей также показали себя гораздо болѣе самостоятельными чѣмъ правители „свободной" Сербіи.

№ 152.

Москва, 2-го іюня.

Въ настоящемъ году германскіе дипломаты были особенно дѣятельны. Германія заключила новый политическій союзъ, вступила въ торговые договоры съ Сербіей, Италіей, Мексикой, оканчиваетъ сдѣлку съ Испаніей. Какъ всегда, германскіе дипломаты вышли побѣдителями изъ затрудненій, даже съ Испаніей, обнаружившею особенную недовѣрчивость и упорство. Не ладятся только переговоры съ Римомъ, начатые еще въ прошломъ году въ видахъ примиренія. Пруссія обнаружила въ этихъ переговорахъ рѣдкую уступчивость; но чѣмъ уступчивѣе были германскіе дипломаты, тѣмъ болѣе расли притязанія куріи, и дѣло кончилось все-таки тѣмъ что переговоры пришлось прервать и попытаться достигнуть цѣли путемъ самостоятельнаго законодательства по дѣламъ католической церкви. „Не могла же Пруссія, замѣчаютъ нѣмецкіе офиціозные органы, согласиться на требованія Ватикана, явно разчитанныя на подрывъ авторитета государственной власти" и даже на подрывъ значенія Пруссіи, такъ какъ Ватиканъ отказывалъ ей въ тѣхъ самыхъ уступкахъ какія имъ сдѣланы были другимъ германскимъ владѣніямъ, напримѣръ Виртембергу. Самостоятельный шагъ Прусскаго правительства въ дѣлѣ церковно-политическаго законодательства, эта „попытка органическаго пересмотра майскихъ законовъ"—чего и добивались въ Римѣ—„но предпринятая безъ соглашенія съ куріей" только раздражала ее. „Въ Ватиканѣ, пишетъ римскій корреспондентъ *Вестфальскаго Меркурія*, въ Ватиканѣ видятъ что Пруссія старается установить modus vivendi со своими католическими подданными помимо соглашенія съ папой, но смотрятъ на эту попытку какъ на дипломатическую иллюзію, такъ какъ путь къ дѣйствительному соглашенію лежитъ чрезъ Римъ, гдѣ очень хорошо знаютъ что Прусское правительство во вѣки вѣчные не добьется отъ своихъ католиковъ и ихъ парламентскихъ представителей того на что не послѣдовало соизволеніе папы." Въ прусскихъ офиціальныхъ сферахъ думаютъ, въ сущности, едва ли не такъ же: „новый порядокъ дастъ бо́льшую возможность соглашенія между органами государства и церкви," замѣчаетъ *Провинціальная Корреспонденція*.

Но этой-то „большой возможности соглашенія" и не хотятъ видѣть тѣ на чье пониманіе Прусское правительство преимущественно разчитывало; въ парламентскихъ кругахъ, правительственный проектъ отвергается въ его настоящей редакціи, а какая будетъ дана ему редакція въ парламентской коммиссіи, куда онъ переданъ теперь, предвидѣть нельзя. Одни находятъ уступки правительства ничтожными; другіе, наоборотъ, слишкомъ большими, „шагомъ въ Каноссу." Прекращенія „культурной борьбы" законопроектъ во всякомъ случаѣ не достигнетъ. Да не въ самомъ ли выраженіи „культурная борьба" заключается отчасти трудность ея прекращенія? спрашиваетъ органъ князя Бисмарка, *Сѣверо-Германская Газета*. Фальшивое названіе вещи ведетъ къ недоразумѣніямъ и портитъ сужденія. „Культурною борьбой" назвали пререканія между государствомъ и католическою церковью. Теперешній законопроектъ старающійся смягчить эти пререканія былъ бы вѣроятно оцѣненъ всѣми еслибы нѣкоторыя головы не были сбиты съ толку словомъ Kulturkampf. Борьба, такъ думаютъ они, должна вести непремѣнно къ побѣдѣ одной и къ пораженію другой стороны. Каждый, конечно, хочетъ быть побѣдителемъ, и никто не желаетъ быть побѣжденнымъ. *Сѣверо-Германская Газета* полагаетъ что кличка „культурная борьба" тѣмъ болѣе неудачна что боевой задоръ теперь значительно ослабѣлъ. Той страстности, той напряженности съ которыми борьба велась еще нѣсколько лѣтъ назадъ теперь дѣйствительно нѣтъ. Однако, поводы къ борьбѣ остаются все тѣ же что и прежде. Точно такъ же несправедливо будто „культурная борьба" есть только пререканіе между государствомъ и католическою церковью. Съ самаго начала Гер-

манское имперское правительство имѣло дѣло не съ однимъ Ватиканомъ, а съ цѣлою коалиціей. Союзники шли разными путями, но къ одной цѣли,—къ ослабленію государства. Клерикалы, партикуляристы, Поляки, таковъ первоначальный составъ этой коалиціи, къ которой, въ видахъ поддержанія борьбы, присоединились потомъ крайніе элементы либераловъ. Ватикану принадлежитъ въ „культурной борьбѣ“ выдающаяся роль, но курія сама по себѣ, *одна*, не можетъ прекратить борьбу. Всякая попытка ея въ этомъ направленіи встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны союзниковъ, достаточно сильныхъ чтобы помѣшать главнымъ враждующимъ сторонамъ обнаружить взаимную уступчивость, необходимую для прекращенія борьбы. Борьба въ послѣднее время нѣсколько ослабѣла, но потому что ослабѣлъ было одинъ изъ главныхъ элементовъ коалиціи, партикуляристы, изъ которыхъ состоитъ большинство партіи центра. Цѣли къ которымъ стремятся партикуляристы теперь не тѣ что въ первые годы по возстановленіи имперіи: онѣ измельчали. Виндторстъ, стремившійся нѣкогда къ возстановленію Ганноверскаго королевства, теперь думаетъ лишь о матеріальныхъ, чисто финансовыхъ выгодахъ Ганноверской династіи. Но если у германскихъ партикуляристовъ ослабѣлъ боевой задоръ, то онъ растетъ у Поляковъ: ласкательства Австро-Венгерскаго правительства и наша податливость въ соглашеніи съ Ватиканомъ опять пробуждаютъ въ нихъ несбыточныя надежды. Въ свою очередь, прогрессисты и сецессіонисты стараются поддержать выгодную для нихъ борьбу.

Пока эти боевые элементы не успокоены, пока Германія не справилась окончательно съ партикуляристами, не охладила польскихъ мечтаній и не уняла того задора съ какимъ выступили въ послѣднія двѣ парламентскія сессіи прогрессисты, культурная борьба не прекратится.

Это въ Берлинѣ понимаютъ не хуже чѣмъ въ Ватиканѣ, и если оттуда все-таки велись переговоры, то на это имѣлась особая причина. Въ самомъ дѣлѣ, что ослабило партикуляристовъ и осадило ихъ притязанія? Рядъ законодательныхъ мѣръ содѣйствовавшихъ упроченію внутренняго единства Германіи и измѣнившихъ прежніе взгляды на самый актъ объединенія. Точно такой же рядъ законовъ смягчилъ разладъ между католическою церковью и государствомъ. Благодаря именно этимъ законамъ стали возможны и переговоры, о которыхъ еще недавно и слышать не хотѣли въ Ватиканѣ. Прусское правительство не тщится покончить борьбу съ коалиціей однимъ ударомъ; оно слѣдуетъ системѣ обѣщающей хотя и не скорый, но вѣрный и прочный успѣхъ. Оно ослабляетъ одного за другимъ союзниковъ Ватикана, и подрываетъ коалицію. Культурная борьба можетъ быть кончена не какимъ-либо дипломатическимъ инструментомъ, разомъ, вдругъ. Она кончится *измором*. Переговоры которые вело недавно въ Римѣ Прусское правительство привели его къ новому церковному законопроекту. Если онъ пройдетъ въ палатѣ—все равно въ какомъ видѣ—это послужитъ поводомъ къ новымъ переговорамъ.

№ 153.

Москва, 3-го Іюня.

Въ Первомъ Департаментѣ Правительствующаго Сената разбиралось недавно дѣло характеризующее сбивчивость воззрѣній въ нашихъ судебныхъ сферахъ. Случай этотъ тѣмъ примѣчательнѣе что дѣло разбиралось въ *Первомъ* Департаментѣ Сената, который есть учрежденіе административно-судебное, но по своему положенію и отчасти по составу мало разнится отъ чисто судебныхъ департаментовъ Сената. Подробности дѣла мы заимствуемъ изъ петербургскихъ такъ называемыхъ „либеральныхъ“ газетъ, которыя вдвойнѣ ликуютъ по этому поводу, вопервыхъ, потому что рѣчь идетъ объ обложеніи контрибуціей *православнаго* монастыря (католическія церкви и монастыри западнаго края пользуются сочувствіемъ нашихъ либераловъ), а вовторыхъ, потому что Сенатъ сталъ въ оппозицію съ совокупнымъ мнѣніемъ министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ, бывшаго главноуправляющаго 2-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи и оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода.

Вотъ въ чемъ заключается это дѣло, на основаніи тенденціознаго изложенія петербургскихъ газетъ: Саровская пустынь, въ Темниковскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи, владѣетъ въ этомъ уѣздѣ лѣсною да-

чей строеваго лѣса, приносящею обители значительный доходъ. Въ 1865 году Темниковская уѣздная управа затребовала отъ настоятеля пустыни свѣдѣнія о томъ на какихъ документахъ основано право собственности монастыря, и усмотрѣвъ изъ оныхъ что лѣсная дача принадлежитъ монастырю „по купчимъ крѣпостнымъ, дарственнымъ записямъ и уступнымъ актамъ, *Высочайше утвержденнымъ* за Саровскою пустынью еще въ 1730 году," сочла себя въ правѣ внести эти земли въ смѣту раскладки земскихъ повинностей на 1865 годъ, и съ тѣхъ поръ вносила это монастырское имущество въ свои смѣты ежегодно, причемъ раскладка ни разу не была опротестована губернаторомъ. За то монастырское начальство настойчиво отвергало законность предъявленнаго къ нему требованія именно потому что обложенное имущество утверждено за нимъ правительствомъ на содержаніе монастыря, а такое имущество по закону (прилож. къ ст. 55 Уст. о земскихъ повинностяхъ) земскому обложенію не подлежитъ. Земская же управа мотивировала свое требованіе тѣмъ что земли принадлежащія монастырю „не принадлежатъ *исключительно* къ числу дарованныхъ правительствомъ," хотя по межевымъ актамъ земли значатся данными отъ казны. На этомъ основаніи управа обложила земскимъ сборомъ *всѣ* земли Саровской пустыни. Такъ дѣло тянулось въ теченіе 15 лѣтъ: земство ежегодно облагало монастырскія земли, а тамбовскій губернаторъ не протестовалъ; настоятель же пустыни отказывался подчиниться требованію земскаго собранія, признавая его противозаконнымъ, и наконецъ, въ 1879 году, осаждаемый полиціей, которая настойчиво требовала уплаты накопившейся за 15 лѣтъ недоимки, обратился съ жалобой къ министру Внутреннихъ Дѣлъ, прося пріостановить взысканіе съ обители неправильно насчитанной на нее недоимки. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ снесся предварительно съ министромъ Финансовъ, съ главноуправляющимъ Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи и съ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода и на основаніи единогласнаго заключенія всѣхъ этихъ правительственныхъ лицъ призналъ что земли Саровской пустыни не должны подлежать обложенію земскими сборами, и что сталобыть не можетъ быть никакой недоимки; вслѣдствіе чего министръ предписалъ тамбовскому губернатору, а сей послѣдній губернскому правленію, недоимку сложить.

На это распоряженіе министра Внутреннихъ Дѣлъ Темниковская уѣздная земская управа принесла, чрезъ одного изъ петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, жалобу въ Первый Департаментъ Сената. „Гг. сенаторы Перваго Департамента," сообщаютъ торжествующимъ тономъ петербургскія газеты, „единогласно заключили: распоряженіе тамбовскаго губернатора во исполненіе сообщенія министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 9 марта 1879, по вопросу объ обложеніи земскимъ сборомъ земель Саровской пустыни и опредѣленіе Тамбовскаго губернскаго правленія о пріостановленіи взысканія недоимки земскаго сбора за время съ 1865 — 1880 годъ, какъ неправильныя, отмѣнить."

Не думайте однако что неправильность оказалась по существу дѣла, то-есть что Первый Департаментъ, вопреки мнѣнію четырехъ правительственныхъ лицъ, призналъ монастырское имущество подлежащимъ обложенію по закону. Нѣтъ, вопросъ этотъ, „какъ не дошедшій до разрѣшенія Правительствующаго Сената въ установленномъ порядкѣ," оставленъ безъ разсмотрѣнія. Распоряженіе министра Внутреннихъ Дѣлъ отмѣнено Сенатомъ лишь на томъ основаніи что мѣстный губернаторъ въ свое время не протестовалъ противъ обложенія монастырскихъ земель земскимъ сборомъ, „а потому онѣ должны быть признаны получившими согласіе губернатора и вошедшими въ законную силу."

Въ силу этого воззрѣнія, извѣстное распоряженіе, какъ бы оно ни было само по себѣ неправильно, становится непреложнымъ и обязательнымъ потому только что оно „вошло въ законную силу," не бывъ опротестовано тѣмъ правительственнымъ органомъ коему такой протестъ предоставленъ. *Судебное рѣшеніе* вступаетъ „въ законную силу" когда оно не обжаловано тою или другою стороною въ установленный срокъ. Въ силу юридической фикціи, оно становится формальною, для всѣхъ обязательною истиной, хотя бы даже противорѣчило существу истины. Но на данный случай фикція эта никакъ простираться не можетъ. Если частное лицо обратилось къ суду по своему дѣлу или подпало суду и не воспользовалось предоставленнымъ ему правомъ перенести дѣло на пересмотръ высшей инстанціи, то предпола-

гается что это частное лицо удовлетворено рѣшеніемъ суда и принимаетъ оное за истину. Но если земское собраніе, пользуясь властью облагать извѣстными тягостями различные классы населенія, перейдетъ предѣлы предоставленныхъ ему правъ, то можно ли утверждать что такая несправедливость можетъ превратиться въ актъ законный и справедливый на томъ лишь основаніи что мѣстный губернаторъ, коему закономъ предоставленъ контроль надъ земскими раскладками, плохо исполнилъ свою обязанность и пропустилъ безъ вниманія требованіе земства? Такой случай уже потому нельзя сравнивать съ вошедшимъ въ законную силу судебнымъ приговоромъ что тотъ на кого падаетъ неправильная раскладка земства отнюдь не обязанъ нести отвѣтственность за упущенія губернатора.

Въ данномъ случаѣ, очевидно, вопросъ могъ обсуждаться не иначе какъ по самому существу его: подлежатъ ли или не подлежатъ земскому обложенію монастырскія имущества утвержденныя правительствомъ за монастырями какъ источникъ для ихъ содержанія. Мы знаемъ что относительно земель Саровской пустыни высшіе представители власти высказались противъ притязаній земства и въ пользу пустыни. Требованіе земскаго собранія признано незаконнымъ. А незаконное распоряженіе земскаго собранія *ни для кого не обязательно*. Это ясно выражено въ самомъ законѣ. Ст. 14 приложенія къ ст. 84 Положенія о земскихъ учрежденіяхъ (правила о порядкѣ производства дѣлъ въ земскихъ, дворянскихъ и городскихъ общественныхъ и сословныхъ собраніяхъ) гласитъ такъ: „Постановленіе сословнаго или общественнаго собранія противное законамъ не подлежитъ, какъ недѣйствительное, ни исполненію, ни дальнѣйшему производству.“

Такимъ образомъ, если постановленіе Темниковскаго земскаго собранія о привлеченіи Саровской пустыни къ земской раскладкѣ противно законамъ (что признано высшими органами правительства и не опровергнуто Сенатомъ), то оно, въ силу приведеннаго, спеціально до земства относящагося закона, было *недѣйствительно* съ самаго начала и не могло получить законную силу лишь потому что къ этому нарушенію земствомъ закона прибавилось упущеніе губернатора.

А между тѣмъ Первый Департаментъ Сената, если вѣрить петербургскимъ газетамъ, высказался именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, примѣнивъ къ дѣлу чисто судебное понятіе о *res judicata*.

Впрочемъ, рѣшеніе Перваго Департамента Сената по указанному дѣлу еще само по себѣ не „вошло въ законную силу,“ такъ какъ, по словамъ тѣхъ же газетъ, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода съ этимъ рѣшеніемъ не согласился, вслѣдствіе чего оно подлежитъ пересмотру общаго собранія первыхъ трехъ департаментовъ и Департамента Герольдіи.

№ 154.

Москва, 4-го іюня.

А.

На дняхъ, одна изъ нашихъ такъ-называемыхъ либеральныхъ газетъ трунила надъ княземъ Бисмаркомъ не сумѣвшимъ де справиться съ католическимъ клерикализмомъ, тогда какъ Французская республика гораздо успѣшнѣе ведетъ войну съ Ватиканомъ. „Римская курія, сказано въ этой газетѣ, безсильная въ борьбѣ съ государственною властью ставшею на защиту человѣческихъ правъ и широкой гражданской свободы, оказывается непобѣдимою тамъ гдѣ ей приходится имѣть дѣло съ административно-полицейскимъ насиліемъ, гдѣ ея духовному абсолютизму противополагается абсолютизмъ чиновничьей власти (*Русскія Вѣдомости* 31 мая, № 147).“

Изъ этихъ словъ читатель долженъ вывести то нравоученіе что со внутренними врагами государства можетъ успѣшно бороться лишь правительство связанное парламентскими партіями и дѣйствующее посредствомъ „широкой гражданской свободы,“ безъ помощи администраціи и полиціи, не прибѣгая ни къ какимъ вынужденіямъ и „насиліямъ.“ Можетъ-быть дѣйствительно найдутся наивные читатели которые попадутся въ эту грубую ловушку и выведутъ желаемое газетой нравоученіе; но всякій знакомый съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ во Франціи и Германіи сразу разглядитъ фальшь.

Князь Бисмаркъ дѣйствительно идетъ теперь въ Каноссу: 24 мая онъ внесъ въ Прусскій парламентъ законопроектъ от-

мѣняющій существенныя положенія майскихъ законовъ 1874 и 1875 годовъ. Но что тому причиной? Система ли „административно-полицейскаго насилія и абсолютизма чиновничьей власти?“ Нѣтъ, всякому извѣстно что германскаго канцлера вынуждаетъ на уступки клерикаламъ процвѣтающій въ Пруссіи парламентаризмъ, съ которымъ волей-неволей приходится ему считаться. Поставленный въ необходимость набирать себѣ въ парламентѣ *большинство* для проведенія тѣхъ мѣръ какія требуются интересами Германской имперіи, князь Бисмаркъ долженъ былъ поневолѣ сообразоваться съ тѣмъ составомъ депутатовъ который выходилъ изъ избирательной лотереи съ фальшивымъ званіемъ „представителей народа.“ Канцлеръ искусною рукой составлялъ себѣ *большинство* то изъ націоналъ-либераловъ, то изъ консерватиовъ, относясь совершенно равнодушно къ тому *кто* принималъ его законы, лишь бы они дѣйствительно были приняты. Не будь онъ связанъ своею говорильней, онъ вѣрнѣе достигалъ бы своихъ цѣлей нежели теперь, когда ему то и дѣло приходится наталкиваться на мелкія интриги партій или на упорство доктринеровъ, и откладывать свои законопроекты. Въ настоящемъ парламентѣ, князь Бисмаркъ можетъ составить себѣ большинство только изъ консервативной партіи и партіи центра; но послѣднюю изъ этихъ партій, состоящую изъ католиковъ-клерикаловъ, необходимо чѣмъ-нибудь подкупить дабы сдѣлать ее послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства; подкупъ этотъ можетъ совершиться только посредствомъ отмѣны майскихъ законовъ, и вотъ князь Бисмаркъ, не имѣя возможности обойтись безъ парламентскаго большинства, принужденъ начать отступленіе съ позиціи занятой имъ десять лѣтъ тому назадъ въ „культурной борьбѣ.“ Сталъ ли бы онъ отступать еслибы дѣйствительно былъ свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ? Не будь въ Пруссіи доктринерской конституціи, сужденіе московской газеты о князѣ Бисмаркѣ имѣло бы нѣкоторое основаніе; теперь же оно само себя уничтожаетъ.

Еще несообразнѣе сужденіе высказанное относительно Франціи. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, „Римская курія потому безсильна въ борьбѣ съ государственною властью“ во Франціи что эта власть „стала на защиту человѣческихъ правъ и широкой гражданской свободы?“ Неужели весь секретъ пораженія клерикализма во Франціи заключается въ этой пустозвонной фразѣ? Въ данную минуту, власть во Франціи находится въ рукахъ партіи враждебной церкви не только Римской, но всякой. Та или другая политическая партія, захвативъ верховную власть въ свои руки, старается извлечь наибольшія выгоды изъ своего первенствующаго положенія и по возможности обезсилить своихъ противниковъ. Такъ поступили и французскіе антиклерикалы: наполнивъ своими людьми парламентъ, они выдѣлили изъ своей среды министровъ, которые и провели цѣлый рядъ законовъ лишившихъ Римскую церковь возможности бороться съ правительствомъ. Во многихъ другихъ вопросахъ оказывались несогласія между министрами и депутатами, министерства падали къ великому ущербу какъ внутренней такъ и международной политики государства, но въ борьбѣ съ церковью каждое новое министерство было всегда солидарно съ большинствомъ парламента и фанатически изгоняло клерикализмъ изъ армін, изъ школъ, изъ больницъ, даже изъ храмовъ. Къ тому же Французское правительство нисколько не стѣснялось разными соображеніями обязательными для германскаго канцлера. Князь Бисмаркъ велъ борьбу единственно съ римско-католическимъ духовенствомъ, религія же оставалась для Германскаго правительства неприкосновенною; поэтому и удары римско-католическому духовенству можно было наносить лишь съ величайшею осторожностью, дабы не задѣть религіозной совѣсти населенія. Совсѣмъ иное дѣло было во Франціи. Тамъ не дѣлалось различія между притязаніями римскаго духовенства и религіей, тамъ все выбрасывалось за бортъ. Французское правительство нисколько не церемонилось въ своей борьбѣ съ духовенствомъ и дѣйствовало самымъ радикальнымъ и сокрушительнымъ образомъ не стѣсняясь никакими насиліями. Администрація и полиція, тщательно подобранныя въ этомъ смыслѣ, были его орудіемъ и дѣйствовали съ великимъ усердіемъ и фанатическою энергіей. При чемъ же тутъ „государственная власть, ставшая на защиту человѣческихъ правъ и широкой гражданской свободы,“ которая, по увѣренію московской газеты, побѣдила Римскую курію? Не ясно ли что именно во Франціи-то курія и побѣждена

„административно-полицейскимъ насиліемъ и абсолютизмомъ чиновничьей власти.“

Не усматриваютъ ли *Русскія Вѣдомости* защиту человѣческихъ правъ и широкой гражданской свободы и въ томъ законѣ который на дняхъ былъ принятъ Французскою палатой депутатовъ 357 голосами противъ 129, и которымъ пріостанавливается доктринерскій принципъ о несмѣняемости судей, съ тою цѣлію чтобы дать возможность министру юстиціи смѣстить всѣхъ враждебныхъ существующему правительству судей и замѣнить ихъ людьми, преданными правительству? Противниками этого закона оказались только депутаты, открыто враждующіе противъ существующаго порядка: легитимисты, бонапартисты, интрансигенты. Партія поддерживающая правительство отдала магистратуру ему въ руки, находя невозможнымъ чтобы государство встрѣчало оппозицію и вѣроломную измѣну въ своихъ агентахъ потому только что они называются судьями.

Какой бы крикъ подняли наши „прогрессисты“ еслибъ у насъ всесильное правительство вознамѣрилось хоть немного очистить судебный персоналъ?

Очень можетъ быть что французскій сенатъ, въ которомъ засѣдаютъ многочисленные противники правительства, затормозитъ законъ о смѣняемости судей; но это не уничтожитъ значенія того факта что господствующая во Франціи партія не останавливается предъ рѣшительною мѣрой для огражденія существующаго государственнаго порядка, нисколько не заботясь о *теоретической* „защитѣ человѣческихъ правъ и широкой гражданской свободы,“ о которой болтаютъ наши „либералы“, забывающіе что *на дѣлѣ* истинная гражданская свобода тогда только и возможна когда она энергически поддерживается сильною государственною властью, дѣйствующею неуклонно и послѣдовательно.

Б.

Послѣ праздниковъ—будни, и снова начинается газетное вранье...

Петербургскія газеты, одна за другою, наперерывъ, съ неслыханнымъ безстыдствомъ, увѣряютъ свою публику будто *Московскія Вѣдомости*, во время коронаціонныхъ празднествъ, привѣтствовали открытіе какой-то *дворянской эры* и прославляли какой-то *дворянскій принципъ*, и приводятъ эти нелѣпыя выраженія во вносныхъ знакахъ, явно приписывая ихъ намъ. Ничего подобнаго ни по мысли, ни по выраженію въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* не было. Было сказано, по поводу Всемилостивѣйшихъ словъ обращенныхъ Государемъ Императоромъ къ волостнымъ старшинамъ, только то что сосѣдямъ слѣдуетъ жить ладно, и выражено желаніе чтобъ интересы какъ помѣстнаго дворянства, такъ и крестьянства, для пользы обоихъ сословій, были сколь можно болѣе солидарны. Это принципъ столько же дворянскій, сколько и крестьянскій.

Изъ какихъ же побужденій морочатъ свою публику петербургскія газеты? Если онѣ не раздѣляютъ желанія чтобы помѣстное дворянство и крестьянство жили въ ладу, если есть люди которые старались и стараются сѣять раздоръ между ними,—то оправдывается ли этимъ ложь въ которой петербургскія газеты стараются перещеголять одна другую? Впрочемъ, мы очень хорошо понимаемъ что въ этомъ случаѣ служимъ только передаточнымъ пунктомъ.

В.

Въ петербургской нѣмецкой газетѣ *Герольдъ* появилась вчера слѣдующая замѣтка:

„Въ послѣднемъ нумерѣ латышской газеты *Baltias Semkapis* между прочимъ напечатано слѣдующее:

„„Съ отмѣною крѣпостнаго права крестьяне въ Прибалтійскихъ губерніяхъ пріобрѣли первое и священнѣйшее достояніе „человѣка—свободу, но не получили надѣла землей. Такимъ образомъ, бывшіе „крѣпостные обратились въ пролетаріатъ, „то-есть въ людей не имѣющихъ никакой „собственности. Латышскій народъ пережилъ вслѣдствіе этого тяжелыя времена, „отнюдь не лучшія чѣмъ періодъ его крѣпостнаго состоянія. Это времена барщины „которую крестьяне несли принужденные „голодомъ исполнять всѣ требованія землевладѣльца, отъ воли котораго зависѣло „лишить ихъ и этого заработка.

„„Милостями Русскаго Царя одна часть „нашего крестьянскаго населенія получитъ „теперь возможность купить себѣ въ собственность землю, ими обрабатываемую; „но большая часть ихъ, не землевладѣльцевъ, а *рабочихъ*, остаются въ томъ же „плачевномъ положеніи въ какомъ пребы-

„вали до сихъ поръ если оно не станетъ „еще хуже. Слуга и безъ того мало пользуется свободой; съ увеличеніемъ же населенія не только уменьшится размѣръ „его заработной платы, но и самое количество работы, и кто не захочетъ потерять ее вынужденъ будетъ во всемъ „подчиниться волѣ и прихотямъ доставляющихъ ему работу.“

Приводя эту выписку, которую, по словамъ *Герольда*, мѣстная цензура не дозволила „перепечатать“ *Рижской Газетѣ*, этотъ безцензурный нѣмецкій органъ, выставившій своимъ девизомъ: „одинаковыя права для всѣхъ,“ обрушился всею яростью негодованія и на латышскую газету, выразившуюся такимъ образомъ о положеніи мѣстнаго крестьянства, и на цензора, и на вице-губернатора дозволившаго столь „нигилистическую, революціонную и соціалистическую пропаганду съ разрѣшенія цензуры.“ *Герольдъ* негодуетъ по этому поводу въ какомъ-то экстазѣ, возмущаясь въ особенности тѣмъ, что при этой пропагандѣ осмѣливаются де всуе поминать имя вѣнценоснаго Монарха.

Но *Герольдъ*, зорко слѣдящій за всѣмъ что пишется въ русскихъ газетахъ и бойкимъ перомъ своего ежедневнаго обозрѣвателя, такъ-называемаго „беззаботнаго петербургскаго фланёра,“ касающійся всѣхъ нашихъ текущихъ событій, напрасно потратилъ столько пороха по поводу приведенныхъ имъ строкъ латышскаго публициста.

Герольду не безызвѣстно что въ русскихъ газетахъ много лѣтъ ведется непрерывная агитація, стремящаяся доказать что русское Положеніе о крестьянахъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, *надѣлившее бывшихъ крѣпостныхъ землею*, въ сущности *обдѣлило* ихъ таковою; что этой земли имъ досталось слишкомъ мало; что отъ этого крестьяне бѣдствуютъ, впали въ нищету и пьянство; что для спасенія *обиженныхъ* слѣдуетъ отвести имъ новые надѣлы, потѣснить для этого сосѣдей, переселять крестьянъ массами въ дальніе края на казенный счетъ, и пр. и пр.

Кто не помнитъ ретивыхъ статеекъ и таковыхъ же судебныхъ протоколовъ по поводу желанія управляющаго графа Бобринскаго добиться исполненія договоровъ заключенныхъ крестьянами съ вотчинною конторой?

Что въ сравненіи со всѣмъ этимъ harmlose Federzeichnungen цитированной *Герольдомъ* латышской газеты, въ которой высказаны желанія объ улучшеніи быта прибалтійскихъ батраковъ безо всякаго намека о проведеніи этой мѣры „насчетъ“ мѣстныхъ бароновъ?

№ 157.

Москва, 7-го іюня.

Ознаменовавшійся Священнымъ Коронованіемъ, минувшій май мѣсяцъ принесъ русскимъ рабочимъ населеніямъ цѣлый рядъ облегченій. Въ дополненіе къ рѣшенному еще прежде пониженію выкупныхъ платежей, состоялось почти полное прощеніе всѣхъ накопившихся выкупныхъ недоимокъ, а равно недоимокъ по податямъ и налогамъ замѣняющимъ выкупные платежи у бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ прощены всѣ недоимки по подушной подати и соотвѣтствующимъ ей сборамъ, а затѣмъ понижены самые оклады подати. Распространенное на всѣхъ плательщиковъ, это пониженіе, конечно, не могло быть для всѣхъ одинаковымъ. Подушные оклады у насъ весьма различны, смотря по мѣстностямъ и по разряду плательщиковъ въ одной и той же мѣстности. Такъ, напримѣръ, для удѣльныхъ крестьянъ подушный окладъ колеблется между 30 коп. (Чериковскій и Климовицкій уѣзды Могилевской губерніи) и 2 р. 93 коп. съ души (въ Саратовской губ.); для помѣщичьихъ крестьянъ—между 1 руб. 28 коп. (Опочецкій, Торопецкій и Холмскій уѣзды Псковской губ.) и 2 р. 93 коп. (Козловскій и Моршанскій уѣзды Тамбовской губ.); для государственныхъ крестьянъ отъ 1 руб. 45 коп. (Кемскій уѣздъ Архангельской губ.) до 4 руб. 53 коп. (Бендерскій, Аккерманскій и Хотинскій уѣзды Бессарабской губ.); для нѣкоторыхъ же плательщиковъ, напримѣръ для ямщиковъ Московской губеніи, подушный окладъ доходитъ до 14 рублей 10 коп. съ души. Вся эта неравномѣрность окладовъ была результатомъ стремленій соразмѣрить ихъ со средствами плательщиковъ, не одинаковыми въ разныхъ мѣстностяхъ и при различныхъ условіяхъ быта. Та же цѣль соблюденія возможной соразмѣрности между средствами плательщиковъ и тягостью обложенія не могла быть упущена изъ виду и при опредѣленіи раз-

личныхъ степеней обложенія подушной подати.

Особенно тяжело должна была ложиться подушная подать на два класса населенія: вопервыхъ на безземельныхъ крестьянъ приписанныхъ къ сельскимъ обществамъ безъ пріемныхъ приговоровъ, вовторыхъ на бывшихъ фабричныхъ и заводскихъ крестьянъ. Что касается первыхъ, то на практикѣ выходило одно изъ двухъ: или люди ни въ чемъ и ничѣмъ не обезпеченные должны были нести на себѣ такую же долю тягости какая падала на крестьянъ обезпеченныхъ землею, или же, при совершенной несостоятельности этихъ приписныхъ безземельныхъ людей, они становились тягостнымъ бременемъ для сельскихъ обществъ къ которымъ приписались помимо ихъ желанія. Затѣмъ, что касается такъ-называемыхъ бывшихъ заводскихъ и фабричныхъ крестьянъ, то условія обезпеченности ихъ быта, чего нельзя не признать, сложились менѣе благопріятно чѣмъ для многихъ другихъ сословій. Вслѣдствіе перемѣнъ въ таможенной политикѣ, частію предшествовавшихъ эманципаціи, частію сопровождавшихъ ее, фабрики и заводы, къ которымъ прежде причислялись эти крестьяне, частію закрылись, частію должны были переустроиться, причемъ не могли уже въ прежней мѣрѣ служить обезпеченіемъ быта бывшему приписному заводскому населенію, мало способному перейти къ другимъ видамъ труда отъ того къ которому пріобыкли съ дѣтства. Крѣпостныя отношенія прекратились для обѣихъ сторонъ; освобожденные отъ обязательнаго труда, заводскіе рабочіе лишились и обязательной поддержки со стороны заводчиковъ которымъ было только самимъ до себя въ тяжкую годину подрыва и погрома заводской промышленности причиненнаго чрезвычайными льготами какія давались привозу иностранныхъ металловъ. Въ послѣдніе годы горная промышленность обратила на себя вниманіе, коечто въ ея интересахъ уже сдѣлано и, быть-можетъ, наконецъ она очутится въ надлежащихъ условіяхъ способныхъ прочно обезпечить ея развитіе. Но въ ожиданіи пока такимъ образомъ откроются виды на увеличеніе заработковъ заводскаго населенія, необходимо было помочь ему теперь же, тѣмъ болѣе что часть его можетъ остаться въ сторонѣ отъ тѣхъ мѣстностей гдѣ заводская дѣятельность обѣщаетъ оказать серіозные успѣхи. Отсюда понятно почему, относительно льготъ по платежу подушной подати, необезпеченные постоянною работой бывшіе заводскіе и фабричные крестьяне приравнены къ крестьянамъ безземельнымъ приписавшимся къ сельскимъ обществамъ. Тѣ и другіе, съ 1 января 1884 года, совсѣмъ освобождаются отъ платежа подушной подати; по отношенію къ нимъ допущена полная отмѣна оной.

Затѣмъ, принимая во вниманіе что въ среднемъ выводѣ земельные надѣлы бывшихъ государственныхъ крестьянъ нѣсколько крупнѣе земельныхъ участковъ состоящихъ во владѣніи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, причемъ вносимые послѣдними выкупные платежи превосходятъ своими размѣрами оброчную подать и другіе сборы которыми обложены государственные крестьяне взамѣнъ выкупныхъ платежей, естественно было, въ видахъ уравновѣшенія тягости какою ложится подушная подать на тѣхъ и другихъ крестьянъ, дать бо́льшую льготу бывшимъ крѣпостнымъ крестьянамъ. Такъ и сдѣлано: съ 1 января будущаго года оклады подушной подати со всѣхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ всѣхъ губерній и областей уменьшены на половину. Такое же уменьшеніе вдвое нынѣшнихъ подушныхъ окладовъ распространено вообще на всѣхъ плательщиковъ подушной подати въ нѣсколькихъ губерніяхъ и уѣздахъ, гдѣ это признано необходимымъ во вниманіе къ особымъ мѣстнымъ условіямъ. Именно эта исключительная льгота распространена на Чердынскій уѣздъ Пермской губерніи, на Варнавинскій и Ветлужскій уѣзды Костромской, на Мглинскій и Суражскій уѣзды Черниговской, на Торопецкій, Великолуцкій и Холмскій уѣзды Псковской, почти на всю Новгородскую губернію (за исключеніемъ Боровицкаго и Череповецкаго уѣздовъ) и наконецъ на всю Смоленскую и на всю Самарскую губерніи. Во всѣхъ прочихъ мѣстностяхъ, для всѣхъ прочихъ плательщиковъ подушной подати не подходящихъ подъ выше упомянутые разряды, оклады ея понижаются съ 1 января на десять процентовъ.

Послѣ всѣхъ этихъ льготъ, вошедшія въ обычай жалобы на чрезмѣрную обременительность прямыхъ податей должны, полагаемъ, прекратиться. Можно, конечно, желать отмѣны всѣхъ прямыхъ личныхъ податей и замѣны ихъ косвенными налогами когда къ тому представится возмож-

ность, но нѣтъ болѣе основаній указывать на подушные сборы какъ на причину крестьянскаго обѣдненія, какъ на тормозъ въ улучшеніи быта сельскаго населенія. Разоряетъ крестьянъ, разстраиваетъ весь сельскій бытъ, вноситъ въ него всяческую неурядицу пьянство кабацкое и мірское, вольное и невольное. Вотъ коренное зло, противъ котораго требуются рѣшительныя мѣры если серіозно имѣть въ виду подъемъ народнаго благосостоянія. Если въ этомъ отношеніи оставить дѣла идти такъ какъ шли они до сихъ поръ, трудно ожидать чтобы всѣ дарованныя льготы повели къ тѣмъ добрымъ для крестьянъ послѣдствіямъ, какія несомнѣнно имѣлись въ виду при дарованіи ихъ. Съ крестьянъ снято тяготившее ихъ бремя недоимокъ, размѣры подушныхъ окладовъ сильно понижены, но это не даетъ гарантіи въ томъ что пониженныя подати будутъ поступать безнедоимочно, что недоимки вновь не накопятся. И до пониженія подушныхъ сборовъ не столько высота и обременительность ихъ вели къ накопленію недоимокъ, сколько тягость страшнаго кабацкаго налога который держитъ сельскій людъ въ состояніи хроническаго безденежья, при которомъ затруднительны и затрата необходимая въ хозяйственномъ быту, и уплата податей и сборовъ, какъ крупныхъ такъ и пониженныхъ. Для облегченія сельскаго населенія казна списала со счетовъ не одинъ десятокъ милліоновъ рублей числившихся въ долгу за недоимщиками и вмѣстѣ съ тѣмъ отказалась отъ полученія нѣсколькихъ милліоновъ рублей. Не подвергайся народъ на каждомъ шагу кабацкимъ соблазнамъ, ему, конечно, все это пошло бы въ пользу. Но много ли выиграетъ онъ если прощенное и не взятое казной поступитъ полностью, а пожалуй и съ лихвою, въ мошну кабачниковъ? Не ясна ли до очевидности необходимость какъ можно скорѣе покончить съ кабакомъ и освободить народъ отъ этой язвы, парализующей и обращающей почти въ ничто всякое даруемое народу благодѣяніе?

Нужно покончить съ кабакомъ, но въ не меньшей мѣрѣ необходимы мѣры и противъ мірскаго пьянства, которое подогрѣвается сосѣдствомъ кабака, но крѣпко держится даже и тамъ гдѣ кабакъ отсутствуетъ. Присмотритесь къ деревенскому быту: что вы увидите? Установился такой порядокъ что ни волостные, ни сельскіе сходы, на которыхъ судятся и рядятся всякія крестьянскія дѣла, безъ водки почти обойтись не могутъ. Ведро водки сдѣлалось какъ бы зерцаломъ крестьянскаго самоуправленія: все только предъ нимъ и во имя его вершится и постановляется. На крестьянскомъ судѣ приношеніе водкой требуется и отъ истца, и отъ отвѣтчика; штрафы съ виновныхъ во многихъ случаяхъ взимаются также водкой. И сельскій людъ волей-неволей долженъ подчиняться этому пьяному суду и терпѣть это не могущее держаться на ногахъ правосудіе. Спросите людей имѣвшихъ возможность дѣйствительно и серіозно, а не мимоходомъ и съ чужихъ словъ, ознакомиться съ бытомъ крестьянъ и ихъ самоуправленіемъ, — спросите ихъ чего только не дѣлается помощью водки, какихъ только приговоровъ не постановляютъ подпоенные сходы въ угоду подпоившему? Это хорошо знаютъ всѣ кабачники и другіе кулаки особенно успѣшно играющіе на этой струнѣ; это должно быть извѣстно и вообще всѣмъ кому приходилось имѣть дѣла съ крестьянскимъ міромъ. Повальное мірское пьянство до того вошло въ обычай что когда не съ кого потребовать водки подъ какимъ-нибудь предлогомъ, міръ ставитъ себѣ водку на счетъ общественныхъ мірскихъ суммъ, или забираетъ ее у кабачника въ долгъ, кредитуясь отъ имени сельскаго общества. Много говорятъ о крестьянскомъ малоземельѣ, о недостаточности въ крестьянскомъ пользованіи угодій. Но всѣ ли знаютъ какъ то одна, то другая полоса земли, какъ то одинъ, то другой клинъ этихъ угодій пропивается міромъ? Это дѣлается въ видѣ сдачи съемщикамъ, большею частью кому-нибудь изъ своихъ же односельчанъ, разныхъ якобы лишнихъ неудобныхъ для раздѣла клочковъ покоса, пашни, и т. д. Сколько извѣстно, ни одна изъ подобныхъ мірскихъ сдѣлокъ не обходится безъ доброй мірской попойки, на что и уходятъ получаемыя отъ съемщика деньги, изъ которыхъ рѣдко что перепадаетъ въ мірскую кассу. Пьянство на такихъ мірскихъ попойкахъ изъ вольнаго обращается въ невольное; пропивается при этомъ мірское добро, и каждый участникъ выпиваетъ въ немъ свою долю. Съ этихъ мірскихъ попоекъ, жены и дочери уводятъ домой пьяными людей обычно трезвыхъ и способныхъ даже не поддаваться кабацкимъ соблазнамъ.

Всѣ эти пьяные порядки практикуются

не годъ, не два, а уже цѣлыя десятилѣтія, и можно лишь удивляться что не все еще у насъ въ сельскомъ быту подъ дѣйствіемъ ихъ окончательно расшаталось. Но пора бы наконецъ перестать смотрѣть сквозь пальцы на эту пагубу, необходимо избавить народъ отъ этой пьяной неурядицы со всѣми ея печальными нравственными и матеріальными послѣдствіями. Требуется наложить строгій законодательный запретъ на мірское пьянство. Зло, конечно, не исчезнетъ сразу, по мѣстамъ мірское пьянство будетъ повторяться и послѣ запрета, но уже одно то что оно стало бы менѣе явнымъ и наглымъ, и повторялось бы рѣже и въ меньшихъ пріемахъ, было бы немалымъ успѣхомъ. Въ запретѣ мірскаго пьянства нашла бы себѣ опору лучшая часть міра которая желала бы противодѣйствовать пьяному теченію, но теперь не въ силахъ этого дѣлать не зная на что и на кого опереться.

№ 158.

Москва, 8-го іюня.

Вотъ уже нѣсколько дней какъ вся нѣмецкая печать только и говоритъ что объ удаленіи отъ „парламентской жизни" вожака національ-либераловъ Беннигсена. И друзья, и враги придаютъ этому „событію" большое значеніе. Пожалѣлъ о парламентскомъ дѣльцѣ даже имперскій канцлеръ, и это обстоятельство придаетъ „добровольной отставкѣ" Беннигсена особый интересъ, несмотря на то что національ-либералы составляютъ теперь далеко не крупную парламентскую партію.

Беннигсенъ служилъ этой партіи не только вожакомъ, но былъ центромъ къ которому все тянуло, былъ „цементомъ" связывавшимъ элементы изъ коихъ складывалась эта партія. Съ его выходомъ національ-либералы „потеряли всякое значеніе" и вѣсъ. Имъ придется, какъ полагаютъ, „сойти на нѣтъ," примкнувъ частію къ группамъ лѣвой стороны парламента, частью усилить такъ-называемыхъ парламентскихъ „дикихъ", то-есть группу депутатовъ не принадлежащихъ ни къ какой партіи.

А было время когда національ-либералы составляли сильнѣйшую партію, сначала въ сѣверо-германскомъ, а потомъ и въ имперскомъ парламентѣ. Это было время когда они шли рука объ руку съ имперскимъ канцлеромъ, поддерживали всѣ его планы. Такъ шло до 1877 года, когда между канцлеромъ и національ-либералами возникли первыя недоразумѣнія, вскорѣ затѣмъ перешедшія въ открытый разрывъ по вопросу о таможенной политикѣ. Недоразумѣнія 1877 года не обошлись національ-либераламъ даромъ: партія ослабѣла и на выборахъ потеряла не мало парламентскихъ мѣстъ. Окончательный разрывъ съ княземъ Бисмаркомъ привелъ партію въ состояніе разложенія. Она распалась тотчасъ же на двѣ группы, одна изъ коихъ продолжала именоваться, попрежнему, національ-либералами, за другою утвердилось названіе сецессіонистовъ. Этого было мало: всѣ наиболѣе видные люди партіи сложили свои полномочія, и сецессіонисты силой вещей принуждены были тѣснѣе примкнуть къ лѣвой сторонѣ, именно къ прогрессистамъ. Талантливая рука Беннигсена удерживала однако національ-либераловъ на прежнемъ мѣстѣ, въ качествѣ зерна изъ котораго онъ не разъ пытался создать новую среднюю партію. Дѣйствительно, съ паденіемъ прежнихъ національ-либераловъ правительственное большинство сдѣлалось совершенно случайнымъ и въ высшей степени ненадежнымъ. Съ лѣвою канцлеръ не могъ сдѣлать ни шагу, консерваторы обоихъ оттѣнковъ съ остатками національ-либераловъ были слишкомъ слабы. Волей-неволей пришлось входить въ сдѣлки съ партіей центра, содѣйствовать образованію такъ-называемаго клерикально-консервативнаго союза.

Но для политики Бисмарка клерикально-консервативный союзъ былъ и ненадежнымъ и невыгоднымъ союзникомъ, начиная съ необходимости дѣлать большія уступки въ борьбѣ съ католическимъ духовенствомъ. Еслибъ этими уступками выкупались, по крайней мѣрѣ, другія выгоды, князь Бисмаркъ можетъ-быть и помирился бы съ необходимостью, во всякомъ случаѣ только временною. Между тѣмъ, начиная съ 1866 года, князь Бисмаркъ не испытывалъ столь неудобнаго парламентскаго положенія какъ теперь. Въ теченіе трехъ лѣтъ, одинъ за другимъ тормозились, искажались, или вовсе отклонялись важнѣйшіе законопроекты имперскаго канцлера, неоднократно вынужденнаго обращаться къ

непосредственному вмѣшательству императора въ парламентскія дѣла, въ формѣ особыхъ посланій, въ которыхъ императоръ рекомендовалъ парламенту слѣдовать той или другой политикѣ или останавливалъ заносчивыя притязанія лѣвой, выигрывавшей въ силѣ, вслѣдствіе присоединенія къ ней сецессіонистовъ въ полномъ составѣ.

Съ окончательнымъ паденіемъ національ-либераловъ парламентскій центръ тяжести естественнымъ образомъ еще разъ перемѣстится влѣво, а вмѣстѣ съ тѣмъ рушится, какъ полагаютъ, мысль объ организаціи средней партіи. Очень замѣчательно что „банкротству" элементовъ изъ которыхъ могла бы сложиться такая партія въ одинаковой мѣрѣ радуются и крайняя правая и крайняя лѣвая: и консерваторы и прогрессисты. „Странно что такое совпаденіе взглядовъ двухъ діаметрально-противоположныхъ партій никому не кажется сомнительнымъ," замѣчаетъ органъ близкой къ имперскому канцлеру фрей-консервативной партіи, *Post;* „очень понятно что г. Рихтеръ съ товарищами (то-есть прогрессисты) довольны: они работаютъ надъ созиданіемъ будущаго столкновенія; но могутъ ли радоваться, могутъ ли идти къ той же цѣли консервативы?"

По мнѣнію *Post,* это странное явленіе объясняется только „странностью борьбы партій, дѣлающей изумительные успѣхи" въ Германіи и мѣшающей видѣть дѣло какъ оно есть.

Дѣйствительно, прогрессисты по поводу сложенія Беннигсеномъ полномочій уже мечтаютъ о близости того дня, когда князь Бисмаркъ поневолѣ долженъ будетъ обратиться къ „настоящему парламентскому режиму," то-есть или стать игрушкой случайнаго большинства или просто сойти со сцены, уступивъ свое мѣсто вожаку такого большинства, напримѣръ, самому г. Рихтеру. Прогрессистамъ кажется что они-то и составятъ это большинство и что ихъ завѣтная мечта, ихъ избирательный девизъ fort mit Bismarck теперь наканунѣ осуществленія. Консервативы тоже надѣются стать подавляющимъ большинствомъ въ парламентѣ, заставивъ имперскаго канцлера ближе войти во всѣ ихъ виды.

Ни та, ни другая изъ крайнихъ партій не вспомнила при этомъ о существованіи центра, „который никогда не можетъ слиться съ консервативами" точно также какъ и съ прогрессистами. Центръ навсегда сохранитъ за собою роль парламентскаго баланса, который правительству, смотря по надобности, пришлось бы придвигать то вправо, то влѣво, чтобы сохранить равновѣсіе и составить нужное большинство. Государственный человѣкъ стоящій у кормила правленія могъ бы поэтому спокойно смотрѣть на заносчивыя ожиданія крайнихъ партій, еслибы только клерикальный центръ былъ вѣрнымъ, надежнымъ инструментомъ, дѣйствующимъ „безъ отказа," еслибы перемѣщеніе этого баланса не приходилось, сверхъ того, покупать цѣной слишкомъ крупныхъ уступокъ. Но центръ и ненадеженъ и дорогъ; онъ самъ требуетъ противовѣса, какимъ могутъ быть только политическія партіи занимающія середину между крайностями правой и лѣвой. „Элементы такой партіи могутъ исчезнуть въ странѣ только при исключительныхъ условіяхъ, въ эпоху когда борьба между партіями доходитъ до апогея, до полнаго ожесточенія." Такая эпоха, какъ вѣрно замѣчаетъ *Post,* можетъ наступить или тогда когда правительство безсильно, или когда власть попадаетъ въ руки одной партіи. Ни того, ни другаго въ Германіи нѣтъ. И прогрессисты и консервативы ошиблись въ счетѣ и выкладкахъ, думая что парламентскія партіи представляютъ общественное мнѣніе въ миніатюрѣ. Иногда это такъ, а весьма часто и совершенно иначе." Лопнула парламентская партія, но это еще вовсе не значитъ что ея избиратели сейчасъ потянутъ кто на правую, кто на лѣвую сторону, перейдя въ чужой лагерь. Страна сильнѣе и устойчивѣе партій парламентскихъ. Г. Беннигсенъ сложилъ свои депутатскія полномочія потому что „парламентское положеніе настоящаго времени показалось ему невыносимымъ, *невозможнымъ,*" но онъ не отказался навсегда отъ парламентской дѣятельности: „мы увѣрены, сказано въ адресѣ его друзей, что недалекъ тотъ день, когда вы, при болѣе счастливыхъ внутреннихъ отношеніяхъ, возвратитесь на арену политической жизни въ среду вашихъ друзей." Но такой день можетъ наступить только когда представится возможность организовать сильную среднюю партію. Стоитъ замѣтить что вожакъ націоналъ-либераловъ отказался отъ

званія депутата, не желая вмѣстѣ съ большинствомъ партіи подвигаться слишкомъ много налѣво и что еще почти наканунѣ онъ долго бесѣдовалъ съ княземъ Бисмаркомъ. Еще вопросъ, какое вліяніе имѣла эта бесѣда на „неожиданное“ для всѣхъ рѣшеніе парламентскаго дѣльца. Очень можетъ-быть что „шагъ Беннигсена“ есть только малая часть парламентскаго маневра князя Бисмарка, маневра направленнаго къ тому чтобы выйти изъ положенія становящагося невозможнымъ, тормозящаго его дѣятельность и правильный ходъ государственной машины.

№ 159.

Москва, 9-го іюня.

Нѣсколько словъ сказанныхъ нами о Батумѣ и о противорѣчіи въ какомъ его порто-франко находится съ русскими интересами вызвали въ газетахъ цѣлый рядъ замѣчаній и возраженій. Какъ можно было предвидѣть, у Батумскаго порто-франко и связанныхъ съ нимъ иностранныхъ и контрабандныхъ интересовъ не замедлили найтись почти столь же усердные защитники какъ и тѣ что еще недавно такъ горячо отстаивали отмѣненный нынѣ иностранный транзитъ чрезъ Закавказье. Пріемы защиты тѣ самые которые практиковались и въ транзитномъ вопросѣ: отрицаніе вреда причиняемаго вольнымъ международнымъ торгомъ въ Батумѣ и указаніе мнимо важныхъ выгодъ для Россіи отъ оставленія Батума въ качествѣ вольной гавани и мнимо-серіозныхъ неудобствъ отъ приравненія его къ прочимъ русскимъ портамъ.

Главный, если не единственный доводъ за сохраненіе порто-франко заключается въ томъ что оно можетъ содѣйствовать развитію и процвѣтанію Батума, подъему его на степень значительнаго торговаго центра и первокласснаго порта въ Черномъ Морѣ. Въ примѣръ того какъ много можетъ выиграть Батумъ отъ своей вольной гавани указывается на Тріестъ и Одессу. „Для будущности Батума,“ говорятъ намъ, „по всей вѣроятности, десять или пятнадцать лѣтъ безпошлиннаго торга при другихъ выгодныхъ условіяхъ, какова, напримѣръ, желѣзная дорога и благопріятныя санитарныя условія, будутъ имѣть большое значеніе. Портъ этотъ легко сдѣлается первенствующимъ на всемъ восточномъ берегу Чернаго Моря и отвлечетъ торговлю отъ Трапезунта и другихъ турецкихъ портовъ.“ Это де „не требуетъ доказательствъ, такъ какъ безпошлинность естественно удешевляетъ жизнь, чѣмъ содѣйствуетъ привлеченію населенія, и притокъ населенія, въ свою очередь, содѣйствуетъ развитію города, созданію капиталовъ и упроченію торговли... Одесса, пользовавшаяся порто-франко слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ, представляетъ наглядный примѣръ благопріятныхъ послѣдствій для города отъ порто-франко. То же можно сказать о Тріестѣ и ганзейскихъ городахъ...“

„Ганзейскіе города,“ надобно полагать, попали въ эту тираду по обмолвкѣ, и фритредерствующій экономистъ *Journal de St.-Pétersbourg*, воспроизводя съ сочувствіемъ вышеприведенную аргументацію *Новаго Времени*, благоразумно умолчалъ о ссылкѣ на примѣръ ганзейскихъ городовъ и удовольствовался указаніями на Тріестъ и Одессу. Говоря о цѣляхъ установленія порто-франко и объ условіяхъ процвѣтанія Батума, во многихъ отношеніяхъ не совсѣмъ-то удобно припоминать условія при которыхъ развивались и крѣпли ганзейскіе города съ ихъ исключающими чужаковъ гильдейскими учрежденіями, съ ихъ ревнивою торговою и сепаратистскою государственною политикой.

Остается указаніе на тотъ фактъ что порто-франко много содѣйствовало росту и процвѣтанію и Тріеста, и Одессы. Вольный торгъ дѣйствительно не мало помогъ возвышенію этихъ двухъ городовъ. Но почему же, однако, эти вольныя гавани отмѣнены? Порто-франко было для Одессы важнымъ условіемъ ея развитія. Почему же у Одессы отнято это благо? Развѣ дальнѣйшій ростъ и процвѣтаніе этого города перестало быть желаніемъ? Ужь конечно не съ цѣлію нанести ударъ Одессѣ было отмѣнено двадцать пять лѣтъ назадъ тамошнее порто-франко; надобно полагать что его отмѣна требовалась уважительными, серіозными соображеніями. Надобно полагать что получавшіяся Одессой отъ порто-франко выгоды далеко не окупали собою тѣхъ невыгодъ съ какими его существованіе было сопряжено для всей страны... Но если даже двадцать пять лѣтъ тому назадъ въ самый разгаръ космополитическихъ увлеченій, отодвигавшихъ на задній планъ заботы о собственно русскихъ,

промышленныхъ, торговыхъ и иныхъ успѣхахъ, не было найдено возможнымъ допустить дальнѣйшее существованіе вольнаго иностраннаго торга въ Одессѣ, тѣмъ менѣе можетъ быть терпимъ подобный торгъ въ Батумѣ въ настоящее время, когда, благодаря начавшемуся отрезвленію умовъ, русскіе интересы стали мало-по-малу приниматься во вниманіе.

Стараются показать что сохраненіе Батумскаго порто-франко ничему и никому не вредитъ, никакихъ де серіозныхъ невыгодъ не причиняетъ. Батумъ, говорятъ защитники его вольной гавани, городокъ маленькій, съ малочисленнымъ населеніемъ: кому какая бѣда если горсть населяющихъ его людей будетъ снабжаться дешевыми иностранными товарами не оплаченными пошлинами? Для мѣстнаго потребленія нужно такъ мало этихъ товаровъ что потерю въ доходахъ казны отъ исключенія Батума изъ „русской таможенной территоріи“ можно признать совершенно ничтожною, а равно не великъ ущербъ и для русскаго производства отъ того что батумскіе жители будутъ покупать не русскіе, а иностранные товары. Иное дѣло когда Батумъ выростетъ и станетъ городомъ со многочисленнымъ населеніемъ: тогда, напримѣръ, черезъ десять или пятнадцать лѣтъ, будетъ де разчетъ и для казны и для нашей промышленности подумать о включеніи его въ общую таможенную черту. Но теперь никакъ де не слѣдуетъ лишать Батумъ одного изъ условій процвѣтанія изъ-за пустыхъ грошевыхъ невыгодъ.

Какъ видно изъ приведенныхъ разсужденій, къ Батумскому вопросу примѣняется тотъ же пріемъ какой настойчиво пускался въ ходъ во все время разсмотрѣнія вопроса транзитнаго. Тамъ всячески суживали и умаляли дѣло, стараясь убѣдить всѣхъ что весь вопросъ заключается въ томъ чьи, русскіе или иностранные, сахаръ и ткани будутъ покупать малочисленные и полунищіе Персіяне, тогда какъ на дѣлѣ вопросъ шелъ главнымъ образомъ о томъ чьими товарами должно снабжаться все Закавказье и всѣ прилегающіе къ Каспійскому морю обширные и богатые рынки; здѣсь значеніе вопроса, вопреки дѣйствительности, суживается и умаляется еще болѣе съ наивною до смѣшнаго безцеремонностью: все дѣло идетъ будто бы о томъ чьи, русскіе или иностранные, товары будутъ потреблять батумскіе жители и только одни батумскіе жители! Объ одномъ Батумскомъ населеніи въ данномъ случаѣ конечно не было бы и побужденія заводить рѣчи, но на дѣлѣ, а не на бумагѣ и не въ мечтаніяхъ кабинетныхъ теоретиковъ и газетнаго люда, значеніе Батумскаго порто-франко заключается вовсе не въ снабженіи батумскихъ жителей разными товарами—это тутъ капля въ морѣ и можетъ быть дѣломъ лишь мелочныхъ лавочниковъ: все значеніе, весь смыслъ Батумскаго порто-франко служитъ большимъ складомъ контрабанды для широкаго водворенія ея не только на всѣхъ тѣхъ Закавказскихъ и Прикаспійскихъ рынкахъ, куда она могла проникать при помощи отмѣненнаго нынѣ закавказскаго транзита, но также частью и въ европейскихъ портахъ Черноморскаго побережья. Оставлять въ силѣ это порто-франко значитъ допускать не малый ущербъ казеннаго таможеннаго дохода и, что еще важнѣе, серіозный подрывъ русской промышленности отъ контрабанднаго снабженія разными товарами обширныхъ районовъ русской территоріи.

Настойчиво, вопреки несомнѣннымъ фактамъ, отрицалась тѣсная связь бывшаго Закавказскаго транзита съ контрабандой, точно также пытаются отрицать и контрабандную роль Батумскаго порто-франко. Контрабандный провозъ практикуется по всѣмъ нашимъ таможеннымъ границамъ, но если повсюду для пресѣченія его можно полагаться на таможенную стражу, то почему не положиться на ту же стражу и на чертѣ Батумскаго порто-франко? Конечно, говорятъ намъ, „таможенная стража должна стеречь полосу земли вокругъ Батума, но эта черта порто-франко занимаетъ десять, много двадцать или тридцать верстъ; что же толковать о трудности ее уберечь, когда на томъ же Кавказѣ таможенная стража обязана охранять отъ контрабанды границу въ 4—5.000 верстъ. Если стража безсильна на тридцати верстахъ, то чего ожидать отъ нея на тысячѣ верстахъ?“ Это говорится чтобы показать что дѣло де не въ Батумѣ и его вольной гавани, а въ хорошей организаціи таможенной охраны на Кавказѣ. Нельзя не желать улучшенія таможенной охраны, и тѣмъ желательнѣе отмѣна порто-франко что его сосѣдство, какъ показалъ между прочимъ опытъ Одессы, вредно отзывается на качествѣ и дѣйствитель-

ности этой охраны. Пока Одесса была вольнымъ портомъ, вся обширная примыкающая къ ней южная полоса Россіи, несмотря на отсутствіе въ тѣ времена паровыхъ путей сообщенія, такъ обильно снабжалась оттуда контрабандой что возникновеніе мѣстной промышленной дѣятельности было почти невозможно; было упразднено порто-франко, сократились и размѣры контрабанды; явилась вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность возникновенія мѣстной промышленной дѣятельности. Но относительно удобствъ для обширнаго контрабанднаго торга прежняя Одесса не можетъ быть и сравниваема съ нынѣшнимъ Батумомъ. Торгово-географическія условія Батума таковы что даже при наилучшей, при идеальной организаціи, таможенная охрана можетъ оказаться безсильною помѣшать тому чтобы контрабанда не шла изъ Батума открыто во всѣ стороны подъ видомъ дозволеннаго законнаго торга. Во времена своего порто-франко, таможенный надзоръ за идущими за нимъ внутрь Россіи товарами былъ дѣломъ сравнительно легкимъ: каждый идущій къ намъ изъ Одессы товаръ былъ несомнѣнно иностранный и подлежалъ таможенному обложенію; выдать иностранный товаръ за русскій и уклониться отъ платежа пошлинъ было дѣломъ труднымъ. Совсѣмъ въ иномъ положеніи находится Батумъ. Это не только пунктъ обмѣна русскихъ товаровъ на иностранные, это вмѣстѣ съ тѣмъ пунктъ торговаго обмѣна между двумя частями русской территоріи, это складочный пунктъ одинаково и для русскихъ, и для чужеземныхъ товаровъ; вслѣдствіе этого всякій товаръ отправляемый изъ Батума по желѣзной ли дорогѣ въ Тифлисъ и далѣе, или моремъ въ любой изъ нашихъ черноморскихъ и азовскихъ портовъ можетъ быть съ полнымъ удобствомъ выданъ за русскій. Контрабандистамъ тутъ широкое раздолье, и самому добросовѣстному таможенному надзору будетъ не по силамъ при такой обстановкѣ бороться съ математически организованнымъ обманомъ.

Только отмѣна Батумскаго порто-франко можетъ оградить и казну, и русскую промышленность отъ серіознаго зла этой контрабанды. Всякія иныя мѣры могутъ стѣснить не столько контрабанду сколько возможность для русскаго промышленнаго міра пользоваться удобствами Батумскаго порта. Опасаться же что отмѣна порто-франко неблагопріятно отзовется на будущности Батума нѣтъ никакихъ основаній. Для процвѣтанія Батума достаточно естественныхъ географическихъ выгодъ его положенія. Съ устройствомъ Баку-Батумской желѣзной дороги, Батумъ, помимо всякаго порто-франко, становится главнымъ отпускнымъ и привознымъ портомъ; къ нему уже теперь переходитъ все торговое значеніе какимъ донынѣ пользовался Потійскій портъ. Съ теченіемъ же времени, на Батумъ можетъ направиться и часть того торговаго движенія которое шло донынѣ черезъ Астрахань. Допускать ли чтобы такой важный торговый центръ былъ гнѣздомъ контрабанды и не русскою, но иностранною колоніей на Кавказѣ, съ неизбѣжнымъ сильнымъ на него вліяніемъ?

№ 160.

Москва, 10-го іюня.

Опубликованное на дняхъ Высочайше утвержденное 5 апрѣля мнѣніе Государственнаго Совѣта „объ измѣненіи и дополненіи существующихъ нынѣ правилъ относительно открытія новыхъ акціонерныхъ коммерческихъ банковъ" есть вторичная попытка нашего законодательства въ борьбѣ съ тѣми злоупотребленіями по банковымъ спекуляціямъ кои въ послѣдніе годы приняли размѣры общественнаго бѣдствія. Но это не болѣе какъ коллективная мѣра касающаяся лишь акціонерныхъ банковъ будущаго, причемъ о банкахъ основанныхъ на такъ-называемомъ „взаимномъ кредитѣ," о земельныхъ банкахъ, наконецъ о городскихъ общественныхъ банкахъ, этихъ *enfants terribles* нашего кредита, не упомянуто вовсе.

Въ чемъ же заключаются нововведенія закона 5 апрѣля сравнительно съ существующими по этому предмету узаконеніями?

Новый законъ ссылается на Высочайше утвержденное 31 мая 1872 года мнѣніе Государственнаго Совѣта, коимъ были постановлены *временныя* правила относительно порядка учрежденія акціонерныхъ, а также частныхъ кредитныхъ установленій на круговомъ ручательствѣ заемщиковъ. Что касается акціонерныхъ коммерческихъ банковъ, то въ этихъ правилахъ министру Финансовъ указаны, какъ образцы для из-

мѣненія существующихъ уставовъ и для утвержденія новыхъ, уставы пяти коммерческихъ банковъ, именно: Тифлисскаго и Варшавскаго Учетныхъ Банковъ, Азовско-Донскаго, Кишиневскаго и Ростовскаго-на-Дону. Закономъ 5 апрѣля, министру Финансовъ предоставляется разрѣшать учрежденіе акціонерныхъ коммерческихъ банковъ съ нѣкоторыми дополненіями и измѣненіями сравнительно съ указанными временными правилами 1872 года.

По новому закону (ст. 2), половина складочнаго капитала должна быть внесена при подпискѣ на акціи, а остальная половина въ теченіе полугода послѣ открытія подписки. Въ образцовыхъ уставахъ, указанныхъ выше, первоначальный взносъ опредѣленъ въ 30—40 процентовъ; для остальныхъ же взносовъ опредѣленъ срокъ двухгодичный.

Что касается размѣровъ денежныхъ операцій банковъ, то новый законъ (ст. 4) установляетъ что сумма обязательствъ банка не должна превышать складочный и запасный капиталъ въ совокупности болѣе чѣмъ въ *пять* разъ. По уставамъ всѣхъ до нынѣ учрежденныхъ банковъ, въ томъ числѣ и образцовыхъ, сумма обязательствъ можетъ превышать собственные капиталы банка въ *десять* разъ. Къ этому новый законъ добавилъ еще одно условіе, котораго вовсе нѣтъ въ утвержденныхъ до сего времени уставахъ. Оно заключается въ томъ что наличныя суммы банка должны быть постоянно не менѣе 10% обязательствъ банка.

Весьма важное нововведеніе заключается въ томъ что на вклады принимаемые банкомъ могутъ быть выдаваемы исключительно лишь именные билеты, которые могутъ переходить изъ рукъ въ руки не иначе какъ по полной именной передаточной надписи и съ трансфертомъ въ книгахъ банка. Очевидно тутъ имѣлось въ виду предупредить операціи въ родѣ практиковавшихся бывшимъ Кронштадтскимъ Банкомъ, который выдавалъ своимъ заемщикамъ, вмѣсто денегъ, безыменные вкладные билеты, которые закладывались и учитывались ими въ другихъ банкахъ. Но, дабы вполнѣ предотвратить возможность подобныхъ злоупотребленій, слѣдовало бы установить что одно и то же лицо не можетъ быть одновременно заемщикомъ и вкладчикомъ, ибо *фиктивные* вклады только затрудняются, но не становятся невозможными вслѣдствіе одного лишь условія что билетъ на вкладъ долженъ быть именнымъ.

Очень существенно и то что по новому закону члены правленія банка и служащія въ немъ лица не могутъ пользоваться вексельнымъ кредитомъ въ томъ же банкѣ. Служащіе во вновь учреждаемыхъ банкахъ уже не будутъ имѣть возможности распоряжаться банковымъ сундукомъ какъ своимъ собственнымъ. Но, увы, даже и это столь необходимое правило примѣняется лишь къ банкамъ вновь учреждаемымъ. Другое стѣсненіе служащихъ въ будущихъ банкахъ заключается въ томъ что лица занимающія административныя должности въ одномъ изъ банковъ не могутъ занимать должностей въ другихъ кредитныхъ учрежденіяхъ, государственныхъ и частныхъ. Бывшій управляющій Государственнымъ Банкомъ состоялъ въ то же время на службѣ во многихъ частныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ въ Петербургѣ. Это возбуждало не мало толковъ. Но тѣмъ удивительнѣе что даже правило о несовмѣстимости нѣсколькихъ банковыхъ должностей въ одномъ лицѣ не распространено на банки уже существующіе. Наши дѣльцы не только по банковымъ, но и по желѣзнодорожнымъ и прочимъ предпріятіямъ, сплошь и рядомъ занимаютъ по нѣскольку должностей, состоя въ одномъ мѣстѣ членомъ, а въ другомъ предсѣдателемъ правленія *et vice versa*. Вредность подобнаго порядка вещей нынѣ офиціально признана; и однако въ существующихъ учрежденіяхъ все остается по старому.

Важнѣйшимъ нововведеніемъ по новому закону слѣдуетъ признать новыя правила относительно распредѣленія прибылей. По прежнему порядку, было лишь одно ограниченіе въ этомъ распредѣленіи: отчисленіе 10% изъ чистой прибыли для образованія запаснаго капитала. Остальная затѣмъ прибыль дѣлилась на разнообразныхъ условіяхъ между акціонерами, администраціей банка и учредителями онаго; но капиталъ самого банка не имѣлъ другаго источника приращенія кромѣ запаснаго капитала, образуемаго изъ 10% отъ чистой прибыли.

Новымъ закономъ установлено что если чистая прибыль, за всѣми отчисленіями, превыситъ десять процентовъ на дѣйствительно внесенный (акціонерами) капиталъ, то между акціонерами распредѣляется,

сверхъ этихъ 10%, лишь не болѣе половины превышающихъ оные суммъ, а остальная часть послѣднихъ отчисляется въ *особый* запасный капиталъ пока оный не достигнетъ размѣра основнаго капитала. Изъ этого особаго запаснаго капитала дозволяется отдѣлять часть лишь съ тою цѣлью дабы пополнять дивидендъ до 8% въ тѣ годы когда онъ не будетъ достигать этого размѣра.

Затѣмъ новый законъ открываетъ акціонерамъ болѣе широкій просторъ въ ревизіи банковъ чрезъ посредство агентовъ отъ правительства.

Всѣ указанныя „дополненія и измѣненія" составляютъ очевидно результатъ наблюденій надъ дѣйствіями существующихъ банковъ. Въ нихъ заключаются указанія на слишкомъ извѣстныя неурядицы, обнаруживающіяся почти ежедневно въ нашихъ кредитныхъ учрежденіяхъ. Новый законъ далеко не исчерпываетъ всего, и многое что требуетъ поправки осталось нетронутымъ. Но во всякомъ случаѣ то что признано неправильнымъ не есть уже *возможное* въ будущемъ, а печальный опытъ *прошедшаго*. Почему же считается неудобнымъ отнести признанныя необходимыми поправки не только къ будущему, но и къ настоящему? Отчего дѣйствіе новыхъ правилъ не распространено на всѣ существующія банковыя учрежденія? Не въ виду ли опасенія что такое примѣненіе новаго закона подорвало бы кредитъ существующихъ банковъ? Мы думаемъ напротивъ что довѣріе ко всякому общественному учрежденію тѣмъ прочнѣе чѣмъ болѣе оно ограждено отъ возможныхъ злоупотребленій. А если принять во вниманіе что мы вообще страдаемъ скорѣе избыткомъ нежели недостаткомъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ всякаго рода, то трудно и ожидать чтобы новый законъ послужилъ на пользу нашему банковому дѣлу если дѣйствіе его не будетъ распространено и на существующіе акціонерные банки и если одновременно съ этимъ не будутъ приняты мѣры къ соотвѣтственной реформѣ банковыхъ учрежденій прочихъ типовъ.

Необходимость большей регламентаціи частныхъ кредитныхъ учрежденій, и вообще акціонерныхъ предпріятій всякаго рода, со стороны государственной власти, признается теперь всѣми кто не причисляетъ себя къ завзятымъ послѣдователямъ манчестерской школы и ея принципа *laisser faire*. А между тѣмъ большинство нашихъ банковъ возникло именно въ эпоху полнаго процвѣтанія фритредерства. Уже въ 1872 году, въ нашемъ законодательствѣ обнаружилась нѣкоторая реакція противъ доктрины „широкой свободы" въ банковомъ дѣлѣ, и законъ 31 мая того года былъ направленъ къ той же цѣли, что и законъ 5 апрѣля 1883 года. Но законъ 31 мая 1872 года уже предусматривалъ необходимость измѣненій въ уставахъ существующихъ банковъ. Министру Финансовъ было предоставлено, по тому закону, входить съ представленіями въ Государственный Совѣтъ „если будетъ признано полезнымъ допустить *какъ для существующихъ*, такъ и для вновь учреждаемыхъ кредитныхъ установленій, какія-либо существенныя отступленія" отъ правилъ тогда установленныхъ.

Законъ 5 апрѣля 1883 года служитъ доказательствомъ (если вообще это еще нужно доказать) что поправки необходимы. Тѣмъ не менѣе существующія кредитныя учрежденія новымъ закономъ не тронуты.

№ 161.

Москва, 11-го Іюня.

А.

Въ газетахъ, съ нѣкотораго времени, появляются разныя свѣдѣнія о работахъ коммиссіи состоящей подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова и имѣющей своею задачей изготовить проектъ преобразованія мѣстнаго управленія въ Россіи. Между прочимъ, коммиссія занята также реформой городскаго управленія, которая, какъ говорятъ, устранитъ органическія неудобства лежащія въ основаніи этого учрежденія.

Давно бы пора. Говорятъ что Кахановская коммиссія нашла секретъ какъ превратить городскія думы изъ клубовъ въ собранія дѣловыхъ городскихъ хозяевъ. Газеты сообщаютъ даже въ чемъ состоитъ этотъ секретъ: предполагается „раздѣлить на будущее время обязанности предсѣдателя думы и управы, то-есть предоставить городскому головѣ предсѣдательство въ управѣ, а для думы выбрать особаго предсѣдателя, который могъ бы быть избираемъ изъ среды гласныхъ или на каждое засѣ-

даніе или на цѣлый годъ." Затѣмъ предполагается „дѣйствіе закона, воспрещающаго городскому головѣ и членамъ управы входить въ подряды и поставки по предметамъ городскаго хозяйства распространить и на гласныхъ думы," наконецъ „во избѣжаніе злоупотребленій и неправильностей предполагается также освободить управы отъ взиманія въ пользу казны и земства налога съ недвижимыхъ имуществъ, такъ какъ оказывается что управы позволяютъ себѣ пользоваться этими суммами и употребляютъ ихъ на удовлетвореніе городскихъ нуждъ."

Все это, безспорно, хорошія мѣры; но достаточны ли онѣ? Если городской голова не будетъ въ одно и то же время предсѣдателемъ думы и управы, развѣ это значитъ что ни онъ, ни прочіе гласные не будутъ уже разыгрывать словообильную роль политическихъ дѣятелей, а станутъ серіозно заботиться о томъ чтобы бойни и свалки не окружали города міазматическимъ кольцомъ, распространяя среди жителей заразу? Развѣ не достаточно одной управы съ предсѣдателемъ во главѣ для веденія хозяйства, при достаточной свободѣ дѣйствія и сопряженной съ нею серіозной отвѣтственности? Зачѣмъ же еще обокъ многогласная дума, у которой инаго дѣла не будетъ кромѣ болтовни, пререканій и интригъ? Къ чему же это многочисленное собраніе людей не несущихъ никакой отвѣтственности? Для контроля надъ дѣйствіями управы? Но для ревизіи достаточно собраться гласнымъ одинъ разъ въ году... Если гласные не будутъ открыто входить въ подряды по предметамъ городскаго хозяйства, гдѣ гарантія что они не будутъ дѣлать этого черезъ подставныхъ лицъ и что они примутся дѣятельно за городское хозяйство, избавятъ городъ отъ дефицитовъ и будутъ зорко наблюдать чтобъ энергически работали состоящія при думѣ безчисленныя коммиссіи дабы скорѣе одарить городъ обильнымъ водоснабженіемъ, правильною канализаціей, хорошими мостовыми? Если, наконецъ, управа не будетъ тратить на городскія нужды не принадлежащихъ ей казенныхъ денегъ, это еще не ручательство что она найдетъ возможность уменьшить хоть нѣсколько налоги лежащіе тяжелымъ бременемъ на домовладѣльцахъ, а слѣдовательно и на всѣхъ городскихъ обывателяхъ и поступающіе ежегодно въ бездонную бочку Данаидъ.

Мы не знаемъ насколько эти сообщенія достовѣрны, но едва ли можно сомнѣваться что для избавленія нашихъ городовъ отъ существующаго нынѣ управленія нужны болѣе серіозныя преобразованія.

Главный недостатокъ Городоваго Положенія 16 іюня 1870 года состоитъ въ томъ что управленіе городскими дѣлами поручено учрежденію составленному по шаблону говорилень и отличающемуся общимъ характеромъ всѣхъ подобныхъ учрежденій, *безотвѣтственностью правителей.* За веденіе городскаго хозяйства отвѣчаютъ *всѣ,* а слѣдовательно *никто.* Кто тратитъ безъ пользы городскія деньги? Кто губитъ здоровье и жизнь многихъ сотенъ городскихъ обывателей? Это конечно дума, которая все сваливаетъ на управу, и управа, которая все сваливаетъ на думу. Припомнимъ недавнее и извѣстное всѣмъ Москвичамъ Сокольничье дѣло. Прекрасная старинная Сокольничья роща оставалась цѣла и невредима пока не имѣла несчастія попасть въ руки городскаго управленія. Въ короткое время лучшая часть рощи оказалась вырубленною. Убытки понесенные городомъ были большіе. Началось громкое дѣло, но не въ судѣ, а въ стѣнахъ думы. Полились потоки краснорѣчія, и въ результатѣ городской голова, лично невиновный, принужденъ былъ оставить свой постъ, да сверхъ того изъ управы съ гражданскимъ достоинствомъ удалились два, три члена. Тѣмъ все дѣло и кончилось.

Думскіе гласные, не неся никакой фактической отвѣтственности за небрежное управленіе городскими дѣлами, естественно не чувствуютъ ни малѣйшаго интереса серіозно и неутомимо заниматься нелегкимъ и многосложнымъ дѣломъ городскаго хозяйства. Большинство ихъ или вовсе не являются на думскія засѣданія, или присутствуютъ на нихъ только физически, безусловно повинуясь, при рѣшеніи вопросовъ, нѣсколькимъ коноводамъ, которые много шумятъ, ратуя не за городскіе, а развѣ за свои интересы. Думскіе говоруны, не зная и не понимая технической стороны городскаго хозяйства, воображаютъ себя великими общественными дѣятелями, призванными управлять не хозяйствомъ городскимъ, что слишкомъ трудно и скучно, но цѣлымъ государствомъ, что конечно гораздо легче и веселѣе, а потому они кстати, и въ особенности некста-

ти, стараются хвастнуть предъ отечественными и заграничными цѣнителями обширностью своихъ политическихъ взглядовъ не находящихъ себѣ примѣненія на почвѣ городскихъ интересовъ, загроможденной всякаго рода мелкими вопросами о свалкахъ нечистотъ, бойняхъ, заразныхъ болѣзняхъ, водоснабженіи, канализаціи и дефицитѣ, которые может быть очень важны для города, но вовсе не интересны для его управителей.

Созданіе строго отвѣтственнаго управленія городскими дѣлами, вотъ та реформа которая одна только можетъ положить конецъ празднословію нашихъ эдиловъ, этой жалкой игрѣ въ парламентъ, и обезпечить серіозное веденіе городскаго хозяйства.

Б.

Проживавшій въ городѣ Саратовѣ и содержавшій тамъ „портновскую мастерскую" нѣкій шляхтичъ Михаилъ Медвицкій 27 октября 1881 года сочетался бракомъ съ Аделаидой Пучковской. Вѣнчалъ ихъ, по обряду римско-католическому, каноникъ Рафаилъ Флекъ, несмотря на то что по поводу оглашенія этого брака, одна изъ прихожанокъ почтеннаго патера заявила ему что Медвицкій уже женатъ, что онъ подложно называетъ себя настоящею фамиліей, что зовутъ его собственно Стефаномъ-Михаиломъ-Раймондомъ Саламонскимъ, и что законная жена его, Леонія Саламонская, проживаетъ въ Варшавѣ по указанному адресу. Патеръ Флекъ, хотя и послалъ, вслѣдствіе этого, телеграмму въ Варшаву, но, не дождавшись отвѣта, поспѣшилъ обвѣнчать Медвицкаго съ Пучковской. Получивъ же на другой день увѣдомленіе отъ Леоніи Саламонской что она дѣйствительно здравствуетъ, счелъ уже излишнимъ нарушить миръ и блаженство сопряженныхъ имъ „молодыхъ," и не заявилъ объ этомъ никому.

Вскорѣ однако Саратовское полицейское управленіе получило запросъ изъ Кіева, отъ тамошней духовной консисторіи, въ которомъ освѣдомлялись, не живетъ ли въ Саратовѣ Михаилъ Медвицкій, *жена котораго Пелагея Семенова подала просьбу о разводѣ, ссылаясь на то что мужъ ея уже десять лѣтъ какъ пропалъ безъ вѣсти.*

Такимъ образомъ обнаружилось что мнимый Медвицкій проживаетъ уже давно по подложному виду, и кромѣ новобрачной жены своей, Пучковской, имѣетъ еще двухъ женъ, одну въ Кіевѣ, а другую въ Варшавѣ. Улики налицо, и Медвицкій-Саламонскій, 25 мая, предсталъ въ Саратовскомъ окружномъ судѣ предъ присяжныхъ засѣдателей.

Корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей* въ № 148 этой газеты слѣдующимъ образомъ живописуетъ все происходившее въ этомъ засѣданіи:

„Саламонскій, подъ фамиліей Медвицкаго, явился въ Саратовъ лѣтъ десять тому назадъ, открылъ портновскую мастерскую и въ короткое время успѣлъ сдѣлаться самымъ моднымъ портнымъ въ городѣ; потому понятно съ какимъ нетерпѣніемъ всѣ ожидали чѣмъ окончится его дѣло, начавшееся полтора года тому назадъ. За часъ до начала засѣданія залъ суда былъ уже биткомъ набитъ публикой и часть любопытныхъ за неимѣніемъ мѣста тѣснилась на лѣстницѣ, въ корридорахъ и даже у подъѣзда суда. Первые три ряда стульевъ были заняты исключительно дамами... На вопросъ предсѣдателя, признаетъ ли подсудимый себя виновнымъ въ троеженствѣ и проживательствѣ по подложному виду, Саламонскій *далъ утвердительный отвѣтъ* и довольно подробно разказалъ всю исторію своей жизни. Отца своего подсудимый не знаетъ вовсе, такъ какъ родился отъ богатой и знатной дѣвицы Саламонской, предки которой *были даже сенаторами*... Злополучная мать отдала ребенка на воспитаніе въ чужую семью, заплатила впередъ за его содержаніе до совершеннолѣтія и даже оставила небольшой капиталъ для выдачи ему въ послѣдствіи на обзаведеніе. Воспитатель выучилъ его портновскому мастерству, но никогда не говорилъ ни слова о его происхожденіи, изъ боязни чтобъ онъ отъ своихъ родныхъ не узналъ о капиталѣ оставленномъ матерью. Въ 1858 году Медвицкій отправился въ Варшаву, гдѣ началъ самостоятельную жизнь. Здѣсь онъ скоро сошелся съ дѣвицей Анной Леоніей, работавшею на табачной фабрикѣ Кронеберга и въ февралѣ 1858 года женился на ней. Супружеская жизнь подсудимаго съ молодою женой вышла однако, по его словамъ, крайне неудачна и нерадостна. Жена, подобно всѣмъ ея фабричнымъ подругамъ, вела слишкомъ вольную жизнь, имѣла много молодыхъ пріятелей. Проживъ такимъ образомъ около

года, Саламонскій случайно узналъ о своемъ незаконномъ происхожденіи и былъ крайне огорченъ насмѣшками и прозвищами которыми у насъ имѣютъ обыкновеніе награждать незаконнорожденныхъ. Это обстоятельство, въ связи съ неудачей супружеской жизни, заставило его покинуть родину и искать счастія за границей. Въ 1861 году онъ досталъ у одного товарища паспортъ на имя австрійскаго подданнаго Михаила Медвицкаго, перешелъ границу и направился въ Краковъ, гдѣ жилъ братъ его матери, въ разчетѣ что тотъ приметъ его какъ родственника. Но дядя даже не допустилъ племянника до себя, и молодой человѣкъ, перебиваясь кое-какъ черною работой, пошелъ странствовать по свѣту. Дойдя до Пешта, онъ, по совѣту встрѣтившихся тамъ Поляковъ, поступилъ въ австрійскую военную службу въ гусарскій полкъ. Въ это время его начала сильно мучить тоска по родинѣ, и онъ бѣжалъ изъ полка, переодѣвшись въ крестьянское платье, но скоро былъ пойманъ и принужденъ прослужить еще семь лѣтъ въ уланскомъ полку. Въ 1869 году онъ наконецъ получилъ свободу и возвратился въ Варшаву, видѣлся со своею женой, пробовалъ даже вмѣстѣ жить, но опять такъ же неудачно, почему разстался съ нею окончательно и переѣхалъ въ Кіевъ. Здѣсь дѣла его пошли очень бойко: въ два года онъ, кромѣ мастерской, имѣлъ еще магазинъ готоваго платья и *началъ чувствовать неудобство холостой жизни*, почему и рѣшился второй разъ жениться на дочери чиновника, 30-лѣтней дѣвицѣ Пелагеѣ Семеновнѣ Ивановской, съ семействомъ которой онъ успѣлъ познакомиться. 19 мая 1872 года состоялся этотъ новый бракъ въ Кіевѣ, оказавшійся еще болѣе неудачнымъ чѣмъ первый. Послѣ десяти дней брачной жизни Медвицкому встрѣтилась надобность выѣхать изъ Кіева на нѣсколько дней, и когда онъ возвратился, то нашелъ магазинъ распроданнымъ, мастерскую уничтоженною, а молодую жену въ объятіяхъ какого-то казачьяго офицера, ея стараго пріятеля. Пришлось *снова отряхнуть прахъ съ ногъ своихъ* и искать новаго пристанища. На этотъ разъ судьба закинула Саламонскаго, все съ тѣмъ же австрійскимъ паспортомъ Медвицкаго въ Саратовъ. Явившись сюда безъ средствъ, онъ поступилъ закройщикомъ къ портному Мейендорфу, а чрезъ два года открылъ свою собственную мастерскую, скоро перещеголявшую всѣ старыя прославленныя фирмы. Весной 1881 года, Медвицкій познакомился съ Юліей Дементіевной Пучковской и ея дочерью Аделаидой, въ то время только-что сошедшею со школьной скамьи. Пучковскіе страшно нуждались въ деньгахъ, *бродили по цѣлымъ ночамъ по бульварамъ и увеселительнымъ заведеніямъ, куда не принято появляться порядочнымъ женщинамъ*. Медвицкій помогалъ имъ деньгами и, *желая спасти дѣвушку отъ погибели*, предложилъ имъ переѣхать въ гостиницу и жить на его счетъ, и предложеніе было принято. Въ концѣ 1881 года Пучковская прямо предложила Медвицкому жениться на ея дочери, и когда послѣдній заявилъ что онъ уже женатъ, то сказала что это ничего не значитъ, никто объ его прежней женитьбѣ не узнаетъ. Послѣ недолгихъ колебаній Медвицкій согласился и женился въ третій разъ 27 октября 1881 года."

Такъ разказывалъ свою жизнь подсудимый. Судебное слѣдствіе ограничилось затѣмъ допросомъ, вопервыхъ, каноника Флека въ качествѣ свидѣтеля, который публично подтвердилъ свою вину, сознавшись что онъ вѣнчалъ Медвицкихъ имѣя свѣдѣніе о томъ что женихъ состоитъ въ законномъ бракѣ съ другою женщиной; вовторыхъ, допросомъ послѣдней жены подсудимаго, которая уже родила ему сына. Она утверждала что ей не было извѣстно о прежнихъ брачныхъ союзахъ ея супруга и разрыдалась на судѣ, такъ что допросъ ея долженъ былъ прекратиться.

Въ опроверженіе же романической автобіографіи подсудимаго были прочтены письма его къ первой женѣ Леоніи Саламонской изъ-за границы, Кіева *и даже изъ Саратова*, въ которыхъ „онъ проситъ ее вновь съ нимъ сойтись, называетъ *ее честною труженицей* и упрашиваетъ не открывать властямъ его настоящаго имени."

Тронутые похожденіями этого авантюриста и быть-можетъ сочувствуя его подвигамъ, саратовскіе присяжные *оправдали Саламонскаго*.

Русскія Вѣдомости, печатая эту корреспонденцію, не сопровождаютъ ее никакимъ замѣчаніемъ, но, по всему вѣроятію, довольны исходомъ дѣла. Въ томъ же 148 нумерѣ этой газеты помѣщенъ отчетъ о другомъ дѣлѣ разбиравшемся на дняхъ въ Казанской судебной палатѣ, заимство-

ванный ими изъ газеты *Новости*, о бывшемъ самарскомъ городскомъ головѣ Бурѣевѣ и членѣ городской управы Гориновѣ, обвинявшихся—первый въ небрежномъ надзорѣ за дѣйствіями членовъ управы и ея чиновниковъ, въ мнимыхъ ревизіяхъ денежной отчетности и суммъ, отчего произошло расхищеніе послѣднихъ, а второй въ растратѣ ввѣренныхъ ему по службѣ 11.132 рублей, которыхъ онъ не пополнилъ, и въ подлогахъ по книгамъ для сокрытія растраты. Эксперты, допрошенные на судѣ, подтвердили что книги и отчетности Самарской городской управы за десять лѣтъ хозяйничанья подсудимыхъ представляютъ совершенный хаосъ, такъ что по нимъ невозможно учесть правильность поступленія и расходованія общественныхъ суммъ. Подсудимые по этому поводу заявили что книги и отчеты велись ими только „для проформы;" завѣдывали же они дѣлами „на взаимномъ довѣріи."

Новая дюжина гражданъ, которые на сей разъ были призваны чинить судъ сверхъ тѣхъ 6 милліоновъ, которые по разчету *Русскихъ Вѣдомостей* до настоящаго времени уже исполнили эту священную обязанность, нашли „хаосъ" самарскихъ денежныхъ книгъ въ порядкѣ вещей и оправдали гг. Бурѣева и Горинова.

Но и это сопоставленіе двухъ поразительныхъ оправдательныхъ приговоровъ, повидимому, казалось недостаточно эффектнымъ. *Русскимъ Вѣдомостямъ* понадобилось еще доказать что въ нашихъ судахъ царствуетъ не только *милость*, какъ въ дѣлахъ Саламонскаго и Бурѣева, но и примѣрная *строгость*, какъ въ слѣдующемъ примѣрѣ перепечатанномъ тою же газетой все въ томъ же № 148 изъ *Саратовскаго Дневника*: Въ городѣ Сердобскѣ, такъ гласитъ *Дневникъ*, предъ мировымъ судьей обвинялись *землевладѣлецъ дворянинъ* (sic) А. Ив. Берновъ и два его служителя въ слѣдующемъ дѣяніи: Г. Берновъ былъ на охотѣ и недалеко отъ себя, въ полѣ, оставилъ доху и двѣ шубы. Чрезъ нѣкоторое время онъ и его служители замѣтили что эти вещи исчезли и, отправившись разыскивать ихъ, догнали человѣка у котораго ихъ собственность оказалась въ саняхъ. Вещи у него отняли, а молодецъ подалъ жалобу на нанесенные ему при этомъ побои, и г. Берновъ приговоренъ мировымъ судьей къ аресту на одинъ мѣсяцъ, а его служители на двѣ недѣли.

Но если Саламонскій и члены Самарской управы вышли изъ суда оправданными, то г. Берновъ тѣмъ паче не заслуживалъ кары, еслибъ онъ и слишкомъ энергически домогался возврата своихъ вещей, которыя онъ пожалуй никогда и не получилъ бы путемъ суда...

№ 163.

Москва, 13-го Іюня.

Во время коронаціонныхъ торжествъ какая-то рѣчь, говорятъ, была сказана московскимъ городскимъ головой. Хорошо что озаботились привезти въ Москву иностранныхъ корреспондентовъ на наши торжества. Безъ этихъ гостей цѣлое событіе исчезло бы для исторіи, и мы остались бы въ кругломъ о немъ невѣдѣніи. Благодаря австро-венгерскимъ газетамъ, всегда такъ заботливо пекущимся о нашемъ благосостояніи, узнали мы что эта никому въ Москвѣ неизвѣстная рѣчь, не то что рѣчь, но „декларація человѣческихъ правъ," die russische Declaration der Menschenrechte, какъ свидѣтельствуетъ мадьярскій органъ, *Pester Lloyd*, декларація сдѣланная выборнымъ отъ Москвы человѣкомъ предъ самымъ трономъ. По свидѣтельству иностранныхъ гостей нашей казны, все величіе и весь блескъ торжествъ минувшаго мая, это народное одушевленіе, эти ликованія распространявшіяся на всю Россію и отзывавшіяся во всѣхъ уголкахъ ея, все это оказывается поддѣлкой, а правда вся въ той таинственной рѣчи. „Итакъ," восклицаетъ мадьярскій другъ нашъ (*Pester Lloyd*), „даже въ Москвѣ, въ этомъ притонѣ русскаго духа, Царь не безопасенъ. Правда, „благодаря сотнѣ тысячъ полицейскихъ „служителей, не произошло покушенія, но „открылся болѣе опасный врагъ, *политическое общество въ Россіи*. Въ рѣчи московскаго бургомистра, прямо предъ Царемъ заговорившаго о конституціи, высказалась оппозиція которая никогда прежде „такъ смѣло и благородно не высказывалась" (какъ пріятенъ долженъ быть такой похвальный и сочувственный отзывъ отъ заклятыхъ враговъ Россіи!). „Либеральная партія въ Россіи открыто, при „дневномъ свѣтѣ; у ступеней самаго трона, требующая конституціи, вотъ явленіе „до сихъ поръ небывалое. Знаменательно

„именно то что это измѣническое (sic!) „дѣло предпринялъ именно московскій го-„лова. Въ Петербургѣ во время коронаціи „былъ бунтъ только на улицахъ, въ Моск-„вѣ же бунтъ, предъ трономъ, вмѣстѣ „съ хлѣбомъ - солью подалъ декларацію „правъ. Не свидѣтельствуетъ ли это о над-„ломленномъ положеніи дѣлъ въ Россіи? „Въ прежнюю пору человѣка который ока-„зался бы виновнымъ въ подобномъ дѣлѣ „устранили бы тотчасъ же. Теперь же при-„ходится не только терпѣть его, но ока-„зывать ему почести." „Изъ среды мос-„ковскаго городскаго представительства," повѣствуетъ въ свою очередь *Neue Freie Presse*, „съ такого мѣста откуда всего ме-„нѣе можно было ожидать того, раздался „голосъ который напомнилъ о потребно-„стяхъ страны... Все что находится во „власти подозрительной полиціи было сдѣ-„лано чтобы не допустить никакой докуч-„ной струи воздуха, никакого непріятна-„го слова на праздникѣ единовластія (sic! „Alleinherrschaft). Посреди тройной цѣпи „штыковъ развивался хорошо дрессирован-„ный энтузіазмъ народа, и намордникъ цен-„зуры не дозволялъ газетамъ никакого на-„мека несовмѣстнаго съ торжествами. Въ „продолженіе минувшихъ трехъ недѣль, „въ Россіи ни о чемъ нельзя было гово-„рить какъ о государственномъ и церков-„номъ блескѣ, о банкетахъ, пріемахъ и „т. д. Но могущество полиціи, также какъ „и дрессировка умовъ, имѣютъ предѣлъ... „Въ думѣ города Москвы раздался голосъ „правды, который на время коронаціонна-„го торжества повсюду въ Россіи былъ „полиціей замурованъ, будто въ восточной „сказкѣ, и никто иной какъ голова мос-„ковскій всталъ предъ Царемъ и заявилъ „предъ нимъ о правахъ народа..."

Продолжать ли выписывать? Вѣнская газета сообщаетъ даже текстъ знаменитой рѣчи. Московскій городской голова будто бы сказалъ: „власть уже не тамъ гдѣ была до сихъ поръ; она уже принадлежитъ намъ, представителямъ народа." Тѣмъ же у кого до сихъ поръ была власть московскій голова будто бы предоставляетъ только удовольствіе быть зрителями спектакля. По свидѣтельству *Neue Freie Presse*, московскій городской голова будто бы назвалъ свое отечество „храмомъ въ развалинахъ" Tempel in Ruinen). Выходитъ будто бы (г. Чичеринъ, способствовавшій построенію Храма Христа Спасителя въ Москвѣ, надѣется стяжать себѣ благодарность потомства возстановленіемъ развалившейся Россіи. Можетъ ли быть пріятно московскому головѣ то сочувствіе которое оказываютъ ему въ Вѣнѣ и Пештѣ, и не есть ли самая рѣчь г. Чичерина просто выдумка этихъ корреспондентовъ, съ бляхами разъѣзжавшихъ по Москвѣ въ казенныхъ каретахъ?

Во всякомъ случаѣ, едва ли московскій голова сказалъ именно то что эти господа ему приписываютъ. Если дѣйствительно произнесена имъ, во время коронаціонныхъ торжествъ, при какомъ-либо случаѣ, рѣчь политическаго содержанія, то это не первая его рѣчь. При вступленіи своемъ въ должность городскаго головы, въ прошломъ году, онъ держалъ весьма пространную рѣчь въ Думѣ; но онъ оставлялъ власть на ея мѣстѣ, и даже обѣщалъ идти о бокъ съ ней и не дѣлать ей безъ нужды препятствій. Въ нынѣшнемъ году, въ Татьянинъ день, въ именины Московскаго Университета, 12 января, онъ также держалъ застольную рѣчь, но во имя консервативныхъ началъ, и самымъ рѣзкимъ образомъ протестовалъ даже противъ необходимыхъ, задуманныхъ правительствомъ реформъ, какова напримѣръ реформа неотложно требуемая жалкимъ положеніемъ нашихъ университетовъ. И потомъ, могъ ли онъ выставить себя какимъ-то „представителемъ народа?" Не говоря ужь о томъ что по русскимъ понятіямъ есть только одинъ истинный представитель Русскаго народа, его Государь,—г. Чичеринъ ни по какимъ понятіямъ не могъ бы считать себя „народнымъ представителемъ." Ему самому, лучше чѣмъ кому-либо, извѣстна исторія его избранія въ головы. Это дѣло нѣсколькихъ друзей его. Находя что должность московскаго головы служитъ наиближайшимъ этапомъ къ занятію высшаго правительственнаго положенія, друзья г. Чичерина, съ другой стороны, полагали что онъ призванъ къ широкой политической дѣятельности, и что поэтому его нужно продвинуть впередъ. Когда мѣсто головы стало вакантнымъ, они предприняли въ Москвѣ электоральную агитацію въ пользу г. Чичерина. Провести его въ головы было однако дѣломъ не легкимъ. Всѣ отношенія г. Чичерина къ Москвѣ ограничивались тѣмъ что онъ когда-то учился въ Московскомъ Университетѣ и потомъ, въ продолженіи пяти или шести лѣтъ, былъ въ немъ преподавателемъ. Имя его было извѣстно толь-

ко въ университетскихъ и литературныхъ кружкахъ. Массѣ московскихъ избирателей онъ былъ извѣстенъ не болѣе чѣмъ всякій кандидатъ на подобную должность въ Парижѣ или Берлинѣ. Оставивъ профессуру, г. Чичеринъ и Москву оставилъ, и не только никогда не участвовалъ въ ея городскихъ дѣлахъ, но въ продолженіе двѣнадцати или пятнадцати лѣтъ почти не жилъ въ ней и не имѣлъ въ ней никакой собственности. Чтобъ явиться кандидатомъ на городскіе выборы ему приходилось купить ad hoc домъ въ Москвѣ. Что же было предъявлено московскимъ избирателямъ въ подкрѣпленіе его кандидатуры? Между городскими избирателями распространенъ былъ слухъ что выборъ г. Чичерина на должность московскаго городскаго головы былъ бы особенно угоденъ Государю Императору. Московскіе избиратели, подавая за неизвѣстное имъ лицо голоса, хотѣли стало-быть выбрать не трибуна, а человѣка лично извѣстнаго Государю и пользующагося Его довѣріемъ, что не могло не казаться наилучшимъ обзпеченіемъ полезной, хотя и скромной, дѣятельности въ сферѣ городскаго хозяйства первопрестольной столицы, особенно въ виду приближавшейся коронаціи. И что же? Именно человѣка выбраннаго по такому мотиву эти наглые корреспонденты съ торжествомъ выставляютъ представителемъ какой-то революціонной партіи готовой оспаривать верховныя права Государя!

№ 164.

Москва, 14-го Іюня.

Въ Албаніи вотъ уже болѣе мѣсяца идетъ ожесточенная борьба между регулярными турецкими войсками и племенами Готтовъ, Грудовъ, Кастратовъ и пр. Телеграфъ постоянно сообщалъ о кровопролитныхъ схваткахъ, стоившихъ жизни сотнямъ людей, и о сожженіи цѣлыхъ городовъ. На дняхъ, со стороны турецкой, сообщено было офиціозное извѣстіе будто между командующимъ турецкими регулярными войсками и инсургентами состоялось соглашеніе; но, по дальнѣйшимъ извѣстіямъ, кровопролитіе не прекратилось и до сихъ поръ; вѣнскія же газеты сообщаютъ, изъ албанскихъ источниковъ, что албанскіе нотабли отправляются въ Вѣну „хлопотать о вступленіи Австріи въ албано-турецкую распрю.“

Но изъ-за чего разыгралась опять албанская траги-комедія? Кому интересъ поджигать эти разбойничьи племена, которыя еще такъ недавно кичились своею преданностью падишаху? Если судить по наружности, то Албанцы оказываются и на этотъ разъ болѣе турецкими нежели самъ султанъ, и взялись за оружіе, дабы оказать сопротивленіе Турецкому правительству въ исполненіи того постановленія Берлинскаго трактата коимъ увеличивается Черногорская территорія, постановленія такъ урѣзаннаго послѣ упорнаго сопротивленія оказаннаго тѣми же Албанцами совокупному „вмѣшательству“ Европы при Дульциньйо. Нѣкоторыя австрійскія газеты стараются даже убѣдить Турцію что она „усердствуетъ не въ мѣру,“ и что ей нѣтъ никакой надобности хлопотать въ пользу Черногоріи и проливать кровь своихъ подданныхъ ради исполненія Берлинскаго трактата. Пусть де Черногорія сама позаботится о томъ чтобы добыть себѣ ту часть побережья Скутарійскаго озера которая ей присуждена Европой. Турція можетъ де быть совершенно спокойна; Европа не прибѣгнетъ вторично къ коллективному вмѣшательству въ родѣ морской демонстраціи предъ Дульциньйо. Все это конечно пустыя слова, ибо кто же повѣритъ что Турція о томъ только хлопочетъ чтобъ оказаться „лояльною“ исполнительницею Берлинскаго трактата?

Венгерскія газеты, которыя вообще „откровеннѣе“ прочихъ, подходятъ къ разрѣшенію вопроса совсѣмъ съ другой стороны. Онѣ тоже спрашиваютъ, въ чемъ смыслъ теперешняго албанскаго возстанія? И *Пештскій Ллойдъ* отвѣчаетъ что албанцевъ подстрекаетъ никто иной какъ сама Черногорія! Подражая Россіи, она сѣетъ де раздоръ въ турецкомъ лагерѣ дабы имѣть поводъ обратиться къ заступничеству Европы. Органъ венгерскаго министерства пользуется впрочемъ этою безсмысленною инсинуаціей лишь для того чтобы прочесть строгую нотацію всѣмъ славянскимъ народностямъ Балканскаго полуострова, рекомендуя имъ не только быть смирными и не мечтать ни о какихъ перемѣнахъ въ ихъ теперешнемъ положеніи, но и остерегаться всякихъ попытокъ ко взаимному сближенію; ибо этого одного будетъ де достаточно чтобъ Австрія, опи-

рающаяся на новый тройственный союзъ, распорядилась ими по своему. „Въ тотъ моментъ," замѣчаетъ мадьярская газета, „какъ балканскія государства, кои достигли своего теперешняго положенія сцѣпленіемъ неслыханныхъ случайностей, выступятъ изъ онаго и, не довольствуясь дарованною каждому изъ нихъ независимостію, попытаются войти въ тѣснѣйшее взаимное сближеніе, ихъ независимости будетъ положенъ конецъ. Ни Россіи, ни какой бы то ни было федераціи находящейся подъ покровительствомъ Россіи, не предотвратить коренныхъ перемѣнъ, которыя наступятъ тогда съ роковою необходимостью."

Но и эта выходка мадьярскихъ шовинистовъ такъ же мало разъяснила смыслъ совершающихся въ Албаніи событій какъ и увѣреніе будто Турція только о томъ хлопочетъ какъ бы поскорѣе исполнить наложенное на нее по отношенію къ Черногоріи обязательство.

Но есть и третье объясненіе. О немъ проговорилась *Всеобщая* (бывшая аугсбургская) *Газета*, которою, по объясненію *Крестовой Газеты*, часто пользуются австрійскіе дипломаты не у дѣлъ. По словамъ этой газеты, настоящее движеніе въ Албаніи имѣетъ весьма искусныхъ, хотя и невидимыхъ, руководителей. Албанцы располагаютъ де обширными складами отличнаго оружія и расплачиваются за все наличными деньгами. „Весьма вѣроятно," сказано далѣе, „что Албанцамъ оказываетъ матеріальную помощь какое-либо правительство, ибо наличныхъ денегъ у Албанцевъ никогда въ изобиліи не имѣется. Какъ бы то ни было, но теперешнее движеніе не такъ скоро окончится. Территоріальная уступка Черногоріи будетъ стоить много крови, ибо албанскія племена будутъ этому противиться съ бо́льшимъ единодушіемъ чѣмъ когда-либо прежде. Власть султана надъ Албаніей доживаетъ свои послѣднія минуты."

Названная газета находитъ что съ точки зрѣнія австрійскихъ интересовъ такой оборотъ дѣлъ весьма желателенъ, ибо для Австріи очень де выгодно если на Балканскомъ полуостровѣ возникнетъ независимое албанское государство, половина населенія котораго исповѣдуетъ католическую вѣру. Оно послужитъ де противовѣсомъ православнымъ славянскимъ государствамъ. *Всеобщая Газета* сомнѣвается только, сумѣютъ ли де австрійскіе дипломаты нынѣ управляющіе дѣлами, уразумѣть эту выгоду и воспользоваться ею надлежащимъ образомъ.

Такимъ образомъ, изъ словъ австрійскихъ же органовъ явствуетъ что спокойствіе на Балканскомъ полуостровѣ нарушено въ настоящее время ни въ чьихъ иныхъ какъ въ интересахъ самой же Австріи, и перемѣны которыя предвидятся, перемѣны сопряженныя съ новымъ ограниченіемъ верховныхъ правъ султана, должны послужить опять-таки на пользу одной Австріи.

Берлинская *Крестовая Газета*, возражая противъ одной изъ нашихъ статей о дѣлахъ Востока, старается насъ убѣдить что Австрія поставлена Европой „стражемъ мира" на Балканскомъ полуостровѣ, и что если Россія будетъ пользоваться своимъ вліяніемъ на тамошнія народности дабы помогать Австріи въ этой задачѣ, то найдетъ въ ней не противника, а самаго сговорчиваго и доброжелательнаго сосѣда.

Послѣднія событія въ Албаніи и таинственная помощь оказываемая тамошнимъ инсургентамъ противъ Турціи доказываютъ, во всякомъ случаѣ, что Австрія или не умѣетъ или не желаетъ исполнить свою офиціальную миссію „стража мира."

Но мы вообще не видимъ никакой разницы между взглядомъ *Крестовой Газеты* на политику Австріи на Востокѣ и взглядомъ *Всеобщей Газеты*, противъ которой насъ предостерегаетъ органъ прусскихъ консерватисовъ. Мюнхенская газета откровенно проводитъ тотъ взглядъ что Австріи предназначено полное и исключительное господство на Балканскомъ полуостровѣ, и что главнымъ орудіемъ для укрѣпленія этого господства должна служить католическая пропаганда и борьба противъ православія. На дѣлѣ мы видимъ что программа эта исполняется съ большимъ усердіемъ въ томъ единственномъ славянскомъ государствѣ коего правительство подчинилось австрійскому вліянію. Будущее покажетъ насколько Сербское правительство служитъ этому дѣлу мира или напротивъ сѣетъ глубокую смуту въ собственной странѣ.

Крестовая Газета ничего не говоритъ о католической пропагандѣ Австріи и о борьбѣ противъ православной церкви. Но и она выставляетъ Австрію какъ единственную руководительницу будущихъ су-

дебъ Балканскаго полуострова и признаетъ стремленіе тамошнихъ народовъ къ самобытности лишь насколько этимъ не нарушаются задачи Австріи какъ господствующей державы. Это есть де дѣло безповоротно рѣшенное, а потому Россія хорошо де сдѣлаетъ, если будетъ содѣйствовать укрѣпленію этого убѣжденія среди Славянъ Балканскаго полуострова.

Вліяніе Россіи на Славянъ Балканскаго полуострова обусловливается не дипломатическими актами. Почтенная берлинская газета не хуже насъ понимаетъ что никакое искусственное созданіе дипломатіи не разрушитъ и не переживетъ исконной связи Россіи съ Востокомъ. Поэтому и не можетъ быть такого политическаго положенія при коемъ Россія имѣла бы надобность употреблять свое вліяніе для цѣлей прямо противныхъ этой исторической связи.

№ 165.

Москва, 15-го Іюня.

Временно притихнувшіе, вновь начались нескончаемые толки о нашемъ вексельномъ курсѣ, о неустойчивости нашей валюты, о шаткости всего нашего денежнаго обращенія. Ближайшій предлогъ къ этимъ толкамъ поданъ тѣмъ обстоятельствомъ что вексельные курсы, поднявшіеся было подъ впечатлѣніемъ коронаціонныхъ торжествъ, вслѣдъ за тѣмъ вновь оказали наклонность къ пониженію. Не станемъ допытываться какими именно новыми фактами и случайностями могло быть парализовано недавнее благопріятное настроеніе курсовыхъ биржъ: биржевые дѣятели въ своихъ спекуляціяхъ на повышеніе и пониженіе всегда найдутъ къ чему придраться и, при неимѣніи подъ рукой дѣйствительныхъ и вѣскихъ фактовъ, нисколько не затруднятся придать значеніе фактамъ дутымъ. Останавливаютъ на себѣ вниманіе не столько предлоги къ повышеніямъ и пониженіямъ, сколько тотъ фактъ что наши вексельные курсы, а стало-быть и всѣ интересы связанные съ ихъ колебаніями представляютъ собой у насъ какъ бы игрушку въ рукахъ иностранныхъ биржъ.

Рядомъ съ этимъ фактомъ стоитъ другой находящійся въ тѣсной съ нимъ связи—хроническій отливъ драгоцѣнныхъ металловъ изъ Россіи. Какіе размѣры онъ принялъ показываетъ вышедшій недавно офиціальный отчетъ о таможенныхъ сборахъ и внѣшней торговлѣ за минувшій 1882 годъ. Самое разительное въ этомъ отчетѣ—цифры привоза въ Россію и вывоза изъ нея монеты и золотыхъ и серебряныхъ слитковъ. За три послѣдніе года, какъ видно изъ этого отчета, привозъ къ намъ драгоцѣнныхъ металловъ опредѣлился слѣдующими цифрами:

	По европейской торговлѣ.	По азіятской торговлѣ.	Итого.
Въ 1880 г.	11.399.000	991.000	12.390.000 р.
„ 1881 „	8.876 000	1.070.000	9.946 000 „
„ 1882 „	9.149.000	624.000	9.773.000 „
Всего въ три года	29.424.000	2.685.000	32.109.000 р.

Одновременно съ этимъ привозомъ драгоцѣнныхъ металловъ, вывозъ ихъ за границу шелъ въ такихъ размѣрахъ:

	По европейской торговлѣ.	По азіятской торговлѣ.	Итого.
Въ 1880 г.	24.299.000	4.479.000	28.778.000 р.
„ 1881 „	66.478.000	2.510.000	68 988.000 „
„ 1882 „	76.904.000	2.428.000	79.332.000 „
Всего въ три года	167.681.000	9.417.000	177.098.000 р.

Въ общемъ выводѣ получаемъ такой прогрессирующій отливъ драгоцѣнныхъ металловъ изъ Россіи:

Въ 1880 году	16.388.000 р.
„ 1881 „	59.042.000 „
„ 1882 „	69.559.000 „
Итого	144.989.000 р.

Было время когда отливъ золота изъ Россіи объясняли предполагаемымъ избыткомъ бумажныхъ денегъ и когда такое объясненіе могло казаться удовлетворительнымъ. Казна выпустила слишкомъ много бумажныхъ неразмѣнныхъ денегъ и тѣмъ де обезцѣнила ихъ, а между тѣмъ, установивъ обязательный курсъ, требуетъ чтобъ онѣ ходили наравнѣ со звонкою монетой, говорили бывало: при такомъ порядкѣ драгоцѣнные металлы въ Россіи держаться не могутъ; обязательный курсъ насильственно принижаетъ ихъ цѣну, и они естественно должны уходить за границу, гдѣ ихъ цѣнятъ въ мѣру ихъ дѣйствительной стоимости. Такія сужденія, сваливавшія всю вину на бумажноденежные выпуски, долгое время казались убѣдительными и даже непогрѣшимыми, но могутъ ли они быть примѣнены, хотя въ малой степени, къ фактамъ съ которыми мы те-

перь имѣемъ дѣло и которые такъ рельефно обозначились въ вышеприведенныхъ цифрахъ офиціальнаго отчета? Обязательный курсъ, если и велъ прежде къ приписываемымъ ему результатамъ, давнымъ давно уже пересталъ принижать цѣну серебра и золота; никакого принужденія къ тому чтобы золото и серебро ходили ниже своей цѣны на дѣлѣ вовсе нѣтъ; золото и серебро давнымъ давно уже не нуждаются въ бѣгствѣ за границу чтобы быть оцѣненными по достоинству: ихъ очень дорого цѣнятъ и въ Россіи, какъ можно видѣть изъ любаго биржеваго бюллетеня. Въ золотѣ у насъ сильная потребность для платежей въ которыхъ оно не можетъ быть замѣняемо другими платежными средствами, и ему слѣдовало бы не отливать изъ Россіи, а приливать въ нее, еслибы только былъ смыслъ въ той доктринѣ что золото уходитъ оттуда гдѣ его не цѣнятъ и идетъ туда гдѣ есть на него спросъ. Нужда въ золотѣ у насъ большая, цѣнимъ мы его очень высоко, а оно все-таки отъ насъ утекаетъ, и въ какіе-нибудь три года ушло его изъ Россіи на сто сорокъ пять милліоновъ рублей.

Нѣтъ, не вслѣдствіе обязательнаго курса бумажныхъ денегъ, и не потому чтобы мы мало дорожили золотомъ уходитъ оно отъ насъ, а потому что его отъ насъ требуютъ и мы должны отдавать его волей-неволей, какъ бы ни было оно нужно намъ самимъ. Ни бумажноденежное обращеніе, ни принудительный курсъ приливу золота не мѣшаютъ; это въ недавнее время доказано фактически въ Америкѣ. Для того чтобы начался приливъ туда золота, не понадобилось никакихъ предварительныхъ реформъ въ денежномъ обращеніи; но когда условія при которыхъ этотъ приливъ сдѣлался возможнымъ установились и упрочились, сами собой исправились и окрѣпли вексельные курсы, само собой возстановилось и упрочилось и правильное денежное обращеніе. Предъ тѣмъ какъ это совершилось, Америка находилась въ положеніи во многихъ отношеніяхъ сходномъ съ тѣмъ въ какомъ мы нынѣ находимся: ея курсы были также не прочны и золото уходило изъ нея точно также какъ это мы видимъ у себя, и по тѣмъ же самымъ причинамъ. Америка много покупала иностранныхъ товаровъ, сравнительно мало отпуская своихъ, и должна была ежегодно уплачивать разницу; масса ея долговыхъ обязательствъ находилась въ рукахъ иностранцевъ, и по нимъ требовались ежегодныя крупныя уплаты. Пока такъ было, и золото изъ Америки уплывало, и таможніе курсы были не прочны. Но перевернулся въ другую сторону торговый балансъ, установился такой ходъ внѣшней торговли при которомъ Америка стала покупать иностранные товары сравнительно въ умѣренномъ количествѣ, отпуская за границу свои товары на суммы въ полтора раза большія, произошелъ вслѣдъ затѣмъ и именно въ силу этого переходъ американскихъ долговыхъ обязательствъ отъ иностранцевъ въ американскія руки,—и все измѣнилось и обернулось въ выгодную для Америки сторону. Безъ сомнѣнія, у иностранцевъ не уменьшилась охота высасывать изъ Америки золото и играть ея курсами, но американская почва перестала быть удобною для такой игры и для такихъ высасываній. Россія же остается попрежнему доступною для всѣхъ подобныхъ спекуляцій.

Оставаться ли намъ и впредь въ томъ же положеніи, или же позаботиться о мѣрахъ которыя освободили бы наше народное хозяйство отъ непрерывной иностранной эксплуатаціи? Само собою разумѣется что не тѣ кому выгодно насъ эксплуатировать подадутъ намъ добрый совѣтъ въ такомъ дѣлѣ и не съ ихъ стороны можемъ мы ждать одобренія мѣрамъ которыя вели бы къ такой цѣли. Та народнохозяйственная политика, которая вывела Америку изъ состоянія финансовой зависимости, была съ самаго начала строго осуждена и европейскимъ биржевымъ міромъ, и всѣмъ хоромъ идущей съ нимъ рука объ руку манчестерской школы, захватившей себѣ право говорить во имя будто бы экономической науки. Съ ихъ стороны дѣлалось все возможное чтобъ убѣдить Американцевъ что, погрѣшая противъ ходячей экономической доктрины, Америка стала на путь ведущій будто бы къ неизбѣжному ея разоренію, и между самими Американцами было не мало принимавшихъ всѣ эти толки и сожалѣнія объ ихъ судьбѣ за чистую монету. Но не сторонники школьныхъ доктринъ были руководителями американской политики, а люди понимавшіе интересы своей страны и знавшіе настоящую цѣну чужихъ похвалъ и порицаній. Мы, наоборотъ, во всѣхъ нашихъ экономическихъ дѣлахъ старались донынѣ дѣйствовать именно по чужой указкѣ, постоянно прислушиваясь и

оглядываясь по сторонамъ, не косится ли кто на насъ, не говоритъ ли кто-нибудь что мы поступили не по патентованному методу. Но должны же мы когда-нибудь отдѣлаться отъ этой привычки безсмысленнаго благоговѣнія предъ чужими о насъ отзывами.

После опыта сдѣланнаго Америкой, послѣ поданнаго ею примѣра, путь ведущій къ улучшенію вексельныхъ курсовъ, къ прекращенію отливовъ изъ страны золота и къ возстановленію правильнаго денежнаго обращенія, ясно обозначился, и нужна только рѣшимость твердо стать на этотъ путь и неуклонно слѣдовать имъ. Это путь поощренія производительнаго народнаго труда во всѣхъ его видахъ, принятіе мѣръ къ тому чтобы народное потребленіе служило поддержкой не иностраннаго, но внутренняго производства. Такая политика можетъ быть не примѣнимою во многихъ небольшихъ по пространству государствахъ, но она, можно сказать, самою природой предопредѣлена такимъ странамъ какъ Америка или Россія. По разнообразію своихъ почвъ, климатовъ и всякихъ сырыхъ продуктовъ, каждая изъ этихъ странъ почти вполнѣ довлѣетъ собѣ въ народнохозяйственномъ отношеніи; каждая можетъ производить у себя дома почти все ей необходимое, мало нуждаясь въ привозномъ; бо́льшая часть привозимаго въ нихъ есть роскошь которую можно допускать, но отъ которой въ случаѣ нужды можно и отказаться. При такихъ условіяхъ, сокращеніе иностраннаго привоза возможно у насъ въ большихъ размѣрахъ, безъ особыхъ отъ того неудобствъ. Пересмотрите статьи нашего привоза: какую огромную массу покупаемъ мы у иностранцевъ такихъ товаровъ которые удобно могутъ производиться въ нашей странѣ! Еслибъ эти товары производились дома, а не выписывались изъ-за границы, многое въ положеніи нашихъ дѣлъ не замедлило бы измѣниться къ лучшему. Вся стоимость этихъ выписываемыхъ товаровъ, идущая нынѣ въ пользу иностранцевъ, пошла бы на обогащеніе русскихъ рабочихъ и хозяевъ; масса праздныхъ рукъ нашла бы себѣ занятіе; масса домашнихъ продуктовъ, остающихся теперь безъ спроса, получила бы сбытъ и цѣнность. Съ замѣной значительной части привозныхъ товаровъ товарами внутренняго производства, нашъ торговый балансъ измѣнился бы къ нашей выгодѣ. Вмѣсто приплатъ съ нашей стороны, потребовались бы приплаты отъ иностранцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ открылась бы перспектива и къ постепенному улучшенію вексельныхъ курсовъ, и къ переходу русскихъ долговыхъ обязательствъ въ русскія руки. Все это прежде могло казаться мечтой, но опытомъ Америки засвидѣтельствовано что это дѣло осуществимое, была бы только добрая воля и твердая рѣшимость серіозно за него взяться и довести его до конца.

№ 166.

Москва, 16-го Іюня.

Вотъ уже болѣе мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ какъ 13 (25) мая смерть несчастнаго капитана Ривьера открыла собою острый фазисъ Тонкинскаго вопроса, а все еще нельзя предвидѣть какое предстоитъ рѣшеніе этому вопросу. Все повидимому будетъ зависѣть отъ того какой оборотъ примутъ переговоры въ Шанхаѣ между французскимъ посломъ Трику и губернаторомъ южныхъ китайскихъ провинцій генераломъ Ли-Хунъ-Чаномъ; но до сихъ поръ объ этихъ переговорахъ проникали въ печать лишь самые противорѣчивые слухи, представлявшіе Китай то наканунѣ полнаго разрыва съ Франціей, то готовымъ на всякія уступки; одно только подтверждается со всѣхъ сторонъ, что дипломатическая кампанія между Франціей и Китаемъ близится къ своему окончанію, и что на дняхъ мы узнаемъ результатъ Шанхайскихъ переговоровъ.

Если однако мы ничего не знаемъ о томъ чѣмъ разрѣшится Тонкинскій вопросъ, то имѣемъ теперь полную возможность ознакомиться съ дѣйствительными причинами его возникновенія. Цѣлый рядъ „разоблаченій“ появившихся во французскихъ, англійскихъ и американскихъ газетахъ приподнялъ завѣсу скрывавшую отъ насъ постепенный ходъ тѣхъ событій которыя такъ неожиданно для всѣхъ непосвященныхъ окончились Ганойскою катастрофой и поставили лицомъ къ лицу Французскую республику и Китайскую имперію. Бесѣды различныхъ газетныхъ корреспондентовъ съ маркизомъ Цзенгомъ, на пути его изъ Москвы въ Парижъ и Лондонъ, письмо Аннамскаго императора къ Китайскому богдыхану, сообщенія сдѣланныя во французской

печати разными лицами причастными къ тѣмъ событіямъ среди которыхъ возникъ Тонкинскій вопросъ, а въ оссобенности дипломатическая переписка по этому вопросу между Французскимъ и Китайскимъ правительствами съ 1875 года до настоящаго времени, обнародованная благодаря парижскому корреспонденту газеты *Times*, ясно обнаружили что если кто виноватъ въ тѣхъ причинахъ которыя привели Францію къ необходимости готовиться къ новой и дальней военной экспедиціи, то это единственно Французское правительство или, вѣрнѣе сказать, тѣ разнородныя правительства которыя въ послѣдніе годы, по такъ-называемой „волѣ народа,“ такъ быстро смѣнялись у кормила государства.

Маркизъ Цзенгъ, какъ оказывается, уже съ 1880 года велъ дипломатическую корреспонденцію съ французскими министрами иностранныхъ дѣлъ, причемъ ему большею частью приходилось получать отвѣты не отъ тѣхъ дипломатовъ къ которымъ онъ адресовалъ свои ноты, а отъ ихъ преемниковъ, то отъ г. де-Фрейсине, то отъ г. Бартелеми Сентъ-Илера, то отъ г. Гамбетты, то снова отъ г. де-Фрейсине, то наконецъ отъ г. Шаллемель-Лакура; и между тѣмъ какъ представитель Китайскаго правительства проводилъ съ замѣчательною послѣдовательностью все одни и тѣ же взгляды на Тонкинскій вопросъ, протестуя противъ всякаго протектората Франціи надъ какою-либо частью Аннама, состоящаго данникомъ Китайской имперіи, французскіе министры высказывались по отношенію къ этому вопросу каждый по своему, то уклоняясь отъ какого-либо рѣшительнаго отвѣта, то высказываясь съ большою опредѣленностью, то уступая, то, напротивъ, предъявляя новыя требованія.

Вотъ въ краткихъ чертахъ исторія Тонкинскаго вопроса, какъ она выяснилась изъ вышеуказанныхъ разоблаченій:

Въ 1872 году французскій купецъ-авантюристъ Дюпюи обратился ко Французскому правительству съ предложеніемъ занять отъ имени Франціи Тонкинъ, который, по его словамъ, обилуетъ природными богатствами, золотыми пріисками и обширными залежами серебра, мѣди и другихъ металловъ. Въ то время морскимъ министромъ былъ адмиралъ Потюо, который одобрилъ проектъ Дюпюи, но въ снаряженіи экспедиціи отказалъ, давъ однако въ распоряженіе смѣлаго купца небольшой пароходъ. Заручившись „нравственною“ поддержкой Французскаго правительства, Дюпюи снарядилъ на собственныя деньги маленькую эскадру изъ четырехъ разнородныхъ судовъ, вооружилъ ее тридцатью пушками малаго калибра, двинулся съ горстью Европейцевъ вверхъ по теченію Красной Рѣки и водворился въ Ганоѣ. Аннамскіе мандарины, понявъ что Дюпюи питаетъ намѣреніе подчинить Тонкинъ Франціи, стали преслѣдовать его всѣми возможными способами, наказывая туземцевъ помогавшихъ такъ или иначе Французамъ, нападая на Французовъ изъ-за угла, отравляя воду въ ихъ колодцахъ, поджигая ихъ дома и, наконецъ, видя что Дюпюи не покидаетъ Ганоя, Аннамцы повели формальный штурмъ противъ горсти моряковъ флотиліи Дюпюи, которые однако отбили непріятелей и удержали за собой свою позицію въ Ганоѣ. Тогда Дюпюи снова обратился съ просьбой о помощи ко Французскому правительству. Въ 1873 году морскимъ министерствомъ завѣдывалъ адмиралъ д'Орнуа, который рѣшился оказать энергическую поддержку осажденнымъ въ Ганоѣ Французамъ. Была отправлена изъ Кохинхины французская экспедиція подъ командой лейтенанта Гарнье, который менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ захватилъ всѣ укрѣпленные пункты страны и принудилъ Аннамское правительство къ согласію на веденіе мирныхъ переговоровъ, въ теченіе коихъ однако непріятели заманили Гарнье въ ловушку и измѣннически убили его. Въ наказаніе за это убійство Аннамцы принуждены были подписать 15 марта 1874 года договоръ, въ которомъ они признавали надъ Тонкиномъ протекторатъ Франціи. По прошествіи года (25 мая 1875 года), этотъ договоръ былъ сообщенъ между прочимъ и Китайскому правительству, которое немедленно (10 іюня) протестовало, такъ какъ Аннамъ уже болѣе 200 лѣтъ находится подъ непосредственнымъ покровительствомъ Китая. Между тѣмъ во Франціи произошла новая перемѣна кабинета и морское министерство досталось адмиралу Монтаньяку, который приказалъ немедленно очистить Тонкинъ отъ французскихъ войскъ и принудилъ даже Дюпюи покинуть Ганой. Китайское правительство сочло это распоряженіе Французскаго правительства естественнымъ послѣдствіемъ своего протеста противъ договора 1874 года, который оставался такимъ образомъ мертвою

буквой, и Тонкинскій вопросъ заглохъ на цѣлыя пять лѣтъ.

Между тѣмъ Дюпюи не унывалъ и продолжалъ хлопотать, подбивая Французское правительство снарядить новую экспедицію въ Тонкинъ. Вопросомъ этимъ заинтересовалась одна изъ дамъ Парижскаго полусвѣта, г-жа Вальтесъ-де-Бинь, сосѣдка по дачѣ покойнаго Гамбетты, бывшаго въ то время всемогущимъ предсѣдателемъ палаты депутатовъ. Началась корреспонденція (нынѣ обнародованная) между г-жой Вальтесъ и Гамбеттой, результатомъ которой оказалось что Французское правительство вспомнило о договорѣ 1874 года, и начались толки о необходимости привести его въ исполненіе. Толки эти дошли до маркиза Цзенга, который обратился съ новымъ протестомъ къ министру иностранныхъ дѣлъ г. де-Фрейсине и получилъ отъ него самый успокоительный отвѣтъ что „Франція и не думаетъ о новой экспедиціи въ Тонкинъ.“ Но г. де-Фрейсине принужденъ былъ вскорѣ покинуть свой постъ, и его преемникъ Бартелеми де-Сентъ-Илеръ отвѣтилъ на повторенный вопросъ маркиза Цзенга что договоръ 1874 года до сихъ поръ считается Французскимъ правительствомъ неотмѣненнымъ. Когда маркизъ Цзенгъ снова напомнилъ что договоръ этотъ опротестованъ Китайскимъ правительствомъ, новый министръ иностранныхъ дѣлъ Гамбетта отвѣтилъ въ очень рѣзкой формѣ что права Китая на Аннамъ имѣютъ лишь „историческое“ значеніе и отдалъ приказаніе отправить экспедицію въ Тонкинъ подъ командой капитана Ривьера. Это было въ январѣ 1882 года. Ривьеръ блестящимъ образомъ исполнилъ возложенную на него задачу и въ апрѣлѣ взялъ приступомъ Ганой и просилъ прислать ему подкрѣпленіе. Но въ то время во Франціи иностранныя дѣла снова уже успѣли перейти въ руки г. де-Фрейсине, который, по жалобѣ маркиза Цзенга, отвѣтилъ что во взятіи Ганоя Французское правительство ни причемъ, что оно совершилось противъ его воли, и вмѣстѣ съ тѣмъ распорядилось чтобы капитану Ривьеру не было послано подкрѣпленіе, о которомъ тотъ просилъ. Рѣшившись не покидать завоеванной имъ крѣпости, Ривьеръ укрѣпился въ Ганоѣ въ надеждѣ получить наконецъ поддержку въ случаѣ какой-либо новой перемѣны правительства во Франціи. Дѣйствительно г. де-Фрейсине скоро палъ, на его мѣсто вступилъ г. Дюклеръ, а его смѣнилъ г. Фалльеръ который затѣмъ уступилъ свой постъ г. Шаллемель-Лакуру, но требуемая помощь не была оказана капитану Ривьеру, который наконецъ вынужденъ былъ отважиться на вылазку и поплатился жизнью за „правовой порядокъ“ своей родины. Тяжелое впечатлѣніе производятъ письма несчастнаго храбраго воина, обнародованныя теперь въ *Nouvelle Revue*, дѣятельнымъ сотрудникомъ которой покойный давно уже состоялъ. „Министръ,“ писалъ онъ вскорѣ послѣ взятія Ганоя, „сперва „поздравилъ меня, а потомъ вдругъ за„молкъ. Что же, хвалятъ меня или порицаютъ въ Парижѣ? Французская админи„страція въ колоніяхъ не что иное какъ „образецъ глупости, заносчивости, произвола и неспособности (un chef d'oeuvre „de bêtise, d'outrecuidance, d'arbitraire et „d'incapacité). На практикѣ она выражает„ся гибельною, разорительною экономіей и „отсутствіемъ производительныхъ расхо„довъ. А какъ мы этимъ надоѣдаемъ ту„земцамъ, какъ мы ихъ раздражаемъ!“

Французы сами теперь жалуются на „вѣчныя колебанія, противорѣчія и близорукость различныхъ кабинетовъ чередовавшихся въ послѣднее время въ управленіи французскими дѣлами“ (*Revue des Deux Mondes*). Даже искренніе друзья республики, какъ Поль Леруа-Больё, безпощадно осыпаютъ республиканское правительство горькими упреками. „Не Англіи намъ бояться и не Китая,“ пишетъ онъ въ *Journal des Débats*, „а насъ самихъ, нашихъ „полумѣръ, хуже и опаснѣе которыхъ ни„чего нѣтъ на свѣтѣ.“ Дабы не впасть въ новую ошибку, г. Леруа-Больё совѣтуетъ прямо напасть не на Тонкинъ только, а на всю Аннамскую имперію и присоединить ее окончательно ко Франціи; тогда де замолчатъ и Китай и Англія.

Но едва ли этого будетъ достаточно. Теперешній кабинетъ Жюля Ферри, желающій вдохновиться энергической политикой Гамбетты, можетъ-быть и сумѣетъ рѣшить Тонкинскій вопросъ въ пользу Франціи, такъ же какъ онъ на дняхъ рѣшилъ вопросъ Мадагаскарскій бомбардировкой и занятіемъ приморскаго города Таматава; но дни г. Ферри сочтены: „представители народа“ ропщутъ противъ Гамбеттинскихъ „властолюбивыхъ“ замашекъ теперешняго кабинета, и рано или поздно г. Ферри придется подчиниться неизбѣжному произволу

французскаго парламента, а тогда снова произойдетъ перемѣна во всѣхъ сферахъ управленія, которая неминуемо отразится и на колоніальной политикѣ Франціи, подвергнувъ ее тѣмъ самымъ безконечнымъ колебаніямъ которыя до сихъ поръ лишали ее всякаго смысла и всякой послѣдовательности. Англичане, безспорные авторитетные специалисты въ колоніальной политикѣ, трунятъ надъ французскими заморскими экспедиціями предпринимаемыми въ той увѣренности что за „французскимъ знаменемъ послѣдуетъ французская торговля.“ „Неужели Французы полагаютъ,“ спрашиваетъ *Daily News*, „что стóитъ „только выпалить извѣстное количество „картечи чтобы коммерческіе доходы завоеванной страны посыпались въ карманы завоевателя? Кохинхина давно уже „принадлежитъ Франціи, и она богаче Тонкина, а между тѣмъ неоспоримо что Французы не извлекли изъ своихъ владѣній „никакой пользы. Англія поступила на„оборотъ: не торговля слѣдовала за ея „знаменами, а знамена слѣдовали за ея „торговлей, являясь ей на защиту тамъ „гдѣ ей угрожала опасность и увеличивая „кстати англійскую территорію.“ Въ такомъ же смыслѣ *Times* высказываетъ сомнѣніе чтобы Франціи удалось основать подобно Англіи „колоніальную имперію,“ не находя во Французской республикѣ тѣхъ необходимыхъ для этого труднаго дѣла качествъ какими обладаетъ Англія.

И въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли Франція въ теперешнемъ своемъ безобразномъ состояніи вести серіозную колоніальную политику, которая прежде всего нуждается въ строгой обдуманности, дальновидности и послѣдовательности, между тѣмъ какъ теперешніе республиканскіе кабинеты представляютъ, по мѣткому выраженю несчастнаго Ривьера, „идеалъ глупости, заносчивости, произвола и неспособности?“

№ 167.

Москва, 17-го іюня.

Господа петербургскіе публицисты, протестуя противъ выдуманной ими самими „дворянской эры,“ пустились было въ разсужденія о дворянствѣ. По мнѣнію этихъ господъ, отзывъ Монарха о Его вѣрномъ дворянствѣ относится не къ дворянству, а къ интеллигентнымъ людямъ вообще. При этомъ насъ поучаютъ что сила не въ происхожденіи, въ чемъ де состоитъ дворянскій принципъ, а въ заслугахъ. Но дворянское достоинство въ Россіи отнюдь не есть привилегія происхожденія. Всякій имѣетъ неотъемлемое право пріобрѣсти дворянское достоинство путемъ государственной службы. Въ прежнюю пору первый офицерскій чинъ давалъ право на дворянство. Въ послѣдствіи условія повысились, но принципъ остается тотъ же. Слишкомъ низкія условія пріобрѣтенія дворянства уронили бы его; слишкомъ высокій и трудный подъемъ къ нему испортилъ бы его духъ и оторвалъ бы его отъ народа. Тутъ, какъ и вездѣ, требуется средній путь. Кромѣ широкаго пути въ общемъ порядкѣ государственной службы, остается въ силѣ и другой способъ пріобрѣтенія дворянскаго достоинства, зависящій отъ изволенія верховной власти, не стѣсненнаго никакими условіями, но и не стѣсняющаго ни чьихъ правъ.

Другая существенная черта дворянскаго сословія состоитъ въ томъ что всѣ его члены юридически совершенно равны между собой. Послѣ отмѣны крѣпостнаго права и въ силу послѣдовавшихъ преобразованій, за дворянами не осталось никакихъ преимуществъ сравнительно съ другими неподатными сословіями. Удержалось только право дворянскихъ выборовъ, но оно принадлежитъ не дворянамъ поголовно, а только землевладѣльцамъ изъ дворянъ. Благодаря этому праву, которое есть болѣе тягло чѣмъ выгода, помѣстное дворянство продолжаетъ и при новыхъ условіяхъ служить государству. Избираемыя помѣстнымъ дворянствомъ изъ своей среды лица служатъ однимъ изъ весьма существенныхъ и цѣнныхъ элементовъ мѣстнаго управленія. Предводители дворянства несутъ много важныхъ обязанностей въ губернскихъ и уѣздныхъ дѣлахъ, несутъ безмездно и въ интересѣ всѣхъ сословій. Въ организаціи помѣстнаго дворянства нѣтъ ни высшаго, ни низшаго дворянства. Вчера иммагрикулированный дворянинъ совершенно равенъ съ потомкомъ рода ведущаго свою генеалогію отъ Рюрика, мелкій захолустный помѣщикъ съ великосвѣтскимъ барицомъ и титулованнымъ обладателемъ громадныхъ имѣній. Всякая попытка внести рознь въ дворянскую организацію была бы равносильна попыткѣ разрушить его. Въ

коронаціонныхъ церемоніалахъ встрѣчается выраженіе „знатное дворянство." Мы не помнимъ употреблялось ли въ прежнюю пору это выраженіе при подобныхъ случаяхъ. Если употреблялось то развѣ только для красоты слога. Въ настоящее же время, когда все подвергается вопросу и ко всему подкрадывается какая-нибудь тенденція, въ дворянской организаціи можетъ тревожно отозваться это выраженіе не имѣющее реальности, но подъ которымъ мнѣніе, подозрительно настроенное, готово видѣть затаенную затѣю. Что такое знатное дворянство? Потомки ли старинныхъ родовъ? Но это будетъ неправда. Много старинныхъ фамилій находятся въ захудаломъ состояніи и даже лишены права участія въ дворянскихъ выборахъ, а на вершинахъ, какъ общественныхъ такъ и государственныхъ, много лицъ недавняго происхожденія, тѣмъ не менѣе претендующихъ на знатность. Титулованные ли роды отнести къ знатному дворянству? Но графскій или княжескій титулъ точно также не спасаетъ отъ захудалости какъ и происхожденіе отъ Рюрика, и рядомъ съ титулованными фамиліями и выше ихъ, какъ въ генеалогическомъ отношеніи такъ и по общественному положенію, стоятъ фамиліи нетитулованныя. Богатство ли, наконецъ, или хорошія манеры? Во всякомъ случаѣ, всѣ эти другіе признаки, порознь или вмѣстѣ взятые, могутъ давать преимущество въ обществѣ, но не въ государствѣ,—въ великосвѣтскихъ салонахъ, но не въ залѣ дворянскихъ выборовъ. Пока русское дворянство остается русскимъ дворянствомъ, неся свою историческую службу, въ немъ, повторимъ, нѣтъ ни знатнаго, ни незнатнаго дворянства. Права и честь дворянства принадлежатъ всѣмъ одинаково. Такъ-называемое высшее или soi-disant аристократическое общество не имѣетъ ничего общаго съ русскимъ дворянствомъ какъ законною организаціей. Общество вольно принимать въ свою среду тѣхъ или другихъ лицъ, но выборныя отъ дворянства лица могутъ вовсе не имѣть тѣхъ признаковъ какіе въ данный моментъ опредѣляютъ принадлежность къ замкнутому кругу общества титулующаго себя аристократіей. Нельзя однако отрицать чтобы въ этомъ самозванномъ аристократическомъ обществѣ никогда не было затѣи выдѣлить изъ дворянства политически организованную и замкнутую олигархію. Такія олигархическія тенденціи враждебны не то что дворянству, но всему государственному строю. Съ этой стороны, разрушеніе дворянской организаціи было бы только первымъ шагомъ къ захвату государственной власти. Таковъ былъ планъ такъ-называемыхъ верховниковъ, пытавшихся вырвать конституцію у императрицы Анны Іоанновны. Верховники встрѣтили энергическій отпоръ именно въ дворянствѣ, благодаря которому затѣя не удалась, принципъ самодержавія былъ спасенъ, а съ нимъ и судьбы Россіи. Можно представить себѣ что было бы если мнѣнія такъ-называемаго аристократическаго общества не только путемъ интриги проникали бы въ дѣла, какъ теперь (отъ чего такъ и страдаютъ наши дѣла), но легально властвовали бы надъ ними,—куда угодили бы мы, и что сталось бы съ Россіей?

Что касается сближенія между крестьянствомъ и помѣстнымъ дворянствомъ, то оно желательно только на чисто-русской почвѣ—тамъ гдѣ дворянство и крестьянство равно принадлежатъ Русскому народу, равно живыя силы Русскаго государства. Добрыя и обоюдно полезныя отношенія между обоими сословіями послужатъ при этомъ условіи въ пользу для государства. Но было бы ошибкой сближать сословія на почвѣ національности чуждой и враждебной государству. Наши либералы истощали свои усилія чтобы разрознить русское крестьянство съ русскимъ дворянствомъ. Заботливые доброжелатели крестьянъ предпочитали отдать ихъ въ опеку міроѣдамъ, кулакамъ, волостнымъ писарямъ, *аблакатамъ*; лишь бы не допустить какого-либо вліянія выборныхъ отъ дворянства лицъ въ дѣлахъ крестьянскаго управленія. Между обоими сословіями на русской почвѣ, въ силу этой либеральной программы, должно быть непроницаемое средостѣніе, а вотъ въ Царствѣ Польскомъ не встрѣчалось затрудненій сближать шляхту съ хлопами. Польское крестьянство всегда было чуждо національной польской идеѣ, которая жила только въ шляхтѣ; теперь же, кто знаетъ, быть-можетъ, поправлена польская исторія, и польскіе хлопы быть-можетъ достаточно пріобщились къ духу шляхты для того чтобы составить съ нею одно политически-національное цѣлое. Еще чудовищнѣе было бы подвергнуть чисто-русское и литовское крестьянство вліянію дворянства признающаго себя польскимъ. Тѣ органиче-

скія мѣры которыя были намѣчены правительствомъ для того чтобъ избавить Западный край отъ призрака польской идеи, препятствующей тамъ установленію правильныхъ соціальныхъ отношеній,—мѣры эти были потомъ парализованы и извращены, и призракъ попрежнему носится надъ этимъ несчастнымъ краемъ столько же во вредъ Россіи сколько на пагубу самимъ Полякамъ. Пока „польская справа“ не вынуждена *силою вещей* отказаться отъ своихъ притязаній на западную Россію, всѣ толки о какомъ-то примиреніи Поляковъ съ Россіей будутъ грубою безсмыслицей...

№ 168.

Москва, 18-го іюня.

На дняхъ президентъ Французской республики получилъ отъ папы Льва XIII собственноручное письмо. Это тѣмъ интереснѣе что папское посланіе является въ самый разгаръ борьбы республиканскаго правительства съ католическимъ духовенствомъ, въ моментъ когда парламентъ вотируетъ и готовитъ цѣлый рядъ анти-клерикальныхъ законовъ, а исполнительная власть лишаетъ содержанія сотни священниковъ за „порицаніе образа дѣйствій правительства и сопротивленіе его распоряженіямъ,“ и громогласно афишами наклеенными на стѣнахъ городовъ и селъ объявляетъ что дѣятельность цѣлаго десятка архіепископовъ есть „злоупотребленіе властью.“ Понятно что при такихъ условіяхъ обращеніе папы къ президенту республики съ собственноручнымъ письмомъ вызываетъ сильную сенсацію во французской печати. Любопытство публики разжигается еще тою таинственностью которая окружаетъ первый шагъ непосредственныхъ сношеній Ватиканскаго владыки съ президентомъ республики. Президентъ Греви не сообщилъ министрамъ содержанія папскаго посланія, и офиціозное *Агентство Гаваса* не просвѣтило печать на счетъ таинственнаго письма. Тѣмъ не менѣе *Moniteur de Rome* и *Figaro* разузнали сущность посланія Льва XIII. По словамъ этихъ газетъ, письмо папы весьма объемисто, „написано хотя въ весьма благосклонномъ, но и въ твердомъ тонѣ“ и представляетъ собой отвѣтъ Льва XIII на письмо къ нему г. Шалемель-Лакура. Благодаря „своего любезнѣйшаго сына Юлія,“ то-есть Жюля Греви (dilectissimo filio Julio) за письмо Шалемель-Лакура папа жалуется на тягостное положеніе въ которое де поставлена нынѣ католическая церковь во Франціи, благодаря нынѣшней политикѣ республики, и перечисляетъ цѣлый рядъ притѣсненій которымъ подвергается церковь со времени декрета о духовныхъ конгрегаціяхъ. Затѣмъ папа подробно исчисляетъ законы направленные противъ духовенства и съ прискорбіемъ говоритъ о рядѣ законопроектовъ изготовленныхъ палатой и направленныхъ де уже прямо противъ католической церкви. Къ таковымъ папа причисляетъ законопроекты о разводѣ и объ отбываніи воинской повинности лицами готовящимися къ священническому сану. Папа долго останавливается на законѣ 28 марта 1882 года и проситъ „своего любезнѣйшаго сына“ сохранить христіанское воспитаніе дѣтей употребивъ для этого „свое могущественное вліяніе.“ Въ заключеніе письма, папа радуется обнаруженному де въ письмѣ Шалемель-Лакура намѣренію сохранить добрыя отношенія къ нему, папѣ, и выражаетъ желаніе поддерживать съ Французскимъ правительствомъ „дружественныя“ отношенія.

Газеты передающія эти подробности о письмѣ папы обращаютъ вниманіе на то что въ посланіи ничего не говорится о тѣхъ мѣрахъ которыя принимаетъ правительство республики въ борьбѣ съ католическимъ духовенствомъ изъ-за преподаванія въ школахъ Закона Божія и обязательнаго пользованія „руководствами цивической морали.“ Въ этомъ газеты видятъ нежеланіе его святѣйшества упоминать о непріятныхъ вещахъ въ письмѣ имѣющемъ значеніе шага къ примиренію и исполненномъ благожеланій, любезностей и привѣтствій по адресу madame Греви, madame Вильсонъ и всего семейства президента.

Temps идетъ еще дальше въ объясненіи этого умолчанія и видитъ въ немъ актъ политической мудрости, которая учитъ де Льва XIII не вмѣшиваться во внутреннія дѣла республики: „съ тактомъ и чувствомъ мѣры которыхъ не могутъ не признать за Львомъ XIII даже враги церкви, говоритъ *Temps*, папа старается въ своемъ письмѣ избѣгать жгучихъ вопросовъ въ которыхъ политика играетъ такую же роль какъ и

религія—таковъ вопросъ о школьныхъ руководствахъ—и становится на точку зрѣнія вопросовъ спеціально католическихъ, защита которыхъ главой христіанства не можетъ возмущать никого.“ Весьма де натурально что глава церкви обращается ко главѣ государства съ просьбой о защитѣ интересовъ церкви и о принятіи необходимыхъ мѣръ для предупрежденія столкновенія между церковію и государствомъ. Газета увѣрена что взгляды нынѣшняго министерства вполнѣ соотвѣтствуютъ подобнымъ желаніямъ папы. „Въ этомъ смыслѣ несомнѣнно желательно склонять парламентъ... Парламентъ не можетъ оставаться нечувствительнымъ къ ежедневно проявляемому желанію страны сохранить согласіе съ церковію, онъ понимаетъ—и въ этомъ пониманіи онъ будетъ прогрессировать — онъ понимаетъ уже разницу между бурными заявленіями политическихъ вожаковъ и спокойнымъ, обдуманнымъ выраженіемъ воли массы гражданъ...“

Будетъ ли парламентъ прогрессировать въ пониманіи желаній и потребностей страны въ дѣлѣ отношеній къ церкви,—это еще подлежитъ сомнѣнію, въ особенности въ виду ревизіонистской кампаніи написавшей на своемъ знамени „отдѣленіе церкви отъ государства;“ но что правительство г. Греви наконецъ поняло эту „volonté calme, paisible, réfléchie du gros des citoyens“ этому можно повѣрить, такъ какъ иначе трудно объяснить неожиданное обращеніе правителей „третьей республики“ къ его святѣйшеству съ любезностями и комплиментами, которыя плохо гармонируютъ съ ожесточенною борьбой и не предписываются даже конкордатомъ.

Не излишнимъ будетъ оглянуться назадъ на всѣ перипетіи борьбы со времени декрета объ изгнаніи духовныхъ корпорацій.

Декретъ этотъ надѣлавшій въ свое время много шума приведенъ былъ въ исполненіе самымъ рѣшительнымъ образомъ. Это былъ первый ударъ нанесенный католическому духовенству, и тогда ему придавали большое значеніе. Но вотъ уже этою зимой мы слышали какъ главный исполнитель пресловутаго декрета, бывшій префектъ полиціи Андріё, вернувшись изъ Испаніи, громогласно заявлялъ въ парламентѣ о безполезности, о вредѣ этой мѣры, и горячо и настойчиво доказывалъ необходимость прислушаться къ голосу народа, который де не сочувствуетъ этому гоненію на церковь и духовенство. Но декретъ былъ только первою лихою атакой республиканцевъ на церковь. Вскорѣ, подъ командой ученаго атеиста г. Бера, они дали ей генеральное сраженіе: законъ 28 марта 1882 года послужилъ началомъ цѣлаго ряда мѣръ, которыя въ клерикальныхъ органахъ названы „объявленіемъ войны Богу.“ Началось со введенія обязательнаго обученія, причемъ также обязательно было не преподавать въ этихъ школахъ Закона Божія. Родителямъ предписывалось подъ угрозой наказанія посылать дѣтей въ школы, а школьнымъ коммиссіямъ предписано воспретить преподаваніе Закона Божія въ этихъ школахъ. „Желающіе учиться катехизису, разсуждали республиканскіе мудрецы, могутъ учиться ему и дома, но въ школахъ нельзя допустить преподаванія катехизиса, такъ какъ это могло бы оскорблять совѣсть дѣтей которыя не исповѣдуютъ религіи.“ Изъ этого же опасенія „оскорбить совѣсть“ пятилѣтнихъ атеистовъ приказано было изъ всѣхъ школъ вынести Распятія и иконы, а для бóльшаго успѣха въ изготовленіи вполнѣ республиканскихъ гражданъ велѣно было обучать дѣтей по „руководствамъ цивической морали“ услужливо изготовленнымъ ad hoc гг. Берами, Компере, Стижъ и К° и рекомендованнымъ для руководства тѣмъ самымъ министромъ народнаго просвѣщенія который въ послѣдствіи былъ такъ удивленъ когда воспитанники лицея Лудовика Великаго встрѣтили его снѣжными комьями при посѣщеніи имъ лицея.

Когда послѣ этой мѣры раздались протестующіе голоса, то правительство „третьей республики“ устами одного изъ своихъ чиновниковъ съ поразительнымъ остроуміемъ оправдалось во взводимыхъ на него обвиненіяхъ въ навязываніи народу обязательнаго атеизма. Этотъ чиновникъ, присутствуя на торжественномъ открытіи одной школы, между прочимъ сказалъ: „говорятъ, что мы изгоняемъ Бога изъ школы, это неправда: такъ какъ Бога нѣтъ, то и изгнать Его немыслимо!“

Несмотря однако на это остроумное объясненіе, родители дѣтей не успокоились и принялись бороться какъ могли: одни отказались посылать дѣтей въ школы, другіе подавали жалобы въ школьныя коммиссіи, заявляя что не имѣютъ ни средствъ,

ни возможности доставить дѣтямъ преподаваніе катехизиса на дому. Это сопротивленіе ни къ чему не повело: ослушниковъ наказывали денежными штрафами и подтверждали прежнія приказанія.

Боязнь оскорбить совѣсть атеистовъ и „свободномыслящихъ“ заставила республиканское правительство прибѣгнуть къ цѣлому ряду новыхъ мѣръ. Такъ приказано было снять кресты съ воротъ кладбищъ дабы не оскорблять тѣхъ вольнодумовъ, которые похоронены на этомъ кладбищѣ *мірскимъ* способомъ. Точно также велѣно было вынести кресты и иконы изъ казармъ, судовъ и другихъ казенныхъ учрежденій. Мѣстами найдено было полезнымъ уничтожить кресты стоявшіе на перепутьяхъ дорогъ. Въ послѣдней мѣрѣ правительство третьей республики нашло весьма дѣятельныхъ пособниковъ въ анархистахъ, которые взорвали церковь въ Монсо-ле-Минъ и отъ времени до времени въ разныхъ пунктахъ ломали кресты на дорогахъ и кладбищахъ и бросали въ канавы изображенія Богоматери.

Былъ случай что населеніе заступилось за дорогіе ему кресты и—фактъ отмѣченный своевременно всѣми газетами Франціи — съ кольями въ рукахъ окружили крестъ, который исполнители республиканскаго закона хотѣли снести. Но прискакали жандармы и — vive la liberté! — пошли въ атаку на защитниковъ креста; произошла свалка, и сила оказалась конечно за конными республиканцами.

Въ то же время, побуждаемые боязнью оскорбить совѣсть атеистовъ и вольнодумовъ, республиканскіе мудрецы вотировали въ палатѣ и въ сенатѣ законъ изгоняющій изъ формулы судебной присяги слова „во имя Бога,“ дабы „не подорвать довѣрія къ присягѣ, которая не можетъ искренно приноситься во имя Бога лицомъ въ Него не вѣрующимъ.“

Наконецъ, въ текущемъ іюнѣ сдѣлано распоряженіе объ упраздненіи священниковъ состоящихъ при госпиталяхъ и лазаретахъ, каковая мѣра должна быть приведена въ исполненіе 1 іюля этого года. Кромѣ того, депутатъ Стижъ изготовилъ законопроектъ которымъ войска должны быть „устранены отъ участія въ духовныхъ церемоніяхъ,“ такъ какъ это участіе представляетъ „вовсе нежелательное замѣшиваніе арміи въ церковныя дѣла.“ Г. Стижъ отказался вскорѣ отъ своего намѣренія потому что узналъ что военный министръ самъ внесетъ вскорѣ подобный законопроектъ.

По прошествіи нѣкотораго времени, съ момента введенія „обязательнаго и притомъ атеистическаго преподаванія“ въ школахъ католическая духовная конгрегація Index состоящая при Ватиканѣ занялась разсмотрѣніемъ „руководствъ цивической морали“ и осудила ихъ. Это осужденіе ватиканской коммиссіи послужило сигналомъ новой битвы между католическимъ духовенствомъ и исполнительною властью. Священники стали убѣждать родителей не пускать дѣтей въ атеистическія школы и не давать имъ учиться по атеистическимъ „руководствамъ.“ Когда эти убѣжденія не помогли, священники стали грозить что тѣмъ дѣтямъ у которыхъ они найдутъ „руководства цивической морали“ будетъ отказано въ приготовленіи къ причастію. Нѣкоторые священники прямо заявили что не будутъ давать причастія ни дѣтямъ, ни родителямъ которые ослушаются запрещенія конгрегаціи Index. Власти со своей стороны принялись карать священниковъ, лишая ихъ содержанія. Это „обезжалованіе“ производилось и производится цѣлыми массами: одновременно по десяти, по пятнадцати священниковъ лишаются содержанія, и вѣсти объ этомъ приходятъ съ парижскими газетами чуть не ежедневно. Но вотъ въ борьбѣ приняли участіе болѣе крупные представители католической церкви: восемь архіепископовъ въ окружныхъ посланіяхъ по епархіи протестовали противъ пользованія „руководствами“ запрещенными конгрегаціей Index; нѣкоторые съ церковной каѳедры громили дѣйствія властей основанныя на законѣ 28 марта.

Тогда правительство республики привлекло къ суду архіепископовъ и признало ихъ дѣйствія „злоупотребленіемъ властью.“ Это рѣшеніе было выражено въ декретѣ президента Греви, а декретъ напечатанный отдѣльными объявленіями было приказано наклеить на домахъ и заборахъ по городамъ и селамъ епархій провинившихся архіепископовъ. Въ отвѣтъ на это архіепископы, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, остановили богослуженіе, а народъ въ нѣкоторыхъ городкахъ и селахъ воспротивился наклейкѣ декрета объ архіепископахъ.

Между тѣмъ во время всей этой борьбы мирное, работающее населеніе Фран-

ціи стояло межь двухъ огней: съ одной стороны штрафъ отъ правительства, съ другой стороны угроза лишенія причастія и при этомъ полное недоумѣніе, къ чему все это затѣяно. *Темрs* основательно замѣчаетъ, говоря о письмѣ Льва XIII, что борьба съ католическимъ духовенствомъ объясняется „озлобленіемъ большинства противъ духовенства политикующаго.“

Это раздраженіе не улеглось еще, и борьба продолжается съ такою энергіей что не допускаетъ предположенія о томъ что парламентъ „понялъ спокойную волю массы гражданъ.“ А между тѣмъ, среди этой перепалки, владыка Ватикана нѣжно обнимается съ „возлюбленнѣйшимъ сыномъ своимъ Юліемъ.“

№ 170.

Москва, 20-го іюня.

Вопросъ о Батумскомъ порто-франко продолжаетъ быть предметомъ сужденій и споровъ. Высказываются два главныя мнѣнія: одно—что эта вольная гавань находится въ прямомъ противорѣчіи съ русскими интересами, причиняетъ имъ большой вредъ и потому чѣмъ скорѣе будетъ упразднена, тѣмъ лучше; другое, что возбужденный вопросъ о Батумѣ не имѣетъ серіознаго значенія, что его порто-франко, выгодное для самого Батума, не представляетъ собой невыгодъ для Россіи ни въ какихъ отношеніяхъ, а стало-быть нечего и толковать объ его упраздненіи по меньшей мѣрѣ въ теченіе пяти или десяти лѣтъ.

Въ этомъ разномысліи, въ признаніи или отрицаніи невыгодъ батумскаго вольнаго торга для Россіи, заключается вся суть спора; политическая, международная сторона вопроса не вызываетъ серіозныхъ пререканій. Замѣчаютъ, правда, что „порто-франко въ Батумѣ было намъ навязано“ и что слѣдовательно „уничтоженіе или сохраненіе его есть вопросъ болѣе политическій нежели экономическій.“ Но тѣ самые кто говорятъ это соглашаются что ст. 59 Берлинскаго трактата, установившая порто-франко въ Батумѣ, „не есть какое-либо обязательство, вынужденное у Россіи силой оружія, а простое обѣщаніе нашего правительства, которое оно не обязано исполнять безконечно и имѣетъ право взять всегда назадъ, разъ признаетъ это для интересовъ Россіи необходимымъ,“ и что изъ участниковъ трактата „объ исполненіи такой пустяшной статьи какъ батумское порто-франко никто бы и разговаривать не сталъ, тѣмъ болѣе что на означенную статью дѣйствительно слѣдуетъ смотрѣть лишь какъ на любезность Россіи по отношенію къ иностранной торговлѣ, а не какъ на безсрочное ограниченіе державныхъ правъ Русскаго государства на вновь завоеванный городъ.“ Такимъ образомъ, дѣло не въ препятствіяхъ съ чьей-либо стороны къ отмѣнѣ порто-франко, а въ томъ что отмѣна его не нужна де намъ самимъ, что мы ничего отъ нея не выиграемъ и, „нарушивъ Берлинскій договоръ изъ-за пустяка,“ повредимъ де только своему же Батуму.

Очень хорошо что споръ ставится такимъ образомъ на надлежащую почву, въ зависимость только отъ русскихъ интересовъ; это много упрощаетъ вопросъ. Батумъ, со времени его присоединенія, есть русскій городъ, и никому кромѣ Россіи нѣтъ дѣла—въ тѣ или иныя условія процвѣтанія будетъ онъ поставленъ, будетъ ли онъ развиваться какъ вольная гавань, или же будетъ жить и расти такъ же какъ Таганрогъ, Севастополь, Либава и прочіе русскіе порты. Что лучше для Россіи, то ли чтобы Батумъ былъ такимъ же русскимъ портомъ какъ и всѣ прочіе, или чтобъ онъ состоялъ въ исключительномъ положеніи и былъ на русской землѣ межеумкомъ, полурусскимъ, полуиностраннымъ городомъ? Какія могутъ быть выгоды и невыгоды отъ приведенія Батума въ то или другое положеніе, вотъ что должно быть разъяснено для правильнаго пониманія вопроса, при каковомъ только и возможно правильное его рѣшеніе.

Развитіе Батума безъ сомнѣнія желательно, но желательно какъ и развитіе Севастополя, Либавы и другихъ нашихъ портовъ. Давать Батуму то чего не предоставляется другимъ портовымъ городамъ нѣтъ никакихъ основаній. Его торговая будущность обезпечена безъ всякаго порто-франко: онъ обладаетъ лучшею гаванью на всемъ восточномъ побережьѣ Чернаго Моря, онъ соединенъ желѣзною дорогой и съ центромъ Закавказья, Тифлисомъ, и съ Каспійскимъ моремъ. Благодаря этимъ исключительно выгоднымъ условіямъ, Батумъ представляетъ собой естественный центральный складочный пунктъ и для всѣхъ

русскихъ и иностранныхъ товаровъ которые могутъ идти Чернымъ Моремъ въ Закавказье и далѣе черезъ него въ Каспійское море, и также для всѣхъ товаровъ которые въ обратномъ направленіи могутъ идти въ русскіе черноморскіе порты и за границу изъ Закавказья и черезъ него съ Каспійскаго моря. Вопросъ быть или не быть Батуму такимъ складочнымъ пунктомъ нисколько не зависитъ отъ того будетъ ли этотъ городъ вольною или обыкновенною гаванью, то-есть будутъ или не будутъ 3.479 душъ составляющихъ мѣстное городское населеніе покупать лично для себя иностранные товары безъ оплаты ихъ таможенными пошлинами. Не въ силу своего порто-франко, а по естественной выгодности своего положенія, Батумъ убилъ Потійскій портъ, на устройство котораго такъ долго и напрасно тратились милліоны, и съ отмѣной порто-франко ничто въ этомъ отношеніи не перемѣнится: торговое движеніе, покинувшее Поти и направившееся на Батумъ какъ только построилась Батумская желѣзнодорожная вѣтвь, не броситъ новой дороги и не вернется на старую. Всѣ выгоды этого торговаго движенія, вся масса занятій и заработковъ какіе оно можетъ давать въ своемъ центральномъ передаточномъ пунктѣ закрѣплены за Батумомъ помимо всякаго порто-франко, и одною приманчивостью этихъ выгодъ достаточно обезпечивается возрастаніе численности батумскаго населенія.

И торговое значеніе, и возрастаніе Батума обезпечены во всякомъ случаѣ, но безъ порто-франко онъ будетъ развиваться не во вредъ, а на пользу всей странѣ, въ связи съ другими ея частями. При порто-франко, Батумъ будетъ жить особою, отдѣльною отъ страны жизнью, представляя изъ себя по отношенію къ ней нѣчто въ родѣ вреднаго чужеяднаго нароста. Безъ порто-франко, Батумъ есть естественный центръ правильной, законной торговли; при порто-франко, Батумъ неизбѣжно есть центръ торговли неправильной, контрабандной. Какъ порто-франко, Батумъ есть складочный пунктъ всякихъ товаровъ безразлично и русскихъ, и заграничныхъ, и европейскихъ, и азіятскихъ, пунктъ откуда любые изъ этихъ товаровъ могутъ одинаково идти и направо и налѣво, и въ Закавказье и далѣе на Востокъ, и въ наши черноморскіе порты и далѣе на сѣверъ. Избѣжать чтобы въ обѣ эти стороны, подъ видомъ русскихъ, не провозились безпошлинно иностранные товары, по отзывамъ свѣдущихъ практическихъ людей, невозможно. Массы иностранныхъ товаровъ будутъ постоянно притекать въ Батумъ не на потребу его небольшаго населенія, а прямо затѣмъ чтобы проникнуть въ русскіе предѣлы подъ видомъ товаровъ русскаго происхожденія; выдать же ихъ за таковые для контрабандистовъ дѣло нетрудное. Одинъ изъ корреспондентовъ *Новаго Времени* (№ 2.615) представилъ обращикъ того какую роль играетъ Батумское порто-франко по сбыту въ Россію турецкихъ фруктовъ подъ видомъ закавказскихъ. Въ Батумѣ въ прошломъ году, пишетъ онъ, было ввезено изъ Турціи фруктовъ 600.000 пудовъ. На мѣстное потребленіе вышеупомянутыхъ трехъ съ половиной тысячъ душъ такое количество фруктовъ пойти не могло, иначе вышло бы что каждый изъ Батумцевъ, со включеніемъ грудныхъ младенцевъ, съѣдаетъ фруктовъ болѣе чѣмъ по 150 пудовъ въ годъ. Ясно что турецкіе фрукты только прошли чрезъ Батумъ для продажи въ Россіи. По законнымъ путемъ съ оплатой пошлины вывезно въ Россію изъ всего упомянутаго количества только 2.306 пудовъ, все остальное прошло безпошлинно какъ товаръ будто бы русскаго происхожденія. То же что въ данномъ случаѣ съ фруктами можетъ продѣлываться, да и продѣлывается, съ любымъ другимъ товаромъ. Вмѣстѣ съ дѣйствительно русскими продуктами и подъ ихъ прикрытіемъ могутъ удобно переходить черту Батумскаго порто-франко не платя пошлинъ и заграничный сахаръ, и миткали, и ситцы, и шерстяныя и шелковыя ткани, и свѣчи, и мыло, и металлическія, и всякія иныя издѣлія. Контрабандный промыселъ въ Батумѣ, благодаря порто-франко, является не только прибыльнымъ, но и безопаснымъ дѣломъ, которымъ выгодно заниматься въ большихъ размѣрахъ, учреждая для того особыя товарищества и конторы. Пустяки или не пустяки для русскихъ интересовъ такой контрабандный промыселъ? Терпѣть ли и поощрять ли его, оставляя въ силѣ Батумское порто-франко на пять, на десять и болѣе лѣтъ, или пресѣчь этотъ промыселъ и сколько возможно ограничить его размѣры закрытіемъ порто-франко?

№ 171.

Москва, 21-го Іюня.

Въ шестидесятыхъ годахъ, во время славной памяти польскаго возстанія, Русское правительство тяжко провинилось предъ святѣйшимъ Римскимъ престоломъ. За то что польское духовенство оказывало энергическую поддержку храбрымъ жандармамъ-вѣшателямъ, одобряя и благословляя ихъ на убійства, Русское правительство не посовѣстилось положить конецъ этимъ героическимъ подвигамъ и подвергло отвѣтственности католическихъ епископовъ, вѣрно служившихъ польскому дѣлу. Многія епархіи были лишены своихъ епископовъ, власть епископовъ была стѣснена цѣлымъ рядомъ правилъ, и въ довершеніе всего четыре епископа, составлявшіе гордость „польской справы" и оказывавшіе ей ничѣмъ незамѣнимую поддержку явными и тайными путями, знаменитые монсиньйоры Фелинскій, Красинскій, Боровскій и Ржевускій, подверглись административной высылкѣ во внутреннія губерніи нецивилизованной Россіи. Въ послѣднее время, изъ двѣнадцати епархій только въ четырехъ находились епархіальные епископы, три управлялись суффраганами, а остальныя пять священниками-администраторами, не имѣвшими епископскаго сана. Это, правда, нисколько не мѣшало католическому населенію Россіи мирно молиться въ своихъ храмахъ, а духовенству исполнять церковныя требы, но „польская справа" не имѣла достаточныхъ способовъ фанатизировать католическія населенія и поддерживать въ нихъ ненависть къ Россіи посредствомъ достойнаго награжденія и повышенія священниковъ разжигавшихъ эту ненависть и строгаго каранія измѣнниковъ которые, подобно отцу Жилинскому, старались согласовать свои церковныя обязанности съ гражданскими.

Такимъ образомъ, отсутствіе правильно организованной польской іерархіи имѣло невыгодныя для „польской справы" послѣдствія.

Впрочемъ, „польская справа" не дремала. Она воспользовалась обстоятельствами чтобы подготовить въ Россіи политическій крахъ въ грандіозныхъ размѣрахъ. Польская карбонарская сѣть была наполнена русскими школьниками, ad hoc испорченными идеями соціализма выродившагося за неимѣніемъ содержанія въ простой нигилизмъ; разверзлись хляби безсмысленнѣйшаго либерализма; со всѣхъ сторонъ потребовалось самоотреченіе правительственной власти, бездѣйствіе правительства, конституція въ какомъ бы то ни было видѣ, хотя бы въ видѣ никогда не существовавшаго, будто бы древняго русскаго учрежденія, именовавшагося „земскимъ соборомъ." Тѣ самые кто и слышать не хотѣлъ въ 1863 и 1864 годахъ объ организаціи русскаго общественнаго мнѣнія, патріотически настроеннаго, для поддержанія правительства въ его борьбѣ съ польскимъ мятежомъ и съ наступавшею на насъ Европой, вдругъ ни съ того, ни съ сего стали отъявленными требователями представительства. И *аблакаты*, и журналисты, и земцы, и городскіе головы, даже министры, и такъ-называемые либералы, и такъ-называемые консерваторы, приступили къ Россіи съ ножомъ къ горлу чтобъ она непремѣнно зачѣмъ-то нарядилась въ арлекинскій костюмъ какой бы то ни было конституціи, какъ Турція при концѣ царствованія султана Абдулъ-Азиса. Панургово стадо заблеяло всѣми голосами противъ всеподавляющей дѣятельности государственной власти, между тѣмъ какъ эта бѣдная власть такъ спряталась и притаилась что Россія очутилась непосредственно подъ Божьимъ управленіемъ. И благодаря единственно Богу всероссійскій крахъ не послѣдовалъ; но дѣло не обошлось безъ дорогихъ жертвъ и тяжкаго горя... Крахъ не послѣдовалъ, но деморализація и бездѣйствіе власти все еще длятся.

Между тѣмъ русская политика давно уже обнаружила несомнѣнные признаки раскаянія въ серіозныхъ мѣрахъ вызванныхъ польскимъ мятежомъ. Были преданы поруганію тогдашнія дѣйствія правительства и ихъ исполнители; всѣ начинанія противъ „польской справы" предпринятыя были извращены; все существенное въ нихъ было парализовано; остались мелкія безполезныя придирки которыя только роняютъ авторитетъ правительства, остались какъ бы свидѣтельство безсилія Россіи. Въ раскаяніи нашемъ не могла, наконецъ, сомнѣваться и папская камарилья, особенно когда русскій канцлеръ, безо всякаго побужденія со стороны Ватикана, явило небывалое въ исторіи великодушіе, пожертвовавъ свободой нашихъ дѣйствій въ время Турецкой войны для того только чтобы соглашеніемъ съ Германіей не по-

вредить папѣ въ его борьбѣ съ энергическою политикой князя Бисмарка. Его святѣйшество по достоинству оцѣнилъ заискиванія Россіи и понявъ что время для возстановленія польской іерархіи наступило, онъ въ 1879 году обратился чрезъ своего нунція въ Вѣнѣ съ соотвѣтствующими предложеніями къ русскому тамъ послу. Русское правительство тотчасъ же изъявило согласіе на веденіе примирительныхъ переговоровъ, которые были начаты въ Вѣнѣ, а затѣмъ окончены въ Римѣ. Въ настоящемъ году состоялось соглашеніе подписанное представителями обѣихъ договаривающихся сторонъ и обнародованное на дняхъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* (15 іюня).

Интересы „польской справы" требовали прежде всего, какъ conditio sine qua non, офиціальнаго признанія высокихъ заслугъ, оказанныхъ ей четырьмя высланными подъ надзоръ полиціи епископами Фелинскимъ, Красинскимъ, Боровскимъ и Ржевускимъ. Ничего не могло быть опаснѣе для успѣха польскаго дѣла какъ колебаніе католическихъ іерарховъ, призванныхъ руководить этимъ священнымъ дѣломъ. У всѣхъ предъ глазами должны быть высокіе, поучительные примѣры великихъ мучениковъ за польское дѣло, четырехъ сосланныхъ, а затѣмъ возвеличенныхъ епископовъ, оставшихся до конца вѣрными агентами ржонда и заклятыми врагами Россіи. Это законное требованіе ржонда исполнилось: четыре непокорные епископа освобождены съ почетомъ; троимъ изъ нихъ назначены высокія пенсіи, а одинъ получилъ опять епархію. Такимъ образомъ участь этихъ мучениковъ теперь обезпечена, и они съ тріумфомъ вышли изъ своей ссылки въ назиданіе врагамъ и друзьямъ Россіи.

Другое необходимое условіе для поддержанія строгой дисциплины въ рядахъ польской іерархіи состоитъ, конечно, въ томъ чтобъ епископы имѣли полную свободу смѣнять всѣхъ неугодныхъ имъ священниковъ въ томъ случаѣ еслибы тѣ оказались преданными Россіи или съ недостаточною энергіей раздували бы ненависть польскихъ патріотовъ къ Россіи. Русское правительство обязалось „по собственному побужденію" пріостановить дѣйствіе § 18 указа 14 (26) декабря 1865 года о свѣтскомъ римско-католическомъ духовенствѣ въ Царствѣ Польскомъ, стѣсняющаго власть епископовъ относительно устраненія отъ должности священниковъ. Но уже и до формальной пріостановки названнаго параграфа отставленъ отъ должности и вынужденъ принести публичное покаяніе одинъ изъ такихъ священниковъ какъ Жилинскій. Благодаря этой, въ высшей степени важной, уступкѣ теперь нечего опасаться что польскіе священники будутъ такъ наивны чтобы промѣнять служеніе польскому всемогущему ржонду на служеніе Русскому правительству...

Весьма важенъ былъ также вопросъ о выборѣ новыхъ епископовъ на вакантныя каѳедры. Необходимо было замѣнить ихъ лицами вполнѣ преданными польскому дѣлу, представителями чистокровной шляхты. Восторгъ съ которымъ Поляки приняли новыхъ епископовъ Гинтовта, Попеля, Козловскаго, Гриневицкаго служитъ достаточнымъ ручательствомъ что его святѣйшество не ошибся въ ихъ преконизаціи. Они, по всему вѣроятію, будутъ достойными преемниками монсиньйоровъ Фелинскаго, Красинскаго и Ржевускаго, не говоря уже о Боровскомъ, который получаетъ каѳедру.

Россія, сверхъ того, обѣщаетъ подвергнуть пересмотру всѣ изданныя въ 1866 году дополнительныя правила къ вышеупомянутому указу, дабы предоставить необходимую свободу дѣйствій польскому духовенству.

Получивъ отъ Россіи столь значительныя уступки по важнѣйшимъ для „польской справы" вопросамъ, отъ которыхъ зависитъ весь будущій успѣхъ ея, Римская курія въ свою очередь согласилась сдѣлать уступку Русскому правительству. Благодаря этой уступкѣ русскій языкъ, литература и исторія будутъ преподаваться въ римско-католическихъ духовныхъ семинаріяхъ учителями „назначаемыми съ предварительнаго согласія правительства," причемъ правительству предоставляется право надзора за семинаріями наравнѣ съ прочими учебными заведеніями Имперіи. Что же касается направленія въ преподаваніи каноническихъ предметовъ и внутренней дисциплины въ заведеніяхъ, то оно вполнѣ предоставляется безконтрольному благоусмотрѣнію епископовъ, дабы они могли принять нужныя мѣры для противодѣйствія лжеученію правительственныхъ преподавателей русскаго языка, литературы и исторіи, въ томъ случаѣ если эти преподаватели осмѣлились бы въ самомъ

дѣлѣ преподавать какія-нибудь идеи не согласныя съ интересами „польской справы.“

Таково обнародованное соглашеніе между Римскою куріей и Русскимъ правительствомъ... Теперь слѣдовательно необходимая сценическая обстановка для новаго представленія „польской справы“ уже готова; актеры стоятъ на мѣстахъ и уже слышатся звуки настраивающаго свои инструменты оркестра...

№ 172.

Москва, 22-го іюня.

Во всѣхъ низшихъ, среднихъ и высшихъ сферахъ нашихъ судебныхъ учрежденій, въ камерахъ мировыхъ судей, въ мировыхъ съѣздахъ, на предварительныхъ слѣдствіяхъ, въ прокурорскомъ надзорѣ, въ окружныхъ судахъ, въ судебныхъ палатахъ, наконецъ даже въ департаментахъ Сената—постоянно наталкиваемся на явленія которыя вызываютъ горькій вопросъ: чѣмъ же все это кончится?

Всего печальнѣе то что мы поневолѣ привыкаемъ къ этимъ явленіямъ и уже смотримъ на нихъ болѣе или менѣе равнодушно какъ на неизбѣжное зло. Мы уже не удивляемся если мировые судьи „либеральничаютъ.“ Мы примирились съ небрежнымъ, а иногда и пристрастнымъ веденіемъ предварительныхъ слѣдствій, не замѣчаемымъ ни прокурорскимъ надзоромъ, ни судебными палатами и обнаруживающимся лишь во время судоговоренія, когда уже бываетъ поздно поправить допущенныя оплошности, и когда приходится поневолѣ присяжнымъ произносить свой вердиктъ съ болѣе или менѣе полнымъ незнаніемъ дѣла. Еще болѣе свыклись мы съ безнравственностью адвокатуры которая несмотря на свою молодость у насъ перещеголяла наглостью и цинизмомъ своихъ пожилыхъ собратьевъ въ Европѣ.

Кіевскому окружному суду суждено было положить начало новому виду судебныхъ куріозовъ, который безъ сомнѣнія вскорѣ найдетъ себѣ ревностныхъ послѣдователей. 31 мая товарищъ прокурора произнесъ обвинительную рѣчь какою подавился бы иной изъ нашихъ неразборчивыхъ присяжныхъ повѣренныхъ. Читатели уже знакомы съ этою рѣчью (см. № 159 *Моск. Вѣд.*). Прокуроръ называетъ кутилу уличеннаго въ мошенничествѣ, воровствѣ и подлогахъ бѣднымъ „мотылькомъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ „умнымъ и даровитымъ человѣкомъ, очарованнымъ мелодіями жизни (sic! см. *Новости* № 67, Судебный отдѣлъ), которому не было ни мѣста на роскошномъ пиру природы, ни высшей сферы гдѣ онъ могъ бы утолить жажду живою водой и которому само преступленіе шло на встрѣчу!“

Кто могъ бы повѣрить что мы двадцать лѣтъ послѣ судебной реформы доживемъ до того что *правительство* будетъ идеализировать мошенничество? Ибо прокуроръ есть представитель правительственной власти, мы это не должны забывать. Во Франціи онъ называется procureur *de la République* (прежде procureur *du Roi*), въ Германіи и Австріи *Staats*anwalt, т.-е. представителемъ или радѣтелемъ правительства, охранителемъ государственныхъ интересовъ; у насъ только почему-то онъ носитъ названіе „прокурора“ безъ дальнѣйшаго обозначенія: не этимъ ли отчасти объясняется что наши прокуроры зачастую забываютъ что ихъ устами должно говорить правительство, что они должны всегда и во всемъ защищать общіе интересы государства, а не гоняться за дешевыми лаврами уличной популярности...

Наши прокуроры не на шутку пустились соперничать съ адвокатами въ „либеральной“ казуистикѣ. Вотъ новѣйшій случай этого рода, обнародованный въ *Новостяхъ* (№ 77).

10 іюня, въ Саратовскомъ окружномъ судѣ разсматривалось дѣло нѣкоего Михаила Куна, поселянина колоніи Либенталь, Новоузенскаго уѣзда, Самарской губерніи, обвинявшагося въ покушеніи на кражу. Самый фактъ покушенія не подлежалъ никакому сомнѣнію. Изъ дѣла видно что поселянка Магдалина Витманъ, возвращаясь 2 февраля въ двѣнадцатомъ часу ночи домой, замѣтила, когда входила въ калитку дома своего отца, что изъ сѣней какой-то человѣкъ выноситъ мѣшокъ со пшеницей. Закричавъ о помощи, она бросилась къ этому человѣку, узнала въ немъ поселенца Куна и начала отнимать у него пшеницу. Заслышавъ бѣжавшаго на крикъ Магдалины человѣка, Кунъ бросилъ мѣшокъ на землю и скрылся. Самъ Кунъ на судѣ не отрицалъ этого факта. Тѣмъ не менѣе прокуроръ *отказался отъ обвиненія* въ покушеніи на кражу на томъ основаніи что Кунъ не имѣлъ де при этомъ

корыстной цѣли, а желалъ только *отомстить* владѣльцу пшеницы Витману за то что этотъ послѣдній предложилъ одному своему пріятелю жениться на его падчерицѣ, вдовѣ Роккеръ, съ которою Кунъ находился въ близкихъ отношеніяхъ. Присяжные послѣ этого конечно оправдали Куна.

Итакъ, *месть* чувство законное, подъ эгидой котораго можно безнаказанно совершать преступленія! Жаль что *Новости* не приводятъ имени остроумнаго прокурора придумавшаго этотъ новый видъ невмѣняемости.

Есть еще наивные люди которые полагаютъ что наши публичные суды служатъ лучшею, идеальною школой нравственности для народа! Съ ужасомъ подумаешь объ этой плодотворной педагогической дѣятельности!

Но наша скандальная судебная неурядица не имѣла бы и половины своего развратительнаго вліянія на общество еслибы не находила тенденціозной поддержки въ нашей такъ-называемой „передовой“ или „интеллигентной прессѣ.“ Чѣмъ безобразнѣе какое-нибудь явленіе на судѣ, тѣмъ болѣе оно восхваляется и превозносится газетною „интеллигенціей.“ Всѣ еще помнятъ какими либеральными розами были осыпаны дѣвицы Засуличъ и Островлева, какіе пышные вѣнки были возложены на главы адвоката Александрова и слѣдователя Лихарева, и какому поруганію были преданы гг. Пейчъ, Скарятинъ, Зографъ и другія жертвы судебнаго произвола.

Еще возмутительнѣе тѣ нравоученія которыя подъ часъ дѣлаетъ „пресса“ по поводу разныхъ судебныхъ скандаловъ. Недавно (№ 158 *Моск. Вѣд.*) мы приводили ученіе *Новостей* о томъ что судъ, оправдывая преступниковъ, тѣмъ самымъ „осуждаетъ законы, не соотвѣтствующіе современнымъ условіямъ жизни,“ ибо приговоръ присяжныхъ долженъ считаться „выраженіемъ общественнаго мнѣнія.“ А такъ какъ саратовскіе присяжные оправдали троеженца Поляка Саламонскаго (или, по подложнымъ документамъ, Медвицкаго), то слѣдуетъ де отмѣнить существующіе у насъ законы о бракахъ и провозгласить „свободу развода который является единственнымъ средствомъ урегулированія супружескихъ отношеній.“

Казалось бы что это уже Геркулесовы столбы петербургскаго абсурда. *Петербургскія Вѣдомости*, совершенно въ послѣднее время ошалѣвшія, сумѣли пройти еще дальше. Вотъ что онѣ говорятъ по поводу оправданія саратовскаго троеженца:

„Саратовскіе листки передаютъ два мѣстные процесса затрогивающіе самые важные вопросы не только права и быта, но и религіи. Нѣкто Скворцовъ, молодой человѣкъ, обвинялся въ двоеженствѣ... Присяжные засѣдатели оправдали двоеженца. Затѣмъ, нѣкто Медвицкій судился уже не за двоеженство, а за троеженство, но и его тоже оправдали. Было бы весьма хорошо еслибы кто изъ саратовской интеллигенціи далъ полный очеркъ объ (sic) этихъ процессахъ, особенно о психологической, общественной и половой ихъ сторонѣ. Есть мнѣніе что для *мормонизма*, проявленіе котораго мы несомнѣнно видимъ въ этихъ двухъ фактахъ, есть свое мѣсто въ самой природѣ человѣка. Затѣмъ разказанные процессы еще разъ ставятъ на видъ необходимость пересмотра нашего брачнаго законодательства“ (*С.-Петербургскія Вѣдомости*, № 153).

Итакъ, покоряясь саратовскимъ присяжнымъ, мы должны ввести у себя не только свободу развода, а уже прямо свободу многоженства!

Неужели все это явленія нормальныя, на которыя можно глядѣть спокойно, не опасаясь систематическаго развращенія не только нашего такъ-называемаго „интеллигентнаго“ общества котораго мы не сумѣли уберечь отъ заразы, но и народа который еще крѣпокъ, но противъ котораго непрестанно со всѣхъ сторонъ ведется атака политическихъ развратниковъ? И при этомъ-то требуютъ конституціи; хотятъ чтобы такой то интеллигенціи дать законодательную власть!.. Только этого не достаетъ!

Русскія Вѣдомости на дняхъ (№ 156) доказывали что во Франціи можно пріостановить несмѣняемость судей, а у насъ въ Россіи нельзя, ибо „что общаго между нашими судьями и французскими?“ Французскіе судьи не скрываютъ своихъ враждебныхъ чувствъ къ нынѣшнему государственному строю Франціи. А у насъ, видите ли, этого нѣтъ; у насъ, стало-быть, скрываютъ. „Передовая“ московская газета не утверждаетъ чтобы русскіе суды относились симпатично къ настоящему государственному строю Россіи; это, конечно, по ея мнѣнію, было бы клеветой на

нашу мнящую себя либеральною магистратуру. Она доказываетъ только что Французское правительство можетъ смѣнить судей, такъ какъ не оно само ихъ назначало, а другое правительство; Русское же правительство не властно смѣнить даже простаго судебнаго слѣдователя, такъ какъ оно своею собственною властью его назначило. Значитъ, чужую ошибку поправить можно, а свою нельзя. Какова логика!

№ 173.

Москва, 23-го іюня.

Всѣ политическіе вопросы въ Европѣ отодвинуты въ послѣдніе дни на второй планъ зловѣщими сообщеніями изъ Египта о появившейся тамъ холерѣ. Нѣтъ сомнѣнія что страхъ предъ грозною азіятскою гостьей распространяется съ небывалою до сего быстротой вслѣдствіе быстроты самихъ сообщеній, сблизившихъ Египетъ съ самыми отдаленными торговыми и культурными центрами. Но самое это удобство сообщеній становится источникомъ серіозныхъ опасеній. Результаты научныхъ изслѣдованій о холерѣ довольно ясно установили какъ путь которымъ она обыкновенно приходитъ въ Европу, такъ и способъ ея распространенія. Восточная Индія и Аравія—вотъ гдѣ очагъ грозной заразы. Съ береговъ Ганга она обыкновенно заносится въ Переднюю Азію мусульманскими богомольцами, которые въ лѣтнее время сотнями тысячъ стекаются въ Мекку. Масса богомольцевъ направляется туда же изъ Египта и Сѣверной Африки. Возвращаясь изъ Мекки, богомольцы приносятъ холеру въ Египетъ, а отсюда опасность грозитъ всему побережью Средиземнаго Моря. Но и помимо богомольцевъ, холера достигаетъ Египта непосредственно изъ Индіи, будучи заносима туда безчисленными кораблями направляющимися изъ Индійскаго Океана въ Суэзскій каналъ.

Когда обслѣдованъ былъ путь распространенія холеры, доказано было что холера не дѣлаетъ скачковъ, но переносится преимущественно людьми, не трудно было рѣшить и вопросъ о преградахъ кои должны быть ей поставлены, и медицинская полиція возвратилась къ старому способу—карантинамъ, кои лѣтъ тридцать тому назадъ, при повсемѣстномъ торжествѣ ученія фритредеровъ, были осуждены и брошены какъ никуда негодная система „стѣсненія торговаго оборота.“ Разница лишь въ томъ что карантинныя мѣры не могутъ уже въ настоящее время достигать цѣли будучи принимаемы каждою страной въ отдѣльности. Требуется общее и согласованное дѣйствіе всѣхъ противъ общаго врага. Съ этою цѣлью, за послѣдніе годы были дѣлаемы попытки къ международному соглашенію дабы установить цѣльную и быстродѣйствующую карантинную систему, сосредоточивъ главное руководство оною въ Константинополѣ. Для этого и имѣется въ столицѣ Турціи постоянная санитарная конференція изъ представителей всѣхъ мореходныхъ государствъ. Этой конференціи было бы тѣмъ легче совладать со своею задачей что первоначальный районъ подлежащій оцѣпленію сравнительно не великъ, простираясь отъ Сирійскаго побережья до Александріи. Но дѣйствія санитарной конференціи парализуются, съ одной стороны, тѣмъ что ей приходится имѣть дѣло съ турецкими и египетскими властями, а съ другой, рѣшительный образъ дѣйствій невозможенъ до сихъ поръ вслѣдствіе того что не установлена для всѣхъ обязательная система общаго дѣйствія, а такую не удается установить главнымъ образомъ потому что Англія противится такой системѣ, опасаясь стѣсненія своего торговаго движенія.

Англійскій эгоизмъ сказался въ этомъ случаѣ во всей своей некрасивости. По общему отзыву, на Англійское правительство падаетъ отвѣтственность не только за его сопротивленіе окончательному международному соглашенію по этому предмету, но и за явное пренебреженіе и намѣренное непризнаніе фактовъ даже прямое сокрытіе истины, вслѣдствіе чего эпидемія приняла теперь такіе страшные размѣры въ Нижнемъ Египтѣ. Обвиненіе противъ Англіи высказано на дняхъ офиціально французскимъ министромъ торговли, который 30 іюня сообщилъ совѣту министровъ о мѣрахъ принятыхъ противъ холеры и при этомъ заявилъ что во французскихъ портахъ установленъ карантинъ для всѣхъ подозрительныхъ судовъ, причемъ подозрительными будутъ считаться и тѣ кои хотя и имѣютъ чистыя свидѣтельства, но пришли изъ зараженныхъ мѣстностей. Мѣра эта, по объясненію французскаго министра, оказывается необходимою въ виду того что „у англійскихъ морскихъ властей

вошло въ обычай выдавать британскимъ судамъ чистыя свидѣтельства даже въ томъ случаѣ когда они идутъ изъ зараженныхъ холерой портовъ.“

Еще рѣшительнѣе выступаетъ съ обвиненіемъ противъ Англіи официозный органъ Французскаго правительства, газета *Temps*. По ея словамъ, англійскимъ властямъ уже давно было извѣстно что холера свирѣпствуетъ на Малайскомъ архипелагѣ, и еще 12 мая санитарной конференціи въ Константинополѣ было сообщено о случаяхъ холеры бывшихъ въ Бомбеѣ. Конференція постановила тогда же чтобы суда идущія изъ Бомбея были подвергаемы строгому карантину на островѣ Абу-Саидъ въ Красномъ Морѣ. Но когда это распоряженіе было сообщено мѣстному санитарному совѣту въ Александріи, англійскій делегатъ этого совѣта энергически воспротивился принятію этой мѣры, утверждая, съ истинно-британскимъ апломбомъ, что интересы торговли „не менѣе дороги нежели санитарные интересы и что первые не должны быть принесены въ жертву послѣднимъ.“ Вслѣдствіе небрежности англійскихъ властей, кои нынѣ однѣ распоряжаются въ Египтѣ, не были также приняты никакія мѣры противъ мусульманскихъ пилигримовъ съ острова Явы и изъ Индіи, несмотря на то что санитарная конференція въ Константинополѣ давно уже возбудила объ этомъ вопросѣ и „обратила на него вниманіе Турецкаго правительства.“ „Англійская торговля,“ замѣчаетъ въ заключеніе газета *Temps*, „не потерпѣла никакой задержки; но вмѣстѣ съ тѣмъ холера проникла въ Египетъ, и Европѣ приходится спросить не обязана ли она угрожающею ей страшною опасностію своекорыстной заботливости Англіи о своихъ торговыхъ интересахъ.“

Англійскія власти распоряжающіяся въ Египтѣ скрывали опасность до послѣдней минуты, и уже тогда когда эпидемія свирѣпствовала съ ужасающею силой въ Даміеттѣ, въ англійскихъ газетахъ печатались телеграммы *опровергавшія* извѣстія о появленіи холеры въ Нижнемъ Египтѣ. Но благодаря быстротѣ теперешнихъ сообщеній лживость этого „опроверженія“ была немедленно раскрыта. За послѣднюю недѣлю, какъ теперь оказывается, въ Даміеттѣ, имѣющей не болѣе 35.000 жителей, ежедневно умираетъ отъ холеры болѣе ста человѣкъ. Паника охватила всѣ города Нижняго Египта, и изъ Александріи Европейцы бѣгутъ съ большею поспѣшностію нежели во время прошлогодней рѣзни.

Англійскія газеты и теперь еще стараются умалить опасность. *Times* отъ 29 іюня спѣшитъ доказать что холера въ Даміеттѣ по всей вѣроятности мѣстнаго происхожденія, вслѣдствіе болотъ окружающихъ эту мѣстность и крайней неряшливости населенія; но тутъ же сознается что объясненіе это быть-можетъ и не вполнѣ вѣрно, и что болѣзнь занесена издалека. Органъ Лондонскаго Города утѣшается при этомъ увѣренностью что англійскія военныя власти сумѣютъ позаботиться „о безопасности расположенныхъ въ Египтѣ англійскихъ войскъ.“

Нѣкоторыя изъ англійскихъ газетъ утверждаютъ еще что холерная тревога лишь не что иное какъ биржевая спекуляція затѣянная спекулянтами Парижской биржи играющими на пониженіе акцій Суэзскаго канала.

№ 174.

Москва, 24-го Іюня.

Печатая ниже статью г. Николаева „Нѣсколько словъ о нашемъ таможенномъ тарифѣ,“ пользуемся случаемъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній по тому же предмету.

И по этому, какъ и по многимъ другимъ вопросамъ, мы не столько руководимся своими сужденіями, сколько повторяемъ чужія. Намъ натвердили что нашъ тарифъ очень высокъ, что онъ чуть не запретительный,—и мы, не опасаясь разыграть роль попугая, готовы безсознательно повторять то же самое. Россія де есть страна земледѣльческая, въ земледѣліи главный источникъ ея богатства; но ни производство, ни внутренній и внѣшній сбытъ хлѣба въ таможенномъ покровительствѣ не нуждаются. Намъ внушаютъ что существенными русскими интересами таможенное покровительство вовсе не требуется, что поэтому оно излишне, и многіе готовы считать такіе выводы серіозными и въ силу этого полагаютъ что всѣ толки о повышеніи пошлинъ до такихъ размѣровъ чтобъ ими обезпечивалось развитіе разныхъ внутреннихъ производствъ представляютъ де собою только своекорыстное домогательство горсти заводчиковъ и фабрикантовъ. Фабрикантамъ и заводчикамъ,

конечно, на руку высокіе тарифы; но выгодно ли это странѣ, выгодно ли населеніямъ приплачивать на каждомъ товарѣ для обогащенія немногихъ эксплуататоровъ? Таковы вообще сужденія которыя то и дѣло приходится слышать какъ только начинается рѣчь о таможенныхъ вопросахъ. Кажущаяся основательность этихъ сужденій сбиваетъ людей съ толку, мѣшая правильному пониманію дѣла и задерживая постановку и рѣшеніе важнаго государственнаго вопроса въ смыслѣ требуемомъ дѣйствительными народными интересами.

Наименованіе высокаго и охранительнаго сохранилось за нашимъ таможеннымъ тарифомъ, можно сказать, только по преданію. О времени графа Канкрина русскій промышленный міръ донынѣ сохранилъ благодарное воспоминаніе. Но то время прошло, и между нынѣшнимъ тарифомъ и тогдашнимъ не осталось почти ничего общаго. До 1850 года можно было говорить и о высотѣ нашего тарифа и объ его серіозномъ поощрительномъ значеніи: всѣ могли видѣть какъ подъ его дѣйствіемъ создались и выросли новыя обширныя отрасли промышленности, развивались и крѣпли производства бывшія прежде только въ зародышѣ. Но все измѣнилось въ 1850 году, когда были урѣзаны почти всѣ таможенныя пошлины. Прошло семь лѣтъ, и въ 1857 году совершена вторая общая крупная урѣзка почти всего что въ тарифѣ могло казаться высокимъ съ фритредерской точки зрѣнія, а затѣмъ слѣдовали одно за другимъ еще новыя пониженія пошлинъ по разнымъ статьямъ привоза въ отдѣльности. И этотъ-то со всѣхъ сторонъ обрѣзанный и искалѣченный тарифъ не переставали выдавать за непомѣрно высокій, требующій пониженія, и именно при господствѣ такого взгляда происходилъ пересмотръ тарифа въ 1868 г.

Былыя увлеченія манчестерскою доктриной утратили свою пылкость и ослабѣли. Сколько можно судить по направленію измѣнившихся взглядовъ, русскимъ производствамъ не грозитъ уже повтореніе ударовъ подобныхъ тѣмъ какіе были нанесены имъ въ 1850 и 1857 годахъ. Въ послѣдніе годы мы были даже свидѣтелями зараждающагося обратнаго теченія, попытокъ возврата русскимъ производствамъ нѣкоторой части отнятаго у нихъ прежде таможеннаго покровительства. Но отнималось оно смѣло и рѣшительно, какъ бы рукой привыкнувшаго къ ампутаціямъ хирурга, а возвращается туго, скупо и робко, гомеопатическими дозами. Отступить отъ этихъ дозъ, не оказывающихъ ощутительнаго дѣйствія на народное хозяйство, мѣшаетъ засѣвшее въ умахъ представленіе о мнимой высотѣ тарифа, о его мнимо-протекціонномъ характерѣ, который де уже въ достаточной мѣрѣ приданъ ему людьми трудившимися надъ его пересмотромъ въ 1857 и 1868 годахъ, между тѣмъ какъ этотъ пересмотръ былъ разрушеніемъ ненавистнаго прежняго русскаго тарифа. Послѣ цѣлаго ряда разрушительныхъ натисковъ, зданіе прежняго тарифа обратилось въ развалины. Но не все въ немъ окончательно рухнуло, — кое-что по мѣстамъ болѣе или менѣе уцѣлѣло,—и эти-то кое-какія, еще высящіяся, разрозненныя части ставятъ на видъ въ доказательство будто бы высоты всего нашего тарифа. Сюда относятся преимущественно нѣкоторыя тарифныя статьи касающіяся хлопчатобумажной промышленности, вообще ткачества, и еще немногихъ отраслей производства которыя, въ эпоху тарифныхъ разгромовъ, уже были достаточно сильны чтобы постоять за себя. Ихъ пришлось пощадить противъ воли, хотя бы временно, ибо паденіе широко разросшихся производствъ, и стало-быть утрата заработковъ цѣлыми массами трудящагося люда, произвело было слишкомъ разительный эффектъ. Но не объ этихъ сумѣвшихъ отстоять свое существованіе отрасляхъ промышленности идетъ главнымъ образомъ рѣчь при указаніяхъ на необходимость серіозной таможенной реформы: онѣ могутъ удовольствоваться небольшими поправками, простою заклепкой такихъ щелей какою недавно былъ Закавказскій транзитъ, какими понынѣ остаются Батумское порто-франко, Финляндскій безпошлинный привозъ и тому подобныя. Сооруженіе таможенно-охранительныхъ плотинъ необходимо для развитія и возсозданія тѣхъ видовъ производства которые не могли отстоять себя. Ихъ нужно вызвать къ жизни, и самое главное, самое дѣйствительное средство къ тому есть таможенная охрана, которая направила бы народный трудъ и капиталъ. Выиграли бы не только заброшенныя нынѣ отрасли народнаго труда, но и тѣ немногія для которыхъ тарифъ все время не переставалъ

быть покровительственнымъ; теперь почти къ нимъ однимъ только и приливаютъ капиталы, а излишній, не соотвѣтствующій условіямъ данной минуты приливъ капиталовъ къ одному дѣлу часто обращается во вредъ ему и можетъ вести къ тяжкимъ кризисамъ. При охранѣ распространенной на массу производствъ, капиталы распространялись бы правильнѣе, для производительной предпріимчивости открылось бы широкое поле, на которомъ они могли бы дѣйствовать съ большею пользой для страны, не подрывая другъ друга чрезмѣрнымъ по обстоятельствамъ сбыта производствомъ одного и того же товара.

Кромѣ указаній на иныя таможенныя пошлины которыя дѣйствительно соотвѣтствуютъ обстоятельствамъ, въ нашемъ тарифѣ можно найти и такія статьи въ силу коихъ товары облагаются выше своей стоимости, иногда въ нѣсколько разъ. Но это служитъ доказательствомъ не высоты тарифа, а его безсмысленности и негодности. Почти всѣ подобныя статьи тарифа никому въ Россіи не нужны. И вообще если поразсмотрѣть да посравнить между собою всѣ тарифныя нормы нашего таможеннаго обложенія, общею характеристическою чертой ихъ окажется что преимущественно по тѣмъ статьямъ гдѣ высокія пошлины были бы полезною охраной, гдѣ онѣ могли бы содѣйствовать развитію внутренняго производства, тамъ онѣ низки, и наоборотъ, гдѣ высокія пошлины охранительнаго значенія не имѣютъ, гдѣ онѣ внутренняго производства не поощряютъ, тамъ онѣ выше.

Сравниваютъ наши таможенныя пошлины съ пошлинами другихъ европейскихъ странъ чтобы сказать: смотрите какъ низки онѣ тамъ, какъ высоки онѣ у насъ; но не замѣчаютъ что сравниваютъ при этомъ величины несоизмѣримыя. Высота тарифа понятіе относительное. Какъ нѣсколько аршинъ можетъ быть большимъ ростомъ для какого-нибудь кустарника и ничтожнымъ для кедра, такъ нѣсколько рублей или копѣекъ въ одномъ случаѣ могутъ быть непомѣрно высокимъ тарифомъ, въ другомъ совершенно ничтожнымъ. Все зависитъ отъ условій и цѣлей которымъ тарифы должны удовлетворять. Не сильные нуждаются въ поддержкѣ, а слабые, и изъ того что на возвышенностяхъ не нужны ни плотины, ни высокія насыпи отнюдь не слѣдуетъ чтобъ онѣ не были нужны въ низменностяхъ, и чтобы тутъ никакихъ насыпей кромѣ самыхъ низкихъ не допускалось. Не такъ давно, года полтора тому назадъ, Министерство Финансовъ издало брошюру таблицъ представляющихъ собою сравненіе нашего таможеннаго тарифа съ нѣкоторыми изъ *нынѣшнихъ* иностранныхъ тарифовъ. Что имѣлось въ виду доказать этимъ сравненіемъ? Какой поучительный выводъ можетъ быть изъ него сдѣланъ? Только тотъ, и единственно тотъ, что страны гдѣ обрабатывающая промышленность выросла и окрѣпла настолько чтобы сбывать за границей на всемірныхъ рынкахъ свои продукты, такъ же какъ мы сбываемъ за границу нашъ хлѣбъ, что такія страны въ несравненно меньшей мѣрѣ нуждаются въ таможенной охранѣ чѣмъ, напримѣръ, Россія и Америка. Но это само собою разумѣется и безъ доказательствъ. Каждый и самъ знаетъ что со взрослыми слѣдуетъ обращаться иначе чѣмъ съ юношами, а юношамъ не нужно молоко кормилицы, необходимое для младенцевъ. Поучительно знать не это, а то какъ младенцы мало-по-малу расли, и что помогло имъ сдѣлаться крѣпкими и сильными. Поучительно было бы не сравненіе нынѣшнихъ тарифовъ, а изложеніе ихъ исторіи. Интересны не нынѣшніе французскіе и англійскіе тарифы, а прежніе, которые дѣйствовали въ то время когда тамошняя промышленность стояла на ступеняхъ развитія проходимыхъ нынѣ нашими производствами. Любопытны тѣ таможенныя охраны благодаря которымъ Англія изъ страны земледѣльческой и овцеводственной стала тѣмъ что она теперь. Сравнивать же наши таможенныя пошлины съ нынѣшними западно-европейскими тарифами и безполезно, и безсмысленно; поучителенъ для насъ развѣ только тарифъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, какъ страны наиболѣе подходящей къ нашей по экономическимъ условіямъ.

Будто Россія не нуждается въ покровительственномъ тарифѣ потому что она есть по преимуществу страна земледѣльческая! Будто таможенныя охраны составляютъ необходимость только для странъ промышленныхъ! Именно тамъ эти тарифы и нужны гдѣ промышленное развитіе слабо, гдѣ оно только что зараждается, и чѣмъ оно слабѣе тѣмъ надежнѣе должна быть охрана. Не промышленная Англія, а земледѣльческая Америка можетъ служить

намъ образцомъ въ таможенно-тарифномъ отношеніи. Не нынѣшнюю англійскую, но американскую тарифную систему берутъ себѣ въ образецъ и австралійскія колоніи самой Англіи.

Земледѣліе занимаетъ первое мѣсто въ ряду источниковъ нашего народнаго хозяйства. Но первое не значитъ единственное. Обрекать Русскій народъ только на земледѣльческій трудъ значило бы лишать его множества выгодъ предоставляемыхъ другими отраслями труда. Имѣть свои неистощимыя рудныя и каменноугольныя богатства, имѣть возможность занять на нихъ работой бо́льшія массы рукъ чѣмъ заняты въ Англіи, и только смотрѣть на эти залежи, выписывая для себя и каменный уголь, и металлы изъ-за границы, поддерживая тѣмъ чужую металлическую промышленность и давая заработки иностраннымъ рабочимъ тогда какъ свои сидятъ безъ дѣла, — ужели это такъ и должно быть потому что Россія страна земледѣльческая? Имѣя всѣ условія для развитія скотоводства въ какихъ угодно размѣрахъ, должна ли Россія нуждаться въ привозѣ шерсти, кожи и другихъ продуктовъ скотоводства потому что она страна преимущественно „земледѣльческая?“ Тотъ же вопросъ пришлось бы повторить по отношенію и къ шелководству, и къ химическимъ, и ко многимъ инымъ производствамъ которыя было бы слишкомъ долго исчислять. Земледѣліе не исключаетъ другихъ отраслей труда которыя могутъ развиваться съ нимъ рядомъ, не во вредъ ему, а на пользу. Чѣмъ больше образуется въ странѣ промышленныхъ пунктовъ, тѣмъ больше будетъ у земледѣлія подручныхъ внутреннихъ рынковъ для сбыта его продуктовъ. Для всѣхъ владѣльцевъ почвы открылась бы возможность и сбывать не только то чѣмъ по необходимости ограничиваются ихъ производство и сбытъ теперь, но и то что нынѣ производить убыточно, что нынѣ не находитъ сбыта. Россія страна земледѣльческая, но всѣмъ хорошо извѣстно что для обезпеченности быта ея сельскихъ населеній крайне необходимы сторонніе, помимо земледѣлія, заработки, а такихъ заработковъ будетъ тѣмъ больше чѣмъ шире разовьется промышленная жизнь, и чѣмъ нужнѣе ея развитіе, тѣмъ настоятельнѣе требуется установить соотвѣтственную нашимъ нуждамъ и обстоятельствамъ систему таможенной охраны на мѣсто нынѣшняго тарифнаго хаоса.

Охранительныя пошлины выгодны будто бы только для горсти фабрикантовъ и заводчиковъ, но не выгодны для массъ потребителей, возвышая цѣны нужныхъ имъ товаровъ! Но не въ фабрикантахъ и заводчикахъ тутъ дѣло. Они конечно ищутъ наживы, ищутъ барышей и дивидендовъ, такъ же какъ и банкиры, и торговцы иностранными товарами; но между первыми и послѣдними та разница что каждая фабрика и заводъ, каждое крупное и мелкое промышленное предпріятіе, обогащая своего хозяина, даетъ заработокъ и массамъ рабочаго люда. Странно было бы лишать эти народныя массы выгодъ изъ зависти къ барышамъ хозяевъ промышленниковъ и изъ желанія, отнявъ эти барыши у русскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ, предоставить ихъ иностраннымъ. Потребителямъ не выгоденъ подъемъ цѣнъ на товары вслѣдствіе охранныхъ пошлинъ... Но, вопервыхъ, это подъемъ временный, до той поры пока внутренняя промышленность не развилась, пока цѣны не понизились подъ дѣйствіемъ внутренней конкурренціи; этотъ временный подъемъ цѣнъ, такъ-сказать, домашній расходъ по воспитанію молодыхъ отраслей труда до той поры пока онѣ выростутъ. Вовторыхъ, таможенный налогъ ложится не на первую, существенную потребность, не на хлѣбъ, но на предметы коихъ временное вздорожаніе для потребителя гораздо менѣе чувствительно. Втретьихъ, и самое главное, каждому потребителю прежде всего нужны средства для покупки предметовъ потребленія: при увеличеніи его средствъ, ему не разорительно и вздорожаніе товаровъ, при недостаткѣ средствъ, эти товары недоступны ему и при сравнительной дешевизнѣ. Но покупныя средства народа заключаются преимущественно въ его трудѣ, и чѣмъ шире возможность выгодно прилагать свой трудъ, чѣмъ больше на него спросъ, тѣмъ лучше для трудящагося люда, тѣмъ больше у него средствъ для покупки всего ему нужнаго. Не обогатили народъ, не увеличили его средствъ повторительныя пониженія тарифовъ, начиная съ 1850 года, но лишь отняли у него массы тѣхъ заработковъ при которыхъ онъ дѣйствительно могъ бы обогащаться. Самое удешевленіе товарныхъ цѣнъ достигнутое пониженіемъ тарифа оказалось на дѣлѣ невыгоднымъ не

только для русскихъ производителей, но и для русскихъ потребителей: что противъ прежняго не доплачивается на пошлинахъ, то съ лихвой переплачивается на вексельныхъ курсахъ. Упадокъ курса стараются всѣми неправдами приписать нашимъ бумажноденежнымъ выпускамъ, но строго-безпристрастный изслѣдователь не можетъ упустить изъ виду что неуклонное паденіе курсовъ началось вслѣдъ не за этими выпусками, а вслѣдъ за изданіемъ продиктованнаго космополитическою доктриной либеральнаго тарифа 1857 года.

№ 175.

Москва, 25-го Іюня.

Пресловутый тройственный союзъ держится, повидимому, на весьма шаткомъ основаніи. Дня не проходитъ чтобъ изъ Италіи не получалось извѣстій о повсемѣстно устраиваемыхъ анти-австрійскихъ демонстраціяхъ, противъ которыхъ нынѣшнее Италіянское правительство, повидимому, ничего не можетъ сдѣлать. Въ тройственномъ союзѣ разочаровались въ послѣднее время не только германская, но и австрійская печать. Отзывчивый на всѣ вопросы иностранной политики, офиціозный *Пештскій Ллойдъ* напечаталъ на дняхъ передовую статью, изъ коей видно что въ высшихъ венгерскихъ сферахъ крайне недовольны Италіей. „Вслѣдъ за нѣжными толками мира, коими италіянская печать прославляла тройственный союзъ, пишетъ органъ венгерскаго правительства, опять зазвучали мелодіи италіянскихъ ирредентистовъ. Исчезло одушевленіе стремившееся ко введенію Италіи въ союзъ двухъ консервативныхъ (?) государствъ; самыя безумныя идеи переворота снова поднялись въ курсѣ. По истинѣ, непостоянство—чтобы не сказать невмѣняемость—италіянскаго общественнаго мнѣнія превосходитъ всѣ границы возможнаго. Сегодня оно разбиваетъ въ дребезги то что̀ накануне считалось имъ какъ идеалъ и покланяется тому чего накануне гнушалось... Германскія газеты сообщаютъ что ирредентистскій „humbug“ снова процвѣтаетъ и что Италіянское правительство не замѣчаетъ его. Тѣ же самыя офиціозныя газеты, которыя фанатически защищали тройственный союзъ когда хотѣли напугать Францію, теперь не безъ сочувствія обсуждаютъ празднества въ честь Оберданка. Да, гнусность доходитъ до того что ирредентистскія знамена при звонѣ музыки и барабанномъ боѣ проносятся мимо оконъ австро-венгерскаго посольства, и правительство не принимаетъ противъ этого никакихъ мѣръ. Въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно ссылаются на либерализмъ италіянскихъ законовъ, мѣшающихъ будто бы правительству принять строгія мѣры. Но даже допустивъ этотъ мотивъ, хотя онъ, по нашему мнѣнію, не искрененъ, мы тѣмъ не менѣе должны спросить, можно ли вѣрить обѣщаніямъ такого правительства которое не въ состояніи даже защитить представителей союзной державы отъ самыхъ дерзкихъ оскорбленій?“ Вслѣдъ за этими словами, *Пештскій Ллойдъ* прямо высказываетъ мысль что на союзъ съ Италіей полагаться никоимъ образомъ нельзя. Мысль эта по отношенію къ Австріи справедлива, и высказывалась нами при первомъ извѣстіи о заключеніи тройственнаго союза. Только по нашему мнѣнію офиціозная венгерская газета ошибается слагая вину на Италіянское правительство за неудавшуюся комбинацію. Вражда Италіянскаго народа къ Габсбургской имперіи истекаетъ изъ политическихъ и, главнымъ образомъ, изъ *національныхъ* причинъ, а тутъ не могутъ пособить ни энергія, ни воля нѣсколькихъ лицъ именуемыхъ въ данный моментъ правительствомъ...

Впрочемъ, главное вниманіе австрійскихъ газетъ обращено теперь не на Италію, а на Румынію. Недѣли двѣ тому назадъ, въ Яссахъ, состоялось торжественное открытіе памятника Стефану Великому, причемъ присутствовали депутаціи изо всѣхъ концовъ Румыніи, всѣ министры и самъ король. На торжественномъ банкетѣ данномъ въ день открытія, банкетѣ на коемъ присутствовалъ и король, сенаторъ Градиштіану произнесъ патріотическій тостъ и обращаясь къ королю сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Въ коронѣ вашего величества не достаетъ еще трехъ перловъ, именно: Семиградія, Баната и Буковины; будемъ надѣяться что это не всегда останется такъ!“ Тостъ этотъ произвелъ въ Австріи необычайную сенсацію, тѣмъ болѣе что король, по словамъ румынскихъ газетъ, „улыбнулся, протянулъ сенатору руку и затѣмъ уже покинулъ залу.“ Чтобы смягчить впечатлѣніе произведенное эти-

ми словами, стали указывать на то что почтенный сенаторъ былъ вѣроятно выпивши. „По нашему мнѣнію, говоритъ *Пештскій Ллойдъ*, in vino veritas; шовинистъ сенаторъ громко высказалъ то что̀ чувствовали всѣ присутствовавшіе. Но между присутствовавшими былъ и король Румынскій. Присутствіе короля при возглашеніи тоста получаетъ особенное значеніе: король благосклонно чокнулся съ сенаторомъ и пожалъ ему руку.“ Всѣ безъ исключенія австрійскія газеты, какъ офиціозныя такъ и не офиціозныя, стали энергически настаивать чтобъ Австрія потребовала отъ Румыніи удовлетворенія. По словамъ того же *Ллойда*, австро-венгерскій посланникъ въ Букурештѣ сдѣлалъ румынскому министру иностранныхъ дѣлъ, Стурдзѣ, весьма серіозныя представленія которыя де произвели на румынскія правительственныя сферы весьма сильное впечатлѣніе. Вслѣдствіе ли этихъ представленій, или по иной причинѣ, но Румынское правительство сочло нужнымъ заявить въ офиціальной газетѣ (въ двѣнадцатый день послѣ тоста) что сенаторъ Градиштіану не занимаетъ никакой офиціальной должности, и что правительство не одобряетъ подобныхъ рѣчей. Заявленіе это не удовлетворило однако Австрійцевъ, и на Румынію градомъ посыпались ругательства австрійской печати. „Образъ дѣйствій Румынскаго правительства, восклицаетъ *Neue Freie Presse*, будетъ для Румыніи роковымъ!.. Румыніи угрожаютъ не съ Запада, а съ Востока.“ *Пештскій Ллойдъ* жалуется что Румынія отплатила Австріи за всѣ ея благодѣянія (sic) „насмѣшкой, презрѣніемъ и прямыми угрозами.“ „Чѣмъ больше снисхожденія оказываемъ мы господамъ на Димбовицѣ, говоритъ далѣе газета, тѣмъ нахальнѣе становятся ихъ требованія. *И все то что̀ говорится въ Букурештѣ, Яссахъ и другихъ мѣстахъ Румыніи встрѣчается полнымъ одобреніемъ и сочувствіемъ въ Семиградіи и юго-восточной Венгріи.*“ Высокоофиціозный *Freindenblatt*, также весьма недовольный офиціальнымъ заявленіемъ Румынскаго правительства, говоритъ по этому поводу слѣдующее: „Еслибъ это заявленіе Румынскаго правительства было обнародовано вслѣдъ за произнесеніемъ пресловутаго тоста, быть-можетъ, мы усмотрѣли бы въ немъ удовлетвореніе хотя и недостаточное. Но съ тѣхъ поръ какъ произнесенъ этотъ тостъ прошла слишкомъ недѣля, и въ это время румынскимъ газетамъ, даже такимъ которыя стоятъ близко къ правительству, былъ предоставленъ просторъ комментировать этотъ тостъ болѣе или менѣе сочувственно. Мы того мнѣнія что порицаніе такихъ явленій которыя, по собственному признанію румынской офиціальной газеты, могутъ угрожать безопасности и миру сосѣдней державы слишкомъ недостаточно во всѣхъ отношеніяхъ. Обнаружившіяся стремленія направленныя противъ неприкосновенности сосѣдней державы должны быть не только неодобряемы, но и энергически подавляемы, дабы сдѣлать ихъ безвредными. Румынское правительство обязано поэтому открыто и безъ оговорокъ признать свою обязанность открыто выступить и искоренить тенденціи угрожающія миру и безопасности сосѣдней державы.“

Посмотримъ чѣмъ разрѣшится недоразумѣніе возникшее между Австріей и Румыніей. Причины броженія въ Румыніи лежатъ однако не въ „національномъ“ шовинизмѣ Румынъ и не въ желаніи во что̀ бы то ни стало оскорбить Австрію, а гораздо глубже. Недовольство Румынъ Австріей надобно искать въ исторіи такъ-называемаго Дунайскаго вопроса. Какъ извѣстно, Румынія наотрѣзъ отказалась признать для себя обязательными постановленія Дунайской конференціи касательно той части Дуная которая омываетъ берега Румыніи и касательно учрежденія предложенной Австро-Венгріей смѣшанной коммиссіи. Англійское правительство предоставило Румыніи шестимѣсячный срокъ для отвѣта на предложеніе Англіи. Срокъ этотъ истекъ недавно, и Румынія отвѣтила меморандумомъ въ коемъ излагаетъ причины почему не можетъ признать постановленія конференціи рѣшавшей безъ Румыніи вопросъ о части ея территоріи; меморандумъ направленъ главнымъ образомъ противъ чрезмѣрныхъ притязаній Австро-Венгріи, интересы коей въ послѣднее время стали такъ же вездѣсущи какъ и интересы Англіи. Если вѣрить газетамъ, то *всѣ* державы намѣрены произвести на Румынію „сильное дипломатическое давленіе“ чтобы заставить ее покориться „Европѣ.“ Не знаемъ вѣренъ ли этотъ слухъ, но маленькая Румынія не покоряется Европѣ и не отдаетъ себя на произволъ Австріи.

Во время блаженной памяти Константинопольской конференціи по Египетскому

вопросу, долженствовавшей представлять собою европейскій концертъ, Англія преспокойно захватила Египетъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то будетъ ли это угодно „Европѣ“ или нѣтъ. *Journal de St.-Pétersbourg*, всегда исполненный благоговѣйнаго страха предъ европейскимъ концертомъ, поспѣшилъ заявить что Англія какъ неконтинентальная держава не есть истинная участница европейскаго концерта, а потому можетъ де иногда и пренебрегать его мнѣніемъ; континентальныя же державы—дѣло совсѣмъ иное; мнѣніе концерта для нихъ одинаково обязательно. Но вотъ маленькая Румынія не питаетъ ни малѣйшаго страха предъ Европой и не принимаетъ постановленій нарушающихъ ея неотъемлемыя территоріальныя права. Въ Букурештѣ всѣ увѣрены, и не безъ основанія, что Европа окажется предъ Румыніей безсильною...

№ 177.

Москва, 27-го іюня.

Во Франціи всѣ политическіе вопросы отступили въ настоящее время на второй планъ предъ извѣстіемъ о тяжкой, грозящей смертью, болѣзни графа Шамбора. Газеты всѣхъ партій переполнены извѣстіями изъ Фросдорфа и статьями разсматривающими возможныя послѣдствія близкой повидимому кончины Генриха V.

Смерть графа Шамбора будетъ, дѣйствительно, важнымъ событіемъ современной исторіи Франціи. Съ нимъ исчезнетъ послѣдній представитель царствовавшей во Франціи по прямому престолонаслѣдію династіи Бурбоновъ.

Можно было бы ожидать поэтому что приверженцы республиканскаго правленія во Франціи исполнятся радости при извѣстіи что скоро сойдетъ со сцены единственный человѣкъ имѣвшій несомнѣнное право на возстановленіе наслѣдственной Французской монархіи. Но, по странной ироніи судьбы, республиканцы-то именно всего болѣе встревожены возможностью смерти графа Шамбора и готовы были бы служить *лаическія* обѣдни о выздоровленіи самаго заклятаго противника не только республики, но и всѣхъ такъ-называемыхъ „свободныхъ учрежденій“ порожденныхъ пресловутою Великою Революціей. Дѣло въ томъ что пока графъ Шамборъ живъ, возстановленіе королевской монархіи во Франціи невозможно. Съ рѣдкою, по истинѣ изумительною въ наше безхарактерное время энергіей, потомокъ Лудовика XVI постоянно отвергалъ всякіе компромиссы съ укоренившимися во Франціи послѣдствіями революціи. Всѣ еще помнятъ какъ онъ въ 1873 году отказался отъ престола Франціи, который ему предлагало Національное Собраніе, потому только что не пожелалъ промѣнять старое бѣлое, украшенное лиліями знамя Франціи на революціонное трехцвѣтное. Съ вопросомъ о знамени для него былъ связанъ вопросъ о принципѣ королевской власти: онъ долженъ быть королемъ Франціи, какъ и предки его, Божіею милостію. Терпѣливо ждалъ онъ чтобы наступилъ часъ его торжественнаго *безусловнаго* возвращенія на престолъ Франціи, и не желалъ унижаться предъ требованіями собранія интригановъ разыгрывающихъ роль „представителей народа.“ Но за послѣднія сто лѣтъ населеніе Франціи, до основанія потрясенное и сбитое съ толку безпрерывнымъ рядомъ государственныхъ переворотовъ, утратило историческую почву и привыкло видѣть въ правителѣ своемъ не отца народа, а врага, котораго нужно держать закованнымъ въ казуистическіе параграфы бумажныхъ конституцій. Безхитростная преданность своему государю, столь естественная въ Русскомъ народѣ, стала совершенно непонятна для большинства Французовъ, видѣвшихъ въ стойкости графа Шамбора только капризное упрямство и полагавшихъ что „король есть въ государствѣ необходимое зло которое нужно по возможности парализовать конституціей,“ какъ выразился одинъ изъ членовъ Національнаго Собранія, соглашавшихся было на реставрацію Генриха V. Когда реставрація эта, по вышеизложеннымъ причинамъ, сдѣлалась невозможною, то графъ Шамборъ пересталъ быть опаснымъ для Французской республики; мало того, его стойкость, дѣлавшая невозможнымъ возстановленіе королевской власти во Франціи, служила залогомъ упроченія республиканскаго режима. Республиканцы дорожатъ графомъ Шамборомъ въ особенности еще потому что пока онъ живъ, Французскій престолъ не можетъ быть занятъ другимъ претендентомъ на него, представителемъ конституціонной монархіи, графомъ Парижскимъ, внукомъ Лу-

довика-Филиппа и потомкомъ брата Лудовика XIV, герцога Филиппа Орлеанскаго, родоначальника Орлеанской вѣтви Бурбоновъ

Когда въ 1873 году готовилась реставрація Генриха V, графъ Парижскій отказался отъ своего одновременнаго притязанія на Французскій престолъ и торжественно призналъ бездѣтнаго графа Шамбора главой своего дома, разчитывая послѣ его смерти вступить на престолъ. Этимъ актомъ признанія совершилось примиреніе старшей линіи Бурбоновъ съ младшею, Орлеанскою, которая дважды тяжко провинилась предъ законными представителями монархіи. Прадѣдъ графа Парижскаго, герцогъ Филиппъ по прозвищу Egalité, поступившій ради популярности въ ряды якобинцевъ, засѣдалъ въ революціонномъ парламентѣ въ числѣ цареубійцъ приговорившихъ Лудовика XVI къ смертной казни. А сынъ этого ренегата, Лудовикъ-Филиппъ, принялъ въ 1830 году престолъ Франціи изъ рукъ революціонеровъ, свергнувшихъ съ него дѣда графа Шамбора, короля Карла X. Примиреніе двухъ враждовавшихъ вѣтвей Бурбонской династіи, которое должно было облегчить возстановленіе монархіи во Франціи, напротивъ только затруднило его. Когда возвращеніе Генриха V оказалось невозможнымъ, то и восшествіе на престолъ Лудовика-Филиппа II (графа Парижскаго), только что признавшаго графа Шамбора своимъ законнымъ королемъ, сдѣлалось также немыслимымъ, и республиканцы могли спокойно хозяйничать во Франціи. Правда, республикѣ угрожала еще кандидатура сына Наполеона III, но она прекратилась въ 1879 году со смертью несчастнаго юноши убитаго Зулуями; на его мѣсто выступилъ бонапартскимъ кандидатомъ принцъ Жеромъ Бонапартъ, но для него также недоступенъ императорскій престолъ, хотя и по инымъ причинамъ, какъ королевскій недоступенъ графу Шамбору. Люди республики потому только и могли такъ долго хозяйничать во Франціи что не было удобныхъ кандидатовъ на престолъ. Республиканцы также понимали очень хорошо что для республики особенно опасны Орлеанскіе принцы, которые какъ по революціонному прошлому своихъ предковъ, такъ и по личному характеру готовы принять всякія условія для достиженія престола и только парализуются своимъ подчиненіемъ графу Шамбору. Этимъ страхомъ предъ принцами объясняется и та паника которая охватила въ началѣ настоящаго года республиканцевъ послѣ обнародованія манифеста принца Жерома Бонапарта, и результатомъ которой было изгнаніе Орлеанскихъ принцевъ изъ арміи.

Теперь понятно почему республиканцы такъ встревожены болѣзнью графа Шамбора: его смерть развяжетъ графу Парижскому руки, и тотъ выступитъ уже открыто кандидатомъ на скромную „должность" конституціоннаго короля, по французскому шаблону; при такихъ условіяхъ перемѣна правленія во Франціи можетъ совершиться почти незамѣтнымъ образомъ, такъ что „того и гляди Франція въ одинъ прекрасный вечеръ заснетъ республиканскою и проснется на слѣдующее утро монархическою," какъ выразилась на дняхъ одна изъ радикальныхъ парижскихъ газетъ.

Смерть Генриха V поставитъ однако графа Парижскаго въ положеніе затруднительное. Объявить себя тотчасъ претендентомъ на Французскій престолъ онъ не можетъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ ему пришлось бы покинуть Францію и жить подобно графу Шамбору гдѣ-нибудь за границей. На такое самопожертвованіе едва ли согласится графъ Парижскій, отличающійся такимъ же миролюбивымъ характеромъ какъ и дѣдъ его Лудовикъ-Филиппъ. Онъ слѣдовательно едва ли будетъ, подобно графу Шамбору, стойко, а слѣдовательно и безуспѣшно держаться принципа традиціонной, неограниченной монархіи, а пойдетъ на всякіе компромиссы съ революціей и этимъ по необходимости оттолкнетъ отъ себя всѣхъ легитимистовъ, которые такимъ образомъ будутъ не содѣйствовать, а препятствовать его реставраціи. При этихъ условіяхъ республика еще можетъ продлить свое существованіе во Франціи. Да если ей на смѣну и явилась бы гнилая монархія, то отъ этого Франція нисколько не выиграла бы. Повторилась бы жалкая комедія іюльской монархіи, дѣлавшей изъ недальновидныхъ эгоистическихъ разчетовъ ошибку за ошибкой, не имѣвшей возможности перейти въ какомъ бы то ни было дѣлѣ къ энергической инціативѣ, лишившей Францію союзниковъ и подготовившей своею близорукостью кровавую оргію 1848 года. При такой монархіи, Франція неминуемо пойдетъ далѣе по той наклонной плоскости на которую она ступила. И со внутрен-

нимн врагами шаблонная конституціонная монархія во Франціи не справится. Соціальный вопросъ принялъ такіе размѣры благодаря безсилію и растерянности республиканскаго правительства что не сложитъ оружія и предъ монархическимъ правительствомъ если во главѣ его будетъ стоять правитель такой же безличный какъ теперешній президентъ Греви, придерживающійся во всѣхъ дѣлахъ мудраго правила „laissez faire, laissez passer.“ Какъ до смерти графа Шамбора такъ и послѣ нея Франція останется слѣдовательно все тѣмъ же открытымъ вопросомъ, а слѣдовательно ненадежною и даже опасною союзницей для всякой другой державы, въ особенности для столь чуждой ей по государственному духу Россіи

№ 178.

Москва, 28-го Іюня.

А.

При Военномъ Министерствѣ учреждается особая коммиссія для обсужденія вопроса о передачѣ всѣхъ военныхъ желѣзныхъ дорогъ въ вѣдѣніе Министерства Путей Сообщенія. Коммиссія эта составляется изъ представителей отъ всѣхъ вѣдомствъ прямо или косвенно заинтересованныхъ въ дѣлѣ, военнаго, путей сообщенія, финансовъ, государственныхъ имуществъ и контрольнаго. Еще ранѣе, при Главномъ Штабѣ была организована коммиссія такого же состава спеціально для обсужденія вопроса о Закаспійской желѣзной дорогѣ, построенной во время Ахалъ-Текинской экспедиціи для надобностей чисто военныхъ. Имъ она и теперь служитъ всего больше.

Понятно что при такихъ условіяхъ на эту дорогу нельзя смотрѣть какъ на коммерческое предпріятіе: доходы дороги неизбѣжно должны быть несравненно ниже ея расходовъ, какъ оно и дѣйствительно есть. Такъ, по смѣтѣ на 1883 годъ, отъ перевозки казенныхъ и частныхъ пассажировъ и грузовъ ожидается только 96.000 рублей, тогда какъ расходы по эксплуатаціи исчислены въ размѣрѣ 484.000 рублей, то-есть въ пять разъ больше. Есть ли основаніе пугаться „дефицита“ въ 389.000 и нѣтъ ли способовъ уменьшить его? Такова задача возложенная на коммиссію, которая пришла пока къ заключенію что вопросъ этотъ разрѣшимъ только на мѣстѣ, послѣ изученія не только размѣра движенія, но и всѣхъ способовъ заготовленія матеріаловъ и обсужденія дѣятельности личнаго состава каждой изъ желѣзнодорожныхъ службъ. Только тогда, какъ полагаетъ коммиссія, и можно сдѣлать окончательный выводъ о значеніи этой дороги и о крайнемъ предѣлѣ потребныхъ на эксплуатацію расходовъ.

Такая осторожность въ данномъ случаѣ у мѣста; однако, уже изъ данныхъ находившихся въ распоряженіи коммиссіи, можно видѣть что настоящій дефицитъ Закаспійской дороги только временный и что она имѣетъ будущее. Въ самомъ дѣлѣ, товарное движеніе дороги растетъ и доходъ отъ него увеличивается: въ 1882 году по ней перевезено около 210 тысячъ пудовъ и 12.000 частныхъ пассажировъ, на сумму около 46.000 руб. По бюджету на 1883 годъ изъ 96.000 руб. валоваго дохода дороги отъ коммерческаго движенія ожидается уже 56.000 р., то-есть слишкомъ на 20% болѣе противъ предыдущаго года. Это уже много. Доходность всякой желѣзной дороги зависитъ отъ количества провозимыхъ по ней товаровъ, а это, въ свою очередь, зависитъ отъ положенія конечныхъ пунктовъ линіи, отъ числа и качества подъѣздныхъ путей и отъ продолжительности существованія самой дороги. Если путь не доходитъ до главнѣйшихъ коммерческихъ центровъ страны, если подъѣздныхъ путей мало или вовсе нѣтъ, торговое движеніе не можетъ быть значительно. А въ такомъ пока положеніи находится наша Закаспійская дорога. Исходный пунктъ ея на берегу Каспійскаго моря связанъ со всею сѣтью нашихъ путей сообщенія, а конечный, какъ говорятъ Нѣмцы, „виситъ на воздухѣ.“ Дорога только подходитъ къ Текинскому оазису, но не достигаетъ главныхъ торговыхъ центровъ. Подъѣздныхъ путей пока нѣтъ, и отъ мѣста выгрузки до мѣста сбыта приходится поднимать товаръ караваномъ на верблюдахъ. Въ такомъ положеніи дѣло, конечно, оставаться долго не можетъ: дорога должна пройти дальше внутрь страны, и къ ней должны подойти пути какъ изъ оазиса, такъ и изъ Персіи. Надо имѣть въ виду и то что въ статьѣ V заключеннаго въ декабрѣ 1881 года дого-

вора съ Персіей, ратификованнаго въ февралѣ 1882 года, „въ видахъ развитія торговыхъ сношеній между населеніями Закаспійской области и Хорасана,“ договаривающимися сторонами прямо предусмотрѣна необходимость „устройства между помянутыми областями удобныхъ для товарнаго движенія *колесныхъ* дорогъ.“

Продолжительность существованія пути точно также несомнѣнно имѣетъ вліяніе на его доходность. Торговля обыкновенно не разомъ и не совсѣмъ охотно направляется по новымъ путямъ. Это справедливо даже для такихъ путей какъ Суэзскій каналъ. Число судовъ проходившихъ чрезъ него въ первое время было почти ничтожно и возрасло только постепенно, годъ за годомъ. А между тѣмъ Суэзскій каналъ ведетъ къ обширнымъ и богатымъ рынкамъ, тогда какъ въ Ахалъ-Текинскомъ оазисѣ и прилегающемъ къ нему Хорасанѣ рынокъ приходится создавать среди населенія которое еще не успѣло оправиться отъ недавней войны. Надо припомнить что въ сопредѣльныхъ съ Ахалъ-Текинскимъ оазисомъ провинціяхъ Персіи селенія еще и до сихъ поръ имѣютъ видъ укрѣпленій обнесенныхъ высокими валами, въ поляхъ стоятъ сторожевыя башни, а земледѣлецъ выходилъ на работу, до усмиренія Ахалъ-Текинцевъ, не иначе какъ вооруженный, пахалъ съ ружьемъ за плечами.

Само собою разумѣется что населеніе съ которымъ приходится устанавливать теперь торговыя сношенія не можетъ дать крупныхъ барышей, всегда ускоряющихъ развитіе торговли. Послѣднее задерживалось отчасти и существовавшимъ до послѣдняго времени закавказскимъ транзитомъ. Главная масса ввезеннаго въ Закавказье товара оставалась тамъ, но часть его все-таки шла въ Персію, а оттуда на всѣ средне-азіятскіе рынки; это былъ во всякомъ случаѣ опасный конкуррентъ для зараждающейся нашей торговли въ краѣ. При такихъ условіяхъ настоящую доходность Закаспійской дороги приходится признать не низкою; если можно чему удивляться, такъ это тому что ея валовой доходъ *только* въ пять разъ меньше расхода.

На Закаспійскую дорогу нельзя смотрѣть съ коммерческой точки зрѣнія доходности еще и по другимъ причинамъ. Ея государственная выгодность опредѣляется вовсе не десятками или сотнями тысячъ рублей дохода за провозъ товаровъ, а ея вліяніемъ на развитіе промышленности среди полудикаго, воинственнаго населенія, на развитіе въ краѣ гражданственности и на образъ мыслей не только Ахалъ-Текинцевъ и Мервцевъ, но и всѣхъ ихъ сосѣдей.

Все это естественно приводитъ къ заключенію что вопросъ о возможности сокращенія расходовъ по содержанію дороги, дѣйствительно, не можетъ быть рѣшенъ иначе какъ на мѣстѣ. Издали все кажется легче нежели есть на самомъ дѣлѣ. Сократить расходы по эксплуатаціи вовсе не мудрено: ихъ можно просто урѣзать, но спрашивается, какъ такая урѣзка во что бы то ни стало отразится на службѣ дороги? Уэкономивъ десятокъ или два тысячъ рублей можно повредить той государственной службѣ дороги которая не выражается въ рубляхъ.

То же самое можно сказать въ большей или меньшей степени и о другихъ военныхъ, или точнѣе, стратегическихъ желѣзныхъ дорогахъ. Ошибочно было бы думать что стратегическія дороги служатъ только для перевозки войскъ и военныхъ грузовъ: ихъ назначеніе не въ этомъ только. Дѣло заключается въ искусственномъ ускореніи развитія данной мѣстности, которая безъ того долго оставалась бы на низкомъ уровнѣ; въ такомъ поднятіи всѣхъ ея силъ чтобъ она, въ случаѣ надобности, могла служить удобнымъ во всѣхъ отношеніяхъ базисомъ военныхъ операцій. Въ чьемъ бы вѣдѣніи или управленіи ни находились такія дороги, Военнаго вѣдомства или въ рукахъ Министерства Путей Сообщенія, онѣ всегда будутъ малодоходными, если доходность измѣрять только рублями поверстнаго сбора, сравнивая его съ такимъ же расходомъ. Вообще, казна не можетъ смотрѣть на пути сообщенія какъ на обильный источникъ дохода. Въ Германіи въ этомъ уже давно убѣдились, и именно этотъ взглядъ былъ главною побудительною причиной перехода отъ системы дорогъ компанейскихъ къ системѣ дорогъ казенныхъ.

Б.

Насъ упрекаютъ зачѣмъ мы обратили вниманіе на толки вызванные въ иностранной печати рѣчью московскаго городскаго головы, произнесенною имъ на банкетѣ

городскихъ головъ, съѣхавшихся въ Москву къ торжеству коронаціи. Въ *Новомъ Времени* пишутъ: „Почему г. Каткову понадобилась австро-венгерская окраска — понять тѣмъ труднѣе что почтенный ораторъ (sic) *Московскихъ Вѣдомостей* имѣлъ возможность познакомиться съ рѣчью изъ прямаго источника."

„Почтенный ораторъ *Московскихъ Вѣдомостей*" не имѣлъ чести присутствовать на банкетѣ гдѣ была сказана упомянутая рѣчь, а потому и не можетъ знать изъ прямаго, то-есть изъ перваго источника что и какъ было сказано. Извѣстно только то что слышавшіе эту застольную рѣчь были очень озадачены ею. *Пештскій Ллойдъ* и *Neue Freie Presse* цитовали мы потому что изъ этихъ газетъ впервые узнали о содержаніи рѣчи, но мы же первые и подвергли строгой критикѣ сообщенія этихъ газетъ. Не имѣя данныхъ чтобъ отрицать фактъ, мы повиновались логикѣ запрещавшей вѣрить чтобы московскій городской голова, выбранный при тѣхъ условіяхъ при какихъ выбранъ г. Чичеринъ, рѣшился, и притомъ въ такую минуту, поднимать въ *какихъ бы то ни было выраженіяхъ* вопросъ объ измѣненіи образа правленія въ Россіи. Употреблялъ ли онъ слово *конституція*, или говорилъ о такъ-называемыхъ *свободныхъ учрежденіяхъ*, это рѣшительно все равно. Если г Чичеринъ придумалъ какой либо проектъ государственнаго преобразованія, то онъ могъ бы дать своей мысли ходъ другимъ путемъ; во всякомъ случаѣ, онъ не имѣлъ права выступать съ нею въ званіи городскаго головы и какъ бы отъ имени Москвы. Наконецъ, онъ имѣлъ бы полную возможность довести свои соображенія прямо до верховнаго законодателя. Но какая была бы надобность возбуждать подобный вопросъ

„Между жаркимъ и бланманже?.."

Зачѣмъ было бы волновать подобными вопросами этихъ почтенныхъ людей которые собрались въ Москву вовсе не для того чтобы передѣлывать Россію, а напротивъ изъявить отъ лица своихъ согражданъ неизмѣнную преданность основамъ существующаго государственнаго устройства? Зачѣмъ было нужно чтобы городскіе головы вынесли изъ Москвы, съ торжества Священнаго Коронованія, сѣмена смутной агитаціи для распространенія между своими согражданами? На что, въ самомъ дѣлѣ, было бы похоже еслибъ еще и голова города Москвы, отъ ея имени, поддерживалъ тенденціи гг. Кошелевыхъ, Стасюлевичей, Спасовичей и заправителей *Голоса?*

Вотъ почему мы и не хотѣли вѣрить чтобы московскій городской голова позволилъ себѣ что-либо подобное и протестовали противъ австро-венгерскихъ толковъ о рѣчи г. Чичерина. Будемъ однако откровенны: хотя мы объявляли рѣчь г. Чичерина выдумкой корреспондентовъ, а все-таки внутренно оставались въ недоумѣніи. Не могла же эта исторія быть голою выдумкой. Правда, то были непріязненные Россіи органы; но между *Пештскимъ Ллойдомъ* и вѣнскою *Neue Freie Presse* нѣтъ ничего общаго; во всякомъ случаѣ не могли же они сговориться чтобы сообща выдумать рѣчь московскаго городскаго головы. Еще менѣе могла сговориться съ ними парижская *Nouvelle Revue*, вовсе не враждебная Россіи, даже мечтающая видѣть въ ней будущую союзницу Франціи. Вотъ какъ въ этой *Revue* излагается пресловутая рѣчь:

„Si cette réunion ne doit pas rester sans résultat, chacun de nous doit en emporter les principes de sa future conduite. Quand Pierre I appela la Russie un temple en ruines, il ajouta qu'il fallait un architecte pour réunir et remettre en leur place les pièces disloquées, afin de relever l'édifice sous lequel doit s'abriter et croître la prospérité du peuple. Dans ce temps-là, un tel architecte était peut-être effectivement nécessaire. La Russie n'était pas alors délivrée de l'esclavage; mais aujourd'hui que la Russie est libre, les rôles sont changés. *Le pouvoir n'est plus là où il était autrefois; le pouvoir appartient à nous, représentants du peuple. Sans nous, l' État n'a aucun pouvoir dans l'exercice de nos institutions administratives. Dans cette sphère, c'est de nous, représentants du peuple, que doit émaner le conseil et la direction.* Tout le monde doit souhaiter que nous ne quittions pas cette réunion sans être persuadés que *l'avenir de la Russie réside en nos mains*, et que nous rentrions chez nous avec la conviction *qu'il faut propager le désir des réformes devenues nécessaires.*"

Парижская редакція полнѣе. Первой фразы въ передачѣ *Neue Freie Presse* не достаетъ; но затѣмъ парижская редакція буквально совпадаетъ съ вѣнскою. Послѣ Пет-

ра и разсыпаннаго храма или храмины слѣдуетъ: *die Macht ist nicht mehr dort wo sie war, die Macht gehört uns, den Vertretern des Volkes u s. w.*

Впрочемъ дѣло не въ выраженіяхъ. Скажемъ безъ обиняковъ и серіозно: рѣчь произнесенная московскимъ городскимъ головой въ засѣданіи Думы, при вступленіи его въ должность въ прошломъ году, заключаетъ въ себѣ существенно то же самое. Рѣчь эта не тайна; она была сказана предъ многочисленнымъ собраніемъ, потомъ напечатана, правда съ нѣкоторыми выпусками по требованію генералъ-губернатора, цензурѣ котораго подлежатъ рѣчи произносимыя въ городскомъ собраніи. Но г. Чичеринъ не думалъ скрывать свою мысль. Высказавъ ее публично, онъ энергически домогался чтобы текстъ его рѣчи былъ напечатанъ in extenso, въ чемъ отчасти и успѣлъ отправившись въ Петербургъ...

Пора бы, наконецъ, прекратить эту странную игру. Если правительство находитъ какую-либо основную государственную реформу дѣломъ своевременнымъ и полезнымъ, то зачѣмъ нужно изображать собой какъ бы осаждаемую и штурмуемую крѣпость? Зачѣмъ дѣлать какъ бы нехотя и по вынужденію то чего мы хотимъ или на что мы согласны? Если же правительство находитъ требованія агитаціи безсмысленными, то какъ возможно что именно лица занимающія официальное положеніе и даже высшія въ правительствѣ должности сами возбуждаютъ столько же анти-правительственную сколько и чуждую народу агитацію? Что должно подумать общество волнуемое напрасными возбужденіями которыя исходятъ изъ сферъ официальныхъ и тамъ питаются?

№ 180.

Москва, 30-го Іюня.

Главнымъ предметомъ общаго интереса служатъ въ послѣднее время опасенія вызванныя появленіемъ холеры въ Египтѣ. Это не муха превращенная въ слона, какъ было четыре года тому назадъ въ дѣлѣ Ветлянской „чумы;“ тутъ опасность дѣйствительная и тѣмъ болѣе серіозная что именно тѣ въ чьихъ рукахъ принять энергическія мѣры противъ заразы, по меньшей мѣрѣ локализовать ее, предотвратить ея распространеніе, менѣе всѣхъ о томъ думаютъ. О своей небывалой чумѣ мы кричали на весь міръ; не довольствуясь случайнымъ фактомъ мѣстной повальной болѣзни неопредѣленнаго свойства, — которую только страхъ, благо у него глаза велики, да разчитанная на этотъ страхъ злостная тенденціозность могли принимать за „черную смерть,“ — мы днемъ съ фонаремъ искали по всей Россіи къ чему бы можно было придраться какъ къ признакамъ воображаемой „моровой язвы,“ чтобъ ославить зачумленною всю страну; мы дошли въ этихъ поискахъ до смѣшнаго, до колоссальныхъ нелѣпостей завершившихся знаменитымъ эпизодомъ съ Наумомъ Прокофьевымъ. При такой преувеличенной сторожкости, каждый показавшійся мало-мальски подозрительнымъ случай заболѣванія влекъ за собой принятіе цѣлаго ряда строгихъ полицейскихъ и медицинскихъ мѣръ; только эти мѣры и были на умѣ у думъ, земствъ, всякихъ обществъ и властей даже тамъ гдѣ не было никакихъ намековъ на заразу. По многимъ отзывамъ которые доводилось намъ слышать отъ бывшихъ на мѣстѣ лицъ, сама Ветлянка съ ея округомъ пострадала отъ своей чумной охраны едва ли не болѣе чѣмъ отъ мнимой чумы. Не удовольствовавшись посылкой туда особаго генералъ-губернатора съ чрезвычайными полномочіями, мы призвали еще туда блюсти надъ собой международную санитарную коммиссію... При подобныхъ обстоятельствахъ, при такой мнительной заботливости и бдительности обнаруженныхъ въ Россіи, всѣ внѣ ея предѣловъ могли спать спокойно, съ полнымъ убѣжденіемъ въ ненадобности какихъ-либо дополнительныхъ мѣръ сверхъ тѣхъ какія уже были приняты ею самою. Европейскія страны однако, со включеніемъ даже Турціи, спѣшили одна за другою ограждать себя отъ насъ карантинными заставами; всѣмъ памятны стѣсненія какими отозвалось это на нашихъ торговыхъ интересахъ, унизительныя мытарства какимъ подвергались ѣдущіе изъ Россіи на нѣкоторыхъ нашихъ границахъ. Такъ было при фальшивой тревогѣ; но теперь мы имѣетъ дѣло съ тревогой не фальшивою, а вполнѣ основательною, дѣло идетъ не о мнимой чумѣ, а о настоящей индійской холерѣ. Извѣстна болѣзнь, извѣстны пути которыми пришла она въ Египетъ, извѣстно ея гнѣздо откуда она всегда распространяется. Бенгалъ

состоитъ болѣе чѣмъ подъ вѣковымъ владычествомъ Англіи, она же господствуетъ на всѣхъ путяхъ отъ Индіи до Суэза и въ самомъ Египтѣ. По вмѣсто того чтобы обезпечить міръ отъ своего холернаго царства, Англичане, равнодушно относясь къ распространяемой изъ ихъ владѣній заразѣ, не дѣлая ничего въ видахъ ея пресѣченія, заботятся лишь о томъ чтобы скрыть отъ другихъ положеніе дѣла, убѣждая ихъ что и холеры де нѣтъ, и думать де о ней нечего.

Разныя правительства начинаютъ принимать мѣры къ огражденію своихъ странъ отъ посѣщенія страшной индійской гостьи, то тамъ, то тутъ установляются нѣкоторыя мѣры карантинной предосторожности. Но такія ли это мѣры на которыхъ бы можно было успокоиться? Тѣ ли эти мѣры какія четыре года тому назадъ принимались относительно Россіи? Какъ будто оставляемые безо всякаго санитарнаго надзора Индія и Египетъ представляютъ для Европы ничуть не бо́льшую опасность чѣмъ оцѣпленная со всѣхъ сторонъ Ветлянка!

Вслѣдъ за другими, принимаются мѣры предосторожности и у насъ. Правленіямъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли и другихъ обществъ содержащихъ срочныя сообщенія между Черноморскими портами, Константинополемъ и Египетскими портами вмѣнено въ обязанность, на время холерной эпидеміи, имѣть судовыхъ врачей. Пароходамъ Добровольнаго Флота, по пути въ Великій Океанъ, запрещено останавливаться въ тѣхъ египетскихъ портахъ, гдѣ обнаружилась холера. Русскимъ подданнымъ изъ мусульманъ отправляющимся на поклоненіе въ Мекку пріостановлена выдача заграничныхъ паспортовъ. Наконецъ, установлена семидневная карантинная обсервація по отношенію ко всѣмъ мореходнымъ судамъ прибывающимъ въ наши Черноморскіе порты изъ Египетскихъ и другихъ портовъ Средиземнаго и Чернаго морей *съ патентомъ не чистымъ по азіятской холерѣ.* Далѣе этого мѣры предосторожности не идутъ. Съ нѣкоторою неизбѣжною стѣснительностью ихъ слѣдуетъ мириться; но стѣснительныя для многихъ судовъ идущихъ изъ совершенно благополучныхъ портовъ Чернаго и обширнаго Средиземнаго моря и потому не догадавшихся запастись *чистымъ* по азіятской холерѣ патентомъ, эти мѣры могутъ оказаться недѣйствительными именно тамъ гдѣ онѣ всего нужнѣе, освобождая отъ карантиннаго надзора суда наиболѣе способныя занести заразу, но запасшіяся *чистыми* патентами, что́ не трудно, ибо, какъ офиціально заявлено французскимъ министромъ торговли, „у англійскихъ морскихъ властей вошло въ обычай выдавать британскимъ судамъ чистыя свидѣтельства даже въ томъ случаѣ когда они идутъ изъ зараженныхъ холерой портовъ.“ Въ виду такого обычая, въ виду явнаго вмѣстѣ съ тѣмъ желанія Англіи замаскировать и занять опасность заразы, можно ли довольствоваться одною формальною чистотой патента, и основательно ли считать подозрительными не-англійскіе средиземные порты, считая въ то же время благополучными внѣ-средиземные англійскіе порты куда свободно приходятъ суда и изъ Индіи, и изъ Суэза, и изъ Египта? Эти суда также способны занести заразу въ Балтійское море какъ и въ Черное. О самихъ себѣ Англичане конечно позаботятся. Въ самомъ холерномъ гнѣздѣ, въ Индіи, предоставляя мѣстнымъ населеніямъ умирать милліонами отъ эпидемій, Англичане умѣютъ ставить себя въ благопріятныя санитарныя условія; они думаютъ о санитарномъ обезпеченіи своего десанта въ Египтѣ, они сдѣлаютъ въ этомъ отношеніи что́ найдутъ нужнымъ и для самой Англіи; но какъ мало заботятся они о томъ чтобы зараза не была разносима изъ Индіи и Египта, такъ же мало позаботятся они чтобъ она не могла быть занесена и изъ собственно британскихъ портовъ, а пожалуй еще постараются прямо направить въ чужія гавани прибывшій къ нимъ подозрительный корабль дабы и себя уберечь и торговый интересъ соблюсти. Серіозными предохранительными мѣрами противъ заразы, полагаемъ, были бы лишь такія которыя могли бы побудить Англію къ инымъ санитарнымъ взглядамъ на ея владѣнія, которыя ввели бы заботу о пресѣченіи эпидеміи въ кругъ ея экономическихъ интересовъ. Сама не принимая необходимыхъ санитарныхъ мѣръ, она теперь протестуетъ и противъ общей, международной заботливости о такомъ общенародномъ дѣлѣ даже на почвѣ Египта который юридически все-таки еще не принадлежитъ ей и гдѣ, неумѣстная и ненужная въ Ветлянкѣ, дѣятельность международной санитарной коммиссіи была бы и у мѣста, и полезна. Но можетъ-быть англійскія воззрѣнія во многомъ

и значительно измѣнились бы еслибъ ея вредная для всѣхъ небрежность вызвала со стороны всѣхъ общія и повсемѣстныя стѣснительныя для всего британскаго флота карантинныя мѣры. А пока этого нѣтъ, нѣтъ у нея и побужденій быть сговорчивою въ общемъ дѣлѣ.

Благодаря англійскому своекорыстному противодѣйствію мѣрамъ охраны принимаемымъ другими странами, трудно полагаться на дѣйствительность одного пограничнаго, не повсемѣстнаго и далеко не совершеннаго надзора. Пока у насъ, слава Богу, холеры нѣтъ, однако не худо заранѣе подумать о мѣрахъ борьбы съ нею въ случаѣ ея появленія. Казалось бы послѣ всѣхъ набатовъ которые повторялись у насъ то по поводу Ветлянской чумы, то по поводу дифтерита и иныхъ повѣтрій, послѣ всѣхъ думскихъ, земскихъ и иныхъ совѣщаній по ихъ поводу, санитарныя средства борьбы противъ эпидемій давно уже должны были принять у насъ надлежащую организацію. То ли видимъ на дѣлѣ? Сдѣлано ли хотя самое необходимое для борьбы съ эпидеміями, не говоря о другихъ мѣстностяхъ, хотя бы въ столицахъ, какъ, напримѣръ, въ Москвѣ? Дознано что источникъ холерной заразы заключается въ холерныхъ экскрементахъ. Что же? Какъ въ былые холерные годы, такъ и нынѣ, Москва, при двойномъ и тройномъ противъ прежняго населеніи, остается окруженною кольцомъ тѣсно примыкающихъ къ ней мѣстъ для свалки нечистотъ, остается при прежней системѣ неполнаго удаленія ихъ изъ города, при прежнемъ неимѣніи надлежащей канализаціи. Не только ничего въ этомъ отношеніи не сдѣлано, но ничему не положено даже и начала. Не поведетъ ли нынѣшняя холерная тревога къ чему-нибудь дѣльному въ этомъ отношеніи, къ подготовкѣ такого санитарнаго положенія при которомъ можно было бы менѣе страшиться всякихъ эпидемій? Или же все по-прежнему ограничится только обильными словоизліяніями въ нашихъ многочисленныхъ говорильняхъ?

№ 181.

Москва, 1-го іюля.

А.

Благодаря административной распущенности, у насъ очень рѣдко встрѣчаются органы власти воодушевленные желаніемъ устранять недоразумѣнія и затрудненія при примѣненіи закона; за то безпрестанно попадаются и низшіе и высшіе администраторы, которые изъ кожи лѣзутъ доказывать что законъ, требующій исполненія, *не соотвѣтствуетъ духу времени*, а потому неудобоисполнимъ, и при каждомъ случаѣ готовы нарушать его.

Великое дѣло освобожденія крестьянъ было совершено двадцать два года тому назадъ изданіемъ Положенія 19 февраля 1861 года и заключилось повелѣніемъ нынѣ благополучно царствующаго Монарха чтобы къ 1 января 1883 года въ Имперіи не оставалось болѣе временно-обязанныхъ крестьянъ, то-есть чтобы всякія юридическія отношенія бывшихъ крѣпостныхъ людей къ ихъ помѣщикамъ, относительно владѣнія доставшимися имъ земельными надѣлами, прекратились обязательнымъ выкупомъ надѣловъ. Возможно ли, при такомъ положеніи дѣла, допустить что въ настоящее время отыщется въ одной изъ центральныхъ губерній имѣніе съ населеніемъ въ 2.400 душъ, гдѣ не только не прекратились обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщику, но *до сего времени не введена даже уставная грамота?* Оказалось что и это возможно.

Обращаемъ вниманіе читателей на помѣщаемое нами сегодня письмо *Калужскаго Помѣщика*. На основаніи письменныхъ документовъ излагаетъ онъ скорбную лѣтопись о дѣйствіяхъ разныхъ чиновъ и властей, на которыхъ лежала обязанность устройства быта крестьянъ въ пріобрѣтенномъ имъ почти тридцать лѣтъ тому назадъ имѣніи, и до какихъ результатовъ дошло это устройство. Крестьяне не знаютъ до сихъ поръ на какомъ законномъ основаніи они владѣютъ землей, останется ли за ними это владѣніе, или оно будетъ у нихъ отобрано, какія обязанности лежатъ на нихъ относительно платежа поземельныхъ денегъ, и кому они должны уплачивать ихъ. Пока они много лѣтъ не уплачиваютъ никакихъ поземельныхъ налоговъ, и числящаяся за ними недоимка возрасла до такой цифры что можетъ-быть превышаетъ стоимость всего ихъ надѣла. Положеніе помѣщика еще хуже. Онъ рѣшительно не знаетъ что въ этомъ имѣніи принадлежитъ ему въ землѣ, что въ доходахъ будущихъ, настоящихъ и прошлыхъ, кто отвѣтитъ ему за недо-

имки, за происшедшіе отъ нихъ убытки причинившіе его несостоятельность въ исполненіи обязательства по уплатѣ долга Сохранной Казнѣ.

Всякій, прочитавъ разказъ *Калужскаго Помѣщика*, невольно спроситъ какъ же это случилось? Развѣ нельзя было устранить черезполосность владѣнія частнаго владѣльца съ казной, и не допустить до того беззаконнаго положенія въ которомъ оно теперь находится? Конечно, было возможно еслибы въ данномъ случаѣ у властей придержащихъ оказалась охота дѣйствовать на основаніи положительныхъ законовъ, не мудрствуя лукаво. За исходную точку разграниченія смежныхъ владѣній могла быть принята *полюбовная сказка* заключенная помѣщикомъ съ казной, и требовавшееся на основаніи ея переселеніе государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ могло совершиться до 1861 года когда дѣло нѣсколько усложнилось узаконеніями включенными въ Положеніе о крестьянахъ относительно ихъ переселенія. Помѣщикъ неуступчиво настаивалъ на исполненіи условій этой сказки, онъ *нелиберально* не соглашался на предъявленныя ему новыя, сказкою не предусмотрѣнныя, требованія; но онъ имѣлъ на это неотъемлемое право, опираясь на смыслъ 1.536 и 1.538 стт. X т. ч. 1 Св. Зак. Гражд. Впрочемъ, даже признавая полюбовную сказку несостоявшеюся и ни для кого необязательною, было достаточно времени устранить недопускаемую закономъ черезполосность, устранить законнымъ же путемъ, на основаніи постановленій заключающихся въ 3 ч. X. т. Св. Зак. Межевыхъ. Во всякомъ случаѣ, еслибы губернскія межевыя инстанціи и чины другъ друга смѣнявшіе въ этотъ періодъ времени по крестьянскимъ учрежденіямъ, еслибъ опека и Сохранная Казна постарались устранить пустыя помѣхи встрѣтившіяся въ этомъ дѣлѣ къ удовлетворенію законныхъ интересовъ частнаго лица и казны, а не крючкотворствовали бы, не тормозили бы дѣла, создавая искусственно все новыя затрудненія, оно уладилось бы совершенно правильнымъ образомъ.

Но при очевидномъ направленіи мѣстныхъ властей дѣйствовать въ ущербъ интересамъ помѣщика, и та и другая сторона, и крестьяне и помѣщикъ, остались въ накладѣ. Дошло до того что и повелѣніе верховной власти о разрѣшеніи этого небывалаго казуса путемъ экспропріаціи черезполоснаго съ казной частнаго владѣнія не могло состояться по причинамъ которыя не должны бы приниматься Министерствомъ Финансовъ въ разчетъ когда требуется устранить явное беззаконіе...

Б.

Въ офиціозной сербской газетѣ *Видело* напечатано, за подписью настоятеля Сербскаго подворья въ Москвѣ, игумена Өеофила, весьма странное письмо. Настоятель подворья счелъ своимъ долгомъ довести до всеобщаго свѣдѣнія что онъ, *вопреки запрещенію московскихъ духовныхъ властей*, поминаетъ на литургіи еще не признаннаго Русскою церковію, новоназначеннаго сербскаго „митрополита“ Өеодосія Мраовича, и что онъ поступаетъ такъ не по приказанію сербскаго посланника Хорватовича, а добровольно. Письмо это гласитъ: „Въ нумерѣ 60 *Сербской Независимости* напечатана лживая статья касательно поминанія въ Сербскомъ подворьѣ въ Москвѣ новаго сербскаго митрополита владыки Өеодосія. Неправда будто г. Хорватовичъ (сербскій посланникъ, присутствовавшій въ Москвѣ во время коронаціонныхъ празднествъ) приказалъ діакону или кому другому поминать владыку митрополита Өеодосія. Подобное распоряженіе со стороны г. Хорватовича было бы совершенно излишне, ибо митрополита Өеодосія стали поминать еще до пріѣзда г. Хорватовича. Имя митрополита поминается, какъ и во всѣхъ церквахъ королевства Сербіи, по его собственному, митрополита, распоряженію... Правда что здѣшняя высшая духовная власть воспретила поминать владыку Өеодосія и что меня по этому дѣлу вызывалъ и г. оберъ-прокуроръ Св. Синода; но подворье Сербское должно было поминать своего митрополита котораго призналъ и избраніе коего утвердилъ самъ король, а мы какъ Сербы и сербскіе подданные должны вездѣ покоряться волѣ короля и сербскимъ законамъ...“

Сказанное въ этомъ письмѣ есть неправда.

Мраовичъ послѣ своего назначенія митрополитомъ, дѣйствительно, прислалъ письмо въ коемъ предписывалъ чтобы его поминали при богослуженіи; но митрополитъ Московскій не находилъ возможнымъ доз-

волить чтобы въ Москвѣ поминалось имя Ѳеодосія Мраовича котораго Русская церковь не знаетъ, и отказалъ въ разрѣшеніи за которымъ настоятель подворья обращался къ высокопреосвященному Іоанникію. Архимандритъ Ѳеофилъ, слывшій приверженцемъ митрополита Михаила, покорился этому окончательному для него рѣшенію, и *до самаго пріѣзда Хорватовича* не поминалъ ни митрополита Михаила, ни Мраовича. Но г. Хорватовичъ, прибывъ 9 мая въ Москву, объявилъ ему предписаніе сербскихъ властей поминать Мраовича. Пришлось снова обратиться къ митрополиту Московскому, причемъ *снова* послѣдовалъ отказъ. На этотъ *вторичный отказъ* Хорватовичъ также не счелъ нужнымъ обратить вниманіе. На слѣдующій день, въ русской церкви, состоящей въ Московской епархіи, въ противность распоряженію Московской епархіальной власти и оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, былъ на ектиньѣ помянутъ Ѳеодосій Мраовичъ и затѣмъ поминается по сіе время.

Все вышесказанное мы знали въ свое время изъ перваго источника, то-есть отъ самого игумена.

Почему ни духовная, ни свѣтская власть наша не приняла немедленно мѣръ противъ своеволія „представителя королевства Сербіи,“ это намъ неизвѣстно. Торжественные дни Священнаго Коронованія были быть-можетъ моментомъ для этого неудобнымъ. Но пора бы кажется внушить сербскому правительству что православныя церкви въ Россіи находятся въ вѣдѣніи Св. Синода, и что въ нихъ не можетъ распоряжаться Сербское правительство или его представители, хотя бы они были, какъ г. Хорватовичъ, римско-католическаго вѣроисповѣданія.

Настоятель Сербскаго подворья въ Москвѣ ни подъ какимъ видомъ и ни по чьему приказанію не можетъ нарушать законы страны его пріютившей и оказывать сопротивленіе властямъ подъ покровительствомъ которыхъ находится. Онъ имѣлъ одинъ правильный исходъ изъ своего затрудненія—прекратить богослуженіе въ церкви подворья впредь до разъясненія дѣла. Прискорбнѣе всего то что сербскій игуменъ въ Москвѣ не только ослушался Русскаго правительства, но и продолжаетъ ослушиваться, да еще похваляется этимъ. Прискорбно видѣть такой упадокъ авторитета русской власти...

B.

Въ вышедшемъ сегодня выпускѣ *Руси* приложено письмо г. Чичерина, въ которомъ онъ отрекается отъ появившейся въ иностранныхъ журналахъ редакціи его застольной рѣчи. Но этимъ не объясняется тотъ странный фактъ что рѣчь его совершенно одинаковымъ образомъ передана въ Парижѣ и Вѣнѣ, въ изданіяхъ ничего общаго между собой не имѣющихъ и которыя не могли сговориться для того чтобы сдѣлать этотъ подлогъ.

Г. Чичеринъ, въ доказательство лживой передачи его рѣчи, ссылается на невѣрный слухъ сообщенный иностранными корреспондентами будто онъ отставленъ отъ должности. Такъ какъ онъ отъ должности не отставленъ, то стало-быть и редакція его рѣчи есть выдумка. Но одно изъ другаго никакъ не слѣдуетъ. Къ тому же не во всѣхъ иностранныхъ газетахъ сообщалось объ его удаленіи отъ должности. Если въ парижскихъ журналахъ оплакивали удаленіе его за эту рѣчь отъ должности и даже высылку изъ Москвы, то въ *Пештскомъ Ллойдъ*, напротивъ, съ торжествомъ указывалось на то что правительство предъ нимъ спасовало. Мадьярская газета злорадно видитъ въ этомъ признакъ надломленности власти въ Россіи. „Въ прежнюю пору, говоритъ *Пештскій Ллойдъ*, человѣка который оказался бы виновнымъ въ подобномъ дѣлѣ устранили бы тотчасъ же. Теперь же приходится не только терпѣть его, но и оказывать ему почести.“

№ 182.

Москва, 2-го Іюля.

Англійскій политическій міръ встревоженъ проявленіемъ одного изъ тѣхъ признаковъ которые служатъ явнымъ указаніемъ что старинное зданіе англійскаго государственнаго устройства дало трещины во многихъ мѣстахъ. Вожаки торійской оппозиціи стараются, правда, воспользоваться такими симптомами для своихъ цѣлей, и указывая на грозящую опасность выставляютъ себя единственными спасителями англійской конституціи. Реакція въ пользу торіевъ дѣйствительно начинаетъ сказываться, и быть-можетъ недалеко вре-

мя когда кабинетъ Гладстона уступитъ мѣсто кабинету Солсбери. Но торжество одной партіи надъ другою и періодическая смѣна одного правительства другимъ едва ли успокоитъ тѣхъ кто не заинтересованъ въ этой парламентской игрѣ.

Недѣли двѣ тому назадъ, въ Бёрмингамѣ праздновался 50-лѣтній юбилей политической дѣятельности г. Брайта, который вмѣстѣ съ покойнымъ Кобденомъ создалъ такъ-называемую Манчестерскую школу. На одномъ изъ банкетовъ данныхъ по этому поводу произнесъ рѣчь одинъ изъ членовъ теперешняго кабинета, г. Чамберленъ, занимающій должность министра торговли. Въ этой рѣчи г. Чамберленъ развилъ программу которая повергла въ тревогу не однихъ консервативовъ, но и либераловъ. Съ обычною въ такихъ случаяхъ говорливостью, ораторъ коснулся многихъ пунктовъ о коихъ ему было бы неудобно говорить въ парламентѣ, тѣмъ болѣе что въ парламентѣ онъ связанъ своимъ офиціальнымъ положеніемъ. Здѣсь же г. Чамберленъ далъ волю своему краснорѣчію, заранѣе увѣренный въ сочувствіи своей многочисленной аудиторіи. Онъ призналъ себя приверженцемъ радикальной партіи, каковою кличкой сами себя титулуютъ бывшіе послѣдователи Манчестерской школы. Начавъ съ обязательнаго на юбилеѣ г. Брайта панегирика свободной торговлѣ, г. Чамберленъ перешелъ затѣмъ къ изложенію „политической программы будущаго“ и высказалъ свое убѣжденіе что предстоящія реформы примутъ направленіе далеко уклоняющееся отъ прежняго, которое имѣло де исключительно въ виду интересы меньшинства и „ограничивалось заботами объ огражденіи *такъ-называемаго* права собственности.“ Г. Чамберленъ явился открытымъ поборникомъ политической программы „чартистовъ,“ кои лѣтъ сорокъ тому назадъ были подавлены, благодаря дружному содѣйствію какъ торіевъ, такъ и виговъ. Теперь провозвѣстникомъ чартистскихъ доктринъ выступилъ одинъ изъ членовъ кабинета.

Легко понять что рѣчь г. Чамберлена произвела великую сенсацію. Вожаки торійской партіи поспѣшили воспользоваться ею для своихъ цѣлей. Но и виги не замедлили публично выразить свое неудовольствіе по поводу этой „скандальной манифестаціи“ одного изъ членовъ Гладстоновскаго министерства.

Недѣлю спустя послѣ празднествъ въ Бёрмингамѣ должно было происходить празднованіе годовщины Кобденова клуба, и г. Чамберлену, какъ президенту этого клуба, предстояло произнести новую рѣчь. Около того же времени стало извѣстно что глава французской ультра-радикальной партіи, г. Клемансо, избранъ членомъ этого клуба и получилъ спеціальное приглашеніе прибыть на годичный банкетъ клуба. Нѣкоторые изъ наиболѣе респектабельныхъ виговъ, состоявшіе членами Кобденова клуба съ самаго основанія онаго, заявили тогда о своемъ выходѣ изъ клуба. Въ числѣ вышедшихъ былъ и г. Гошенъ, одинъ изъ ближайшихъ друзей покойнаго Кобдена, бывшій еще весьма недавно однимъ изъ членовъ кабинета г. Гладстона.

Одинъ изъ вліятельнѣйшихъ органовъ вигской партіи, еженедѣльная газета *Observer* высказала по поводу сказаннаго инцидента слѣдующее: „Клубъ основанный въ память г. Ричарда Кобдена собственно говоря потерялъ въ наше время весь смыслъ своего существованія. Ни одно изъ предсказаній того пророка который чествуется клубомъ не сбылось. Свободная торговля не только не получила всеобщаго распространенія, но нельзя не сознаться что это средство далеко не всюду приложимо; оно весьма пригодно для Англіи; но другіе народы находящіеся въ иныхъ условіяхъ, не могутъ безнаказанно имъ пользоваться. Дѣло однако не въ свободной торговлѣ. Намъ неизвѣстно причисляетъ ли себя г. Клемансо ко фритредерамъ, но мы хорошо знаемъ что онъ по своимъ коммунистическимъ убѣжденіямъ совсѣмъ не подходящая личность чтобъ явиться гостемъ среди англійскихъ государственныхъ людей и министровъ. Поэтому нельзя удивляться тому что нѣкоторые изъ выдающихся либеральныхъ членовъ Клуба вышли изъ онаго, предоставивъ свободное поле радикаламъ. Однако мы спрашиваемъ: какая цѣль этого братанія между англійскимъ радикализмомъ и континентальнымъ коммунизмомъ? До сихъ поръ коммунистическія идеи находили въ Англіи мало почвы. Но было бы слишкомъ смѣло думать что наши рабочіе классы совсѣмъ недоступны ученіямъ соціализма и коммунизма. Совсѣмъ напротивъ: всякая партія которая рѣшится разыграть эти козыри можетъ быть увѣрена что привлечетъ, съ этою помощью,

приверженцевъ. Наши радикалы, убѣдившись что средства кои они до сихъ поръ пускали въ ходъ для привлеченія массъ недостаточны, рѣшились выставить новую програму, и тутъ-то они, быть-можетъ сами не отдавая себѣ въ томъ отчета, попали на дорогу которая всего лучше характеризуется тѣмъ что г. Клемансо приглашенъ принять участіе въ публичной демонстраціи радикаловъ, при которой одинъ изъ министровъ займетъ предсѣдательское мѣсто. Это во всякомъ случаѣ знаменуетъ собой новую фазу въ развитіи англійскаго радикализма.“

Протесты со стороны либераловъ не остались безо всякихъ послѣдствій. Годовщина клуба Кобдена была отпразднована 30 іюня безъ присутствія г. Клемансо. Но банкетъ происходилъ въ предсѣдательствѣ г. Чамберлена и при участіи другаго радикальнаго члена кабинета сэръ-Чарлза Дилка. Г. Чамберленъ вновь произнесъ обширную рѣчь, въ которой коснулся толковъ возбужденныхъ его первою рѣчью и выхода изъ клуба нѣкоторыхъ изъ членовъ. Говоря отъ имени радикальной партіи, г. Чамберленъ не только не смягчилъ ни въ чемъ своихъ прежнихъ заявленій, но подтвердилъ во всемъ ту радикальную програму которую онъ начерталъ въ Бёрмингамѣ. Дабы остаться въ союзѣ съ либералами, замѣтилъ ораторъ, радикаламъ приходится принести многія жертвы; но отказываясь отъ осуществленія своихъ стремленій въ настоящемъ, радикалы требуютъ для себя полной свободы высказывать свои упованія насчетъ будущаго, и если имъ будетъ отказано даже въ этомъ, тогда союзъ съ либералами становится не только невозможнымъ, но и нежелательнымъ.

Сэръ-Чарлзъ Дилкъ также произнесъ рѣчь на этомъ банкетѣ. Но онъ былъ гораздо умѣреннѣе. Онъ говорилъ почти исключительно о принципахъ свободной торговли и старался доказать что торговая политика созданная Ричардомъ Кобденомъ и теперь еще имѣетъ успѣхъ, въ доказательство чего соглался на торговые трактаты которые еще недавно заключены съ Италіей и Португаліей, или которые имѣютъ быть вскорѣ заключены съ Испаніей и Мексикой.

Сэръ-Чарлзъ Дилкъ занимаетъ нынѣ постъ втораго секретаря иностранныхъ дѣлъ. Но ни для кого не тайна что онъ, а не лордъ Гранвилль, заправляетъ въ кабинетѣ г. Гладстона дѣлами внѣшней политики. Г. Дилкъ не довольствуется однако этимъ; а такъ какъ весьма вѣроятно что лордъ Гранвилль неохотно засѣдаетъ въ кабинетѣ рядомъ съ такимъ откровеннымъ вожакомъ радикаловъ какъ г. Чамберленъ, то сэръ-Чарлзу, считающему себя единственнымъ преемникомъ лорду Гранвиллю въ вигскомъ кабинетѣ, весьма желательно нѣсколько сгладить репутацію радикала и республиканца, которую онъ пріобрѣлъ на основаніи своихъ прежнихъ публичныхъ рѣчей и изданныхъ имъ политическихъ памфлетовъ. Ему хорошо извѣстно что большинство континентальныхъ державъ отнеслось бы крайне недовѣрчиво къ министру-радикалу.

Вотъ почему, по объясненію англійскихъ газетъ, сэръ-Чарлзъ Дилкъ не только не воспользовался случаемъ чтобы заявить о своемъ единомысліи съ г. Чамберленомъ, но напротивъ старался смягчить впечатлѣніе произведенное рѣзкимъ, но откровеннымъ радикализмомъ послѣдняго.

№ 184.

Москва, 4-го іюля.

При Медицинскомъ Департаментѣ, какъ сообщено въ газетахъ, учреждена особая коммиссія для принятія энергическихъ мѣръ противодѣйствія на случай занесенія холерной эпидеміи въ предѣлы Россіи. Обдумать такія мѣры и заблаговременно подготовить средства къ дѣйствительному ихъ исполненію тѣмъ нужнѣе чѣмъ очевиднѣе шаткость и недостаточность пограничной охраны противъ занесенія къ намъ заразы, и чѣмъ тревожнѣе становятся замѣчаемые почти повсемѣстно признаки указывающіе на общее предрасположеніе къ холерѣ въ случаѣ ея появленія. Еще недавно въ ряду болѣзней, оканчивающихся смертью, если не первое то одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимали болѣзни тифозныя; теперь тифъ, по приходящимъ отовсюду извѣстіямъ, повсемѣстно ослабѣлъ, а на первый планъ выступили желудочно-кишечныя разстройства и участились смертные случаи отъ поноса со рвотой. Это замѣчено и въ Россіи, и въ Германіи, и во Франціи, и въ Англіи.

Очень бояться, конечно, не слѣдуетъ и, какъ замѣчено, чрезмѣрный страхъ болѣзни

можетъ увеличивать воспріимчивость къ ней и содѣйствовать ея усиленію; но береженаго и Богъ бережетъ. Холерныя эпидеміи не новость; онѣ повторялись не разъ. Медицина не остается теперь совершенно безсильною и безоружною предъ невѣдомою ей болѣзнью. Въ теченіе полувѣка успѣли въ достаточной мѣрѣ выработаться и профилактическія средства, и способы лѣченія болѣзни, которая во множествѣ случаевъ уступаетъ ему когда медицинская помощь является своевременно. Въ этомъ успѣли убѣдиться и населенія, которыя нынѣ уже не чуждаются лѣченія и лѣкарствъ, какъ бывало пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Тѣмъ нужнѣе подручность врачебнаго пособія и возможно бо́льшая доступность лѣкарствъ. Послѣднее быть-можетъ еще нужнѣе чѣмъ первое. Число медиковъ и фельдшеровъ разсѣянныхъ по всей странѣ нынѣ во много разъ превосходитъ то какимъ населенія должны были довольствоваться еще въ недавнее время; кромѣ лицъ медицинскаго персонала, во многихъ случаяхъ полезные медицинскіе совѣты относительно профилактическихъ мѣръ и средствъ первоначальнаго до прибытія врача лѣченія могутъ быть даваемы простому люду многими помѣщиками и священниками. Но далеко не въ той же мѣрѣ какъ медицинскіе совѣты доступна возможность ими пользоваться. И число мѣстъ продажи лѣкарствъ очень ограничено, и самыя лѣкарства непомѣрно дороги. Благодаря уцѣлѣвшимъ отъ старыхъ временъ порядкамъ, у насъ господствуетъ аптека для богатыхъ, pharmacie de luxe, но нѣтъ такой которая была бы по силамъ всѣхъ нуждающихся.

Было время когда вопросъ объ удешевленіи лѣкарственныхъ средствъ не имѣлъ особенно важнаго значенія, когда лѣчились преимущественно образованные, болѣе или менѣе состоятельные классы, а простой бѣдный людъ бѣжалъ отъ врачей и лѣкарствъ, боясь ихъ чуть ли не больше самихъ болѣзней. При малочисленности разбросаннаго по странѣ лѣчащагося люда, при маломъ сбытѣ лѣкарствъ, аптекарскій промыселъ могъ держаться только помощью искусственной дороговизны, обезпеченной привилегіями не допускающими конкурренціи которая могла бы вести къ удешевленію. Но съ теченіемъ времени обстоятельства совершенно измѣнились, и порядки вызванные былыми, не существующими болѣе условіями давно уже стали анахронизмомъ. Вмѣсто прежней горсти лѣчащихся, нынѣ таковыхъ оказываются массы, которыя съ каждымъ годомъ возрастаютъ въ своей численности. При ежегодно возрастающемъ спросѣ на лѣкарства, на ряду съ аптеками и вопреки всѣмъ предоставленнымъ имъ привилегіямъ, образовалась особая обширная отрасль торговли аптекарскими матеріалами съ оборотомъ на многіе милліоны, привлекшая къ себѣ крупные капиталы и дающая занятіе множеству рукъ какъ по фабрикаціи такъ и по сбыту этихъ матеріаловъ. Вмѣсто прежнихъ двухъ-трехъ аптекарскихъ магазиновъ въ столицахъ, теперь они считаются десятками и имѣются не только въ столицахъ, но чуть не во всѣхъ крупныхъ городахъ. Возможно большое развитіе этой отрасли торговли, идущее на встрѣчу народной нуждѣ, какъ нельзя болѣе желательно. Аптекарскіе магазины, конечно, не могутъ возникнуть у всѣхъ подъ рукой, но коммиссіонная продажа сбываемыхъ ими медикаментовъ, снабженныхъ ихъ этикетками, возможна въ каждой мелочной лавкѣ, такъ же какъ продажа табаку и папиросъ разныхъ фабричныхъ фирмъ. Но такому развитію торговли аптекарскими матеріалами препятствуетъ система аптечныхъ привилегій.

При Медицинскомъ Департаментѣ организована особая коммиссія для обсужденія мѣръ на случай холеры; при томъ же Департаментѣ организуется коммиссія для установленія правилъ торговли аптекарскими матеріалами. Если вѣрить слухамъ, то составъ этой коммиссіи не оставляетъ желать ничего лучшаго съ точки зрѣнія привилегированныхъ аптекарей, но всѣ иные интересы, какъ обширной внѣ-аптечной торговли медикаментами такъ и тѣхъ кому медикаменты нужны, совсѣмъ не имѣютъ представителей въ этой коммиссіи, развѣ только приглашенный къ участію въ ней директоръ Департамента Мануфактуръ и Торговли, г. Ермаковъ, порадѣетъ о русской пользѣ. Содержатели аптекъ представили соображеніе по обсуждаемому предмету; но было бы полезно обратиться съ вопросомъ къ аптекарскимъ магазинамъ, къ медицинскимъ корпораціямъ, къ земскимъ управамъ, которыя являются нынѣ покупщиками аптеркарскихъ матеріаловъ на многія сотни тысячъ и милліоны рублей. Едва ли привилегированные аптекари могутъ быть единственными экс-

пертами въ дѣлѣ отъ котораго они наживаются. Во всякомъ случаѣ содержатели аптекарскихъ магазиновъ такіе же фармацевты, съ такими же университетскими дипломами какъ и содержатели аптекъ, и отличаются отъ нихъ лишь тѣмъ что ихъ личные интересы нейдутъ наперекоръ общимъ интересамъ удешевленія простыхъ и общедоступныхъ медикаментовъ.

Аптекарскія привилегіи повсюду признаются вредными, и уже немного осталось странъ гдѣ онѣ не упразднены помощью выкупа или иными средствами. Но и тамъ гдѣ эти привилегіи еще остаются въ силѣ, напримѣръ въ Германіи, на ряду съ ними предоставляется внѣ-аптечной торговлѣ медикаментами большое распространеніе и широкая свобода. У насъ же это дѣло понынѣ стѣснено правилами установленными въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, которыя могли соотвѣтствовать тогдашнему времени, но съ тѣхъ поръ во многомъ утратили всякій смыслъ. Многое что считалось прежде исключительною спеціальностью аптекъ и изготовлялось въ нихъ помощью провизорскихъ манипуляцій стало изготовляться фабричнымъ способомъ и перешло въ область обыкновенной промышленности. Многіе медикаменты изготовляемые заграничными фармацевтами и дрогистами фабричнымъ способомъ невозбранно ввозятся въ Россію и продаются въ ней; но изготовленіе такихъ же медикаментовъ внѣ аптекъ русскими фармацевтами и дрогистами остается у насъ подъ запретомъ. Измѣнить постановку этого дѣла давно стало необходимостью, но едва ли отъ привилегированныхъ и не дешево купившихъ свои привилегіи аптекарей можно ожидать совѣта какъ устроить это дѣло въ общемъ, а не въ исключительно аптечномъ интересѣ. Этотъ вопросъ заслуживалъ бы полнаго вниманія и помимо случайно возникшихъ опасеній эпидеміи. Но при одновременномъ обсужденіи, съ одной стороны, мѣръ для борьбы съ холерой, съ другой, вопроса о постановкѣ торговли медикаментами, было бы печально еслибъ одна рука противодѣйствовала усиліямъ другой.

№ 185.

Москва, 5-го іюля.

На бѣднаго Макара и шишки валятся, вотъ что можно сказать по поводу послѣдняго эпизода въ Мадагаскарѣ, создавшаго новое затрудненіе для Франціи.

Въ недобрый часъ распорядители французской внѣшней политики вздумали поправить „престижъ“ Франціи „широкою и предпріимчивою колоніальною политикой.“ Иниціатива въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, принадлежитъ покойному Гамбеттѣ, который для перваго опыта затѣялъ французскую экспедицію въ Тунисъ. Но ничто быть-можетъ такъ не свидѣтельствуетъ о недостаткѣ политической предусмотрительности Гамбетты какъ то что онъ считалъ возможнымъ сохранить при такой политикѣ вполнѣ дружественныя отношенія къ Англіи. Англія ревниво оберегаетъ свою монополію въ дѣлѣ колонизаціи и владычества въ отдаленныхъ странахъ, и всякая держава замышляющая что-либо въ этомъ родѣ для себя должна напередъ разчитывать на противодѣйствіе Англіи болѣе или менѣе открытое, но всегда упорное. На захватъ Туниса Англія не замедлила отвѣчать захватомъ Египта. И съ тѣхъ поръ отношенія между двумя западными сосѣдями становились все хуже и хуже, по мѣрѣ того какъ французскіе политики расширяли свои колоніальные замыслы. Въ добавокъ ко всему тутъ замѣшалась и личная вражда со стороны теперешняго французскаго министра иностранныхъ дѣлъ г. Шаллемель-Лакура. Какъ „истый республиканецъ,“ онъ не захотѣлъ усвоить себѣ необходимыхъ для дипломата утонченныхъ манеръ, какихъ онъ по происхожденію и по прежнему общественному положенію не имѣлъ, и какъ республиканецъ же онъ проникся глубокою ненавистью къ лондонскому высшему обществу за то что оно отнеслось къ нему съ явнымъ пренебреженіемъ во время пребыванія его посломъ въ столицѣ Англіи. Г. Шаллемель-Лакуръ выражаетъ свое неудовольствіе при всякомъ случаѣ, лишь только дѣло касается Англіи. Уже нѣсколько разъ, высказываясь какъ министръ по поводу теперешнихъ отношеній между Франціей и Китаемъ, онъ публично и нисколько не стѣсняясь въ выраженіяхъ об-

винялъ Англію въ „коварномъ подстрекательствѣ“ Китайцевъ.

Что дѣло между Франціей и Китаемъ не обходится безъ тайнаго дѣйствія Англіи, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Англійскія газеты, съ самаго начала Тонкинскаго затрудненія, не переставали ставить Франціи на видъ что Англія не потерпитъ нарушенія своихъ торговыхъ интересовъ въ Китаѣ и что въ случаѣ войны съ Китаемъ Франціи слѣдуетъ имѣть въ виду возможность столкновенія съ Англіей. Но чѣмъ серіознѣе предвидимое замѣшательство, тѣмъ сдержаннѣе высказываются о немъ офиціальные представители Англійскаго правительства, между тѣмъ какъ г. Шаллемель-Лакуръ, примѣняя и въ этомъ случаѣ республиканскую „свободу слова,“ даетъ полную волю своему языку и публично осыпаетъ рѣзкими упреками какъ Китайское правительство, въ лицѣ маркиза Цзенга, такъ и его „коварныхъ подстрекателей.“

Но вотъ и Англійское правительство сочло нужнымъ заявить публично о своемъ неудовольствіи противъ Франціи. Поводомъ къ этому послужило не то или иное предположеніе о намѣреніяхъ или такихъ дѣйствіяхъ которыя происходятъ въ тишинѣ кабинетовъ, а дѣйствія происходившія открыто, хотя и въ большомъ отдаленіи, именно у береговъ Мадагаскара, дѣйствія, заключающія въ себѣ прямое и открытое оскорбленіе англійскаго флага, за которое никакое правительство не можетъ не потребовать удовлетворенія. Виновникъ этого оскорбленія начальникъ французской эскадры у береговъ Мадагаскара,- адмиралъ Пьерръ.

Франція затѣяла, какъ извѣстно, морской походъ противъ королевы Мадагаскара, отказывающейся признать за Французами право на пріобрѣтеніе недвижимой собственности въ ея владѣніяхъ. Притязанія Франціи на Мадагаскаръ весьма давнія. Еще въ XIV столѣтіи французскіе корабли стали посѣщать эту страну, а при герцогѣ Ришелье, въ царствованіе Лудовика XIII, основана была французская Восточная Компанія (Société de l'Orient), которой предоставлено было формально принять во владѣніе этотъ островъ отъ имени Франціи. Министръ Кольберъ возстановилъ пришедшую въ упадокъ французскую Остъ-Индскую компанію, и въ царствованіе Лудовика XIV Французы основали въ Мадагаскарѣ очень много колоній, которыя существуютъ до сихъ поръ. Но тутъ-то и обнаружилась неспособность Французскаго народа къ колонизаціи. Къ началу текущаго столѣтія во владѣніи Франціи остались только двѣ изъ основанныхъ ими колоній, Таматава и Фульпоантъ, да и тѣ были у нихъ отбиты въ 1811 Англичанами. Въ царствованіе Лудовика-Филиппа Французы вновь завладѣли многими пунктами, преимущественно на восточномъ побережьѣ огромнаго острова и съ тѣхъ поръ заключили нѣсколько трактатовъ (послѣдній въ 1861 году) съ мѣстными правителями, въ силу коихъ они считаютъ себя нетолько главными, но и единственными владѣльцами всего острова.

За послѣдніе годы возникли однако сильныя пререканія между Французскимъ правительствомъ и королевой Мадагаскара Рановалой, которая вовсе не признаетъ себя вассаломъ Франціи. Въ прошедшемъ году она прислала въ Европу посольство съ цѣлью достигнуть соглашенія, преимущественно съ Франціей. Но соглашеніе съ Франціей не состоялось, и мадагаскарское посольство, изгнанное изъ Парижа, отправилось въ Лондонъ, гдѣ, къ великой досадѣ Французовъ, Мадагаскарцамъ былъ оказанъ весьма радушный пріемъ. Между тѣмъ Франція снарядила экспедицію къ острову Мадагаскару подъ начальствомъ адмирала Пьерра, который въ іюнѣ мѣсяцѣ бомбардировалъ городъ Таматаву, приморскій портъ столицы Мадагаскара, находящейся на нѣсколько десятковъ километровъ отъ Таматавы внутри страны. Бомбардированіе почти разрушило Таматаву, гдѣ проживали многіе Европейцы и находилось нѣсколько консульствъ. Англійское правительство хотя и не считало нужнымъ воспротивиться французской расправѣ въ Мадагаскарѣ, однако послало въ Таматаву два военные корабля *Dryad* и *Opal*. Противъ этихъ-то англійскихъ кораблей, а также противъ британскаго консула въ Таматавѣ адмиралъ Пьерръ дозволилъ себѣ тѣ насильственныя дѣйствія, о коихъ г. Гладстонъ заявилъ 11 іюля въ парламентѣ. По его словамъ, французскій адмиралъ приказалъ британскому консулу выѣхать изъ Таматавы въ 24 часа. Но еще до истеченія этого срока англійскій консулъ скончался (отъ какой причины неизвѣстно). На погребеніе консула прибыли съ корабля *Dryad* многіе англій-

скіе офицеры и матросы. Когда же похороны кончились, французскій адмиралъ отрѣзалъ англійскимъ судамъ сообщеніе съ берегомъ и не дозволилъ англійскимъ морякамъ возвратиться на ихъ корабль. Капитанамъ обоихъ англійскихъ кораблей было дозволено заявить лишь устный протестъ. Сверхъ того, адмиралъ Пьерръ приказалъ арестовать секретаря умершаго консула и англійскаго миссіонера, г. Шо.

Г. Гладстонъ прибавилъ что Англійское правительство ожидаетъ отъ Французскаго объясненій по поводу „этихъ серіозныхъ и печальныхъ событій" и разчитываетъ на то что Франція дастъ то удовлетвореніе какое Англія считала бы себя обязанною дать въ подобномъ случаѣ.

Французское правительство заявило на первыхъ порахъ что оно не имѣетъ о сказанномъ случаѣ никакихъ извѣстій. Но затѣмъ *Агентство Гаваса* сообщило свѣдѣнія которыя во всемъ существенномъ совпадаютъ съ сообщеніемъ г. Гладстона. О причинахъ побудившихъ адмирала Пьерра дѣйствовать столь рѣзкимъ образомъ до сихъ поръ ничего неизвѣстно.

Но каковы бы ни были эти побудительныя причины, Англійское правительство, судя по поспѣшности съ которою г. Гладстонъ вынесъ дѣло на публичную арену, твердо рѣшилось извлечь изъ этого случая всю возможную для себя выгоду и дать Франціи почувствовать что ея ретивая заносчивость совсѣмъ ей не къ лицу въ настоящее время.

№ 186.

Москва, 6-го іюля.

Съ нѣкоторыхъ поръ, тѣ самые люди которые при жизни покойнаго Императора хвалились своею систематическою оппозиціей его правительству и ставили себѣ въ гражданскую заслугу безсовѣстную ложь и клевету посредствомъ которой старались вызвать въ обществѣ агитацію противъ всякаго патріотическаго и полезнаго дѣла, заявляютъ во всеуслышаніе что они солидарны съ правительствомъ Александра II, что между ними, лжецами, и покойнымъ Императоромъ нѣтъ никакой разницы, что ихъ оспаривать значитъ нападать на память Царя-Освободителя, что всѣ рефомы дарованныя Императоромъ Александромъ II представляютъ идеалъ законодательнаго совершенства, въ которомъ нельзя де измѣнить ни одной іоты, хотя бы того настоятельно требовали всѣ интересы государства и тѣ цѣли ради которыхъ новыя учрежденія созданы, и что наконецъ они, бывшіе враги правительства покойнаго Государя въ лучшую пору его царствованія, теперь преобразились въ искреннихъ друзей его политики и призваны охранять его реформы.

Игра этихъ „охранителей," какъ они иногда величаютъ себя, слишкомъ видна, и едва ли удастся ввести ею кого-либо въ заблужденіе. Это все тотъ же старый общественный обманъ практикуемый съ помощью нѣкоторыхъ новыхъ софизмовъ. Обширныя реформы прошлаго царствованія имѣли своимъ источникомъ наилучшія побужденія и цѣли, и никѣмъ онѣ при своемъ появленіи не были такъ искренно привѣтствованы какъ тѣми кто теперь такъ же искренно желаетъ ихъ усовершенствованія и очищенія ихъ отъ оказавшихся на практикѣ недостатковъ и ошибокъ. А эти недостатки и ошибки, къ сожалѣнію, не малочисленны и не маловажны. Самъ законодатель горько сознавалъ это, но только не находилъ способныхъ и преданныхъ дѣлу совѣтниковъ и исполнителей чтобы должнымъ образомъ направить и согласовать свои преобразованія. А вотъ теперь, послѣ ужасной катастрофы прекратившей его жизнь, враги его царствованія, дорожа не реформами, а тѣмъ что оказалось въ нихъ фальшиваго, поднимаютъ фарисейскій плачъ каждый разъ какъ возникаетъ рѣчь о продолженіи и улучшеніи начатаго покойнымъ Императоромъ дѣла преобразованій. Не входя въ серіозное обсужденіе сущности требуемыхъ улучшеній (такое обсужденіе было бы имъ невыгодно), лжецы громко вопіютъ что тѣмъ „оскорбляется память великаго преобразователя," что „реформы его должны быть святы," что однако не мѣшаетъ этимъ ревностнымъ чтителямъ памяти покойнаго Государя ругаться до сихъ поръ самымъ наглымъ образомъ надъ одною изъ наиболѣе полезныхъ и удавшихся реформъ Императора Александра II, которая была по преимуществу дѣломъ его *личнаго* рѣшенія, — надъ преобразованіемъ гимназическаго ученія. Такъ, напримѣръ, журнальный странникъ г. Модестовъ, съ позоромъ изгонявшійся изо всѣхъ редакцій,

опять примкнулъ къ фельетонному пріюту *Новостей*, откуда онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, снова проповѣдуетъ походъ противъ гимназической реформы, подкрѣпляя свою проповѣдь все одними и тѣми же, давнымъ-давно опровергнутыми софизмами, находя въ этомъ себѣ поддержку во всѣхъ „либеральныхъ охранителяхъ" реформъ покойнаго Государя.

Въ томъ-то и дѣло. Удавшіяся реформы предаются поруганію именно потому что онѣ удались, а слѣдовательно приносятъ пользу странѣ. А неудавшіяся реформы потому только такъ яростно охраняются что онѣ не удались и содѣйствуютъ своими недостатками развращенію общества, дезорганизаціи правительства, разложенію государства.

Къ этимъ послѣднимъ реформамъ принадлежатъ почему-то вдругъ получившія именованіе „свободныхъ учрежденій." „Эти свободныя учрежденія," писалъ на дняхъ одинъ политикъ,—„учрежденія дарованныя Императоромъ Александромъ II, а кто ихъ враги—всѣ мы знаемъ это—тѣ которые ежедневно и неустанно изливаютъ свою злобу на все что вызвано къ жизни Царемъ-Освободителемъ, и что дорого русскому человѣку, на независимый судъ, на земскія учрежденія, на городовое положеніе."

Развѣ покойный Государь своею судебною реформой имѣлъ въ виду создать какое-то „свободное учрежденіе," а не просто-напросто обезпечить правосудіе? Да и что такое судъ въ качествѣ „свободнаго учрежденія?" Всякое учрежденіе свободно въ сферѣ своей компетенціи и своихъ обязанностей. Въ какомъ же смыслѣ придается судамъ этотъ титулъ? Развѣ въ томъ что они должны быть свободны отъ закона и подлежать безотвѣтственному произволу господъ правовѣдовъ? Если въ судахъ случаются нарушенія закона и справедливости, дѣла вопіющаго произвола, должны ли мы радоваться этому, а не изыскивать способовъ чтобы подобные случаи не повторялись систематически, и чтобы люди приставленные къ дѣлу правосудія чувствовали себя серіозно отвѣтственными? Чтить память законодателя значитъ чтить не букву, а духъ его законовъ, которые безъ сомнѣнія имѣли въ виду укрѣпленіе, а не извращеніе правосудія, отрезвленіе, а не развращеніе народа.

Земскія учрежденія?.. Но кто же ими доволенъ? Фарисеи которые вопіютъ о ихъ неприкосновенности, когда возникаетъ вопросъ объ ихъ болѣе правильной и полезной постановкѣ, сами же первые въ другое время кричатъ о совершенной непригодности этихъ учрежденій и требуютъ расширенія ихъ компетенціи. А между тѣмъ причина неудачи земской реформы ни для кого не тайна. Подобно нашимъ городскимъ думамъ, возникшимъ въ силу городоваго положенія, этого третьяго изъ пресловутыхъ „свободныхъ учрежденій," земскія собранія забавляются игрой въ парламентъ, не радѣя о прямыхъ своихъ обязанностяхъ. Вводя принципъ самоуправленія въ наши губернскія, уѣздныя и городскія учрежденія, покойный Императоръ очевидно имѣлъ въ виду чтобъ они сами управляли *собой*, а не вмѣшивались въ чужія дѣла, а тѣмъ менѣе въ общее управленіе государства. На дѣлѣ вышло какъ разъ наоборотъ. Наши земскіе и городскіе эдилы вообразили себѣ что самоуправленіе, selfgovernment, состоитъ въ томъ чтобы правительство не имѣло никакого контроля надъ заправителями земскихъ и думскихъ дѣлъ, но чтобъ эти господа, пренебрегая своими дѣлами, имѣли право вторгаться въ дѣла правительства... И что же? Всѣ обязаны равнодушно взирать на это извращеніе принципа самоуправленія потому что принципъ этотъ былъ введенъ у насъ покойнымъ Государемъ?

При обширности и обиліи реформъ прошедшаго царствованія нельзя было предвидѣть всѣхъ подробностей которыя на дѣлѣ могли оказаться скорѣе вредными чѣмъ полезными для дѣла. Обязанность наша состоитъ не въ томъ чтобы раболѣпствовать предъ недостатками этихъ реформъ, а въ томъ чтобъ устранить ихъ. Возьмемъ, напримѣръ, наше городовое положеніе. Въ республиканской Франціи на засѣданія муниципальныхъ совѣтовъ, соотвѣтствующихъ нашимъ городскимъ думамъ, публика не допускается. Гласность преній обезпечена тамъ присутствіемъ репортеровъ газетъ. Когда на дняхъ французскіе депутаты сдѣлали попытку при разсмотрѣніи новой муниципальной реформы ввести публичность засѣданій городскихъ совѣтовъ или думъ, то серіозная республиканская печать энергически возстала противъ этого нововведенія. *Journal des Débats* прямо высказываетъ что

присутствіе публики „побудитъ муниципальныхъ совѣтниковъ, изъ желанія привлечь вниманіе своихъ согражданъ, увеличивать сверхъ всякой мѣры число своихъ рѣчей, которыя не будутъ имѣть никакой связи съ текущими дѣлами.“ „Можно опасаться,“ заключаетъ парижская газета, „что самый вѣрный результатъ этого нововведенія будетъ заключаться въ томъ что полезныя и скромныя думы, столь удовлетворительно занимавшіяся своими мѣстными интересами, преобразятся рано или поздно въ публичныя собранія, въ которыхъ будутъ излагаться самыя странныя теоріи.“

То зло которое только пугаетъ французскихъ патріотовъ уже давно осуществилось у насъ. А если кто думаетъ устранить это зло, то онъ тотчасъ оказывается по софистической логикѣ нашихъ „либеральныхъ охранителей“—„врагомъ свободныхъ учрежденій дарованныхъ Императоромъ Александромъ II.“

Пора положить конецъ этому грубому и безсовѣстному злоупотребленію именемъ покойнаго Монарха.

№ 187.

Москва, 7-го іюля.

„Вчера, 12 іюля, въ 7 часовъ вечера, читаемъ въ Берлинской *Post*, подписанъ торгово-мореходный договоръ между Германіей и Испаніей.“ Уже одна эта, далеко не совсѣмъ обычная, точность опредѣленія времени указываетъ что въ Берлинѣ придаютъ этому событію большое значеніе. И дѣйствительно, дѣло это, колебавшееся въ теченіе года, глубоко затронуло не только торговые, но и политическіе интересы Германіи, кольнуло ея самолюбіе, коснулось престижа ея дипломатіи. Стόитъ только припомнить ходъ переговоровъ и содержаніе тѣхъ нотъ которыми обмѣнивались стороны чтобъ убѣдиться въ этомъ. Переговоры начались годъ тому назадъ самымъ естественнымъ и благополучнымъ образомъ. Срокъ прежняго торговаго договора истекъ, за Испаніей было право или продлить его дѣйствіе еще на годъ, или же вступить въ переговоры объ измѣненіи не только подробностей, но и самого принципа на которомъ онъ былъ основанъ. Испанія этимъ правомъ и воспользовалась, ссылаясь на изданный ею предъ тѣмъ временемъ таможенный законъ въ духѣ покровительственной системы. Въ Берлинѣ не сомнѣвались что переговоры кончатся и скоро и благополучно, въ желаемомъ для Германіи смыслѣ. Испанія первоначально обнаружила большую уступчивость и даже согласилась оставить въ силѣ прежній трактатъ еще на нѣсколько мѣсяцевъ, впредь до заключенія новаго. Когда все, наконецъ, было слажено и оставалось только начертать самый „инструментъ,“ Испанское правительство неожиданнымъ образомъ потребовало отъ Германіи нѣсколькихъ крупныхъ уступокъ, отказывая при этомъ въ компенсаціи. Изъ Берлина послѣдовалъ полный отказъ со ссылкой на то что германское правительство „не можетъ предоставить испанскимъ товарамъ такихъ таможенныхъ льготъ которыя могутъ весьма вредно повліять на развитіе нѣмецкой промышленности.“ На это изъ Мадрида отвѣчали колкостью, замѣтивъ что „Испанія не нуждается въ договорѣ и что въ торговыхъ отношеніяхъ обѣихъ странъ всѣ выгоды на сторонѣ германской промышленности,“ а если правительство Германіи отказывается отъ предложенныхъ Испаніей условій, то остается обратиться къ новому таможенному закону и обложить привозимый въ Испанію нѣмецкій товаръ пошлиной „въ высшемъ изъ опредѣленныхъ закономъ размѣровъ.“ Въ отвѣтъ на вызовъ, Германскій Союзный Совѣтъ сдѣлалъ распоряженіе въ силу коего испанскіе товары облагались въ Германіи пошлиной на 50% выше опредѣленной общимъ тарифомъ. Въ эту минуту прекращеніе переговоровъ казалось неизбѣжнымъ; казалось даже что обѣ стороны умышленно идутъ къ столкновенію. И однако, германская дипломатія не рискнула на разрывъ, и въ особой нотѣ, „ставя на видъ что въ переговорахъ не принято мѣнять условія въ послѣднюю минуту,“ постаралась разъяснить Испанскому правительству что ввозъ въ Испанію германскихъ товаровъ и по вѣсу, и по цѣнности въ нѣсколько разъ меньше ввоза испанскихъ въ Германію. „Если, сказано между прочимъ въ этой нотѣ, Испанскому правительству дѣло представляется иначе, то лишь потому что въ Испанію чрезъ Гамбургъ и Бременъ вывозится много товаровъ вовсе не нѣмецкаго издѣлія,“ на которые новый договоръ можетъ де и не

распространяться. Обнаруженная при этомъ терпѣливость имѣла особыя причины: берлинская печать не обинуясь указывала что „странное поведенiе Испанiи объясняется, помимо незнакомства съ собственною промышленностью, влiянiемъ французской дипломатiи“ и симпатiями которыя издавна питаютъ Испанцы ко Францiи. При такихъ условiяхъ, неудача переговоровъ была бы вездѣ сочтена за прямую побѣду Францiи, точно также какъ и мнимая удача достигнутая путемъ безусловныхъ уступокъ. Практическаго значенiя эта побѣда Францiи имѣть, конечно, не могла бы; но она, тѣмъ не менѣе, была бы неудачей для германской дипломатiи. Во что̀ бы то ни стало требовалось найти выходъ изъ затруднительнаго положенiя. Упорство и настойчивость не привели бы ни къ чему. Германскiй дипломатъ избралъ среднiй путь: сдѣлавъ нѣсколько крупныхъ уступокъ, поступясь маклерскими выгодами Бремена и Гамбурга по торговлѣ товарами чужаго издѣлья, Германiя твердо сказала что это съ ея стороны „послѣднее слово, на которое требуется рѣшительный и послѣднiй отвѣтъ.“ Эффектъ былъ полный. Въ Мадридѣ почувствовали что дѣло идетъ уже не о торговыхъ выгодахъ, и что необходимо выпутаться изъ затрудненiя. Отвѣтъ, и отвѣтъ желаемый Германiей, былъ данъ немедленно и въ то же время заявлено что̀ встрѣчавшiяся затрудненiя не болѣе какъ результатъ недоразумѣнiй, всего лучше устранимыхъ личнымъ свиданiемъ монарховъ. Теперь посѣщенiе Германiи королемъ Альфонсомъ считается „дѣломъ рѣшеннымъ.“ Еще вопросъ, каковъ будетъ результатъ этого посѣщенiя и не кончится ли оно чѣмъ-либо болѣе существеннымъ для германской политики нежели простой обмѣнъ вѣжливостей послѣ недавнихъ пререканiй. Очень вѣроятно что это будетъ новымъ шагомъ къ изолированiю Францiи. Вотъ почему можетъ-быть въ Германiи придаютъ такое значенiе торговому трактату только что подписанному, еще не ратификованному и не обѣщающему Германiи большихъ матерiальныхъ выгодъ.

Какое же значенiе имѣетъ заключенный Германiей договоръ для насъ? Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, на основанiи официальныхъ нѣмецкихъ данныхъ, было уже не разъ указано что дѣло это для русской промышленности интересно даже въ большей мѣрѣ нежели для германской, и что нашъ отпускъ въ Испанiю чрезъ посредство ганзейскихъ городовъ едва ли не превосходитъ отпускъ туда продуктовъ нѣмецкихъ: одного русскаго спирта изъ Гамбурга и Бремена въ Испанiю шло на 15 миллiоновъ марокъ, тогда какъ весь чисто нѣмецкiй отпускъ оцѣнивается всего въ 23 миллiона. По новому договору русскiй спиртъ уже не будетъ пользоваться пониженными пошлинами какъ прежде, тогда какъ спирту нѣмецкому сохранены всѣ льготы. Въ результатѣ должно быть сокращенiе русскаго отпуска и усиленiе въ той же степени германскаго. Надо прибавить, что ввозъ въ Испанiю русскаго спирта подъ видомъ нѣмецкаго невозможенъ, такъ какъ властямъ выдающимъ свидѣтельства о происхожденiи товара рекомендовано обратить на этотъ предметъ особенное вниманiе. Вотъ новое побужденiе для нашей торговли освобождаться отъ иностраннаго посредничества и прокурацiи и завязывать сношенiя непосредственно съ мѣстами сбыта.

№ 188.

Москва, 8-го iюля.

Въ виду занятiй открывшагося съ 1 iюля желѣзнодорожнаго съѣзда въ Москвѣ отъ значительной части нашей рельсовой сѣти, мысль невольно обращается на общiе вопросы о нашихъ по этой части порядкахъ. Нынѣшнiй московскiй съѣздъ не представляетъ собой чего-нибудь экстреннаго; это обычный съѣздъ представителей второй группы желѣзныхъ дорогъ, счетомъ пятьдесятъ девятый въ теченiе тринадцати лѣтъ; приблизительно по стольку же съѣздовъ было въ тотъ же перiодъ времени и по прочимъ группамъ дорогъ, и сверхъ того собиралось не мало общихъ съѣздовъ ото всей сѣти. Къ этимъ своеобразнымъ желѣзнодорожнымъ сеймамъ и сеймикамъ всѣ давно успѣли присмотрѣться и привыкнуть; но что̀ представляютъ они собой на самомъ дѣлѣ?

О чемъ идетъ рѣчь на этихъ съѣздахъ, по какимъ вопросамъ постановляются на нихъ рѣшенiя? По предметамъ ли только спецiальной желѣзнодорожной техники? Нѣтъ, тутъ обсуждаются и рѣшаются вопросы о судьбахъ производства и сбыта

разныхъ продуктовъ страны по которой пролегаютъ желѣзныя дороги. На нынѣшнемъ московскомъ съѣздѣ идетъ, напримѣръ, рѣчь о соли, каменномъ углѣ, нефти, спиртѣ, табакѣ, фруктахъ и т. д. Тѣ или иныя рѣшенія съѣзда болѣе или менѣе серіозно отзовутся на всей соляной, каменноугольной, нефтяной, винокуренной, табачной, садоводственной промышленности. Всѣ интересы связанные съ этими и другими отраслями промышленности находятся въ прямой зависимости отъ благоусмотрѣнія и желѣзнодорожныхъ съѣздовъ, и управленій отдѣльныхъ дорогъ, и отъ случайнаго настроенія ихъ представителей. Тутъ все зависитъ отъ установленія тарифовъ, условій передвиженія грузовъ. Захотятъ управленія желѣзныхъ дорогъ, любой мѣстный продуктъ можетъ получить болѣе широкое распространеніе, большій сбытъ даже на далекихъ отъ мѣста производства разстояніяхъ; не захотятъ, и ихъ тарифы получатъ значеніе внутреннихъ заставъ стѣсняющихъ движеніе и понуждающихъ товары идти дальнимъ и обходнымъ путемъ. Соль, напримѣръ, могла бы идти съ востока на западъ прямымъ путемъ, могла бы продаваться въ западныхъ губерніяхъ по удешевленной цѣнѣ; но одна изъ дорогъ по которымъ она должна пройти въ этомъ направленіи желаетъ держаться высокаго провознаго солянаго тарифа, и вслѣдствіе этого соль, чтобы проникнуть съ южной Волги на западъ, должна прежде подняться на сѣверъ, къ Нижнему-Новгороду. Не захочетъ какая-нибудь дорога устроить ускоренное движеніе для фруктовъ, тотчасъ же явится застава преграждающая ихъ распространеніе, а стало-быть и производство. Точно такъ же какъ соль и фрукты, желѣзнодорожныя управленія держатъ въ своихъ рукахъ судьбы и каменноугольнаго и всякихъ иныхъ производствъ. Не имъ дѣло разбирать хорошо или дурно этимъ производствамъ. На свои съѣзды они собираются чтобы сговориться и стакнуться по разнымъ частямъ своего извознаго промысла. На сходку обыкновенныхъ извощиковъ для стачки относительно эксплуатаціи пассажировъ и отправителей клади каждый посмотрѣлъ бы подозрительно, счелъ бы ее за злоупотребленіе; но такая же сходка извощиковъ желѣзнодорожныхъ, съ точно такими же цѣлями и имѣющая несравненно большее значеніе для громаднаго пассажирскаго и товарнаго движенія, считается въ порядкѣ вещей. Желѣзнодорожники, de facto распоряжающіеся какъ господа народно-хозяйственными интересами, какъ бы признаются таковыми ихъ господами и de jure.

Но при постройкѣ желѣзнодорожной сѣти нигдѣ не имѣлось въ виду создать особый классъ господъ распорядителей народно-хозяйственной жизни. О закрѣпощеніи общихъ экономическихъ интересовъ частному никто не думалъ; всѣ полагали что желѣзныя дороги будутъ играть въ жизни такую же служебную роль какъ почты и телеграфы. Мы нажили себѣ въ желѣзныхъ дорогахъ управителей и законодателей нежданно, негаданно. Случилось это какъ бы само собой, помимо чьихъ-либо намѣреній и разчетовъ, но положеніе къ которому привела насъ исторіи желѣзнодорожнаго дѣла не становится отъ того лучшимъ. Можно было не предвидѣть что постановка дѣла въ желѣзнодорожныхъ конвенціяхъ и уставахъ поведетъ ко вреднымъ послѣдствіямъ, но когда эти послѣдствія обозначились, нельзя не думать о средствахъ освободить народное хозяйство отъ произвола частныхъ компаній, положивъ конецъ безконечной тарифной игрѣ. Въ Германіи объ этомъ уже подумали; тамъ дѣло выкупа желѣзныхъ дорогъ изъ частныхъ рукъ въ казну близится къ концу. Приступать къ тому же у насъ тѣмъ удобнѣе что, вопервыхъ, мы можемъ тутъ пользоваться указаніями сдѣланнаго по сосѣдству опыта, а вовторыхъ, потому что по многимъ линіямъ уже наступилъ или наступаетъ срокъ ихъ выкупа согласно концессіямъ и уставамъ. Моментъ перехода рельсовыхъ путей изъ частныхъ рукъ въ казну наступаетъ самъ собой, и нужна только добрая воля воспользоваться имъ чтобы дать желѣзнымъ дорогамъ подобающее имъ полезное служебное значеніе на ряду съ почтами и телеграфами, какого онѣ никогда не могутъ получить оставаясь въ частномъ управленіи, для котораго свой интересъ стоитъ впереди.

Воспользоваться удобнымъ моментомъ для постепеннаго и скораго перехода желѣзныхъ дорогъ въ казну препятствуетъ единственно сомнѣніе въ томъ чтобы казенное хозяйство на желѣзныхъ дорогахъ могло идти успѣшно. У насъ господствуетъ, можно сказать, безотчетная боязнь всякаго казеннаго управленія, всякаго казеннаго хозяйства. Подверженные этой бояз-

ни ссылаются обыкновенно въ свое оправданіе на разные факты выставляющіе казенное хозяйство дѣйствительно въ некрасивомъ видѣ. Но въ мірѣ все относительно, и хорошее и дурное. Не мало дурнаго въ казенномъ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ, но не много хорошаго и въ частномъ, и если взвѣсить выгоды и невыгоды того и другаго, едва ли за частнымъ желѣзнодорожнымъ хозяйствомъ оказались бы серіозныя преимущества. И при казенномъ, и при частномъ хозяйствѣ, желѣзныя дороги одинаково управляются и эксплуатируются наемнымъ персоналомъ, и мало разницы въ томъ кѣмъ нанимается этотъ персоналъ, государствомъ или акціонерами. Степень способностей, усердія и честности этого персонала не стоитъ въ прямой зависимости отъ полученія имъ содержанія изъ акціонерной кассы. Разныя злоупотребленія съ цѣлью незаконной наживы не разъ замѣчались при казенномъ хозяйствѣ, но едва ли они въ меньшемъ ходу и въ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ. Не окупали сами себя желѣзныя дороги находившіяся въ казенномъ управленіи, но не окупаетъ себя и вся желѣзнодорожная сѣть, ежегодно требующая отъ казны громадныхъ приплатъ на покрытіе своихъ дефицитовъ. Вообще акціонерное желѣзнодорожное хозяйство едва ли чѣмъ можетъ похвалиться предъ казеннымъ, и сторонники перваго, и порицатели втораго, полагаемъ, были бы не мало затруднены еслибъ ихъ попросили подробно и обстоятельно указать въ чемъ измѣнилось бы къ худшему желѣзнодорожное дѣло еслибъ оно, вмѣстѣ съ существующимъ служебнымъ персоналомъ, перешло изъ вѣдѣнія акціонеровъ въ вѣдѣніе государства. Относительно разныхъ улучшеній по желѣзнодорожной части при частномъ хозяйствѣ почти постоянно требуются правительственныя понужденія, на которыя дороги обыкновенно туго подаются, стараясь при всякомъ случаѣ выторговывать себѣ казенныя приплаты, и въ дѣлѣ такихъ улучшеній замѣна частнаго хозяйства казеннымъ была бы лишь устраненіемъ постоянно задерживающаго ихъ тормоза. Но, что самое главное, тарифныя ставки при казенномъ управленіи не были бы предметомъ игры, не находились бы въ зависимости отъ интереса частныхъ лицъ или акціонерныхъ компаній, но опредѣлялись бы правительствомъ сообразно именно тѣмъ экономическимъ интересамъ и надобностямъ ради которыхъ желѣзныя дороги строились, ради которыхъ государствомъ затрачены многія сотни милліоновъ. Частныя управленія распоряжаются не только своими интересами, что въ порядкѣ вещей, но и интересами цѣлой страны, что уже ни съ чѣмъ не сообразно и ни къ чему хорошему вести не можетъ. При казенномъ хозяйствѣ, управляющіе завѣдывали бы лишь дорогами, не противопоставляя своихъ тарифныхъ разчетовъ государственнымъ. При частномъ же распоряженіи желѣзными дорогами, ихъ антагонизмъ многимъ общимъ экономическимъ интересамъ бываетъ часто необходимостью. Для всякаго частнаго желѣзнодорожнаго управленія интересъ его дороги естественно стоитъ впереди всякаго другаго: пусть проигрываютъ другія дороги, пусть проигрываетъ хотя бы вся рельсовая сѣть, пусть терпятъ неудобства и ближнія и дальнія мѣстности и наконецъ вся страна, лишь бы не была въ накладѣ и выигрывала бы завѣдуемая правленіемъ дорога. Только дѣйствуя такимъ образомъ правленіе оправдываетъ довѣріе своихъ довѣрителей, акціонеровъ; поступать иначе, жертвовать интересами своихъ довѣрителей общему благу было бы со стороны желѣзнодорожныхъ правленій нарушеніемъ ихъ прямыхъ обязанностей. Этого нельзя упускать изъ вида при сужденіяхъ о разныхъ невыгодныхъ для публики условіяхъ которыя зачастую постановляются то отдѣльными дорогами, то съѣздами отъ желѣзныхъ дорогъ. Во многихъ случаяхъ винить тутъ желѣзнодорожныя компаніи было бы несправедливостью. Но невыгодныя для публики условія не становятся отъ того выгодными, и не виня людей, нельзя не желать такого преобразованія желѣзнодорожныхъ порядковъ чтобъ управленія дорогъ не имѣли побужденій идти при разныхъ обстоятельствахъ въ разрѣзъ и наперекоръ общимъ выгодамъ. Но можетъ ли быть вполнѣ устраненъ этотъ вредный антагонизмъ пока дороги остаются въ частномъ владѣніи, пока онѣ не перейдутъ въ собственность государства?

№ 189.

Москва, 9-го Іюля.

„Инцидентъ Градиштяну,“ надѣлавшій въ Австріи столько шума, наконецъ ула-

женъ. На категорическое требованіе австро-венгерскаго посла Майра, Румынское правительство отвѣтило нотой, въ коей осуждаетъ всякую незаконную агитацію противъ безопасности сосѣднихъ державъ, а слѣдовательно и противъ Австро-Венгріи. Собственно въ этой нотѣ сказано почти то же самое что̀ и въ офиціальномъ заявленіи, неудовлетворившемъ однако щекотливость австро-венгерской дипломатіи. Почему Австрійское правительство рѣшилось поднять эту дипломатическую комедію, догадаться не трудно. Въ виду предстоящей ратификаціи Лондонскаго трактата и неминуемаго при этомъ отказа Румыніи признать для себя обязательными постановленія Лондонской конференціи, Австріи показалось полезнымъ „произвести на Румынію рѣшительное давленіе" дабы побудить ее къ уступчивости въ Дунайскомъ вопросѣ; но цѣль эта врядъ ли ею достигнута. Между тѣмъ, дипломатическій походъ противъ Румыніи, походъ въ коемъ приняли дѣятельное участіе официозныя вѣнскія и въ особенности пештскія газеты, долженъ былъ произвести въ Румыніи самое неблагопріятное впечатлѣніе и врядъ ли расположилъ ее въ пользу Австріи.

Въ нападкахъ на Румынію особенно изощрялся органъ бывшаго австро-венгерскаго канцлера и министра иностранныхъ дѣлъ (играющаго и нынѣ довольно важную хотя и не официальную роль), *Пештскій Ллойдъ*. Въ одной изъ своихъ статей по поводу рѣчи Градиштяну, официозная газета не ограничилась впрочемъ простою бранью, какъ обыкновенно, а сочла нужнымъ подробно разъяснить какъ относятся въ Австро-Венгріи къ свободѣ независимыхъ государствъ освобожденныхъ цѣной русской крови. „Любитъ ли насъ или не любитъ Румынскій народъ, говоритъ *Пештскій Ллойдъ*, это для насъ рѣшительно все равно. Еслибы вообще было возможно расположить Румынъ въ нашу пользу, то это чудо случилось бы уже давно: такъ много благоволенія и даже благодѣяній (?) оказала Австро-Венгрія Румыніи въ послѣдніе годы. Итакъ, мы остаемся совершенно холодны къ тому будетъ ли насъ любить Румынія или ненавидѣть; но мы рѣшительно требуемъ чтобы Румынія намъ *повиновалась.*" О независимости Румынскаго королевства, о его свободѣ дѣйствій, въ Пештѣ имѣютъ также весьма странныя понятія. „Независима страна или нѣтъ, носитъ ли она титулъ королевства или княжества, Румынія *во всякомъ случаѣ находится въ сферѣ мощи* (*Machtsphäre*) *Австро-Венгріи;* если Румыны этого не хотятъ признать, то необходимо привести ихъ къ сознанію этой истины, если нельзя иначе, то при помощи драстическихъ средствъ (то-есть кулака). *Независимой Румыніи*, которой принадлежало бы право занять какое ей угодно положеніе по отношенію къ будущимъ фазамъ Восточнаго вопроса, которая могла бы сохранить свободу дѣйствій или быть у России на помочахъ — *независимой Румыніи въ этомъ смыслѣ не существуетъ.*" Далѣе газета милостиво заявляетъ что Австро-Венгрія не будетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Румыніи (какое великодушіе!), но что она въ то же время не потерпитъ чтобы Румынія сдѣлалась сатрапіей (sic) какой-либо другой державы, или вступила бы въ союзъ со врагами (какими?) Австро-Венгріи.

Нельзя сказать чтобы мадьярская газета выражалась неоткровенно. Подобныя мысли высказывались ею и по отношенію къ другимъ балканскимъ государствамъ и провинціямъ также освобожденнымъ Россіей отъ долгаго и тяжелаго ига. Впрочемъ, венгерскіе политики и сами повидимому сознаютъ что захватъ Румыніи могъ бы пожалуй встрѣтить откуда-нибудь противодѣйствіе. *Пештскій Ллойдъ* поэтому угрожаетъ Румынамъ вѣроятностію *соглашенія Австро-Венгріи съ Россіей на счетъ Румыніи.* Фантазія господъ Мадьяръ поистинѣ изумительна, такъ же какъ и ихъ наивность! Румыны не могли забыть недавнюю исторію; они не могутъ не знать роли которую на Востокѣ всегда играла Россія, и какую тамъ же играетъ Австрія. Россія своею кровью освободила народы Востока и упрочила ихъ самостоятельность; Австрія же освобожденныя Россіей страны захватываетъ. Бывшій рабъ и потомъ вассалъ Турціи Сербія освобождена Россіей, а Австріей обращена снова въ раба. Боснія и Герцеговина, турецкія земли, вслѣдствіе войны Россіи съ Турціей превратились въ австрійскія провинціи, причемъ захвачены и завоеванныя Черногорцами части территоріи. Теперь Румынія также освобожденная русскою кровію обязывается поступить, несмотря на свой королевскій титулъ, въ подданство той же Австро-Венгріи...

Перспектива соглашенія Австріи и Рос-

сіи для раздѣла Румыніи врядъ ли испугаетъ кого въ этой странѣ и желанная цѣль застращать Румынію и заставить ее броситься въ объятія Австро-Венгріи врядъ ли будетъ достигнута. По отношенію къ Дунайскому вопросу Румынія заняла вполнѣ правильное положеніе. Она требуетъ устраненія преобладающаго вліянія Австріи на той части Дуная которому Австрія неприбрежна, и это весьма естественно. Румынія противится тому чтобъ австрійскій делегатъ былъ постояннымъ предсѣдателемъ проектируемой „смѣшанной" коммиссіи, ибо Австрія неприбрежна нижнему теченію Дуная на коемъ должна дѣйствовать смѣшанная коммиссія; это требованіе также имѣетъ основаніе. Поэтому весьма желательно чтобы какъ вообще великія державы, такъ въ особенности Австро-Венгрія сдѣлали нѣкоторыя уступки.

Румынское правительство, въ нотѣ обращенной къ великимъ державамъ, подробно излагая свой взглядъ на Дунайскій вопросъ, между прочимъ указываетъ и на то что Румынія отказывается отъ предоставленнаго ей права назначить особеннаго делегата для наблюденія вмѣстѣ съ уполномоченнымъ Россіи за тою частію Килійскаго гирла которая протекаетъ между владѣніями Россіи и Румыніи. Румынія предлагаетъ предоставить это право международной Дунайской коммиссіи завѣдывающей судоходствомъ въ другихъ гирлахъ Дуная. Такъ какъ Россія руководится тѣмъ принципомъ что непосредственное наблюденіе за судоходствомъ должно принадлежать прибрежнымъ державамъ, и такъ какъ всякое вмѣшательство международной коммиссіи въ дѣла касающіяся регулированія Килійскаго гирла и судоходства по немъ исключено на основаніи соглашенія между державами, то какъ бы ни отнеслись другія державы къ этому предложенію Румыніи и кого бы онѣ ни назначили делегатомъ вмѣсто ея уполномоченнаго, Русское правительство будетъ признавать въ немъ лишь представителя мѣстной власти.

№ 191.

Москва, 11-го іюля.

2 (14) іюля Французская республика празднуетъ, какъ извѣстно, взятіе парижскою чернью Бастиліи, открывшею собой въ 1789 году безконечный рядъ кровавыхъ ужасовъ первой революціи. Годовщина этого дня недоброй памяти возвеличена была въ 1880 году мудрыми политиками, управляющими въ настоящее время Франціей, до значенія всеобщаго національнаго торжества, офиціально навязаннаго всѣмъ Французамъ безъ различія, сочувствуютъ ли они или нѣтъ оргіямъ происходившимъ въ концѣ прошлаго столѣтія въ столицѣ Франціи.

На дняхъ годовщина разгрома Бастиліи праздновалась во Франціи въ четвертый разъ, и событія сопровождавшія это празднество бросили яркій свѣтъ на характеристическое положеніе Французскаго правительства. Главное торжество сосредоточивалось въ этотъ день на парижской площади Республики (place de la République), гдѣ происходило среди пышныхъ церемоній открытіе первой въ Парижѣ колоссальной статуи Республики. Здѣсь присутствовали всѣ приверженцы республиканскаго режима, видѣвшіе въ воздвигнутой статуѣ символъ прочнаго утвержденія наилучшей, по ихъ мнѣнію, формы правленія; но само правительство республики блистало на этомъ „апоѳеозѣ Республики" своимъ отсутствіемъ. Ни президентъ Греви, ни глава кабинета Ферри, ни даже кто-либо изъ прочихъ членовъ министерства не прибыли на это торжество. Мало того: они отказались присутствовать на „апоѳеозѣ Республики" даже несмотря на неоднократныя устныя и письменныя приглашенія, полученныя ими со стороны распорядителей торжества.

Дѣло въ томъ что распорядителями явились въ данномъ случаѣ члены Парижскаго муниципальнаго совѣта, который, въ отличіе отъ прочихъ скромныхъ городскихъ собраній Франціи, отличается крайне радикальнымъ, даже коммунистическимъ оттѣнкомъ своего большинства, занимающагося почти исключительно политикой, оставляя въ полномъ пренебреженіи городское хозяйство. Бывшій органъ Гамбетты *République Française* перечислилъ на дняхъ длинный рядъ неотложныхъ вопросовъ, касающихся неустройства и санитарнаго состоянія „столицы міра" и остающихся нерѣшенными вслѣдствіе того что господа муниципальные совѣтники „играютъ въ политическое собраніе" (jouent à l'assemblée politique) находя болѣе для себя забавнымъ управлять цѣлымъ государствомъ

чѣмъ однимъ только городомъ. Парижскіе гласные, по крайней мѣрѣ большинство ихъ, смотрятъ на свою городскую думу не какъ на чисто хозяйственное учрежденіе обязанное серіозно заниматься исключительно городскими дѣлами, но какъ на приготовительное заведеніе для поступленія въ парламентъ, куда, какъ извѣстно, попадаютъ лишь люди выдержавшіе испытаніе въ политическомъ шарлатанствѣ и краснобайствѣ. Члены парижскаго муниципальнаго совѣта поэтому ежедневно упражняются въ парламентской болтовнѣ и въ искусствѣ создавать оппозицію правительству. Упражненія эти не лишены оригинальности. Такъ недавно, въ маѣ мѣсяцѣ, одинъ изъ наиболѣе „либеральныхъ" эдиловъ Парижа представилъ сенскому префекту Утри „запросъ" на какомъ основаніи онъ не позволяетъ народнымъ сходкамъ собираться въ городскихъ школахъ. Когда г. Утри отвѣтилъ что буйныя сходки Парижскаго народа гибельно отзываются на школьной обстановкѣ и въ особенности на школьной мебели и наполняютъ школьныя помѣщенія далеко не гигіеническими испареніями и табачнымъ дымомъ, то муниципальный совѣтъ подвергъ „реакціоннаго" префекта формальному порицанію „vote de blâme" 27 голосами противъ 18, а когда правительство и самъ префектъ не обратили вниманія на эту кару, парижскіе муниципальные совѣтники вычеркнули изъ бюджета города Парижа всѣ расходы назначенные на содержаніе Сенской префектуры, и распорядились дать другое назначеніе тому помѣщенію въ новой ратушѣ которое было приспособлено для квартиры префекта и для его канцеляріи. А такъ какъ теперешняя квартира г. Утри въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ флигелей Тюильри также уже получила другое назначеніе, то сенскому префекту грозитъ въ ближайшемъ будущемъ перспектива остаться безъ квартиры. Драконовское постановленіе муниципальнаго совѣта произвело должное впечатлѣніе на правительство, и г. Греви рѣшился на *энергическую* мѣру: онъ предписалъ г. Утри не являться болѣе лично на засѣданія муниципальнаго совѣта, а посылать туда лишь своего помощника! Такимъ образомъ побѣда все-таки осталась на сторонѣ парижскихъ защитниковъ „свободныхъ учрежденій," и правительственная „реакція" понесла вполнѣ заслуженное пораженіе.

Ободренный этимъ успѣхомъ, парижскій муниципальный совѣтъ задумалъ сыграть выдающуюся политическую роль и въ предстоявшемъ національномъ празднествѣ. Въ качествѣ хозяина города Парижа, предсѣдатель совѣта „автономистъ," то-есть по просту приверженецъ коммуны, нѣкто гражданинъ Мате, принялъ на себя распорядительство касательно торжественнаго открытія статуи Республики. Онъ разослалъ приглашенія на это торжество и лично отправился пригласить на оное президента республики. Но г. Греви не охотно показывается среди публики, съ тѣхъ поръ какъ, въ прошломъ году, одинъ рабочій безнаказанно крикнулъ ему подъ носъ „cochon, veux-tu deux sous," намекая на вошедшую въ пословицу скупость президента. Поэтому онъ отвѣтилъ г. Мате что онъ ни за что̀ не пойдетъ на открытіе статуи и посовѣтовалъ ему обратиться къ кому-либо изъ министровъ которые „конечно не откажутъ себѣ въ удовольствіи произнести по этому случаю приличную рѣчь." Г. Мате обратился тогда съ приглашеніемъ къ министру-президенту г. Ферри. Тотъ не отказался отправиться на открытіе статуи, но потребовалъ чтобы г. Мате предварительно сообщилъ ему свою рѣчь, которую тотъ намѣренъ былъ произнести на торжествѣ. Г. Мате исполнилъ просьбу министра и переслалъ ему текстъ своей рѣчи въ которой, между прочимъ, требовалось возвращеніе „вольностей" (franchises) городу Парижу (то-есть возможность безо всякаго правительственнаго контроля распоряжаться всѣмъ городомъ, съ полиціей включительно и подготовить коммуну) и амнистія Луизѣ Мишель и ея сообщникамъ. Ознакомившись съ рѣчью г. Мате, Жюль Ферри потребовалъ устраненія какъ того, такъ и другаго „либеральнаго" мѣста, и г. Мате разумѣется отвѣтилъ на это „деспотическое притязаніе" самымъ рѣшительнымъ отказомъ „человѣка возмущеннаго во глубинѣ своихъ гражданскихъ убѣжденій," какъ выразилась одна изъ радикальныхъ парижскихъ газетъ.

Что̀ оставалось дѣлать бѣдному г. Ферри въ виду столь явнаго издѣвательства надъ правительствомъ? Созванъ былъ министерскій совѣтъ, и здѣсь было рѣшено наложить на мятежный муниципальный совѣтъ примѣрное наказаніе: лишить его, въ день торжественнаго открытія статуи

Республики, созерцанія ясныхъ очей республиканскаго правительства. Рѣшеніе это было встрѣчено, въ радикальныхъ газетахъ, гомерическимъ хохотомъ. Особенно остроумно издѣвался надъ правительствомъ Рошфоръ въ своемъ *Intransigeant*. „Г. Кассаньякъ, писалъ онъ, громко назвалъ на дняхъ среди бѣлаго дня, въ парламентѣ, въ присутствіи представителей всей Франціи, министра Ферри *послѣднимъ изъ трусовъ* (le dernier des lâches), и г. Ферри доказалъ справедливость этого названія тѣмъ что проглотилъ эту пощечину. Но ему захотѣлось еще нагляднѣе доказать свою трусость. Узнавъ о томъ что 14 іюля на Площади Республики будутъ требовать, на зло ему и всему правительству, амнистію Луизы Мишель, онъ поспѣшилъ забаррикадироваться въ своемъ домѣ и проведетъ тамъ день національнаго праздника дрожа отъ страха предъ рѣчью предсѣдателя парижскаго муниципальнаго совѣта.“ И дѣйствительно, 14 іюля г. Мате во всеуслышаніе произнесъ свою мятежную рѣчь, торжествуя не только апоосозъ республики, но и трусливое самоотреченіе республиканскаго правительства предъ требованіями коммуны. Всѣ поняли что мятежъ не только можетъ открыто объявлять войну правительству, но что правительство, не одобряя мятежа, не имѣетъ смѣлости ни подавить его, ни даже выйти на его вызовъ и открыто дать твердый отпоръ его надменнымъ притязаніямъ. „Правительство боится насъ, мы слѣдовательно страшная, могущественная сила!“ вотъ что теперь на всѣ лады повторяютъ радикальныя и соціалистическія газеты.

Но этимъ еще не исчерпывается интересъ разыгранной на берегахъ Сены комедіи. Ни одинъ изъ министровъ на открытіи статуи Республики не присутствовалъ, но лишенный квартиры префектъ Утри явился и сказалъ пустенькую рѣчь, не возразивъ ни словомъ на требованія г. Мате. Мало того, военный министръ, пресловутый генералъ Тибоденъ, нарушившій въ 1870 году свое честное слово, написалъ г. Мате трогательное письмо, въ которомъ объявилъ что, къ крайнему своему сожалѣнію, не можетъ присутствовать на праздникѣ города Парижа по случаю военнаго парада, приготовленія къ которому отнимутъ у него все свободное утро. Вслѣдствіе такого образа дѣйствій, тонъ радикальныхъ газетъ по отношенію къ гг. Утри и Тибодену совершенно измѣнился. Первый изъ нихъ теперь можетъ надѣяться на возвращеніе ему квартиры, а второй покрывается похвалами тѣмъ же Рошфоромъ, который такъ безцеремонно отдѣлываетъ бѣднаго Ферри.

Это кокетничанье военнаго министра съ агитаторомъ засѣдающимъ въ муниципальномъ совѣтѣ приводитъ членовъ его, конечно, въ большой восторгъ. „Мы ли не сила, говорятъ они съ ликованіемъ, когда даже армія на нашей сторонѣ?“ И дѣйствительно, послѣ парада, какъ разказываютъ очевидцы во французскихъ газетахъ, пьяные солдаты братались съ подонками парижской черни, съ тѣми самыми „рабочими-анархистами“ которые торжественно дефилировали утромъ съ чернымъ знаменемъ Луизы Мишель предъ статуей Республики при оглушительныхъ звукахъ *Марсельезы*. „Не правда ли, вы съ нами будете въ великій день истребленія капитала?“ спрашивали анархисты за стаканомъ вина воиновъ Французской республики. „Конечно съ вами, а то съ кѣмъ же,“ отвѣчали имъ тѣ, падая въ ихъ объятія.

А въ тотъ же торжественный день 14 іюля, въ Рубе, уже была сдѣлана серіозная, кровавая попытка осуществить „великій день.“ Шайка анархистовъ пошла штурмомъ противъ республиканской ратуши какъ бы въ воспоминаніе штурма Бастиліи. Произошла кратковременная стычка, многіе были ранены, иные убиты. „Наши братья въ Рубе нетерпѣливы,“ говоритъ по этому поводу органъ коммунистовъ *Bataille*, „намъ нужно подняться всѣмъ сразу, когда все будетъ готово, въ одинъ и тотъ же день; но пусть они успокоятся: день этотъ близокъ.“

№ 192.

Москва, 12-го Іюля.

Культурная борьба въ Германіи вступила въ новый фазисъ. Переговоры съ Ватиканомъ прерваны. 19 іюля прусскій посланникъ имѣлъ послѣднюю аудіенцію у его святѣйшества и затѣмъ уѣхалъ въ отпускъ. „Безъ сомнѣнія, говоритъ по этому поводу *Крестовая Газета*, этотъ день будетъ новымъ этапомъ въ церковно-политическомъ вопросѣ; самая аудіенція точно также можетъ имѣть значеніе рѣ-

шающаго поворота въ ту или другую сторону," ибо все дѣло заключается де въ томъ, пойметъ или не пойметъ курія что въ Берлинѣ нельзя разчитывать на успѣхъ ничѣмъ собственно не мотивированнаго, упрямаго противодѣйствія возстановленію мира. „Итакъ, судьба дѣла въ рукахъ куріи," прибавляетъ названная газета; „въ рукахъ куріи, которая—доказываетъ органъ князя Бисмарка *Сѣверо-Германская Газета* — должна бы знать что государство обладаетъ вполнѣ достаточнымъ и весьма надежнымъ оружіемъ." Правда, извѣстная часть либеральной печати сомнѣвается „достанетъ ли у кого слѣдуетъ необходимаго мужества, чтобъ употребить оружіе въ дѣло," какъ выразилась на дняхъ *Кельнская Газета*, но на этотъ вопросъ уже данъ отвѣтъ въ видѣ отъѣзда Шлёцера изъ Ватикана „въ продолжительный отпускъ" на нѣсколько мѣсяцевъ, причемъ посланникъ прежде всего посѣтитъ князя Бисмарка въ Фридрихсру, хотя тотъ, отъѣзжая отдохнуть, не располагалъ принимать кого бы то ни было по дѣламъ. Для представителя Пруссіи въ Ватиканѣ, въ виду важности оборота сношеній, дѣлается исключеніе. Куріи предлагается одуматься...

Какъ произошелъ этотъ кажущійся совершенно неожиданнымъ разрывъ?

Сѣверо-Германская Газета, въ послѣдней своей статьѣ (отъ 19 іюля), отчасти разъясняетъ дѣло. Въ Ватиканѣ очевидно ошиблись въ оцѣнкѣ силы Прусскаго правительства и слишкомъ подняли требованія. Тамъ думали что Прусское правительство прижато къ стѣнѣ, что оно волей или неволей вынуждено будетъ согласиться на всѣ требованія куріи и тѣмъ скорѣе что императоръ желаетъ де во что бы то ни стало прекратить культурную борьбу и „вымогаетъ," какъ выразился *Moniteur de Rome*, „уступку за уступкой у своего канцлера." Этотъ ошибочный взглядъ, вмѣстѣ съ куріей, раздѣляли было и нѣмецкіе либералы громко говорившіе что Прусское правительство уже стоитъ „во дворѣ папскаго жилья въ Каноссѣ." На дѣлѣ оказалось однако что Пруссія, подъ видомъ предложеннаго ею пересмотра майскихъ законовъ, разумѣла вовсе не отмѣну ихъ, какъ того ждали въ Ватиканѣ, а только „устраненіе нѣкоторыхъ затрудненій причиняемыхъ германскимъ католикамъ этими законами." Въ Берлинѣ готовы были облегчить духовной власти замѣщеніе вакантныхъ епископскихъ каѳедръ и священническихъ мѣстъ, но вовсе не думали о возстановленіи епископской юрисдикціи въ полномъ ея объемѣ. Какъ при изданіи майскихъ законовъ такъ и теперь, Прусское правительство не находитъ возможнымъ допустить созданіе въ Пруссіи папской арміи въ видѣ всевозможныхъ конгрегацій, со всевозможными школами, семинаріями и конвиктами для подготовки съ дѣтства духовныхъ лицъ католической церкви. Въ этомъ вся суть дѣла. Въ Ватиканѣ разчитывали усыпить бдительность прусской дипломатіи обѣщаніями „мира," „содѣйствія церкви" и „правомъ контроля" при назначеніи духовныхъ лицъ въ должности. Это право, утверждала курія, вполнѣ достаточно для огражденія государственныхъ интересовъ. Иначе смотрѣли на это въ Берлинѣ. „Съ государственной точки зрѣнія, говоритъ *Сѣверо-Германская Газета*, это право контроля есть только вопросъ почета; это вовсе не оружіе.... Теперешній архіепископъ Бреславскій пятнадцать лѣтъ прослужилъ до своего назначенія въ Берлинѣ на глазахъ у властей, и несмотря на то, правительство давая свое согласіе на назначеніе его епископомъ даже и не подозрѣвало что именно этотъ прелатъ, самостоятельно или подъ вліяніемъ своихъ совѣтниковъ, можетъ создать столько новыхъ затрудненій для прекращенія культурной борьбы, какъ то дѣйствительно оказалось." Если такъ трудно узнать лицо предназначаемое во епископа, то знать каждаго священника вовсе нельзя; представленіе административнымъ властямъ кандидатскаго списка съ правомъ вычеркнуть неугодное лицо есть поэтому одна пустая формальность. „Уже при назначеніи собственныхъ чиновниковъ, продолжаетъ органъ князя Бисмарка, правительство не можетъ избѣжать крупныхъ ошибокъ; насколько же труднѣе судить каковъ окажется извѣстный кандидатъ на священническую должность когда онъ дѣйствительно станетъ въ ряды духовенства, подчинится ватиканской дисциплинѣ, и когда государство не будетъ уже имѣть права требовать отъ духовной власти его увольненія."

Такова сущность вопроса о прекращеніи культурной борьбы. Ватиканъ никогда, какъ оказалось, не придастъ значенія уступкамъ правительства и „примиритель-

ному характеру законодательства“ до тѣхъ поръ пока не добьется побѣды въ существенномъ для него вопросѣ о воспитаніи духовенства и епископской юрисдикціи. Это почти открыто высказываютъ органы куріи, замѣчая что политика папскаго престола „всегда и для всѣхъ государствъ останется одна и та же.“ Трудно вести переговоры послѣ тѣхъ вѣжливостей которыми на дняхъ обмѣнялись органы куріи и Прусскаго правительства. Не случайно же *Сѣверо - Германская Газета* назвала курію „торгашемъ“ стараго закала имѣющимъ привычку играть на пониженіе стоимости чужаго товара хуля его. Пруссія находитъ возможнымъ, въ случаѣ нужды, обойтись вовсе безъ соглашенія съ папой. Вмѣсто того чтобъ уступивъ во всемъ смотрѣть потомъ изъ рукъ Ватикана, въ Берлинѣ считаютъ болѣе удобнымъ чтобы курія примирилась съ необходимостью пользоваться тѣмъ что „въ интересахъ своихъ католическихъ подданныхъ“ предоставитъ ему прусское законодательство. Таковъ именно междустрочный смыслъ изданнаго на дняхъ новаго церковно - политическаго закона, вызвавшаго рѣзкія порицанія со стороны куріи, въ видѣ обширной ноты кардинала Якобини. Не затѣмъ ли, однако, была и писана эта нота чтобы создать благовидный въ глазахъ католиковъ предлогъ для пріостановки переговоровъ, если Прусское правительство не рѣшится дать „успокоительныя“ объясненія. Курія, однако, не совсѣмъ достигла цѣли. Въ Берлинѣ не сочли нужнымъ удостоить ноту куріи отвѣтомъ, прусскій посланникъ откланялся его святѣйшеству; но католическое населеніе Германіи, за исключеніемъ, правда, Поляковъ, все-таки признаетъ что новый законъ, вызвавшій неудовольствіе куріи, предоставляетъ имъ большія льготы, и что слѣдовательно правительство готово входить въ интересы своихъ католическихъ подданныхъ. Прусскіе министры не ошибались говоря въ парламентѣ что новый законъ поведетъ къ примиренію между государствомъ и католиками. Рѣчь шла, какъ оказывается, только о нихъ, а не о Ватиканѣ, какъ это тамъ показалось.

№ 193.

Москва, 13-го іюля.

Надъ Гладстоновскимъ кабинетомъ собирается гроза. Онъ заключилъ съ г. Лессепсомъ предварительное условіе о постройкѣ втораго Суэзскаго канала, причемъ исходною точкой этого соглашенія служило то положеніе что концессія данная Египетскимъ хедивомъ французской компаніи установила для послѣдней монополію на Суэзскомъ перешейкѣ, такъ что прорытіе втораго, параллельнаго канала невозможно иначе какъ по полученіи на то согласія этой компаніи. Въ силу этого положенія, подкрѣпленнаго заключеніемъ англійскихъ коронныхъ юристовъ, въ томъ числѣ и лорда-канцлера, Англійское правительство отказалось отъ первоначальнаго предположенія о постройкѣ самостоятельнаго канала между Средиземнымъ и Краснымъ моремъ и предпочло включить свое новое сооруженіе въ одно предпріятіе съ каналомъ г. Лессепса.

Сущность соглашенія, о коемъ возвѣщено было правительствомъ въ засѣданіи палаты общинъ 4 іюля, заключается въ слѣдующемъ: Компанія Суэзскаго канала принимаетъ на себя построить до конца 1888 года новый каналъ, параллельный первому. Ширина и глубина новаго канала опредѣляется по соглашенію съ англійскими директорами компаніи. Администрація компаніи, начиная съ ближайшихъ выборовъ, должна непремѣнно имѣть въ своемъ составѣ извѣстное число Англичанъ, въ томъ числѣ одного вице-президента и одного члена правленія и двухъ членовъ финансовой коммиссіи. Сверхъ того, инспекторомъ навигаціи по каналамъ долженъ быть англійскій офицеръ по назначенію отъ Англійскаго правительства. Англійское правительство обязуется выхлопотать концессію на земли необходимыя для новаго канала на срокъ 99 лѣтъ, считая со времени его сооруженія, и ссужаетъ компаніи 8 милліоновъ фунт. ст. за $3^1/_4$% погашаемыхъ въ теченіе 50 лѣтъ. Компанія обязуется понизить плату за проходъ по каналу, коль скоро прибыль достигнетъ 21 процента и понижать эту плату по мѣрѣ дальнѣйшаго возвышенія чистой прибыли.

Изъ этихъ условій видно что Англійское правительство далеко не пренебрегло ин-

тересами Англіи и весьма достаточно обезпечило себѣ преобладающее вліяніе въ дальнѣйшемъ управленіи дѣлами канала. Нечего и говорить насколько выгоднѣе пріобщить новое предпріятіе къ старому, вмѣсто того чтобы строить совершенно новый каналъ. Кромѣ значительныхъ денежныхъ сбереженій, главная выгода заключается въ томъ что параллельные каналы состоящіе подъ одною администраціей будутъ приспособлены къ безостановочному движенію по двумъ встрѣчнымъ направленіямъ, подобно желѣзной дорогѣ съ двумя рельсовыми путями, тогда какъ два независимые одинъ отъ другаго каналы были бы лишены этого удобства.

Все это однако отвергается съ негодованіемъ не только оппозиціей, но и значительною частью приверженцевъ теперешняго министерства. Болѣе всѣхъ возстаетъ противъ проекта газета *Times*, въ которой отражается главнымъ образомъ мнѣніе англійскихъ коммерческихъ классовъ. Но органъ Лондонскаго Города не довольствуется указаніемъ на матеріальныя невыгоды, которыя, по его мнѣнію, представляетъ проектъ правительства; *Times* негодуетъ противъ г. Гладстона за „непростительную политическую ошибку," заключающуюся де въ томъ что онъ открыто призналъ притязаніе г. Лессепса на его исключительное право по отношенію къ Суэзскому перешейку, вмѣсто того чтобъ энергически оспаривать это право, столь несогласное съ теперешнимъ положеніемъ Англіи въ Египтѣ. *Times* не хочетъ знать ни концессіи дарованной „въ прежнее время и при иныхъ обстоятельствахъ" г. Лессепсу Египетскимъ хедивомъ, ни соображеній англійскихъ юристовъ поддерживающихъ юридическую силу этой концессіи. *Times*, какъ и слѣдовало ожидать, отыскала другихъ юристовъ, которые поспѣшили заявить совершенно противоположное мнѣніе, признавая что Измаилъ-паша, даровавшій концессію и нынѣ свергнутый съ египетскаго престола, вообще не имѣлъ права, какъ вассалъ Турціи, распорядиться на цѣлое столѣтіе впередъ судьбой важнѣйшаго въ мірѣ воднаго пути. Болѣе же всего ошибка г. Гладстона заключается де въ томъ что онъ самъ далъ противнику оружіе въ руки, публично заявивъ что онъ признаетъ монополію г. Лессепса. *Times* приходитъ въ концѣ концовъ къ заключенію что г. Гладстонъ „страдаетъ болѣзнію, которая очень часто постигаетъ слишкомъ долго засидѣвшееся во власти правительство, которое въ силу этого поступаетъ слишкомъ самоувѣренно." Газета не сомнѣвается въ томъ что проектъ соглашенія будетъ отвергнутъ парламентомъ вопреки дисциплинѣ партіи и что само правительство, убѣдившись въ своемъ промахѣ, было бы радо найти выходъ и съ честью отступить Но даже въ случаѣ отступленія кабинета отъ своего проекта, дурное впечатлѣніе оставленное этою крупною ошибкой изгладится де не скоро.

Предвидѣнія *Times* оправдались скорѣе нежели можно было ожидать. Г. Гладстонъ, какъ извѣщаетъ телеграфъ изъ Лондона, уже заявилъ въ парламентѣ что онъ беретъ назадъ свое предложеніе объ утвержденіи предварительнаго соглашенія съ г. Лессепсомъ.

Еженедѣльная газета *Observer*, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ органовъ партіи виговъ, совершенно откровенно высказываетъ причину всеобщаго неудовольствія противъ правительства за его соглашеніе съ г. Лессепсомъ. По мнѣнію большинства Англичанъ, теперешнее господствующее положеніе въ Египтѣ не можетъ считаться законченнымъ до тѣхъ пока чужеземная компанія распоряжается Суэзскимъ каналомъ уже существующимъ. „До тѣхъ поръ пока компанія г. Лессепса будетъ имѣть право эксплуатировать каналъ въ свою пользу," замѣчаетъ *Observer*, „не можетъ быть рѣчи о господствѣ Англіи надъ Египтомъ. Г. Лессепсъ и его компанія фактически преграждаютъ намъ путь чрезъ Суэзскій перешеекъ. Теперешній каналъ не соотвѣтствуетъ болѣе увеличеннымъ потребностямъ судоходства; но компанія не имѣетъ охоты расширить каналъ, такъ какъ это сопряжено съ расходами, между тѣмъ какъ доходы существующаго канала должны постоянно возрастать и приносить громадную прибыль. Г. Лессепсъ утверждаетъ что ему принадлежитъ исключительное право на проведеніе каналовъ по Суэзскому перешейку. Поэтому мы можемъ дѣйствовать лишь путемъ принужденія. Добровольно г. Лессепсъ не уступитъ болѣе того что онъ намъ предоставилъ въ его предварительномъ соглашеніи съ правительствомъ. Но это значило бы возвратиться къ прежнему порядку совмѣстнаго съ Франціей владычества надъ Египтомъ. Нужно откровенно высказать что Англія можетъ обойтись

безъ соглашенія, ибо она обладаетъ возможностью *предписать* тѣ условія которыя для нея выгодны.“ Такое насильственное рѣшеніе вопроса можетъ однако, по мнѣнію цитуемой газеты, повлечь за собой открытый разрывъ не только съ Франціей, но и со всѣмъ европейскимъ концертомъ. Поэтому *Observer* полагаетъ что всего лучше оставить открытымъ вопросъ о прорытіи втораго Суэзскаго канала, пока Англія упрочитъ окончательно свое положеніе въ Каирѣ. „Когда мы наконецъ рѣшимся на неизбѣжное и открыто примемъ на себя протекторатъ надъ Египтомъ, который мы фактически давно себѣ присвоили, тогда не трудно будетъ придти къ удовлетворительному соглашенію и съ Суэзскою компаніей. Послѣдняя сама тогда будетъ вынуждена искать соглашенія съ тою властью которой принадлежитъ безспорное господство въ Египтѣ, и мы тогда легко добьемся всего что̀ намъ нужно.“

Годъ тому назадъ г. Гладстонъ самымъ торжественнымъ образомъ увѣрялъ Европу что Англія не намѣрена присвоить себѣ исключительное господство надъ Египтомъ, и что Суэзскій каналъ во всякомъ случаѣ останется свободнымъ. Теперь мы видимъ насколько онъ самъ въ состояніи поддержать свои формальныя увѣренія.

Всего же вѣроятнѣе что разыгравшаяся теперь парламентская буря противъ г. Гладстона затѣяна именно съ тою цѣлью дабы избавить его самого, а въ крайнемъ случаѣ его преемниковъ, отъ неудобныхъ обязательствъ предъ Европой по отношенію къ Египту и Суэзскому каналу.

№ 194.

Москва, 14-го іюля.

На дняхъ мы имѣли случай замѣтить что заключенный между Германіей и Испаніей торговый договоръ не выгоденъ для насъ, устраняя ввозъ русскаго спирта въ Испанію чрезъ посредство Гамбурга и Бремена по положенному тарифу. Сто̀итъ войти въ нѣкоторыя подробности по этому предмету.

Оказывается что такой оборотъ столь же какъ и для насъ невыгоденъ и для Гамбурга съ Бременомъ. Въ нѣмецкой печати возникла даже полемика по этому предмету, причемъ противники такого „стѣсненія германскихъ интересовъ“ довольно рѣзко упрекаютъ свое правительство въ излишней и торопливой уступчивости относительно Испаніи. Въ чемъ дѣло? Въ дополнительномъ протоколѣ къ статьѣ 9 трактата сказано: „испанскій уполномоченный заявляетъ что королевско-испанское правительство имѣетъ возможность принимать за нѣмецкіе лишь тѣ фабрикаты кои изготовлены изъ нѣмецкаго спирта. Сверхъ того, Испанское правительство, въ доказательство что отправляемый въ Испанію фабрикатъ дѣйствительно изготовленъ изъ нѣмецкаго спирта и притомъ въ границахъ Германіи, выговариваетъ своимъ консуламъ право требовать не только спеціальныхъ свидѣтельствъ о происхожденіи товара, но и дубликатовъ со свидѣтельствъ о бонификаціи,“ то-есть о возвратѣ нѣмецкими властями взысканнаго ранѣе акциза. Съ такою оговоркой русскій спиртъ и издѣлья изъ него не могутъ пройти въ Испанію по пониженному тарифу. Дѣйствительно, еслибы нѣмецкія торговыя власти и были готовы выказать снисходительность при выдачѣ свидѣтельствъ о происхожденіи товара, то онѣ уже никакъ не могутъ обнаружить эту снисходительность относительно бонификацій и давать ихъ прямо въ ущербъ интересамъ фиска, возвращая тотъ акцизъ который никогда и не взыскивался въ Германіи съ даннаго товара. Очевидно что о прекращеніи дешеваго доступа русскаго спирта въ Испанію особенно заботились. Въ Испаніи два тарифа: одинъ, *генеральный*, для всѣхъ государствъ; другой, *спеціальный*, для тѣхъ съ коими Испанія заключила особыя сдѣлки. Генеральный тарифъ значительно, почти на 50%, выше спеціальнаго Между Россіей и Испаніей торговаго договора не имѣется, а слѣдовательно ни русскій спиртъ, ни какіе бы то ни было, даже германскіе, фабрикаты изъ русскаго спирта не могутъ проникнуть въ Испанію безъ оплаты по высокому тарифу. Въ этомъ заинтересованы обѣ стороны. Испанія разчитываетъ отчасти на возвышеніе своихъ таможенныхъ доходовъ, отчасти быть-можетъ и на сокращеніе ввоза иностраннаго спирта вообще; Германія полагаетъ что такимъ путемъ она лучше обезпечитъ интересы своихъ винокуровъ, уже давно жаловавшихся на конкурренцію русскаго спирта. Совершенно неправда, говоритъ *Сѣверо-Германская Газета*, возражая на замѣчанія

по этому предмету, — совершенно неправда будто вышеприведенная оговорка къ статьѣ 9 договора лишаетъ одну изъ частей Германіи всѣхъ выгодъ, доставляемыхъ только что заключеннымъ договоромъ. Правда, вывозъ фабрикатовъ изъ русскаго спирта уменьшится, но дѣло идетъ не объ общихъ выгодахъ, а объ интересѣ всего шести заводовъ въ Гамбургѣ перерабатывающихъ русскій спиртъ. Этому-то интересу немногихъ противополагаются выгоды пріобрѣтаемыя всею Германіей, не исключая и Гамбурга, отъ заключенія трактата.“ Не болѣе справедливо, по мнѣнію органа имперскаго канцлера, и то замѣчаніе будто переработка „натурализуетъ“ сырой матеріалъ. Французскія таможенныя постановленія, напримѣръ, признаютъ такую „натурализацію товара въ мѣстѣ обработки“ лишь тогда если переработанный продуктъ оплачивается по другой, болѣе высокой статьѣ тарифа. Ничего де подобнаго въ данномъ случаѣ нѣтъ, а потому и условіе включенное въ договоръ съ Испаніей не можетъ считаться ни своеобразно новымъ, ни слишкомъ строгимъ.

Еще въ 1882 году берлинское купечество, по словамъ *Сѣверо-Германской Газеты*, жаловалось на конкурренцію русскаго спирта сокращающую заграничный отпускъ нѣмецкаго. Русскій спиртъ ввозится въ Германію по такимъ де цѣнамъ, кои устраняютъ всякую возможность конкуррировать съ нимъ. Невыгода эта тѣмъ чувствительнѣе что въ Испанію отправляются большія партіи спирта и издѣлій изъ него, причемъ болѣе высокія качества спирта нѣмецкаго теряютъ уже свое вліяніе на отпускъ. Винокуренная промышленность въ Германіи падаетъ, а между тѣмъ она имѣетъ громадное значеніе не только для сельскаго хозяйства, но и вообще для всѣхъ хозяйственныхъ оборотовъ націи, сокращая размѣръ разведенія картофеля, который не требуетъ хорошей почвы и подготовляетъ ее подъ кормовыя травы, отчего въ свою очередь зависитъ развитіе скотоводства. Если таковы причины заставившія Германію согласиться, въ ущербъ отпуску Гамбурга, на полное de facto прекращеніе выгоднаго вывоза въ Испанію продуктовъ изъ русскаго спирта, то не слѣдуетъ ли намъ, въ свою очередь, по тѣмъ же причинамъ озаботиться открыть нашему товару новый путь посредствомъ заключенія торговаго договора съ Испаніей. Пятнадцать милліоновъ марокъ во что цѣнятся Германіей обороты съ русскимъ спиртомъ стóятъ этого. Торговыя статьи по коимъ могла бы состояться обоюдно выгодная сдѣлка несомнѣнно существуютъ. Дѣйствительно, стóитъ только заглянуть въ таблицу приложенную къ германскому договору чтобы видѣть что Испанія добивалась пониженія пошлинъ на тѣ товары кои могутъ имѣть сбытъ и у насъ: пробка, апельсины, лимоны, фиги, виноградъ, вина, шафранъ, шоколадъ, оливки и оливковое масло всѣхъ сортовъ. Обратно Германія добивалась и получила пониженіе испанскаго тарифа на водку. Надо замѣтить что заключеніе торговаго договора съ Испаніей доставило бы намъ болѣе выгодъ нежели прежній размѣръ сбыта нашего спирта туда чрезъ посредничество гамбургскихъ фирмъ и при нѣмецкой переработкѣ. Вся эта переработка могла бы быть сдѣлана у насъ дома и доставить выгодный заработокъ значительному числу рукъ. Случай съ нашимъ спиртомъ не показываетъ ли, повторимъ, какъ опасно вести торговые обороты чрезъ посредство заграничныхъ маклеровъ, которые всегда служатъ только до тѣхъ поръ пока имъ не представится возможность или надобность поднять собственное производство за счетъ довѣрителя.

№ 195.

Москва, 15-го іюля.

Холера въ Египтѣ принимаетъ грозные размѣры. Ослабѣвъ значительно въ мѣстѣ своего перваго появленія, въ Даміеттѣ, эпидемія свирѣпствуетъ нынѣ съ ужасающей силой въ самой столицѣ Египта, гдѣ число умирающихъ достигаетъ почти пятисотъ человѣкъ въ сутки. Эпидемія коснулась наконецъ и англійскихъ гарнизоновъ расположенныхъ въ Египтѣ, что заставило англійскія власти, мѣстныя и центральныя, встрепенуться не на шутку. Сдѣлано распоряженіе о томъ чтобы всѣ англійскія войска были выведены изъ городовъ и расположены лагеремъ въ пустынѣ, вдоль прѣсноводнаго канала идущаго изъ Нила къ Суэзскому каналу. Объ этомъ маркизъ Гартингтонъ заявилъ въ засѣданіи парламента 19 іюля. Но изъ

рапорта командующаго египетскими войсками, который прочелъ при этомъ министръ колоній, видно что мѣра эта признается крайне нежелательною съ точки зрѣнія безопасности англійскаго владычества. Тутъ обнаружилось что Англичане совсѣмъ не такъ увѣрены въ дружелюбіи правительства хедива чтобы покинуть столицу и удалить изъ нея войска хотя бы только на одинъ день пути.

Въ Англія также готовятся ко встрѣчѣ непрошеной гостьи: устраиваются митинги для обсужденія санитарныхъ условій британской столицы и дѣлаются распоряженія о строгой инспекціи „подозрительныхъ кораблей“ приходящихъ къ англійскимъ портамъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ англійскія власти и органы англійской печати продолжаютъ съ упорствомъ возставать противъ карантинной системы, и если, несмотря на карантинныя мѣры принятыя прочими державами, холера все-таки перейдетъ за предѣлы Египта, то вина въ этомъ падетъ всецѣло на Англію.

Карантинныя мѣры имѣютъ двоякое примѣненіе: прежде всего онѣ направлены къ тому чтобы локализовать заразу посредствомъ строгаго оцѣпленія тѣхъ мѣстностей гдѣ впервые появилась эпедемія, а затѣмъ каждая страна въ отдѣльности ограждаетъ себя ото всякаго непосредственнаго соприкосновенія съ людьми и вещами прибывающими изъ зараженной страны. Для этого всѣ корабли приходящіе оттуда подвергаются задержанію, медицинскому наблюденію и дезинфекціи въ теченіе извѣстнаго времени. На этихъ мѣрахъ и настаивали всѣ державы съ самаго появленія эпидеміи въ Египтѣ и приняли таковыя у себя. Но Англія воспротивилась какъ мѣстному оцѣпленію, такъ и карантинному преграждению у себя дома. Англійскіе корреспонденты въ Египтѣ до сихъ поръ продолжаютъ утверждать что оцѣпленіе зараженныхъ мѣстностей въ самомъ Египтѣ не достигло цѣли, и въ подтвержденіе этого ссылаются на то что холера проникла же въ Каиръ, несмотря на то что Даміетта и прилежащія мѣстности были строго изолированы.

Но этотъ аргументъ не болѣе какъ софизмъ къ какимъ Англичане всегда прибѣгаютъ для прикрытія своихъ корыстныхъ видовъ. Изъ того что оцѣпленіе Даміетты не воспрепятствовало холерѣ проникнуть на югъ, по направленію къ Каиру, слѣдуетъ развѣ лишь то что цѣпь была прорвана въ эту сторону и что охрана не была достаточно бдительна. Оцѣпленіе цѣлаго округа—дѣло безспорно трудное; но что оно не невозможно, даже для египетскихъ властей, доказывается тѣмъ что Александрія, которая ближе къ мѣсту первоначальнаго зараженія нежели Каиръ, осталась до сихъ поръ нетронутою эпидеміей. Да и сами Англичане признали принципъ изолированія тѣмъ что выводятъ свои войска въ отдѣльный лагерь, отдаленный отъ населенныхъ мѣстъ. Еслибы тѣ же войска были даны съ самаго начала въ подмогу египетскимъ для дѣйствительно строгаго оцѣпленія Даміетты, холера быть-можетъ была бы заглушена въ самомъ ея зарожденіи. Сверхъ того, нужно и то имѣть въ виду что только Англичане упорно утверждаютъ будто холера сама собою появилась въ Даміеттѣ, вслѣдствіе массы гніющей въ окрестностяхъ падали и прочихъ нечистотъ, накопившихся и не прибранныхъ еще съ прошедшаго года. По общему мнѣнію, холера и на этотъ разъ занесена изъ Индіи, ея родины. Это утверждаютъ медицинскіе авторитеты на основаніи признаковъ теперешней эпидеміи, являющей всѣ симптомы заразы идущей съ береговъ Ганга. Англійскія власти въ Остъ-Индіи никогда ничего не дѣлали для борьбы съ этою страшною болѣзнью въ ея настоящей родинѣ; а изъ опасенія повредить своимъ коммерческимъ интересамъ Англія заботится лишь о томъ чтобы морское сообщеніе между Индіей и Европой не встрѣтило никакихъ преградъ. Мудрено ли что зараза занесена была прежде всего въ Даміетту, какъ одинъ изъ ближайшихъ къ Суэзскому каналу портовъ, и что сѣмя оной, упавъ здѣсь на благопріятную почву, пустило быстро корни въ пропитанную всяческими нечистотами Даміеттскую почву?

Какъ бы то ни было, но съ увеличеніемъ района заразы и при той страшной интенсивности какую эпидемія обнаружила въ Каирѣ, нельзя не опасаться что наиболѣе удобный моментъ борьбы уже пропущенъ. Строго оцѣпить *весь* Египетъ невозможно. Тѣмъ энергичнѣе должны быть мѣры къ огражденію европейскихъ портовъ отъ занесенія заразы. Простой обсерваціи „подозрительныхъ кораблей“ уже недостаточно. *Всѣ* корабли подозрительны

которые приходятъ въ Европу черезъ Суэзскій каналъ. Что корабли эти проходятъ нынѣ по каналу не останавливаясь, это не гарантируетъ ихъ отъ заразы. Поэтому считается необходимымъ примѣнить карантинныя мѣры безусловно ко всѣмъ судамъ прошедшимъ чрезъ Суэзскій каналъ.

Бо́льшая часть европейскихъ государствъ уже прибѣгла къ этой мѣрѣ. Но Англія и тутъ становится главною помѣхой къ успѣшному дѣйствію. Англія не вводитъ у себя карантина и нейдетъ ни на какое коллективное соглашеніе для совмѣстной борьбы съ эпидеміей; этого мало, въ самой Англіи приняты мѣры медицинскаго наблюденія лишь съ тою цѣлью, дабы не допускать зараженныхъ людей и товаровъ на Англійскую почву. Но корабли пристающіе къ Англійскимъ берегамъ не съ цѣлью разгрузки на мѣстѣ могутъ безпрепятственно отправляться въ порты другихъ государствъ; да и выгруженные ими товары или высаженные люди избавляются ото всякихъ стѣсненій, коль скоро эти люди и товары препровождаются изъ Англійскихъ портовъ на материкъ Европы. Отсюда ясно что какъ бы ни были строги карантинныя мѣры принятыя въ Европейскихъ портахъ противъ судовъ идущихъ съ Востока, Европа не можетъ считаться огражденною отъ заразы пока ей открытъ окольный путь чрезъ англійскіе порты.

Этотъ окольный путь извѣстенъ спекуляторамъ на материкѣ коихъ личная выгода дороже общественной безопасности, и они уже теперь пользуются имъ. Газета *Temps* сообщила на дняхъ, на основаніи свѣдѣній полученныхъ ею изъ самаго достовѣрнаго источника, о продѣлкѣ къ которой прибѣгаютъ парижскіе спекуляторы дабы обойти строгій карантинъ установленный французскими властями въ Марселѣ: товары идущіе съ Востока въ Парижъ перегружаются въ Портъ-Саидѣ и адресуются въ Лондонъ, откуда нераспакованными препровождаются въ Парижъ, минуя такимъ образомъ карантинъ.

Въ виду такого образа дѣйствій Англіи, многія европейскія газеты задаютъ вопросъ, имѣются ли какія-либо средства принудить Англію къ тому чтобъ она пожертвовала своимъ своекорыстіемъ безопасности всего цивилизованнаго міра?

Такимъ средствомъ, по мнѣнію французскихъ и нѣмецкихъ газетъ, могло бы послужить возобновленіе той „континентальной системы“ которую первый Наполеонъ хотѣлъ насильственно навязать Европѣ. Система эта тогда не удалась, ибо Наполеонъ придумалъ ее для своихъ цѣлей. Но еслибы континентальныя державы прибѣгли къ ней по добровольному и всеобщему соглашенію, въ виду крайней необходимости и ради обороны противъ страшнаго врага, эффектъ вышелъ бы иной, и Англія быть можетъ убѣдилась бы что Европа о которой такъ много говорятъ, но которую никто не видалъ, все же что-нибудь значитъ.

№ 196.

Москва, 16-го іюля.

Во многоязычной двойственной Австро-Венгріи давно уже наступили парламентскія вакаціи, парламенты Вѣнскій и Пештскій давно уже закрыты. Слѣдовало ожидать что политическія страсти во время каникулъ притихнутъ, что обострившіяся національныя распри временно прекратятся. Ожиданія эти однако не сбылись. Наступила сессія мѣстныхъ сеймовъ, и національный антагонизмъ разныхъ племенъ населяющихъ Австрію обозначился со всею рѣзкостію. Еще ранѣе закрытія Вѣнскихъ палатъ, умы были сильно возбуждены извѣстіемъ о предстоящемъ преждевременномъ закрытіи Чешскаго сейма, въ коемъ до послѣдняго времени Нѣмцы составляли большинство, хотя двѣ трети населенія Богеміи Славяне. Слухъ о распущеніи Чешскаго сейма вскорѣ подтвердился. Какъ и слѣдовало ожидать, побѣда на этотъ разъ осталась на сторонѣ чешской и консервативной партій, а централисты, располагавшіе въ бывшемъ сеймѣ чуть не большинствомъ двухъ третей голосовъ, остались въ меньшинствѣ, располагая въ настоящее время всего 70 голосами, что̀ составляетъ меньше одной трети. Брань нѣмецкихъ централистскихъ газетъ по случаю результата этихъ выборовъ превосходитъ всякое описаніе. Среди газетъ завязался ожесточенный споръ о томъ славянскій ли городъ Прага или нѣмецкій, споръ, который несомнѣнно отразится на будущей дѣятельности сейма. Впрочемъ, Чехи, или лучше сказать чешская національная партія, вмѣстѣ съ консерваторами, изъявили готовность сдѣлать Нѣмцамъ

всевозможныя уступки, лишь бы избѣжать скандаловъ и не подать повода къ распущенію или закрытію сейма. Предложенія Чеховъ встрѣчены Нѣмцами съ величайшимъ недовѣріемъ, и положеніе дѣлъ обострилось, въ особенности съ тѣхъ поръ какъ вождь старочешской партіи, г. Ригеръ, и другіе чешскіе депутаты внесли въ сеймъ предложеніе объ измѣненіи избирательнаго порядка и созданіи новаго, при коемъ большинство въ сеймѣ было бы навсегда обезпечено за Чехами, составляющими въ Богеміи большинство. Для принятія этого предложенія требуется большинство двухъ третей голосовъ, которымъ располагаютъ Чехи, но въ то же время требуется присутствіе въ засѣданіи трехъ четвертей всѣхъ членовъ, такъ что Нѣмцы, не являясь въ засѣданія, легко помѣшаютъ исполненію завѣтнаго желанія всей чешской партіи и Чешскаго народа. Не подлежитъ сомнѣнію что нѣмецкая централистская партія употребитъ всѣ усилія для сохраненія status quo, при коемъ національная борьба въ Чехіи должна принять еще болѣе обширные размѣры. До чего дошла вражда и озлобленіе, это между прочимъ наглядно доказывается тѣмъ обстоятельствомъ что еще недавно вожди централистовъ предлагали на разныхъ нѣмецкихъ митингахъ чтобы нѣмецкое населеніе имперіи обратилось къ императору Францу-Іосифу съ ходатайствомъ „уволить нынѣшнее министерство Таафе,“ ибо его политика угрожаетъ де національной самостоятельности нѣмецкаго племени. Фактъ весьма характерный, тѣмъ болѣе что на тѣхъ же митингахъ открыто провозглашалось духовное и національное единеніе австрійскихъ Нѣмцевъ съ подданными Германской имперіи.

Въ Галиціи національная борьба въ послѣднее время также обострилась. Усиленная полонизація этой области въ полномъ ходу. Почти трехмилліонное русское населеніе подвергается со стороны польской партіи насиліямъ и гоненіямъ. Послѣдніе выборы въ сеймъ, благодаря административному гнету и избирательнымъ маневрамъ, окончились весьма плачевно. Трехмилліонное русское населеніе успѣло провести въ сеймъ всего десятокъ представителей. Представители эти, конечно, не будутъ въ состояніи охранять права русскаго населенія, и предложенія ихъ всегда будутъ отвергаемы польско-клерикальнымъ большинствомъ. Это обстоятельство и побудило русскихъ патріотовъ собрать во Львовѣ вѣче для обсужденія будущаго образа дѣйствій. Несмотря на *лояльный* и вполнѣ законный образъ дѣйствій представителей Русскаго народа, польскія газеты и на этотъ разъ не замедлили обвинить ихъ въ государственной измѣнѣ. Впрочемъ, какъ бы *лояльно* ни держали себя Русскіе, ихъ законныя требованія никогда не исполняются. Недавно еще муниципальный совѣтъ города Львова отвергъ предложеніе основать во Львовѣ училище съ русскимъ преподавательнымъ языкомъ, хотя вопросъ этотъ былъ поднятъ еще пять лѣтъ тому назадъ и высшій имперскій судъ также рѣшилъ дѣло въ пользу Русскихъ. Русскій народъ въ Галиціи, сумѣвшій сохранить свою національность въ продолженіе вѣковъ, отстоитъ себя, надо надѣяться, и теперь; но ожесточенная борьба которая ведется въ Галиціи ясно показываетъ что нынѣшнее положеніе дѣлъ въ этой области далеко не утѣшительно, хотя кабинетъ Таафе и поставилъ себѣ задачей „примиреніе всѣхъ національностей населяющихъ Австрію.“

При весьма знаменательныхъ обстоятельствахъ открылся и далматскій сеймъ. Послѣ упорной избирательной борьбы побѣда осталась за хорватскою (правительственною) партіей. Православные Сербы, дѣйствовавшіе при выборахъ вмѣстѣ съ Итальянцами, такъ какъ въ союзѣ съ послѣдними они считаютъ болѣе обезпеченными свою національность и вѣру, остались въ меньшинствѣ. И что же? Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій сейма оказалось что даже правительственное хорватское большинство имѣетъ свои взгляды на нѣкоторыя вещи, взгляды діаметрально противоположные воззрѣніямъ правительства. Большинствомъ сейма было внесено предложеніе чтобы военное и гражданское управленіе не сосредоточивались въ однѣхъ рукахъ (барона Іовановича). Предложеніе это признано незаконнымъ, и изъ Вѣны пригрозили распустить сеймъ.

Ожесточенная національная борьба ведется вообще во всей Австріи гдѣ населеніе смѣшанное. Борьба эта разгарается все сильнѣе, расшатывая и безъ того расшатанный организмъ Австріи.

О прошлогоднемъ покушеніи на жизнь императора Франца-Іосифа и о дѣятельности ирредентистской партіи намъ при-

ходилось говорить не разъ. Она продолжаетъ свою агитацію съ величайшею энергіей.

„Австрійской полиціи, пишетъ *Пештскій Ллойдъ*, удалось сдѣлать весьма важный арестъ: задержано лицо виновное въ поджогѣ произведенномъ недавно въ Гросъ-Оттокѣ, во время посѣщенія этого мѣста императоромъ Францемъ-Іосифомъ. Несомнѣнно что арестованный поджигатель состоялъ въ сношеніяхъ съ ирредентистскимъ комитетомъ и прибылъ въ Австрію съ тѣмъ чтобъ исполнить какое-нибудь важное порученіе. Въ настоящее время австрійская полиція разыскиваетъ извѣстнаго ирредентиста Рогозу (соумышленника Оберданка), который пріѣзжалъ вмѣстѣ съ Оберданкомъ въ Австрію и въ послѣдствіи былъ оправданъ италіянскимъ судомъ въ Удино." Газета, выражая надежду что Рогоза не избѣжитъ на этотъ разъ висѣлицы, рѣзко нападаетъ на Италіянское правительство за то что оно позволяетъ у себя организовать комитеты дѣйствующіе противъ „дружественной" державы. Образъ дѣйствій Италіи, замѣчаетъ газета, очень похожъ на образъ дѣйствій Черногоріи, съ тою только разницей что послѣдняя не имѣетъ притязанія поступить въ число консервативныхъ государствъ Европы. Не знаемъ считается ли Австрія консервативнымъ государствомъ, но нельзя не припомнить что польскія смуты въ Россіи устраивались лицами жившими на австрійской территоріи; тамъ же организовались въ 1863 году шайки повстанцевъ.

Удивительно что австрійская печать, постоянно обращающая вниманіе на безурядицу въ Россіи и нагло утверждающая что Россійская имперія находится на краю гибели, не обращаетъ болѣе серіознаго вниманія на свои внутреннія дѣла. Это было бы гораздо полезнѣе. Не Россіи, а Австріи, толкаемой роковою силой изъ своихъ историческихъ устоевъ, грозитъ кризисъ...

№ 198.

Москва, 18-го іюля.

Прошло уже болѣе двухъ мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ какъ тотчасъ послѣ Ганойской катастрофы Французское правительство отправило въ Тонкинъ телеграмму, въ которой находилась громкая фраза о томъ что „Франція отомститъ за смерть своихъ сыновъ," а между тѣмъ ужасная смерть Анри Ривьера и его храбрыхъ товарищей до сихъ поръ еще не искуплена, и, какъ было громко сказано, „позорное пятно осквернившее французскій стягъ," чѣмъ два мѣсяца тому назадъ такъ возмущались французскіе республиканцы, до сихъ поръ еще не смыто. „Тонкинскій вопросъ," взволновавшій Французовъ, малу-по-малу утратилъ интересъ новизны, пересталъ быть жгучимъ, и не будь монархистовъ напоминающихъ отъ времени до времени республиканцамъ о томъ что „захвативъ правленіе Франціи въ свои руки они имѣютъ серіозную обязанность или высоко держать честь Франціи или, если это имъ не подъ силу, передать правленіе Франціи въ болѣе надежныя руки," докучливый Тонкинскій вопросъ можетъ-быть давно былъ бы преданъ полному забвенію. Но такъ какъ монархисты неотступно въ газетахъ и парламентѣ преслѣдуютъ своими напоминаніями республиканское правительство, Тонкинскій вопросъ поневолѣ отвлекаетъ вниманіе республиканцевъ отъ болѣе интересныхъ вопросовъ касающихся парламентскихъ интригъ, упраздненія Бога и пересмотра конституціи. При этомъ каждый разъ какъ республиканскіе министры, прижатые къ стѣнѣ какимъ-нибудь категорическимъ вопросомъ своихъ противниковъ, принуждены бываютъ дать какой-нибудь болѣе или менѣе ясный отвѣтъ, республиканская политика и вообще конституціонный режимъ выступаютъ предъ нами въ яркомъ свѣтѣ своей характеристической безтолковости.

Одинъ изъ главныхъ аргументовъ въ пользу парламентаризма, на который защитники этого образа правленія всегда указываютъ съ побѣдоносною самоувѣренностью, заключается въ томъ что въ конституціонномъ государствѣ война никогда будто бы не можетъ быть начата безъ согласія „верховнаго владыки," то-есть народа, тогда какъ „въ государствахъ не пользующихся драгоцѣнными благами конституціи народъ каждую минуту рискуетъ видѣть гибель своихъ сыновъ и уничтоженіе плодовъ своей трудовой дѣятельности въ угоду своенравнымъ фантазіямъ тирана или тупоумнымъ дипломатическимъ соображеніямъ его министровъ," какъ выражалась въ 1876 году одна изъ „либеральныхъ" турецкихъ газетъ, объяснявшая

объявленіе Россіей войны тѣмъ что она не пользуется тѣмъ европейскимъ правовымъ порядкомъ, которымъ въ то время уже обладала Турція. Но не въ одной Турціи, а даже въ просвѣщенной Европѣ и „интеллигентной“ Россіи, очень многіе преосеріозно питаютъ наивное убѣжденіе что стóитъ только обзавестись клочкомъ бумаги съ заглавіемъ *конституція* какъ война и миръ, эти столь жизненные вопросы для каждаго народа, будутъ находиться въ полномъ распоряженіи самого народа или тѣхъ „говоруновъ и голосуновъ“ (parleurs et voteurs), которые именуются *представителями народа.* Пренія происходившія 10 іюля во Французской палатѣ депутатовъ и 22 іюля во Французскомъ сенатѣ до очевидности доказали что пресловутое право народа въ дѣлѣ войны есть не что̀ иное какъ одна изъ многочисленныхъ фикцій парламентаризма.

Еще 2 іюня н. ст. графъ Сенъ-Валлье принудилъ министра иностранныхъ дѣлъ Шаллемель-Лакура объяснить сенату какой политики Французское правительство думаетъ держаться въ Тонкинскомъ вопросѣ. Министръ началъ было сперва отдѣлываться общими фразами что „политика правительства во всякомъ случаѣ будетъ достойна Франціи,“ и что „кабинетъ очень хорошо знаетъ тѣ обязанности которыя на него налагаетъ конституція;“ но когда онъ увидѣлъ что сенатъ ожидаетъ отъ него болѣе опредѣленной программы, онъ объяснилъ что прежде чѣмъ приступить къ рѣшенію Тонкинскаго вопроса нужно сперва уладить дипломатическія затрудненія возникшія съ Китаемъ, что эти затрудненія становятся въ данный моментъ предметомъ переговоровъ между представителемъ Франціи г. Трику и китайскимъ уполномоченнымъ генераломъ Ли-Хунъ-Чаномъ въ Шанхаѣ, и что эти переговоры, понятнымъ образомъ, до своего окончанія не могутъ подлежать огласкѣ. Когда же г. Шаллемель-Лакуру былъ предложенъ вопросъ, не думаетъ ли правительство, безъ разрѣшенія парламента, начать войну съ Аннамскимъ императоромъ, тогда онъ энергически протестовалъ противъ подобной, оскорбительной для правительства, инсинуаціи и заявилъ что кабинетъ хорошо знаетъ конституцію и неотъемлемое право народа располагать войной и миромъ и никакъ не позволитъ себѣ столь грубое нарушеніе основныхъ началъ парламентаризма.

Этою рѣчью приверженцы республиканскаго режима вполнѣ были удовлетворены и съ высокомѣріемъ упрекали монархистовъ въ томъ что они осмѣлились усомниться въ „правильномъ ходѣ конституціоннаго механизма Французской республики“ (la justesse du rouage constitutionnel de la République.

Между тѣмъ переговоры въ Шанхаѣ длились безо всякой надежды на успѣхъ. Китайцы не уступали ни іоты изъ своихъ верховныхъ правъ надъ Аннамомъ, а такъ какъ г. Трику не могъ также признать этихъ правъ, которыя были объявлены легкомысленнымъ Французскимъ правительствомъ, съ самаго начала столкновенія, „лишенными всякаго основанія и имѣющими развѣ только нѣкоторое историческое значеніе,“ то китайскій уполномоченный прервалъ переговоры и уѣхалъ въ началѣ іюля изъ Шанхая, предоставивъ г. Трику лично обращаться къ министрамъ богдыхана въ Пекинѣ. Въ Тонкинѣ, въ это время, продолжались стычки французскихъ войскъ съ туземцами, такъ-называемыми воинами *Чернаго Флага,* получавшими деньги и подкрѣпленія отъ Аннамскаго императора Тю-Дюка, съ которымъ Французское правительство прервало дипломатическія сношенія.

Видя что дѣла только запутываются и грозятъ принять весьма серіозный оборотъ, монархисты снова рѣшились, къ великому неудовольствію республиканцевъ, предложить правительству вопросъ о томъ, какія оно имѣетъ намѣренія относительно Тонкина. И вотъ, 10 іюля, гг. Делафоссъ и Поль де-Кассаньякъ спросили г. Шаллемель-Лакура какъ онъ думаетъ поступить съ Тонкиномъ. „Очень просто,“ отвѣчалъ министръ: „такъ какъ *Черные Флаги* теперь оказываются не разбойниками, а солдатами Аннамскаго императора, то мы возьмемъ себѣ часть Тонкина, и именно дельту Красной Рѣки. А пограничныя провинціи мы займемъ только для того чтобъ обезпечить себѣ обладаніе дельтой. Это очень легко сдѣлать, такъ какъ мы уже приняли наши мѣры для успѣшнаго дѣйствія противъ Тю-Дюка.“—Но вѣдь это война! прервалъ его г. де-Кассаньякъ.—Ну, да, конечно война, спокойно и съ наивнымъ удивленіемъ отвѣтилъ г. Шаллемель-Лакуръ. Затѣмъ послѣдовала страшная парламентская буря, въ результатѣ которой г. де-Кассаньякъ былъ удаленъ на двѣ недѣли изъ палаты.

Но старый роялистъ, герцогъ де-Броль, воспользовался невольнымъ признаніемъ, сорвавшимся съ устъ г. Шаллемель-Лакура, и объявилъ ему что намѣренъ возбудить вопросъ въ сенатѣ о томъ, какимъ образомъ Франція безъ разрѣшенія парламента ведетъ войну съ Аннамскою имперіей. Вопросъ герцога де-Броля имѣлъ однако важность не только для парламентской доктрины, но, что̀ гораздо существеннѣе, для международнаго права, которое съ величайшею точностью опредѣляетъ признаки характеризующіе военное положеніе. Изъ военнаго положенія возникаютъ извѣстныя права и обязанности не только для воюющихъ сторонъ, но и для третьихъ лицъ, то-есть для нейтральныхъ государствъ. Эти права и обязанности составляютъ цѣлую систему законовъ, правилъ и обычаевъ, которые нельзя нарушить не подвергаясь за это тяжкой отвѣтственности, суровымъ репрессаліямъ или требованіямъ болѣе или менѣе значительныхъ вознагражденій за причиненные убытки. Поэтому для Франціи въ высшей степени было важно знать находится ли она въ войнѣ съ Аннамомъ или нѣтъ.

22 іюля состоялся объявленный заранѣе запросъ герцога де-Броля. Старый дипломатъ постарался поставить вопросъ какъ можно точнѣе, дабы получить по возможности ясный и опредѣленный отвѣтъ. Г. Шаллемель-Лакуръ не затруднился въ своемъ отвѣтѣ.

Рѣчь состояла изъ двухъ частей: въ первой изъ нихъ онъ ясно доказалъ что Франція не находится въ войнѣ съ Аннамомъ, а во второй съ неменьшею ясностью доказалъ что война идетъ между Франціей и Аннамомъ. Доказательства первой части сводились къ тому что войны между Франціей и Аннамомъ нѣтъ по той простой причинѣ что ни Франція, ни Аннамъ войны не объявляли, а по международному праву не можетъ быть войны безъ предварительнаго объявленія.—Итакъ, я констатирую что войны нѣтъ, прервалъ министра г. де-Броль, благодарю васъ, я удовлетворенъ. „Но я самъ не удовлетворенъ, наивно продолжалъ г. Шаллемель, ибо если мы офиціально не воюемъ съ Аннамомъ, то, если угодно, мы воюемъ съ нимъ офиціозно; между нами нѣтъ *войны*, но совокупность фактовъ такова что мы должны себя считать съ Аннамомъ *въ состояніи войны* (état de guerre).“ А затѣмъ г. Шаллемель привелъ факты которые доказываютъ что Франція дѣйствительно воюетъ съ Аннамомъ; но, прибавилъ онъ, войны мы не объявляли и безъ разрѣшенія парламента не объявимъ. Эта по истинѣ, что̀ называется, іезуитская казуистика была покрыта рукоплесканіями республиканскаго большинства сената, тогда какъ монархисты громко протестовали.

Такимъ образомъ оказалось что война *de jure* не можетъ быть объявлена „безъ воли народа,“ но что война *de facto* можетъ быть ведена и противъ воли „верховнаго владыки.“ Но такъ какъ *фактическая* война всегда можетъ случайно принять или искусственно получить такой оборотъ что объявленіе *юридической* войны станетъ безусловною необходимостью вызванною или тяжкимъ оскорбленіемъ чести страны или грозящею ей неминуемою опасностью, то очевидно что „право народа на миръ и войну“ есть пустозвонная фраза, которою могутъ забавляться наивные почитатели конституціонныхъ доктринъ, но которая никакого значенія не имѣетъ для серіознаго, здравомыслящаго человѣка.

Увертка г. Шаллемель-Лакура возбудила конечно массу толковъ и споровъ во французской печати. Не только монархическія, даже серіозныя республиканскія газеты и газеты крайней лѣвой партіи не пощадили министра иностранныхъ дѣлъ своими порицаніями. Всѣ онѣ согласились что благодаря близорукости и непослѣдовательности Французскаго правительства, съ одной стороны, и шаткости его вслѣдствіе знаменитаго „свободнаго механизма парламентскихъ учрежденій“ (le libre jeu des institutions parlementaires) положеніе Франціи въ Тонкинскомъ вопросѣ въ высшей степени неправильно и неясно.

„Какъ бы то ни было, говоритъ республиканская газета *Parlement*, несомнѣнно то что Франція въ настоящее время ведетъ, все равно офиціальную или офиціозную, войну. Но съ кѣмъ? Съ Тю-Дюкомъ? Но вѣдь Тю-Дюкъ нашъ союзникъ; онъ находится, въ силу неотмѣненнаго до сихъ поръ договора 1874 года, подъ нашимъ покровительствомъ. Въ началѣ мая мы отправили къ нему чрезвычайнаго посла г. де-Кергарадека, который долженъ былъ обѣщать ему что мы окажемъ ему помощь противъ *Черныхъ Флаговъ*. Г. де-Кергарадекъ отправился изъ Парижа съ письмомъ г. Греви, и газеты въ то время описывали

даже подробно желтый шелковый конвертъ этого письма, который обозначалъ что Франція такъ искренно предана Аннаму что соблюдаетъ даже аннамскій этикетъ. Въ то время правительство испросило кредитъ у парламента не для того чтобы воевать съ нашимъ другомъ императоромъ Тю-Дюкомъ, но чтобы поддержать его противъ *Черныхъ Флаговъ*. И вдругъ мы узнаемъ что капитанъ Ривьеръ убитъ. Кто его убилъ? *Черные Флаги*, говорятъ намъ; а кто эти *Черные Флаги?* Да развѣ вы не знаете, отвѣчаютъ намъ, что это—иррегулярное войско, вполнѣ преданное Тю-Дюку? Это всѣ давнымъ давно знали, всѣ — кромѣ правительства. Для него это было неожиданнымъ открытіемъ. Телеграмма остановила г. де-Кергарадека въ Сайгунѣ и запретила ему передать письмо въ шелковомъ конвертѣ Тю-Дюку. Итакъ, наши отношенія съ нимъ прерваны? Преслѣдуя *Черные Флаги*, мы преслѣдуемъ его солдатъ? Что же это такое: миръ? война? Мы этого не знаемъ, никто, даже правительство этого не знаетъ." Положеніе, дѣйствительно, въ современной исторіи безпримѣрное. Газета *Parlement* прямо приписываетъ причину этого нелѣпаго положенія парламентскому доктринерству. „Отвѣтственность за подобныя дипломатическія и военныя операціи должна всецѣло падать на одно правительство. Парламентъ въ такіе вопросы вмѣшиваться не можетъ."

Не иронія ли судьбы что подобное упрощеніе парламентскаго механизма, превращающее его дѣйствіе въ совершенно пустую излишнюю формальность, предлагается въ республиканской Франціи искренне республиканскою газетой, носящею названіе *Parlement?* Вѣкъ всенароднаго взаимнаго надувательства, именуемаго парламентаризмомъ, очевидно клонится къ концу. Бывшіе искренніе поклонники этой доктрины сами теперь не могутъ отрицать ея лживости, и не имѣя еще мужества отъ нея отказаться стараются пока по возможности парализовать ее...

№ 199.

Москва, 19-го Іюля.

Г. Гладстонъ нашелъ выходъ изъ затрудненія въ которое онъ попалъ заключивъ съ г. Лессепсомъ конвенцію, которая хотя и соотвѣтствуетъ строгимъ требованіямъ права, но недостаточно выгодна для англійской торговли. Уступивъ „давленію общественнаго мнѣнія," англійскій премьеръ вынужденъ былъ въ прошедшій понедѣльникъ заявить парламенту что беретъ назадъ свое предложеніе объ утвержденіи конвенціи съ г. Лессепсомъ. Въ Англіи поговаривали о томъ что и это публичное покаяніе не спасетъ министерство, и что торіи воспользуются всеобщимъ недовольствомъ противъ г. Гладстона за его необдуманный шагъ и предложатъ парламенту вотумъ неодобренія противъ кабинета. Но газета *Times*, знавшая напередъ о рѣшеніи принятомъ министерствомъ, поспѣшила успокоить его приверженцевъ. Въ передовой статьѣ появившейся 23 іюля, то-есть утромъ того дня когда г. Гладстонъ сдѣлалъ упомянутое заявленіе въ парламентѣ, органъ Лондонскаго Города высказалъ слѣдующее: „если первый министръ возьметъ сегодня назадъ свое предложеніе касательно соглашенія съ компаніей Суэзскаго Канала, то онъ этимъ, правда, не исправитъ всего вреда причиненнаго этимъ дѣломъ, но опасность неминуемаго парламентскаго кризиса будетъ вполнѣ устранена."

Телеграфъ передалъ лишь вкратцѣ заявленіе сдѣланное г. Гладстономъ 23 іюля. Но любопытны мотивы высказанные при этомъ англійскимъ премьеромъ. Г. Гладстонъ заявилъ прежде всего что при обсужденіи этого вопроса „должно имѣть въ виду не только спеціальный интересъ торговыхъ классовъ въ дѣлѣ Суэзскаго канала, но и отношенія между Англіей и Франціей, издавна основанныя на взаимной дружбѣ." Англія никогда не предприметъ де чего-либо что могло бы ослабить эту дружбу.

Эти офиціальныя фразы никого однако не ввели въ заблужденіе. Какъ въ Англіи такъ и во Франціи очень хорошо сознаютъ что отношенія между обоими государствами далеки отъ дружелюбія. Взаимное раздраженіе то и дѣло прорывается наружу, и французскія газеты сознаются что со времени процесса Орсини, когда потворство оказанное въ Англіи сообщникамъ этого заговорщика чуть не повело къ войнѣ, отношенія между обоими государствами никогда не были такъ натянуты какъ теперь. Самое заявленіе г. Гладстона истолковывается какъ дипломатическій

пріемъ долженствующій служить прикрытіемъ для весьма щекотливыхъ и вовсе не дружелюбныхъ столкновеній, уже случившихся и предвидимыхъ въ ближайшемъ будущемъ.

Duobus litigantibus, tertius gaudet. И вотъ именно для того чтобы „третій" не имѣлъ повода заранѣе ликовать, дѣлаются всевозможныя усилія съ обѣихъ сторонъ дабы раньше времени не усилить грозящихъ затрудненій. Но пути англійской и французской политики скрестились въ послѣднее время во многихъ пунктахъ, и всѣмъ понятно что ни въ Китаѣ, ни въ Мадагаскарѣ, ни въ Египтѣ еще далеко не улажено все что можетъ повести къ открытому столкновенію, особенно если принять во вниманіе подозрительность Англіи въ дѣлѣ колоній и ея ревность ко всякой конкурренціи въ странахъ лежащихъ за чертой международнаго права.

Нельзя сомнѣваться что Англія въ этомъ отношеніи не пойдетъ ни на какія уступки и компромиссы. Но во Франціи почему-то увѣрены что обширная колоніальная политика, которою французскіе патріоты задумали съ нѣкоторыхъ поръ вознаградить свою страну за потерю ея политическаго значенія въ Европѣ, можетъ быть ведена съ успѣхомъ не сталкиваясь съ интересами Англіи. Увѣренность эта обличаетъ близорукость республиканскихъ политиковъ, довольствующихся громкими фразами и широкими предположеніями. Во Франціи не перестаютъ толковать о необходимости сохранить дружбу съ Англіей. Возлагаются большія надежды на г. Ваддингтона, назначеннаго недавно посломъ въ Лондонъ. *Journal des Débats* припоминаетъ по этому поводу что г. Ваддингтонъ положилъ основаніе „интимности" между Франціей и Англіей на Берлинскомъ конгрессѣ. Но эта интимность была де вскорѣ нарушена по волѣ неразумныхъ людей, не сумѣвшихъ оцѣнить всю цѣну тѣснаго сближенія Франціи съ Англіей. „Если сравнить," замѣчаетъ органъ французскихъ доктринеровъ, „теперешнее положеніе Франціи съ тѣмъ какое она занимала во время Берлинскаго конгресса, то нельзя не почувствовать болѣзненнаго ощущенія. Тогда мы имѣли въ Англіи могучаго союзника, съ коимъ насъ связывало нѣчто лучшее нежели писанныя конвенціи и сомнительные трактаты: насъ соединяла общность интересовъ на Средиземномъ морѣ (?) и разумное раздѣленіе труда (?) въ важнѣйшихъ пунктахъ Востока. Вотъ почему мы могли тогда предпринять ту колоніальную политику которая обѣщаетъ единственно-возможное вознагражденіе за постигшія насъ невзгоды."

Journal des Débats вполнѣ увѣренъ что охлажденіе между Франціей и Англіей наступило вслѣдствіе неумѣнія французскихъ политиковъ поддержать эту дружбу. Но эти господа не умѣютъ, или не хотятъ признать того что именно колоніальная политика Франціи должна была повести къ такому охлажденію и создать для нея ту массу новыхъ затрудненій изъ коихъ выходъ въ настоящее время представляется столь сомнительнымъ, и что при самыхъ первыхъ шагахъ по этому пути должны были возникнуть такіе пункты столкновенія съ Англіей о какихъ во время Берлинскаго конгресса никто и не помышлялъ. Лорду Биконсфильду ничего не стоило увѣрять Францію въ неизмѣнной дружбѣ Англіи, воспользовавшись для своихъ цѣлей содѣйствіемъ французскихъ дипломатовъ, которые явились на Берлинскій конгрессъ безо всякаго опредѣленнаго плана, и довольствуясь честью имѣть голосъ въ „европейскомъ ареопагѣ," въ сущности никакого самостоятельнаго голоса не подавали, а лишь пособили англійскому премьеру въ его тріумфѣ.

Преемникъ лорда Биконсфильда также не скупится на любезности по отношенію ко Франціи. Но онъ ничѣмъ не выказалъ наклонности пособить Франціи въ ея стараніи вознаградить себя за понесенное пораженіе широкими предпріятіями въ Средиземномъ морѣ и въ отдаленныхъ странахъ, а напротивъ воспользовался ея первымъ опытомъ по части колоніальной политики въ Тунисѣ чтобы вытѣснить ее изъ несравненно важнѣйшаго пункта и самому захватить Египетъ. Неужели политики *Journal des Débats* думаютъ что Англія поступила бы иначе еслибы французскіе министры отличались большею обходительностью нежели г. Шаллемель-Лакуръ и другіе дипломаты республиканскаго пошиба? Органъ французскихъ доктринеровъ самъ сознается что съ 1815 года отношенія между Франціей и Англіей никогда не были такъ натянуты. „Такая натянутость не можетъ продолжаться не подвергая опасности всеобщаго мира, мира всей вселенной, ибо обѣ державы соприкасаются во всѣхъ частяхъ свѣта, и еслибы борьба возгорѣ-

лась, то это была бы колоссальная война, которая, подобно войнѣ XVIII столѣтія, велась бы между Франціей и Англіей на всѣхъ моряхъ. Миссія г. Ваддингтона заключается въ томъ чтобы предотвратить замѣшательства которыя могутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ страшныя катастрофы."

Весьма вѣроятно что миссія г. Ваддингтона увѣнчается успѣхомъ и притомъ безъ особенныхъ затрудненій. Но несомнѣнно и то что Англія пожертвуетъ для этой цѣли только любезностями на словахъ и ни въ какомъ случаѣ не поступится въ угоду Франціи своими притязаніями на исключительное владычество на моряхъ и вообще во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ гдѣ французскимъ республиканцамъ мерещится возможность вознаградить себя за потерянное въ Европѣ значеніе.

№ 200.

Москва, 20-го іюля.

Уже близко, можно надѣяться, то время когда осуществится давно съ нетерпѣніемъ ожидаемая реформа нашего высшаго образованія, и университеты освободятся наконецъ отъ тяготѣющаго надъ ними двадцатилѣтняго кошмара научнаго безплодія и запустѣнія. Нельзя не признать что несмотря на громадныя суммы отпускаемыя казною на наши университеты, эти учебныя заведенія, титулуемыя по старой памяти „разсадниками наукъ," даютъ лишь жалкій и негодный пустоцвѣтъ, такъ какъ профессора, подъ видомъ „самоуправленія," занимаются вообще не преподаваніемъ наукъ, а интригами и рутиннымъ чтеніемъ устарѣвшихъ тетрадокъ, либо хлесткимъ и пустозвоннымъ краснобайствомъ, тогда какъ студенты круглый годъ проводятъ въ совершенной праздности, не знакомясь съ самыми элементарными условіями добросовѣстнаго научнаго труда, а предъ экзаменами просиживаютъ дни и ночи надъ безсмысленнымъ зубреніемъ нерѣдко безсмысленно литографированныхъ лекцій, содержаніе которыхъ, иногда къ счастію, улетучивается изъ ихъ головы на другой же день послѣ экзаменовъ. Такого безобразнаго университетскаго преподаванія нѣтъ нигдѣ въ мірѣ, а потому не удивительно что у насъ на дѣйствительное званіе дѣятеля науки могутъ претендовать лишь тѣ ученые которые, послѣ ничего не давшаго имъ русскаго университета, прошли серіозный научный курсъ въ университетахъ заграничныхъ, въ особенности германскихъ. Потомки наши ни за что не повѣрятъ что въ наше время находились люди считавшіе существующее въ нашихъ университетахъ безобразіе явленіемъ нормальнымъ и желательнымъ, превозносившіе университетскій уставъ породившій это безобразіе какъ драгоцѣнный палладіумъ русской науки, и намѣренно не видѣвшіе и отрицавшіе осязательный фактъ безплодія нашихъ университетовъ сравнительно съ обильною плодотворностью германскихъ. Но еще невѣроятнѣе покажется нашему потомству то явленіе что эти обскуранты или обманщики, всѣми силами слова и дѣла противившіеся введенію въ наши университеты тѣхъ испытанныхъ міровымъ опытомъ порядковъ при которыхъ только и возможно преуспѣваніе науки, выдавали себя сторонниками научнаго прогресса, „либералами," „честными патріотами," тогда какъ ихъ противники, желавшіе возвысить наше университетское образованіе до уровня современной науки чествовались кличкой „ретроградовъ" и „враговъ народнаго просвѣщенія." До такой степени у насъ перепутались, благодаря общественному обману, понятія и самыя названія предметовъ что возстановить ихъ истинное значеніе можно только путемъ серіознаго, энергическаго дѣла, никакъ не словесной аргументаціи. Пусть защитники нашей университетской косности считаются пока *друзьями* просвѣщенія, а сторонники науки его *врагами*, не въ этомъ теперь дѣло, а въ томъ чтобы скорѣе совершить великій актъ оживленія нашихъ университетовъ, а тамъ уже на самомъ дѣлѣ окажется что̀ для Россіи полезнѣе: уставъ ли 1863 года, или порядки лучшихъ университетовъ Европы.

Въ ожиданіи окончательнаго обсужденія новаго университетскаго устава въ Государственномъ Совѣтѣ, наши газеты уже начали разсматривать тѣ вѣроятные результаты которыми мы будемъ обязаны новому уставу. Такъ, напримѣръ, появилась прекрасная и дѣльная статья въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 175) подъ заглавіемъ: *Чего, между прочимъ, можно ожидать отъ введенія новаго университетскаго устава?* Авторъ этой статьи,

Л. А. Георгіевскій, молодой ученый, кончившій гимназическій курсъ въ Лицеѣ Цесаревича Николая, посѣщавшій послѣ того нѣкоторое время Петербургскій университетъ и прошедшій затѣмъ полный курсъ классической филологіи въ учрежденной при Лейпцигскомъ университетѣ русской семинаріи. Выдержавъ въ прошломъ году всѣ установленные экзамены, г. Георгіевскій издалъ блестящую диссертацію *Надгробная рѣчь Гиперида*, поставившую его сразу на почетное мѣсто среди русскихъ филологовъ, и поступилъ преподавателемъ древнихъ языковъ въ старшіе классы I и VI петербургскихъ гимназій, гдѣ, какъ оказывается, уже успѣлъ обнаружить прекрасныя педагогическія дарованія *). Г. Георгіевскій знаетъ, слѣдовательно, близко, по собственному опыту, какъ русскіе такъ и нѣмецкіе университеты, а потому его отзывы о преимуществахъ германскихъ университетовъ имѣютъ интересъ, и мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи познакомить нашихъ читателей съ главными чертами его характеристики германскихъ университетовъ.

Г. Георгіевскій придаетъ, какъ и слѣдовало ожидать, особенное значеніе отношеніямъ между студентами и профессорами, и надѣется что со введеніемъ новаго устава отношенія эти установятся у насъ въ духѣ нѣмецкихъ университетовъ. „Молодежь,“ говоритъ онъ,

„всегда одна и та же, или приблизительно одна и та же, и такъ же легко можетъ поддаваться хорошему вліянію какъ и дурному. Но чтобы вліяніе это было дѣйствительно благотворно и прочно, необходимо прежде всего чтобъ оно имѣло нравственную подкладку, а ея-то у насъ и нѣтъ, такъ какъ злополучный уставъ 1863 года, дѣлая профессоровъ и законодателями, и администраторами, и судьями, и раздавателями стипендій и другихъ льготъ, ставя отъ нихъ въ зависимость распредѣленіе занятій, ходъ и порядокъ экзаменовъ, дѣлая изъ нихъ рѣшателей судьбы студентовъ на экзаменахъ, — однимъ этимъ создалъ небывалыя и невозможныя отношенія между профессорами и студентами, при которыхъ о нравственномъ вліяніи не можетъ быть и рѣчи. Профессоръ долженъ быть учителемъ, руководителемъ и другомъ университетской молодежи, и только. При этомъ только и мыслима та внутренняя связь между преподавателями и учащимися, безъ которой ни доброе ихъ вліяніе на слушателей, ни самые успѣхи студентовъ невозможны. И таковыми, дѣйствительно, являются нѣмецкіе профессора относительно студентовъ.“

Затѣмъ г. Георгіевскій перечисляетъ тѣ обстоятельства которыя, на основаніи заведенныхъ въ нѣмецкихъ университетахъ порядковъ, такъ тѣсно соединяютъ профессоровъ и студентовъ:

„Первымъ и главнымъ связующимъ звеномъ между профессорами и студентами служатъ, конечно, лекціи, и на нихъ прежде всего и болѣе всего профессора зарекомендовываютъ себя, пріобрѣтаютъ себѣ слушателей и вліяютъ на нихъ, но не какими-либо посторонними трактатами, а строгимъ и серіознымъ преподаваніемъ своего предмета, безукоризненнымъ отношеніемъ къ своему дѣлу и любовью къ наукѣ. При этомъ очень важно чтобы студентъ не былъ обязанъ слушать такого-то и такого-то профессора, иначе связь эта значительно ослабнетъ, а чтобъ онъ могъ выбирать себѣ самъ изъ опредѣленнаго по каждому факультету круга лекцій тѣ которыя хочетъ слушать, какъ это и дѣлается въ Германіи и какъ это было проектировано для Россіи. Вслѣдствіе такой свободы слушанія лекцій, не только профессора стараются читать свой предметъ какъ можно лучше, дабы имѣть возможно большее число слушателей, изъ которыхъ каждый уплачиваетъ имъ гонораръ, но и студенты сами слушаютъ охотнѣе выбранныхъ ими профессоровъ и болѣе склонны подчиняться ихъ авторитету и вліянію. Свобода слушанія лекцій имѣетъ еще и ту хорошую сторону что она непрерывно связана съ свободою преподаванія, заключающеюся въ томъ что всякій, удовлетворяющій извѣстнымъ требованіямъ (кстати сказать, довольно строгимъ, какъ въ научномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи), можетъ сдѣлаться приватъ-доцентомъ при университетѣ и составить такимъ образомъ весьма опасную конкурренцію для профессора, что и заставляетъ послѣдняго заботиться объ усовершенствованіи своихъ лекцій; и можно навѣрное сказать что ни въ одномъ изъ нѣмецкихъ университетовъ невозможно ничто подобное что было, напримѣръ, еще не такъ давно, въ Москвѣ, гдѣ одинъ

*) См. отзывъ о его педагогической дѣятельности въ *St.-Petersburger Herold* (№ 188).

профессоръ чуть не двадцать лѣтъ читалъ лекціи все по однѣмъ и тѣмъ же запискамъ, безо всякаго измѣненія.“

Но однихъ лекцій было бы слишкомъ мало для того чтобъ установить тѣсную связь между профессорами и студентами. Въ Германіи само правительство озаботилось чтобы профессора хорошо были знакомы со своими слушателями и могли бы ближайшимъ образомъ руководить ими:

„Съ этою цѣлью правительствомъ учреждены семинаріи, а кое-гдѣ и просеминаріи. Семинаріи эти существуютъ во всѣхъ университетахъ, а въ настоящее время почти вездѣ и на всѣхъ факультетахъ. Завѣдываніе ими поручается по принадлежности одному изъ лучшихъ профессоровъ, а иногда и нѣсколькимъ, отъ которыхъ зависитъ и пріемъ въ нихъ. Условіемъ пріема бываетъ обыкновенно пробная письменная работа, такъ что въ семинаріи попадаютъ только лучшіе студенты. Внѣшнихъ выгодъ пребываніе въ семинаріи не имѣетъ почти никакихъ, такъ какъ членамъ ея выдается въ видѣ награды (и то не вездѣ) что-то около 100 марокъ (50 руб. приблизительно) въ полугодіе, но за то пребываніе въ ней имѣетъ весьма важное значеніе при опредѣленіи на должность, что само собою понятно если принять во вниманіе что и принимаются въ семинаріи способнѣйшіе молодые люди, и за бытность свою въ ней они значительно больше прочихъ студентовъ работаютъ для своего образованія. Понятно поэтому что всякій студентъ домогается пріема въ нее, имѣя, впрочемъ, въ виду главнѣйшимъ образомъ ту пользу которую онъ можетъ извлечь изъ пребыванія въ ней для своего научнаго образованія, и справедливо считая семинарскія занятія необходимымъ дополненіемъ университетскихъ занятій, такъ какъ будучи на лекціяхъ пассивнымъ слушателемъ, лишь воспринимающимъ передаваемый ему матеріалъ, перерабатывая его затѣмъ дома и уже относясь къ нему критически, вполнѣ активнымъ лицомъ онъ является только въ семинаріи, гдѣ самъ выступаетъ съ болѣе или менѣе самостоятельною работой. Работы эти бываютъ самаго разнообразнаго содержанія, касаясь, напримѣръ, въ филологическихъ семинаріяхъ, и древностей, и историко-литературныхъ вопросовъ, и толкованія и критики текста авторовъ. Профессоръ является на этихъ занятіяхъ только руководителемъ и предоставляютъ какъ можно болѣе свободы самимъ студентамъ, изъ которыхъ главная роль принадлежитъ референту и его обязательному оппоненту. Дѣло, вслѣдствіе этого, много выигрываетъ въ живости и увлекаетъ остальныхъ студентовъ, готовящихся обыкновенно по данному вопросу и принимающихъ дѣятельное участіе въ дебатахъ.“

Но такъ какъ вслѣдствіе ограниченнаго сравнительно числа правительственныхъ семинарій и небольшаго числа принимаемыхъ въ эти семинаріи студентовъ большинство ихъ не могло бы пользоваться ближайшимъ руководствомъ своихъ университетскихъ наставниковъ, почти каждый изъ профессоровъ и приватъ-доцентовъ учреждаетъ такъ-называемыя ученыя общества, дающія возможность всякому студенту, желающему серіозно работать, примкнуть къ тому или другому профессору, чтобы пользоваться его совѣтами и указаніями. „Общества эти, говоритъ г. Георгіевскій,

„въ сущности дѣла, очень мало отличаются отъ семинарій и служатъ какъ бы ихъ расширеніемъ. Разница состоитъ прежде всего въ томъ что семинаріи учреждаются отъ правительства, вслѣдствіе чего профессора руководящіе ими получаютъ за это вознагражденіе, тогда какъ ученыя общества учреждаются самими профессорами безвозмездно; равнымъ образомъ, и студенты, получающіе въ семинаріи хотя и небольшую сумму, въ ученомъ обществѣ, конечно, ничего не получаютъ, но и за посѣщеніе общества, такъ же какъ и въ семинаріи, ничего не платятъ. Далѣе, пріемъ въ ученое общество не обусловленъ никакою письменною работой, но эта разница, въ сущности, почти не существуетъ, такъ какъ если можно быть принятымъ безъ работы, то нельзя оставаться ничего не написавъ въ теченіе перваго же семестра.

„Существенная разница между семинаріями и учеными обществами заключается сверхъ того въ томъ что въ семинаріяхъ занятія гораздо разнообразнѣе, тогда какъ въ ученыхъ обществахъ они гораздо спеціальнѣе, смотря по тому какой профессоръ ими руководитъ. Это имѣетъ ту хорошую сторону что студенты, вслѣдствіе этого, мѣняютъ общества, и такимъ образомъ профессора знакомятся съ большимъ количествомъ студентовъ, а студен-

ты, занимаясь каждый разъ подъ руководствомъ спеціалистовъ, имѣютъ возможность расширять и пополнять свои познанія. Что касается, наконецъ, времени занятій, то какъ въ семинаріяхъ, такъ и въ ученыхъ обществахъ они бываютъ обыкновенно разъ въ недѣлю, продолжаясь два часа, и происходятъ въ самомъ университетѣ.

„Такимъ образомъ, благодаря семинаріямъ, просеминаріямъ и ученымъ обществамъ, въ началѣ каждаго семестра студенты сами собою, по своему добровольному выбору и по своей склонности къ той или другой отрасли науки, группируются около одного какого-нибудь профессора (иногда и больше, потому что желающимъ разрѣшается быть членами и двухъ ученыхъ обществъ) и смотрятъ на этого профессора какъ на своего естественнаго руководителя и помощника, къ которому и обращаются, по преимуществу, во всѣхъ своихъ затрудненіяхъ и сомнѣніяхъ."

Но этимъ отношенія между профессорами и студентами въ Германіи не исчерпываются:

„Всякій профессоръ имѣетъ опредѣленный часъ, по возможности, ежедневно, и во всякомъ случаѣ не менѣе 4 разъ въ недѣлю, когда всякій студентъ навѣрное можетъ застать его дома и переговорить обо всемъ что̀ ему нужно (такъ-называемомъ Sprechstunde). Правомъ этимъ студенты пользуются очень широко, но отнюдь не злоупотребляютъ имъ. Поэтому, студентъ приходитъ къ профессору только по дѣлу, или чтобы выразить ему желаніе поступить въ семинарію, причемъ представляетъ свою работу, или въ его ученое общество, причемъ профессоръ задаетъ ему разные вопросы чтобъ удостовѣриться, насколько онъ способенъ принимать участіе въ занятіяхъ общества, или чтобы посовѣтоваться съ нимъ относительно какихъ-нибудь трудностей по предмету его спеціальности, или чтобы посовѣтоваться въ случаѣ сомнѣнія какія книги онъ считаетъ наилучшими по той или другой отрасли науки, и т. д., и т. д.; и профессора всегда съ величайшею готовностью, хотя бы никогда прежде невидали пришедшаго къ нимъ студента, дѣлаютъ всѣ нужныя указанія и даютъ совѣты.

„Чтобъ имѣть, наконецъ, возможность вліять на студентовъ, такъ-сказать, болѣе душевнымъ образомъ, профессора собираютъ у себя, время отъ времени, студентовъ, преимущественно тѣхъ которыхъ они знаютъ по семинаріямъ или по обществамъ, причемъ главнѣйшимъ образомъ имѣютъ въ виду тѣхъ у кого нѣтъ родныхъ въ томъ городѣ гдѣ университетъ. Для этого они приглашаютъ, обыкновенно, къ обѣду цѣлую компанію студентовъ, которые и засиживаются до самаго вечера (при раннемъ обѣдѣ въ часъ или два) въ бесѣдахъ посвященныхъ преимущественно наукѣ. Тутъ толкуется и о новыхъ открытіяхъ въ какой-нибудь области науки, и о вновь вышедшихъ книгахъ, диссертаціяхъ, программахъ и т. п., объ ихъ достоинствахъ и недостаткахъ; сплошь да рядомъ профессоръ совѣтуетъ студентамъ, имѣющимъ въ виду писать какую-нибудь работу, заняться тѣмъ-то и тѣмъ-то чтобъ опровергнуть какую-нибудь недавно появившуюся книгу, съ результатами которой онъ не согласенъ, и т. д., до безконечности. И часто, когда намъ случалось быть въ числѣ приглашенныхъ, приходило въ голову, когда наконецъ и у насъ въ Россіи профессора сдѣлаются для студентовъ тѣмъ чѣмъ мы видѣли нѣмецкихъ профессоровъ. Это маленькое собраніе студентовъ въ домѣ профессора, въ его семьѣ, такъ всегда напоминало хорошую семейную картину что невольно грустно становилось при воспоминаніяхъ о томъ что̀ и сами мы видѣли въ русскихъ университетахъ, и отъ другихъ слышали."

Подобныя близкія добрыя отношенія между профессорами и студентами установятся, безъ сомнѣнія, и у насъ, какъ скоро профессора будутъ дѣйствительно учителями, руководителями и друзьями юношества, когда студенты перестанутъ смотрѣть на нихъ какъ на враговъ-экзаминаторовъ, которыхъ можно въ теченіе года и въ глаза не знать, лишь бы къ экзамену вызубрить положенное число литографированныхъ листковъ.

Статья г. Георгіевскаго была встрѣчена очень сочувственно нѣмецкою петербургскою газетой *St.-Petersburger Herold* (№ 188), которая подтвердила что характеристика отношеній существующихъ между германскими профессорами и студентами сдѣлана г. Георгіевскимъ совершенно вѣрно, и высказала желаніе чтобы порядки германскихъ университетовъ вытѣснили собою безобразіе въ русскихъ. Чего

бы казалось лучше? Но авторъ нѣмецкой статьи, знакомый съ русскою жизнью, какъ видно, не изъ своихъ наблюденій, а изъ петербургскихъ „передовыхъ“ газетъ, высказываетъ сомнѣніе чтобы новый уставъ принесъ у насъ желанные плоды пока у насъ будетъ господствовать „всеразлагающій *бюрократизмъ*, неограниченно парящій и въ университетахъ.“

Слово *бюрократія* сдѣлалось съ нѣкоторыхъ поръ моднымъ словомъ у нашихъ „интеллигентовъ“ и можетъ служить хорошимъ примѣромъ того какъ часто эти господа, безо всякаго смысла, кстати и некстати, повторяютъ извѣстныя слова, не вникая въ ихъ значеніе. *Бюрократизмъ* противополагается ими обыкновенно пресловутому „правовому порядку,“ и *бюрократизму* приписываются всѣ существующіе и несуществующіе недуги Россіи. Но бюрократизмомъ называется система правленія основанная на строгой централизаціи всѣхъ частей управленія и на крѣпкой дисциплинѣ чиновничьей іерархіи. Безотвѣтное подчиненіе высшему начальству и строжайшая требовательность по отношенію къ подчиненнымъ, вотъ характеристическія черты бюрократизма, который нигдѣ не имѣлъ и до сихъ поръ не имѣетъ столь широкаго развитія какъ во Франціи, который силенъ и въ Пруссіи, но котораго только нѣтъ кажется въ Россіи. У насъ, напротивъ, дисциплина не въ чести, и преступная распущенность въ чиновномъ мірѣ слыветъ „либерализмомъ“ и „гуманностью“. Не отъ того дѣла у насъ плохо идутъ что чиновники строго исполняютъ возложенныя на нихъ обязанности, повинуясь во всемъ центральной власти, а потому что дѣйствуютъ какъ кому вздумается и какъ кому выгодно. Примѣръ подается на верхнихъ ступеняхъ іерархической лѣстницы.

Мы страдаемъ не отъ бюрократизма чиновниковъ, а напротивъ отъ небрежнаго отношенія ихъ къ своимъ обязанностямъ, скрывающагося за рутиннымъ формализмомъ и канцеляризмомъ, которые не одно и то же съ правительственнымъ бюрократизмомъ. И нигдѣ этотъ формализмъ, служащій личиною для апатіи, лѣни или же для своекорыстія, не процвѣтаетъ какъ въ такъ-называемыхъ „свободныхъ учрежденіяхъ,“ въ городскихъ и земскихъ управахъ и въ самихъ судахъ различныхъ инстанцій. Этотъ формализмъ проникъ и въ то „свободное учрежденіе“ которое охраняется уставомъ 1863 года. Профессора и студенты относятся совершенно безпечно и, какъ говорится, халатно къ своимъ обязанностямъ; для соблюденія формы читаются лекціи, для формы нѣсколько студентовъ чередуются въ слушаніи лекцій въ пустыхъ аудиторіяхъ, для формы они пишутъ разныя ничтожныя компиляціи именуемыя громкимъ именемъ „сочиненій“; для формы наконецъ они выучиваютъ наизусть къ экзаменамъ цѣлую массу quasi-научной белиберды.

Авторъ статьи въ *St.-Petersburger Herold* предсказываетъ что новый уставъ не произведетъ замѣтнаго измѣненія въ университетской жизни потому что теперешнее поколѣніе профессоровъ не только заражено „бюрократизмомъ,“ а еще потому что наши профессора, сверхъ того, дорожатъ орденами и высокими чинами.

На это г. Георгіевскій весьма основательно возражаетъ въ № 187 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* что въ Германіи профессорское званіе стоитъ очень высоко, а чинами и орденами дорожатъ тамъ еще болѣе чѣмъ у насъ; тамъ можно встрѣтить въ профессорской средѣ не только тайныхъ, но и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ, и рѣдкій изъ нихъ не имѣетъ орденовъ, а нѣкоторые буквально увѣшаны ими: и однако студентъ смѣло идетъ къ профессору, не взирая на его высокій чинъ и ордена, и встрѣчаетъ все тотъ же радушный пріемъ. А потому, со введеніемъ новаго устава, нечего опасаться что чины и ордена нашихъ профессоровъ станутъ помѣхой къ ихъ сближенію со студентами. Правда, отъ одного введенія новаго устава наши университеты не поднимутся въ одинъ мигъ въ уровень университетовъ германскихъ, но за то прекратятся многія изъ существующихъ нынѣ безобразій. Если студентъ будетъ знать что ему при окончаніи университетскаго курса придется сдавать серіозный государственный экзаменъ, не по литографированнымъ лекціямъ, а по заранѣе составленной общенаучной программѣ, и если ему будетъ дана свобода слушать только тѣхъ профессоровъ и приватъ-доцентовъ которые ему будутъ сообщать на своихъ лекціяхъ дѣйствительно полезныя и дѣльныя научныя свѣдѣнія которыхъ потребуетъ отъ него государство, то кто же заставитъ его слушать негодныя лекціи,

которыя такимъ образомъ должны будутъ или прекратиться, или превратиться въ дѣльныя и соотвѣтствующія уровню современной науки? Если студентъ будетъ знать что отъ него потребуется на экзаменѣ близкое непосредственное знакомство съ избранною имъ научною специальностію, то онъ уже ни за что не станетъ тратить время на компиляціи, а обратится къ серіозному изученію самихъ источниковъ науки. При новомъ уставѣ, слѣдовательно, исчезнутъ профессора блестящіе или своимъ отсутствіемъ на каѳедрѣ, или пошлою, ничего съ наукою не имѣющею общаго болтовнею. Невозможны будутъ профессора десятки лѣтъ читающіе по засаленной тетрадкѣ все одинъ и тотъ же давно отлитографированный курсъ. Немыслимы будутъ также и тѣ профессора новѣйшей формаціи которые, дабы избѣгнуть упрека въ томъ что заставляютъ студентовъ заучивать на память ихъ лекціи, освобождаютъ своихъ слушателей отъ этой работы, а за это на экзаменѣ заставляютъ ихъ прочитывать коротенькіе, на живую нитку сшитые отрывки изъ трехъ, четырехъ книжекъ, подъ видомъ „спеціальныхъ сочиненій...“

Не есть ли это систематически организованный научный *развратъ*, пріучающій студентовъ къ фальшивой работѣ? И этому разврату, какъ и многимъ другимъ, *сразу* положитъ конецъ новый уставъ. Дай только Богъ чтобъ онъ опять не застрялъ какъ случилось въ минувшую законодательную сессію...

№ 201.

Москва, 21-го іюля.

Вожаки партіи торіевъ не сумѣли воспользоваться промахомъ г. Гладстона въ дѣлѣ соглашенія о Суэзскомъ каналѣ, и возымѣвъ мысль нанести кабинету хотя косвенный ударъ, сами понесли пораженіе которое, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, послужитъ къ укрѣпленію пошатнувшагося было положенія г. Гладстона.

Телеграфъ сообщаетъ изъ Лондона что при голосованіи предложенія сэръ-Стаффорда Норткота 29 (17) іюля палата общинъ отвергла это предложеніе 282 голосами противъ 183 и приняла поправку Норвуда безъ голосованія.

Въ чемъ же заключалось предложеніе вожака оппозиціи въ Нижней Палатѣ? На первыхъ порахъ, когда г. Гладстонъ навлекъ на себя всеобщій ропотъ вслѣдствіе его публичнаго признанія за г. Лессепсомъ исключительнаго права на прорытіе Суэзскаго перешейка и въ этомъ смыслѣ заключилъ съ нимъ предварительную конвенцію о прорытіи втораго канала, торійская партія видимо пріободрилась и готовилась дать правительству „генеральное сраженіе“ по всѣмъ правиламъ парламентской стратегіи и тактики. Будучи увѣрены что предварительная конвенція будетъ отвергнута парламентомъ, торіи разчитывали что г. Гладстонъ вынужденъ будетъ выйти въ отставку, такъ какъ ему не было никакого разчета распустить парламентъ, ибо новые выборы еще болѣе ослабили бы либеральную партію при всеобщемъ недовольствѣ страны противъ послѣднихъ дѣйствій министерства. Но г. Гладстонъ не менѣе своихъ противниковъ набилъ руку въ томъ особенномъ искусствѣ которое именуется (и не даромъ) „войной“ партій и которое доктринеры считаютъ идеаломъ внутренняго государственнаго устройства въ мирное время. Какъ во всякой войнѣ, тутъ все приносится въ жертву главной цѣли борьбы — побѣдѣ надъ противникомъ. И г. Гладстонъ пожертвовалъ своимъ, открыто высказаннымъ, убѣжденіемъ что соглашеніе съ г. Лессепсомъ есть наиболѣе выгодное для государства разрѣшеніе той дилеммы которая возникла когда обнаружилось что существующій Суэзскій каналъ не удовлетворяетъ болѣе потребностямъ судоходства. Онъ поспѣшилъ отречься отъ этого соглашенія и тѣмъ сбилъ своихъ противниковъ съ ихъ главной позиціи. Имъ приходилось или вовсе отступить, выжидая новаго случая въ будущемъ, или же попытаться на фланговое движеніе, такъ какъ фронтальная атака оказалась невозможною въ виду того что за отказомъ г. Гладстона отъ своего предложенія оно не подлежало голосованію.

Г. Норткотъ имѣлъ сначала въ виду предложить прямой вотумъ недовѣрія правительству за то что оно своимъ признаніемъ монопольныхъ правъ компаніи Суэзскаго канала дало ей оружіе въ руки, коимъ она всегда будетъ пользоваться въ ущербъ Англіи. Такое предложеніе было бы тоже своего рода атакой съ фронта. Но на это у торіевъ не достало смѣлости. И

вотъ г. Норткотъ придумалъ иной способъ. Предложеніе его заключалось въ томъ чтобы парламентъ принялъ адресъ королевѣ, въ коемъ выразить просьбу чтобы „при какихъ бы то ни было переговорахъ съ компаніей Суэзскаго канала было отклонено какое бы то ни было ея притязаніе на такую монополію, которая исключала бы конкурренцію всякаго инаго предпріятія направленнаго къ созданію воднаго сообщенія между Средиземнымъ и Краснымъ морями."

Поправка г. Норвуда къ предложенію г. Норткота заключалась въ томъ чтобы палата общинъ заявила что „она желаетъ сохранить за собой полную свободу сужденія о всѣхъ предметахъ имѣющихъ связь съ воднымъ сообщеніемъ между Средиземнымъ и Краснымъ морями." Г. Гладстонъ поспѣшилъ принять поправку г. Норвуда, и пренія по этому поводу были назначены на 29 іюля. Полагали что сэръ-Стаффордъ Норткотъ сочтетъ за лучшее въ свою очередь отречься отъ своего предложенія, такъ какъ нельзя было разчитывать чтобъ это предложеніе нашло поддержку со стороны тѣхъ виговъ кои готовы были вотировать противъ кабинета еслибы рѣчь шла прямо объ утвержденіи конвенціи съ г. Лессепсомъ; къ тому же г. Гладстонъ, при самомъ возвѣщеніи о предложеніи г. Норткота, возразилъ противъ онаго что оно совершенно бездѣльно, ибо правительство и не думало признавать за г. Лессепсомъ и его компаніей монополію на какое бы то ни было соединеніе между Средиземнымъ и Краснымъ морями. Рѣчь шла лишь, по словамъ г. Гладстона, о прорытіи втораго канала по самому Суэзскому перешейку; но никто не утверждаетъ де что компанія г. Лессепса имѣетъ право оспаривать, опираясь на свою концессію, прорытіе канала по египетской территоріи внѣ перешейка, или напримѣръ чрезъ Сирію къ Красному морю.

Принявъ поправку г. Норвуда; англійскій парламентъ не только вновь укрѣпилъ положеніе г. Гладстона, но оставилъ открытымъ и вопросъ о соглашеніи съ г. Лессепсомъ. Судя по тому что послѣдній, въ открытомъ письмѣ на имя г. Гладстона и въ разговорахъ съ корреспондентами разныхъ англійскихъ газетъ, высказываетъ что онъ доволенъ тѣмъ оборотомъ который приняло дѣло, слѣдуетъ думать что г. Гладстонъ вовсе не отказался окончательно отъ своего предложенія расширить водный путь изъ Средиземнаго моря въ Индійскій Океанъ при содѣйствіи г. Лессепса.

И въ самомъ дѣлѣ, есть ли поводъ Англійскому правительству особенно пугаться „монополіи" г. Лессепса? Съ финансовой точки зрѣнія не можетъ подлежать никакому сомнѣнію что прорытіе втораго канала обошлось бы несравненно дешевле и окончилось бы гораздо скорѣе еслибъ это дѣло было отдано въ опытныя руки г. Лессепса, который, помимо всего, уже имѣетъ въ своемъ распоряженіи всѣ необходимыя для работы приспособленія. Что же касается притязаній французской компаніи на монополію, то онѣ могли бы быть тягостны для Англіи лишь въ томъ случаѣ еслибы права компаніи имѣли политическій, а не частный характеръ. Но компанія г. Лессепса лишь настолько французская насколько большинство ея акціонеровъ Французы. Если Англія пріобрѣтетъ большее число акцій, то и вся администрація обоихъ каналовъ перейдетъ въ англійскія руки. А еслибы Французское правительство вздумало предъявить притязанія политическаго свойства на каналъ, то противъ этого Англія владѣетъ аргументомъ который въ области политики всегда есть *ultima ratio;* она, а не кто другой, фактически владѣетъ Египтомъ. Стало-быть Англія же будетъ господствовать и на водныхъ путяхъ проложенныхъ чрезъ Суэзскій перешеекъ.

Рано или поздно г. Лессепсъ долженъ признать непреоборимую силу положенія вещей, а потому Англійское правительство заранѣе увѣрено что онъ согласится и на тѣ уступки которыя настойчиво требуютъ англійскіе судохозяева, добивающіеся прежде всего пониженія платы взимаемой съ кораблей проходящихъ по каналу.

Англичане указываютъ впрочемъ не на одну только чрезмѣрно-высокую плату. Въ разгарѣ газетной полемики противъ „монополіи" г. Лессепса въ англійскихъ газетахъ появился цѣлый рядъ жалобъ противъ теперешней администраціи Суэзскаго канала. Указывалось на то что суда проходящія чрезъ каналъ отданы на полный произволъ компаніи; взимаются громадные штрафы за „поврежденія" причиняемыя каналу судами, тогда какъ въ этомъ виновны лоцмана поставляемые самою администраціей канала, а лоцмана эти

большею частью крайне невѣжественны. Жалобы на дѣйствія мѣстныхъ распорядителей приносятся правленію, которое находится въ Каирѣ, а корабль спѣшащій по своему назначенію никогда не имѣетъ времени выждать окончанія разбирательства. Вообще придирчивость агентовъ компаніи къ проходящимъ кораблямъ достигаетъ де иногда чудовищныхъ размѣровъ, и поборы громадны.

Нѣтъ сомнѣнія что англійскіе судохозяева рано или поздно добьются всяческихъ объясненій, когда администрація канала, теперешняго и будущаго, такъ или иначе, перейдетъ въ англійскія руки. Но легче ли будетъ тогда не англійскимъ судамъ? Выиграютъ ли что-нибудь корабли прочихъ націй, въ томъ случаѣ если французская монополія уступитъ мѣсто англійской?

Вотъ вопросъ надъ которымъ должна призадуматься европейская дипломатія и вспомнить что сообщеніе между Средиземнымъ моремъ и Индійскимъ Океаномъ не можетъ быть ничьею монополіей, и что быть-можетъ и другимъ державамъ пора возвысить свой голосъ по вопросу о Суэзскомъ каналѣ и вообще объ Египтѣ, а въ противномъ случаѣ Англія въ скоромъ времени вовсе упразднитъ этотъ вопросъ.

№ 203.

Москва, 23-го іюля.

А.

Въ газетѣ *Видело*, органѣ нынѣшняго сербскаго министерства, на дняхъ появилась замѣтка имѣющая повидимому цѣлью доказать что въ Москвѣ есть какая-то сербская юрисдикція. Недѣли двѣ тому назадъ, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, вкратцѣ излагалась исторія о безчинномъ поступкѣ настоятеля здѣшняго Сербскаго подворья. Онъ обращался дважды къ митрополиту Московскому съ вопросомъ поминать ли ему во время богослуженія новопоставленнаго митрополита Сербскаго, Өеодосія Мраовича, и оба раза получилъ отрицательный отвѣтъ. Игуменъ Өеофилъ сперва намѣревался покориться этому обязательному для него рѣшенію, но по настоянію сербскаго посланника Хорватовича, сталъ поминать своего митрополита, а спустя нѣсколько времени позволилъ себѣ напечатать въ органѣ Сербскаго кабинета сообщеніе въ коемъ похваляется своимъ неповиновеніемъ и вмѣняетъ его въ заслугу себѣ. При этомъ газета *Видело* задалась странною мыслью доказать что московская епархіальная власть не имѣла права вступаться въ дѣла Московскаго отдѣленія „независимой Сербской церкви.“ „У Русскихъ, такъ мудрствуетъ сербская офиціозная газета, есть не мало храмовъ внѣ предѣловъ Россіи, которые находятся подъ вѣдѣніемъ ея церкви. Что бы сказали они еслибъ иностранныя правительства вдругъ запретили русскимъ священникамъ за границей поминать то духовное русское начальство которое признается Русскимъ Царемъ, Русскимъ духовенствомъ, Русскимъ правительствомъ?... Мы (то-есть Сербское правительство) находимся въ такомъ же положеніи.“ Сербская церковь пользуется де полною независимостью, и Русскіе должны де *прежде другихъ къ этому привыкнуть* и съ этимъ примириться. Газета доказываетъ что никто не имѣетъ права настаивать чтобы въ Сербскомъ подворьѣ въ Москвѣ не дѣлалось того же что̀ и во всѣхъ другихъ сербскихъ церквахъ... „Дѣйствія Сербской церкви, восклицаетъ бѣлградскій публицистъ, не требуютъ одобренія со стороны Россіи. Мы сумѣемъ сохранить свою церковную и государственную независимость во всей ея неприкосновенности!“

Такого страннаго непониманія или, лучше сказать, нежеланія понять настоящее положеніе Сербскаго подворья нельзя было ожидать въ органѣ, однимъ изъ главныхъ заправилъ коего состоитъ возбудитель пресловутой „культурной борьбы“ въ Сербіи, министръ народнаго просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ, Стоянъ Новаковичъ. Сравнивать положеніе Сербскаго подворья въ Москвѣ съ положеніемъ посольскихъ *экстерриторіальныхъ* церквей по истинѣ наивно. Неужели въ Бѣлградѣ не знаютъ что церковь при Сербскомъ подворьѣ есть чисто-русская церковь и находится въ полномъ вѣдѣніи Московскаго митрополита? Посольской, экстерриторіальной Сербской церкви въ Москвѣ нѣтъ и никогда не было. Есть одна изъ московскихъ церквей въ коей разрѣшено служить сербскимъ духовнымъ лицамъ вмѣстѣ съ русскими. Въ такой церкви трудно было допустить поминаніе, въ качествѣ святителя, лица русскимъ духовнымъ властямъ совершенно

неизвѣстнаго, особенно при слухахъ о безпорядкахъ въ Сербской церкви, о фактическомъ перерывѣ ея существованія вслѣдствіе удаленія *всѣхъ безъ исключенія* епископовъ, и о состоявшемся затѣмъ нареченіи новаго митрополита какимъ-то сборищемъ, коего каноническая правильность, по малой мѣрѣ, сомнительна. Могъ ли при такихъ обстоятельствахъ митрополитъ Московскій, до разъясненія дѣла, разрѣшить поминаніе неизвѣстнаго Мраовича какъ православнаго іерарха въ одномъ изъ московскихъ храмовъ при общественномъ богослуженіи?

Замѣчательно что органъ Сербскаго правительства, оспаривающій у русскихъ духовныхъ властей принадлежащее имъ право, находилъ однако естественнымъ и въ порядкѣ вещей что настоятель подворья обратился къ митрополиту Московскому за *разрѣшеніемъ* поминать въ церкви новаго сербскаго митрополита. Если разрѣшеніе это было необходимо, если господа сербскіе министры сами не усмотрѣли въ этомъ нарушенія невѣдомыхъ въ Россіи верховныхъ правъ Сербскаго подворья въ Москвѣ, то очевидно что они понимаютъ характеръ отношеній между настоятелемъ Сербскаго подворья и московскимъ епархіальнымъ начальствомъ, и должны также понять что игуменъ Ѳеофилъ нарушившій запрещеніе компетентной власти кругомъ виновенъ. Надобно при этомъ замѣтить что до послѣдняго времени офиціозная сербская газета настойчиво распространяла ложный слухъ будто русскія духовныя власти *разрѣшили* поминать въ Москвѣ Мраовича.

Неповиновеніе игумена Ѳеофила законной церковной власти не осталось безнаказаннымъ. Онъ устраненъ отъ богослуженія и уже выѣхалъ изъ Россіи; совершеніе богослуженія въ церкви, предоставленной подворью, возложено на одного изъ здѣшнихъ монаховъ. Австрійскія газеты, узнавъ объ этомъ распоряженіи чисто церковнаго характера, не замедлили придать ему политическое значеніе. *Пештскій Ллойдъ* и другіе покровители нынѣшняго сербскаго кабинета толкуютъ о „насиліи русскихъ властей надъ Сербскою церковью.“ *Видело*, въ послѣднемъ полученномъ нумерѣ, высказывается въ томъ же смыслѣ, хотя въ менѣе опредѣленныхъ выраженіяхъ. Австрійскимъ газетамъ простительно не понимать отношеній между русскими духовными властями и находившимися въ Москвѣ сербскими монахами, но отъ офиціозной сербской газеты можно было бы ожидать бо́льшаго пониманія дѣла и большей добросовѣстности.

Б.

Полемика вызванная въ Германіи прекращеніемъ выгоднаго сбыта въ Испанію русскаго спирта чрезъ Гамбургъ и Бременъ продолжается. Это доказываетъ что въ дѣлѣ замѣшаны весьма крупные финансовые интересы. По офиціальнымъ нѣмецкимъ даннымъ, отпускъ въ Испанію русскаго спирта и издѣлій изъ него чрезъ Гамбургъ и Бременъ оцѣнивается пятнадцатью милліонами марокъ или, по среднему курсу за пять лѣтъ, $7^1/_2$ милліонами кредитныхъ рублей. Это не такъ много, но офиціальная статистика, какъ бы ни была тщательна, далеко не выражаетъ настоящихъ размѣровъ оборота. Въ дѣйствительности дѣло всегда шире нежели показываютъ офиціальныя цифры. Сверхъ того, въ силу новаго договора съ Испаніей, Германія вообще утратила выгоды маклерской торговли съ Испаніей русскими товарами, что́ въ сложности, опять по офиціальнымъ даннымъ, составитъ болѣе двадцати милліоновъ марокъ.

Ганзейскіе коммерсанты нападаютъ на свое правительство „пожертвовавшее“ де ихъ интересами ради выгодной въ другихъ отношеніяхъ сдѣлки съ Испаніей. Офиціозные органы нѣмецкой печати оправдывая правительство, сваливаютъ все на Россію не сумѣвшую поддержать прежнихъ торговыхъ отношеній къ Испаніи и допустившую такую въ нихъ перемѣну при которой Германія уже не могла поддержать своего маклерскаго status quo. Вотъ что́, напримѣръ, говоритъ *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* въ нумерѣ отъ 24 іюля: „Считался ли привозимый изъ Германіи переработанный русскій спиртъ въ Испаніи нѣмецкимъ товаромъ, это вопросъ праздный. Въ прежнее время русскій спиртъ, точно такъ же какъ и нѣмецкій, оплачивался въ Испаніи не по высокому *генеральному*, а по пониженному *конвенціонному* тарифу.“ Слѣдовательно, откуда бы и кѣмъ бы онъ ни ввозился, для Испаніи было совершенно безразлично. „Но когда въ прошломъ году торговый трактатъ между Россіей и Испаніей окончилъ свое существованіе, а новый договоръ между этими странами не состоялся,

Испанія получила интересъ принять мѣры чтобы русскій спиртъ, подлежащій оплатѣ по высокому генеральному тарифу, не могъ оплачиваться по тарифу конвенціонному, пройдя окольнымъ путемъ чрезъ Германію." Испанія отказывается признавать обработанный въ Германіи русскій спиртъ за нѣмецкій товаръ. Оппозиція находитъ что Германское правительство не должно было въ своихъ переговорахъ съ Испаніей допускать усвоеніе ею подобнаго взгляда; но какъ же можно де было этого добиться, когда даже нѣмецкій таможенный тарифъ не дѣлаетъ разницы между сырымъ и переработаннымъ спиртомъ? Германія и при прежнемъ торговомъ договорѣ не могла бы понудить Испанію смотрѣть на дѣло иначе. Итакъ, дѣло лишь въ томъ что заявленное теперь толкованіе прежде не заявлялось ибо не имѣло для Испаніи практическаго интереса.

Намъ говорятъ зачѣмъ мы не поспѣшили заключить торговый трактатъ съ Испаніей. Но Германія, при заключеніи своего трактата съ Испаніей, имѣла политическій интересъ, какого мы относительно Испаніи не имѣемъ; а потому намъ, весьма естественно, нѣтъ надобности спѣшить заключеніемъ торговаго трактата безъ *особенныхъ* себѣ выгодъ, причемъ должны быть взвѣшены всѣ интересы страны.

№ 205.

Москва, 26-го Іюля.

Въ послѣднемъ листкѣ полуофиціальной прусской *Провинціальной Корреспонденціи* напечатанъ обзоръ исторіи и современнаго положенія системы казеннаго управленія желѣзными дорогами въ Германіи. Статья эта явилась не случайно и вѣроятно не останется одинокою. Дѣло въ томъ что на дняхъ кѣмъ-то былъ пущенъ слухъ будто прусское желѣзнодорожное управленіе передается въ вѣдѣніе имперскихъ властей. Слухъ этотъ немедленно повліялъ на биржу: акціи частныхъ желѣзныхъ дорогъ разомъ поднялись въ цѣнѣ, какъ обыкновенно поднимались бумаги дорогъ предназначенныхъ къ покупкѣ казной. Оппозиціонная печать, особенно партикуляристская, забила было тревогу, и офиціозные органы поспѣшили опровергнуть извѣстіе казавшееся многимъ прямою биржевою игрой на повышеніе. Статья *Провинціальной Корреспонденціи* доказываетъ, однако, что такой переходъ прусскихъ казенныхъ дорогъ въ руки имперскаго правительства если и не предполагается именно теперь, то составляетъ дѣло не только возможное, но даже необходимое въ ближайшемъ будущемъ.

Князь Бисмаркъ никогда не оставляетъ твердо усвоенной имъ разъ политической программы и той конечной цѣли которую намѣчаетъ себѣ приступая къ дѣлу. Если онъ иногда повидимому уклоняется въ стороны, то это является только какъ маневръ вызванный необходимостью считаться съ политическими партіями и обстоятельствами данной минуты. Такъ и въ настоящемъ случаѣ: онъ твердо идетъ къ той цѣли которую указалъ еще въ іюнѣ 1876 года. Въ этомъ году, впервые возникла мысль пріобрѣсти въ казну и подчинить имперскому правительству всѣ желѣзныя дороги Германіи. Мысль эта встрѣтила рѣшительное противодѣйствіе большей части правительствъ Германіи и всѣхъ партикуляристскихъ элементовъ въ ней. Встрѣтивъ такой отпоръ на прямомъ пути, имперское правительство рѣшилось достигнуть цѣли путемъ окольнымъ. Рѣшено было выкупить желѣзныя дороги Пруссіи и тѣмъ побудить Союзный Совѣтъ согласиться на мѣру первоначально ему предложенную. „Несмотря на краткость прошедшаго съ той поры времени, задача принятая на себя Пруссіей теперь можетъ считаться почти уже рѣшенною," замѣчаетъ *Провинціальная Корреспонденція*. Ежегодно пріобрѣталось по нѣскольку желѣзныхъ дорогъ; особенно крупныя покупки были сдѣланы въ 1879 и 1880 годахъ; наконецъ, въ 1881 году, въ руки Прусскаго правительства, въ силу особаго договора съ тюрингскими владѣніями, перешла такъ-называемая Тюрингская линія и еще нѣсколько другихъ. „Теперь, оговаривается *Провинціальная Корреспонденція*, остается пріобрѣсти, какъ уже имѣется въ виду, всего шесть дорогъ чтобы считать дѣло конченнымъ." Общая длина всѣхъ желѣзныхъ дорогъ Германіи (кромѣ баварскихъ, военныхъ, такъ-называемыхъ мѣстныхъ и узкоколейныхъ) къ концу апрѣля текущаго года составляла 30.002,$_{61}$ километра. Изъ этого числа дорогъ, состоящихъ въ казенномъ управленіи, считалось 24.397,$_{86}$ километровъ, а частныхъ, состоя-

щихъ въ управленіи акціонерныхъ компаній, 5.605,$_{05}$ кил. Изъ числа послѣднихъ шесть дорогъ, пріобрѣтеніе коихъ казной послѣдуетъ въ самомъ непродолжительномъ времени, имѣютъ 3.698,$_{72}$ кил. протяженія. Вмѣстѣ съ ними сѣть прусскихъ дорогъ, находящихся въ казенномъ управленіи, дойдетъ до 19.631,$_{49}$ кил., что составитъ почти двѣ трети всего протяженія дорогъ Германіи, за исключеніемъ баварскихъ, военныхъ и узкоколейныхъ. Понятно что прусское желѣзнодорожное управленіе, какъ крупный предприниматель, вынудитъ всѣ прочія государства вступить съ нимъ въ сдѣлку, а тогда и Баварія, точно также принявшая у себя систему казеннаго управленія дорогъ, должна будетъ примкнуть къ этому мощному имперскому желѣзнодорожному союзу, который долженъ послужить новымъ средствомъ болѣе прочной внутренней спайки Германіи. Германскіе партикуляристы понимаютъ это очень хорошо; „въ цѣлой арміи желѣзнодорожныхъ агентовъ и рабочихъ имперское правительство, говорятъ они, почерпнетъ новую объединяющую силу, тѣмъ болѣе внушительную что желѣзнодорожная служба безъ строгой дисциплины не мыслима.“ Однако не одни эти соображенія заставляютъ имперскаго канцлера такъ настойчиво добиваться желѣзнодорожнаго объединенія Германіи. Дѣло это имѣетъ великую важность и въ военномъ, и въ экономическомъ отношеніи Еще въ 1876 году, когда только зашла рѣчь о казенномъ управленіи дорогами, фельдмаршалъ Мольтке поспѣшилъ указать что казенное управленіе дорогами есть лучшій залогъ успѣшной ихъ службы въ военное время, особенно въ пору мобилизаціи. „Никогда, говорилъ онъ, частная компанія не можетъ войти въ виды военнаго вѣдомства и заблаговременно приготовиться служить ему такъ какъ того требуютъ военныя надобности. Для такой подготовки нужно прежде всего единство управленія и отсутствіе своекорыстныхъ разчетовъ.“ Справедливость этихъ замѣчаній всего лучше подтвердилъ примѣръ нашихъ русскихъ дорогъ въ минувшую кампанію. Экономическое значеніе государственнаго управленія желѣзными дорогами, заключаетъ *Провинціальная Корреспонденція*, всего лучше объяснено въ запискѣ приложенной къ законопроекту 1879 года. Дѣйствительно, въ документѣ этомъ между прочимъ сказано: „Изо всѣхъ формъ желѣзнодорожнаго управленія выработанныхъ цивилизованными государствами чистая система дорогъ казенныхъ есть именно та которая всего болѣе соотвѣтствуетъ задачамъ желѣзнодорожной политики государства. Только при ней и мыслимо непосредственное и дѣйствительное попеченіе государства о всѣхъ ввѣренныхъ ему интересахъ; только при этой формѣ представляется возможность установленія простыхъ, дешевыхъ и раціонально составленныхъ тарифовъ и *дѣйствительное* устраненіе вредныхъ дифференціальныхъ.“ Только при этой системѣ, наконецъ, возможно достиженіе той цѣли на которую съ особымъ удареніемъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, неоднократно указывали въ парламентѣ представители правительства: пути сообщенія, точно также какъ телеграфъ и почта, не могутъ быть понимаемы исключительно какъ доходная статья не только частныхъ лицъ, но и государства. „Смотрѣть на желѣзныя дороги, сказалъ однажды министръ Майбахъ, какъ на источникъ государственныхъ доходовъ, значило бы прямо вредить интересамъ фиска, такъ какъ всякое затрудненіе пассажирскаго, а особенно товарнаго движенія, несомнѣнно вредитъ промышленности, задерживаетъ развитіе производительныхъ силъ страны, составляющее условіе правильнаго роста государственныхъ доходовъ“ и, прибавимъ, даже доходности самыхъ желѣзнодорожныхъ предпріятій.

Примѣръ Германіи представляетъ для насъ особое значеніе и поучительность. Тамъ дѣло выкупа желѣзныхъ дорогъ изъ частныхъ рукъ въ казну близится къ концу. У насъ, говорили мы недавно, „по многимъ линіямъ уже наступилъ или наступаетъ срокъ ихъ выкупа согласно концессіямъ и уставамъ. Удобный моментъ наступаетъ самъ собой и нужна только добрая воля воспользоваться имъ.“ А насколько необходимо воспользоваться, это доказываетъ примѣръ сужденій и рѣшеній засѣдавшаго въ началѣ этого мѣсяца въ Москвѣ желѣзнодорожнаго съѣзда отъ второй группы. Эти сужденія и эти рѣшенія могли кажется наглядно убѣдить всякаго, что компаніи de facto распоряжаются какъ господа народно-хозяйственными интересами и даже стремятся стать такими господами de jure. Захотятъ, и любой мѣстный продуктъ можетъ получить широкое распро-

страненіе; не захотятъ, и ихъ тарифы стѣснятъ сбытъ, заставляя товаръ идти дальнѣйшимъ и обходнымъ путемъ. Слѣдуетъ ли терпѣть подобные порядки изъ-за одной какой-то безотчетной боязни всякаго казеннаго управленія, всякаго казеннаго хозяйства? Трудно понять почему бы нельзя было и у насъ поставить казенное управленіе желѣзными дорогами на ту же ногу какъ въ Германіи, добиться выгоднаго веденія дѣла.

Указываютъ, правда, на факты выставляющіе казенное управленіе въ некрасивомъ видѣ; но развѣ все такъ хорошо въ акціонерномъ хозяйствѣ?

№ 206.

Москва, 26-го Іюля.

Въ послѣдніе дни вниманіе политическихъ сферъ снова обращено на Востокъ, на Балканскій полуостровъ. Князь Черногорскій Николай въ скоромъ времени отправляется въ Константинополь для личнаго свиданія съ султаномъ. По поводу этой поѣздки, въ газетахъ, особенно австрійскихъ, появился цѣлый рядъ комбинацій и догадокъ, одна нелѣпѣе другой. Отмѣтимъ изъ нихъ самую куріозную: князь Николай ѣдетъ въ Константинополь чтобъ исполнить какое-то тайное порученіе Русскаго правительства! Казалось бы что всякая попытка упрочить миръ—а поѣздка князя Черногорскаго не можетъ имѣть другой цѣли какъ упроченіе дружественныхъ отношеній между Черногоріей и Турціей — должна порадовать Австрію, консервативную державу, а между тѣмъ органы Австро-Венгерскаго правительства забили тревогу; даже офиціозная *Presse* усматриваетъ въ поѣздкѣ князя Николая какую-то угрозу и отмѣчаетъ фактъ что владѣтельный князь Черной Горы прежде рѣдко покидалъ свое отечество, а теперь сталъ часто разъѣзжать. Это обстоятельство вмѣняютъ ему почему-то въ вину и въ этомъ усматриваютъ недовольство Черногоріи Берлинскимъ трактатомъ и желаніе расширить свои границы.

Приводить всѣ инсинуаціи вѣнскихъ и пештскихъ газетъ излишне. Поѣздка князя Николая въ Константинополь несомнѣнно имѣетъ важное политическое значеніе для спокойствія на Востокѣ, устанавливая добрыя отношенія между Княжествомъ и Турціей. Это сближеніе было столько же желаніемъ султана, сколько и князя Николая, чему Россія можетъ только порадоваться, ибо, благодаря дружественнымъ личнымъ отношеніямъ между ними, политической интригѣ трудно будетъ сѣять смуты на Балканскомъ полуостровѣ. Вопросъ о регулированіи Турецко-Черногорской границы до послѣдняго времени былъ помѣхой къ осуществленію этого плана. Теперь есть основаніе полагать что вопросъ этотъ будетъ рѣшенъ удовлетворительно, чему вѣроятно не мало способствовало свиданіе въ Москвѣ князя Николая съ Серверъ-пашой, чрезвычайнымъ турецкимъ посломъ при коронованіи Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Турція, обезпеченная со стороны Черногоріи и увѣренная въ миролюбивыхъ видахъ Россіи, можетъ теперь самостоятельнѣе относиться къ претензіямъ другихъ державъ; точно такъ же какъ и Черногорія, обезпеченная со стороны Турціи, менѣе можетъ опасаться гнета съ другой стороны.

Какъ теперь достовѣрно извѣстно, князь Николай поѣдетъ въ Константинополь сейчасъ же послѣ имѣющаго состояться 30-го апрѣля бракосочетанія старшей дочери Князя Зорки съ княземъ Петромъ Карагеоргіевичемъ. Это семейное событіе также почему-то произвело въ Австро-Венгріи тягостное впечатлѣніе. Браку этому придаютъ тамъ какое то политическое значеніе и хотятъ видѣть въ немъ вліяніе Россіи. На предстоящемъ бракосочетаніи княжны Зорки съ княземъ Карагеоргіевичемъ будетъ присутствовать, въ качествѣ представителя Государя Императора, генералъ-майоръ графъ Орловъ-Денисовъ. Австрійскія газеты придираются и къ этому обстоятельству, стараясь выставить предстоящій бракъ дѣломъ русскихъ интригъ, какъ будто этимъ политиканамъ неизвѣстно что присутствіе представителя Русскаго Государя на свадьбѣ дочери Черногорскаго князя обусловливается тѣми сердечными, можно сказать семейными отношеніями которыя издавна существовали между Черногоріей и Россіей.

Особенно сильное впечатлѣніе извѣстіе о предстоящемъ бракѣ произвело однако не въ Австріи, а въ Сербіи, какъ на министровъ, такъ въ особенности на короля Милана; но въ сербскихъ газетахъ почему-

то объ этомъ бракѣ не упоминается ни единаго слова.

До чего въ Бѣлградѣ потеряли всякій тактъ, это, кромѣ недавнихъ безсмысленныхъ выходокъ противъ Россіи, вызванныхъ отрѣшеніемъ отъ должности игумена Ѳеофила, наглядно доказываетъ и недавній разговоръ новонареченнаго короля Милана съ какимъ-то корреспондентомъ вѣнской *Neue Freie Presse*. Что побудило короля Сербіи пуститься въ разсужденія съ австрійскимъ публицистомъ, это остается загадкой. По вѣроятнѣе всего что онъ въ виду фиктивной опасности, угрожающей ему вслѣдствіе женитьбы Петра Карагеоргіевича, хотѣлъ еще разъ засвидѣтельствовать свою покорность могущественнымъ вѣнскимъ покровителямъ. Заявивъ прежде всего что такъ-называемая „радикальная“ партія совершенно неспособна къ управленію страной, хотя и пользуется большою популярностію, король Миланъ перешелъ затѣмъ къ характеристикѣ партіи г. Ристича, находилъ ее „regierungsfähig“, только не при настоящихъ обстоятельствахъ. Либеральная партія, по словамъ его сербскаго величества, состоитъ изъ какихъ-то ретроградовъ, желающихъ отдѣлить Сербію китайскою стѣной отъ просвѣщеннаго запада и „враждебныхъ европейскимъ идеямъ и современному прогрессу.“ „Главу нынѣшняго кабинета, г. Пирочанца, такъ говорилъ король Миланъ, я глубоко уважаю ибо онъ человѣкъ дѣльный и работящій и притомъ горячій патріотъ (?). Остальные министры суть также истинныя украшенія (wahre Zierden) кабинета.“ Особенная доблесть нынѣшнихъ министровъ состоитъ де въ томъ что они усердно работаютъ и *„совершенно отказались отъ шовинизма.“* Было де время, когда и онъ, король Миланъ, былъ „нѣсколько шовинистомъ“ (ein wenig Chauvin) и поддерживалъ это направленіе въ политикѣ, но шовинизмъ теперь де неумѣстенъ. Нынѣшніе министры понимаютъ де что положеніе Сербіи послѣ Берлинскаго трактата стало инымъ, и въ этомъ заключается ихъ главная заслуга. Упомянувъ затѣмъ о трудностяхъ управленія и о желаніи нынѣшняго кабинета искренно примкнуть къ Европѣ (то-есть къ Австро-Венгріи), король Миланъ пустился въ разсужденія о такъ-называемомъ „Балканскомъ союзѣ,“ противъ осуществленія коего въ Австріи ведется сильная агитація, и высказалъ убѣжденіе что мысль о подобномъ союзѣ неосуществима, ибо интересы балканскихъ государствъ во многомъ расходятся.

№ 207.

Москва, 27-го іюля.

Ни въ одной странѣ Европы пожары не представляютъ столь угрожающаго народному благосостоянію и государственной экономіи бѣдствія какъ въ Россіи. И это неудивительно: нигдѣ какъ въ Россіи жилища не строятся изъ столь неогнеупорнаго матеріала каково дерево. Не говоримъ уже о нашихъ деревняхъ и селахъ, состоящихъ на всемъ обширномъ пространствѣ нашего отечества изъ сплошной массы деревянныхъ или плетеныхъ изъ сучьевъ или прутьевъ построекъ, какъ бы нарочно для удобства воспламененія прикрытыхъ еще болѣе горючимъ веществомъ, соломой; наши посады и города не только уѣздные, но и губернскіе и даже столичные изобилуютъ деревянными домами. Поэтому у насъ чаще чѣмъ гдѣ-либо пожары неистово истребляютъ цѣлые кварталы жилищъ, цѣлыя селенія, иной разъ цѣлый городъ, причиняя неисчислимые убытки, трудно поправимое разореніе.

Къ сожалѣнію, этотъ бичъ народный, ставшій у насъ столь обычнымъ и повседневнымъ, не вызываетъ достаточнаго отпора въ энергіи самого населенія, фатально мирящагося съ нимъ, какъ бы признающаго его „карой небесною,“ противъ которой безсильна власть человѣка.

Изслѣдованіе этой стороны пожарнаго вопроса повело бы насъ на сей разъ слишкомъ далеко Указывая лишь на нее, мы намѣрены обратить вниманіе не на причины пожаровъ, а на тѣ средства которыя употребляются у насъ для отвращенія гибельныхъ отъ нихъ послѣдствій.

Какъ извѣстно, у насъ, какъ и вездѣ, вѣрнѣйшимъ способомъ спасенія отъ пожарнаго бѣдствія считается *страхованіе отъ огня* того имущества которому огонь угрожаетъ истребленіемъ. Коль скоро дана возможность возмѣстить себѣ стоимость потеряннаго сравнительно небольшими матеріальными жертвами, опасность потери и значительнаго ущерба лишается остраго характера, становится терпимою, и всѣ охотно хватаются за это съ незначитель-

нымъ рискомъ. Если, напримѣръ, имущество, составляющее всю мою жизненную обстановку, необходимое условіе существованія и пропитанія, стóитъ *три тысячи* рублей, а я могу періодическими взносами въ *тридцать* рублей обезпечить себя отъ случайности лишиться его по милости неумолимой стихіи, которая не въ моей власти, я охотно обрекаю себя на этотъ взносъ, считаю себя облагодѣяннымъ такою комбинаціей, и добровольно подчиняюсь ей. Такъ поступаетъ и сосѣдъ мой, всѣ наконецъ; это является велѣніемъ благоразумія.

Всѣ спѣшатъ страховать свое движимое и недвижимое имущество и благословляютъ *страховыя общества* какъ якорь спасенія.

Но много ли найдется людей которые отдаютъ себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, предпринимая актъ страхованія, вступая въ договоръ съ учрежденіемъ принимающимъ имущество на страхъ? Я уплачиваю сегодня тридцать рублей, а завтра, по не зависящей отъ меня причинѣ, мое имущество, стóящее *три тысячи* рублей, сгоритъ, и мнѣ безпрекословно возвращаютъ эту сумму. Кто эти благодѣтели, и за что? Вѣдь не подать государственную я уплачиваю, не государство взыскиваетъ съ меня должное за гарантію моей личной и имущественной безопасности; а я отдаю это агенту *частнаго* общества, ему довѣряю, и въ большинствѣ случаевъ мое довѣріе оправдывается.

Но пусть кто собирается застраховать свое имущество въ какомъ-либо страховомъ обществѣ попытается пріобрѣсть его акцію, то-есть извѣстный пай въ томъ коммерческомъ предпріятіи которое беретъ на себя страхъ за имущество, и тотъ убѣдится что если этотъ пай нормально стоилъ 400 рублей (акціи *1-го Россійскаго Общества*), онъ можетъ купить его не дешевле чѣмъ за *760* рублей, а если онъ стóитъ 250 рублей (Общество *Саламандра*), то не дешевле *395* рублей. Какія же прибыли должны давать эти предпріятія своимъ учредителямъ или пайщикамъ если затраченный ими первоначальный капиталъ почти удвоился? Очевидно, громадныя. Кто же уплачиваетъ эти прибыли, приращая вмѣстѣ съ тѣмъ и основный капиталъ страховыхъ обществъ? Никто другой кромѣ страхователей, умножающихъ своими взносами громадные барыши обществъ.

Всѣ боятся пожаровъ; чѣмъ чаще они случаются, тѣмъ больше охотниковъ страховать. А въ результатѣ все-таки изъ состава имущества застрахованнаго, положимъ на сто милліоновъ, сгоритъ въ годъ не больше чѣмъ десять процентовъ, и то не прежде чѣмъ заплативъ за страхованіе въ теченіе многихъ лѣтъ значительную премію; остальные же *девяносто* процентовъ застрахованнаго имущества платятъ премію и не гибнутъ отъ огня, обогащая лишь кассы обществъ.

Если при этомъ еще брать въ разчетъ что при стѣснительности и казуистичности условій страхованія, изложенныхъ въ уставахъ обществъ замѣняющихъ для нихъ общій законъ объ убыткахъ, примѣняемый при другихъ добровольныхъ договорныхъ отношеніяхъ, страхующіе агенты всегда имѣютъ возможность прижать потерпѣвшаго отъ пожара, заставить его угрозой иска, судебной и иной проволочки получить на 25% меньше дѣйствительной стоимости сгорѣвшаго имущества, обогащеніе страховыхъ обществъ становится еще понятнѣе.

Противъ случайныхъ, крупныхъ потерь каждое страховое общество нашло очень легкій, скорѣе прибыльный для него способъ огражденія. По пословицѣ: *рука руку моетъ*, страховыя общества поспѣшили вступить между собой въ союзъ именуемый взаимнымъ перестрахованіемъ другъ у друга застрахованныхъ у нихъ имуществъ, во особенности крупныхъ. Они такимъ образомъ распредѣляютъ между собой и еще такими же обществами за границей убытки, дѣлая ихъ для себя не чувствительными, соединяя эту операцію съ взаимнымъ предоставленіемъ другъ другу общихъ прибылей отъ получаемыхъ премій.

Отъ этого вытекаетъ еще одно крупное для страхователей неудобство: страховыя общества, становясь солидарными въ своихъ интересахъ, получаютъ тѣмъ скорѣе способность терроризовать публику, предписывать ей свои законы и условія, которымъ она должна подчиняться волей или неволей.

Ни для кого не тайна что наши страховыя общества вступили между собой въ обоюдную конвенцію, или по просту сказать стачку, и всѣ разомъ значительно повысили недавно размѣръ платимой имъ преміи, руководствуясь единственно принципомъ стяжанія; ибо дѣла ихъ никогда

не были плохи, и во время разгара самыхъ бѣдственныхъ для народа пожаровъ, акціи ихъ всегда стояли выше *pari*.

Идея страхованія имущества отъ случайныхъ потерь и несчастій, въ основѣ своей совершенно правильная, не должна бы вырождаться въ аферу. Выгоды этого дѣла должны бы идти на пользу всего общества, сознающаго пользу страхованія.

Но это возможно лишь тогда если вся операція страхованія будетъ основана на взаимности интересовъ страхователей, если они вступятъ между собой въ союзъ, образуя такъ-называемыя общества *взаимнаго страхованія*.

№ 208.

Москва, 28-го іюля.

Со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы на безотрадное положеніе нашего университетскаго преподаванія, пришедшаго въ такой упадокъ благодаря фальшивому „самоуправленію,“ дарованному университетамъ уставомъ 1863 года. Подъ заглавіемъ *Профессора и студенты*, въ *Новомъ Времени* 20 іюля появилась статья которая громко свидѣтельствуетъ о результатахъ къ какимъ приводитъ насъ этотъ злосчастный уставъ. „Кто помнитъ еще старыя университетскія времена,“ говоритъ петербургская газета,—

„тотъ не имѣетъ понятія о нынѣшнихъ университетахъ. Теперь почти нѣтъ популярныхъ профессоровъ. „У нашихъ студен„товъ популяренъ тотъ,—говорилъ одинъ „изъ молодыхъ профессоровъ,—кто не ста„витъ на экзаменахъ единицъ и щедръ на „пятерки.“ Это пожалуй до нѣкоторой степени и справедливо. Но кто же въ этомъ виноватъ? Отчего могли пріобрѣсти любовь своихъ аудиторій прежніе профессора и отчего связь нынѣшнихъ со студентами ограничивается экзаминаціонною отмѣткой? Прежніе профессора были прежде всего ученые и педагоги. Ни о какихъ интригахъ и партіяхъ не было слышно. Прежніе профессора любили науку, любили свою аудиторію и умѣли вдохнуть въ нее жизнь и свою любовь. Большинство нынѣшнихъ — чиновники, для которыхъ профессура лишь средство пропитанія, а наука и аудиторія нѣчто чуждое, далекое, нѣчто такое что они готовы промѣнять во всякое время на болѣе выгодную службу. Профессоръ забѣгаетъ въ университетъ мимоходомъ изъ банка, городской управы, по пути изъ одного учебнаго заведенія въ другое, изъ одной коммиссіи въ другую. Жажда наживы, карьеры одолѣла профессуру такъ же какъ и всѣ остальныя сферы умственнаго труда.

„Понятно что студента не тянетъ въ аудиторію къ такому профессору-чиновнику: его нужно загонять туда чуть не палкой. И въ самомъ дѣлѣ, что интереснаго слушать не слово науки, а какое-то отбываніе повинности. И вотъ среди студенчества теряется всякое уваженіе къ своимъ преподавателямъ, вмѣсто любви къ наукѣ развивается лишь жажда диплома, забота объ экзаминаціонной отмѣткѣ. Это не преувеличеніе и не злонамѣренный пессимизмъ.

„За малыми исключеніями, профессора стоятъ вдали отъ студентовъ: отчиталъ свой курсъ, далъ программу, проэкзаменовалъ и дѣлу конецъ. Рѣдкій изъ нихъ предложитъ заинтересовавшимся его предметомъ руководить занятіями и устроить частныя бесѣды, поможетъ совѣтомъ и своею библіотекой. Даже отношеніе къ магистрантамъ чисто формальное, особенно къ способнымъ, въ которыхъ они видятъ своихъ будущихъ конкуррентовъ. Какъ и кого оставляютъ при университетахъ—можно видѣть изъ того что число молодыхъ ученыхъ увеличивается весьма медленно, а остается при университетахъ весьма много молодыхъ людей. По большей части оставляютъ не самыхъ даровитыхъ, а тѣхъ кто сумѣлъ понравиться тому или другому профессору. Часто не оставляютъ студента удостоеннаго золотой или серебряной медали и представившаго нѣсколько работъ, и оставляютъ такого который ничѣмъ кромѣ угодливости не отличился. Принимать въ разчетъ экзаминаціонныя отмѣтки не стóитъ, такъ какъ кто же не знаетъ какимъ сомнительнымъ критеріемъ познаній онѣ являются...

„Уже нѣсколько лѣтъ у насъ поговариваютъ объ утвержденіи института приватъ-доцентуры, который бы сдѣлалъ возможнымъ приливъ въ университеты молодыхъ силъ, помимо рекомендованныхъ профессорами, и заставилъ бы штатныхъ профессоровъ быть постоянно на стражѣ науки и педагогическихъ обязанностей, вмѣсто того чтобы засѣдать въ банкахъ и пустословить въ различныхъ засѣданіяхъ.

Къ сожалѣнію, однакоже институтъ этотъ почему-то не вводится, хотя и не требуетъ никакихъ затратъ.

„Какъ ни печально въ этомъ сознаться, но надо сказать что университетское самоуправленіе у насъ сводится лишь къ интриганству, къ тому что болѣе порядочные элементы постоянно разбѣгаются, забаллотировываются дѣйствительно ученыя силы, а нѣкоторыя каѳедры остаются на много лѣтъ незамѣщенными. Это же самоуправленіе ведетъ къ тому что при университетахъ оставляются молодые люди зря, безо всякихъ конкурсовъ, помимо всякихъ разъ навсегда установленныхъ правилъ. По идеѣ своей, университетское самоуправленіе вещь прекрасная, но осуществляется-то оно у насъ ужь очень печально, такъ какъ вмѣсто самоуправленія выходитъ какое-то кумовство и кружковщина."

Вѣрнѣе было бы сказать: можно ли назвать самоуправленіемъ режимъ который бросаетъ тысячи отборнаго юношества русскаго на жертву произвола, „кумовства" и „кружковщины?"

Что касается приватъ-доцентуръ, то онѣ составляютъ существенную статью новаго университетскаго устава поступившаго на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Со введеніемъ этого устава должны исчезнуть ненормальныя явленія, на которыя указываетъ статья *Новаго Времени*, такъ какъ онъ положитъ конецъ и тому ремесленному безплодному преподаванію и тому „кумовству" и „кружковщинѣ" которыми насъ наградило рекомое „самоуправленіе" университетовъ.

Въ свою очередь *Русскія Вѣдомости* признаютъ что „въ организаціи русскихъ университетовъ есть недостатки, которые желательно бы устранить," и отдаютъ полную справедливость германскимъ университетамъ какъ „*образцовымъ* разсадникамъ высшаго просвѣщенія;" тѣмъ не менѣе московская газета энергически протестуетъ противъ намѣренія правительства преобразовать русскіе университеты по образцу *образцовыхъ* университетовъ. И знаете ли почему? „Извѣстно," говоритъ органъ одной, какъ говорятъ, университетской клики, „что нѣкоторые изъ лучшихъ германскихъ профессоровъ—въ то же время и политическіе дѣятели, состоятъ членами рейхстага и даже стоятъ во главѣ оппозиціонныхъ партій." Такъ вотъ въ чемъ дѣло! Сейчасъ только слышали мы свидѣтельское показаніе, справедливо объясняющее упадокъ науки въ нашихъ университетахъ, между прочимъ тѣмъ что профессора отвлекаются отъ своихъ обязанностей разными расплодившимися у насъ говорильнями, гдѣ они интригуютъ и краснобайствуютъ, а тутъ намъ говорятъ что наши профессора потому не исполняютъ должнымъ образомъ своихъ обязанностей что нѣтъ большой говорильни, гдѣ они могли бы еще болѣе предаваться интригамъ и краснобайству и даже „стоять во главѣ оппозиціонныхъ партій!" Да развѣ это значитъ преподавать науку и разрабатывать ее? И развѣ въ Германіи потому процвѣтаютъ университеты что „нѣкоторые изъ профессоровъ состоятъ членами рейхстага?" Но германскіе университеты, еще задолго до появленія даже тѣни парламентаризма въ Германіи, были образцовыми разсадниками науки. Не въ тѣ ли тихія времена набралась Германія тѣхъ великихъ умственныхъ силъ которыя поставили ее такъ высоко среди европейскихъ націй? И неужели Вирховъ и Моммсенъ не могли бы быть выдающимися дѣятелями науки еслибы въ то же время не имѣли возможности засѣдать въ парламентахъ? А напротивъ того не выиграла ли бы еще больше наука отъ того еслибъ ученые все свое время посвящали ей, не развлекаясь политическими интригами въ которыхъ они играютъ жалкую роль? Неужели можно сомнѣваться что историческая наука въ Германіи могла бы сдѣлать въ послѣднее время гораздо больше успѣховъ еслибы Моммсенъ съ пользой употребилъ на нее все то время которое онъ напрасно тратилъ въ борьбѣ съ княземъ Бисмаркомъ? Впрочемъ знаменитые ученые занимающіеся политикой составляютъ въ Германіи, какъ и вездѣ, рѣдкое исключеніе. Истинные двигатели науки, дѣйствительно серіозные ученые, обыкновенно держатся вдали отъ политическихъ треволненій, которыя въ свою очередь захватываютъ всего человѣка.

Но *Русскія Вѣдомости*, ставящія успѣхи германской науки въ связь съ тѣмъ случайнымъ, рѣдкимъ и къ наукѣ вовсе не относящимся явленіемъ, что нѣкоторые профессора состоятъ членами рейхстага, стараются придать этому явленію весьма важное значеніе нагляднаго примѣра той свободы какою пользуются въ Германіи

университеты. Въ укоръ существующимъ будто бы у насъ порядкамъ московская газета съ притворною завистью взираетъ на германскіе университеты, которые де „пользуются значительною свободой научнаго преподаванія, не стѣсняемаго узкими рамками и административными программами и способнаго развиваться соотвѣтственно высшему уровню знанія,“ и въ заключеніе заявляетъ что „во всякомъ случаѣ, заимствуя германскіе порядки, необходимо заимствовать также и германскую свободу научнаго изслѣдованія и преподаванія.“ Эти слова разчитаны на то чтобы возбудить у читателя незнакомаго съ дѣломъ убѣжденіе будто у насъ до сихъ поръ „наука не развилась соотвѣтственно высшему уровню знанія“ по той причинѣ что въ Россіи „научное преподаваніе было стѣснено узкими рамками и административными программами!“

Господа пишущіе это сами знаютъ что говорятъ неправду. Университетское преподаваніе у насъ не стѣсняется никакими „рамками“ и „административными программами.“ Напротивъ, надъ нимъ нѣтъ никакого контроля. Выростаютъ небывалые предметы преподаванія, создаются ненужныя каѳедры, а нѣтъ преподавателей на самые необходимые; профессоръ можетъ ничѣмъ не стѣсняясь, подъ данною рубрикой, преподавать чтò ему вздумается; вмѣсто главнаго предмета какой-либо придатокъ къ нему, даже вовсе ничего не преподавать, ограничиваясь пятью - шестью лекціями въ годъ. Государство у насъ, построивъ университеты и созвавъ въ нихъ учащееся юношество, ничего не знаетъ и какъ бы не хочетъ знать, чтò тамъ дѣлается и приносится ли университетами какая-нибудь польза; между тѣмъ какъ въ Германіи, напротивъ, и профессоръ и студентъ имѣютъ въ виду ясно опредѣленныя требованія *государственнаго* экзамена. Свобода научнаго преподаванія была у насъ даже доведена до абсолютнаго принципа: однажды министръ Народнаго Просвѣщенія пожелалъ не то что „навязать свою административную программу,“ а лишь познакомиться съ *программой* лекцій одного московскаго профессора: ректоръ тогда спросилъ по какому праву, въ силу какого пункта устава министръ любопытствуетъ?

Русскія Вѣдомости, жалующіяся на то будто бы у насъ профессора не могутъ свободно читать лекціи, знаютъ очень хорошо что наши университеты лишены не этой, а другой свободы, о которой онѣ благоразумно умалчиваютъ, и которая именно и составляетъ преимущество германскихъ университетовъ. Это — извѣстная всѣмъ „академическая свобода,“ дающая возможность студентамъ свободно выбирать тѣхъ профессоровъ которые могутъ оказать имъ дѣйствительное руководство къ пріобрѣтенію тѣхъ познаній какихъ требуетъ государство. У насъ уставъ 1863 года далъ профессорамъ свободу говорить съ каѳедры все чтò имъ угодно, даже противонаучный вздоръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлавъ тѣхъ же профессоровъ экзаминаторами, *принудилъ* студентовъ вызубривать все чтò имъ говорится съ каѳедры, даже если это будетъ чепуха. Вотъ гдѣ причина нашего научнаго безплодія. Въ Германіи не только профессора, но и студенты свободны въ своей научной дѣятельности. Но такъ какъ студенты естественно хотятъ слушать только тѣхъ профессоровъ которые въ самомъ дѣлѣ обладаютъ способностью и желаютъ научить чему-нибудь студента и, чтò всего важнѣе, приспособить его къ серіозному, систематическому труду, то этимъ самымъ всѣ профессора *принуждены* читать только дѣльныя, полезныя, то-есть дѣйствительно научныя лекціи и добросовѣстно руководить научными семинаріями.

№ 209.

Москва, 29-го Іюля.

Вопросъ о судьбѣ невыгоднаго для насъ торговаго договора между Испаніей и Германіей, устраняющаго торговлю Бремена и Гамбурга русскимъ спиртомъ, совершенно неожиданно вступилъ въ новую фазу и можетъ даже принять оборотъ благопріятный для насъ, несмотря на то что правила и тарифъ установленные этимъ трактатомъ *временно*, какъ извѣстилъ телеграфъ, входятъ въ силу съ 14 (2) августа, по условію съ Испаніей. Это далеко не то чего желало Германское правительство. Въ чемъ дѣло? На основаніи постановленій Германской имперской конституціи, торговые договоры подлежатъ разсмотрѣнію и утвержденію союзнаго совѣта и рейхстага. Оба эти учрежденія

были уже распущены когда послѣдовало подписаніе трактата съ оговоркой что размѣнъ ратификацій долженъ послѣдовать въ возможно скорѣйшемъ времени. Дѣлая эту оговорку, имперская дипломатія разчитывала, на основаніи бывшихъ примѣровъ, ввести договоръ въ окончательную силу и размѣнять ратификаціи, оставляя за рейхстагомъ право „принять договоръ въ послѣдствіи." Въ этомъ случаѣ парламентскіе дебаты были бы пустою формальностью. Такой образъ дѣйствій даже предусматривается прусскою конституціей. Имперская, правда, не признаетъ такого оборота, но правительство въ оправданіе своихъ дѣйствій могло сослаться на крайнюю необходимость предоставить нѣмецкой промышленности и торговлѣ возможность пользоваться несомнѣнными выгодами новаго тарифа въ періодъ самыхъ оживленныхъ сношеній съ Испаніей, въ августѣ и сентябрѣ. Торговымъ палатамъ было внушено что онѣ должны обратиться къ имперскому канцлеру съ ходатайствомъ въ этомъ смыслѣ. Онѣ такъ и поступили, но оппозиція все-таки успѣла помѣшать дѣлу.

Какъ извѣстно, вслѣдъ за появленіемъ въ газетахъ подлиннаго текста договора, ганзейскіе коммерсанты подняли вопль; руководимая ими печать принялась твердить что выгоды договора болѣе нежели сомнительны, и что преслѣдуя политическіе виды, правительство купило себѣ нѣсколько уступокъ со стороны Испаніи пожертвовавъ крупными, почти жизненными, интересами Гамбурга и Бремена. Офиціозная печать старалась умѣрить эти вопли и парализовать ихъ вліяніе. Было заявлено что трактатъ вовсе не подрываетъ торговыхъ оборотовъ Гамбурга и Бремена, что дѣло идетъ объ интересахъ всего-на-все шести гамбургскихъ фирмъ занимающихся дистилляціей и переработкой русскаго спирта. Эти фирмы могутъ де съ такою же выгодой вести дѣло и съ нѣмецкимъ спиртомъ, что доставило бы громадныя выгоды германскимъ винокурамъ и сельскимъ хозяевамъ.

Возраженія эти первоначально имѣли нѣкоторый успѣхъ, до тѣхъ поръ пока Гамбургскій сенатъ не принялъ рѣшенія войти съ особымъ ходатайствомъ объ устраненіи стѣснительныхъ для Гамбурга требованій Испаніи, облагающей повышенною пошлиной русскій спиртъ и издѣлія изъ него ввозимыя чрезъ ганзейскіе города. Становилось ясно что дѣло идетъ не о какихъ-то шести фирмахъ, что въ немъ замѣшаны крупные интересы и что, наконецъ, не только въ рейхстагѣ, но и въ союзномъ совѣтѣ слѣдуетъ ожидать серіозныхъ возраженій противъ договора. Въ эту минуту офиціозная печать, ссылаясь на ходатайства торговыхъ палатъ, сдѣлала послѣдній шагъ предложивъ правительству „принять мѣры чтобы трактатъ былъ немедленно введенъ въ силу," ибо въ противномъ случаѣ „какая-нибудь третья держава можетъ воспользоваться промедленіемъ въ ущербъ германской промышленности и даже сбить ее съ испанскаго рынка," такъ какъ запасы германскихъ товаровъ въ Испаніи уже истощились, а ввозъ по возвышенному *генеральному* тарифу, будучи безвыгоденъ для Германіи, открываетъ широкое поле для иностранныхъ конкуррентовъ.

Ссылаясь на эти доводы и опять-таки на ходатайства тѣхъ же торговыхъ палатъ, имперское правительство попыталось было ввести торговый трактатъ въ силу съ согласія лишь союзнаго совѣта, но не созывая его. Союзный совѣтъ состоитъ изъ представителей вассальныхъ правительствъ; представители эти дѣйствуютъ на основаніи даваемыхъ имъ точныхъ инструкцій, а потому ихъ вотумъ не можетъ расходиться со взглядами представляемыхъ ими правительствъ, къ которымъ имперскія власти и обратились съ запросомъ. Каковъ былъ отвѣтъ неизвѣстно: одна часть печати утверждаетъ что отвѣтъ былъ вполнѣ благопріятный, другая, напротивъ, свидѣтельствуетъ что Гамбургъ нашелъ вниманіе къ своимъ нуждамъ и поддержку. Надо думать однако что большинство было на сторонѣ мнѣнія имперскихъ властей; но простаго большинства въ этомъ дѣлѣ недостаточно. Вопросъ ставился такимъ образомъ слишкомъ круто, и правительство не рѣшилось на задуманный имъ первоначально маневръ. Затѣмъ оставалось одно изъ двухъ: или немедленно, ad hoc, созвать рейхстагъ, или войти въ сношенія съ Испаніей о введеніи договора въ дѣйствіе *временно*, впредь до разсмотрѣнія и утвержденія его въ законодательномъ порядкѣ. Изъ этихъ двухъ способовъ, второй представлялъ бо́льшія выгоды. Созывать рейхстагъ въ половинѣ августа, въ самый разгаръ возбужденной

дѣломъ полемики, казалось даже опаснымъ, такъ какъ палата могла бы или вовсе отвергнуть договоръ, или внести въ него такія поправки которыя потребовали бы новыхъ сношеній съ Испаніей именно въ то время когда это особенно неудобно въ политическомъ отношеніи, во время дружественнаго посѣщенія Мюнхена и Берлина королемъ Испанскимъ. Напротивъ, временная сдѣлка съ Испаніей, кромѣ нѣкоторыхъ матеріальныхъ выгодъ и политическихъ удобствъ, давала право разсчитывать что оппозиція противъ договора утихнетъ, и что Гамбургъ во всякомъ случаѣ лишится союзника, парламентской лѣвой, готовой де поддерживать все что̀ идетъ противъ торговой политики правительства.

Сдѣлка съ Испаніей состоялась, но разсчеты имперскаго правительства оправдались не вполнѣ. „Парламентскій вопросъ" устраненъ, но за то оппозиція тѣмъ рѣшительнѣе и настойчивѣе занялась германско-испанскимъ торговымъ трактатомъ по существу, а Гамбургскій сенатъ выигралъ время необходимое для того чтобы выяснить свои интересы и свое право на поддержку. Въ послѣднихъ нумерахъ берлинскихъ газетъ передано извѣстіе что сенаторъ Ферсманъ, представитель Гамбурга въ союзномъ совѣтѣ, отправляется на дняхъ въ Берлинъ съ формальнымъ протестомъ и долженъ будетъ войти въ сношенія „со всѣми вѣдомствами имперскаго управленія" дабы выяснить имъ важность предмета о которомъ идетъ рѣчь. Рейхстагъ будетъ созванъ не скоро, и у г. Ферсмана достанетъ времени съ успѣхомъ исполнить возложенную на него миссію, убѣдивъ кого нужно что торговый трактатъ съ Испаніей вовсе не такъ выгоденъ какъ это стараются выставить.

Итакъ, временно дѣйствующіе теперь между Испаніей и Германіей договоръ и тарифы быть-можетъ еще не будутъ утверждены. Съ ними можетъ случиться то же что̀ нѣсколько лѣтъ назадъ случилось съ Австро-Германскою конвенціей о судоходствѣ по Эльбѣ.

№ 210.

Москва, 30-го Іюля.

Недавно въ Петербургѣ вышла книжка подъ заглавіемъ: *Шестнадцать дней въ процессъ Кронштадтскаго Коммерческаго Банка и участіе въ немъ князя Д. Д. Оболенскаго.* Въ этой книжкѣ помѣщено описаніе выдающихся моментовъ судебнаго слѣдствія по этому дѣлу въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ, рѣчи произнесенныя во время заключительныхъ преній обвинителями и защитниками и, наконецъ, рѣчь предсѣдавшаго въ этомъ процессѣ, въ которой онъ резюмировалъ, предъ присяжными засѣдателями, сущность обвиненія и значеніе представленныхъ уликъ и доказательствъ. Все это, въ связи съ нѣкоторыми документами относящимися къ предварительному слѣдствію по этому дѣлу и появившимися въ газетахъ, заставляетъ и насъ вернуться къ нему.

Прежде всего возникаетъ вопросъ, почему разслѣдованіе о причинахъ крушенія Кронштадтскаго Банка тянулось почти *четыре года*, а на повѣрку этого слѣдствія на судѣ потребовалось цѣлыхъ *шестнадцать дней?* Развѣ раскрытое преступленіе оказалось выходящимъ изъ ряда? Развѣ пріемы при его совершеніи отличались особенною обдуманностью, маскировавшею самый составъ преступленія и виновниковъ его, такъ что требовалось много труда для разоблаченія и уличенія? Вовсе нѣтъ. Въ свое время мы указывали, на основаніи данныхъ обнаруженныхъ на судѣ, отъ какихъ причинъ лопнулъ Кронштадтскій Банкъ и кто расхитилъ принадлежавшіе ему основный и запасный капиталы. Когда въ члены его правленія попали тѣ лица которыя въ послѣдствіи фигурировали на скамьѣ подсудимыхъ, гг. Шеньянъ, Лангвагенъ и Синебрюховъ, это коммерческое учрежденіе уже можно было назвать „гнилымъ" предпріятіемъ, которое не соотвѣтствовало ни торговымъ интересамъ мѣстности, ни ея потребностямъ въ кредитѣ; лучше было бы ликвидировать его въ то время. Иначе думали принявшіе его въ свои руки новые дѣльцы. Они замыслили оживить его обороты разными, имъ однимъ нужными, спекуляціями. Начали они съ того что открыли себѣ лично и своимъ компаніонамъ на биржѣ самый широкій кредитъ, до того широкій что по

истеченіи двухъ лѣтъ истощили всѣ *наличныя* денежныя средства банка и начали оперировать только бумажными балансами, въ которыхъ *дебетъ* показывался все возрастающимъ по мѣрѣ переполненія портфеля вексельною бумагой, замѣнившею скудный относительно основный капиталъ въ 500.000 рублей милліонами цифръ заимствованныхъ изъ текста тѣхъ векселей. Все это дѣлалось нагло, безо всякой попытки маскировать истинное положеніе дѣлъ банка. Да и скрываться не для чего, а главное, не для кого было. Наша финансовая администрація, на которой лежала обязанность контролировать операціи частныхъ кредитныхъ учрежденій, закрывала глаза не только не замѣчая плутней, но какъ бы поощряя ихъ. Великая ли бѣда что правленіе Кронштадтскаго Банка уже растратило весь свой основный и запасный капиталы? Оно можетъ де еще съ успѣхомъ содѣйствовать оживленію кредита, оперируя вмѣсто денегъ фиктивными цѣнностями, такъ-называемыми *вкладными билетами*. Такъ, повидимому, разсуждала финансовая администрація, давая въ то время разрѣшеніе на принятіе отъ разныхъ своихъ контрагентовъ, вмѣсто *денежныхъ залоговъ*, кронштадтскіе закладные листы издѣлія гг. Шеньяна и К⁰; таковъ былъ режимъ Государственнаго Банка, который выдавалъ ссуды подъ обезпеченіе этихъ ничего нестоящихъ цѣнностей. Нужно ли послѣ этого удивляться что правленіе Кронштадтскаго Банка долго и упорно удерживало свою выгодную позицію, выпуская на милліоны вкладные билеты, обезпеченные вексельною бумагой его кліентовъ?

Объ истинномъ положеніи дѣлъ этого банка знали всѣ, не исключая сторожей охранявшихъ его помѣщеніе. Не удивительно поэтому что, при первомъ появленіи судебной власти въ стѣнахъ этого помѣщенія, *все сразу обнаружилось*, и всѣ признаки преступныхъ дѣйствій, *расхищеніе ввѣренныхъ капиталовъ*, *подлоги въ книгахъ и отчетахъ*, были налицо; налицо же находились и виновники этихъ уголовныхъ дѣяній, члены правленія банка, которые и не пытались отрицать свою виновность.

Почему же, спрашиваемъ мы снова, предварительное слѣдствіе по этому дѣлу тянулось *четыре* года? Вѣдь большій или меньшій выпускъ вкладныхъ билетовъ не увеличивалъ и не умалялъ значенія и свойствъ преступнаго дѣянія съ точки зрѣнія *Уложенія о Наказаніяхъ*; да и не дѣло было прокуратуры и слѣдователей приводить въ извѣстность весь *активъ* и *пассивъ* лопнувшаго Банка. Это лежало на обязанности финансовой администраціи, конкурснаго управленія учрежденнаго по дѣламъ этого банка, но отнюдь не входило въ сферу уголовной юстиціи. Шеньянъ съ братіей за растрату ими банковыхъ суммъ послѣ присвоенія первой тысячи рублей, или послѣ неправильно выданнаго перваго вкладнаго билета на эту сумму, понесли бы то же самое наказаніе которое постигло ихъ послѣ стотысячной растраты и подложнаго выпуска билетовъ на милліоны рублей. Въ такомъ случаѣ и предварительное слѣдствіе, въ рукахъ сколько-нибудь опытнаго слѣдователя, должно было бы окончиться въ теченіе одного, много двухъ мѣсяцевъ, а преданіе суду состояться черезъ шесть.

Но въ данномъ случаѣ была, казалось, возможность возвести дѣло въ *cause célèbre*. Отъ махинацій Кронштадтскаго Банка со вкладными билетами *разорился* бывшій предводитель дворянства, князь Д. Д. Оболенскій. Нѣтъ ли возможности этого князя, потерпѣвшаго значительный ущербъ благодаря соблазну столь доступнаго кредита, обратить въ подсудимаго, въ участника преступленій совершенныхъ банковыми воротилами? Нельзя ли пристегнуть къ нему одного желѣзнодорожнаго подрядчика, обжегшагося на той же аферѣ, и пожелавшаго выстроить Боровицкую дорогу помощью тѣхъ же ничтожныхъ цѣнностей? Тогда декораціи судебной *mise en scène* измѣнятся...

Задумано, сдѣлано. Изъ дѣла видно что князь Оболенскій получилъ значительное количество вкладныхъ листовъ Кронштадтскаго Банка для своихъ подрядовъ съ казной. Вѣроятно де это онъ сдѣлалъ умышленно, *зная* что эти вкладные билеты выданы неправильно. При этомъ не принималось въ разчетъ что князь Оболенскій, взамѣнъ этихъ фиктивныхъ билетовъ, выдалъ банку свои векселя, валюта которыхъ съ него могла быть взыскана въ полныхъ рубляхъ. Для порядка и ради соблюденія приличій предписываемыхъ уставомъ уголовнаго судопроизводства, предписывается произвести *обыскъ* въ домѣ князя Оболенскаго, въ его имѣніи Тульской губерніи,

не откроется ли искомый *corpus delicti*. Обыскъ произведенъ, ни въ чемъ неповинная семья встревоженная въ его отсутствіе нашествіемъ *понятыхъ* изъ крестьянъ, полиціей и слѣдователемъ, передастъ въ распоряженіе послѣдняго все что было въ домѣ письменнаго. Выемка драгоцѣннаго слѣдственнаго матеріала совершена и отсылается въ Петербургъ. Растерянный и ошеломленный князь Оболенскій, узнавъ по возвращеніи домой о происходившей у него пертурбаціи, спѣшитъ заявить о поруганіи его чести представителю дворянскихъ интересовъ въ губерніи. Тульскій губернскій предводитель дворянства, Ѳ. А. Свѣчинъ, обращается къ министру Внутреннихъ Дѣлъ (графу Игнатьеву), выражая ему свое недоумѣніе по поводу неосновательнаго привлеченія къ уголовной отвѣтственности уважаемаго представителя дворянства, не вѣря въ его виновность и въ основательность повода вслѣдствіе котораго домъ его подвергся обыску. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ спѣшитъ списаться съ министромъ Юстиціи по поводу этого казуса, и затѣмъ увѣдомляетъ предводителя дворянства что генералъ-прокуроръ (званіе министра Юстиціи) лично убѣдился въ законности дѣйствій подчиненныхъ ему чиновъ прокурорскаго надзора относительно князя Оболенскаго, что обыскъ у послѣдняго произведенъ не только на законномъ основаніи, но что и результаты добытые тѣмъ обыскомъ вполнѣ уличаютъ князя Оболенскаго въ участіи въ преступленіяхъ совершенныхъ членами правленія Кронштадтскаго Банка, „что дѣйствіе обвинительной власти по отношенію къ сему *обвиняемому* (то-есть князю Оболенскому, который еще въ то время не былъ формально привлеченъ къ слѣдствію) не только не могутъ быть названы притѣснительными, но отличались напротивъ такою особенною осмотрительностію которая быть - можетъ могла бы быть названа преувеличенною и навлечь на представителей обвинительной власти нареканіе въ недостаточной рѣшительности.“

Это было писано 10 сентября 1881 года; а еще 26 іюля того же года петербургскій судебный слѣдователь, г. Порѣцкій, разсмотрѣвъ документы добытые во время обыска и выемки въ домѣ князя Оболенскаго, призналъ что они никакого отношенія къ дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Кронштадтскомъ Банкѣ имѣть не могутъ, о чемъ и сдѣлалъ того же числа постановленіе.

Возникло опасеніе что преждевременно обвиняемый князь Оболенскій получитъ копію съ этого постановленія и докажетъ придирчивость судебныхъ властей. Но предварительное слѣдствіе тянулось еще полтора года, собирались и нанизывались факты и данныя о частной жизни и дѣлахъ князя Оболенскаго, наконецъ состоялось преданіе его суду по обвиненію въ завѣдомомъ участіи въ преступленіяхъ членовъ правленія разорившаго его банка; обвиненіе состояло въ томъ что онъ пользовался для своей выгоды фиктивными цѣнностями, выпущенными правленіемъ этого банка, взамѣнъ коихъ князь Оболенскій выдавалъ свои законныя обязательства, что привело его же къ разоренію.

Очевидная *contradictio in adjetco*, скажутъ логически-мыслящіе читатели. Это, однако, не помѣшало привлеченію князя Оболенскаго къ суду. Въ засѣданіе по дѣлу Кронштадтскаго Банка былъ отряженъ товарищъ прокурора Саблинъ, на котораго возложена была спеціальная миссія доказать что не только правленіе банка виновно въ его крушеніи расхищеніемъ его капиталовъ и подложнымъ выпускомъ вкладныхъ билетовъ, но что князь Оболенскій и г. Суздальцевъ, поплатившіеся своею довѣрчивостью къ этимъ цѣнностямъ, совершили уголовныя преступленія. Г. Саблинъ провелъ на судѣ ту мысль что представитель древняго дворянскаго рода, привлеченный на скамью подсудимыхъ по этому дѣлу, не отличается достаточнымъ патріотизмомъ, жилъ выше своихъ средствъ, напрасно защищается письменнымъ и словеснымъ заступничествомъ за него тульскихъ дворянъ, свидѣтельствующихъ о доброй нравственности лишь ради отстаиванія своихъ сословныхъ интересовъ; но ничего серіознаго не привелъ въ подтвержденіе того что князь Оболенскій, пріобрѣтая за свои деньги или, что все равно, за свои обязательства, негодныя и подложныя бумаги Кронштадтскаго Банка, самъ виновенъ въ подложномъ составленіи и выпускѣ этихъ цѣнностей.

Резюмируя данныя судебнаго слѣдствія, предсѣдатель суда пытался формулировать признаки преступленія подлога и соучастія въ ономъ. Изъ длинной рѣчи его присяжнымъ можно убѣдиться только что вся аргументація, имѣющая цѣлію выставить уча-

стникомъ подлога то лицо которое пріобрѣло за извѣстную цѣну денежный документъ, въ послѣдствіи оказавшійся неправильно составленнымъ и потому недѣйствительнымъ, не выдерживаетъ никакой критики.

Если это дѣло, поднявшее столько „либеральной“ мысли (хорошъ либерализмъ), и окончилось оправданіемъ неправильно привлеченныхъ къ нему, то оно какъ нельзя лучше доказало что общество и его члены недостаточно ограждены у насъ отъ судебной волокиты если таковая зачѣмъ-либо нужна...

№ 212.

Москва, 1-го августа.

Сессія Французскаго парламента кончилась 2 августа н. ст. среди громкаго скандала, встревожившаго весь политическій міръ Французской республики. „Представители Французскаго народа“ подверглись обвиненію во взяточничествѣ.

Принятыя палатой депутатовъ конвенціи съ желѣзнодорожными обществами подали первый поводъ къ упорно державшимся слухамъ о томъ что нѣкоторые вліятельные депутаты были подкуплены желѣзнодорожными обществами. Слишкомъ уже ясно было для всѣхъ что заключенныя конвенціи, чрезвычайно выгодныя для обществъ, противорѣчатъ государственнымъ интересамъ Франціи. Вмѣсто того чтобы заботиться о выкупѣ желѣзныхъ дорогъ или по крайней мѣрѣ о подчиненіи ихъ правительственному контролю, республиканскіе министры и депутаты отдали значительную часть правительственныхъ желѣзныхъ дорогъ въ руки частныхъ компаній, предоставивъ имъ почти полную свободу эксплуатаціи и наложивъ на нихъ только то обязательство чтобъ онѣ къ опредѣленному сроку провели на извѣстное количество километровъ новые желѣзные пути, обѣщанные депутатами своимъ избирателямъ; деньги же необходимыя для этихъ новыхъ сооруженій общества имѣютъ пріобрѣсти посредствомъ займовъ гарантированныхъ правительствомъ. Эти въ высшей степени невыгодныя для государства условія явились необходимымъ послѣдствіемъ знаменитаго „плана Фрейсине“ принятаго палатой въ маѣ 1878 года. Этотъ „планъ,“ прославившій въ свое время инженера Фрейсине и придавшій ему даже ложный ореолъ государственнаго человѣка, положилъ основаніе обширнымъ государственнымъ предпріятіямъ по сооруженію каналовъ, портовъ, мостовъ, а въ особенности желѣзныхъ дорогъ. Благодаря этому плану, масса праздныхъ въ то время рабочихъ рукъ нашла себѣ занятіе, на всемъ пространствѣ Франціи закипѣла энергическая дѣятельность, которая съ каждымъ годомъ по заранѣе опредѣленному порядку должна была постепенно расширяться, покрывая всю территорію Франціи густою сѣтью путей сообщенія которыя должны были составлять непосредственную собственность государства. По сверхъ того „планъ Фрейсине“ долженъ былъ примирить населеніе съ республикой. Сельскій людъ непріязненно относившійся къ новому образу правленія долженъ былъ наглядно убѣдиться въ великихъ преимуществахъ республики награждающей его драгоцѣнными благами желѣзныхъ дорогъ и каналовъ. Республиканскіе кандидаты на депутатскихъ выборахъ превозносили въ восторженныхъ похвалахъ мудрое правительство, заботливо пекущееся о матеріальныхъ нуждахъ даже самыхъ отдаленныхъ провинцій, и дѣйствительно этотъ ораторскій пріемъ имѣлъ во многихъ случаяхъ несомнѣнный успѣхъ. Такъ какъ громадное большинство республиканскихъ кандидатовъ были люди совершенно новые, а слѣдовательно не могли указывать своимъ избирателямъ на свои прежнія политическія заслуги, то имъ приходилось поневолѣ добиваться мѣста въ палатѣ посредствомъ превознесенія своихъ *будущихъ* заслугъ, то-есть посредствомъ блестящихъ щедрыхъ обѣщаній, сулившихъ избирателямъ цѣлыя горы разныхъ правительственныхъ щедротъ, въ видѣ мостовъ, дорогъ, каналовъ, уменьшенія податей, сокращенія срока военной службы и т. д. Избиратели, всегда охотно вѣрящіе подобнымъ обѣщаніямъ, вручали республиканскимъ кандидатамъ „великій мандатъ народныхъ представителей,“ и новые депутаты затѣмъ обивали пороги у разныхъ министровъ дабы осуществить хоть нѣкоторую долю своихъ обѣщаній. Грандіозный „планъ Фрейсине“ былъ конечно драгоцѣннымъ подспорьемъ для избирательныхъ маневровъ республиканскихъ кандидатовъ, и поэтому весьма понятно

что онъ въ свое время всѣхъ республиканцевъ привелъ въ неописанный восторгъ какъ „идеальное произведеніе геніальнаго мыслителя,“ какъ его въ то время называлъ въ своей газетѣ Гамбетта.

Но „геніальный планъ“ имѣлъ при всемъ своемъ совершенствѣ одинъ существенный недостатокъ. Онъ былъ построенъ на томъ предположеніи что республиканское правительство всегда будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи лишніе милліарды для постепеннаго сооруженія предназначенныхъ работъ. Пять лѣтъ тому назадъ до наступленія „эксперимента чистой республики,“ начавшагося въ 1879 году съ избранія президента Жюля Греви, подобное смѣлое предположеніе могло казаться основательнымъ. Бюджетные періоды ежегодно заключались съ превышеніемъ доходовъ надъ расходами, промышленность и торговля процвѣтали и налоги уплачивались аккуратно. Въ четыре года все измѣнилось. Въ бюджетѣ появился въ настоящемъ году значительный дефицитъ, тяжелый финансовый кризисъ сковалъ промышленность и торговлю, вывозъ товаровъ изъ Франціи сталъ сильно понижаться, тогда какъ привозъ ихъ постепенно увеличивается, массы рабочихъ остались безъ дѣла, все чаще стали появляться стачки, и коммунистическое броженіе все болѣе усиливалось, а налоги стали поступать весьма туго въ государственную казну. „Экспериментъ чистой республики“ чрезъ четыре года имѣлъ своимъ послѣдствіемъ то что богатая отъ природы страна очутилась въ самыхъ затруднительныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ. „Геніальный планъ“ Фрейсине естественнымъ образомъ явился теперь уже не двигателемъ, а тормазомъ республиканскаго прогресса. Въ государственной кассѣ не оказалось денегъ для постройки начатыхъ или обѣщанныхъ желѣзныхъ дорогъ, а между тѣмъ не строить ихъ значило бы лишить республику сочувствія тѣхъ гражданъ которые примкнули къ ней не изъ поклоненія „великому принципу демократіи,“ а просто изъ своихъ личныхъ разчетовъ. А такъ какъ такихъ именно „республиканцевъ“ громадное количество, то приходилось во что бы то ни стало устроить такъ чтобы намѣченныя въ планѣ Фрейсине желѣзныя дороги сооружались. Съ этою цѣлью правительство обратилось къ частнымъ желѣзнодорожнымъ компаніямъ и предложило имъ принять на себя постройку „электоральныхъ дорогъ.“ Тѣ согласились, поставивъ правительству самыя невыгодныя для государства условія. Но правительство находилось уже въ такомъ безвыходномъ положеніи что съ радостью подписало желѣзнодорожныя конвенціи и большинство республиканскихъ депутатовъ утвердило ихъ.

Подобный не то легкомысленный не то своекорыстный образъ дѣйствій правительства и депутатовъ поднялъ цѣлую бурю въ парламентѣ и въ печати. Представители крайнихъ лѣвыхъ и правыхъ оппозиціонныхъ партій стали обвинять правительственное большинство въ томъ что оно принесло государственные интересы Франціи въ жертву желѣзнодорожнымъ компаніямъ, что конечно не могло бы случиться еслибъ это большинство не извлекло себѣ выгоды изъ заключенія желѣзнодорожныхъ конвенцій, а депутатъ Лезанъ, принадлежащій къ лѣвой радикальной партіи, прямо обвинилъ депутатовъ большинства во взяточничествѣ и заклеймилъ въ своей газетѣ палату депутатовъ словами: „la Chambre infâme.“

Обвиненіе, брошенное г. Лезаномъ въ лицо республиканскому правительству и парламентскому большинству произвело необыкновенно сильную сенсацію. Оскорбленные депутаты потребовали отъ своего товарища чтобъ онъ назвалъ подкупленныхъ въ ихъ средѣ, а когда тотъ этого не сдѣлалъ, такъ какъ конечно не имѣлъ въ рукахъ письменныхъ документовъ которые могли бы оградить его отъ судебнаго преслѣдованія за клевету, то заподозрѣнные депутаты торжественно протрубили побѣду, объявили что честь ихъ чиста и поздравили себя съ тѣмъ что спасли парламентаризмъ отъ сокрушительнаго удара, „ибо въ тотъ самый день,“ писала газета *Paix*, „когда можно будетъ допустить мысль что какой-нибудь депутатъ можетъ пользоваться своимъ вліяніемъ, которымъ онъ обязанъ своему избранію, для своей наживы (sa fortune personelle), парламентскій режимъ получитъ такой ударъ отъ котораго онъ можетъ-быть никогда не оправится. Когда управленіе государствомъ и слѣдовательно судьба страны зависитъ отъ голосованій, то голоса никогда не должны возбуждать подозрѣнія, иначе весь режимъ проваливается.“ При этомъ органъ г. Греви наивно со-

знается что въ другихъ странахъ активный и пассивный подкупъ депутатовъ есть довольно обычное явленіе, какъ напримѣръ въ Америкѣ, въ Англіи, въ Италіи, въ Австріи, но во Франціи такое явленіе немыслимо, такъ какъ де взяточничество „противорѣчитъ національному генію.“

Не успѣли однако республиканцы отпраздновать свою побѣду какъ явилось новое разоблаченіе. Одинъ финансовый дѣлецъ, нѣкто г. Боланъ, показалъ на судѣ въ Бельгіи что далъ взятку въ 16.000 фр. двумъ французскимъ республиканскимъ депутатамъ въ видѣ вознагражденія за помощь по улаженію какого-то финансоваго предпріятія. Палата всполошилась, и не случись тутъ кстати закрытіе парламентской сессіи, намъ пришлось бы быть свидѣтелями бурныхъ засѣданій. Теперь буря разразилась въ печати. „Имена, имена!“ раздаются крики со всѣхъ сторонъ. Отыскали г. Болана и потребовали отъ него чтобъ онъ назвалъ двухъ депутатовъ взяточниковъ, на что тотъ конечно отвѣтилъ отказомъ, не желая выдавать своихъ друзей, которые съ такою готовностію продали свое депутатское вліяніе. Отказъ г. Болана еще болѣе раздражилъ республиканскихъ депутатовъ, и они теперь придумываютъ средство какъ бы выпытать у г. Болана истину.

Серіозные органы республиканской печати съ горькою печалью взираютъ на этотъ вопіющій скандалъ. Газета президента палаты депутатовъ г. Бриссона, *Siècle*, далека отъ тѣхъ восторженныхъ похвалъ, которыми, какъ мы только что видѣли, органъ г. Греви осыпаетъ республиканскихъ депутатовъ. Страсть къ наживѣ, вотъ по ея сужденію главный порокъ этихъ господъ. „Едва депутатъ выбранъ,“ говоритъ она, „какъ онъ уже отыскиваетъ себѣ выгодныя занятія внѣ стѣнъ парламента. Одни основываютъ газеты или по крайней мѣрѣ принимаютъ участіе въ существующихъ органахъ печати, другіе занимаются адвокатурой, третьи пускаются въ финансовыя предпріятія и продаютъ свое имя спекуляторамъ для рекламы. Одни изъ депутатовъ вступаютъ въ желѣзнодорожныя правленія, другіе въ страховыя общества, третьи въ банки, четвертые въ промышленныя и торговыя товарищества и т. д. Имъ все равно какова бы ни была спеціальность избраннаго ими предпріятія, имъ нужно только жалованье и дивиденды, *ибо не будучи ни къ чему годными, они естественно пригодны на все* (car n'étant propres à rien, ils sont naturellement bons à tout).“

Вотъ какъ отзывается о „представителяхъ народа“ не врагъ республики, а президентъ палаты депутатовъ г. Бриссонъ. Можетъ ли идти далѣе самосознаніе негодности парламентскаго режима? Этотъ режимъ не ждетъ уже болѣе того сокрушительнаго удара какимъ пугаетъ его газета *Paix*: онъ уже „провалился“. Не принужденъ ли былъ даже классическій англійскій парламентъ посвятить почти всю свою сессію обсужденію мѣръ которыя могли бы хоть нѣсколько сдержать открыто выступающій скандалъ избирательнаго взяточничества?

№ 213.

Москва, 2-го августа.

Состоявшаяся на дняхъ поѣздка Германскаго императора изъ Гаштейна въ Ишль для свиданія съ императоромъ Францомъ-Іосифомъ возбудила въ Европѣ вопросъ о политическомъ значеніи этого свиданія. Хотя пребываніе маститаго монарха въ Гаштейнѣ ради его цѣлебныхъ водъ періодически повторяется каждое лѣто, причемъ весьма естественно повторяется, на австрійской территоріи, и встрѣча его съ государемъ Австро-Венгріи, такъ что неповтореніе этого обычнаго явленія скорѣе могло бы показаться страннымъ, тѣмъ не менѣе послѣднее свиданіе обоихъ императоровъ въ Ишлѣ обратилось въ событіе чрезвычайное. Притомъ, событію этому предшествовали нѣкоторые особенные знаки куртуазіи. Для привѣтствія императора Вильгельма въ предѣлахъ Австро-Венгріи императоръ Францъ-Іосифъ послалъ своего министра иностранныхъ дѣлъ графа Кальноки. Пробывъ нѣкоторое время въ Гаштейнѣ, графъ Кальноки былъ нѣсколько разъ принятъ августѣйшимъ гостемъ своего властелина, и при своемъ отъѣздѣ отличенъ высокою наградой, прусскимъ орденомъ Чернаго Орла.

Этого было достаточно для досужихъ публицистовъ чтобы толковать миссію графа Кальноки вкривь и вкось. Молчали лишь вѣнскій и берлинскій офиціозные органы. Но и послѣдніе сломали печать молчанія

какъ только состоялось самое свиданіе въ Ишлѣ.

„Народы Австро-Венгріи и Германіи, такъ вѣщаетъ вѣнская *Abendpost*, узрятъ въ этомъ свиданіи новое доказательство искренней дружбы, тѣсно связующей обоихъ монарховъ и управляемыя ими государства и привѣтствуемой остальной Европой какъ вѣрнѣйшій залогъ мира.“ Политическій гороскопъ, поставленный публицистами въ Берлинѣ, сталъ указывать на не менѣе утѣшительные констелляціи. Расшатанная республиканскою неурядицей Франція не можетъ де въ настоящее время никому угрожать; она не обладаетъ даже достаточною рѣшимостью послать ультиматумъ Китаю. Англія и та не смѣетъ еще „сорвать единственно спѣлый плодъ“ своей восточной политики на Суэзскомъ каналѣ. Россія де занята своими внутренними дѣлами. При такихъ комбинаціяхъ, возобновленный и вновь закрѣпленный теперь въ Ишлѣ союзъ, къ которому, какъ нѣкая тѣнь видимо-невидимая, als der dritte im Bunde, примыкаетъ Италія, представляетъ де наилучшую гарантію для Европы отъ всякихъ потрясеній.

Но при чтеніи всѣхъ этихъ статей, долженствующихъ повидимому успокоивать общественное мнѣніе Европы, невольно прокрадывается нѣкоторое недоумѣніе касательно обоюдности и солидарности политики обѣихъ державъ. Къ чему, спрашивается, понадобилась именно теперь эта торжественность возглашенія ихъ пресловутаго союза? Не очевидно ли что требовалось загладить какую-либо рознь между ними?

Недоумѣніе это высказываетъ и независимая берлинская печать. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія статья *Національной Газеты* о свиданіи въ Ишлѣ. Усматривая и со своей стороны гарантію всеобщаго спокойствія въ союзѣ обѣихъ монархій, упомянутая газета видитъ однако серіозную опасность въ интригахъ польской партіи.

Указывая на положеніе дѣлъ въ Галиціи, берлинская газета предостерегаетъ австро-венгерскихъ политиковъ отъ чрезмѣрнаго мирволенія проискамъ Поляковъ выражающимся въ открытомъ стремленіи образовать изъ этой провинціи Габсбургской короны обособленную *польскую* страну.

„Начиная съ 1848 г., свидѣтельствуетъ берлинская газета, Поляки всѣми мѣрами старались сдѣлать изъ Галиціи польскую твердыню, къ которой такъ или иначе могли бы примкнуть прусскіе и русскіе Поляки, и откуда могъ бы быть возбужденъ мятежъ какъ въ Варшавѣ, такъ и въ Познани. Польскій мятежъ въ 1863 г. былъ возможенъ только благодаря содѣйствію изъ Галиціи, на которое австрійское правительство смотрѣло сквозь пальцы. Около времени Берлинскаго трактата Поляки окончательно устроились въ своей оборонительной позиціи, и съ тѣхъ поръ неутомимо изготовляются къ тому чтобы перейти въ наступленіе. Фантазіи ихъ, какъ и Римской куріи, мерещится всемірная война, всеобщая революція. Но такъ какъ они сами не отдаютъ себѣ яснаго отчета, будутъ ли они въ этой войнѣ на сторонѣ Нѣмцевъ противъ Русскихъ, или составятъ авангардъ Русскихъ для уничтоженія *гнилаго Запада*, то всѣ ихъ хлопоты представляютъ собой нѣчто безцѣльное. Они возбуждаютъ только тревогу безо всякаго результата. Они раздражаютъ то насъ, то Русскихъ. Въ продолженіе цѣлаго столѣтія, они какъ кроты роются въ европейской почвѣ, хотя имъ не удалось взорвать на воздухъ ни Пруссіи ни Россіи. Даже объ руку съ іезуитами они слишкомъ слабы для какого-либо большаго предпріятія, какое требуетъ значительной силы. Искусственно возбуждаемая ненависть Русскихъ къ Нѣмцамъ раздувается Поляками, и никто не сомнѣвается въ этомъ ни въ Петербургѣ, ни въ Берлинѣ. Замыслы Поляковъ употребить Нѣмцевъ въ качествѣ тарана чтобы потрясеніемъ русскаго могущества возстановить свое государство имѣютъ шутовскую комическую сторону: дѣло въ томъ что не прошло бы и десяти лѣтъ по возстановленіи этого польскаго государства какъ мы же въ союзѣ съ Русскими принуждены были бы такъ же раздѣлить его между собой какъ раздѣлили старую Польшу.“

Политика Австріи относительно Поляковъ тѣмъ не менѣе тревожитъ Германію. Всякое возбужденіе польской справы вредно отзывается на ея дѣлахъ, возбуждаетъ въ ней партикуляристскіе элементы, которые соединяются тамъ съ ультрамонтанскими, волнуетъ познанскихъ Поляковъ и мутитъ отношенія къ сосѣднимъ державамъ. „Для Германскаго правительства, говоритъ *National Zeitung*, была какъ бы внезапнымъ блескомъ молніи уступка галицкихъ

желѣзныхъ дорогъ Полякамъ, и если графъ Кальноки во время своихъ частыхъ аудіенцій у императора Германскаго не дѣлалъ прямо доклада о внутренней политикѣ Австріи, то онъ конечно не могъ не дать объясненій о томъ особомъ положеніи которое Поляки занимаютъ въ этомъ государствѣ, ибо отъ этихъ объясненій зависитъ самый союзъ."

Только послѣ данныхъ объясненій графъ Кальноки былъ награжденъ орденомъ, а императоръ Вильгельмъ отправился въ Ишль.

Другія берлинскія газеты прибавляютъ еще доводы въ подтвержденіе того что въ Гаштейнѣ шла рѣчь объ измѣненіи внутренней политики Австріи по отношенію къ Галиціи. Еще до прибытія императора Вильгельма въ Ишль туда былъ призванъ австрійскій министръ-президентъ графъ Таафе, которому вѣроятно даны были нѣкоторыя инструкціи по дѣламъ Галиціи, и вотъ почему это заключеніе считается правдоподобнымъ: мѣсяца два тому назадъ, въ вѣнскихъ газетахъ упорно держался слухъ что графъ Потоцкій, намѣстникъ Галиціи, *по разстроенному здоровью*, выходитъ въ отставку; слухъ этотъ былъ опровергнутъ вскорѣ послѣ того какъ графъ Потоцкій, пробывъ въ Вѣнѣ нѣкоторое время, возвратился оттуда въ Краковъ, *„увѣренный что проектъ децентрализаціи галиційскихъ желѣзныхъ дорогъ получитъ утвержденіе;"* послѣ же поѣздки графа Таафе въ Ишль извѣстіе о выходѣ графа Потоцкаго въ отставку подтверждается даже офиціознымъ *Fremdenblatt*.

Вотъ какъ чутко въ Германіи относятся къ замысламъ польской партіи, которая получила у насъ въ послѣднее время столь сильное подкрѣпленіе...

№ 214.

Москва, 3-го августа.

Помѣщаемая въ сегодняшнемъ нумерѣ статья *Желѣзнодорожныя конвенціи во Франціи* невольно возбуждаетъ вопросъ о положеніи желѣзнодорожнаго дѣла у насъ. Какъ во Франціи, такъ и въ Россіи, частная эксплуатація господствуетъ въ управленіи желѣзными дорогами, которыя по существу своему имѣютъ монопольный характеръ, а въ то же время должны быть открыты для всеобщаго пользованія. Чѣмъ дешевле провозъ, тѣмъ, разумѣется, доступнѣе эти пути сообщенія для пользованія, тѣмъ болѣе соотвѣтствуютъ они смыслу правилъ вносимыхъ въ акты концессій, — правилъ требующихъ чтобы компаніи содержали на линіяхъ движеніе какое удовлетворяло бы потребностямъ обращенія въ странѣ. Первая и существеннѣйшая потребность обращенія состоитъ въ томъ чтобы размѣръ провозной платы не стѣснялъ передвиженія пассажировъ и грузовъ. Эта потребность возведена на степень права содержащимися въ актахъ концессій правилами. Отсюда очевидно слѣдуетъ что эксплуатація желѣзныхъ дорогъ должна имѣть значеніе не просто *коммерческаго предпріятія*, но *государственнаго служенія* (service public); цѣль ея не въ возможно большей выручкѣ отъ сборовъ за пользованіе желѣзными дорогами, а въ удовлетвореніи потребностямъ передвиженія.

Этому прямому назначенію рельсовыхъ путей прямо противорѣчитъ передача ихъ въ завѣдываніе частныхъ компаній, стремящихся извлечь наибольшую выгоду изъ затраченнаго ими капитала и очень мало заботящихся объ удовлетвореніи потребностей того „государственнаго служенія" ради котораго онѣ сооружаются.

Правда, пока желѣзнодорожное дѣло было еще ново, государственная власть, затрудняясь принять на себя веденіе предпріятія, котораго результаты не могли быть съ точностью предусмотрѣны, могла уступить свои права частнымъ предпринимателямъ, но не иначе какъ подъ условіемъ срочности передаваемыхъ полномочій, а главнымъ образомъ съ тѣмъ чтобы государственное значеніе желѣзныхъ дорогъ не утратилось въ частныхъ рукахъ.

Ограниченіе концессій опредѣленнымъ срокомъ, по прошествіи котораго желѣзныя дороги переходятъ въ казну, съ одной стороны, и обезпеченіе за государствомъ досрочнаго *права выкупа* концедированныхъ линій, съ другой, даютъ государственной власти господствующее положеніе надъ частными компаніями которымъ уступлены временно желѣзныя дороги.

Пользуясь этими двумя орудіями, — „правомъ перехода и правомъ выкупа," — государственная власть имѣетъ всегда возможность возвратить себѣ временно уступленную ею часть своего верховенства въ дѣ-

лѣ удовлетворенія общественной потребности передвиженія по желѣзнымъ дорогамъ.

Интересъ концессіонерныхъ компаній заключается, наоборотъ, въ томъ чтобы затруднить для государства осуществленіе столь важныхъ для него правъ. Въ этомъ отношеніи исторія развитія французскихъ желѣзнодорожныхъ компаній представляетъ поразительный примѣръ успѣшно веденной борьбы съ государственною властію, столь ослабленною заключенными въ настоящемъ году „конвенціями."

Исторія развитія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи вообще представляетъ много сходнаго съ движеніемъ этого дѣла во Франціи, какъ оно изложено въ помѣщаемой ниже статьѣ.

Читая текстъ концессій и уставовъ русскихъ желѣзнодорожныхъ компаній нерѣдко встрѣчаемъ положенія буквально заимствованныя изъ французскихъ такъ-называемыхъ cahiers des charges въ которыхъ права компаній подвергаются ограниченіямъ. Чтобы въ этомъ убѣдиться достаточно сличить измѣненный въ 1861 году уставъ Главнаго Общества Россійскихъ Желѣзныхъ Дорогъ съ упомянутыми источниками французскаго желѣзнодорожнаго права, и станетъ ясно что многія положенія устава просто переведены съ французскихъ текстовъ.

Мало того, подобно тому какъ во Франціи эксплуатація желѣзныхъ дорогъ съ конца пятидесятыхъ годовъ сосредоточилась въ завѣдываніи немногихъ компаній, у насъ въ истекшее десятилѣтіе образовались обширныя сѣти рельсовыхъ путей, переданныхъ Главному Обществу и Обществу Юго-Западныхъ Желѣзныхъ Дорогъ. Сліяніе мелкихъ компаній въ одну крупную (fusion) встрѣчается и у насъ, подобно тому какъ во Франціи, хотя не въ равной мѣрѣ.

Независимость компаній при установленіи ими тарифныхъ ставокъ до того общеизвѣстна у насъ что не требуетъ дальнѣйшаго поясненія. Еще недавно въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* помѣщались отчеты о тѣхъ исключительно коммерческихъ соображеніяхъ, основанныхъ на разчетѣ о повышеніи общей выручки отъ эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, какими руководились уполномоченные отъ правленій русскихъ желѣзныхъ дорогъ входящихъ въ составъ второй группы, при установленіи ими, на основаніи ничѣмъ не стѣсняемаго произвола, размѣровъ тарифа на предстоящій тарифный годъ.

А развѣ у насъ не зараждается особаго рода литература на денежныя поддержки отъ „съѣздовъ," подобно той littérature stipendiée, которую такъ жестоко бичевалъ недавно Камилль Пеллетанъ во французской палатѣ депутатовъ? Не проводятся ли здѣсь идеи о необходимости „самоуправленія и децентрализаціи" для русскихъ желѣзнодорожныхъ компаній?.

Сходство между русскими и французскими концессіонными компаніями оказывается также въ ихъ задолженности предъ казной

Французскія компаніи, въ заключенныхъ ими „конвенціяхъ," сумѣли извлечь для себя громадную выгоду изъ своей задолженности государству. Онѣ обязались уплатить немедленно, не дожидаясь наступленія срока, свои долги казнѣ посредствомъ сооруженія предположенной сѣти желѣзныхъ дорогъ. Расплачиваясь съ государствомъ, французскія компаніи освобождаются отъ неудобнаго кредитора, который могъ бы воспользоваться ихъ задолженностью въ видахъ выкупа. Вмѣсто могущественнаго кредитора, къ которому до сихъ поръ обращались французскіе концессіонеры, они предпочитаютъ теперь имѣть дѣло съ разсѣянными среди населенія страны облигаціонерами, къ которымъ они обратятся съ подпиской отъ себя по новому желѣзнодорожному займу въ 1.300 милліоновъ франковъ.

При задолженности французскихъ желѣзнодорожныхъ компаній предъ казной, выкупъ рельсовыхъ путей фактически былъ наполовину осуществленъ. Но онѣ сумѣли, въ силу „конвенцій," не уплачивая государству ни одного франка, произвести съ нимъ разчетъ по своимъ долговымъ обязательствамъ и поставить на его мѣсто другаго кредитора, — массу обладателей облигацій, не имѣющую „права выкупа."

Нельзя не признать той ловкости съ которою воспользовались французскія желѣзнодорожныя компаніи стѣсненнымъ финансовымъ положеніемъ Французскаго правительства чтобы свергнуть съ себя тяготѣвшее надъ ними „право выкупа."

„Заключенныя конвенціи, говорилъ въ палатѣ депутатовъ Мадье де-Монжо, это новое Ватерло для Франціи." Дѣйствительно, онѣ заставили Французское правитель-

ство отдать въ руки компаній могущественное орудіе, которымъ располагала государственная власть для удержанія своего господства надъ концессіонерами.

Если до сихъ поръ положеніе желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи представляло много сходства съ положеніемъ его во Франціи, то невольно раждается опасеніе чтобъ это сходство не пошло далѣе, чтобъ у насъ существующее положеніе не приняло по отношенію къ „праву выкупа" государствомъ концедированныхъ путей такого же оборота какъ во Франціи. Опасеніе это тѣмъ болѣе имѣетъ мѣсто что у насъ для многихъ желѣзныхъ дорогъ наступаетъ время когда по актамъ концессій казна будетъ въ правѣ совершить выкупъ рельсовыхъ путей.

Въ противоположность Франціи, сложившей долги своихъ желѣзнодорожныхъ компаній, намъ въ Россіи необходимо воспользоваться долгами нашихъ концессіонеровъ предъ казной для своевременнаго перехода рельсовыхъ путей отъ частныхъ предпринимателей въ государственное управленіе, по примѣру Германіи и Бельгіи. Путемъ „выкупа" правительственная власть въ Россіи получитъ возможность опредѣлять въ интересѣ населенія желѣзнодорожные тарифы.

Для господства надъ желѣзнодорожными тарифами вовсе нѣтъ надобности вдругъ выкупать всю сѣть рельсовыхъ путей, достаточно съ этою цѣлью произвести выкупъ нѣкоторыхъ линій, съ тарифными ставками которыхъ должны будутъ соображаться прочія компаніи. Государственной власти предлежитъ не только *поправлять вредные* въ общественномъ отношеніи тарифы, какъ это проектировано въ выработанномъ желѣзнодорожною коммиссіей „общемъ уставѣ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ" (§ 21 п. 4), но измѣнить основное положеніе желѣзнодорожнаго дѣла, изъ коммерческаго возвести его на степень государственнаго, опредѣливъ его дѣятельность не разчетомъ на возможно бо́льшую выручку, а широкимъ развитіемъ пользованія рельсовыми путями въ интересахъ народнаго хозяйства. Единственно-дѣйствительное средство какимъ здѣсь располагаетъ государственная власть заключается въ примѣненіи принадлежащаго ей *права выкупа* желѣзныхъ дорогъ.

Тщетно взывалъ г. Мадье де-Монжо къ палатѣ депутатовъ, предостерегая ее отъ принятія желѣзнодорожныхъ „конвенцій," упрочивающихъ за французскими концессіонерными компаніями такую независимость отъ государственной власти что правительство будетъ поставлено въ невозможность согласовать интересы желѣзнодорожныхъ предпринимателей съ потребностями населенія страны. „Зачѣмъ, говорилъ названный нами членъ палаты, нѣтъ среди депутатовъ человѣка который сумѣлъ бы удержать палату отъ принятія *конвенцій*, подобно тому какъ нѣкогда великій англійскій ораторъ лордъ Чатамъ удержалъ свою страну отъ заключенія постыднаго для нея мира съ отпадавшими отъ Англіи Сѣверо-Американскими Штатами?" Французскіе депутаты не приняли даже тѣхъ поправокъ, кромѣ одной, которыя предлагались съ цѣлью ослабить дѣйствіе *конвенцій*, принявъ безо всякихъ измѣненій пять обширныхъ желѣзнодорожныхъ законовъ, обсуждавшихся въ теченіе пятнадцати засѣданій. Для чего потрачено было французскими говорунами столько словъ въ борьбѣ съ предрѣшенными заранѣе законоположеніями? „Слова, слова...", вспоминается горькая иронія Гамлета при чтеніи безконечныхъ рѣчей гремѣвшихъ въ Парижѣ со второй половины іюля мѣсяца.

Не у этихъ болтуновъ, „богатыхъ словомъ, дѣломъ бѣдныхъ," слѣдуетъ намъ брать примѣръ. Въ другой смежной съ нами странѣ желѣзнодорожный вопросъ нашелъ свое правильное разрѣшеніе, въ Германіи, выкупившей изъ частной эксплуатаціи свою желѣзнодорожную сѣть и создавшей изъ нея новую опору своему могуществу.

№ 215.

Москва, 4-го августа.

Возбужденъ, наконецъ, вопросъ „о неудовлетворительности нашей таможенной отчетности" и о необходимости коренныхъ измѣненій въ этомъ дѣлѣ. Въ Департаментѣ Таможенныхъ Сборовъ собираются по этому поводу „самыя точныя свѣдѣнія" о порядкѣ отчетности въ иностранныхъ таможняхъ какъ европейскихъ такъ и американскихъ; имѣется, сверхъ того, въ виду командировать изъ Петербурга нѣсколько „спеціалистовъ" въ наши таможни „для подробнаго изученія мѣстныхъ условій."

Таможенное вѣдомство надѣется что располагая всѣми этими данными оно будетъ въ состояніи „вполнѣ удовлетворительно“ рѣшить вопросъ о новой организаціи таможенной отчетности. Въ добрый часъ! Не секретъ что таможенную отчетность съ просчетами въ милліоны рублей, съ произвольными оцѣнками товаровъ не только ниже дѣйствительной ихъ стоимости, но и ниже стоимости просто возможной, и отчетностью-то въ серіозномъ смыслѣ назвать нельзя. Такая отчетность не можетъ доставить матеріала годнаго для соображеній при разрѣшеніи вопросовъ тарифныхъ или торгово-промышленныхъ. Скажемъ болѣе: цифры подобной отчетности могутъ только путать представляя дѣло въ фальшивомъ свѣтѣ: важное можетъ казаться вовсе не важнымъ, крупный оборотъ ничтожнымъ, какъ это случилось еще недавно при обсужденіи вопроса о Закавказскомъ транзитѣ. Извѣстно что съѣзды горнозаводчиковъ и углепромышленниковъ южной Россіи, Урала, Замосковныхъ и Привислинскихъ губерній „постоянно“ и безуспѣшно ходатайствовали о необходимости повысить до 15 коп. съ пуда таможенную пошлину съ чугуна и обложить вновь пошлиной отъ 2 до 5 коп. съ пуда каменный уголь привозимый изъ-за границы, особенно въ моря Балтійское и Черное. Теперь ходатайства эти какъ будто уважены; по крайней мѣрѣ уже учреждена коммиссія изъ представителей отъ Министерствъ Финансовъ, Государственныхъ Имуществъ и Путей Сообщенія для обсужденія размѣра предполагаемыхъ пошлинъ. Но еще вопросъ каковъ будетъ результатъ занятій этой коммиссіи и представится ли это дѣло ей именно въ томъ видѣ какъ представляется оно лицамъ въ немъ заинтересованнымъ и близко къ нему стоящимъ. Не мало было у насъ случаевъ что подобныя ходатайства, при свѣтѣ офиціальныхъ цифръ сомнительной таможенной статистики, признавались или уваженія не заслуживающими, или до крайности преувеличенными требованіями.

Другое дѣло напримѣръ въ Германіи, гдѣ на таможенную отчетность уже давно обращено самое серіозное вниманіе. Ничтожное повышеніе чужаго ввоза или своего вывоза немедленно отмѣчается и служитъ матеріаломъ для торговыхъ соображеній и, если нужно, предлогомъ для законодательныхъ мѣръ. Еще недавно Германское правительство настаивало въ рейхстагѣ на необходимости возвышенія и безъ того значительныхъ пошлинъ на привозный лѣсъ только потому что ввозъ его усиливается съ года на годъ и будто бы даже дѣлаетъ лѣсовладѣніе почти бездоходнымъ. Такъ же скоро обратила Германія вниманіе и на возрастающій ввозъ русскаго спирта въ Гамбургъ и Бременъ съ цѣлью переработки и вывоза затѣмъ въ Испанію. Нѣмецкимъ винокурамъ и лѣсопромышленникамъ не было надобности по нѣскольку лѣтъ сряду входить съ „постоянными“ ходатайствами по этому предмету; имъ достаточно было только указать на факты свидѣтельствуемые офиціальною статистикой.

Только при правильной таможенной отчетности возможно установленіе и правильнаго таможеннаго тарифа. Доказательствомъ тому можетъ служить также Германія. Ея таможенная отчетность до установленія послѣдняго тарифа, то-есть въ эпоху господства фритредерскихъ понятій, страдала многими недостатками: свѣдѣнія о привозѣ и вывозѣ запаздывали, были неполны и неточны. Вышло что новый тарифъ съ перваго же почти года пришлось не разъ измѣнять какъ только стало извѣстно настоящее положеніе дѣла. Однѣ статьи теперь повышены, другія понижены, сравнительно съ первоначальными нормами. Если такихъ измѣненій въ общей сложности пришлось сдѣлать не такъ много, то единственно потому что при составленіи тарифа было обращено серіозное вниманіе на представленія и ходатайства лицъ въ дѣлѣ прямо заинтересованныхъ.

Стóитъ вспомнить какую службу сослужила Германіи правильная таможенная отчетность въ ея недавнихъ переговорахъ съ Испаніей относительно торговаго трактата теперь уже временно вступившаго въ силу. Соглашаясь, по приглашенію Испаніи, вступить въ переговоры о пересмотрѣ существовавшаго договора и тарифа, Германія сразу и твердо могла поставить рядъ требованій и поддержать бóльшую часть ихъ до конца, несмотря на настойчивое противодѣйствіе Испаніи. Чтобы добиться цѣли, германской дипломатіи не разъ приходилось доказывать Испанскому правительству фактически, таможенными цифрами, неосновательность его свѣдѣній по торговлѣ съ Германіей и обличать невѣрность офиціальныхъ цифръ касательно размѣра его ввоза изъ Испаніи въ Германію,

оказавшагося въ дѣйствительности далеко бо́льшимъ нежели предполагало Испанское правительство, руководившееся данными своей, какъ обнаружилось, сомнительной таможенной статистики. Еслибъ отчетность и въ Германіи велась столь же неудовлетворительно какъ въ Испаніи, то весьма вѣроятно что торговый трактатъ не состоялся бы вовсе. Дѣло въ концѣ переговоровъ даже очевидно шло къ тому.

Итакъ, коренной пересмотръ и измѣненіе порядка таможенной отчетности имѣютъ большую важность въ тарифномъ дѣлѣ. Очень хорошо что наше таможенное вѣдомство, прежде нежели приступить къ реформѣ, озаботилось собрать свѣдѣнія о томъ какъ это дѣло ведется въ другихъ странахъ; точно также хорошо что оно намѣрено не копировать новыхъ порядковъ съ заграничныхъ образцовъ, а сообразить ихъ съ изученными при посредствѣ особыхъ посланныхъ изъ Петербурга спеціалистовъ-чиновниковъ мѣстными условіями нашихъ таможень. Но было бы, кажется, не безполезно спросить по этому предмету также и мнѣнія людей коммерческихъ, имѣющихъ постоянныя дѣла съ таможнями и ихъ отчетностью. Легко можетъ быть что они указали бы на многое такое что̀, пожалуй, и ускользнетъ отъ вниманія офиціальныхъ спеціалистовъ. Коммерческимъ людямъ постоянно имѣющимъ дѣло съ привозомъ и отпускомъ товаровъ и жизненно заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ всѣ эти „мѣстныя условія“ нашихъ таможень извѣстны несомнѣнно ближе и основательнѣе нежели могутъ ознакомиться съ ними въ относительно короткій срокъ заѣзжіе „спеціалисты.“ Товароотправители и товарополучатели неизбѣжно должны знать и то что̀ таможни могутъ пожелать скрыть отъ командированнаго центральнымъ учрежденіемъ чиновника. Притомъ дѣло не въ томъ только чтобы добиться цифровой точности въ таможенныхъ отчетахъ, а въ томъ чтобы добиться этой точности безъ вреда и стѣсненій для торговли. Наконецъ, еще вопросъ, можетъ ли достигнуть цѣли задуманная реформа отчетности безъ серіозныхъ измѣненій въ нашихъ таможенныхъ порядкахъ вообще, безъ полнаго пересмотра всей постановки таможеннаго дѣла?

№ 216.

Москва, 5-го августа.

Сегодня сообщаемъ мы удостовѣренный текстъ словъ сказанныхъ варшавскимъ генералъ-губернаторомъ при пріемѣ 11 іюля членовъ учебнаго округа и неточно передаваемыхъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Нельзя не пожелать чтобы слова эти нашли себѣ отголосокъ и за предѣлами Варшавскаго учебнаго округа. Дѣло воспитанія, да и никакое общественное дѣло, не можетъ идти успѣшно безъ должной дисциплины. Дисциплина, говорятъ полководцы, есть душа арміи; но она есть душа всякаго благоустроеннаго общества, всякой доброй семьи и всякой доброй школы. А дисциплина, какъ напоминаетъ I. В. Гурко, утверждается лишь тамъ гдѣ высшіе подаютъ примѣръ низшимъ, учащіе учащимся, начальствующіе подчиненнымъ въ строгомъ исполненіи долга. Дисциплина въ обществѣ, а также и въ школѣ, водворяется сверху. Нельзя требовать должнаго подчиненія отъ подчиненныхъ если начальствующія лица сами не подчиняются высшей власти, считаютъ себя самовластными и самовольничаютъ. Чѣмъ выше поднимается іерархическая лѣстница, тѣмъ строже должна быть дисциплина, тѣмъ отвѣтственнѣе долженъ всякій себя чувствовать. Къ сожалѣнію, нерѣдко бываетъ наоборотъ, и потому создается только фальшивое подобіе дисциплины, истинная же дисциплина, душа всякаго общественнаго дѣла, исчезаетъ...

По отношенію спеціально къ Варшавскому учебному округу, генералъ-адъютантъ Гурко выражаетъ требованіе чтобъ изъ школъ ввѣреннаго ему края выходили „русскіе граждане.“ Въ этомъ вся сила. Какъ бы для смягченія этого настоятельнаго требованія, генералъ-губернаторъ прибавляетъ что нѣтъ надобности заботиться о томъ какъ бы изъ Поляковъ сдѣлать Русскихъ. Вся сила дѣйствительно только въ томъ чтобы русскіе подданные какого бы то ни было племени были истинно русскими подданными, истинно русскими гражданами. Но не лживо, а истинно русскій гражданинъ и есть именно то что̀ слѣдуетъ понимать подъ національнымъ именемъ Русскаго. Національность главнымъ образомъ опредѣляется государствомъ. Люди могутъ быть разнаго племени и разной вѣры. Но

коль скоро они русскіе граждане, то они и Русскіе. Народъ Русскій не есть племенное единство; онъ сложился изъ многихъ племенныхъ элементовъ и есть политическое единство, есть государство. Правда, кромѣ государства, есть еще великая сила которая соединяетъ и держитъ Русскій народъ, православная церковь. Но церковь есть единство духовное, а потому свободное, невынудительное, необязательное для всѣхъ и каждаго. Церковь православная неразрывно связана съ Русскимъ государствомъ, но не есть одно и то же съ нимъ; связь не есть тождество. Россія перестала бы быть Россіей внѣ этой связи; но можно быть Русскимъ и не принадлежать къ общенію Русской церкви, лишь бы не питать фанатической вражды къ ней ничѣмъ съ ея стороны не вызываемой и не совмѣстной съ чувствомъ русскаго гражданина. Великое цѣлое именуемое Русскимъ государствомъ, соединяя въ себѣ многіе племенные элементы, соединяетъ также въ своей оградѣ и разныя религіи, предоставляя каждой свободу въ законныхъ предѣлахъ. Еслибы Поляки желали только сохранять и развивать свои племенныя особенности, оставаясь вѣрными римско-католической церкви, то никакого польскаго вопроса не могло бы возникнуть. Но, къ несчастію, польская національность есть также политическій терминъ. Поляки по племени близки и родственны намъ, и никакого спора между ними и нами не могло бы возникнуть; языкъ ихъ былъ бы намъ самимъ пріятенъ и дорогъ, и не было бы никакой надобности напоминать спеціально той школѣ гдѣ учится польское юношество чтобъ она выпускала русскихъ подданныхъ. Но въ томъ-то и дѣло что, въ извѣстныхъ сферахъ, польское имя есть политическій терминъ, и Полякъ этихъ сферъ есть гражданинъ государства котораго нѣтъ на свѣтѣ, но которое когда-то было и которое тщатся воскресить шарлатаны. Полякъ „польской справы“ есть гражданинъ фантастическаго государства, и никакого другаго значенія онъ званію Поляка придавать не хочетъ и не можетъ. Пока поддерживается эта „польская справа,“ пока не изсякли ея надежды, пока западная Россія, гдѣ нѣтъ польскаго народа, не будетъ освобождена отъ кошмара польской національности, пока пользующаяся широкими правами римско-католическая церковь въ Россіи будетъ оставаться польскимъ національнымъ учрежденіемъ, какъ бы завѣтомъ старой Польши и залогомъ ея возрожденія, до той поры въ Россіи будетъ гнѣздиться тайная крамола, и самая школа не поможетъ...

Сегодня приходится намъ помѣстить также сообщеніе изъ сѣверо-западнаго края, изъ Ковенской губерніи. Оно ярко свидѣтельствуетъ о неправильномъ положеніи въ которомъ находятся тамъ дѣла. Правительство вынуждено бороться съ притязаніями „польской справы,“ и потому край этотъ находится какъ бы въ осадномъ положеніи. Ослабить это положеніе значитъ дать полный ходъ враждебному Россіи дѣлу. Поддерживать борьбу такъ какъ она ведется, придираясь только къ лицамъ и оставляя въ силѣ идеи, вопреки слову великаго авторитета что борьбу слѣдуетъ вести не съ плотью, а со властями и началами, мы колеблемъ общественную нравственность, роняя государственное достоинство...

Зло которымъ не можетъ не быть озабочено правительство въ западномъ краѣ есть зло политическаго свойства, и требуетъ государственныхъ мѣръ. Удары должны падать сверху и бить не по людямъ, а по знамени которое ихъ собираетъ и направляетъ во враждебномъ государству смыслѣ. Вражда здѣсь сосредоточивается въ шляхтѣ, которой предоставлены права русскаго дворянства, въ землевладѣніи, которое хранитъ завѣты и преданія старой Польши. Если необходимо бороться съ этимъ непріятелемъ, то надо атаковать его съ фронта. Требовалось ослабить въ западномъ краѣ *польское* землевладѣніе. Для этого, послѣ многихъ колебаній, былъ запрещенъ переходъ имѣній въ польскія руки и съ тѣмъ вмѣстѣ предположено было облегчить переходъ ихъ въ русскія руки. Интрига успѣла лишить всякаго значенія первую мѣру и вырвала у правительства изъ рукъ вторую. Поземельный кредитъ, который, не колебля права собственности и не разоряя польскихъ землевладѣльцевъ, способствовалъ бы деполонизаціи землевладѣнія въ западномъ краѣ, дѣйствуя методически и главнымъ образомъ въ тѣхъ пунктахъ гдѣ его дѣйствія сопровождались бы наиболѣе соотвѣтствующими цѣли послѣдствіями, учрежденіе это не состоялось и значительная сумма на это ассигнованная была отвлечена на дру-

гое дѣло, и пошла напротивъ на облегченіе перехода русскихъ имѣній изъ рукъ въ руки въ центральной Россіи. Въ западномъ же краѣ все дѣло ограничилось косвенными притѣсненіями собственности, причемъ не разбирается ея политическій характеръ. Враждебная Русскому государству политическая идея пріобрѣла новую громадную силу въ польскомъ епископатѣ, а законная власть обрекаетъ себя на мелкія революціоннаго свойства придирки, которыя колебля принципъ собственности въ населеніяхъ нисколько не задѣваютъ соединеннаго съ нимъ въ западномъ краѣ враждебнаго политическаго принципа.

Если необходимы стѣснительныя противъ польскаго землевладѣнія мѣры, то зачѣмъ прикрывать ихъ спеціальный характеръ анти-польскихъ мѣръ? Зачѣмъ вмѣсто политическаго придавать имъ соціальное значеніе? Почему подобныя мѣры должны падать не на одно *польское*, но и на всякое землевладѣніе? Почему немногіе русскіе землевладѣльцы успѣвшіе пріобрѣсти поземельную собственность въ этомъ краѣ должны подвергаться имъ наравнѣ съ польскими? Еслибы стѣснительныя противъ землевладѣнія мѣры прямо и открыто принимались только противъ гражданъ фантастическаго польскаго государства съ избавленіемъ отъ нихъ русскихъ гражданъ, то система была бы ясна въ своемъ прямомъ строго-государственномъ значеніи и не сбивалась бы на революціонный ладъ...

№ 219.

Москва, 8-го августа.

Въ нумерѣ *Русскаго Инвалида* отъ 6 августа напечатанъ циркуляръ объявляющій „для свѣдѣнія“ по военному вѣдомству вновь дарованную закономъ льготу по отбыванію воинской повинности такъ-называемыми одиночками. Льгота на сей разъ предоставленная, какъ слышно, есть первый шагъ въ цѣломъ ряду измѣненій въ правилахъ о льготахъ предоставляемыхъ нашимъ уставомъ о воинской повинности и по своему внутреннему смыслу, по принципу ею устанавливаемому, заслуживаетъ полнаго вниманія, давая ясное понятіе обо всѣхъ остальныхъ предстоящихъ перемѣнахъ. Дѣло очень не сложно. По существовавшимъ до сихъ поръ правиламъ, единственные кормильцы престарѣлыхъ родственниковъ, отца, матери, бабки или дѣда, пользовались правомъ на льготу перваго разряда, то-есть de facto освобождались отъ военной службы. Разчитывая на это, многіе, если не большинство такихъ, женились и обзаводились семействами еще не достигнувъ призывнаго возраста. Весьма часто случалось, однако, что какъ разъ ко времени призыва состоявшіе на ихъ попеченіи родственники умирали, а вмѣстѣ съ тѣмъ утрачивалось и самое право на льготу, такъ какъ законъ не даетъ и не можетъ давать никакихъ льготъ женатымъ призывнымъ; такая льгота немедленно сдѣлалась бы способомъ уклоняться отъ военной службы и побужденіемъ къ семейнымъ раздѣламъ, влекущимъ за собою неизбѣжный упадокъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Положеніе *собственныхъ* семействъ этихъ бывшихъ одиночекъ, пользовавшихся высшею льготой и неожиданно утратившихъ ее, не могло не обращать на себя вниманія. Оно было безусловно бѣдственное: семейства эти, утрачивая единственнаго работника, естественно шли къ разоренію. Необходимо было принять мѣры къ устраненію зла котораго не предвидѣлъ Уставъ о воинской повинности.

Представлялись два способа. Можно было воспретить вовсе вступленіе въ бракъ до отбытія воинской повинности всѣмъ подобнымъ одиночкамъ, но такая мѣра, не согласующаяся съ народными обычаями, вторгающаяся въ семейныя дѣла и составляющая во многихъ случаяхъ лишнее стѣсненіе, казалась неудобною; оставалось затѣмъ поступить согласно съ мнѣніемъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, то-есть постановить что названные одиночки сохраняютъ свое право на льготу и по смерти находившихся на ихъ попеченіи родственниковъ, „если вступили въ бракъ при жизни послѣднихъ и имѣютъ дѣтей для которыхъ личный трудъ отца служитъ средствомъ къ существованію.“

Коснувшись вопроса о женатыхъ „одиночкахъ“, имѣвшихъ прежде право на льготу перваго разряда и разбирая его во всѣхъ подробностяхъ, нельзя было не замѣтить что всѣ правила о льготахъ по такъ-называемому „семейному положенію“ построены на началахъ далеко не согласныхъ съ бытомъ нашего земледѣльческаго населе-

нія. Понятіе о семьѣ въ народѣ, дѣйствительно, гораздо шире нежели въ Уставѣ о воинской повинности. Народъ подъ семьею разумѣетъ всякій родственный союзъ, имѣющій одно общее хозяйство. Семью составляютъ у насъ не только отцы съ сыновьями, но дяди съ племянниками, старшій братъ съ младшимъ и тесть съ зятемъ. Ограничивая понятіе о семьѣ, нашъ Уставъ о воинской повинности, несмотря на обширныя льготы устанавливаемыя имъ въ видахъ огражденія хозяйства семьи отъ разоренія, нерѣдко достигаетъ результата какъ разъ почти противоположнаго цѣли. Такъ, по Уставу, одинъ изъ двухъ братьевъ живущихъ въ одной избѣ и имѣющихъ общее хозяйство призывается на службу, тогда какъ въ другой избѣ, тоже при одномъ общемъ хозяйствѣ, законъ даетъ право на высшую льготу двумъ сыновьямъ двухъ отцовъ, еще способныхъ къ труду. Выходитъ, слѣдовательно, что многорабочая, наиболѣе достаточная семья пользуется льготою, тогда какъ въ интересахъ народнаго благосостоянія, которыми продиктованы всѣ эти льготы по отбыванію воинской повинности, слѣдовало бы уволить отъ призыва одного изъ членовъ семьи съ ограниченнымъ числомъ работниковъ, обращающейся вслѣдствіе призыва въ маломощную въ хозяйственномъ отношеніи, съ одинокимъ работникомъ.

Неудобство о которомъ идетъ рѣчь имѣется въ виду устранить расширивъ понятіе о семьѣ Устава о воинской повинности, и принявъ основаніемъ для льготъ по воинской повинности, какъ выражаются, „начало не семейственное, а домохозяйственное.“ Можетъ ли, однако, эта мѣра достигнуть болѣе равномѣрнаго распредѣленія тягостей воинской повинности, и не повлечетъ ли она за собою другаго, болѣе крупнаго зла чѣмъ то которое думаютъ устранить сю?

Принять начало домохозяйственное вмѣсто семейственнаго значитъ отождествить понятіе о семьѣ, болѣе опредѣленное и постоянное, съ понятіемъ о хозяйствѣ которое подлежитъ безконечнымъ измѣненіямъ. Каждому отцу захочется удержать своего сына дома. Теперь законъ предоставляетъ имъ на это возможность, въ видѣ льготы, даже въ томъ случаѣ если оба сына призывнаго возраста живутъ при отцахъ имѣющихъ общее хозяйство. По новому, это многорабочее хозяйство утратитъ право на льготу. Чтобы сохранить ее за сыновьями не предпочтутъ ли отцы раздѣлиться? Тогда вмѣсто теперешнихъ двухъ хозяйствъ, одного слабаго изъ двухъ братьевъ и одного сильнаго, съ четырьмя работниками, мы получимъ три хозяйства одинаково слабыхъ. Выйдетъ одно изъ двухъ: или придется еще болѣе расширить права льготы или цѣль обращенія къ началу домохозяйственному не будетъ достигнута.

Добиться полной уравнительности въ распредѣленіи воинской повинности невозможно; законъ не можетъ угнаться за всѣми интересами съ этимъ распредѣленіемъ связанными. Будетъ устранено одно затрудненіе, возникнутъ другія. Единственно что можно сдѣлать, это облегчить и обезпечить возвратъ къ первоначальнымъ занятіямъ для людей отбывшихъ воинскую повинность и теперь по разнымъ причинамъ не могущихъ взяться за прежній трудъ. Но и тутъ на практикѣ встрѣтятся вѣроятно затрудненія, справиться съ которыми не легко. Если помочь солдату-земледѣльцу, то почему не помочь солдату-ремесленнику поставленному при выходѣ изъ службы въ еще болѣе затруднительное положеніе. Приняться за соху послѣ пяти или шести лѣтъ службы легче нежели за ремесленный инструментъ, при конкурренціи остававшихся дома и поэтому болѣе искусныхъ въ дѣлѣ сверстниковъ. Это обстоятельство уже давно замѣтили въ другихъ странахъ, но до сихъ поръ не знаютъ какъ съ нимъ справиться. Прибавимъ, наконецъ, что нигдѣ отбываніе воинской повинности не обставлено столькими льготами какъ у насъ. Въ Германіи, напримѣръ, къ жребію каждый призывается три года подъ рядъ и законъ вовсе не знаетъ льготъ по семейному положенію. Безспорно что при существующихъ у насъ правилахъ о воинской повинности и о льготахъ по ея отбыванію могутъ встрѣчаться случаи когда привлеченіе на службу отзовется крайне тяжело на благосостояніи призваннаго, но быть-можетъ нельзя помочь здѣсь развитіемъ существующихъ правилъ о льготахъ по положенію имущественному, предоставивъ призванному просить о такой льготѣ по командѣ, съ изложеніемъ всѣхъ подробностей своего положенія.

№ 220.

Москва, 9-го августа.

Недавно обнародовано Высочайше утвержденное 28 мая мнѣніе Государственнаго Совѣта объ измѣненіи состава общихъ собраній Правительствующаго Сената и порядка производства въ нихъ дѣлъ. Этотъ новый законъ касается лишь такъ-называемыхъ „старыхъ" департаментовъ Сената, которые, за исключеніемъ Перваго и департамента Герольдіи, отживаютъ свой вѣкъ и предназначены къ упраздненію послѣ повсемѣстнаго введенія судебнаго преобразованія на основаніи Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 года. Тѣмъ не менѣе, законъ этотъ имѣетъ важное значеніе, вопервыхъ потому что значительная часть Имперіи, а именно Сибирь, средне-азіятскія области и губерніи Архангельская, Олонецкая, Оренбургская, Уфимская и Астраханская еще долгое время останутся при старомъ порядкѣ судопроизводства, а съ тѣмъ вмѣстѣ и старые департаменты Сената должны быть сохранены еще надолго. Кромѣ того, значеніе новаго закона важно въ томъ отношеніи что съ изданіемъ онаго Государственный Совѣтъ пересталъ быть судебною инстанціей, каковою онъ оставался до настоящаго времени по отношенію къ дѣламъ подлежащимъ рѣшенію Правительствующаго Сената въ его прежнемъ составѣ. Собственно говоря Государственный Совѣтъ не былъ и прежде ординарною судебною инстанціей: частнымъ лицамъ не было предоставлено переносить дѣла въ Государственный Совѣтъ путемъ аппелляціи. Сенатъ, какъ высшій трибуналъ, всегда былъ, по мысли закона, послѣднею инстанціей. „На рѣшеніе Сената нѣтъ аппелляціи," гласитъ коренное правило изображенное въ ст. 240 учрежденія Правительствующаго Сената. Рѣшеніе департамента Сената, въ который поступало дѣло по территоріальному распредѣленію подсудности, считалось послѣднимъ словомъ правосудія для тяжущихся и подсудимыхъ. Но, въ своей заботливости о томъ чтобы рѣшенія Сената дѣйствительно соотвѣтствовали высокому авторитету высшаго трибунала, законодатель старался обставить сенатскую юрисдикцію чрезвычайными гарантіями, и слѣдуя коренному историческому принципу, на коемъ зиждется весь государственный строй Россіи, законъ прежде всего позаботился о сохраненіи живой связи между дѣломъ суда въ высшемъ его проявленіи и Верховною Властью. На рѣшеніе Сената нѣтъ аппелляціи. „Но," сказано далѣе въ указанной ст. 240 Учрежденія Правительствующаго Сената, „могутъ быть крайности въ коихъ возбранить всякое прибѣжище къ Императорскому Величеству *было бы отнять избавленіе у страждущаго.*" Съ этою цѣлью допускались всеподданнѣйшія жалобы на рѣшенія департамента Сената. Для разсмотрѣнія такихъ жалобъ создано особое учрежденіе, Коммиссія Прошеній, по непосредственному докладу которой Государю Императору дѣла переносились изъ департамента Сената въ общее собраніе его департаментовъ.

Другая важная гарантія заключалась въ томъ что дѣла въ департаментахъ Сената рѣшались *не иначе какъ единогласно* (ст. 127 Учр. Прав. Сената). Въ случаѣ разногласія, на обязанности состоящаго при каждомъ департаментѣ оберъ-прокурора лежало стараться привести сенаторовъ къ соглашенію. Если же и послѣ согласительнаго предложенія оберъ-прокурора сенаторы оставались при разныхъ мнѣніяхъ, то дѣло *ipso facto* переносилось въ общее собраніе. Точно также дѣло поступало въ общее собраніе когда оберъ-прокуроръ былъ несогласенъ съ мнѣніемъ департамента, хотя бы и единогласно постановленнымъ. Въ общемъ собраніи дѣла рѣшались по большинству двухъ третей голосовъ. Но и этого большинства, и даже единогласія общаго собранія, было недостаточно если не соглашался министръ Юстиціи какъ генералъ-прокуроръ. Министръ Юстиціи обязанъ былъ по каждому дѣлу выработать, при содѣйствіи состоящей при немъ консультаціи, мотивированное предложеніе по каждому дѣлу разсматриваемому общимъ собраніемъ, и если это предложеніе общимъ собраніемъ не принималось, то дѣло переносилось чрезъ министра Юстиціи въ Государственный Совѣтъ, „къ Императорскому Величеству," какъ сказано въ ст. 157 Учр. Прав. Сената. Сверхъ того, рѣшенія общаго собранія могли быть переносимы въ Государственный Совѣтъ вслѣдствіе всеподданнѣйшей жалобы, когда, по признаніи жалобы уважительною, въ Коммиссіи Прошеній послѣдуетъ о томъ Высочайшее

повелѣніе. Сущность измѣненій внесенныхъ новымъ закономъ въ указанный порядокъ заключается въ слѣдующемъ:

Въ самомъ составѣ Сената строго разграничены области административной и судебной юстиціи. Административную юстицію вѣдали и прежде исключительно Первый Департаментъ и Департаментъ Герольдіи. Но въ тѣхъ случаяхъ когда дѣла изъ этихъ департаментовъ переносились въ общее собраніе, послѣднее составлялось не только изъ этихъ двухъ, но и изъ нѣкоторыхъ судебныхъ департаментовъ. Это было Первое Общее Собраніе въ С.-Петербургѣ. Порядокъ производства былъ совершенно тотъ же что и во Второмъ Общемъ Собраніи, разсматривавшемъ исключительно судебныя и межевыя дѣла. Теперь Первое Общее Собраніе будетъ составляться исключительно изъ Перваго и Департамента Герольдіи, Второе изъ департаментовъ Судебныхъ и Межеваго.

Порядокъ поступленія и разсмотрѣнія дѣлъ въ общихъ собраніяхъ будетъ впредь слѣдующій: принципъ единогласія для судебныхъ дѣлъ разсматриваемыхъ въ старыхъ департаментахъ Сената сохраненъ, а потому, при разногласіи между сенаторами, дѣло переносится въ Общее Собраніе. На рѣшеніе департамента допускаются также всеподданнѣйшія жалобы чрезъ Коммиссію Прошеній, и если жалоба признана уважительною, то дѣло переносится въ Общее Собраніе по Высочайшему повелѣнію. Сверхъ того, департаменты Сената, какъ административные, такъ и судебные, сохраняютъ право возбужденія законодательныхъ вопросовъ, и могутъ признавать при сужденіи объ извѣстномъ дѣлѣ что оно требуетъ постановленія новаго закона, либо поясненія, дополненія или отмѣны закона существующаго. Такія дѣла поступаютъ въ Общее Собраніе которое вмѣстѣ съ окончательнымъ рѣшеніемъ даннаго частнаго случая представляетъ законодательный вопросъ чрезъ Государственный Совѣтъ на Высочайшее усмотрѣніе.

Отношенія прокуратуры и министра Юстиціи къ общимъ собраніямъ Сената измѣнены совершенно. Общее Собраніе Судебныхъ Департаментовъ уже не обязано отсылать свои рѣшенія на разсмотрѣніе прокуратуры, но выслушиваетъ оберъ-прокурора ранѣе постановленія рѣшенія, подобно тому какъ это дѣлается въ кассаціонныхъ департаментахъ Сената. Наравнѣ съ оберъ-прокуроромъ Общее Собраніе выслушиваетъ объясненія лицъ участвующихъ въ дѣлѣ или ихъ повѣренныхъ. Для рѣшенія же Общаго Собранія не требуется большинства двухъ третей; рѣшенія постановляются въ порядкѣ указанномъ судебными уставами, то-есть простымъ большинствомъ, причемъ, въ случаѣ равенства голосовъ, мнѣніе первоприсутствующаго даетъ перевѣсъ. Опредѣленія судебнаго Общаго Собранія не представляются министру Юстиціи на просмотръ и для пропуска къ исполненію, но обращаются къ исполненію немедленно по ихъ подписаніи, такъ какъ переносъ дѣла въ Государственный Совѣтъ вслѣдствіе несогласія министра съ рѣшеніемъ Общаго Собранія отмѣненъ.

Итакъ, старый Правительствующій Сенатъ кончилъ свое существованіе. Правда, остатки его будутъ еще существовать нѣкоторое время, но уже на другихъ основаніяхъ...

Жаль стараго Сената, жаль тѣхъ гарантій правосудія которыя были его существенною принадлежностію! Тѣ части нашей территоріи гдѣ еще не введены новые суды находили себѣ гарантію въ условіяхъ юрисдикціи стараго Сената. Новыхъ гарантій этимъ краямъ еще не дано, но старыя гарантіи у нихъ взяты. Да и кромѣ этихъ отсталыхъ частей нашей территоріи, измѣненіе порядка дѣлопроизводства въ старыхъ департаментахъ Сената должно отзываться на массѣ интересовъ всей Россіи. Дѣло въ томъ что торговое судопроизводство, образующее особую систему отдѣльную отъ новыхъ судовъ, примыкаетъ не къ кассаціонному Сенату, а именно къ этимъ старымъ департаментамъ, которые теперь, оставаясь старыми и доживая свой вѣкъ, измѣняютъ своему историческому характеру и принимаютъ физіономію новыхъ департаментовъ. Дѣла подлежащія коммерческимъ судамъ лишаются тѣхъ же гарантій что и отсталыя части территоріи. Гарантіи эти весьма существенны, и надобно быть совсѣмъ слѣпымъ доктринеромъ чтобы не видѣть ихъ. Въ старомъ Сенатѣ господствовалъ принципъ единогласія, въ кассаціонныхъ департаментахъ его нѣтъ; правда, принципъ этотъ въ старыхъ департаментахъ все-таки удержанъ, но въ общемъ собраніи дѣла рѣшаются уже не двумя третями, а про-

стымъ большинствомъ. Въ старомъ Сенатѣ, при участіи напримѣръ двѣнадцати сенаторовъ, рѣшеніе могло состояться лишь въ томъ случаѣ когда въ пользу его высказались положительно восемь членовъ присутствія имѣвшихъ совершенно одинаковое мнѣніе. Иначе не могло быть и рѣчи о большинствѣ двухъ третей, и дѣло подвергалось пересмотру при посредствѣ оберъ-прокурора и министра юстиціи. „Но, сказано было въ ст. 157 Учр. Прав. Сената, когда въ Общемъ Собраніи и послѣ соглассительнаго предложенія (министра Юстиціи) не составится узаконеннаго для рѣшенія большинства голосовъ, или когда съ рѣшеніемъ онаго не согласится министръ Юстиціи, а сенаторы, по выслушаніи предложенія его, останутся при своемъ мнѣніи, а министръ Юстиціи также не убѣдится ихъ разсужденіями, то дѣло вносится министромъ Юстиціи чрезъ Государственный Совѣтъ къ Императорскому Величеству."

По новому закону, Общее Собраніе Сената по дѣламъ судебнымъ должно руководствоваться при рѣшеніи дѣла порядкомъ установленнымъ для новыхъ судовъ, а этотъ порядокъ одинъ и тотъ же какъ для окружныхъ судовъ, такъ и для судебныхъ палатъ и для кассаціонныхъ департаментовъ Сената: рѣшенія постановляются по большинству голосовъ абсолютному, и въ случаѣ разногласія, мнѣніе предсѣдателя даетъ перевѣсъ (ст. 698 Уст. Гр. Суд.).

Но въ дѣлахъ судебныхъ возможно раздѣленіе не на два только, а на большее число мнѣній. Какъ поступить, напримѣръ, если между 12 членами присутствія составится 5 различныхъ мнѣній, изъ коихъ ни на одномъ не сойдется болѣе трехъ членовъ? На этотъ предметъ есть такое правило: „Если послѣдуетъ болѣе двухъ мнѣній и не составится ни большинства, ни равенства голосовъ, то судьи принадлежащіе къ тому мнѣнію которое соединяетъ въ себѣ меньшее число голосовъ объявляютъ которое изъ мнѣній принятыхъ большимъ числомъ членовъ каждый изъ нихъ признаетъ болѣе справедливымъ, и тогда ихъ голоса присоединяются къ одному изъ мнѣній принятыхъ большимъ числомъ членовъ" (ст. 694 Уст. Гр. Суд.).

Очевидно что при такомъ порядкѣ перевѣсъ и рѣшающее значеніе можетъ получить мнѣніе трехъ, а пожалуй и двухъ изъ наличнаго состава присутствія. При 12 членахъ, будутъ рѣшать не 7 (абсолютное большинство) вмѣсто 8 (большинство двухъ третей), а иногда лишь одна четверть, или даже одна шестая часть присутствія.

И, при всемъ томъ, это будетъ окончательное рѣшеніе которое обращается къ немедленному исполненію, безъ права переноса дѣла de jure, или по жалобѣ стороны, на Монаршее усмотрѣніе.

Спрашивается: при какомъ порядкѣ болѣе гарантій правосудія для лицъ и интересовъ въ правосудіи нуждающихся? При старомъ или при новомъ? Иногда, въ видахъ государственной безопасности, для усиленія дѣйствій власти, для укрѣпленія правительства, бываетъ необходимо ограничить льготы частныхъ лицъ. Такія ли причины отняли у министра право протестовать противъ несправедливаго рѣшенія сенатскаго большинства и возводить спорное дѣло чрезъ Государственный Совѣтъ „къ Императорскому Величеству?" Государственный Совѣтъ не имѣетъ рѣшающей силы; единогласно или большинствомъ, онъ даетъ только мнѣніе, которое утверждается или не утверждается Верховною Властію. Государственный Совѣтъ былъ только пунктомъ перехода дѣлъ къ Императорскому Величеству гдѣ сосредоточиваются и откуда исходятъ всѣ власти,—и законодательная, и административная, и судебная. Верховная Власть выше всѣхъ инстанцій и источникъ всѣхъ властей. Къ ней могутъ восходить дѣла только при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. Она есть прибѣжище и избавленіе для страждущихъ, какъ сказано въ вышеприведенной статьѣ учрежденія Правительствующаго Сената. Новымъ судебнымъ устройствомъ путь прибѣжища для страждущихъ закрытъ или затрудненъ. Если это необходимо, то никакъ нельзя сказать чтобъ это было то что называется либеральною мѣрой.

Но, скажутъ доктринеры либерализма, мы за то получаемъ судебную власть совершенно независимую, такъ что никто на свѣтѣ не въ силахъ отмѣнить ея рѣшенія, будутъ ли они справедливы или несправедливы. Гарантія заключается де въ томъ что устраняется произволъ министра. Но почему произволъ министра хуже чѣмъ произволъ нѣсколькихъ лицъ засѣдающихъ въ Сенатѣ? Они въ своемъ рѣшеніи ссылаются на законъ, но и генералъ-проку-

роръ, то-есть министръ, въ своемъ протестѣ былъ обязанъ также опираться на законъ. Наивные люди полагаютъ что устраненіемъ законнаго, открытаго и стало-быть отвѣтственнаго, и притомъ не рѣшающаго, а лишь протестующаго, участія министра устраняется возможность всякаго со стороны его вмѣшательства въ дѣло правосудія. Напротивъ, именно съ устраненіемъ открытаго и закономъ опредѣленнаго участія министра въ дѣлѣ сенатскихъ рѣшеній, открывается путь интриги, возможность тайнаго, безотвѣтственнаго и потому во всѣхъ отношеніяхъ дурнаго вліянія. Въ первомъ случаѣ, министръ протестуетъ противъ рѣшенія которое онъ, на основаніи представляемыхъ имъ доводовъ, находитъ несправедливымъ. Тутъ всякая неправда съ его стороны видна. Тутъ произволъ его связанъ. Злоупотребленіе съ его стороны состояло бы въ этомъ случаѣ скорѣе въ бездѣйствіи, въ неопротестованіи несправедливаго, чѣмъ въ протестѣ лишенномъ основанія. Фальшь, очевиднымъ образомъ, обнаружилась бы при обсужденіи дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ, и вполнѣ раскрылась бы предъ Верховною Властію, на окончательное рѣшеніе которой поступило бы дѣло. За то когда рѣшеніе сенатскаго большинства не подлежитъ никакой протестаціи и считается окончательнымъ, хотя бы половина самихъ сенаторовъ считала его несправедливымъ, лицо столь вліятельное какъ министръ, который представляетъ судебныхъ чиновъ къ наградамъ и повышеніямъ, можетъ, если захочетъ, склонять невидимою интригой вѣсы правосудія въ ту или другую сторону. Онъ остается въ сторонѣ, онъ умываетъ себѣ руки; пожимая плечами онъ можетъ даже сѣтовать на судебное рѣшеніе какъ на незаконное, несправедливое, безобразное, а въ сущности онъ же, можетъ-быть, и оказался бы его виновникомъ еслибы заглянуть за кулисы. Трудно ли столь вліятельному лицу подѣйствовать на нѣсколько членовъ рѣшающаго собранія, особенно тамъ гдѣ рѣшеніе можетъ состояться перевѣсомъ одного голоса?

Итакъ, что касается Правительствующаго Сената, то новые Судебные Уставы, измѣнивъ порядокъ его дѣлопроизводства и рѣшеній, сложивъ всякую отвѣтственность съ генералъ-прокурора и отнявъ прибѣжище и избавленіе у страждущихъ, не возвысили гарантій правосудія, не увеличили суммы гражданскихъ льготъ.

Но если измѣненіемъ порядка сенатскихъ рѣшеній болѣе или менѣе ограничиваются льготы подданныхъ, то было бы непростительною нелѣпостію утверждать что судебными уставами въ какомъ-либо отношеніи ограничиваются права самой Верховной Власти. Основный законъ Имперіи, на которомъ все зиждется, не можетъ быть втихомолку отмѣненъ никакимъ частнымъ закономъ. Самодержавіе Монарха, неограниченное и нестѣсненное никакою иною властью, остается во всей силѣ и de facto, и de jure. Если для частныхъ лицъ затрудненъ прямой путь жалобы на несправедливыя рѣшенія высшаго въ порядкѣ судебныхъ инстанцій трибунала, то остается во всей неприкосновенности священное право, святой долгъ Монарха пресѣкать несправедливость гдѣ она окажется.

№ 221.

Москва, 10-го августа.

Чтò творится на Пиренейскомъ полуостровѣ? Вотъ вопросъ интересующій теперь Европу. Дать ясный и вѣрный отвѣтъ на этотъ вопросъ до сихъ поръ невозможно, хотя съ момента перваго *pronunciamiento* въ Бадахосѣ прошло уже семнадцать дней. Телеграфъ продолжаетъ приносить разнорѣчивыя извѣстія, изъ коихъ ясно лишь одно: желаніе министерства Сагасты увѣрить Европу что революціонное движеніе начавшееся 5 августа не представляетъ изъ себя ничего серіознаго.

До чего разнорѣчивы эти телеграммы, можно судить по сопоставленію двухъ телеграмъ *Агентства Гаваса* переданныхъ недавно въ теченіе одного дня. Въ одной говорится что „возстаніе подавлено повсемѣстно,“ а въ другой сообщается что „отрядъ, посланный на помощь правительственнымъ войскамъ въ Сео-д'Ургель, возвращенъ съ пути и идетъ въ Барселону, гдѣ опасаются возмущенія.“

Испанская печать сообщаетъ краткія извѣстія, которыя тоже не даютъ полной картины движенія охватившаго Испанію, а частныя корреспонденціи иностранныхъ газетъ объясняютъ лаконизмъ испанской печати тѣмъ что правительственное распо-

ряженіе запрещаетъ газетамъ, подъ страхомъ закрытія, сообщеніе свѣдѣній о ходѣ борьбы съ инсургентами. По словамъ корреспондентовъ французскихъ газетъ, министерство Сагасты распорядилось чтобы газеты печатали только правительственныя сообщенія которыя въ видѣ краткихъ биллютеней разсылаются ежедневно редакціямъ. Если вѣрить разказамъ корреспондентовъ, то строгій надзоръ учрежденъ также надъ телеграфными станціями, и, кромѣ того, письма адресованныя за границу изъ Мадрида или изъ мѣстностей охваченныхъ движеніемъ вскрываются и въ случаѣ надобности уничтожаются, такъ что корреспонденты заграничныхъ газетъ либо поручаютъ письмо лицу ѣдущему за границу, либо передаютъ ихъ для опусканія въ почтовый ящикъ гдѣ-нибудь на станціи желѣзной дороги и по возможности въ мѣстности отдаленной отъ пунктовъ гдѣ происходитъ борьба.

Благодаря частнымъ письмамъ которымъ удалось проскользнуть чрезъ правительственный кордонъ понемногу начинаетъ обрисовываться картина движенія упавшаго какъ снѣгъ на голову министерству Сагасты, въ то время когда король Альфонсъ, успокоенный внѣшнею тишиной достигнутою компромиссами съ либералами, собирался ѣхать въ Вѣну и Берлинъ. Фактическая сторона нынѣшняго *pronunciamiento* представляется въ слѣдующемъ видѣ. Надо думать что революціонное движеніе было давно задумано и подготовлено, и вожаки движенія ожидали отъѣзда короля Альфонса за границу для того чтобы подать сигналъ по которому возстаніе должно было вспыхнуть въ разныхъ пунктахъ королевства. Какія-то причины, до сихъ поръ не открытыя, побудили гарнизонъ Бадахоса поднять знамя бунта раньше назначеннаго времени, не дождавшись сигнала. Какъ только вѣсть объ этомъ возстаніи была получена въ Мадридѣ, военный министръ, Мартинесъ Кампосъ, собралъ по тревогѣ мадридскій гарнизонъ и сформировавъ изъ него отрядъ, послалъ его подъ командой генерала Бланка для усмиренія возставшаго бадахосскаго гарнизона. Генералъ Бланко не догналъ инсургентовъ, которые перешли границу, были обезоружены португальскими властями и размѣщены по крѣпостямъ.

Возстаніе въ Бадахосѣ хотя и было, какъ кажется, неожиданностью для руководителей заговора, однако не заставило ихъ отказаться отъ исполненія предначертаннаго плана. Вслѣдъ за Бадахосомъ, начали вскрываться повсемѣстно революціонныя *хунты*. Такъ черезъ два дня послѣ *pronunciamiento* Бадахосскаго гарнизона, полкъ стоявшій въ Санъ-Доминго-де-ла-Кальсада поднялъ знамя бунта. Въ Барселонѣ толпы народа кричали: „да здравствуетъ республика! да здравствуетъ Сорилья!“ То же произошло въ Геронѣ, Филуэрасѣ, Сантанѣ, Сео-д'Ургелѣ. Въ Сео-д'Ургелѣ инсургенты завладѣли крѣпостными фортами и рѣшились сопротивляться правительственнымъ войскамъ не слѣдуя примѣру бадахосскихъ инсургентовъ перешедшихъ границу дабы избѣгнуть кровопролитія. По отрывочнымъ извѣстіямъ идущимъ изъ различныхъ источниковъ, можно думать что подъ Сео-д'Ургелемъ произошелъ цѣлый рядъ вооруженныхъ столкновеній между инсургентами и правительственными войсками. Въ Санъ-Доминго возмутился кавалерійскій полкъ и двинулся изъ города съ крикомъ: „да здравствуетъ республика! да здравствуетъ Сорилья!“ Во слѣдъ полка поскакалъ его командиръ, полковникъ Рукабадо, и обѣщаніемъ двадцати тысячъ франковъ награды тому кто убьетъ командира инсургентовъ, лейтенанта Себріана, добился того что тотъ былъ застрѣленъ однимъ изъ солдатъ, послѣ чего полкъ частью сдался, частью отступилъ въ безпорядкѣ въ горы. Четверо сержантовъ, признанные коноводами бунта, были приговорены военно-полевымъ судомъ къ смертной казни и на другой день разстрѣляны въ присутствіи остальныхъ войскъ и массъ народа. Въ Барселонѣ удалось предупредить возстаніе баталіона пѣхоты, вовремя замѣстивъ его другими войсками и обезоруживъ людей.

Съ особенною силой разлилось возстаніе въ Каталоніи, гдѣ въ различныхъ пунктахъ происходило нѣсколько сраженій между инсургентами и правительственными войсками.

Несмотря на успокоительный тонъ офиціальныхъ телеграммъ, возстаніе очевидно не только не подавлено, но разрастается съ каждымъ днемъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, движеніе, имѣвшее въ началѣ характеръ военнаго бунта, начинаетъ теперь пріобрѣтать оттѣнокъ чисто-революціонный: появились шайки состоящія уже не изъ солдатъ, а изъ сельскихъ и город-

скихъ жителей. Одна изъ такихъ вооруженныхъ шаекъ появилась вблизи Торресъде Сегре, другая дѣйствуетъ въ окрестностяхъ Балагероса. Въ провинціи Барселонѣ образовались четыре шайки: одна въ Санъ-Мартино, другая въ Марпорельѣ, третья на высотахъ Валльвидревы, четвертая около Санса. Въ долинѣ Сегра большая шайка подъ командой капитана Мангады имѣла уже нѣсколько схватокъ съ правительственными войсками. Близь Мартинета происходила еще 15 августа схватка между правительственными войсками и возставшею бригадой пограничной стражи. Наконецъ, даже офиціальныя телеграммы отъ 15 августа сообщаютъ что „въ Каталоніи есть значительное количество вооруженныхъ шаекъ, и одна изъ нихъ остановила близь Грандлеры желѣзнодорожный поѣздъ шедшій изъ Барселоны къ границѣ и захватила въ немъ сто тысячъ франковъ деньгами и значительныя цѣнности.“ Въ Сео-д'Ургелѣ инсургенты наклеили прокламаціи въ коихъ заявляется что „будутъ разстрѣливаться всѣ кто станутъ препятствовать такъ или иначе установленію республики.“ Очевидно что инсургенты Сео-д'Ургеля, несмотря на осаду веденную правительственными войсками, не сдались.

Общественное мнѣніе Испаніи открыто порицаетъ кабинетъ Сагасты за невниманіе съ которымъ онъ допустилъ созрѣть заговору. Увѣряютъ что король Альфонсъ также весьма недоволенъ Сагастой, и что перемѣна министерства неизбѣжна. О поѣздкѣ короля Альфонса за границу нѣтъ уже и рѣчи. Вмѣсто этого онъ предпринялъ поѣздку „по гарнизонамъ сѣвера.“ Король не теряетъ увѣренности что „все окончится благополучно.“ Такъ, на дняхъ, принимая депутацію отъ парламента, онъ такимъ образомъ выразилъ свой взглядъ на положеніе дѣлъ: „Народъ можетъ быть увѣренъ что послѣднее возстаніе не поколеблетъ моей рѣшимости согласовать интересы короны съ желаніями народа, съ которымъ я всегда буду тѣсно связанъ какъ въ свѣтлыя такъ и въ темныя минуты.“

Къ кому обратится въ это тревожное время король Альфонсъ еще неизвѣстно, но если вѣрить телеграммѣ разосланной *Агентствомъ Фурье*, то маршалъ Серрано находившійся въ Біарицѣ выѣхалъ на дняхъ въ Мадридъ, куда его призываетъ де король Альфонсъ. Весьма возможно что въ наступившія трудныя минуты король Альфонсъ обратится къ храброму маршалу, имя котораго до сихъ поръ весьма популярно въ арміи.

Трудно еще теперь опредѣленно сказать что̀ было причиной нынѣшняго революціоннаго движенія. Вѣроятнѣе всего предположеніе что это дѣло рукъ Сорильи, находящагося нынѣ во Франціи. По крайней мѣрѣ на это указываетъ и „манифестъ“ бадахосскихъ инсургентовъ, заявляющій что они „исполняли программу Рюица Сорильи,“ и то обстоятельство что всѣ революціонныя хунты вскрывались при крикахъ: „да здравствуетъ республика 1869 года и *Сорилья!*“

До сихъ поръ не констатировано участіе карлистовъ въ возстаніи, хотя уже ходятъ слухи о томъ что будто нѣсколько карлистскихъ агитаторовъ арестовано въ сѣверныхъ провинціяхъ. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ что войска гарнизоновъ были сильно „распропагандированы:“ объ этомъ много разъ докладывалось Мартинесу Кампосу, но онъ старался смотрѣть сквозь пальцы на эту пропаганду, „не желая портить добрыхъ отношеній съ арміей.“ Впрочемъ, и безо всякой усиленной пропаганды испанскія войска похожи на преторіанцевъ: они воспитались въ странѣ гдѣ не проходитъ нѣсколькихъ лѣтъ безъ революціонныхъ вспышекъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сто̀итъ оглянуться на исторію Испаніи за это столѣтіе чтобъ убѣдиться что она полна бунтовъ и революцій: начиная съ 1814 года и до 1874 года нельзя отмѣтить въ исторіи Испаніи пяти лѣтъ въ теченіе коихъ царило бы спокойствіе въ странѣ! И только съ *pronunciamiento* 29 декабря 1874 года, то есть съ восшествія на престолъ короля Альфонса въ Испаніи настала тишина, если впрочемъ не считать четырехлѣтней (1873 — 1877) борьбы съ карлистами въ сѣверныхъ провинціяхъ.

Если вѣрить корреспонденту одной парижской газеты, видѣвшемуся въ Карлсбадѣ съ Кановасомъ-дель-Кастильей, то этотъ выдающійся государственный человѣкъ, возведшій своимъ *pronunciamiento* на тронъ короля Альфонса, такъ выражается о нынѣшнемъ движеніи: „Нынѣшнее движеніе указываетъ что страна наша не можетъ жить безъ правленія, а ею *не управляютъ*. Возстаніе это доказываетъ также что армія наша оставлена безъ при-

смотра и руководства, бездѣйствіе военнаго министра привело ее къ дезорганизаціи. Развѣ въ самомъ дѣлѣ Мартинесъ Кампосъ не долженъ отвѣчать за генераловъ у которыхъ подъ носомъ офицеры и сержанты бунтуютъ солдатъ?.. Въ Испаніи когда правительство спитъ, то чиновники — и гражданскіе и военные — храпятъ..."

По всей вѣроятности, Король Альфонсъ такого же мнѣнія относительно отвѣтственности военнаго министра, потому что телеграммы отъ 14 августа уже сообщали слухъ что Мартинесъ Кампосъ подаетъ въ отставку. Увѣряютъ также что всѣ офицеры участвовавшіе въ послѣднемъ *pronunciamiento* будутъ изгнаны изъ арміи. Послѣдняя мѣра впрочемъ едва ли произведетъ какое-либо впечатлѣніе: одна испанская газета, приводя слухъ объ этой мѣрѣ, весьма кстати припоминаетъ что во всей нынѣшней испанской арміи можно указать только на *трехъ* генераловъ съ чистымъ формуляромъ, остальные всѣ принимали участіе если не въ томъ, то въ другомъ *pronunciamiento*.

Чѣмъ кончится нынѣшнее возстаніе— трудно предсказать, но во всякомъ случаѣ уже ясенъ одинъ, весьма существенный результатъ послѣдняго *pronunciamiento*: вѣра въ исправленіе Испаніи исчезла, а съ тѣмъ вмѣстѣ рушились имѣвшіеся планы возвести ее въ рангъ европейской великой державы. Совершенно справедливо говоритъ одинъ испанскій корреспондентъ: „увы! вотъ вновь открылась эра *pronunciamiento*'въ, которая казалась было окончилась съ восшествіемъ на тронъ короля Альфонса и та безопасность, то спокойствіе, которыя составляли все обаяніе молодой монархіи—они потеряны!

№ 222.

Москва, 11-го августа.

Обнародованное на дняхъ, Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта о воспрещеніи производить рабочимъ людямъ плату отрѣзанными отъ процентныхъ бумагъ купонами создало у насъ новую наказуемость, обратило ежедневно практиковавшееся дѣйствіе въ дѣйствіе предусмотрѣнное восьмымъ раздѣломъ Уложенія о Наказаніяхъ, влекущее за собою взысканіе денежнаго штрафа.

Промышленники стали въ послѣднее время очень часто выдавать рабочимъ при разчетахъ, вмѣсто наличныхъ денегъ, купоны отдѣляемые отъ разнаго наименованія бумажныхъ цѣнностей. Очевидно что если купонъ и самъ по себѣ представляетъ извѣстнаго рода цѣнность, онъ всетаки не можетъ приравниваться къ наличнымъ деньгамъ каковы государственные кредитные билеты. Купоны изображають лишь доходность, прибыль отъ извѣстнаго капитала, и потому только въ рукахъ владѣющаго капиталомъ могутъ имѣть значеніе реальной цѣнности, въ рукахъ же третьяго лица обращаются въ цѣнность абстрактную, которая не есть *денежный знакъ* обязательный для всѣхъ и каждаго. Купоновъ нельзя никому навязывать вмѣсто денегъ. Еще менѣе можно платить купонами за трудъ людямъ простымъ, непосвященнымъ въ тайны биржевыхъ и финансовыхъ операцій.

Въ виду часто раздававшихся жалобъ на стѣсненіе рабочихъ этими купонными разчетами, можно развѣ подивиться что нынѣ обнародованный законъ не появился гораздо ранѣе. Къ тому же законъ этотъ, въ настоящемъ своемъ видѣ, кажется недостаточно полнымъ и едва ли онъ предотвратитъ всѣ вредныя послѣдствія обращенія платежныхъ знаковъ получившихъ, неправильно и произвольно, значеніе денегъ. Если новый законъ признаетъ что даже тѣ купоны по коимъ наступилъ срокъ уплаты не слѣдуетъ въ извѣстномъ случаѣ употреблять при разчетахъ, то во всякомъ случаѣ слѣдовало бы запретить всякое обращеніе такихъ купоновъ по которымъ срокъ уплаты процентовъ еще не наступилъ. Денежный рынокъ, въ особенности въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ, какова напримѣръ Москва, положительно заваленъ купонами на предбудущіе сроки. Выпуская эти купоны, капиталисты какъ бы совершаютъ краткосрочный заемъ за счетъ Государственнаго Банка или иного кредитнаго учрежденія, заемъ выгодный для нихъ, но вредно отзывающійся на ходѣ денежнаго обращенія вообще.

Продавая съ незначительнымъ учетомъ свои еще не созрѣвшіе купоны, капиталистъ способствуетъ размноженію сдѣлокъ при которыхъ купоны могутъ быть просто навязываемы. Неисправный платель-

щикъ заявляетъ что у него наличныхъ денегъ нѣтъ, и вмѣсто нихъ предлагаетъ этого сорта купоны льготно купленные имъ въ виду предстоящаго ему платежа. Кредиторъ склоненъ всегда опасаться что неисправный должникъ, у котораго сегодня еще имѣются въ карманѣ купоны, предстанетъ ему завтра съ карманами вовсе пустыми, и поэтому торопится принять купоны вмѣсто наличной уплаты, надѣясь въ свою очередь сбыть ихъ при такихъ же обстоятельствахъ. Въ концѣ концовъ отъ этого страдаетъ солидный торговецъ, торговый кредитъ, а чрезъ это и вся финансовая система.

Вопятъ о чрезмѣрныхъ выпускахъ кредитныхъ билетовъ; для погашенія ихъ тратятся милліоны безо всякой видимой пользы. Въ то же самое время частные люди выпускаютъ на громадныя суммы фиктивныя бумажныя цѣнности, напечатанныя въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ...

Спрашивается, нѣтъ ли основанія опасаться что запрещеніе выпускать въ обращеніе купоны повліяетъ на курсъ нашихъ процентныхъ бумагъ и нанесетъ ущербъ какъ государственной казнѣ такъ и банковымъ учрежденіямъ? Наоборотъ, цѣнность этихъ бумагъ, обусловливаемая вѣрностью ожидаемаго дохода отъ капитала который тратится на покупку ихъ, должна окрѣпнуть если доли этой доходности, выраженныя въ купонахъ, станутъ нераздѣльною ихъ принадлежностію и потеряютъ способность улетучиваться.

Нашелся бы очень легкій способъ положить конецъ этой спекуляціи. Стоило бы только постановить что процентныя бумаги отъ которыхъ до срока отдѣлены купоны не могутъ быть представляемы въ залогъ по подрядамъ или для полученія ссудъ, и обращеніе купоновъ прекратится само собою. Мы не видимъ основанія почему наказуемость, установленная новымъ закономъ, не должна быть распространена на тѣхъ кто вообще выпускаетъ въ обращеніе купоны ранѣе установленнаго времени.

№ 223.

Москва, 12-го августа.

Двухмѣсячная агонія графа Шамбора кончилась. Сегодня утромъ отошелъ въ вѣчность воплощенный принципъ монархической Франціи, человѣкъ явившій въ наше бездвѣтное время примѣръ непоколебимой и самоотверженной преданности своему знамени.

Смерть послѣдняго потомка Людовика XIV не можетъ не отозваться на Франціи. Продолжавшаяся во время его болѣзни ожесточенная полемика между политическими партіями Франціи, ожидавшими со дня на день извѣстія о его кончинѣ, показала до какой степени личность Фросдорфскаго изгнанника интересовала политическій міръ Франціи и какіе виды представляетъ его кончина для каждой изъ партій.

Всего интереснѣе мнѣнія высказываемыя приверженцами республиканскаго правленія, то-есть заклятыми политическими противниками Генриха V. Развивая самыя разнообразныя мнѣнія и предположенія о послѣдствіяхъ его кончины и выражая фанатическую ненависть къ той идеѣ олицетвореніемъ которой былъ графъ Шамборъ, всѣ они безъ исключенія сходятся въ хвалѣ личному характеру претендента. Республиканскія газеты, начиная съ органовъ лѣваго центра, какъ *Parlement* и *Temps*, и кончая изданіями защищающими интересы лѣвой демократической партіи, какъ *Siècle* и *Voltaire*, постоянно отдавали полную справедливость прямодушію, безупречной честности и твердой послѣдовательности своего непримиримаго противника. „Какъ жаль," восклицала недавно съ наивностью одна изъ этихъ газетъ, „что такой безукоризненный представитель французской чести зараженъ монархическими теоріями и не можетъ посвятить себя служенію высокому дѣлу французской демократіи!" Смерть графа Шамбора, по увѣреніямъ республиканцевъ, упрочитъ республиканскій образъ правленія во Франціи; но многіе изъ нихъ не могутъ скрыть своей тревоги въ виду ожидаемаго полнаго слiянія враждовавшихъ доселѣ монархическихъ партій легитимистовъ и орлеанистовъ въ одну тѣсно сплоченную фалангу подъ водительствомъ графа Парижскаго, которому Генрихъ V на смертномъ одрѣ завѣщалъ корону Франціи. Не сомнѣваясь въ окончательной побѣдѣ существующаго режима надъ минувшимъ, республиканскія газеты тѣмъ не менѣе предсказываютъ что послѣ смерти графа Шамбора борьба между республикой и роялизмомъ оживится (le jeu deviendra plus serré).

То же самое мнѣніе высказываютъ и роялисты, надѣясь конечно что окончательная побѣда окажется на ихъ сторонѣ. Однако вражда между легитимистами и орлеанистами не только не утихла наканунѣ смерти графа Шамбора, но возгорѣлась съ новою энергіей въ виду того положенія какое та и другая партія предписываетъ графу Парижскому принять съ той минуты какъ перейдетъ къ нему безспорное право на престолъ Франціи. Вожди легитимистовъ какъ герцогъ Лерошфуко-Бизаччіа и графъ де-Мёнъ требовали въ своихъ газетахъ *Union*, *Univers*, *Soleil* и *Eclair* чтобы графъ Парижскій, какъ достойный преемникъ Генриха V, отрекся отъ трехцвѣтнаго знамени и стремился бы къ возстановленію неограниченной королевской власти во Франціи. Напротивъ, орлеанисты проповѣдывали въ своихъ газетахъ *Moniteur*, *Gaulois*, *Figaro* и *Français* что неограниченная монархія во Франціи теперь немыслима, что графъ Парижскій долженъ сдѣлать цѣлый рядъ уступокъ духу времени и поставить себѣ идеаломъ не стойкаго графа Шамбора, а дѣда своего, безхарактернаго Лудовика Филиппа, который довольно близко подходилъ къ республиканскому идеалу безсильной власти, олицетворяемой въ такомъ совершенствѣ теперешнимъ президентомъ Французской республики, г. Греви. Чьего совѣта послушается графъ Парижскій, этого до сихъ поръ никто съ увѣренностью сказать не можетъ. Сколько друзья его говорливы, столько самъ онъ молчаливъ, понимая что сліяніе легитимистовъ и орлеанистовъ можетъ лучше совершиться пока онъ еще не высказался ни въ ту, ни въ другую сторону. Къ тому же открытое признаніе себя претендентомъ на французскій престолъ имѣло бы неминуемымъ послѣдствіемъ изгнаніе его изъ Франціи и можетъ-быть конфискацію его громаднаго имущества, а то что извѣстно о его личномъ характерѣ не даетъ основанія ожидать отъ него подобнаго самопожертвованія ради проблематической возможности возстановить монархическое начало во Франціи. По словамъ нѣкоторыхъ друзей графа Парижскаго, онъ намѣренъ остаться во Франціи, не объявлять себя офиціальнымъ претендентомъ, но стараться тѣмъ или инымъ способомъ пріобрѣсти популярность, сплотить вокругъ себя монархистовъ всѣхъ оттѣнковъ, даже бонапартистовъ, а затѣмъ пробраться въ президентство республики чтобы такимъ обходомъ достигнуть наконецъ трона. Этотъ планъ, по увѣренію тѣхъ же друзей его, не лишенъ практичности, и онъ дѣйствительно де отчасти уже началъ осуществляться. Даже завзятый бонапартистъ Поль-де-Кассаньякъ съ громкимъ эффектомъ перешелъ на сторону графа Парижскаго. „Мнѣ рѣшительно все равно, заявилъ онъ въ своей газетѣ *Pays*, кто избавитъ Францію отъ охватившаго ее анархическаго бреда и политическо-финансоваго банкротства; я одинаково буду признателенъ этому человѣку если онъ спасетъ мое отечество, королемъ ли или императоромъ будетъ онъ титуловаться. Конечно, императоръ имѣлъ бы болѣе силы чтобы безъ церемоній расправиться съ господствующимъ у насъ безобразіемъ; но если у насъ нѣтъ въ виду такого энергическаго императора, и если это великое и полезное дѣло совершитъ энергическій *король*, то я готовъ помогать ему въ этомъ всѣми моими силами и средствами.“

Увы, развѣ только чудо можетъ воскресить мертвеца, а принцы Орлеанскіе совсѣмъ не чудотворцы...

№ 224.

Москва, 13-го августа.

Недѣли двѣ какъ телеграфъ приноситъ изъ Австро-Венгріи почти исключительно извѣстія о безпорядкахъ всякаго рода: буянятъ въ Вѣнѣ рабочіе, подстрекаемые „спеціально противъ полиціи“ соціалистами, безчинствуетъ въ Пештѣ, Оденбургѣ и Кашау венгерская оппозиція прикрывающаяся антисемитскимъ движеніемъ; въ Загребѣ, Карлштадтѣ и Ценгѣ хорватскіе патріоты, возбужденные незаконнымъ образомъ дѣйствій венгерскихъ патріотовъ-чиновниковъ, топчутъ ногами венгерскій гербъ; въ Тріестѣ, въ самый день рожденія императора, Италіянцы-ирредентисты устраиваютъ буйную демонстрацію съ битьемъ стеколъ и бросаньемъ петардъ... Всюду стрѣляютъ, работаютъ штыками, фухтелями; полицейскія кутузки переполнены, приходится разбирать дѣла на скорую руку и выпускать арестованныхъ, такъ какъ иначе некуда сажать новыхъ.

Казалось бы что при такихъ обстоятельствахъ и вѣнской, и пештской печати все-

го приличнѣе было бы заняться внутренними дѣлами, поискать поглубже причинъ этихъ безпорядковъ. Ничуть не бывало. Рѣчь о своихъ безпорядкахъ ограничивается перебранкой, а все вниманіе сосредоточивается на дѣлахъ постороннихъ. Поѣздки князя Черногорскаго Николая въ Константинополь, королей Сербскаго, Румынскаго и Испанскаго въ Берлинъ, для вѣнской печати важнѣе домашнихъ дѣлъ. Поѣздкамъ этимъ придается крупный политическій смыслъ. Король Карлъ приглашенъ какъ Гогэнцоллернъ въ Берлинъ крестить императорскаго правнука; но австро-венгерская печать разсуждаетъ что крестины крестинами, а политика политикой, и что въ Берлинѣ только и думаютъ о томъ какъ бы сдѣлать что-нибудь „выгодное для Австріи.“ „Въ разговорахъ съ германскими государственными людьми“ король Румынскій неизбѣжно натолкнется де на доводы которые должны убѣдить его въ необходимости ладить съ Австріей, „другомъ Германіи,“ бросить затѣи о постройкѣ крѣпостей и укрѣпленіи Карпатскихъ проходовъ, присоединиться, въ интересахъ Австріи, къ Дунайскому трактату, такъ какъ де эти интересы чуть ли не тождественны съ румынскими. Если Румынія останется изолированною, то ей рано или поздно придется де испытать непріятность стать „румынскимъ островомъ въ славянскомъ морѣ,“ какъ выразилась офиціозная *Presse*,—хотя Румынію нигдѣ ни въ чемъ не тѣснитъ это славянское море, а въ мадьярскомъ болотѣ застряла половина румынской націи.

Въ томъ же родѣ идетъ рѣчь и о Сербіи. Почти одновременно съ Карломъ Румынскимъ получилъ изъ Берлина приглашеніе и Миланъ Сербскій, только не на крестины въ Берлинъ, а на большіе осенніе маневры въ Гамбургъ. Случилось такъ что время полученія въ Бѣлградѣ приглашенія совпало со свадьбой Черногорской княжны Зорки. Король Миланъ былъ званъ на эту свадьбу, но „вѣжливо и настойчиво, ссылаясь на благоговѣніе къ памяти павшаго въ Топчидере князя Михаила,“ отклонилъ приглашеніе и, если вѣрить вѣнскимъ газетамъ, счелъ себя обиженнымъ... Этого было для австро-венгерской печати довольно. Въ одинъ голосъ заговорила она что „приглашеніе друга Австріи въ Гамбургъ есть германскій отвѣтъ на поѣздку князя Черногорскаго въ Константинополь и на свадьбу Черногорской княжны съ Карагеоргіевичемъ.“ Въ Берлинѣ сочли де нужнымъ „поддержать и вознаградить“ Сербскаго короля за это и тѣмъ убѣдить—не короля де и министровъ давно въ томъ убѣжденныхъ,—а Сербскій народъ что ему выгоднѣе дружить съ Австро-Венгріей и Германіей нежели *съ кѣмъ бы то ни было*, держась политики восточныхъ химеръ.

Странно что въ Вѣнѣ не замѣтили ни снисходительнаго сожалѣнія съ которымъ германская печать передала эти сужденія австро-венгерскихъ газетъ, ни безцеремонной оцѣнки внутренняго положенія Австріи дѣлаемой значительными органами нѣмецкой печати. Позднѣе всѣхъ, какъ бы подводя итогъ всему, отозвалась *Кельнская Газета*. Вотъ, между прочимъ, что̀ говоритъ она: хорошо еслибъ Австро-Венгрія составляла нѣчто цѣльное, „еслибы делегаціи были имперскимъ парламентомъ, еслибы нѣмецкій языкъ былъ общегосударственнымъ, еслибы существовала единая австро-венгерская армія;“ но ничего этого нѣтъ. Изъ делегацій каждая судитъ и рядитъ сама по себѣ, гонведъ давно составляетъ чисто національно-венгерское, а не имперское учрежденіе; всюду разноязычіе. „Тиса сумѣлъ даже расшатать и таможенное единство Австро-Венгріи.“ Сто́итъ де припомнить сколько ожесточенія вызвано въ разныхъ углахъ Австро-Венгріи однимъ вопросомъ о государственномъ языкѣ. Будь то нѣмецкій, Мадьяры никогда де не затѣяли бы того что̀ сдѣлано съ Саксами Седмиградской области, не столкнулись бы и съ Хорватами, которые навѣрное де согласились бы хоть на вывѣскахъ присутственныхъ мѣстъ допустить нѣмецкій языкъ рядомъ съ роднымъ нарѣчіемъ. А теперь „въ Венгріи на очереди вражда племенъ и нарѣчій, которая такъ и не прекратится, потому что Тиса уже давно держится системы умиротворять ворчанье Мадьяръ отдавая имъ на съѣденіе то ту, то другую національность. Венгры враждуютъ то съ Нѣмцами, то со Славянами.“ Въ Цислейтаніи творится то же самое: въ Галиціи дозволили хозяйничать Полякамъ, „о Чешскомъ ландтагѣ и самъ Таафе не можетъ вспомнить безъ ужаса.“ Истрія, Далматія волнуются и тянутъ врозь. „Словомъ, вся внутренняя политика Австро-Венгріи состоитъ только изъ раздора между національностями, ко-

торый очень не далекъ отъ открытой борьбы между ними. Таковъ результатъ децентрализаціи. И увѣряютъ что это укрѣпитъ государственную идею... Австро-Венгрія въ дѣйствительности уже не государство; она все болѣе и болѣе превращается въ простой аггломератъ враждующихъ между собою племенъ и нарѣчій."

Вотъ германскій взглядъ на положеніе дѣлъ въ Австро-Венгріи. Многимъ ли онъ отличается отъ нашего взгляда на этотъ предметъ? Да это и не взглядъ, а простой фактъ который ни на какой взглядъ иначе представляться не можетъ...

№ 227.

Москва, 16-го августа.

Въ *Крестовой Газетѣ*, отъ 21 августа, напечатано слѣдующее анонимное письмо, будто бы полученное этою газетой изъ Неаполя:

„„Уськайте къ войнѣ между Россіей и Германіей! Что жъ! Мы, Русскіе, никоимъ образомъ войны не боимся; мы ограничимся одною обороной (какъ Турки подъ Плевной) и подождемъ нашей крутой зимы. Гм? Что скажете о зимнихъ квартирахъ въ тридцатиградусный морозъ? Это не тѣмъ пахнетъ чѣмъ зимняя кампанія во Франціи! Для Германіи напротивъ война съ Россіей была бы дѣйствительно ужасною ошибкой. При первомъ выстрѣлѣ бо́льшая часть проживающихъ въ Россіи Нѣмцевъ были бы убиты, а остальные выброшены какъ собаки за границу. *Русскій*.""

„Мы держимся правила не печатать безыменныхъ писемъ, оговаривается редакція берлинской газеты, но такъ какъ видимъ въ вышеприведенномъ извѣстный симптомъ, то и дѣлаемъ исключеніе." *Крестовая Газета* затѣмъ свидѣтельствуетъ что никогда не подстрекала къ войнѣ съ Россіей; даже самому ловкому ищейкѣ не удалось бы, говоритъ она, отыскать ни одной строчки въ этомъ смыслѣ. „Что̀ мы говоримъ относительно себя, въ данномъ случаѣ примѣнимо ко всѣмъ Нѣмцамъ. Мы, Нѣмцы, знаемъ что̀ такое война и на войну съ Россіей смотримъ достаточно серіозно. Никто не имѣетъ ни малѣйшей охоты къ ней, напротивъ; но если, чего Боже сохрани, партіи славистскихъ подстрекателей въ Россіи дѣйствительно удастся довести вражду къ Нѣмцамъ до той степени что и при величайшемъ миролюбіи было бы невозможно обезпечить дорогія блага мира иначе какъ войной, то мы вступили бы въ тяжкую борьбу съ тою рѣшимостью и увѣренностью которую внушаетъ сознаніе правоты дѣла."

Все это очень хорошо, но къ чему было печатать безыменное, вздорное, почти безсмысленное письмо и отвѣчать на него? Пожалуй, кто-нибудь и это приметъ за симптомъ... Имѣетъ ли, наконецъ, и какія можетъ имѣть берлинская газета доказательства что анонимное письмо принадлежитъ дѣйствительно Русскому? И кто этотъ Русскій чтобы придавать его письму какое-либо значеніе?

Въ Россіи, точно такъ же какъ и въ Германіи, никто не желаетъ войны. Русскіе не меньше другихъ знаютъ что̀ такое война. Россія, точно такъ же какъ и Германія, могла бы рѣшиться на войну только въ крайности. Но какіе же могутъ быть интересы которые заставили бы насъ напасть на Германію? Что̀ мы тамъ забыли? *Крестовая Газета* увѣряетъ что въ Россіи есть какая-то партія „славистскихъ подстрекателей:" что̀ же могло бы этимъ „подстрекателямъ" понадобиться въ Германіи? Не думаетъ ли *Крестовая Газета* что кто-нибудь въ Россіи имѣетъ виды на Штетинъ или островъ Рюгенъ потому что тамъ когда-то жили Славяне? Правда, Германіи принадлежатъ обширныя земли польскаго племени. Не онѣ ли понадобились Россіи? Не собирается ли она возстановить Рѣчь Посполитую, чтобы поставить „барьеръ между Россіей и Германіей," имѣть подъ бокомъ „слабаго сосѣда вмѣсто сильнаго?" Но эти подозрѣнія можно было бы скорѣе отнести къ Германіи нежели къ Россіи. Тамъ они высказывались, тамъ до сихъ еще поръ наша *конгресувка* считается особою страной и въ газетахъ держится рубрика: *Russland und Polen*. Въ Россіи всѣ, однако, убѣждены что большинство Нѣмцевъ точно такъ же какъ и Германское правительство держится иныхъ взглядовъ и въ польскихъ патріотахъ видитъ врага, который ищетъ поссорить Россію и Германію. Давно ли этотъ взглядъ на польскую „справу" безъ обиняковъ высказывался органомъ германскаго канцлера, *Сѣверо-Германскою Всеобщею Газетой*, и высказывался именно въ подтвержденіе русскихъ взглядовъ на это дѣло? Чѣмъ въ данномъ

случаѣ обезпечена *Крестовая Газета* что анонимное письмо полученное ею изъ Неаполя и такъ легкомысленно напечатанное не принадлежитъ перу какого-нибудь дѣльца польской „справы?“

Съ другой стороны, въ Россіи мыслящіе люди не могутъ не знать что Германія не имѣетъ никакихъ разумныхъ поводовъ искать ссоры съ Россіей, и что всѣ интересы ея клонятся къ тому чтобъ укрѣпились связи исторической дружбы соединяющей обѣ великія державы.

Можетъ-быть Россія негодуетъ на ту политику которая вытолкнула монархію Габсбурговъ изъ Германіи, указала ей на Востокъ какъ на удобную арену и подвинула это многоязычное государство къ захвату Босніи и Герцеговины?

Нѣтъ, Россія можетъ спокойно смотрѣть на эту политику. Нѣкогда Австрія была могущественною державой, — „толчокъ“ полученный ею и навязанная ей политика восточной державы не укрѣпила, а расшатала Австрію, и она расползается по всѣмъ швамъ. Это фактъ который признаютъ и въ Германіи. Вмѣсто сильнаго сосѣда, мы пріобрѣли слабаго; граничила съ нами великая держава стоявшая во главѣ Германіи, теперь, говоря словами *Кельнской Газеты*, „простой агломератъ враждующихъ между собою племенъ и нарѣчій.“ Германія въ 1878 году продвинула Австро-Венгрію въ Боснію, но эта поддержка не усилила, а скорѣе ослабила ее и матеріально и особенно нравственно, во очію доказавъ ея безсиліе справиться съ тою миссіей которая ей была навязана. Не съ этихъ ли поръ началась въ Австріи усиленная, теперь „доходящая почти до открытаго столкновенія“ борьба между народностями? Усилилось ли дѣйствительно значеніе и вліяніе Австріи на Востокѣ? Не болѣе какъ годъ тому назадъ, въ венгерскомъ сеймѣ горячо и съ убѣжденіемъ высказывалось что Австрія, ступивъ на Балканскій полуостровъ, навлекла на себя общую ненависть населяющихъ его народовъ. Дружба Австріи съ Сербскимъ правительствомъ не могла и не можетъ измѣнить этого. Австрія, при посредствѣ Германіи, стремится къ господству на Нижнемъ Дунаѣ. Она кое-какъ ладитъ съ румынскими властями, но это не мѣшаетъ Румыніи мечтать о присоединеніи значительной части ея народа застрявшаго въ Венгріи.

Итакъ, ни съ Германіей, ни съ ея политикой у насъ нѣтъ никакихъ счетовъ: ни Германія ничего у насъ не забыла, ни мы у Германіи.

№ 228.

Москва, 17-го августа.

Помѣщаемая нами сегодня замѣтка В. Л. *о дѣятельности русскихъ страховыхъ отъ огня обществъ* даетъ намъ поводъ возвратиться къ вопросу затронутому нами въ № 207 *Московскихъ Вѣдомостей*.

Уже на другой день послѣ появленія нашей статьи, неизвѣстный корреспондентъ прислалъ намъ три печатные отчета о приходѣ и расходѣ суммъ *Перваго* и *Втораго Россійскихъ*, а также *Московскаго* страховыхъ отъ огня обществъ за 1882 годъ „для провѣрки нашего отзыва о дѣятельности акціонерныхъ страховыхъобществъ;“ а нынѣ мы имѣемъ предъ собою доводы В. Л.

Послѣдуемъ даннымъ намъ указаніямъ: *Первое Россійское Общество* имѣло къ началу отчетнаго года запасъ премій по неоконченнымъ за прежнее время страховымъ операціямъ 1.308.675 руб.; собрало по застрахованіямъ произведеннымъ у него въ теченіе 1882 года 6.260.449 руб., а уплатило пожарныхъ убытковъ въ томъ же году страхователямъ 6.568.580 р., выдало другимъ обществамъ за перестраховки 3.555.159 р. и получило отъ этихъ обществъ, какъ долю ихъ участія въ его пожарныхъ убыткахъ, 4.050.523 р. На 1883 годъ Общество оставило запасъ премій въ 1.246.933 р. и издержало на управленіе 485.453 р. Все это, вмѣстѣ съ процентами на капиталъ (356.622 р.) и поступившими остатками отъ операцій прежнихъ лѣтъ (31.651 р.), дало Обществу чистой прибыли 150.795 руб. Тогда Общество заимствовало 169.207 р. изъ особаго, имѣющагося у него *капитала по счету регулированія стоимости фондовъ* и выдало дивиденда по 32 руб. на каждую свою акцію, нарицательная стоимость которой составляетъ 400 р., то-есть по 8 процентовъ.

Слѣдуетъ сдѣлать оговорку. На расходы по управленію Первое Общество издержало собственно *1.008.210 руб.*; но чтобы такая огромная цифра, составляющая почти шестую часть всѣхъ его сборовъ, не бросалась въ глаза въ балансѣ, часть при-

былей, именно разница въ коммиссіонныхъ деньгахъ полученныхъ Обществомъ за перестраховки и уплаченныхъ имъ при перестраховкахъ другимъ обществамъ, равная 522.757 р., вычтена изъ суммы расходовъ по управленію, и послѣдняя показана лишь въ размѣрѣ 485.453 р.

Когда этотъ отчетъ былъ доложенъ 13 февраля 1883 года общему собранію акціонеровъ, докладчикъ, одинъ изъ членовъ правленія, охарактеризовалъ истекшій операціонный годъ *самымъ неблагопріятнымъ* для дѣлъ Общества, и этимъ доказывалъ *необходимость возвысить почти повсемѣстно размѣръ взимаемыхъ страховыхъ премій.* Какъ извѣстно, возвышеніе это началось еще съ октября 1882 года и оправдывается также тѣмъ что другія страховыя компаніи, у которыхъ Первое Россійское Общество дѣлаетъ перестраховки, окончательно отказались принять ихъ за прежній размѣръ премій.

Московское Страховое Общество имѣло къ 1 января 1882 запасъ премій за прошлое время въ 355.920 р.; въ теченіе года вновь собрало премій 3.857.484 р.; уплатило изъ этой суммы за перестраховки другимъ обществамъ 3.037.926 р.; получило процентовъ на свои капиталы 140.052 р. и доходовъ съ дома 24.898 р.; остатковъ 1.672 р.; издержало на управленіе 691.577 р. (кстати сказать, почти половину чистаго своего дохода), хотя въ отчетѣ показано 164.434 р. (и это Общество, въ свою очередь, вычло изъ суммы расходовъ по управленію 527.143 руб. полученные имъ по перестраховкамъ); уплатило страхователямъ за пожарные убытки 636.657 рублей; отложило по неистекшимъ рискамъ на 1883 годъ 350.250 р. и получило годовой прибыли 189.469 р. Изъ послѣдней суммы отчислило въ запасный капиталъ 17.469 р., а 170.000 р. выдало въ дивидендъ по 17 рублей на акцію, номинальная стоимость которой 200 р., то-есть по $8^1/_2$ процентовъ.

Изъ отчета этого Общества не видно жаловались ли члены правленія, на общемъ собраніи акціонеровъ, по поводу плохихъ заработковъ, но нѣтъ сомнѣнія что и тутъ было заявлено о необходимости возвышенія страховыхъ премій. Къ этому обязывала Московское Страховое Общество конвенція заключенная между всѣми страховыми обществами въ октябрѣ 1882.

Изъ послѣдняго присланнаго намъ отчета *Втораго* Россійскаго Страховаго Общества видно что оно понесло убытка въ 1882 году на 199.651 р. Получило это Общество 749.930 р. страховыхъ премій, за вычетомъ уплаченнаго за перестраховки въ Россіи; сверхъ того, получило отъ заграничныхъ обществъ 297.045 р.; имѣло перенось премій за прошлое время 429.408 р., процентовъ и другихъ доходовъ 105.832 р.; но израсходовало на управленіе 815.829 р., а за исключеніемъ полученныхъ коммиссіонныхъ,—219.587 руб.; потеряло *по неблагонадежности агентовъ* 20.000 р., выдало вознагражденія директорамъ по § 5 своего устава (не за избраніе ли плохихъ агентовъ?), сверхъ исчисленныхъ общихъ расходовъ по управленію, 6.000 руб.; уплатило пожарныхъ убытковъ въ Россіи, за исключеніемъ суммы полученной отъ перестраховокъ, 750.047 р. (на 111 рублей больше чѣмъ получило), а за границей 339.760 р., то-есть на 42.715 р. больше чѣмъ поступило къ нему по этой статьѣ премій, и по счету текущихъ страхованій на 1883 отчислило 445.762 р., то-есть больше чѣмъ по этой статьѣ перенесено былъ съ предыдущаго года на 16.347 р.

Сопоставляя вышеприведенныя цифры, мы еще болѣе убѣждаемся въ надобности поставить дѣло страхованія на иныя основанія.

Если Второе Россійское Общество потерпѣло въ 1882 году убытокъ въ 200 почти тысячъ рублей, то это слѣдуетъ приписать случайнымъ причинамъ: неудачамъ по заграничнымъ перестраховкамъ и недостаточно скромнымъ расходамъ и неосмотрительности по своему управленію. У этого Общества въ прошедшемъ году застраховано было имущества въ Россіи на сумму 362.592.328 рублей, отъ котораго оно получило 2.640.000 рублей слишкомъ премій. Еслибы при этомъ его расходы были пропорціональны доходамъ хотя бы въ томъ размѣрѣ какъ у Перваго Общества, оно бы сдѣлало сбереженіе и его акціонеры не лишились бы дивиденда.

Во всякомъ случаѣ, его убытокъ не оправдываетъ предпринятаго всѣми страховыми обществами возвышенія премій въ такомъ размѣрѣ какъ установлено ими въ октябрѣ прошлаго года. Если вслѣдствіе этой мѣры акціонеры Втораго Россійскаго Общества получатъ въ будущемъ по 8 или $8^1/_2$ процентовъ на свой акціонерный капиталъ, то акціонеры Перваго Россійскаго и Московскаго Обществъ получатъ по 16

процентовъ, и все это изъ каргановъ страхователей. Лучшимъ доказательствомъ выгодности акціонерныхъ страховыхъ предпріятій служитъ биржевая стоимость ихъ паевъ. По бюллетеню о цѣнахъ на акціи и фонды Петербургской биржи, отъ 27 іюля, на акціи Перваго Россійскаго Страховаго Общества находились покупатели дававшіе по 756 рублей за акцію въ 400 рублей, на акціи Втораго Россійскаго Общества (во 150 руб.) были продавцы лишь по 157 рублей; покупатели же акцій Московскаго Общества (въ 200 руб.) предлагали за нихъ 295 рублей. Справляемся съ послѣднимъ биржевымъ бюллетенемъ отъ 12 августа, напечатаннымъ въ № 223 нашей газеты, и что же оказывается? Акціи Перваго Общества находятъ уже покупателей за 778 (возвышеніе въ двѣ недѣли достигло 22 рублей); за акціи Московскаго Общества предлагаютъ по 310 рублей (повышеніе на 15 руб.), и никто изъ владѣльцевъ этихъ акцій не желаетъ продавать ихъ по этой цѣнѣ; акціи же Втораго Общества проданы въ тотъ день по 159 рублей! Стоимость послѣднихъ видимо возрастаетъ несмотря на провозглашенную правленіемъ этого Общества убыточность его операцій.

Такимъ образомъ, тѣ нѣсколько замѣчаній которыя сдѣлалъ В. Л. желая способствовать „большему уясненію народившагося новаго страховаго вопроса," но которыя клонятся скорѣе къ защитѣ акціонерныхъ страховыхъ обществъ отъ нареканій въ томъ что они служатъ лишь интересамъ своихъ акціонеровъ и функціонеровъ, не имѣя нисколько въ виду интересовъ страхователей, опровергаются неумолимыми цифрами изъ отчетовъ тѣхъ же обществъ.

Впрочемъ, нельзя и упрекать эти общества въ стремленіи къ наживѣ прямо вытекающемъ изъ цѣли для которой они основаны. Какъ коммерческія предпріятія на паяхъ, они должны заботиться исключительно о выгодахъ своихъ пайщиковъ и эксплуатировать все въ виду этихъ выгодъ.

Аргументація В. Л., коею онъ силится доказать что акціонерныя страховыя общества вынуждены были обстоятельствами заключить между собою конвенцію вслѣдствіе солидарности своихъ интересовъ, что необходимость перестраховывать другъ у друга свои риски заставила ихъ создать общій для всѣхъ тарифъ премій, тарифъ возвышаемый каждый разъ когда страховымъ обществамъ угрожаетъ пониженіе дохода или дивидендовъ, то эта аргументація только подтверждаетъ сказанное нами. Идея лежащая въ основаніи всякаго страхованія не должна бы допускать примѣненіе къ этой операціи общихъ пріемовъ аферы. Страхованіе имѣетъ прямою цѣлью не приращеніе стоимости страхуемаго имущества, не обогащеніе его собственника, а лишь огражденіе его отъ убытковъ въ случаѣ несчастія, и основана на томъ вѣрнѣйшемъ разчетѣ что большинство имуществъ не гибнетъ хотя всѣ болѣе или менѣе подвержены опасности. Для предотвращенія-то этой опасности собственники и владѣльцы удѣляютъ періодически часть доходности или стоимости своихъ имуществъ на составленіе общаго фонда, изъ котораго каждый могъ бы возмѣстить, на случай бѣды, свои потери. Понятно что чѣмъ больше кругъ лицъ дѣлающихъ эти взносы, тѣмъ больше не только возрастаетъ фондъ, какъ общій для нихъ источникъ застрахованія, но и уменьшается опасность истощенія этого источника. Съ тѣмъ вмѣстѣ исчезаетъ надобность въ безпрестанномъ пополненіи его въ той мѣрѣ какъ это необходимо при началѣ когда фондъ составляется. Поэтому-то съ возрастаніемъ числа страхованій уменьшается и самый рискъ и размѣръ платимыхъ ими премій.

Бываетъ это только тогда когда всѣ страхователи вступаютъ между собою во взаимный союзъ для составленія изъ платимыхъ ими премій общаго страховаго капитала, когда всѣ выгоды отъ возрастанія этого капитала обращаются въ ихъ же пользу. Но коль скоро выгоды страхованія эксплуатируются отдѣльными предпринимателями, идея страхованія, основанная на взаимности интересовъ страхователей, извращается.

Если акціонерныя страховыя общества у насъ и за границей могутъ процвѣтать лишь при условіи ихъ солидарности, то это самое не служитъ ли свидѣтельствомъ въ пользу взаимнаго страхованія? Не выгоднѣе ли соединить самихъ страхователей въ подобные союзы чѣмъ отдать ихъ насущные интересы въ руки компаній, тоже взаимно сплотившихся, но не на пользу страхователямъ, а ради своихъ дивидендовъ.

№ 229.

Москва, 18-го августа.

Австро-Венгрія, дѣйствительно, переживаетъ теперь тяжелый кризисъ.

Особенно серіозное значеніе имѣютъ, во всякомъ случаѣ, безпорядки, сперва въ Загребѣ, потомъ и въ другихъ мѣстахъ Хорватіи. Громадныя толпы народа срывали гербы съ мадьярскими надписями. Когда изъ Загреба были получены подробныя свѣдѣнія о происходившемъ, когда стало извѣстно что демонстрація нашла нравственную поддержку и въ высшихъ общественныхъ сферахъ, главнымъ образомъ между депутатами, мадьярскіе министры поспѣшили въ Вѣну для доклада императору и для совѣщанія съ имперскими и цислейтанскими министрами.

О результатѣ этихъ совѣщаній, происходившихъ въ предсѣдательствѣ самого императора, и по настоящее время неизвѣстно ничего вполнѣ опредѣленнаго; но, какъ слышно, рѣшенія принятыя министрами таковы что могутъ только усилить кризисъ. Еслибы дѣло шло только о наказаніи вожаковъ буйной толпы, то кризисъ вѣроятно былъ бы прекращенъ легко и скоро, но въ данномъ случаѣ приходится рѣшить вопросъ принципіальный, о которомъ давно уже идетъ борьба между Хорватами и Мадьярами. Въ силу соглашенія между Венгріей и Хорватіей, офиціальнымъ языкомъ въ этой послѣдней странѣ признается только хорватскій. Вслѣдствіе этого, патріоты хорватскіе громко протестовали когда, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, одинъ изъ высшихъ мадьярскихъ администраторовъ въ Загребѣ, Давидъ, вывѣсилъ мадьярскую надпись на одномъ изъ казенныхъ учрежденій, находящемся въ его вѣдѣніи. Протесты были безуспѣшны, и вотъ наконецъ надписи сорваны силой.

Въ Хорватіи есть нѣсколько политическихъ партій; изъ нихъ самая многочисленная есть такъ-называемая національная партія, на которую опирался въ сеймѣ банъ Хорватіи, графъ Пеячевичъ. Партія эта, въ противоположность оппозиціонной партіи Старчевича, держалась соглашенія съ Венгріей, не раздѣляя увлеченій оппозиціи, добивавшейся полнаго освобожденія отъ мадьярскаго верховенства.

Но и эта мирная и благорасположенная къ Мадьярамъ партія, вмѣстѣ съ самимъ баномъ, протестуя противъ буйства толпы и признавая необходимымъ наказаніе виновниковъ, высказалась противъ возстановленія мадьярскихъ надписей, по крайней мѣрѣ прежде чѣмъ вопросъ о нихъ не будетъ разсмотрѣнъ и рѣшенъ въ законодательномъ порядкѣ, на основаніи венгро-хорватскаго соглашенія. Венгерское правительство, напротивъ, настаиваетъ на немедленномъ возстановленіи мадьярскихъ надписей, вопреки всѣмъ хорватскимъ партіямъ. Дѣло принимаетъ, такимъ образомъ, національный характеръ, соединяющій всѣ хорватскія партіи. Центральное правительство лишается всякой опоры между Хорватами, и банъ подалъ въ отставку, которая, какъ извѣстно, уже принята императоромъ. О серіозности движенія въ Хорватіи свидѣтельствуютъ слѣдующія слова *Политической Корреспонденціи*, служащей отголоскомъ высшихъ правительственныхъ сферъ: „Событія эти имѣютъ гораздо болѣе важное значеніе чѣмъ сперва полагалось какъ въ Австріи такъ и за границей. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ въ Хорватскомъ сеймѣ идетъ усиленная агитація противъ Венгріи. По временамъ агитація эта граничитъ съ государственною измѣной (Landesverrath).“ Что причины послѣднихъ безпорядковъ таятся гораздо глубже чѣмъ кажется на первый взглядъ, это не подлежитъ сомнѣнію; но ссылка *Политической Корреспонденціи* на Хорватскій сеймъ едва ли умѣстна. Противъ Венгріи въ Хорватскомъ сеймѣ дѣйствительно велась ожесточенная агитація, но *только* со стороны оппозиціи, причемъ большинство, такъ-называемая національная партія, подвергалось рѣзкимъ нападкамъ именно за то что оно стоитъ на сторонѣ соглашенія невыгоднаго для Хорватіи. Въ данномъ же случаѣ особенно интересно то что именно депутаты этой правительственной партіи стали на чисто національную хорватскую точку зрѣнія и угрожаютъ сложить свои полномочія если мѣстныя власти (банъ хорватскій), хотя бы косвенно, признаютъ законнымъ образъ дѣйствій Венгерскаго правительства, которое само нарушило законъ вывѣсивъ въ Загребѣ мадьярскія надписи.

Какъ упомянуто выше, на совѣщаніяхъ министровъ въ Вѣнѣ участвовали и общеимперскіе министры. Присутствіе министра финансовъ Каллая объясняется тѣмъ что событія въ Хорватіи должны были отразиться такъ или иначе и на Босніи, глав-

нымъ правителемъ коей состоитъ имперскій министръ финансовъ. Съ военнымъ министромъ совѣщались объ усиленіи гарнизоновъ въ Хорватіи. Серіозность положенія дѣлъ въ этомъ краѣ доказывается между прочимъ тѣмъ что венгерскій министръ-президентъ счелъ нужнымъ отказаться въ нынѣшнемъ году отъ своей обычной поѣздки въ Остенде. Офиціозныя газеты постарались было объяснить это обстоятельство тѣмъ что г. Тиса останется дома въ виду близкаго разрѣшенія наслѣдной принцессы отъ бремени; но это заявленіе только вызвало всеобщій смѣхъ.

Чѣмъ разрѣшится нынѣшній кризисъ, предвидѣть трудно. На мѣсто графа Пеячевича, баномъ Хорватіи, по слухамъ, будетъ назначенъ графъ Бомбеллесъ. Но въ виду послѣднихъ событій, поневолѣ возникаетъ вопросъ на какую же партію будетъ опираться новый банъ? По словамъ пештскихъ газетъ, Венгерское правительство рѣшилось силой возстановить въ Загребѣ поруганныя мадьярскія надписи. А если Хорваты, опирающіеся въ данномъ случаѣ на законъ, окажутъ сопротивленіе?

Вѣнскія централистскія газеты утверждаютъ что безпорядки въ Венгріи начались вслѣдствіе того что въ Цислейтаніи дѣлаются поблажки Славянамъ. Но безпорядки происходятъ не въ одной Цислейтаніи, они еще болѣе острый характеръ принимаютъ въ Венгріи, гдѣ правительство выше всего ставитъ принципъ мадьярской централизаціи. Въ Австро-Венгріи, повидимому, обѣ системы, и автономистская и централистская, ведутъ къ одному результату—къ разложенію...

№ 230.

Москва, 19-го августа.

Въ правительственныхъ сферахъ, сколько намъ извѣстно, наконецъ усмотрѣна необходимость нѣсколько ограничить права желѣзнодорожныхъ обществъ въ установленіи тарифовъ и подчинить ихъ въ этомъ отношеніи руководству правительства. Руководство это должно выражаться: вопервыхъ, въ изданіи соотвѣтствующихъ времени и обстоятельствамъ положеній касательно правъ и порядка установленія провозныхъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ и условій ихъ примѣненія къ экономическимъ потребностямъ какъ цѣлаго государства, такъ и отдѣльныхъ областей; вовторыхъ, въ постоянной провѣркѣ дѣйствующихъ тарифовъ въ видахъ согласованія ихъ съ дѣйствующими законоположеніями. Съ этою цѣлью, предполагается учредить особый распорядительный комитетъ, которому желѣзныя дороги обязаны будутъ представлять свои тарифы до введенія ихъ въ дѣйствіе и до публикаціи. За нарушеніе постановленій распорядительнаго комитета отвѣтственность будутъ нести члены правленія каждой дороги. Чтобы провѣрка тарифовъ распорядительнымъ комитетомъ не была только формальностью и имѣла бы существенныя послѣдствія, ему будетъ предоставлено право немедленно пріостанавливать дѣйствіе тѣхъ тарифовъ которые окажутся въ противорѣчіи съ устанавливаемыми на этотъ предметъ законоположеніями и съ дѣйствительными потребностями данной мѣстности. Кромѣ того, учрежденіемъ „распорядительнаго комитета“ предполагается устранить многочисленныя жалобы товароотправителей на черезчуръ громадную разницу, почти на всѣхъ нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, между тарифами мѣстными и прямаго сообщенія, а также на произвольный, ничѣмъ не мотивируемый выборъ станцій входящихъ въ прямое сообщеніе и пользующихся большими выгодами, въ томъ числѣ и значительно пониженными пудоверстными ставками. Въ настоящее время, въ Министерствѣ Финансовъ заняты сводомъ всѣхъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ, въ видахъ выработки болѣе нормальныхъ основаній для общихъ по всѣмъ дорогамъ тарифныхъ ставокъ, для составленія правилъ опредѣляющихъ порядокъ установленія тарифовъ по важнѣйшимъ статьямъ перевозки, какъ-то: хлѣбнымъ грузамъ, салу, шерсти, сахару и т. п., и особенно товарамъ отпускной торговли отправляемымъ къ портамъ и пограничнымъ станціямъ.

Ограниченіе права желѣзнодорожныхъ компаній устанавливать тарифы и хорошо организованный правительственный контроль, вотъ важныя мѣры которыя коренным образомъ преобразуютъ желѣзнодорожное дѣло въ Россіи. До сихъ поръ, „ограниченій“ не было вовсе, если не считать вносившагося въ акты концессій „предѣльнаго тарифа,“ свыше узаконенныхъ ставокъ котораго правленія желѣзнодорож-

ныхъ компаній не въ правѣ были назначать размѣръ провозной платы. Но принятыя въ „предѣльномъ тарифѣ“ нормы такъ высоки что скорѣе служатъ приманкой достигнуть ихъ размѣра чѣмъ „ограниченіемъ“ произвола въ установленіи провозной платы. Ничѣмъ не стѣсненныя въ назначеніи тарифовъ, правленія желѣзнодорожныхъ компаній не чувствуютъ надъ собой и правительственнаго контроля; иначе невозможны были бы тѣ злоупотребленія которыя заявлялись въ „общемъ съѣздѣ“ созванномъ предсѣдателемъ Высочайше учрежденной коммиссіи для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи. Лица принадлежащія къ составу правленій желѣзнодорожныхъ компаній, по своему положенію болѣе склонныя сглаживать неправильности существующей тарифной системы, говорили однако что „желѣзныя дороги постоянно уклоняются отъ правильнаго веденія тарифнаго дѣла. Уклоненія дошли до того что одна дорога перевела въ первый разрядъ такіе грузы которые на основаніи устава должны входить въ третій разрядъ. Другая дорога устанавливаетъ разстояніе превышающее дѣйствительную длину линіи.“ Изъ такой неурядицы дѣйствующія желѣзнодорожныя правила не даютъ никакого выхода. „Большая часть желѣзныхъ дорогъ дѣйствуетъ по неутвержденнымъ тарифамъ, и поэтому, въ случаѣ ихъ неправильности, оказывается почти полная невозможность рѣшить кто правъ и кто виноватъ:“ это было заявлено однимъ изъ членовъ „общаго съѣзда“ созваннаго въ 1882 году графомъ Барановымъ.

Для выхода изъ хаотическаго состоянія въ какомъ находятся желѣзнодорожные тарифы на русскихъ паровозныхъ линіяхъ, правительство и предполагаетъ принять вышеупомянутыя мѣры, имѣющія установить порядокъ назначенія, утвержденія, изданія и примѣненія тарифовъ.

Дѣятельность предполагаемаго „распорядительнаго комитета“ не ограничивается простымъ признаніемъ тарифа, какъ это водится во Франціи, гдѣ министерство имѣетъ лишь право „омологаціи“ (homologation, то-есть утвержденія) тарифовъ представляемыхъ на его разсмотрѣніе. Проектируемый „распорядительный комитетъ“ будетъ имѣть важное право устанавливать временные тарифы и отмѣнять вредные въ государственномъ отношеніи. Правительство получитъ такимъ образомъ органъ, который будетъ прямо вводить тарифы признаваемые полезными. Расширеніе правительственной власти по отношенію къ желѣзнодорожнымъ тарифамъ повлечетъ за собою соотвѣтствующее „ограниченіе“ права желѣзнодорожныхъ компаній, до сихъ поръ дѣйствовавшихъ на всей своей волѣ.

Вопросъ о дисциплинарной отвѣтственности членовъ желѣзнодорожныхъ правленій возбуждается теперь впервые. При установленіи такого рода отвѣтственности, члены правленій желѣзнодорожныхъ обществъ станутъ лицами должностными, подлежащими взысканію за нарушеніе *служебныхъ* обязанностей.

Предположенныя ограниченія внесутъ въ желѣзнодорожное дѣло правильность тарифовъ и желательную отвѣтственность служащихъ предъ государствомъ. Отъ этого можетъ лишь выиграть общая польза, за возрастающими требованіями которой должно поспѣвать, развиваясь и двигаясь въ ея смыслѣ, желѣзнодорожное, какъ и всякое, дѣло. Mobilitate viget viresque acquirit eundo.

№ 231.

Москва, 20-го августа.

Изъ вопросовъ международной политики стоящихъ на очереди выдающееся мѣсто все еще занимаетъ Дунайскій вопросъ. Какъ извѣстно, договоръ подписанный въ Лондонѣ 10 марта ратификованъ на дняхъ, но самый способъ ратификаціи наглядно доказываетъ что договоръ этотъ вѣроятно подвергнется нѣкоторымъ частнымъ измѣненіямъ. Обыкновенно при ратификаціи заключенныхъ разными державами соглашеній изготовляется соотвѣтствующее число экземпляровъ заключенной сдѣлки, которые затѣмъ подписываются и взаимно обмѣниваются между всѣми участниками. Конференція для обмѣна ратификацій Дунайскаго трактата была созвана въ Лондонѣ на 3 сентября, но такъ какъ къ этому сроку нѣкоторые уполномоченные не получили еще ратификованныхъ экземпляровъ, то рѣшено не дѣлать особаго засѣданія, а предложить уполномоченнымъ доставлять, по мѣрѣ полученія, ратификованные экземпляры въ Foreign Office. При

этомъ конечно не могло быть и рѣчи о составленіи какого-либо общаго протокола, но каждой державѣ предоставляется приложить къ ратификованному экземпляру договора отдѣльный протоколъ съ изложеніемъ своихъ примѣчаній къ отдѣльнымъ статьямъ договора Эти протоколы предполагается затѣмъ довести до свѣдѣнія всѣхъ державъ.

Самое желаніе избѣжать вторичнаго обсужденія подробностей заключеннаго договора, причемъ легко могли бы возникнуть равно нежелательныя для всѣхъ участниковъ конференціи затрудненія, доказываетъ что мнѣнія о составленномъ 10 марта Дунайскомъ трактатѣ расходятся, если не принципіально, то въ частностяхъ.

Однимъ изъ такихъ пунктовъ надо считать то постановленіе договора въ силу коего Турціи предоставлено право утвержденія болгарскаго делегата въ проектируемую „смѣшанную" коммиссію отъ прибрежныхъ нижнему Дунаю державъ. Но Лондонская конференція не была призвана входить въ обсужденіе характера ленныхъ отношеній Болгарскаго княжества къ Турецкой имперіи, тѣмъ болѣе что этотъ щекотливый вопросъ не былъ обсуждаемъ даже на Берлинскомъ конгрессѣ. Это вопросъ между Болгарскимъ правительствомъ и Портой.

Мы коснулись лишь одного пункта относительно коего между державами подписавшими Лондонскій договоръ врядъ ли установилось полное согласіе, но вѣроятно найдутся и другіе пункты. Очевидно что державы, при ратификаціи постановленій Дунайскаго трактата, имѣли въ виду только главныя постановленія его, не желая допустить чтобы соглашеніе великихъ державъ могло потерпѣть крушеніе вслѣдствіе оппозиціи малыхъ прибрежныхъ Дунаю владѣній. Что касается спеціальныхъ интересовъ этихъ владѣній, то имъ предоставлено полное право войти съ заинтересованными сторонами въ отдѣльныя соглашенія.

Подвинула ли состоявшаяся ратификація трактата вопросъ возбужденный Румыніей, это болѣе чѣмъ сомнительно. Все будетъ зависѣть отъ соглашенія между Австріей и Румыніей, о чемъ въ Вѣнѣ очень хлопочутъ. Вотъ почему поѣздкѣ короля Карла сперва въ Германію, затѣмъ въ Вѣну, въ австрійскихъ правительственныхъ сферахъ придавалось важное политическое значеніе. Король Румынскій былъ встрѣченъ въ Вѣнѣ съ великими почестями, а газеты, очевидно по внушенію свыше, совершенно измѣнили тонъ относительно Румыніи. Но поневолѣ бросается въ глаза то обстоятельство что румынскій министръ-президентъ, г. Братіану, сопровождавшій короля Карла на маневры въ Бреславль, возвратился внезапно въ Румынію и не сопутствовалъ королю ни въ Берлинъ, ни въ Вѣну.

Король Сербскій находится и теперь еще въ Австріи, гдѣ ему расточаются любезности; но прочные союзы заключаются не по личнымъ мотивамъ, а на основаніи національныхъ интересовъ. Что политика короля Сербскаго въ Сербіи весьма мало популярна, это признаютъ даже австрійскія газеты. Обсуждая отношенія къ Сербіи, *Neue Freie Presse* говоритъ между прочимъ: „Съ Сербіей мы находимся въ весьма дружественныхъ отношеніяхъ. Но между королемъ Сербскимъ и его народомъ нѣтъ желаннаго согласія относительно Австріи. Магнитная стрѣлка сербскаго народнаго чувства непоколебимо указываетъ на сѣверъ (Россію)."

Важнѣйшее политическое событіе послѣднихъ дней на Востокѣ, поѣздка князя Черногорскаго въ Константинополь, очень не по нутру вѣнскимъ политикамъ. Князь Николай былъ принятъ въ Константинополѣ съ необыкновенными почестями и, благодаря своему уму и такту, онъ успѣлъ конечно наилучшимъ образомъ расположить къ себѣ султана и его министровъ. Дружелюбное согласіе съ Портой послужитъ Черногоріи къ огражденію ея самостоятельности со стороны Австро-Венгріи и обезпечитъ ее отъ политическихъ интригъ, которыя, эксплуатируя противъ нея Турцію, ставили Черногорію какъ бы между двухъ огней. Огонь, съ одной стороны, погашенъ; потому и съ другой стороны огонь менѣе опасенъ. Это послужитъ и вообще къ успокоенію Востока.

№ 233.

Москва, 22-го августа.

2 сентября н. ст. Германія праздновала годовщину Седана. По этому поводу, наканунѣ, англійская газета *Standard* сочла нелишнимъ оглянуться на политику Гер-

маніи со времени ея объединенія. Лондонская газета съ похвалой отозвалась о ея миролюбіи и умѣренности. „Опытъ тринадцати лѣтъ показалъ что князь Бисмаркъ не куетъ никакихъ козней противъ европейскаго мира,“ а заключенный имъ союзъ съ Австріей есть де залогъ спокойствія Европы, которому угрожаютъ де теперь только двѣ державы, именно Россія и Франція.

Ретроспективная статья торійской газеты, всегда отличавшейся недоброжелательствомъ къ Россіи, не заслуживала бы и вниманія еслибы появленіе ея не совпало случайно со свиданіемъ руководителей политики Германіи и Австріи, князя Бисмарка и графа Кальноки.

Германія, дѣйствительно, нуждается въ мирѣ для упроченія своего національнаго единства и для прекращенія той „культурной борьбы“ которая была первымъ послѣдствіемъ ея объединенія. Того же требуютъ финансы Германіи и ея промышленность, едва начавшая, благодаря твердой таможенной политикѣ, поправляться отъ кризиса завершившаго эпоху *грюндерства* послѣ войны. Германія искала и ищетъ союзовъ; въ 1879 г. она вошла въ сдѣлку съ тою самою Австро-Венгріей которую въ 1866 году вытолкнула изъ своего состава; затѣмъ она успѣла притянуть къ этому союзу Италію; теперь притягиваетъ Испанію.

Австро-Венгрія еще болѣе нуждается въ спокойствіи. Разноязычная монархія расползается и уже теперь представляетъ собою „простой аггломератъ враждующихъ національностей,“ аггломератъ почти безсильный справиться съ тою „миссіею“ которую Австрія приняла на себя въ 1878 г. въ видахъ якобы „умиротворенія“ Босніи и Герцеговины. Внѣшнее предпріятіе, дѣйствительно, было бы для Австріи началомъ того опаснаго кризиса къ которому влечетъ ее попытка играть роль Восточной державы и отыскивать на Балканскомъ полуостровѣ возмѣщеніе за потери понесенныя въ 1859 и 1866 годахъ.

Австрійскому министру есть о чемъ переговорить съ канцлеромъ союзной Германіи, которая, несмотря на дружбу и независимо отъ какихъ-либо отдаленныхъ политическихъ видовъ, всегда имѣетъ кое-какіе счеты съ Австро-Венгріей, какъ это обнаружилось на дняхъ по дѣлу о назначеніи втораго викарія въ Бреславскую епархію. Дѣло вотъ въ чемъ. Часть Бреславской епархіи лежитъ въ предѣлахъ Австріи. До сихъ поръ, на основаніи давно заключенныхъ между Пруссіей и Ватиканомъ условій, австрійская часть Бреславской епархіи управлялась архіепископомъ живущимъ въ Пруссіи, и своего отдѣльнаго администратора не имѣла. Годъ назадъ, графъ Кальноки предложилъ куріи назначить въ австрійскую часть названной епархіи особаго викарія который жилъ бы въ Тропау. Объ этомъ предметѣ между Вѣною и Ватиканомъ шли „секретные переговоры,“ которые на дняхъ увѣнчались успѣхомъ, что̀ крайне не понравилось въ Берлинѣ, тѣмъ болѣе что это случилось какъ разъ въ минуту особенно натянутыхъ, почти враждебныхъ отношеній къ Ватикану. Пруссія въ назначеніи втораго викарія, безъ ея вѣдома, видитъ нарушеніе своихъ правъ, особенно досадное тѣмъ что идетъ отъ союзной державы.

Итакъ, и Германія и Австрія ищутъ мира и нуждаются въ немъ; свиданіе графа Кальноки и князя Бисмарка несомнѣнно имѣетъ въ виду поддержанія спокойствія.

Но изъ того что Германія ищетъ поставить себя въ добрыя отношенія къ другимъ никакъ не слѣдуетъ что ей грозятъ войной. Правда, года три-четыре назадъ представители Германскаго правительства утверждали въ рейхстагѣ что Германіи грозитъ война „на два фронта,“ и съ Востока и съ Запада; но это время уже прошло...

Дѣйствительно, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ былъ пущенъ нелѣпый слухъ о возможности союза между Россіей и Франціей въ противовѣсъ Австро-Германскому. Есть ли основаніе повторять эту басню теперь, когда даже въ Германіи далеко не всѣ придаютъ значеніе воинственному задору французской печати, видя въ томъ простой симптомъ малокровія Франціи, въ добавокъ ко всѣмъ внутреннимъ затрудненіямъ запутавшейся въ дѣлахъ колоніальной политики? Самая рѣзкость замѣчаній недавно сдѣланныхъ *Сѣверо-Германскою Газетой* по адресу Франціи не доказываетъ ли что въ Германіи считаютъ возможнымъ смотрѣть на эту страну свысока? Франція не рискнула отстаивать свои дѣйствительные интересы въ Египтѣ; можно ли вѣрить чтобъ эта же Франція рѣшилась сдѣлать какой-либо серіозный шагъ противъ Германіи? Шаткость и безсиліе

Французскаго правительства есть фактъ всѣмъ очевидный. Какая же держава можетъ искать союза за прочность котораго нельзя поручиться ни на одинъ день? А главное, зачѣмъ Россіи могъ бы понадобиться этотъ союзъ? Если французскіе шовинисты помышляютъ объ Альзасъ-Лотарингіи и объ отместкѣ, то Россіи-то какое до этого дѣло? Если Франція утратила свое прежнее командующее въ Европѣ и постоянно враждебное Россіи положеніе, то какое безуміе могло бы заставить Россію жертвовать своею кровію въ нелѣпой попыткѣ возвысить своего противника въ ущербъ своему всегдашнему союзнику, солидарному съ ней въ существенныхъ интересахъ европейской политики?

Въ своей враждѣ къ Россіи торійская газета замѣчательно сошлась съ польскою печатью, которая настойчиво продолжаетъ твердить о замыслахъ Россіи противъ Германіи. Любопытно что дня за два передъ появленіемъ этой статьи въ *Standard*, *Дневникъ Позна́нскій* самымъ подробнымъ образомъ толковалъ о стратегическомъ сосредоточеніи русскихъ войскъ на германской границѣ, о массахъ кавалеріи будто бы приготовленныхъ въ Привислинскомъ краѣ противъ Германіи и о другомъ подобномъ вздорѣ. Но польская печать, по крайней мѣрѣ, знаетъ чего хочетъ; ей нужно возбуждать взаимное недовѣріе между Россіей и Германіей, столкновеніе которыхъ входитъ въ виды польской „справы". Любопытно знать чего хочетъ отставное торійское министерство?

№ 234.

Москва, 23-го августа.

Теперешнее положеніе Австріи представляетъ печальную картину зданія сдвинутаго съ мѣста.

Пользуясь случаемъ, Австрія наконецъ достигла занятія Босніи и Герцеговины, которыя ей понадобились для укрѣпленія ея вліянія на Балканскомъ полуостровѣ. Не разъ въ своихъ войнахъ съ Турціей, въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, занимала она по частямъ эти области, хотя никогда не удавалось ей удержать ихъ за собою. Обладаніе этими провинціями не прибавило ничего къ благосостоянію Австріи: она лишь *оккупируетъ* ихъ, а когда и какимъ образомъ удастся ей окончательно *инкорпорировать* ихъ неизвѣстно. Пока онѣ причиняютъ ей много хлопотъ и требуютъ большихъ затратъ, между тѣмъ какъ само занятіе этихъ провинцій только увеличиваетъ ненависть къ Австріи на Балканскомъ полуостровѣ.

Дуализмъ не придалъ ей силы, и вѣнская политика задумала испробовать еще средство чтобъ умиротворить народы живущіе подъ скипетромъ Австрійскаго императора. Дѣленіе государства пошло далѣе.

Кабинетъ графа Таафе замѣнилъ товарищей графа Андраши, и объявилъ основнымъ принципомъ своей политики соглашеніе интересовъ народностей живущихъ въ Австріи. Онъ задумалъ даже попытаться приложить къ жизни давно провозглашенный въ Австріи, но до сихъ поръ не соблюдавшійся принципъ равноправности языковъ. Понятно что въ Австріи, гдѣ на 36 милліоновъ населенія приходится 20 милліоновъ Славянъ, такая перемѣна политики должна была отразиться прежде всего на Славянахъ, особенно въ Цислейтаніи. А между тѣмъ въ Транслейтаніи Мадьяры, пользуясь тѣмъ положеніемъ которое имъ удалось занять благодаря безсилію вѣнскихъ правителей, держатся строгаго централизма въ мадьярскомъ смыслѣ: тамъ, напротивъ того, Славяне находятся подъ тяжкимъ давленіемъ; именно теперь у нихъ пештскія власти стараются отнять все чѣмъ они до сихъ поръ пользовались. Мадьярскій языкъ вторгается даже въ богослуженіе Угроруссовъ, Словаки лишены своихъ школъ, Сербы въ Венгріи не только не пользуются даже призракомъ равноправности, но по новымъ законамъ и распоряженіямъ ихъ церковь и школа переходятъ во власть Мадьяръ; Хорваты понуждаются признать надъ собою власть Мадьярской національности. Въ послѣднее время Мадьяры воздвигли у себя гоненіе и на Нѣмцевъ. Въ Пештѣ Нѣмцы должны были выдержать цѣлую бурю изъ-за нѣмецкаго театра, а Саксы, древніе поселенцы Седмиградіи, помышляютъ о выселеніи оттуда.

Между тѣмъ, въ Цислейтаніи мѣстные сеймы не успѣли собраться, какъ борьба между народностями выразилась въ такой острой формѣ что Вѣнское правительство пришло въ трепетъ. Далматинскій сеймъ распущенъ, по приказу изъ Вѣны, не рѣ-

шивъ ни одного дѣла. Въ Чешскомъ сеймѣ, гдѣ впервые большинство вышло чешское, идетъ борьба съ нѣмецкимъ меньшинствомъ которое крайне раздражено. Въ Крайнѣ съ большею чѣмъ когда-нибудь силой высказываются давнишнія желанія соединить всѣ страны гдѣ живутъ Словенцы подъ одну юрисдикцію и составить одинъ общій сеймъ для Штиріи, Хорутаніи, Крайны, Истріи и Тріеста. Идея этого единства проповѣдывалась давно уже Яномъ Блейвейсомъ, а теперь не успѣлъ еще собраться Краинскій сеймъ какъ одинъ изъ вліятельныхъ членовъ вѣнской палаты, г. Набергой, въ своей газетѣ выходящей въ Тріестѣ, прямо выставилъ эту задачу объединенія. Поляки въ Галиціи, получивъ полную возможность творить всякія насилія надъ русскимъ галицкимъ народомъ, казалось бы должны быть довольны, но и они то и дѣло заявляютъ все новыя требованія отъ Австрійскаго центральнаго правительства. Извѣстно что польская шляхта, лишенная политическаго смысла, мечтаетъ даже о томъ чтобы создать при помощи Австріи польское государство, что̀ конечно не можетъ входить въ ея интересы... Между тѣмъ заигрываніе со Славянами возбуждаетъ общее недовольство въ нѣмецкомъ населеніи Австріи, не забывшемъ ея исконно германскаго характера. Нѣмецкіе „либералы“ при каждомъ удобномъ случаѣ даютъ ясныя доказательства гдѣ ихъ симпатіи. Дѣло дошло до того что членъ Вѣнскаго парламента публично возгласилъ что нѣмецкія земли Австріи съ Богеміей скоро отойдутъ къ Германіи. Раздраженіе политическихъ нервовъ дошло до того что такое невинное дѣло какъ предполагаемое основаніе частной чешской школы въ Вѣнѣ взволновало всю австрійскую столицу, а осторожная рѣчь Нѣмца-ректора Маасена въ Нижне-Австрійскомъ сеймѣ въ защиту чешской школы повлекла за собой цѣлый рядъ разнообразнѣйшихъ демонстрацій. Между Нѣмцами, подданными императора Австрійскаго, оказываются теперь тѣ болѣе *лояльными* которые считаютъ лишь политическою случайностью уступки Славянамъ и полагаютъ что все это скоро перемѣнится. Когда вождь Чеховъ, Dr. Ригеръ, обратился 1 августа къ вождю нѣмецкихъ членовъ Чешскаго сейма Dr. Шмейкалю съ письмомъ, предлагая составить коммиссію изъ выборныхъ лицъ чешскаго большинства и нѣмецкаго меньшинства сейма, которая выработала бы проектъ полнаго примиренія обѣихъ народностей на основаніи пресловутой равноправности, послѣдній отвѣтилъ письмомъ отъ 9 августа, въ которомъ отказывается отъ всякихъ переговоровъ съ Чехами, слагая вину за несогласія между Нѣмцами и Чехами на чешскія требованія. Dr. Шмейкаль, отказываясь отъ всякаго съ Чехами договора, объявляетъ: „Договоръ утвердилъ бы только нынѣшнюю правительственную систему, которая находится въ полномъ противорѣчіи со всѣми нашими убѣжденіями и традиціями.“ (*Pokrok* № 188, отъ 9 августа.)

Вполнѣ естественно что австрійскіе Славяне пользуются удобнымъ для нихъ случаемъ чтобы достигнуть, хотя бы отчасти, предмета своихъ мечтаній, а именно нѣкоторой автономіи въ управленіи. Но отъ всякой ихъ удачи лишь болѣе раздражается Germania irredenta, которая находитъ себѣ опору въ патріотахъ Германіи, далеко за предѣлами Австріи. Воскресъ въ Прагѣ чешскій университетъ, и въ прошломъ году впервые вновь стали читаться почешски лекціи тамъ гдѣ въ давнее время раздавалось горячее слово Іоанна Гуса. Этотъ воскресшій Чешскій университетъ возникъ лишь рядомъ съ нѣмецкимъ, который попрежнему остается въ старинныхъ зданіяхъ нѣкогда Чешскаго университета. Но несмотря на то что за это воскрешеніе своего университета Чехи уплатили Вѣнскому правительству довольно дорого поддержкою нѣкоторыхъ его проектовъ въ парламентѣ, Нѣмцы не могутъ простить Чехамъ этой удачи. Императоръ Австрійскій проѣхалъ по Штиріи и Крайнѣ, праздновавшихъ юбилей 600-лѣтняго подчиненія своего имперіи Габсбурговъ, и всѣ встрѣчи его въ этихъ мѣстахъ вызывали рядъ демонстрацій со стороны то славянскаго, то нѣмецкаго населенія. Предсѣдатель нѣмецкаго Schulverein'а, депутатъ Вѣнскаго парламента, счелъ удобнымъ проѣхаться по тѣмъ же мѣстамъ, за нѣсколько дней до путешествія императора, чтобы побудить нѣмецкое населеніе выразить демонстративно свое нерасположеніе къ кабинету Таафе, дѣлающему нѣкоторыя уступки Славянамъ. Эта явная вражда къ политикѣ цислейтанскаго министерства со стороны Нѣмцевъ дошла до того что графъ Таафе уѣхалъ изъ Граца въ Вѣну, отказался отъ сопутствія императору и послѣ

изъ Вѣны проѣхалъ прямо въ Любляну чтобъ избѣжать непріятныхъ демонстрацій. Словомъ, Germania irredenta всюду открыто выражаетъ свое неудовольствіе противъ „славянофильской“ политики графа Таафе и свои надежды что рано или поздно все нѣмецкое отойдетъ къ Германіи.

Но довольны ли Славяне? Увы, нѣтъ! Всѣ эти полумѣры только раздражаютъ ихъ и усиливаютъ недовольство...

Съ юга грозитъ Italia irredenta, имѣющая много сторонниковъ и союзниковъ по всему побережью Адріатическаго моря. Тріестъ становится гнѣздомъ разныхъ замысловъ и попытокъ, враждебныхъ и австрійскому государству, и самому императору. Еще недавно, наканунѣ тезоименитства императора, лопнула какая-то бомба, кѣмъ-то брошенная въ Тріестѣ вблизи казармъ, причемъ подозрѣніе падаетъ на италіянскихъ патріотовъ. Въ послѣднее время возникла еще и Rumunia irredenta, претендующая на Трансильванію и даже Банатъ, гдѣ живетъ около двухъ милліоновъ Румынъ. Извѣстный тостъ въ Яссахъ сенатора Градиштеану не есть выраженіе лишь его личнаго настроенія. Дипломатическое извиненіе Румынскаго правительства лишь обнаружило слабость Австріи и въ сущности раскрыло новое больное мѣсто въ ея тѣлѣ которое стало особенно чувствительнымъ и нервнымъ. Сербское населеніе юга Австріи, притѣсняемое Мадьярами, лишенное всякой защиты и всѣхъ правъ признанныхъ за нимъ австрійскими государями, естественно тянетъ къ Сербскому королевству.

Съ другой стороны, всякое расширеніе сферы австрійскаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ лишь распаляетъ тамъ ненависть къ Австріи.

Недавно еще нѣкоторыя наши газеты указывали на Австрію какъ на образецъ для России. Выставляли „правовой порядокъ,“ господствующій въ Австріи и оберегающій всѣ ея народы отъ „самоволія“ и т. д. и т. д. Но вотъ происходилъ недавно судъ надъ Евреями, обвинявшимися въ обрядовомъ убійствѣ христіанской дѣвочки. На судѣ раскрылись неслыханныя дѣла, происходившія на этихъ дняхъ въ правовой Австро-Венгріи. О подкупахъ, насиліяхъ, истязаніяхъ и пыткахъ говорилось на судѣ какъ о дѣлѣ весьма обыкновенномъ. А недавнее дѣло уважаемыхъ патріотовъ Галицкой земли священника Наумовича и Добрянскаго, которыхъ вмѣстѣ съ ихъ товарищами такъ недавно судилъ польскій судъ, искавшій обвинить ни въ чемъ неповинныхъ людей въ государственной измѣнѣ. А дѣло сербскаго патріота Милетича, замѣчательное тѣмъ что на судѣ обвинители и доносчики прямо были уличены въ подкупѣ и ложномъ доносѣ, но несмотря на это окончившееся осужденіемъ ни въ чемъ неповиннаго человѣка, который теперь послѣ долголѣтняго тюремнаго заключенія хотя и выпущенъ на свободу, но не вынесъ страданій и одержимъ душевною болѣзнью.

Случится кому-нибудь въ Россіи проврaться въ застольной рѣчи какъ тотчасъ же въ австрійской печати поднимаются злорадные крики о несостоятельности Россіи и ея правительства. Какъ же отнестись къ недавней стычкѣ тысячной толпы рабочихъ съ войсками въ самой Вѣнѣ, къ извѣстіямъ о волненіяхъ народа срывавшаго въ Загребѣ съ офиціальныхъ учрежденій гербы съ мадьярскими надписями, къ безпрерывнымъ волненіямъ антисемитскимъ въ Пештѣ, Пресбургѣ и столькихъ другихъ мѣстахъ?..

№ 235.

Москва, 24-го августа.

Составленный Высочайше учрежденною коммиссіей, состоящею подъ предсѣдательствомъ графа Э. Т. Баранова, проектъ „общаго устава Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ“ въ скоромъ времени будетъ разсматриваться въ Государственномъ Совѣтѣ. Это будетъ первымъ законодательнымъ опредѣленіемъ общаго для всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи положенія. Оно не только *замѣнитъ* дѣйствующія въ настоящее время для частныхъ желѣзнодорожныхъ компаній правила, разсѣянныя во многочисленныхъ актахъ концессій, но и существенно *измѣнитъ* созданное этими концессіями положеніе желѣзнодорожныхъ компаній въ нашемъ отечествѣ.

Проектъ „желѣзнодорожнаго устава“ имѣетъ въ виду, вопервыхъ, усилить правительственное руководство компаніями; вовторыхъ, подчинить ихъ нѣкоторымъ ограниченіямъ въ пользованіи и управленіи паровозными линіями, а также усилить ихъ отвѣтственность предъ частными лицами.

Съ этою цѣлью предполагается нѣсколько правительственныхъ установленій для разсмотрѣнія и утвержденія мѣръ принимаемыхъ правленіями частныхъ желѣзнодорожныхъ компаній и собраніями ихъ акціонеровъ. Въ вѣдѣнія „Высшаго Желѣзнодорожнаго Совѣта“ и состоящаго при немъ „Распорядительнаго Комитета“ сосредоточивается непосредственное управленіе всѣми рельсовыми путями. „Высшій Совѣтъ“ будетъ имѣть право „издавать правила, инструкціи и наказы въ развитіе существующихъ желѣзнодорожныхъ узаконеній“ (ст. 19 п. 2 общаго устава), а равно „обсуждать общіе вопросы, имѣющіе въ виду провозные желѣзнодорожные тарифы и условія ихъ примѣненія“ (ст. 19 п. 4 ib.). „Распорядительному Комитету“ предполагается дать власть не только утверждать представленные ему правленіями желѣзнодорожныхъ компаній тарифы, но самостоятельно вводить признаваемые имъ полезными новые тарифы и подвергать дисциплинарной отвѣтственности членовъ желѣзнодорожныхъ правленій за нарушеніе ими правилъ по установленію и примѣненію тарифовъ (ст. 20 п. 4 и примѣчаніе).

Съ этою же цѣлью подчиненія правительственному руководству дѣятельности желѣзнодорожныхъ компаній, узаконяется утвержденіе „Верховнымъ Совѣтомъ“ и „Распорядительнымъ Комитетомъ“ постановленій состоявшихся на съѣздахъ делегатовъ отъ желѣзныхъ дорогъ, образующихъ изъ себя группы по прямому пассажирскому и товарному движенію (ст. 75). Въ настоящее же время, какъ извѣстно, съѣзды не ограничены ничѣмъ въ своей дѣятельности, вводя нерѣдко такія правила которыя не согласны съ дѣйствующими законоположеніями, о чемъ свидѣтельствуютъ недавно помѣщавшіеся въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* отчеты о бывшемъ въ іюлѣ съѣздѣ 2-й группы въ Москвѣ.

На этомъ не останавливается проектъ „общаго устава желѣзныхъ дорогъ“. Онъ вводитъ въ составъ правленія каждой желѣзной дороги особаго члена отъ правительства, предоставляя ему не только право совѣщательнаго голоса въ рѣшеніяхъ принимаемыхъ желѣзнодорожнымъ правленіемъ (ст. 86), но главнымъ образомъ право протеста долженствующаго имѣть своимъ послѣдствіемъ перенесеніе вопроса на рѣшеніе Высшаго Совѣта (ст. 89). Ни одно желѣзнодорожное правленіе не будетъ въ правѣ издавать общія правила или наказы для управленія дорогой безъ утвержденія Высшаго Совѣта (ст. 96). Для регулированія законнаго состава общихъ собраній акціонеровъ желѣзнодорожныхъ компаній, право участія явившихся акціонеровъ подчиняется повѣркѣ особо для этого назначенныхъ правительствомъ лицъ (ст. 82).

Кромѣ правительственнаго руководства, послѣдовательно проводимаго въ законопроектѣ относительно дѣятельности желѣзнодорожныхъ компаній, „общій желѣзнодорожный уставъ“ подчиняетъ ихъ цѣлому ряду гражданскихъ ограниченій, усиливая ихъ отвѣтственность предъ лицами.

Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія тѣ постановленія „общаго устава,“ которыя обязываютъ желѣзныя дороги отвѣчать за утрату или поврежденіе сданнаго имъ груза за время отъ заключенія договора перевозки до выдачи груза. Отъ этой отвѣтственности онѣ освобождаются только въ томъ случаѣ если докажутъ что утрата и поврежденіе произошли или по винѣ самого отправителя, небрежно упаковавшаго отправляемый имъ товаръ, или отъ дѣйствія превозмогающей силы, vis majoris (ст. 215). Обязывая желѣзнодорожныя правленія доказывать тѣ обстоятельства которыя могутъ освободить ихъ въ данномъ случаѣ отъ отвѣтственности за ввѣренный имъ грузъ, „общій уставъ“ облегчаетъ грузоотправителямъ возможность взысканія съ виновной дороги, предоставляя имъ, по своему выбору, предъявлять къ ней искъ о вознагражденіи за утраченный или поврежденный грузъ въ тотъ судъ къ которому для нихъ удобнѣе обратиться. Иски къ желѣзнымъ дорогамъ, касающіеся перевозки грузовъ и пассажирскаго багажа, предполагается предоставить потерпѣвшему предъявлять въ одинъ изъ судовъ которымъ подсудны компаніи: 1) по мѣсту нахожденія правленія дороги, 2) ея управленія, 3) станціи отправленія или 4) станціи назначенія. „Эти четыре мѣста считаются мѣстомъ пребыванія желѣзной дороги“, говоритъ ст. 234 „общаго устава,“ приближая такимъ образомъ судъ къ имѣющему исковое требованіе истцу.

Для обезпеченія дѣйствительнаго удовлетворенія по взысканіямъ обращаемымъ къ концессіонернымъ компаніямъ, проектъ желѣзнодорожнаго закона опредѣляетъ имущество компаніи на которое можетъ быть

обращено исполненіе по присужденному исковому требованію.

Здѣсь впервые узаконяется въ русскомъ правѣ особый видъ имущества подлежащаго исключительнымъ постановленіямъ, и создастся понятіе объ „имуществѣ желѣзныхъ дорогъ“ (ст. 250). „Желѣзная дорога со всѣми ея принадлежностями составляетъ нераздѣльное недвижимое имущество.“ Такимъ образомъ, полотно дороги, желѣзнодорожныя зданія, станціи, складочные магазины, мосты и т. п. имѣютъ значеніе „нераздѣльнаго недвижимаго имущества,“ понятіе о которомъ соотвѣтствуетъ установившемуся въ Германскомъ и Англійскомъ законодательствѣ представленію о Bahnkörper, Railway Land. На ряду съ „недвижимымъ имуществомъ дороги“ признается ея движимое имущество, въ составъ котораго входятъ доходы, наличныя суммы и долговыя претензіи компаніи. Исполненіе по присужденнымъ съ компаній исковымъ требованіямъ обращается сперва на ихъ движимое имущество, и если оно не можетъ быть покрыто этимъ путемъ, кредиторы дороги могутъ просить судъ о признаніи ея несостоятельною (ст. 252), что влечетъ за собой взятіе пути въ распоряженіе правительства (ст. 253), которое или выкупаетъ желѣзную дорогу, или продаетъ ее съ публичнаго торга (ст. 254 п. 1).

Такимъ образомъ, „желѣзная дорога и ея принадлежности“ разсматриваются въ проектѣ „общаго устава“ какъ обыкновенное имущество, на цѣнность котораго можетъ быть обращено взысканіе кредиторовъ концессіонной компаніи.

Новый желѣзнодорожный уставъ встрѣтилъ разнообразныя замѣчанія и возраженія, которыя идутъ отчасти отъ желѣзнодорожныхъ компаній, отчасти отъ правительственныхъ учрежденій. Первыя, возражая, говорили pro domo sua и отстаивали свою независимость отъ налагаемыхъ на нихъ ограниченій. Противъ проекта „желѣзнодорожнаго устава“ недавно опубликованы замѣчанія со стороны Министерства Путей Сообщенія, которое высказывалось противъ выработаннаго проекта желѣзнодорожнаго закона, полагая что этими измѣненіями государство нарушило бы свои контрактныя условія съ дорогами. Но концессія не то что контрактъ въ родѣ тѣхъ какіе казна заключаетъ съ подрядчиками и поставщиками. Выдавая концессію государство собственно только дозволяетъ частной компаніи исполнить предпріятіе въ видахъ государственной пользы, и государственное значеніе желѣзныхъ дорогъ остается за ними въ чьихъ бы рукахъ онѣ ни находились. Концессія не есть, какъ думаетъ Министерство Путей Сообщенія, нѣчто въ родѣ тѣхъ „конвенцій“ которыя заключены во Франціи между республиканскимъ правительствомъ и пятью главными французскими компаніями. Не дай Богъ намъ въ Россіи пойти по пути Франціи въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Концессія есть актъ государственной власти создающей себѣ органъ который долженъ подчиняться всѣмъ ея требованіямъ, къ числу коихъ относятся содержащіяся въ проектированномъ уставѣ положенія. Измѣняя на основаніи этихъ положеній условія желѣзнодорожной эксплуатаціи, государственная власть совершаетъ такой же актъ своего верховенства какъ при отмѣнѣ крѣпостнаго права, при введеніи и закрытіи откуповъ, при установленіи воинской повинности и т. д. Общая польза связанная съ желѣзными дорогами въ жизни государства ярко характеризуется Маколеемъ (въ его *History of England*), который сопоставляетъ ихъ съ изобрѣтеніемъ письменъ и книгопечатанія.

Обращаемъ вниманіе компетентныхъ лицъ и публики на недавно вышедшее въ свѣтъ спеціальное изслѣдованіе нашего почтеннаго сотрудника А. А. Борзенко, подъ заглавіемъ *Концессія желѣзнодорожнаго права*, въ которомъ разработана юридическая сторона этого вопроса.

№ 236.

Москва, 25-го августа.

Германская печать оказалась очень молчаливою касательно свиданія между княземъ Бисмаркомъ и графомъ Кальноки. Кромѣ короткихъ отчетовъ о взаимныхъ визитахъ, она не обмолвилась ни однимъ словомъ, ни однимъ „слухомъ“ о предметѣ совѣщанія между руководителями политики двухъ сосѣднихъ монархій, которому придавалось „важное значеніе“ и о которомъ начали говорить еще съ весны. Любопытно что еще въ началѣ августа свиданіе казалось невозможнымъ вслѣдствіе

„крайней слабости“ князя Бисмарка и состоялось теперь вдругъ и неожиданно.

Только *Кельнская Газета* нарушила общее молчаніе сообщивъ разомъ два факта. Вопервыхъ, по ея свѣдѣніямъ, въ Зальцбургѣ должна была идти рѣчь о послѣдствіяхъ смерти графа Шамбора, а вовторыхъ, о продленіи дѣйствія условій союза между Австріей и Германіей, срокъ коимъ истекаетъ въ будущемъ году. По словамъ берлинскаго корреспондента упомянутой газеты, новый договоръ между Австріей и Германіей долженъ былъ „формально“ состояться въ Зальцбургѣ, о чемъ де „въ непродолжительномъ времени станетъ такъ или иначе всѣмъ извѣстно.“

Первое сообщеніе *Кельнской Газеты* подтверждается отчасти визитомъ который сдѣлалъ графу Парижскому императоръ Австрійскій. Правда, вѣнская *Fremdenblatt* старается отнять у визита политическое значеніе, но многіе, а въ томъ числѣ, по свидѣтельству самой же этой офиціозной вѣнской газеты, даже люди близкіе ко графу Парижскому полагаютъ что визитъ этотъ не одна простая вѣжливость.

Что касается союзнаго договора между Австріей и Германіей, то *Кельнская Газета* въ этомъ случаѣ можетъ считаться спеціалистомъ. Какъ извѣстно, ею впервые было заявлено что союзу заключенному въ 1879 году положенъ срокъ, и что онъ основанъ на формальномъ документѣ, хотя и не подлежащемъ разсмотрѣнію рейхстага.

Но, кромѣ этихъ вопросовъ, въ Зальцбургѣ могла идти рѣчь и о другихъ „матерьяхъ важныхъ.“ Очень правдоподобно что тамъ говорили даже о послѣдствіяхъ назначенія папою Снѣгона вторымъ викаріемъ Бреславской епархіи и администраторомъ той ея части которая принадлежитъ Австріи. Дѣло это вдругъ получило неожиданный оборотъ. Либеральная печать Германіи заговорила объ отдѣленіи австрійской части отъ остальной территоріи Бреславской епархіи, находя что этимъ отдѣленіемъ была бы устранена „возможность возникновенія неудобныхъ международныхъ вопросовъ,“ особенно де въ томъ случаѣ если прусская часть австрійской Пражско-Ольмюцкой епархіи тоже будетъ вовсе выдѣлена и составитъ самостоятельное цѣлое. Клерикальная *Германія* огрызнулась было, замѣтивъ что Прусскому правительству надо еще прежде „зрѣло обдумать“ это дѣло. „Еще вопросъ, неожиданно отвѣтила на это 3 сентября *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета*, къ какому результату привело бы это *зрѣлое* обдумыванье.“ Газета *Германія* очень де ошибается въ своихъ разчетахъ. Они основаны на томъ что имѣнія архіепископа Бреславскаго находятся въ предѣлахъ Австріи и останутся за нею при раздѣленіи епархіи, „но вѣдь это было извѣстно и либеральной печати предложившей раздѣлъ епархіи. Сверхъ того, надо подумать и о томъ не полезнѣе ли для возстановленія церковнаго мира бѣдный епископъ нежели богатый.“ Эта поддержка оказанная органомъ князя Бисмарка либеральнымъ газетамъ сама по себѣ заслуживаетъ вниманія: въ послѣднее время это большая рѣдкость. Надо полагать что защищаемое предложеніе дѣйствительно входитъ въ виды прусскаго правительства. Осуществить его между тѣмъ безъ согласія Австріи нельзя, а послѣдняя, настоявъ помимо сношеній съ Пруссіей на назначеніи особаго администратора въ свою часть Бреславской епархіи, едва ли могла бы найти уважительную причину отказать Пруссіи въ выгодномъ обмѣнѣ части Ольмюцкой епархіи на часть Бреславской.

Въ полученномъ сегодня листѣ *Крестовой Газеты* находимъ небольшую замѣтку намекающую и еще на цѣлый рядъ вопросовъ которые могли быть предметомъ совѣщанія при Зальцбургскомъ свиданіи. Въ этой замѣткѣ опять идетъ рѣчь о „панславизмѣ, шовинизмѣ и ирредентизмѣ“ какъ силахъ угрожающихъ спокойствію Европы. Выставляя эти силы какъ пугало, указывая на нихъ Австріи, очень удобно втолковать ей необходимость тѣснѣе примкнуть къ Германіи и подчиниться во всемъ ея программѣ. Дѣйствительно ни до панславизма, ни до ирредентизма, понимаемаго впрочемъ только въ италіянскомъ смыслѣ, Германіи почти нѣтъ дѣла; она не пожертвуетъ ради ихъ, какъ выразился какъ-то князь Бисмаркъ, „костями хотя бы однаго мушкатера.“ Шовинизмъ французскій, конечно, непріятенъ ей, но не о немъ очевидно идетъ рѣчь въ данномъ случаѣ. Съ французскими шовинистами раздѣлалась, и не безъ успѣха, *Сѣверо-Германская Газета*; тутъ разумѣется шовинизмъ румынскій, о которомъ нѣсколько недѣль назадъ такъ усердно толковала и австрійская и германская печать по поводу ясно выраженнаго желанія Румынъ высвободить изъ венгерскаго болота застрявшую тамъ по-

ловину своей націи. Упоминаніе объ этомъ шовинизмѣ можетъ быть теперь и очень кстати при посѣщеніи Вѣны румынскимъ министромъ Братіано, которое, какъ полагаютъ, точно такъ же находится въ нѣкоторой связи съ Зальцбургскимъ свиданіемъ и съ поѣздкою короля Карла въ Берлинъ.

Союзъ между Германіей и Австро-Венгріей и слѣдованіе послѣдней путемъ той политики яко бы Восточной державы, политики которую настойчиво указываютъ ей изъ Берлина, выставляется залогомъ европейскаго мира, оплотомъ противъ „панславизма, шовинизма и ирредентизма.“ Не забываютъ ли только что если есть докучный для Австріи „ирредентизмъ“ италіянскій, то есть болѣе серіозный нѣмецкій ирредентизмъ, проявляющійся все сильнѣе по мѣрѣ того какъ расшатывается внутренній строй Австріи. Этотъ „ирредентизмъ“ тѣмъ опаснѣе что онъ пока прикрытъ тою „дружбой“ которая связываетъ Германію съ Австро-Венгріей. Есть большая разница въ основныхъ взглядахъ Берлина и Вѣны. На эту разницу указывала года два назадъ вся нѣмецкая печать. Въ Вѣнѣ, говорилось тогда, привыкли считаться только съ кабинетами, въ Берлинѣ берутъ въ соображеніе главнымъ образомъ народные интересы. Если это такъ, то любопытно бы знать на какую изъ національностей опирается союзъ Австро-Германскій?

№ 237.

Москва, 26-го августа.

Годовщина Седанскаго дѣла, 2 сентября, національный праздникъ въ Германіи. Патріотическое чувство живо, какъ и за тринадцать лѣтъ предъ симъ, отзывается на это торжество. „Это день которымъ можетъ гордиться германская армія,“ сказалъ на этомъ праздникѣ фельдмаршалъ Мольтке.

Успѣхи Пруссіи въ 1866 году сначала приписывали игольчатому ружью, потомъ „школьному учителю,“ наконецъ „прусскому капитану,“ то-есть ротному командиру обучающему солдатъ. Это все очень остроумно, но не точно. Всѣ побѣды Пруссаковъ были результатомъ дѣйствія одной и той же силы, которая создала и школьнаго учителя, и капитана, и игольчатое ружье. Припомнимъ въ нѣсколькихъ словахъ исторію этого ружья.

Въ 1829 году, когда король Фридрихъ-Вильгельмъ IV былъ еще наслѣднымъ принцемъ, механикъ Дрейзе поднесъ ему ружье „особой конструкціи“ напоминающей теперешнія дѣтскія игрушечныя ружья стрѣляющія горохомъ. Ружье это заряжалось съ дула, но безъ шомпола, капсюль былъ вставленъ въ пулю и воспламенялся толстою иглой проходившею въ стволъ чрезъ маленькій каналъ въ винтѣ, которымъ въ обыкновенныхъ ружьяхъ замыкается стволъ сзади. Игла приводилась въ движеніе спиральною пружиной. Въ этомъ ружьѣ было то достоинство что оно *заряжалось немного скорѣе* обыкновеннаго, потому что не нужно было употреблять шомпола, ни особо надѣвать капсюль. Но за то въ первоначальномъ образцѣ Дрейзе было множество крупныхъ недостатковъ, начиная съ самаго канальца въ казенникѣ, который поэтому выгоралъ и ружье портилось. Не было даже предохранительнаго взвода. У насъ ружье Дрейзе было бы конечно забраковано и оставлено безъ вниманія; нашли бы что начала его устройства не выдерживаютъ критики и потому дальнѣйшей разработки не заслуживаютъ. Въ Пруссіи взглянули на дѣло иначе. Уже въ 1830 году, и самъ изобрѣтатель при содѣйствіи прусскихъ офицеровъ, и особая коммиссія назначенная военнымъ министромъ, производили обширные опыты съ ружьемъ Дрейзе. Результатомъ этихъ опытовъ *въ 1836* году было примѣненіе къ ружью *заряжанія съ казны*. Потребовалось еще пять лѣтъ на опыты, и въ 1841 году ружье Дрейзе было окончательно принято въ арміи вслѣдствіе убѣжденія что „это изобрѣтеніе есть великій даръ Провидѣнія, ниспосланный для преуспѣянія государства.“ А между тѣмъ въ остальной Европѣ военные умники смѣялись надъ прусскою „тайной“, надъ заряжаніемъ съ казны, и пророчили Пруссакамъ только неудачи. До 1860 года европейскія арміи занимались заряжаемымъ съ казны оружіемъ едва ли не изъ одного только любопытства, а потомъ все ждали *опыта* и наконецъ проснулись подъ громъ выстрѣловъ Кенигреца. Тутъ началась горячка; всѣ торопились вводить оружіе заряжаемое съ казны и только въ немъ видѣли залогъ успѣха. Исторія прусскаго ружья оставлена безъ вниманія и урокъ пропалъ почти безслѣдно.

Прошли годы, и вотъ опять нараждается *прусская тайна*. Мы получили свѣдѣніе что секретному отдѣленію Шпандаускаго завода приказано изготовить довольно значительное число экземпляровъ изобрѣтеннаго проживающимъ въ Россіи, въ Вильнѣ, г. Ливчакомъ особаго прибора для „*автоматической* стрѣльбы изъ ружей при оборонѣ.“ Этотъ приборъ, испытывавшійся и въ Вильнѣ, и въ Петербургѣ, но оставленный у насъ безъ вниманія, вѣроятно „по сомнительности мысли“ изобрѣтенія представшаго предъ нашими такъ-называемыми спеціалистами, безъ заграничнаго диплома, и въ его сыромъ, первоначальномъ видѣ, приборъ этотъ даетъ возможность стрѣлять въ бою почти безъ промаховъ, тогда какъ опыты послѣднихъ войнъ показали что при боевой стрѣльбѣ изъ обыкновеннаго ружья попадаетъ едва *четырехсотая* пуля. Англичане утверждаютъ что у нихъ въ Египетскую экспедицію изъ тысячи пуль попадала только одна. Отсюда понятна важность и польза предложеннаго г. Ливчакомъ и отвергнутаго у насъ прибора. Въ Германіи взглянули на дѣло иначе. Всякая „мысль“ требуетъ технической разработки; военные люди Пруссіи этого не боятся, и конечно извлекутъ изъ пріобрѣтеннаго ими секрета со временемъ пользу. Въ Пруссіи денегъ даромъ не бросаютъ и самый заказъ прибора и приглашеніе изобрѣтателя въ концѣ іюля въ Берлинъ на счетъ Прусскаго правительства служатъ доказательствомъ серіозности дѣла.

Мы слышали что изобрѣтатель обращался и къ другимъ, ко Франціи, къ Австріи, но безуспѣшно. Посмотрѣли, посмотрѣли, въ Австрія даже одобрили, да и въ сторону отложили, потому что изобрѣтеніе требуетъ разработки, а главное потому что введеніе его есть *смѣлый шагъ*, на который люди рѣшаются не иначе какъ будучи твердо убѣждены въ пользѣ такого шага; въ области военной это убѣжденіе можетъ явиться только у глубокихъ знатоковъ дѣла, постоянно его изучающихъ, *и не съ чужихъ словъ*.

Загляните въ нашъ *Оружейный Сборникъ*. Что тамъ есть! Ничего кромѣ переводовъ и извлеченій изъ французскихъ и нѣмецкихъ сочиненій вышедшихъ *за два года* до появленія той книжки русскаго военнаго журнала куда они попали, да компиляцій изъ такихъ же книжекъ и статей. Въ *Оружейномъ Сборникѣ* не было до сихъ поръ ни слова отзыва о монографіи подполковника Волоцкаго *Ружейный огонь въ бою*, вышедшей въ 1881 году, а между тѣмъ книжка эта появилась въ нѣмецкомъ переводѣ (Das Gewehrfeuer im Gefecht) у извѣстнаго спеціалиста-издателя Цернина въ Дармштадтѣ, сколько знаемъ, не дешево заплатившаго за переводъ. Въ этой монографіи,—замѣченной и въ извѣстныхъ нѣмецкихъ военныхъ кругахъ, и въ нашихъ *Русскомъ Инвалидѣ* и *Военномъ Сборникѣ*,—въ этой монографіи точно такъ же какъ и въ другихъ статьяхъ того же автора, напечатанныхъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1882 и 1883 годовъ, предложены всѣ доводы и основанія которые слѣдуетъ принять въ рѣшеніи вопроса объ автоматическомъ прицѣлѣ и даже предсказана *неизбѣжность* его появленія въ вооруженіи большихъ армій.

№ 238.

Москва, 27-го августа.

Неизвѣстный намъ корреспондентъ, скрывающійся подъ буквами В. Л., снова прислалъ намъ два слова о страховыхъ обществахъ, которыя возвращаютъ насъ къ обсужденію вопроса о выгодности той или другой формы страхованія.

Какъ человѣкъ „близко стоящій къ страховому дѣлу и знакомый съ ходомъ его,“ В. Л. спѣшитъ признаться что онъ далекъ отъ мысли считать установившійся въ Россіи способъ страхованія отъ огня, при содѣйствіи дѣйствующихъ у насъ акціонерныхъ страховыхъ обществъ, „за самый лучшій.“ Онъ высказывается лишь противъ учрежденія при городскомъ управленіи Москвы *обязательнаго* взаимнаго страхованія всѣхъ зданій и недвижимыхъ имуществъ и признаетъ пользу повсемѣстнаго взаимнаго страхованія.

Но мы не предлагали обязательнаго взаимнаго страхованія при Московской городской думѣ. Мы старались доказать только что страховка можетъ быть устроена у насъ на условіяхъ лучшихъ для нуждающихся въ страхованіи, и согласно съ неизвѣстнымъ корреспондентомъ нашимъ полагаемъ что взаимное страхованіе можетъ имѣть успѣхъ только при повсемѣстности своихъ операцій.

Для устройства дѣйствующихъ у насъ въ настоящее время акціонерныхъ страховыхъ обществъ затрачено болѣе 25 милліоновъ рублей. Суммы эти составляютъ основной или складочный капиталъ, безъ котораго эти коммерческія предпріятія не могли бы существовать и не были бы разрѣшены правительственною властью.

Но изъять изъ кармановъ капиталистовъ 25 милліоновъ для спеціальной цѣли, обратить ихъ въ неприкосновенный и непроизводительный для другихъ предпріятій фондъ, невозможно безъ предоставленія этимъ капиталистамъ соотвѣтствующаго вознагражденія, равнаго обычной доходности потраченнаго капитала.

Взаимное же страхованіе исключаетъ и самое понятіе о подспорьѣ зависящемъ отъ основнаго капитала. Люди принимаютъ сообща мѣры противъ общей опасности. Мѣры эти заключаются въ обращеніи части отъ своихъ денежныхъ сбереженій или отъ доходовъ со своего имущества въ страховой капиталъ, который, при расширеніи круга лицъ вступающихъ въ этотъ союзъ, быстро накопляется и возрастаетъ, становясь вѣрнѣйшимъ источникомъ откуда всѣ договорившіеся могутъ получать средства для возмѣщенія своихъ убытковъ въ случаѣ гибели ихъ имущества отъ пожара или иныхъ бѣдствій.

Не занятый у другихъ, капиталъ этотъ ничего не сто́итъ страхователямъ, они не уплачиваютъ за него процентовъ; капиталъ этотъ напротивъ приноситъ проценты которые увеличиваютъ страховой фондъ и уменьшаютъ размѣръ страховыхъ премій.

Кромѣ сбереженій, образующихся у обществъ взаимнаго страхованія, не обязанныхъ уплачивать процентовъ на основной или складочный капиталъ, у нихъ еще есть и другое преимущество предъ обществами основанными на акціяхъ. Въ этихъ послѣднихъ капиталисты, доставляющіе основной капиталъ, сами владѣютъ и акціями общества. Имъ слѣдовательно принадлежитъ всегда большинство голосовъ на общихъ собраніяхъ; они же по этой причинѣ попадаютъ всегда въ заправители его, становясь его директорами, членами правленія, занимая выгоднѣйшія въ немъ должности. Понятно что при такихъ условіяхъ не можетъ быть большой бережливости въ управленіи; громадныя издержки на жалованье и уплату коммиссіонныхъ ложатся всею тяжестью на страхователей. Въ обществахъ же взаимныхъ, каждый страхователь на извѣстную сумму становится участникомъ въ дѣлахъ всего союза страхователей, пріобрѣтая право голоса на общихъ собраніяхъ. Для всѣхъ одинаково прибыльны доходы общества и чувствительны его потери и траты.

Ниже мы увидимъ какая громадная разница въ цифрахъ усматривается при сравненіи расходовъ тѣхъ и другихъ обществъ.

При такой очевидной выгодности взаимныхъ страховыхъ обществъ, сознаваемой повидимому и Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, поощряющимъ по возможности ихъ возникновеніе у насъ, невольно рождается вопросъ: почему, при существованіи у насъ до сорока такихъ обществъ, они не производятъ никакого давленія на акціонерныя страховыя общества, которыя все продолжаютъ принимать на страхъ имущества на сотни милліоновъ, взимая безпрепятственно возвышенныя преміи? Это явленіе объясняется очень просто. Министерство разрѣшаетъ у насъ къ открытію лишь *мѣстныя* общества взаимнаго страхованія, преимущественно въ городахъ. Несомнѣнно, что эти общества, кругъ дѣйствій которыхъ ограниченъ извѣстною, небольшою территоріей, не могутъ конкуррировать съ акціонерными обществами, которыя берутъ на страхъ имущества на всемъ пространствѣ Имперіи.

Въ числѣ нашихъ городскихъ обществъ взаимнаго страхованія есть три которыя получаютъ годичной страховой преміи менѣе 2.000 рублей (Даниловъ, Конотопъ, Крапивна). Здѣсь за страхъ общества можетъ сгорѣть развѣ только какой-нибудь домишко на отлетѣ. Правда, у этихъ обществъ есть уже запасные капиталы. Но у Конотопскаго онъ составляетъ всего 928 рублей! И въ уставѣ этого общества, какъ будто въ насмѣшку, тоже имѣется параграфъ обѣщающій и постепенное пониженіе преміи, и даже совершенное освобожденіе отъ уплаты оной. Два изъ этихъ обществъ получаютъ въ годъ преміи менѣе 3.000 рублей (Любимъ и Николаевъ); шесть отъ 4 до 10.000; семь обществъ отъ 11 до 20.000. Свыше 50.000 рублей получаютъ только три общества, въ томъ числѣ Петербургское до 235.000 рублей. Запасные капиталы этихъ обществъ таковы что изъ нихъ нѣтъ ни одного который не могъ бы быть истощенъ пожаромъ одного цѣннаго зданія. Капиталъ Петербургскаго общества немно-

гимъ превышаетъ 700.000 рублей; но въ Петербургѣ есть не мало зданій цѣной свыше милліона, и застрахованіе такого зданія въ Петербургскомъ обществѣ, очевидно, было бы большимъ рискомъ и для зданія, и для общества. Правда, уставы нашихъ городскихъ обществъ предоставляютъ нѣкоторымъ право перестраховки имуществъ въ акціонерныхъ обществахъ, въ тѣхъ самыхъ съ которыми они должны конкуррировать для пользы страхователей. Но въ такомъ случаѣ общества взаимнаго страхованія учреждаемыя по городамъ становятся по отношенію къ акціонернымъ обществамъ только ихъ филіальными учрежденіями, посредниками, удешевляющими для нихъ содержаніе агентуры. Отъ страхователей же эти общества должны требовать премій нѣсколько выше чѣмъ взимаемыя акціонерными, ибо кромѣ страховой преміи и дивиденда въ пользу сихъ послѣднихъ они должны еще взимать извѣстную сумму на образованіе и своихъ запасныхъ капиталовъ. Такимъ образомъ, наши общества взаимнаго страхованія, безъ предоставленія имъ права перестраховки, являются учрежденіями неспособными исполнять свои обязательства предъ своими членами; перестраховывать же имущества въ акціонерныхъ обществахъ абсурдъ. Въ обоихъ случаяхъ они не могутъ способствовать у насъ пониженію страховыхъ премій, и не въ состояніи парализовать образъ дѣйствій акціонерныхъ страховыхъ компаній, обусловливаемый самою цѣлью ихъ, какъ коммерческихъ предпріятій, за которую ихъ порицать нѣтъ основанія.

Совершенная несостоятельность *локализованныхъ* обществъ взаимнаго страхованія доказывается также и размѣрами взимаемыхъ ими премій.

Опубликованныя въ шестнадцати губерніяхъ, гдѣ введено мѣстное земское взаимное страхованіе, свѣдѣнія за 1881—1882 годы указываютъ что страховая премія въ четырехъ изъ нихъ (Полтавской, Рязанской, Олонецкой и Харьковской) достигаетъ 8 р. 30 к. и до 9 р. 50 к. съ тысячи; въ семи (Владимірской, Воронежской Калужской, Костромской, Орловской, Смоленской и Ярославской) 12 и до 19 руб. съ тысячи; въ трехъ (Казанской, Курской и Симбирской), 26 до 32 рублей съ тысячи и въ одной, Пермской губерніи, даже 49 рублей съ каждой тысячи цѣны страхованія.

Нѣсколько ниже страховыя преміи взимаются городскими обществами взаимнаго страхованія, гдѣ оно не обязательно, но и въ нихъ онѣ поразительно высоки если сравнить ихъ съ размѣромъ премій въ заграничныхъ страховыхъ обществахъ основанныхъ на взаимности, кругъ дѣйствій которыхъ территоріально не ограниченъ. Тамъ онѣ достигли невѣроятнаго для насъ минимума *шестидесяти копѣекъ* съ тысячи, какъ напримѣръ въ Берлинскомъ и Готскомъ Обществахъ, существующихъ давно. По этому разчету, фабрикантъ платящій у насъ отъ 8 до 12 тысячъ страховой преміи за фабрику оцѣненную въ милліонъ рублей заплатилъ бы Готскому Обществу только 600 рублей.

Въ 1882 году, Готское Общество приняло на страхъ отъ огня имущества по оцѣнкѣ на 950.070.720 р., отъ которыхъ поступило премій 2.795.836 руб.; имѣло пожарныхъ убытковъ 366.479 рублей; издержало на управленіе 99.945 рублей (тоесть $^1/_{21}$ всѣхъ сборовъ, а не $^1/_6$, какъ наше *Первое Россійское Общество*), *и выдало страхователямъ въ возвратъ премій* (а не дивидендъ *акціонерамъ*) *2.199.365 р.* Общество это, основанное почти одновременно съ нашимъ *Первымъ* Россійскимъ (въ 1821), имѣетъ при этомъ резервный капиталъ *въ 37 милліоновъ марокъ!*

Итакъ, мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе высказанное неизвѣстнымъ корреспондентомъ что съ акціонерными страховыми обществами, производящими выгодныя для себя операціи на счетъ страхователей, могутъ успѣшно бороться лишь *солидарныя повсемѣстныя* общества взаимнаго страхованія.

№ 242.

Москва, 31-го августа.

Безпорядки въ Хорватіи, не смотря на энергическую дѣятельность Венгерскаго правительства, не только не прекращаются, но съ каждымъ днемъ принимаютъ все болѣе угрожающіе размѣры. Движеніе, имѣвшее сперва характеръ исключительно національный (подъ рубрикой *Славянскія Извѣстія*, излагаются въ сегодняшнемъ нумерѣ нашей газеты подробности этого движенія), въ послѣдніе дни совершенно измѣнилось. Теперь приходится считаться

не съ однѣми демонстраціями городской толпы, но съ *крестьянскимъ бунтомъ*, причины коего гораздо глубже чѣмъ можно было предполагать. Сообщая о волненіяхъ среди сельскаго люда, распространившихся въ послѣднее время по *всей* Хорватіи, *Пештскій Ллойдъ* находитъ что „главною причиной безпорядковъ слѣдуетъ считать *отвратительный* (abscheulich) образъ дѣйствій сборщиковъ податей и неимѣющую имени (namenlose) продажность чиновниковъ, подтверждаемую цѣлымъ рядомъ самыхъ невѣроятныхъ фактовъ.“ Съ этимъ замѣчаніемъ согласуется и то что ярость народа направлена исключительно противъ чиновниковъ и что ихъ имущество истребляется, между тѣмъ какъ по настоящее время не было вовсе нападеній на имущества принадлежащія частнымъ лицамъ. Арестованные участники безпорядковъ въ Бистрѣ признаются что они порѣшили убить общиннаго нотаріуса и градоначальника и отнять у нихъ награбленное имущество. Нотаріусъ былъ, дѣйствительно, такъ страшно избитъ кольями что врядъ ли выздоровѣетъ, а съ городничимъ толпа обошлась милостивѣе: онъ де кралъ меньше. Во время безпорядковъ въ Бистрѣ крестьяне сами охраняли общинную казну, но въ Стубицѣ разграблены восемь домовъ чиновниковъ. Въ Мачѣ безпорядки начались главнымъ образомъ потому что крестьяне откупились отъ обязательной работы по постройкѣ дорогъ и, несмотря на это, все-таки были выгнаны на работу. Во главѣ движенія стоятъ, по свѣдѣніямъ пештскихъ газетъ, сельскіе старшины, и крестьяне дѣйствуютъ солидарно. Злоупотребленія чиновниковъ въ Хорватіи, дѣйствительно, превосходятъ всякое описаніе. Недавно въ одной изъ большихъ общинъ было собрано податей 16.000 гульденовъ, которые были похищены затѣмъ чиновникомъ собиравшимъ подати, и что же? власти распорядились *вторично взыскать* эту относительно весьма крупную сумму съ общества, не смотря на крайнюю бѣдность крестьянъ, и „сумма эта собиралась при помощи *Драконовскихъ* средствъ.“ Теперь, *послѣ безпорядковъ*, сумму эту рѣшено списать со счетовъ. Офиціозная *Венгерская Почта* также усматриваетъ причину крестьянскихъ волненій въ отвратительномъ управленіи: „невѣроятныя злоупотребленія при сборѣ податей и грабежъ народа чиновниками, вотъ главная причина волненій въ Хорватіи.“ Кромѣ сборщиковъ податей, горькія жалобы раздаются и еще въ особенности на *политическихъ* чиновниковъ, имѣющихъ своимъ назначеніемъ проводить правительственныхъ кандидатовъ на выборахъ.

Нельзя конечно отрицать что между волненіями въ Загребѣ и въ другихъ мѣстностяхъ Хорватіи есть связь. Загребскія волненія и срываніе гербовъ съ мадьярскими надписями дали толчокъ. Въ селеніяхъ съ казенныхъ зданій также срывались гербы, но очевидно не съ цѣлью произвести національную демонстрацію, а чтобы протестовать противъ тягостнаго положенія, при коемъ народъ въ „конституціонной“ Хорватіи совершенно беззащитенъ противъ своеволія чиновниковъ. „Въ старыя хорватскія времена жилось лучше,“ говорятъ поселяне, а жилось лучше потому что собственность и личность были лучше обезпечены чѣмъ теперь.

Впрочемъ, въ конституціонной Венгріи, къ которой Хорватія прицѣплена и на которую намъ не перестаютъ указывать какъ на образецъ, беззаконія властей какъ назначенныхъ, такъ и выборныхъ есть дѣло совершенно обычное. Припомнимъ возмутительный Тиса-Эсларскій процессъ, на коемъ о невѣроятнѣйшихъ злоупотребленіяхъ и насиліяхъ административныхъ и судебныхъ властей, о безобразіяхъ пандуровъ, венгерскихъ жандармовъ, говорилось какъ о самомъ обыкновенномъ и всѣмъ извѣстномъ дѣлѣ. Какъ пандуры истязаютъ людей, даже ни въ чемъ неповинныхъ, объ этомъ говорилось открыто, и не только члены суда и прокуроръ, но и вся публика выслушивала эти разказы совершенно спокойно, какъ будто иначе и быть не можетъ. Что въ Венгріи, то конечно и въ Хорватіи. Удивительно ли что при первомъ возбужденіи народъ возсталъ чтобы добиться справедливости и избавиться отъ всѣхъ навязанныхъ ему „конституціонныхъ“ выборныхъ и невыборныхъ дѣятелей, для которыхъ повидимому никакой законъ не писанъ.

Серіозность положенія дѣлъ въ Хорватіи сознается правительствомъ, которое успѣло возстановить мадьярскіе гербы въ Загребѣ, но пока еще не можетъ справиться съ сельскими волненіями. Въ Хорватіи теперь сосредоточено около 30.000 солдатъ, и это число, если вѣрить вѣнскимъ оппозиціоннымъ газетамъ, предполагается

еще увеличить. Замѣчательно что войска направляются и въ тѣ округа гдѣ движеніе еще не обнаружилось, но, говорятъ пештскія газеты, „осторожность не мѣшаетъ,“ въ особенности когда серіозныя волненія происходятъ около Боснійской границы. Одинъ изъ корреспондентовъ *Пештскаго Ллойда* разказываетъ что, проѣзжая по той части Хорватіи гдѣ дѣло еще не доходило до столкновенія со властями, онъ былъ неоднократно останавливаемъ крестьянами, предлагавшими ему наивный вопросъ: „гдѣ главное бюро *усташей* (инсургентовъ)?“ При такомъ настроеніи осторожность конечно дѣло не лишнее.

Одна изъ московскихъ газетъ, обсуждая положеніе дѣлъ въ Хорватіи, пришла на дняхъ къ тому выводу что Хорваты „рѣшились твердо защищать свою національность и конституцію.“ Совершенно напротивъ: конституція-то эта и есть причина волненій...

— —

№ 243.

Москва, 1-го сентября.

А.

Французскіе роялисты надѣялись что смерть графа Шамбора положитъ конецъ распрямъ между орлеанистами и легитимистами. „Наше положеніе,“ говорилъ на другой день послѣ смерти графа одинъ изъ орлеанистскихъ органовъ, „изъ сложнаго теперь сдѣлалось простымъ, изъ запутаннаго яснымъ, изъ слабаго сильнымъ.“ Увы, надежды эти не оправдались. Не успѣли предать землѣ прахъ послѣдняго представителя старшей линіи Бурбоновъ, какъ надъ могилой его поднялись снова счеты между враждующими партіями. Мало того, партіи легитимистовъ и орлеанистовъ сами распались, такъ что образовались теперь четыре партіи роялистовъ, положеніе которыхъ, слѣдовательно, вопреки предсказаніямъ ихъ вождей, еще болѣе усложнилось, запуталось и конечно ослабѣло.

Самые строгіе и послѣдовательные представители легитимистской партіи считаютъ дѣло законной монархіи во Франціи окончательно проиграннымъ. „Съ Генрихомъ V, говоритъ *Univers*, сошелъ въ могилу не только французскій король, но и самый принципъ французской королевской власти. Другаго законнаго короля во Франціи нѣтъ и быть не можетъ. Намъ не на кого надѣяться, развѣ на Бога. Онъ одинъ можетъ чудомъ спасти несчастную Францію.“ Графа Парижскаго строгіе легитимисты не хотятъ признать законнымъ преемникомъ графа Шамбора на королевскомъ престолѣ Франціи, и они имѣютъ для этого двѣ причины: революціонное прошлое Орлеанскаго дома и личный характеръ графа Парижскаго. Они находятъ что подчиненіе его главѣ законной монархіи было не искреннее, что онъ не далъ никакихъ гарантій своего будущаго образа дѣйствій, что при Генрихѣ V онъ игралъ бы роль ищущаго дешевой популярности либеральнаго фрондера, готоваго при первой возможности пожертвовать преданіями, служившими прочною основой для законной королевской власти, — пожертвовать въ угоду пошлому либеральному доктринерству.

Впрочемъ, есть группа легитимистовъ полагающая что графъ Парижскій можетъ во всѣхъ отношеніяхъ быть достойнымъ преемникомъ Генриха V. „Графъ Парижскій, разсуждаютъ они, до сихъ поръ не давалъ намъ никакихъ гарантій касательно своей вѣрности бѣлому знамени и традиціямъ французскаго королевскаго дома, но онъ до сихъ поръ также ничего не дѣлалъ и не говорилъ что противорѣчило бы этимъ дорогимъ намъ преданіямъ. Мы поэтому не имѣемъ никакихъ основаній полагать что онъ измѣнитъ имъ. Мы сами должны поддержать его своимъ сочувствіемъ, а слѣдовательно воскликнемъ дружно: Да здравствуетъ Филиппъ VII!“ Изъ трехъ именъ графа Парижскаго, названнаго при крещеніи Лудовикомъ-Филиппомъ-Альбертомъ, легитимисты выбрали имя Филиппа, какъ уже встрѣчавшееся въ лѣтописяхъ французскаго законнаго королевскаго дома, тогда какъ имя Лудовика слишкомъ напоминало бы слабохарактерныхъ Лудовика XVI и XVIII, отчасти мирившихся съ нѣкоторыми фикціями, вызванными революціей. Объ имени „измѣнника“ Лудовика-Филиппа легитимисты конечно и слышать не хотятъ.

„Филиппъ VII невозможенъ,“ въ свою очередь говоритъ одна изъ новыхъ группъ орлеанистовъ. По мнѣнію этой группы, нужно считаться съ духомъ времени, тре-

бующимъ де непремѣнно конституціи въ европейскомъ государствѣ. Неограниченное самодержавіе во Франціи отжило свой вѣкъ, говорятъ вожаки этой группы; необходимо де, хотя бы для формы, ограничить королевскую власть умѣреннымъ парламентаризмомъ, такимъ напримѣръ какой былъ при Лудовикѣ XVIII и который создалъ знаменитую по своей безпримѣрной преданности престолу палату депутатовъ (Chambre Introuvable). А потому графъ Парижскій долженъ де называться не Филиппомъ VII, но и не Лудовикомъ-Филиппомъ II, а Лудовикомъ XIX.

Другіе, наиболѣе многочисленные представители орлеанизма, рѣшительно отвергаютъ всякій намекъ на самостоятельность королевской власти, и желаютъ чтобы графъ Парижскій объявилъ себя королемъ совсѣмъ конституціоннымъ, по всѣмъ правиламъ доктринерской фикціи. Такой король (Французовъ, а не Франціи), доказываютъ орлеанисты, привлечетъ къ себѣ не только всѣхъ умѣренныхъ республиканцевъ, для которыхъ все равно, будетъ ли стоять во главѣ Франціи безвластный президентъ или безвластный король, но и бонапартистовъ, именующихъ себя партіей „обращенія къ народу“ (appel au peuple) и готовыхъ подчиниться рѣшенію если народъ признаетъ своимъ королемъ графа Парижскаго, который конечно тогда уже приметъ имя своего дѣда, перваго строго конституціоннаго короля Французовъ,—Лудовика-Филиппа II. Подъ этимъ именемъ привѣтствовали графа Парижскаго многочисленныя афиши, появившіяся на стѣнахъ Парижа на вторую ночь послѣ смерти графа Шамбора и немедленно сорванныя полиціей.

Но если такъ разнообразны взгляды приверженцевъ графа Парижскаго на ту роль которую онъ будетъ играть когда вступитъ на престолъ Франціи, то еще разнообразнѣе совѣты какъ держаться до вступленія на престолъ и какъ достигнуть престола. Одни рекомендуютъ пассивное выжиданіе, другіе выжиданіе активное, третьи открытое заявленіе своихъ притязаній на престолъ и эмиграцію, четвертые домогательство мѣста президента республики, пятые внезапный и насильственный захватъ верховной власти, шестые подготовленіе своей популярности и т. д. Словомъ, въ лагерѣ роялистовъ царствуетъ теперь полный разладъ, и взоры всѣхъ обращены на графа Парижскаго, въ ожиданіи что онъ какимъ-нибудь рѣшительнымъ дѣйствіемъ или словомъ положитъ конецъ разглагольствіямъ и недоумѣніямъ своихъ друзей. Но онъ пока во всѣхъ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ соблюдаетъ большую осторожность и своихъ картъ не показываетъ, зная очень хорошо что коль скоро онъ выступитъ въ роли претендента на престолъ съ опредѣленною политическою программой, то по необходимости утратитъ добрую часть своихъ приверженцевъ и, сверхъ того, подвергнется изгнанію. Несомнѣнно лишь то что онъ теперь считаетъ себя главой французскаго королевскаго дома. Онъ самъ извѣстилъ иностранныя державы о кончинѣ графа Шамбора, и когда въ похоронной процессіи графиня Шамборъ не захотѣла предоставить ему и прочимъ принцамъ Орлеанскаго дома первенствующее мѣсто, которое назначалось болѣе близкимъ родственникамъ покойнаго, донъ-Карлосу Испанскому, герцогамъ Пармскому и Моденскому, то графъ Парижскій съ Орлеанскими принцами предпочелъ немедленно уѣхать во Францію. Этимъ поступкомъ онъ порвалъ связь съ представителями первой легитимистской партіи, но порадовалъ остальныя роялистскія группы, которыя нашли что принцъ обладаетъ въ критическія минуты силой характера и быстрою энергическою рѣшимостью. Вопросъ однако остался все-таки открытымъ, какова именно будетъ та политическая роль на которой онъ проявитъ свой характеръ, и споры объ этой будущей его роли возобновились еще съ большею запальчивостью.

Французскіе республиканцы, естественнымъ образомъ, радуются раздорамъ монархистовъ и видятъ въ томъ залогъ утвержденія республики во Франціи. Дѣйствительно, счастіе благопріятствуетъ республиканцамъ и устраняетъ или парализуетъ одного за другимъ тѣхъ людей которые могли бы имѣть серіозное притязаніе на французскій престолъ. Республиканцы могутъ теперь безпрепятственно производить свои эксперименты надъ Франціей. Въ финансовомъ, торговомъ и экономическомъ отношеніи, они довели Францію съ замѣчательною быстротой и ловкостью, въ короткое время, къ тяжелому кризису. Въ политическомъ отношеніи они, весьма послѣдовательно, успѣли сдѣлать

цѣлый рядъ промаховъ, благодаря которымъ Франція утратила всякое вліяніе въ Египтѣ и очутилась наканунѣ войны на дальнемъ Востокѣ. Они заключили, какъ два года тому назадъ въ Тунисѣ, мирный договоръ съ Аннамомъ, немедленный результатъ котораго состоялъ, вопервыхъ, въ открытіи усиленныхъ военныхъ дѣйствій въ сѣверной провинціи Аннама, потребовавшихъ присылки новыхъ непредвидѣнныхъ подкрѣпленій изъ Франціи, и вовторыхъ, въ протестѣ Китая противъ заключеннаго безъ его вѣдома договора, отъ котораго Франція должна будетъ отступиться если не захочетъ начать войну. Въ виду этого, республиканскія газеты уже требуютъ созванія парламента въ экстренную сессію чтобы рѣшить вопросъ пожертвовать ли честью Франціи или предпринять тяжкую войну. Рѣшеніе вопроса обнаружитъ, по всему вѣроятію, несостоятельность республиканскихъ правителей, ведущихъ Францію къ экономическому и политическому банкротству. А между тѣмъ, нѣтъ другихъ людей которые имѣли бы достаточную силу спасти страну отъ ихъ экспериментовъ. Судьбы Франціи какъ предъ смертью, такъ и послѣ смерти графа Шамбора, остаются попрежнему во мракѣ. Всѣ, какъ республиканцы такъ и монархисты, въ одинаковой степени чувствуютъ что настоящее положеніе дѣлъ невыносимо. Но какъ Франція выйдетъ изъ этого положенія, этого никто не знаетъ.

Б.

На дняхъ, говоря о важномъ въ военномъ отношеніи изобрѣтеніи г. Ливчака, одобренномъ въ принципѣ и испытываемомъ въ Германіи, мы замѣтили что этотъ *русскій* приборъ для автоматической стрѣльбы изъ ружей при оборонѣ испытывался и у насъ, въ Вильнѣ и Петербургѣ, но оставленъ безъ вниманія.

Намъ сообщаютъ что изобрѣтатель въ Петербургѣ не добился даже и испытанія прибора. Правда, приборъ обсуждался въ 1882 и въ началѣ 1883 годовъ послѣдовательно двумя коммиссіями. Первая нашла его непрочнымъ и неустойчивымъ. Вторая точно такъ же не признала нужнымъ провѣрить опыты произведенные въ Вильнѣ на военномъ полѣ, на кои ссылался изобрѣтатель какъ на подтверждающіе достоинства и боевую пригодность прибора. По тѣмъ или инымъ соображеніямъ приборъ г. Ливчака былъ въ Петербургѣ отвергнутъ безъ испытанія...

Этотъ случай заставляетъ еще разъ пожалѣть что изобрѣтеніе которому предстоитъ будущность такъ опрометчиво было оставлено у насъ безъ вниманія и становится достояніемъ чужихъ армій.

№ 244.

Москва, 2-го сентября.

Послѣдніе дни въ берлинской и вѣнской печати наговорено, выражаясь словами *Сѣверо-Германской Газеты*, „сочинителями сенсаціонныхъ вѣстей“ не мало вздора относительно какихъ-то русскихъ замысловъ на Востокѣ, направленныхъ разомъ и противъ Турціи, и противъ Сербіи, даже противъ Болгаріи. Вѣнская *Deutsche Zeitung*, а съ нею и нѣкоторыя другія газеты, утверждали что Россія поддерживаетъ Петра Карагеоргіевича и готова содѣйствовать его видамъ на сербскій престолъ, а *Сѣверо-Германская Газета*, воспроизведя эту басню, сочла еще нужнымъ прибавить будто „по новѣйшимъ признакамъ виды Петра Карагеоргіевича простираются не только на Сербію, но и подальше, особенно на Болгарію.“

Неловкая обмолвка органа князя Бисмарка не прошла даромъ. Ее принялись толковать на всѣ лады и, при содѣйствіи вѣнской офиціозной *Политической Корреспонденціи*, договорились до Геркулесовыхъ столбовъ. Россія уничтожила де автономію Болгаріи, которая стала вассаломъ Россіи, тогда какъ de jure должна быть вассаломъ Турціи; державы, особенно Германія, возбуждены де этимъ, онѣ негодуютъ, „вся Европа противъ Россіи.“ „Даже весьма почтительная къ Россіи *Крестовая Газета*,“ какъ замѣтила *Кельнская*, и та находитъ что теперешнее положеніе Болгаріи вовсе не соотвѣтствуетъ постановленіямъ Берлинскаго трактата 1879 года.

Итакъ, выходило что Россію надо образумить... Но это было уже слишкомъ, и органъ князя Бисмарка, *Сѣверо-Германская Газета*, поспѣшила умѣрить этотъ газетный задоръ точно такъ же какъ недавно умѣряла задоръ французскихъ шовинистовъ. Таковъ смыслъ и цѣль ея

статьи отъ 1 сентября, содержаніе которой передалъ вчера телеграфъ. По поводу Болгаріи, сказано въ этой статьѣ, до сихъ поръ ни съ чьей стороны, даже со стороны болѣе всѣхъ заинтересованной Порты, не было заявлено ни жалобъ, ни сѣтованій, и въ руководящихъ сферахъ нельзя замѣтить ни малѣйшаго признака возбужденія державъ противъ Россіи; это возбужденіе существуетъ только въ фантазіи измыслителей сенсаціонныхъ вѣстей, вредныхъ уже тѣмъ что порождаютъ въ Русскомъ народѣ мысль будто кто-то помышляетъ о нападеніи на Россію, тогда какъ и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ, и въ Италіи „господствуетъ желаніе жить съ Россіей въ мирѣ," потому что отъ такой войны не предвидится никакихъ выгодъ.

Сила вещей заставила теперь *Сѣверо-Германскую Газету* повторить то же самое что еще на дняхъ высказывалось *Московскими Вѣдомостями:* „Ни съ Германіей, ни съ ея политикой у насъ нѣтъ никакихъ счетовъ, ни Германія ничего у насъ не забыла, ни мы у Германіи." Въ нѣмецкой печати вошло чуть не въ поговорку утверждать будто въ Россіи имѣется какая-то „партія славистскихъ подстрекателей" заботящаяся о возбужденіи вражды Русскихъ къ Нѣмцамъ. Очень хорошо что теперь констатировано, наконецъ, что подстрекатели вовсе не слависты, а просто германскіе и австрійскіе „сочинители сенсаціонныхъ вѣстей," тѣ самые газетные спекулянты на которыхъ еще лѣтомъ указывала вышедшая въ Штуттгартѣ брошюра *Russland und Deutschland*, о которой нѣмецкая печать сочла за лучшее умолчать вовсе.

Говорятъ: „Европа противъ Россіи." Европѣ теперь не до насъ. Франція и Англія заняты своими внутренними дѣлами, Китаемъ, Египтомъ. Германія спѣшитъ укрѣпить и развить свои политическіе союзы и торговыя связи; послѣднія, какъ утверждаютъ, составляли будто бы даже главный пунктъ зальцбургскихъ переговоровъ между княземъ Бисмаркомъ и графомъ Кальноки.

„Нѣкоторыя изъ вѣнскихъ газетъ, читаемъ въ берлинской *Post* отъ 10 сентября, обратили вниманіе на извѣстіе что въ Зальцбургѣ шла рѣчь о болѣе тѣсномъ экономическомъ сближеніи между Германіей и Австріей; онѣ выражаютъ даже горячее желаніе чтобъ это сближеніе осуществилось." *Wiener Presse* поясняетъ въ чемъ можетъ состоять это сближеніе. „Мы слышали, говоритъ упомянутая газета, что между Германскимъ и Австрійскимъ правительствами происходитъ обмѣнъ идей относительно *торговаго союза* и что объ этомъ предметѣ вторично говорилось въ Зальцбургѣ."

„Такой союзъ былъ бы дѣйствительно прекраснымъ дополненіемъ политическаго, добавляетъ *Neue Freie Presse*, и этому можно только порадоваться, такъ какъ прекратилась бы таможенная борьба между союзниками." Даже *Deutsche Zeitung*, газета строго держащаяся покровительственной системы, и та признаетъ великое значеніе подобнаго „сближенія."

Въ чемъ можетъ состоять такой *торговый союзъ?* Между Германіей и Австро-Венгріей уже заключенъ торговый договоръ. Обязательная сила его оканчивается, правда, 1 января 1884 года, но договоръ можетъ быть оставляемъ въ дѣйствіи годъ за годомъ до 1887 включительно. Еслибы нѣкоторыя условія казались невыгодными Австро-Венгріи, она всегда могла бы получить отъ Германіи новыя льготы, тѣмъ болѣе что въ послѣднюю экстренную сессію Германскій рейхстагъ предоставилъ правительству понижать пошлины съ товаровъ тѣхъ странъ гдѣ Германія поставлена выгоднѣе другихъ державъ. Еслибы, наоборотъ, Германія нуждалась во льготахъ, то ей точно такъ же было бы нетрудно добиться уступокъ за уступки, такъ какъ при заключеніи договора принимались во вниманіе германскія высокія пошлины 1879 года. Дѣло идетъ очевидно о гораздо большемъ. „Мы не знаемъ пока, замѣчаетъ *Wiener Presse*, достигнуто ли соглашеніе въ принципѣ и дѣйствительно ли рѣчь идетъ опять о *таможенной уніи*, къ которой должны быть привлечены и земли Балканскаго полуострова, но это не невозможно, такъ какъ идея таможенной уніи, вопервыхъ, не нова, а вовторыхъ, Германія въ послѣднее время обратила особенное вниманіе на свою торговлю съ Востокомъ."

Для Германіи таможенное объединеніе съ Австріей, конечно, и выгодно и желательно. Оно должно входить въ ту программу германской политики которая привела къ союзу 1879 года. Нѣмецкая печать вотъ уже два года твердитъ о необходимости подкрѣпить политическій союзъ

торговымъ. Въ Австріи точно также есть сильная партія которая желала бы видѣть, попрежнему, Австрію членомъ Германскаго Таможеннаго Союза. Но какъ этотъ фактъ мирнаго присоединенія къ Германіи отразился бы на внутренней политикѣ Австріи? Стòитъ припомнить что ея правительству было не легко провести даже простую торговую сдѣлку съ Германіей. Чтò выгодно Цислейтаніи, то можетъ оказаться невыгоднымъ коронѣ Св. Стефана и таможенное объединеніе съ Германіей едва ли послужитъ къ скрѣпленію составныхъ частей арасшатанной имперіи Габсбурговъ... Австрію можетъ плѣнить развѣ призракъ таможеннаго союза Дунайскихъ державъ, мысль о которомъ, хотя и въ другой формѣ, была пущена въ оборотъ еще въ 1878 году, когда Австрія шла занимать Боснію и бредила военными конвенціями чуть не со всѣми государствами Балканскаго полуострова.

Не здѣсь ли слѣдуетъ искать источника того почти заискивающаго вниманія какимъ въ послѣднее время удостоены Сербія и Румынія въ Берлинѣ и Вѣнѣ? Не здѣсь ли, наконецъ, источникъ и тѣхъ нелѣпыхъ басенъ о замыслахъ России на Востокѣ и раздраженіи противъ нея Европы, опровергнуть которыя поспѣшила *Сѣверо-Германская Газета* и сама къ нимъ отчасти причастная? Не слишкомъ ли много и не впору поусердствовали послушные извѣстной указкѣ сочинители басенъ?

№ 245.

Москва, 3-го сентября.

О поѣздкѣ князя Черногорскаго въ Константинополь иностранная, главнымъ образомъ австро-венгерская, печать высказывалась вкривь и вкось, съ явнымъ неудовольствіемъ и досадой. Сперва австрійская печать встревожилась предположивъ что князь поѣхалъ въ гости къ султану съ тѣмъ чтобъ исполнить какое-то секретное порученіе Россіи, хотя для секретныхъ порученій Россія имѣетъ въ Константинополѣ своего уполномоченнаго представителя, а наилучшее порученіе какое Россія могла бы дать князю Черногорскому только и могло бы состоять въ упроченіи мира и благосостоянія его же владѣнія. Теперь, когда князь уже возвратился въ Цетинье, вѣнскія газеты почему-то стараются умалить значеніе поѣздки и злорадно намекаютъ что князь Николай прокатился въ Константинополь понапрасну, ибо ему не удалось де перехитрить турецкихъ министровъ. Князь Черногорскій не имѣлъ и надобности состязаться въ хитрости съ дипломатами Стамбула, и отношенія его къ Портѣ потому и уладились успѣшно что не требовалось прибѣгать ни къ какимъ ухищреніямъ. Главная цѣль поѣздки князя Николая въ Константинополь заключалась въ томъ чтобъ упрочить дружественныя отношенія между Черногоріей и Турціей, и цѣль эта достигнута. Доказательствомъ тому служитъ благополучное разрѣшеніе вопроса который еще оставался между Черною Горой и Турціей. Еще въ бытность князя Николая въ Константинополѣ обнародованъ ираде султана объ окончательномъ регулированіи турецко-черногорской границы. Вопросъ этотъ имѣетъ для Черногоріи особенную важность. Турецкіе коммиссары, командированные для передачи Черногорцамъ нѣкоторыхъ частей турецкой территоріи, уже прибыли въ Цетинье и приступили къ делимитаціоннымъ работамъ.

Вообще за дѣйствіями Черногорскаго правительства крайне недоброжелательно слѣдятъ въ Австріи, во всемъ усматривая угрозу себѣ и своимъ вездѣсущимъ интересамъ. Этой манерѣ своихъ вѣнскихъ и пештскихъ покровителей стала въ послѣднее время слѣдовать и сербская официозная печать. Органъ нынѣшняго сербскаго кабинета *Видело* не счелъ неприличнымъ придраться ко браку дочери князя Николая съ княземъ Петромъ Карагеоргіевичемъ, чтобъ оскорбить Черногорское правительство и весь Черногорскій народъ. Въ обширной статьѣ, посвященной сперва восхваленію династіи Обреновичей, единственной де сербской династіи, на Черногорію изливается цѣлый потокъ брани и инсинуацій. Черногорія обвиняется въ томъ что она будто бы всегда сѣяла смуту среди Сербскаго народа, что она какъ нищій протягиваетъ руку за милостыней, что она служитъ чуждымъ (русскимъ) интересамъ изъ зависти къ благосостоянію королевства Сербіи, которое стало де государствомъ вполнѣ культурнымъ, имѣетъ свою желѣзную дорогу и національный банкъ и теперь пользуется уваженіемъ всѣхъ просвѣщенныхъ націй. Разказавъ все это на-

пыщеннымъ слогомъ, *Видело* возглашаетъ что пришло время открыто поставить вопросъ: „Кто за Сербію и кто противъ нея?"

Офиціальная черногорская газета отвѣчала на эту выходку. Замѣтивъ сперва что бракъ княжны Зорки съ Петромъ Карагеоргіевичемъ имѣетъ чисто семейный характеръ, *Гласъ Черногорца* говоритъ что въ Сербіи тревожатся совершенно напрасно по поводу этого событія которое не можетъ повліять на отношенія между Сербіей и Черногоріей. „Съ нашей, съ черногорской стороны, говоритъ газета, не сдѣлано и не будетъ сдѣлано ничего что̀ могло бы измѣнить наши отношенія къ Сербіи; мы совершенно хладнокровно выслушаемъ всѣ незаслуженныя обвиненія и останемся въ прежнихъ братскихъ отношеніяхъ къ Сербскому народу, который несомнѣнно возвратится къ своимъ братьямъ..." Отношенія между Сербіей и Черногоріей, замѣчаетъ далѣе газета, могутъ измѣниться лишь въ томъ случаѣ если — чего не дай Богъ — одна изъ нихъ измѣнитъ сербству и продастъ себя недругамъ. Препираться съ *Видeломъ* совершенно де излишне, такъ какъ отъ этого выигралъ бы только третій. О зависти Черногоріи къ Сербіи говорить по меньшей мѣрѣ странно. Черногорія, правда, бѣдна, но надо припомнить *почему* она бѣдна? Ея бѣдность служитъ ей къ чести, а не къ стыду! Неужели кровь пролитая Черногорцами въ вѣковой борьбѣ за независимость не имѣетъ никакой цѣны? Выставлять вопросъ о томъ „кто за Сербію и кто противъ нея" также совершенно неумѣстно. „Кто ставитъ этотъ вопросъ? Мы не ставимъ его, находя это совершенно лишнимъ. Вы утверждаете что не боитесь отвѣта на этотъ вопросъ; мы его также не боимся, ибо знаемъ напередъ какъ бы гласилъ отвѣтъ. Мы увѣрены что каждый Сербъ за Сербію и что нѣтъ Серба который бы былъ противъ нея; но въ то же время мы также вполнѣ увѣрены что нѣтъ Серба который былъ бы противъ Черногоріи." О первой роли среди Сербскаго народа, говоритъ *Гласъ Черногорца*, спорить было бы напрасно. Первая роль принадлежитъ тому кто ее заслужитъ, а не тому кто ея добивается. Рѣшеніе этого вопроса предстоитъ еще въ далекомъ будущемъ, *теперь* же спорить объ этомъ было бы горькою ироніей.

Полемика между *Видeломъ* и *Гласомъ Черногорца* во всякомъ случаѣ не лишена интереса. Между тѣмъ какъ нынѣшніе сербскіе правители, полагаясь вѣроятно на поддержку въ Вѣнѣ, требуютъ себѣ ничѣмъ пока не заслуженной гегемоніи, Черногорцы смотрятъ на сербскій вопросъ съ точки зрѣнія всякаго честнаго сербскаго патріота.

№ 247.

Москва, 5-го сентября.

Съ 1 сентября вступилъ въ дѣйствіе новый тарифъ для перевозки грузовъ въ прямомъ сообщеніи по желѣзнымъ дорогамъ второй группы. Опредѣленіе новыхъ тарифныхъ ставокъ заняло не мало времени у собравшихся на 59-й съѣздъ уполномоченныхъ отъ желѣзнодорожныхъ правленій. Несвоевременно открылъ съѣздъ свои засѣданія, собравшись лишь 1 іюля вмѣсто 15 іюня, быстро просмотрѣлъ прошлогоднюю провозную плату и разъѣхался ничего не постановивъ относительно важнѣйшихъ тарифныхъ ставокъ на хлѣбные грузы, на перевозку сала и скота. Только недавно желѣзнодорожныя правленія второй группы, помимо съѣзда, пришли къ соглашенію о размѣрѣ провозной платы на поименованные грузы, которая затрогиваетъ наше сельское хозяйство, такъ какъ всякія надбавки въ желѣзнодорожныхъ тарифахъ перекладываются хлѣботорговцами и скотопромышленниками на производителей, при необходимости сообразоваться съ устанавливаемыми на иностранныхъ биржахъ цѣнами. Не иностраннымъ потребителямъ нашихъ сельскохозяйственныхъ произведеній придется приплачивать къ желѣзнодорожнымъ ставкамъ, но русскимъ производителямъ.

Что̀ даютъ въ смыслѣ содѣйствія нашему сельскому хозяйству новые желѣзнодорожные тарифы? Вопросъ этотъ получаетъ тѣмъ болѣе значенія что рельсовые пути второй группы служатъ главнымъ образомъ для нашей заграничной торговли, направляясь отъ хлѣбородной губерніи черноземной полосы Россіи ко главнѣйшимъ портамъ Балтійскаго Моря. По нимъ „прямое сообщеніе" грузовъ между конечными пунктами отправленія и назначенія охватываетъ значительные по протяженію своему

пробѣги; напримѣръ, между Оренбургомъ и Либавой грузъ пробѣгаетъ 2.611 верстъ, переходя послѣдовательно между семью или восемью компаніями которыя эксплуатируютъ желѣзныя дороги этого направленія.

Но прежде чѣмъ отвѣчать на поставленный вопросъ, нельзя не обратить вниманія на формальные недостатки только что напечатаннаго „перечня спеціальныхъ тарифовъ прямаго сообщенія между желѣзными дорогами второй группы на періодъ съ 1 сентября 1883 по 1 сентября 1884 г.“ Недавно опубликованный съѣздомъ тарифъ долженъ былъ вступить въ силу съ 1 настоящаго сентября, такъ что „тарифный годъ“ начинается съ этого числа. Казалось бы что какъ непрерывно движеніе по желѣзнымъ дорогамъ, точно такъ же должны быть непрерывны и „тарифные годы,“ сходясь въ этомъ отношеніи съ обыкновеннымъ счисленіемъ времени. Въ практикѣ же съѣзда 2-й группы допущено tempus utile, промежутокъ невключаемый въ счетъ времени. Дѣйствительно, настоящій „тарифный годъ“ начался 1 сентября, истекшій „тарифный годъ“ окончился вовсе не 31, но 1 августа. Весь августъ 1882 года относительно движенія грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ 2-й группы не имѣлъ никакихъ опубликованныхъ тарифовъ, которыми грузоотправители были бы въ правѣ и обязаны руководствоваться. Прошлый тарифный годъ окончился 1 августа, новый—наступилъ 1 сентября; весь августъ мѣсяцъ остается „внѣтарифнымъ.“ Формальные недостатки новаго „перечня спеціальныхъ тарифовъ“ этимъ не ограничиваются. „Перечень“ подлежитъ своевременному оглашенію чтобы дать возможность заинтересованнымъ въ перевозкѣ грузовъ лицамъ принаровиться къ сдѣланнымъ въ тарифѣ измѣненіямъ. Въ настоящемъ случаѣ „перечень“ публикуется чуть не наканунѣ примѣненія содержащихся въ немъ новыхъ тарифныхъ ставокъ. Мало того, отдѣльныя дополненія къ перечню спеціальныхъ тарифовъ, по различнымъ предметамъ перевозки, напримѣръ нефти, еще до сихъ поръ не напечатаны. Это не можетъ не отразиться вреднымъ образомъ на ходѣ торговли.

Исходя изъ того положенія что тарифныя надбавки на грузы отправляемые за границу въ большинствѣ случаевъ оплачиваются русскими производителями, такъ какъ покупщики не могутъ имъ дать болѣе тѣхъ цѣнъ которыя установлены заграничными биржами, вычитая отсюда издержки па перевозку и свой торговый процентъ, нельзя не замѣтить что новый тарифъ для желѣзныхъ дорогъ второй группы повышаетъ, сравнительно съ прошлымъ тарифнымъ годомъ, провозную плату за сельско-хозяйственныя произведенія. При сравненіи тарифныхъ ставокъ за истекшій годъ со вновь назначенными, замѣтно увеличеніе провозной платы на рожь въ зернѣ и мукѣ. Такъ, напримѣръ, изъ района Моршанско-Сызранской желѣзной дороги рожь доставлялась въ Москву по спеціальному тарифу (№ 5 перечня спеціальныхъ тарифовъ второй группы на 1882—1883 годъ) за 75 руб. 32 коп. съ каждаго вагона съ грузомъ въ 610 пудовъ; новый тарифъ повышенъ до 76 р. 12 к. (№ 24 перечня на 1883—84 годъ). Овесъ и ржаная мука доставлялись въ Петербургъ въ истекшемъ тарифномъ году со станцій Ряжско-Моршанской дороги по 158 р. 32 к. за вагонъ съ грузомъ въ 610 пуд. (№ 14 перечня 1882 — 83); теперь плата повышена до 160 р. 62 к. (№ 18 перечня 1883—84). Пшеничная мука изъ-за Волги по Оренбургской дорогѣ доставлялась въ Москву по 195 р. 16 к. за вагонъ (№ 37 перечня 1882—83); въ предстоящемъ тарифномъ году провозная плата повышена до 199 руб. 35 коп. (№ 36 перечня 1883—84).

Въ особенности бросается въ глаза повышеніе тарифа на провозъ рогатаго скота. За доставку вагона нагруженнаго восемью головами рогатаго скота со станцій Оренбургской желѣзной дороги въ Москву платилось въ прошломъ году 185 р. 23 к. (№ 75 перечня спеціальныхъ тарифовъ 1882—83); въ настоящемъ же году перевозка вагона обойдется въ 201 р. 27 к. (№ 45 перечня 1883—84).

Пониженъ значительно тарифъ на перевозку сала. Съ Оренбургской линіи будетъ взиматься за вагонъ съ грузомъ сала въ 610 пуд. до Москвы 216 р. 96 к. и до Петербурга 306 р. 96 к., вмѣсто прошлогодняго по-вагоннаго тарифа въ 238 р. 50 к. до Москвы и 324 р. 16 к. до Петербурга.

Приведенныя цифры рисуютъ общее направленіе новаго желѣзнодорожнаго тарифа, вступившаго на дняхъ въ дѣйствіе. Увеличеніе провозной платы на главнѣйшіе предметы вывоза ляжетъ на произво-

дителей удешевляя ихъ продукты на мѣстахъ отправленія. Народное хозяйство очень чутко ко всѣмъ измѣненіямъ въ условіяхъ его развитія. Когда, въ 1879 году, Германія ввела охранительныя пошлины на хлѣбные грузы изъ Россіи и обложила центнеръ пшеницы 50 пфенигами таможеннаго сбора, то въ Новороссійскихъ губерніяхъ принялись за посѣвы рапсу, который обложенъ всего только 15 пфенигами ввозной пошлины за центнеръ. Если Германская охранительная пошлина отозвалась въ Россіи измѣненіемъ въ сортахъ засѣваемаго хлѣба, то ясно становится какъ чувствительно отзываются на сельскомъ хозяйствѣ даже незначительныя измѣненія въ условіяхъ для сбыта его произведеній.

При изученіи новаго желѣзнодорожнаго тарифа для рельсовыхъ путей 2-й группы, которому должны будутъ подчиниться отправители, то-есть мѣстные производители, неся на себѣ послѣдствія измѣненій въ условіяхъ перевозки, снова возникаетъ вопросъ о необходимости правительственнаго контроля надъ желѣзными дорогами. Только такимъ путемъ возможно достигнуть соглашенія разнорѣчивыхъ интересовъ, сталкивающихся при передвиженіи на желѣзныхъ дорогахъ, т.-е. интересовъ отправителей и концессіонерныхъ компаній.

№ 248.

Москва, 6-го сентября.

Обращаемъ вниманіе на помѣщаемое ниже письмо, касающееся, какъ выражается корреспондентъ, „вопіющаго зла.“ Дѣло идетъ о затруднительномъ положеніи нашихъ землевладѣльцевъ становящихся жертвами биржевой спекуляціи. Россія есть страна по преимуществу земледѣльческая; земледѣліе есть главная отрасль народнаго труда. Положеніемъ ея регулируется и промышленность, и торговля наша. Если хорошъ урожай, если хлѣбъ пошелъ по высокимъ цѣнамъ, нашъ внутренній рынокъ оживляется, разчетный балансъ съ иностранцами становится выгоднѣе и биржевая цѣнность рубля идетъ вверхъ. Рабочій получаетъ большій заработокъ. Обратно, невыгодный сбытъ хлѣба немедленно сокращаетъ спросъ на произведенія фабрикъ, ведетъ къ застою въ торговыхъ оборотахъ, къ затрудненіямъ въ денежныхъ сдѣлкахъ, къ пониженію вексельныхъ курсовъ.

На дняхъ мы дали мѣсто письму *Съ Нижегородской ярмарки*, писанному 27 августа. Что сказано въ немъ? „Итоги, по окончаніи всѣхъ разчетовъ, конечно окажутся довольно плачевными; торговцы, особенно мануфактурными товарами, продали менѣе 70% сравнительно съ прошедшимъ годомъ,“ хотя мануфактурный товаръ продавался крайне дешево, „только бы сбыть съ рукъ.“ Ходъ торговли отозвался и на денежныхъ сдѣлкахъ, и на ярмаркѣ встрѣчалось много случаевъ неплатежа и отсрочекъ; частные банки сидѣли почти безъ дѣлъ, Государственный работалъ на небольшую сумму, хотя „всѣми мѣрами старался облегчить финансовыя затрудненія торговцевъ.“

Вотъ въ какую пору выступаетъ во всей силѣ то „вопіющее зло“ о которомъ идетъ рѣчь въ письмѣ землевладѣльца. Урожай настоящаго года былъ хорошій. „Гумны наши полны,“ и можно было ждать хорошихъ цѣнъ на хлѣбъ вслѣдствіе слабаго урожая въ Германіи и Америкѣ. Высокія цѣны на хлѣбъ вызвали бы большій спросъ на товаръ на внутреннихъ рынкахъ, и затрудненія замѣченныя на ярмаркѣ поправились бы хотя отчасти оживленіемъ оборотовъ въ теченіе осени, зимы и весны. Надеждамъ этимъ не суждено было, однако, осуществиться вслѣдствіе неожиданнаго паденія цѣнъ, какъ разъ ко времени сдѣлокъ съ хлѣбомъ. Заграничный покупатель знаетъ что русскій продавецъ хлѣба нуждается въ деньгахъ; онъ не торопится спросомъ и сбиваетъ цѣны. Ни нашъ экспортеръ, ни нашъ землевладѣлецъ не располагаютъ капиталами которые давали бы возможность выждать возвышенія цѣнъ. Землевладѣльцу искать выгоднаго и удобнаго кредита негдѣ. Съ грустью вспоминая старинный нашъ ломбардъ, „который сохранилъ и поддержалъ столько имѣній,“ они должны теперь сбывать хлѣбъ за безцѣнокъ.

Въ другихъ странахъ вездѣ уже поняли необходимость поддержки народнаго труда, особенно главныхъ его отраслей, кормящихъ населеніе. Германія, напримѣръ, не затруднилась поднять до крайняго предѣла пошлины на хлѣбъ, именно въ разчетѣ пособить своему земледѣлію. Тамъ теперь уже всѣ признаютъ что мануфактурная промышленность Германіи находится въ прямой зависимости отъ ея сельскаго

хозяйства. Чтобы поднять его дѣлается все возможное. Недавно заключенъ договоръ съ Испаніей. Этимъ договоромъ устраненъ вывозъ русскаго спирта чрезъ Гамбургъ въ Испанію. Оборотъ дѣла крайне невыгодный для многихъ ганзейскихъ экспортеровъ и дистиляторовъ, вызвавшій множество нареканій на Германское правительство, уступчивость котораго убила де промыселъ съ ежегоднымъ оборотомъ на 15 или 20 милліоновъ марокъ. Если Германское правительство рѣшилось на такой шагъ, то конечно имѣло на то серіозныя причины. Одинъ изъ парламентскихъ ораторовъ назвалъ его торговую политику „питейною," указавъ будто „ради нѣмецкаго спирта мѣняются даже таможенные тарифы." Отвѣты правительственныхъ коммиссаровъ разъяснили въ чемъ дѣло. Если пятнадцатимилліонный оборотъ съ русскимъ спиртомъ замѣнится такимъ же оборотомъ со спиртомъ нѣмецкимъ, то помимо винокуровъ выиграетъ все сельское хозяйство, вся промышленность въ Германіи. Итакъ, желаніе поддержать сельское хозяйство, вотъ что̀ было причиной побудившею Германію согласиться на условія на первый взглядъ какъ будто невыгодныя и для вывоза, и для фиска.

Еслибы въ Германіи руководить земледѣліемъ, торговлей и промышленностью было призвано министерство Финансовъ, оно врядъ ли рискнуло бы на подобную мѣру, выгоды которой обнаружатся только въ будущемъ. Министерство Финансовъ вынуждено жить настоящимъ, ему приходится считаться съ текущими нуждами и оно не можетъ сократить доходы теперь въ разчетѣ что это поведетъ къ значительному возвышенію ихъ со временемъ. Никто, разумѣется, не захочетъ навязать себѣ лишнія хлопоты и затрудненія. Министерство Финансовъ всегда смотрѣло и будетъ смотрѣть на торговлю и промышленность только какъ на источникъ обильнаго и удобнаго дохода казны.

Въ Германіи, какъ и вездѣ за границей, есть особое министерство вѣдающее дѣла по всѣмъ отраслямъ промышленности, заботящееся объ ихъ развитіи, устраняющее все что̀ вредитъ ему, заводящее порядки которые ему содѣйствуютъ.

Отсутствіе такого учрежденія у насъ давно даетъ себя чувствовать. На необходимость его не разъ указывалось. На ярмаркѣ этого года, какъ передаетъ нашъ корреспондентъ, крупные мануфактуристы подали въ Ярмарочный Комитетъ особую записку по этому предмету, въ которой между прочимъ указывается что такое учрежденіе существовало и у насъ до 1810 года. Ярмарочный Комитетъ, сочувствуя этому предложенію, возбужденному еще прошлогоднимъ промышленнымъ съѣздомъ въ Москвѣ, рѣшилъ однако, за недостаткомъ времени, передать дѣло „для всесторонняго обсужденія" въ Общество для Содѣйствія Промышленности и Торговлѣ.

Нельзя не пожелать этому дѣлу успѣха; надобно только чтобъ оно прежде дѣйствительно было обсуждено всесторонне. Мануфактуристы и Ярмарочный Комитетъ высказываются въ пользу учрежденія вѣдающаго исключительно „торговую, фабричную и заводскую промышленность." Это очень естественно со стороны торговцевъ и промышленниковъ, но односторонне и обратилось бы можетъ-быть прямо во вредъ сельскому хозяйству. Если создавать особое вѣдомство, то ему же слѣдовало бы передать и заботы о промышленности земледѣльческой, безъ развитія которой прочія отрасли никогда не установятся прочно. Наше земледѣліе нуждается въ особомъ попеченіи. Оно еще недавно перенесло тяжелый кризисъ, отъ котораго не успѣло пока оправиться, и находится, за недостаткомъ средствъ, почти въ первобытномъ состояніи. Все что̀ нужно для развитія его приходится заводить вновь, соображаясь при этомъ со всѣми условіями не только средствъ производства, но и способовъ сбыта, находящихся въ прямой связи съ торговыми оборотами. Особый органъ, вѣдающій торговлю, фабричную и заводскую промышленность, оказался бы, сверхъ того, въ затруднительномъ положеніи еслибы земледѣліе осталось внѣ сферы его вліянія. Отпускъ хлѣба, льна, шерсти, пеньки, производство кожъ, сала, спирта, находятся въ прямой связи съ сельскимъ хозяйствомъ. Чтобы поднять оборотъ нашей торговли, увеличить дѣятельность нашихъ фабрикъ, необходимо прежде поднять и обезпечить наше земледѣліе.

№ 249.

Москва, 7-го сентября.

Вопросъ о выгодности той или другой формы страхованія имуществъ отъ огня есть предметъ заботы не только у насъ, но и въ другихъ странахъ, особенно въ сосѣдней намъ Пруссіи.

Тамъ, такъ же какъ и у насъ, въ началѣ этого столѣтія не было особыхъ страховыхъ учрежденій, и каждое сельское или городское общество обязано было лишь собирать ежегодно со владѣльцевъ суммы на покрытіе пожарныхъ убытковъ. Въ 1812 году основано было тамъ первое страховое общество на акціяхъ, которое стало принимать на страхъ имущества всякой цѣнности за соразмѣрно высчитанную и уплачиваемую впередъ премію. Общество это сразу имѣло успѣхъ, который естественно вызвалъ другія подобныя общества. Въ настоящее время, въ одной Пруссіи, дѣйствуютъ 29 акціонерныхъ страховыхъ обществъ, основный и запасный капиталы которыхъ достигли громадной цифры 230 милліоновъ марокъ (около ста милліоновъ рублей), поражающей тѣмъ болѣе что въ этомъ государствѣ, кромѣ того, дѣйствуютъ общинныя и городскія общества взаимнаго страхованія, дѣйствія которыхъ распространяются на всю Германію, каковы Берлинское и Готское.

Однако именно въ Пруссіи въ настоящее время возбужденъ правительствомъ вопросъ о радикальной реформѣ въ области страхованія отъ огня. Князь Бисмаркъ, въ качествѣ прусскаго министра торговли, въ своемъ циркулярѣ отъ 19 марта сего года, требуетъ пересмотра законодательства о страховомъ дѣлѣ вообще и созданія формы взаимнаго страхованія, коею былъ бы положенъ конецъ экономическимъ неудобствамъ проистекающимъ отъ того что „большинство страхованій сосредоточено въ рукахъ акціонерныхъ обществъ, которыя получаютъ свои громадные дивиденды единственно вслѣдствіе непомѣрнаго и ничѣмъ неоправдываемаго возвышенія страховыхъ премій, а также незаконныхъ мѣръ употребляемыхъ ими при разчетахъ со страхователями за пожарные убытки.“ Этотъ перунъ, брошенный канцлеромъ, хотя и направленъ былъ исключительно противъ прусскихъ акціонерныхъ обществъ, переполошилъ страховыя учрежденія во всей Германіи и поставилъ на очередь вопросъ о страхованіи и о согласованіи его съ экономическими потребностями государства.

Вопросъ этотъ сталъ предметомъ обсужденія во многихъ періодическихъ изданіяхъ, и если иныя, въ томъ числѣ *Національная Газета*, отстаиваютъ акціонерныя общества, то дѣлаютъ это лишь въ предостереженіе отъ поспѣшной ломки крупныхъ финансовыхъ учрежденій, крушеніе которыхъ могло бы сопровождаться потрясеніемъ денежнаго рынка и относительную пользу которыхъ нельзя де отрицать. Акціонерныя страховыя общества первыя де вступили между собою во взаимный союзъ для перестрахованія другъ у друга своихъ рисковъ и тѣмъ дали возможность каждому страховать имущества очень крупной цѣнности у любаго общества не опасаясь за его состоятельность.

Въ Пруссіи, однако, нѣтъ рѣчи о какой-либо конвенціи между акціонерными обществами, которая обязывала бы ихъ взимать со страхователей одинаково высокія преміи, и никому не приходитъ на умъ отрицать пользу взаимныхъ страховыхъ обществъ дѣйствующихъ на всемъ пространствѣ государства. Напротивъ, дѣятельность этихъ взаимныхъ обществъ, въ особенности главнаго изъ нихъ, Готскаго, признается образцовою и плодотворною въ той же *Національной Газетѣ*.

Осуществимы ли такія общества у насъ?

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, на югѣ Россіи, гдѣ особенно ощущалась потребность въ поземельномъ кредитѣ, возникла мысль объ устройствѣ союза землевладѣльцевъ для открытія нужнаго имъ кредитнаго учрежденія, безъ привлеченія постороннихъ капиталовъ, гарантируя его обороты, за взаимною отвѣтственностью закладчиковъ банка, *всею стоимостью* ихъ имѣній. Мысль эта осуществилась въ выработанномъ Херсонскою земскою управой уставѣ *Земскаго Банка Херсонской губерніи*, получившемъ законное утвержденіе. Всякій дѣлающій заемъ въ этомъ банкѣ не только обезпечиваетъ вѣрность погашенія долга своего въ опредѣленное число лѣтъ и уплату процентовъ всею стоимостью закладываемаго имѣнія, но и отвѣчаетъ этою стоимостью за вѣрность погашенія всѣхъ другихъ выданныхъ ссудъ. Взамѣнъ этого заемщики становятся участ-

никами во всѣхъ выгодахъ и прибыляхъ банка; они выбираютъ изъ среды своей правленіе и агентовъ банка; они составляютъ общія собранія, отряжаютъ ревизіонныя коммиссіи, и подъ ихъ контролемъ производится оцѣнка принимаемыхъ въ залогъ имѣній.

И что же? Банкъ этотъ, открывшій свои дѣйствія съ ничтожною суммой отпущенною отъ земской управы на первоначальное устройство, вскорѣ окрѣпъ и теперь не только конкуррируетъ съ такими же банками, учрежденными съ затратой милліонновъ, но стоитъ выше ихъ во многомъ. Районъ его операцій простирается, кромѣ Херсонской, на Бессарабскую, Таврическую и Екатеринославскую губерніи. Онъ выпустилъ уже на многіе десятки милліоновъ закладные листы, которые считаются очень солидною рентой, охотно покупаемою не только у насъ, но и за границей. Главное же его преимущество заключается въ томъ что его закладчики получаютъ выгоду отъ возрастающихъ доходовъ банка и его запаснаго капитала. Еще нѣсколько лѣтъ, и прибыли его будутъ приносить ощутительную пользу всѣмъ его членамъ, которымъ значительно облегчится способъ погашенія обременяющихъ ихъ имѣнія долговъ. Управленіе дѣлами банка, находящееся въ рукахъ самихъ заемщиковъ, ведется энергически и рачительно, и удовлетворяетъ всѣхъ имѣющихъ съ нимъ счеты.

Что возможно было въ дѣлѣ поземельнаго кредита, то возможно и при устройствѣ страхованія.

№ 251.

Москва, 9-го сентября.

Съ половины шестидесятыхъ годовъ, когда закипѣло въ Россіи желѣзнодорожное дѣло, земскія учрежденія не переставали принимать дѣятельное участіе въ сооруженіи и эксплуатаціи новыхъ путей сообщенія. Въ началѣ, когда желѣзныхъ дорогъ было еще мало, земства, а также нѣкоторыя городскія общества, ходатайствовали о выдачѣ имъ концессій и на такія дороги которыя, по значительности своего протяженія и обширности движенія, далеко выходили за предѣлы непосредственно „мѣстныхъ пользъ и нуждъ.“ Поэтому не рѣдко земскія учрежденія нѣсколькихъ смежныхъ губерній совмѣстно съ болѣе значительными городами соединялись для ходатайства о разрѣшеніи имъ концессіи на проведеніе паровозной линіи дальняго пробѣга. Такимъ образомъ сооружены были желѣзныя дороги отъ Царицына и Саратова чрезъ Тамбовъ на Грязи и Орелъ до Витебска. Многіе рельсовые пути въ Прибалтійскихъ губерніяхъ сооружены при участіи мѣстнаго дворянскаго общества и городовъ.

Затѣмъ, когда съ 1869 года, при графѣ Бобринскомъ, возникла потребность установить между отдѣльными желѣзными дорогами, состоящими въ завѣдываніи особыхъ правленій, „прямое сообщеніе“ пассажировъ и грузовъ, создаются тѣ три группы рельсовыхъ путей на которыя раздѣлена вся сѣть русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Земскія учрежденія и города въ качествѣ концессіонеровъ принимали участіе въ съѣздахъ уполномоченныхъ отъ правленій желѣзныхъ дорогъ.

На этомъ не останавливается участіе земствъ и городовъ въ желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ. Послѣ учрежденія коммиссіи для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, состоящей подъ предсѣдательствомъ графа Э. Т. Баранова, возбужденъ былъ вопросъ о порядкѣ сооруженія и эксплуатаціи „подъѣздныхъ и питательныхъ путей“ къ существующей уже сѣти паровозныхъ дорогъ; тогда земства, повидимому отказавшіяся отъ новыхъ концессій на линіи дальняго пробѣга, перенесли свои усилія на созданіе желѣзныхъ дорогъ предназначенныхъ исключительно для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей въ перевозкѣ пассажировъ и грузовъ. Вновь задуманный типъ „мѣстныхъ“ рельсовыхъ путей предназначался для устраненія на главныхъ линіяхъ одновременнаго скопленія грузовъ, которые при наличномъ подвижномъ составѣ не могли быть своевременно перевезены. Такъназываемыя „залежи“ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ происходятъ отъ двухъ причинъ. Вопервыхъ, главными предметами нашего вывоза и даже нашей внутренней торговли бываютъ хлѣбъ и другіе продукты созрѣвающіе только одинъ разъ въ году и предъявляемые для перевозки въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ, наиболѣе близкихъ къ уборкѣ и обработкѣ этихъ сырыхъ продуктовъ. Вовторыхъ, доставка

этихъ грузовъ къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ, вслѣдствіе дурнаго состоянія подъѣздныхъ къ нимъ путей, находится въ случайной зависимости отъ погоды. „Залежи" грузовъ поэтому бываютъ въ зимніе мѣсяцы, когда отправители грузовъ пользуются сравнительно лучшимъ состояніемъ подъѣздныхъ путей и торопятся сдать свой товаръ. Нельзя не согласиться поэтому съ мыслью бывшаго французскаго министра путей сообщенія, г. Маньена, что „хорошіе подъѣздные пути суть вены и артеріи регулирующія правильное желѣзнодорожное кровообращеніе."

Земства и города отказались повидимому отъ дальнѣйшаго сооруженія новыхъ рельсовыхъ путей со значительнымъ пробѣгомъ и, не удержавъ за собой прежде концедированныхъ имъ желѣзныхъ дорогъ (такъ напримѣръ, Тамбовско-Саратовская линія изъ завѣдыванія земскаго и городскаго перешла въ управленіе казны), они въ настоящее время стараются не упустить мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ изъ своихъ рукъ. Изъ доклада коммиссіи Высочайше учрежденной для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи явствуетъ что Суздальское земство ходатайствуетъ о желѣзной дорогѣ протяженіемъ въ 51 версту отъ Гавриловскаго посада до станціи Боголюбово на Московско-Нижегородской желѣзной дорогѣ; городъ Шуя проситъ разрѣшить паровозную линію въ 58 верстъ отъ села Тейково чрезъ село Гирки и Лежнево до Шуи на Шуйско-Ивановской желѣзной дорогѣ; Весьегонское уѣздное земство хлопочетъ о концессіи на рельсовый путь во 120 верстъ отъ Бѣжецка на Рыбинско-Бологовской дорогѣ до Весьегонска; Обоянское земство заключаетъ договоръ съ правленіемъ Курско-Харьково-Азовской дороги о сооруженіи желѣзной дороги отъ города Обояни до станціи Марьино на протяженіи 29 верстъ 310 саженъ. Въ прошломъ году сообщались извѣстія что Щигровское земство намѣрено просить о разрѣшеніи провести свою желѣзную дорогу.

Если относительно паровозныхъ линій большаго пробѣга, которыя концедировались земствамъ и городамъ въ шестидесятыхъ годахъ, должно сказать что онѣ выходятъ изъ предоставленнаго органамъ мѣстнаго управленія вѣдомства и вовлекаютъ мѣстное населеніе въ обязательства приплачивать по предпріятіямъ, въ выгодахъ отъ которыхъ оно въ лицѣ многихъ своихъ членовъ вовсе не участвуетъ, то то же самое разсужденіе имѣетъ мѣсто и для новаго типа мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ. Большинство ихъ, по указанному выше, предполагаемому ихъ протяженію, вовсе не соотвѣтствуютъ понятію о такъ-называемыхъ „подъѣздныхъ путяхъ," какъ оно опредѣлено въ „докладѣ о подъѣздныхъ путяхъ" желѣзнодорожною коммиссіей. „Подъѣзднымъ путемъ, говоритъ коммиссія, слѣдуетъ считать такой который ведетъ непосредственно къ желѣзной дорогѣ изъ мѣстностей къ ней тяготѣющихъ; онъ лишенъ всякаго самостоятельнаго характера и имѣетъ значеніе лишь благодаря своему соединенію съ желѣзною дорогой, самъ же по себѣ не имѣетъ никакого значенія" (стр. 8 доклада).

Мѣстные рельсовые пути, проектируемые нѣкоторыми органами мѣстнаго управленія, ближе подходятъ къ типу „подвозныхъ линій," то-есть такихъ дорогъ „по которымъ къ желѣзной дорогѣ доставляются грузы" (стр. 8 доклада). Въ этомъ отношеніи мѣстныя желѣзныя дороги ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ паровозныхъ путей.

Что касается „подъѣздныхъ путей" то, для нагляднаго представленія, достаточно указать на тѣ примыкающія къ главнымъ желѣзнымъ дорогамъ рельсовыя линіи которыя, не имѣя самостоятельнаго значенія, служатъ для соединенія какого-либо значительнаго промышленнаго предпріятія съ сѣтью паровозныхъ путей, какъ напримѣръ Лодзинская дорога, идущая отъ Лодзь въ Колюшки на протяженіи 16 верстъ. Подобныя желѣзныя дороги сооружаются и эксплуатируются заинтересованными въ ихъ проведеніи промышленными предпріятіями и вовсе не входятъ въ кругъ дѣятельности органовъ мѣстнаго управленія.

Вопросъ о „мѣстныхъ рельсовыхъ путяхъ" возникъ не въ Россіи только; онъ служитъ предметомъ обсужденія и въ другихъ государствахъ, далеко опередившихъ насъ въ развитіи желѣзнодорожнаго дѣла.

Когда, въ 1879 году, французскій министръ де-Фрейсине составилъ проектъ сооруженія новой сѣти желѣзныхъ дорогъ, которая должна была занять протяженіе въ 20 тысячъ километровъ, то онъ затруднялся указать признакъ отличающій мѣстные пути отъ главныхъ. Въ томъ же году правительство въ Пруссіи приступило

къ выкупу рельсовыхъ путей. Во время происходившихъ по этому поводу преній въ прусскомъ ландтагѣ самымъ рѣзкимъ образомъ осмѣивалась мысль объ отдѣленіи главныхъ желѣзнодорожныхъ линій отъ мѣстныхъ. Что въ нихъ особеннаго? То ли что онѣ хуже сооружены и эксплуатируются помощью менѣе совершенныхъ приспособленій чѣмъ это дѣлается на главныхъ линіяхъ? Но это именно и нежелательно, такъ какъ прямой отъ этого результатъ — неудовлетворительность перевозки въ смыслѣ безопасности пассажировъ и цѣлости грузовъ. Введеніе системы „мѣстныхъ путей“ не содѣйствуетъ удешевленію эксплуатаціи, потому что для незначительной сравнительно линіи нуженъ отдѣльный подвижной составъ и многочисленные служащіе, которые могли бы нести тѣ же обязанности на линіи съ большимъ пробѣгомъ. Вмѣсто раздробленія желѣзнодорожной сѣти на мелкіе участки, къ чему приводитъ система „мѣстныхъ путей,“ наиболѣе дешевое завѣдываніе ими возможно лишь при переходѣ всѣхъ рельсовыхъ путей въ государствѣ въ управленіе казны, которое сдѣлаетъ излишними громадныя затраты на содержаніе многочисленныхъ желѣзнодорожныхъ правленій и облегчитъ пользованіе подвижнымъ составомъ, подчиняя его одной руководящей власти, вмѣсто сталкивающихся въ своихъ интересахъ отдѣльныхъ компаній.

Къ экономическимъ и административнымъ соображеніямъ присоединяются мотивы исключительно политическаго свойства. Когда республиканское правительство Франціи, въ прошломъ іюлѣ мѣсяцѣ, вслѣдствіе финансовыхъ затрудненій, измѣнило концессіонное право для желѣзнодорожныхъ предпріятій на конвенціонное, и заключило съ пятью главными компаніями конвенціи о расширеніи ихъ самостоятельности въ дѣлѣ сооруженія и эксплуатаціи рельсовыхъ путей,—въ то время въ Германіи усиленно шелъ выкупъ паровозныхъ линій въ казну. За выкупомъ отдѣльными государствами Германіи находящихся въ каждомъ изъ нихъ желѣзныхъ дорогъ, должно послѣдовать объединеніе ихъ управленія въ завѣдываніи одной для всей имперіи власти, подобно тому какъ это совершено уже относительно арміи. Рельсы, вслѣдъ за штыкомъ, должны довершить политическое сплоченіе недавно сложившагося государства. „Политическія партіи безсильны въ борьбѣ со властью располагающею такимъ могущественнымъ орудіемъ дѣйствія на страну,“ замѣчаетъ извѣстный германскій ученый и публицистъ Гнейстъ. Именно этого-то и слѣдуетъ намъ желать...

№ 252.

Москва, 10-го сентября.

Тонкинскій вопросъ, ставшій въ настоящее время уже вопросомъ Китайскимъ, принимаетъ съ каждымъ днемъ все болѣе серіозный характеръ, затрогивая все глубже интересы не только восточныхъ, но и западныхъ государствъ. Дѣло теперь уже идетъ не о томъ какимъ образомъ Франція отомститъ за мученическую смерть капитана Ривьера, а сохранитъ ли Англія свое коммерческое всемогущее вліяніе на Востокѣ, или же ей придется уступить часть этого вліянія Франціи. Подрывомъ англійскаго вліянія въ Азіи воспользовалась бы не одна только Франція, но и другія европейскія государства, въ особенности Германія, которая давно уже старается упрочить сбытъ своимъ товарамъ на азіятскихъ рынкахъ. Неудивительно что англійская печать забила тревогу когда Франція выказала серіозное намѣреніе прочно основаться въ богатой долинѣ Красной рѣки, дабы оттуда открыть себѣ доступъ въ плодородныя и многолюдныя провинціи южнаго Китая.

Сперва англійскія газеты съ видомъ искренняго дружелюбія давали Франціи благіе совѣты не пускаться въ отдаленныя и рискованныя предпріятія, не разбрасывать своихъ силъ ради проблематическихъ выгодъ на Востокѣ, а сосредоточить ихъ лучше въ самой Франціи на случай войны съ Германіей, и вообще заниматься болѣе континентальною чѣмъ колоніальною политикой, къ которой де Французы неспособны и во всякомъ случаѣ не привыкли. Затѣмъ слѣдовали статьи болѣе грознаго характера, указывавшія на возможность вмѣшательства Китая, который де уже не тотъ что былъ въ 1863 году, такъ какъ теперь онъ обладаетъ громадною арміей вооруженною по европейскому образцу, и соорудилъ на своихъ границахъ не картонныя, а настоящія крѣпости. Наконецъ когда и эти угрозы не подѣйствовали, ан-

глійскія газеты стали откровеннѣе и прямо заявили что Англія не можетъ допустить чтобы Французы, только что вытѣсненные ею изъ Египта, явились соперниками ея въ Азіи. Англійская дипломатія тѣмъ временемъ также не дремала и побудила Китайское правительство дать энергическій отпоръ французскимъ притязаніямъ. Довести дѣло до открытой войны между Франціей и Китаемъ Англичане конечно не желаютъ: эта война повредила бы ихъ торговымъ интересамъ несравненно болѣе чѣмъ мирная конкурренція Франціи на китайскихъ рынкахъ. Блокада такихъ важныхъ для англійской торговли китайскихъ портовъ, какъ Шанхай, Кантонъ и Тянь-Цзинъ, прекратила бы на долгое время какъ ввозъ англійскихъ товаровъ, составляющихъ 74% всей ввозной торговли Китая, такъ и вывозъ китайскихъ товаровъ, проходящихъ почти всецѣло чрезъ англійскія руки. Можно поэтому быть увѣрену что Англія употребитъ всѣ усилія для предотвращенія окончательнаго разрыва между Китаемъ и Франціей. Но, съ другой стороны, Англичане ни за что не хотятъ допустить чтобы Франція вышла побѣдительницей изъ Тонкинскаго вопроса. Поэтому они всѣми мѣрами побуждаютъ Китайцевъ къ усиленнымъ вооруженіямъ (которыя кстати весьма оживляютъ англійскую торговлю) и совѣтуютъ имъ не уступать Французамъ, а предъявлять имъ все болѣе суровыя требованія; Французовъ же они продолжаютъ стращать военными приготовленіями Китая, въ надеждѣ что Франція пойдетъ на всякія, даже унизительныя для нея сдѣлки лишь бы избавиться отъ непріятной перспективы войны съ Китаемъ.

Будь у Франціи серіозное правительство, съ послѣдовательною и прозорливою политикой, Французы могли бы воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Англіи, побуждающей Китайцевъ къ войнѣ и въ одно и то же время страшащейся войны; стоило бы только Французамъ не бояться этой войны и припять энергическія мѣры для скорѣйшаго ея объявленія, какъ Англія тотчасъ обратилась бы со своими совѣтами къ Китаю и уговорила бы его сдѣлать уступки Франціи, лишь бы только избѣжать офиціальнаго объявленія войны и сопряженной съ нимъ блокады китайскихъ портовъ. Но, къ счастію для Англичанъ, Французская республика обладаетъ такимъ близорукимъ и непослѣдовательнымъ правительствомъ что Англичанамъ не особенно трудно будетъ добиться своей цѣли и заставить Францію отступить предъ Китаемъ.

Дипломатическое отступленіе Франціи уже началось. Горько жалуется не только монархистская, но и республиканская французская печать на то что вчерашніе адвокаты и журналисты, руководящіе нынѣ въ качествѣ государственныхъ людей судьбой Франціи, привели ее посредствомъ цѣлаго ряда непростительныхъ ошибокъ къ необходимости унизиться даже предъ Китаемъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвела въ Парижѣ передовая статья появившаяся 14 сентября въ *Journal des Débats*, въ которой съ полною откровенностію, безо всякихъ околичностей, указывается на истинное значеніе того договора который гг. Ферри и Шалльмель-Лакуръ стараются заключить съ маркизомъ Цзенгомъ и который превосходитъ въ уступчивости даже тотъ договоръ заключенный въ прошломъ году между французскимъ посломъ въ Пекинѣ, г. Буре, и Китайскимъ правительствомъ, который съ такимъ эффектомъ былъ отвергнутъ какъ оскорбляющій достоинство Франціи тѣми же самыми гг. Ферри и Шалльмель-Лакуромъ 2 іюня въ засѣданіи французскаго сената. Договоръ Буре не заключалъ въ себѣ офиціальнаго признанія верховныхъ правъ Китая надъ Аннамомъ, а опредѣлялъ только что между Тонкиномъ и китайскими владѣніями будетъ находиться нейтральная полоса, посредствомъ которой Китайцы хотѣли оградить себя отъ слишкомъ близкаго сосѣдства съ Французами, которымъ предоставлялся протекторатъ надъ Тонкиномъ и постоянное занятіе дельты Красной рѣки. Этотъ договоръ дѣйствительно былъ невыгоденъ для Франціи, такъ какъ онъ, вопервыхъ, нарушалъ трактатъ 1873 года, въ которомъ уже былъ установленъ протекторатъ Франціи надо всею Аннамскою имперіей, а слѣдовательно и надъ Тонкиномъ. Онъ былъ невыгоденъ еще и потому что опредѣленная въ немъ нейтральная пограничная полоса служила бы постояннымъ неприступнымъ убѣжищемъ для тѣхъ самыхъ *Черныхъ Флаговъ* которые своими набѣгами постоянно тревожатъ сѣверныя провинціи Тонкина и съ которыми Франціи необходимо разъ навсегда покончить. Но договоръ Буре имѣлъ

ту выгоду что Тонкинскій вопросъ разрѣшался безъ кровопролитія, что Китай наконецъ признавалъ протекторатъ Франціи надъ Аннамомъ, и что Французы безпрепятственно могли занять дельту Красной рѣки. Вслѣдствіе царствующей во французской дипломатіи хаотической анархіи, г. Буре подписалъ заключенный имъ договоръ, не испросивъ на то инструкцій въ Парижѣ, и Китайцы, считая дѣло рѣшеннымъ, отозвали свои войска расположенныя въ то время на тонкинской границѣ.

Когда г. Ферри разорвалъ трактатъ Буре, заявивъ что Франція никогда не согласится вступать по поводу Тонкина въ переговоры съ Китаемъ не имѣющимъ никакого отношенія къ Аннаму, Китайцы стали немедленно снова вооружаться и подвигать свои войска къ Тонкину, заявляя что имъ принадлежатъ верховныя права надъ Аннамскою имперіей, и что они не допустятъ Французовъ нарушать эти права. Французское правительство, видя что Китайцы серіозно думаютъ вмѣшаться въ тонкинскія дѣла, отправило въ іюнѣ мѣсяцѣ, на мѣсто г. Буре, въ Шанхай г. Трику для переговоровъ съ губернаторомъ китайскихъ южныхъ провинцій, генераломъ Ли-Хунъ-Чаномъ, въ надеждѣ что энергическій протестъ Франціи противъ притязаній Китая будетъ достаточенъ для образумленія Китайцевъ. Но г. Ферри ошибся въ своихъ разчетахъ. Англичане, а слѣдовательно и Китайцы, знали очень хорошо что парламентъ не дастъ своего согласія на столь отдаленную и непопулярную войну. Потому генералъ Ли-Хунъ-Чанъ спокойно выслушалъ грозныя слова г. Трику и принялъ мѣры къ усиленію китайскихъ войскъ на тонкинской границѣ.

Между тѣмъ Аннамскій императоръ Тю-Дюкъ умеръ. Явилось нѣсколько претендентовъ на его престолъ. Французскій генеральный коммиссаръ, специально отправленный для дипломатическаго рѣшенія Тонкинскаго вопроса, воспользовался замѣшательствомъ царствовавшимъ послѣ смерти императора въ столицѣ Аннама, Гюэ, и застигнувъ въ расплохъ одного изъ кандидатовъ на престолъ, призналъ его офиціально законнымъ преемникомъ Тю-Дюка и потребовалъ отъ него, въ награду за это признаніе, немедленнаго заключенія трактата съ Франціей, въ силу коего вся Аннамская имперія поступала въ полное завѣдываніе Франціи, а Тонкинъ дѣлался французскою территоріей. О верховныхъ правахъ Китая надъ Аннамомъ въ трактатѣ конечно вовсе не упоминалось. Трактатъ былъ дѣйствительно подписанъ, но его никто не призналъ, кромѣ Французовъ. Аннамскіе мандарины взбунтовались противъ самозваннаго императора, подписавшаго „измѣнническій" трактатъ, а Китайцы, вовсе не обращая на него вниманія, послали негласнымъ путемъ сильныя подкрѣпленія *Чернымъ Флагамъ* и сами приняли мѣры чтобы по первому знаку вторгнуться съ громадною арміей въ Тонкинскіе предѣлы.

Г. Ферри, видя что дѣло принимаетъ серіозный оборотъ и что заключенный въ Гюэ трактатъ не имѣетъ никакой силы и только служитъ поводомъ къ усиленію опасности войны съ Китаемъ, понялъ наконецъ что предъ нимъ только два пути: или офиціально объявить Китаю войну, которая не будетъ разрѣшена парламентомъ и только лишитъ его поста министра-президента, или же унизиться предъ Китаемъ и сдѣлать ему тѣ самыя уступки за которыя нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ г. Буре былъ отозванъ изъ Пекина и заклейменъ какъ измѣнникъ въ публичномъ засѣданіи французскаго сената. Г. Ферри избралъ послѣднее рѣшеніе и заявилъ желаніе вступить въ полюбовное соглашеніе съ Китаемъ относительно Тонкина. Но Китайцы, видя уступчивость Французскаго правительства, возвысили свои требованія согласно указаніямъ своихъ друзей Англичанъ. Маркизъ Цзенгъ, вступившій въ переговоры съ гг. Ферри и Шалльмель-Лакуромъ, заявилъ что Китай не удовольствуется тѣми уступками которыя были сдѣланы г. Буре, а потребуетъ формальнаго признанія своихъ верховныхъ правъ надъ Аннамомъ. Г. Ферри согласился и на это. Органъ министерства *République Française*, приходившій нѣкогда въ ярость при малѣйшемъ намекѣ на верховныя права Китая надъ Аннамомъ, увѣряетъ теперь что эти права могутъ быть предоставлены Китайскому императору „въ видѣ невинной игрушки, подобно тому какъ король Италіянскій носитъ для потѣхи титулъ короля Іерусалимскаго." Что касается нейтральной полосы, то г. Ферри ее устранилъ изъ своего проекта посредствомъ весьма остроумной комбинаціи, благодаря которой полоса считавшаяся въ трактатѣ Буре нейтральною будетъ окончательно

присоединена къ Китаю, который тогда конечно будетъ имѣть полное право у себя дома ограждать себя отъ Французовъ, оставляя незаселеннымъ то самое пространство которое прежде должно было быть нейтральнымъ. Французамъ же предоставляется, какъ и въ трактатѣ Буре, только протекторатъ надъ Аннамомъ и занятіе лишь дельты Красной рѣки. Но маркизъ Цзенгъ и эти условія находитъ еще невыгодными для своего государства и требуетъ отъ Французовъ новыхъ уступокъ, а англійскія газеты снова приняли теперь болѣе спокойный тонъ „искреннихъ друзей" Франціи и совѣтуютъ ей окончательно отказаться ото всякихъ хлопотъ по Тонкинскому вопросу и съ благодарностію принять руку протянутую имъ маркизомъ Цзенгомъ.

№ 254.

Москва, 12-го сентября.

Ежегодные судебные каникулы кончаются у насъ 1 сентября. Съ этого времени двери нашихъ судовъ и палатъ широко растворяются, ихъ залы наполняются разнообразною публикой, такъ или иначе прикосновенною къ суду, массою любопытныхъ, охотниковъ поглазѣть какъ творится судъ, послушать казусные процессы, которые во время лѣтняго ваканта покоятся въ архивахъ, точно бенефисныя піесы въ театрахъ до разгара сезона.

Много газетной бумаги тратится на печатаніе судебныхъ отчетовъ. Намъ доставлены уже первые репортерскіе листки. На сей разъ они пришли изъ Петербурга. Петербургскій Окружный Судъ открылъ свою осеннюю сессію въ Царскомъ Селѣ, и 6 сентября слушалось тамъ дѣло о сынѣ дворянина Владиславѣ Генриховѣ Выржиковскомъ, обвинявшемся въ преступленіи предусмотрѣнномъ 285 ст. Улож. о Наказ.

Вотъ что мы узнали изъ присланной намъ судебной лѣтописи.

Въ Царскосельскомъ уѣздѣ имѣется учебное заведеніе вѣдомства Министерства Государственныхъ Имуществъ, *Лисенское учебное лѣсничество.* 1 іюня сего года, всѣ воспитанники его были собраны утромъ въ рекреаціонномъ залѣ, гдѣ объявлены были имена переведенныхъ изъ низшихъ классовъ въ высшіе, окончившихъ курсъ, оставленныхъ въ прежнихъ классахъ, а также исключенныхъ за нерадѣніе. Списки эти составлены были педагогическимъ совѣтомъ училища, на основаніи отмѣтокъ полученныхъ воспитанниками на экзаменахъ, и утверждены Лѣснымъ Департаментомъ. Какъ только инспекторъ классовъ, г. Павловичъ, прочелъ имена исключенныхъ, между которыми значился и Выржиковскій, „послѣдній вышелъ изъ строя воспитанниковъ и подойдя къ стоявшему въ залѣ старшему воспитателю, коллежскому совѣтнику Келлеру, схватилъ его обѣими руками за плечи и сорвалъ у него правый погонъ, послѣ чего былъ остановленъ прочими воспитанниками." Таково показаніе г. Келлера, данное на предварительномъ слѣдствіи, начавшемся по требованію директора училища и окончившемся преданіемъ Выржиковскаго суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, такъ какъ статья Уложенія, по которой онъ обвиняется, за насильственное дѣйствіе противъ начальника при исполненіи послѣднимъ служебныхъ обязанностей, кромѣ заключенія въ смирительномъ домѣ на срокъ до двухъ лѣтъ, полагаетъ и нѣкоторое ограниченіе правъ.

Открылся судъ въ предсѣдательствѣ члена суда г. Сербиновича. Подсудимый, который на предварительномъ слѣдствіи не только сознавался въ томъ что сорвалъ погонъ у г. Келлера, но еще и хвастался что при этомъ будто бы нѣсколько разъ ударилъ своего воспитателя, по прочтеніи обвинительнаго акта опрашивается признаетъ ли онъ себя виновнымъ. *Въ совершеніи этого факта признаю себя виновнымъ,* послѣдовалъ отвѣтъ. „Что васъ къ этому побудило?" Этимъ вопросомъ подсудимый сразу разумѣется вовлекается предсѣдателемъ въ область пикантной психологіи, гдѣ онъ чувствуетъ себя совершенно какъ дома. „Меня побудили совершить это преступленіе тѣ насилія и многія несправедливости которыя производились надо мною *и моими товарищами* со стороны Келлера." Затѣмъ слѣдуетъ бойкое повѣствованіе подсудимаго о томъ въ чемъ заключались насилія, и чрезвычайно развязные отвѣты его на предлагавшіеся ему вопросы. Келлеръ де умышленно убавлялъ баллы *за поведеніе* ему и тѣмъ воспитанникамъ которыхъ онъ не взлюбилъ. Не будь этого, не аттестуй его Келлеръ

дурно въ поведеніи, онъ, несмотря на то что получилъ неудовлетворительныя отмѣтки на экзаменахъ, могъ бы еще *остаться на третій годъ* въ одномъ и томъ же классѣ; теперь же его исключили. Не взлюбилъ де Келлеръ его за то что онъ подружился съ воспитанникомъ Эренбергомъ, очень дурнаго поведенія, и за то еще что разъ вечеромъ Келлеръ позвалъ его и товарища Павлова въ дежурную комнату и выговаривалъ имъ за то что они оба пьяны. „Мы, говоритъ Выржиковскій, *дали честное слово воспитанниковъ* что мы вовсе не пьяны, но Келлеръ намъ не повѣрилъ, не соглашался освидѣтельствовать насъ чрезъ доктора, и отправилъ подъ арестъ. Я подъ арестъ не пошелъ, Келлеръ и сбавилъ мнѣ баллъ за поведеніе.“ Далѣе подсудимый нахально сознается что уже за два или три мѣсяца до 1 іюня замышлялъ побить Келлера и „освободить отъ него училище,“ но сдѣлалъ это только въ тотъ моментъ когда узналъ что исключенъ, „въ порывѣ гнѣва,“ прибавляетъ онъ, помня что „аффектъ“ долженъ сослужить ему службу для защиты. Директоръ и инспекторъ училища удостовѣрили на судѣ что Выржиковскій исключенъ изъ заведенія по постановленію совѣта, утвержденному департаментомъ, *за дурные успѣхи, а не за поведеніе* (Боже сохрани, исключать за дурное поведеніе!) и подверглись продолжительному перекрестному допросу со стороны защитника и одного изъ членовъ суда, домогавшихся узнать каковъ человѣкъ старшій воспитатель Келлеръ, не придирчивъ ли онъ, не очень ли строгъ. Допрашиваемые не сумѣли хранить молчаніе на столь неумѣстное любопытство, не догадались что суду нѣтъ дѣла до аттестаціи воспитателя, остающагося при должности и ни въ чемъ предъ судомъ неповиннаго.

Но интереснѣе всего что въ судъ были вызваны съ десятокъ воспитанниковъ, свидѣтельствовавшихъ о доблестныхъ качествахъ исключеннаго товарища Выржиковскаго и неодобрительномъ образѣ дѣйствій ихъ старшаго воспитателя Келлера, надзору котораго они еще ввѣрены и въ настоящее время. Они полагаютъ что Выржиковскій, возмущенный несправедливостями Келлера, вызванъ былъ на преступленіе. Мало этого, директоръ, не подтвердившій на судѣ мнѣній воспитанниковъ о негодности ихъ старшаго воспитателя, былъ въ присутствіи ихъ передопрошенъ о поведеніи Келлера, не измѣнитъ ли онъ на этой возмутительной очной ставкѣ своихъ прежнихъ показаній. Директоръ выказалъ настолько храбрости что и предъ фронтомъ воспитанниковъ отвергалъ ихъ показанія.

Правда, товарищъ прокурора, г. фонъ-деръ-Паленъ, возмущался тѣмъ что судебное слѣдствіе больше занято потерпѣвшимъ отъ преступленія Келлеромъ, изслѣдованіемъ его провинностей предъ воспитанниками, чѣмъ дѣяніемъ подсудимаго, доказывалъ предумышленность въ преступленіи подсудимаго и требовалъ строгой кары безо всякаго снисхожденія. Но это не помѣшало защитнику доказывать что едва ли возможно такъ строго, а главное *такъ смѣло*, относиться къ поступку Выржиковскаго какъ это дѣлаетъ прокуроръ, и объяснять присяжнымъ засѣдателямъ что они обязаны истолковывать дѣйствіе подсудимаго не по буквѣ закона, „а какъ отцы, какъ братья,“ взвѣшивая причины вызвавшія его поступокъ.

Присяжные, хотя и обнаружили въ данномъ случаѣ нѣкоторую „смѣлость,“ признавъ Выржиковскаго виновнымъ, но не настолько чтобы не оказать ему снисхожденія. Судъ же, обязанный, въ виду этого снисхожденія, понизить наказаніе только *на одну степень*, понизилъ его на цѣлыя *четыре*, перескочивъ съ 1-й степени 36 статьи Уложенія о Наказаніяхъ, устанавливающей нормальную кару за преступленіе предусмотрѣнное 285 статьею, ко 2-й степени 37 статьи Уложенія, и назначилъ ее въ наименьшей, опредѣленной этою статьею, мѣрѣ, приговоривъ Выржиковскаго къ заключенію въ смирительномъ домѣ всего на два мѣсяца, и упустивъ изъ вида, что подсудимый, какъ несовершеннолѣтній (ему восемнадцать лѣтъ), и безъ того избавляется отъ ограниченія правъ, самой чувствительной части наказанія.

Мы разказали существенныя части этого столько же куріознаго сколько печальнаго дѣла, не считая нужнымъ печатать подробный отчетъ, который не замодлятъ опубликовать другія газеты.

Какой законъ давалъ право суду, послѣ рѣшенія Сената по дѣлу Вѣры Засуличъ, судить въ данномъ дѣлѣ потерпѣвшаго, а не подсудимаго, вызывать и допрашивать свидѣтелей (и притомъ воспитанниковъ) о такихъ обстоятельствахъ

которыя вовсе не служатъ къ разъясненію ни состава преступнаго дѣянія, ни обстоятельствъ смягчающихъ или отягчающихъ вину подсудимаго, и предавать воспитателя суду воспитанниковъ?

Какими соображеніями руководился судъ понижая до крайней степени наказаніе обвиняемому?

№ 255.

Москва, 13-го сентября.

Обсужденіе новаго проекта университетскаго устава вѣроятно будетъ одною изъ первыхъ законодательныхъ работъ предстоящей осенней сессіи Государственнаго Совѣта. Можно надѣяться что дѣло это, начатое почти десять лѣтъ тому назадъ, теперь наконецъ, послѣ цѣлаго ряда подготовительныхъ работъ и совершенно излишнихъ проволочекъ и колебаній, достигнетъ благополучнаго окончанія и положитъ давно ожидаемый предѣлъ вопіющему безобразію творящемуся подъ видомъ „самоуправленія“ въ нашихъ университетахъ.

Защитники злополучнаго устава 1863 года начинаютъ умолкать предъ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ наглядныхъ фактовъ обнаруживающихъ все зло которое въ теченіе двадцати лѣтъ губило учащуюся молодежь и систематически препятствовало развитію русской науки. За то все сильнѣе раздаются со всѣхъ сторонъ жалобы на то что порядки господствующіе въ нашихъ университетахъ стали невыносимы. Даже *Голосъ*, выходящій нынѣ подъ личиной *Новостей*, отстаивавшій нѣкогда всякими неправдами уставъ 1863 года какъ нѣкій неприкосновенный палладіумъ либерализма, и онъ теперь отступился отъ этого устава и обвиняетъ именно его въ плачевномъ состояніи нашего университетскаго образованія. „Какъ это ни прискорбно заявить,“ читаемъ мы въ № 142 *Новостей*, „но было бы ни съ чѣмъ несообразно скрывать что виной запустѣнія многихъ каѳедръ являются именно сами университеты и уставъ 1863 года. По этому уставу, забота о замѣщеніи каѳедръ предоставлена самимъ университетамъ, то-есть ихъ факультетамъ и совѣтамъ. Это—капитальная особенность нашихъ университетовъ въ которой всего болѣе выражается данное имъ начало самоуправленія, но которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, возлагаетъ на нихъ и очень большую отвѣтственность предъ государствомъ и обществомъ. И какъ же воспользовались университеты этимъ преимуществомъ? Воспользовались такъ что самая снисходительная критика не можетъ не отнестись къ нимъ безъ горькаго упрека. Взявъ во вниманіе всѣ извиняющія и смягчающія обстоятельства, всѣ тѣ circonstances atténuantes на которыя такъ любятъ ссылаться безусловные защитники устава 1863 года, она, критика эта, все-таки принуждена сказать что возложеніе на университеты заботы о замѣщеніи каѳедръ привело не только къ тому что многія каѳедры многіе годы, иногда полтора десятка лѣтъ и болѣе, остаются незамѣщенными *по винѣ университетовъ* (курсивъ подлинника), но и тѣ, которыя замѣщены, замѣщались нерѣдко въ ущербъ всякимъ интересамъ науки, съ предпочтеніемъ лицъ наименѣе достойныхъ наиболѣе достойнымъ и уважаемымъ.“

Не рѣдко намъ приходилось указывать на то что науки въ нашихъ университетахъ процвѣтать не могутъ по той причинѣ что большинство профессоровъ гораздо болѣе интересуются факультетскими и совѣтскими интригами, составляющими всю суть хваленаго „самоуправленія,“ чѣмъ успѣхами серіозной науки. Наши указанія назывались въ лагерѣ „либеральныхъ интеллигентовъ“ оскорбительною для господъ профессоровъ клеветой. Послушайте, однако, какъ теперь о тѣхъ же профессорахъ отзывается одинъ изъ самыхъ завзятыхъ представителей „либеральной интеллигенціи“ въ указанной выше статьѣ *Новостей*: „Борьба партій, въ которой побѣда естественно достается не людямъ науки, а интриганамъ, оттѣсняетъ отъ университетовъ лучшія силы, находя выгоду въ привлеченіи къ нимъ научныхъ и нравственныхъ ничтожностей. Сколько молодыхъ ученыхъ, выдающихся своими талантами и знаніями, было оттиснуто хотя бы въ послѣднія десять лѣтъ отъ университета и сколько профессоровъ принадлежавшихъ къ лучшимъ силамъ университета принуждены были покинуть ихъ не по чему другому какъ по невыносимой для преданныхъ наукѣ и дѣлу лицъ тираніи большинства руководимаго интригами,—и сказать трудно. Бывали случаи что изъ личныхъ дрязгъ разомъ пустѣли цѣлые

„факультеты или цѣлыми группами бѣжали „отъ воротъ университетскіе дѣятели которые составляли лучшее его украшеніе."

Кто же виноватъ въ томъ что наши университеты представляютъ такое безотрадное явленіе? Авторъ статьи *Новостей* прямо указываетъ на уставъ 1863 года, составители котораго не предвидѣли что въ „университетахъ выплывутъ на поверхность „и пріобрѣтутъ господство силы которыя „будутъ пользоваться самоуправленіемъ для „цѣлей не имѣющихъ ничего общаго съ „процвѣтаніемъ университетовъ. Просторъ „достался не наукѣ и независимостью вос„пользовались не лучшіе и истинные ея „служители. Напротивъ, и наука, и тѣ кто „оставался наиболѣе вѣренъ ей, чѣмъ „дальше тѣмъ больше оттирались на зад„ній планъ, а на переднемъ появлялись „элементы которые заставили бы содрог„нуться составителей устава."

Кто же теперь еще является защитникомъ этого негоднаго устава? И на этотъ вопросъ статья *Новостей* даетъ весьма положительный отвѣтъ: „Въ настоящее вре„мя наиболѣе рьяными защитниками не„прикосновенности устава 1863 года явля„ются именно тѣ элементы профессорскаго „сословія которые совсѣмъ не имѣлись въ „виду при его составленіи, элементы по„правшіе идею самоуправленія до господ„ства кулачества и самой грубой эксплуа„таціи преимуществъ свободнаго учрежде„нія." Итакъ, мы теперь знаемъ ради чьихъ интересовъ такъ долго тормозилось дѣло университетской реформы, и кто тѣ господа которые такъ бережно охраняютъ уставъ 1863 года. Это „университетскіе кулаки и эксплуататоры."

По проекту новаго устава, профессора будутъ назначаться правительствомъ преимущественно изъ среды приватъ-доцентовъ, заявившихъ себя своею плодотворною научною и дидактическою дѣятельностію. Наши псевдо-либералы до сихъ поръ приходили въ ужасъ при одной мысли о подобной „правительственной опекѣ." Но современные факты и воспоминанія о состояніи нашихъ университетовъ до 1863 года, то-есть о такомъ времени когда профессора назначались правительствомъ, заставили даже петербургскихъ „интеллигентовъ" измѣнить свое мнѣніе. Вотъ что мы читаемъ въ той же самой статьѣ *Новостей*:

„Если положеніе университетовъ, университетской науки и высшаго образованія у насъ неудовлетворительно, то неблагоразумно закрывать на это глаза и предоставлять злу разрастаться болѣе и болѣе. Въ положеніи нашихъ университетовъ, главнѣйшихъ разсадниковъ высшаго образованія, замѣшаны столь крупные интересы, національные, государственные и общественные, что приносить эти интересы въ жертву какой бы то ни было партійной точкѣ зрѣнія просто преступленіе. Никто не станетъ спорить что университеты наши находятся теперь въ состояніи не процвѣтанія, а весьма и весьма незавиднаго прозябанія... Развѣ есть теперь что-нибудь похожее на ту бодрость духа у профессоровъ и студентовъ какая во второй половинѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ давала себя чувствовать всему русскому обществу? Развѣ профессора имѣютъ теперь то вліяніе на слушателей? Развѣ слушатели посѣщаютъ теперь аудиторіи любимыхъ профессоровъ тысячами? Развѣ каѳедры тогда стояли въ такой мѣрѣ пустыми? Развѣ тогда было такое оскудѣніе въ громкихъ именахъ и выдающихся талантахъ? Развѣ теперь около профессоровъ группируется такая масса желающихъ ближе узнать науку студентовъ какъ это было во время нашего студенчества? Развѣ, наконецъ, теперь профессора пользуются такимъ уваженіемъ въ глазахъ слушателей и общества? То же обстоятельство что наука у насъ теперь пошла дальше и преподается во многихъ отношеніяхъ иначе ни малѣйшимъ образомъ не можетъ быть относимо на счетъ устава 1863 года, такъ какъ въ движеніи науки всего менѣе повинны русскіе университеты, и если данныя науки и результаты ея теперь сообщаются въ нашихъ университетскихъ аудиторіяхъ во многихъ случаяхъ уже не тѣ какія сообщались двадцать пять лѣтъ тому назадъ, то это происходитъ почти всецѣло отъ того что теперь не тѣ уже данныя и результаты въ *нѣмецкихъ* книгахъ, руководствахъ и журналахъ, откуда по преимуществу почерпается научная мудрость русскихъ ученыхъ, не только плохихъ и среднихъ, но даже и хорошихъ. Чѣмъ же тутъ хвастаться? Вотъ еслибы защитники полной неприкосновенности устава 1863 года доказали намъ что подъ покровомъ этого устава у насъ проявилось неизвѣстное дотолѣ въ нашей странѣ научное движеніе и воспиталась масса молодыхъ ученыхъ которая

съ успѣхомъ могла бы занять всѣ иногда много лѣтъ сиротѣющія каѳедры, это было бы другое дѣло. Но этой массы ученыхъ не видно, каѳедры остаются попрежнему вакантными, и какого-нибудь оживленнаго движенія въ наукѣ не видно ни въ столицѣ, ни въ провинціи, а скорѣе видно увяданіе или жалкое прозябаніе. Неужели, въ виду всего этого, можно оставлять дѣло высшаго образованія въ прежнемъ положеніи? Ни подъ какимъ видомъ."

Итакъ уставъ 1863 года признается никуда не годнымъ даже бывшими его друзьями, сотрудниками *Голоса* и *Новостей*, которые должны признаться что наука процвѣтаетъ не у насъ, а въ Германіи, и что даже наши хорошіе профессора читаютъ свои лекціи по нѣмецкимъ книжкамъ.

Но повѣрятъ ли читатели что въ той же самой статьѣ *Новостей*, въ которой такъ безпощадно бичуется уставъ 1863 года, уставъ этотъ отнесенъ „по всей справедливости къ лучшимъ законодательнымъ актамъ нашей эпохи возрожденія!!?" Повѣрятъ ли они что эта статья имѣетъ своею цѣлью помѣшать осуществленію университетской реформы, что она написана противъ проекта новаго устава, реорганизующаго наши университеты по образцу образцовыхъ германскихъ университетовъ. Проектъ этотъ не долженъ осуществиться потому что будто бы „духъ его, общій „складъ его законоположеній производятъ „удручающее впечатлѣніе и на безпри-„страстный взглядъ имѣющій въ виду лишь „интересы науки и высшаго образованія „кажутся рѣшительно реакціонными и не „цѣлесообразными."

Можетъ ли дальше идти цинизмъ? Мы понимали бы возраженія такихъ людей которые намъ сказали бы: „уставъ 1863 года принадлежитъ къ лучшимъ законодательнымъ актамъ потому что онъ принесъ великую пользу русской наукѣ, и замѣнять его поступившимъ въ Государственный Совѣтъ новымъ уставомъ не слѣдуетъ потому что этотъ уставъ придаетъ нашимъ университетамъ характеръ университетовъ германскихъ, которые никуда не годятся въ сравненіи съ цвѣтущимъ состояніемъ нашихъ университетовъ." Такое возраженіе противорѣчило бы истинѣ, но было бы строго логично. Теперь же намъ говорятъ: уставъ 1863 года принадлежитъ къ лучшимъ законодательнымъ актамъ, такъ какъ онъ никуда не годится и причинилъ Россіи великое, неисчислимое и непоправимое зло, а новый уставъ будетъ вреденъ для Россіи, такъ какъ онъ введетъ въ наши университеты наилучшую организацію.

Подобная защита устава 1863 года со стороны его бывшихъ друзей является для него послѣднимъ coup de grâce.

Въ нашихъ университетахъ наступила тяжелая переходная пора, когда старый законъ фактически потерялъ уже всякій авторитетъ, а новый законъ еще юридически не вошелъ въ силу. Дай Богъ чтобъ эта смутная пора какъ можно скорѣе кончилась и уступила бы мѣсто новой живительной эрѣ возрожденія.

№ 257.

Москва, 15-го сентября.

Общая стоимость сѣти нашихъ дорогъ составляетъ сумму 1.651.525.033 кредитныхъ рублей, приплата же по гарантіямъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ, хотя новыхъ значительныхъ линій не было построено въ послѣднее десятилѣтіе. Въ 1876 году приплата по гарантіямъ составляла 34.232.800 руб.; въ 1880 году она почти удвоилась, достигнувъ крупной цифры 53.228.400 руб., хотя въ это время протяженіе всей сѣти нашихъ паровозныхъ линій увеличилось лишь на нѣсколько сотъ верстъ. Замѣчаемое возрастаніе приплатъ по гарантіямъ зависитъ отъ увеличенія эксплуатаціонныхъ расходовъ. Расходы по содержанію движенія на версту дороги несравненно значительнѣе у насъ чѣмъ въ большей части европейскихъ государствъ. Эксплуатація версты нашихъ желѣзныхъ дорогъ стоитъ 6.763 руб., тогда какъ въ государствахъ находящихся въ одинаковыхъ съ нами климатическихъ и экономическихъ условіяхъ она вдвое и даже втрое менѣе. Такъ, въ Даніи эксплуатація версты рельсовыхъ путей составляетъ только 2.981 руб., въ Швеціи она еще дешевле и обходится въ 2.618 руб. Даже въ Австро-Венгріи, Италіи и Швейцаріи эксплуатаціонныя издержки много ниже чѣмъ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ.

Значительные расходы по эксплуатаціи нашихъ желѣзныхъ дорогъ не окупаются доставляемымъ ими валовымъ доходомъ. Въ этомъ отношеніи мы стоимъ позади

центральныхъ европейскихъ государствъ, такъ какъ валовой сборъ, переведенный на версту и рубли, составляетъ у насъ 10.255 кредитныхъ рублей, въ Швейцаріи онъ достигаетъ 11.795, въ Бельгіи — 12.703, въ Германіи — 14.901. Такимъ образомъ, у насъ текущіе расходы по эксплуатаціи равняются 66% валоваго дохода всей сѣти желѣзныхъ дорогъ, тогда какъ въ Германіи, напримѣръ, расходы не превышаютъ 56% и постоянно клонятся къ пониженію.

Несмотря на приведенныя цифры, свидѣтельствующія о малой доходности желѣзныхъ дорогъ у насъ сравнительно съ другими Европейскими государствами, онѣ тѣмъ не менѣе находятся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ для постепеннаго увеличенія доставляемаго ими дохода.

Къ числу факторовъ имѣющихъ вліяніе на валовой доходъ относится длина средняго пассажирскаго и товарнаго пробѣга. Провозная плата на желѣзныхъ дорогахъ, при настоящей тарифной системѣ, взимается большею частію пропорціонально разстоянію проходимому по желѣзнымъ дорогамъ пассажирами и товарами; поэтому, чѣмъ длиннѣе пробѣгъ грузовъ, тѣмъ значительнѣе получаемый съ нихъ доходъ. „Въ этомъ отношеніи наши желѣзныя дороги стоятъ въ весьма благопріятныхъ условіяхъ,“ читаемъ мы въ *Обзорѣ хода работъ по изслѣдованію желѣзнодорожнаго дѣла* (стр. 62), изданномъ коммиссіей графа Э. Т. Баранова. „Въ то время, сказано далѣе, когда въ Пруссіи средній пробѣгъ пуда груза равенъ 78 верстамъ, въ Австро-Венгріи 99, у насъ онъ достигаетъ 211 верстъ; то же самое разумѣется и относительно пассажирскаго движенія: средній проѣздъ пассажира равняется въ Пруссіи 31 верстѣ, въ Австро-Венгріи 44, у насъ 106 верстамъ.“

Отсюда ясно что наши желѣзныя дороги *могутъ* быть доходны, лишь бы эксплуатацію ихъ подчинить опредѣленнымъ правиламъ и удержать ее отъ чрезмѣрныхъ расходовъ. Въ этомъ отношеніи оказывается крайнее разнообразіе на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ. Несмотря на одинаковую поверстную доходность нѣкоторыхъ линій, стоимость эксплуатаціи на нихъ колеблется отъ 38% валоваго сбора даваемаго верстою пробѣга до 100% и выше, то-есть желѣзныя дороги даютъ въ послѣднемъ случаѣ дефицитъ требующій приплаты отъ государственнаго казначейства, которая, какъ выше показано, почти удвоилась съ восьмидесятаго года.

Если въ Россіи сѣть желѣзныхъ дорогъ имѣетъ въ сравненіи съ другими странами Европы громадное преимущество по длинѣ средняго пассажирскаго и товарнаго пробѣга, то намъ остается обратить всѣ наши усилія на созданіе такого положенія для желѣзныхъ дорогъ чтобъ ихъ расходы не поглощали всего ими выручаемаго. Наши желѣзныя дороги не только могутъ обойтись безъ содѣйствія казны, но въ силу своихъ естественныхъ условій, перевозя пассажировъ и грузы на гораздо болѣе значительное разстояніе чѣмъ рельсовые пути другихъ государствъ, должны давать доходъ который превышалъ бы размѣръ гарантированнаго имъ правительствомъ денежнаго сбора. Словомъ, у насъ желѣзныя дороги, благодаря громаднымъ пространствамъ Россіи, располагаютъ весьма благопріятнымъ условіемъ для увеличенія своихъ доходовъ, но условіе это парализуется только раздробленностью ихъ управленія, принадлежащаго многимъ концессіонернымъ компаніямъ, завѣдывающимъ сравнительно малыми по длинѣ пробѣга линіями и неразчетливо ихъ эксплуатирующимъ.

Для выхода изъ такого положенія, коммиссія графа Баранова признаетъ необходимымъ привлечь къ непосредственному руководству желѣзнодорожнымъ дѣломъ, кромѣ Министерства Путей Сообщенія, еще другія вѣдомства и выборныхъ отъ желѣзнодорожныхъ обществъ, отъ губернскихъ земствъ, отъ совѣта и комитетовъ торговли и мануфактуръ, а также отъ горнозаводскихъ и каменноугольныхъ промышленниковъ.

Изъ такого смѣшаннаго состава членовъ задумала желѣзнодорожная коммиссія создать „Высшій Совѣтъ,“ вѣдомству котораго подлежали бы: 1) разсмотрѣніе проектовъ желѣзнодорожныхъ законовъ и представленіе ихъ на Высочайшее утвержденіе; 2) самостоятельное изданіе наказовъ въ развитіе существующихъ желѣзнодорожныхъ узаконеній; 3) разсмотрѣніе и представленіе на Высочайшее утвержденіе вновь разрѣшаемыхъ концессій на сооруженіе и эксплуатацію рельсовыхъ путей; 4) обсужденіе провозныхъ тарифовъ и правилъ для внутренней и международной перевозки пассажировъ и грузовъ; 5) разсмотрѣніе

жалобъ на постановленія низшихъ учрежденій завѣдующихъ желѣзнодорожнымъ дѣломъ (ст. 20 Общаго Устава Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ).

Кромѣ этихъ общихъ функцій, касающихся законодательства, управленія и административной юстиціи въ желѣзнодорожныхъ дѣлахъ, вѣдомству „Высшаго Совѣта“ подлежали бы мелочныя распоряженія въ дѣлѣ эксплуатаціи рельсовыхъ путей при опредѣленіи порядка отправленія экстренныхъ и дополнительныхъ поѣздовъ (ст. 144 примѣчанія Общаго Устава), праздничныхъ дней, въ которые открытіе станціи необязательно (ст. 176 примѣчаніе ib.), размѣра складочной платы для грузовъ принятыхъ къ перевозкѣ съ обожданіемъ въ складѣ (ст. 178 ib.).

Такимъ образомъ, говоря словами „мотивовъ коммиссіи“ поясняющихъ предлагаемое ею введеніе новаго желѣзнодорожнаго учрежденія, „будетъ достигнуто отдѣленіе *уставной части* желѣзнодорожнаго дѣла отъ *административнаго* руководства имъ, съ тѣмъ чтобы послѣднее оставалось въ существующемъ порядкѣ, а *уставная часть* сосредоточивалась бы въ особомъ коллегіальномъ учрежденіи.“ (Мотивы стр. 6).

Но спрашивается, можно ли ожидать существеннаго улучшенія въ разорительномъ для казны настоящемъ положеніи желѣзнодорожнаго дѣла, которое какъ мы видѣли могло бы быть весьма прибыльнымъ, отъ передачи законодательства, управленія, административной юстиціи и регламентаціи мелочныхъ подробностей дѣла въ завѣдываніе учрежденія гдѣ по численности, знанію дѣла и непосредственному интересу въ нихъ, не всегда совпадающему съ общегосударственною пользой, будутъ господствовать *десять выборныхъ* отъ желѣзнодорожныхъ правленій въ общемъ составѣ 35 членовъ совѣта? Они составляютъ почти одну треть членовъ, входящихъ въ составъ проектируемаго „Высшаго Совѣта,“ между тѣмъ какъ другіе члены его, между прочимъ товарищи министровъ и директоры разныхъ департаментовъ мало свѣдущіе въ подробностяхъ желѣзнодорожнаго дѣла и отвлекаемые своими постоянными служебными обязанностями, пойдутъ на буксирѣ членовъ исключительно занятыхъ вопросами желѣзнодорожными, свѣдущихъ во всемъ что ихъ касается, и заступающихъ частный интересъ? На это обстоятельство указываютъ въ своихъ замѣчаніяхъ на „общій уставъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ“ министры Путей Сообщенія, Внутреннихъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ. „Коммиссія, замѣчаютъ они, не признаетъ за желѣзнодорожными дѣятелями даже добросовѣстнаго и умѣлаго отношенія къ дѣлу (стр. 3, 4, 23, 45), усматриваетъ въ ихъ дѣйствіяхъ произволъ (стр. 35), а иногда и всѣ *признаки преступности* (стр. 34). Непонятно поэтому какимъ образомъ окончательнымъ выводомъ изъ этихъ соображеній является предположеніе подчинить рѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ желѣзнодорожнаго дѣла сильному вліянію тѣхъ самыхъ желѣзнодорожныхъ дѣятелей которые заслужили со стороны коммиссіи столь строгое осужденіе?“

Противорѣчіе очевидное, но главный вопросъ не въ томъ: слѣдуетъ ли, и въ какомъ числѣ слѣдуетъ, включать въ проектируемый „совѣтъ“ членовъ отъ желѣзнодорожныхъ компаній. Прежде всего слѣдуетъ спросить: зачѣмъ требуется, при существованіи Министерства Путей Сообщенія, проектировать еще особое высшее правительственное учрежденіе по тому же предмету, съ такимъ оригинальнымъ составомъ, въ которомъ двѣ трети будутъ лица непонимающія дѣла или вовсе чуждыя ему, а треть лица понимающія, но заинтересованныя въ немъ болѣе или менѣе корыстнымъ образомъ? Зачѣмъ вообще громоздить учрежденіе на учрежденіе? Еслибъ оказалось что Министерство Путей Сообщенія, при его теперешней организаціи, не можетъ успѣшно завѣдывать желѣзнодорожнымъ дѣломъ, то естественнѣе было бы проектировать преобразованіе этого Министерства чѣмъ создавать параллельное учрежденіе. Организація Министерства должна быть такова чтобы вниманіе и справедливость оказывались всякому законному интересу. Желѣзнодорожныя компаніи могутъ быть представлены, гдѣ справедливо и нужно, и при Министерствѣ Путей Сообщенія.

Вообще палліативныя мѣры или полумѣры только запутываютъ дѣло и не исправляютъ, а усиливаютъ зло. Прямою цѣлью въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ должно быть освобожденіе его отъ частнаго интереса, возвращеніе его государству, то-есть выкупъ желѣзныхъ дорогъ въ казну. Къ этой цѣли должны клониться всѣ принимаемыя по этому дѣлу мѣры, а между

тѣмъ проектируемому „совѣту“ въ которомъ государственный интересъ, слабо представленный, почти подчиняется частному, предоставляется самый вопросъ о выкупѣ въ казну концедированныхъ путей (ст. 254 Общ. Уст.)...

№ 258.

Москва, 16-го сентября.

Въ Сербіи на дняхъ происходили выборы депутатовъ въ обыкновенную (малую) скупщину, на разсмотрѣніе коей будетъ предложена заключенная конференціей à quatre желѣзнодорожная конвенція съ Австро-Венгріей, Болгаріей и Турціей. Хотя по настоящее время не обнародовано еще офиціальныхъ данныхъ о результатѣ выборовъ и хотя мнѣнія по этому поводу нѣсколько расходятся въ сообщеніяхъ газетъ вѣнскихъ и пештскихъ; однако теперь не подлежитъ болѣе ни малѣйшему сомнѣнію что австрофильскій кабинетъ г. Пирочанца понесъ позорное пораженіе, такъ какъ въ числѣ избранныхъ 125 депутатовъ къ правительственной, прогрессистской партіи принадлежатъ не болѣе 30—35 членовъ. Если принять въ соображеніе что состоявшіеся на дняхъ выборы должны были служить мѣриломъ популярности правительства въ странѣ, гдѣ вскорѣ предстоятъ выборы въ „великую“ скупщину, имѣющую заняться пересмотромъ дѣйствующаго въ Сербіи устава, то пораженіе кабинета получаетъ особенное значеніе, тѣмъ болѣе что органы правительства позволяли себѣ при выборахъ всевозможныя насилія и злоупотребленія и заблаговременно, подъ разными предлогами, засадили въ тюрьмы цѣлый рядъ вожаковъ оппозиціи. Не помогли нынѣшнимъ сербскимъ правителямъ ни поддержка со стороны Австріи, ни почести оказываемыя королю Милану въ Австріи и Германіи.

Въ Австро-Венгріи результатъ сербскихъ выборовъ произвелъ весьма тяжкое, почти удручающее впечатлѣніе. Должно-быть политики Вѣны и Пешта имѣли о Сербскомъ народѣ весьма низкое понятіе разчитывая на полное отсутствіе въ немъ всякаго политическаго смысла. А еще недавно, всего съ десятокъ дней тому назадъ, офиціозныя австрійскія газеты предсказывали Сербскому правительству побѣду на выборахъ, вѣроятно полагаясь на донесенія заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ сербскихъ министровъ...

Особенное вниманіе послѣднимъ выборамъ въ Сербіи посвящаетъ офиціозная вѣнская *Presse*, получающая свои свѣдѣнія непосредственно изъ бѣлградскаго *прессъ-бюро* и служащая органомъ нынѣшнихъ сербскихъ правителей, въ особенности когда они считаютъ необходимымъ пропагандировать какую-нибудь свою затѣю за границей. Эта всевѣдущая въ сербскихъ дѣлахъ *Presse* также поражена результатомъ выборовъ и утверждаетъ что „никто, даже самый осторожный наблюдатель политическихъ дѣлъ въ Сербіи не могъ предвидѣть подобнаго результата выборовъ“ и съ сожалѣніемъ констатируетъ что министерство Пирочанца не въ состояніи болѣе остаться у дѣлъ и вынуждено подать въ отставку. Въ виду компетентности источника откуда *Presse* получаетъ свои свѣдѣнія, заявленіе это не лишено интереса.

Но какъ объяснить результатъ выборовъ, какъ объяснить антипатію Сербскаго народа къ правителямъ, которые, по словамъ вѣнскихъ газетъ, осчастливили Сербскій народъ давъ ему возможность широко пользоваться всѣми благами цивилизаціи? „Дѣло объясняется тѣмъ, говоритъ *Presse*, что народъ политически незрѣлъ, что онъ злоупотребляетъ свободными учрежденіями (какими это?) дарованными ему въ 1880 году, и что постоянно умножается число недовольныхъ нынѣшнимъ правительствомъ изъ личныхъ интересовъ.“

Чувствуя вѣроятно что всѣ объясненія неудачи австрофильскаго Сербскаго правительства не вполнѣ удовлетворительны, *Presse*, со свойственнымъ вѣнской офиціозной печати безстыдствомъ, въ заключеніе заявляетъ что оппозиція одержала побѣду благодаря мионческимъ „русскимъ рублямъ“ которые играли де при послѣднихъ выборахъ большую роль. Басня „о русскихъ рубляхъ“ столько разъ повторялась въ австро-венгерской печати, такъ опошлилась что ей врядъ ли кто вѣритъ. Что касается спеціально Сербіи и ея внутреннихъ дѣлъ, то скорѣе слѣдуетъ жаловаться на бездѣйствіе наше въ то время какъ Австрія не дремала и настойчиво обрабатывала сербскихъ министровъ.

Австрійское правительство, чуть не ежедневно конфискующее нумера неугодныхъ ему газетъ, какъ извѣстно, относится весьма снисходительно ко всѣмъ выходкамъ и безобразнымъ инсинуаціямъ печатаемымъ тѣми же газетами противъ Россіи; поэтому мы вовсе не удивляемся что *Presse* позволила себѣ при этомъ, какъ бы мимоходомъ, замѣтить что „русскими рублями было подготовлено и недавнее покушеніе на жизнь короля Милана.“ Цѣль этого замѣчанія заключается очевидно въ томъ чтобы побудить короля Милана принять „драстическія“ мѣры противъ оппозиціи, хотя бы для этого пришлось уничтожить восхваляемую австрійскими газетами конституцію. Офиціозная *Presse* высказываетъ эту мысль совершенно открыто. Исходя изъ той точки зрѣнія что оппозиціонные члены сербской скупщины угрожаютъ не только спокойствію и благосостоянію Сербіи, но и личности короля Милана, *Presse* торжественно заявляетъ что на первый планъ выступаетъ де теперь въ Сербіи salus reipublicae. „Если сербскіе радикалы, говоритъ газета, орудіе иностранной (русской) агитаціи, то мы заранѣе одобряемъ всѣ мѣры короля Милана къ охраненію порядка „какъ бы драстичны и безпощадны онѣ ни были.“ Замѣчательно что та же *Presse* не очень давно еще порицала рѣзко болгарскихъ правителей за то что въ Болгаріи не дѣйствуетъ конституціонный режимъ, и все де поэтому зависитъ „отъ произвола Русскихъ,“ а теперь она совѣтуетъ прибѣгнуть къ „драстическимъ“ мѣрамъ и разогнать сербскую скупщину за то что большинство членовъ ея не намѣрено поддерживать распоряжающихся по своему произволу и во вредъ интересамъ страны австрофильскихъ министровъ. Для австрійскихъ газетъ форма правленія остается, повидимому, на послѣднемъ планѣ когда дѣло идетъ о своихъ интересахъ.

Тревога забитая австрійскими газетами по поводу послѣднихъ выборовъ въ Сербіи весьма понятна. *Neue Freie Presse*, болѣе откровенная чѣмъ ея офиціозный товарищъ, оставляетъ въ сторонѣ значеніе совершившагося факта для Сербскаго правительства, и прямо заявляетъ что онъ имѣетъ громадное значеніе для *политики Австро-Венгріи* которой удалось де послѣ долгой борьбы „втянуть Сербію въ сферу своихъ интересовъ.“ Теперь дружбѣ Австріи съ Сербіей угрожаетъ де серіозная опасность: если даже предположить что направленіе иностранной политики Сербіи при новомъ министерствѣ не измѣнится (а это еще весьма сомнительно), то все-таки Австрія не найдетъ столь услужливыхъ и удобныхъ людей какъ нынѣшніе сербскіе министры.

Чѣмъ разрѣшится нынѣшній сербскій кризисъ, пока еще не извѣстно. Былъ слухъ что кабинетъ уже подалъ въ отставку, но слухъ этотъ затѣмъ опровергнутъ. Дѣло разрѣшится лишь послѣ возвращенія короля Милана изъ Германіи, которое послѣдуетъ вѣроятно на дняхъ. Многіе признаки указываютъ на то что Сербскій король намѣренъ поддерживать своихъ министровъ до послѣдней крайности; на это указываетъ, между прочимъ, состоявшееся на дняхъ наименованіе 44 депутатовъ назначаемыхъ самимъ правительствомъ и тотъ фактъ что король предоставилъ министрамъ *распустить* нынѣшнюю скупщину „если это понадобится.“ Коль скоро эта мѣра будетъ дѣйствительно приведена въ исполненіе, то отъ этого врядъ ли окрѣпнетъ авторитетъ короля Милана, врядъ ли успокоится эта несчастная страна, претерпѣвшая въ послѣднее время столько невзгодъ...

№ 259.

Москва, 17-го сентября.

А.

Коснувшись въ рядѣ статей преимущества взаимныхъ страховыхъ отъ огня обществъ предъ тѣми кои основаны капиталистами на началахъ акціонерныхъ, мы не разъ упоминали о *Готскомъ страховомъ обществѣ* въ Германіи. Свѣдѣнія объ уставѣ, цѣляхъ и операціяхъ этого общества мы имѣли до сихъ поръ хотя и вѣрныя, но отрывочныя, заимствованныя изъ посторонних источниковъ. Нынѣ намъ доставлены официальные документы заключающіе въ себѣ какъ уставъ Готскаго общества, со всѣми измѣненіями и дополненіями коимъ онъ подвергался со времени его изданія, такъ и балансъ общества за истекшій 1882 годъ, а также таблицы изображающія весь ходъ его операцій за первые 62 года его существованія.

Документы эти позволяютъ намъ представить нашимъ читателямъ полный обзоръ дѣятельности этого общества, который весьма поучителенъ и который нельзя не имѣть въ виду при появившейся и у насъ попыткѣ открыть Всероссійское общество взаимнаго страхованія, о которой сообщала на дняхъ корреспонденція г. Ѳ. Г. изъ Петербурга.

Готское общество, утвержденное правительствомъ Готскаго герцогства, открыло свои дѣйствія 1 января 1821 года и носитъ названіе *Германскаго Страховаго отъ огня Банка* (Feuerversicherungsbank für Deutschland). Уставъ этого банка созданъ и выработанъ готскимъ гражданиномъ Э. В. Арнольди. Цѣль Банка, согласно § 1 устава, предоставленіе всѣмъ участникамъ возможности взаимно страховать другъ у друга свое имущество отъ огня, съ тѣмъ что излишекъ уплачиваемыхъ ими премій, за покрытіемъ всѣхъ въ теченіе года пожарныхъ убытковъ и издержекъ по управленію Банкомъ, возвращается страхователямъ въ видѣ дивиденда соразмѣрно уплачиваемой каждымъ изъ нихъ преміи. Вмѣстѣ съ тѣмъ страхователи обязываются, въ случаѣ если сумма поступившихъ премій окажется недостаточною на покрытіе помянутыхъ убытковъ и издержекъ, дѣлать дополнительные взносы соотвѣтственно долѣ своего участія. Банкъ принимаетъ на страхъ недвижимое и движимое имущество во всѣхъ государствахъ входившихъ въ составъ бывшаго Германскаго Союза, въ прусскихъ провинціяхъ: Пруссіи и Познани, въ Шлезвигѣ и въ Швейцаріи (§ 2). Капиталы Банка составляются изъ уплачиваемыхъ страхователями премій, а при недостаточности послѣднихъ на покрытіе обязательствъ Банка, также изъ дополнительныхъ взносовъ взыскиваемыхъ со страхователей въ извѣстномъ размѣрѣ и въ извѣстные сроки по опредѣленію правленія Банка послѣ тщательной провѣрки годичнаго баланса (§§ 4 и 10).

Нѣтъ сомнѣнія что это послѣднее условіе не мало смущаетъ страхователей и удерживаетъ ихъ на первыхъ порахъ отъ вступленія въ союзъ страхователей долженствующихъ образовать подобный банкъ. Не вникнувъ какъ слѣдуетъ въ дѣло, многіе собственники сначала и въ Германіи предпочитали страховать свое имущество въ акціонерныхъ обществахъ, гдѣ возмѣщеніе пожарныхъ убытковъ гарантируется складочнымъ капиталомъ и гдѣ, кромѣ того, уплативъ опредѣленную, заранѣе вычисленную сумму, страхователь уже не привлекается ни къ какой матеріальной отвѣтственности въ случаѣ возрастанія потерь Общества. Вѣроятно подобныя опасенія будутъ на первыхъ порахъ удерживать и нашихъ русскихъ страхователей отъ участія въ обществѣ взаимнаго страхованія если таковое состоится.

Поэтому въ подтвержденіе высказаннаго нами прежде о прибыльности вообще страхованія если оно производится на обширномъ пространствѣ и при большомъ количествѣ отдаваемаго на страхъ имущества и о выгодности для страхователей сохранить эти прибыли при взаимномъ страхованіи въ свою пользу, считаемъ неизлишнимъ указать на нѣкоторыя данныя почерпнутыя изъ отчетовъ Готскаго банка, изъ коихъ не трудно убѣдиться что участники подобныхъ обществъ не только ничѣмъ не рискуютъ принимая на себя отвѣтственность за возможные убытки, но положительно выигрываютъ распредѣляя между собою чистую прибыль отъ вносимыхъ ими, сравнительно невысокихъ премій.

Прежде всего слѣдуетъ сказать что дополнительные взносы на случай непредвидѣнныхъ убытковъ не могутъ, по уставу Готскаго банка, превышать больше чѣмъ въ четыре раза цифру нормальной съ застрахованнаго имущества преміи; размѣръ же взносимой въ общество страховой преміи такъ ничтоженъ въ сравненіи съ преміями платимыми акціонернымъ обществамъ, въ особенности у насъ въ Россіи, что и помноженный на четыре, онъ не угрожаетъ никому разореніемъ. Но на самомъ дѣлѣ, Готскій банкъ никогда и не нуждался въ дополнительныхъ платежахъ, за исключеніемъ единственнаго случая въ теченіе шестидесяти двухлѣтняго существованія, а именно въ 1842 году, когда случился знаменитый въ лѣтописяхъ пожаръ въ городѣ Гамбургѣ; Готскій банкъ при этомъ потерпѣлъ убытокъ въ 5.500.000 марокъ, и для покрытія потерь участники внесли дополнительно 93% годовой преміи.

За то въ теченіе 62 лѣтъ своего существованія Банкъ не только ограждалъ вполнѣ своихъ участниковъ отъ пожарныхъ убытковъ, но только скопилъ для нихъ значительный запасный и огромный

резервный капиталы, но еще въ послѣднія десять лѣтъ ежегодно выдавалъ обратно страхователямъ, въ видѣ дивиденда, большую часть уплаченныхъ ими премій.

Открытый на началахъ взаимности, безо всякаго основнаго капитала, Банкъ этотъ, энергіей одного человѣка, сразу былъ поставленъ твердо. Уже въ 1821 году (годъ основанія) въ немъ было застраховано имуществъ на 40.500.000 марокъ и получено 170.000 марокъ преміи *). Чрезъ десять лѣтъ, въ 1831 году, стоимость застрахованнаго въ немъ имущества равнялась 327 милліонамъ, преміи получено 1.138.000 марокъ. Еще чрезъ десять лѣтъ, въ 1841 году, эти послѣднія цифры почти утроились: стоимость застрахованныхъ имуществъ дошла до 833 милліоновъ, а сумма преміи до 2.837.000 марокъ. Постепенно возрастая, онѣ наконецъ достигаютъ въ 1882 году колоссальной суммы 3.167.000.000 марокъ въ графѣ стоимости застрахованнаго имущества и 9.300.000 марокъ въ итогѣ поступившихъ премій.

Сопоставленіе этихъ цифръ, къ тому же, наглядно доказываетъ какъ сравнительно не дорого страхованіе въ этомъ банкѣ, и какъ процентное отношеніе взимаемыхъ премій къ стоимости имуществъ поразительно уменьшилось съ расширеніемъ операцій банка и съ увеличеніемъ числа участниковъ онаго. Въ 1821 году онъ взималъ нѣсколько менѣе $3^1/_2\%$ стоимости имущества; въ 1882 году премія стала ниже $^1/_3\%$. Этого мало; размѣръ суммъ возвращаемыхъ страхователямъ изъ премій, въ видѣ дивиденда, ежегодно увеличивается, уменьшая до ничтожности самыя преміи.

Такъ Банкъ изъ полученныхъ имъ ежегодныхъ премій выдалъ обратно страхователямъ:

Въ теченіе послѣднихъ:		средн. числ.
50 лѣтъ	1833—1882. . . .	$61,_{27}\%$
40 „	1843—1882. . . .	$66,_{98}\%$
30 „	1853—1882. . . .	$69,_{97}\%$
20 „	1863—1882. . . .	$74,_{18}\%$
10 „	1873—1882. . . .	$76,_{37}\%$

*) Въ послѣднихъ своихъ балансахъ правленіе Банка перевело всѣ свои счеты за прошедшее время на принятую теперь въ Германіи золотую валюту, *въ имперскихъ маркахъ*. Три марки при нормальномъ курсѣ равняются 94 копѣйкамъ.

Выходитъ что если со страхователя въ годъ причиталось къ уплатѣ 50 марокъ преміи, то онъ уплачивалъ банку:

Въ послѣднія	50 лѣтъ	лишь	$19,_{37}$ мар.
„ „	40 „	„	$16,_{51}$ „
„ „	30 „	„	$15,_{02}$ „
„ „	20 „	„	$12,_{91}$ „
„ „	10 „	„	$11,_{82}$ „

Подобные результаты мыслимы лишь при такомъ устройствѣ страховаго общества какимъ отличается Готскій банкъ, гдѣ всякій страхователь обращается въ участника предпріятія и большая часть прибылей не поглощается дивидендами выдаваемыми акціонерамъ и непомѣрными расходами по управленію.

Въ обществахъ взаимнаго страхованія коихъ кругъ дѣйствія распространяется на обширную территорію пониженіе страховыхъ премій неизбѣжно влечетъ за собою увеличеніе числа страхователей, а съ тѣмъ вмѣстѣ возрастаютъ и выгоды участниковъ.

Если справедливо то о чемъ намъ сообщаютъ въ помянутой корреспонденціи изъ Петербурга, если и у насъ находятся дѣятели готовые пропагандировать взаимное страхованіе на подобіе готскаго, если они дѣйствительно выработали уставъ въ общихъ чертахъ схожій съ уставомъ Готскаго банка, то дѣятели эти заслуживаютъ серіознаго вниманія.

Утвержденіе подобнаго устава еще ни къ чему не обязываетъ. Одинъ уставъ не образуетъ еще общества взаимнаго страхованія. Для этого требуется прежде всего достаточное число страхователей, на извѣстную, заранѣе опредѣленную сумму. Отыщутся таковые въ Россіи, уставъ вступитъ въ силу; въ противномъ случаѣ, никто ничего не потеряетъ. Во всякомъ случаѣ этотъ уставъ не умножитъ числа биржевыхъ цѣнностей, не увеличитъ собою игру на ихъ искусственное повышеніе или пониженіе.

Б.

Редактора-издателя *Московскаго Листка*, г. Пастухова, постигла на дняхъ чрезвычайная кара: Московскій окружный судъ 10 сентября приговорилъ его къ заключенію въ тюрьму на восемь мѣсяцевъ, признавъ его виновнымъ въ преступленіи предусмотрѣнномъ 1.039 ст. Уложенія о Наказаніяхъ, то-есть въ диффамаціи.

Г. Пастуховъ былъ привлеченъ къ суду частнымъ обвинителемъ, дивизіоннымъ адъютантомъ Н. В. Васильевымъ, который усмотрѣлъ оскорбленіе чести своей въ сообщенномъ въ № 41 *Московскаго Листка* извѣстіи о самоубійствѣ нѣкоего учителя Фенисова, отравившагося 9 февраля сего года морфіемъ. Изложивъ обстановку этого происшествія, *Листокъ* присовокупилъ что самоубійца оставилъ слѣдующую записку: „Я мою жизнь погубилъ чрезъ Николая Владиміровича Васильева, который у меня укралъ 700 р.“ Въ тотъ же день когда было напечатано это извѣстіе, въ редакцію *Листка* явился г. Васильевъ, дотолѣ незнакомый редактору, и просилъ его напечатать письмо, въ коемъ онъ, Васильевъ, не отрицая того что покойный Фенисовъ оставилъ записку помянутаго содержанія, утверждаетъ что между нимъ и покойнымъ никакихъ денежныхъ счетовъ не было, и что онъ, Васильевъ, обратился къ судебному слѣдователю, у котораго находится дѣло о самоубійствѣ Фенисова, ходатайствуя о разслѣдованіи вышеприведеннаго посмертнаго заявленія для обнаруженія его лживости.

Письмо это за подписью г. Васильева появилось на другой день въ № 42 *Московскаго Листка*. Но авторъ письма этимъ не удовольствовался и подалъ на г. Пастухова жалобу въ судъ.

И вотъ, при всей готовности г. Пастухова содѣйствовать возстановленію чести г. Васильева, при отсутствіи и тѣни умысла повредить доброму имени послѣдняго, редакторъ *Московскаго Листка* приговоренъ къ столь жестокому наказанію.

Поневолѣ вспоминается что со времени открытія новыхъ судовъ почти ни одно дѣло о диффамаціи не оканчивалось строгимъ приговоромъ. Взысканіе отъ 5 до 15 рублей съ виновныхъ редакторовъ, вотъ чѣмъ удовлетворялась бо́льшая часть лицъ обращавшихся къ суду за возстановленіемъ своей чести по поводу возмутительныхъ подчасъ нападеній со стороны нѣкотораго сорта газетъ. Такія же наказанія назначались и за оглашеніе въ печати оскорбительныхъ для должностныхъ лицъ отзывовъ объ ихъ служебныхъ дѣйствіяхъ. Видя что это ведетъ лишь къ горькой насмѣшкѣ надъ ними же, жалобщики и жаловаться перестали.

Что̀ же возмутило такъ московскихъ судей противъ редактора *Московскаго Листка?* Если ими руководило желаніе возстановить уваженіе къ статьѣ 1.039 Уложенія воспрещающей опозореніе чести, то слѣдовало ли для этого избрать такое дѣло гдѣ вся вина могла заключаться только въ неосторожности, но гдѣ не можетъ быть и тѣни злаго умысла?

№ 261.

Москва, 19-го сентября.

Печать наша вдругъ напустилась съ удивительнымъ пыломъ на корифея русскихъ соціалистовъ и революціонеровъ, извѣстнаго Петра Лаврова. Этотъ Петръ Лавровъ, артиллерійскій полковникъ и профессоръ Военной Академіи, давнымъ-давно выселился за границу, и лѣтъ, не помнимъ, двѣнадцать или пятнадцать подвизается на революціонномъ поприщѣ. Нѣтъ предмета въ покинутомъ имъ отечествѣ который не былъ бы имъ или его друзьями оболганъ и оклеветанъ. Но гг. Стасюлевичи были долготерпѣливы и не возмущались революціонными клеветами. Наоборотъ, они негодовали противъ всякаго слова въ обличеніе клеветниковъ, и неутомимо агитировали противъ всякаго дѣла клонившагося къ огражденію нашего общества и нашей школы отъ вліянія пропаганды Петра Лаврова и компаніи.

Что̀ же случилось въ эти послѣдніе дни? Умеръ Тургеневъ, и Лавровъ счелъ своимъ долгомъ почтить его память изъявленіемъ благодарности за поддержку которую тотъ оказывалъ Лаврову при изданіи соціалистскаго и революціоннаго органа *Впередъ*. И вотъ теперь только и рѣчи что объ этомъ якобы гнусномъ поступкѣ Петра Лаврова; онъ де оклеветалъ знаменитаго писателя, онъ лжецъ, злоумышленникъ, негодяй. Разыгравшееся негодованіе этихъ господъ, разумѣется, захватило и насъ. Мы оказались чуть не соумышленниками Лаврова, чуть не продиктовали ему это заявленіе. Насъ обвиняютъ зачѣмъ мы не скрыли напечатаннаго и перепечатаннаго въ иностранныхъ газетахъ сообщенія Лаврова, или зачѣмъ мы не отдѣлали Лаврова должнымъ образомъ за ложь и клевету. Увы, съ нашей стороны обличеніе революціонеровъ не было интересною новостью. Теперь вышло лучше. Мы вызвали г. Стасюлевича, en personne, выступить противъ корифея русскихъ революціонеровъ.

Г. Стасюлевичъ доходитъ въ своей ревности до того что объявляетъ дѣломъ безчестнымъ со стороны парижской радикальной газеты обнародованіе письма Лаврова. По его мнѣнію, никакой другой органъ парижской печати не рѣшился бы на это, кромѣ газеты безшабашнаго Клемансо. Прежде чѣмъ печатать это позорящее память Тургенева письмо, Клемансо долженъ де былъ потребовать отъ Лаврова доказательствъ и провѣрить ихъ.

Г. Стасюлевичъ и его друзья такъ привыкли издѣваться надъ простодушіемъ русской публики что считаютъ ее способною повѣрить будто въ нынѣшней Франціи, которая чтитъ за великій праздникъ день взятія Бастиліи, поддержка революціонному органу можетъ считаться дѣломъ безчестнымъ, и что Лавровъ своимъ сообщеніемъ, а Клемансо обнародованіемъ онаго, хотѣли бросить тѣнь на память покойнаго, а не возвеличить и прославить его, что раскрытіе факта, который требовалось держать въ секретѣ при жизни Тургенева, было съ точки зрѣнія Лаврова комомъ грязи, а не наилучшимъ вѣнкомъ какой онъ только могъ положить на гробъ покойнаго.

Грѣшные люди, мы не думаемъ чтобъ и во мнѣніи многихъ здѣшнихъ ревнителей памяти Тургенева вѣнокъ положенный Лавровымъ на его гробъ былъ обстоятельствомъ позорящимъ. Лаврову нечего смущаться укоризнами которыя теперь на него сыплются. Онъ хорошо понимаетъ что онѣ не серіозны. Вѣдь никто и не думалъ укорять его пока его сообщеніе не огласилось въ Россіи. Фактъ съ притворнымъ паѳосомъ опровергается изъ опасенія чтобъ онъ не смутилъ статистовъ скликаемыхъ къ участію въ спектаклѣ.

Впрочемъ, въ толкахъ есть и разнообразіе. Одни, какъ г. Стасюлевичъ, утверждаютъ что Лавровъ выдумалъ сообщаемый имъ фактъ. Другіе, не отрицая факта, объясняютъ его мягкосердечіемъ Тургенева, который оказывалъ де пособіе нуждавшемуся человѣку, а не дѣлу его. Исчисляютъ доходы Тургенева, и находятъ что 500 франковъ слишкомъ ничтожная сумма для поддержки революціоннаго изданія. Печатаютъ умилительный разказъ о самомъ Петрѣ Лавровѣ, который не вяжется съ ехидствомъ лжи и клеветы приписанныхъ ему самимъ г. Стасюлевичемъ.

Господа, будетъ вамъ вертѣться! Незачѣмъ отрицать фактъ сообщенный Лавровымъ, незачѣмъ и затирать его. Тургеневъ не милостыню давалъ Лаврову, который въ ней не нуждался. Пятью стами франковъ которые Тургеневъ ежегодно посылалъ въ редакцію революціоннаго журнала *Впередъ* и другими подобными щедротами онъ откупался отъ травли которая не давала ему покоя въ шестидесятыхъ годахъ и которая сразу прекратилась въ семидесятыхъ, когда Тургеневъ рѣшился платить дань Печенѣгамъ и Половцамъ.

При впечатлительности, авторскомъ тщеславіи и некрѣпкомъ характерѣ, онъ не выдержалъ оскорбленій которыми осыпали его многіе изъ нынѣшнихъ чествователей его памяти, и сдался...

Пишущій эти строки зналъ Тургенева съ молодыхъ лѣтъ. Его артистической натурѣ, изяществу его вкуса, образованному уму, былъ ненавистенъ грубый радикализмъ который началъ овладѣвать нашею литературой съ конца сороковыхъ годовъ. Кончилось тѣмъ что онъ безъ оглядки бѣжалъ изъ *Современника*, когда въ этомъ журналѣ рѣшительно водворился духъ Добролюбова и Чернышевскаго. Помнимъ съ какимъ раздраженіемъ, съ какою горечью говорилъ онъ тогда о зараждавшемся нигилизмѣ, его виновникахъ, о томъ самомъ Базаровѣ которому послѣ публично поклонился. Тогда Тургеневъ держался довольно крѣпко. Въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ высоко поднялся патріотическій духъ въ нашемъ обществѣ. Правительство, бывшее тогда еще въ полномъ обладаніи собою, впервые съ полною рѣшимостью вступало на путь національной политики, обновляя страну, ободряя и оживляя ея здоровыя силы. Но все измѣнилось въ послѣднюю половину этого десятилѣтія. Началось печальное время антирусской реакціи; духъ въ обществѣ упалъ, и къ началу новаго десятилѣтія снова овладѣло имъ растлѣніе. Семидесятые годы были періодомъ возраставшаго ослабленія правительства, упадка государственнаго духа, революціонной пропаганды которая охватила своею сѣтью всю страну и стала властью съ которою спорить было не легко.

Тургеневъ былъ художникъ по преимуществу. У всякаго свое призваніе. Политическіе интересы мало занимали его, и онъ не имѣлъ твердаго гражданскаго образа мыслей. Все достоинство его произведеній заключается въ чистой художествен-

ности. Онъ не былъ призванъ къ борьбѣ, и убѣгалъ или откупался отъ того что̀ было ненавистно ему. Сначала онъ насиловалъ себя стараясь задобрить своихъ противниковъ. Но когда оскорбленія смѣнились оваціями, то путь задабриванья сталъ легче и завлекательнѣе. Шагъ за шагомъ, бѣдный Тургеневъ дошелъ до того что преклонялъ свою сѣдую голову подъ приговоромъ буйнаго студента соціалиста, который снисходительно журилъ и поощрялъ его. Это постоитъ пятисотъ франковъ. Въ то время когда въ Россіи бѣсновались испорченные молодые люди, сами не зная чего отъ ней требуя и какому дѣлу служа, когда преступленіе совершалось за преступленіемъ, растерянное общество не знало чему вѣрить и чего ожидать, Тургеневъ переводилъ на французскій языкъ записки одного изъ этихъ несчастныхъ бѣжавшаго изъ тюрьмы за границу, и печаталъ ихъ съ уважительнымъ отзывомъ о нигилистахъ въ одномъ изъ парижскихъ журналовъ. Тургеневъ сталъ наконецъ символомъ какого-то неопредѣленнаго либерализма. Никто не заботился о его литературныхъ произведеніяхъ. Въ немъ чествовали политическаго дѣятеля какимъ онъ никогда не былъ, хотя не прочь былъ казаться таковымъ чтобы собаки не кусались, а ластились.

Напрасно издѣваются надъ пятьюстами франковъ. Чѣмъ же и куплены оваціи которыми эти господа чествовали Тургенева въ послѣдніе годы его жизни и чествуютъ теперь по смерти?

Тургеневъ обладалъ замѣчательнымъ литературнымъ талантомъ. Онъ принадлежитъ къ плеядѣ талантовъ народившихся и созрѣвшихъ въ тѣ тихія времена когда у насъ не было ни городскихъ, ни земскихъ говорилень, ни газетъ, ни революцій. Въ литературѣ мы все еще живемъ послѣдками тѣхъ временъ, а теперь таланты раждаются туго, созрѣваютъ плохо, старые же хилѣютъ и умираютъ прежде естественной смерти своихъ обладателей или сходятъ съ ума. Если талантъ Тургенева не отличался глубиною и обширностію концепцій, то произведенія его блещутъ прелестью разказа, поэзіей описаній, тонкостію отдѣлки, мастерствомъ если не въ характерахъ, то въ типахъ и положеніяхъ, тою наблюдательностію художника, которая возводитъ въ ясныя очертанія то что̀ въ жизни разбросано, растеряно и закрыто случайностями. Произведенія его далеко не всѣ равнаго достоинства. Лучшія принадлежатъ къ первой порѣ его дѣятельности. Рядъ позднѣйшихъ его произведеній представляетъ зрѣлище постепеннаго упадка. Съ той минуты когда пришлось ему *откупаться*, онъ, съ утратой свободы духа, терялъ и силу творчества. Въ послѣдній періодъ своей дѣятельности онъ писалъ какъ бы по памяти, которая все болѣе и болѣе измѣняла ему. Но какъ бы ни были значительны достоинства лучшихъ произведеній Тургенева, они, въ этомъ всякій сознается, далеко не такого свойства чтобы возводить его во всемірные геніи. Онъ не принадлежалъ къ числу начинателей какимъ былъ напримѣръ Глинка, творецъ русской музыки, которому на этихъ дняхъ закладывали памятникъ въ Смоленскѣ, что̀ обошлось безъ всероссійскихъ криковъ газетъ, безъ пышныхъ депутацій, безъ гг. Стасюлевичей, столь ревностныхъ къ отечественной славѣ и къ интересамъ искусства. Лучшія повѣсти Тургенева навсегда останутся украшеніемъ нашей литературы, но преувеличивать его значеніе до тѣхъ размѣровъ какіе хотятъ придать ему можно только съ заднею мыслію, не имѣющею ничего общаго съ литературою, въ которой однако замыкается весь талантъ и все призваніе Тургенева.

Еслибы литературныя произведенія Тургенева имѣли дѣйствительно то значеніе какое хотятъ придать имъ чтобы всю Россію поднять на ноги для тризны по немъ, то оцѣнка его генія, въ продолженіи сорокалѣтняго писательскаго поприща, не могла бы не выразиться въ чемъ-нибудь серіозномъ. Должна была бы возникнуть цѣлая литература посвященная изученію его твореній, а между тѣмъ кромѣ двухъ, трехъ статеекъ указать не на что̀. Его травили въ лучшую пору его таланта; прославлять его стали на склонѣ и не какъ художника, а какъ вождя какой-то партіи, какъ представителя европеизма и либеральныхъ идей, какъ ходячій символъ конституціи, о каковой нѣтъ и помину въ его произведеніяхъ. Ему чуть не приписывали освобожденіе крестьянъ; ему кадили какъ другу „молодаго поколѣнія,“ его превозносили за гуманныя отношенія ко всѣмъ разврацавшимъ наше полуобразованное общество тенденціямъ. Тургенева рядили въ чуждый ему костюмъ политическаго дѣятеля...

Господа, вы тѣшились надъ Тургеневымъ при жизни: постыдитесь продолжать ту же

игру на его могилѣ. Имѣйте сколько-нибудь уваженіе къ памяти умершаго человѣка. Оставьте Тургенева при его истинныхъ заслугахъ и достоинствахъ; не рядите по крайней мѣрѣ мертвое тѣло въ тотъ нарядъ въ какомъ при жизни водили вы его по улицамъ. Дайте по крайней мѣрѣ похоронить его честно...

№ 262.

Москва, 20-го сентября.

Скопленіе хлѣбныхъ грузовъ, доставленныхъ обильнымъ урожаемъ нынѣшняго года на югѣ Россіи, въ нашихъ портовыхъ городахъ Чернаго Моря, особенно въ Одессѣ, напоминаетъ о надобности учрежденія у насъ зерноподъемныхъ складовъ (элеваторовъ) съ выдачей варрантовъ, то-есть складочныхъ свидѣтельствъ и товаро-залоговыхъ записей (Pfandschein). Испытываемая нынѣ землевладѣльцами Новороссійскаго края заминка въ сбытѣ хлѣба доставленнаго ими въ Одессу для вывоза за границу происходитъ отъ временнаго отсутствія иностраннаго спроса на хлѣбные запасы, которыми переполнены частные складочные магазины. Землевладѣльцы лишены возможности удобно и скоро реализовать на деньги стоимость своихъ сельскохозяйственныхъ произведеній, а это тяжело отзывается на ихъ дѣлѣ, требующемъ для наступающаго озимаго посѣва немедленныхъ денежныхъ затратъ.

О значительности интересовъ связанныхъ съ хлѣбною торговлей Одесскаго порта свидѣтельствуютъ постоянно возрастающія цифры количества отпускаемаго отсюда за границу хлѣба. Въ 1867 году вывезено было хлѣбныхъ продуктовъ въ размѣрѣ 3.347.000 четвертей, а въ 1879 году эта цифра удвоилась и достигла 7.300.000 четвертей, что составляетъ общую сумму, въ денежной стоимости, отпускаемаго изъ Одессы за границу хлѣба около ста милліоновъ рублей ежегодно*).

Несмотря на обширность торговаго оборота съ хлѣбными грузами отправляемыми изъ Одессы на иностранные рынки, землевладѣлецъ сбывающій этимъ путемъ свои сельскохозяйственныя произведенія крайне затрудненъ въ продажѣ своего урожая. На него падаетъ цѣлый рядъ непроизводительныхъ расходовъ. Прежде всего онъ несетъ убытки отъ раструски на желѣзныхъ дорогахъ. По свидѣтельству Кіевской желѣзнодорожной подкоммиссіи, „вошедшая въ норму разсыпка хлѣба доходитъ до 4%“ (*Труды коммиссіи, Одесскій портъ*, стр. 26). Слѣдуетъ при этомъ сообразить что бо́льшая часть доставляемаго въ Одессу хлѣба перевозится по рельсовымъ путямъ. Желѣзною дорогой доставляется въ Одессу отъ 52% до 54% всего количества хлѣба вывозимаго изъ ея порта; каботажными судами доставляется около 30%, а гужомъ остальныя 18%—16% (ib., стр. 16). Такимъ образомъ, принимая общую цифру хлѣбнаго вывоза въ 8 милліоновъ четвертей, окажется что ежегодно *160 тысячъ четвертей разсыпаются* при перевозкѣ по желѣзнымъ дорогамъ, то-есть хлѣба разсыпается на сумму около *двухъ милліоновъ рублей*. „Нигдѣ, говоритъ Кіевская желѣзнодорожная подкоммиссія, разсыпка на желѣзной дорогѣ не доходитъ до такихъ колоссальныхъ размѣровъ“ (ib., стр. 26).

Другой непроизводительный расходъ падаетъ на землевладѣльца по доставкѣ хлѣба со станціи желѣзной дороги въ Одессѣ въ частные магазины и отсюда къ трюму парохода. На четверть хлѣба тратится при этомъ до полутора рубля, что составитъ около 14% всей его стоимости. Этимъ не ограничиваются затраты землевладѣльца отправившаго свой хлѣбъ для сбыта иностраннымъ покупателямъ. Онъ не имѣетъ возможности, по установившимся условіямъ хлѣбной торговли въ Одессѣ, вступить съ ними въ непосредственное сношеніе и долженъ необходимо обратиться къ содѣйствію коммиссіонеровъ берущихъ куртажъ въ размѣрѣ до 3% съ получаемой за хлѣбъ платы. Такимъ образомъ, общая сумма совершенно непроизводительныхъ накладныхъ расходовъ падающихъ на землевладѣльцевъ экспортеровъ простирается до 21% всей выручки его за проданный хлѣбъ, уменьшая слѣдовательно на цѣлую четверть возможный его доходъ отъ сельскохозяйственнаго производства. Принимая общую сумму стоимости хлѣбнаго вывоза изъ Одесскаго порта ежегодно во сто милліоновъ рублей, непроизводительныя накладныя издержки составятъ крупную цифру отъ 20 до 25 милліоновъ рублей.

*) *Труды Кіевской желѣзнодорожной подкоммиссіи, Одесскій портъ*, стр. 10.

Нигдѣ въ другихъ портахъ накладные расходы не принимаютъ такихъ огромныхъ размѣровъ. Въ Тріестѣ, Вѣнѣ и Буда-Пештѣ, напримѣръ, переработка и нагрузка зерна обходится среднимъ числомъ въ 25 к. за четверть (вмѣсто 2 р. 25 к. въ Одесскомъ портѣ); въ Чикаго, Сентъ-Франсиско, Бостонѣ, Буфало, Филадельфіи, Бальтиморѣ и въ другихъ портахъ Америки среднимъ числомъ не болѣе 23 к. съ четверти (ib., стр. 26).

Что же надо предпринять, къ какимъ мѣрамъ обратиться чтобъ избавить землевладѣльцевъ отъ этихъ громадныхъ потерь? Вопросъ этотъ имѣетъ практическое значеніе не для одного Одесскаго порта, но одинаково примѣнимъ ко всѣмъ мѣстностямъ откуда идетъ отпускъ хлѣбныхъ грузовъ за границу, такъ какъ условія отпускной торговли для всѣхъ русскихъ портовъ мало между собою разнятся, на что указываютъ гг. Геннингсъ и Мертенсъ, спеціально изучавшіе положеніе хлѣбной торговли въ обширномъ районѣ между Ригой и Царицынымъ.

Въ виду неудовлетворительнаго состоянія существующаго нынѣ способа перевозки по желѣзнымъ дорогамъ хлѣбныхъ грузовъ, изо всего количества которыхъ 4% безвозвратно теряются отъ раструски, необходимо приспособленіе товарныхъ вагоновъ къ перевозкѣ хлѣба въ ссыпную. При этомъ открывается возможность двоякаго рода сбереженія. Вопервыхъ, у землевладѣльца-отправителя сократятся расходы по покупкѣ и починкѣ мѣшковъ; вовторыхъ, значительно уменьшится убыль при перевозкѣ зерноваго хлѣба по рельсовымъ путямъ. Но при бездоходности большей части нашихъ желѣзныхъ дорогъ невозможно ожидать отъ нихъ самостоятельнаго, на свои средства, устройства новыхъ вагонныхъ парковъ для перевозки хлѣба въ ссыпную. Если даже допустить что компаніи рѣшатся затратить значительныя суммы на введеніе товарныхъ вагоновъ новаго образца, то онѣ отнесутъ произведенныя ими издержки на счетъ затратъ по эксплуатаціи, понизивъ въ этихъ предѣлахъ размѣръ своего чистаго дохода, недовыручка по которому сполна падетъ на казну, обязанную приплачивать недостающее до гарантированной суммы чистаго дохода. А потому было бы лучше еслибы за устройство товарныхъ вагоновъ въ ссыпную взялись особые предприниматели. Примѣръ тому представляетъ введеніе особыхъ вагонныхъ парковъ приспособленныхъ къ перевозкѣ спирта (товарищество Лиліенфельдъ) и нефти (товарищество Нобель), перевозимыхъ наливомъ въ цистернахъ.

Недостаточность наличныхъ денежныхъ средствъ у большинства русскихъ землевладѣльцевъ ставитъ ихъ въ зависимость отъ цѣлаго ряда посредниковъ. Мелкіе скупщики или агенты крупныхъ торговыхъ фирмъ закупаютъ хлѣбные грузы выдавая за нихъ авансомъ значительно пониженную противъ дѣйствительной стоимости цѣну. Установленіе непосредственнаго сношенія производителя съ покупщикомъ сохранитъ за первымъ всѣ скидки въ пользу посредниковъ. Самое скопленіе хлѣбныхъ грузовъ замѣчаемое теперь въ Одессѣ, хотя ставитъ землевладѣльцевъ въ затруднительное положеніе при отсутствіи покупателей, свидѣтельствуетъ однако о ихъ настойчивости пробиться помимо посредниковъ. Настоящее состояніе Одесскаго хлѣбнаго рынка, загроможденнаго привезенными грузами, служитъ сильнымъ тому доказательствомъ. До сихъ поръ закупка хлѣба на мѣстѣ его производства дѣлалась коммиссіонерами послѣ заключенія ими сдѣлокъ съ заграничными торговыми домами, такъ что привезенный въ портовый городъ хлѣбъ немедленно перегружался на суда для дальнѣйшей отправки. Значительнаго и продолжительнаго скопленія грузовъ, поэтому, быть не могло. Какъ бы ни было невыгодно для землевладѣльцевъ прибѣгать къ пособію посредниковъ въ хлѣбной торговлѣ, все же эти послѣдніе открывали сбытъ хлѣбу скупая его, хотя и по низкой цѣнѣ. Теперь же хлѣбъ въ Одессѣ лежитъ безъ оборота.

Еслибы землевладѣльцы Новороссійскаго края взяли сами въ свои руки веденіе хлѣбной торговли, то это доброе дѣло требуетъ организаціи. Не имѣя наличныхъ денежныхъ средствъ и при отсутствіи, временномъ конечно, спроса на привезенный хлѣбъ, землевладѣльцы Новороссійскаго края переживаютъ нелегкій для нихъ застой въ сбытѣ своихъ произведеній. Прямой и удобный выходъ изъ такого затрудненія дали бы имъ зерноподъемные склады (элеваторы) съ выдачей варрантовъ и товаро-залоговыхъ свидѣтельствъ. Получивъ *варрантъ*, землевладѣлецъ сдавшій свой хлѣбъ въ складъ имѣлъ бы очень

простой и легко передаваемый актъ, свидѣтельствующій о его правѣ собственности на опредѣленное количество извѣстнаго качества хлѣбнаго груза. Мало того, при временномъ отсутствіи покупщиковъ, хозяинъ привезеннаго и сданнаго на элеваторъ хлѣба, получивъ вмѣстѣ съ варрантомъ другой еще документъ, *залоговое свидѣтельство*, по цѣнѣ принадлежащаго ему зерноваго хлѣба со скидкой примѣрно 30%, безо всякихъ затрудненій могъ бы дисконтировать выданное ему свидѣтельство и получить немедленно хотя бы часть дѣйствительной стоимости своего хлѣба впредь до полученія всей его цѣны при окончательной продажѣ.

На необходимость устройства въ Одессѣ зерноподъемовъ указываетъ въ своихъ „трудахъ" Кіевская желѣзнодорожная подкоммиссія, и опредѣляетъ самую вмѣстимость ихъ въ размѣрѣ до трехъ милліоновъ четвертей (*Труды коммиссіи, Одесскій портъ*, стр. 32—33). Настоящее скопленіе хлѣбныхъ грузовъ въ Одесскомъ портѣ даетъ поводъ снова обратить вниманіе на учрежденіе сперва въ портовыхъ городахъ, а затѣмъ по всей сѣти желѣзныхъ дорогъ элеваторовъ съ выдачей варрантовъ и товаро-залоговыхъ свидѣтельствъ, что не замедлило бы отозваться благотворными послѣдствіями для сельскихъ хозяевъ.

А что стоитъ подобное устройство? Въ этомъ отношеніи интереснымъ указаніемъ можетъ служить „Общество товарныхъ складовъ," образованное въ 1872 году въ Мангеймѣ. Оно открыло свои операціи съ капиталомъ въ 300.000 талеровъ, и имѣетъ возможность выпустить въ теченіе года изъ склада товаровъ до 7 милліоновъ килограммъ (К. Геннингсъ и Ѳ. Мертенсъ, *О товарныхъ складахъ въ Ригѣ*, Спб. 1881, стр. 52—4)

Дѣло введенія у насъ зерноподъемныхъ складовъ (элеваторовъ) по особенностямъ производительности нашей страны и по недостаточности у насъ необходимыхъ капиталовъ для этого рода предпріятій должно бы предшествовать учрежденію общихъ товарныхъ складовъ, куда поступаютъ не только хлѣбные, но всякаго рода грузы предназначенные для торговаго оборота. Этимъ путемъ русскій землевладѣлецъ получитъ возможность, хотя бы только отчасти, освободиться отъ гнета иностранныхъ покупателей, не вынуждаемый необходимостью продать свой хлѣбъ за предлагаемую цѣну; онъ получитъ возможность выжидать благопріятное для сбыта время, не тяготясь скопленіемъ хлѣбныхъ грузовъ въ пунктахъ вывоза, на что жалуются теперь въ Одессѣ.

№ 263.

Москва, 21-го сентября.

Какъ явствуетъ изъ помѣщаемаго въ сегодняшнемъ нумерѣ *Московскихъ Вѣдомостей* сообщенія „о проектѣ общей организаціи управленія казенными желѣзными дорогами," составленіе этого проекта уже близится къ концу.

Предполагается отдѣлить текущія дѣла по эксплуатаціи отъ общаго завѣдыванія рельсовыми путями въ отношеніи административномъ, техническомъ и спеціально-хозяйственномъ. Текущія дѣла ведутся „мѣстными желѣзнодорожными управленіями," а общее завѣдываніе возлагается на вновь организуемое центральное „управленіе казенными желѣзными дорогами." Центральному управленію предоставляется право назначать *частныя ревизіи* казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, а равно производить расходы по эксплуатаціи и личному составу въ предѣлахъ смѣты для каждой желѣзной дороги.

Проектируемое центральное управленіе казенныхъ рельсовыхъ путей, въ свою очередь, ограничено въ своей дѣятельности участіемъ уполномоченнаго отъ Департамента Желѣзныхъ Дорогъ, который входитъ въ составъ членовъ центральнаго управленія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ когда разсматриваются проекты новыхъ сооруженій или перестройки старыхъ, введеніе новаго подвижнаго состава или измѣненіе по новымъ типамъ прежняго, основные вопросы о тарифахъ и прямомъ сообщеніи, наконецъ измѣненіе дѣйствующихъ по желѣзнымъ дорогамъ правилъ.

Въ случаѣ разногласія членовъ управленія съ представителемъ Департамента Желѣзныхъ Дорогъ, дѣло переносится на рѣшеніе министра Путей Сообщенія, который такимъ образомъ остается не только въ принципѣ, но и на дѣлѣ высшею инстанціей при рѣшеніи общихъ вопросовъ желѣзнодорожнаго дѣла.

Кромѣ того проектъ предоставляетъ министру широкое право непосредственнаго

участія въ завѣдываніи рельсовыми путями, перешедшими въ казну путемъ „общихъ ревизій“ совершаемыхъ по его распоряженію не менѣе двухъ разъ въ годъ чрезъ особую коммиссію, состоящую изъ членовъ центральнаго управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и другихъ лицъ назначенныхъ по усмотрѣнію министра.

Имѣя рѣшающее значеніе при направленіи дѣлъ относящихся къ управленію и общей желѣзнодорожной политикѣ на казенныхъ рельсовыхъ путяхъ, министръ Путей Сообщенія въ свою очередь ограниченъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ которые касаются расходовъ и отчетности по эксплуатаціи. Здѣсь онъ принимаетъ рѣшенія не иначе какъ въ *соглашеніи* съ другими министрами, именно Финансовъ и Государственныхъ Имуществъ, а также съ Государственнымъ Контролеромъ. Въ соглашеніи съ министрами Финансовъ и Государственныхъ Имуществъ утверждается росписаніе должностей и окладовъ содержанія по центральному и мѣстному управленію казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Правила счетоводства и отчетности по эксплуатаціи утверждаются по соглашенію съ министромъ Финансовъ и Государственнымъ Контролеромъ.

Таковъ въ общихъ чертахъ порядокъ управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, вводимый проектомъ окончательныхъ о нихъ правилъ, что̀ составляетъ первую его часть.

Вторая часть проекта посвящена тщательно разработанной системѣ *контроля* надъ эксплуатаціей. Какъ управленіе перешедшими въ казну дорогами распредѣлено между мѣстными и центральными учрежденіями, связанными между собою подчиненностью министру Путей Сообщенія, такъ точно контроль надъ эксплуатаціей предполагается раздѣлить на *мѣстный* и *общій*. Съ этою цѣлью „проектъ“ вводитъ при каждой изъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ особыя *мѣстныя контрольныя учрежденія*, состоящія изъ главнаго контролера, его помощника, изъ старшихъ и младшихъ контролеровъ. Общій же контроль надъ всѣми оборотами казенныхъ желѣзныхъ дорогъ сосредоточенъ въ Государственномъ Контролѣ, имѣющемъ право ревизіи состоянія дѣлъ на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ. Вся дѣятельность проектируемыхъ желѣзнодорожныхъ контрольныхъ учрежденій сосредоточивается на предупрежденіи злоупотребленій, что̀ и должно быть главною задачей контроля.

Поэтому, на обязанности желѣзнодорожнаго контроля будетъ лежать *предварительная и фактическая* повѣрка денежнаго оборота и матеріальнаго имущества казенныхъ рельсовыхъ путей. Въ особенности широкими правами въ этомъ отношеніи будутъ пользоваться „мѣстныя контрольныя учрежденія“. Имъ предполагается предоставить участіе въ разсмотрѣніи годовыхъ смѣтъ по расходамъ и доходамъ дорогъ, предварительную повѣрку ассигновокъ, наконецъ фактическую повѣрку денежныхъ оборотовъ дороги на мѣстѣ ихъ совершенія и удостовѣреніе въ цѣлости всѣхъ принадлежащихъ дорогѣ суммъ, имуществъ, матеріаловъ.

Кромѣ контроля стоящаго при началѣ каждой денежной выдачи и провѣряющаго насколько правильны производимыя казенными желѣзными дорогами издержки при составленіи для нихъ смѣтъ, проектируемыя управленія обязаны будутъ представлять ежегодно *отчеты* по эксплуатаціи министрамъ Путей Сообщенія и Финансовъ и Государственному Контролю. Эта отчетность ограничитъ возможность злоупотребленій при расходованіи тѣхъ денежныхъ суммъ, выдача которыхъ признана правильною.

Проектъ этотъ, благія послѣдствія котораго, по введеніи въ дѣйствіе содержащихся въ немъ правилъ, не замедлятъ оказаться въ улучшеніи финансоваго состоянія, пассажирскаго и товарнаго движенія по желѣзнымъ дорогамъ, даетъ поводъ опять выдвинуть вопросъ о выкупѣ въ казну нашей желѣзнодорожной сѣти. Въ настоящее время, въ казенномъ управленіи находится только 1.500 верстъ рельсовыхъ путей на 22.075 верстъ всей сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Хотя стоимость этой сѣти и достигала къ 1 января 1880 года крупной цифры 1.651.525.033 рублей, но частные капиталы составляютъ лишь 11% общаго капитала вложеннаго въ это дѣло. При этомъ задолженность концессіонерныхъ компаній у правительства и частныхъ лицъ (напримѣръ, Боровицкая дорога признана по суду *несостоятельнымъ должникомъ*) ещё болѣе облегчаетъ переходъ въ казну нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Постоянно возрастающая приплата казны по гарантіямъ настоятельно требуетъ этого перехода.

Припомнимъ законодательныя мѣры которыя принимались въ Пруссіи для огражденія казны отъ повторявшихся требованій приплаты по гарантіямъ. Въ уставахъ прусскихъ желѣзныхъ дорогъ, до перехода ихъ въ казну, совершившагося въ послѣдніе годы, содержится такое правило: „если при частномъ управленіи потребуются въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду (большею частью указанъ трехлѣтній срокъ) приплаты, то правительство можетъ прямо вступить въ управленіе такими дорогами.“

№ 264.

Москва, 22-го сентября.

Кризисъ въ Сербіи продолжается. Министерство было вынуждено подать въ отставку, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали какъ-то составится новый кабинетъ способный водворить въ странѣ миръ. Король Миланъ поспѣшилъ обратиться съ рескриптомъ на имя г. Пирочанца, выражая „глубокое сожалѣніе“ по случаю его отставки, съ благодарностію вспоминая о его „патріотическихъ“ (sic) заслугахъ и въ заключеніе торжественно возвѣщая что заслуги оказаны именно по части иностранной политики, которая всегда де была проникнута намѣреніемъ доказать Европѣ что Сербія желаетъ быть элементомъ мира и „самостоятельнаго развитія цивилизаціи.“

Такъ какъ на выборахъ одержала побѣду такъ-называемая радикальная партія, то, согласно парламентскому обычаю, во главѣ правленія должны бы стать приверженцы этой партіи. Но радикальный кабинетъ, такъ мудрствовали вѣнскія газеты придираясь къ названію „радикальный,“ невозможенъ, — невозможенъ даже въ такомъ государствѣ гдѣ давно установленъ конституціонный режимъ и гдѣ народъ политически зрѣлъ. Дѣло въ томъ что такъ-называемые радикалы въ Сербіи не обнаруживаютъ ни малѣйшаго желанія получать свои инструкціи изъ Вѣны и Пешта. Австрійскія газеты сообщаютъ что Миланъ, вслѣдъ за своимъ возвращеніемъ изъ Вѣны, гдѣ онъ „болѣе двухъ часовъ совѣщался съ австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Кальноки,“ пригласилъ къ себѣ вождей радикальной партіи и предложилъ имъ составить новый кабинетъ и управлять *внутри* предѣловъ Сербіи по своему усмотрѣнію, выставивъ непремѣннымъ условіемъ чтобъ иностранная политика Сербіи, въ особенности *интимныя* отношенія „къ могущественному сосѣду,“ ни въ чемъ не измѣнились. Вожди радикаловъ отказались наотрѣзъ подчиниться этому условію, и переговоры не удались.

Пришлось подумать о новой комбинаціи. Составленіе коалиціоннаго министерства изъ „прогрессистовъ“ (приверженцевъ Пирочанца) и радикаловъ оказалось также невозможнымъ, ибо оппозиціонные члены сербской скупщины не только не желаютъ вступать въ сдѣлку съ г. Пирочанцемъ, но намѣрены *притянуть его и товарищей къ суду* за незаконныя дѣйствія ихъ пока они находились у власти.

Партія г. Ристича слишкомъ мала, да и въ скупщинѣ у него слишкомъ незначительное число приверженцевъ, но это врядъ ли помѣшало бы королю предложить ему составленіе кабинета еслибы г. Ристичъ, въ глазахъ его королевскаго величества, не былъ „реакціонеромъ,“ такъ какъ партія его защищала дѣло митрополита Михаила. По мнѣнію короля (онъ это высказалъ въ разговорѣ съ корреспондентомъ вѣнской *Neue Freie Presse*, а офиціозная *Видело* перепечатала его слова), приверженцы г. Ристича желаютъ оградить Сербію каменною стѣной отъ „Европы“ и не относятся съ подобающимъ уваженіемъ къ западной культурѣ. Слѣдовательно и кабинетъ Ристича оказался невозможенъ, тѣмъ болѣе что австро-венгерскіе покровители питаютъ къ г. Ристичу почему-то особенную антипатію.

Въ виду всего этого, король Сербскій составилъ совершенно новый кабинетъ, принявшій конечно условіе относительно интимности съ Австріей. Шефомъ новаго кабинета назначенъ Николай Христичъ, состоявшій министромъ-президентомъ при покойномъ князѣ Михаилѣ и своимъ правленіемъ болѣе другихъ отвѣтственный за убіеніе князя Михаила въ Топчидерѣ. Въ рескриптѣ на имя удалившихся министровъ король съ нѣкоторою нѣжностію упоминаетъ объ иностранной политикѣ дружелюбной къ Австріи; поэтому неудивительно что постъ министра иностранныхъ дѣлъ порученъ одному изъ вѣрнѣйшихъ слугъ Австріи, бывшему сербскому уполномоченному въ Вѣнѣ, Богичевичу. Портфель

военнаго министра отданъ полковнику Протичу, адъютанту короля Милана, имѣющему въ сербской арміи не очень лестную репутацію человѣка безхарактернаго. Въ сущности военная часть будетъ въ рукахъ самого короля, а г. Протичъ будетъ лишь исполнителемъ его распоряженій. Что касается остальныхъ министровъ, то одинъ изъ нихъ состоялъ членомъ бывшаго кабинета Пирочанца, двое другихъ тоже очень угодны въ Вѣнѣ.

Выходитъ одно изъ двухъ: либо король Миланъ, желая выставить себя „конституціоннымъ" монархомъ, принялъ отставку кабинета, но съ тѣмъ чтобы, придравшись къ какому-нибудь поводу (каковыхъ конечно встрѣтится не мало), распустить нынѣшнюю скупщину; либо онъ считаетъ сербскую оппозицію людьми лишенными смысла и слѣдовательно неспособными понять что со вступленіемъ новыхъ министровъ въ должность перемѣнились только лица, а политика останется прежнею, то-есть „угодною Австріи и сочувственною просвѣщенной Европѣ."

Загадывать впередъ что̀ случится въ Сербіи мы не станемъ. Въ этой странѣ, какъ и вообще на Востокѣ, нерѣдко происходятъ удивительныя по внезапности событія. Не подлежитъ, во всякомъ случаѣ, сомнѣнію что кризисъ въ Сербіи этимъ не кончится, и что можно разчитывать на скорое полученіе интересныхъ новостей изъ Сербскаго королевства...

№ 265.

Москва, 23-го сентября.

Въ европейской печати, въ послѣднее время, только и рѣчи что о союзахъ для обезпеченія мира. Правительства группируются чтобъ отразить миѳическаго врага „угрожающаго миру Европы." Двойственный австро-германскій союзъ, въ которомъ будто бы еще никому не было мѣста, теперь открытъ для всякаго и распространяется на весь міръ. Прежде другихъ къ нему зачѣмъ-то примкнула Италія. Вслѣдъ за Италіей, въ „союзъ" втянута Сербія также не потому чтобъ она отъ этого могла что-нибудь выиграть, а чтобы только засвидѣтельствовать свое миролюбіе. Теперь Испанія, повидимому, становится участницей „консервативнаго" средне-европейскаго союза. Вѣнскія газеты уже нѣсколько мѣсяцевъ толкуютъ о пламенномъ желаніи Высокой Порты войти въ тотъ же союзъ, вѣроятно въ надеждѣ что Австрія не будетъ впредь снаряжать эмиссаровъ въ Салоники и Митровицу, съ которыми турецкой полиціи, по свидѣтельству англійскихъ газетъ, въ числѣ ихъ и *Standard*, въ послѣднее время приходится не мало возиться. Къ союзу привлекается и Румынія...

О сближеніи этого новаго королевства съ Австро-Венгріей и о вступленіи его въ консервативный миролюбивый союзъ сообщается въ австрійскихъ газетахъ множество свѣдѣній и глубокомысленныхъ разсужденій. Это вовсе неудивительно. Послѣ безплодныхъ попытокъ запугать Румынію „драстическими средствами," въ Вѣнѣ рѣшили перемѣнить тактику и стать любезными. Какъ въ Сербіи, гдѣ былъ „завоеванъ король," такъ и въ Румыніи австрійская печать обратила прежде всего вниманіе на „короля." Перемѣнить сразу фронтъ было бы не совсѣмъ ловко; поэтому короля, еще недавно оскорбляемаго всѣми безъ исключенія австрійскими газетами, сперва направили въ Бреславъ на маневры и въ Берлинъ, гдѣ его подготовили, а оттуда уже попросили въ Вѣну. Король пошелъ и въ первое, и во второе, и въ третье мѣсто, но сопровождавшій его министръ-президентъ Братіану доѣхалъ только до Бреслава, а оттуда по неизвѣстной причинѣ внезапно возвратился въ Букурештъ. Хотя этимъ бѣгствомъ министра-президента произведено не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе, король Карлъ былъ тѣмъ не менѣе, а можетъ-быть именно поэтому, принятъ въ Вѣнѣ съ необычайными почестями, и долгія совѣщанія его съ графомъ Кальноки обнаружили, по словамъ вѣнскихъ газетъ, что у Румыніи и Австро-Венгріи множество общихъ интересовъ, что̀ несомнѣнно поведетъ де къ тѣснѣйшему между ними сближенію. Какъ бы то ни было, но король произвелъ въ австрійскихъ политическихъ кругахъ якобы чрезвычайно пріятное впечатлѣніе и изъ „шовиниста" вдругъ сдѣлался „бдительнымъ и энергическимъ заступникомъ интересовъ, независимости и славы своей націи." Это выраженіе принадлежитъ высокоофиціозной газетѣ *Fremdenblatt*.

Прошло нѣсколько дней по отъѣздѣ короля Карла въ Букурештъ, въ вѣнскихъ газетахъ уже съ увѣренностію стали тол-

ковать о предстоящемъ свиданіи г. Братіану съ графомъ Кальноки, которое должно де состояться при проѣздкѣ румынскаго министра-президента чрезъ Вѣну на его возвратномъ пути изъ Aix-les-Bains. Такъ и случилось. Братіану, „политическая мудрость и опытность коего, по словамъ той же газеты *Fremdenblatt*, достойны всякой похвалы," дѣйствительно побывалъ на дняхъ въ Вѣнѣ. Нѣкоторыя (оппозиціонныя) газеты продолжаютъ и по сіе время утверждать что Братіану не особенно долюбливаетъ Австро-Венгрію, гдѣ застряло до трехъ милліоновъ Румынъ, и что онъ былъ *вынужденъ* пріѣхать въ Вѣну, такъ какъ король Карлъ уже успѣлъ *взять на себя кое-какія обязательства*; но офиціозныя газеты съ негодованіемъ опровергаютъ эту инсинуацію.

Къ великому неудовольствію вѣнскихъ и пештскихъ политиковъ, румынская печать отнеслась къ австрійскимъ любезностямъ безъ восторга и въ большинствѣ своихъ органовъ упорно молчитъ о политическомъ значеніи вѣнскихъ свиданій. Впрочемъ, это съ австрійской точки зрѣнія весьма неприличное молчаніе вскорѣ объяснилось. Въ разныхъ австрійскихъ газетахъ, между прочимъ во всевѣдущемъ *Пештскомъ Ллойдѣ*, внезапно явился рядъ весьма тревожныхъ извѣстій о русской агитаціи, охватившей де всю западную Румынію и дѣятельно поддерживаемой съ одной стороны фантастическими „русскими рублями," а съ другой, членами оппозиціи, во главѣ коихъ стоитъ „ярый русофилъ" Когальничану. Сказаніе это перешло и въ столбцы газеты *Fremdenblatt*, которая впрочемъ высказывается менѣе опредѣленно, но упоминаетъ о необходимости прекратить „неразборчивую на средства агитацію," которая мѣшаетъ де возстановленію вполнѣ „лояльныхъ" и дружественныхъ отношеній между Австро-Венгріей и Румыніей.

Странно что при всѣхъ любезностяхъ расточаемыхъ въ послѣднее время Румыніи австрійскія газеты въ то же время единогласно утверждаютъ что ни одинъ изъ текущихъ спорныхъ вопросовъ, напримѣръ Дунайскій, не былъ предметомъ обсужденія во время вѣнскихъ entrevues. Спеціально Дунайскій вопросъ въ послѣднее время совсѣмъ сошелъ со сцены, какъ будто бы его никогда и не бывало. Трудно полагать что австрійскіе министры нарочно пропустили удобный случай если не для рѣшенія то по крайней мѣрѣ для поднятія столь щекотливаго и, какъ охотно выражаются австрійскія газеты, „жизненнаго" для Австро-Венгріи вопроса; поэтому гораздо вѣроятнѣе что Румынія не желаетъ отказаться отъ положенія принятаго ею по вопросу о „смѣшанной" коммиссіи.

Вступленіе Румыніи въ австро-германо-италіанско... и т. д. союзъ совершилось, повидимому, только въ теоріи, и есть не что иное какъ pium desiderium австрійской политики. Если остальные участники центральнаго союза связаны между собой такъ же прочно какъ Румынія и Австро-Венгрія, то таинственный врагъ европейскаго мира можетъ не тревожиться.

№ 266.

Москва, 24-го сентября.

Въ Парижѣ и Мадридѣ шумъ и суета. Весь сыръ-боръ загорѣлся изъ-за того что Шлезвигъ-Голштинскій уланскій полкъ, шефомъ коего назначенъ императоромъ Вильгельмомъ король Альфонсъ, оставилъ по себѣ тяжелое воспоминаніе во Франціи въ 1871 году, а теперь стоитъ въ Страсбургѣ, статую котораго стоящую въ Парижѣ Французы, при всякомъ удобномъ случаѣ, закутываютъ въ черный крепъ, произнося патріотическія заклинанія.

Какъ только вѣсть о назначеніи короля Альфонса шефомъ улановъ или, какъ выражаются Французы, уланскимъ *полковникомъ*, достигла Франціи, цѣлая фаланга газетныхъ и уличныхъ агитаторовъ пустились *обрабатывать* толпу, приготовляя уличную демонстрацію королю Альфонсу.

Съ одной стороны, *несговорчивые* натравливали толпу на „короля-улана." Съ другой, два парижскіе органа, *France* и *Petite France*, инспирируемые г. Вильсономъ, зятемъ г. Греви, взывали къ оскорбленному патріотическому чувству Французовъ и требовали чтобы новому шефу нѣмецкаго уланскаго полка былъ оказанъ елико-возможно холодный пріемъ.

Отзывчивая на всякую агитацію парижская уличная толпа исполнила съ охотой и усердіемъ то чего отъ нея желали вожаки и коноводы. Она встрѣтила и проводила короля Альфонса бранью и свистками, а импотентная республиканская ад-

министрація хлопала глазами глядя на безпримѣрный скандалъ учиненный во имя „патріотическаго чувства.“

Когда въ Испанію пришла вѣсть объ оскорбленіи нанесенномъ въ Парижѣ ея государю, негодованіе вызванное этимъ прискорбнымъ фактомъ заставило Испанцевъ забыть на время ихъ домашнія распри, и органы самыхъ противоположныхъ политическихъ группъ слились въ общемъ хорѣ энергическаго протеста. Не только министерская *Iberia* (органъ Сагасты), возмущаясь безобразнымъ фактомъ, требуетъ удовлетворенія, а съ нею вмѣстѣ и всѣ консервативные и либеральные органы, какъ *Diario Espanol*, *Cronista*, *Correo*, *Epoca*, *Liberal Progresso* и другіе, но даже *El Porvenir*, органъ Сорильи, этого *несговорчиваго* Испаніи, хотя и совѣтуетъ не раздражать народныя страсти „чтобы не сыграть въ руку Германіи,“ тѣмъ не менѣе настаиваетъ на требованіи возстановить поруганную честь. Офиціозная *Correspondencia* заявила что министерство адресуетъ Франціи офиціальную ноту „протестующую и требующую наказанія виновниковъ враждебной демонстраціи.“

Кого же наказать?

Угрожающій тонъ испанской печати заставилъ, однако, призадуматься правителей „третьей республики“ о послѣдствіяхъ. Президентъ Греви, сперва весьма благодушно отнесшійся къ свисту и брани которыми граждане всемірной столицы угостили короля Альфонса отъ имени Франціи, и не выразившій ему при первомъ свиданіи даже простаго соболѣзнованія по поводу происшедшаго, на другой день поѣхалъ къ Альфонсу XII съ извиненіями, и держалъ такую рѣчь предъ юнымъ королемъ: „я явился къ вамъ просить васъ отъ имени Франціи не смѣшивать ее съ тѣми негодяями (misérables) которые уронили ея старинную репутацію демонстраціями, отъ коихъ я съ негодованіемъ отвращаюсь. Къ несчастію, наши законы безсильны подавлять подобныя манифестаціи (каково признаніе!). Прошу ваше величество дать намъ новое доказательство вашей великодушной дружбы (généreuse amitié) принявъ участіе въ банкетѣ, который соединитъ сегодня вечеромъ все правительство за моимъ столомъ, и тамъ вы увидите истинныя чувства Франціи.“

Разчеты на „великодушіе“ юнаго короля оправдались. Онъ принялъ приглашеніе, хотя въ его отвѣтѣ ясно была выражена мысль что на участіе свое въ этомъ банкетѣ онъ смотритъ какъ на privilegia odiosa своего положенія. Король сказалъ: „я согласенъ, г. президентъ, дать странѣ которую вы представляете это новое доказательство моей сердечной симпатіи, но вы позволите мнѣ послѣ этой *послѣдней жертвы* сохранить за собою полную *свободу дѣйствій*.“ Потомъ король прибавилъ: „кромѣ того, г. президентъ, для того чтобъ я могъ принять это удовлетвореніе послѣ публичнаго оскорбленія, нужно чтобы вы мнѣ разрѣшили предать гласности настоящее ваше объясненіе.“ Въ отвѣтъ на это, президентъ Греви сказалъ: „не только соглашаюсь, но прошу васъ объ этомъ.“

Въ тотъ же день король Альфонсъ имѣлъ возможность въ домѣ г. Греви „увидѣть истинныя чувства Франціи,“ и хотя *Intransigeant* увѣряетъ что „еслибы король Альфонсъ хотѣлъ познакомиться съ этими чувствами, ему слѣдовало искать ихъ не въ средѣ *ферристскихъ* министровъ, а пройтись инкогнито по улицамъ Парижа и послушать разговоры въ толпѣ,“ король повидимому остался удовлетвореннымъ и... на слѣдующій день покинулъ гостепріимную столицу Франціи.

Стараясь поддержать достоинство „третьей республики,“ газета *Temps* поспѣшила заявить что все окончилось въ порядкѣ, и что l'incident est clos.

Не всѣ, однако, такъ думаютъ. *France* напротивъ увѣряетъ что только теперь должно разыграться дѣло: нужно де теперь разчитаться (régler les comptes) съ г. Ферри, который, по мнѣнію этой газеты, компрометтировалъ Францію вызвавъ скандалъ своимъ „неумѣстнымъ усердіемъ.“

Что какіе-то „счеты“ начнутся съ министерствомъ Ферри по поводу происшедшаго скандала, это не подлежитъ сомнѣнію. Телеграфъ уже принесъ намъ извѣстіе о выходѣ въ отставку генерала Тибодена, и слухи о крушеніи министерства становятся все настойчивѣе и опредѣленнѣе. Газетами комментируется прибытіе въ Парижъ г. Фрейсине, а *République Française* прямо увѣряетъ что „г. Греви, выйдя изъ своего кажущагося или дѣйствительнаго бездѣйствія, намѣренъ создать себѣ кабинетъ по своему вкусу, соединивъ эти три имени: Вильсонъ, Тибоденъ и Фрейсине...“ Толки о томъ что въ минѣ которая подводится подъ мини-

стерство работаетъ главнымъ образомъ зять г. Греви, г. Вильсонъ, основаны на странномъ поведеніи двухъ органовъ, изъ коихъ одинъ, *Petite France*, непосредственно издается г. Вильсономъ, а другой, *France*, инспирируется имъ. Эти газеты, еще за нѣсколько дней до пріѣзда короля Альфонса, принялись обсуждать вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли президенту республики встрѣчать короля Альфонса на станціи или нѣтъ, причемъ выставлялось на видъ что такая встрѣча была бы нарушеніемъ республиканскаго этикета, а съ другой стороны сообщалось что г. Ферри настаиваетъ на торжественной встрѣчѣ. Наконецъ, наканунѣ въѣзда короля Альфонса, органъ г. Вильсона, *Petite France*, бросилъ въ публику, уже достаточно *подготовленную* и раздраженную зажигательными статьями объ „уланѣ", такую бомбу: „президентъ республики поѣдетъ на станцію Сѣверной желѣзной дороги встрѣчать Альфонса XII. Г. Греви рѣшился на этотъ шагъ по убѣжденію президента совѣта министровъ. Несмотря на живѣйшее отвращеніе (malgré les vives répugnances) обнаруженное г. Греви, онъ долженъ былъ преклониться предъ государственными соображеніями, и сдаться на убѣжденія г. Жюля Ферри.

Парижскіе санкюлоты послужили и при въѣздѣ короля Альфонса, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, орудіемъ въ рукахъ политической интриги. Умѣренные мадридскіе органы указываютъ на князя Бисмарка сумѣвшаго де столкнуть лбами Францію и Испанію; умѣренные республиканскіе органы Парижа настаиваютъ, со своей стороны, что король Альфонсъ былъ жертвой интриги г. Вильсона.

Если вѣрны предположенія парижской печати относительно мѣткости ударовъ г. Вильсона, то въ ближайшемъ будущемъ судьбы Франціи перейдутъ въ руки тріумвирата: Вильсонъ, Тибоденъ, Фрейсине. Нѣтъ сомнѣнія что это будетъ вполнѣ республиканское министерство: съ Вильсономъ публика познакомилась въ послѣдніе дни, когда онъ пріобрѣлъ популярность обнародованіемъ секретныхъ документовъ, генералъ Тибоденъ заслужилъ наименованіе республиканскаго Эспинаса и далъ доказательства своего якобинства декретомъ 23 февраля изгнавшимъ принцевъ изъ арміи, а г. Фрейсине—это старый знакомый...

№ 269.

Москва, 27-го сентября.

Ненормальное положеніе нашего университетскаго образованія признается даже тѣми людьми которые еще стараются какъ-нибудь отстоять уставъ 1863 года. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, отрицать факты которые у всѣхъ на глазахъ? Но защитники устава 1863 года, по выраженію петербургской газеты *Новости*, пытаются доказать что въ послѣдствіяхъ этихъ виновато Министерство Народнаго Просвѣщенія. Доказательства эти основаны на весьма куріозной логикѣ и не лишены нѣкотораго комизма.

Правительство даровало де уставомъ 1863 года университетамъ священное право самоуправленія и превратило ихъ такимъ образомъ въ „свободныя учрежденія." За эти „либеральныя" мѣры защитники устава 1863 осыпаютъ правительство восторженными похвалами. Прекрасно. Но, къ сожалѣнію, оказалось что интересы науки и тѣсно связанные съ ними интересы государственные и общественные были отданы въ полное распоряженіе самоуправляющихся профессорскихъ коллегій, которыя „воспользовались этимъ преимуществомъ, такъ что самая снисходительная критика не можетъ не отнестись къ нимъ безъ горькаго упрека (*Новости*, № 142)." Да, возражаютъ теперь защитники устава 1863 года, это правда, но вы забываете „что недостатки личнаго состава профессорскихъ коллегій своимъ происхожденіемъ отнюдь не обязаны уставу 1863 года. Министерство Народнаго Просвѣщенія, стоявшее на высотѣ своего призванія, конечно привлекло бы въ университеты лицъ отличныхъ ученостью и даромъ преподаванія еслибъ оно находило что профессорскія коллегіи устраняютъ подобныхъ лицъ. Министръ Народнаго Просвѣщенія и попечители округовъ,—не можетъ быть сомнѣнія,—не стали бы систематически утверждать избранныхъ совѣтами профессоровъ и доцентовъ еслибы считали тѣхъ и другихъ недостойными этого избранія" (*Русскій Курьеръ*, № 184).

Итакъ, все дѣло въ томъ что Министерство Народнаго Просвѣщенія не „стояло на высотѣ своего призванія:" оно должно было постоянно вмѣшиваться въ дарованное университетамъ самоуправленіе,

назначать своею властью профессоровъ и систематически не утверждать избранныхъ совѣтами профессоровъ и доцентовъ, а оно этого не дѣлало. Конечно, болѣе энергическое отношеніе Министерства къ дѣлу университетскаго преподаванія, въ извѣстной мѣрѣ, парализовало бы вредное вліяніе устава 1863 года и довело бы такъ-называемое самоуправленіе до пустой фикціи. Тогда конечно не было бы многихъ безобразій творившихся въ стѣнахъ университетовъ и такъ глубоко отзывающихся на государственныхъ и общественныхъ интересахъ; но за то фактически не было бы и самаго устава 1863 года. Легко вообразить себѣ тѣ отчаянные вопли и исполненные „благороднаго негодованія" протесты которые раздавались бы при энергическомъ вмѣшательствѣ власти въ дѣло университетскаго образованія. А теперь тѣ же фарисеи сваливаютъ на правительство всю отвѣтственность за злоупотребленія которыми профессорскія коллегіи прославились при пользованіи дарованнымъ имъ самоуправленіемъ!

Посмотримъ однако въ какой мѣрѣ Министерство Народнаго Просвѣщенія могло парализовать злоупотребленія на основаніи устава 1863 года. По § 72 этого устава избранные совѣтомъ университета доценты и лѣкаря утверждаются попечителемъ учебнаго округа, а избранные совѣтомъ профессора утверждаются министромъ Народнаго Просвѣщенія. „Выборъ профессоровъ," поясняетъ своимъ читателямъ *Русскій Курьеръ*,

„имѣетъ по уставу характеръ вполнѣ компетентной рекомендаціи. Конечно, объ ученыхъ и педагогическихъ способностяхъ хирурга или геометра соотвѣтствующіе факультеты могутъ судить основательнѣе чѣмъ самый высокообразованный министръ Народнаго Просвѣщенія если онъ не математикъ и не медикъ по профессіи. Въ то же время право *veto* со стороны высшихъ представителей администраціи народнаго просвѣщенія представляетъ, само по себѣ, достаточное обезпеченіе интересовъ науки и государственной власти отъ господства какой-либо партіи или чьихъ-либо эгоистическихъ интересовъ."

Вопервыхъ, въ настоящее время, выбираетъ профессора совѣтъ, гдѣ соединены всѣ факультеты, и вопросъ о хирургѣ рѣшаетъ юристъ, а о юристѣ хирургъ. Затѣмъ, можно ли серіозно говорить что „выборъ профессоровъ совѣтомъ университета имѣетъ характеръ вполнѣ компетентной рекомендаціи," когда даже *Голосъ-Новости* принуждены сознаться что „борьба партій, въ которой побѣда *естественно* достается не людямъ науки, а интриганамъ, оттѣсняетъ отъ университетовъ лучшія силы, находя выгоду въ привлеченіи къ нимъ научныхъ и нравственныхъ ничтожностей?" Если поэтому министру вовсе нельзя полагаться на „вполнѣ компетентную рекомендацію" университетскихъ совѣтовъ, то какимъ образомъ ему опредѣлить сравнительную „научную и нравственную ничтожность" избираемыхъ совѣтомъ университетскихъ преподавателей, имена которыхъ ему посылаются на утвержденіе? Да еслибъ онъ и могъ произвести эту провѣрку, еслибъ онъ и захотѣлъ воспользоваться вездѣ и всегда своимъ *veto*, то ему пришлось бы вступить въ постоянный антагонизмъ съ университетскими совѣтами, которые искали бы себѣ дешевыхъ лавровъ либеральнаго мученичества въ систематической оппозиціи „деспотизму." Трудно себѣ представить какимъ образомъ изъ этихъ безконечныхъ препирательствъ могла бы извлечь себѣ пользу русская наука. Эти препирательства еще усложнились бы еслибы министръ сталъ вновь назначать своею властью всѣхъ тѣхъ профессоровъ, „принадлежавшихъ къ лучшимъ силамъ университета," которые, по признанію *Новостей*, „принуждены были покинуть университеты не по чему другому какъ по невыносимой для преданныхъ наукѣ и дѣлу лицъ тираніи большинства руководимаго интригами." Борьба между совѣтами и министромъ шла бы все только усиливаясь, обостряясь, и по необходимости кончилась бы или предоставленіемъ университетскаго образованія въ полное, безконтрольное завѣдываніе интригановъ, или же отмѣной самоуправленія университетовъ.

Защитники устава 1863 года указываютъ еще на другое средство которымъ до „достаточно обезпечиваются интересы науки и государственной власти." На основаніи того же § 72 дѣйствующаго устава, отъ министра „зависитъ назначить во всякое время сверхштатныхъ профессоровъ изъ лицъ отличныхъ ученостью, даромъ преподаванія и удовлетворяющихъ прочимъ условіямъ требуемымъ отъ профессора." Почему же министръ не пользовался въ

обширныхъ размѣрахъ этимъ своимъ правомъ, почему онъ не назначалъ „лицъ отличныхъ ученостью и даромъ преподаванія“ на каѳедры остававшіяся незанятыми благодаря интригамъ профессорскихъ коллегій? На этотъ вопросъ, предлагаемый университетскими „эксплуататорами,“ отвѣтить не трудно. Министръ не назначалъ такихъ лицъ, вѣроятно, прежде всего потому что не хотѣлъ мѣшать самоуправленію университетовъ; а вовторыхъ, еслибъ онъ и не благоговѣлъ предъ этимъ самоуправленіемъ, то не могъ бы назначать на профессорскія каѳедры лицъ „отличныхъ ученостью и даромъ преподаванія“ по той простой причинѣ что неоткуда было взять ихъ.

Со введеніемъ новаго устава, положеніе университетовъ въ этомъ отношеніи измѣнится. Университеты будутъ открыты для свободнаго преподаванія приватъ-доцентовъ, и назначеніе новыхъ профессоровъ будетъ производиться не на основаніи только „рекомендаціи“ университетскихъ совѣтовъ и не по случайному выбору Министерства, а вслѣдствіе ученыхъ заслугъ и дара университетскаго преподаванія доказаннаго на дѣлѣ. Эта система назначенія профессоровъ, единственно разумная и практическая, давно уже испытана и оцѣнена по достоинству въ Германіи, гдѣ она, какъ извѣстно, дала блестящіе результаты. Если система свободныхъ приватъ-доцентуръ будетъ введена, вмѣстѣ съ оправдавшимся также на практикѣ въ Германіи государственнымъ экзаменомъ, то въ нашихъ университетахъ почувствуется животворное присутствіе научныхъ интересовъ и нынѣшнія лучшія университетскія силы встрепенутся отъ своей долголѣтней спячки. Конечно, новыя силы явятся не сразу. Но введеніе государственнаго экзамена и учрежденіе необходимыхъ для подготовленія къ серіозному экзамену практическихъ университетскихъ семинарій тотчасъ придастъ университетскому преподаванію иной характеръ и устранитъ характеристическій признакъ нынѣшняго университетскаго безобразія, безсмысленное зубреніе литографированныхъ лекцій. Тогда наши университеты будутъ уже выпускать изъ своихъ стѣнъ серіозныхъ научныхъ дѣятелей которые, являясь сперва приватъ-доцентами, а затѣмъ профессорами въ стѣнахъ университетовъ, Богъ дастъ, избавятъ ихъ отъ худосочнаго маразма.

№ 270.

Москва, 28-го сентября.

A.

Печатая ниже корреспонденцію изъ Одессы, находимъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ по поводу затронутаго въ ней вопроса.

Была пора когда русскіе люди могли спать спокойно утѣшаясь обиліемъ сырыхъ продуктовъ своей страны и обезпеченнымъ сбытомъ ихъ за границу, гдѣ имъ не грозило ничье соперничество. Но эти блаженныя времена прошли. Русская пшеница уже не господствуетъ безраздѣльно на всемірныхъ рынкахъ, не занимаетъ на нихъ даже перваго мѣста, отвоеваннаго Американцами. Нельзя болѣе сидѣть сложа руки, нужно принимать мѣры которыя обезпечили бы русскому хлѣбу выгодный сбытъ за границу. Что касается многихъ другихъ русскихъ сырыхъ продуктовъ, напримѣръ сала, шерсти, кожъ, то дѣла тутъ, можно сказать, приняли для насъ оборотъ еще болѣе невыгодный. Эти русскіе продукты мало того что утратили свое былое значеніе на европейскихъ рынкахъ, гдѣ мѣсто ихъ заступили австралійская шерсть и американскія кожи и сало,—они не пользуются уже нераздѣльнымъ господствомъ и на рынкахъ русскихъ: и здѣсь тѣснитъ ихъ австралійская и американская конкурренція. Сало, бывшее нѣкогда самою главною статьей нашего заграничнаго сбыта, почти перестало быть у насъ отпускнымъ товаромъ и уже появилось въ спискѣ привозныхъ. Наши шерсть и кожа еще идутъ за границу, но отпускаются туда на суммы ничтожныя сравнительно съ тѣми какія приходится уплачивать за шерсть и кожи привозимыя изъ-за границы. Мало утѣшенія въ томъ что, отпуская за границу шерсти на двѣнадцать милліоновъ рублей въ годъ, мы одновременно покупаемъ заграничной шерсти на двадцать четыре милліона. Немного утѣшительнаго и въ томъ что, отпустивъ за границу въ четырехлѣтіе 1878—1881 всякаго рода кожъ, выдѣланныхъ и невыдѣланныхъ, на четырнадцать милліоновъ рублей, мы въ то же самое четырехлѣтіе привезли изъ-за границы кожъ на двадцать шесть милліоновъ (не считая кожаныхъ издѣлій). По отношенію къ на-

званнымъ русскимъ продуктамъ ближайшая настоятельная задача состоитъ уже не въ томъ чтобы вернуть имъ прежнее значеніе на заграничныхъ рынкахъ, а чтобы закрѣпить за ними по крайней мѣрѣ русскіе рынки.

Необходимость сдѣлать что-нибудь для огражденія русскихъ кожъ, сала и шерсти отъ чужеземной конкурренціи въ русскихъ предѣлахъ была признана наконецъ и Министерствомъ Финансовъ. Состоявшимися 1 іюня прошлаго года измѣненіями въ таможенномъ тарифѣ по европейской торговлѣ установлены для упомянутыхъ русскихъ продуктовъ охранительныя пошлины.

Къ сожалѣнію, прошлогоднія измѣненія въ тарифѣ были результатомъ канцелярской работы, съ неизбѣжными для нея недостатками, просмотрами и ошибками, какъ скоро дѣло касается не кабинетнаго, а живаго, промысловаго дѣла. Хотя Министерство Финансовъ еще недавно ссылалось на свои прошлогоднія таможенныя мѣры какъ на доказательство что оно выступило на путь покровительства русской промышленности, но по незнакомству съ дѣломъ придумывавшихъ эти мѣры чиновниковъ и нежеланію или недосугу ихъ посовѣтоваться надлежащимъ образомъ со свѣдущими въ дѣлѣ и заинтересованными въ немъ людьми, иныя изъ этихъ мѣръ обратились не въ пользу, а во вредъ нѣкоторымъ отраслямъ русской промышленности. Особенно не посчастливилось кожевенному дѣлу.

Пропускавшіяся прежде изъ-за границы безпошлинно невыдѣланныя кожи, и сухія, и сырыя соленыя, обложены съ 1-го іюля 1882 года пошлиной въ 50 к. (металлическихъ) съ пуда. Для сухихъ кожъ эта пошлина кажется нѣсколько низкою чтобы можно было придавать ей охранительное значеніе; но что касается кожъ сырыхъ, то 50-копѣечная пошлина имѣетъ дѣйствительно покровительный для русскаго скотоводства характеръ. Принимая, какъ это дѣлаетъ и нашъ одесскій корреспондентъ, что въ каждомъ пудѣ сырыхъ кожъ отъ 50 до 60% по вѣсу приходится на воду, соль и мездру, составляющія негодный отбросъ, получимъ что 50-копѣечная пошлина выростаетъ тутъ до 1 р. и даже до 1 р. 25 к. съ пуда. Одинаковое тарифное обложеніе сухихъ и сырыхъ кожъ является какъ бы поощреніемъ привоза первыхъ на счетъ послѣднихъ: таможенный налогъ на сухія кожи въ 2 или $2^1/_2$ раза меньше, и еслибы возобладалъ привозъ сухихъ кожъ, то въ такомъ же размѣрѣ сократилось бы и оказанное скотоводству покровительство.

Но это одна сторона дѣла; другая важнѣе. Налогъ на привозныя невыдѣланныя кожи только въ томъ случаѣ обратился бы въ пользу нашего скотоводства еслибы влекъ за собой усиленіе домашняго спроса на русскія кожи, а спросъ этотъ на нихъ можетъ возрастать лишь при усиленіи производства нашихъ кожевенныхъ заводовъ и замѣнѣ обрабатываемаго на этихъ заводахъ привознаго сырья домашнимъ. Но если при наложеніи пошлины на привозное сырье кожевенные заводы ставятся въ явно невыгодное положеніе, при которомъ имъ не до развитія своего производства, а приходится можетъ-быть думать о его сокращеніи, тогда нечего ждать съ ихъ стороны и усиленнаго спроса на домашнее сырье. Именно съ такимъ неблагопріятнымъ явленіемъ и имѣемъ мы дѣло въ настоящемъ случаѣ.

Обложивъ привозныя *невыдѣланныя* кожи 50-копѣечною пошлиной, которая, какъ сказано, для сырыхъ кожъ обращается въ 1 р. и 1 р. 25 к., составители прошлогоднихъ измѣненій въ тарифѣ забыли или не догадались возвысить одновременно въ соотвѣтственномъ размѣрѣ пошлины на привозныя *выдѣланныя* кожи, ограничившись касательно ихъ простымъ округленіемъ прежнихъ пошлинъ, назначеніемъ 9 руб. вмѣсто 8 руб. 80 коп. и 5 руб. вмѣсто 4 р. 84 к. Понятно какъ должно было это отозваться на нашихъ кожевенныхъ заводахъ. При повышеніи пошлины съ привозныхъ выдѣланныхъ кожъ всего на 16—20 коп. металлическихъ, наши кожевенные заводчики не могутъ поднять цѣну выдѣлываемыхъ ими кожъ болѣе чѣмъ на 23—30 коп. кредитныхъ, а между тѣмъ стоимость каждаго пуда выдѣлываемаго ими товара для нихъ самихъ возрасла не на какія-нибудь 20—30 коп., а на 2 и на 3 рубля, по разчету приводимому ниже въ корреспонденціи изъ Одессы. Вотъ положеніе въ какомъ очутились наши кожевенные заводчики вслѣдствіе прошлогоднихъ измѣненій въ таможенномъ тарифѣ, которыя оказались въ явный подрывъ имъ и въ поощреніе ихъ иностраннымъ конкуррентамъ на русскихъ

рынкахъ. Неуравновѣшенное надлежащимъ повышеніемъ пошлинъ на выдѣланныя кожи, наложеніе пошлинъ на невыдѣланныя кожи и дубильныя вещества (древесную кору, желуди и проч.) есть не что иное какъ ослабленіе таможенной охраны для нашего кожевеннаго производства, которое между тѣмъ едва ли не нуждается, наоборотъ, въ усиленіи этой охраны. Отсюда понятны ходатайства съ которыми кожевенные заводчики разныхъ промышленныхъ округовъ обращаются въ Министерство Финансовъ, прося объ отмѣнѣ тѣхъ изъ принятыхъ прошлаго года таможенныхъ мѣръ которыя отозвались на нихъ столь невыгодно

Полагаемъ что интересы весьма важнаго въ Россіи кожевеннаго производства будутъ приняты въ уваженіе, но такимъ образомъ чтобы при этомъ не были забыты и принесены въ жертву не менѣе, но еще болѣе важные интересы нашего скотоводства. Поэтому думаемъ что рѣчь должна идти не объ отмѣнѣ принятой прошлаго года таможенной мѣры, но объ ея исправленіи. Нужна не отмѣна установленной пошлины съ привозныхъ невыдѣланныхъ кожъ; нужно повышеніе пошлины съ привозныхъ выдѣланныхъ кожъ не на пятіалтынный или двугривенный, а, напримѣръ, на 2 или на 3 рубля, такъ чтобы привозъ иностранныхъ выдѣланныхъ кожъ сокращался, поощряя развитіе домашней ихъ выдѣлки и притомъ преимущественно не изъ привознаго, а изъ домашняго сырья. Только такое рѣшеніе вопроса, думаемъ, было бы безобидно для обѣихъ сторонъ и соотвѣтствовало бы нашимъ нынѣшнимъ экономическимъ условіямъ.

Только такимъ рѣшеніемъ вопроса могутъ быть достигнуты тѣ цѣли съ которыми, сколько извѣстно, были предприняты самыя измѣненія сдѣланныя въ таможенномъ тарифѣ съ 1 іюля 1882 г.: 1) развить существующую промышленность,—и 2) вызвать русскихъ промышленниковъ къ устройству новыхъ заводовъ для выдѣлыванія *изъ матеріаловъ исключительно добываемыхъ изъ почвы Имперіи* тѣхъ многочисленныхъ произведеній которыя до сего времени получались изъ-за границы. Для развитія кожевенныхъ заводовъ нужно повышеніе пошлины на привозныя выдѣланныя кожи; для того же чтобы кожевенные заводчики перерабатывали преимущественно русское сырье необходима достаточно высокая пошлина на привозныя невыдѣланныя кожи.

Что касается пошлины на привозныя дубильныя вещества, то мы затрудняемся высказать о ней какое-либо мнѣніе, не зная въ какихъ видахъ она установлена: трудно допустить чтобы въ фискальныхъ, ибо казенный доходъ по этой статьѣ слишкомъ ничтоженъ и едва ли можетъ превысить 25 или 30 тысячъ рублей въ годъ; но также трудно допустить чтобъ эта пошлина была установлена въ видахъ покровительства сдиранію коры съ дубковъ и всякой приречной поросли, когда у насъ такъ заботитъ всѣхъ вопросъ о лѣсохраненіи и объ устраненіи причинъ ведущихъ къ обмелѣнію рѣкъ и высыханію источниковъ.

Б.

Ниже читатели найдутъ статью г. Лароша посвященную характеристикѣ Михаила Ивановича Глинки и вызванную недавнимъ торжествомъ закладки памятника ему въ Смоленскѣ. Какъ ни скромны были размѣры этого торжества, привлекшаго весьма небольшое число иногородныхъ посѣтителей и не вызвавшаго въ нашей печати никакого отклика дальше фактическихъ отчетовъ о происходившемъ на праздникѣ, самый фактъ сооруженія памятника величайшему изъ русскихъ музыкантовъ составляетъ одинъ изъ тѣхъ отрадныхъ симптомовъ нравственнаго выздоравливанія которые въ послѣднее время все чаще случается наблюдать въ русскомъ обществѣ. Еще недавно съ высоты журнальныхъ каѳедръ искусство было объявлено празднымъ и дѣтскимъ баловствомъ, и въ публикѣ люди озабоченные тѣмъ чтобы показать что они не отстали отъ успѣховъ современной мысли наперерывъ глумились надъ „стишками", „лирикой" и „эстетикой". Казалось, мы были на дорогѣ къ полному одичанію; казалось, мы стремились стать на уровень тѣхъ не имѣющихъ исторіи народовъ для которыхъ ежедневное удовлетвореніе физическихъ потребностей составляетъ единственную цѣль жизни и предѣлъ вожделѣній. Но если посѣтившее насъ умопомраченіе было ужасно, оно къ счастію было и непродолжительно. Немного лѣтъ послѣ того какъ журнальная критика объявила Пуш-

кина пустымъ и безсодержательнымъ стихоплетомъ, освященіе его памятника было встрѣчено всеобщимъ взрывомъ неподдѣльнаго энтузіазма. Теперь мы вспомнили другой долгъ лежавшій на Русскомъ народѣ: мы принялись строить памятникъ нашему музыкальному Пушкину, создателю русской музыки какъ самобытной національной школы, равноправной съ западно-европейскими и богатой пріобрѣтеніями длиннаго ряда вѣковъ. Недавно многіе у насъ отказывали въ правѣ на существованіе всякому искусству, даже поэзіи, имѣющей такъ много точекъ соприкосновенія съ разнообразнѣйшими интересами жизни и мысли; теперь мы преклоняемся предъ самымъ отдаленнымъ отъ практической сферы, самымъ безплотнымъ и идеальнымъ изъ искусствъ, предъ музыкой. Нельзя не признать многознаменательность такого явленія. У насъ въ особенности послѣдніе годы ознаменовались оживленіемъ музыкальной дѣятельности: возникаютъ все новыя музыкальныя общества, музыкальныя училища, оперные театры, и можно надѣяться что богатыя музыкальныя силы дремлющія въ нашемъ народѣ не будутъ уже пропадать втунѣ, какъ большею частію пропадали до сихъ поръ. На ряду съ провозглашеніемъ самаго грубаго и циническаго утилитаризма, на глазахъ нашихъ разцвѣтаетъ искусство наиболѣе отдаленное отъ базарной суеты будничныхъ интересовъ, наиболѣе погруженное въ „звуки сладкіе“ и „молитву“. Идеальные интересы не такъ заглохли въ насъ какъ мы сами, въ ослѣпленіи нашемъ, порой этого желали; чувство изящнаго, потребность гармоніи и красоты оказывается въ насъ сильнѣе тенденціознаго безвкусія, напускнаго пристрастія къ безобразному, и эстетическія наслажденія, вчера еще осмѣянныя нами въ теоріи, сегодня на практикѣ порабощаютъ насъ своимъ всесильнымъ очарованіемъ. Будемъ надѣяться что эта любовь къ прекрасному, восторжествовавшая надъ предразсудкомъ и заблужденіемъ, не преминетъ оказать благодѣтельное воспитательное дѣйствіе на грядущія поколѣнія и что она окажется могущественною союзницей цивилизаціи въ борьбѣ съ тѣмъ варварствомъ къ которому хотятъ воротить насъ разрушительныя теоріи и разрушительные инстинкты.

№ 271.

Москва, 29-го сентября.

Вслѣдъ за присоединеніемъ Батума къ русской территоріи послѣ Турецкой кампаніи 1877—78 годовъ, у насъ въ юго-восточномъ углу Чернаго Моря оказались два порта поставленные, въ силу естественнаго своего положенія, во взаимно конкуррирующее отношеніе. Поти и Батумъ имѣютъ свои особенныя условія развитія, воспользоваться которыми не для подавленія дѣятельности одного порта въ пользу другаго, но съ цѣлью извлечь отъ каждаго изъ нихъ возможныя выгоды въ государственномъ и торговомъ отношеніяхъ,—составляетъ задачу общей политики, стоящей всегда выше одностороннихъ мѣстныхъ разчетовъ и выгодъ. Изъ сравненія Поти и Батума въ топографическомъ, экономическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ выяснится чего можно ожидать отъ каждаго изъ нихъ въ будущемъ и въ чемъ поэтому желательно оказать имъ поддержку для правильнаго развитія.

Въ смыслѣ административномъ преимущество Потійскаго порта предрѣшено въ силу Высочайшаго повелѣнія объ обращеніи города Батума во второклассный военный портъ наравнѣ съ городомъ Севастополемъ (*Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ*, т. VII). Такимъ образомъ обсужденію можетъ подлежать только вопросъ о топографическихъ условіяхъ и экономическомъ значеніи двухъ смежныхъ портовъ, Поти и Батума.

Въ отношеніи топографическомъ безспорно Батумъ имѣетъ преимущество надъ Поти. Расположенный при впаденіи въ Черное Море рѣки Ріона, городъ Поти стоитъ у совершенно открытаго рейда, въ которомъ морскія суда не защищены отъ дѣйствія бурь. „Неудобства Ріонскаго бара и открытаго Потійскаго рейда парализуютъ всѣ преимущества Поти, вызывая высокіе фрахты, вслѣдствіе неопредѣленности срока стоянки и малой безопасности рейда зимой и осенью и вслѣдствіе накладнаго расхода на выгрузки съ рейда“ (*Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ*, т. VII).

Топографическое положеніе Батумской бухты командиръ Батумскаго порта контръ-адмиралъ Греве описываетъ такимъ образомъ: „Бухта самою природой создана такъ что даже безо всякихъ искусственныхъ,

милліоны стóящихъ сооруженій она представляетъ собой *портъ-убѣжище*, вполнѣ покойный и безопасный, въ который входить и изъ котораго выходить могутъ при самыхъ жестокихъ и противныхъ вѣтрахъ не только пароходы, но и парусныя суда, чего нельзя сказать даже про славную Севастопольскую бухту и чего не могутъ достигнуть никакими сооруженіями инженеры въ Поти."

На устройство порта въ Поти, начиная съ 1872 года (когда не могло еще быть рѣчи о преимуществахъ Батумской бухты, находившейся во власти Турціи) и до настоящаго времени израсходовано казной до *пяти милліоновъ рублей*, а портъ все еще не оконченъ. Для довершенія же его „помимо всѣхъ сооруженій нынѣ производимыхъ, потребуется *10 милліоновъ рублей*" (*Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ*, т. VII).

Изъ сдѣланнаго сравненія преимущество Батума надъ Поти въ топографическомъ отношеніи становится очевиднымъ. А съ этимъ вмѣстѣ стоитъ въ тѣсной связи экономическое значеніе обоихъ портовъ, Батумскаго, созданнаго условіями береговой линіи, въ которую врѣзалась бухта, и Потійскаго, открытаго дѣйствію непогоды, гдѣ стоянка для судовъ опасна.

Въ экономическомъ отношеніи Поти и Батумъ имѣютъ значеніе мѣстъ отправленія русскихъ товаровъ за границу.

Главнѣйшими предметами вывоза чрезъ Поти и Батумъ являются нефть и хлѣбные грузы. „До 1881 года вовсе не было сбыта батумскаго керосина чрезъ Поти. Съ открытіемъ Бакинскаго участка желѣзной дороги, бакинскій керосинъ получитъ возможность конкуррировать съ американскимъ въ портахъ Чернаго Моря и во всемъ бассейнѣ Средиземнаго моря. Теперь, съ открытіемъ Батумскаго участка желѣзной дороги, керосинъ нашъ направится на Батумъ" (*Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ*, т. VII, стр. 10).

Слѣдовательно желѣзныя дороги соединяющія Поти и Батумъ съ Баку имѣютъ рѣшающее значеніе въ направленіи грузовъ къ расположеннымъ на близкомъ другъ отъ друга разстояніи двумъ портамъ на Черномъ Морѣ. Длина пробѣга для грузовъ отъ Поти до Баку равняется 810 верстамъ (Поти-Тифлисскій участокъ 296 верстъ и Бакинскій 514 верстъ), до Батума это разстояніе, по вѣтви отъ Самтреди въ 99 верстъ, длиннѣе на *37 верстъ*. На этой разницѣ въ разстояніи по желѣзной дорогѣ держится все преимущество въ экономическомъ отношеніи Потійскаго порта надъ Батумскимъ. Но это преимущество не въ состояніи будетъ сохранить за Потійскимъ портомъ нефтяныхъ грузовъ, которые направятся къ болѣе удобному по естественнымъ своимъ условіямъ порту Батумскому, гдѣ, вслѣдствіе меньшей опасности для стоянки судовъ, взимаются фрахты за доставку нефти далѣе за границу несравненно ниже чѣмъ это дѣлается въ Поти.

Что касается отпуска хлѣбныхъ грузовъ, то до настоящаго времени эта отрасль промышленности еще очень мало развита въ Поти и почти не существуетъ въ Батумѣ. Но причина этого лежитъ вовсе не въ условіяхъ самихъ портовъ, а въ мало развитой на Кавказѣ земледѣльческой промышленности, еще ожидающей дѣятельныхъ лицъ для поднятія ея на ту степень которой она можетъ достигнуть при благопріятныхъ условіяхъ почвы и климата Кавказа. Въ самомъ дѣлѣ, Поти въ 1881 году имѣлъ оборотъ хлѣбныхъ грузовъ около трехъ милліоновъ пудовъ (*Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ*, т. VII, стр. 12).

Такъ какъ въ силу Высочайшаго повелѣнія Батумъ обращенъ во второклассный военный портъ наравнѣ съ Севастополемъ и для удобной стоянки военныхъ судовъ неизбѣжно будутъ сдѣланы надлежащія приспособленія, то естественно возникаетъ мысль, нельзя ли воспользоваться удобною и огражденною отъ морскихъ волненій Батумскою бухтой не для однѣхъ только военныхъ, но также для торговыхъ цѣлей. Преимущественное движеніе на Батумъ бакинской нефти, теряющей отъ удлиненія пути, но за то выигрывающей на низкихъ фрахтахъ, заставляетъ обратить вниманіе на коммерческое значеніе Батумскаго порта.

Близко стоящее къ этому вопросу лицо, занимающее мѣсто командира Батумскаго порта, контръ-адмиралъ Греве рѣшительно склоняется въ пользу осуществленія такихъ береговыхъ сооруженій которыя дали бы Батуму вмѣстѣ со значеніемъ военнаго порта также положеніе торговой гавани.

Но для того чтобы можно было воспользоваться благопріятнымъ для мореплаванія положеніемъ Батумской бухты необходимо оградить ее отъ засоренія вслѣдствіе песчаныхъ наносовъ, причиняемыхъ морскимъ прибоемъ и отъ скопленія въ бухтѣ кам-

ней, ила, песку, приносимыхъ впадающими въ нее горными рѣками. Вслѣдствіе этого контръ-адмиралъ Греве указываетъ на необходимость сооруженія въ Батумѣ двухъ молловъ, одного—для огражденія отъ морскихъ наносовъ, другаго—для защиты отъ засоренія горными рѣками. Моллы должны имѣть военные форты.

Нельзя не согласиться съ правильностью всѣхъ этихъ техническихъ соображеній. Но за ними выступаетъ другой не менѣе важный вопросъ: кѣмъ и на чей счетъ должны быть исполнены всѣ эти сооруженія. Вопросъ конечно касается только тѣхъ изъ нихъ которыя предназначаются для цѣлей коммерческихъ, такъ какъ стратегическія сооруженія несомнѣнно могутъ быть произведены исключительно на счетъ казны и подъ наблюденіемъ государства. Но и коммерческія сооруженія, исключительно предназначаемыя для развитія торговаго значенія Батума, не могутъ быть сданы отдѣльнымъ частнымъ предпринимателямъ или даже компаніи, хотя бы желѣзнодорожной, такъ какъ всѣ они исключительно заинтересованы своими разсчетами и врядъ ли въ состояніи возвыситься до соображеній общей пользы, которою руководствуется въ своихъ мѣропріятіяхъ надо всѣми интересами господствующая государственная власть. По этимъ основаніямъ нельзя не согласиться съ почтеннымъ командиромъ Батумскаго порта контръ-адмираломъ Греве, возражающимъ противъ передачи въ частныя руки сооруженій необходимыхъ для поддержанія торговаго значенія Батумскаго порта. Эта мысль стóитъ того чтобы на нее было обращено серіозное вниманіе въ виду тѣхъ усиленныхъ ходатайствъ которыя возникли въ послѣднее время о предоставленіи частнымъ предпринимателямъ исполненія портовыхъ сооруженій въ Батумской бухтѣ.

№ 272.

Москва, 30-го сентября.

Каждый день приходятъ съ разныхъ сторонъ горькія жалобы: нѣтъ цѣнъ на хлѣбъ вслѣдствіе отсутствія на него обычнаго спроса.

Точно такія же жалобы раздавались у насъ повсемѣстно и годъ тому назадъ. И тогда, какъ теперь, мы имѣли дѣло со слабымъ спросомъ и крайне низкими цѣнами на хлѣбъ. Но между этими двумя послѣдовательными однородными явленіями замѣчается большая разница въ причинахъ которыми они вызваны. Въ прошлогоднемъ кризисѣ некого было винить: онъ былъ результатомъ непредотвратимыхъ случайностей неблагопріятныхъ для нашей отпускной хлѣбной торговли. Въ нынѣшнемъ кризисѣ, можно сказать, виноваты мы сами: его можно было предвидѣть и если не вполнѣ, то въ значительной мѣрѣ предупредить и предотвратить.

Въ прошломъ году обстоятельства такъ сложились что ни оживленнаго спроса, ни хорошихъ цѣнъ нельзя было и ожидать. Минувшій годъ по условіямъ всемірнаго хлѣбнаго рынка былъ годомъ исключительнымъ, совершенно выходящимъ изъ ряда вонъ. Почти во всѣхъ странахъ обыкновенно нуждающихся въ привозномъ хлѣбѣ оказался изобильный, почти небывалый урожай, почему и спросъ тамъ на привозный хлѣбъ не могъ не сократиться въ сильной степени; между тѣмъ тотъ же самый годъ ознаменовался необычайно обильнымъ урожаемъ хлѣба и въ Америкѣ, стало-быть усиленнымъ привозомъ американскаго хлѣба на европейскіе рынки, къ вящему пониженію на нихъ хлѣбныхъ цѣнъ. Болѣе неблагопріятныя обстоятельства для русскаго хлѣбнаго отпуска трудно себѣ представить. По выгоднымъ цѣнамъ отпускать хлѣбъ за границу было невозможно; нашъ хлѣбъ могъ идти туда только за безцѣнокъ.

Въ нынѣшнемъ году мы не видимъ ничего подобнаго: и въ Америкѣ не оказалось большаго урожая, и западная Европа не можетъ похвалиться повсемѣстно богатыми жатвами. При такихъ условіяхъ можно было бы ожидать и хорошаго спроса на русскій хлѣбъ, и хорошихъ цѣнъ на него. Если ихъ нѣтъ, то главная причина этого въ томъ что хлѣбными рынками завладѣла спекуляція располагающая огромными, пріобрѣтенными задешево, свободными хлѣбными запасами и стало-быть имѣющая возможность по произволу устанавливать и ронять хлѣбныя цѣны. Но особенную силу эта спекуляція получила именно благодаря намъ. Мы помогли ей заготовить тѣ огромные запасы хлѣба которые тяготѣютъ нынѣ на рынкахъ къ нашей невыгодѣ; мы съ рукъ на руки передали заграничнымъ спекуляторамъ массы русскаго хлѣба съ прямымъ убыткомъ себѣ, по цѣнамъ дешевле

тѣхъ по чемъ онъ намъ самимъ обходился. Мы сыграли въ руку заграничной спекуляціи своимъ прошлогоднимъ хлѣбнымъ отпускомъ и его размѣрами.

При исключительныхъ обстоятельствахъ внѣшней хлѣбной торговли въ прошломъ году, намъ былъ прямой разчетъ оградить себя по возможности отъ большаго ущерба сопряженнаго съ отпускомъ хлѣба по цѣнамъ ниже его стоимости для насъ самихъ. Нельзя было не видѣть вмѣстѣ съ тѣмъ что при богатыхъ результатахъ жатвы въ самой Европѣ и при усиленныхъ подвозахъ туда хлѣба изъ Америки, отпускъ продешевляемаго русскаго хлѣба, не требующагося для удовлетворенія текущихъ надобностей европейскихъ населеній, могъ содѣйствовать только накопленію въ рукахъ заграничныхъ спекуляторовъ большихъ запасовъ дешеваго хлѣба нужныхъ имъ для того чтобы закрѣпить за собою господство на хлѣбныхъ рынкахъ въ будущемъ. Поэтому, какъ во избѣжаніе немедленныхъ убытковъ отъ невыгодной продажи, такъ и для устраненія невыгодъ и затрудненій по сбыту хлѣба въ будущемъ, намъ нужно было воздержаться отъ отпуска нашего хлѣба за границу, временно пріостановиться съ этимъ отпускомъ, выждать для сбыта хлѣба болѣе благопріятныхъ условій. Разчитывать же на улучшеніе условій сбыта имѣлись всѣ основанія, ибо такіе урожаи какъ прошлогодній бываютъ въ Америкѣ далеко не каждый годъ; еще рѣже случаются повсемѣстно обильные урожаи въ Западной Европѣ, и наконецъ уже совершенно исключительную, можно сказать феноменальную рѣдкость представляетъ совпаденіе одновременныхъ обильныхъ урожаевъ и въ Америкѣ, и въ Западной Европѣ. Ясно что повременивъ сбытомъ, попридержавъ хлѣбъ въ своихъ рукахъ, мы могли бы во многихъ отношеніяхъ не мало выиграть дождавшись возстановленія нормальныхъ условій спроса и предложенія на европейскихъ хлѣбныхъ рынкахъ.

Сдѣлали ли мы то что требовалось обстоятельствами, пріостановились ли съ отпускомъ хлѣба, сократили ли размѣры этого отпуска?

Нѣтъ, мы поступили какъ разъ наоборотъ. Отпустивъ за границу въ 1880 году 23.830.987 четвертей, въ 1881 году тоже 23.803.555 четвертей, мы въ прошломъ 1882 году, когда Европа всего менѣе нуждалась въ хлѣбѣ, когда имѣлись серіозныя соображенія въ пользу удержанія хлѣбныхъ запасовъ въ Россіи, поспѣшили сбыть эти запасы и отпустили за границу уже не 23 милліона, а 34.444.222 четвертей [1]). Удивляться ли послѣ этого что дѣйствіе прошлогодняго кризиса распространилось на текущій годъ?

Въ этомъ виноваты мы сами, но осматриваясь кругомъ, трудно найти на кого бы можно было, не нарушая справедливости, возложить отвѣтственность за неблагопріятный оборотъ принятый дѣломъ. Всего несправедливѣе было бы винить въ усиленномъ продешевленномъ сбытѣ хлѣба нашихъ внутреннихъ хлѣбныхъ торговцевъ и въ особенности самихъ производителей хлѣба. Каждый состоятельный сельскій хозяинъ, каждый капитальный хлѣбный торговецъ, конечно, воздерживался сколько могъ отъ убыточной продажи хлѣба, выжидая лучшаго времени и нормальныхъ цѣнъ. Но для большинства такое выжиданіе было невозможно. Настоятельная нужда въ наличныхъ деньгахъ, необходимость неотложныхъ срочныхъ расплатъ вынуждали идти на всякій убытокъ и продавать хлѣбъ за что ни пришлось. Тутъ было не до выжиданій когда заложеннымъ имѣніямъ грозила продажа съ аукціона, когда задержки въ затрудненной общимъ безденежьемъ и банковымъ кризисомъ расплатѣ по векселямъ и другимъ срочнымъ обязательствамъ грозили торговому люду банкротствомъ. Чѣмъ сильнѣе было безденежье, чѣмъ настоятельнѣе была нужда въ деньгахъ, тѣмъ неизбѣжнѣе была для продавцовъ продажа хлѣба по убыточнымъ цѣнамъ, и чѣмъ ниже были эти цѣны, тѣмъ больше нужно было продать хлѣба чтобы выручить нужныя до зарѣза суммы.

Помочь бѣдѣ могъ только широкій кредитъ подъ залогъ хлѣба; только при помощи такого кредита можно было бы пережить трудную годину безденежья и безцѣнья, не выпуская изъ рукъ своего хлѣба. Въ указаніяхъ на необходимость этого чрезвычайнаго кредита недостатка не было. Такія указанія дѣлались, между прочимъ, и въ нашей газетѣ (*Моск. Вѣд.* 1882 №№ 274 и 279), причемъ припоминался подобный прошлогоднему кризисъ, который

[1]) Считая съ 1 января 1882 до 1 января 1883; если же считать съ 1 іюля 1882 до 1 іюля 1883, то годовой отпускъ хлѣба опредѣлится цифрой 31.858.017 четвертей.

наше земледѣліе и хлѣбная торговля переживали лѣтъ сорокъ тому назадъ, въ Канкринское время, и который „былъ пережитъ тогда относительно легко, ибо правительство оказало помощь выдачей подтоварныхъ ссудъ за небольшіе проценты; хлѣбъ былъ выдержанъ дома и пошелъ уже потомъ за границу по настоящей цѣнѣ."

Но въ прошломъ году экстренный широкій кредитъ не пришелъ на помощь нашему земледѣлію и хлѣбной торговлѣ. Частнымъ банкамъ было и не въ привычку взяться за такое дѣло, и не подъ силу исполнить его въ требуемомъ объемѣ. Расширеніе ссудъ подъ хлѣбъ могло бы создать для частныхъ банковъ немаловажныя затрудненія, которыхъ они естественно желали избѣжать, точно также какъ въ нынѣшнемъ году желаетъ избѣжать ихъ Одесскій Учетный Банкъ, который, въ виду большаго скопленія хлѣба въ Одессѣ и крайне ограниченнаго вывоза его, какъ сообщено въ *Одесскомъ Вѣстникѣ*, сдѣлалъ недавно постановленіе о прекращеніи выдачи ссудъ подъ зерновые продукты. Оказать нужную поддержку земледѣлію и хлѣбной торговлѣ было по силамъ только Государственному Банку, который къ 1 сентября прошлаго года держалъ въ своихъ кассахъ безъ малаго 143 милліона рублей наличныхъ денегъ (1 же сентября нынѣшняго года въ кассахъ Государственнаго Банка оказывалось наличными болѣе $163^1/_2$ милліоновъ рублей). Только Государственный Банкъ могъ открыть кредитъ хлѣбнымъ торговцамъ и въ особенности сельскимъ хозяевамъ на льготныхъ условіяхъ и за необременительные, пониженные проценты. Но приступить къ мало привычной для него операціи ссудъ подъ хлѣбъ и притомъ въ обширныхъ размѣрахъ Государственный Банкъ могъ бы только въ силу особаго предписанія и спеціальныхъ инструкцій.

Полагаемъ, нельзя не пожалѣть что не было принято своевременныхъ и серіозныхъ мѣръ по случаю кризиса постигшаго въ прошломъ году земледѣліе и хлѣбную торговлю, облегченіе коего само собою повело бы также и къ ослабленію промышленнаго и вообще торговаго кризиса. Въ непринятіи этихъ мѣръ ощутительно сказалась невыгода проистекающая отъ неимѣнія въ нашей администраціи такого органа который имѣлъ бы своимъ прямымъ назначеніемъ попеченіе о всѣхъ тѣсно связанныхъ между собою интересахъ земледѣлія, промышленности и торговли и не былъ бы отвлекаемъ отъ этого дѣла сторонними ему задачами.

Правительственнаго органа съ такимъ характеромъ и значеніемъ пока не имѣется. Но отсюда не слѣдуетъ чтобы нужно было ждать пока онъ появится для оказанія земледѣлію и хлѣбной торговлѣ, при нынѣшнемъ затруднительномъ ихъ положеніи, той помощи которая, къ сожалѣнію, не была имъ оказана прошлаго года. Если прошлогодній, не облегченный помощію кредита, кризисъ послужилъ причиной нынѣшняго, то въ этомъ нельзя не видѣть указанія на необходимость сдѣлать все возможное чтобы не дать этому кризису затянуться еще на нѣсколько лѣтъ.

№ 275.

Москва, 3-го октября.

Въ настоящее время ближайшій мѣстный надзоръ за дѣятельностью желѣзнодорожныхъ управленій возлагается на обязанность *инспекторовъ* желѣзныхъ дорогъ, постановленія о которыхъ содержатся въ стт. 697—718 Устава Путей Сообщенія, т. XII Св. Зак. Продолжительный опытъ доказалъ что единоличная власть правительственныхъ инспекторовъ мало удовлетворяетъ многочисленнымъ и весьма разнообразнымъ требованіямъ поступающимъ отъ грузоотправителей и пассажировъ, обращающихся къ мѣстному правительственному органу для огражденія своихъ интересовъ не всегда находящихъ удовлетвореніе со стороны концессіонерныхъ компаній.

Вслѣдствіе этого, для успѣшнаго исполненія возложенныхъ на инспекторовъ желѣзныхъ дорогъ обязанностей, признано необходимымъ дополнить настоящее постановленіе о нихъ новымъ учрежденіемъ. Высшіе правительственные органы, на обязанности которыхъ лежитъ разработка такого устава для русскихъ желѣзныхъ дорогъ который далъ бы дѣйствительное удовлетвореніе интересамъ концессіонерныхъ компаній и публики, какъ Министерство Путей Сообщенія такъ и Высочайше учрежденная 22 іюля 1876 года коммиссія для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, признали необходимымъ учрежде-

ніе мѣстныхъ желѣзнодорожныхъ органовъ, въ составъ которыхъ, кромѣ инспектора желѣзныхъ дорогъ, будутъ входить другія лица по назначенію правительства и по выборамъ отъ заинтересованныхъ въ перевозкѣ по рельсовымъ путямъ.

Общее назначеніе проектируемыхъ мѣстныхъ желѣзнодорожныхъ учрежденій охарактеризовано было предсѣдателемъ желѣзнодорожной коммиссіи, графомъ Э. Т. Барановымъ, на общемъ съѣздѣ созванномъ въ декабрѣ 1881 года для обсужденія проекта „общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ" въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Мѣстный Совѣтъ долженъ служить какъ бы посредникомъ между товароотправителями и управленіемъ дороги въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній, такъ что эти совѣты собственной *власти*, кромѣ наблюдательной, никакой не имѣютъ" (Труды общаго съѣзда, стр. 42).

Вполнѣ соглашаясь съ признанною желѣзнодорожною коммиссіей необходимостью введенія мѣстныхъ органовъ для *наблюденія* за желѣзнодорожною эксплуатаціей частныхъ концессіонерныхъ компаній, министръ Путей Сообщенія не находитъ удобнымъ учреждать *повсемѣстно* при отдѣльныхъ инспекціяхъ, нерѣдко существующихъ на очень короткихъ разстояніяхъ, отдѣльныхъ желѣзнодорожныхъ совѣтовъ. Вмѣсто такихъ совѣтовъ, министръ Путей Сообщенія, какъ сообщаетъ помѣщенное въ сегодняшнемъ нумерѣ *Московскихъ Вѣдомостей* извѣстіе о „проектѣ устройства мѣстныхъ желѣзнодорожныхъ комитетовъ," предлагаетъ учреждать „по мѣрѣ надобности, *въ большихъ торговыхъ центрахъ, мѣстные комитеты.*" Разница слѣдовательно между проектируемыми въ желѣзнодорожной коммиссіи „мѣстными совѣтами" и предлагаемыми министромъ Путей Сообщенія „мѣстными комитетами" главнымъ образомъ состоитъ въ томъ что первые должны бы возникнуть повсемѣстно, при каждой желѣзнодорожной инспекціи (ст. 34 Общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ), послѣдніе же предполагается учреждать „по мѣрѣ надобности въ большихъ торговыхъ центрахъ."

Такое сокращеніе числа мѣстныхъ желѣзнодорожныхъ комитетовъ, сравнительно съ повсемѣстно проектируемыми совѣтами, вызвано, вопервыхъ, соображеніемъ о значительности расходовъ необходимыхъ для содержанія отдѣльныхъ совѣтовъ дѣйствующихъ въ районѣ желѣзнодорожныхъ инспекцій, иногда весьма незначительныхъ, и, вовторыхъ, что всего важнѣе, безполезностію открытія въ пунктахъ неторговыхъ самостоятельныхъ, дорого стоящихъ мѣстныхъ желѣзнодорожныхъ учрежденій.

„Повсемѣстное учрежденіе проектированныхъ въ общемъ уставѣ желѣзнодорожныхъ совѣтовъ, говоритъ министръ Путей Сообщенія въ своихъ замѣчаніяхъ на ст. 34 названнаго проекта, едва ли вызывается дѣйствительною надобностію, ибо главнѣйшая цѣль ихъ учрежденія есть *устраненіе неправильностей и пререканій которыя возникаютъ при особо усиленномъ товарномъ движеніи и весьма рѣдко имѣютъ мѣсто при движеніи обыкновенномъ*" (Замѣчанія на общій уставъ, стр. 75).

Въ такомъ положеніи находится вопросъ объ учрежденіи мѣстныхъ желѣзнодорожныхъ органовъ, важное практическое значеніе которыхъ вызвало у одного изъ членовъ общаго съѣзда созваннаго въ декабрѣ 1881 года графомъ Э. Т. Барановымъ замѣчаніе что „постановленія о мѣстныхъ совѣтахъ составляютъ самую главную часть проекта высшей коммиссіи" (Труды съѣзда, стр. 38).

Организація „мѣстныхъ совѣтовъ," по проекту графа Баранова, и „мѣстныхъ комитетовъ," предлагаемыхъ министромъ Путей Сообщенія, опредѣляется главнымъ назначеніемъ этого рода учрежденій быть исключительно *совѣщательными* органами. „Мѣстные желѣзнодорожные комитеты никакой распорядительной власти не имѣютъ," говоритъ ст. 9 проекта выработаннаго особою коммиссіей при Министерствѣ Путей Сообщенія, состоящею изъ представителей отъ Министерства Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ, С.-Петербургской думы, губернской земской управы и правленій желѣзныхъ дорогъ. Въ виду „совѣщательнаго" характера мѣстныхъ желѣзнодорожныхъ комитетовъ, подлежащіе ихъ обсужденію предметы не всегда могутъ въ одинаковой степени интересовать представителей всѣхъ установленій имѣющихъ посылать въ комитетъ своихъ членовъ. Въ проектѣ министра Путей Сообщенія признано наилучшимъ ограничиться въ законѣ предоставленіемъ нѣкоторымъ установленіямъ права имѣть представителя въ желѣзнодорожномъ комитетѣ (или совѣтѣ), но не обращать это право въ обязанность. Учрежденія имѣющія право посылать сво-

ихъ уполномоченныхъ въ составъ мѣстныхъ желѣзнодорожныхъ комитетовъ будутъ пользоваться своимъ правомъ смотря по степени заинтересованности ихъ въ подлежащихъ обсужденію комитета вопросахъ.

Такимъ образомъ, организація проектируемыхъ „мѣстныхъ комитетовъ" будетъ не однообразная, но примѣнительная къ особенностямъ тѣхъ торговыхъ центровъ гдѣ они образуются, имѣя въ своемъ составѣ большее или меньшее число членовъ.

Но измѣненіе въ числѣ членовъ „мѣстныхъ комитетовъ" можетъ имѣть мѣсто только относительно *выборныхъ* въ нихъ членовъ, поступающихъ въ ихъ составъ по избранію земствъ, городскихъ обществъ, биржевыхъ комитетовъ, горнозаводскихъ и каменноугольныхъ промышленниковъ, а также отъ грузоотправителей Всѣ эти лица и учрежденія могутъ воспользоваться правомъ на *свой счетъ* послать и содержать уполномоченнаго въ желѣзнодорожномъ мѣстномъ комитетѣ. Кромѣ того, представители отъ Министерства Финансовъ и другихъ министерствъ входятъ въ составъ „мѣстныхъ комитетовъ" если подлежащіе министры признаютъ нужнымъ имѣть такихъ представителей (ст. 3 проекта о мѣстныхъ комитетахъ особой коммиссіи при Министерствѣ Путей Сообщенія).

Постоянные члены „мѣстныхъ комитетовъ" суть, вопервыхъ, инспекторы желѣзныхъ дорогъ входящихъ въ районъ комитета и, вовторыхъ, представители правленій обществъ тѣхъ же дорогъ (ст. 3, п. 1 и 2 ib.). Предсѣдатель мѣстнаго комитета назначается министромъ Путей Сообщенія изъ членовъ мѣстной желѣзнодорожной инспекціи (ст. 2 ib.).

Подобная организація „мѣстныхъ желѣзнодорожныхъ комитетовъ," не находящаяся въ противорѣчіи съ главнымъ ихъ назначеніемъ быть исключительно *совѣщательнымъ* учрежденіемъ, не облеченнымъ распорядительною властью (ст. 8 проекта особой коммиссіи при Министерствѣ Путей Сообщенія), значительно сокращаетъ издержки на содержаніе проектированныхъ органовъ желѣзнодорожнаго управленія. На эту сторону дѣла, то-есть на дешевизну содержанія мѣстныхъ комитетовъ, съ особеннымъ вниманіемъ указываетъ министръ Путей Сообщенія въ своихъ замѣчаніяхъ на ст. 34 общаго устава желѣзныхъ дорогъ составленнаго коммиссіей графа Баранова, гдѣ проектируются „мѣстные совѣты" съ болѣе сложною и дорого стоящею организаціей.

Какой мѣры можно ожидать отъ параллельно проектируемыхъ въ Министерствѣ Путей Сообщенія и въ коммиссіи графа Баранова органовъ мѣстнаго желѣзнодорожнаго управленія?

„Нельзя отрицать, говоритъ по поводу новыхъ учрежденій одинъ изъ членовъ общаго съѣзда созваннаго графомъ Барановымъ въ декабрѣ 1881 года, что мѣстные совѣты (или комитеты въ проектѣ Министерства Путей Сообщенія) могутъ принести желѣзнодорожному дѣлу значительную пользу и улучшить безвыходное положеніе желѣзнодорожной администраціи." Въ составѣ своихъ постоянныхъ членовъ, инспекторовъ желѣзныхъ дорогъ, входящихъ въ районъ комитета, и представителей правленій тѣхъ же дорогъ (ст. 3 проекта Министерства Путей Сообщенія) „мѣстные комитеты" (или совѣты въ проектѣ графа Баранова) будутъ имѣть значеніе органовъ направляющихъ желѣзнодорожную эксплуатацію, гдѣ заинтересованныя стороны, государство, концессіонеры, грузоотправители, найдутъ выраженіе своихъ требованій, окончательное разсмотрѣніе которыхъ сосредоточится въ высшемъ органѣ, Министерствѣ Путей Сообщенія.

№ 276.

Москва, 4-го октября.

Отставка французскаго военнаго министра генерала Тибодена и сопровождавшія ее обстоятельства пролили яркій свѣтъ на весь неприглядный закулисный міръ, кишащій позади декорацій предъ которыми разыгрывается изобилующая трескучими фразами комедія „самоуправляющагося народа."

Вотъ, напримѣръ, одна изъ самыхъ любимыхъ фразъ республиканской риторики: „Съ тѣхъ поръ какъ во Франціи царствуетъ всеобщая подача голосовъ, свобода печати и свобода сходокъ, великіе интересы націи не зависятъ уже болѣе отъ отдѣльныхъ лицъ, а находятся подъ прочною охраной всего народа." Прочтите теперь что ежедневно въ настоящее время печатается во французскихъ республикан-

скихъ газетахъ различныхъ оттѣнковъ. Однѣ изъ нихъ кричали что г. Ферри привелъ Францію на край пропасти, другія что г. Ферри великій гражданинъ, но что г. Тибоденъ покрылъ всю Францію позоромъ, третьи восхваляютъ г. Тибодена, но за то упрекаютъ г. Греви, который согласился на отставку г. Тибодена и этимъ подвергнулъ величайшей опасности самые дорогіе интересы Франціи, четвертые наконецъ стараются кое-какъ защитить „безупречный патріотизмъ“ г. Греви, но за то съ величайшею энергіей требуютъ отъ него чтобъ онъ изгналъ изъ своего дома своего зятя г. Вильсона, котораго онъ де долженъ считать своимъ „злымъ духомъ,“ своимъ Мефистофелемъ и который одинъ де виновникъ того остраго кризиса который охватилъ всю Францію и привелъ ее въ отчаянное, безвыходное положеніе. А г. Греви торжественно заявляетъ что онъ ни за что не разстанется ни со своею дочерью Алисой, ни со своею внучкой Маргаритой, ни слѣдовательно со своимъ зятемъ Вильсономъ. „Я много принесъ жертвъ республикѣ,“ сказалъ онъ буквально Жюлю Ферри, „пусть и она мнѣ принесетъ эту жертву.“ Всѣ мелочныя интриги и дрязги, тщательно скрывавшіяся до сихъ поръ отъ публики, прорвались наконецъ наружу, закулисные дѣятели разорвали декораціи и наполнили собою всю сцену, представленіе комедіи остановилось, и добродушная публика, къ удивленію своему, узнала что „дорогіе интересы Франціи“ вовсе не находятся „подъ охраной самого народа,“ а всецѣло зависятъ отъ разныхъ гг. Ферри, Тибодена, Вильсона, Греви и даже отъ дочери его Алисы.

Другая фраза, часто повторяемая политическими комедіянтами, гласитъ что „политика демократіи есть политика мира; монархіи всегда угрожаютъ своимъ сосѣдямъ войной, демократическія республики желаютъ со всѣми народами жить въ дружбѣ; монархіи слѣдовательно вызываютъ со всѣхъ сторонъ недовѣріе и недоброжелательство къ себѣ и потому обречены на одиночество, а республикамъ всѣ народы съ полнымъ довѣріемъ протягиваютъ свою братскую руку; ни одно государство, слѣдовательно, не можетъ поддерживать такихъ дружелюбныхъ международныхъ отношеній какъ государства пользующіяся безцѣнными благами демократической республики.“ Откройте теперь самыя серіозныя и искренно преданныя демократической республикѣ газеты, *Journal des Débats*, *Temps*, *République Française*; посмотрите что онѣ пишутъ: „нужно откровенно признаться,“ говорятъ онѣ, „нечего таить правды: мы одиноки (nous sommes isolés), совершенно одиноки наканунѣ грозной и дальней войны съ Китаемъ. Германія, Австрія, Италія, Россія, Англія — всѣ или сплотились противъ насъ, или смотрятъ на насъ съ недовѣрчивостью и подозрѣніемъ; оставалась Испанія, мы и ее отъ себя оттолкнули.“ Это конечно не мѣшаетъ другимъ крикунамъ призывать откровенныхъ людей къ порядку и требовать отъ нихъ чтобъ они снова вошли въ свою роль и продолжали бы говорить напыщенныя, гордыя фразы, достойныя „великаго, самоуправляющагося народа,“ въ родѣ того что „испанская монархія сама обязана изъ чувства самосохраненія добиваться дружбы французской республики“ (*Nouvelle Revue*, 1 octobre 1883), но эти фразы никого уже обмануть не могутъ; всѣ ясно видятъ что никогда еще въ теченіе всей своей многовѣковой исторіи Франція не стояла въ такомъ жалкомъ и безсильномъ одиночествѣ какъ въ настоящее время торжества демократической республики. Даже въ 1871 году, на другой день послѣ своего пораженія, Франція вызывала несравненно больше симпатіи и довѣрія къ себѣ, нежели въ настоящее время, не говоря уже о томъ что ея финансы, ея промышленность и торговля находились въ то время въ цвѣтущемъ состояніи, тогда какъ теперь они доведены до жалкаго положенія, близкаго къ разоренію, благодаря безсовѣстному и безконтрольному хозяйничанью „избранниковъ самоуправляющагося народа.“

Есть еще третья избитая фраза въ риторическомъ сборникѣ парламентскихъ доктринеровъ, на которую они въ настоящее время критическаго хаоса особенно крѣпко повидимому уповаютъ: „Положимъ,“ говорятъ они, „преступныя дѣйствія отдѣльныхъ лицъ компрометтировали въ настоящее время часть Франціи; но 22 октября начнутся публичныя засѣданія великаго народнаго судилища, откроется верховный трибуналъ царя-народа, и нашъ владыка сумѣетъ съ присущею ему непогрѣшимою мудростью разобрать путаницу и отличить праваго отъ виноватаго. Въ странѣ гдѣ царствуетъ демократія, всѣ

чиновники отъ низшаго до высшаго должны давать ей точный отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ; строгая отвѣтственность министровъ вотъ залогъ честности всей нашей администраціи. Неподкупный приговоръ народа сумѣетъ покарать безпощаднымъ образомъ виновныхъ если таковые дѣйствительно окажутся." И вотъ теперь всѣ во Франціи съ нетерпѣніемъ ждутъ открытія парламентской сессіи, и заранѣе уже готовится длинный рядъ запросовъ, съ которыми „избранники народа" обратятся къ отвѣтственному министерству. Одни спросятъ г. Ферри, зачѣмъ онъ допустилъ скандалъ устроенный королю Альфонсу, а другіе—почему онъ самъ въ этомъ скандалѣ не участвовалъ по примѣру гг. Тибодена и Вильсона, изъ коихъ первый отказался встрѣтить на желѣзной дорогѣ Испанскаго короля, а второй въ своей газетѣ заявилъ что его тесть, г. Греви, отправился на желѣзную дорогу съ величайшимъ отвращеніемъ, по принужденію г. Ферри. Далѣе готовится запросъ о томъ, почему г. Ферри удалилъ такъ поспѣшно, до открытія парламента, изъ своего кабинета генерала Тибодена, а другой запросъ поставитъ г. Ферри въ необходимость объяснить почему онъ такъ долго терпѣлъ въ своемъ кабинетѣ г. Тибодена если онъ зналъ что во главѣ французской арміи стоялъ никуда негодный министръ. Третій запросъ приготовляемый крайнею лѣвой будетъ имѣть цѣлью ниспровергнуть г. Ферри какъ врага республики и поставить на его мѣсто г. Тибодена, „единственнаго демократическаго генерала." Наконецъ готовятся запросы и относительно Тонкинской экспедиціи и Китайскаго вопроса. Съ одной стороны „народъ" потребуетъ отъ г. Ферри строгаго отчета почему онъ такъ *мало* послалъ войскъ въ Тонкинъ и этимъ заставилъ великую Францію потерпѣть пораженія отъ какихъ - то *Черныхъ Флаговъ;* тогда какъ съ другой стороны тотъ же „народъ" потребуетъ отъ того же г. Ферри не менѣе строгій отчетъ о томъ зачѣмъ онъ такъ *много* войскъ отправилъ въ Тонкинъ и этимъ вызвалъ затрудненія съ Китаемъ, изъ которыхъ есть только два исхода—или позорныя уступки, или открытая война. Какъ сумѣетъ „народъ" выбраться изъ этого хаоса противоположныхъ требованій, неизвѣстно, но если г. Ферри и будетъ принужденъ послѣ всѣхъ этихъ разнообразныхъ запросовъ подать въ отставку, то изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ заключить что его постигнетъ „тяжкая всенародная кара" („le châtiment de la vindicte publique"), какъ теперь грозно восклицаютъ его противники. Всѣ еще помнятъ съ какимъ позоромъ 10 ноября 1881 года пало министерство Ферри за Тунисскую экспедицію, послѣ приговора произнесеннаго 379 представителями „народа" противъ 71; но всѣ также помнятъ что это однако нисколько не помѣшало 31 января 1882 года г. Ферри сдѣлаться снова министромъ, а 21 февраля 1883 года стать даже во главѣ новаго министерства и быть покрытымъ одобреніями 368 представителей того же „народа" противъ ничтожнаго меньшинства 90 враждебныхъ ему голосовъ. Министерская отвѣтственность есть такая же пустая сценическая иллюзія какъ и всѣ остальныя фикціи доктринерскаго парламентаризма. Этой отвѣтственности никто никогда не боялся и не будетъ бояться. На чемъ же въ такомъ случаѣ основанъ весь „залогъ честности демократической администраціи?" На пустой фразѣ.

Вопіющее разногласіе между парламентскою теоріей и практикой дошло теперь до такихъ бросающихся въ глаза размѣровъ что даже сами республиканцы начинаютъ понимать всю ложь своихъ доктринъ. Въ газетѣ *Temps*, одинъ изъ самыхъ искреннихъ приверженцевъ республики, г. Эдмонъ Шереръ, началъ печатать обширное сочиненіе, озаглавленное *Etudes sur la démocratie*, въ которомъ онъ съ полнымъ безпристрастіемъ поднимаетъ завѣсу надъ всѣми софизмами парламентаризма и въ особенности надъ фальшью такъ-называемаго всеобщаго голосованія (suffrage universel). Онъ прямо сознается что эта фальшь есть существенная, неотдѣлимая часть этого голосованія, и что благодаря именно ей Франція доведена теперь до такого безысходнаго положенія. Читая его интересныя разоблаченія закулиснаго парламентаризма, просто не вѣрится что до сихъ поръ еще могутъ находиться безсовѣстные шарлатаны которые не стыдятся морочить публику избитыми фразами о какихъ-то вѣковѣчныхъ принципахъ „праваго государства, основаннаго на парламентскихъ доктринахъ," и какъ съ другой стороны еще можетъ существовать настолько добродушная публика чтобы вѣрить въ эту пустозвонную фразеологію.

Всякое государство, какой бы ни былъ его образъ правленія, управляется не народомъ, а отдѣльными лицами, съ тою только разницей что въ такъ-называемомъ „правовомъ государствѣ“ эти лица не берутъ на себя прямой отвѣтственности въ своихъ дѣйствіяхъ, а напротивъ стараются ихъ замаскировать фразами и сами прячутся за спинами какого-то миѳическаго народа. „*Народъ*,“ говоритъ Эдмонъ Шереръ въ вышеназванной статьѣ,—„это великій каламбуръ современной исторіи.“

№ 277.

Москва, 5-го октября.

Въ Петербургѣ учреждена, въ предсѣдательствѣ директора Департамента Мануфактуръ и Торговли, Высочайше разрѣшенная коммиссія для разсмотрѣнія вопроса о развитіи стале-рельсоваго дѣла въ Россіи, а также и объ обложеніи пошлиной иностраннаго чугуна и минеральнаго топлива, и въ скоромъ времени эта коммиссія должна приступить къ своимъ занятіямъ. Много разъ возбуждавшійся, но никакъ не могшій завершиться надлежащимъ рѣшеніемъ вопросъ о развитіи нашего горнаго дѣла и металлическаго производства такимъ образомъ вновь поступаетъ на очередь.

Нельзя не пожелать чтобъ этому вопросу первостепенной важности наконецъ посчастливилось, чтобы рѣшенію его въ направленіи согласномъ съ общими народнохозяйственными и государственными интересами не помѣшали на этотъ разъ тѣ препятствія о которыя до сихъ поръ разбивались благія намѣренія и начинанія по этой части. Эти препятствія, заключавшіяся между прочимъ въ недостаточномъ разъясненіи разныхъ сторонъ дѣла, а также въ тѣхъ интересахъ которые отъ измѣненія условій горнаго и металлическаго производства въ Россіи могли бы только проиграть, а не выиграть, и понынѣ не утратили своего значенія. Съ ними вновь придется считаться и при предстоящей попыткѣ подвинуть къ рѣшенію поставленную задачу.

Тормозитъ эту задачу во всѣхъ ея частяхъ въ особенности то обстоятельство что у насъ создалось значительное металлическое производство находящееся въ тѣсной связи не со своею русскою, а съ чужеземною почвой. Возникло и развилось это не имѣющее прочныхъ корней производство главнымъ образомъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ пунктами полученія изъ-за границы нужныхъ ему привозныхъ чугуна и каменнаго угля, то-есть на самыхъ окраинахъ государства, близь портовыхъ городовъ или неподалеку отъ сухопутной таможенной черты, вообще въ наибольшемъ отдаленіи отъ мѣстъ добыванія русскаго чугуна и угля. Для такихъ заводовъ переходъ отъ работъ на иностранномъ матеріалѣ къ работамъ на матеріалѣ русскомъ есть дѣло трудное, подвергающее вопросу самое ихъ существованіе. Наложеніе на привозные чугунъ и уголь серіозной покровительственной пошлины грозитъ поставить эти заводы въ положеніе невыгодное сравнительно съ заводами которыхъ пока нѣтъ, но которые, при таможенной охранѣ, могли бы возникнуть въ районахъ русскихъ каменноугольныхъ и рудныхъ залежей. Возникновеніе сихъ послѣднихъ заводовъ, для которыхъ были бы подручными не привозные, а свои домашніе матеріалы, всего желательнѣе для страны, но не для владѣльцевъ передѣлочныхъ заводовъ. Неудивительно, поэтому, что эти заводовладѣльцы постоянно возставали противъ мѣръ имъ невыгодныхъ. Протестамъ же ихъ противъ этихъ мѣръ придавало особый вѣсъ то обстоятельство что передѣлочные заводы возникли не сами собою, но были искусственно вызваны къ жизни таможенною политикой и разными мѣрами правительства; подразумѣвалось что люди затратившіе немалые капиталы въ предпріятія, такъ-сказать, по указанію самаго правительства имѣютъ право разчитывать что оно не допуститъ мѣръ могущихъ подорвать эти предпріятія.

Конечно, судьбы этихъ заводовъ, какъ и вообще интересы всѣхъ предпріятій развившихся при льготномъ привозѣ иностранныхъ матеріаловъ и на него разчитанныхъ, не могутъ быть совсѣмъ оставляемы безъ вниманія; но отсюда никакъ не слѣдуетъ чтобъ имъ нужно было приносить въ жертву интересы болѣе важные, болѣе существенные. Впереди вопроса потерпѣть или не потерпѣть ущерба передѣлочнымъ заводамъ стоитъ вопросъ имѣть или не имѣть Россіи самостоятельное, независимое отъ иностранцевъ металлическое производство, которое обезпечивало бы снаб-

женіе желѣзныхъ дорогъ, арміи и флота всѣмъ нужнымъ имъ металломъ (рельсы, пушки, брони и пр.), и которому не грозила бы перспектива остаться какъ раку на мели въ случаѣ войны и блокады. Сокращеніе производства изъ привозныхъ матеріаловъ и расширеніе его изъ матеріаловъ отечественныхъ не выгодно для существующихъ нынѣ по окраинамъ заводовъ, но эта ихъ невыгода отступаетъ далеко на задній планъ предъ ущербомъ который несетъ вся страна отъ оставленія безъ разработки естественныхъ богатствъ ея почвы, отъ уплаты за границу денегъ за матеріалы которые можно имѣть въ изобиліи дома, отъ лишенія рабочаго населенія тѣхъ заработковъ какіе давало бы ему добываніе этихъ матеріаловъ.

Второстепенные интересы должны уступать первостепеннымъ. Это не подлежитъ сомнѣнію. Но въ данномъ вопросѣ второстепенный интересъ передѣлочныхъ заводовъ такъ долго торжествовалъ надъ стремленіями дать ходъ дѣлу первостепенной важности что во многихъ поколебалась надежда добиться требуемаго интересами страны, но несогласнаго съ выгодами привилегированныхъ пограничныхъ заводчиковъ. Такъ, напримѣръ, многіе донецкіе каменноугольные промышленники, давно домогающіеся назначенія таможенной пошлины на привозный уголь, сильно сомнѣваются въ томъ чтобъ ихъ ходатайство увѣнчалось успѣхомъ если оно затронетъ интересы сказанныхъ заводчиковъ и вооружитъ ихъ противъ него. Чтобъ обойти этотъ подводный камень и не потерпѣть крушенія въ своемъ дѣлѣ, нѣкоторые изъ представителей нашей углепромышленности рѣшились придать своему ходатайству такой характеръ чтобъ оно нисколько не затрогивало заводовъ находящихся на прибрежьяхъ Балтійскаго моря и, въ этихъ видахъ, ограничиться просьбой о наложеніи пошлины только на уголь идущій внутрь страны. Вмѣстѣ съ другими заплатилъ дань этой боязни сильныхъ неблагопріятныхъ вліяній и авторъ помѣщенной въ № 269 *Московскихъ Вѣдомостей* статьи „О снабженіи Москвы донецкимъ минеральнымъ топливомъ,“ рѣшительно высказывающійся за необходимость наложенія пошлины на привозный уголь, но при этомъ оговаривающійся что „нѣтъ надобности облагать такою пошлиной уголь потребляемый въ Петербургѣ и по прибрежьямъ Балтійскаго моря: туда донецкій уголь достигнуть не можетъ, но необходимо примѣнять пошлину къ углю перевозимому въ Москву или вообще внутрь страны.“

Еслибы дѣло шло о взаимномъ соглашеніи только двухъ интересовъ, петербургскихъ и другихъ балтійскихъ заводчиковъ, съ одной стороны, и донецкихъ углепромышленниковъ, съ другой, предложенный въ вышеприведенныхъ строкахъ компромиссъ можно было бы, пожалуй, признать довольно удачнымъ. Но кромѣ двухъ названныхъ интересовъ, въ дѣлѣ замѣшаны еще другіе, не менѣе, если не болѣе уважительные, и упомянутый сейчасъ компромиссъ оказывается заключеннымъ именно на счетъ этихъ третьихъ, оставленныхъ въ сторонѣ интересовъ, къ прямому и крупному ихъ ущербу, какъ это и разъяснено въ помѣщенной ниже статьѣ московскаго фабриканта „По вопросу объ обложеніи пошлиной иностраннаго минеральнаго топлива.“

Не такими компромиссами, при которыхъ внутренніе фабрики и заводы выдавались бы головою фабрикамъ и заводамъ расположеннымъ на какой-нибудь окраинѣ, можетъ быть достигнуто желательное въ интересахъ страны рѣшеніе вопроса. Не послужило бы это въ приведенномъ примѣрѣ на пользу, можетъ-быть, и самой каменноугольной промышленности, судьбы которой зависятъ отъ развитія и процвѣтанія внутренней, а не пограничной промышленности.

Удовлетворительнымъ рѣшеніемъ вопроса, полагаемъ, было бы такое которое склоняло бы устроившихся по окраинамъ и перерабатывающихъ иностранные матеріалы заводчиковъ переносить свою дѣятельность и капиталы внутрь страны, къ центрамъ русскихъ ископаемыхъ богатствъ. Не желательно было бы потрясти разомъ весь ходъ нынѣшняго производства этихъ заводовъ, но тѣмъ не менѣе нужно такое рѣшеніе вопроса которое вело бы къ постепенной замѣнѣ менѣе выгоднаго для народа, не имѣющаго корней въ родной почвѣ и стало-быть эфемернаго производства производствомъ несравненно болѣе выгоднымъ для страны, неразрывно связаннымъ съ ея почвой и несомнѣнно имѣющимъ виды на блестящую будущность.

№ 278.

Москва, 6-го октября.

Разработка богатыхъ залежей каменнаго угля въ районѣ Донецкаго бассейна развивается медленно, а нѣкоторыя возникшія за послѣднія десять лѣтъ предпріятія поставлены въ необходимость совершенно прекратить разработку своихъ копей. На ряду съ южно-русскимъ каменнымъ углемъ, который добывается въ количествѣ свыше ста милліоновъ пудовъ въ годъ и могъ бы добываться въ какихъ угодно размѣрахъ, наши фабрики и заводы, отапливающіеся каменнымъ углемъ, потребляютъ не русскій, но иностранный уголь, привозимый безпошлинно изъ Англіи, Бельгіи, Силезіи. Этому немало содѣйствуетъ неодинаковый тарифъ при перевозкѣ по желѣзнымъ дорогамъ, берущимъ съ иностраннаго каменнаго угля $^1/_{80}$ к. съ пуда и версты *) и перевозящимъ донецкій каменный уголь къ мѣстамъ потребленія не менѣе какъ по $^1/_{65}$ к. съ пуда и версты, и только на Московскій рынокъ, такъ-сказать на дняхъ, рѣшено возить донецкій уголь по $^1/_{70}$ к. Въ результатѣ иностранный уголь имѣетъ хорошій сбытъ, а закупки каменнаго угля въ районѣ Донецкаго бассейна, начиная съ 1880 года, *сокращаются* **).

Чтобы дать понятіе о размѣрахъ замѣчаемаго съ 1880 года сокращенія закупокъ минеральнаго топлива добываемаго въ Донецкомъ кряжѣ, приведемъ изъ офиціальнаго доклада цифровыя данныя о степени мощности нашихъ копей и того количества каменнаго угля которое отсюда вывозится. Въ районѣ Донецкой желѣзной дороги находится 86 копей, Константиновской 19 копей и Азовской 16 копей. Годичная добывная способность Донецкихъ копей опредѣляется въ 36.020.000 пуд. каменнаго угля, Константиновскихъ копей—16.085.000 пуд. и Азовскихъ копей—14.295.000 пуд. Изо всего этого количества сооруженные для развитія каменноугольной промышленности рельсовые пути въ состояніи перевезти на мѣста потребленія угля лишь незначительную часть. Такъ оказалось что только однѣ Азовскія копи имѣли возможность перевезти по желѣзнымъ дорогамъ весь добытый на нихъ каменный уголь; Константиновскія могли перевезти паровымъ путемъ лишь немного болѣе половины своей добычи (56%); Донецкія же копи были въ состояніи сбыть по рельсовымъ путямъ только треть добытаго на нихъ угля (33%).

Результатомъ отсутствія сбыта добываемаго въ копяхъ Донецкаго бассейна минеральнаго топлива является, какъ сказано, прекращеніе разработки многихъ заложенныхъ уже шахтъ. Вдоль Донецкой дороги въ теченіи 1880 года бездѣйствовали 52 копи, въ районѣ Константиновской дороги не могла продолжаться разработка 5 копей и при Азовской линіи—2 копей *).

Такое разорительное для углепромышленниковъ Донецкаго кряжа и стѣснительное для русскихъ заводчиковъ и фабрикантовъ положеніе возникло исключительно отъ *недостаточности* на желѣзныхъ дорогахъ по пути слѣдованія каменноугольныхъ грузовъ *необходимаго для перевозки ихъ подвижнаго состава.*

Съ открытіемъ 1 декабря 1878 года Донецкой желѣзной дороги, въ Министерство Путей Сообщенія непрерывно поступали жалобы со стороны сахарныхъ, винокуренныхъ и иныхъ заводчиковъ *на недоставку* купленнаго ими на Донецкихъ копяхъ каменнаго угля. Вагоновъ сравнительно съ предъявленными на нихъ со стороны грузоотправителей требованіями мало, и при распредѣленіи между ними этихъ вагоновъ заинтересованныя въ скорѣйшей отправкѣ своего груза частныя лица и агенты дорогъ совершали многія злоупотребленія которыя трудно было уловить, потому что, какъ говоритъ офиціальный докладъ **), „ни одинъ человѣкъ отправляющійся на промыселъ предусмотрѣнный Уложеніемъ о Наказаніяхъ не только не приглашаетъ съ собою полицію и понятыхъ, а напротивъ того, тщательно усвоиваетъ себѣ всякій фактъ, параграфъ или недомолвку закона могущіе послужить въ его оправданіе.“

Какъ на образчикъ совершавшихся злоупотребленій при перевозкѣ донецкаго ка-

*) Главное Общество довело этотъ тарифъ между Петербургомъ и Москвой до $^1/_{100}$ к. съ пуда и версты.

**) См. офиціальный докладъ *О средствахъ устраненія бездоходности Донецкой каменноугольной желѣзной дороги*, стр 8, 15.

*) Тамъ же, стр. 8.

**) Тамъ же, стр. 2.

меннаго угля частными лицами, извлекавшими пользу изъ существующаго порядка эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, укажемъ на случай отмѣченный въ выше упомянутомъ офиціальномъ докладѣ. „Запродажа угля совершена шахтовладѣльцемъ, опредѣлены условія поставки и сроки; сроки приближаются; *вагоновъ для отправки получить нѣтъ возможности*. Производитель близокъ къ неисправности и, кромѣ того, стѣсненъ въ деньгахъ. Потребитель находится подъ опасеніемъ остаться безъ топлива. Являются два лица (почти всегда Евреи) не имѣющія офиціальной связи ни между собою, ни съ управленіемъ дороги. Одно изъ нихъ предлагаетъ поставить уголь, взамѣнъ неисправнаго поставщика, копѣйкой дороже условленной цѣны послѣдняго; другое является къ шахтовладѣльцу и предлагаетъ ему продать выработанный имъ уголь за наличныя деньги, но копѣйкой дешевле условленной цѣны. Проходитъ нѣсколько времени, и законтрактованный уголь довольно быстро перемѣщается къ потребителю съ наложенными на него двумя копѣйками, то-есть на каждый милліонъ пудовъ кто-то нажилъ 20.000 рублей, и затѣмъ все въ порядкѣ.“

Такимъ образомъ недостаточность провозоспособности желѣзныхъ дорогъ по пути слѣдованія отправляемаго изъ Донецкихъ копей каменнаго угля не только тормозитъ дѣло снабженія русскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ нашимъ минеральнымъ топливомъ, но вслѣдствіе порождаемыхъ этою недостаточностью провозоспособности злоупотребленій, еще налагаетъ на нихъ весьма чувствительныя приплаты. Удивляться ли послѣ этого что русское минеральное топливо вытѣсняется съ обширныхъ рынковъ безпошлинно привозимымъ иностраннымъ каменнымъ углемъ, къ услугамъ котораго являются и пониженные желѣзнодорожные тарифы, и всѣ *удобства* при доставкѣ его изъ приморскихъ портовъ по рельсовымъ путямъ имѣющимъ значительный подвижной составъ.

Не при такихъ условіяхъ каменный уголь у насъ можетъ стать „источникомъ народнаго богатства и политическаго могущества“ какимъ онъ является на Западѣ.

Нельзя оставлять каменноугольную промышленность въ томъ стѣсненномъ положеніи въ какомъ она находится. Необходимо принять серіозныя мѣры къ тому чтобы вывести ее изъ этого положенія; только тогда и Донецкая желѣзная дорога перестанетъ быть бездоходною. Для подъема Донецкой каменноугольной промышленности требуется цѣлый рядъ мѣръ, и государственная важность дѣла не позволяетъ долго медлить ими. Въ интересахъ этой промышленности сооруженъ и недавно открытъ рельсовый путь къ Маріуполю на Азовскомъ морѣ; съ другой стороны производятся разслѣдованія для желѣзной дороги которая должна соединить конечную восточную станцію Донецкой линіи (Звѣрево) съ низовьемъ Волги. Но Маріупольскій путь мало можетъ помочь Донецкой промышленности пока Маріуполь лишенъ сколько-нибудь сноснаго порта. Гораздо болѣе выгодная перспектива по сбыту донецкаго угля откроется соединеніемъ Донецкаго кряжа съ Волгой. Но и постройкой этой дороги и сооруженіемъ Маріупольскаго порта не было бы сдѣлано и малой доли того что требуется. Хорошее дѣло открыть сбытъ донецкому углю на югъ и востокъ, но едва ли не важнѣе обезпечить углю сбытъ на сѣверъ и западъ; именно этотъ сбытъ, какъ мы видѣли, всего болѣе хромаетъ. Въ видахъ его обезпеченія можно не останавливаться въ случаѣ нужды и предъ сооруженіемъ новыхъ путей для дополненія существующей рельсовой сѣти. Но прежде чѣмъ думать объ ея дополненіи необходимо сдѣлать все возможное чтобы существующая сѣть исполняла свое назначеніе. Недостаточность провозной и пропускной способности дорогъ не такое препятствіе которое позволительно было бы считать неодолимымъ. Гдѣ провозоспособность недостаточна ее надо усилить соразмѣрно потребностямъ движенія. Это конечно потребуетъ издержекъ, и можетъ-быть не малыхъ, но безъ нихъ пришлось бы жалѣть о несравненно бо́льшихъ затратахъ на самое сооруженіе дорогъ безсильныхъ нести ту государственную службу которою одною только и оправдывается сдѣланный на нихъ громадный государственный расходъ.

Желѣзныя дороги безъ надлежащей провозоспособности то же что дома выстроенные, но не приспособленные къ тому чтобы въ нихъ можно было жить.

Что касается конкурренціи иностраннаго угля, то для ослабленія ея самое дѣйствительное средство обложеніе привознаго угля раціональною таможенною пошлиной. Но на ряду съ этимъ не слѣдуетъ оста-

влять безъ вниманія наши желѣзнодорожные тарифы. Нельзя мириться съ такою аномаліей что русскія желѣзныя дороги, построенныя преимущественно на счетъ русской казны, живущія ея субсидіями и гарантіями, являются покровителями иностранной промышленности въ ущербъ отечественной, поощряя своими тарифами сбытъ иностраннаго угля и напротивъ стѣсняя сбытъ русскаго.

№ 279.

Москва, 7-го октября.

Мы живемъ въ эпоху союзовъ. Союзъ за союзомъ заключается въ Европѣ. Сначала Германія вступила въ какое-то соглашеніе съ Австро-Венгріей; потомъ въ такое соглашеніе вошла Италія; потомъ, говорятъ, Испанія; потомъ, говорятъ, желаетъ войти въ него Турція, и наконецъ мы не знаемъ гдѣ остановится это согласительное движеніе. Въ виду такого конгломерата союзовъ хотятъ чтобы Россія въ свою очередь пустилась въ союзы, и уже предначертываютъ ей путь въ этомъ направленіи, уже указываютъ ей союзниковъ, уже поздравляютъ ее съ союзниками. Считается уже дѣломъ рѣшеннымъ новая коалиція якобы создаваемая Россіей, такъ что по сказаніямъ разныхъ вѣстовщиковъ, предупреждающихъ событія, Европа уже разбилась на два лагеря. Съ одной стороны, Германія, Италія, Австро-Венгрія e tutti quanti; съ другой, Россія, Франція и г. Гладстонъ въ добавокъ.

Но глашатаи, творя свою исторію, забываютъ объяснить зачѣмъ Россіи пускаться въ союзы. Какой смыслъ имѣла бы особая система союзовъ на которую ее вызываютъ или которую ей приписываютъ? Объявленная цѣль союзовъ заключаемыхъ Германіей есть сохраненіе мира. Можно вѣрить этому тѣмъ болѣе что нынѣшнее положеніе Европы весьма благопріятно для Германіи, которой принадлежитъ иниціатива союзовъ. Весьма естественно желаніе руководителя германской политики упрочить это положеніе, задержать благодатный моментъ мира которымъ оно утверждается.

Миръ и для всѣхъ дорогъ. Россія, какъ и всѣ, желаетъ сохраненія мира и не можетъ не сочувствовать всему что можетъ обезпечить его. Зачѣмъ же противъ мирной лиги, долженствующей упрочить нынѣшнее положеніе Европы, Россія должна создавать другую коалицію, хотя бы даже съ г. Гладстономъ въ резервѣ? Двѣ мирныя лиги, одна противъ другой, были бы два вооруженные лагеря. Не лучше ли всѣмъ примкнуть уже къ готовой лигѣ мира, такъ чтобъ она стала ничѣмъ инымъ какъ цѣлою Европой въ данномъ положеніи? Союзы, или лучше сказать союзъ который предлагается Россіи, въ противоположность германскому соглашенію съ Австро-Венгріей, не могъ бы выдавать себя за гарантію мира; онъ былъ бы очевидно приготовленіемъ къ войнѣ. А такъ какъ Россія, что всѣмъ извѣстно, никакихъ въ настоящее время, да и вообще наступательныхъ замысловъ не имѣетъ, то приготовленіе къ войнѣ было бы съ ея стороны дѣломъ убѣжденія что союзы заключаемые Германіей направлены противъ нея, и клонятся не къ продленію, а къ нарушенію мира, не къ упроченію, а къ разрушенію нынѣшняго положенія Европы. Россія повидимому не имѣетъ такихъ опасеній и сохраняетъ увѣренность что какъ сама она войны не начнетъ, такъ никто и противъ нея легкомысленно войны не начнетъ. Къ тому же, какіе бы ни оказались у нея въ чемъ-либо соперники, они всегда предпочтутъ дѣйствовать противъ нея не военными, а мирными средствами, которыя, къ слову сказать, ей гораздо опаснѣе...

Итакъ, Россія, какъ можно полагать, въ сепаратныхъ союзахъ не нуждается, и можетъ довольствоваться общимъ со всѣми союзомъ. Но если она не нуждается, то другіе могутъ нуждаться въ союзѣ съ нею? Нельзя отрицать что есть интересы, дѣйствительные или мнимые, которые хотѣли бы вовлечь ее въ сепаратный союзъ съ Франціей. По способу какимъ интересы эти высказываются, по свойству глашатаевъ и ревнителей такого союза, можно думать что это интересы мнимые. Они мнимые уже потому что не могутъ обойтись безъ продѣлокъ обличающихъ несеріозное свойство ихъ.

Мы ничего не знаемъ о союзѣ между Россіей и Франціей, и не видимъ признаковъ наступленія таковаго, кромѣ развѣ рюмки будто бы разбитой за здоровье Франціи однимъ русскимъ генераломъ, и еще *фратернизаціи* французскихъ лите-

раторовъ съ русскими надъ гробомъ Тургенева, котораго память не осталась безъ эксплуатаціи и въ этомъ направленіи; да еще писемъ о внѣшней политикѣ въ *Nouvelle Revue*, гдѣ нашли возможнымъ, въ самомъ дѣлѣ, пристегнуть и досточтимаго англійскаго премьера къ Франко-Русскому союзу. Мы забыли: есть важный признакъ, и не просто признакъ, а доказательство формальнаго договора который имѣетъ соединить Россію съ Франціей для совокупнаго дѣйствія. На этихъ дняхъ, въ парижской газетѣ *Gaulois* прочли мы слѣдующее интересное сообщеніе изъ Петербурга:

M. DE GIERS A PARIS.

(De notre correspondant particulier).

St.-Pétersbourg, 11 octobre.

J'apprends de source autorisée que dans les cercles diplomatiques il n'est question que du voyage que M. de Giers, qui va en Suisse, à Montreux, auprès de sa fille, fera ensuite à Paris, où il aura une entrevue avec M. Ferry.

Замѣтьте своего рода ловкость съ какою сообщается это сенсаціонное извѣстіе: „Узнаю изъ вѣрнаго источника что въ дипломатическихъ сферахъ только и рѣчи что о поѣздкѣ которую г. Гирсъ, отправляющійся въ Швейцарію, въ Монтрэ, къ своей дочери, предприметъ потомъ въ Парижъ...“ Главное предложеніе рѣчи, это поѣздка въ Парижъ, о которой ничего не могло быть извѣстно корреспонденту, а поѣздка въ Швейцарію брошена кстати предложеніемъ вводнымъ. Не есть ли это что называется *ballon d'essai?* Или, въ самомъ дѣлѣ, имѣется намѣреніе воспользоваться предполагаемою поѣздкой русскаго министра въ Швейцарію чтобы пригласить его въ Парижъ, какъ недавно г. Ферри поусердствовалъ пригласить въ столицу Франціи *le roi uhlan?*

Впрочемъ, мы не видимъ почему бы русскому министру, посѣщавшему въ прошломъ году при случаѣ Фарцинъ, Берлинъ и Вѣну, умышленно обѣгать Парижъ или избѣгать г. Ферри.

№ 280.

Москва, 8-го октября.

На дняхъ въ венгерской палатѣ депутатовъ кончились пренія о такъ-называемомъ Хорватскомъ вопросѣ, послѣ чего предложеніе министра-президента Тисы о замѣнѣ гербовъ съ надписями на языкахъ мадьярскомъ и хорватскомъ гербами безо всякихъ надписей принято большинствомъ 187 голосовъ противъ 105. Спустя нѣсколько дней, предложеніе г. Тисы одобрено значительнымъ большинствомъ голосовъ также и въ палатѣ господъ. Хорватскій вопросъ теперь офиціально считаютъ „рѣшеннымъ,“ хотя продолжительныя парламентскія пренія вовсе не выяснили ни характера хорватскаго движенія, ни причинъ его вызвавшихъ. Теперь когда вопросъ этотъ, конечно только *временно*, отодвинутъ на второй планъ, небезынтересно вернуться къ парламентскимъ преніямъ и по возможности уяснить себѣ какъ взгляды Венгерскаго правительства, такъ и положеніе занятое по отношенію къ Хорватскому вопросу разными партіями венгерской палаты депутатовъ.

Пренія, отъ которыхъ всѣ ожидали много интереснаго и поучительнаго, были совершенно безцвѣтны, и это главнымъ образомъ потому что министръ-президентъ счелъ почему-то нужнымъ ни единымъ словомъ не объяснять ни характера движенія, ни его причинъ. Въ своей первой обширной рѣчи, приведенной нами въ свое время in extenso, г. Тиса ограничился общими мѣстами и ссылками на извѣстія разныхъ газетъ, противъ достовѣрности коихъ онъ самъ возражалъ въ своей послѣдней рѣчи. Онъ говорилъ такъ какъ будто правительство не получило ни одного офиціальнаго свѣдѣнія о хорватскихъ безпорядкахъ, какъ будто дѣло идетъ просто о неимѣющей значенія уличной свалкѣ, а не о бунтѣ объявшемъ цѣлую область и потребовавшемъ командированія большаго количества войскъ. Въ противоположность своей обычной манерѣ угрожать Славянамъ „сокрушеніемъ“ (Zermalmung), мадьярскій министръ говорилъ только о необходимости дружбы между „двумя братскими націями,“ то-есть Мадьярами и Хорватами, о необходимости доказать послѣднимъ что Венгерское правительство всегда готово исполнить справедливыя требованія національ-

ностей. Этотъ кисло-сладкій тонъ г. министра-президента поневолѣ изумилъ всѣхъ и, конечно, былъ вызванъ весьма серіозными причинами, которыя г. Тиса вѣроятно устранить не могъ. На одну изъ этихъ причинъ указалъ въ сообщенной нами рѣчи Dr. Политъ, доказывавшій что дѣла Цислейтаніи не могутъ не отразиться такъ или иначе на внутренней политикѣ Венгріи. Въ силу сдѣлки заключенной между Австріей и Венгріей въ 1867 году, когда былъ введенъ дуализмъ, каждая изъ половинъ имперіи пользуется полною автономіей и не имѣетъ права даже косвеннымъ образомъ касаться внутреннихъ дѣлъ другой половины. Основнымъ принципомъ было тогда выставлено господство Мадьяръ въ одной половинѣ имперіи, а господство Нѣмцевъ въ другой. Пока въ Цислейтаніи правленіе находилось въ рукахъ либеральной нѣмецкой партіи, политика обѣихъ половинъ имперіи шла параллельно: въ обѣихъ половинахъ держались твердо системы централизаціи. Но съ водвореніемъ кабинета Таафе, въ Цислейтаніи все перемѣнилось. Занятіе Босніи и Герцеговины, усилившее славянскій элементъ Австріи, повело къ паденію централистовъ, и новому кабинету не осталось ничего другаго какъ вступить на путь уступокъ славянскимъ національностямъ Цислейтаніи. Правда, не всѣ славянскія національности Австріи пользуются одинаковыми правами—укажемъ хоть на Галицкихъ Русскихъ, но за то Поляки въ Галиціи пользуются теперь правами чуть ли не большими чѣмъ сами Нѣмцы.

Новый порядокъ вещей въ Цислейтаніи не замедлилъ скоро отозваться и въ славянскихъ областяхъ короны Св. Стефана, въ особенности же въ католической Хорватіи связанной религіозными узами съ клерикальною Чехіей и польскою Галиціей. Какъ только въ Босніи и Герцеговинѣ былъ водворенъ нѣкоторый порядокъ, въ провинціи эти было послано множество хорватскихъ чиновниковъ, въ коихъ не безъ основанія надѣялись найти между прочимъ усердныхъ пропагандистовъ католицизма. Мысль о „Великой Хорватіи,“ въ составъ коей должны бы входить, кромѣ собственно Хорватіи и Славоніи, еще Далматія, Боснія и Герцеговина, стала выступать все рѣзче, что̀ причиняло не мало безпокойства венгерскимъ правителямъ. Положимъ, мечты Хорватовъ еще не осуществились и вѣроятно еще далеки отъ осуществленія, но что между Вѣной и Загребомъ произошло, благодаря вторженію Австріи на Балканскій полуостровъ, нѣкоторое сближеніе, которое можетъ современемъ стать роковымъ для дуализма въ его нынѣшней формѣ, въ этомъ теперь мало кто сомнѣвается. Мадьярскіе политики, не исключая вѣроятно и г. Тисы, отлично сознавали опасность угрожающую Венгріи отъ занятія славянскихъ провинцій, но имъ было не подъ силу бороться съ тою всесильною рукой которая вытолкнула Австрію изъ Германіи и продолжаетъ толкать ее на славянскій Востокъ. Г. Тиса долженъ былъ покориться и добился въ парламентѣ одобренія „оккупаціи,“ отъ которой Венгрія, кромѣ обремененія своихъ финансовъ, не получила ровно ничего. Когда въ послѣднее время въ Хорватіи начались смуты, мадьярскій министръ-президентъ уже не могъ дѣйствовать самостоятельно и поспѣшилъ въ Вѣну чтобы тамъ просить поддержки. Оппозиціонные депутаты венгерской палаты депутатовъ утверждали, во время послѣднихъ преній, что мадьярскому министру-президенту *приказали* въ Вѣнѣ быть уступчивымъ относительно Хорватовъ; онъ, со своей стороны, утверждалъ что даже частнымъ образомъ не совѣщался съ австрійскими министрами. Какъ бы то ни было, но г. Тиса, до сихъ поръ ставившій выше всего принципъ мадьярской централизаціи, сталъ внезапно очень уступчивъ, и чтобъ оправдать свою уступчивость, всѣми силами старается свести хорватскій бунтъ на степень незначительной демонстраціи.

Той же тактикѣ какъ министръ-президентъ слѣдовалъ и непосредственный виновникъ хорватскихъ безпорядковъ министръ финансовъ графъ Сапари. Послѣдній, въ своемъ рвеніи доказать что загребскіе безпорядки были простою демонстраціей уличной толпы, позволилъ себѣ торжественно заявить что само Хорватское правительство, то-есть банъ Хорватіи и его ближайшіе совѣтники находили *вполнѣ законнымъ* чтобы въ Хорватіи были выставлены гербы съ надписями на мадьярскомъ и хорватскомъ языкахъ. Спустя два дня послѣ этого заявленія, въ офиціозномъ *Пештскомъ Ллойдѣ* было напечатано открытое письмо бывшаго бана Хорватіи графа Пеячевича, съ заявленіемъ что онъ еще за три съ половиной года

предъ симъ возсталъ противъ мадьярскихъ надписей, находя ихъ *незаконными*, и затѣмъ открыто высказалъ свое мнѣніе на совѣщаніяхъ министровъ недавно въ Вѣнѣ. Графъ Сапари вѣроятно поспѣшитъ объяснить все дѣло „недоразумѣніемъ,“ но это нисколько не засвидѣтельствуетъ правдивости его парламентскаго заявленія.

Пренія венгерской палаты депутатовъ обнаружили, вопервыхъ, что Мадьярское правительство боится пока приступить къ рѣшенію Хорватскаго вопроса; вовторыхъ, что оно, благодаря иностранной политикѣ имперіи, перестало быть полнымъ хозяиномъ у себя дома, и наконецъ что возставая противъ завоеваній на Востокѣ мадьярскіе патріоты, со своей точки зрѣнія, были совершенно правы.

Въ упомянутой выше парламентской рѣчи, Dr. Политъ заявилъ между прочимъ что благодаря столкновенію съ Венгріей давнишняя вражда между Сербами и Хорватами совершенно исчезла. Граждане города Загреба поспѣшили выразить Dr. Политу благодарность за высказанныя имъ слова. Фактъ для господъ Мадьяръ весьма знаменательный.

№ 282.

Москва, 10-го октября.

Въ Австріи на дняхъ кончается сессія областныхъ сеймовъ, изъ коихъ въ настоящее время засѣдаютъ только четыре: Львовскій, Моравскій, Краинскій и Тріестскій. Другіе сеймы, какъ извѣстно, закрыты уже давно, хотя ни одинъ изъ нихъ не рѣшилъ вполнѣ вопросовъ подлежавшихъ его обсужденію. Послѣднее явленіе весьма понятно; вмѣсто того чтобы заниматься дѣлами, члены большинства сеймовъ посвящали все свое время политическимъ и главнымъ образомъ національнымъ распрямъ. Кончающаяся сессія сеймовъ обнаружила полнѣйшій разладъ между многочисленными національностями Цислейтаніи, что наглядно характеризуетъ „эру примиренія“ національностей провозглашенную кабинетомъ графа Таафе при его вступленіи въ должность.

Теперь исключительное вниманіе австрійскихъ политическихъ круговъ обращено на имѣющую открыться на дняхъ сессію австро-венгерскихъ делегацій, обсужденію коихъ подлежатъ общеимперскія военныя и финансовыя дѣла и вопросы иностранной политики.

Новый составъ австро-венгерскихъ делегацій существенно разнится отъ прежняго. Такъ въ австрійской, цислейтанской, делегаціи въ прошлую сессію большинство принадлежало нѣмецкой централистской партіи, а теперь централисты будутъ въ меньшинствѣ, что впрочемъ вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ положенію въ Вѣнской палатѣ депутатовъ. Въ венгерской делегаціи отъ Пештской палаты депутатовъ въ прошлыя сессіи всегда четыре мѣста отдавались членамъ такъ-называемой умѣренной оппозиціи, а теперь партіи этой даны всего три мѣста, а четвертое перешло къ депутату стоящему внѣ партій, но повидимому готовому голосовать вмѣстѣ съ приверженцами правительства. Крайняя лѣвая, какъ и прежде, не будетъ имѣть въ делегаціяхъ ни одного мѣста, хотя почти четверть членовъ палаты депутатовъ ея приверженцы.

Въ виду этихъ перемѣнъ, уменьшившихъ число оппозиціонныхъ делегатовъ, слѣдуетъ ожидать что предстоящая сессія пройдетъ спокойно и что делегаты безъ долгихъ преній одобрятъ дѣйствія общеимперскихъ министровъ за истекшій годъ.

Хотя открытіе делегацій должно послѣдовать въ самомъ близкомъ будущемъ (23 октября н. с.), въ печать по настоящее время проникло весьма мало свѣдѣній объ имѣющихъ поступить на обсужденіе делегацій предложеніяхъ правительства. Извѣстно только что ординарные расходы общеимперскаго военнаго министерства, согласно составленному бюджету, предполагается нѣсколько *увеличить*, что конечно вполнѣ соотвѣтствуетъ „мирной“ политикѣ двойственной имперіи; за то, съ другой стороны, экстраординарные расходы военнаго министерства проектированы въ меньшемъ размѣрѣ, такъ какъ одно время было основаніе полагать что еще въ текущемъ году представится возможность значительно сократить численность расположенныхъ въ Босніи и Герцеговинѣ австрійскихъ войскъ и такимъ образомъ сдѣлать сбереженія.

Въ послѣдніе дни изъ занятыхъ австрійскими войсками турецкихъ провинцій получены однако весьма тревожныя извѣстія. Въ офиціозномъ *Пештскомъ Ллойдѣ* была надняхъ напечатана, воспроизведенная на-

ми, корреспонденція изъ Цетинья, въ коей между прочимъ сообщалось что извѣстные вожди герцеговинскаго возстанія Стоянъ Ковачевичъ, Салко Форта и другіе бѣжали изъ Черногоріи и успѣли уже организовать въ Герцеговинѣ четыре отряда хорошо вооруженныхъ инсургентовъ, по 400 человѣкъ въ каждомъ. Спустя два дня, тотъ же *Ллойдъ* поспѣшилъ опровергнуть сообщенное имъ извѣстіе, называя его ложнымъ, и тутъ же замѣтилъ что обыкновенно предъ началомъ делегаціонной сессіи „распускаются сенсаціонныя свѣдѣнія съ цѣлью произвести впечатлѣніе на делегатовъ."

Опровергнувъ собственное извѣстіе о возстаніи въ Герцеговинѣ, органъ бывшаго австро-венгерскаго канцлера кстати опровергаетъ и извѣстіе объ усиленной эмиграціи боснійскихъ магометанъ въ Турцію, такъ какъ подобная эмиграція находилась бы въ прямомъ противорѣчіи съ офиціальными заявленіями министровъ, по словамъ коихъ въ Босніи и Герцеговинѣ „все обстоитъ благополучно." Этимъ вѣроятно имѣлось въ виду оказать услугу общеимперскому министру финансовъ Каллаю, которому придется докладывать делегаціямъ о положеніи дѣлъ въ Босніи и Герцеговинѣ, такъ какъ обѣ эти провинціи, какъ извѣстно, находятся въ непосредственномъ вѣдѣніи министра финансовъ. Въ виду щекотливости вопроса о положеніи дѣлъ въ занятыхъ австрійскими войсками турецкихъ провинціяхъ, на г. Каллаѣ лежитъ довольно трудная задача, въ особенности если кѣмъ-нибудь изъ делегатовъ, какъ это случилось въ прошлую сессію, будетъ внесенъ запросъ касательно окончательнаго регулированія положенія Босніи и Герцеговины по отношенію къ Австрійской имперіи. Можно полагать что на подобнаго рода запросы министръ дастъ болѣе или менѣе ясный отвѣтъ вѣроятно только въ делегаціонныхъ коммиссіяхъ, совѣщанія коихъ сохраняются въ строгой тайнѣ, въ общемъ же засѣданіи делегацій (Plenarsitzung) г. Каллай по обыкновенію вѣроятно сумѣетъ отдѣлаться фразами о святости европейскихъ договоровъ, о благѣ цивилизаціи распространяемой среди Босняковъ австрійскими „культуртрегерами" и т. п.

Интереснѣе другихъ обѣщаютъ быть заявленія министра иностранныхъ дѣлъ графа Кальноки, такъ какъ истекшій годъ обиленъ событіями имѣющими для Австрійской имперіи, и въ особенности для ея политики на Востокѣ, весьма крупное политическое значеніе. Помимо запросовъ о цѣли Зальцбургскаго свиданія, о томъ продолженъ ли Австро-Германскій союзъ, графу Кальноки придется высказаться о „союзахъ" надѣлавшихъ въ послѣднее время столько шума, о поѣздкахъ королей Греческаго, Румынскаго и Сербскаго, о Дунайскомъ вопросѣ и другихъ второстепенныхъ вопросахъ имѣющихъ для Австріи большое значеніе и выдвинувшихся въ текущемъ году.

Вообще предстоящая сессія австро-венгерскихъ делегацій обѣщаетъ быть весьма интересною. Не слѣдуетъ однако упускать изъ виду что заявленія министровъ въ делегаціяхъ—по крайней мѣрѣ тѣ которыя предаются гласности—далеко не всегда соотвѣтствуютъ настоящему положенію дѣлъ и не всегда служатъ выраженіемъ мнѣній и намѣреній правительства. Припомнимъ только что по поводу поѣздки короля Гумберта въ Вѣну и вступленія Италіи въ „средне-европейскій союзъ" министры Кальноки, Тиса и Манчини высказали въ прошломъ году мнѣнія если не діаметрально противоположныя, то во всякомъ случаѣ болѣе или менѣе другъ другу противорѣчащія. Въ предстоящую сессію делегацій, какъ и всегда, гораздо болѣе интереса представляетъ то что не будетъ договорено, чѣмъ то о чемъ министры будутъ съ паѳосомъ толковать въ назиданіе „представителей народа" и съ цѣлью произвести впечатлѣніе за границей.

№ 283.

Москва, 11-го октября.

Въ № 262 нашей газеты было сказано нѣсколько словъ по возбужденному въ настоящее время важному вопросу объ элеваторахъ и варрантахъ, о которомъ въ печати безпрерывно появляются разные толки и отрывочныя свѣдѣнія. Кстати или некстати, въ статьѣ была цитована брошюра гг. Геннингса и Мертенса *О торговыхъ складахъ въ Ригѣ съ выдачею ссудъ по варрантамъ*. Справка эта была доставлена намъ однимъ почтеннымъ лицомъ, отъ котораго и прежде не разъ получали мы свѣдѣнія, особенно по желѣзнодорожному

дѣлу, которыя всегда оказывались безукоризненно вѣрными. Въ настоящемъ случаѣ, точность и умѣстность ссылки на означенную брошюру возбудили сомнѣніе, которое и было высказано въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 266), что вызвало горячую отповѣдь со стороны задѣтаго этимъ сомнѣніемъ лица (*Моск. Вѣд.* № 273). Случилось это въ отсутствіе издателя, и по разсмотрѣніи вопроса мы считаемъ долгомъ заявить что сомнѣніе высказанное въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* относительно вышеупомянутой цитаты было совершенно основательно и что отвѣтная замѣтка нашего сотрудника столько же въ данномъ случаѣ незаслуженно рѣзка, сколько и несправедлива. Эта злополучная, некстати вставленная ссылка на брошюру гг. Геннингса и Мертенса не имѣла никакого отношенія въ сущности передовой статьи въ № 262 *Московскихъ Вѣдомостей*.

Въ виду важности вопроса объ элеваторахъ уже находящагося на разсмотрѣніи Государственнаго Совѣта и остерегаясь сообщеній и печатныхъ и письменныхъ, хотя бы и отъ заслуживающихъ довѣрія лицъ, мы поспѣшили добыть документальныя свѣдѣнія по этому предмету. По этимъ свѣдѣніямъ, дѣло, въ главныхъ чертахъ, заключается въ слѣдующемъ.

Еще въ іюлѣ прошлаго 1882 года, двое французскихъ гражданъ, герцогъ Карлъ де-Морни и Мари де-ла-Гантъ обратились къ правительству съ ходатайствомъ о дозволеніи имъ учредить акціонерное общество, съ основнымъ капиталомъ на первое время въ $12^1/_2$ милліоновъ металлическихъ рублей, для устройства и содержанія въ Имперіи всякаго рода товарныхъ складовъ съ зерноподъемами и выдачей варрантовъ. Представленный названными предпринимателями проектъ находился на разсмотрѣніи многихъ министровъ, сдѣлавшихъ на него разныя замѣчанія. Въ числѣ этихъ замѣчаній немало было вѣскихъ по существу и клонившихся не въ пользу проектированнаго акціонернаго общества. Но прежде чѣмъ вопросъ о немъ поступилъ на окончательное законодательное обсужденіе, французское предпріятіе замѣнилось другимъ, французско-русско-американскимъ. Къ двумъ упомянутымъ учредителямъ-Французамъ присоединились двое Русскихъ, П. П. Дурново и П. П. Демидовъ князь Санъ-Донато, и двое Американцевъ, гг. Мартинъ и Фишеръ. Эти шесть лицъ, 30 апрѣля текущаго года, внесли на обсужденіе правительства новый проектъ устройства въ Россіи варрантныхъ складовъ, во многомъ сходный съ прошлогоднимъ іюльскимъ проектомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и существенно отъ него отличающійся. Новые предприниматели, конечно, воспользовались замѣчаніями на прежній проектъ чтобъ устранить по возможности изъ новаго проекта то чѣмъ они вызывались; такъ, напримѣръ, они уже не просили, какъ просили ихъ французскіе сотоварищи, о безплатной уступкѣ проектируемому обществу могущихъ служить для его цѣлей казенныхъ земель и объ обязательномъ въ его пользу отчужденіи недвижимостей принадлежащихъ частнымъ лицамъ, обществамъ и земствамъ; они въ сравнительно большей мѣрѣ допускали правительственный контроль и вообще гарантіи для публики имѣющей пользоваться услугами проектированнаго общества. Но при этомъ, вмѣсто капитала въ $12^1/_2$ милліоновъ руб., уже вызывавшаго своими размѣрами серіозныя опасенія что предпріятіе можетъ получить монопольный характеръ, общество по новому проекту предполагаетъ открыть свою дѣятельность съ капиталомъ вдвое бóльшимъ (25 милліоновъ металл. руб.). Затѣмъ предпріятіе являлось иностраннымъ уже не въ томъ только смыслѣ что оно будетъ вести дѣло преимущественно на иностранные (главнымъ образомъ американскіе) капиталы, но и въ томъ что оно по проекту учреждалось и имѣло свое пребываніе не въ Россіи, а въ одномъ изъ штатовъ Сѣверной Америки, въ Россіи же обязывалось имѣть лишь особое отвѣтственное агентство къ которому могли бы обращаться какъ правительственныя, такъ и частныя лица. Для учрежденія этого иностраннаго общества, согласно ходатайству учредителей, правительство должно было отступить отъ существующихъ порядковъ признанія иностранныхъ обществъ и допущенія дѣятельности ихъ въ Имперіи; требовалось чтобы французско-русско-американское или, какъ оно называется въ проектѣ, Русско-Американское общество было признано и будущая дѣятельность его въ Россіи допущена до образованія самого общества и безъ представленія имъ своего устава на одобреніе правительства.

Представленный шестью учредителями проектъ Русско-Американскаго общества, по разсмотрѣніи его нѣкоторыми изъ ми-

нистровъ, вызвалъ съ ихъ стороны новый рядъ замѣчаній, и нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній уже приняты во вниманіе учредителями и повели къ соотвѣтственнымъ измѣненіямъ въ самомъ проектѣ. Такъ, въ проектъ внесено условіе что общество открываетъ свои дѣйствія въ Россіи не позже шести мѣсяцевъ по полученіи разрѣшенія и притомъ не прежде какъ по взносѣ въ Государственный Банкъ 20% съ основнаго капитала, то-есть 5.000.000 р. металлическихъ; сверхъ того учредители, какъ намъ сообщено, изъявили согласіе внести 1 милліонъ метал. рублей постояннаго неприкосновеннаго залога. Не мало также сдѣлано въ проектѣ измѣненій въ смыслѣ расширенія правительственнаго контроля и готовности общества подчинять свою дѣятельность правительственной регламентаціи, хотя и при всемъ этомъ остается еще вопросомъ дѣйствительно ли этими контролемъ и регламентаціей русскіе интересы обезпечиваются въ достаточной мѣрѣ. Далѣе, вмѣсто предложеннаго въ апрѣлѣ учрежденія въ Россіи только одного отвѣтственнаго агентства, общество обязуется имѣть въ Россіи особое отвѣтственное агентство съ отдѣленіями во всѣхъ мѣстностяхъ гдѣ будутъ расположены склады общества, къ которымъ могли бы обращаться какъ правительство, такъ и частныя лица, и дѣйствія которыхъ были бы обязательны для общества. Въ послѣднее время, уже по внесеніи проекта въ Государственный Совѣтъ, учредители, какъ намъ сообщено, изъявили согласіе имѣть въ Россіи не просто агентство, а правленіе, большинство членовъ коего были бы изъ русскихъ подданныхъ.

При всемъ этомъ рядѣ послѣдовательныхъ уступокъ, учредители, однако, стойко защищаютъ тѣ пункты своего проекта въ силу которыхъ общество хотя и подчиняется русскимъ законамъ и русской юрисдикціи въ своей дѣятельности на русской территоріи, но учреждается все-таки не въ Россіи, а въ одномъ изъ штатовъ Сѣверной Америки, на основаніи тамошнихъ законовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ настаивается и на томъ чтобы правительство, при дарованіи просимой концессіи, допустило по отношенію къ Русско-Американскому обществу отступленіе отъ общаго порядка признанія иностранныхъ обществъ. Указывая на немалое число сдѣланныхъ ими самими уступокъ, учредители ожидаютъ уступки и со стороны правительства по тому пункту которому придаютъ особенное, существенное значеніе. Эта уступка, по заявленію учредителей, требуется дабы облегчить имъ исполненіе ихъ задачи, которая должна вести къ достиженію цѣлей полезность коихъ никѣмъ не отвергается. Предварительное, до учрежденія общества, утвержденіе концессіи необходимо учредителямъ, какъ они говорятъ, потому что они не могутъ дѣлать затратъ на устройство общества не убѣдившись что оно будетъ допущено къ дѣятельности въ Россіи. Еслибы дѣло шло объ обыкновенномъ коммерческомъ предпріятіи, иностранное общество для его осуществленія могло бы организоваться на свой рискъ и страхъ, не заручаясь предварительнымъ контрактомъ съ правительствомъ: рискъ былъ бы не великъ, потому что, при отсутствіи какихъ-либо исключительныхъ причинъ, нельзя и ожидать отказа въ признаніи такого иностраннаго общества. Но въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ не объ обыкновенномъ коммерческомъ предпріятіи; тутъ дѣло слишкомъ близко соприкасается съ вопросами общей промышленной и торговой политики государства. Въ такомъ дѣлѣ учредители безъ предварительнаго правительственнаго одобренія не находятъ возможнымъ рискнуть устройствомъ общества которое можетъ въ послѣдствіи оказаться не соотвѣтствующимъ программѣ государственной политики и въ силу этого можетъ быть отвергнуто правительствомъ.

Понятно и естественно желаніе учредителей Русско-Американскаго общества обезпечить себя при такихъ условіяхъ контрактомъ или концессіей. Но не менѣе серіозны и соображенія побуждающія правительство къ соблюденію особой осторожности при обсужденіи дѣла которое, по мнѣнію самихъ учредителей, можетъ въ послѣдствіи оказаться не соотвѣтствующимъ государственной политикѣ. Къ такому дѣлу всего болѣе примѣнима пословица: десять разъ примѣрь, одинъ отрѣжь. Бѣды отъ небольшой отсрочки рѣшенія вопроса быть не можетъ, и въ пользу такой отсрочки говоритъ уже то что вопросъ еще не представляется всесторонне и окончательно разъясненнымъ; многое въ немъ еще остается сомнительнымъ. Такъ, напримѣръ, не въ достаточной мѣрѣ устранены опасенія что общество можетъ пріобрѣсти монопольный характеръ, и что,

вмѣсто того чтобы вызвать къ жизни новыя варрантныя предпріятія, оно можетъ серіозно затруднить ихъ возникновеніе. Не перестаютъ также смущать достаточно испытанныя неудобства многихъ иностранныхъ предпріятій на русской почвѣ.

Мы не преминемъ войти въ разсмотрѣніе этихъ и подобныхъ имъ недостаточно разъясненныхъ сторонъ вопроса.

№ 284.

Москва, 12-го октября.

Тотчасъ по возобновленіи засѣданій Московской Городской Думы, прерванныхъ (безъ ущерба для городскаго хозяйства) на все лѣто за отсутствіемъ гласныхъ, поступилъ на разсмотрѣніе докладъ коммиссіи о введеніи въ Москвѣ взаимнаго страхованія. Ко всеобщему удивленію, дѣло это на сей разъ не отложено въ долгій ящикъ, хотя въ это время Дума, въ простотѣ своей души, занималась своего рода политическими демонстраціями. Упомянутый докладъ о взаимномъ страхованіи былъ почему-то признанъ нетерпящимъ отлагательства, и не только былъ принятъ *почти безъ преній*, не подвергшись измѣненію, но съ нимъ вмѣстѣ заслужилъ одобренія и приложенный къ нему *проектъ устава обязательнаго взаимнаго страхованія имуществъ отъ огня въ Москвѣ*, причемъ постановлено поручить городской управѣ ходатайствовать о введеніи этого устава въ дѣйствіе.

Неизвѣстно прониклись ли господа гласные убѣжденіемъ въ пригодности и примѣнимости положеній устава, или же поспѣшность ихъ была вынуждена какими-либо исключительными вліяніями, тѣсно связанными съ предстоящею выборною агитаціей, но предъ нами и докладъ и уставъ, и, по ознакомленіи съ содержаніемъ того и другаго, нельзя не сказать: не стоило торопиться.

Взаимное страхованіе есть дѣло доброе, и за него мы усердно высказывались. Но, какъ было нами показано на основаніи свѣдѣній о дѣятельности обществъ взаимнаго страхованія въ другихъ странахъ, при сравненіи ихъ съ подобными обществами въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, взаимное страхованіе представляетъ и выгоду и достаточную гарантію возмѣщенія убытковъ лишь въ томъ случаѣ когда не ограничивается однимъ городомъ или даже губерніей, когда страхователи вступающіе между собою въ союзъ вербуются повсемѣстно въ государствѣ или въ обширной, состоящей изъ многихъ губерній, области. Чѣмъ больше рискующихъ, тѣмъ меньше риска для каждаго. Благодаря этому, взаимное страхованіе, повидимому угрожая участникамъ отвѣтственностію за пожарные убытки въ чужомъ имуществѣ, доставляетъ имъ на самомъ дѣлѣ прибыль какъ возвратомъ части внесенной преміи, такъ и постояннымъ пониженіемъ самаго размѣра оной, доводящимъ ее до ничтожной суммы въ сравненіи съ преміями какія взимаются акціонерными обществами.

Но что за фантазія ввести обязательное страхованіе въ городѣ Москвѣ? Это значило бы предоставить Думѣ обложить домовладѣльцевъ сборомъ не спрашивая хочетъ кто или не хочетъ страховать свое имущество. Составители устава обязательнаго страхованія въ Москвѣ не придумали, однако, такого способа взиманія страховаго налога, который не допускалъ бы недоимокъ. Зачѣмъ домовладѣльцу быть исправнымъ плательщикомъ если его домъ будетъ считаться застрахованнымъ во всякомъ случаѣ? Правда, Думѣ предоставляется съ неисправнаго плательщика взыскивать пеню. Но если до взысканія домъ такого неплательщика сгоритъ, то онъ по праву, въ силу устава, будетъ требовать съ Думы вознагражденія за свой пожарный убытокъ, конечно съ вычетомъ невнесеннаго имъ платежа.

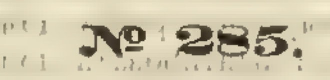
Докладъ думской коммиссіи разчитываетъ получить страховыхъ премій отъ всѣхъ московскихъ зданій, не исключая и казенныхъ, около двухъ съ половиной милліоновъ въ годъ. Но въ Москвѣ есть зданія цѣнность которыхъ приближается къ этой суммѣ. Если одно такое зданіе сгоритъ, то что останется у Думы для вознагражденія прочихъ погорѣльцевъ?

Наконецъ, если предоставить Думѣ гарантировать за извѣстную назначаемую ею плату цѣлость всѣхъ городскихъ зданій, то почему бы не оставить на ея попеченіи и самую постройку домовъ? Если Дума будетъ гарантировать дома отъ пожарной опасности, то самимъ хозяевамъ нечего будетъ объ этомъ заботиться. Принимать мѣры предосторожности на случай пожара нерадивые хозяева (а такихъ всег-

да много) сочтутъ для себя излишнимъ. Все равно, молъ, Дума вознаградитъ за сгорѣвшее; на то она установила особый сборъ.

Изъ самаго доклада думской коммиссіи явствуетъ что еще въ сороковыхъ годахъ гг. Классенъ, Зерновъ и др. составили было проектъ устава объ обязательномъ страхованіи для Москвы; но уставъ этотъ отвергнутъ былъ въ 1847 году Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, который „призналъ неудобнымъ вмѣненіе *обязательнаго* участія во взаимномъ страхованіи всѣмъ владѣльцамъ имуществъ." За устройство *добровольнаго* взаимнаго страхованія высказалась коммиссія учрежденная при Московской Думѣ постановленіемъ ея отъ 23 марта 1881 года, собравшая весьма цѣнный матеріалъ въ доказательство прибыльности страховаго дѣла вообще для самихъ страхователей. Въ докладѣ упоминается и о напечатанной въ 1867 году брошюрѣ *Взаимное страхованіе отъ пожаровъ*, А. Преженцова, въ которой проводилась мысль что взаимное страхованіе должно быть устроено такимъ образомъ чтобъ оно обнимало большія области, изъ коихъ должны быть образуемы отдѣльные страховые округи, въ предѣлахъ которыхъ назначается особый размѣръ страховыхъ премій сообразно средней суммѣ пожарныхъ убытковъ въ предѣлахъ каждаго. Всѣ эти округа должны быть между собою во взаимной связи, а для объединенія округовъ предлагалось даже учрежденіе *Центральнаго Банка Взаимнаго Страхованія*.

Это та же мысль которая лежитъ въ основаніи проектируемаго теперь устава *Всероссійскаго Общества Взаимнаго Страхованія*, о которомъ намъ писали недавно изъ Петербурга, за утвержденіе котораго говоритъ опытъ другихъ странъ Европы, гдѣ существуетъ нѣсколько такихъ обществъ и между прочимъ, германскій *Имперскій Банкъ въ Готѣ*, на блестящіе результаты дѣятельности котораго указывалось въ № 259 *Московскихъ Вѣдомостей*.



№ 285.

Москва, 13-го октября.

Никто конечно не ожидалъ что проѣздъ короля Альфонса чрезъ Парижъ произведетъ такое сильное дѣйствіе на теченіе внутреннихъ дѣлъ Французской республики. Оказывается теперь, по общему мнѣнію французскихъ политиковъ и журналистовъ, что съ 29 сентября 1883 года, то-есть со дня скандальной встрѣчи короля Испанскаго парижскою чернью, началась новая эпоха въ исторіи третьей республики. Эта эпоха ознаменовалась уже нѣсколькими крупными и характеристическими событіями: отставкой радикальнаго генерала Тибодена, назначеніемъ на его мѣсто бывшаго Гамбеттовскаго военнаго министра генерала Кампенона, и наконецъ двумя рѣчами произнесенными 13 и 14 октября Жюлемъ Ферри въ Руанѣ и Гаврѣ. Въ этихъ рѣчахъ, министръ-президентъ къ общему удивленію торжественно высказался за столь непопулярный принципъ покойнаго Гамбетты, требовавшаго установленія *сильной* правительственной власти, и не побоялся объявить непримиримую войну возрастающему съ каждымъ днемъ радикализму.

Никогда еще со времени коммуны французскіе радикалы не говорили такимъ самоувѣреннымъ тономъ какимъ въ настоящее время произносятся и печатаются громоносныя филиппики противъ правительства Французской республики. Численность партіи *несговорчивыхъ* увеличивается съ каждымъ днемъ въ весьма значительныхъ размѣрахъ. Послѣдніе частные выборы въ палату депутатовъ и сенатъ, произведенные въ разныхъ городахъ Франціи и даже Алжира, окончились всѣ блестящимъ торжествомъ друзей гг. Клемансо и Рошфора, которые чрезъ своего вѣрнаго союзника, военнаго министра Тибодена, простирали даже свое вліяніе, съ одной стороны, на правительство, а съ другой — на армію. Стали уже поговаривать о томъ какъ кабинетъ Ферри уступитъ мѣсто „настоящему демократическому" министерству Клемансо и о томъ какимъ свѣтиламъ радикализма достанутся портфели въ этомъ новомъ министерствѣ, которое, какъ надѣялись *несговорчивые*, не встрѣтило бы препятствій ни со стороны лишившихся своихъ вождей гамбеттистовъ, бонапартистовъ и роялистовъ, ни со стороны совершенно безличнаго президента республики г. Греви.

Относительно г. Греви радикалы дѣйствительно не ошиблись: онъ и теперь готовъ идти на всякіе компромиссы съ ними, какъ это можно видѣть изъ статей еже-

дневно-печатающихся въ его органѣ *La Paix*. Но совершенно неожиданнаго противника они внезапно, послѣ 29 сентября, нашли въ лицѣ г. Ферри, рѣшившагося взять на себя неблагодарную и непопулярную роль политическаго преемника покойнаго Гамбетты. Пользуясь отсутствіемъ парламента, онъ съ необыкновенною энергіей настоялъ на томъ чтобы г. Греви противъ своего желанія удалилъ г. Тибодена изъ кабинета и пригласилъ на его мѣсто ненавистнаго радикаламъ генерала Кампенона, личнаго друга покойнаго Гамбетты, которому приписывалось намѣреніе свергнуть съ президентства г. Греви и прочистить себѣ путь къ диктатурѣ посредствомъ арміи, которая находилась бы въ рукахъ энергическаго генерала Кампенона. Но этого мало. Не успѣлъ генералъ Кампенонъ вступить въ военное министерство какъ онъ назначилъ себѣ помощникомъ того самаго Казимира Перье который въ февралѣ сложилъ съ себя депутатское званіе, протестуя этимъ противъ изгнанія изъ французской арміи Орлеанскихъ принцевъ. Этого обстоятельства было конечно достаточно для радикаловъ чтобъ обвинить гг. Ферри и Кампенона въ орлеанизмѣ, то-есть въ государственной измѣнѣ

Но у г. Ферри откуда-то явилась необыкновенная смѣлость: онъ не устрашился этого обвиненія и воспользовался своимъ пребываніемъ въ Руанѣ и Гаврѣ для того чтобы безо всякихъ обинякомъ высказаться за *сильное* правительство и объявить радикаловъ злѣйшими врагами государства.

Рѣчи г. Ферри подняли, какъ и слѣдовало ожидать, невообразимую бурю негодованія въ лагерѣ *несговорчивыхъ*. Даже на Гамбетту, во время его министерства, не изливались такіе потоки площадной брани какими теперь награждаютъ радикалы Жюля Ферри за то что онъ осмѣлился „принять позорное наслѣдіе Гамбетты.“ Предстоящая сессія французскаго парламента откроется вѣроятно цѣлымъ рядомъ бурныхъ засѣданій, послѣ которыхъ окончательно выяснится ближайшая участь г. Ферри.

Но теперь уже можно сказать что если французскій министръ-президентъ дѣйствительно серіозно задумалъ бороться съ радикалами, то онъ затѣялъ рискованную игру, въ которой ему едва ли суждено имѣть болѣе успѣха чѣмъ предшественнику его въ политикѣ сильнаго правительства, покойному Гамбеттѣ. Какая въ самомъ дѣлѣ можетъ быть серіозная рѣчь о сильномъ правительствѣ, идущемъ по своей прямой, ясно опредѣленной дорогѣ, наперекоръ парламентскимъ интригамъ, если во главѣ того правительства будетъ стоять тотъ именно человѣкъ который представляетъ въ современной исторіи идеалъ совершенно безсильнаго правителя, человѣкъ безпрекословно преклоняющійся предъ самыми вздорными капризами парламентскаго большинства и вмѣняющій себѣ въ главную заслугу безусловное отсутствіе всякой самостоятельной политики? Онъ уже теперь выразилъ въ своей газетѣ *La Paix* порицаніе г. Ферри за то что тотъ только *заговорилъ* о сильной власти; что же будетъ потомъ когда г. Ферри захочетъ примѣнить свои слова на дѣлѣ, и когда противъ него поднимется парламентское большинство?

Это большинство, правда, не состоитъ изъ радикаловъ, а потому казалось бы что г. Ферри можетъ разчитывать на поддержку со стороны парламента. Но въ той палатѣ которая свергла г. Гамбетту было еще меньше радикаловъ нежели въ той съ которою придется бороться г. Жюлю Ферри. Главные его враги будутъ не радикалы, а тѣ либеральные доктринеры и парламентскіе интриганы которые представятъ принципъ сильнаго правительства деспотизмомъ какого нельзя терпѣть въ республикѣ. Такихъ отчасти близорукихъ, отчасти своекорыстныхъ людей въ палатѣ всегда найдется изрядное количество, а если къ нимъ примкнутъ монархисты и радикалы, то легко составится большинство враждебное г. Ферри.

Но если и удастся г. Ферри на первое время одержать побѣду въ палатѣ депутатовъ, то оппозиція противъ него еще только усилится въ низшихъ слояхъ населенія, то-есть въ главномъ контингентѣ избирателей, благодаря необузданной агитаціи противъ него со стороны дешевой радикальной печати. Недавно еще министръ внутреннихъ дѣлъ Вальдекъ-Руссо преиаивно жаловался въ Бурронѣ на то что такія несомнѣнно „либеральныя“ учрежденія какъ свобода печати и свобода сходокъ приносятъ не пользу, а положительный вредъ государству, „такъ какъ ими только пользуются враги народа (то-есть радикалы), а не его истинные друзья.“ Въ

своей рѣчи министръ приглашалъ этихъ послѣднихъ тоже издавать дешевыя газеты и устраивать публичныя сходки, дабы этимъ парализовать вредное вліяніе радикаловъ, не подозрѣвая въ своей простотѣ что свобода печати и свобода сходокъ потому именно и эксплуатируются врагами народа что одни только эти господа и могутъ имѣть успѣхъ среди народныхъ массъ благодаря своимъ хлесткимъ и безсовѣстнымъ полемическимъ пріемамъ, тогда какъ честные и серіозные люди по природѣ своей отличаются скромностью, а потому никогда не выдержатъ въ глазахъ „народа" конкурренціи необузданныхъ демагоговъ. При этихъ условіяхъ разчитывать на то что *сильное* правительство будетъ пользоваться *популярностью* очевидно немыслимо, а такъ какъ въ республикѣ правительство постоянно должно дрожать за свою популярность, то изъ этого одного уже можно заключить какъ велики будутъ препятствія которыя встрѣтитъ на своемъ пути г. Ферри если у него дѣйствительно хватитъ столько энергіи чтобы пойти дальше фразъ и осуществить на самомъ дѣлѣ свою программу сильнаго правительства.

Во всякомъ случаѣ весьма интересно будетъ слѣдить за тѣмъ, съ какимъ успѣхомъ совершится во Франціи повтореніе неудавшейся попытки покойнаго Гамбетты.

№ 286.

Москва, 14-го октября.

Въ австрійскую печать хотя и туго, все же понемногу начинаютъ проникать слухи о тѣхъ предложеніяхъ которыя будутъ внесены на разсмотрѣніе открывшихся на дняхъ въ Вѣнѣ австро-венгерскихъ делегацій. Хотя извѣстія эти упоминаютъ отчасти о предполагаемомъ увеличеніи нѣкоторыхъ расходовъ, весьма неудобномъ въ виду и безъ того не особенно блестящаго положенія австрійскихъ финансовъ, офиціозныя газеты тѣмъ не менѣе воздаютъ необычайныя похвалы общеимперскимъ министрамъ, въ особенности же графу Кальноки, который величается мудрѣйшимъ государственнымъ человѣкомъ главнымъ образомъ за то что онъ „неуклонно слѣдуетъ совѣтамъ изъ Берлина."

Особенно доволенъ положеніемъ иностранныхъ дѣлъ Австро-Венгріи офиціозный *Пештскій Ллойдъ*. Венгерская газета радуется не только положенію дѣлъ въ Босніи (которое нѣсколько дней тому назадъ сама выставляла въ довольно мрачномъ свѣтѣ), но въ особенности той роли какую Австро-Венгрія играетъ въ послѣднее время въ Европѣ *въ союзѣ* съ Германіей. „Если мы обратимъ свои взоры за предѣлы Австро-Венгріи, пишетъ *Ллойдъ*, если разсмотримъ положеніе занимаемое нашею монархіей въ совѣтѣ Европы—намъ станетъ ясно что всякія мрачныя опасенія совершенно напрасны. Устремивъ взоръ впередъ, графъ Кальноки увѣренно стоитъ у руля и ведетъ корабль какъ разъ по фарватеру германской политики, а твердая рука князя Бисмарка ужъ позаботится о томъ, чтобы корабль этотъ не сѣлъ на мель." Лирическій восторгъ этого скромнаго и неожиданнаго признанія вполнѣ искрененъ, какъ доказываетъ все продолженіе статьи. Делегатамъ, по словамъ газеты, остается „только порадоваться блестящему положенію дѣлъ и преспокойно вотировать требуемые кредиты." Особенно доволенъ *Пештскій Ллойдъ* положеніемъ на Балканскомъ полуостровѣ. Окончательное рѣшеніе Восточнаго вопроса будетъ де конечно зависѣть отъ *интимности* Германіи съ Австро-Венгріей, но послѣдней *также* принадлежитъ де иниціатива въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ вопросахъ, имѣющихъ впрочемъ важное политическое значеніе.

Крупное значеніе офиціозная газета придаетъ успѣху одержанному австро-венгерскою дипломатіей въ Сербіи, о коей распространяется довольно подробно. Роль Сербіи, по словамъ *Пештскаго Ллойда*, врядъ ли будетъ рѣшающею при будущихъ фазахъ Восточнаго вопроса, но Сербію нельзя де не признать важнымъ факторомъ, съ коимъ придется считаться. „Король Миланъ одушевленъ самыми лучшими намѣреніями, у него былъ кабинетъ (г. Пирочанца и К°) дѣйствовавшій согласно его указаніямъ и планамъ. На этотъ фактъ въ австро-венгерскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ смотрѣли не только какъ на нравственный, но и матеріальный залогъ продолжительной привязанности Сербіи, но при этомъ не приняли въ разчетъ симпатій Сербскаго народа и таинственныхъ фактовъ (!) съ коими приходится считаться." Послѣдніе выборы членовъ скупщины повели де къ паденію кабине-

та Пирочанца потому что австрійскіе дипломаты считали положеніе Австріи въ Сербіи вполнѣ обезпеченнымъ и сидѣли сложа руки (?). Россія же воспользовалась де этимъ и, благодаря ея „рублямъ,“ враждебная Австро-Венгріи оппозиція одержала побѣду.

Весь этотъ вздоръ приводится офиціозною газетой лишь затѣмъ чтобы представить весьма естественнымъ имѣющее поступить на разсмотрѣніе делегацій предложеніе общеимперскихъ министровъ объ *увеличеніи диспозиціоннаго фонда*. „Нѣтъ ничего справедливѣе этого требованія!“ восклицаетъ *Пештскій Ллойдъ*. Австро-венгерское министерство иностранныхъ дѣлъ конечно не желаетъ де разсылать *дукаты* съ тѣмъ чтобъ они конкуррировали съ *русскими рублями*, ибо подобная конкурренція была бы австрійскимъ финансамъ не подъ силу, но необходимость лучшей организаціи австрійскаго шпіонства (Informationsdienst) на Балканскомъ полуостровѣ стала де для всѣхъ очевидною.

Нельзя сказать чтобъ органъ графа Андраши выражался не откровенно; онъ открыто заявляетъ что Австрія намѣрена вести на Балканскомъ полуостровѣ болѣе энергическую подпольную агитацію въ коей такъ изощрились австрійскіе дипломаты. Напрасно только *Пештскій Ллойдъ* такъ неудачно мотивируетъ предложеніе графа Кальноки миѳическими „рублями.“ Всякій кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ положеніемъ дѣлъ въ королевствѣ Сербіи понимаетъ что бывшее австрофильское министерство г. Пирочанца пало главнымъ образомъ потому что оно, не безъ личныхъ конечно разчетовъ, вступило въ болѣе или менѣе вассальныя отношенія къ Австріи и подчинилось ея руководству не только въ иностранныхъ дѣлахъ, но и во внутреннихъ, результатомъ чего было между прочимъ и несправедливое и позорное въ исторіи Сербіи гоненіе противъ архипастыря Сербской церкви митрополита Михаила. Пораженіе кабинета г. Пирочанца на послѣднихъ выборахъ не было неожиданностію ни для кого. Сами сербскіе министры предвидѣли его, поэтому они и откладывали такъ долго скупщинскіе выборы и не рѣшались созвать „великую скупщину“ изъ опасенія что собраніе это привлечетъ ихъ къ судебной отвѣтственности за незаконныя дѣйствія совершенныя въ большинствѣ случаевъ по настоянію вѣнскихъ и пештскихъ друзей. Притомъ настроеніи которое было вызвано въ Сербскомъ народѣ „напреднячскимъ“ министерствомъ, „русскіе рубли“ очевидно были совершенно излишни, и ссылаться на нихъ, какъ это дѣлаетъ *Пештскій Ллойдъ*, значитъ только повторять избитую басню, коей въ настоящее время врядъ ли кто вѣритъ и которая можетъ произвести впечатлѣніе развѣ только на Мадьяръ ослѣпленныхъ своимъ шовинизмомъ и ненавистью къ Россіи.

Щекотливый вопросъ объ окончательномъ (юридическомъ) присоединеніи Босніи и Герцеговины къ Австро-Венгріи также служитъ предметомъ обсужденія офиціозныхъ статей посвященныхъ предстоящимъ работамъ делегацій. Тотъ же *Ллойдъ* и офиціозная вѣнская *Presse* снова требуютъ официальнаго присоединенія этихъ провинцій, находя подобное рѣшеніе вопроса весьма *естественнымъ* и вполнѣ соотвѣтствующимъ интересамъ Австро-Венгріи. Требованіе это тѣмъ болѣе характерно что офиціозныя австрійскія газеты болѣе другихъ толкуютъ о неприкосновенности Берлинскаго трактата, въ силу коего Австро-Венгріи, какъ извѣстно, поручено только прочное водвореніе порядка и *временная* оккупація двухъ турецкихъ провинцій.

№ 287.

Москва, 15-го октября.

На этихъ дняхъ польскій сеймъ, засѣдавшій въ Галиціи, отсрочитъ свои засѣданія до весны, по рѣшенію вѣнскаго министерства. Когда, въ концѣ прошлой весны, были произведены въ Галиціи выборы депутатовъ, Поляки употребили всевозможныя средства чтобы не допустить избранія тѣхъ видныхъ галицкихъ дѣятелей которые дѣйствительно могли бы защищать интересы народа. Они спѣшили пожать то что посѣяли усиленнымъ гнетомъ въ несчастной Червонной Руси, когда въ прошломъ году воздвигли гоненіе на Наумовича, Добрянскаго и другихъ, преданныхъ было суду по обвиненію съ государственной измѣнѣ. Извѣстно что не нашлось возможнымъ осудить ихъ въ томъ въ чемъ они обвинялись. Но съ тѣхъ поръ Поляки въ Галиціи употребили всѣ средства чтобы впечатлѣніе отъ этого преслѣдованія по-

долѣе сохранилось въ Галицкомъ народѣ. Когда приступали къ выборамъ, *Часъ* (№ 103 отъ 28 мая) въ обширной статьѣ объявилъ что Львовскимъ процессомъ обнаружены „опасности" грозящія Галиціи и что нужно предоставить „государству и церкви" возможно бóльшій просторъ дѣйствія, иными словами, нужно преслѣдовать Галичанъ сознающихъ себя *Русскими*, а не какими-то придуманными *Русинами*, нужно совращать въ католицизмъ или ополячить и безъ того уже на половину ополяченную унію... *Часъ* взываетъ къ избирателямъ, убѣждая ихъ допустить избраніе лишь тѣхъ Русскихъ которые вполнѣ согласны идти рука объ руку съ Поляками въ ихъ затѣяхъ и всѣми мѣрами препятствовать избранію дѣйствительно *русскихъ* Галичанъ. Онъ даже объявляетъ что всякая уступка послѣднимъ кандидатамъ будетъ измѣной.

И дѣйствительно, выборы были произведены такъ что въ сеймѣ собравшемся въ столицѣ Червонной Руси галицкіе Русскіе представлены польскою шляхтой, за небольшимъ исключеніемъ русскихъ депутатовъ, и то преимущественно такихъ которые угодны Полякамъ...

На слѣдующій день послѣ окончанія всякаго рода торжествъ по случаю „юбилея короля Собѣскаго", 3 сентября, собрался во Львовѣ этотъ польскій сеймъ.

Но еще въ то время когда онъ только готовился собраться, польская печать тщательно занималась распусканіемъ удивительныхъ извѣстій о приготовленіяхъ Россіи къ войнѣ, о числѣ войскъ собранныхъ и расположенныхъ по нашимъ западнымъ границамъ, о нашихъ крѣпостяхъ и т. д. *Gazeta Narodowa*, *Nowa Reforma* и *Dziennik Poznanski* взапуски старались побольше принести новостей этого рода и щеголяли подробностями. Вмѣстѣ съ этимъ, онѣ приносили рядъ извѣстій объ арестахъ будто бы происходящихъ по всей Россіи, о цѣломъ рядѣ открытыхъ новыхъ заговоровъ, сообщали подробныя свѣдѣнія о разныхъ будто бы вновь появившихся подпольныхъ листахъ, прокламаціяхъ, разказывали даже о крестьянскихъ бунтахъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, и т. д. Наконецъ, нѣмецкая печать обратила вниманіе на эти усердствованія Поляковъ, столь настойчиво и старательно призывающихъ Европу къ войнѣ съ Россіей. *National Zeitung* выступила съ обвиненіемъ Поляковъ въ злоумышленныхъ вымыслахъ. *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* тоже въ свою очередь уличала Поляковъ, и *Часъ* (№ 200 отъ 4 сентября), оправдываясь отъ этихъ обвиненій, свысока замѣчалъ: „По нашему мнѣнію, Россія сдѣлалась еще не достаточно грозною для Германіи и Австріи, не достаточно еще сильно чувствуется ея могущество среднею Европой чтобы въ Берлинѣ и Вѣнѣ думали на случай войны о соотвѣтственномъ разрѣшеніи Польскаго вопроса." Іезуитскій пріемъ краковской клерикальной газеты достаточно ясно обнаруживаетъ чаянія польской шляхты...

Между тѣмъ большинство польскихъ газетъ не унималось въ своихъ разоблаченіяхъ. Послѣ извѣстнаго разговора какого-то русскаго профессора съ польскою фамиліей съ профессоромъ Берлинскаго университета Вагнеромъ, толковавшимъ будто бы о воскрешеніи Польши и послѣ отрекшимся отъ этого въ *National Zeitung*, Поляки не переставали придумывать различныя политическія откровенія и разоблачать планы нашихъ сосѣдей относительно нашихъ польскихъ губерній. Генералъ-адъютантъ Гурко не могъ сдѣлать ни шагу по этой области чтобы глубокомысленный польскій политикъ тотчасъ не отозвался въ газетахъ замѣчаніемъ что варшавскій генералъ-губернаторъ строитъ какіе-то стратегическіе планы. Въ довершеніе всего *Dziennik Poznanski* напечаталъ статью подъ заглавіемъ: *Rewelacya polityczna* (политическое разоблаченіе). Въ этомъ разоблаченіи, будто бы полученномъ изъ совершенно достовѣрнаго источника, сообщаются тайные планы князя Бисмарка насчетъ дѣленія добычи послѣ побѣды уже одержанной (въ фантазіи Поляковъ) надъ Россіей. Тамъ утверждается что Французское правительство получило отъ трехъ своихъ дипломатовъ этотъ подробный планъ политическихъ дѣйствій... Война союзныхъ Германіи и Австріи съ Россіей уже де рѣшена, но графъ Кальноки пока боится начать ее. „Непосредственная цѣль войны, говоритъ разоблаченіе, отодвинуть границу Россіи далѣе на востокъ новымъ дѣленіемъ польскихъ странъ. Австрія должна получить часть Польскаго королевства, а Германія должна занять давно желанную границу по правому берегу Вислы, включая и Варшаву." Это будто бы завѣщаніе Фридриха Великаго. Румынія получаетъ часть Бессарабіи „потерянную послѣ войны." Само собою разумѣется что въ вѣ-

дѣніе Австріи предоставляется и весь Балканскій полуостровъ... Но это „разоблаченіе“ въ то же время заявляетъ что Поляки будутъ недовольны подобнымъ результатомъ, и что они съ большею радостью встрѣтили бы войну и приняли бы въ ней горячее участіе еслибы цѣлью ея была „смѣлая и великая идея возобновленія Польши“ подъ главенствомъ Австріи. Для этой цѣли необходимо де чтобы война была перенесена тотчасъ въ русскія области и немедленно открылась бы возможность организовать Польшу, столица которой возможна лишь въ Варшавѣ. Но единственная бѣда въ томъ, по словамъ *разоблаченія*, что этого князь Бисмаркъ не желаетъ, а Австрія безъ Германіи рисковать не хочетъ...

Это „разоблаченіе“ *Дневника Познанскаго* тотчасъ обошло всѣ европейскія газеты, и берлинскіе органы, объявивъ его совершеннымъ вымысломъ, отмѣтили еще разъ что Поляки одарены отъ природы буйною фантазіей способною на всякія выдумки...

Но Поляки, давно носящіеся съ мыслію объ „одбудованіи“ королевства отъ моря до моря, со Смоленскомъ, Кіевомъ и даже Одессой, нисколько не думали угомониться. Да и какъ имъ было успокоиться? Ихъ дѣла въ Галиціи шли какъ нельзя лучше: Русскій народъ въ Галиціи придавленъ, обобранъ, лишенъ голоса и вполнѣ беззащитенъ, онъ ихъ слуга; сеймъ галицкій въ Австріи, выставившей во внутренней политикѣ принципъ равноправности народностей, сталъ польскимъ сеймикомъ, польскій языкъ сталъ въ Червонной Руси почти государственнымъ, по крайней мѣрѣ Поляки дѣлали уже попытки въ этомъ направленіи; галицкія желѣзныя дороги обѣщано въ Вѣнѣ передать въ польскія руки, и на нихъ польскій языкъ долженъ де стать офиціальнымъ; школы въ Галиціи въ польскихъ рукахъ, судъ тоже... Чего же больше? Но извѣстно что польская шляхта ничѣмъ не можетъ быть довольна: ей теперь понадобилось польское войско...

Въ то же время въ Галиціи усилилась проповѣдь о *примиреніи* Русскихъ съ Поляками. Для отличія галицкихъ Русскихъ ото всѣхъ Русскихъ былъ изобрѣтенъ терминъ *Русины*, но теперь Поляки бросаютъ и этотъ терминъ: они стали различать *русскій* и *россійскій* или *московскій*, причемъ подъ понятіе *русскій* подходитъ все что не принадлежитъ къ великорусскому или московскому племени. Польскія сирены запѣли нѣжнымъ голосомъ о *примиреніи* со своими *русскими* „братьями по крови и духу.“ Отрицая существованіе русскаго литературнаго языка, русской литературы (забывъ даже Тургенева, на гробъ котораго присылали вѣнокъ), они убѣждаютъ Галичанъ признать что ихъ *русскій* языкъ иной чѣмъ „московскій,“ „россійскій.“ Съ удовольствіемъ вносятъ они въ свою хронику какое-то извѣстіе объ успѣхѣ какой-то труппы актеровъ разъѣзжающей по югу Россіи и дающей представленія на „русскомъ,“ то-есть малорусскомъ нарѣчіи. Вотъ на этой-то почвѣ, на этомъ самоотреченіи Русскаго народа отъ своего единства, отъ своей исторіи, отъ своихъ историческихъ и естественныхъ правъ, Поляки и предлагаютъ примиреніе. Русскіе въ газетѣ *Проломъ* выставили было пункты этого примиренія и потребовали для себя свободы и самостоятельности въ восточной Галиціи, но *Gazeta Narodowa* два раза отвѣчала самымъ злымъ образомъ на эти пункты.

Поляки сѣтуютъ что они никакъ не могутъ истребить московскій духъ въ Галичанахъ. Къ ихъ скорбнымъ голосамъ присоединилась и *Presse*, заявляющая что „русскія“ (то-есть галицкія) газеты употребляютъ скорѣе „московскій“ чѣмъ *русскій* языкъ, но въ то же время этотъ органъ графа Таафе выражаетъ свое удовольствіе что „русскіе депутаты на сеймѣ Галицкомъ—вѣрные сыны своего народа, защищаютъ свой языкъ и права, но свободны ото всякихъ панславистскихъ мечтаній,“ и совѣтуетъ Полякамъ скорѣе найти точки полнаго примиренія съ Русскими. И вотъ, увѣряя что галицкое нарѣчіе именно и есть литературный русскій языкъ, Поляки издаютъ при посредствѣ своей *Матицы* польскія книжки которыя должны повести къ ополяченію и окатоличенію Русскаго народа. Захвативъ въ свои руки управленіе уніатскою церковью, они, при посредствѣ епископа Сильвестра Сембратовича, стараются сдѣлать ее польскою. Выслушивая со снисходительною улыбкой иныя рѣчи союзныхъ имъ русскихъ депутатовъ сейма, Поляки въ то же время не пускаютъ ни одного Русскаго въ областной комитетъ (wydziol krajowy), состоящій изъ выбранныхъ депутатовъ сейма, при намѣстникѣ Галиціи. Когда одинъ изъ этихъ сочув-

ственныхъ Полякамъ русскихъ депутатовъ заявилъ требованіе чтобы былъ туда выбранъ и одинъ изъ русскихъ членовъ сейма, то Поляки потребовали гарантій что русскіе депутаты будутъ послушны и вѣрны Полякамъ, и вознегодовали когда Русскіе заявили что они никакъ не хотятъ быть natione Poloni, gente Rutheni, какъ Поляки того требуютъ. Интересно что князь Сапѣга, говоря объ условіяхъ на какихъ можетъ быть допущенъ выборъ въ эту коммиссію русскаго депутата, выставилъ, между прочимъ, требованіе чтобы русская партія дала гарантію что она будетъ блюсти „чистоту языка и русскихъ тенденцій" (*Часъ*, № 236, отъ 17 октября).. Поляки заботятся о чистотѣ русскаго языка!

Вотъ въ какомъ положеніи находится вопросъ о примиреніи русскихъ Галичанъ съ Поляками. Отъ Русскихъ требуется отказаться отъ самихъ себя, перестать сознавать свое народное единство, сдѣлаться послушными рабами польскаго пана, забыть свою исторію, признать себя неспособными къ какой бы то ни было самостоятельности... А для того чтобъ успокоить галицкихъ крестьянъ, которые и составляютъ русскую силу въ Галиціи, польская шляхта полагаетъ открыть нѣсколько новыхъ школъ, такъ какъ оказывается что въ Галиціи народныхъ училищъ сравнительно весьма мало, да еще сдѣлать какія-то пустыя облегченія... И этимъ польскіе фантасты надѣются купить благоволеніе народа, который долженъ даже признать себя natione Polona?..

Пользуясь тѣмъ что въ вѣнскомъ министерствѣ засѣдаютъ два Поляка, да имѣются благоволенія графа Таафе, Поляки рѣшились наконецъ добиться и осуществленія своей давнишней мечты: устроить польскую армію въ кунтушахъ, конфедераткахъ и во всемъ остальномъ польскомъ нарядѣ... Еще въ началѣ этого года *Gazeta Narodowa* съ грустью отмѣчала тотъ фактъ что въ австрійскихъ войскахъ почти нѣтъ Поляковъ которые имѣли бы высшіе чины. Она взывала къ своимъ соотечественникамъ позаботиться о военной карьерѣ, такъ какъ скоро могутъ потребоваться услуги для „отечества", при его воскрешеніи. Извѣстно что въ Галиціи была составлена Поляками петиція въ сеймъ о сформированіи польскаго корпуса стрѣлковъ, вполнѣ самостоятельнаго и подчиняющагося австрійскимъ властямъ лишь во время войны. Эта просьба мотивировалась тѣмъ что скоро предстоитъ война съ Россіей, что польское войско окажется полезнымъ Австріи, и имѣла будто бы тысячи подписей. Расходившись, Поляки требовали даже чтобы всѣ австрійскія войска были отозваны изъ Галиціи и заявляли что ихъ войска будутъ исполнять всю службу. Понятно что слухъ о подобной петиціи, появившійся въ *Газетѣ Народовой* и вѣнскихъ органахъ, произвелъ въ вѣнскихъ правительственныхъ сферахъ непріятное впечатлѣніе. Такого примѣненія принципа равноправности въ Вѣнѣ не ожидали... *Gazeta Narodowa* сама наконецъ струсила и поспѣшила заявить что проектъ этотъ возникъ въ какомъ-то кружкѣ, но былъ оставленъ. Очевидно дѣло сорвалось: начато было не вовремя... Но *Часъ*, негодуя будто бы на ложныя извѣстія вѣнскихъ органовъ объ этой петиціи, считаетъ нужнымъ удостовѣрить что Поляки вылѣчились „отъ всѣхъ болѣзненныхъ хотѣній" и теперь политически зрѣлы... (№ 234 отъ 14 октября).

Такъ ли? Здоровъ ли тотъ кто не хочетъ и не можетъ отличать дѣйствительности отъ фантазіи?

№ 289.

Москва, 17-го октября.

У всѣхъ такъ - называемыхъ либеральныхъ органовъ нашей печати было принято выставлять „правовые" порядки Австріи образцомъ для Россіи. Когда недавно павшее Сербское министерство г. Пирочанца все торжественнѣе и рѣшительнѣе изъявляло свою преданность Австріи и въ то же время отрекалось отъ Россіи, одна изъ московскихъ газетъ усмотрѣла причины такихъ поступковъ Сербскаго правительства въ томъ что Сербы, имѣющіе свою палату, видятъ опасность для себя въ Россіи, столь еще дикой что не пользуется благами европейской цивилизаціи создавшей „конституцію," и поэтому душой и сердцемъ примкнули къ Австріи, гдѣ „царитъ законъ и право," гдѣ обезпечена свобода личности, гдѣ нѣтъ цензурныхъ стѣсненій, а въ разныхъ сеймахъ и парламентахъ можно наговориться досыта. *Русскій Курьеръ*, сколько помнится, доказывалъ даже что единственный способъ разрѣшить Сла-

вянскій вопросъ въ желательномъ для Россіи смыслѣ, это подражать Австріи. *Русскій Курьеръ* заимствовалъ эти мнѣнія изъ блаженной памяти *Голоса*, тогда еще процвѣтавшаго. Всѣ толстые и малые органы нашей quasi-либеральной прессы пѣли тогда въ унисонъ, прислушиваясь къ рѣчамъ и желаніямъ Поляковъ. Окончательный выводъ всѣхъ этихъ разсужденій сводился къ слѣдующему: заведите въ Россіи царство сеймовъ и парламентовъ, устройте у себя Австрійскій *правовой* порядокъ,— и Поляки сдѣлаются поклонниками и союзниками Россіи, и всѣ Славяне мгновенно примкнутъ къ Россіи.

Польскія газеты издающіяся въ нашихъ предѣлахъ, хотя недомолвками, но всетаки ясно указывали на австрійскіе порядки которые имъ такъ желательны и дороги. Это и понятно: въ Галиціи польскій панъ живетъ на счетъ русскаго хлопа, имѣя отъ Вѣнскаго правительства почти carte blanche дѣлать съ хлопомъ все что угодно. Польскій панъ отдалъ этого Русскаго Галичанина на откупъ худшемъ изъ Евреевъ, галицкимъ, завелъ свои польскія школы по селамъ, заставляетъ въ часы своего увеселенія этого русскаго „хлопа" пѣть польскій мятежный гимнъ... Но всему бываетъ предѣлъ. Требуется иногда оглядка и для польскаго пана. Въ Галиціи Поляки занялись вопросомъ о примиреніи съ *Русинами*, иначе объ обманѣ русскихъ Галичанъ и объ ихъ окончательномъ ополяченіи; изъ Россіи однако со стороны Поляковъ дѣлались указанія галицкимъ собратамъ что они слишкомъ уже натянули струны. Поляки живущіе въ Россіи стали бояться что слишкомъ энергическая дѣятельность польской шляхты въ Галиціи вызоветъ и болѣе сильный отпоръ со стороны Русскихъ. Петербургскій *Kraj*, котораго конечно ни одинъ Полякъ не заподозритъ въ антипольскихъ тенденціяхъ, имѣлъ даже небольшую полемику съ галицкими газетами и краковскимъ *Часомъ*. Этотъ *Край* (№ 31 отъ 30 іюля) заговорилъ о томъ что не совсѣмъ-таки правы Поляки въ своихъ дѣяніяхъ въ Галиціи. Онъ признаетъ что русскіе Галичане, заявлявшіе свои жалобы на русскомъ вѣчѣ во Львовѣ въ іюнѣ этого года, были во многомъ правы. Онъ даже удивляется что польскія газеты въ Галиціи одобряютъ поступокъ іезуитовъ, которые призвали жандармовъ для защиты себя и уніатской церкви, гдѣ они вздумали служить, отъ разсерженнаго народа, желавшаго защитить свою церковь отъ латинскихъ патеровъ, въ нее ворвавшихся. Но если *Край* дошелъ до признанія что не совсѣмъ правы Поляки въ Галиціи, то все-таки онъ признаетъ преимущества польскаго элемента надъ русскимъ, преимущества какъ бы прирожденныя. Вотъ какъ выражается эта газета: „Не практично и излишне разсуждать теперь объ историческихъ процессахъ и политическихъ причинахъ, почему въ Руси Галицкой создалось громадное политическое превосходство одной народности надъ другою. Этотъ перевѣсъ есть осуществившійся фактъ; теперь опирается онъ не исключительно на искусственной подпорѣ конституціоннаго зданія, но и на превосходствѣ общественнаго и политическаго образованія польской народности, которая имѣетъ всѣ, болѣе или менѣе развитые, общественные разряды, между тѣмъ какъ русинскую интеллигенцію, лишь недавно возникшую, можно пересчитать по пальцамъ. Есть ли это слѣдствіе исторической несправедливости или прирожденной неспособности русинскаго народа образовать общество это не измѣняетъ дѣла, ибо при самой идеальной равноправности элементъ польскій раньше или позже долженъ былъ бы одержать побѣду надъ русскимъ." Итакъ, петербургская польская газета, хотя и признаетъ несомнѣнную „побѣду польскаго элемента надъ русскимъ" и его преимущества, однако все-таки видитъ что Поляки въ Галиціи безчинствуютъ. *Край* идетъ далѣе: онъ прямо говоритъ что даже „чародѣйское заклятіе конституціи не можетъ обезпечить права справедливости для меньшинства," хотя австрійская „конституція" именно и дала польскому меньшинству въ Галиціи власть надъ русскимъ большинствомъ. *Край* признаетъ что „при конституціи" точно также можно насиловать народъ, и что „искусственность парламентаризма внѣ всякаго сомнѣнія."

Очевидно что даже Поляки, которые въ Галиціи пользуются всѣми благопріятными для нихъ сторонами конституціоннаго режима въ Австріи, принуждены признать „правовой порядокъ" въ Австріи далеко несовершеннымъ. Что же скажутъ тѣ русскіе либеральные органы которые ходя въ поводу за Поляками проповѣдывали необходимость австрійскаго порядка и въ Россіи?

Въ № 41 *Края* (отъ 9 октября) находимъ интересное письмо вѣнскаго корреспондента этой газеты. Влѣдствіе одного дѣйствительно безобразнаго дѣянія учиненнаго вѣнскою полиціей и побудившаго арестованную дѣвушку прибѣгнуть къ самоубійству, вся вѣнская печать заговорила было о несовершенствѣ полицейскихъ порядковъ въ Австріи. Корреспондентъ *Края*, касаясь этого обстоятельства, разсуждаетъ вообще о „правовыхъ" австрійскихъ порядкахъ. Онъ утверждаетъ что за полиціей въ Австріи признаются „аттрибуціи суда," что узаконенія о личной безопасности „вполнѣ иллюзорны," что „основные законы государства, проникнутые духомъ свободы и прогресса, имѣютъ въ Австріи лишь значеніе теоретическое, оставаясь на практикѣ исключительно мертвою буквой права." Онъ говоритъ далѣе что существуетъ и постоянно издается масса указовъ и административныхъ распоряженій, вполнѣ противорѣчащихъ этимъ „основнымъ законамъ" будто бы столь либеральнымъ. Далѣе онъ рисуетъ мрачную картину полицейскихъ притѣсненій обычныхъ въ Австріи. „Дѣла равноправности „народной, вѣроисповѣдной и политиче„ской точно въ такомъ же положеніи, про„должаетъ авторъ письма. Во время пра„вительства нѣмецко-централистскаго мы „уже видѣли лучше всего какъ можно „понимать принципіальную равноправность „народную въ предѣлахъ закона. Полити„ческой равноправности нѣтъ, и до сихъ „поръ около 90% общаго числа населе„нія лишены возможности пользоваться пра„вомъ избирательнымъ. Равенство граж„данъ оказывается развѣ въ платежѣ слиш„комъ высокихъ податей. Свобода печати „въ виду особаго закона дозволяющаго „прокураторіямъ по усмотрѣнію подвер„гать конфискаціи цѣликомъ все изданіе „газеты или журнала, принося этимъ изда„телю неисчислимыя и невознаградимыя „потери, часто столь чувствительныя что „вслѣдствіе подобныхъ конфискацій все „изданіе гибнетъ, также вполнѣ иллюзор„на. Цензура повременныхъ изданій имѣ„етъ сравнительно съ такими порядками „ту хорошую сторону что по крайней мѣ„рѣ защищаетъ издателя отъ матеріаль„ныхъ потерь непредвидѣнныхъ. Приба„вимъ къ этому что издатель повременна„го изданія обязанъ положить нѣсколько „тысячъ въ залогъ въ казну и каждый „нумеръ газеты долженъ имѣть штемпель, „стоящій крейцеръ, что составляетъ гро„мадную сумму поборовъ съ изданій еже„дневныхъ, что, сверхъ того, издатель пла„титъ за свое предпріятіе значительную „подать, и въ добавокъ въ Австріи запре„щена продажа газетъ по улицамъ. Если „все это сообразить, то тогда можно со„ставить приблизительно вѣрное понятіе „о томъ чего стоитъ на практикѣ закон„ная свобода печати въ Австріи. О сво„бодѣ обществъ и собраній достаточно „сказать что тутъ исключительно властна „судить полиція..." Даже тайна писемъ не „уважается, какъ это доказывали публич„но депутаты въ парламентѣ." Корреспондентъ утверждаетъ что онъ могъ бы привести еще много фактовъ которые доказываютъ что „вся конституціонная свобода въ Австріи—очень минимальныхъ размѣровъ, что на практикѣ существуетъ лишь *самоволіе* властей, и что австрійская конституція вообще лишь на громадномъ разстояніи можетъ казаться людямъ не знающимъ здѣшнихъ дѣлъ въ прекрасномъ и привлекательномъ свѣтѣ." Самый парламентъ, по мнѣнію корреспондента газеты *Край*, полное ничтожество по своему вліянію на государственныя дѣла. „Вся „парламентская дѣятельность имѣетъ значеніе лишь теоретическое..."

Что скажутъ наши доморощенные конституціоналы, и что скажутъ гг. Стасюлевичъ и Спасовичъ въ виду этой характеристики „правовыхъ порядковъ" въ столь авторитетномъ для нихъ и имъ не чуждомъ органѣ? Не самоизобличеніе ли это?

№ 290.

Москва, 18-го октября.

Поѣздка гази-Мухтаръ-паши на маневры германской арміи, а оттуда въ гости къ князю Бисмарку во Фридрихсру, затѣмъ въ Вѣну, не замедлила обратить на себя вниманіе европейской печати. Вопросъ о вступленіи Турціи въ „средне-европейскій" союзъ снова выдвинулся на первый планъ. *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* нѣсколько дней тому назадъ напечатала категорическое опроверженіе слуха объ этомъ союзѣ: Мухтаръ-паша, во время пребыванія своего у князя Бисмарка, повторилъ де только обычныя жалобы Турецкаго пра-

вительства на положеніе дѣлъ въ Египтѣ, Арменіи и Болгаріи. Если это сообщеніе вполнѣ точно, то Мухтару незачѣмъ было утомлять себя столь продолжительною поѣздкой.

Но вотъ изъ Германіи Мухтаръ-паша проѣхалъ въ Вѣну, гдѣ ему былъ оказанъ необыкновенно любезный пріемъ. Австрійскія офиціозныя газеты, болѣе откровенныя чѣмъ ихъ хорошо дисциплинованный берлинскій сотоварищъ, распространились о цѣляхъ поѣздки Мухтара и объ его „жалобахъ“ гораздо подробнѣе. Особенно интересныя свѣдѣнія сообщаетъ по этому поводу пражская *Politik*, вѣнскій корреспондентъ коей повидимому получаетъ свѣдѣнія изъ компетентнаго источника, такъ какъ органъ г. Ригра, подобно польскому *Часу*, пользуется въ настоящее время вліяніемъ въ австрійскихъ правительственныхъ кругахъ. Отрицая будто Турція желаетъ формальнаго присоединенія къ австро-германскому союзу и требовала чтобы Германія и Австро-Венгрія гарантировали ея территоріальную неприкосновенность, корреспондентъ *Politik* констатируетъ прежде всего что въ австрійскихъ дипломатическихъ сферахъ считаютъ лишнимъ окружать поѣздку Мухтара таинственностію, что подтверждается де и сообщеніями тѣхъ газетъ которыя обыкновенно стремятся поддержать такъ-называемыя „дружественныя отношенія“ среди державъ и слывутъ офиціозными.

Прежде всего Мухтаръ-паша жаловался де что, несмотря на многократныя напоминанія Турціи, Болгарія все еще не приступаетъ къ срытію Дунайскихъ крѣпостей, не уплачиваетъ Турціи дани, да еще недавно обязалась уплатить Россіи издержки за военную оккупацію, чѣмъ вопросъ о дани и уплатѣ Болгаріей части турецкаго долга снова де отложенъ на неопредѣленное время. Затѣмъ Мухтаръ-паша жаловался де еще что Россія заняла въ послѣднее время по отношенію къ Болгаріи такое положеніе какъ будто княжество находится къ ней въ „вассальныхъ отношеніяхъ“ (sic).

Что касается до первой жалобы турецкаго генерала, касательно Дунайскихъ крѣпостей, то врядъ ли мы ошибаемся полагая что Мухтаръ вѣроятно не упоминалъ о нихъ, на томъ простомъ основаніи что Турціи рѣшительно нѣтъ никакого дѣла до того стоятъ ли еще полуразвалившіяся Дунайскія крѣпости или нѣтъ. Срытіе этихъ крѣпостей въ настоящее время скорѣе нежелательно для Турціи, по той причинѣ что оно стоило бы значительныхъ суммъ и слѣдовательно обременило бы еще больше болгарскіе финансы, что, конечно, должно бы отразиться самымъ невыгоднымъ образомъ на вопросѣ объ уплатѣ Болгаріей дани, о коей такъ хлопочутъ въ послѣднее время турецкіе финансисты и ихъ услужливые совѣтники. Срытіе Дунайскихъ крѣпостей есть pium desiderium *австрійскихъ* дипломатовъ: это наглядно подтверждаютъ и слова графа Кальноки произнесенныя на дняхъ въ венгерской делегаціонной коммиссіи по иностраннымъ дѣламъ.

Врядъ ли также могъ Мухтаръ жаловаться на положеніе занятое Россіей по отношенію къ Болгарія. Не только офиціальныя заявленія Русскаго правительства, но и сами факты наглядно доказываютъ что Россія рѣшила воздержаться отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Болгаріи. Итакъ, жалобы касательно Болгаріи суть вѣроятно въ большинствѣ выдумка самихъ австрійскихъ офиціозныхъ газетъ. Это, повидимому, не болѣе какъ совѣтъ Турціи, влагаемый въ уста ея уполномоченнаго.

Другая часть „жалобъ“ Мухтаръ-паши касается Англіи и ея политики въ Египтѣ. Мухтаръ жаловался де что Англія въ Египтѣ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на верховныя права падишаха и распоряжается тамъ по собственному усмотрѣнію. Относительно этихъ жалобъ можно лишь сказать что онѣ высказаны не вовремя, ибо, какъ извѣстно, Англія собирается въ самомъ близкомъ будущемъ вывести свои войска изъ Египта...

Въ заключеніе, Мухтаръ-паша, если вѣрить тѣмъ же офиціознымъ вѣнскимъ газетамъ, коснулся положенія дѣлъ въ Арменіи, причемъ уже одновременно жаловался и на Россію и на Англію. Первая, такъ будто бы говоритъ Мухтаръ-паша, систематически ведетъ дѣло къ тому чтобы захватить Арменію и постоянно поддерживаетъ въ этой области смуты. Англія же игнорируетъ всѣ трудности съ коими связано дѣло введенія реформъ въ Арменіи и настаиваетъ на ихъ необходимости, не оставляя въ этомъ случаѣ иниціативы самому султану и усложняя такимъ образомъ трудности положенія дѣлъ.

Но кромѣ „жалобъ", гази-Мухтаръ-паша имѣлъ де и другія порученія. Вопервыхъ, онъ просилъ князя Бисмарка о присылкѣ новой партіи инструкторовъ для турецкой арміи, а въ Вѣнѣ освѣдомлялся о планахъ Австріи на Балканскомъ полуостровѣ. И то и другое весьма вѣроятно. Князь Бисмаркъ охотно согласился де исполнить желаніе Мухтара и самъ предложилъ прислать не только военныхъ спеціалистовъ, но и чиновниковъ для другихъ вѣдомствъ. Въ Вѣнѣ графъ Кальноки торжественно заявилъ Мухтару что Австрія не намѣрена захватывать турецкихъ земель (исключеніе составляютъ, конечно, Боснія и Герцеговина, о коихъ вѣроятно не упоминалось) и что она стремится только къ расширенію своихъ торговыхъ оборотовъ на Востокѣ. Хотя трудно было ожидать что австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣтитъ что-нибудь другое, тѣмъ не менѣе Мухтаръ-паша остался де весьма доволенъ этимъ заявленіемъ и возвращается теперь въ Царьградъ въ твердомъ убѣжденіи что рѣшилъ вполнѣ удовлетворительно возложенную на него миссію.

Слухъ о намѣреніи Турціи вступить въ „средне-европейскій" союзъ появился впервые въ австрійской печати, оттуда уже онъ перешелъ къ намъ въ Россію и не замедлилъ вызвать опроверженіе берлинской офиціозной газеты. Въ той формѣ какъ выставляли вопросъ австрійскія газеты, то-есть будто иниціатива сближенія съ Австріей принадлежитъ султану, слухъ этотъ, конечно, врядъ ли вѣренъ. Многіе признаки указываютъ на то что иниціатива тѣснаго сближенія съ Турціей исходила отъ австрійскихъ дипломатовъ.

Вѣроятно и жалобы влагаемыя въ уста Мухтаръ-пашѣ суть не что иное какъ ballon d'essai. Турціи предлагаютъ защиту отъ Англіи и ни въ чемъ неповинной Россіи лишь бы притянуть султана къ „мирному" союзу...

№ 291.

Москва, 19-го октября.

Новое сербское министерство, составленное г. Николаемъ Христичемъ, поспѣшило, какъ извѣстно, отложить засѣданія скупщины на неопредѣленное время. Чтобы была хотя съ виду сыграна конституціонная комедія, въ палатѣ былъ прочтенъ указъ объ ея открытіи и непосредственно затѣмъ о закрытіи. Сербскія оппозиціонныя газеты и органъ г. Пирочанца *Видело* достаточно ясно обрисовываютъ положеніе дѣлъ въ Сербіи и сообщаютъ весьма много характерныхъ фактовъ, показывающихъ что дѣла сербскія совершенно запутались.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе самое *прошеніе* министерства г. Пирочанца объ отставкѣ, поданное королю. „Напреднячкому министерству предстояла довольно трудная задача: ему приходилось признать себя побѣжденнымъ и безсильнымъ управлять страной, между тѣмъ какъ за нѣсколько дней до выборовъ оно трубило всюду о своей прочности и силѣ. И вотъ оно изобрѣло куріозный пріемъ чтобы скрыть истинныя причины паденія: оно не побрезговало *ложью* въ актѣ которымъ испрашивало у короля свою отставку. Въ этомъ документѣ министерство прежде всего заявляетъ что оно считало и считаетъ необходимымъ сдѣлать перемѣны въ конституціи. Въ предложеніи созвать малую скупщину, поданномъ королю въ началѣ августа и тогда же напечатанномъ въ *Сербскихъ Новинахъ*, г. Пирочанацъ съ компаніей говорятъ о томъ же. Теперь павшее министерство объясняетъ что оно такъ явно заявило о своемъ желаніи сдѣлать перемѣну въ конституціи для того чтобы народъ въ Сербіи могъ „показать на выборахъ насколько онъ раздѣляетъ мнѣніе министерства о неотложности перемѣнъ въ конституціи." Согласно этому, мы теперь въ правѣ заключить что избиратели 7 сентября (избравшіе, какъ извѣстно, лишь около двадцати „напредняковъ" въ депутаты) заявили свое мнѣніе *противъ* программы „измѣненія устава," говоритъ этотъ плодъ пера г. Пирочанца и его товарищей. Извѣстно что послѣдовало далѣе: король Миланъ далъ рескриптъ на имя г. Пирочанца, въ которомъ хвалитъ павшее министерство и за внѣшнюю политику повергшую Сербію къ стопамъ Австріи, и за внутреннюю, причинившую полное разстройство во всѣхъ областяхъ управленія, и въ администраціи, и въ церкви, и назначилъ новый кабинетъ изъ членовъ той же партіи.

Этотъ актъ министерства г. Пирочанца и трогательное прощаніе съ нимъ показываютъ что пѣсня „напреднячкой" котеріи

въ Сербіи еще не спѣта, и что питаются большія надежды что скоро она возвратится къ своимъ мѣстамъ. Актъ министерства г. Пирочанца полонъ сознательнаго *лицемърія*, завѣдомаго извращенія фактовъ.

На это обратили особенное вниманіе оппозиціонныя газеты, особенно же органъ „радикаловъ" *Самоуправа*.

И въ самомъ дѣлѣ, кому въ Сербіи не можетъ быть ясно что именно министерство Пирочанца и опасалось предстоящей необходимости созвать великую скупщину для измѣненія устава? Прежнія скупщины, даже состоявшія изъ „двугласныхъ" (то-есть приверженцевъ правительства получившихъ на выборахъ всего два голоса) одна за другою спѣшили объявить неотложность этой перемѣны конституціи и связаннаго съ нею созыва великой скупщины. Когда въ октябрѣ 1880 года палъ кабинетъ г. Ристича, вся оппозиція ликовала и только того и требовала чтобы скорѣе *исправить* конституцію. Тогда еще союзные прогрессистамъ радикалы только и твердили о томъ что слѣдуетъ какъ можно скорѣе созвать великую скупщину и предложить ей на разсмотрѣніе новый уставъ. Разошедшись съ напредняками въ дѣлѣ Бонту, радикалы упрашивали г. Пирочанца созвать великую скупщину, передать ей вопросъ о желѣзнодорожной концессіи и о перемѣнахъ въ конституціи.

А теперь павшій кабинетъ сваливаетъ именно на радикаловъ,—такъ какъ они располагаютъ теперь большинствомъ голосовъ въ палатѣ,—вину въ томъ что конституція остается безъ перемѣнъ. Кто же мѣшалъ министерству г. Пирочанца поступить законно и созвать еще весной великую народную скупщину какъ это предписывается самимъ теперешнимъ уставомъ? И кто требовалъ этого созыва какъ не вся оппозиція, теперь побѣдившая на выборахъ? Но павшимъ министрамъ не до логики и очевидной истины: нужно объявить что они еще придутъ на свои мѣста...

Самоуправа (№ 119 отъ 24 сентября) прямо заявляетъ что „если кто въ Сербіи не желаетъ перемѣны конституціи и созыва великой скупщины, то только *напредняки*..." Дѣло въ томъ что партія г. Пирочанца дѣйствительно приготовила проектъ новой конституціи, отличительная черта котораго—созданіе чиновничьей шляхты: въ проектѣ предполагалось создать верхнюю палату, а для нея возможно набрать членовъ лишь между разными высшими чиновниками, павшими министрами, коммерсантами и т. д. Тогда бы королевская власть въ Сербіи, и безъ того ставшая совершенно особнякомъ отъ народа въ послѣднее время, была закрыта отъ народа этою палатой, которая ограничила бы ее въ свою пользу. Въ Сербіи, этомъ чисто демократическомъ государствѣ, гдѣ интересы народа должны выступать на первый планъ, такая палата неминуемо привела бы къ созданію горсти чиновничьей аристократіи, которая и сосала бы соки изъ народа. Въ этомъ, такъ сказать, простонародномъ королевствѣ всѣ это понимаютъ, и г. Ристичъ въ своей рѣчи на собраніи своей партіи предъ выборами прямо заявилъ что никакой верхней палаты не должно и не можетъ быть въ Сербіи. О радикалахъ нечего и говорить: они рѣшительно противъ нея. Въ Сербіи было когда-то нѣчто подобное, именно когда нѣсколько властолюбцевъ ограничили власть князя Милоша, затѣмъ принудили его отказаться отъ престола и заправляли страной во время князя Александра Карагеоргіевича. Они были прозваны *каймакамами* и ихъ время считается худшимъ временемъ новой сербской исторіи: это было время многовластія, политическихъ интригъ, убійствъ и преслѣдованій; тѣмъ болѣе что князь Александръ Карагеоргіевичъ былъ слабый государь, безсильный бороться съ властолюбцами

Недавно раскрылись удивительныя продѣлки павшаго министерства на послѣднихъ выборахъ. Когда повѣрочная коммиссія разсматривала полномочія, она кассировала выборы 14 депутатовъ изъ числа сторонниковъ министерства. Оказалось, напримѣръ, что при собираніи голосовъ въ Бѣлградѣ во время выборовъ подано было два голоса *умершими*. Какіе-то наемники, не имѣющіе права голосованія, назвали себя именами двухъ гражданъ уже умершихъ, но не исключенныхъ еще изъ списковъ избирателей. Всѣмъ чиновникамъ было приказано ихъ начальниками подавать голоса за кандидатовъ выставленныхъ министерствомъ и т. д.

Раскрывается далѣе страшный дефицитъ въ сербскомъ бюджетѣ: *Самоуправа* доказываетъ что недостаетъ милліона червонцевъ въ сербской казнѣ, то-есть около 12 милл. франковъ... Ходятъ слухи что какія-то правительственныя бумаги гдѣ-

то заложены, что суммы полученныя займомъ для уплаты по реквизиціоннымъ распискамъ времени войны пошли на другія дѣла и т. д. Новый министръ финансовъ посиѣшилъ объявить пересмотръ всего что было издержано и ревизію министерства.

Для характеристики положенія дѣлъ въ Сербіи интересно то что правительство не рѣшается привести въ исполненіе изданный уже указъ объ отобраніи оружія у народнаго войска.

№ 292.

Москва, 20-го октября.

Въ послѣднее время мы удерживались отъ сужденій о болгарскихъ дѣлахъ. При кризисѣ въ какомъ они находились, да и теперь еще находятся, мы опасались сказать что-либо не кстати.

Впрочемъ, если смотрѣть просто и видѣть вещи такъ какъ онѣ на взглядъ представляются, то казалось бы нѣтъ причины, съ точки зрѣнія русской политики, жаловаться на ходъ принятый болгарскими дѣлами. Скорѣе можно подивиться злораднымъ отзывамъ иностранной печати о пораженіи будто бы понесенномъ Россіей въ Болгаріи, точно также какъ не совсѣмъ понятнымъ можетъ показаться то неудовольствіе съ какимъ и въ Россіи отзываются о послѣднихъ событіяхъ въ Болгарскомъ княжествѣ. Что случилось? Въ Софію прибылъ русскій уполномоченный съ совѣтомъ чтобы князь прекратилъ временное положеніе и отказался отъ принятыхъ имъ чрезвычайныхъ полномочій. Князь Болгарскій, быть-можетъ даже противъ воли, исполнилъ это требованіе. Въ чемъ же неудача русской политики? Когда князю Болгарскому было предложено сократить срокъ своихъ полномочій, иностранные органы, тѣ самые которые принялись глумиться надъ нашей якобы неудачей, защищали диктатуру князя, обвиняя насъ въ притязательности и грозя намъ вмѣшательствомъ Европы. Потомъ же, когда князь уступилъ русскому требованію, глумятся надъ понесеннымъ будто бы Россіей пораженіемъ. Правда, при этомъ не все такъ было сдѣлано какъ съ русской стороны предлагалось. По объявленіи княземъ о прекращеніи его диктаторскихъ полномочій и по вступленіи въ силу конституціоннаго порядка, состоявшее налицо собраніе депутатовъ вотировало адресъ коимъ ходатайствовало о возстановленіи Тырновской конституціи. Князь, только что отрекшійся отъ диктатуры, счелъ должнымъ уступить этому требованію, подъ условіемъ кое въ чемъ измѣнить эту пресловутую Тырновскую конституцію. Первенствующіе министры князя, русскіе генералы, ничего въ сущности противъ возстановленія этой конституціи не имѣли. Подали же они въ отставку потому что находили нужнымъ распустить нынѣшнее собраніе и созвать новое. Министерскіе кризисы дѣло обычное въ игрѣ такъ-называемыхъ конституціонныхъ учрежденій. Министры очутились въ разногласіи съ собраніемъ, и когда князь утвердилъ его постановленіе, подали въ отставку. Все это, казалось бы, въ обычаѣ, и радоваться этому нашимъ противникамъ, равно какъ и намъ на это сѣтовать нѣтъ повидимому причины. Въ какой-то изъ нашихъ газетъ было съ горечью замѣчено: зачѣмъ князь Александръ, возвращаясь къ конституціонному режиму, не созвалъ учредительнаго собранія, *la constituante*. Странный поводъ къ неудовольствію. Ужели намъ болѣе нечего дѣлать какъ стоять на стражѣ чистоты конституціонной доктрины по французскому образцу и смотрѣть чтобы Болгары, по выраженію Шекспира, *цѣловались по книжкѣ*.

Должно полагать что министры имѣли болѣе серіозный поводъ находить съ своей точки зрѣнія наличное собраніе негоднымъ и что они разчитывали, вѣрно или не вѣрно, направить дѣла на иной путь опираясь на народное собраніе созванное при иныхъ условіяхъ.

Поводомъ къ неудовольствію Россіи выставляется еще то что князь образовалъ министерство коалиціонное. Итакъ, во что бы то ни стало, хотятъ чтобы Россія была педантомъ парламентской доктрины. Дѣло не въ коалиціи политическихъ партій, какихъ въ Болгаріи нѣтъ и быть не должно, а въ соглашеніи людей которые вошли въ кабинетъ Болгарскаго князя. Какого свойства эти лица, честныя ли они, способныя ли, вотъ весь вопросъ. Нѣтъ двухъ человѣкъ которые обо всемъ на свѣтѣ думали бы одинаково; но если люди сошлись въ общемъ дѣлѣ и другъ съ другомъ не хитрятъ и другъ друга не обманываютъ, то стало-быть возможныя меж-

ду ними разногласія не касаются существенныхъ для дѣла вопросовъ.

Итакъ, пока вполнѣ не выяснится смыслъ совершившейся въ Болгаріи перемѣны, нельзя сказать чѣмъ тутъ Россія можетъ быть довольна или не довольна. И притомъ какая Россія? Есть Россія дѣйствительная, и есть Россія мнимая. Въ послѣднюю войну нашу, все великое было совершено народнымъ духомъ Россіи; всѣ наши испытанія, потери и недочеты были дѣломъ фальшивой Россіи, которая не имѣетъ ничего общаго съ первою. Историческая Россія освободила Болгарію, мнимая Россія взбудоражила ее и открыла для интриги которая можетъ угрожать ея самостоятельности, столь дорого купленной русскою кровью.

Россія должна была не оставлять освобожденной ею страны на произволъ случая. Россіи естественно было озаботиться ея первоначальнымъ устройствомъ. Но для этого надобно было проникнуться разумомъ дѣйствительнаго положенія, и мыслить понятіями, а не словами. Менѣе всего могла быть пригодна фальшивая монархическая форма.

Не должна ли, быть-можетъ, Россія сѣтовать на то что князь Болгарскій не поладилъ съ двумя русскими генералами занимавшими первенствующее положеніе въ его правительствѣ, или точнѣе, съ тѣмъ изъ нихъ который былъ во главѣ министерства, съ генераломъ Соболевымъ? Удаленіе этихъ министровъ не есть ли *échec* русской политики? Но русскіе министры вовсе не были навязаны князю Россіей. Не она послала ихъ управлять Болгаріей. Совершенно напротивъ. Послѣ того какъ князь Александръ нашелся вынужденнымъ пріостановить игру своихъ конституціонныхъ учрежденій, года за два предъ симъ, пріѣзжалъ онъ въ Россію искать министра для управленія страной. Поставить непремѣнно Русскаго во главу управленія Болгаріей было собственною мыслью князя, которая встрѣтила скорѣе возраженія чѣмъ поощреніе съ русской стороны. Онъ обращался къ разнымъ лицамъ со своимъ предложеніемъ, которое наконецъ принято было генералъ-майоромъ Соболевымъ. Мысль князя Александра, сколько извѣстно, состояла въ томъ чтобы въ трудныхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ онъ очутился, найти правителя изъ Русскихъ. Съ русской стороны князю замѣчали что было бы полезнѣе и практичнѣе довѣрить управленіе страной благонадежнымъ лицамъ изъ самихъ Болгаръ; но онъ находилъ это неудобнымъ при раздраженномъ состояніи въ какомъ находились умы въ Болгаріи. Русскій государственный человѣкъ, казалось ему, находясь внѣ партій могъ успѣшнѣе повести дѣла, а съ другой стороны поддержать довѣріе Россіи къ правительству князя. Со стороны русскаго генерала, никогда не занимавшаго подобнаго рода административнаго поста (впрочемъ хорошо знакомаго съ Болгаріей), было дѣломъ большой рѣшимости управленіе новою страной, только что призванною къ жизни и уже находившеюся въ броженіи, да еще на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ сходятся всѣ европейскія интриги. Повидимому, новый министръ отправился на мѣсто своего новаго назначенія уже съ опредѣленнымъ взглядомъ. Сколько можно догадываться, онъ недовѣрчиво относился къ нѣкоторымъ изъ приближенныхъ къ князю лицъ, именно къ тѣмъ самымъ которымъ не довѣрялъ и бывшій генеральный консулъ въ Софіи, г. Хитрово, тоже оставившій свой постъ по несогласію съ княземъ въ оцѣнкѣ этихъ лицъ. Какъ г. Хитрово такъ и генералъ Соболевъ находили что эти лица употребляютъ во зло довѣріе князя и служатъ корыстными проводниками хищнической интриги, которая тщится заполонить Болгарію. Мы не имѣемъ достаточно данныхъ чтобы судить въ какой мѣрѣ были основательны подозрѣнія; но чѣмъ болѣе новый министръ входилъ въ дѣла, тѣмъ съ большею настойчивостію и энергіей вооружался противъ вредной, по его мнѣнію, камарильи, и тѣмъ напряженнѣе становились его отношенія къ князю. Какъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, недоразумѣнія плодятся недоразумѣніями, и люди наконецъ перестаютъ понимать другъ друга. Князь чувствовалъ себя оскорбленнымъ и стѣсненнымъ. Ему стало наконецъ нестерпимо находиться какъ бы подъ опекой. Впрочемъ князь Александръ, сколько намъ извѣстно, хлопоталъ не объ удаленіи министра, а чтобъ отъ Русскаго правительства было прислано въ Софію довѣренное и князю извѣстное лицо, именно бывшій военный министръ въ Болгаріи, генералъ Эрнротъ, дабы Русское правительство имѣло черезъ него надежныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Княжествѣ и

чтобы напряженныя отношенія князя къ его министру, которыя могли кончиться разрывомъ, не были истолкованы въ дурномъ относительно самой Россіи смыслѣ. Предположеніе это не могло состояться, и вскорѣ послѣдовали извѣстныя событія.

Что же въ болгарскихъ дѣлахъ могло или можетъ возбуждать подозрительность русскихъ людей въ Болгаріи? Дѣло въ томъ что въ послѣднее время на Балканскомъ полуостровѣ дѣятельнѣе чѣмъ когда-либо работаетъ интрига, которая тревожитъ русскихъ патріотовъ въ Болгаріи, болѣе же должна тревожить патріотовъ болгарскихъ.

Дѣло въ томъ что Россія не имѣетъ на Востокѣ никакихъ своекорыстныхъ интересовъ. Въ этомъ, съ одной стороны, ея сила, а съ другой, этимъ объясняется какъ бы недостаточная изворотливость и настойчивость ея въ преслѣдованіи своихъ цѣлей. Въ томъ-то и дѣло что она не имѣетъ своекорыстныхъ цѣлей. Увѣренія въ безкорыстіи Россіи обыкновенно встрѣчаютъ улыбку недовѣрія. Въ такихъ увѣреніяхъ видятъ обычную фразу, къ какой изъ приличія прибѣгаютъ и прожженные аферисты. Но говоря о безкорыстіи Россіи, мы не хотимъ сказать что-нибудь громкое и не думаемъ взбираться на метафизическія высоты. Чтобъ убѣдиться въ безкорыстіи Россіи относительно освобожденныхъ ею на Востокѣ народовъ, не требуется ни умственнаго, ни нравственнаго напряженія. Это дѣло очень простое и очевидное.

Россія числитъ въ себѣ громадное населеніе какъ ни одна страна въ Европѣ; но по своимъ безмѣрнымъ пространствамъ Россія есть наименѣе населенная въ мірѣ страна. Всѣ согласятся что она не страдаетъ избыткомъ населенія, какой другія страны должны куда-нибудь проталкивать чтобы дышать свободно. Точно также не страдаетъ она избыткомъ труда и капиталовъ, которые бы не находили мѣста у себя и рвались бы на всякую эксплуатацію гдѣ только возможно; русскаго труда и русскихъ капиталовъ, при всемъ ихъ обиліи, едва достаточно для разработки нетронутыхъ сокровищъ въ ея собственныхъ нѣдрахъ. Вотъ ближайшая и всѣмъ очевидная причина почему Россія не опасна для покровительствуемыхъ ею странъ, почему она не угрожаетъ ни подавленіемъ ихъ производительности, ни обезземеленіемъ ихъ населеній, ни захватомъ ихъ жизненныхъ источниковъ. Весь интересъ Россіи на Востокѣ можетъ, напротивъ, состоять только въ томъ чтобы народы освобожденіе которыхъ стоило ей такъ много жертвъ были ограждены отъ всякаго рода эксплуатаціи, чтобъ они были самостоятельны и независимы, чтобъ они жили своею жизнію держась своихъ природныхъ началъ и сохраняя вѣрность своей церкви, чтобы Сербія была для Сербовъ, Болгарія для Болгаръ, Румынія для Румынъ, Греція для Грековъ. Вотъ, повторимъ, единственный интересъ который приноситъ Россія на Востокъ, и его никакъ нельзя назвать своекорыстнымъ. Вотъ положеніе которое предписывается Россіи какъ закономъ нравственнаго порядка вытекающимъ изъ ея исторіи, такъ и согласными съ нимъ условіями ея физическаго бытія, и вотъ почему народы Востока, не смотря ни на какія смуты и интриги, всегда останутся на ея сторонѣ — пока будутъ живы. Россія была ихъ спасеніемъ и освобожденіемъ; Россія есть единственное въ мірѣ ручательство въ ихъ сохранности. Безъ ней они пропали, и это ими самими инстинктивно, — значитъ неистребимо, — чувствуется.

№ 293.

Москва, 21-го октября.

Французская республика быстрыми шагами приближается къ острому финансовому кризису, о которомъ года два, три тому назадъ никто и не помышлялъ. Экспериментъ „чисто демократическаго" управленія привелъ Францію къ прискорбнымъ результатамъ. Съ одной стороны, увеличивались съ каждымъ годомъ въ ужасающихъ размѣрахъ расходы въ угоду личнымъ интересамъ разныхъ министровъ, сенаторовъ и депутатовъ, поддерживавшихъ свою популярность на средства государственной казны, а съ другой стороны, вѣчно тревожное революціонное настроеніе страны, неувѣренность въ будущемъ днѣ и опасность соціальнаго переворота парализовали въ небывалой доселѣ степени торговлю и промышленность: вывозъ товаровъ сталъ быстро уменьшаться, тогда какъ ввозъ иностранныхъ товаровъ съ каждымъ мѣсяцемъ все увеличивается, содѣйствуя еще болѣе упадку французской фа-

бричной производительности *). Промышленный и торговый кризисъ далъ себя немедленно почувствовать въ поступленіи косвенныхъ налоговъ, которые прежде всегда превосходили своими размѣрами самыя смѣлыя бюджетныя смѣты, а начиная съ прошлаго года все менѣе оправдываютъ возлагавшіяся на нихъ надежды, такъ что текущій бюджетный годъ долженъ будетъ кончиться, по мнѣнію нѣкоторыхъ финансистовъ, дефицитомъ приблизительно въ 50 милліоновъ франковъ, тогда какъ извѣстный экономистъ Поль Леруа-Больё доказываетъ въ *Journal des Débats* (26 октября) что этотъ дефицитъ можетъ дойти до 148 милліоновъ, и во всякомъ случаѣ будетъ не ниже 116 милліоновъ франковъ.

Какъ же при такихъ условіяхъ составлять бюджетъ на будущій 1884 годъ? Не имѣя возможности сократить расходы, на что депутаты едва ли согласились бы, министръ финансовъ Тираръ, еще въ апрѣлѣ текущаго года, добился конверсіи пятипроцентной ренты въ $4^1/_2$-процентную, что давало ему возможность сдѣлать сбереженіе въ шесть или семь милліоновъ франковъ. Но уже въ іюлѣ стало очевиднымъ что дефицитъ въ будущемъ 1884 году будетъ значительно больше. Пришлось прибѣгнуть къ болѣе радикальной мѣрѣ, къ заключенію пресловутыхъ конвенцій съ желѣзнодорожными обществами, благодаря которымъ громадное большинство расходовъ по министерству публичныхъ работъ отошло отъ государства къ частнымъ желѣзнодорожнымъ компаніямъ, но за то само государство стало въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ въ полную зависимость отъ этихъ частныхъ обществъ.

Теперь и этой тяжкой жертвы оказалось недостаточно. Поступленіе косвенныхъ налоговъ до такой степени уменьшается что г. Тирару пришлось прибѣгнуть еще къ нѣкоторымъ мѣрамъ дабы устранить дефицитъ въ бюджетѣ 1884 года, не потому что дефицитъ въ самомъ дѣлѣ такое страшилище, а потому что слово это непопулярно и можетъ бросить тѣнь на республиканское управленіе вообще и на министра въ особенности.

И вотъ, въ теченіе парламентскихъ вакацій, г. Тираръ рѣшился предложить депутатамъ произвести на 31 милліонъ экономію въ расходахъ по разнымъ министерствамъ и заимствовать 14 милліоновъ изъ пенсіоннаго фонда (la caisse des retraites de la vieillesse). Эту операцію г. Тираръ сообщилъ въ видѣ „проекта поправки къ бюджету" специальной бюджетной коммиссіи палаты депутатовъ 23 октября предъ открытіемъ чрезвычайной сессіи. Коммиссія единогласно отвергла всякую мысль о сокращеніи какихъ бы то ни было расходовъ и одобрила предложеніе г. Рувье, совѣтовавшаго откровенно признать существованіе дефицита въ 60 милліоновъ въ бюджетѣ 1884 года и принять мѣры къ какому бы то ни было его покрытію, лишь бы для этого не нужно было прибѣгнуть къ непопулярному средству увеличенія налоговъ. Г. Тираръ, испытавъ полное пораженіе въ бюджетной коммиссіи, тѣмъ не менѣе передалъ свой проектъ на обсужденіе палаты депутатовъ, которая на дняхъ должна будетъ окончательно рѣшить, можно ли будетъ „республиканскому" бюджету явиться на свѣтъ съ дефицитомъ. По общему мнѣнію французскихъ политиковъ палатѣ ничего не останется сдѣлать какъ согласиться на эту непріятную необходимость, съ тою только разницей что чрезъ два мѣсяца для всѣхъ станетъ очевидно что дефицитъ будетъ простираться далеко за 60 милліоновъ, такъ какъ военному министерству придется произвести цѣлый рядъ совершенно непредвидѣнныхъ и значительныхъ расходовъ.

Дѣло въ томъ что Тонкинскій вопросъ принялъ въ настоящее время серіозный характеръ, и открытое столкновеніе Франціи съ Китаемъ является болѣе чѣмъ вѣроятнымъ. Въ день открытія чрезвычайной сессіи парламента, министръ иностранныхъ дѣлъ г. Шаллемель-Лакуръ велѣлъ раздать депутатамъ *Желтую Книгу* по Тонкинскому вопросу и особое изложеніе хода переговоровъ съ Китайскимъ правительствомъ. Изъ этихъ документовъ оказывается что въ сущности роль Франціи въ этихъ переговорахъ была далеко не блестящая.

Въ маѣ текущаго года Китайское правительство протестовало противъ экспедиціи Французовъ въ Тонкинъ, на томъ осно-

---

*) Весьма характеристична рѣчь которою недавно привѣтствовалъ одинъ фабрикантъ министра Жюля Ферри, во время его послѣдней экскурсіи въ Нормандію: „Какъ представитель промышленности," сказалъ этотъ своеобразный патріотъ, „я протекціонистъ, но какъ республиканецъ я фритредеръ."

ванія что вся Аннамская имперія, а слѣдовательно и Тонкинская, ея провинція, находятся подъ протекторатомъ Китая. Французское правительство отвѣтило на этотъ протестъ съ презрѣніемъ и даже нѣкоторымъ фанфаронствомъ. Два мѣсяца (май и іюнь) продолжались переговоры французскаго уполномоченнаго г. Трику съ Китайскимъ генераломъ Ли-Хунъ-Чапомъ въ Шанхаѣ, и кончились ничѣмъ. Тогда, въ іюлѣ мѣсяцѣ, Китайское правительство предъявило г. Шаллемель-Лакуру требованіе чтобы Французы отказались отъ Тонкина. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ тотчасъ перемѣнилъ свою надменную политику и въ августѣ мѣсяцѣ согласился сдѣлать нѣкоторыя уступки Китаю. Китайское правительство, видя слабость своего противника, перестало вести съ нимъ переговоры, и лишь 16 октября прислало новую ноту, требующую чтобы Французы очистили Тонкинъ. На эту ноту г. Шаллемель-Лакуръ ничего не отвѣчалъ, а рѣшилъ передать все дѣло на благоусмотрѣніе парламента, заявляя однако при этомъ свое мнѣніе что уступать Китайцамъ не слѣдуетъ, что необходимо показать имъ твердость характера и увѣрить ихъ что Франція, въ случаѣ необходимости, не побоится объявить имъ войну.

Такимъ образомъ оказывается что правители Франціи поставили государство въ необходимость или позорно отступить предъ Китаемъ или начать съ нимъ войну. 31 октября палата депутатовъ одобрила большинствомъ 179 голосовъ энергическую политику г. Жюля Ферри по отношенію къ Китаю и этимъ, повидимому, высказалась за второй выходъ изъ поставленной ей дилеммы, то-есть въ случаѣ надобности за открытое столкновеніе съ Китаемъ. Но война на дальнемъ Востокѣ доведетъ дефицитъ 1884 года до такихъ размѣровъ что онъ дѣйствительно можетъ надолго разстроить государственное хозяйство Французской республики.

№ 296.

Москва, 24-го октября.

Работы австро-венгерскихъ делегацій находятся въ полномъ разгарѣ. Почти ежедневно засѣдаетъ та или другая делегаціонная коммиссія, обсуждая общеимперскій бюджетъ. Какъ легко было предвидѣть и какъ мы предсказывали въ свое время, делегаціонныя работы текутъ вполнѣ мирно и на этотъ разъ не изобилуютъ обычными въ австро-венгерскихъ делегаціяхъ „инцидентами.“ Интересъ представляютъ только заявленія министра иностранныхъ дѣлъ данныя въ венгерской делегаціонной коммиссіи по иностраннымъ дѣламъ и въ бюджетной делегаціонной коммиссіи Вѣнскаго рейхсрата.

Запросы внесенные въ венгерской делегаціонной коммиссіи касались преимущественно предметовъ обсуждавшихся въ прошлую сессію. Графъ Кальноки далъ болѣе или менѣе обстоятельные отвѣты касательно всѣхъ вопросовъ имѣющихъ отношеніе къ восточной политикѣ Австро-Венгріи. На этомъ поприщѣ австрійскіе дипломаты дѣйствительно могутъ похвастаться успѣхами, по преимуществу въ финансовомъ и торговомъ отношеніи. Вопросъ о соединеніи австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ съ сербскими, болгарскими и турецкими линіями наконецъ рѣшенъ согласно желанію Австріи. Упиравшаяся долгое время Турція согласилась по крайней мѣрѣ на бумагѣ на соединеніе турецкихъ желѣзныхъ дорогъ съ сербскими у города Враньи; Болгарія также ратификовала конвенцію выработанную конференціей à quatre, а Сербія совершила этотъ важный актъ, какъ извѣстно, помимо желанія скупщины, съ которою новый сербскій кабинетъ какъ видно не намѣренъ церемониться, ибо это не соотвѣтствовало бы требованіямъ Вѣны. Ратификація трактата и практическое исполненіе заключающихся въ немъ обязательствъ, конечно, не одно и то же, но австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ обѣщался дѣйствовать „энергично“ и увѣренъ что его будущія дѣйствія увѣнчаются успѣхомъ, и Востокъ уже въ трехгодичный срокъ будетъ соединенъ желѣзною дорогой съ центральною Европой. Оправдаются ли эти надежды, пока судить трудно, но делегаты, а съ ними и вся австрійская печать, остались весьма довольны заявленіями графа Кальноки по этому вопросу.

Объясненія министра иностранныхъ дѣлъ по поводу пріѣзда короля Румынскаго въ Вѣну и объ отношеніяхъ между Австро-Венгріей и Румыніей показали что ликованія австрійской печати о состоявшемся будто бы тѣсномъ сближеніи Румыніи съ Австро-Венгріей пока совершенно напрас-

ны. И король Карлъ и министръ-президентъ Братіану убѣдились, такъ говорилъ графъ Кальноки, во время своего пребыванія въ Вѣнѣ, что интересы Австріи и Румыніи *нигдѣ не сталкиваются* (sic), но „конкретныхъ вопросовъ не было де рѣшаемо.“ Въ числѣ этихъ *конкретныхъ* вопросовъ находится, какъ извѣстно, и Дунайскій вопросъ, чуть-было не поведшій къ разрыву между королевствомъ Румыніей и двойственною Имперіей. „Интимныя“ отношенія между этими двумя державами имѣютъ очевидно платоническій характеръ.

О Болгаріи также шла рѣчь, причемъ графъ Кальноки заявилъ только о пламенномъ желаніи Австрійскаго правительства поскорѣе разрушить и безъ того почти развалившіяся Дунайскія крѣпости, которыя почему-то считаются весьма опасными для австрійскихъ интересовъ и судоходства по Дунаю, на берегахъ коего возвышаются нѣсколько австрійскихъ крѣпостей.

Невольно бросается въ глаза что графъ Кальноки говоря о балканскихъ государствахъ не коснулся ни единымъ словомъ послѣднихъ событій въ Сербіи, хотя они произвели въ Австріи весьма сильное впечатлѣніе и наглядно обнаружили что борцами за сближеніе съ Австріей и подчиненіе ей интересовъ Сербскаго королевства являются только король Миланъ и его министры помимо народа Сербскаго. О Черногоріи также не упоминалось ни единаго слова. Объ отношеніяхъ къ Турціи министръ иностранныхъ дѣлъ выразился что они не только дружественны, но даже интимны. Не вслѣдствіе ли этой интимности австрійскіе агенты агитируютъ въ Солунѣ, Македоніи и Албаніи?

Одинъ изъ делегатовъ поднялъ разбиравшійся въ прошлую сессію и надѣлавшій тогда много шума вопросъ о сближеніи Австро-Венгріи съ Италіей. Отвѣтъ министра особенно интересенъ тѣмъ что имъ впервые офиціально заявлено о „союзѣ“ съ Италіей, между тѣмъ какъ прежде говорилось только о сближеніи. Характеризуя отношенія между Австро-Венгріей и Италіей, графъ Кальноки не забылъ упомянуть—и это дѣлаетъ честь его проницательности—что въ Италіи есть партія которая относится къ союзу съ Австріей не очень сочувственно: подъ этою партіей онъ вѣроятно разумѣлъ *ирредентистовъ*, число коихъ несмотря на „союзъ“ не уменьшается ни въ Италіи, ни въ самой Австріи.

За то объ австро-германскомъ союзѣ графъ Кальноки сообщилъ делегатамъ самыя утѣшительныя свѣдѣнія. Ожесточенная полемика поднявшаяся въ началѣ текущаго года между германскими и австрійскими офиціозными газетами по поводу того на какой срокъ заключенъ австро-германскій союзъ, по словамъ австро-венгерскаго министра иностранныхъ дѣлъ, совершенно непонятна. Если принять въ соображеніе что полемика по этому поводу велась исключительно газетами получающими свѣдѣнія изъ самыхъ „компетентныхъ сферъ,“ то непонятливость графа Кальноки представляется въ данномъ случаѣ нѣсколько странною. Мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ что въ настоящее время союзъ между Германіей и Австро-Венгріей представляется вполнѣ упроченнымъ; зная мирныя цѣли преслѣдуемыя этимъ союзомъ, мы можемъ только радоваться что ему не угрожаетъ никакой опасности, но въ теченіе нынѣшняго года очевидно были какія-то недоразумѣнія, вѣроятно улаженныя при свиданіи графа Кальноки съ княземъ Бисмаркомъ.

Особенную сенсацію вызвали не только въ Австріи, но и въ другихъ странахъ заявленія министра иностранныхъ дѣлъ объ отношеніяхъ между Австро-Венгріей и Россіей. Въ венгерской делегаціонной коммиссіи графъ Кальноки выразился объ этомъ щекотливомъ вопросѣ чрезвычайно загадочно. Сообщивъ о сердечныхъ отношеніяхъ между Императорами Всероссійскимъ и Австрійскимъ и о „нормальныхъ“ отношеніяхъ Русскаго и Австрійскаго правительствъ, графъ Кальноки счелъ почему-то нужнымъ пожаловаться на русскую печать якобы агитирующую противъ Австріи и возбуждающую тѣмъ самымъ безпокойство. Эта неожиданная выходка хоть кого удивитъ, тѣмъ болѣе что именно австрійскія *офиціозныя* газеты (оппозиціонныя въ гораздо меньшей мѣрѣ) усердно возбуждаютъ противъ Россіи общественное мнѣніе Европы и стращаютъ его всевозможными небылицами о „воинственномъ настроеніи Россіи.“ Или быть-можетъ австро-венгерскому министру иностранныхъ дѣлъ неизвѣстно что говорятъ офиціозныя австро-венгерскія газеты? Указавъ, успокоенія ради, на то что наступательный панславизмъ въ Россіи имѣетъ ограниченный кругъ привер-

женцевъ, графъ Кальноки, въ концѣ своей рѣчи, повторилъ что Русское правительство искренно желаетъ мира и что есть основаніе надѣяться что миролюбивое настроеніе проникнетъ и въ „Русскій народъ." Спрашивается, кто же въ Россіи врагъ мира: „ограниченный ли кружокъ лицъ" агитирующій въ русской печати или же весь Русскій народъ, которому еще предстоитъ проникнуться мирными идеями? Еще болѣе страннымъ представляется заявленіе графа Кальноки что въ Россіи дѣлаются какія-то военныя приготовленія и его угроза что въ случаѣ нападенія со стороны Россіи „Австрія будетъ не одна."

Графъ Кальноки, къ счастію, самъ догадался что его туманное заявленіе легко можетъ вызвать тревогу, и спустя два дня поспѣшилъ, не будучи къ тому вызванъ, заявить въ бюджетной коммиссіи австрійской делегаціи что подъ „нормальными" отношеніями между правительствами Русскимъ и Австрійскимъ онъ подразумѣваетъ отношенія „дружественныя," и что Россія и Австро-Венгрія вмѣстѣ съ населяющими ихъ народами одинаково нуждаются въ мирѣ.

Невольно бросается въ глаза что на сей разъ австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ ни единымъ словомъ не коснулся отношеній между Австріей и Франціей. Это упущеніе тѣмъ замѣчательнѣе что еще недавно въ венгерской палатѣ депутатовъ министръ-президентъ съ особеннымъ удареніемъ говорилъ о сочувствіи Мадьяръ къ Французамъ, и палата встрѣтила это заявленіе рукоплесканіями...

№ 297.

Москва, 25-го октября.

Бывшій студентъ Варшавскаго университета Жуковичъ, осмѣлившійся нанести высшему начальнику своему, попечителю округа, оскорбленіе дѣйствіемъ и преданный за это суду по обвиненію въ преступленіи предусмотрѣнномъ 395 ст. Уложенія о Наказаніяхъ, не изъявилъ желанія обжаловать приговоръ, состоявшійся о немъ въ Варшавскомъ окружномъ судѣ. И странно было бы жаловаться ему, а можно развѣ удивляться что прокуроръ оставилъ приговоръ безъ протеста.

Въ самомъ дѣлѣ Жуковичъ, по невѣроятной дерзости и умышленности своего поступка, подлежалъ наказанію не по первой, а по второй части 395 ст. Уложенія, въ силу которой онъ былъ преданъ суду и которая подвергаетъ виновнаго *потерѣ всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшія или менѣе отдаленныя мѣста Сибири*. Это призналъ и Варшавскій судъ, который въ своемъ приговорѣ не допускаетъ повидимому возможности примѣнить къ Жуковичу ту часть этой статьи которая грозитъ лишь ограниченіемъ правъ и сравнительно недолговременнымъ заключеніемъ или ссылкой. Но вмѣстѣ съ тѣмъ судъ нашелъ что Жуковичъ вошелъ въ пріемную попечителя *въ раздраженномъ состояніи*, и принимая во вниманіе это обстоятельство при которомъ совершено преступленіе Жуковича, обстоятельство, по мнѣнію суда, смягчающее виновность его, какъ будто студентъ можетъ почему-либо, при нормальныхъ отношеніяхъ учащихся къ ихъ начальству, раздражаться до самозабвенія противъ попечителя округа, счелъ возможнымъ не только смягчить его наказаніе по самому роду его, устанавливаемому упомянутою статьей, но и понизить его *„лишь на одну степень."* Судъ забылъ при этомъ что перейдя со 2-й степени 20-й къ 4-й степени 31 ст. Уложенія, онъ и безъ того незаконно понизилъ наказаніе до минимума и упустилъ еще изъ вида что самъ законъ, въ виду несовершеннолѣтія обвиняемаго, и безъ того не подвергаетъ его ни лишенію, ни ограниченію правъ. Какъ бы то ни было, Жуковичъ былъ присужденъ лишь къ тюремному заключенію на годъ и шесть мѣсяцевъ. Если этимъ приговоромъ удовольствовался прокурорскій надзоръ, то Жуковичу уже во всякомъ случаѣ не было основанія оспаривать его правильность.

Но Жуковичъ думаетъ все-таки что его мерзкій поступокъ можетъ остаться безнаказаннымъ. Онъ требуетъ примѣненія къ себѣ послѣдствій Всемилостивѣйшаго Манифеста 15 мая и находитъ что такъ какъ онъ приговоренъ лишь къ заключенію, то въ силу Манифеста онъ избавляется вовсе отъ назначенной ему кары. Разсмотрѣвъ это-то ходатайство Жуковича, судъ отвергъ его, признавъ что нормальнымъ наказаніемъ ему слѣдовало назначить ссылку, которая по Манифесту отмѣняется лишь чрезъ 15 лѣтъ, и полагалъ

невозможнымъ подвести сильно смягченное и безъ того наказаніе подъ тотъ же Манифестъ. Судъ такимъ образомъ косвенно призналъ что при назначеніи Жуковичу наказанія онъ вышелъ изъ предѣловъ предоставленной ему закономъ власти. Но Жуковичъ настаиваетъ на своемъ правѣ пользоваться царскою милостью, и за отказъ примѣнить къ нему Манифестъ принесъ жалобу Варшавской судебной палатѣ.

Какъ извѣстно, въ Привислинскомъ краѣ дѣла по которымъ обвиняемые присуждаются къ лишенію правъ подлежатъ разсмотрѣнію въ двухъ инстанціяхъ, въ виду того что они разсматриваются тамъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Палатѣ оставалось обсудить ходатайство Жуковича и, конечно, она должна была коснуться сущности самаго приговора состоявшагося по его дѣлу. Безъ этого немыслимо было прійти къ какому-либо заключенію о томъ отмѣняется ли наказаніе Жуковича Манифестомъ или нѣтъ. Палата это и сдѣлала. Она разбираетъ приговоръ суда, и находитъ что на основаніи установленныхъ судомъ обстоятельствъ дѣла подсудимый подлежалъ ссылкѣ въ Сибирь. Оговариваясь тутъ же что она не можетъ выйти изъ предѣловъ состоявшагося въ судѣ приговора (за отсутствіемъ протеста прокурора, разумѣется), Палата находитъ что Жуковичъ не можетъ пользоваться еще бо́льшимъ смягченіемъ наказанія на основаніи Манифеста, и оставила жалобу его безъ послѣдствій. Но Жуковичъ не вразумился сужденіемъ Палаты. Онъ понадѣялся что Кассаціонный Департаментъ Сената иначе истолкуетъ его право защищаться Манифестомъ, и подалъ жалобу въ которой доказывалъ что приговоромъ Палаты нарушенъ смыслъ того Манифеста и еще,—вѣдь утопающій и за соломенку хватается,—889 ст. Устава Уголовнаго Судопроизводства.

Упомянутая сейчасъ статья помѣщена въ отдѣлѣ Устава въ которомъ говорится о разсмотрѣніи дѣлъ поступающихъ въ Палату по апелляціоннымъ жалобамъ, и гласитъ буквально слѣдующее: „Пренія и самое разсмотрѣніе дѣла не должны выходить изъ предѣловъ отзыва,“ или, говоря по просту, она устанавливаетъ что Палата можетъ измѣнять или отмѣнять лишь обжалованныя части приговора первой инстанціи. Ссылаясь на это постановленіе, Жуковичъ доказывалъ что Палата неправильно коснулась самой сущности приговора, и этимъ нарушила смыслъ статьи.

Увы, Жуковичъ, или его опытные адвокаты, не ошиблись въ разчетѣ. Уголовный Кассаціонный Департаментъ, не обращая никакого вниманія на единственный спорный вопросъ подлежавшій его разрѣшенію, именно о примѣненіи къ Жуковичу льготъ Манифеста 15 мая, задался вопросомъ, насколько Палата имѣла право входить въ обсужденіе самаго содержанія приговора Окружнаго Суда. Находя что по смыслу 889 ст. Уст. Угол. Суд. Палата къ этому не была уполномочена, Сенатъ отмѣнилъ приговоръ ея и передалъ дѣло къ новому разсмотрѣнію.

Намъ кажется что Сенатъ въ данномъ случаѣ, дѣйствуя въ качествѣ кассаціонной инстанціи обязанной разъяснить смыслъ и значеніе извѣстнаго закона и содѣйствовать правильному истолкованію и примѣненію его, только сбилъ съ толку ту Палату которая вновь обязана будетъ разсмотрѣть это дѣло. Уклонившись отъ разъясненія единственнаго вопроса подлежавшаго его разрѣшенію, насколько Манифестъ 15 мая можетъ вліять на наказуемость или безнаказанность поступка Жуковича, Сенатъ тѣмъ самымъ какъ бы сваливаетъ эту задачу на ту Палату въ которую передано дѣло. Послѣдняя же будетъ поставлена въ дилемму. Ей или придется коснуться значенія самаго приговора Суда, основаній на которыхъ онъ построенъ, мотивовъ изъ которыхъ онъ истекаетъ и самаго значенія его въ лѣстницѣ наказаній устанавливаемыхъ Уложеніемъ, т.-е. опять-таки формально нарушить злополучную 889 ст. Устава, или же отказаться вовсе отъ разрѣшенія поданной Жуковичемъ жалобы. Ибо, не опредѣливъ самаго значенія приговора, невозможно прійти къ какому-либо заключенію о послѣдствіяхъ которыя онъ долженъ повлечь за собою въ виду Манифеста.

Къ тому же отмѣна Сенатомъ приговора по дѣлу Жуковича по столь пустому и незначительному поводу, какъ нарушеніе 889 ст. Устава, неминуемо будетъ имѣть болѣе вредныя послѣдствія, чѣмъ самое это нарушеніе, еслибъ оно даже и не было мнимымъ. Эта отмѣна произведетъ смуту въ умахъ, придастъ дѣлу Жуковича, которое должно бы было быть предано забвенію, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, неприличествующее ему значеніе

юридическаго казуса, которое оно и безъ того пріобрѣло, не говоря уже о той политической важности, которою оно почему-то пользуется.

Сенатъ лучше бы поступилъ еслибы не очень заботился о святости 889 ст. Устава, а прямо разрѣшилъ бы возбужденное Жуковичемъ ходатайство. Можетъ-быть ему, въ качествѣ кассаціонной инстанціи, пришлось бы по существу истолковать значеніе и силу состоявшагося приговора. Это было бы какъ нельзя болѣе полезно, особенно въ нынѣшнее смутное время, предполагая разумѣется что Правительствующій Сенатъ могъ сдѣлать это лишь въ сознаніи святости своего государственнаго долга.

№ 298.

Москва, 26-го октября.

17 сентября н. ст. началась въ Англіи третья въ текущемъ столѣтіи обширная агитація, имѣющая цѣлью добиться реформы парламентскихъ выборовъ. Первыя двѣ агитаціи увѣнчались послѣ упорной борьбы въ 1832 и 1867 годахъ полною побѣдой радикальныхъ элементовъ вигской партіи. Едва ли можно сомнѣваться что такая же побѣда выпадетъ рано или поздно на долю и теперешнихъ агитаторовъ, устроившихъ 17 и 18 октября въ городѣ Лидзѣ многолюдное собраніе представителей такъ-называемыхъ „либеральныхъ ассоціацій.“ Этимъ будетъ нанесенъ послѣдній ударъ англійской конституціи, бывшей предметомъ поклоненія доктринеровъ, которые снимали съ нея свой шаблонъ, не зная въ чемъ заключается ея сила.

Въ 1832 году парламентская реформа была главнымъ образомъ вызвана необходимостью преобразовать устарѣвшее съ теченіемъ времени распредѣленіе избирательныхъ округовъ. Но, на ряду съ этимъ преобразованіемъ, реформа 1832 года сдѣлала первую важную уступку радикализму понизивъ въ значительной мѣрѣ имущественный цензъ избирателей. Въ городахъ этотъ цензъ былъ пониженъ до 10 ф. ст., а въ графствахъ до 50 ф. ст.; причемъ въ городахъ получили право голоса не только домовладѣльцы, но и наемщики цѣлыхъ домовъ, имѣвшіе вышеозначенный имущественный цензъ. Въ сущности послѣ реформы какъ и до нея избирателями остались лишь крупные собственники. Реформа 1832 года, даровавъ право голоса лишнему милліону избирателей, въ принципѣ своемъ не отступила отъ сущности тѣхъ вѣковыхъ преданій на которыхъ было основано своеобразное учрежденіе англійскаго парламента; но на практикѣ, благодаря пониженію избирательнаго ценза, новая реформа стала началомъ демократизаціи англійскаго парламента, и нельзя отрицать вліяніе на нее французской іюльской революціи, вліяніе на которое указывалъ герцогъ Веллингтонъ, принужденный противъ своего убѣжденія провести ненавистную ему реформу въ парламентѣ и предчувствовавшій что въ ней таится начало конца, что она потрясетъ вѣковые, историческіе устои англійскаго устройства, и что затѣмъ поблекнетъ и тотъ наружный блескъ ея который плѣнялъ континентальныхъ политиковъ, и лишатся смысла и жизни тѣ учрежденія которымъ они поклонялись.

Уже въ первую палату общинъ избранную послѣ реформы и собравшуюся 5 февраля 1833 года проникли элементы какихъ до сихъ поръ чуждались даже самые либеральные представители вигской партіи. Находясь сперва въ микроскопическомъ меньшинствѣ, они умножались съ каждыми новыми выборами; но главная ихъ дѣятельность была внѣ парламента, гдѣ они въ организованныхъ ими громадныхъ митингахъ усердно работали надъ „демократизаціей“ народныхъ массъ и надъ пробужденіемъ „общественнаго мнѣнія.“ Радикальная агитація не осталась безъ вліянія и на вигскую партію, которая, дабы не лишиться своихъ парламентскихъ мѣстъ, принуждена была во многихъ отношеніяхъ не отставать отъ радикаловъ.

Въ 1858 году, чрезъ двадцать шесть лѣтъ послѣ первой парламентской реформы, радикальная агитація достигла такихъ успѣховъ что глава радикальной партіи, Джонъ Брайтъ, могъ уже выступить открыто съ требованіемъ произвести новую реформу и притомъ на основаніи новаго для Англіи принципа „демократизаціи избирательнаго права,“ и послѣ девятилѣтней упорной парламентской и внѣпарламентской борьбы радикальная партія отпраздновала 12 августа 1867 года свою побѣду, заставивъ даже упорство такого человѣка какъ Дизраели сдѣлать такія уступки радикализму которыя должны бы-

ли измѣнить основанія англійскаго парламентаризма.

На основаніи новой реформы, стремившейся въ особенности къ тому чтобы дать возможность провести въ палату общинъ представителей рабочаго населенія, право голоса въ городахъ было предоставлено не только всѣмъ владѣльцамъ и наемщикамъ домовъ безо всякаго ценза, но и всѣмъ наемщикамъ квартиръ и торговыхъ помѣщеній съ незначительнымъ цензомъ въ 10 ф. стерл.; въ графствахъ право голоса было удержано, правда, только за землевладѣльцами, но за то ихъ цензъ былъ пониженъ съ 50 ф. стерл. до 12 ф. (въ Шотландіи до 14 ф.).

Результаты новой реформы, которую самъ лордъ Дарби, проводившій ее вмѣстѣ съ Дизраели въ парламентѣ, называлъ „прыжкомъ во мракъ,“ не замедлили обнаружиться. На ряду съ двумя вѣковыми политическими партіями виговъ и торіевъ появилась въ палатѣ общинъ третья партія радикаловъ, усилившаяся до такой степени что ей перепадали даже нѣкоторые портфели въ вигскихъ кабинетахъ. Парламентская машина, работавшая при существованіи только двухъ строго дисциплинированныхъ партій съ большою легкостью и съ несомнѣннымъ успѣхомъ, стала все чаще подвергаться остановкамъ и порчѣ и законодательная работа ея далеко уже не достигаетъ прежняго своего совершенства. Въ прежнее время обѣ аристократическія партіи, виги и торіи, тѣсно сплачивались вокругъ своихъ двухъ вождей въ палатѣ общинъ и палатѣ лордовъ, и вожди той партіи которая въ парламентѣ располагала большинствомъ голосовъ становились во главѣ кабинета и спокойно проводили всѣ законодательныя мѣры которыя они находили нужными, не опасаясь потерять внезапно въ теченіе сессіи поддержку парламента, какъ это постоянно случается въ континентальныхъ парламентахъ, раздробленныхъ на три, четыре и даже большее количество партій. Отсутствіе мелкихъ партій въ парламентѣ давало, сверхъ того, возможность избѣгать составленія коалиціонныхъ министерствъ, носящихъ въ себѣ самихъ сѣмя раздора и безсилія. А такъ какъ, сверхъ того, виги и торіи прежняго парламента, принадлежа къ одному обществу и стоя на одной почвѣ, разнились между собою не столько цѣлями сколько средствами, то въ результатѣ получалась та энергическая устойчивость и трезвая благоразумная послѣдовательность во внутренней и во внѣшней политикѣ, которою Англія въ текущемъ столѣтіи такъ сильно отличалась отъ континентальныхъ государствъ.

Въ настоящее время, шестнадцать лѣтъ спустя послѣ реформы 1867 года, радикалы считаютъ уже возможнымъ предпринять новый походъ съ цѣлью еще болѣе „демократизовать“ палату общинъ и покончить съ палатой лордовъ. 17 октября радикалъ Джонъ Морлей открылъ многочисленную „конференцію“ представителей болѣе пятисотъ „либеральныхъ ассоціацій,“ принявшую въ теченіе двухъ дней нѣсколько заранѣе составленныхъ резолюцій, требующихъ чтобы въ ближайшую сессію парламентъ отложилъ обсужденіе давно ожидаемой реформы городоваго положенія, а исключительно занялся избирательною реформой; эта реформа, по мнѣнію лидской конференціи, должна заключаться въ уравненіи правъ сельскихъ избирателей (или избирателей „графствъ“) съ правами городскихъ избирателей. Сверхъ того, лидскіе радикалы требуютъ новаго распредѣленія избирательныхъ округовъ съ цѣлью еще болѣе демократизовать парламентскіе выборы. Наконецъ, послѣднія двѣ резолюціи требуютъ предоставленія избирательныхъ правъ женщинамъ и допущенія г. Брадло въ палату общинъ. Героемъ двухдневной конференціи былъ старый г. Брайтъ, высказавшійся противъ наслѣдственности и безотвѣтственности палаты лордовъ и предсказывавшій полный успѣхъ новому походу радикаловъ, которые де могутъ вполнѣ разчитывать на поддержку Гладстона, сынъ котораго, Гербертъ, явился также однимъ изъ выдававшихся ораторовъ лидской конференціи. И дѣйствительно газеты вигскаго, то-есть правительственнаго, лагеря весьма сочувственно относятся къ постановленіямъ лидскихъ радикаловъ и признаютъ даже нѣкоторую обязательность этихъ резолюцій „общественнаго мнѣнія“ для кабинета г. Гладстона.

Когда осуществится эта новая избирательная реформа, англійскому парламенту останется только сдѣлать одинъ шагъ до неограниченнаго *suffrage universel* чтобъ окончательно утратить свою вѣками выработанную своеобразную самобытность, благодаря которой онъ одинъ среди всѣхъ

другихъ европейскихъ парламентовъ являлся дѣйствительно полезнымъ политическимъ учрежденіемъ, и превратиться въ безполезную, а слѣдовательно вредную для государства говорильню, прикрывающую подъ громкими фразами народолюбства личныя эгоистическія интриги мнимыхъ представителей мнимаго народа.

Итакъ и Англія, повидимому, не суждено избѣгнуть одуряющей заразы эгалитарнаго парламентаризма, причинившаго уже столько зла прочимъ государствамъ западной Европы. Вступивъ разъ на ложный путь фальшивыхъ парламентскихъ доктринъ, остановиться на этомъ пути невозможно до тѣхъ поръ пока не дойдешь до послѣдняго логическаго абсурда сумасбродныхъ государственныхъ теорій.

№ 299.

Москва, 27-го октября.

Событія въ Болгаріи идутъ быстро. Едва успѣли мы коснуться ихъ, какъ уже приходится начинать сызнова. Кризисъ въ послѣднее время выразился такъ рѣзко и остро что уже нельзя ограничиваться намеками и приходится оставить способъ выраженія прикрытый и уклончивый.

Въ самомъ дѣлѣ, нужно начать съ начала для того чтобы выяснить себѣ сущность положенія сложившагося теперь въ Болгаріи. Началомъ опредѣляется характеръ событій которыя шли одно за другимъ съ логическою послѣдовательностію, причемъ встрѣчныя обстоятельства только ускоряли или замедляли ихъ теченіе, болѣе или менѣе уклоняя ихъ отъ прямой линіи.

Когда послѣ кровопролитной войны родилась на свѣтъ Болгарія, требовалось дать ей устройство которое обезпечивало бы ея существованіе. Какую форму правленія слѣдовало дать малой, только что выкроенной трактатомъ части Балканскаго полуострова, народу давно утратившему всякое чувство своего государственнаго единства и еще теперь далеко не собравшему себя, живущему отдѣльными общинами, въ полномъ смыслѣ слова простому, неизбалованному, трезвому, трудолюбивому, который желаетъ только безопасности, тишины и спокойствія? Освобожденная Сербія имѣла своихъ народныхъ героевъ, бойцовъ за свою независимость, въ которыхъ олицетворялась народная сила и которымъ, одному за другимъ, досталась и власть въ странѣ. Орлиное гнѣздо Черной Горы, въ непрерывной борьбѣ съ невѣрными, имѣло во главѣ своей владыку-епископа и вмѣстѣ воина, власть котораго наконецъ освободилась отъ этой аномаліи, и въ наши дни находится въ рукахъ тоже народнаго героя, вождя дружины безусловно ему преданной. Положеніе освобожденной Болгаріи было совсѣмъ иное. Она не могла указать на человѣка который бы воплощалъ въ себѣ ея единство и кому естественно могла бы быть передана власть надъ ней. Была ли необходимость создавать въ Болгаріи мизерную лишенную достоинства монархію? Гдѣ было взять человѣка который могъ бы твердо поставить и поддержать монархическій принципъ въ вассальной и во всемъ ото всѣхъ зависимой, маленькой Болгаріи? Откуда могъ бы онъ взять обаяніе своего импровизованнаго престола? Что̀ могло бы сообщить ему то священіе безъ котораго монархическое начало превращается въ карикатуру? Чѣмъ могъ бы онъ, homo novus, не имѣя за собою ни преданій, ни исторіи, привлечь къ себѣ вѣру народа и стать живымъ символомъ его единства? Но никакой необходимости создавать въ освобожденномъ клочкѣ Болгарскаго народа жалкое подобіе монархическаго устройства не было. Доктринерство можетъ оказаться во всемъ, и во всемъ оно одинаково вредно. Нельзя кроить все по одному шаблону и примѣнять ко всему одну доктрину. Доктрина служитъ лишь подмосткой для ума. Умъ долженъ владѣть ею, а не сидѣть у ней въ плѣну. Въ политикѣ, какъ и во всемъ, надо прежде всего ясно видѣть данную дѣйствительность, и только сообразныя съ нею дѣйствія наши могутъ имѣть смыслъ. Если не было условій создать въ Болгаріи достойную монархію, то вмѣсто ея фальшиваго и жалкаго подобія, съ ходячею конституціей, не вѣрнѣе ли было бы,—скажемъ le gros mot,—установить въ ней безхитростную, откровенную и правдивую республику, съ правителемъ во главѣ, отвѣтственнымъ предъ страной, предъ Европой, предъ Россіей, особенно заинтересованною благомъ народа призваннаго къ жизни ея кровію. Предоставить эту страну произволу маленькаго, новоиспеченнаго царька было бы

невозможно. Какія бы ни представлялъ онъ ручательства своей добросовѣстности, нельзя было бы безусловно ввѣрить ему новорожденную жизнь. Приходилось ограничивать его власть, стѣснять его разными хитростями и искусственными условіями, лишать его свободы дѣйствій, ставить его въ антагонизмъ съ народомъ, учреждать систему взаимнаго обмана, вызывать фальшивыя партіи и колебать народныя основы новорожденнаго политическаго тѣла. Искажать, ронять, безславить монархическое начало не значитъ, конечно, созидать монархію. Вопреки ходячимъ мнѣніямъ, мы смѣемъ думать не безъ основанія что монархія достойная этого имени есть высшая политическая форма, что она есть плодъ долговременной исторіи великаго народа. Можно импровизовать грубый фактъ диктатуры, но священную для народа власть—нельзя. Въ этомъ отношеніи исторія Россіи служитъ наглядным примѣромъ. Монархическое величество явилось въ Россіи не вдругъ. Потребовались вѣка прежде чѣмъ явилось въ священномъ для народа значеніи самодержавіе Русскаго Царя. Въ первоначальную пору Россія распадалась на общины, которыя управлялись сами собою и были то что̀ называется республиками, которыя призывали и прогоняли князей дружинниковъ, служившихъ имъ для внѣшней обороны. Общинная, но цивилизованная форма подъ контролемъ Россіи, въ соглашеніи съ другими державами, была бы наиболѣе естественнымъ для Болгаріи положеніемъ. Чѣмъ меньше искусственности, чѣмъ проще учрежденія, тѣмъ лучше для страны только что начинающей жить государственною жизнію. Общинное устройство съ правителемъ во главѣ въ родѣ князя Вогороди безъ притязаній на королевское или полукоролевское величество, единокровнаго и единовѣрнаго своимъ согражданамъ, а не подданнымъ, не было ли бы такое устройство, помимо всякой доктрины, надежнѣе и правдивѣе для Болгаріи,—Болгаріи дѣйствительной, не мнимой? И почему генералъ-губернаторъ Восточной Румеліи не могъ бы въ то же время быть и вассальнымъ правителемъ Болгаріи? Самостоятельность Болгаріи не потерпѣла бы отъ того ни малѣйшаго ущерба, а султанскому величеству было бы можетъ-быть лестно имѣть своего подданнаго во главѣ отпавшей отъ него страны.

Такъ или иначе, былъ ли однако поводъ призывать иностраннаго принца на импровизованный престолъ новой страны которая понимаетъ священное величество Русскаго Царя, но едва ли можетъ соединять какое-либо опредѣленное значеніе съ властію маленькаго вассальнаго государя, притомъ не имѣющаго съ нимъ ничего общаго ни по вѣрѣ, ни по языку? Какими бы достоинствами ни обладалъ призванный такимъ образомъ иностранный принцъ, приходилось оградить его условіями шаблоннаго конституціонализма, которыя, роняя монархическій принципъ, нисколько не могутъ обезпечивать страну отъ произвола, злоупотребленій и хищеній.

Вотъ „первая ложь“ съ которой начались злоключенія болгарскихъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ мизерною монархіей явились двѣ каррикатурныя партіи, либеральная и консервативная. Въ Болгаріи, такъ же какъ и въ Россіи, не можетъ быть политическихъ партій или же можетъ быть только одна уважительная партія народная, національная, способная вмѣщать въ себѣ разные оттѣнки мнѣній, лишь бы они сходились на общей патріотической основѣ. Противоположная ей партія можетъ быть только заговоромъ, крамолой, измѣной. Въ Болгаріи нѣтъ ни аристократіи, ни громадныхъ фортунъ; тамъ нѣтъ порожденной вѣками вражды сословій; да и сословій никакихъ не имѣется; тамъ нѣтъ отжившихъ учрежденій стѣсняющихъ жизнь; нѣтъ соблазновъ для революціоннаго соціализма; тамъ нечего отмѣнять и разрушать, лишь бы не прививать ничего фальшиваго и искусственнаго.

Нельзя сомнѣваться что князь Александръ затруднялся управлять страной при Тырновской конституціи; мы понимаемъ что положеніе дѣлъ могло его побудить къ coup d'état. Но нельзя также отрицать что люди народной партіи могли видѣть въ этомъ дѣйствіе внушенное не мыслію о благѣ страны, а желаніемъ безконтрольно и безъ помѣхи достигнуть какихъ-либо цѣлей не имѣющихъ ничего общаго съ благомъ страны. Подозрительность патріотовъ могла опасаться что въ продолженіе семилѣтней диктатуры, которую выговорилъ себѣ князь, цѣли эти могли быть достигнуты и страна могла быть разорена, подавлена, тронута во всѣхъ источникахъ своего существованія. Князь Болгарскій, возбудивъ противъ себя на-

родныя страсти, прибылъ въ Россію искать себѣ министра съ тѣмъ чтобы въ это переходное время ввѣрить ему управленіе страной и тѣмъ дать какъ ей, такъ и Россіи гарантіи что присвоенныя имъ полномочія не будутъ употреблены во зло, а послужатъ къ благоустроенію страны. Русскій генералъ, принявшій на себя эту миссію, вскорѣ однако заразился подозрительностію болгарскихъ патріотовъ и возымѣлъ мысль что онъ понадобился лишь въ качествѣ ширмы, и вотъ между нимъ и княземъ началась борьба окончившаяся извѣстнымъ исходомъ.

Одинъ изъ тѣхъ жгучихъ вопросовъ которые особенно возбуждали подозрительность патріотовъ былъ вопросъ о путяхъ сообщенія. Искусственные пути сообщенія стоятъ дорого, служатъ удобнымъ средствомъ къ хищничеству и своимъ направленіемъ могутъ оказывать дѣйствіе полезное или вредное для хозяйственнаго быта страны и вообще для ея будущности. Въ интересѣ Болгаріи желательно было бы отсрочить заботу о путяхъ сообщенія до того времени когда сами потребности народнаго хозяйства указали бы ихъ направленіе. На этомъ вопросѣ сталкивался и министръ съ видами князя или нѣкоторыхъ приближенныхъ къ нему лицъ.

Болгарская военная сила, необходимая для страны начинающей политическую жизнь и желающей имѣть значеніе среди сосѣдей, сила безъ которой не можетъ развиться и укрѣпиться національный духъ, обязана русскимъ офицерамъ своимъ образованіемъ. Какъ сама Болгарія, такъ и ея армія, есть чисто созданіе Россіи Но русскіе офицеры служащіе въ болгарской арміи не должны употребляться ни на какое другое назначеніе кромѣ чисто военнаго. Россія не можетъ отдать ихъ въ безконтрольное распоряженіе князя. Вмѣшиваться во внутреннія дѣла, нести полицейскую и жандармскую службу и путаться въ выборную агитацію было бы столько же противно ихъ назначенію сколько интересамъ Болгаріи и самой Россіи. Это во всякомъ случаѣ пораждало бы и поддерживало бы въ народѣ мысль что все что ни дѣлается по распоряженію князя внушено Россіей, хотя бы то было совершенно противно ея видамъ. При безграничномъ довѣріи Болгарскаго народа къ Россіи многое вслѣдствіе такого ошибочнаго мнѣнія должно пріобрѣтать незаслуженный авторитетъ, а съ другой стороны, возлагать за все про все отвѣтственность на Россію. Такое неправильное положеніе не можетъ длиться.

Въ настоящее время происходитъ очень странное явленіе. Россія, которой всѣ интересы клонятся къ тому чтобы Болгарія управлялась въ духѣ своихъ собственныхъ интересовъ и чтобъ она была ограждена отъ чужой эксплуатаціи, выставляется ревнивою и непріязненною силой стремящеюся заполонить эту бѣдную Болгарію. Русскіе министры вызванные Болгарскимъ княземъ въ своихъ видахъ приводятся его же партіей въ примѣръ этой подавляющей притязательности Россіи. Князь, котораго народъ Болгарскій чтитъ лишь какъ ставленика Россіи и подчиняется его распоряженіямъ лишь въ увѣренности что они соотвѣтствуютъ видамъ Россіи,—князь Болгарскій идетъ какъ бы на разрывъ съ ней. Онъ принимаетъ съ нею тонъ сильнаго потентата, забывая что власть его въ Болгаріи обязана своею твердостію русской поддержкѣ. Отними отъ него Россія свою руку, и власть эта рухнетъ. Послѣдніе декреты князя которыми онъ, во гнѣвѣ на отозваніе безъ его вѣдома двухъ русскихъ офицеровъ состоявшихъ въ его свитѣ, увольняетъ изъ своей свиты и другихъ русскихъ офицеровъ и вмѣстѣ приказываетъ отозвать по телеграфу всѣхъ болгарскихъ офицеровъ состоящихъ для своего военнаго образованія при русскихъ войскахъ,—декреты эти конечно не могутъ послужить къ лучшему. Правда, князь Александръ могъ быть оскорбленъ внезапнымъ безъ его вѣдома отзывомъ генерала Лѣсоваго и капитана Ползикова; но гнѣвъ плохой совѣтникъ...

Въ маленькомъ болгарскомъ парламентѣ недавно былъ принятъ законъ объ уплатѣ Русскому правительству издержекъ по военному занятію Болгаріи и вмѣстѣ утверждена желѣзнодорожная конвенція по требованію Австріи. Это, что̀ называется, всѣмъ сестрамъ по серьгамъ: Россія получитъ свое, а Австрія чужое. Но едва ли болгарскіе патріоты могутъ порадоваться желѣзнодорожной конвенціи, отъ которой, къ сожалѣнію, Россія не успѣла защитить Болгарію. Что же касается возмѣщенія суммъ затраченныхъ Россіей на военное занятіе Болгаріи, то мыслящіе изъ болгарскихъ патріотовъ, конечно, понимаютъ что эта значительная сумма, по праву при-

надлежащая Россіи, останется въ Болгаріи и послужитъ ей на пользу. Благодаря тому что двѣнадцать милліоновъ франковъ болгарской казны принадлежатъ теперь Россіи, сумма эта застрахована отъ всякой случайности...

№ 300.

Москва, 28-го октября.

Возвращаемся къ вопросу объ элеваторной Русско-Американской Компаніи затронутому въ № 283 *Московскихъ Вѣдомостей*. Съ той поры появилось столько противорѣчивыхъ свѣдѣній объ этой компаніи, столько писано было и въ защиту, и въ обвиненіе ея, приводилось такое множество цифръ одна съ другою несогласныхъ, что прежде обсужденія вопросовъ касающихся русско-американскаго предпріятія мы сочли должнымъ провѣрить заявленныя цифры и обратились къ содѣйствію уважаемаго, не принадлежащаго ни къ той, ни къ другой сторонѣ лица, на безпристрастіе и спеціальныя свѣдѣнія котораго могли мы вполнѣ положиться, и благодаря этому содѣйствію находимъ возможнымъ высказаться о Русско-Американской Компаніи элеваторовъ (зерноподъемовъ) болѣе опредѣленнымъ образомъ.

Не слишкомъ ли поздно, однако, и потому не безполезно ли теперь высказывать о ней какое-либо мнѣніе? Думаемъ что еще не поздно. По нашимъ свѣдѣніямъ, дѣло еще далеко не рѣшено. Между прочимъ, въ департаментахъ Государственнаго Совѣта подняты такіе вопросы по поводу русско-американскаго предпріятія и заявлены такія возраженія противъ „главныхъ основаній“ его что можно очень сомнѣваться будутъ ли эти основанія приняты въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта. Въ нѣкоторыхъ петербургскихъ газетахъ, правда, дѣло выставляется рѣшеннымъ, или предрѣшеннымъ въ такой степени что хотя былъ бы до очевидности доказанъ большой вредъ для Россіи отъ задуманнаго русско-американскаго предпріятія, ему всетаки суждено будто бы непремѣнно осуществиться. Но еслибы даже и такъ, все же можно надѣяться что дѣльное обсужденіе проекта и дѣлаемыхъ съ разныхъ сторонъ указаній на замѣчаемые въ немъ вопіющіе недостатки будетъ не совсѣмъ безполезно

Прежде чѣмъ приступить къ обсужденію вопроса мы вынуждены сдѣлать небольшое отступленіе.

Еще мы не брались за перо чтобы, во исполненіе нашего обѣщанія, войти въ разсмотрѣніе недостаточно разъясненныхъ сторонъ вопроса о Русско-Американской Компаніи, какъ одна изъ петербургскихъ газетъ, въ интересахъ отстаиваемаго ею предпріятія, нашла полезнымъ прибѣгнуть къ неприличной выходкѣ. Въ № 2.747 *Новаго Времени*, отъ 21 октября, на видномъ мѣстѣ, было напечатано слѣдующее:

„Мы слышали что калашниковскіе хлѣбные торговцы, въ виду благопріятнаго рѣшенія въ Государственномъ Совѣтѣ дѣла объ элеваторахъ, обратились чрезъ особую депутацію къ г. Каткову! Рѣшеніе послѣдняго пока неизвѣстно.“

Для чего могла понадобиться эта выходка, что хотѣли ею сказать сторонники учредителей Русско Американской Компаніи? Никакого рѣшительнаго мнѣнія о ней нашею газетой еще не было заявлено, было лишь обѣщано высказать его, но по нѣсколькимъ замѣчаніямъ сдѣланнымъ въ №№ 96, 104, 114 и 262 *Московскихъ Вѣдомостей* можно было догадываться что оно будетъ не совсѣмъ на руку учредителямъ, и вотъ потребовалось заранѣе дискредитировать по возможности имѣющій появиться отзывъ нашъ объ элеваторномъ предпріятіи. Понадобилось пустить слухъ что обѣщанныя нами статьи о немъ будутъ де написаны подъ вліяніемъ почета который калашниковскіе купцы оказали де издателю *Московскихъ Вѣдомостей*.

Нѣтъ, никакого особеннаго почета намъ калашниковскими купцами не было оказано. Издатель *Московскихъ Вѣдомостей* дѣйствительно видѣлся съ представителями двухъ изъ нашихъ крупныхъ хлѣбныхъ фирмъ (впрочемъ не калашниковскихъ), но не они искали представиться ему, а онъ желалъ получить отъ нихъ тѣ прямыя свѣдѣнія которыя могли помочь ему въ сужденіи о дѣлѣ. Всякій слухъ о какой-то депутаціи къ нему есть не что иное какъ явная и, полагаемъ, злонамѣренная ложь. Къ издателю *Московскихъ Вѣдомостей* являлись, правда, по собственному почину, не представители русскаго купечества, а представители Русско-Американскаго Общества, и отъ нихъ-то получены издате-

лемъ печатные матеріалы относящіеся къ этому дѣлу: представленіе министра Финансовъ въ Государственный Совѣтъ объ элеваторахъ, печатная записка учредителей, объясненія экспертовъ и возраженіе на нихъ учредителей *).

Но обратимся къ дѣлу.

Русско-Американская Компанія желаетъ чтобъ ей было предоставлено: устраивать и содержать всякаго рода зерноподъемные и товарные склады; сортировать зерно по соглашенію съ русскими биржами или съ правительствомъ; выдавать въ пріемѣ поручаемыхъ ему товаровъ квитанціи-варранты которые могли бы служить залоговыми документами для полученія ссудъ; выдавать ссуды какъ подъ эти документы, такъ и подъ коносаменты, накладныя, желѣзнодорожныя квитанціи; производить всякія операціи по транспортировкѣ товаровъ; по порученію и за счетъ товарохозяевъ продавать товары, за что̀ и брать особое вознагражденіе по таксѣ установляемой Обществомъ; пріобрѣтать въ собственность участки земли нужные для его дѣятельности.

За производимые имъ операціи Общество будетъ взимать плату по тарифу, наивысшій предѣлъ котораго утверждается министромъ Финансовъ и чрезъ каждыя пять лѣтъ можетъ подлежать пониженію на 5%, но не можетъ быть ниже 70% первоначально утвержденнаго предѣла.

Общество подчиняется дѣйствію русскихъ законовъ и рѣшеніямъ русскихъ судовъ по всѣмъ операціямъ производимымъ въ Россіи; въ случаѣ учрежденія хлѣбной инспекціи для контроля качества и сортировки зерна подчиняется ея правиламъ; должно имѣть въ Россіи отвѣтственныя агентства, коихъ дѣйствія обязательны для Общества; относительно выдачи варрантовъ именныхъ и безыменныхъ, относительно ихъ значенія и взысканій на нихъ обращаемыхъ Общество подчиняется правиламъ устава Орловскаго Общества „Подспорье,“ которыя опредѣляютъ юридическую сторону этого дѣла.

Наконецъ, для осуществленія своего предпріятія Общество собираетъ капиталъ въ 25 милліоновъ рублей металлическихъ, но можетъ начать дѣйствовать и по собраніи пяти милліоновъ рублей, обязываясь открыть свои дѣйствія не позднѣе шести мѣсяцевъ послѣ разрѣшенія. Капиталъ собирается въ Америкѣ, но въ Россіи будетъ агентство съ отдѣленіями, или даже правленіе, которое въ своей дѣятельности въ Россіи будетъ подчиняться русскимъ законамъ.

Вотъ все что̀ по существу подлежитъ въ настоящее время разсмотрѣнію и утвержденію въ законодательномъ порядкѣ. Постараемся же разобрать, въ чемъ можетъ быть для Россіи польза и вредъ отъ учрежденія Русско-Американскаго Общества на изложенныхъ основаніяхъ.

Первымъ дѣломъ новаго Общества учредители ставятъ устройство и содержаніе усовершенствованныхъ складовъ-элеваторовъ, съ пріемомъ туда зерна для храненія, чистки, просушки, сортировки и нагрузки для дальнѣйшаго отправленія.

Главнѣйшій предметъ русскаго отпуска есть хлѣбъ. Для храненія и перегрузки хлѣба какъ на внутреннихъ пристаняхъ, такъ и въ отпускныхъ портахъ, и вообще вездѣ гдѣ хлѣбъ перемѣняетъ свою повозку, уже существуютъ обширные склады, но склады эти устроены по большей части такъ что требуютъ значительнаго труда людей или животныхъ какъ для переноски хлѣба въ магазинъ съ „повозки прибытія,“ такъ и для доставленія его въ „повозку отправленія.“ Для облегченія этого труда проложены, правда, во многихъ мѣстахъ желѣзнодорожные пути (Рыбинскъ, Петербургъ, Одесса и т. д.), но тѣмъ не менѣе почти всѣ эти склады имѣютъ сравнительно съ американскими элеваторами тотъ недостатокъ что они удалены отъ пунктовъ погрузки зерна въ суда, такъ что отправляемый моремъ хлѣбъ долженъ быть доставляемъ изъ складовъ къ судамъ или ручною подноской, или гужевою подвозкой, или по желѣзнодорожнымъ путямъ. Потеря времени, труда, простой судовъ и вагоновъ въ этомъ случаѣ неизбѣжны, а слѣдовательно устройство американскихъ зерноподъемовъ, производящихъ въ одномъ пунктѣ выгрузку, храненіе и

---

*) Впрочемъ, само *Новое Время* напечатало разъясненіе сообщенной имъ нелѣпости, въ такомъ мѣстѣ газеты (№ 2.748) гдѣ оно мало замѣтно для публики, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Во вчерашнемъ нумерѣ нашей газеты сообщенъ слухъ будто къ г. Каткову, находящемуся нынѣ въ Петербургѣ, обращались чрезъ особую депутацію калашниковскіе хлѣботорговцы по вопросу объ элеваторахъ. Считаемъ долгомъ заявить, на основаніи точныхъ свѣдѣній, что по этому вопросу обращались къ г. Каткову съ объясненіями учредители общества элеваторовъ.“

нагрузку для дальнѣйшаго отправленія, должно принести несомнѣнную пользу. Оно должно удешевить всѣ операціи съ хлѣбомъ при его переходѣ съ одной повозки на другую, но конечно удешевленіемъ этимъ прежде всего воспользуется тотъ кто будетъ производить перегрузку; русская же хлѣбная торговля можетъ получить отъ этого пользу лишь на сколько она будетъ за услуги зерноподъемовъ платить дешевле сравнительно съ расходами которые лежатъ на ней въ настоящее время. Плата за услугу элеваторовъ играетъ слѣдовательно въ этомъ дѣлѣ самую важную роль, и вопросъ объ удовлетворительности обезпеченія торговли въ этомъ отношеніи имѣетъ опредѣляющее значеніе.

Итакъ, не удивительно что именно на этомъ полѣ завязалась самая упорная борьба между защитниками и противниками американскаго предпріятія.

Полагаемъ что печатаемое ниже письмо, въ которомъ расходы теперь лежащіе на нашей хлѣбной торговлѣ по храненію и перегрузкѣ зерна сравниваются со стоимостью услугъ элеваторовъ, окончательно устраняетъ всякія сомнѣнія по этому предмету. Сообщаемыя въ этомъ письмѣ свѣдѣнія приводятъ къ тому же заключенію которое намъ приходится слышать со всѣхъ сторонъ и которое было высказано практическими людьми, представителями нашего купечества, вызванными для подачи мнѣнія по сему вопросу въ Государственномъ Совѣтѣ: *настоящіе накладные расходы хлѣбной торговли въ нашихъ портахъ значительно ниже тѣхъ которые на нее лягутъ если компанія элеваторовъ будетъ взимать за свои услуги предлагаемый ею наивысшій тарифъ въ сорокъ копѣекъ съ четверти за пріемъ ея въ элеваторъ съ повозки прибытія, за храненіе ея въ теченіе времени до десяти дней и за погрузку ея въ повозку назначенную для дальнѣйшаго ея слѣдованія.*

При такихъ условіяхъ, элеваторы могутъ принести пользу лишь въ томъ случаѣ если элеваторная компанія собственнымъ почином будетъ примѣнять постоянно за свои услуги тарифъ значительно низшій того предѣла который, по ея предположенію, будетъ ей назначенъ.

Скажутъ что компанія силою вещей будетъ вынуждена къ такому пониженію, такъ какъ де въ противномъ случаѣ хлѣбъ къ ней не пойдетъ и она де будетъ окончательно убита конкурренціей другихъ нынѣ находящихся въ распоряженіи торговли средствъ. Такое возраженіе на первый взглядъ можетъ показаться очень сильнымъ, но при второмъ, болѣе пристальномъ взглядѣ, оно исчезаетъ какъ оптическій обманъ. Оно могло бы имѣть значеніе еслибы рѣчь шла о компаніи владѣющей ограниченными средствами, которая притомъ занималась бы только однимъ дѣломъ и не имѣла бы возможности временные убытки по ея единственному предпріятію покрывать выгодами отъ другихъ дѣлъ. Но не такая постановка дается предположенной Русско-Американской Компаніи, которая, вопервыхъ, будетъ имѣть возможность убытки по операціямъ одного элеватора возмѣщать барышами отъ операцій многихъ другихъ, и которая, вовторыхъ, основывается съ прямо заявленною цѣлью сосредоточить въ себѣ всѣ операціи относящіяся къ хлѣбному отпуску. Такая компанія можетъ смѣло выступить на борьбу. Она можетъ, значительно понизивъ тарифъ, уменьшить на первое время накладные расходы хлѣбной торговли и тѣмъ окончательно уничтожить средства которыми эта торговля теперь располагаетъ, а разъ достигнувъ этой цѣли, элеваторная компанія можетъ смѣло и не боясь никакой конкурренціи возвысить свой тарифъ до наивысшаго разрѣшеннаго ей предѣла, и увеличивъ тѣмъ накладные расходы, присвоить себѣ значительную часть тѣхъ выгодъ которыя теперь отпускъ хлѣба доставляетъ нашей земледѣльческой промышленности и нашей хлѣбной торговлѣ.

Возразятъ, и уже возражаютъ, что въ этомъ случаѣ рядомъ съ американскою компаніей элеваторовъ выростутъ новыя предпріятія ей подобныя, и ихъ конкурренція урегулируетъ ея барыши, возвративъ изъ нихъ земледѣльческой промышленности и торговлѣ всю ту часть которая по справедливости имъ должна принадлежать. Но такое возраженіе можетъ быть разчитано только на несообразительность публики и незнакомство ея съ дѣломъ. Нужно знать что элеваторъ въ отпускномъ портѣ можетъ быть построенъ не на всякомъ мѣстѣ; къ нему съ одного боку должны подходить въ непосредственное сосѣдство глубоко-сидящіе корабли, а съ другаго—цѣлые поѣзды желѣзной дороги, которые должны имѣть возможность производить довольно сложные маневры и уходить не мѣшая другимъ слѣдующимъ за

ними поѣздамъ становиться на ихъ мѣсто. Каждый кому извѣстна техника желѣзнодорожнаго дѣла знаетъ какія обширныя площади нужны для этого,—а кому извѣстны условія нашихъ портовъ, вообще крайне тѣсныхъ и недостаточныхъ, тотъ прямо отвѣтитъ что удобныхъ мѣстъ для устройства элеваторовъ въ нашихъ портахъ весьма мало. Поэтому, если предположенная Русско-Американская Компанія захватитъ себѣ съ самаго начала удобныя мѣста, то желающіе конкуррировать съ нею въ томъ же портѣ должны будутъ возводить очень дорого стóящія сооруженія и затрачивать на нихъ такіе капиталы при которыхъ борьба съ русско-американскимъ предпріятіемъ сдѣлается совершенно невозможною.

Такимъ образомъ, элеваторное предпріятіе, хотя не испрашивающее себѣ монополіи юридической, непремѣнно фактически станетъ монополистомъ,—и тѣмъ несомнѣнно нанесетъ всему нашему народному хозяйству неисчислимый вредъ; а потому разрѣшеніе такого предпріятія съ крайне высокимъ предѣльнымъ тарифомъ, значительно превышающимъ дѣйствительные накладные расходы настоящаго времени, не можетъ быть допущено безъ существеннаго вреда.

Учредители компаніи говорятъ, правда, что ея капиталы, какъ они ни велики, будутъ не достаточны для того чтобы покрыть всю Россію сѣтью складовъ и, при помощи ихъ, захватить въ свои руки нашу хлѣбную торговлю. Но уже довольно будетъ вреда для Россіи если компанія эта захватитъ одинъ или два порта и овладѣетъ хлѣбнымъ отпускомъ тяготѣющихъ къ этимъ портамъ районовъ. Мало утѣшенія и въ томъ увѣреніи учредителей что въ другихъ мѣстахъ, которыя компанія не успѣетъ себѣ захватить, разовьются другія подобныя ей предпріятія: вѣдь эти предпріятія на своей территоріи будутъ дѣйствовать точно такъ же какъ она, и будутъ причинять такой же вредъ какъ и американская компанія въ томъ районѣ который ей достанется. Вся разница между ними будетъ лишь въ томъ что американская компанія придетъ первая и, конечно, возьметъ себѣ самые прибыльные районы, а барыши другихъ будутъ меньше. Но намъ вовсе неинтересно сравнивать эти барыши; для насъ важно одно, что всѣ они будутъ оплачиваться русскимъ земледѣліемъ и русскою хлѣбною торговлей.

№ 301.

Москва, 29-го октября.

Защитники русско-американскаго предпріятія для хлѣбной торговли указываютъ на чрезмѣрную дороговизну перегрузочной операціи, ложащуюся тяжелымъ гнетомъ на цѣны русскаго хлѣба и не позволяющую ему конкуррировать съ американскимъ. „Изъ офиціально собранныхъ въ этомъ отношеніи Русскимъ правительствомъ свѣдѣній“,—читаемъ въ печатной запискѣ учредителей,—„оказывается что перегрузочная операція въ Америкѣ обходится отъ 18 до 36 коп. съ четверти, тогда какъ въ южныхъ портахъ нашихъ она доходитъ до 1 руб. 84 коп.“ Какъ тутъ конкуррировать съ успѣхомъ? Помочь въ этой бѣдѣ вызывается Русско-Американское Общество: благодаря ему, стоимость перегрузочной операціи очень понизится; оно будетъ брать за нее не болѣе 40 коп. съ четверти. Конкурренція съ Америкой будетъ такимъ образомъ облегчена и для нашего хлѣбнаго отпуска откроется блестящая перспектива.

Но по наведеннымъ справкамъ оказалось что стоимость перегрузочной операціи у насъ ни въ балтійскихъ, ни въ южныхъ портахъ *не доходитъ* до 1 р. 84 к. (цифра принятая учредителями и одна только упоминаемая въ ихъ частной запискѣ). Къ вопросу объ элеваторахъ эта цифра совсѣмъ не относится. Она имѣетъ только историческій интересъ, на нее можно было бы ссылаться лишь затѣмъ чтобы сказать: вотъ до какихъ размѣровъ доходили перегрузочные расходы — не вообще въ южныхъ портахъ, но въ Одессѣ въ 1878 г., когда Санъ-Стефанскій миръ только что положилъ конецъ Восточной войнѣ, когда край еще оставался при обстановкѣ военнаго времени, когда движеніе по мѣстной ведущей къ порту эстакадной дорогѣ было невозможно, потому что эта дорога въ нѣсколькихъ пунктахъ была прервана по военнымъ соображеніямъ, когда между тѣмъ открылась возможность усиленнаго хлѣбнаго отпуска, задержаннаго предъ тѣмъ войной, и когда подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ спросъ на лошадей для перевозки хлѣба въ Одессѣ превосходилъ предложеніе ихъ въ нѣсколько десятковъ разъ. Но и при такихъ обстоятельствахъ цифра 1 р. 84 к. не была среднею нормой стоимости перегрузочной операціи, а

лишь крайнимъ предѣломъ до котораго доходила ея случайная, исключительная дороговизна.

Элеваторному Обществу придется вести дѣло не въ Одессѣ 1878 года, а въ Одессѣ нынѣшней, уже построившей болѣе ста верстъ путей для соединенія своихъ магазиновъ съ желѣзнодорожною станціей и съ портомъ; оно будетъ дѣйствовать не въ Николаевѣ съ его прежнею обстановкой, но въ Николаевѣ, гдѣ, на основаніи условія заключеннаго мѣстною городскою думой 15 декабря 1881 съ г. Мейнгардомъ, будутъ построены и портовыя эстакады для нагрузки хлѣба одновременно въ восемь судовъ, и цѣлая сѣть узкоколейныхъ дорогъ для соединенія хлѣбныхъ магазиновъ съ эстакадами и желѣзнодорожною станціей (снабженныхъ подвижнымъ составомъ крытыхъ вагоновъ и взимающихъ за перевозку со станціи до магазиновъ по 2 руб. за вагонъ въ 600 пудовъ, то-есть менѣе $3^1/_2$ коп. съ четверти), и многое другое. То же самое, въ большей или меньшей степени, можетъ быть замѣчено и о другихъ портовыхъ городахъ. Чтобъ оцѣнить благодѣянія которыя намѣрена оказать нашей торговлѣ Русско-Американская Компанія, надобно сравнивать предлагаемый ею 40-копѣечный тарифъ перегрузочной операціи не съ легендарною цифрой 1878 года, но съ цифрами нынѣшней дѣйствительной стоимости этой операціи. Такое сравненіе и сдѣлано въ напечатанномъ вчера *Письмѣ къ издателю*. Что же оказывается?

При неимѣніи элеваторовъ, за всѣ тѣ услуги за которыя Элеваторное Общество намѣрено взимать по 40 копѣекъ съ четверти, русской хлѣбной торговлѣ приходится нынѣ платить: въ Одессѣ отъ $15^1/_5$ до $32^1/_5$ коп., въ Николаевѣ, пока тамъ еще не исполнены заказанныя г. Мейнгарду работы, менѣе 24 коп., въ Петербургѣ менѣе 23 коп., въ Либавѣ не болѣе 25 коп. съ четверти и т. д.

Изъ увлекательнаго обѣщанія понизить накладной расходъ съ 1 р. 84 к. до 40 к. и ниже, услуга которую Русско-Американская компанія намѣрена оказать нашей хлѣбной торговлѣ, превращается на дѣлѣ въ увеличеніе этого накладнаго расхода среднимъ числомъ слишкомъ въ $1^1/_2$ раза, а по мѣстамъ вдвое и болѣе чѣмъ вдвое.

Учредители, приводя цифру 1 р. 84 к., были введены въ заблужденіе офиціальными свѣдѣніями, на которыя они и ссылаются; тѣ же самые 1 р. 84 к. значатся и на 45-й страницѣ представленія министра Финансовъ въ Государственный Совѣтъ по вопросу объ элеваторахъ. Обстоятельства при которыхъ цифра 1 р. 84 к. попала въ представленіе Министерства Финансовъ заслуживаютъ вниманія. Найдя нужнымъ привести въ этомъ представленіи числовыя данныя о расходахъ по перегрузочной операціи въ Одессѣ, Министерство Финансовъ сдѣлало нужную ему справку въ *Трудахъ Кіевской Подкоммиссіи*, выписавъ изъ этой книги цифры перешедшія въ нее изъ изслѣдованій другой коммиссіи, назначенной въ 1879 году министромъ Путей Сообщенія. Такимъ образомъ и получилась цѣлая скáла цифръ отъ 29 коп. до 1 руб. 84 коп. Но скáла получилась бы совсѣмъ другая и послѣдней цифры въ ней вовсе не было бы еслибы въ Министерствѣ Финансовъ не запамятовали офиціальныхъ свѣдѣній по этой части собранныхъ по распоряженію самого министра Финансовъ и напечатанныхъ по его приказанію въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* 1881 года (№№ 237 — 240). Министерская справка оказалась бы уже совсѣмъ не похожею на ту которая сдѣлана еслибы въ Департаментѣ Мануфактуръ и Торговли имѣлись свѣдѣнія о такомъ важномъ для торговли фактѣ какъ постройка слишкомъ стоверстной рельсовой сѣти въ Одессѣ и о размѣрахъ движенія груза по этимъ путямъ въ прошломъ и текущемъ годахъ.

До сихъ поръ, какъ и во вчерашней нашей статьѣ, мы сосредоточивали вниманіе только на одной сторонѣ предположенной дѣятельности элеваторной компаніи, на спеціально перегрузочномъ и складочномъ дѣлѣ. Но одною складочною операціей и выдачей варрантовъ задача компаніи не ограничивается. Компанія хочетъ еще вести въ весьма обширныхъ размѣрахъ операціи ссудъ подъ варранты, принимая на себя, кромѣ того, и коммиссіонную продажу хлѣба, и фрахтовку судовъ для дальнѣйшаго его отправленія. Такимъ образомъ компанія желаетъ взять въ свои руки *всѣ* операціи по хлѣбной торговлѣ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ портахъ и важнѣйшихъ внутреннихъ пунктахъ гдѣ она успѣетъ основаться и твердо стать на ноги. Это сосредоточеніе въ однѣхъ рукахъ разнородныхъ операцій, точно такъ же какъ и

40-копѣечный тарифъ, выставляется какъ благодѣяніе, какъ великая услуга которую окажетъ Русско-Американская элеваторная компанія русской хлѣбной торговлѣ. Соединеніе различныхъ операцій въ однѣхъ рукахъ есть, говорятъ, необходимое условіе успѣха дѣла; безъ него варрантные склады не принесутъ де торговлѣ всей той пользы которую должны оказать. Соединеніе выдачи ссудъ со складочною операціей необходимо де потому что въ первое время, пока не установится общее довѣріе къ выдаваемымъ складами варрантамъ, кредитныя учрежденія не будутъ выдавать ссудъ подъ эти варранты, и стало-быть торговля лишится одной изъ значительныхъ для нея выгодъ. Затѣмъ, принятіе компаніей на себя коммиссіонной продажи нужно де для того чтобы путемъ конкурренціи съ ея стороны понизить коммиссію получаемую теперь экспортными фирмами. Дѣлу дается такой видъ что эта компанія, принимая на себя операціи стороннія ея основной задачѣ, складочно-варрантному дѣлу, совершаетъ какъ бы нѣкоторый подвигъ самопожертвованія, ибо, отдѣляя на нихъ половину своего капитала, сокращаетъ тѣмъ размѣры главной своей операціи, пріема товаровъ на складъ.

Если компанія дѣйствительно видѣла главныя свои выгоды именно въ складочной операціи, она не отдѣлила бы на второстепенныя для нея цѣли цѣлую половину своего капитала. Стóитъ вникнуть въ дѣло, и станетъ ясно почему компанія домогается соединить въ своихъ рукахъ всѣ операціи хлѣбной торговли. Безъ стороннихъ собственно-складочному дѣлу операцій, компанія не могла бы успѣшно эксплуатировать русскую торговлю своимъ 40-копѣечнымъ тарифомъ. Кто станетъ платить компаніи 40 коп. за услуги которыя нынѣ исполняются за 25 коп. и дешевле? Чтобъ убить конкурренцію этихъ нынѣшнихъ болѣе дешевыхъ услугъ, компанія, ограничившая свою дѣятельность одною складочною операціей, должна была бы рѣшиться на значительныя пожертвованія допустивъ временно сильное пониженіе своего тарифа. Но этихъ пожертвованій для той же цѣли понадобится гораздо меньше если у компаніи будетъ приманка ссудъ: именно изъ-за этой ссуды многіе рѣшатся платить обществу за складочную операцію дороже ея нынѣшней цѣны. Соединеніе двухъ операцій, складочной и ссудной, нужно для обезпеченія за компаніей монопольнаго положенія. То же самое должно сказать и о коммиссіонной продажѣ, и о фрахтовкѣ судовъ, и т. д. Соединеніе всѣхъ этихъ операцій въ однѣхъ рукахъ есть одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ подавленія конкуррентовъ. Общество производящее всѣ эти операціи совокупно будетъ въ состояніи и за складъ брать *дороже* чѣмъ *самый дешевый* конкуррентъ, и за ссуду брать *бóльшіе* проценты чѣмъ *самое дешевое* предложеніе денегъ, и коммиссію взимать *высшую*, — и несмотря на то имѣть кліентовъ только потому что оно соединяетъ всѣ эти операціи.

Пусть появятся *отдѣльно* новое предпріятіе складовъ, *отдѣльно* новое предпріятіе ссудъ и *отдѣльно* новая экспортная контора: каждая изъ этихъ операцій, въ силу конкурренціи, необходимо удешевится. Но дать всѣ эти операціи одному обществу значитъ удесятерить его силу въ борьбѣ по каждой отрасли съ его конкуррентами, которые должны будутъ неминуемо предъ нимъ склониться, и оно сдѣлается всевластнымъ въ томъ портѣ которымъ успѣетъ завладѣть. Его контора будетъ настоящею хлѣбною биржей этого порта; на этой биржѣ будутъ заключаться всѣ сдѣлки, и администрація складовъ будетъ оказывать на эти сдѣлки подавляющее вліяніе.

Сами учредители сознаютъ что было бы опасно предоставить компаніи право торговать хлѣбомъ за свой счетъ. А между тѣмъ, если Общество будетъ вести коммиссіонную продажу, какъ великъ будетъ соблазнъ для его администраторовъ производить торговлю за свой счетъ при помощи тѣхъ чрезвычайныхъ средствъ которыми располагаетъ Общество? Подставныхъ лицъ, на имя которыхъ будутъ писаться сдѣлки заключаемыя Обществомъ, его администраторы найдутъ безо всякаго труда, а открыть подобное злоупотребленіе будетъ до крайности трудно: стало-быть съ достовѣрностію можно заключить что онѣ непремѣнно будутъ совершаться.

Далѣе, первое условіе для того чтобъ элеваторы были дѣйствительно полезнымъ предпріятіемъ заключается въ томъ чтобъ они имѣли совершенно нейтральный характеръ, чтобы всѣ ихъ кліенты пользовались ихъ услугами на совершенно равныхъ правахъ. Но можно ли сколько-нибудь разчи-

тывать на равноправность всѣхъ товаровладѣльцевъ въ ихъ отношеніяхъ ко складочному обществу производящему помимо складочнаго дѣла еще другія торговыя операціи? Напримѣръ, если къ обществу явятся два товаровладѣльца, изъ которыхъ одинъ желаетъ только сложить хлѣбъ, а другой, сверхъ того, воспользоваться ссудой и, кромѣ того, даетъ еще свой хлѣбъ на коммиссію для продажи или поручаетъ Обществу фрахтовку судовъ, то развѣ второй товаровладѣлецъ не будетъ имѣть въ глазахъ Компаніи преимущества предъ первымъ? Не естественно ли ожидать что Компанія иногда даже откажетъ первому въ помѣщеніи его хлѣба на складъ, въ ожиданіи хлѣба отъ втораго, съ которымъ она уже вошла (или объявитъ что вошла) въ сдѣлку, но хлѣбъ котораго еще не прибылъ? Точно также при выдачѣ ссудъ развѣ не можетъ быть Компаніей назначенъ одинъ размѣръ процента за ссуду для того кліента который, складывая свой хлѣбъ въ магазинахъ Компаніи, въ то же время отдаетъ его и въ коммиссію на продажу,— и другой гораздо высшій размѣръ процента для тѣхъ кто ограничивается только ссудой и въ продажѣ хлѣба желаетъ обойтись безъ услугъ всемогущаго Общества? Тутъ равенства между кліентами очевидно быть не можетъ, а между тѣмъ отсутствіе равноправности подрываетъ самое главное основаніе всѣхъ торговыхъ разчетовъ какъ по покупкамъ, такъ и по продажамъ.

Въ виду всего сказаннаго, понятно почему всѣ авторитеты занимавшіеся изученіемъ дѣла товарныхъ складовъ рѣшительно высказываются противъ соединенія посторонних операцій съ этимъ дѣломъ. Извѣстно что представители биржевыхъ комитетовъ (Петербургскаго, Рижскаго, Рыбинскаго и Либавскаго), подавшихъ мнѣнія по вопросу, при разногласіяхъ по нѣкоторымъ другимъ сторонамъ дѣла, единогласно и самымъ энергическимъ образомъ заявили что элеваторное предпріятіе должно быть строго отдѣлено ото всѣхъ другихъ операцій. Правда, ко мнѣніямъ биржевыхъ комитетовъ объ элеваторномъ вопросѣ многіе склонны относиться съ пренебреженіемъ: это де своекорыстныя сужденія калашниковскихъ торговцевъ. Но то же самое говорятъ и гг. Геннингсъ и Мертенсъ въ ихъ сочиненіи *О товарныхъ складахъ въ Ригѣ* (С.-Петербургъ 1881 года), сочиненіи которое признано было Коммиссіей для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи столь замѣчательнымъ что, по ея распоряженію, оно было переведено на русскій языкъ и напечатано въ ея трудахъ. Вотъ что̀ читаемъ въ этой книгѣ: „Въ „разграниченіи операцій—пріема товаровъ „на храненіе, выдачи ссудъ подъ нихъ и „страхованія—заключается гарантія успѣ„ха такого учрежденія (товарнаго склада). „Если же гарантія уничтожается сосредоточеніемъ всѣхъ этихъ разнородныхъ опе„рацій въ рукахъ *одного* общества, и если „ему разрѣшается еще посредничество при „продажѣ принятыхъ на храненіе товаровъ, „то уже не можетъ быть рѣчи о какихъ „бы то ни было удобствахъ товарныхъ „складовъ, такъ какъ они теряютъ все „свое значеніе въ виду легкости разныхъ „злоупотребленій.“ Въ томъ же смыслѣ высказывался и нынѣшній министръ Финансовъ въ брошюрѣ *Товарные склады и варранты*, изданной имъ въ Кіевѣ въ 1871 году. Въ этой брошюрѣ признается сосредоточеніе разнообразныхъ занятій въ одномъ предпріятіи важнымъ неудобствомъ нѣкоторыхъ бывшихъ тогда въ виду проектовъ товарныхъ складовъ. Мы не удивились бы тому что авторъ отступилъ отъ мнѣнія высказаннаго имъ двѣнадцать лѣтъ назадъ еслибъ основательность его была опровергнута практикой другихъ странъ. Но практика вполнѣ подтверждаетъ необходимость строгаго отдѣленія складочно-варрантнаго дѣла ото всѣхъ другихъ операцій. Австрійскій законъ 19 іюня 1866 года о товарныхъ складахъ положительно *запрещаетъ* товарнымъ складамъ какія бы то ни было торговыя операціи; законъ французскій, первоначально запрещавшій это, въ 1870 году разрѣшилъ, правда, владѣльцамъ складовъ выдачу ссудъ, но солидные, вполнѣ устроившіеся и имѣющіе значительные обороты склады (Парижъ, Руанъ, Гавръ) не воспользовались этимъ разрѣшеніемъ.

№ 303.

Москва, 31-го октября.

Немного времени прошло съ тѣхъ поръ какъ угодный Вѣнѣ сербскій кабинетъ Пирочанца былъ вынужденъ подать въ отставку вслѣдствіе понесеннаго имъ пораженія на выборахъ, и на мѣсто его вступило въ

управленіе дѣлами Сербскаго королевства „боевое“ министерство Николая Христича долженствовавшее, по мнѣнію австрійскихъ политиковъ и вѣроятно самого короля Милана, водворить въ странѣ спокойствіе, сломить такъ-называемую „радикальную“ партію, пользующуюся довѣріемъ громаднаго большинства населенія, и если не иначе то хоть „драстическими“ средствами убѣдить Сербскій народъ въ пользѣ той политики которую пустили въ ходъ гг. Пирочанацъ, Гарашанинъ и Новаковичъ, успѣвшіе въ короткій срокъ продать всѣ интересы Сербіи и тѣмъ снискать, какъ выразился король Миланъ, расположеніе миролюбивой Европы.

Не много времени прошло съ тѣхъ поръ какъ бразды правленія очутились въ рукахъ „энергическаго, не дающаго спуска“ Николая Христича, но и въ этотъ краткій промежутокъ времени новый кабинетъ успѣлъ сдѣлать очень многое: онъ между прочимъ успѣлъ вызвать кровавое возстаніе.

Сербія переживаетъ теперь тяжелый кризисъ. Междуусобная война въ восточной части Сербіи есть логическое послѣдствіе тѣхъ мѣръ къ коимъ счелъ нужнымъ прибѣгнуть г. Христичъ для „возстановленія въ странѣ спокойствія.“

Первою мѣрой новаго Сербскаго кабинета при вступленіи его въ должность было ничѣмъ неоправданное распущеніе сербской скупщины, ранѣе чѣмъ она успѣла приступить къ подлежавшимъ ея обсужденію вопросамъ, въ числѣ ихъ и вопроса о ратификаціи желѣзнодорожной конвенціи, для рѣшенія коего и была созвана малая скупщина, вмѣсто такъ-называемой „великой,“ долженствовавшей заняться пересмотромъ фактически упраздненнаго, но юридически все еще имѣющаго силу устава. Замѣчательно что кабинетъ Христича въ первые дни своего существованія счелъ почему-то нужнымъ хитрить: скупщина была открыта, ей позволили избрать предсѣдателя и затѣмъ уже былъ прочтенъ указъ объ ея распущеніи. Николай Христичъ очевидно хотѣлъ убѣдить народъ что онъ не намѣренъ нарушать уставъ и будетъ держаться закона. Спустя нѣсколько дней послѣ распущенія скупщины и насильственнаго удаленія изъ Бѣлграда всѣхъ депутатовъ не имѣющихъ въ столицѣ Сербіи постояннаго жительства, министерство обнародовало циркуляръ къ окружнымъ начальникамъ предписывая имъ воздержаться отъ вмѣшательства въ политическую борьбу партій и строго держаться законовъ истекающихъ изъ сербскаго устава.

Сверхъ ожиданія министровъ, циркуляръ этотъ не произвелъ среди населенія ожидаемаго эффекта. Въ народѣ почуялось что его морочатъ, и мнѣніе это укрѣпилось когда правительство ратификовало желѣзнодорожную конвенцію съ Австріей, помимо желанія скупщины и безъ ея одобренія.

Неудовольствіе въ странѣ естественно не только не уменьшалось, но напротивъ усиливалось, что подтверждается рядомъ извѣстій о столкновеніяхъ въ разныхъ частяхъ Сербіи между народомъ и чиновниками. Столкновенія эти сами по себѣ не имѣли особенно важнаго значенія, но они были симптомами не предвѣщавшими нынѣшнему министерству ничего хорошаго.

Чтобъ упрочить за собою власть и затѣмъ распоряжаться вполнѣ по своему усмотрѣнію, или лучше сказать произволу, правители Сербіи рѣшили отобрать у народной милиціи оружіе выданное еще въ 1876—77 годахъ. Хотя въ меньшей мѣрѣ чѣмъ Черногорцы, жители Сербіи неохотно разстаются съ оружіемъ, и обезоружить тамъ народъ не удалось въ прежнее время даже Туркамъ. Опасность нашествія со стороны Турокъ теперь конечно миновала, но народъ успѣлъ понять что не одни Турки его враги. Во многихъ округахъ чиновники прибывшіе за оружіемъ встрѣтили открытое сопротивленіе, и рѣшено лишь постепенно приводить этотъ планъ въ исполненіе. Въ тѣхъ округахъ гдѣ населеніе отличается болѣе энергическимъ характеромъ и гдѣ оно относится къ нынѣшнимъ правителямъ особенно враждебно, оружія пока еще не отбирали. Въ Зайчарскомъ округѣ, считавшемся повидимому менѣе опаснымъ чѣмъ другіе, правительство сверхъ ожиданія встрѣтило энергическій отпоръ. Не только населеніе отказалось выдать оружіе, но хорошо вооруженные и снабженные боевыми припасами милиціонеры успѣли занять нѣсколько стратегическихъ позицій чтобы встрѣтить съ оружіемъ въ рукахъ вызванныя изъ Бѣлграда и другихъ мѣстъ регулярныя войска.

Возстаніе въ Зайчарскомъ округѣ вызвало въ Бѣлградѣ чрезвычайную тревогу. Немедленно почти половина Сербіи была объявлена въ осадномъ положеніи, а въ

Зайчаръ командированъ бывшій военный министръ Николичъ въ качествѣ правительственнаго коммиссара; вмѣстѣ съ Николичемъ поѣхали и члены военнаго суда чтобы на мѣстѣ чинить расправу. Кромѣ того, во всей Сербіи отмѣнена свобода печати и сходокъ и введена предварительная цензура. Это своего рода малое осадное положеніе. Энергическія мѣры Сербскаго правительства сами по себѣ наглядно доказываютъ что положеніе дѣлъ въ Сербіи стало критическимъ, хотя въ Вѣну ежедневно посылались успокоительныя извѣщенія что движеніе въ Зайчарскомъ округѣ не имѣетъ ни политическаго ни національнаго характера, что его надо отнести къ чисто мѣстнымъ волненіямъ, что регулярное войско успѣло подавить волненіе и что теперь вездѣ возстановленъ порядокъ.

Насколько правдивы эти донесенія, это доказываетъ полученная сегодня телеграмма о томъ что возстаніе вспыхнуло и въ округахъ Алексинацкомъ и Княжевацкомъ, и что для подавленія возстанія, которое „не имѣетъ національнаго характера,“ высланы тѣ баталіоны въ коихъ служатъ по преимуществу иностранцы. Тѣмъ не менѣе, въ Австріи офиціальныя извѣстія Сербскаго правительства произвели успокоительное впечатлѣніе, и газеты по своему обыкновенію заговорили о русской агитаціи, вызвавшей будто бы возстаніе въ Зайчарскомъ округѣ, какъ вдругъ пришло извѣстіе что въ Бѣлградѣ въ одну ночь арестованы всѣ выдающіеся вожди оппозиціонной партіи и что одинъ изъ нихъ въ слѣдующій же день казненъ. На это вознегодовала даже австрійская печать которая не безъ основанія находитъ что подобный образъ дѣйствій врядъ ли упрочитъ положеніе правительства и вліяніе Австріи. „Мы цѣнимъ дружбу короля Милана и его министровъ, пишетъ органъ вѣнскихъ централистовъ *Neue Freie Presse*, и считаемъ успѣхъ революціи въ Сербіи для насъ весьма невыгоднымъ. Но средства при помощи коихъ кабинетъ Христича старается поддержать свой престижъ не можемъ никоимъ образомъ одобрить... Мы знаемъ затрудненія съ коими приходится бороться Сербскому правительству, и не упрекали его когда оно распустило скупщину и уничтожило всѣ конституціонныя привилегіи народа... Съ объявленіемъ осаднаго положенія въ Зайчарскомъ округѣ мы также можемъ помириться. Тамъ вспыхнулъ бунтъ, и крестьяне предпочитаютъ давать войскамъ правильныя сраженія чѣмъ повиноваться королевскому указу и выдавать оружіе. Но то что случилось въ Бѣлградѣ (арестъ всѣхъ выдающихся членовъ оппозиціи) переходитъ всякую мѣру и не можетъ быть ничѣмъ оправдано. Правительство рѣшилось напасть на вождей оппозиціонной партіи ночью и арестовало всѣхъ, за исключеніемъ Пашича, успѣвшаго бѣжать. Одинъ изъ арестованныхъ, профессоръ Іованъ Дяйя, уже казненъ; его въ ту же ночь увезли въ Зайчаръ и разстрѣляли. Его подозрѣвали въ томъ что онъ нравственный виновникъ возстанія, но онъ лично не брался за оружіе и спокойно сидѣлъ въ Бѣлградѣ. Къ такой жестокости не прибѣгали даже въ 1848 году. Казнь Дяйи есть простое *убійство*, вызванное повидимому личною местію...“

Вотъ какъ судятъ о сербскихъ министрахъ даже друзья ихъ...

Въ то время какъ мы дописывали эти строки получена телеграмма опровергающая извѣстіе о казни профессора Дяйи и о бунтѣ въ Алексинацкомъ округѣ. Но извѣстіе о бунтѣ въ Алексинацкомъ и Княжевацкомъ округахъ заимствовано изъ *офиціальной* болгарской газеты, а въ послѣднее время суммарныя экзекуціи въ Сербіи явленіе не рѣдкое (стòитъ только вспомнить „самоубитую“ Елену Марковичъ и Елену Кничанинъ) и потому не совсѣмъ вѣрится этому опроверженію, тѣмъ болѣе что это офиціозное опроверженіе является не ранѣе какъ черезъ пять дней послѣ сообщенія *австрійскихъ* газетъ о казни Дяйи.

№ 304.

Москва, 1-го ноября.

Новое письмо нашего почтеннаго корреспондента проливаетъ новый свѣтъ на истинное значеніе того предѣльнаго 40-копѣечнаго тарифа который выговариваетъ себѣ Русско-Американская компанія за перегрузочную операцію. Къ сравненію этого тарифа съ размѣрами соотвѣтственныхъ накладныхъ расходовъ лежащихъ на хлѣбной торговлѣ въ портахъ при нынѣшнихъ условіяхъ присоединяется сравненіе того же тарифа съ тарифами эле-

ваторовъ въ Америкѣ. Сравненіе это особенно интересно, ибо цѣлью русско-американскаго предпріятія выставляется облегченіе для русскаго хлѣба конкурренціи съ американскимъ. Облегченіе могло бы быть сдѣлано пониженіемъ у насъ перегрузочнаго расхода сравнительно съ американскимъ (что возможно, потому что и устройство, и содержаніе элеваторовъ въ Россіи должно обходиться дешевле чѣмъ въ Америкѣ), или по меньшей мѣрѣ доведеніемъ этого накладнаго расхода до тѣхъ же цифръ на какихъ онъ стоитъ въ Америкѣ. Что же мы видимъ?

Только малая доля поступающихъ въ элеваторы хлѣбныхъ грузовъ несетъ на себѣ въ Америкѣ высокій перегрузочный расходъ въ 36 к. съ четверти: это хлѣбъ принимаемый варрантными складами *съ возовъ*; но гужевой подвозъ къ этимъ складамъ играетъ такую ничтожную роль что относящуюся только къ нему цифру никакъ нельзя принимать въ разчетъ когда идетъ рѣчь о конкурренціи съ американскимъ хлѣбомъ. Массы этого хлѣба принимаются элеваторами *изъ вагоновъ* или *съ судовъ*. А при такой пріемкѣ элеваторы берутъ отъ 18 до 24 коп. съ четверти, смотря по условіямъ, болѣе выгоднымъ для водянаго чѣмъ для желѣзнодорожнаго подвоза. Но и эти цифры нельзя брать для сравненія съ сорокакопѣечнымъ тарифомъ затѣваемаго чужеземнаго предпріятія на русской почвѣ: за 18—24 к. элеваторы въ Америкѣ оказываютъ услуги гораздо бо́льшія тѣхъ какія у насъ предлагаются за 40 коп. Въ счетъ этихъ услугъ почти всегда входитъ въ Америкѣ храненіе хлѣба въ элеваторѣ срокомъ до *двадцати* дней (за исключеніемъ хлѣба поступающаго съ судовъ и хлѣба неудовлетворительнаго качества). За вдвое бо́льшую плату 40 коп., элеваторная компанія у насъ беретъ хлѣбъ на храненіе не долѣе *десяти* дней. Храненіе же хлѣба въ теченіе лишнихъ десяти дней оцѣнивается американскими элеваторами въ 6 коп. съ четверти, такъ что въ сущности русско-американскіе предприниматели хотятъ брать съ русскаго хлѣба по 40 коп. за услуги которыя по американскому разчету сто́ятъ не дороже 18 коп. Какъ же ожидать чтобъ отъ такихъ дорогихъ услугъ облегчилась для насъ конкурренція съ Америкой?

Возвышая для русскаго хлѣба стоимость перегрузочной операціи съ нынѣшней средней цифры около 25 коп. и ниже до 40 коп., и обезпечивая себѣ взиманіе этого высокаго налога на русскій хлѣбъ захватомъ всѣхъ важнѣйшихъ пунктовъ какъ въ портахъ такъ и внутри Россіи и сосредоточеніемъ въ однѣхъ рукахъ вмѣстѣ со складочною также и ссудной, транспортной и торгово-коммиссіонной операцій, Русско-Американская компанія, въ утѣшеніе публикѣ, указываетъ въ отдаленной перспективѣ на предстоящія періодическія пониженія выговариваемаго ею 40-копѣечнаго предѣльнаго тарифа. „По истеченіи каждыхъ пяти лѣтъ со времени утвержденія послѣдняго тарифа, оный можетъ подлежать пересмотру по требованію Министерства Финансовъ,“ читаемъ въ одобренныхъ Министерствомъ Финансовъ основаніяхъ концессіи подлежащей разсмотрѣнію Государственнаго Совѣта, „но пониженіе тарифныхъ платъ не должно превышать 5% съ цифръ предыдущаго пятилѣтія, и затѣмъ наивысшій предѣлъ тарифа ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть ниже 70% первоначально утвержденнаго предѣла.“

Этотъ пунктъ проектированной концессіи допускаетъ такое постепенное пониженіе предѣльнаго тарифа что наконецъ черезъ тридцать лѣтъ онъ понизится до 28 коп., и затѣмъ уже навсегда замретъ на этой цифрѣ: доселѣ и не далѣе!

Въ конкуррирующей съ нами Америкѣ постоянно дѣлается все возможное для уменьшенія ложащихся на торговлю накладныхъ расходовъ. Изъ вышесказаннаго видно до какихъ размѣровъ уже сокращены тамъ перегрузочно-складочные расходы, но трудно предвидѣть насколько еще могутъ они тамъ сократиться благодаря конкурренціи и новымъ усовершенствованнымъ приспособленіямъ. А русскій хлѣбъ и черезъ 30 лѣтъ долженъ будетъ платить этотъ накладной расходъ въ размѣрѣ 28 к., дороже чѣмъ платитъ нынѣ, при отсутствіи элеваторовъ. Не слѣдуетъ забывать при этомъ что невыгоды высокаго зерноподъемнаго тарифа могутъ ложиться на каждую четверть хлѣба дважды, и въ портовыхъ элеваторахъ, и въ элеваторахъ внутреннихъ рынковъ, гдѣ долженъ скопляться хлѣбъ въ ожиданіи дальнѣйшей отправки къ портамъ.

Въ отвѣтъ на дѣлаемыя съ разныхъ сторонъ замѣчанія о серіозныхъ неудобствахъ русско-американскаго предпріятія,

учредители его увѣряютъ что предвидимыхъ неизбѣжныхъ злоупотребленій не будетъ, что компанія отнюдь не получитъ монопольнаго характера создаваемаго самими условіями предпріятія, что вся дѣятельность компаніи будетъ направляема въ русскихъ интересахъ, на пользу русскаго земледѣлія и хлѣбнаго отпуска. Въ этомъ де ручается солидность русскихъ и американскихъ фирмъ берущихся за дѣло, и правительство приглашается отнестись „сознательно" къ этой солидности. Замѣчательно что при этомъ указаніи на солидность поставляются на видъ только русскія и американскія и пропускаются французскія учредительскія фирмы; почему это сдѣлано неизвѣстно; развѣ, можетъ-быть, французскія учредительскія фирмы не такъ солидны какъ русскія и американскія. Но что̀ такое солидность фирмъ въ акціонерномъ обществѣ, главное основаніе котораго есть подвижность капитала, представляемаго бумагами переходящими изъ рукъ въ руки безъ малѣйшаго затрудненія? Развѣ мало видѣли мы предпріятій затѣянныхъ очень, повидимому, солидными людьми, которые однако на приманку преміи на акціи легко уступали ихъ, и затѣмъ дѣло переходило въ другія руки? Не имѣетъ ли, наконецъ, правительство права опасаться что учредители, заручившись главными основаніями, похлопочутъ о томъ чтобы представить предъ публикой все дѣло въ заманчивомъ свѣтѣ и затѣмъ сбыть свои акціи?

Но и помимо такихъ опасеній, развѣ теперешнія фирмы могутъ отвѣчать за своихъ наслѣдниковъ? Между тѣмъ они учреждаютъ *безсрочно* существующее общество, въ которомъ хозяева будутъ перемѣняться непрестанно. Какая же гарантія заключается въ солидности учредительскихъ фирмъ, предполагая даже что и американскія фирмы столь же солидны какъ русскія? Солидность фирмъ! Но развѣ фирма Уайненса менѣе солидна чѣмъ фирмы Мартина и Фишера (которыя обѣ, какъ слышно, цѣнятся въ Нью-Йоркѣ всего только въ триста тысячъ долларовъ!)—а во что̀ обошлись Россіи услуги этой солидной фирмы и сколькими милліонами пришлось откупаться отъ этихъ услугъ? Извѣстныя русскія имена въ спискѣ шести учредителей... Но вѣдь сами же учредители прямо заявляютъ что „въ коммерческомъ предпріятіи деньги національности не имѣютъ." Припомнимъ какія почетныя лица связали свои громкія русскія имена съ дѣломъ учрежденія Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, привлекши къ участію въ немъ такую солидную иностранную фирму какъ банкирскій домъ лондонскаго Ротшильда. А спросите русскихъ землевладѣльцевъ заложившихъ свои имѣнія въ этомъ Обществѣ какъ отозвались на ихъ интересахъ его услуги...

Условія при которыхъ возникло это Общество, встрѣченное на первыхъ порахъ блестящими надеждами, отчасти сходны съ тѣми условіями при которыхъ ведется нынѣ агитація въ пользу русско-американскаго предпріятія. Безвыходное положеніе безкредитности, въ какомъ находились помѣщики въ періодъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости вслѣдъ за разгромомъ Опекунскихъ Совѣтовъ и другихъ прежнихъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій, дѣлало ихъ похожими на утопающихъ готовыхъ ухватиться за соломинку. Не было той жертвы цѣною коей показалось бы дорого купить услуги земельныхъ банковъ, лишь бы они появились и пришли бы на помощь русскому землевладѣнію. И крупная жертва была принесена; мы отказались отъ неоцѣнимыхъ въ политическомъ отношеніи выгодъ усиленія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ. Пятимилліонный капиталъ предназначенный для содѣйствія расширенію русскаго землевладѣнія въ томъ краѣ былъ отвлеченъ отъ своего назначенія и отданъ Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита, услуги коего приводятъ нынѣ къ ослабленію и разоренію русскаго землевладѣнія на всемъ пространствѣ Имперіи.

Общее хроническое безденежье, неимѣніе оборотныхъ капиталовъ, дороговизна долгосрочнаго и отсутствіе краткосрочнаго кредита, низкія цѣны на хлѣбъ и невозможность для хозяевъ, по безденежью, отсрочивать продажу хлѣба до поправленія цѣнъ на него, вотъ чѣмъ, по общимъ отзывамъ, характеризуется нынѣшнее положеніе нашего земледѣлія. „Наша общая бѣда теперь,"—писалъ намъ въ минувшемъ апрѣлѣ одинъ почтенный землевладѣлецъ,—„(еще горшая для слабосильнаго, „безпомощнаго мужика) что на *одинъ* разъ „когда пшеница продана безубыточно при„ходится продать *десять* разъ по цѣнѣ „убыточной." И вотъ чтобы помочь въ

этой бѣдѣ является проектъ зерноподъемной компаніи, льются дождемъ рекламы увѣряющія что для насъ это благодѣяніе, потому что Америка теперь насъ угнетаетъ своею системой элеваторовъ и варрантовъ. Съ паѳосомъ объявляется что „для урожая 1885 года уже откроется „сбытъ независимый отъ произвола кула„ковъ-хлѣботорговцевъ и ихъ скупщиковъ, „урегулируются цѣны на хлѣбъ, и земле„владѣльцамъ откроется возможность столь „необходимаго для нихъ легкаго и не стѣс„нительнаго кредита подъ залогъ ихъ про„изведеній“ (*Новое Время* № 2.753, отъ 27 октября). Люди склонны вѣрить тому чего желаютъ, и многіе могутъ попасться на подобныя рекламы. Ради такихъ розовыхъ надеждъ, иные можетъ-быть готовы будутъ помириться и съ экстерриторіальностью общества, и съ его монопольнымъ характеромъ, и съ опасностью сосредоточенія въ его рукахъ всѣхъ операцій хлѣбной торговли, даже съ его высокимъ тарифомъ. Но можетъ ли сколько-нибудь оправдать зерноподъемная компанія эти возлагаемыя на нее надежды?

Объ ожидаемыхъ услугахъ русско-американскаго предпріятія мы уже знаемъ что по перегрузочной операціи онѣ будутъ очень дороги, много дороже того во что̀ онѣ обходятся не только въ Америкѣ, но и у насъ при существующихъ нынѣ условіяхъ. Но не вознаграждается ли эта крупная невыгода выгодами въ другихъ отношеніяхъ?

Что̀ намѣрена взимать компанія за храненіе хлѣба въ элеваторахъ сверхъ десятидневнаго срока, неизвѣстно. Но судя потому что 40-копѣечный тарифъ не признанъ высокимъ въ Министерствѣ Финансовъ, можно опасаться что и прочія компанейскія таксы будутъ соотвѣтствовать этому тарифу. Каковы бы однако ни были эти таксы, интересно то что компанія желаетъ чтобы для нея было „вообще не обязательно хранить зерно болѣе 30 дней въ своихъ складахъ, *развѣ послѣдуетъ на то особое соглашеніе.*“ Такой ли срокъ храненія хлѣба въ складахъ нуженъ у насъ торговлѣ и сельскимъ хозяевамъ чтобъ имѣть возможность выдерживать хлѣбъ до поправленія на него цѣнъ? Много ли поможетъ имъ кредитъ подъ 30-дневные варранты? Необходимость брать обратно изъ складовъ хлѣбъ по истеченіи 30-дневнаго срока, съ обязанностью уплатить при этомъ полученную ссуду, подъ опасеніемъ подвергнуться тяжкимъ послѣдствіямъ неуплаты, будетъ служить только побужденіемъ вступать съ компаніей въ „особое соглашеніе“ на всей ея волѣ, напримѣръ, поручая ей коммиссіонную продажу сданнаго въ элеваторъ хлѣба. И тутъ нельзя будетъ не завидовать условіямъ американскихъ элеваторовъ, гдѣ, напримѣръ, въ періодъ прекращенія навигаціи, съ 20 ноября по 15 апрѣля, какъ бы долго ни лежалъ хлѣбъ въ складѣ, за него платится не свыше 48 коп. за четверть.

Но еслибы даже неудобная краткосрочность храненія хлѣба въ складахъ была устранена и 30-дневный срокъ былъ бы значительно продолженъ, получитъ ли и при такихъ условіяхъ русское земледѣліе именно тотъ кредитъ подъ хлѣбъ въ которомъ оно особенно нуждается? Обстоятельный отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ корреспонденціей изъ Ельца въ № 301 нашей газеты. Вопреки увѣреніямъ элеваторной компаніи что соединеніе въ ея рукахъ складочной и ссудной операціи будто бы необходимо потому что де, пока не установится общее довѣріе къ варрантамъ, кредитныя учрежденія не будутъ выдавать подъ нихъ ссудъ, оказывается что у насъ, между прочимъ въ Ельцѣ, ссуды въ размѣрѣ 90—95% стоимости хлѣба свободно выдаются подъ товарныя квитанціи желѣзныхъ дорогъ. „Кромѣ Орловскаго Коммерческаго Банка, по выдачѣ этихъ ссудъ“— пишетъ нашъ корреспондентъ,—въ Ельцѣ „работаютъ три частныя еврейскія конторы, двѣ русскія и одна нѣмецкая изъ Берлина. Всѣ эти конторы по 20 октября выдали подъ квитанціи желѣзной дороги болѣе трехъ милліоновъ рублей...“ Но въ то самое время какъ хлѣбному экспорту открытъ широкій кредитъ, мѣстный хлѣбъ какъ остающійся у сельскихъ хозяевъ, такъ и предназначаемый для внутренней переработки, лишенъ всякаго подтоварнаго кредита. Такимъ образомъ нѣтъ именно того кредита который всего нужнѣе. Учрежденіе элеваторовъ не создастъ этого недостающаго кредита, ибо элеваторъ будетъ выдавать ссуды лишь подъ тотъ хлѣбъ который уже сложенъ въ немъ для дальнѣйшей отправки. Сельскому хозяину былъ бы важенъ и выгоденъ кредитъ подъ хлѣбъ лежащій въ его собственномъ, ненаемномъ амбарѣ; кредитъ же подъ хлѣбъ перевезенный въ наемные склады обойдется ему,

по приведенному елецкимъ корреспондентомъ цифровому разчету, болѣе чѣмъ вдвое и втрое дороже, то-есть такъ дорого что для сельскаго хозяина не можетъ быть разчета пользоваться варрантными ссудами даже и по сравнительно умѣреннымъ процентамъ. На родинѣ элеваторовъ, въ Америкѣ, сельскіе хозяева варрантныхъ ссудъ не берутъ; это кредитъ не ихъ, а хлѣботорговцевъ.

Столь же призрачна мечта будто элеваторы могутъ вызволить сельскихъ хозяевъ изъ зависимости отъ „кулаковъ-хлѣботорговцевъ.“ Въ Америкѣ система элеваторовъ въ полномъ ходу, но она тамъ нисколько не освобождаетъ сельскихъ хозяевъ отъ прижимокъ со стороны хлѣбныхъ торговцевъ, какъ это засвидѣтельствовано, между прочимъ, въ напечатанномъ по распоряженію министра Финансовъ отчетѣ г. Орбинскаго, который въ 1879 году былъ командированъ въ Америку Министерствомъ Финансовъ спеціально для изученія условій тамошней хлѣбной торговли. Русско-Американская элеваторная компанія можетъ лишь убить, согласно признанію ея учредителей, многія конкуррирующія нынѣ между собой крупныя экспортныя фирмы, монополизовавъ все хлѣбное дѣло въ своихъ рукахъ и подавивъ безсильныхъ бороться съ ней конкуррентовъ. Но для интересовъ связанныхъ съ хлѣбнымъ дѣломъ это значило бы попасть изъ огня въ полымя.

Устройство элеваторовъ можетъ принести хлѣбному дѣлу большую пользу, но не ту которой отъ нихъ ожидаютъ люди мало знакомые съ сущностью зерноподъемныхъ и варрантныхъ операцій. Устройство элеваторовъ и полезно, и нужно, но не чрезъ посредство иностранной экстерриторіальной компаніи и не на предлагаемыхъ ею основаніяхъ. Элеваторы могутъ быть у насъ устроены съ полнымъ устраненіемъ всѣхъ невыгодъ представляемыхъ русско-американскимъ предпріятіемъ и съ дѣйствительною пользой для русскаго хлѣбнаго дѣла.

№ 305.

Москва, 2-го ноября.

Рѣчь графа Кальноки въ собраніи делегацій, въ которой онъ обрисовалъ положеніе Австріи въ ея отношеніяхъ къ другимъ государствамъ Европы, обратила на себя вниманіе всей европейской печати. Если своею откровенностью она возбудила нѣкоторое безпокойство въ однихъ органахъ печати, именно берлинскихъ, увидѣвшихъ въ ней хвастовство австрійскаго министра, старающагося представить что расшатанное зданіе Австрійской имперіи найдетъ во всемъ прочную поддержку въ германскомъ союзѣ, то имѣются въ Европѣ и такіе элементы которые пріободрились отъ словъ графа Кальноки.

Австро-венгерскій министръ сначала заявилъ что отношенія Россіи и Австріи *нормальны*, что въ случаѣ войны Австрія будетъ *не одна*, что Россія хотя и снаряжается къ войнѣ, но не начнетъ ея при своихъ *внутреннихъ затрудненіяхъ*, что въ нѣкоторомъ взаимномъ недовѣріи этихъ державъ виновата часть *русской* печати и еще „извѣстный кругъ людей.“ Въ другой разъ министръ въ бюджетной коммиссіи поспѣшилъ „смягчить“ эти выраженія и увѣрить слушателей что онъ не сомнѣвается что „и въ русскій народъ проникнутъ убѣжденія русскихъ высшихъ сферъ желающихъ мира съ Австріей.“ При этомъ австрійскій министръ даетъ благой совѣтъ Болгарскому княжеству поменьше тратить на войска, а суммы сбереженныя путемъ уменьшенія болгарскихъ военныхъ силъ употребить на разрушеніе крѣпостей...

Всякаго должно поразить мнѣніе графа Кальноки о раздраженіи будто бы господствующемъ въ Россіи противъ Австріи. Откуда это мнѣніе будто въ массѣ русскаго народа есть такое *раздраженіе?* Что касается русской печати, то ей дѣйствительно доводилось извѣщать о безчинствахъ Поляковъ въ Галиціи, о польскихъ затѣяхъ создать кунтушевое войско, о шпіонахъ и рекогносцировкахъ по нашимъ западнымъ границамъ, о томъ что кассаціонный судъ разсматривавшій дѣло священника Наумовича и Площанскаго состоялъ изъ Поляковъ, о хорватскихъ волненіяхъ, о стараніяхъ Австріи закрѣпостить за собою Сербію и т. д. Но развѣ это не такъ? Развѣ русская печать *клеветала* на Австрію? Не слѣдуетъ ли видѣть въ заявленіи графа Кальноки сознаніе что подобные факты не могутъ доставить удовольствіе Россіи? Съ другой стороны, не въ правѣ ли русское общественное мнѣніе желать чтобъ австрійскій министръ огля-

нулся на свою австро-венгерскую печать, систематически распространяющую ложь о Россіи и ея положеніи? Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ почти ни одного органа вѣнской печати который бы не занимался самымъ тенденціознымъ извращеніемъ фактовъ и свѣдѣній о Россіи. Давно ли польская печать въ Галиціи твердила о воинственныхъ замыслахъ Русскаго правительства направленныхъ противъ Австріи, а теперь самъ графъ Кальноки торжественно заявляетъ что Русское правительство войны не желаетъ? Давно ли польскія газеты толковали о возстановленіи Польши при помощи Австріи и уничтоженіи Россіи, которая де будетъ прогнана „культурною" Австріей въ Азію? Давно ли *Pester Lloyd* призывалъ громы небесные на Русское государство и стращалъ Европу „варваромъ грозящимъ разрушить европейскую цивилизацію?" Давно ли разныя вѣнскія *Прессы* систематически сообщали тысячи нелѣпыхъ измышленій и анекдотовъ о Россіи? А эта масса брошюръ въ которыхъ толкуется о неизбѣжности войны съ Россіей?

Еслибъ австрійская печать не преувеличивала лживо и злостно тѣ или другія затрудненія русской жизни, едва ли бы австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ вздумалъ ссылаться на *внутреннія* затрудненія Россіи. Случатся ли въ Россіи гдѣ-нибудь нападенія на еврейскія лавки, это толкуется тотчасъ какъ признакъ разложенія Русскаго государства, а всѣ избіенія Евреевъ въ Прессбургѣ и многихъ венгерскихъ городахъ, кровь пролитая какъ тамъ, такъ и въ Хорватіи, это мелкіе инциденты „борьбы національностей." Случится гдѣ-нибудь въ Россіи недоразумѣніе между администраціей и мѣстными элементами, для вѣнской печати уже готова тема о конечномъ разстройствѣ Россіи. Раскроется ли злоупотребленіе въ какомъ-нибудь нашемъ общественномъ или правительственномъ учрежденіи, и вотъ потоки рѣчей о всеобщей порчѣ русскаго государственнаго механизма, между тѣмъ какъ обнаруженіе воровства и неправильныхъ поборовъ въ Хорватіи и Загорьѣ, вызвавшихъ даже бунтъ, или подкупа депутатовъ, слѣдствіемъ котораго была передача желѣзнодорожной концессіи въ руки проходимцевъ,—все это явленія случайныя и, вѣроятно, свидѣтельствующія о прогрессѣ государственнаго организма Австро-Венгріи. Такихъ примѣровъ можно бы привести множество. При посредствѣ польскихъ газетъ, сенсаціонныя вѣсти о Россіи распускались по всей Европѣ въ такой необычайной мѣрѣ что наконецъ выдающіеся берлинскіе органы сочли должнымъ протестовать противъ этихъ измышленій. Преступленія обычнаго уголовнаго характера, случающіяся то тамъ, то здѣсь на широкой территоріи Русскаго государства, возводились австрійскою печатью въ факты свидѣтельствующіе объ упадкѣ русскаго народа... Извѣстно что часто повторяя одну и ту же ложь, самъ лжецъ наконецъ убѣждается въ ней.

Австрійская заботливость о финансахъ и дѣлахъ Болгаріи едва ли привлечетъ къ Австріи симпатіи южныхъ Славянъ. За то Поляки очень довольны рѣчами графа Кальноки. *Gazeta Narodowa* говоритъ: „что касается формы, то эти слова министра относительно Россіи звучатъ не только холодно и пренебрежительно, но отчасти и вызывающимъ образомъ, изъ чего можно прійти къ вѣрному заключенію что вся эта рѣчь есть признакъ воинственный и что министръ остановился на вѣроятности войны" (№ 247). Въ слѣдующемъ же нумерѣ эта газета анализируетъ брошюру какого-то австрійскаго офицера, вышедшую недавно въ Лейпцигѣ, о „главной цѣли австро-русской войны въ будущемъ." Польской газетѣ нравится эта брошюра, между прочимъ, потому что ея авторъ утверждаетъ что „только энергическое дѣйствіе и наступательная политика" со стороны Австріи можетъ быть ей полезна, и что „цѣль этой войны—воскрешеніе польскаго вопроса, который, по его мнѣнію, есть единственное средство разрѣшить вопросы Дунайскій и Восточный скоро и окончательно." Польская газета взываетъ къ австрійскому правительству да внемлетъ оно этому голосу военнаго политикана и говоритъ: „авторъ прекрасно опредѣляетъ разницу между Поляками, Русинами, Малороссами и *Москалями*, характеризуетъ ихъ народныя стремленія, показываетъ ихъ численное отношеніе и приходитъ къ убѣжденію что Австрія, поднимая польскую *справу* на всей территоріи прежней Польши, по Двину и Днѣпръ, встрѣтитъ или народъ, который будетъ ее привѣтствовать какъ избавительницу, или элементъ, какъ Малороссы, скорѣе дружественный чѣмъ враждебный." Сообраз-

но съ этимъ, австрійскій стратегикъ рекомендуетъ двѣ кампаніи: „одна имѣетъ цѣлью выгнать *Москалей* за Днѣпръ и Двину, другая реорганизовать страну.“ *Австрійскій* офицеръ, очевидно Полякъ, уже толкуетъ о наступательной войнѣ которую начнетъ Австрія...

Клерикально-аристократическій *Часъ* тоже обратилъ особое вниманіе на выраженія графа Кальноки о Россіи. Въ № 247 отъ 30 октября, эта газета, очень довольная тономъ австрійскаго министра, утверждаетъ что политическая „атмосфера для Россіи теперь такъ удушлива что можетъ наступить моментъ когда менѣе гибельнымъ будетъ для нея шагъ отчаянный чѣмъ осторожность,“ а отсюда вытекаетъ что сама Россія начнетъ войну наступательную, вынужденная де къ этому положеніемъ созданнымъ для нея княземъ Бисмаркомъ. А когда графъ Кальноки счелъ нужнымъ „смягчить“ свой тонъ, тѣ же польскія газеты утверждаютъ что никто этимъ смягченіямъ не придаетъ цѣны...

Такой тонъ польской печати показываетъ кому и для чего были пригодны хвастливыя рѣчи австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ.

Познанская печать не отстаетъ отъ остальной братіи въ измышленіяхъ; такъ *Kourier Poznański* приводитъ выписки изъ одной статьи журнала: *Der Kulturkampf* подъ громкимъ заглавіемъ: *Будущность Европы*. Въ ней приглашается Европа разрушить Россію и создать для защиты европейской цивилизаціи Польшу подъ верховенствомъ Австріи или Пруссіи...

Графъ Чернатони сдѣлалъ въ венгерской делегаціи запросъ графу Кальноки объ отношеніяхъ Австріи и Россіи, мотивируя свой запросъ тѣмъ что разъясненіе ихъ имѣетъ важность для объясненія отношеній Австріи къ Балканскимъ Славянамъ. И дѣйствительно, этотъ мотивъ вопроса существенно важенъ для опредѣленія того положенія которое Австрія занимаетъ въ Европѣ. Такъ или иначе Австрія теперь запуталась въ дѣлахъ Балканскихъ Славянъ, получивъ изъ рукъ Европы мандатъ временно занять Боснію и Герцеговину. Вотъ уже пять лѣтъ она занимаетъ эти страны, уже сотни милліоновъ гульденовъ она истратила на ихъ устройство, ея министры и политики блещутъ рѣчами о ея „культурной“ миссіи на Востокѣ, но и до сихъ поръ то и дѣло приходятъ изъ Босніи и Герцеговины неуспокоительныя вѣсти о возстаніяхъ, волненіяхъ, цѣлыхъ отрядахъ смѣлыхъ гайдуковъ, полагающихъ возможнымъ считаться съ войсками Австрійской имперіи. Въ Сербіи, въ 1880 году, Австрія посадила свое министерство и пріобрѣла для себя короля Милана. Съ тѣхъ поръ Австрія ласкала Сербское правительство, заключала съ нимъ выгодные для себя договоры, посылала агентовъ, тратила въ Сербіи значительныя суммы изъ „тайнаго фонда“ министерства иностранныхъ дѣлъ, который теперь понадобилось даже увеличить... и что же? Она лишь возстановила противъ себя все населеніе страны, подорвала всякое значеніе самого короля Милана, и лишь только пало преданное ей министерство, потребовалось пролитіе крови чтобъ удержать хотя видимый порядокъ въ странѣ. Казалось бы, обладаніе Босніей и Герцеговиной и подчиненіе Сербіи австрійской политикѣ должны дать Австріи большій устой въ ея дѣлахъ на Балканскомъ полуостровѣ, а на самомъ дѣлѣ оказывается что даже такое неважное дѣло какъ замѣна однихъ сербскихъ министровъ другими изъ того же лагеря обезпокоила Австрію, а Сербію доводитъ до отчаяннаго положенія, причемъ потребовалось объявить страну въ военномъ положеніи, остановить правильный ходъ дѣлъ, отмѣнить многіе законы обезпечивающіе существенныя права ея жителей и предать ни въ чемъ неповинное сельское населеніе военной экзекуціи. Это ли „культурная“ миссія Австріи?

№ 306.

Москва, 3-го ноября.

На устройство варрантныхъ складовъ, по собственному признанію учредителей Русско-Американскаго Общества, нельзя смотрѣть просто какъ на „частное коммерческое предпріятіе,“ ибо съ этимъ дѣломъ „слишкомъ близко соприкасаются вопросы общей промышленной и торговой политики государства“ *). Эта особенность предпріятія съ перваго же взгляда не можетъ не остановить на себѣ вниманія. Въ минувшемъ апрѣлѣ, высказываясь впервые

*) См. печатную Записку учредителей, стр. 5.

по вопросу объ элеваторномъ обществѣ, мы писали: „предпріятіе, о которомъ рѣчь, имѣетъ не просто коммерческое, но государственное значеніе, и какъ таковое, оно едва ли безо всякихъ неудобствъ могло бы быть отдано безусловно въ частныя руки съ устраненіемъ участія въ немъ правительства. Можетъ-быть наоборотъ было бы лучше чтобъ иниціатива этого дѣла исходила отъ правительства, и чтобы въ его же рукахъ оставалось главное руководство имъ.“ Тогда же было нами высказано что „могущественная акціонерная компанія, владѣющая обширною сѣтью варрантныхъ складовъ на всѣхъ узлахъ желѣзныхъ дорогъ, во всѣхъ портахъ и другихъ средоточіяхъ хлѣбнаго торга, можетъ стать въ Россіи огромною монопольною силой, которая будетъ держать въ своихъ рукахъ главныя нити хлѣбной торговли;“ что дѣло повсемѣстнаго у насъ устройства элеваторовъ можетъ не столько выиграть сколько пострадать отъ организаціи большой „компаніи, которая постройкой складочныхъ магазиновъ лишь тамъ гдѣ это представляетъ особыя выгоды и монополизаціей главныхъ пунктовъ въ своихъ рукахъ можетъ затормозить развитіе дѣла, снявъ для себя сливки и оставивъ другимъ снятое молоко.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ, тогда же было нами замѣчено что трудно допустить чтобы на устройство элеваторовъ не нашлось у насъ ни рукъ, ни капиталовъ: громадныхъ капиталовъ на это дѣло не требуется. „Постройка желѣзнодорожной сѣти требовала нѣсколькихъ сотъ милліоновъ рублей; можно было усомниться въ возможности осуществить полезное дѣло своими средствами; можно было поэтому сказать иностранцамъ: приходите строить намъ желѣзныя дороги и управлять ими. Совсѣмъ иное дѣло посылать за море за какими-нибудь двадцатью милліонами, говоря ихъ владѣльцамъ: приходите устроить нашу русскую хлѣбную торговлю—и володѣть ею...“ „Складочноварратная операція ни въ какой странѣ не предоставлена монополіи; смотря по частнымъ условіямъ, ее берутъ на себя и разные частные предприниматели, и желѣзнодорожныя общества, и города; ее можетъ брать на себя и государство, и лишь въ этомъ послѣднемъ случаѣ монопольный характеръ операцій не возбуждалъ бы опасеній.“

Указать на необходимость правительственнаго руководства въ складочно-варрантномъ дѣлѣ и на пользу государственной инициативы въ устройствѣ у насъ элеваторовъ не значитъ настаивать на томъ чтобы правительство взяло на себя покрыть всю Россію обширною сѣтью элеваторовъ и устроить ихъ вездѣ гдѣ только можетъ оказаться въ нихъ надобность. Устройство элеваторовъ отъ казны требуется лишь въ немногихъ пунктахъ, въ портовыхъ городахъ и на главныхъ внутреннихъ перегрузочныхъ пристаняхъ, тамъ гдѣ захватъ удобныхъ для элеваторовъ мѣстъ можетъ создать для частнаго предпринимателя монопольное положеніе по недостатку равно удобныхъ мѣстъ на которыхъ могли бы возникнуть конкуррирующіе съ первыми склады. Затѣмъ все остальное снабженіе страны складами слѣдовало бы предоставить частной общественной предпріимчивости, причемъ, дабы склады устроились въ томъ количествѣ какое требуется, желательно привлечь къ ихъ устройству не однѣ, но возможно большее число рукъ. Чѣмъ въ большей мѣрѣ будетъ удовлетворена потребность въ элеваторахъ, тѣмъ лучше; желательно чтобъ элеваторы были устроены по возможности при каждой большой и малой станціи, при каждой пристани, повсюду куда идетъ подвозъ хлѣба, гдѣ происходитъ его перегрузка. Въ сущности все равно кѣмъ бы ни были устроены склады, лишь бы плата за магазинажъ и другія услуги оказываемыя элеваторами была умѣренная, лишь бы варрантная операція производилась подъ контролемъ надежной инспекціи. Но особо уважительныя обстоятельства побуждаютъ желать чтобы по всему протяженію рельсовой сѣти устройство элеваторовъ было дѣломъ преимущественно самихъ желѣзныхъ дорогъ.

Одно время, при сознаніи что оставленіе самихъ желѣзныхъ дорогъ въ рукахъ частныхъ обществъ представляется серіознымъ неудобствомъ, побуждающимъ думать о выкупѣ ихъ казной, и въ виду неудовлетворительнаго исполненія дорогами уже лежащихъ нынѣ на нихъ задачъ, мы невольно усомнились удобно ли было бы при такихъ условіяхъ поручать имъ еще устройство элеваторовъ. Но эти сомнѣнія устраняются сами собой при всестороннемъ разсмотрѣніи дѣла. Устройство элеваторовъ находится въ естественной, тѣсной, можно сказать неразрывной связи съ самою перевозкой хлѣба по желѣзнымъ дорогамъ.

При отсутствіи элеваторовъ на станціяхъ, желѣзныя дороги представляются какъ бы недостроенными и потому неспособными удовлетворительно исполнять свое назначеніе. Въ число лежащихъ на каждой желѣзной дорогѣ обязанностей по перевозкѣ непремѣнно входитъ храненіе перевозимыхъ товаровъ; дорога должна хранить и зерно доставляемое на станцію отправленія, впредь до погрузки его въ вагоны, и зерно привозимое на станцію назначенія, до взятія его обратно хозяиномъ. Бо́льшая доля жалобъ и нареканій на желѣзныя дороги происходитъ отъ неудовлетворительнаго исполненія дорогами этой обязанности храненія, отъ неимѣнія на станціяхъ надлежащихъ приспособленій которыя охраняли бы хлѣбъ отъ раструски, подмочки и иной порчи. Устройство при станціяхъ элеваторовъ, облегчающихъ пріемъ, храненіе и отпускъ зерна (съ выдачей или безъ выдачи варрантовъ, смотря по мѣстнымъ требованіямъ и условіямъ), устраняя поводы къ обычнымъ неумолчнымъ жалобамъ на желѣзныя дороги, было бы прямымъ дополненіемъ ихъ устройства и имѣло бы въ дѣлѣ улучшенія желѣзныхъ дорогъ такое же значеніе какъ, напримѣръ, усиленіе ихъ провозоспособности увеличеніемъ подвижнаго состава, умноженіемъ разъѣздныхъ путей, проложеніемъ второй пары рельсовъ и т. п. Тѣсная связь элеваторнаго дѣла съ желѣзнодорожнымъ видна, далѣе, изъ того что для успѣшности его хода, для полученія отъ него всей возможной пользы, нужны насыпные вагоны. Но нѣтъ сомнѣнія что приноровленіе подвижнаго состава къ перевозкѣ хлѣба въ ссыпную пойдетъ на желѣзныхъ дорогахъ гораздо живѣе и энергичнѣе когда устройство насыпныхъ вагоновъ будетъ въ интересѣ элеваторовъ принадлежащихъ не стороннимъ лицамъ и обществамъ, но самимъ желѣзнымъ дорогамъ. Наконецъ, въ пользу устройства элеваторовъ желѣзными дорогами говоритъ еще то обстоятельство что у нихъ большею частью есть земля для постройки элеваторовъ, которые должны непосредственно примыкать къ рельсовымъ путямъ. Отсутствіе расхода или меньшій расходъ на покупку земли уменьшаетъ стоимость элеватора, что̀ даетъ возможность брать дешевле за его услуги, къ очевидной выгодѣ хлѣбной торговли. Въ виду всего этого нельзя не признать справедливость выраженнаго Министерствомъ Путей Сообщенія мнѣнія что „отдѣленіе элеваторовъ отъ желѣзныхъ дорогъ можетъ быть лишь допускаемо, но вообще едва ли представляетъ особенныя выгоды для хлѣбной торговли.“ Мы полагаемъ, поэтому, что устройство элеваторовъ должно быть не только предоставлено желѣзнымъ дорогамъ, но прямо вмѣнено имъ въ обязанность на ряду съ другими обращаемыми къ нимъ правительствомъ требованіями, съ установленіемъ притомъ тарифовъ, съ одной стороны, выгодныхъ для желѣзныхъ дорогъ, съ другой, обезпечивающихъ интересы грузовладѣльцевъ. Само Министерство Финансовъ, находящее что слѣдуетъ „оказать возможное поощреніе къ осуществленію“ русско-американскаго предпріятія, не находитъ возможнымъ отрицать „что устройство зерноподъемныхъ складовъ весьма близко соприкасается съ интересами желѣзныхъ дорогъ,“ и въ мнѣніи выраженномъ этимъ Министерствомъ рѣшеніе предоставить дѣло устройства элеваторовъ Русско-Американской компаніи есть, такъ сказать, pis aller при обстоятельствахъ когда де, „въ виду общей задолженности нашихъ дорогъ, нельзя отъ нихъ ни требовать, ни ожидать въ этомъ отношеніи какого-либо почина“ *). Задолженность дорогъ не есть, однако, препятствіе къ осуществленію на нихъ, по собственному ли ихъ почину или по требованію правительства, даже такихъ улучшеній какъ усиленіе подвижнаго состава, умноженіе разъѣздныхъ путей, проложеніе вторыхъ паръ рельсовъ, — улучшеній требующихъ сравнительно большихъ расходовъ. Тѣмъ менѣе можетъ эта задолженность служить препятствіемъ къ требующему не особенно большихъ расходовъ устройству на станціяхъ элеваторовъ, по собственному ли желанію дорогъ, или въ силу правительственнаго распоряженія.

Затѣмъ, на ряду съ элеваторами построенными казной и желѣзными дорогами, нѣтъ причинъ возбранять устройство складовъ и городамъ, и земствамъ, и товариществамъ хлѣбныхъ торговцевъ или сельскихъ хозяевъ, и частнымъ лицамъ, и обществамъ, какъ русскимъ такъ и иностраннымъ, въ томъ числѣ и Русско-Аме-

*) См. представленіе министра Финансовъ въ Государственный Совѣтъ объ элеваторахъ, стр. 30, 31, 49 и 51.

риканской компаніи. Нѣтъ причинъ ставить преграды частной предпріимчивости въ этомъ отношеніи, особенно когда эта предпріимчивость уже начала приносить плоды, когда, благодаря ей, магазинъ американской системы уже устроенъ на станціи Кобеляки Харьково-Николаевской желѣзной дороги (заслуживаетъ вниманія что *находящаяся въ казенномъ управленіи* Харьково-Николаевская желѣзная дорога въ настоящее время имѣетъ уже особые ссыпные вагоны для пріема зерна непосредственно изъ магазиновъ), когда городская дума въ Николаевѣ уже заключила съ г. Мейнгардомъ условіе по предмету устройства элеватора на эстакадѣ, когда о томъ же хлопочутъ и въ Рени, и въ другихъ портовыхъ и не портовыхъ городахъ. Необходимо лишь чтобы частная предпріимчивость въ этомъ дѣлѣ была регулирована, и чтобы казна взяла на себя устройство элеваторовъ тамъ гдѣ предоставленіе дѣла частнымъ предпринимателямъ грозитъ хлѣбной торговлѣ опасностью подвергнуться начетистой эксплуатаціи съ ихъ стороны.

№ 307.

Москва, 4-го ноября.

Для обезпеченія интересовъ затрогиваемыхъ вопросомъ о системѣ варрантныхъ складовъ необходимо чтобы снабженіе Россіи элеваторами было дѣломъ государственнымъ, чтобы правительство не выпускало его изъ рукъ, не отдавало на произволъ своихъ и чужихъ спекулянтовъ могущихъ обратить его въ средство вытягиванія изъ страны ея живыхъ соковъ. При этомъ вовсе не требуется чтобы правительство взяло прямо на себя исполненіе предстоящей задачи во всѣхъ ея подробностяхъ. Эта задача можетъ быть удобно раздѣлена между казной, желѣзными дорогами и затѣмъ между всѣми желающими. Устройство элеваторовъ правительствомъ нужно лишь въ тѣхъ пунктахъ коихъ захватъ частными предпринимателями ставилъ бы этихъ предпринимателей въ привилегированное и монопольное положеніе въ цѣлыхъ торговыхъ районахъ, а такихъ пунктовъ не много. Не требуется притомъ чтобы даже и эти немногіе пункты были сразу снабжены на казенный счетъ элеваторами во всей полнотѣ существующей въ нихъ потребности. На первыхъ порахъ достаточно положить начало дѣлу. Такимъ образомъ, нужное въ интересахъ хлѣбной торговли участіе казны въ этомъ дѣлѣ не требуетъ съ ея стороны ни борьбы съ какими-либо неодолимыми трудностями, ни чрезмѣрныхъ затратъ, отяготительныхъ для бюджета. Почему бы правительство не могло своими средствами построить, напримѣръ, на дамбѣ морскаго канала въ Петербургѣ, на новомъ молѣ въ Одессѣ и въ другихъ гаваняхъ элеваторы на первый разъ не болѣе какъ на сто тысячъ четвертей каждый, и если оно не считаетъ возможнымъ само управлять ими, то почему не могло бы отдать ихъ въ краткосрочную аренду? Вѣдь постройка каждаго элеватора на 100 тысячъ четвертей, по разчету спеціалиста, на авторитетъ коего ссылаются сами учредители Русско-Американской компаніи, обошлась бы въ 700 т. рублей, а эксплуатація его стóитъ всего 38—40 тысячъ въ годъ. Неужели это такіе расходы чтобы предъ ними останавливаться?

Такой приступъ къ рѣшенію вопроса объ элеваторахъ, кажется, всего проще: при немъ элеваторы, основанные сначала въ каждомъ портѣ въ ограниченномъ размѣрѣ, дали бы возможность постепенно ввести это усовершенствованное орудіе безъ замѣтнаго потрясенія существующихъ вспомогательныхъ для торговли средствъ и близко изучить это дѣло, съ тѣмъ чтобы развивать его далѣе на основаніи уже не слуховъ, а опыта. Вѣдь кажется, слава Богу, правительство начинаетъ оставлять мысль о томъ будто оно неспособно вести какое-либо дѣло,—пагубную мысль, столь дорого стоившую Россіи; вѣдь признало же правительство себя способнымъ, не прибѣгая къ концессіонерамъ, строить Полѣсскія дороги,—а дороги эти стóятъ десятки милліоновъ, между тѣмъ какъ элеваторъ стóитъ лишь сотни тысячъ, эксплуатація же его низводится къ десяткамъ тысячъ. Пусть на первый разъ въ этой эксплуатаціи будутъ и промахи: чувствительнаго ущерба это причинить не можетъ.

Устройство элеваторовъ въ нашихъ главнѣйшихъ портахъ нельзя откладывать на неопредѣленное время. Если элеваторы будутъ устроены тамъ безъ помощи аферистовъ, они несомнѣнно принесутъ торговлѣ прямую пользу уменьшивъ ея накладные расходы въ портахъ, и сверхъ того по-

могутъ ей еще и косвенно облегчивъ нашимъ дорогамъ переходъ отъ перевозки хлѣбнаго зерна въ мѣшкахъ къ перевозкѣ въ ссыпную. Нынѣшніе склады, устроенные такъ что для помѣщенія въ нихъ хлѣба, привезеннаго въ вагонѣ даже къ самымъ дверямъ магазина, необходимо перенести его въ магазинъ въ мѣшкахъ, крайне затрудняютъ введеніе перевозки розсыпью; устраненіе этого препятствія было бы не малымъ облегченіемъ нашей торговли въ борьбѣ съ производительностью другихъ странъ.

Затѣмъ, устроенные на сказанныхъ началахъ элеваторы дали бы и еще одно преимущество: при нихъ можно было бы безъ затрудненія ввести инспекцію зерна, которая есть одно изъ могущественныхъ средствъ, при помощи котораго насъ бьетъ въ хлѣбной торговлѣ Америка, продающая хлѣбъ котораго качества вполнѣ извѣстны покупателю и за который онъ охотно платитъ дороже чѣмъ за нашъ хлѣбъ, въ качествѣ котораго имѣетъ основаніе сомнѣваться. Это важное значеніе инспекціи зерна далеко еще не всѣми сознается, и противъ нея нерѣдко приходится слышать возраженія, а потому правительству надобно употребить нѣкоторыя усилія дабы ввести это начало въ сознаніе массъ, а для этого нѣтъ другаго средства какъ показать на дѣлѣ важность и пользу инспекціи; какъ только окажется польза, всѣ сейчасъ же охотно подчинятся инспекціи, и не только подчинятся, а будутъ просить объ ея всеобщемъ введеніи. При помощи своихъ элеваторовъ правительство имѣло бы полную возможность достигнуть этой цѣли. Дѣйствительно, въ виду преимуществъ доставляемыхъ зерну хранимому въ казенномъ элеваторѣ (меньшіе накладные расходы, всегдашняя готовность зерна къ отпуску, слѣдовательно уничтоженіе риска сталійныхъ денегъ и другихъ расходовъ сопряженныхъ съ опозданіемъ нагрузки), правительство могло бы сдѣлать хлѣбную инспекцію *обязательною* для зерна поступающаго въ его элеваторы, предоставивъ другимъ складамъ полную въ этомъ отношеніи свободу; этимъ оно, очевидно, не сдѣлало бы торговлѣ никакого насилія, а между тѣмъ наше купечество, среди котораго слышатся еще сомнѣнія въ возможности у насъ хлѣбной инспекціи, убѣдилось бы и въ возможности, и въ пользѣ ея, и нѣтъ сомнѣнія что оно само стало бы просить о распространеніи ея на всѣ склады.

Таковы послѣдствія которыхъ можно не сомнѣваясь ожидать отъ иниціативы правительства въ этомъ дѣлѣ, и неужели ничтожный расходъ, съ этимъ сопряженный, можетъ остановить правительство? Вѣдь этотъ расходъ въ первые же два-три года возвратится съ лихвой если мы, облегчивъ нашей торговлѣ конкурренцію съ Америкой, усилимъ замѣтнымъ образомъ отпускъ нашего хлѣба.

Затѣмъ, какъ сказано, существенная роль въ дѣлѣ устройства элеваторовъ должна принадлежать желѣзнымъ дорогамъ. Единственное возраженіе противъ призыва ихъ къ этому дѣлу заключается въ томъ что безъ помощи казны желѣзнодорожныя общества ничего не сдѣлать не могутъ. Но трудно было бы повѣрить на слово такому бездоказательному утвержденію, принимая въ разчетъ сравнительно умѣренныя цифры стоимости устройства элеваторовъ. Постройка элеватора относительно крупныхъ размѣровъ, вмѣстимостію во 100 тысячъ четвертей, должна обойтись, по разчету спеціалистовъ, въ 700.000 р.; но на большей части станцій требуется устройство элеваторовъ гораздо меньшихъ размѣровъ и меньшей стоимости, а потому можно полагать что во многихъ случаяхъ расходъ на устройство элеваторовъ не превыситъ денежныхъ средствъ которыми располагаютъ желѣзнодорожныя общества, тѣмъ болѣе что вовсе не требуется чтобъ элеваторы были построены одновременно по всей линіи: эта постройка и расходъ на нее могутъ быть разсрочены на нѣсколько лѣтъ.

Но допустимъ что дѣйствительно денежныя средства на постройку элеваторовъ должны быть заимствованы желѣзными дорогами у казны или въ видѣ ссудъ, или въ формѣ увеличенія облигаціоннаго капитала. Велико ли тутъ затрудненіе, велика ли налагаемая этимъ обстоятельствомъ на казну тягость?

По разчету учредителей Русско-Американской компаніи *), „для устройства въ Имперіи полной сѣти элеваторовъ потребуется строительный капиталъ въ 42 милліона металлическихъ рублей.“ Исключите изъ этой суммы стоимость тѣхъ элеваторовъ которые будутъ построены

*) См. печатную записку учредителей, стр. 3.

казной, городами, земствами, частными предпринимателями, наконецъ состоятельными желѣзными дорогами за свой счетъ: много ли затѣмъ окажется нужнымъ дать въ ссуду желѣзнымъ дорогамъ на устройство тѣхъ элеваторовъ которые отъ нихъ требуются? Раздѣлите эту сумму на цѣлый рядъ лѣтъ: много ли придется на годъ? Такія ли это ссуды желѣзнымъ дорогамъ которыхъ можно пугаться? Пугаясь такихъ ссудъ, можно впасть въ ошибку тѣхъ господъ которымъ, по словамъ басни,—

> ...тысячей не жаль сорить,
> А думаютъ хозяйству подспорить,
> Коль свѣчки сберегутъ огарокъ...

Были, конечно, не малою погрѣшностью противъ государственной экономіи такіе казусы какъ, напримѣръ, трата двухъ съ половиной милліоновъ рублей казенныхъ денегъ на покупку ничего не стоившихъ Либаво-Роменскихъ акцій и затѣмъ выдача г. Мекку ссуды тоже въ два съ половиной милліона рублей на обратную покупку имъ у казны тѣхъ же акцій, что̀ лишило казну и акцій, и денегъ. Но совсѣмъ иное дѣло выдача ссудъ на полезное и нужное дѣло. Притомъ доходность элеваторовъ не подлежитъ сомнѣнію, и потому по ссудамъ на ихъ устройство казна ничѣмъ не рискуетъ и можетъ быть вполнѣ увѣрена въ безнедоимочномъ поступленіи по этимъ ссудамъ и процентовъ, и погашенія.

Таковы мѣры которыхъ хлѣбная торговля могла бы, и, кажется, была бы въ правѣ ожидать отъ правительства для облегченія своихъ дѣйствій. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительству предлежитъ позаботиться не только о торговлѣ, но еще болѣе о хлѣбной производительности. Земледѣльческая промышленность наша страдаетъ недостаткомъ оборотнаго капитала и зависимостью отъ лицъ дающихъ ей ссуды. Эти ссуды обыкновенно имѣютъ характеръ кабалы; освобожденіе нашего земледѣлія отъ кабалы поощрило бы его, дало бы ему средства къ развитію, возвысило бы покупную силу земледѣльцевъ, то-есть всей массы народа, для произведеній фабрикъ и заводовъ, стало-быть подняло бы и поставило бы внѣ теперешнихъ колебаній нашу фабричную производительность, улучшивъ въ то же время существеннымъ образомъ бытъ народа. Для этого необходима, независимо отъ системы варрантныхъ складовъ, правильная организація кредита подъ земледѣльческія произведенія, притомъ кредита получаемаго по возможности на самомъ мѣстѣ производства, кредита, къ которому можно было бы безъ труда обращаться, и который снабжалъ бы за умѣренные проценты земледѣліе необходимыми для него денежными средствами. Русско-Американское общество въ этомъ отношеніи помочь не можетъ.

№ 308.

Москва, 5-го ноября.

А.

Вниманіе политическаго міра все еще обращено на засѣдающія въ Вѣнѣ австро-венгерскія делегаціи, работы коихъ будутъ окончены на дняхъ. Интересъ этихъ работъ заключается въ томъ что при австрійской парламентской системѣ „представителямъ народа“ только разъ въ году приходится выслушивать объясненія министровъ объ иностранной политикѣ имперіи и ея предпріятіяхъ въ военной области. Краткость срока делегаціонныхъ сессій и обсужденіе множества вопросовъ о коихъ офиціально не упоминается ни слова въ теченіе цѣлаго года являются причиной того что за все время делегаціонныхъ работъ европейская печать почти исключительно занята обсужденіемъ иностранной политики Австріи, тѣмъ болѣе что она часто имѣетъ европейское значеніе освѣщая политику и другихъ державъ.

Въ нынѣшнюю делегаціонную сессію самыя интересныя заявленія общеимперскихъ австро-венгерскихъ министровъ были сдѣланы въ коммиссіяхъ венгерской делегаціи. Это обстоятельство можно себѣ пожалуй объяснить тѣмъ что въ текущемъ году всѣ безъ исключенія члены венгерской делегаціи принадлежатъ къ правительственной партіи и общеимперскіе министры вслѣдствіе этого выступали гораздо увѣреннѣе, разчитывая что ихъ тогда болѣе или менѣе туманныя объясненія (какъ напримѣръ заявленія министра иностранныхъ дѣлъ объ отношеніи Австро-Венгріи къ Россіи) не вызовутъ непріятныхъ репликъ и запросовъ. Отсутствіе ли оппозиціи или то обстоятельство что венгерскія делегаціонныя работы въ текущемъ году шли быстрѣе

цислейтанскихъ, но всѣ безъ исключенія общеимперскіе министры были предъ венгерскою делегаціей многорѣчивѣе чѣмъ предъ австрійскою.

Какъ извѣстно, „оккупація" Босніи и Герцеговины была крайне непріятна Мадьярамъ. Венгерскіе политики, да и всѣ здравомыслящіе мадьярскіе патріоты хорошо понимали что захватъ турецкихъ провинцій, сплошь населенныхъ Славянами, не говоря уже о финансовыхъ затратахъ, и въ политическомъ отношеніи скорѣе вреденъ для Венгріи чѣмъ полезенъ. Нынѣшнему венгерскому министру-президенту Тисѣ, располагающему въ парламентѣ весьма значительнымъ и хорошо дрессированнымъ большинствомъ, удалось въ свое время добиться одобрительнаго вотума если не для своей, то для австрійской завоевательной политики; но враждебное настроеніе населенія противъ этой политики только усилилось, и не одни оппозиціонные, но иногда и правительственные депутаты жаловались, вслѣдствіе обременительныхъ для страны и непроизводительныхъ затратъ, на занятіе Босніи и Герцеговины. „Вонъ изъ Босніи," это пароль оппозиціи пештскаго парламента. Въ виду этого обстоятельства и въ виду того что права Австро-Венгріи на Боснію и Герцеговину и ея юридическое положеніе въ этихъ провинціяхъ формулованы Берлинскимъ трактатомъ не вполнѣ заопредѣленно, заявленія главнаго правителя Босніи и Герцеговины, общеимперскаго министра финансовъ г. Каллая, ожидались всѣми съ неменьшимъ интересомъ чѣмъ заявленія министра иностранныхъ дѣлъ, графа Кальноки.

Обширный докладъ г. Каллая прошелъ совершенно гладко, что отчасти объясняется тѣмъ что никто изъ делегатовъ не рѣшился заговорить объ окончательномъ регулированіи вопроса о присоединеніи Босніи и Герцеговины къ Австро-Венгріи На всѣ внесенные вопросы министръ финансовъ далъ весьма подробные отвѣты и его exposé изобилуетъ интересными данными, хотя многое осталось недоговореннымъ Рѣчь была встрѣчена громкимъ одобреніемъ, и заявленія министра приняты къ свѣдѣнію, то-есть одобрены единогласно.

Переходимъ къ самой рѣчи.

Г. Каллай прежде всего указалъ на то что расходы на занятіе Босніи и Герцеговины значительно превышаютъ доходы съ этихъ провинцій, хотя содержаніе мѣстнаго управленія покрывается этими доходами, даже съ нѣкоторымъ излишкомъ. Расходы падаютъ де главнымъ образомъ на содержаніе арміи которое обходится приблизительно въ 7.000.000 гульденовъ. Въ первые годы послѣ занятія Босніи и Герцеговины доходы не покрывали даже расходовъ на мѣстное управленіе, и въ этомъ отношеніи г. Каллай могъ слѣдовательно похвастаться нѣкоторымъ успѣхомъ, но съ другой стороны, онъ умолчалъ объ одномъ вопросѣ который неоднократно служилъ предметомъ обсужденія газетъ и несомнѣнно имѣетъ важное значеніе. Дѣло въ томъ что изъ семи милліоновъ гульденовъ дохода (мы употребляемъ круглыя цифры) почти *четыре милліона* идутъ на содержаніе сборщиковъ податей и финансоваго управленія. Итакъ, болѣе половины доходовъ получаемыхъ въ видѣ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ поглощаются чиновниками чрезъ руки коихъ сумма эта проходитъ. Назвать такое положеніе дѣлъ нормальнымъ, полагаемъ, нельзя ни въ какомъ случаѣ. Этотъ фактъ ослабляетъ нѣсколько торжественное заявленіе министра что подати собираются „исправно".

Отвѣчая на вопросъ одного изъ делегатовъ о предполагаемомъ сокращеніи числа оккупаціонныхъ войскъ, г. Каллай заявилъ что сокращеніе это дѣйствительно проектировано военнымъ министерствомъ (въ весьма незначительномъ размѣрѣ: изъ 45.000 солдатъ предполагается вывести всего 5.000), но что оно находится въ зависимости отъ многихъ условій, которыя еще требуется создать. Для сокращенія состава стоящихъ въ Босніи и Герцеговинѣ войскъ, по словамъ общеимперскаго министра финансовъ, необходимы два условія: вопервыхъ, значительное усиленіе жандармеріи, и вовторыхъ, усиленіе такъ-называемыхъ летучихъ отрядовъ дѣйствующихъ, по словамъ г. Каллая, весьма успѣшно противъ тѣхъ небольшихъ отрядовъ „разбойниковъ" (то-есть инсургентовъ) которые въ послѣднее время опять стали появляться въ Герцеговинѣ. При этомъ надо де однако замѣтить что въ случаѣ уменьшенія числа войскъ и увеличенія жандармеріи и летучихъ отрядовъ, порядокъ опять таки можетъ считаться обезпеченнымъ лишь въ томъ случаѣ „если *извнѣ* не будетъ вестись усиленной агитаціи." Что хотѣлъ

сказать г. министръ этимъ своимъ замѣчаніемъ, о томъ конечно вѣдаетъ только онъ самъ. „Лояльный" образъ дѣйствій Черногоріи внѣ всякаго сомнѣнія, Турція и Сербія находятся съ Австріей въ „интимныхъ" отношеніяхъ; кому же это вести въ Босніи „усиленную агитацію?"

Упомянувъ о боснійскихъ и главнымъ образомъ герцеговинскихъ бѣглецахъ, г. Каллай заявилъ что бо́льшая часть ихъ вернулись, что же касается остальныхъ, то возвращеніе ихъ „нежелательно." Какъ видно изъ словъ министра, вернулись только тѣ которые не принимали участія въ возстаніи, бѣжали „вслѣдствіе страха или вынужденные къ тому инсургентами."

О самомъ важномъ для Босніи вопросѣ, регулированіи поземельныхъ отношеній, министръ финансовъ говорилъ очень пространно, но разъясненія его въ этомъ отношеніи врядъ ли показались утѣшительными даже въ глазахъ вполнѣ пассивной делегаціи. Г. Каллай заявилъ что по настоящее время, то-есть въ продолженіе шести лѣтъ, правительство не успѣло даже кончить кадастровыхъ работъ въ Босніи. Работы эти будутъ де вѣроятно кончены только въ будущемъ году, причемъ онъ, министръ, долженъ де „предостеречь отъ иллюзій будто послѣ окончанія кадастровыхъ работъ будетъ приступлено къ коренной реформѣ поземельныхъ отношеній и налоговъ." Министръ признался что практикуемая нынѣ система налоговъ *не* выдерживаетъ критики, но почему-то счелъ нужнымъ замѣтить что „измѣнять имущественныя и подоходныя отношенія невозможно, ибо населеніе крѣпко держится традицій." Подъ словомъ „населеніе" г. Каллай очевидно подразумѣваетъ боснійскихъ беговъ, въ рукахъ которыхъ находится почти вся обрабатываемая земля; что же касается массы населенія, злополучныхъ кметовъ, то весьма сомнительно чтобъ они дорожили „традиціей" въ силу коей они находятся въ полной кабалѣ у помѣщиковъ. Изъ словъ министра явствуетъ что аграрный вопросъ въ Босніи не только не рѣшенъ, но что его и не предполагается рѣшить, благо въ Босніи есть и большое войско и жандармы, и летучіе отряды, такъ что легко поддаться оптическому обману что налоги въ Босніи и Герцеговинѣ повидимому „не особенно тягостны." Если затѣмъ снова возникнутъ волненія обусловливаемыя съ давнихъ поръ безвыходнымъ экономическимъ положеніемъ народа, то тогда легко будетъ сослаться на „агитацію *извнѣ*."

Религіозный вопросъ въ Босніи, котораго г. Каллай также коснулся въ своей рѣчи, находится также въ весьма неудовлетворительномъ положеніи. Около мѣсяца тому назадъ, какъ мы въ свое время сообщали, усиленная католическая пропаганда въ Босніи побудила православнаго митрополита Савву Косановича разослать пастырское посланіе, въ коемъ онъ указывалъ православному духовенству на опасность грозящую православной Церкви со стороны Рима и приглашалъ священниковъ энергически бороться съ пропагандой не брезгающею никакими средствами для достиженія своихъ цѣлей. Въ отвѣтъ на это католическій епископъ въ Сараевѣ Стадлеръ обнародовалъ открытое письмо въ коемъ утверждалъ что основанное въ Вѣнѣ католическое „Патріотическое Общество вспомоществованія для Босніи" не можетъ заниматься пропагандой, какъ это утверждаетъ въ своемъ посланіи митрополитъ Косановичъ, уже на томъ простомъ основаніи что „почетнымъ членомъ его состоитъ между прочимъ эрдгерцогъ Альбрехтъ." Этотъ куріозный аргументъ показался мало убѣдительнымъ и самому Стадлеру, поэтому онъ въ томъ же письмѣ открыто сталъ издѣваться надъ православною Церковью, затрогивая ея священные догматы. Митрополитъ Косановичъ хотѣлъ было отвѣтить на это письмо, но изъ Вѣны былъ полученъ категорическій приказъ прекратить полемику и не поддерживать религіозныхъ споровъ. По поводу этихъ событій однимъ изъ делегатовъ былъ внесенъ запросъ о положеніи религіознаго вопроса въ Босніи.

Г. Каллай поспѣшилъ обвинить православнаго митрополита за то что онъ осмѣлился разослать пастырское посланіе безъ предварительной справки у Австрійскаго правительства (sic), и при этомъ замѣтилъ что образъ дѣйствій Стадлера также де неумѣстенъ, вслѣдствіе чего споръ прекращенъ де по приказанію правительства. Далѣе министръ повторилъ стереотипную фразу что правительство относится ко всѣмъ религіямъ съ уваженіемъ и оказываетъ имъ даже матеріальную поддержку. Для примѣра г. Каллай указалъ на тотъ фактъ что Австрійское правительство выдаетъ жалованье четыремъ членамъ пра-

вославной консисторіи въ Сараевѣ и приступило къ постройкѣ православной семинаріи, въ которой *со временемъ* могутъ воспитываться 48 учениковъ.

Изъ Босніи извѣстія получаются весьма рѣдко; не знаемъ насколько искрененъ былъ г. Каллай, говоря что въ Босніи не ведется католической пропаганды, но два дня спустя послѣ его заявленія въ делегаціонной коммиссіи, въ *Сербскомъ Листѣ* (издаваемомъ въ Зарѣ) было сообщено что митрополитъ Косановичъ обратился съ жалобой къ Константинопольскому патріарху и заявилъ что будетъ вынужденъ удалиться отъ дѣлъ если католической пропагандѣ въ Босніи не будетъ положенъ конецъ...

Весьма характерно еще то обстоятельство что г. Каллай не упомянулъ объ эмиграціи изъ Босніи магометанъ, а между тѣмъ сами австрійскія газеты сообщали что въ текущемъ году ихъ выселилось свыше 6.000 человѣкъ.

Б.

Не слѣдуетъ смѣшивать двухъ различныхъ по объему и значенію вопросовъ: главнаго, важнаго и общаго вопроса о снабженіи русской хлѣбной торговли нужными ей приспособленіями, и вопроса второстепеннаго и случайнаго, о проектируемой Русско-Американской компаніи зерноподъемовъ. Строго различая эти два вопроса, нужно уяснить себѣ въ какомъ отношеніи второй изъ нихъ находится къ первому.

Рядъ относящихся къ дѣлу соображеній и фактовъ приведенныхъ въ нашей газетѣ и минувшею весной и текущею осенью, проливая свѣтъ на многія его стороны, побуждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтить отрицательно на вопросъ послужило ли бы затѣянное русско-американское предпріятіе шагомъ къ благопріятному для Россіи разрѣшенію общаго вопроса объ элеваторахъ. Само по себѣ, проектируемое общество, достаточно сильное чтобы стать монополистомъ въ варрантно-складочномъ дѣлѣ, въ то же время не въ силахъ, по признанію самихъ учредителей, удовлетворить даже въ третьей долѣ существующую у насъ потребность. Между тѣмъ, своимъ учрежденіемъ оно способно не вызвать къ жизни новыя складочно-варрантныя предпріятія, какъ говорятъ его учредители, но убить въ зародышѣ всякую мысль объ устройствѣ недостающихъ странѣ элеваторовъ, въ виду невозможности конкурировать съ обществомъ не рискуя банкротствомъ или полнымъ подчиненіемъ своей самостоятельности американскому конкурренту, который, вмѣстѣ съ практическою опытностью въ элеваторномъ дѣлѣ, конечно принесетъ и другую практическую опытность—въ пріемахъ американской конкурренціи. Въ общихъ чертахъ, пріемы этой конкурренціи достаточно извѣстны; нѣкоторые образчики ихъ приведены, между прочимъ, въ офиціальномъ отчетѣ г. Орбинскаго, ѣздившаго въ Америку для спеціальныхъ изслѣдованій по порученію Министерства Финансовъ. Трудно себѣ представить что-нибудь безпощаднѣе этой конкурренціи, носящей характеръ борьбы на жизнь и смерть, стремящейся къ разоренію соперниковъ во что бы то ни стало, не останавливающейся ни въ выборѣ средствъ, ни предъ временнымъ ущербомъ для самого себя, и всегда приводящей къ подавленію слабаго сильнымъ. Кто не знаетъ какъ выражалось по временамъ соперничество, напримѣръ, двухъ конкуррирующихъ желѣзнодорожныхъ линій, до какихъ предѣловъ доводили онѣ пониженіе своихъ пассажирскихъ и товарныхъ тарифовъ, перевозя, наконецъ, пассажировъ и товары почти даромъ, если не совсѣмъ даромъ, и какъ дорого приходилось потомъ платиться публикѣ за временную дешевизну проѣзда и провоза, когда въ концѣ концовъ одна изъ дорогъ банкротилась и переходила въ руки торжествующаго побѣдителя, безцеремонно спѣшившаго вознаградить себя контрибуціей со своихъ кліентовъ за всѣ издержки побѣдоносно оконченной войны? Многихъ ли привлечетъ къ основанію новыхъ элеваторныхъ предпріятій перспектива такой борьбы съ противникомъ заранѣе занявшимъ самыя выгодныя позиціи и стоящимъ на нихъ во всеоружіи?

Захватъ наилучшихъ, господствующихъ позицій есть прямая задача русско-американскаго предпріятія. Оно не ограничиваетъ своей дѣятельности какимъ-нибудь опредѣленнымъ райономъ гдѣ ему было бы по средствамъ удовлетворить сполна ощущаемую въ данныхъ предѣлахъ потребность въ элеваторахъ: оно распространяетъ свою дѣятельность на всю Россію, сосредоточивая свои силы лишь въ избранныхъ пунктахъ, на подобіе того какъ размѣщаются сильные гарнизоны въ крѣпостяхъ

и цитаделяхъ завоеванной земли чтобы всю ее держать въ покорности и всегда имѣть возможность безъ труда подавить въ ней всякое возстаніе не могущее найти себѣ равносильныхъ опорныхъ пунктовъ. Нѣкоторое понятіе о значеніи захвата господствующихъ позицій въ торговомъ и вообще въ народнохозяйственномъ отношеніи могутъ дать, напримѣръ, слѣдующіе факты изъ исторіи Батумскаго порта со времени проведенія къ нему желѣзнодорожной вѣтви. Въ виду открывшейся съ отмѣной Закавказскаго транзита перспективы усиленныхъ торговыхъ сношеній между многими изъ нашихъ промышленныхъ центровъ и Закавказьемъ, нѣсколько желѣзныхъ дорогъ, согласно желанію купечества, вошли въ соглашеніе съ Русскимъ Обществомъ Пароходства и Торговли, имѣющимъ свою пристань въ Батумѣ, для устройства прямаго сообщенія между означенными центрами и Батумомъ. Но открытіемъ только одной линіи прямаго сообщенія (черезъ Одессу) торговые интересы не могутъ быть удовлетворены въ нужной степени за отсутствіемъ конкурренціи которою регулировались бы провозные тарифы, и при которой дорогамъ было бы неудобно, напримѣръ, брать за большее разстояніе отъ Петербурга до Батума дешевле чѣмъ за меньшее разстояніе отъ Москвы до того же Батумскаго порта. Нашлись и дороги и пароходовладѣлецъ пожелавшіе устроить другую линію прямаго сообщенія для конкурренціи съ первою; соглашеніе между ними состоялось, а для осуществленія дѣла нужно только одно— отводъ въ Батумскомъ портѣ мѣста гдѣ можно было бы устроить пристань и складочные магазины для приходящихъ прямымъ сообщеніемъ грузовъ... Но именно въ полученіи нужнаго для пристани мѣста и встрѣтилось до сихъ поръ не устраненное затрудненіе со стороны мѣстной администраціи, вслѣдствіе чего, къ невыгодѣ для торговли, прямое сообщеніе съ Батумомъ такъ и остается пока въ монопольномъ распоряженіи одной группы предпринимателей. Другой примѣръ не менѣе поучителенъ. Бакинскіе нефтепромышленники разчитывали что Закавказская желѣзная дорога предоставитъ имъ всѣ удобства для сбыта нефти черезъ Батумъ съ отправкой ея оттуда далѣе въ наливныхъ пароходахъ. Но мѣстоположеніе желѣзнодорожной станціи въ Батумскомъ портѣ не представляетъ достаточнаго простора для устройства нѣсколькихъ нефтяныхъ складовъ; тамъ могъ быть построенъ только одинъ такой складъ, именно складъ иностранца Нобеля. Поразспросите бакинскихъ нефтепромышленниковъ, и они вамъ скажутъ какъ отозвалось на ихъ интересахъ это обстоятельство, едва не вызвавшее серіозныхъ безпорядковъ во всемъ нефтяномъ округѣ... Результаты захвата выгоднѣйшихъ и важнѣйшихъ пунктовъ складочно-варрантнымъ обществомъ имѣли бы, конечно, несравненно болѣе серіозное значеніе.

Забирая въ свои руки важнѣйшіе портовые и внутренніе рынки и лучшія мѣста на этихъ рынкахъ, Русско-Американская компанія, вмѣстѣ съ тѣмъ, заранѣе обезпечиваетъ себѣ всѣ удобства для подавленія возможныхъ конкуррентовъ вышеупомянутымъ американскимъ способомъ. Она ставитъ условіемъ что тарифъ ея услугъ „для различныхъ мѣстностей можетъ быть различный,“ и при этомъ выговариваетъ что „пониженіе его, равно какъ и повышеніе въ опредѣленныхъ предѣлахъ, зависитъ вполнѣ отъ усмотрѣнія общества“ *); она можетъ, поэтому, чтобы разорить соперника въ любомъ пунктѣ, напримѣръ въ Одессѣ или Петербургѣ, разомъ и въ любую минуту понизить плату за свои услуги до крайнихъ предѣловъ, ниже всякой данной величины, можетъ оказывать эти услуги даже даромъ: убытки отъ такихъ пониженій тарифа въ Петербургѣ или Одессѣ не будутъ особенно чувствительны для компаніи при крупныхъ барышахъ получаемыхъ одновременно въ другихъ балтійскихъ и южныхъ портахъ и на разныхъ внутреннихъ пристаняхъ и хлѣбныхъ рынкахъ. Но соперничающее предпріятіе въ Одессѣ и Петербургѣ, не имѣющее подобныхъ вспомогательныхъ ressурсовъ, должно будетъ лопнуть, и какъ только оно лопнетъ, компанія можетъ немедленно поднять свой тарифъ по складочной операціи до предѣльной нормы 40 коп., значеніе которой, кажется, достаточно разъяснено. Приблизительно въ такихъ же условіяхъ неравенства въ борьбѣ съ компаніей будутъ находиться конкурренты по другимъ ея операціямъ, ссудной и коммиссіонерской: по каждой изъ этихъ операцій, то

*) Представленіе министра Финансовъ въ Государственный Совѣтъ объ элеваторахъ, стр. 3 и 4.

въ томъ, то въ другомъ пунктѣ поочередно, компанія можетъ низводить цѣну своихъ услугъ до крайняго минимума, съ тѣмъ чтобы потомъ, подорвавъ или подчинивъ себѣ своихъ соперниковъ, поднять цѣну тѣхъ же услугъ до крайняго максимума.

Но этого мало. Не на свои только силы разчитываетъ компанія для подавленія своихъ конкуррентовъ, а также на помощь могущественныхъ союзниковъ. Она заранѣе отстаиваетъ свое право искать въ Россіи такихъ союзниковъ и заключать съ ними союзы. На это обстоятельство уже было обращено вниманіе министромъ Путей Сообщенія, указывавшимъ на необходимость „имѣть очень зоркій надзоръ за дѣйствіями" проектируемаго общества, потому что оно „неминуемо войдетъ въ обширныя и сложныя отношенія къ нашимъ желѣзнымъ дорогамъ, въ дѣлахъ которыхъ правительство такъ сильно заинтересовано и правильность дѣйствій которыхъ столь важна для народнаго хозяйства." По этимъ соображеніямъ, министръ предлагалъ „чтобы договоры Общества съ желѣзными дорогами, какъ относительно перевозки грузовъ, такъ и по другимъ дѣламъ, не могли быть заключаемы безъ предварительнаго разрѣшенія Министерства Путей Сообщенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ." Достаточно припомнить нѣкоторые факты изъ желѣзнодорожной практики, въ родѣ условій какія заключались между иными дорогами и отправителями крупныхъ партій товара (столько-то сотъ тысячъ или милліоновъ пудовъ въ годъ), или подобныхъ же условій между дорогами и банками выступавшими въ роли посредниковъ-коммиссіонеровъ по отправкѣ хлѣба къ портамъ; достаточно припомнить какія сбавки противъ общихъ нормъ провознаго тарифа дѣлались по этимъ условіямъ и какое неравенство между товароотправителями создавалось этими сбавками, въ подрывъ правильнымъ торговымъ разчетамъ и къ выгодѣ ловкихъ спекулянтовъ и аферистовъ; достаточно припомнить къ какимъ недоразумѣніямъ и неудобствамъ для торговли повели особыя отношенія установившіяся между г. Нобелемъ и управленіемъ Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ, не говоря уже о безчисленномъ множествѣ другихъ примѣровъ, чтобы понять какое значеніе имѣла бы предложенная министромъ Путей Сообщенія мѣра. Только въ ней могла бы имѣть торговля нѣкоторую гарантію противъ нарушенія законныхъ ея интересовъ посредствомъ разнаго рода соглашеній между Русско-Американскою компаніей и желѣзными дорогами. Но учредители не замедлили заявить протестъ противъ такой гарантіи которая могла бы помѣшать компаніи ставить своихъ кліентовъ въ привилегированное положеніе, выгоды коего побуждали бы всѣхъ идти къ ней въ кліентелу подчиняясь всякимъ диктуемымъ ею условіямъ... Учредители полагаютъ что, входя въ соглашеніе съ компаніями желѣзныхъ дорогъ, Общество зерноподъемныхъ складовъ должно признавать для себя обязательными лишь уставы тѣхъ компаній и правила на основаніи которыхъ онѣ дѣйствуютъ, представленію же на утвержденіе министра Путей Сообщенія должно де подлежать лишь то къ чему такой порядокъ примѣняется въ силу упомянутыхъ уставовъ и правилъ (не мѣшавшихъ донынѣ дорогамъ вступать въ невыгодныя для торговли соглашенія и сдѣлки). „Но упоминать въ кругѣ дѣятельности Общества зерноподъемовъ что соглашеніе его именно съ желѣзными дорогами подлежитъ утвержденію министра Путей Сообщенія, по мнѣнію учредителей, едва ли есть основаніе..."

При всѣхъ такихъ подготовляемыхъ для себя компаніей условіяхъ дѣятельности, кому придетъ охота выходить съ ней на безнадежную борьбу учрежденіемъ новыхъ конкуррирующихъ съ нею складочно-варрантныхъ предпріятій?

Не только экстерриторіальное, но и чисто-русское предпріятіе при той постановкѣ какую даетъ себѣ Русско-Американская компанія не могло бы быть допущено безъ явнаго вреда для русской торговли вообще и для дѣла устройства элеваторовъ въ Россіи въ частности. Какая же необходимость можетъ принуждать насъ идти на всѣ эти неудобства? Намъ нужны элеваторы, нужна система варрантовъ; но они могутъ устроиться у насъ помимо услугъ предлагаемыхъ Русско-Американскою Компаніей, и притомъ съ несравненно бо́льшимъ и лучшимъ обезпеченіемъ всѣхъ замѣшанныхъ въ дѣлѣ русскихъ интересовъ.

№ 310.

Москва, 7-го ноября.

А.

Страны свѣта перевернулись. Чуть ли теперь не мы самая западная держава. Французская республика въ западности отстаетъ отъ насъ. Еще прошлою осенью она засадила вожака интернаціоналки, Крапоткина, въ тюрьму, не внявъ его ссылкамъ на дѣло Засуличъ; весной она разгоняла кавалеріей толпу кричавшую: „хлѣба!", а коноводовъ ея тоже запрятала въ тюрьму, не пощадивъ даже знаменитой Луизы Мишель. Когда лѣтомъ пошли было у насъ толки объ увеличеніи сбора съ заграничныхъ паспортовъ, парижская печать, толкуя объ этой мѣрѣ, удивлялась ея безполезности: „Россіи нѣтъ основанія опасаться, говорила одна весьма распространенная парижская газета, что ея подданные развратятся у насъ: недавніе политическіе процессы показали что не Русскимъ учиться у насъ (политическому разврату), а намъ у нихъ."

На дняхъ французская палата депутатовъ, обсуждая муниципальный законъ, натолкнулась на вопросъ о *центральной меріи* въ Парижѣ и послѣ долгихъ преній отвергла учрежденіе меріи. Фактъ любопытный. Отвергая центральную мерію, Франція, или вѣрнѣе Французская республика устами своихъ представителей заявила что не желаетъ автономіи для Парижа и не расположена дать Парижу мера. Меръ, это голова. Итакъ Французская республика высказалась противъ автономіи Парижа и противъ избранія городскаго головы для своей столицы.

Интересно знать чѣмъ же руководилась республика лишая свою столицу тѣхъ вольностей какими давно съ блестящимъ успѣхомъ пользуется Россія.

Чтобы понять эти мотивы стоитъ заглянуть въ отчеты о преніяхъ вызванныхъ вопросомъ о центральной меріи въ засѣданіи палаты депутатовъ 10 сего ноября.

Нужно замѣтить что хотя *дума* имѣется въ Парижѣ,—муниципальный совѣтъ,—но дума эта не обладаетъ *управой*, инструментомъ дѣйствія, и вотъ почему требуютъ превращенія муниципальнаго совѣта въ мерію.

Поддерживалъ вопросъ о меріи бывшій префектъ Сены, г. Флоке Онъ указывалъ на безвредность центральной меріи, увѣрялъ что муниципальный совѣтъ безъ исполнительной власти безсмыслица и предлагалъ, буде лучшее невозможно, подѣлить исполнительную власть между думой и правительствомъ, „предоставивъ меріи полицію вещей, а государству полицію людей."

Несмотря однако на этотъ соблазнительный компромиссъ, палата отвергла вопросъ о меріи въ Парижѣ, послѣ рѣчей депутата Спюллера и министра внутреннихъ дѣлъ. Что же они сказали такого что могло такъ повліять на республиканское собраніе что оно отказало даже въ просьбѣ отослать въ коммиссію предложеніе о меріи?

„Система общинной автономіи (говорилъ Спюллеръ), захотите ли вы того или нѣтъ, непремѣнно окончится устроеніемъ *парижской* республики во Французской республикѣ (*„очень хорошо!" на разныхъ скамьяхъ*). Этотъ проектъ *автономіи* имѣетъ *несомнѣнно революціонный характеръ*..."

Министръ внутреннихъ дѣлъ высказался еще опредѣленнѣе:

„...Нужно, говорилъ г. Вальдекъ-Руссо, чтобы палата сдѣлала выборъ между двумя слѣдующими положеніями: съ одной стороны, муниципальный совѣтъ, свободно избираемый, пользующійся всѣми прерогативами муниципальныхъ совѣтовъ, но не имѣющій въ своемъ распоряженіи собственнаго органа исполнительной власти; съ другой, муниципальный совѣтъ обладающій органомъ исполнительной власти" (то-есть мерія). Министръ высказался противъ послѣдняго: „намъ говорятъ что отказывать Парижу въ меріи значитъ не желать для Парижа выборнаго муниципальнаго совѣта, и прибавляютъ будто мы имѣемъ намѣреніе уничтожить этотъ муниципальный совѣтъ... Мы никогда не думали уничтожать муниципальный совѣтъ, но мы не согласны дать ему въ руки исполнительную власть." Далѣе министръ, припоминая слова защитника меріи, г. Флоке, сказалъ: „намъ говорятъ что мы напрасно стѣсняемся дать мерію столицѣ, что это вовсе не опасно, такъ какъ въ рукахъ правительства всегда довольно силы. Какъ! Неужели я долженъ вамъ объяснять что въ виду двухъ враждующихъ властей—меріи и администраціи—понадобится правительству самому вмѣшаться со всѣми своими силами чтобъ остановить борьбу? Да то-

гда уже не къ чему будетъ и спрашивать страну, хочетъ ли она сохранить данное правительство или нѣтъ! Было бы страннымъ прогрессомъ перейти отъ режима законности къ режиму грубой силы. Если можно не опасаться столкновеній между провинціальными меріями и центральною властью, то это потому что подобный конфликтъ легко бы разрѣшился въ виду неравенства борющихся силъ. Напротивъ, еслибы произошло столкновеніе между меромъ Парижа и правительствомъ, результаты были бы совсѣмъ другіе.“

Переходя къ доказательствамъ высказаннаго положенія, министръ продолжалъ: „нельзя оставлять безъ вниманія опытъ исторіи, а этотъ опытъ говоритъ что если можно безбоязненно допустить автономію маленькихъ провинціальныхъ общинъ, то отнюдь нельзя сказать того же про столицу.“ Въ доказательство г. Вальдекъ-Руссо сослался на слѣдующія попытки муниципальнаго совѣта Парижа переступить границы присвоенныхъ ему правъ: „муниципальный совѣтъ высказался за раздѣленіе церкви и государства, онъ выразилъ порицаніе префекту полиціи за мѣры принятыя къ охраненію порядка 23 мая и вторично 22 іюня, онъ высказался за упраздненіе полицейской префектуры, онъ потребовалъ амнистіи политическимъ преступникамъ Монсо-ле-Мина.“ Всѣ эти постановленія, говоритъ министръ, были уничтожены правительствомъ: „въ данный моментъ подобныя попытки муниципальнаго совѣта расширить кругъ своей власти не опасны, потому что у него нѣтъ теперь руки которая могла бы привести въ исполненіе его постановленія, но если въ его распоряженіи кромѣ языка будетъ и рука, то дѣла могутъ принять другой видъ!“ (*„очень хорошо!“ на большинствѣ скамей*).

Палата послушалась министра и отвергла проектъ центральной меріи. Республиканскую палату испугала возможность столкновенія думы съ администраціей, и автономію городскую, которую считаетъ возможною для провинцій, признала опасною для столицы. Палата нашла что за городскимъ совѣтомъ столицы можно оставить только „языкъ“, а „рукъ“ ему не давать: пока онъ только болтаетъ, его можно не слушать...

Что касается нашихъ автономныхъ учрежденій, то они далеко опередили западъ: парижскій муниципальный совѣтъ выразилъ порицаніе префекту полиціи за мѣры принятыя имъ къ охраненію порядка... А наши думы идутъ дальше: еще не такъ давно газеты сообщали что дума города Череповца, по предложенію одного изъ своихъ членовъ, постановила выразить порицаніе правительству Англіи за мѣры принимаемыя имъ къ подавленію феніанскаго движенія въ Ирландіи...

Б.

Отвѣтный визитъ германскаго наслѣднаго принца королю Испанскому, долженствующій состояться на дняхъ, снова выдвинулъ на первый планъ вопросъ объ отношеніяхъ между Испаніей и Германіей. Не говоря уже о печати французской, поѣздка эта комментируется всѣми германскими, испанскими и австрійскими газетами. Въ германскихъ газетахъ замѣтно стремленіе показать что поѣздка наслѣднаго принца есть весьма крупное политическое событіе. Вотъ что пишетъ по этому поводу *Крестовая Газета*, которую въ послѣднее время почему-то считаютъ органомъ двора кронпринца: „Поѣздка кронпринца имѣетъ особенно важное значеніе (besonders bedeutungsvoll), ибо это есть шагъ къ расширенію великаго союза мира, основаніе коему положено въ 1879 году.“ На ряду съ этимъ интересно сообщеніе офиціознаго испанскаго агентства *Fabra*, по словамъ коего австрійскія и германскія газеты придающія поѣздкѣ германскаго наслѣднаго принца политическое значеніе находятся въ грубомъ заблужденіи; при этомъ указывается на то что Испанія есть конституціонное государство для котораго свиданія монарховъ не могутъ имѣть особеннаго значенія. Либеральныя испанскія газеты, служащія въ настоящее время органами нѣсколькихъ испанскихъ министровъ, высказываются еще рѣзче и жалуются что Германія старается втянуть Испанію въ союзъ.

Въ австрійской печати сужденія о поѣздкѣ германскаго наслѣднаго принца гораздо сдержаннѣе, что отчасти объясняется тѣмъ что общественное мнѣніе Австріи, въ особенности Венгріи, относится ко Франціи сочувственно, какъ это неоднократно высказывалось и въ парламентахъ и въ делегаціяхъ. Офиціозный *Fremdenblatt* полагаетъ, и мнѣніе это намъ кажется вполнѣ основательнымъ, что поѣздка германскаго

наслѣднаго принца въ Мадридъ есть прежде всего acte de courtoisie. Визиты у коронованныхъ особъ, говоритъ газета, какъ и въ обыкновенномъ обществѣ, обязываютъ къ отвѣтнымъ визитамъ; въ виду этого весьма естественно де что за невозможностію поѣхать въ Испанію самому императору Вильгельму, для котораго поѣздка эта была бы слишкомъ утомительна, исполненіе долга вѣжливости взялъ на себя наслѣдный принцъ въ качествѣ представителя императора. Совершенно вѣрно, замѣчаетъ далѣе газета, что скорѣе бросилось бы въ глаза еслибы визитъ не былъ отданъ королю Альфонсу. Говоря объ отношеніяхъ Германіи къ Испаніи, офиціозная австрійская газета замѣчаетъ что король Альфонсъ въ пріѣздъ свой въ Германію не искалъ союза (alliance) или какихъ-либо обязательныхъ сдѣлокъ и ему никто таковыхъ не предлагалъ. Король Альфонсъ желалъ де нѣсколько сблизиться съ центральными европейскими державами поставившими себѣ цѣлью сохраненіе мира, и этимъ показать что Испанія также не хочетъ „политики приключеній“ и желаетъ послужить дѣлу мира.

Хорошо то что и въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ повидимому искренно убѣдились что со стороны Россіи миру Европы не угрожаетъ никакой опасности. Тонъ не только берлинскихъ, но и вѣнскихъ офиціозныхъ газетъ сталъ гораздо сдержаннѣе, сужденія ихъ о русской политикѣ трезвѣе. Свиданіе нашего министра иностранныхъ дѣлъ съ германскимъ канцлеромъ, надо полагать, разсѣетъ и послѣднія недоразумѣнія между Россіей и Германіей если таковыя вообще были не въ однѣхъ только сенсаціонныхъ газетныхъ статьяхъ.

Опасность европейскому миру, по мнѣнію берлинскихъ офиціальныхъ сферъ, можетъ въ настоящее время угрожать только со стороны Франціи, въ особенности если принять въ разчетъ внутреннее непрочное положеніе французскихъ дѣлъ, отразившееся не разъ весьма вредно на ея иностранной политикѣ. Сближеніе между Германіей и Испаніей имѣетъ значеніе какъ фактъ долженствующій разрушить нѣкоторыя иллюзіи поборниковъ *отместки*, мечтающихъ о коалиціи романскихъ народовъ. Для Германіи, кромѣ того, оно имѣетъ важное значеніе и съ точки зрѣнія ея торговыхъ интересовъ. Но угрозы Франціи въ этомъ сближеніи и въ поѣздкѣ германскаго наслѣднаго принца нельзя конечно усмотрѣть: это не угроза, а только—предостереженіе...

№ 311.

Москва, 8-го ноября.

Ниже читатели найдутъ во многихъ отношеніяхъ заслуживающую вниманія статью г. Зарина: „Какъ помочь нашему желѣзному и стальному дѣлу.“ Этотъ вопросъ стоитъ теперь на очереди, какъ видно уже изъ назначенія особой правительственной коммиссіи „для разсмотрѣнія вопроса о развитіи стале-рельсоваго дѣла въ Россіи, а также и объ обложеніи пошлиной иностраннаго чугуна и минеральнаго топлива,“ о чемъ было сообщено въ № 277 *Московскихъ Вѣдомостей*. Въ виду этого, факты и соображенія приводимые въ статьѣ г. Зарина получаютъ особый интересъ; тѣмъ не менѣе однако, съ нѣкоторыми изъ этихъ соображеній трудно было бы безусловно согласиться.

Основная мысль автора, о необходимости у насъ устройства стале-дѣлательныхъ заводовъ работающихъ на чугунѣ добываемомъ изъ собственныхъ рудъ, не на окраинахъ, а въ срединныхъ областяхъ страны, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ нашими неистощимыми каменноугольными залежами, не подлежитъ спору. Но едва ли можетъ выдержать критику предлагаемое имъ средство помочь возникновенію столь желательныхъ заводовъ. Это сомнительное, по нашему мнѣнію, средство должно де состоять въ 5-процентной правительственной гарантіи по акціямъ и паямъ которые будутъ выпускаемы предпринимателями для учрежденія стале-дѣлательныхъ заводовъ въ мѣстностяхъ гдѣ особенно требуется безотлагательное основаніе такихъ заводовъ.

Нельзя не признать заманчивыхъ сторонъ предлагаемой системы поощреній. По сдѣланному авторомъ разчету, предлагаемая имъ система обойдется казнѣ, даже при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ малодоходности предпріятій, въ пять разъ дешевле того во что обходится система премій установленная закономъ 14 марта 1876. Съ другой стороны, рекомендуемая правительственная гарантія представляла бы для предпринимателей ту особенно важ-

ную выгоду что она, такъ сказать, обезпечивала бы имъ полученіе крупныхъ казенныхъ заказовъ. Гарантировавъ доходность завода, казна была бы заинтересована въ томъ чтобъ у него не было недостатка въ работѣ, недостатка который былъ бы прямымъ убыткомъ не хозяевамъ завода,—они все равно получатъ 5% на складочный капиталъ, но государственному бюджету, изъ котораго пополнялись бы всѣ заводскіе недочеты.

Это послѣднее обстоятельство можетъ на практикѣ совершенно извратить все значеніе предлагаемой системы поощреній. Дешевое тутъ можетъ сойти на дорогое, и умѣренная гарантія можетъ обойтись дороже высокихъ премій. Подписка на гарантированные паи или акціи, конечно, шла бы успѣшнѣе нежели на негарантированные; сборъ капиталовъ нужныхъ на учрежденіе заводовъ былъ бы такимъ образомъ облегченъ. Но не въ сборѣ капитала суть дѣла, а въ успѣшной дѣятельности поощряемыхъ заводовъ. Дастъ ли примѣненная къ нимъ система гарантій увѣренность въ томъ что заводы пойдутъ успѣшно, что управленія заводовъ найдутъ въ этой системѣ серіозныя побужденія стараться, съ одной стороны, всячески улучшать производство, съ другой — вести дѣло сколь возможно экономнѣе въ хозяйственномъ отношеніи?

Система гарантій и ея результаты достаточно извѣстны въ области желѣзнодорожнаго хозяйства. Сколько дорогъ видѣли въ гарантіяхъ лишь побужденіе вести дѣло спустя рукава, не заботясь особенно ни объ увеличеніи доходности линій, ни о сокращеніи расходовъ эксплуатаціи! Зачѣмъ усердно хлопотать объ увеличеніи доходовъ и сокращеніи расходовъ, когда и акціонеры, и облигаціонеры дороги во всякомъ случаѣ получатъ гарантированные имъ проценты на ихъ капиталы? Не то ли же самое можетъ случиться и съ гарантированными стале-дѣлательными заводами? Можно опасаться даже что гарантированное заводское дѣло обернется много хуже желѣзнодорожнаго. Какъ ни слабъ почти отсутствующій правительственный контроль надъ желѣзными дорогами, въ огражденіе казеннаго интереса, но этотъ контроль возможенъ, и онъ можетъ быть устроенъ и обставленъ такъ что получитъ на практикѣ серіозное значеніе. Устройство дѣйствительнаго, а не мнимаго казеннаго контроля надо всею хозяйственною и коммерческою частью каждаго завода несравненно труднѣе. Это, полагаемъ, подтвердитъ каждый не ищущій для себя гарантіи фабрикантъ и заводчикъ. Установленіе дѣйствительнаго контроля надъ частнымъ заводскимъ предпріятіемъ не было бы для правительства дѣломъ болѣе легкимъ чѣмъ прямое учрежденіе заводовъ на свой счетъ и казенная ихъ эксплуатація. И по нашему мнѣнію просто казенные заводы предпочтительнѣе заводовъ гарантированныхъ: на первыхъ казенное управленіе платится по крайней мѣрѣ за свои собственные грѣхи, на вторыхъ ему пришлось бы платиться за грѣхи чужіе; на первыхъ оно каждую минуту можетъ пресѣчь замѣченное злоупотребленіе и ввести всякое улучшеніе, на вторыхъ достиженію этихъ цѣлей должны предшествовать своего рода дипломатическія сношенія съ хозяевами предпріятія, съ которыми на каждомъ шагу нужно торговаться.

Но конечно не учрежденіемъ казенныхъ заводовъ можетъ быть двинуто впередъ развитіе стальнаго и вообще металлическаго производства въ Россіи. Положимъ, по отношенію къ изготовленію нѣкоторыхъ принадлежностей вооруженія арміи и флота, можно, по многимъ соображеніямъ, прямо отдать преимущество казеннымъ заводамъ. Но исключенія не правило, и въ общемъ металлическое производство можетъ сдѣлать желаемые успѣхи лишь въ частныхъ рукахъ, предоставленное предпринимателямъ дѣйствующимъ на собственный страхъ, при равныхъ для всѣхъ условіяхъ взаимной ихъ конкурренціи.

Этого столь важнаго равенства условій до сихъ поръ не было, въ чемъ и заключается одна изъ причинъ ненормальнаго хода и слабаго развитія у насъ металлической промышленности. Она поощрялась у насъ и попудными преміями, и большими казенными заказами на многіе милліоны рублей. Но этими поощреніями пользовалась не металлическая промышленность en masse, а лишь небольшая горсть предпринимателей успѣвшихъ выхлопотать ихъ для себя и укрѣпиться въ своемъ привилегированномъ положеніи. При такихъ условіяхъ, и преміи, и казенные заказы сдѣлались не поощреніемъ, а тормазомъ нашего металлическаго производства, затрудняя и дѣлая даже невозможною кон-

курренцію непривилегированныхъ заводовъ съ привилегированными и задерживая тѣмъ возникновеніе новыхъ. Это важное неудобство, думаемъ, могло бы быть устранено еслибы сказанныя поощренія были равномѣрно распредѣлены на всѣхъ металлическихъ заводчиковъ, еслибъ ежегодные казенные заказы правильно разверстывались между всѣми желающими и способными исполнять оные, и если каждый пудъ рельсовъ или иного премируемаго товара, удовлетворяющій установленнымъ условіямъ, одинаково обезпечивалъ бы всѣмъ безъ исключенія производителямъ полученіе за производство преміи, такъ чтобы каждый учредитель новаго завода могъ впередъ твердо разчитывать, въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ, и на свою долю въ казенныхъ заказахъ, и на полученіе премій наравнѣ со своими конкуррентами.

Сомнительно, однако, чтобы разъ ошибочно поставленная и укрѣпившаяся въ принятомъ направленіи металлическая промышленность скоро стала на надлежащій путь и получила бы успѣшный ходъ при соблюденіи только условія равенства для всѣхъ въ пользованіи установленными правительственными поощреніями. Для того чтобы выпрямить погнутое въ одну сторону нужно погнуть его въ другую. Если специально поощрялось устройство сталедѣлательныхъ заводовъ на окраинахъ страны, гдѣ они не могли работать иначе какъ на привозномъ изъ-за границы матеріалѣ, то для противовѣса нужно спеціально поощрить устройство заводовъ въ ближайшемъ, непосредственномъ сосѣдствѣ съ нашими столь давно ожидающими разработки рудными и каменноугольными залежами, гдѣ никому и на умъ не придетъ работать не на своемъ подручномъ, а на привозномъ изъ чужи матеріалѣ. Такимъ спеціальнымъ поощреніемъ было бы наложеніе достаточной таможенной пошлины на привозные чугунъ и каменный уголь, съ соотвѣтственнымъ, въ чемъ представится нужнымъ, измѣненіемъ всей лѣстницы пошлинъ на привозные металлы и металлическія издѣлія. Достаточнымъ же размѣромъ пошлины на чугунъ, полагаемъ, былъ бы такой при которомъ для окраинныхъ стальныхъ заводчиковъ не было бы разчета выписывать иностранный чугунъ какъ болѣе дешевый, а было бы напротивъ выгоднѣе покупать чугунъ домашняго производства.

Работавшіе долгое время на безпошлинномъ, а въ послѣднее время на оплачиваемомъ ничтожною пошлиной привозномъ чугунѣ, окраинные заводчики естественно являются ревностными противниками наложенія пошлины на нужный имъ матеріалъ. Защищая иностранный чугунъ, они постоянно опирались преимущественно на тотъ аргументъ что русскаго чугуна въ требуемомъ количествѣ не имѣется. Да, не имѣется, потому что на него нѣтъ спроса по тѣмъ цѣнамъ какъ онъ у насъ въ настоящую пору можетъ производиться. Не было у насъ и своихъ стальныхъ рельсовъ пока они требовались по заграничнымъ цѣнамъ. Но была установлена премія на рельсы русскаго производства, даны были заказы на эти рельсы, и устройство рельсовыхъ заводовъ не заставило себя ждать. Будетъ наложена достаточная пошлина на привозный чугунъ, установится благодаря этой пошлинѣ премія въ пользу русскаго чугуна, явится спросъ на этотъ чугунъ, — и точно также не заставятъ ждать себя чугуноплавильные заводы, устройство коихъ изъ дѣла убыточнаго, какъ донынѣ, обратится въ выгодное.

Съ установленіемъ достаточныхъ пошлинъ на чугунъ и уголь, при равномѣрности въ пользованіи выгодами казенныхъ заказовъ и премій и съ устраненіемъ всѣхъ возникшихъ въ этомъ дѣлѣ привилегій отдѣльныхъ предпринимателей, стале-дѣлательное производство, полагаемъ, стало бы въ условія обезпечивающія его развитіе. Простой разчетъ побуждалъ бы предпринимателей устраивать стале-дѣлательные заводы преимущественно тамъ гдѣ особенно дешевы чугунъ и уголь, то-есть какъ можно ближе къ мѣстамъ ихъ добыванія. Чѣмъ ближе къ нимъ, чѣмъ дешевле матеріалъ производства, тѣмъ больше выгоды отъ казенныхъ премій и заказовъ, тѣмъ вообще легче конкурренція съ заводами хотя и окрѣпшими, но устроенными тамъ гдѣ они не могутъ находиться въ непосредственной связи съ родною почвой. Для хозяевъ этихъ послѣднихъ заводовъ явится такимъ образомъ побужденіе переносить свою дѣятельность оттуда гдѣ она могла быть лишь эфемерною туда гдѣ имѣются для нея залоги прочнаго и непрерывнаго развитія. Такой исходъ для окраинныхъ заводовъ, въ близкомъ или дальнемъ будущемъ, былъ бы, кажется,

всего желательнѣе. Эти передѣлочные заводы, выращенные искусственно, какъ бы въ тепличной атмосферѣ, уже сдѣлали свое дѣло, воспитали массу спеціалистовъ и заводскихъ рабочихъ. Но пора уже высадить ихъ на вольный воздухъ, туда гдѣ открытъ безграничный просторъ ихъ росту и распространенію.

№ 312.

Москва, 9-го ноября.

Вчера телеграфъ принесъ намъ извѣстіе о назначеніи г. Жюля Ферри министромъ иностранныхъ дѣлъ Французской республики. Одновременно съ этимъ назначеніемъ офиціозное *Агентство Гаваса* возвѣстило о возобновленіи переговоровъ Франціи съ Китаемъ, считавшихся окончательно прерванными послѣ рѣзкой ноты маркиза Цзенга отъ 6 ноября нов. ст. Тонкинскій вопросъ вступилъ, слѣдовательно, въ новую фазу.

Г. Жюль Ферри проявляетъ въ настоящее время большую энергію и самоувѣренность. Онъ повидимому пытается осуществить неудавшійся планъ покойнаго Гамбетты, то-есть создать сильную правительственную власть.

Г. Ферри не разъ уже высказывалъ что Китай тотчасъ же понизитъ свои требованія, какъ только увидитъ во Франціи „серіознаго противника, желающаго мира, но полагающаго что лучшее средство для обезпеченія мира заключается въ томъ чтобы не бояться войны.“ Поэтому г. Ферри надѣется что маркизъ Цзенгъ сдѣлается весьма сговорчивымъ если Китайское правительство убѣдится что Франція не только не думаетъ отказаться отъ Тонкина, но что на дняхъ будутъ отправлены значительныя подкрѣпленія въ распоряженіе адмирала Курбе, дабы окончательно и прочно укрѣпить вліяніе Франціи на границахъ Небесной Имперіи. Но для того чтобы Китайцы уважили энергическую политику Франціи, энергія должна быть серіозная, а не фиктивная. Весь вопросъ сводится слѣдовательно къ тому, располагаетъ ли г. Ферри достаточными силами чтобы довести свою „энергическую“ политику до благополучнаго конца?

Палата депутатовъ выразила, правда, 31 октября, по предложенію г. Поля Бера, одобреніе министерству за его образъ дѣйствій въ Тонкинскомъ вопросѣ, но самый способъ какимъ г. Жюлю Ферри пришлось выманить это одобреніе у палаты и дальнѣйшія событія ясно обнаружили шаткость положенія кабинета.

Пренія о тонкинскихъ дѣлахъ продолжались два дня, 30 и 31 октября. Въ первый изъ этихъ дней, на яростныя нападки радикаловъ Гране и Жоржа Перена отвѣчалъ лишь министръ иностранныхъ дѣлъ г. Шаллемель-Лакуръ; отвѣтъ его былъ блѣденъ и безсодержателенъ, онъ съ такою наивностью каялся въ своихъ заблужденіяхъ относительно честности „коварнаго Китая,“ что дѣло министерства казалось окончательно проиграннымъ, и самые искренніе друзья г. Жюля Ферри уже отчаявались въ спасеніи кабинета. Второй день преній начался рѣчью главы радикальной партіи, извѣстнаго доктора Клемансо, который уже заранѣе торжествовалъ свою побѣду надъ министерствомъ. Онъ изобразилъ всѣ ужасы далекой войны на востокѣ, къ которой несомнѣнно ведетъ Францію „искатель приключеній,“ г. Ферри, и совѣтовалъ депутатамъ такъ же благоразумно отказаться въ 1883 году отъ Тонкина какъ они, по его же, Клемансо, совѣту отказались въ 1882 году отъ Египта. Когда послѣ рѣчи этого „истиннаго пророка истинной демократіи,“ какъ его величаютъ радикалы, на ораторской трибунѣ появился со спокойною и презрительною улыбкой самъ г. Ферри, депутаты притаили дыханіе, недоумѣвая какъ выпутается онъ изъ своего затруднительнаго положенія. Г. Ферри произнесъ небольшую рѣчь которая резюмируется въ слѣдующихъ словахъ: „Насъ пугаютъ войной съ Китаемъ, но Китай и не думаетъ воевать съ нами. Маркизъ Цзенгъ отличается, правда, большою заносчивостью, но Китайское правительство вовсе не одобряетъ этой заносчивости.“ — „А гдѣ же доказательства?“ прервало его нѣсколько голосовъ. Г. Ферри вынулъ изъ кармана бумажку и спокойно сказалъ: „Вы требуете доказательствъ, вотъ они: 29 октября я получилъ вотъ эту депешу изъ Кантона отъ нашего уполномоченнаго г. Трику, въ которой онъ мнѣ сообщаетъ слѣдующее: „„Ли-Хунъ-Чанъ былъ у меня какъ разъ „предъ моимъ отъѣздомъ и убѣдительно „просилъ меня остаться. Я ему отвѣтилъ „что состояніе моего здоровья вынуждаетъ

„меня покинуть Китай. Я сегодня вечеромъ уѣзжаю на *Вольтѣ*. Вице-король „(Ли-Хунъ-Чанъ) очень безпокоится. *Онъ* „*сильно порицаетъ маркиза Цзенга.*““

Трудно представить себѣ какой подавляющій эффектъ произвела эта депеша на депутатовъ. Палата огласилась громомъ рукоплесканій, враги кабинета не знали что отвѣтить, и когда г. Ферри кончилъ свою рѣчь и г. Поль Беръ предложилъ выразить министерству одобреніе и довѣріе, то предложеніе это было принято 339 голосами противъ 160.

Но уже на другой день послѣ этой побѣды стало очевиднымъ какъ мало она надежна. „Почему, спрашивали себя депутаты, г. Ферри заявилъ о существованіи депеши г. Трику только 31 октября, какъ разъ предъ баллотировкой? Почему о ней ни словомъ не заикнулся 30 октября г. Шалемель-Лакуръ? Вѣроятно для того чтобы не дать намъ времени провѣрить основательность депеши.“ Радикалы стали даже прямо сомнѣваться въ подлинности документа, прочитаннаго съ такимъ театральнымъ эффектомъ. А когда 1 ноября маркизъ Цзенгъ заявилъ лично отъ себя протестъ противъ вѣрности содержанія депеши, а 6 ноября даже адресовалъ формальную ноту г. Жюлю Ферри, въ которой сообщилъ что Китайское правительство и Ли-Хунъ-Чанъ протестуютъ противъ увѣреній г. Трику и вполнѣ одобряютъ образъ дѣйствій маркиза, негодованіе враговъ г. Ферри не знало уже предѣловъ. Рошфоръ и Клемансо назвали его въ своихъ газетахъ „мошенникомъ, составителемъ подложныхъ документовъ, употребившимъ во зло довѣріе народа,“ и указывали на него какъ на негодяя „котораго долженъ ненавидѣть всякій честный гражданинъ.“ Нашелся даже одинъ изъ этихъ „честныхъ гражданъ,“ булочникъ Кюріанъ, ворвавшійся 4 (16) ноября въ квартиру г. Ферри съ цѣлью умертвить его.

Но не одни радикалы возмутились противъ министра-президента. Даже г. Поль Беръ, предложившій 31 октября выразить одобреніе Жюлю Ферри, заявилъ 3 (15) ноября что онъ одобрилъ его только въ виду депеши г. Трику, но что онъ вовсе не думалъ одобрять войну съ Китаемъ. А мнѣніе Поля Бера имѣетъ теперь важное значеніе для г. Ферри, такъ какъ антиклерикальный профессоръ физіологіи только что избранъ предсѣдателемъ Республиканскаго Союза, то-есть той партіи во главѣ коей стоялъ покойный Гамбетта и на которую г. Ферри разсчитываетъ опираться.

На дняхъ палата депутатовъ должна будетъ высказаться о новомъ кредитѣ въ девять милліоновъ франковъ необходимыхъ для продолженія Тонкинской экспедиціи. Газеты предсказываютъ что пренія по поводу этого кредита будутъ имѣть дурной характеръ и что министерство снова окажется въ опасности. Какое средство придумаетъ теперь г. Ферри для своего спасенія? Не для того ли онъ поспѣшилъ возобновить переговоры съ маркизомъ Цзенгомъ чтобы какъ-нибудь задобрить его и затѣмъ снова сообщить депутатамъ предъ баллотировкой какую-нибудь успокоительную вѣсть, не рискуя на этотъ разъ получить démenti отъ маркиза? Но можетъ ли при такихъ условіяхъ быть рѣчь о какой-либо энергической иностранной политикѣ? Г. Ферри можетъ импонировать маркизу Цзенгу только опираясь на парламентское большинство; а большинствомъ онъ можетъ заручиться только посредствомъ театральныхъ эффектовъ въ парламентѣ или посредствомъ униженія предъ тѣмъ же маркизомъ Цзенгомъ, котораго требуется устрашить своею энергіей.

№ 313.

Москва, 10-го ноября.

Читатели найдутъ ниже письмо „одного изъ учредителей Русско-Американскаго общества“ служащее возраженіемъ на наши статьи по вопросу объ этомъ обществѣ. Можетъ-быть и для автора, и для насъ было бы лучше не печатать его и не обременять двухъ нумеровъ нашей газеты обширною, но не проливающею на дѣло новаго свѣта статьей и вызываемыми ею необходимыми съ нашей стороны разъясненіями. Но лицо доставившее намъ это письмо настаивало на его напечатаніи, и мы исполняемъ его желаніе, подтвержденное телеграммой отъ вчерашняго числа.

Въ сущности письмо учредителя отвѣтомъ на наши статьи не служитъ. Авторъ его имѣлъ въ виду только статьи помѣщенныя въ №№ 300 и 301 *Московскихъ Вѣдомостей*, и совсѣмъ не принялъ во вниманіе статей по тому же предмету напечатанныхъ въ №№ 304, 306, 307 и 308

(послѣдняя уже читалась въ Петербургѣ 7 ноября, за два дня до полученія нами вышеупомянутой телеграммы). Этимъ объясняются отчасти нѣкоторыя сдѣланныя учредителемъ замѣчанія, отъ которыхъ онъ, полагаемъ, воздержался бы, еслибы прочиталъ не одинъ только приступъ къ изложенію нашихъ взглядовъ на элеваторное дѣло, но и самое это изложеніе.

Между прочимъ, письмо учредителя начинается обращаемымъ къ намъ укоромъ что мы, признавая необходимость элеваторовъ для Россіи и въ то же время возставая противъ разрѣшенія Русско-Американскаго общества, не представили плана какъ же устроить у насъ элеваторное дѣло помимо проекта этого Общества. Но требуемый планъ—въ какой мѣрѣ удовлетворительный, это другой вопросъ, и по этому предмету мы еще будемъ говорить—изложенъ нами въ №№ 306 и 307 нашей газеты. Мы указали на необходимость государственной иниціативы въ устройствѣ у насъ элеваторовъ, оговоривъ что устройство ихъ отъ казны можетъ потребоваться лишь въ немногихъ пунктахъ, въ портовыхъ городахъ и на главныхъ внутреннихъ перегрузочныхъ пристаняхъ, гдѣ захватъ удобныхъ для элеваторовъ мѣстъ можетъ создать для частнаго предпринимателя монопольное положеніе. Мы указали затѣмъ на особо уважительныя обстоятельства побуждающія желать чтобы по всему протяженію рельсовой сѣти устройство элеваторовъ было дѣломъ преимущественно самихъ желѣзныхъ дорогъ, причемъ это устройство „должно быть не только предоставлено желѣзнымъ дорогамъ, но *прямо вмѣнено имъ въ обязанность*,“ ибо только съ устройствомъ элеваторовъ на всѣхъ станціяхъ принимающихъ хлѣбные грузы желѣзныя дороги будутъ въ должной мѣрѣ исполнять свое полезное назначеніе, и только при устройствѣ сѣти раскиданныхъ по всѣмъ станціямъ элеваторовъ услуги ихъ могутъ быть подручны и выгодны для сельскихъ хозяевъ. Затѣмъ уже, какъ дополненіе къ сѣти государственныхъ (казенныхъ и желѣзнодорожныхъ) элеваторовъ, можетъ быть разрѣшено устройство ихъ и всѣми иными предпринимателями, съ тѣмъ однако чтобъ и частныя и общественныя предпріятія въ этомъ родѣ регулировались правительствомъ. Такова сущность предложенаго нами плана. Этотъ ли планъ или русско-американскій проектъ болѣе соотвѣтствуетъ ощущаемой потребности въ складахъ и полнѣе ее удовлетворяетъ?

Точно также только непрочтеніемъ нашихъ статей объ элеваторахъ можетъ быть объяснено сдѣланное авторомъ замѣчаніе будто мы пришли къ убѣжденію что монополіи во всей Россіи у общества „быть не можетъ.“ Нѣтъ, мы пришли къ убѣжденію прямо противоположному и, полагаемъ, обстоятельно изложили его въ № 308 нашей газеты. Далѣе, еслибъ авторъ возраженія прочелъ наши статьи, онъ не сказалъ бы что „всѣ разсужденія *Московскихъ Вѣдомостей*, а равно и содержаніе письма ихъ корреспондента относятся *единственно* до вычисленія размѣра расходовъ на подвозъ зерна въ портовые склады и на его погрузку въ корабли...“

Въ виду вышесказаннаго, письмо „одного изъ учредителей“ утрачиваетъ всякую силу какъ опроверженіе нашихъ взглядовъ съ которыми онъ не успѣлъ ознакомиться. Но это письмо могло бы имѣть значеніе само по себѣ какъ разъясненіе туманныхъ сторонъ дѣла лицомъ берущимся за это дѣло и конечно знающимъ за что онъ берется. Но авторъ отчасти самъ лишаетъ свое письмо и этого значенія. „Пишущій эти строки,“ говоритъ авторъ о самомъ себѣ, „никакихъ познаній по технической части не имѣетъ.“ Будучи однимъ изъ учредителей элеваторнаго предпріятія, онъ не въ состояніи сказать какія именно услуги будетъ оказывать это предпріятіе, будутъ ли его элеваторы просушивать хлѣбъ за общую максимальную 40-копѣечную таксу, или не будутъ. Онъ можетъ только догадываться что можетъ-быть отчасти и будутъ, выводя такое заключеніе не изъ дѣйствительныхъ намѣреній элеваторнаго общества, коего онъ состоитъ учредителемъ, но изъ восьмой страницы книги изданной въ прошломъ году профессоромъ Николаевской Инженерной Академіи и С.-Петербургскаго Практическаго Технологическаго Института, г. Петровымъ. Къ сожалѣнію, ссылка на восьмую страницу оказывается для автора письма крайне неудачною: изъ нея никакъ нельзя вывести то что онъ выводитъ, а можно вывести лишь противоположное. Неясность вопроса о просушкѣ зерна происходитъ отъ незнанія, обѣщаютъ ли учредители дѣйствительную просушку и провѣтриваніе его, или же обѣщаютъ только такую просушку и провѣтриваніе какія возможны во время самой операціи подъема

зерна на вершину элеватора. Первое обѣщаніе имѣло бы нѣкоторую цѣну, второе *никакой цѣны не имѣетъ*, ибо операція подъема каждаго черпака, то-есть каждой $^1/_4$ или $^1/_3$ четверика зерна, продолжается лишь около $^1/_7$ секунды *)—время, въ которое никакой просушки произойти не можетъ. Знающій дѣло, г. Петровъ не могъ внести и не внесъ просушку и провѣтриваніе въ число операцій которымъ подвергается зерно *при пріемѣ въ магазинъ*. Загляните на восьмую страницу его книги, и увидите что лишь при исчисленіи операцій которымъ подвергается зерно *во время храненія въ магазинѣ* упомянуто о томъ что „зерно болѣе или менѣе часто охлаждается.“ Что же побудило автора письма затемнять дѣло смѣшеніемъ операцій пріема зерна съ операціями его храненія и говорить о „провѣяніи его посредствомъ сильной струи воздуха,“ когда вопросъ можетъ быть рѣшенъ лишь прямымъ отвѣтомъ учредителей: „да, это мы обѣщаемъ,“ или: „нѣтъ, мы этого не обѣщаемъ?“

Не лучше чѣмъ съ восьмою страницей книги г. Петрова обошелся авторъ возраженія и съ цифровыми данными приведенными нашимъ корреспондентомъ касательно оцѣнки перегрузочныхъ расходовъ и сравненія этихъ расходовъ съ 40-копѣечнымъ максимальнымъ тарифомъ компаніи. Цифры вообще требуютъ точности, тѣмъ болѣе въ данномъ случаѣ, когда и учредитель признаетъ что нельзя не согласиться съ нами въ томъ что „плата за услуги элеваторовъ играетъ въ этомъ дѣлѣ самую важную роль,“ и что „вопросъ объ удовлетворительности обезпеченія торговли въ этомъ отношеніи имѣетъ опредѣляющее значеніе“. Какого же рода цифровой разчетъ находимъ въ возраженіи учредителя для доказательства что 40-копѣечный тарифъ будто бы не высокъ?

Прежде учредители восхваляли свой 40-копѣечный тарифъ сравненіемъ его съ несуществующею, анекдотическою цифрой 1 руб. 84 коп.; теперь они защищаютъ тотъ же тарифъ тѣмъ что онъ только на 6 коп. выше тѣхъ 34 коп. въ которыя будто бы нашъ корреспондентъ N оцѣнилъ нынѣшнюю стоимость перегрузки одной четверти хлѣба въ Одессѣ. Но на самомъ дѣлѣ г. N опредѣлилъ стоимость перегрузки не въ 34 к. (отъ $25,_{17}$ до $42,_{17}$), но въ 24 к. (отъ $15,_{17}$ до $32,_{17}$); вотъ что писалъ онъ въ № 300 *Моск. Вѣд.*:

...„Всѣ расходы по магазинажу, по доставкѣ въ магазины съ желѣзнодорожной станціи, по доставкѣ изъ магазиновъ въ портъ и по нагрузкѣ въ корабли въ портѣ составляютъ отъ $25,_{17}$ к. до $42,_{17}$ к.

„Прежде чѣмъ сравнивать эти цифры съ элеваторною цѣной въ 40 коп., необходимо замѣтить что въ составъ ихъ входитъ перевозка изъ магазиновъ въ портъ, стоящая 10 к. съ четверти: расходъ этотъ останется и при элеваторѣ, независимо отъ 40 к., такъ какъ элеваторъ, по самому назначенію своему, долженъ быть устроенъ въ портѣ и не можетъ обойтись безъ подвозки къ нему хлѣба отъ товарной станціи, за что желѣзная дорога взимаетъ 10 к. за четверть. Поэтому съ цифрою элеваторовъ въ 40 к. надобно сравнивать предыдущія числа уменьшенныя на 10 к., то-есть взять для сравненія $15,_{17}$—$32,_{17}$ к. и ихъ сравнивать съ 40 к.“

Вопреки заявленію учредителя 40-копѣечный тарифъ оказывается не на 6, а на 16 коп. выше нынѣшняго перегрузочнаго расхода.

Почти вся печатаемая сегодня часть возраженія посвящена цифрамъ, и авторъ его признаетъ рѣшающее значеніе цифръ въ этомъ дѣлѣ; тѣмъ не менѣе онъ не желаетъ „входить въ повѣрку“ исчисленій доказывающихъ накладность 40-копѣечнаго тарифа для русскаго хлѣба и „оставляетъ въ сторонѣ эти пререканія.“ Но устраняясь отъ пререканій и не входя въ повѣрку, учредитель мимоходомъ набрасываетъ тѣнь сомнѣнія на приведенныя г. N провѣренныя цифровыя данныя, отстаивая мнимую точность пресловутой одесской телеграммы, гласившей что въ Одессѣ одинъ расходъ „на мѣшки, просушку и проч. составляетъ 10—12 коп. съ пуда.“ Нашъ корреспондентъ N замѣтилъ что вѣроятно телеграмма прочитана невѣрно, что расходъ въ 10—12 коп. опредѣленъ не съ пуда, а съ четверти. „Какъ же это такъ?“ восклицаетъ авторъ возраженія,—

„Одни мѣшки, поставленные въ этомъ случаѣ на первомъ планѣ, стоятъ, джутовые, по меньшей мѣрѣ по 18 коп. за пять пудовъ, слѣдовательно по 36 коп. на десятипудовую четверть пшеницы, а весь расходъ, съ присовокупленіемъ многихъ дру-

*) *Перегрузка и храненіе хлѣбнаго зерна,* Н. Петрова, стр. 75 и 76.

гихъ статей, исчисляется въ 10—12 коп. на четверть! Это какая-то особенная ариѳметика, въ уясненіи себѣ которой мы совсѣмъ теряемся!“

Чтобы помочь найтись въ этой ариѳметикѣ мало знакомому съ техникой хлѣбнаго дѣла учредителю, мы позволимъ себѣ привести слѣдующія строки изъ статьи хлѣбнаго торговца, г. Иванюшенкова, писанной болѣе года тому назадъ:

„Пеньковый и льняной мѣшокъ, какъ мы это видимъ на практикѣ, выдерживаетъ у насъ подъ насыпкой девять транспортировокъ, джутовый же болѣе трехъ разъ подъ насыпкой зерна никоимъ образомъ не ходитъ, да и то въ третій разъ бываетъ огромный *раструсъ* (розсыпь, потеря). Взявъ среднюю цѣну русскаго мѣшка въ 28 к. и раздѣливъ эту сумму на девять транспортировокъ, мы увидимъ что *мѣшковый начетъ по транспортировкѣ на четверть хлѣба ляжетъ не болѣе 6¼ коп.* Взявъ среднюю цѣну джутоваго мѣшка (24 коп.) и раздѣливъ ее на три транспортировки, на каждую четверть получимъ 16 коп. начета. Эти выводы хорошо извѣстны каждому хлѣбному торговцу.“

Указанный учредителемъ мѣшковый расходъ въ 36 коп. низводится такимъ образомъ не только до 16, но до 6¼ к. съ четверти: цифра легко входящая слагаемымъ въ составъ расхода 10—12 коп. съ четверти.

Учредитель желаетъ чтобы никто не пугался высоты 40-копѣечнаго тарифа (то-есть увеличенія нынѣшняго перегрузочнаго расхода на 16 коп. вмѣсто обѣщаннаго въ рекламахъ пониженія): это де только „максимальный“ тарифъ, а на практикѣ будутъ примѣняться иныя таксы, которыя будутъ регулироваться „исключительно конкурренціей“ и подъ ея вліяніемъ могутъ дойти до 16 к. съ четверти и ниже. Но чтобъ это было, нужно чтобы была конкурренція. А будетъ ли она возможна при томъ неизбѣжномъ на практикѣ монопольномъ положеніи которое обезпечиваетъ себѣ русско-американское предпріятіе? Приводимый учредителемъ изъ американской практики примѣръ пониженія элеваторнаго тарифа до 3 коп. съ четверти и затѣмъ повышеніе его въ 3½ раза показываетъ какими пониженіями таксы можетъ подрываться непріятная компаніи конкурренція, а съ подавленіемъ конкурренціи устраняется и побужденіе держать таксу ниже максимальной нормы.

Учредитель старается увѣрить что монополіи не будетъ, что никто не можетъ воспрепятствовать любому конкурренту возводить элеваторы и въ Петербургѣ, и въ Николаевѣ, и въ другихъ портахъ наравнѣ съ Русско-Американскимъ обществомъ; что дѣла хватитъ для многихъ, такъ какъ Общество можетъ удовлетворить лишь малую долю потребности въ элеваторахъ. Монополіи въ юридическомъ смыслѣ, на бумагѣ, не будетъ; но будетъ монополія фактическая, на дѣлѣ. Что потребности въ элеваторахъ Русско-Американская компанія не удовлетворитъ, это вѣрно; но то-то и худо что не удовлетворивъ ея, она своимъ существованіемъ затруднитъ и сдѣлаетъ невозможнымъ ея удовлетвореніе.

Учредитель не отрицаетъ что Компанія захватитъ себѣ во всѣхъ портахъ самыя удобныя лучшія мѣста, оправдывая такой захватъ правомъ „перваго пришельца;“ но это де не препятствіе для постройки многихъ элеваторовъ, и въ Америкѣ тѣснота портовъ не служила препятствіемъ къ устройству многихъ конкуррирующихъ элеваторовъ требующихъ де для себя „весьма незначительнаго пространства по берегу воды.“ Говоря это, учредитель забылъ прибавить что условія конкурренціи въ Америкѣ совсѣмъ иныя, что тамъ нѣтъ такой сильной акціонерной компаніи которая захватила бы лучшія мѣста во всѣхъ портахъ всей страны, и которая вмѣстѣ съ собственно-элеваторнымъ дѣломъ держала бы въ своихъ рукахъ также повсемѣстно ссудную и коммиссіонную операціи. Что̀ же касается до утвержденія учредителя что устройство элеватора требуетъ незначительнаго пространства, то въ этомъ отношеніи сказалось лишь недостаточное знакомство его съ технической стороной дѣла. Повторимъ то что̀ по этому предмету было сказано нами въ № 300 *Московскихъ Вѣдомостей:*

„Элеваторъ въ отпускномъ портѣ можетъ быть построенъ не на всякомъ мѣстѣ; къ нему съ одного боку должны подходить въ непосредственное сосѣдство глубокосидящіе корабли, а съ другаго — цѣлые поѣзды желѣзной дороги, которые должны имѣть возможность производить довольно сложные маневры и уходить не мѣшая другимъ слѣдующимъ за ними поѣздамъ становиться на ихъ мѣсто. Каждый кому извѣстна техника желѣзнодорожнаго дѣла знаетъ какія обширныя площади нужны

для этого, а кому извѣстны условія нашихъ портовъ, вообще крайне тѣсныхъ и недостаточныхъ, тотъ прямо отвѣтитъ что удобныхъ мѣстъ для устройства элеваторовъ въ нашихъ портахъ весьма мало. Поэтому, если предположенная Русско-Американская компанія захватитъ себѣ съ самаго начала удобныя мѣста, то желающіе конкуррировать съ нею въ томъ же портѣ должны будутъ возводить очень дорого стоящія сооруженія и затрачивать на нихъ такіе капиталы при которыхъ борьба съ русско-американскимъ предпріятіемъ сдѣлается совершенно невозможною."

№ 314.

Москва, 11-го ноября.

Сегодня мы оканчиваемъ печатаніе доставленнаго намъ „разъясненія одного изъ учредителей" элеваторнаго общества. Эта вторая часть разъясненія представляетъ нѣкоторый интересъ если сличить ее съ первою частью напечатанною вчера и съ прежними заявленіями учредителей, а также со статьей „Американскаго гражданина" появившеюся въ полученномъ сегодня здѣсь № 2.767 *Новаго Времени* (отъ 10 ноября). И печатаемое нами письмо „одного изъ учредителей," и наглымъ тономъ написанная статья „Американскаго гражданина," знали другъ друга ранѣе ихъ появленія въ свѣтъ вслѣдъ за отвѣтною телеграммой посланною нами 9 ноября лицу чрезъ которое сносился съ нами „одинъ изъ учредителей:" и сущность обѣихъ статей, и система приводимыхъ въ нихъ доводовъ, и цифры, и примѣры въ обѣихъ одни и тѣ же, причемъ даже многія выраженія повторяются буквально. Разница между ними лишь въ тонѣ, да еще въ томъ что „Американскій гражданинъ" обратилъ вниманіе на предложенный нами планъ устройства элеваторовъ. Но перейдемъ къ дѣлу.

Кто читалъ извѣстную печатную записку учредителей, кто прочелъ хотя первую ея страницу, тотъ не могъ не вынести убѣжденія что *главная*, открыто заявленная *цѣль ихъ предпріятія* не иная какъ *удешевленіе перегрузочной операціи**).

Выгоды этого возвѣщеннаго учредителями удешевленія были казовымъ концомъ всѣхъ рекламъ прославлявшихъ элеваторное предпріятіе указаніемъ на разительный контрастъ между страшною высотой существующихъ перегрузочныхъ расходовъ и *скромною* цифрой этихъ расходовъ опредѣляемою максимальнымъ тарифомъ компаніи. Но весь этотъ мнимый контрастъ оказывается колоссальнымъ американскимъ humbug'омъ. Повѣрка цифръ, на которыя ссылались учредители и ихъ сторонники, показала что нынѣшніе перегрузочные расходы въ нашихъ портахъ значительно ниже тѣхъ которые лягутъ на хлѣбную торговлю если компанія элеваторовъ будетъ взимать за свои услуги предложенный ею наивысшій 40-копѣечный тарифъ.

Защитникамъ компаніи пришлось перемѣнить фронтъ. Бывшее главнымъ, если не единственнымъ, мотивомъ учрежденія компаніи удешевленіе перегрузочныхъ расходовъ выброшено за бортъ какъ лишній балластъ. О торжественно обѣщанныхъ въ этомъ отношеніи учредителями благодѣяніяхъ нѣтъ болѣе рѣчи; вмѣсто того, вопреки недавнимъ собственнымъ увѣреніямъ что для конкурренціи съ Америкой нужно именно удешевленіе перегрузокъ, объявляется во всеуслышаніе что увеличеніе элеваторами перегрузочнаго расхода въ полтора раза не представляетъ для русской хлѣбной торговли никакой опасности. Ни авторъ печатаемаго у насъ разъясненія, ни „Американскій гражданинъ" не находятъ болѣе нужнымъ останавливаться на прежнихъ заявленіяхъ учредителей и повѣрять погубившія ихъ цифры; переходя на новую позицію, они лишь какъ отстрѣливающіеся Пареяне говорятъ объ одесской телеграммѣ и о 36-копѣечномъ мѣшечномъ расходѣ*), глумясь надъ „ариө-

*) Вотъ относящіяся сюда строки мотивирующія полезность предпріятія: „Значительная дешевизна цѣнъ на американское зерно достигается главнѣйшимъ образомъ сокращеніемъ до крайности накладныхъ расходовъ тяготѣющихъ на товарѣ. Изъ офиціально собранныхъ въ этомъ отношеніи русскимъ правительствомъ свѣдѣній оказывается что перегрузочная операція въ Америкѣ обходится отъ 18 до 36 к. съ четверти, тогда какъ въ южныхъ портахъ нашихъ она доходитъ до 1 р. 84 к. Если сообразить эти цѣны съ нормальнымъ отпускомъ нашимъ, опредѣляющимся приблизительно въ 25—30 милліоновъ четвертей, то легко сдѣлать выводъ что Россія, по несовершенству перегрузочной операціи, теряетъ въ торговомъ балансѣ своемъ ежегодно многіе милліоны рублей."

*) Кстати о мѣшкахъ; вчера, приводя касающуюся ихъ выдержку изъ статьи г. Иванюшенкова, мы забыли упомянуть что статья эта была напечатана въ № 263 *Моск. Вѣд.* 1882 года.

метикой." Тотъ же характеръ имѣютъ и завѣренія одного изъ учредителей что 40-копѣечный тарифъ ничего не значитъ, что на дѣлѣ будетъ примѣняться низкій тарифъ, „вѣроятно около 16 коп. съ четверти," что „во всякомъ случаѣ" тарифъ будетъ ниже нынѣшняго средняго перегрузочнаго расхода...

Ловимъ г. учредителя на словѣ. Если компанія намѣрена *во всякомъ случаѣ* держать свой тарифъ ниже 24 к. (а не 34 к.), среднимъ числомъ на 16 к., то зачѣмъ ей, для какихъ случаевъ, настаивать на 40-копѣечномъ максимальномъ тарифѣ? Послѣ всѣхъ періодическихъ пониженій этого тарифа черезъ 30 лѣтъ максимальный тарифъ можетъ понизиться до 28 к., то-есть до цифры много высшей противъ нынѣшняго средняго перегрузочнаго расхода. Зачѣмъ это компаніи когда она хочетъ брать теперь по 16 к.? Думаемъ что своимъ заявленіемъ въ нашей газетѣ компанія, въ лицѣ одного изъ своихъ учредителей, отказывается и предъ публикой, и предъ правительствомъ, какъ отъ ненужныхъ ей, и отъ 40-копѣечнаго тарифа, и отъ ограничительныхъ условій его пониженія изложенныхъ въ 9-мъ пунктѣ заключенія Министерства Финансовъ (стр. 55).

Но покинувъ прежнюю позицію удешевленія перегрузочныхъ расходовъ, и г. учредитель, и „Американскій гражданинъ" въ одинъ голосъ требуютъ чтобъ объ этомъ предметѣ не было болѣе рѣчи: пусть всѣ перестанутъ говорить о расходахъ по перегрузкѣ: говорить о томъ слѣдовало пока они имѣли значеніе доводовъ въ пользу компаніи, но съ тѣхъ поръ какъ они обернулись противъ нея, толковать о нихъ было бы, по словамъ г. учредителя, „только ловкимъ пріемомъ для отвода вниманія публики, совершенно незнакомой съ новымъ предпріятіемъ элеваторовъ, отъ самой главной и важной цѣли ихъ учрежденія." Хотя прежде учредители, въ своемъ обращеніи ко властямъ, и выставляли сокращеніе перегрузочныхъ расходовъ необходимымъ условіемъ успѣшной конкурренціи съ Америкой, но теперь русскіе люди не должны и заикаться „о какихъ-то копѣечныхъ передержкахъ и сбереженіяхъ по доставкѣ зерна въ портовые склады;" они должны забыть прежнія увѣренія учредителей и вѣрить новому что „расходы на подвозъ зерна въ портовые склады и на его погрузку въ корабли имѣютъ самое послѣднее значеніе въ общей суммѣ накладныхъ издержекъ по нашему хлѣбному экспорту, составляя лишь копѣйки на каждую четверть зерна, такъ что объ удешевленіи одной только этой статьи расхода не стоило бы хлопотать." Мало этого, русскіе люди должны одновременно вѣрить и тому заявленію учредителя что „плата за услуги элеваторовъ играетъ въ этомъ дѣлѣ самую важную роль и имѣетъ опредѣляющее значеніе," и другому заявленію того же учредителя что плата за услуги элеваторовъ не имѣетъ никакого значенія, и что на нее надо махнуть рукой.

Перегрузочныя услуги элеваторовъ отодвинуты такимъ образомъ на задній планъ, и остается лишь сдать ихъ въ архивъ. Не въ элеваторномъ дѣлѣ заключается задача элеваторной компаніи. По заявленію г. учредителя, „цѣль учрежденія элеваторовъ заключается, между прочимъ, въ облегченіи кредита необходимаго для владѣльцевъ зерна." Но это только *между прочимъ*. Играть на приманкѣ благодѣяній кредита было бы невыгодно для сторонниковъ русско-американскаго предпріятія: это такъ же легко разоблачить какъ и потерпѣвшую фіаско приманку удешевленной перегрузки. Всѣ знаютъ, а кто не знаетъ тотъ легко въ томъ убѣдится, что компанія будетъ строить элеваторы лишь въ портахъ и немногихъ другихъ важнѣйшихъ центрахъ хлѣбнаго торга, то-есть въ пунктахъ съ которыми, за малымъ исключеніемъ, производители хлѣба не имѣютъ прямыхъ сношеній, куда они сами свой хлѣбъ не возятъ, и гдѣ стало-быть ни варрантовъ получать не будутъ, ни ссудами подъ нихъ не будутъ пользоваться. По отношенію къ кредиту подъ хлѣбъ, сельскихъ хозяевъ выручила бы изъ ихъ затрудненій лишь система элеваторныхъ складовъ раскиданныхъ по всѣмъ станціямъ всей желѣзнодорожной сѣти. Лишь въ такихъ подручныхъ, близкихъ отъ имѣній элеваторахъ сельскіе хозяева нашли бы удобство держать свой хлѣбъ ежеминутно готовымъ къ продажѣ и перегрузкѣ для отправки, пользоваться ссудами подъ этотъ хлѣбъ за умѣренные проценты, и благодаря этимъ ссудамъ и умѣренной стоимости магазинажа, спокойно выжидать цѣнъ за которыя можно продавать хлѣбъ съ достаточною выгодой,—и такіе дѣйствительно благодѣтельные для сельскихъ хозяевъ элеваторы мо-

гутъ возникнуть во всей странѣ лишь по государственной инициативѣ, при помощи правительственнаго кредита и субсидій, на которыя скупиться значило бы не цѣнить въ должной мѣрѣ важнѣйшаго народно-хозяйственнаго интереса. Ничего подобнаго услугамъ которыя оказали бы станціонные элеваторы не получатъ отъ русско-американскихъ элеваторовъ даже и сельскіе хозяева ближайшей къ нимъ, сосѣдней округи. Храненіе въ нихъ хлѣба съ цѣлью выжиданія цѣнъ невозможно: во-первыхъ, потому что компанія выговариваетъ себѣ право не хранить зерна долѣе 30 дней (да еще съ обязательствомъ для хлѣбовладѣльца взять свой хлѣбъ обратно въ 5-дневный срокъ если онъ „согрѣется или попортится вслѣдствіе естественныхъ причинъ,“ хотя бы при сдачѣ въ элеваторъ не былъ признанъ „могущимъ испортиться“), а для выжидающихъ поправленія цѣнъ 30-дневный срокъ (всегда могущій сократиться до 5 дней) крайне малъ, и не въ 30-дневномъ кредитѣ нуждаются сельскіе хозяева; вовторыхъ, компанія слишкомъ дорожится цѣнами магазинажа, такъ дорожится что даже за свой непомѣрно высокій максимальный 40-копѣечный тарифъ берется хранить хлѣбъ только 10 дней (въ Америкѣ, при низкихъ таксахъ, срокъ перегрузочнаго храненія большею частію 20-дневный)... Въ виду всего этого, компаніи трудно закупить въ свою пользу обѣщаніями явно неосуществимыхъ кредитныхъ услугъ русскому земледѣлію. Вслѣдъ за перегрузочною отошла, поэтому, на второй планъ и ссудная операція. „Общество элеваторовъ преслѣдуетъ,“ пишетъ г. учредитель, „гораздо болѣе важную задачу, которая имѣетъ преобладающее значеніе для вѣрной оцѣнки характера предпріятія.“

Какая же это задача?

Она, по согласному заявленію и г. учредителя, и „Американскаго гражданина,“ заключается въ коммиссіонной операціи, въ продажѣ хлѣба за счетъ хлѣбовладѣльцевъ. Вотъ дѣло на которомъ компанія намѣрена преимущественно сосредоточить свою дѣятельность, которую она особенно хочетъ забрать въ свои руки, причемъ „услуги ея устранятъ необходимость во многихъ посредникахъ по хлѣбной торговлѣ,“ барыши коихъ одинаково исчисляются и г. учредителемъ, и „Американскимъ гражданиномъ.“ Компанія отниметъ эти барыши у посредниковъ, но не возьметъ де ихъ себѣ, довольствуясь, по словамъ г. учредителя, „небольшимъ коммиссіоннымъ вознагражденіемъ за свои услуги, въ размѣрѣ примѣрно какихъ-нибудь 2% продажной цѣны хлѣба.“

Мы не знаемъ вѣренъ ли приводимый г. учредителемъ разчетъ барышей посредниковъ по хлѣбной торговлѣ; можетъ-быть приводимыя цифры такъ же погрѣшаютъ противъ правды какъ и приводившіяся прежде цифры перегрузочныхъ расходовъ. Но мы не возьмемъ на себя провѣрять эти цифры, предоставляя это заинтересованнымъ въ дѣлѣ экспортнымъ конторамъ. Мы высказываемся положительно въ пользу возможно бо́льшаго сокращенія посредническихъ барышей, которые, съ одной стороны, поднимаютъ цѣны нашего хлѣба на внѣшнихъ рынкахъ до уровня не позволяющаго успѣшно соперничать съ Америкой, съ другой, понижаютъ цѣны хлѣба внутри до степени разорительной для землевладѣльцевъ. Кто устранитъ эти барыши, конечно не присвоивая ихъ себѣ, тотъ окажетъ странѣ неоцѣнимую услугу, и мы готовы привѣтствовать предпріятіе, русское или американское все равно, которое обѣщаетъ осуществить такую задачу, но само собою разумѣется не иначе какъ при солидной гарантіи исполненія этого обѣщанія, чтобы не быть обманутыми, такъ же какъ по части удешевленія перегрузочной операціи. Тутъ нужна гарантія что барыши не попадутъ въ руки компанейской администраціи пребывающей въ Россіи или въ руки заатлантической администраціи и тѣхъ торговыхъ домовъ которымъ эта послѣдняя, не подчиненная русскому правительству и не состоящая подъ его надзоромъ экстерриторіальная администрація пожелаетъ особенно благопріятствовать по какимъ-либо сдѣлкамъ, разчетамъ и соображеніямъ. Пусть, напримѣръ, компанія обяжется, въ случаѣ если разница (вычисленная совершенно тѣмъ же способомъ какъ въ приведенной ниже г. учредителемъ табличкѣ) между нашими портовыми цѣнами хлѣба и цѣнами его на заграничныхъ рынкахъ будетъ болѣе опредѣленнаго процента, примѣрно не 2%, а 3% или 4% и болѣе процентовъ, выплачивать излишекъ разницы хлѣбовладѣльцамъ отдававшимъ ей хлѣбъ на коммиссію. Будемъ ждать что скажутъ на это гг. учредители.

Въ ожиданіи же ихъ отвѣта, подивимся зачѣмъ они затрудняютъ свою главную задачу присоединеніемъ къ ней неблагодарнаго и мало выгоднаго, по ихъ отзыву, дѣла — устройства элеваторовъ. Что̀ имъ за охота тратить половину складочнаго капитала на дѣло которое по разсчету принятому г. учредителемъ дастъ только 6% на капиталъ, не считая 1% погашенія? Если, какъ говоритъ учредитель, „очевидно что въ предпріятіи подобномъ товаро-складочному капиталисты не могутъ ограничиться однимъ элеваторнымъ дѣломъ, а должны связать его со ссудною и коммиссіонною операціями на которыхъ они могутъ надѣяться получить бо́льшіе заработки,“ если „нѣтъ сомнѣнія что на 6% съ капитала ни Русскіе, ни иностранцы никогда на дѣло элеваторовъ не пойдутъ“ — то зачѣмъ идутъ они сами на это дѣло, кто ихъ о томъ проситъ? Почему бы не обратить имъ весь 25-милліонный капиталъ на особо выгодныя операціи, предоставивъ менѣе выгодное, собственно элеваторное дѣло правительству, желѣзнымъ дорогамъ и частнымъ лицамъ, обществамъ и товариществамъ, которыя не сочтутъ для себя невыгоднымъ за него взяться? Учредителямъ мало 6% прибыли и 1% погашенія; но этихъ процентовъ достаточно для казны при такой затратѣ капитала которая окажетъ мощную поддержку всему сельскому хозяйству, а сталобыть всей промышленности, всѣмъ отраслямъ народнаго труда, покрытіемъ всей страны частою сѣтью станціонныхъ элеваторовъ; въ барышахъ нужныхъ аферисту казна не нуждается, и они ей не приличны.

„Американскій гражданинъ“ боится что наше правительство, по своей неспособности сдѣлать что-нибудь путное, не сладитъ съ устройствомъ элеваторовъ. Болѣя душой за интересы русскаго народа живущаго подъ такимъ правительствомъ, онъ кричитъ до надсады, убѣждая чтобы никто у насъ не ждалъ отъ правительства ничего хорошаго въ этомъ отношеніи, а ждалъ бы всего отъ патріотизма чужеземной русско-американской компаніи. Но зачѣмъ „Американскій гражданинъ“ хочетъ быть русскимъ болѣе самихъ Русскихъ? Въ дѣлѣ о которомъ идетъ рѣчь только правительство можетъ дѣлать именно то что̀ нужно земледѣлію и всему народу. Худо ли, хорошо ли сдѣлаетъ дѣло Русское правительство, способно оно или не способно, къ какой стати американскимъ гражданамъ заступать его мѣсто. Постройки желѣзныхъ дорогъ сложнѣе и труднѣе устройства элеваторовъ, и однако, въ спеціальномъ кругу желѣзнодорожнаго міра уже давно сложилось убѣжденіе что постройка дорогъ казной и лучше, и выгоднѣе чѣмъ постройка ихъ частными предпринимателями. По понятнымъ побужденіямъ выражается сомнѣніе лишь касательно казенной эксплуатаціи... Но казенная эксплуатація не можетъ и не должна быть эксплуататорскою, и ея мѣсто вездѣ гдѣ имѣется въ виду всенародное или государственное дѣло. А элеваторное дѣло, по признанію самихъ учредителей, есть дѣло государственное.

Досталось отъ „Американскаго гражданина“ русскому правительству, достается и вообще русскимъ людямъ, ихъ народному характеру. „Это въ русскомъ характерѣ, или, вѣрнѣе, безхарактерности,“ говоритъ онъ, „не пошевелить пальцемъ въ дѣлѣ которое, можно сказать, само лѣзло въ ротъ, когда же займутся имъ другіе, сейчасъ же критиковать и находить тысячи слабыхъ сторонъ, попрежнему не трогаясь съ мѣста.“ Но эта выходка противъ нашихъ народныхъ свойствъ въ данномъ случаѣ не попала въ цѣль. Элеваторное дѣло пошло у насъ въ ходъ ранѣе появленія русско-американской компаніи. Элеваторъ уже выстроенъ на станціи Кобеляки, строится въ Николаевѣ; строятся элеваторы вообще по линіи Харьково-Николаевской желѣзной дороги; имѣются склады и магазины вдоль Тереспольской желѣзной дороги; одинъ за другимъ возникаютъ проекты устройства элеваторовъ и въ Одессѣ, и на Волжскихъ пристаняхъ. Сейчасъ только получили мы телеграммму изъ Таганрога о томъ что тамъ вчера одобренъ торговымъ комитетомъ проектъ русской компаніи для устройства пристани и элеватора въ Таганрогѣ, причемъ плата за пользованіе этимъ приспособленіемъ установлена въ пять копѣекъ съ четверти. Американская компанія хочетъ такимъ образомъ захватить дѣло къ которому со всѣхъ сторонъ протягиваются русскія руки. Напрасно также „Американскій гражданинъ“ говоритъ о неспособности русскихъ желѣзныхъ дорогъ вести элеваторное дѣло. Американскія дороги успѣшно занимаются и устройствомъ,

и эксплуатаціей элеваторовъ, а что хуже американскихъ дорогъ и ихъ распорядковъ? Наши желѣзныя дороги, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, могутъ считаться идеальными сравнительно съ американскими.

№ 315.

Москва, 12-го ноября.

Нѣкто Дѣтскій, состоявшій въ Петербургѣ судебнымъ приставомъ при Мировомъ Съѣздѣ и получавшій 600 рублей жалованья въ годъ, жилъ размашисто и велъ большую игру въ клубахъ. Партнеры и знакомые его не очень этому удивлялись, хотя и знали что у Дѣтскаго нѣтъ никакого состоянія. Судебные пристава при мировыхъ съѣздахъ пользуются значительными доходами. Между тѣмъ какъ пристава состоящіе при окружныхъ судахъ, взимая сборы за такъ-называемыя исполнительныя дѣйствія, обязаны вносить полученное въ Государственное Казначейство, въ депозитъ Министерства Юстиціи, которое и распредѣляетъ между ними эти сборы, — состоящіе при съѣздахъ пристава получаютъ вознагражденіе съ тяжущихся сторонъ прямо въ свою личную прибыль и не отдаютъ никому отчета въ этихъ суммахъ. Гдѣ нѣтъ отчетности, трудно ожидать чтобы взысканіе сборовъ всегда соотвѣтствовало постановленіямъ закона. Особенно тяжелы для заинтересованныхъ лицъ условія принятія мѣръ къ охраненію открывшихся наслѣдствъ, мѣръ лежащихъ на обязанности мировыхъ судей, а ими въ свою очередь возлагаемыхъ на судебныхъ приставовъ. Въ этихъ случаяхъ не только дорого стóятъ, даже по таксѣ, составленіе описи и плата за храненіе, но и самый выборъ той или другой мѣры предоставленъ произволу пристава, отъ котораго вполнѣ зависитъ какъ дѣйствительное сбереженіе наслѣдственнаго имущества, такъ и соблюденіе интересовъ наслѣдниковъ.

Упомянутый судебный приставъ Дѣтскій доигрался наконецъ до того что проигралъ въ теченіе одного зимняго сезона не только всѣ свои доходы, но и суммы попавшія въ его руки для охраненія ихъ въ пользу частныхъ лицъ, всего 35 тысячъ рублей, которые принадлежали наслѣдникамъ полковника Линдестрема, почетнаго гражданина Васильева и крестьянина Милютина. Дѣтскаго судили за это, въ 1881 году, въ Петербургскомъ окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. На судѣ онъ показывалъ: виноватъ, молъ, лукавый попуталъ, деньги растратилъ по неразумѣнію и распущенности. „Доказано ли, спросили судей совѣсти, что такія-то суммы денегъ, ввѣренныя Дѣтскому по службѣ, имъ растрачены?“ — „Доказано,“ былъ отвѣтъ по совѣсти. „А *виновенъ ли* Дѣтскій въ этой растратѣ?“ былъ второй вопросъ придуманный для благодушныхъ присяжныхъ. „Нѣтъ, не виновенъ,“ послѣдовалъ отвѣтъ по благодушію.

Кое-кто изъ публики тогда протестовали противъ судейскаго своеволія при раздѣленіи вопросовъ, но прокуратура не протестовала, и Дѣтскій вышелъ оправданнымъ изъ дѣла. Онъ лишь признанъ обязаннымъ вознаградить убытки потерпѣвшихъ гражданскихъ истцовъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, у Дѣтскаго на удовлетвореніе взысканія въ 35 тысячъ рублей оказалось немного, всего двѣсти девяносто рублей. Наказанные безъ вины, наслѣдники Линдестрема, Васильева и Милютина стали домогаться чтобъ ихъ имущественный ущербъ былъ возмѣщенъ тѣми чинами судебнаго вѣдомства которые допустили Дѣтскаго до безотвѣтнаго распоряженія принадлежавшими имъ капиталами, и прежде всего мировымъ судьей XXIII участка города С.-Петербурга Бузовымъ, у котораго производилось дѣло объ охраненіи ихъ наслѣдства, но который возложилъ эту обязанность да еще и другую, не входившую въ кругъ его собственной юрисдикціи, именно распредѣленіе наслѣдственныхъ денегъ, на подвластнаго ему пристава. Домогательство это было законное, и мировой судья Бузовъ преданъ былъ суду Петербургской Судебной Палаты. А такъ какъ слѣдствіе не открыло ничего такого что свидѣтельствовало бы о какомъ-либо участіи г. Бузова въ дѣяніяхъ пристава Дѣтскаго или въ умышленномъ потворствѣ ему, онъ и судился лишь за нерадѣніе при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, то-есть въ преступленіи предусмотрѣнномъ 404 и 411 стт. Уложенія о Наказаніяхъ, и безъ участія присяжныхъ.

О результатахъ этого судебнаго дѣла былъ подробный отчетъ въ № 82 *Московскихъ Вѣдомостей*, съ замѣткой о значеніи этого процесса. Помнимъ что г. Бузовъ былъ осужденъ и приговоренъ *къ вы-*

говору, причемъ признанъ былъ обязаннымъ вознаградить гражданскихъ истцовъ за ихъ вредъ и убытки, то-есть уплатить деньги растраченныя по его нерадѣнію судебнымъ приставомъ. Отказано было лишь въ искѣ Милютина, такъ какъ Бузовъ представилъ въ Палату его расписку, удостовѣряющую что имъ уже получены процентныя бумаги на 20.860 р., и что отъ полученія остальныхъ 9.500 р., растраченныхъ судебнымъ приставомъ, онъ отказывается. Дѣло на этомъ, однако, не остановилось. Г. Бузовъ подалъ аппелляціонный отзывъ въ Правительствующій Сенатъ по уголовному кассаціонному департаменту, доказывая что „дѣйствія Дѣтскаго не имѣютъ причинной связи съ его, Бузова, распоряженіями," и что онъ вообще не можетъ быть признанъ отвѣтственнымъ за злоупотребленіе судебнаго пристава, который находится въ подчиненіи предсѣдателя Мироваго Съѣзда, а не участковаго судьи. Но на приговоръ подалъ жалобу и повѣренный гражданскаго истца, крестьянина Милютина, за отказъ въ искѣ его довѣрителю.

Повѣренный Милютина не только продолжалъ утверждать что расписка представленная отъ имени послѣдняго имъ въ дѣйствительности никогда выдана не была, о чемъ онъ заявлялъ и въ Судебной Палатѣ, и настаивалъ на томъ что расписка эта есть актъ добытый преступленіемъ. Происхожденіе расписки онъ объяснилъ тѣмъ что довѣрителю его, человѣку не совсѣмъ грамотному, неоднократно приходилось расписываться по дѣламъ въ камерѣ мироваго судьи Бузова, и что одною подобною подписью его, данною для другой цѣли, воспользовались посредствомъ обмана для составленія квитанціи. Въ подтвержденіе этихъ обстоятельствъ, повѣренный Милютина ссылался на свидѣтелей и ходатайствовалъ предъ Сенатомъ или о вызовѣ и допросѣ ихъ, или же о прекращеніи производства по гражданскому иску впредь до изслѣдованія судомъ уголовнымъ преступленія породившаго эту квитанцію.

Повѣренный крестьянина Милютина стоялъ, какъ говорится, на почвѣ закона. Его заявленіе есть прямое обвиненіе въ преступленіи предусмотрѣнномъ 1.694 ст. Ул. о Нак. Статья эта признаетъ особымъ видомъ *подлога* со стороны того кто, пользуясь ввѣренною ему бланковою надписью для написанія какого-либо акта, самовольно вмѣсто онаго напишетъ другой актъ, почему-либо вредный для ввѣрившаго бланкъ лица. Да и статья эта помѣщена въ раздѣлѣ Уложенія озаглавленномъ: *о подлогахъ въ актахъ и обязательствахъ*.

Сенату, дѣйствовавшему въ настоящемъ случаѣ въ качествѣ аппелляціонной инстанціи разсматривающей дѣло по существу, оставалось одно изъ двухъ: или изслѣдовать оспоренный актъ въ порядкѣ указанномъ статьями 555—565 Уст. Гражд. Судопр., или же, руководствуясь 8 ст. того же Устава и 27 ст. Уст. Угол. Судопр., пріостановить производство по этой претензіи Милютина и направить дѣло къ прокурору для возбужденія предварительнаго слѣдствія.

Еслибъ усматривалось недобросовѣстное домогательство со стороны Милютина, желающаго воспользоваться какимъ-либо формальнымъ промахомъ при отобраніи отъ него расписки для корыстной цѣли, то и въ такомъ случаѣ нельзя было бы, кажется, оставить подобное заявленіе безъ надлежащаго разслѣдованія, хотя бы для раскрытія его лживости. Судебная власть только тамъ сохраняетъ свое достоинство гдѣ она вполнѣ чиста отъ нареканій въ злоупотребленіяхъ, гдѣ не можетъ возникнуть сомнѣній въ своекорыстныхъ или другихъ, несовмѣстимыхъ съ понятіемъ о правосудіи, дѣйствіяхъ. Самъ мировой судья Бузовъ долженъ былъ бы настаивать на снятіи оговора который брошенъ на него, въ присутствіи Сената, со стороны Милютина или его повѣреннаго. Только изобличеніе лживости этого оговора, доказанное слѣдствіемъ, успокоило бы общественное мнѣніе, доказавъ что въ судебной камерѣ не совершалось подлога и обмана. Если же расписка представленная отъ имени Милютина возбуждала какое-либо сомнѣніе, если у Сената могло сложиться убѣжденіе что, несмотря на ясный смыслъ ея текста, она все-таки создаетъ для Милютина какое-либо право на взысканіе съ мироваго судьи Бузова, то разслѣдованіе обстоятельствъ при которыхъ она была выдана имъ или отъ него отобрана представляется неизбѣжнымъ.

Не внявъ доводамъ г. Бузова о его неотвѣтственности за дѣйствія судебнаго пристава Дѣтскаго и освободивъ его отъ уголовной кары единственно въ виду всемилостивѣйшаго Манифеста отъ 15 мая, Правительствующій Сенатъ *присудилъ съ Бузова въ пользу крестьянина Милютина*

9.500 р. Но отъ имени Милютина представлена была общая квитанція, въ которой онъ удостовѣрилъ какъ полученіе процентныхъ бумагъ на сумму 20.860 руб., такъ и отказъ свой отъ полученія недостающей еще суммы въ 9.500 руб. Если подпись его дѣйствительна для первой части квитанціи, она должна быть признана дѣйствительною и для второй, и наоборотъ; если она оказывается плодомъ обмана и подлога для второй суммы, вся квитанція становится опороченною. Нельзя было, при данныхъ обстоятельствахъ, дать вѣру заявленію крестьянина Милютина или его повѣреннаго на половину. Непонятно почему Бузовъ присужденъ къ уплатѣ 9.500 р. Милютину если Сенатъ пришелъ къ заключенію что это обвиненіе не заслуживаетъ даже разслѣдованія.

Приговоръ Сената по этому дѣлу пораждаетъ не одинъ только этотъ вопросъ, но цѣлый рядъ недоумѣній...

№ 318.

Москва, 15-го ноября.

Со времени поѣздки Румынскаго короля и министра-президента Братіану въ Вѣну, въ иностранной печати много говорилось о новомъ направленіи политики Румынскаго королевства, въ особенности о его сближеніи со средне-европейскими державами. Между тѣмъ какъ въ Вѣнѣ ликовали по поводу будто бы состоявшагося заключенія союза съ Румыніей, румынскія газеты настоятельно доказывали что поѣздка короля и министра-президента не имѣютъ политическаго значенія, хотя во время переговоровъ въ Вѣнѣ для руководящихъ лицъ обѣихъ странъ выяснилось де что Румыніи и Австро-Венгріи нѣтъ поводовъ ссориться и нѣкоторое сближеніе между ними можетъ способствовать разрѣшенію нѣкоторыхъ конкретныхъ вопросовъ. Только оппозиціонная румынская печать рѣзко порицала г. Братіану обвиняя его въ томъ что онъ продалъ интересы страны и готовъ уступить даже въ Дунайскомъ вопросѣ, имѣющемъ для Румыніи громадное политическое и экономическое значеніе.

Газетнымъ толкамъ былъ положенъ конецъ категорическими заявленіями графа Кальноки въ австро-венгерскихъ делегаціяхъ, подтвердившаго мнѣніе что *нѣкоторое сближеніе* между правительствами Австрійскимъ и Румынскимъ дѣйствительно состоялось, но что пока дѣло не доходило до рѣшенія спорныхъ вопросовъ.

Какъ делегаты такъ и газеты австрійскія довольствовались объясненіями министра иностранныхъ дѣлъ, и толки объ отношеніяхъ Австро-Венгріи къ Румыніи были на время отодвинуты на задній планъ. Иное дѣло въ Румыніи. Тутъ полемика не прекращалась долгое время, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали открытія палатъ чтобъ узнать отъ министра-президента его взгляды на иностранную политику Румыніи. Слухи о предстоящей отставкѣ нѣсколькихъ румынскихъ министровъ по поводу несогласій съ новымъ направленіемъ иностранной политики г. Братіану также сильно волновали общественное мнѣніе, тѣмъ болѣе что они отчасти оправдались.

Въ одно изъ первыхъ же засѣданій румынской палаты былъ внесенъ запросъ о цѣли поѣздокъ въ Вѣну короля Карла и министра-президента и о заключенныхъ тамъ сдѣлкахъ. Г. Братіану отвѣчалъ длинною, очень ловко составленною рѣчью, въ коей обстоятельно высказался объ иностранной политикѣ Румыніи.

Указавъ прежде всего на то что Румынія какъ маленькое государство не можетъ вести большой политики, г. Братіану замѣтилъ что событія создаются великими державами, а маленькимъ государствамъ остается по большей части только покоряться. „Въ мое пребываніе въ Берлинѣ, при заключеніи Берлинскаго трактата, такъ говорилъ румынскій министръ-президентъ, князь Бисмаркъ неоднократно указывалъ мнѣ на преимущества мира и говорилъ: —Вамъ остается выбирать между миромъ и войной: если вы ищете мира, то можете опереться на насъ, если же вамъ угодна война, то ищите себѣ союзниковъ въ другомъ мѣстѣ. — Спустя три года я снова былъ у князя Бисмарка и при этомъ я убѣдился какъ послѣдовательно и твердо германскій канцлеръ преслѣдуетъ мысль о поддержаніи мира.“ Перейдя затѣмъ къ поѣздкѣ короля Карла въ Вѣну, г. Братіану категорически заявилъ что извѣстія будто король ѣздилъ съ тѣмъ чтобы *сдѣлать уступки въ Дунайскомъ вопросѣ лишены всякаго основанія.* Въ этомъ важномъ для страны вопросѣ король никогда де не уступитъ. Свою поѣздку въ Берлинъ и

Вѣну министръ-президентъ объяснилъ тѣмъ что о намѣреніяхъ Румыніи въ Европѣ ходили самые нелѣпые слухи, и онъ счелъ поэтому нужнымъ показать что Румынія желаетъ мира такъ же искренно какъ и другія державы.

Особенно интересна та часть рѣчи румынскаго министра-президента гдѣ онъ упоминаетъ о въ Бозѣ почившемъ Царѣ-Освободителѣ. „Да будетъ мнѣ дозволена, говорилъ г. Братіану, нѣкоторая нескромная откровенность, которая ни въ чемъ, надѣюсь, не нарушитъ лестнаго довѣрія оказаннаго мнѣ руководителями политики двухъ великихъ державъ. Мою скромность въ этомъ отношеніи признавалъ и въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ II, и я считаю обязанностію повторить здѣсь то что̀ я высказывалъ не разъ многимъ русскимъ государственнымъ людямъ, а именно что этотъ Государь былъ великъ не только по своему могуществу, но и по возвышенности своихъ помысловъ. А этотъ Государь говорилъ многимъ желавшимъ убѣдить его что Братіану величайшій врагъ Россіи: „„можетъ-быть, „но я ему довѣряю, ибо онъ никогда не „пытался обмануть меня.““ И вотъ, когда я во время послѣдней войны собирался уѣхать изъ Плевны и явился откланяться Его Величеству, я засталъ въ пріемной нѣсколько русскихъ сановниковъ, которые совѣтовали мнѣ заявить Императору мои требованія, говоря при этомъ:—вы видите, Плевна пала, предстоитъ скорое заключеніе мира; скажите же какія вы желали бы для Румыніи выгоды; мы просимъ васъ не медлить, и если вы истинный патріотъ, скажите Государю все что̀ у васъ на сердцѣ.—Вслѣдъ за симъ я удостоился аудіенціи и въ концѣ ея обратился къ Императору со слѣдующими словами:—разрѣшите мнѣ, Ваше Величество, повергнуть предъ Вами просьбу.—Получивъ милостивое разрѣшеніе, я сказалъ:—Ваше Величество неоднократно выражали что отнынѣ между Русскимъ и Румынскимъ народами заключена вѣчная дружба. — Я это повторяю,—сказалъ Государь. — Осмѣливаюсь же просить Ваше Величество завѣщать то же самое Вашему Наслѣднику.— Вмѣсто отвѣта Государь указалъ на румынскую медаль, красовавшуюся на его груди. Аудіенція кончилась, я откланялся и сказалъ дожидавшимся сановникамъ что забылъ преподанный мнѣ ими совѣтъ и никакихъ просьбъ Государю не предъявлялъ. Во все дальнѣйшее пребываніе Императора въ Румыніи онъ ни разу не намекнулъ ни мнѣ, ни нашему королю о какомъ-либо возмездіи Россіи на счетъ Румыніи. Я считалъ себя обязаннымъ почтить предъ вами этимъ воспоминаніемъ память великаго Царя-мученика. Я видѣлъ его въ тяжелыя минуты подъ Плевной, когда онъ со слезами на глазахъ говорилъ мнѣ что онъ готовъ цѣною своей жизни исполнить принятую на себя миссію. Это былъ не завоеватель, а великій другъ мира.“

Вѣроятно желая угодить румынскимъ шовинистамъ, г. Братіану счелъ почему-то нужнымъ замѣтить что къ сожалѣнію русскіе государственные люди вѣроятно не раздѣляли де мнѣній въ Бозѣ почившаго Государя относительно Румыніи, слѣдствіемъ чего было присоединеніе къ Россіи клочка Бессарабіи издавна принадлежавшаго Россіи. Г. Братіану не можетъ однако не знать что въ Россіи ничто не дѣлается помимо воли или безъ согласія на то Государя. Онъ забылъ также что Румынія получила вдесятеро большее вознагражденіе, Добруджу. Кромѣ того, никакихъ правъ на возсоединенный клочокъ Бессарабіи *Румынія* не имѣетъ, ибо до 1856 года *Румыніи* еще не существовало.

Въ общемъ рѣчь румынскаго министра-президента произвела довольно благопріятное впечатлѣніе не только въ Румыніи, но и за границей. Въ Россіи она вѣроятно также будетъ встрѣчена весьма сочувственно, въ особенности заключительныя слова ея: „Мы стоимъ за миръ, а кто провозгласитъ войну и съ этимъ намѣреніемъ ворвется въ предѣлы нашего государства, того мы сочтемъ за врага.“

№ 319.

Москва, 16-го ноября.

Характеръ элеваторнаго предпріятія затѣяннаго Русско-Американскою компаніей, кажется, достаточно выяснился. Остается не совсѣмъ яснымъ лишь то какъ могло такое хищническое предпріятіе казаться многимъ чѣмъ-то выгоднымъ и благодѣтельнымъ для Россіи, какъ могли связать съ нимъ свои имена, выступить въ числѣ

его учредителей генералъ-лейтенантъ П. П. Дурново и П. П. Демидовъ князь Санъ-Донато. Задуманное предпріятіе конечно было въ ихъ мысляхъ дѣломъ полезнымъ, исполненіемъ коего были бы предоставлены странѣ неисчислимыя выгоды, несравненно бо́льшія тѣхъ какія заслуженно достались бы самимъ учредителямъ и ихъ компаньйонамъ. Вникнувъ въ дѣло, не особенно трудно понять какъ возникло это самообольщеніе относительно значенія русско-американскаго элеваторнаго предпріятія.

Важнѣйшая изо всѣхъ отраслей нашего народнаго хозяйства, отъ которой зависятъ всѣ прочія, земледѣліе давно уже переживаетъ тяжкій, все усиливающійся кризисъ, находясь подъ невыносимымъ гнетомъ самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Занятіе земледѣліемъ становится дѣломъ все болѣе невыгоднымъ, въ которомъ трудно, часто невозможно, сводить конецъ съ концомъ. Число доходящихъ до разоренія сельскихъ хозяевъ, число имѣній продаваемыхъ съ молотка по несостоятельности ихъ владѣльцевъ, растетъ изъ года въ годъ въ ужасающей прогрессіи. Просмотрите за нѣсколько лѣтъ публикуемые земельными банками скорбные листы нашего земледѣлія — списки заложенныхъ имѣній назначаемыхъ къ продажѣ съ аукціоннаго торга — и вы убѣдитесь какъ непомѣрно растутъ эти списки, какую даютъ они діагнозу для опредѣленія хода болѣзни лѣчимаго земельными банками пацiента. Но это лишь бросающійся въ глаза симптомъ болѣзни, причины же ея лежатъ глубже. Онѣ заключаются, съ одной стороны, въ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ производства хлѣба и иныхъ сельскихъ продуктовъ, съ другой—въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ сбыта сельскихъ произведеній.

Говорить о неблагопріятныхъ условіяхъ производства хлѣба значило бы поднимать цѣлый рядъ вопросовъ: и настоятельно требующій рѣшенія, но давно положенный подъ сукно и оставляемый безъ законодательнаго опредѣленія, вопросъ о наймѣ рабочихъ и объ отношеніяхъ между хозяевами и рабочими; и вопросъ о питейно-акцизной, кабацкой системѣ, отзывающейся неизмѣримымъ вредомъ на всей обстановкѣ и всѣхъ проявленіяхъ сельскаго быта и хозяйства; и вопросъ о всякаго рода земскихъ нестроеніяхъ предоставляющихъ сельскій бытъ на жертву многимъ тяжело ложащимся на хозяйство случайностямъ безурядицы, безсудія, безправія и беззащитности; и вопросъ о крайнемъ безденежьи, о неимѣніи у сельскихъ хозяевъ необходимаго для успѣшности производства оборотнаго капитала, при невозможности достать его по непомѣрной дороговизнѣ и даже полному отсутствію нужныхъ имъ формъ кредита. Но всѣ эти и подобные имъ вопросы не находятся въ прямой связи съ элеваторною варрантно-складочною системой, и потому говорить о нихъ здѣсь не мѣсто. Иное дѣло условія сбыта сельскихъ произведеній. Эти условія крайне неблагопріятны для земледѣльца. Чуть не всѣ выгоды отъ сбыта хлѣба достаются не тѣмъ кто его производитъ, кому онъ стоитъ годовыхъ заботъ и трудовъ, но жаднымъ до наживы спекулянтамъ, забравшимъ хлѣбное дѣло въ свои руки и поставившимъ земледѣльцевъ чуть не въ кабальныя къ себѣ отношенія. Спекуляція произвольно устанавливаетъ цѣны на хлѣбъ, то непомѣрно возвышая ихъ, какъ напримѣръ въ 1880 году, то до крайности принижая ихъ, какъ въ минувшемъ и текущемъ годахъ. При всѣхъ этихъ колебаніяхъ цѣнъ, сельскому хозяину приходится брать за свой хлѣбъ не тѣ цѣны по какимъ хлѣбъ достается потребителю, не тѣ цѣны которыя вознаграждали бы земледѣльца за его трудъ, рискъ и расходы, но тѣ какія хочетъ дать мелкій или крупный скупщикъ хлѣба, какъ бы ни были эти цѣны убыточны для производителя. Не продавать хлѣба за убыточныя цѣны большинство земледѣльцевъ не можетъ. Только богатые хозяева могутъ воздерживаться отъ убыточныхъ продажъ хлѣба, выжидать для его сбыта лучшаго времени и лучшихъ цѣнъ. Но кому настоятельная нужда въ наличныхъ деньгахъ, которыхъ, при отсутствіи кредита подъ хлѣбъ, нельзя достать иначе какъ путемъ продажи; надъ кѣмъ виситъ Дамокловымъ мечомъ продажа имѣнія съ аукціона и полное разореніе, тому не до выжиданій, тотъ долженъ продавать хлѣбъ за что ни пришлось, а скопляющіеся путемъ таковыхъ продажъ запасы продешовленнаго хлѣба у спекулянтовъ вынуждаютъ въ концѣ концовъ и состоятельныхъ хозяевъ продавать свой хлѣбъ много ниже его стоимости.

Какое великое спасибо сказали бы всѣ русскіе земледѣльцы тѣмъ кто избавилъ бы

ихъ отъ гнета хлѣбной спекуляціи, отъ этихъ вынужденныхъ продажъ въ убытокъ, кто вывелъ бы ихъ изъ нынѣшняго безысходнаго, по безденежью и безкредитности, положенія!

И вотъ зараждается мысль дать земледѣлію именно то въ чемъ оно до такой крайней степени нуждается. Высвободимъ земледѣльцевъ изъ кабальной зависимости отъ мелкихъ и крупныхъ скупщиковъ; дадимъ имъ необходимый въ ихъ положеніи кредитъ подъ хлѣбъ; уменьшимъ заодно ложащіеся на цѣны хлѣба перегрузочные расходы, поставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ перегрузку въ наилучшія условія. Составимъ компанію которая дала бы все это русскому земледѣлію, которая построила бы въ Россіи элеваторные магазины, выдавала бы ссуды подъ хлѣбъ и принимала бы на себя коммиссію продажи хлѣба, по порученію хлѣбовладѣльцевъ, за ихъ счетъ, помимо слишкомъ дорогихъ услугъ экспортныхъ конторъ. Если для организаціи такой компаніи нѣтъ подъ рукой капиталистовъ у себя дома, пригласимъ ихъ изъ-за моря. Пусть они въ свою опеку возьмутъ русскую хлѣбную торговлю, а также торговлю льномъ, пенькой, каменнымъ углемъ, металлами (со временемъ и другими товарами), пусть берутъ себѣ съ этой торговли дани и оброки... Что значитъ это въ сравненіи съ тѣми выгодами которыя дастъ компанія русскому народному хозяйству?

Предпріятіе съ такими задачами не могло не прельстить многихъ сельскихъ хозяевъ. Естественно что оно ввело въ соблазнъ и тѣхъ кто выступили въ числѣ его учредителей, не имѣя, по собственному ихъ признанію, достаточнаго знакомства съ техникой задуманнаго дѣла. Каковы бы ни были ихъ намѣренія, не они будутъ хозяевами предпріятія, но безпрерывно смѣняющіе одинъ другаго акціонеры, преимущественно американскіе, составляющіе свои собранія въ одномъ изъ штатовъ Сѣверной Америки съ какими имъ вздумается намѣреніями, чтобъ оттуда назначать своихъ, русскихъ и нерусскихъ, агентовъ для завѣдыванія дѣломъ и давать этимъ агентамъ наказы какъ вести его. Русскіе учредители предпріятія могутъ быть одушевлены самымъ горячимъ патріотизмомъ, но до ихъ патріотическихъ стремленій не будетъ никакого дѣла акціонерамъ. Интересъ акціонеровъ будетъ состоять въ томъ чтобъ извлечь до послѣдней копѣйки всю выгоду изъ каждаго пункта концессіи, и изъ перегрузочной, и изъ ссудной, и изъ коммиссіонной операціи, не заботясь о тѣхъ кто попадетъ имъ подъ прессъ. Кромѣ лишенныхъ реальнаго значенія разныхъ голословныхъ обѣщаній не обязательныхъ для будущихъ акціонеровъ компаніи, не имѣется въ виду никакой солидной гарантіи въ томъ что хотя бы одна изъ упомянутыхъ операцій обратилась на пользу нашего земледѣлія и хлѣбнаго сбыта. Во мнимыхъ выгодахъ для страны отъ собственно элеваторной, перегрузочной операціи уже успѣли окончательно разочароваться всѣ, со включеніемъ учредителей. Варранты будутъ выдаваться чуть не за тридевять земель отъ мѣстопребыванія сельскихъ хозяевъ и притомъ на такихъ условіяхъ (30-дневный срокъ всегда могущій сократиться до пятидневнаго и дорогой магазинажъ или полежалое) при которыхъ сельскіе хозяева варрантными ссудами пользоваться не могутъ ни съ цѣлью выждать цѣны, ни въ иныхъ видахъ. Наконецъ нѣтъ ни малѣйшей гарантіи въ томъ чтобъ отданный компаніи на коммиссію хлѣбъ былъ проданъ ею тѣмъ фирмамъ съ которыми она будетъ имѣть дѣло по цѣнамъ лучшимъ тѣхъ какія получаются нынѣ отъ скупщиковъ хлѣба и экспортныхъ конторъ. Хотя бы въ концессію была даже внесена (чего пока нѣтъ) максимальная такса за коммиссію, нѣтъ никакихъ гарантій въ томъ что между фирмами которымъ компанія будетъ продавать коммиссіонный хлѣбъ и пребывающимъ въ Америкѣ обществомъ не будетъ никакихъ соглашеній по части хлѣбныхъ сдѣлокъ за счетъ третьихъ лицъ, русскихъ хлѣбовладѣльцевъ. Не здѣсь ли надобно искать объясненія почему компанія такъ настаиваетъ на томъ чтобъ ей быть непремѣнно экстерриторіальною, имѣть свое главное сѣдалище въ Америкѣ, внѣ вліянія русской власти которая могла бы пресѣкать направленныя противъ русскихъ интересовъ сдѣлки? У нынѣшнихъ скупщиковъ и экспортныхъ конторъ будетъ отбита ихъ практика: но что выиграетъ земледѣліе отъ того что барыши достающіеся скупщикамъ и конторамъ поступятъ въ раздѣлъ не между ними, а между акціонерною компаніей и близкими къ ней торговыми фирмами? Благодаря безденежью и безкредитности сельскихъ хозяевъ, барыши скупщиковъ и экспортеровъ очень велики; но размѣры этихъ барышей все-

таки до извѣстной степени регулируются существующею между скупщиками конкурренціей. Но когда, согласно съ цѣлью компаніи, скупщики будутъ подавлены, этой конкурренціи болѣе не будетъ, и стало-быть не будетъ единственнаго условія до извѣстной степени ослабляющаго тягость кабалы въ какой находится земледѣліе. Вмѣсто чаемыхъ благъ отъ русско-американскаго предпріятія, русскіе хозяева благодаря ему могутъ попасть изъ огня да въ полымя.

Но если нельзя ждать добра отъ русско-американскаго предпріятія, если оно можетъ повести только къ ухудшенію нынѣшняго положенія дѣлъ, если поэтому необходимо сдать въ архивъ все дѣло компаніи, то отсюда никакъ не слѣдуетъ чтобы все у насъ осталось и впредь какъ было и есть нынѣ, чтобы ничего не требовалось сдѣлать въ интересахъ русскаго земледѣлія и стало-быть всего нашего народнаго хозяйства. Добрыя намѣренія учредителей должны быть осуществлены, но не руками чужестранцевъ которые такихъ намѣреній исполнить не могутъ, а будутъ лишь эксплуатировать чужую имъ страну; эти намѣренія могутъ быть осуществлены во всей ихъ силѣ и истинномъ значеніи лишь государственною властію не имѣющею иныхъ задачъ и интересовъ кромѣ блага страны.

Мы достаточно говорили о томъ что потребность въ элеваторныхъ магазинахъ всего лучше и полнѣе можетъ быть удовлетворена если правительство возьметъ на себя руководство въ этомъ дѣлѣ, если устройство цѣлой сѣти элеваторовъ будетъ имъ вмѣнено желѣзнымъ дорогамъ въ непремѣнную обязанность. Лишь въ такомъ случаѣ наша хлѣбная торговля станетъ въ условія близкія къ существующимъ въ Америкѣ, гдѣ элеваторы имѣются по всему протяженію рельсовыхъ путей, на всѣхъ пунктахъ подвоза къ нимъ хлѣба. Лишь съ развитіемъ сѣти станціонныхъ элеваторовъ станетъ повсемѣстно возможною перевозка хлѣба розсыпью, съ устраненіемъ расхода на мѣшки. Только при станціонныхъ элеваторахъ получатъ хлѣбовладѣльцы подручный кредитъ подъ варранты. Только помощью станціонныхъ элеваторовъ могутъ быть устранены тѣ вопіющія, разорительныя для сельскихъ хозяевъ безобразія которыя всѣмъ извѣстны и о которыхъ между прочимъ писалъ на дняхъ нашъ корреспондентъ съ линіи Грязе-Царицынской желѣзной дороги *).

Но еще важнѣе ссудъ подъ варранты былъ бы для сельскихъ хозяевъ кредитъ подъ хлѣбъ находящійся въ ихъ амбарахъ, причемъ проценты по ссудамъ не увеличивались бы приплатой за магазинажъ. Этотъ кредитъ за умѣренные проценты можетъ быть открытъ только правительствомъ. Устроить же систему такого кредита, съ устраненіемъ для правительства риска потерь отъ недобросовѣстности хлѣбовладѣльца, полагаемъ, не особенно трудно, на началахъ взаимнаго ручательства хорошо знающихъ другъ друга сельскихъ хозяевъ въ каждой округѣ. При ручательствѣ сосѣдей что предъявляемый къ залогу хлѣбъ дѣйствительно имѣется налицо и не будетъ проданъ безъ уплаты казенной ссуды, таковая ссуда въ опредѣленномъ размѣрѣ можетъ быть выдаваема безъ проволочки и безъ опасеній. Неоправдавшій довѣрія самъ лишалъ бы себя выгодъ кредита и ручательства, и за растрату заложеннаго хлѣба, помимо имущественнаго взысканія, ему грозила бы еще уголовная отвѣтственность.

И этотъ видъ кредита, и кредитъ подъ варранты выданные изъ недалекихъ отъ имѣній элеваторовъ, устраняли бы для сельскихъ хозяевъ необходимость, при нуждѣ въ деньгахъ, продавать хлѣбъ не соображаясь съ выгодностью цѣнъ; прижимки скупщиковъ хлѣба утратили бы большую долю своего значенія. Въ значительной мѣрѣ устранилась бы самая надобность въ тѣхъ коммиссіонныхъ услугахъ которыя проектированы учредителями компаніи. Вполнѣ же и съ дѣйствительною, а не мнимою пользой услуги экспортныхъ конторъ

*) Вотъ что между прочимъ писалъ онъ какъ очевидецъ того что творится на желѣзнодорожныхъ станціяхъ: „...По обѣимъ сторонамъ миніатюрныхъ товарныхъ платформъ, параллельно рельсовому пути навалены бунты зерноваго хлѣба. Никакихъ приспособленій для храненія этого хлѣба нѣтъ: нѣтъ не только брезентовъ для крыши, но въ большинствѣ случаевъ нѣтъ даже и подкладокъ. Мѣшки съ хлѣбомъ прямо сваливаются на грунтъ, а кровлей служитъ широкій кровъ чистаго неба. Впрочемъ, въ послѣднее время для крыши хлѣбныхъ бунтовъ на промежуточныя станціи высланы *рогожи*. Рогожная крыша можетъ служить защитой лишь отъ стыда, а отнюдь не отъ дождей или отъ сырой, перемѣнчивой осенней атмосферы, а потому верхушки хлѣбныхъ бунтовъ уже дали мѣстами роскошные зеленѣющіе всходы...“

могутъ быть устранены, думаемъ, лишь учрежденіемъ таковыхъ конторъ самими сельскими хозяевами на тѣхъ же началахъ на какихъ учреждаются общества взаимнаго кредита и общества взаимнаго страхованія.

№ 320.

Москва, 17-го ноября.

Египетскій вопросъ, считавшійся окончательно рѣшеннымъ благодаря фактическому введенію англійскаго протектората въ Египтѣ, совершенно неожиданно вступилъ въ новый фазисъ. Пока Англичане были заняты переустройствомъ внутренняго строя Египта и преобразованіемъ египетской арміи, въ южныхъ провинціяхъ, Суданѣ и Кордофанѣ, возстаніе поднятое лжепророкомъ Махди приняло угрожающіе размѣры. Состоящія подъ командой англійскихъ офицеровъ египетскія войска, отправленныя для усмиренія бунта, одержали первоначально нѣсколько побѣдъ надъ взбунтовавшимися Арабами, и одно время, такъ по крайней мѣрѣ еще недавно утверждали англійскія газеты, возстаніе въ Суданѣ считалось подавленнымъ.

Но это оказалось ошибкой. На дняхъ изъ Каира было получено извѣстіе что экспедиціонный корпусъ командовавшаго египетскими войсками англійскаго генерала Гикса подвергся нападенію со стороны войскъ Махди и буквально весь истребленъ въ окрестностяхъ главнаго города Кордофана, Эль-Обеида. Извѣстіе это, какъ и слѣдовало ожидать, произвело не только въ Англіи, но и въ другихъ странахъ весьма сильное впечатлѣніе, и это не удивительно если принять въ соображеніе что побѣда Махди можетъ повлечь за собою весьма серіозныя послѣдствія. Удивительнѣе всего что въ то время какъ въ Англіи считали возстаніе въ Суданѣ и Кордофанѣ почти совершенно подавленнымъ, въ самой арміи генерала Гикса не смотрѣли на этотъ вопросъ такъ оптимистически, что наглядно доказываетъ запоздалое письмо майора египетскаго генеральнаго штаба Альфреда фонъ-Секендорфа, писанное имъ еще 25 сентября и обнародованное на дняхъ въ вѣнской *Presse*. Въ письмѣ этомъ, написанномъ частному лицу, находимъ интересныя свѣдѣнія о ходѣ Суданской экспедиціи и о силахъ коими располагаетъ Махди. „Мы выступили изъ Хартума, пишетъ Секендорфъ, 9 сентября, и спустя двѣнадцать дней прибыли въ Дуемъ (укрѣпленный пунктъ на Бѣломъ Нилѣ), который долженъ служить базисомъ нашихъ операцій въ Кордофанѣ. Переходъ этотъ наглядно показалъ намъ съ какими непреодолимыми трудностями придется намъ бороться во время экспедиціи... Лжепророкъ врагъ весьма опасный и можетъ причинить намъ не мало затрудненій; число его приверженцевъ весьма значительно, кромѣ того, у него слишкомъ 15.000 казнозарядныхъ ружей новой конструкціи, 14 орудій и два хорошо укрѣпленные пункта, Бара и Эль-Обеидъ; послѣдній есть столица Кордофана; главная опасность для насъ заключается въ томъ что у Махди многочисленная прекрасная кавалерія и что каждый изъ его солдатъ герой вслѣдствіе фанатизма, чего отнюдь нельзя сказать объ египетскихъ войскахъ. Я видѣлъ Египтянъ въ трехъ сраженіяхъ, но чтобы найти въ числѣ ихъ героя, надобно искать очень долго.“ Въ томъ же письмѣ сообщается далѣе что передвиженіе экспедиціоннаго корпуса затрудняется въ особенности тѣмъ что всѣ колодцы въ степи совершенно испорчены, и что снабженіе войскъ въ *числѣ 11.000 человѣкъ, при 600 верблюдовъ и множествѣ лошадей и муловъ*, представляется въ виду этого почти невозможнымъ. Въ краткихъ телеграфныхъ извѣстіяхъ о побѣдѣ Махди и пораженіи египетскаго войска не упоминается ни слова о численности экспедиціоннаго корпуса, и въ этомъ отношеніи письмо Секендорфа представляетъ особенный интересъ. Битва при Эль-Обеидѣ была не стычка, а генеральное сраженіе, въ которомъ все было поставлено на карту и все проиграно; однихъ англійскихъ офицеровъ, если вѣрить частнымъ извѣстіямъ газетъ, погибло 49 человѣкъ.

Любопытно то обстоятельство что Секендорфъ, повидимому, хорошо понималъ положеніе и даже предвидѣлъ печальный исходъ экспедиціи. „Если наша кавалерія, пишетъ онъ, предупредитъ насъ своевременно о нападеніи Арабовъ, то все пойдетъ хорошо; но если имъ удастся напасть на насъ врасплохъ, то я опасаюсь самыхъ гибельныхъ послѣдствій; такъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію что одержи Арабы побѣду, изъ насъ никто не останется въ живыхъ; тогда немедленно

возстаніе охватитъ весь Суданъ, Хартумъ и все будетъ потеряно, такъ какъ населеніе будетъ вполнѣ увѣрено что лжепророкъ есть настоящій Махди.“

Письмо это показываетъ что въ экспедиціонномъ корпусѣ сознавали опасность угрожавшую экспедиціи, и если она была тѣмъ не менѣе предпринята, то изъ этого слѣдуетъ что съ экспедиціей въ Кордофанъ были связаны крупные интересы (отчасти политическіе, отчасти торговые) Англіи; поэтому и пораженіе нанесенное лжепророкомъ получаетъ особенное значеніе.

Въ чемъ же заключаются тутъ англійскіе интересы?

Англійскія газеты, подъ предлогомъ гуманности, давно уже твердили что нельзя допустить чтобы въ Суданѣ попрежнему процвѣтала торговля невольниками, такъ какъ это несовмѣстимо съ цивилизаціей, но, какъ справедливо замѣчаетъ вѣнская *Presse*, Англичане, выступая въ качествѣ филантроповъ, „въ тайнѣ помышляли и объ аравійской камеди, о слоновой кости и страусовыхъ перьяхъ, торговля коими даетъ весьма хорошій доходъ, и наконецъ они не упускали изъ виду обширнаго рынка и выгодъ которыя можетъ извлечь Англія когда негры поотвыкнутъ ходить полуодѣтыми и привыкнутъ цѣнить англійскія хлопчатобумажныя издѣлія.“

Политическая сторона вопроса еще важнѣе. Вѣсть о полномъ пораженіи „невѣрныхъ“ посланникомъ Аллаха должна произвести сильное впечатлѣніе на весь магометанскій міръ, а у Англіи не мало подданныхъ магометанъ, особенно въ Индіи. Побѣда Махди можетъ вызвать и въ Индіи, такъ же какъ въ Египтѣ, сильное броженіе, могущее повести къ самымъ серіознымъ послѣдствіямъ.

Въ виду такого положенія дѣлъ, мысль объ отозваніи англійскихъ войскъ изъ Египта будетъ, конечно, отложена „на неопредѣленный срокъ,“ и Англіи придется принять рѣшительныя мѣры для возстановленія своего престижа. Что англійское правительство намѣрено дѣйствовать именно въ этомъ направленіи доказывается и сообщеннымъ по телеграфу извѣстіемъ объ отплытіи англійской эскадры изъ Средиземнаго Моря въ Чермное.

Рѣшительный образъ дѣйствій Англійскаго правительства представляется необходимымъ уже и потому что торіи не замедлятъ воспользоваться случаемъ чтобы поколебать положеніе Гладстона.

№ 321.

Москва, 18-го ноября.

Офиціально возбужденный два года тому назадъ питейный вопросъ вновь выступаетъ на очередь законодательнаго разсмотрѣнія. Будемъ надѣяться что на этотъ разъ обсужденіе его пойдетъ не тѣмъ путемъ какимъ шло прежде, и что результатомъ его будетъ великая реформа которая по благотворности своей для народа можетъ быть поставлена почти на ряду съ освобожденіемъ крестьянъ, и безъ которой самое это освобожденіе не могло донынѣ принести всѣхъ своихъ добрыхъ плодовъ.

При томъ отношеніи къ дѣлу какое обозначилось два года тому назадъ въ тогдашнихъ коммиссіяхъ и административныхъ и „свѣдущихъ“ людей, мечтавшихъ объ „облагороженіи“ кабака, объ устроеніи „общественныхъ питейныхъ заведеній“ и о водвореніи кабака въ области мірскаго самоуправленія какъ органической его части, рѣшеніе вопроса въ желаемомъ смыслѣ было невозможно. Безъ надлежащаго представленія о кабацкой язвѣ и о самомъ организмѣ который отъ нея страдаетъ, безъ ясной постановки задачи которую нужно рѣшить и цѣли къ которой нужно стремиться, нельзя было выработать ни плана дѣйствій, ни системы мѣръ для его осуществленія. Какъ ни великъ вредъ всякой отсрочки оставляющей народъ попрежнему жертвой кабацкой заразы, лучше было отсрочить рѣшеніе вопроса чѣмъ идти въ такомъ дѣлѣ наобумъ и принять необдуманно мѣры которыя могли бы еще глубже затянуть народъ въ то смрадное болото изъ котораго онъ молитъ извлечь его. Вопросъ былъ переданъ на обсужденіе особыхъ губернскихъ и уѣздныхъ коммиссій по питейному дѣлу.

Какъ было замѣчено нами еще въ началѣ текущаго года, съ передачей дѣла людямъ ближе стоящимъ къ населеніямъ испытывающимъ на себѣ всѣ гибельныя послѣдствія кабацкаго соблазна, обсужденіе питейнаго вопроса приняло совсѣмъ иное направленіе чѣмъ какое дано было ему въ Петербургѣ. Когда уѣздными

коммиссіями спрашивались мнѣнія самихъ крестьянъ, ближе всѣхъ знакомыхъ съ кабакомъ и его прелестями, отъ нихъ всего чаще приходилось слышать желанія чтобы распивочная (кабацкая и трактирная) продажа спиртныхъ напитковъ по возможности вовсе не дозволялась и чтобы, сверхъ того, и число мѣстъ продажи „на выносъ" было ограничено какъ можно меньшимъ числомъ. Это же самое мнѣніе, сколько извѣстно, преобладало и во многихъ уѣздныхъ коммиссіяхъ, къ нему же склонялись и многія губернскія коммиссіи. Но по мѣстамъ замѣчалось что по мѣрѣ удаленія отъ народной среды, по мѣрѣ восхожденія по лѣстницѣ административныхъ учрежденій, отпоръ стремленіямъ разрѣшать, кромѣ продажи на выносъ, также и распивочную и предоставлять питейной торговлѣ нѣкоторыя льготы относительно числа мѣстъ питейной продажи становился слабѣе; по мѣрѣ того какъ живые отзвуки замѣнялись все болѣе отдаленнымъ эхомъ, по мѣрѣ того какъ непосредственныя впечатлѣнія и отзывы уступали мѣсто мертвеннымъ сводамъ мнѣній и квинтъ-эссенціямъ изъ этихъ сводовъ, какъ бы сама собою росла и бóльшая или меньшая податливость на компромиссы съ либеральными воззрѣніями на кабакъ. Невольно возникаетъ поэтому опасеніе, какъ бы живое дѣло совсѣмъ не затерялось и не заглохло въ окончательномъ сводѣ который долженъ быть сдѣланъ въ Петербургѣ изъ доставленныхъ туда заключеній губернскихъ и областныхъ коммиссій, причемъ питейный либерализмъ могъ бы сдѣлать новые успѣхи. Но подождемъ поддаваться такимъ опасеніямъ, не будемъ смущаться и газетными сообщеніями поставляющими на видъ что многіе изъ членовъ новообразованной при Министерствѣ Финансовъ коммиссіи для разсмотрѣнія питейнаго вопроса „состояли уже въ питейной коммиссіи, дѣйствовавшей года два тому назадъ предъ созывомъ свѣдущихъ людей" *). Зачѣмъ думать что люди въ теченіе двухъ лѣтъ ничего не забыли и ничему не научились?

Нельзя не замѣчать признаковъ показывающихъ что во многихъ случаяхъ сужденія о питейномъ дѣлѣ стали противъ прежняго много серіознѣе. Этотъ поворотъ обозначился между прочимъ и по отношенію къ мысли рѣшить вопросъ установленіемъ казенной питейной монополіи взамѣнъ нынѣшней акцизной системы. На первыхъ порахъ эта мысль, высказанная нами въ главныхъ основаніяхъ и предложенная одновременно г. Мандельштамомъ, была встрѣчена лишь дешевымъ глумленіемъ людей неспособныхъ ни сказать о дѣлѣ что-нибудь помимо ходячихъ фразъ, ни даже понять что-либо выходящее изъ круга этихъ фразъ. Но мало-по-малу мысль о казенной питейной монополіи, не имѣющей ничего общаго ни съ откупною системой, ни съ системой казенныхъ кабаковъ, стала все болѣе обращать на себя вниманіе людей мыслящихъ. По доходившимъ до насъ свѣдѣніямъ, не мало уважительныхъ голосовъ въ пользу казенной питейной монополіи слышалось при обсужденіи питейнаго вопроса осенью прошлаго года въ уѣздныхъ и губернскихъ коммиссіяхъ. Въ то же время Н. Я. Данилевскій въ своей серіозной и во многихъ отношеніяхъ заслуживающей полнаго вниманія статьѣ *Нѣсколько мыслей по поводу низкаго курса нашихъ бумажныхъ денегъ и нѣкоторыхъ другихъ экономическихъ явленій и вопросовъ* высказалъ слѣдующій взглядъ на рѣшеніе питейнаго вопроса:

„Улучшеніе нашихъ финансовъ путемъ хорошей системы косвенныхъ налоговъ вполнѣ достижимо, и достижимо въ непродолжительномъ времени. Между предметами обложенія есть одинъ, который

*) Личный составъ коммиссіи, по газетнымъ извѣстіямъ, слѣдующій: Предсѣдатель—директоръ Департамента Неокладныхъ Сборовъ А. С. Ермоловъ; члены: отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ—д. ст. с. Воейковъ, отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ—колл. асс. Егуновъ, отъ Министерства Путей Сообщенія—д. ст с. Зельстремъ и инженеръ Маковкинъ, отъ Военнаго Министерства—генералъ-маіоръ Красновъ, отъ Министерства Двора—ст. сов. Вагановъ (бывшій вице-предсѣдатель совѣщанія свѣдущихъ людей), отъ Морскаго Министерства—д. ст. с. Ростиславовъ, отъ Министерства Финансовъ—вице-директоръ Департамента Неокладныхъ Сборовъ д. ст. с. Пленъ, К. Д. Кавелинъ, Терскій и Григорьевъ, отъ Государственнаго Контроля—д. ст. с. Хмыровъ, отъ Святѣйшаго Синода—д. ст. с. Остроумовъ, отъ С.-Петербургскаго градоначальства—т. с. Турчаниновъ. Изъ управляющихъ акцизными сборами въ засѣданіяхъ коммиссіи будутъ принимать участіе: управляющій С.-Петербургской губерніи А. Д. Дмитріевъ, Владимірской—Шишковъ, Смоленской — фонъ-Зигель, Витебской—Фитингофъ-Шель, Полтавской—Семеновъ, Области Войска Донскаго — Бодиско, Воронежской—Рыжовъ, Ломжинской, Плоцкой и Сувалкской—фонъ Шведеръ, Подольской—Назаровъ

удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ хорошей и чрезвычайно доходной статьи. Я разумѣю хлѣбное вино. Питейный налогъ служитъ издавна предметомъ упрековъ нашей финансовой системѣ, какъ основанной на спаиваніи, развращеніи и разореніи народа. Всѣ эти упреки совершенно справедливы, поскольку они касаются системъ взиманія этого налога, какъ бывшей откупной, такъ и теперешней акцизной. Но тѣмъ не менѣе водка остается не только отличнымъ, но даже наивозможно лучшимъ предметомъ обложенія по своей сущности. Не будучи предметомъ необходимости, она вмѣстѣ съ тѣмъ обратилась въ предметъ чрезвычайно обширнаго потребленія, которое хотя и вовсе не необходимо, даже едва ли полезно, но по крайней мѣрѣ безвредно, если употребляется умѣренно и если способъ употребленія не приправляется всякаго рода соблазнами, развратомъ и даже преступленіями. Во всякомъ случаѣ употребленіе водки въ народѣ, да и не въ одномъ только народѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а во всѣхъ классахъ общества, укоренилось, и съ этимъ фактомъ надо считаться. Уничтожить или даже значительно уменьшить употребленіе водки невозможно ни обществами трезвости, ни развитіемъ народнаго образованія и школъ, какъ нѣкоторые мечтаютъ. Образованіе и школы суть вещи безспорно хорошія и необходимыя, но однако же не панацея ото всѣхъ возможныхъ золъ. Мы видимъ что грамотные волостные писаря и весь такъназываемый (хотя и не въ юридическомъ, а въ общеупотребительномъ смыслѣ) классъ разночинцевъ, по школьному образованію стоящій, конечно, гораздо выше простаго народа, не только пьютъ, но даже и пьянствуютъ больше его. Мы видимъ даже изъ множества примѣровъ что и недосягаемо высокая для народа степень образованія не избавляетъ не только отъ сильнаго употребленія крѣпкихъ напитковъ, но даже и отъ пьянства. Совершенно не вѣрна также и та мысль что народъ пьетъ будто бы отъ бѣдности и нищеты, что̀ стараются даже объяснить физіологически потребностью замѣнить недостаточность питанія употребленіемъ алкоголя какъ средствомъ ослабляющимъ аппетитъ замедленіемъ процесса круговращенія вещества. Не вѣрно это потому что, несмотря на возгласы „либераловъ“ извѣстнаго пошиба и на статистическія выкладки основанныя на данныхъ взятыхъ съ вѣтра, недостаточность питанія есть прискорбное явленіе свойственное только или нѣкоторымъ исключительнымъ мѣстностямъ, особенно неблагопріятствуемымъ условіями почвенными, климатическими, а также, къ еще большему сожалѣнію, и условіями общественнаго строя, или нѣкоторымъ годамъ, какъ, впрочемъ, это не у насъ однихъ, а и вездѣ бываетъ. Укажу лишь на примѣръ недавняго голода въ богатой Силезіи. Не вѣрно также потому что если пьютъ и бѣдняки, то еще гораздо больше пьютъ тѣ которые очень хорошо и даже съ излишкомъ питаются. Но какъ бы тамъ ни было, дѣло въ томъ что у насъ пьютъ водку и будутъ пить, несмотря на общества трезвости, еслибы таковыя завелись, несмотря на общественные приговоры, на школы и просвѣщеніе, буде таковыя заведутся въ желательныхъ размѣрахъ, несмотря ни на бѣдность, ни на богатство. Весь вопросъ въ томъ чтобы сдѣлать это питье водки по возможности менѣе вреднымъ для народа и по возможности болѣе доходнымъ для казны, буде обѣ эти цѣли не противорѣчатъ одна другой. По счастью, онѣ не только не противорѣчатъ другъ другу, но даже и недостижимы одна безъ другой. Эта задача разрѣшается наивозможно удовлетворительнымъ образомъ обращеніемъ продажи водки и прочихъ крѣпкихъ напитковъ въ монополію правительства. Сама по себѣ эта мысль не новая, ибо казенная продажа была даже испытана на практикѣ въ двадцатыхъ годахъ, но очень неудачно. Всю цѣну сказанной мысли придаютъ два дополнительныя условія. Вопервыхъ, чтобы при этомъ была устранена всякая продажа распивочно и напитки продавались бы въ запечатанныхъ сосудахъ различной величины, что̀ также не ново, потому что предлагалось и при другихъ проектахъ устройства питейнаго дѣла; вовторыхъ, что̀, сколько мнѣ извѣстно, дѣйствительно ново и предложено въ первый разъ,—чтобы цѣна питей была совершенно пропорціональна продающемуся ихъ количеству, чтобы сотая часть ведра стоила и сотую часть цѣны ведра. Какъ всякое ясное и вѣрное рѣшеніе задачи, и это рѣшеніе, кажется мнѣ, должно поразить каждаго безпристрастнаго человѣка своею простотой и очевидностью. Продажа вина въ запечатанныхъ сосудахъ устраняетъ весь вредъ кабаковъ, а цѣна пропорціональная количе-

ству лишаетъ выгодъ шинкарство, и слѣдовательно низведетъ его до самыхъ незначительныхъ размѣровъ. Доказывать и развивать эту мысль здѣсь незачѣмъ, ибо она уже развита въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, прибавлю только что, по моему мнѣнію, дѣлаемыя нѣкоторыми къ этому простому проекту дополненія въ значительной степени испортили бы дѣло...

„...Монопольная продажа вина дала бы правительству не менѣе 90 милл. рублей, сумму которая разомъ устранила бы дефициты, такъ сказать развязала бы правительству руки на всѣ необходимые и полезные расходы, въ которыхъ теперь поневолѣ приходится ему себя стѣснять. И это не только безъ надбавки единой копѣйки къ тому что платитъ теперь народъ, но съ облегченіемъ для него, ибо теперь онъ платитъ деньги частью за воду, платитъ въ раздробительной продажѣ не менѣе 7 руб. за ведро, а въ шинкахъ и вообще мѣстахъ тайной продажи и по 8 руб. Всѣ кабацкія безобразія будутъ уничтожены. Съ прекращеніемъ барыша отъ перекура, винокуренные заводы опять получатъ свое хозяйственное значеніе, скотоводство и хлѣбные урожаи увеличатся...

„Существуетъ ли какой-либо иной способъ, съ одной стороны, уменьшить въ такой же мѣрѣ вредъ причиняемый кабаками и вообще неумѣреннымъ, неправильнымъ употребленіемъ вина, а съ другой, настолько разомъ поднять доходъ казны, не только безъ отягощенія народа, но съ выгодой для него? Можетъ-быть при практическомъ исполненіи этого плана и встрѣтятся тѣ или другія затрудненія; но неужели не стóитъ подумать объ ихъ устраненіи?“ *)

Подобный же взглядъ усвоилъ себѣ и В. А. Кокоревъ, изложившій въ основныхъ чертахъ выработанный имъ планъ питейной реформы въ своемъ докладѣ, читанномъ въ С.-Петербургскомъ Собраніи Сельскихъ Хозяевъ 1 ноября 1883 года. Такимъ образомъ планъ казенной питейной монополіи исходитъ теперь уже не отъ какихъ-либо мечтателей или кабинетныхъ теоретиковъ, но отъ лица имѣющаго за собой несомнѣнный, первостепенный авторитетъ практика въ питейномъ дѣлѣ, знающаго это дѣло во всѣхъ его подробностяхъ и доказавшаго свою способность устраивать его преодолѣвая многоразличныя въ немъ затрудненія. Планъ В. А. Кокорева, изложенный лишь въ главныхъ чертахъ—для разработки частностей не пришло еще время—не вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ какой былъ изложенъ два года тому назадъ въ нашихъ статьяхъ; въ немъ есть кое-что съ чѣмъ мы не могли бы согласиться, какъ съ несоотвѣтствующимъ основной его мысли; такъ, напримѣръ, съ казенною питейною монополіей, съ продажей вина исключительно изъ казенныхъ винныхъ лавокъ кажется намъ несовмѣстимымъ существованіе частныхъ оптовыхъ торговыхъ складовъ. Но это, можно сказать, мелочные, легко устранимые недостатки плана. Его можно оспаривать, но нельзя съ нимъ не считаться. Всякій иной планъ реформы, полагаемъ, можетъ быть принятъ не иначе какъ по предварительномъ серіозномъ разслѣдованіи дѣйствительно ли онъ лучше предложеннаго. Предстоитъ доказывать, и доказывать серіозно, что не планъ г. Кокорева, а другой планъ въ большей мѣрѣ уменьшитъ вредъ причиняемый кабаками, вѣрнѣе поведетъ къ замѣнѣ кабацкаго пьянства правильнымъ употребленіемъ вина, и вмѣстѣ съ тѣмъ надежнѣе и въ большей мѣрѣ увеличитъ казенный питейный доходъ не только безъ отягощенія народа, но съ выгодой для него. Будемъ ждать этихъ доказательствъ.

*) См. *Русскій Вѣстникъ* 1882 года, сентябрьскую книжку, стр. 141—145.

№ 322.

Москва, 19-го ноября.

Въ Сербіи, если вѣрить офиціознымъ газетамъ, наступило полное затишье. Возстаніе вспыхнувшее въ восточныхъ округахъ страны подавлено войсками, и мѣстами военныя власти снова замѣнены гражданскими, изъ чего слѣдуетъ что возстаніе если не вездѣ, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ округахъ окончательно сломлено. Часть войскъ, какъ утверждаютъ, уже получила приказаніе вернуться въ свои обычныя стоянки, и еслибы не военный судъ, щедрый на смертные приговоры, и все еще продолжающіеся аресты вожаковъ радикальной партіи, то можно бы подумать что возстанія вовсе не было. Шестеро участниковъ возстанія уже казнены, большинство вождей радикальной партіи подверг-

нутся вѣроятно той же участи если г. Христичъ не предпочтетъ оставить ихъ въ тюрьмахъ, откуда въ Сербіи не всегда выходятъ живыми. Приговоръ о нихъ еще не состоялся, но всѣ они обвинены въ государственной измѣнѣ, а этого достаточно для рѣшенія ихъ участи согласно видамъ нынѣшнихъ правителей Сербскаго королевства.

Въ Бѣлградѣ ликуютъ, и также ликуютъ въ Вѣнѣ и въ Пештѣ. „Престижъ короля Милана" считается обезпеченнымъ, вліяніе Австріи упроченнымъ. О причинахъ возстанія и объ устраненіи ихъ на будущее время большинство сербскихъ и австрійскихъ газетъ, подъ вліяніемъ успѣха войскъ, перестали толковать, и самая интересная сторона вопроса остается такимъ образомъ пока не разъясненною. Въ газетѣ *Видело*, состоящей теперь органомъ Николая Христича и усердно служащей ему какъ нѣкогда служила г. Пирочанцу, Новаковичу и другимъ, печатаются вѣрноподданные адресы присылаемые королю Милану изъ разныхъ областей Сербіи. При этомъ однако умалчивается упоминаемое въ другихъ газетахъ извѣстіе о множествѣ петицій подаваемыхъ тому же королю Милану о помилованіи привлеченныхъ къ суду, хотя и не принимавшихъ участія въ возстаніи. Умолчаніе понятное, ибо дѣло идетъ о судьбѣ лицъ которымъ Сербскій народъ еще недавно выразилъ полное сочувствіе на скупщинскихъ выборахъ.

Какъ отразится послѣднее возстаніе на дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ Сербскаго правительства? На этотъ вопросъ пока отвѣтить не легко. Кабинетъ Николая Христича руководится въ своей политикѣ тѣми же мотивами какъ и бывшій кабинетъ г. Пирочанца; разница только въ томъ что первый дѣйствуетъ болѣе открыто и обнаруживаетъ диктаторскія замашки, между тѣмъ какъ второй все время прикрывался конституціонализмомъ и просвѣщеннымъ либерализмомъ. Во всѣхъ выдающихся вопросахъ какъ внутренней, такъ въ особенности иностранной политики солидарность Николая Христича и г. Пирочанца очевидны. Итакъ, еслибы дѣло шло только о доброй волѣ нынѣшнихъ сербскихъ правителей, врядъ ли бы можно было ожидать поворота къ лучшему въ сербской политикѣ. Но обстоятельства иногда сильнѣе воли; это аксіома и для „боеваго кабинета" Христича.

Кто внимательно слѣдилъ за событіями послѣднихъ лѣтъ въ Сербіи, тотъ знаетъ что главною причиной неудовольствія Сербскаго народа противъ его правителей была затѣянная бывшимъ сербскимъ министромъ народнаго просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ Стояномъ Новаковичемъ „культурная борьба," поведшая ко вторженію сербскихъ министровъ въ область церковно-каноническую. Даже сдѣлки съ пресловутымъ Бонту и разными австрійскими банковыми дѣльцами, разстроившія сербскіе финансы и сильно поколебавшія кредитъ страны, даже эти сдѣлки, играющія въ глазахъ разчетливыхъ Сербовъ весьма крупную роль, не въ такой мѣрѣ повредили бывшему кабинету, какъ несправедливое гоненіе противъ архипастыря Сербской церкви митрополита Михаила и другихъ епископовъ энергически выступившихъ противъ посягновеній правительства на неприкосновенность каноновъ Церкви. Ясно, поэтому, что для разрѣшенія внутреннихъ затрудненій Сербіи въ высшей степени важно чтобы такъ-называемый церковный вопросъ былъ улаженъ какъ можно скорѣе и притомъ согласно интересамъ Церкви. Конечно, нынѣшнему сербскому премьеру было бы неудобно брать на себя инціативу въ этомъ дѣлѣ: это значило бы отречься отъ программы бывшаго кабинета столь милостиво отпущеннаго королемъ Миланомъ. Но вопросъ этотъ поднятъ другими, чего сербскіе министры можетъ-быть и не ожидали. Вѣнская *Presse*, служащая офиціознымъ органомъ Сербскаго правительства, сообщила на дняхъ извѣстіе что Константинопольскій патріархъ намѣренъ обнародовать посланіе порицающее новые сербскіе церковные законы которые повели къ изгнанію сербскихъ епископовъ. Это могло бы имѣть весьма печальныя послѣдствія для Сербскаго правительства, и оно волею-неволею должно было поручить своему посланнику въ Константинополѣ, г. Груичу, вступить съ патріархомъ въ переговоры объ этомъ вопросѣ. Какъ сообщаетъ та же *Presse*, г. Груичъ обѣщалъ что церковные законы будутъ отчасти измѣнены, а епископы (за исключеніемъ митрополита Михаила) возвращены, лишь бы только патріархъ не обнародовалъ своего посланія. Патріархъ остался повидимому не вполнѣ удовлетвореннымъ объясненіями г. Груича и заявилъ что представитъ предложеніе Сербскаго пра-

вительства на разсмотрѣніе синода. Чѣмъ кончится это дѣло, пока неизвѣстно. Сербское правительство нашло нужнымъ уступить подъ давленіемъ обстоятельствъ, но уступая въ принципѣ, оно все-таки дѣлаетъ дѣло только на половину, отказываясь признать правоту митрополита Михаила, прежде другихъ выступившаго защитникомъ Церкви. Ясно что такая полууступка неразрѣшаетъ церковнаго вопроса: или новый сербскій церковный законъ нарушаетъ каноны церкви, и тогда митрополитъ Михаилъ достоинъ всякой похвалы за непризнаніе, или законъ этотъ каноновъ церковныхъ не нарушаетъ, и тогда Сербскому правительству незачѣмъ измѣнять его и возвращать изгнанныхъ епископовъ. Сербское же правительство, рѣшаясь на упомянутую уступку, хотя и признаетъ что оно перешагнуло границы своей компетентности ворвавшись въ церковную область, но въ то же время не соглашается вернуть митрополита Михаила. Не показываетъ ли это что при гоненіяхъ на митрополита сущность дѣла была не въ церковно-государственномъ конфликтѣ, но въ стороннемъ соображеніи, напримѣръ въ желаніи угодить Австріи, какъ не разъ открыто хвастались вѣнскія и пештскія офиціозныя газеты?

№ 325.

Москва, 22-го ноября.

Все ближе надвигается грозовая туча франко-китайской войны. Появляются уже зловѣщіе признаки предвѣщающіе близость окончательнаго разрыва между Французскою республикой и Небесною имперіей. Уже произнесено роковое слово „ультиматумъ,“ и оба противника, попрежнему завѣряя другъ друга и весь свѣтъ въ своемъ отмѣнномъ миролюбіи, принимаютъ уже послѣднія, рѣшительныя мѣры для того чтобы тотчасъ по объявленіи войны начать безпощадную, кровопролитную борьбу, исхода и послѣдствій которой никто предвидѣть не можетъ.

Итакъ надежды Французовъ не сбылись. Они нашли въ Китаѣ болѣе серіознаго и энергическаго противника чѣмъ предполагали два мѣсяца тому назадъ, когда имъ казалось что легкая побѣда ихъ надъ растерявшимися послѣ смерти Тю-Дюка аннамскими мандаринами и заключенный съ ними 25 августа мирный трактатъ положатъ конецъ всему Тонкинскому вопросу. „Небесная имперія наконецъ преклонится предъ величіемъ совершившагося факта“ (s'inclinera enfin devant la majesté du fait accompli), говорила въ то время съ паѳосомъ одна изъ французскихъ газетъ. Небесная имперія, къ изумленію французскихъ политиковъ, не только осталась непреклонною, но даже еще выше подняла голову и стала съ большею настойчивостью предъявлять свои требованія послѣ подписанія Гюэскаго трактата чѣмъ до него.

Оказалось что этотъ трактатъ, не имѣющій никакого значенія ни для Аннама, ни для Китая, всею тяжестью своихъ обязательствъ обрушился не на побѣжденныхъ, а на побѣдителей, отрѣзавъ имъ путь почетнаго отступленія въ дипломатическихъ переговорахъ съ Китайскимъ правительствомъ. Этотъ трактатъ по самой своей формѣ не допускаетъ дальнѣйшаго обсужденія и измѣненія; онъ отличается весьма категорическимъ тономъ и окончательно устанавливаетъ протекторатъ Франціи надо всѣмъ Тонкиномъ, отдавая ей почти въ полную собственность всю обширную, плодородную дельту Красной Рѣки служащую ключомъ къ изобилующей природными богатствами южно-китайской провинціи Юннанъ. Китайское правительство заявило формальный протестъ противъ Гюэскаго трактата, указывая на васcальныя отношенія Аннама къ Китаю; вмѣстѣ съ тѣмъ оно изъявляло согласіе на признаніе французскаго протектората, но надъ одною лишь дельтой Красной Рѣки, съ тѣмъ притомъ условіемъ чтобы вся сѣверная часть Тонкина вплоть до Красной Рѣки перешла въ полное владѣніе Китая, и чтобы сверхъ того между этою новою китайскою территоріей и находящеюся подъ французскимъ протекторатомъ аннамскою была проведена нейтральная полоса съ учрежденіемъ китайской таможни въ одномъ лишь пунктѣ. Это послѣднее условіе, на которомъ особенно настаиваютъ не только Китайцы, но и Англичане, имѣетъ цѣлью оградить южныя провинціи Китая отъ наплыва французскихъ товаровъ, который могъ бы вредно отозваться на той фактической торговой монополіи которою такъ давно и такъ успѣшно пользуются въ Небесной имперіи Англичане. Еслибы не было Гюэскаго трак-

тата, Франція могла бы, во избѣжаніе вовсе не желаемаго столкновенія съ Китаемъ, принять эти условія и съ нѣкоторою честью выпутаться изъ столь неожиданно усложнившагося Тонкинскаго вопроса. Но теперь Гюэскій трактатъ возлагаетъ на нее обязанность отстаивать всѣ предоставленныя ей въ этомъ трактатѣ преимущества, такъ какъ въ противномъ случаѣ она рискуетъ окончательно потерять даже и тѣнь престижа не только на дальнемъ Востокѣ, но и въ глазахъ европейскихъ державъ. Такимъ образомъ даже тотъ единственный успѣхъ который Франція одержала въ этомъ злополучномъ для нея Тонкинскомъ вопросѣ оказался на самомъ дѣлѣ однимъ изъ наиболѣе тяжкихъ ея промаховъ.

Остальныхъ промаховъ допущенныхъ въ этомъ дѣлѣ Французскимъ правительствомъ и не перечтешь. Они такъ очевидны что никто теперь во Франціи и не думаетъ отрицать ихъ; спорятъ лишь о томъ кому ихъ поставить въ вину. А такъ какъ въ девять лѣтъ, пока мало-по-малу нарождался и развивался Тонкинскій вопросъ, у кормила Французскаго государства смѣнилось не менѣе *пятнадцати* министерствъ, то и не удивительно что при процвѣтаніи во всей его доктринерской славѣ принципа министерской отвѣтственности нельзя найти того человѣка или тѣхъ людей кто дѣйствительно виноватъ что Франція нежданно-негаданно очутилась въ необходимости или пожертвовать честью своего знамени, или же начать на дальнемъ Востокѣ войну съ Китаемъ, войну безсмысленную и несвоевременную, отъ которой даже въ случаѣ побѣды нельзя ожидать никакихъ особыхъ выгодъ могущихъ вознаградить за тяжкія жертвы людьми и деньгами.

Начать съ того что необходимость для Франціи утвердить свое владычество въ Тонкинѣ далеко еще не доказана. Франція не страдаетъ избыткомъ народонаселенія чтобы нуждаться въ новыхъ внѣевропейскихъ колоніяхъ; напротивъ того, статистика доказываетъ что во Франціи число природныхъ Французовъ почти вовсе не увеличивается, тогда какъ съ каждымъ годомъ усиливается наплывъ въ нее иностраннаго элемента. Во всякомъ случаѣ Алжиръ еще такъ мало заселенъ Французами что здѣсь открывается обширное поле колонизаторской дѣятельности для тѣхъ французскихъ гражданъ которые сочли бы нужнымъ выселиться изъ европейской Франціи.

Но можетъ-быть Франція нуждается въ Тонкинѣ какъ въ новомъ рынкѣ для сбыта своихъ товаровъ? Дѣйствительно, промышленная дѣятельность Франціи находится въ настоящее время въ сильномъ упадкѣ благодаря безалаберному республиканскому хозяйничанію и нуждается въ оживленіи посредствомъ усиленнаго вывоза. Но разумное правительство могло бы найти для сбыта новые рынки мирнымъ путемъ, не пускаясь въ дальнія рискованныя экспедиціи, особенно въ такія страны гдѣ царитъ торговая монополія Англіи. Вотъ уже слишкомъ двадцать лѣтъ какъ Франція владѣетъ въ Индо-Китаѣ Кохинхиной и шестнадцать лѣтъ какъ она держитъ подъ своимъ протекторатомъ сосѣднюю Камбоджу, однако Французы сами сознаются что они не только не сумѣли проложить путь своимъ товарамъ въ Сіамъ, Аннамъ и Бирманію, но что они даже въ самой Кохинхинѣ и Камбоджѣ едва въ силахъ выдерживать конкурренцію съ англійскими купцами. Можно ли поэтому надѣяться что они сумѣютъ вытѣснить своихъ могущественныхъ конкуррентовъ изъ Тонкина и южнаго Китая, и стóитъ ли эта проблематичная надежда тѣхъ громадныхъ жертвъ которыя Франціи необходимо принести чтобъ овладѣть дельтой Красной Рѣки? Но если даже эта надежда и не лишена основанія, то кто же сомнѣвается что въ настоящее время Франціи всего менѣе слѣдовало бы пускаться въ дальнія рискованныя экспедиціи? Достаточно взглянуть на хаосъ во внутреннихъ ея дѣлахъ, на возрастающія съ каждымъ годомъ финансовыя затрудненія и на ея изолированное положеніе среди прочихъ европейскихъ державъ при непрестанно грозящей опасности со стороны Германіи чтобъ убѣдиться какъ несвоевременна для Франціи роль искательницы приключеній на дальнемъ Востокѣ.

Къ этимъ основнымъ ошибкамъ присоединился цѣлый рядъ практическихъ промаховъ. Предпринявъ разъ, кстати или некстати, Тонкинскую экспедицію, надлежало уже со всею энергіей и послѣдовательностью довести ее до скорѣйшаго благополучнаго окончанія. Оказалось однако что французскіе государственные люди дѣйствовали какъ разъ наоборотъ. Французскій посолъ въ Пекинѣ, Бурэ, подписав-

шій съ Китайскимъ правительствомъ сравнительно выгодный для Франціи договоръ о Тонкинѣ, былъ съ позоромъ отозванъ и подписанный имъ договоръ, какъ унизительный де для Франціи, былъ объявленъ недѣйствительнымъ. Французское правительство рѣшительно заявило что Китай не имѣетъ никакихъ правъ на Тонкинъ, который будетъ де немедленно и окончательно подчиненъ Франціи; и что же? вслѣдъ за тѣмъ былъ посланъ для завоеванія Тонкина капитанъ Ривьеръ съ такимъ ничтожнымъ по количеству отрядомъ что онъ, едва занявъ Ганой, былъ тотчасъ же осажденъ многочисленными полчищами *Черныхъ Флаговъ*. Когда Ривьеръ молилъ о присылкѣ ему подкрѣпленія, его мольба не была уважена. Тогда лишь когда онъ, вынужденный сдѣлать вылазку, погибъ со своими товарищами, Французское правительство вдругъ встрепенулось и уже формально рѣшилось послать „экспедиціонный корпусъ“ въ Аннамъ. Этотъ корпусъ отличался тѣмъ что въ немъ было слишкомъ мало солдатъ, слишкомъ много начальниковъ, а именно: генералъ Буэ для сухопутныхъ дѣйствій, адмиралъ Курбе для морскихъ, и военный врачъ гражданинъ Арманъ для высшаго политическаго и дипломатическаго руководства экспедиціей. Случилось то что должно было случиться: всѣ три начальника перессорились между собой. Гражданинъ Арманъ отрѣшилъ отъ должности генерала Буэ, а адмиралъ Курбе гражданина Армана. Когда наконецъ, послѣ долгихъ препирательствъ, адмиралъ Курбе взялъ въ свои руки полную власть надъ экспедиціоннымъ корпусомъ, то оказалось что этотъ корпусъ такъ слабъ сравнительно съ возросшими за это время силами непріятеля что серіозныя дѣйствія опять сдѣлались невозможными до прибытія новыхъ подкрѣпленій. Но откуда ихъ взять? Изъ французской арміи, конечно. Дѣло однако и здѣсь оказалось весьма затруднительнымъ.

Всѣ находящіяся во Франціи войска имѣютъ заранѣе точно опредѣленное назначеніе на случай мобилизаціи для войны съ Германіей. Нельзя вывести изъ Франціи ни одного полка не нарушивъ и не перепутавъ тщательно выработанный мобилизаціонный планъ направленный исключительно противъ Германіи. Уже во время Тунисской экспедиціи пришлось устраивать сводные полки, состоявшіе изъ баталіоновъ четырехъ, пяти или даже шести отдѣльныхъ полковъ, что сопряжено было съ громадными затрудненіями и увеличило въ значительной степени расходы мобилизаціи. Въ Тонкинъ до сихъ поръ были отправляемы лишь части морской пѣхоты и алжирскія туземныя войска. Но эти источники въ настоящее время уже истощились, и придется, для посылки подкрѣпленій адмиралу Курбе, обратиться къ сухопутнымъ войскамъ. Военный министръ Кампенонъ придумалъ организовать два полка изъ солдатъ всѣхъ пѣхотныхъ полковъ которые пожелали бы добровольно отправиться въ Тонкинъ. Эти два полка будутъ поставлены подъ начальство генерала Милю, который однако уже заявилъ что онъ не намѣренъ подчиняться въ Тонкинѣ „моряку,“ адмиралу Курбе. Такимъ образомъ, когда адмиралъ получитъ требуемыя имъ подкрѣпленія, онъ не будетъ въ состояніи воспользоваться ими для составленнаго имъ плана кампаніи, а принужденъ будетъ уступить мѣсто новому начальнику, который конечно выдумаетъ еще новый планъ.

А силы и задоръ непріятелей между тѣмъ все увеличиваются. Китайцы открыто вступили въ предѣлы Тонкина и заняли крѣпость Бакнинь, такъ какъ они считаютъ ее „ключомъ къ Небесной имперіи;“ вмѣстѣ съ тѣмъ они послали Франціи ультиматумъ, запрещающій ей всякую попытку овладѣть Бакнинемъ; между тѣмъ овладѣніе Бакнинемъ считается Французами первымъ необходимымъ условіемъ для успѣшнаго веденія кампаніи.

Въ результатѣ Франція внезапно очутилась въ необходимости встрѣтиться лицомъ къ лицу съ Китаемъ, и нѣтъ никакихъ гарантій въ томъ что и впредь не будутъ дѣлаться близорукими и неопытными правителями Французской республики новыя можетъ-быть еще болѣе роковыя ошибки...

№ 326.

Москва, 23-го ноября.

„Миръ для Германіи теперь обезпеченъ,“ таковъ смыслъ словъ съ которыми обратился императоръ Вильгельмъ къ президенту и вице-президентамъ палаты депутатовъ прусскаго ландтага на аудіенціи

данной имъ 27 ноября. И дѣйствительно, никто въ Европѣ не хочетъ и не можетъ хотѣть войны. Сенсаціоннымъ извѣстіямъ о сборѣ русскихъ войскъ на западной границѣ фабрикуемымъ въ Познани, въ видахъ польской справы, никто серіозно не вѣритъ. Берлинская *Post* и *Крестовая Газета*, рискнувшія было дать мѣсто одному подобному извѣстію, подверглись вразумленію со стороны почти всѣхъ прочихъ органовъ германской печати. Впрочемъ, императоръ Вильгельмъ счелъ нужнымъ указать парламентскимъ вожакамъ Пруссіи что германскія „отношенія къ Россіи сложились самымъ счастливымъ образомъ.“

Западный сосѣдъ Германіи, Франція, вовлечена въ большія затрудненія на дальнемъ Востокѣ; ей грозитъ серіозное столкновеніе съ Китаемъ, чѣмъ нѣмецкая печать занята теперь едва ли не столько же какъ и французская. Говорятъ, германская дипломатія употребляла „всякія усилія“ чтобы добиться миролюбиваго исхода столкновенія между Китаемъ и Франціей. Однако, затрудненіе возникшее для Франціи на дальнемъ Востокѣ и отвлекающее ее отъ дѣлъ европейской политики для Германіи выгодно уже и потому что этимъ обезпечивается успокоеніе умовъ въ Альзасъ-Лотарингіи, гдѣ сильная „партія протеста“ продолжаетъ мечтать о возсоединеніи имперской провинціи съ Франціей. „Въ Берлинѣ понимаютъ,“ удостовѣряетъ считаемый всѣми за офиціознаго корреспондентъ *Кельнской Газеты*, „въ Берлинѣ понимаютъ что въ концѣ концовъ Франція останется побѣдительницей, но знаютъ и то что ввязавшись въ открытую борьбу съ Китаемъ она долго не могла бы выпутаться изъ этой паутины.“ Война съ Китаемъ теперь не можетъ быть скорою и легкою военною прогулкой. Взятіе Бакниня, на что, какъ передалъ телеграфъ, французскія войска уже получили приказаніе, не можетъ побудить Китайцевъ къ уступчивости въ переговорахъ и какъ полагаютъ только затруднитъ посредническія усилія лорда Гранвилля, въ свою очередь разчитывающаго на услуги Франціи въ Египтѣ. „Взятіе китайской крѣпости, твердитъ близко знакомая съ положеніемъ дѣла германская печать, не имѣетъ и тѣни того значенія какое придаютъ такому успѣху въ Европѣ. Паденіе крѣпости въ Китаѣ не обнаружитъ почти никакого вліянія на ходъ военныхъ операцій. Китайскихъ Страсбурговъ, Мецевъ, Бельфоровъ и Майнцевъ не существуетъ. Китайская крѣпость, если только она не слишкомъ близка къ столицѣ, упрочитъ за побѣдителемъ обладаніе извѣстнымъ, болѣе или менѣе обширнымъ, райономъ, но не лишитъ побѣжденнаго средствъ обороны. Китайская имперія слишкомъ де обширна для этого. Въ военныхъ сферахъ Германіи обратили вниманіе на статью въ нумерѣ *Figaro* отъ 27 ноября описывающую „рукой знатока“ поле послѣдняго сраженія въ Тонкинѣ. „Какъ только мы возьмемъ Бакнинь и Сонтай, замѣчаетъ французскій авторъ, намъ не останется ничего больше какъ идти все впередъ и впередъ“, а это несомнѣнно потребуетъ значительнаго развитія вооруженныхъ средствъ. Утверждаютъ будто французское военное министерство нашло возможнымъ послать въ Тонкинъ 6.000 войска, не прибѣгая къ мобилизаціи штатныхъ частей арміи, но уже теперь, какъ удостовѣряетъ *Gaulois*, „событія на Востокѣ, несмотря на нежеланіе генерала Кампенона, побуждаютъ мобилизовать 15-й армейскій корпусъ, штабъ котораго расположенъ въ Марсели.“

Въ Берлинѣ понимаютъ что какъ бы ни кончилось столкновеніе между Франціей и Китаемъ, оно обойдется недешево: Франція во всякомъ случаѣ нѣсколько ослабитъ свои финансы и повредитъ, хотя бы и временно, своей торговлѣ, что выгодно для германской промышленности, уже и теперь все болѣе развивающейся на счетъ французской, безъ сомнѣнія подъ покровительствомъ той политики которой настойчиво слѣдуетъ имперскій канцлеръ и которая вмѣстѣ съ заключеніемъ политическихъ союзовъ заключаетъ и торговые договоры. Когда Италія присоединилась къ Австро-Германскому союзу, за этимъ шагомъ послѣдовало заключеніе „обоюдно выгоднаго“ для нея и для Германіи торговаго договора. Точно такая же сдѣлка предшествовала и сближенію съ Испаніей, выразившемуся въ посѣщеніи королемъ Альфонсомъ Гомбурга и наслѣднымъ принцемъ Германскимъ Испаніи. Этой поѣздкѣ, отчетами о которой наполнены нѣмецкія газеты, придаютъ высокое политическое значеніе. Полуофиціальная *Провинціальная Корреспонденція* не обинуясь подтверждаетъ это, хотя и умалчиваетъ на чемъ именно можетъ быть основано это мнѣніе. Во Франціи опасались что король Аль-

фонсъ „приметъ какія-нибудь обязательства,“ пользуясь особымъ правомъ предоставляемымъ ему конституціей. Изъ Берлина поспѣшили, однако, увѣрить что о формальномъ союзѣ между Германіей и Испаніей „пока не можетъ быть и рѣчи.“ Между тѣмъ въ *New York Herald* появился разговоръ короля Альфонса съ нѣкимъ бывшимъ посланникомъ, разговоръ который сочли нужнымъ воспроизвести всѣ крупныя берлинскія газеты, и притомъ на видномъ мѣстѣ. „Вы читали, сказалъ король бывшему дипломату, разговоръ который имѣлъ маршалъ Серрано съ президентомъ Греви... Надѣюсь что Французы оставятъ теперь насъ въ покоѣ; у нихъ вѣроятно не много политическаго смысла если они думаютъ что я свяжу себя сдѣлкой съ Германіей. Какъ всякій Испанецъ, я очень хорошо знаю что для насъ очень важно поддержать согласіе съ Франціей. Сверхъ того, я много довѣряю графу Парижскому, который со временемъ, надѣюсь, будетъ королемъ Франціи. Онъ мой близкій родственникъ. Но Франція стала очагомъ заговора противъ соціальнаго порядка, государственныхъ монархическихъ учрежденій Европы; это побуждаетъ государей сблизиться и войти между собою въ соглашеніе чтобы оградить троны и своихъ подданныхъ отъ вредной пропаганды.“ Испанія сдѣлаетъ де этотъ шагъ если обстоятельства не измѣнятся и если ея король и ея учрежденія не перестанутъ быть „предметомъ безпрепятственнаго поруганія во Франціи.“

Итакъ, внутреннія дѣла и далекія предпріятія, у кого въ Египтѣ, у кого въ Китаѣ, не только не грозятъ спокойствію Европы, но обезпечиваютъ его.

№ 327.

Москва, 24-го ноября.

Пока засѣдающая нынѣ въ Петербургѣ питейная коммиссія при Министерствѣ Финансовъ еще не установила окончательнаго вывода изъ свода всѣхъ заключеній 47 губернскихъ и 3 областныхъ коммиссій по питейному дѣлу учрежденныхъ Высочайше утвержденнымъ 8 іюня 1882 мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, сужденія о направленіи возобновляемыхъ законодательныхъ работъ по питейному вопросу были бы, можетъ-быть, преждевременны. Но, въ интересѣ этихъ работъ, не будетъ несвоевременнымъ обратить вниманіе кого слѣдуетъ на труды статистическихъ и иныхъ комитетовъ дѣйствующихъ въ послѣдніе годы въ западной Европѣ и опубликовавшихъ интересныя свѣдѣнія и матеріалы касательно причинъ увеличенія пьянства въ разныхъ государствахъ, а также касательно гибельныхъ послѣдствій этого порока и мѣръ могущихъ отвращать эти послѣдствія.

Между прочимъ, нельзя не остановиться на заключеніяхъ конгресса представителей домовъ для призрѣнія нищихъ въ Германіи (Deutschen Armenhäuser), засѣдавшаго въ Дрезденѣ въ минувшемъ октябрѣ, и на цифрахъ опубликованныхъ въ недавнее время статистическимъ бюро въ Копенгагенѣ. II конгрессъ, и бюро впервые поставили на свое разрѣшеніе вопросъ: насколько увеличеніе употребленія спиртрыхъ напитковъ вызываетъ въ населеніи бо́льшую потребность въ помощи отъ общественной благотворительности. По точнымъ справкамъ собраннымъ въ Даніи оказалось что изъ 8.032 человѣкъ призрѣвавшихся въ 1880 году въ разныхъ домахъ и пріютахъ для нищихъ, 2.578 душъ попали туда только потому что они или сами совершенно спились и вслѣдствіе этого неспособны ни къ какой работѣ, или же потому что тѣ кто должны были заботиться объ ихъ содержаніи и пропитаніи — горькіе пьяницы. Почти двѣ пятыхъ содержавшихся мущинъ (38 процентовъ) и одна пятая женщинъ (22 процента) страдали запоемъ; одна треть дѣтей (35 процентовъ) стала предметомъ общественнаго призрѣнія вслѣдствіе пристрастія ихъ родителей къ водкѣ. Другое изслѣдованіе статистика Бёмерта, представленное Дрезденскому конгрессу, удостовѣряетъ что въ Саксоніи, въ окружныхъ институтахъ для призрѣнія нищихъ, въ продолженіе 1880 и 1881 годовъ, три десятыхъ всѣхъ обычныхъ обитателей этихъ институтовъ принадлежали къ разряду лицъ страдающихъ запоемъ, причемъ лица доставленныя въ эти дома безчувственно пьяными составляютъ одну шестую часть (17 процентовъ) ихъ населенія.

Само собою разумѣется что указанія добытыя въ учрежденіяхъ содержимыхъ на средства общественной или государственной благотворительности не вполнѣ доста-

точны для опредѣленія дѣйствительнаго отношенія числа нищихъ данной мѣстности къ количеству потребляемыхъ населеніемъ спиртныхъ напитковъ. Не всѣ нищіе пользуются помощью общественнаго призрѣнія, довольствуясь добровольными подаяніями частныхъ лицъ, не поддающимися ни точнымъ наблюденіямъ, ни контролю. Однако въ небольшомъ городкѣ Германіи, въ Гаанѣ (въ недалекомъ разстояніи отъ Дюссельдорфа), общинный совѣтъ, побужденный публичною лекціей одного филантропа, установилъ наблюденіе и точный счетъ нищимъ пользующимся частными подаяніями, изслѣдуя вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ образъ жизни и причины ихъ жалкаго состоянія. Результатомъ этого оказалось что сорокъ процентовъ всѣхъ просящихъ милостыню доведены до этого злоупотребленіемъ спиртными напитками. Одинъ изъ гласныхъ представилъ на дняхъ городской думѣ въ Потсдамѣ составленную имъ табличку, представляющую отношеніе пролетаріата данной мѣстности къ числу пьяницъ и свидѣтельствующую объ ужасающихъ выводахъ на этотъ счетъ.

Въ западной Европѣ не удовольствовались конечно этимъ печальнымъ выводомъ, и неутомимо стали изыскивать средства противодѣйствовать злу и устранить причины вызывающія спаиваніе народонаселенія, справедливо находя что, помимо подъема умственнаго и нравственнаго уровня въ низшихъ, преимущественно рабочихъ слояхъ народа, отъ нихъ слѣдуетъ по возможности удалить соблазнъ, всего болѣе способствующій ихъ развращенію. Въ этомъ отношеніи мы замѣчаемъ дружную пропаганду, преобладающую у нашихъ сосѣдей надо всѣми теоріями, пропаганду стремящуюся по преимуществу вселить въ руководящихъ сферахъ и въ разумной части самого населенія убѣжденіе въ необходимости по возможности ограничить свободу торговли спиртными напитками и главнымъ образомъ свободу *распивочной* продажи ихъ. Профессоръ Густавъ Шмоллеръ помѣстилъ въ 4-й книгѣ своего журнала *Jahrbücher für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirthschaft im Deutschen Reiche* статью посвященную дѣятельности *Союза Трезвости* и вопросу о кабацкой свободѣ въ Германіи, заслуженно обратившую на себя вниманіе серіозной печати. Въ ней онъ указываетъ что изданныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Голландіи и Альзасъ-Лотарингіи узаконенія, строго ограничивающія право открытія распивочныхъ заведеній по отношенію какъ къ индивидуальнымъ качествамъ ихъ содержателей, такъ и къ условіямъ и потребностямъ данной мѣстности, принесли громадную пользу, рекомендуя эти мѣры и для всей Германіи. „Конечно, говоритъ Шмоллеръ, реформа нашего устава о винокуреніи, какъ и возвышеніе акциза за выкуренное вино, суть мѣры вызываемыя и благоразуміемъ, и цѣлями государственной экономіи. Но однако не должно упускать изъ виду что какъ бы ни былъ увеличенъ размѣръ налога на производимый спиртъ, это не будетъ имѣть достаточнаго вліянія на количество разумнаго и равномѣрнаго употребленія его безъ вреда для здоровья и благосостоянія потребителей, въ особенности рабочихъ, если не будетъ урегулирована система продажи напитковъ, въ особенности продажа распивочная.“

По поводу статьи г. Шмоллера *Сѣверо-Германская Газета* старается доказать что предлагаемая имъ мѣра отнюдь не нарушитъ *свободы* торговли и промысловъ вообще, которую нѣкоторые доктринеры считаютъ неприкосновенною. „Всякая экономическая свобода, говоритъ газета князя Бисмарка, только тогда приноситъ пользу когда служитъ успѣхамъ истиннаго прилежанія, бережливости и трудолюбія; назначеніе же кабаковъ и вожделѣнія кабачниковъ совершенно иныя: ихъ процвѣтаніе находится въ прямой зависимости отъ лѣни и развращенности ихъ посѣтителей; они потворствуютъ лишь дурнымъ, преступнымъ наклонностямъ; поэтому установить предѣлъ ихъ пагубному вліянію не значитъ ограничивать свободу.“

Вотъ что̀ мы слышимъ въ странѣ цивилизованной, гдѣ потребители водки и спирта составляютъ относительно небольшой процентъ, и гдѣ въ ходу афоризмъ: отъ питья вина не бѣднѣютъ, отъ питья пива не разоряются; настоящая гибель ждетъ лишь тѣхъ кто пьютъ водку.

А у насъ въ Россіи народъ спаивается исключительно сивухой.

№ 328.

Москва, 25-го ноября.

А.

Мы не сказали до сихъ поръ ни слова о новомъ займѣ который внесенъ въ Государственную долговую книгу подъ названіемъ „золотой ренты.“ Это имѣло свои причины: мы не могли сказать ничего въ пользу предпринятой финансовымъ вѣдомствомъ операціи, а говорить противъ нея до завершенія продажи ренты было бы несвоевременно. Лишь теперь мы можемъ высказаться о первой въ Россіи „золотой рентѣ.“ Успѣхъ операціи превзошелъ всѣ ожиданія нашихъ финансистовъ. Вмѣсто предположеннаго Министерствомъ Финансовъ двухнедѣльнаго срока (съ 22 ноября по 5 декабря включительно), на распродажу всего выпуска „золотой ренты“ понадобилось лишь нѣсколько часовъ. Ее повсюду разбирали на расхватъ, такъ что досталась она лишь немногимъ изъ числа желавшихъ пріобрѣсти ее, причемъ даже изъ числа успѣвшихъ заявить свои требованія на ренту въ краткій срокъ нѣсколькихъ часовъ ея распродажи, многіе были удовлетворены лишь въ самой малой, ничтожной долѣ своихъ требованій, получивъ, напримѣръ, „золотой ренты“ лишь на 25 тысячъ рублей, вмѣсто требуемаго милліона, какъ это случилось, между прочимъ, съ одною московскою банкирскою конторой...

Для понимающихъ дѣло такой успѣхъ займа нисколько не удивителенъ; ничего иного нельзя было и ожидать. Жертвы принесенныя казной ради успѣха займа такъ велики что биржевой людъ не могъ не наброситься на ренту.

Форма новаго займа невольно приводитъ на память совѣтъ касательно заключенія займовъ преподанный Россіи въ статьѣ напечатанной въ *National Zeitung*, отъ 23 ноября 1877 года, и принадлежавшей перу извѣстнаго спеціалиста по финансовой части, подписавшагося инишіалами *А. W.* Эти инишіалы ни для кого не были загадкой; всѣ знали что *А. W.* есть тотъ самый г. Вагнеръ, съ сочиненіями коего о нашихъ финансахъ знакомилъ русскую публику нынѣшній министръ Финансовъ Н. Х. Бунге, въ бытность свою кіевскимъ профессоромъ. Совѣтъ этотъ касался заключенія займовъ при исключительныхъ обстоятельствахъ дороговизны кредита, когда нельзя достать денегъ за нормальные проценты, именно заключенія экстренныхъ военныхъ займовъ. Въ упомянутой статьѣ рекомендовалось выпускать въ такихъ случаяхъ займы не въ низкопроцентныхъ облигаціяхъ по пониженному противъ обычнаго курсу, но въ высокопроцентныхъ по курсу близкому къ al pari, выговаривая себѣ право, по истеченіи извѣстнаго срока, понизить проценты или выкупить облигаціи по ихъ номинальной стоимости, въ разчетѣ что суммы для такого выкупа, съ наступленіемъ мирнаго времени, легко могутъ быть добыты за сравнительно низкіе проценты. Именно по такому рецепту и выпущена „золотая рента.“ Начиная съ двадцатыхъ годовъ русскіе займы выпускались лишь въ 5%, $4^1/_2$%, 4% и $3^1/_2$%ныхъ облигаціяхъ *): „золотая рента“ выпущена въ облигаціяхъ *шестипроцентныхъ*, съ оговоркой что „правительство оставляетъ за собою право выкупа рентъ уплатой владѣльцамъ нарицательнаго капитала, но лишь по истеченіи 10 лѣтъ со времени выпуска рентъ.“

Такимъ образомъ мы послѣдовали совѣту данному намъ шесть лѣтъ тому назадъ, но при этомъ вышла та странность что финансовый рецептъ примѣнимый къ обстоятельствамъ военнаго времени съ его затрудненіями оказался примѣненнымъ къ обстоятельствамъ мирнаго времени... Выпускомъ „золотой ренты“ сдѣланъ шагъ къ повышенію нормальнаго процента за который Россія можетъ занимать деньги. Чтобъ оцѣнить значеніе этого шага, припомнимъ условія трехъ Восточныхъ займовъ, 1877, 1878 и 1879 годовъ, 6-й выпускъ консолидированныхъ желѣзнодорожныхъ облигацій 1880 и 5-й выпускъ банковыхъ билетовъ 1881 года.

Первый Восточный заемъ былъ объявленъ въ самый разгаръ войны и энергическихъ усилій заграничныхъ биржъ подорвать русскій государственный кредитъ; 5% облигаціи займа предлагались, съ разсрочкой по 90, при единовременной уплатѣ среднимъ числомъ по $88^1/_2$ за 100. Чтобы получать отъ казны ежегодно 6 р. нужно было по этому разчету внести въ нее 106 р. 20 к.

---

*) Исключеніе составляли лишь 6% займы 1817 и 1818 годовъ.

5% облигаціи Втораго Восточнаго займа были выпущены по $91^2/_3$ (93 съ разсрочкой) за 100; стало-быть за 6 р. ренты нужно было платить 110 р.

Таковыя же облигаціи Третьяго Восточнаго займа предлагались съ небольшимъ по $90^1/_2$ (съ разсрочкой $92^1/_2$) за 100; стало-быть 6 р. ренты стоили по разчету 108 р. 60 к.

4% металлическія консоли 1880 года выпущены по $74^1/_4$ (съ разсрочкой 75) за 100; по этому разчету цѣна 6 р. ренты 111 р. $37^1/_2$ к.

5% банковые билеты два года тому назадъ выпущены безъ малаго по 91 (съ разсрочкой $92^1/_4$) за 100; при такомъ условіи, 6 р. ренты стоили 109 р. 14 к.

Немного протекло времени съ той поры, и ничего особеннаго, способнаго поколебать государственный кредитъ, въ послѣдніе два года финансоваго управленія, кажется, не случилось. Но на дѣлѣ оказалось что русская казна, соглашавшаяся въ пятилѣтіе 1877—1881 выдавать шестирублевый ежегодный доходъ не дешевле какъ за 106 р. 20 к., 110 р., 108 р. 60 к., 111 р. $37^1/_2$ к. и 109 р. 14 к., вдругъ сбавила цѣну своего кредита болѣе чѣмъ на десятую долю и продала 6% ренту немного выше $96^1/_2$ (съ разсрочкой 98) за 100, а частію и много дешевле, какъ сказано будетъ ниже.

Въ объявленіи Государственнаго Банка, мѣстами продажи „золотой ренты“ были назначены только Государственный Банкъ въ Петербургѣ, конторы Банка въ Москвѣ, Ригѣ, Кіевѣ, Харьковѣ и Одессѣ, Польскій Банкъ въ Варшавѣ и (если дойдетъ до нихъ дѣло, а оно до нихъ не дошло) нѣкоторыя отдѣленія Государственнаго Банка. Въ этомъ обстоятельствѣ нѣкоторые усмотрѣли „отрѣшеніе отъ политики разорительныхъ внѣшнихъ займовъ“ и признакъ того что „наше Министерство Финансовъ твердо рѣшилось отказаться на будущее время отъ совершенія заграничныхъ займовъ,“ о чемъ и заявили съ паѳосомъ въ газетахъ. Но къ такому выводу могли придти только люди незнакомые съ нашею финансовою практикой, между прочимъ съ обстоятельствами подписки на 4% консоли 1880 года. Тогда въ извѣщеніи Государственнаго Банка тоже было объявлено о пріемѣ подписки на желѣзнодорожный заемъ только въ шести русскихъ городахъ (Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ, Кіевѣ, Ригѣ и Одессѣ); но изъ другаго оффиціальнаго извѣщенія Государственнаго Банка, обнародованнаго уже послѣ заключенія подписки, оказалось что она происходила и „за границей, гдѣ была открыта въ разныхъ мѣстахъ“ *). Въ какихъ именно мѣстахъ за границей происходила тогда подписка, и на одинаковыхъ ли условіяхъ съ тѣми на какихъ шла внутренняя, оффиціальное извѣщеніе умалчивало, но частныя газетныя свѣдѣнія сообщали что подписку на консолидированныя облигаціи 6-го выпуска, по порученію Государственнаго Банка, принимали нѣкоторые банкирскіе дома въ Берлинѣ, Гамбургѣ, Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Бреславлѣ, Амстердамѣ и Лондонѣ, съ уступкой въ ихъ пользу $^1/_2$% коммиссіонныхъ. Точно также и на дняхъ, одновременно съ извѣщеніемъ Государственнаго Банка о продажѣ „золотой ренты“ только въ русскихъ городахъ, публика могла читать телеграмму изъ Берлина, въ которой тамошній банкирскій домъ Мендельсонъ и К° именовался „оффиціальнымъ мѣстомъ продажи означенной ренты за границей.“ Какой коммиссіонный процентъ выговоренъ себѣ этимъ банкомъ и банкирами другихъ иностранныхъ городовъ, неизвѣстно; но каковъ бы онъ ни былъ, и безъ того крайне дешевая цѣна 6% ренты, благодаря ему, еще болѣе понижается для заграничныхъ капиталистовъ, падая съ $96^1/_2$ приблизительно до 96 за 100.

Этимъ приниженіе цѣны русской 6% ренты и выгоды предоставленныя покупщикамъ ея въ Берлинѣ не ограничиваются. Еще въ большей мѣрѣ чѣмъ коммиссіонный процентъ обращается въ ихъ пользу то условіе выпуска „золотой ренты“ по которому рѣшено принимать „125 рублей металлическихъ=410 германскимъ маркамъ=500 франкамъ=240 голландскимъ гульденамъ=20 фунтамъ стерлингъ.“ Вотъ разчетъ проистекающихъ отсюда выгодъ для Берлина, сдѣланный понимающимъ дѣло лицомъ:

„Новый заемъ объявленъ въ металлическихъ рубляхъ, причемъ сказано что 125 металлическихъ руб. равны 20 фунт. стерлингъ, 500 франкамъ и 410 германскимъ маркамъ. Между тѣмъ 100 франковъ стоятъ въ Берлинѣ 80 м. 80 пф., или самое большое 81 марку; поэтому

*) Ср. №№ 106 и 115 *Правительственнаго Вѣстника* за 1880 годъ.

500 франковъ стóятъ въ самомъ невыгодномъ для берлинскихъ банкировъ случаѣ всего только 405 марокъ.

„Очевидно Берлинъ поступитъ слѣдующимъ образомъ: онъ купитъ заемъ и уплатитъ за него франками, то-есть за 125 р. дастъ 500 фр., или 405 марокъ; а съ приведеніемъ, по учету %, къ $96^1/_2$ заплатитъ всего ($405 - 14_{,175} = 390_{,825}$) меньше 391 марки; но по купонамъ будетъ требовать уплаты въ маркахъ, то-есть будетъ требовать 6% на 410 марокъ, какъ объявленную нашимъ правительствомъ цѣну, и слѣдовательно получитъ $24_{,6}$ марокъ съ бумаги за которую заплатилъ 391 марку, т.-е. будетъ получать $6_{,3}$% на свои деньги.

„Иначе говоря, оказывается что Берлинъ, при общемъ курсѣ въ $96^1/_2$% по которому выпускаются бумаги новаго займа, имѣетъ преимущество предъ всѣми подписчиками, выгадывая на каждомъ 410-марочномъ билетѣ слишкомъ по $4_{,8}$ марки, именно уплачивая вмѣсто $395_{,65}$ только $390_{,825}$ марокъ. Такимъ образомъ берлинскіе банкиры зарабатываютъ $1^1/_4$% со всего займа въ свою пользу неизвѣстно за что.

„Подобная же неправильность исчисленія валюты сдѣлана, кажется, и при переводѣ металлическихъ рублей на голландскіе гульдены.“

Скиньте съ $96^1/_2$% указанный сейчасъ берлинскій заработокъ въ $1^1/_4$% и цѣна русской 6% ренты для заграничныхъ дѣльцовъ понизится до $95^1/_4$%; скиньте еще примѣрно $^1/_2$% коммиссіонныхъ, и цѣна ренты для нихъ окажется въ $94^3/_4$%. Какія же еще условія займа въ мирное время могутъ быть убыточнѣе для государства? Какого же еще нужно поощренія внѣшнимъ займамъ предъ внутренними, когда мы видимъ продажу одной и той же бумаги русской публикѣ по $96^1/_2$, а берлинскимъ банкирамъ по $94^3/_4$ за 100?

Но не въ одной разницѣ цѣны сказалось предпочтеніе оказанное заграничнымъ покупщикамъ ренты предъ русскими: сказалось оно еще и въ количественномъ распредѣленіи ренты между тѣми и другими. При прежнихъ займахъ, обыкновенно подписка продолжалась въ теченіе всего назначеннаго срока, и затѣмъ дѣлалась болѣе или менѣе равномѣрная разверстка. На „золотую ренту“ подписки не было, она просто продавалась, и какъ только ее разобрали, продажа тотчасъ же была прекращена. По пословицѣ „кто раньше всталъ тотъ и капралъ,“ львиную долю ренты захватили первые покупщики, и это первенство досталось иностраннымъ банкирамъ. За удовлетвореніемъ ихъ, оказалось возможнымъ удѣлить изъ 50 милліоновъ для Москвы всего три милліона, для Варшавы одинъ милліонъ, для Риги и Харькова по полумилліону и т. п.; отдѣленіямъ Государственнаго Банка совсѣмъ ничего не досталось. Въ Петербургѣ рента покупалась главнымъ образомъ по заказу заграничныхъ банкировъ, и ренты не досталось не только массѣ желающихъ изъ публики, но даже и нѣкоторымъ банкамъ, артельщики коихъ должны были уйти изъ Банка ни съ чѣмъ.

Такой ходъ распродажи ренты далъ поводъ *Новому Времени* признать заемъ „популярнымъ,“ съ чѣмъ де „и можно поздравить Министерство Финансовъ.“

Новая рента „популярна!“ но гдѣ, въ Россіи или за границей? Касательно популярности ея въ Берлинѣ можно не сомнѣваться, и еще на дняхъ биржевой хроникеръ г. Лури заявилъ что „выпускъ на 50 милліоновъ 6% золотой непрерывной ренты произвелъ на европейскихъ биржахъ наилучшее впечатлѣніе,“ не слышно де болѣе ни слова о нашихъ „никуда негодныхъ финансахъ.“ Но подобная популярность едва ли можетъ быть признана доброю рекомендаціей для русскаго займа, когда отъ серіозныхъ русскихъ людей приходится слышать о немъ почти одни только нелестные отзывы, и когда пріобрѣтателями ренты въ Россіи оказались почти исключительно биржевые спекулянты и банкиры, въ разчетѣ на перепродажу ея за границу.

Такая разница русскаго и берлинскаго взглядовъ на заемъ понятна: для заграничныхъ банкировъ заемъ выгоденъ, не представляетъ никакого риска и обѣщаетъ крупную наживу на курсовой игрѣ; для русскихъ людей онъ и мало выгоденъ, и сопряженъ съ рискомъ большихъ потерь при колебаніяхъ курса. При покупкѣ съ разсрочкой, русскій человѣкъ не можетъ даже знать сколько именно рублей придется ему заплатить за купленную ренту. При первомъ взносѣ 22 ноября съ него брали по 164 рубля кредитныхъ за 100 металлическихъ; но по скольку кредитныхъ рублей будутъ брать съ него

14 января, 14 февраля, 14 марта, 14 апрѣля и 14 мая 1884 года — кто скажетъ? Кто знаетъ на какой цифрѣ будутъ стоять въ означенные дни „вексельный курсъ à vue на Лондонъ,“ сообразно коему будетъ опредѣляться „цѣна металлическаго рубля въ кредитныхъ,“ и будетъ ли этотъ курсъ выгоденъ для русскихъ покупщиковъ русской ренты?

Это внесенное въ условія займа для русскихъ участниковъ въ немъ измѣнчивое разнообразіе курса со всѣми его скачками есть своего рода „прогрессъ“ сравнительно даже съ недавнею нашею финансовою практикой. Въ 1880 году, при выпускѣ 4% металлическаго займа, для русскихъ подпищиковъ установлялся, на все время его реализаціи, *неизмѣнный* курсъ (1 р. 50 к. кредитныхъ за 1 р. металлическій). Тогда участіе въ займѣ могло быть дѣломъ коммерческаго разчета, теперь это игра въ жмурки.

Не менѣе риска и при единовременной оплатѣ ренты русскимъ покупщикомъ. Купивъ 125-рублевую „золотую ренту“ приблизительно за 197 р. 82 к., русскій владѣлецъ ея не можетъ знать во что обратится потраченный имъ на нее капиталъ черезъ годъ, черезъ мѣсяцъ, даже черезъ недѣлю; онъ будетъ въ выгодѣ если вексельный курсъ упадетъ, онъ потеряетъ если курсъ поднимется; такъ что въ своемъ интересѣ онъ долженъ желать худаго курса, т.-е. всевозможныхъ неустройствъ ведущихъ къ его паденію. Но хороша ли та мѣра которая приводитъ интересы частныхъ лицъ въ антагонизмъ съ интересами государства?

Б.

Не разъ указывалось что органы Сербскаго правительства, съ офиціознымъ *Виделомъ* во главѣ, не упускаютъ никакого случая сказать что-нибудь дурное о Россіи и Русскомъ народѣ. Въ этомъ отношеніи офиціозная сербская печать превзошла даже мадьярскія газеты. Прежде *Видело* говорило о Россіи не отъ своего имени: оно ограничивалось перепечатываніемъ тѣхъ небылицъ которыя постоянно появляются въ вѣнскихъ и пештскихъ газетахъ, и лишь изрѣдка прибавляла отъ своего имени краткую замѣтку для бóльшаго эффекта. Но съ тѣхъ поръ какъ въ Сербіи водворилось „боевое“ министерство Христича, пріемы министерскаго органа значительно измѣнились. Онъ не ограничивается краткими замѣтками о какихъ-то неурядицахъ въ Россіи, а прямо проповѣдуетъ ненависть къ ней.

Въ послѣдне-полученномъ нами нумерѣ *Видела* напечатана обширная передовая статья посвященная вопросу объ отношеніяхъ Россіи къ балканскимъ народамъ. Еслибы статья не отличалась безграмотностію и совершенно площаднымъ тономъ, употребляемымъ только въ сербскихъ газетахъ, то можно было бы счесть ее сфабрикованною въ редакціи какого-нибудь мадьярскаго листка. Органъ г. Христича позволилъ себѣ даже *подлогъ*, сославшись на какую-то „программу панславистовъ,“ пріемъ къ которому порядочные люди не прибѣгаютъ.

Переходимъ къ самой статьѣ. „*Панславистскій комитетъ* въ Петербургѣ,“ пишетъ *Видело*, обнародовалъ на дняхъ программу своей партіи. Программа эта состоитъ де изъ пяти пунктовъ, изъ коихъ третій требуетъ „преобладанія Россіи надо всѣми славянскими народами Европы,“ а въ пятомъ параграфѣ значится де что слова „русскій“ и „панславистскій“ синонимы. Вся эта несуществующая программа „панславистскаго комитета“ приведена во вносныхъ знакахъ и, какъ утверждаетъ *Видело*, обнародована недавно. Программа эта (повторяемъ, существующая только въ фантазіи редакторовъ *Видела*) отличается де краткостію и ясностію: Россія будто бы желаетъ поработить всѣхъ Славянъ и обратить ихъ въ панславистовъ, то-есть въ Русскихъ. Сербіи поэтому необходимо де энергически бороться противъ Россіи, причемъ побѣда несомнѣнно останется па сторонѣ Сербіи, „хотя силы борющихся далеко неодинаковы.“

Намъ незачѣмъ защищать ни несуществующій панславистскій комитетъ въ Петербургѣ, ни вообще славянофиловъ, и мы не упомянули бы объ инсинуаціи сербской правительственной газеты еслибъ она не сочла нужнымъ замѣтить что панслависты суть сила съ которою „*должно* считаться и считается Русское правительство,“ еслибъ она не дерзнула утверждать что и послѣднее возстаніе въ Сербіи есть дѣло панславистовъ задающихъ тонъ Русскому правительству.

Мы не разъ имѣли случай высказываться о русской политикѣ по отношенію къ

славянскимъ народамъ, и при этомъ заявляли что весь интересъ Россіи на Востокѣ заключается въ томъ чтобы народы Балканскаго полуострова развивались вполнѣ самостоятельно, *въ народномъ духѣ*, чтобъ они не были никѣмъ эксплуатированы, чтобы Сербія была для Сербовъ, Болгарія для Болгаръ, Румынія для Румынъ, Греція для Грековъ. Что слова наши не просто фраза, это наглядно доказываютъ сами факты. Развѣ Россія захватила какія-нибудь области Балканскаго полуострова? Развѣ лежащая въ сферѣ русскихъ интересовъ Болгарія порабощается Россіей экономически? Развѣ она не развивается въ духѣ народномъ? Такъ ли поступали другіе, предъ коими преклоняются сербскіе правители? Стóитъ только вспомнить *сербскія* области Боснію и Герцеговину и теперешнее хозяйничанье въ этихъ провинціяхъ. Стóитъ вспомнить гоненія на архипастыря Сербской церкви въ угоду вѣнскимъ и пештскимъ патронамъ... Нѣтъ, не о народности, не о вѣрѣ своей заботятся правители Сербіи, а о чемъ-то не имѣющемъ ничего общаго съ интересами Сербскаго народа...

Видело твердитъ въ своей статьѣ что Русскіе въ сущности ни мало не заботятся объ интересахъ Сербіи, что критика коей подверглись въ русскихъ газетахъ желѣзнодорожная конвенція и разныя сдѣлки Сербіи съ Австріей была только маской. Русскіе порицаютъ де Сербское правительство лишь потому что культура, которой предстоитъ быстро распространиться въ Сербіи вслѣдствіе желѣзной дороги, „вырветъ Сербію изъ варварства,“ что помѣшаетъ де захвату Сербіи Россіей (!). Рвеніе съ какимъ *Видело* доказываетъ культурное значеніе строящейся сербской желѣзной дороги, впрочемъ, понятно. Главный патронъ *Видела*, бывшій министръ-президентъ Пирочанацъ, недавно отказался принять постъ сербскаго посланника въ Вѣнѣ и предпочелъ выгодное мѣсто перваго юрисконсульта строящейся желѣзной дороги...

№ 329.

Москва, 26-го ноября.

А.

Сильная тревога охватившая политическіе круги Англіи вслѣдствіе истребленія экспедиціоннаго отряда генерала Гикса понемногу слабѣетъ. Для всѣхъ стало очевиднымъ что со стороны лжепророка Махди Египту *пока* не угрожаетъ опасности. Достаточно напомнить что разстояніе между Эль-Обеидомъ, гдѣ потерпѣлъ пораженіе генералъ Гиксъ, и Каиромъ равняется 1.700 верстамъ. Касательно будущихъ дѣйствій Англійскаго правительства также установились болѣе опредѣленныя воззрѣнія. Возникшій въ первые дни послѣ пораженія Гикса планъ снарядить новую экспедицію противъ Махди теперь оставленъ, вѣроятно по той простой причинѣ что пресловутое переустройство египетской арміи, которое такъ рекламировали Англичане со времени оккупаціи Египта, дало самые печальные результаты. Изъ отряда отправленнаго, уже послѣ пораженія генерала Гикса, изъ Египта въ Суданъ болѣе половины солдатъ бѣжали не пройдя и половины пути къ мѣсту назначенія; что случилось съ остальными, еще неизвѣстно. Уже это одно обстоятельство показываетъ что полагаться на египетскія войска нельзя, въ особенности если приходится имѣть дѣло съ врагомъ дѣйствующимъ внѣ предѣловъ собственно Египта, въ одной изъ отдаленныхъ его провинцій, гдѣ вооруженныя возстанія вещь самая обыкновенная. У самой Англіи нѣтъ достаточно войскъ чтобы дѣйствовать противъ Махди безъ помощи хедива, а на египетскія войска, какъ оказывается, разчитывать нельзя ни въ какомъ случаѣ. Естественно что въ виду этого Англичанамъ не остается другаго исхода какъ спокойно выжидать перемѣны обстоятельствъ, а пока ограничиться обороной. Въ пользу этого плана высказываются и выдающіеся военные авторитеты, хорошо знакомые съ положеніемъ дѣлъ не только въ Египтѣ, но и въ подвластныхъ ему южныхъ провинціяхъ. Теперь, послѣ пораженія египетскаго экспедиціоннаго корпуса полчищами лжепророка, особенный интересъ получаетъ письмо близко знающаго Востокъ извѣстнаго Беккеръ-паши обнародованное на дняхъ въ иностранныхъ

газетахъ. Вотъ что пишетъ онъ по поводу экспедиціи генерала Гикса: „Прежде чѣмъ Гиксъ-паша выступилъ изъ Каира съ цѣлью стать во главѣ экспедиціоннаго корпуса, я и мой братъ, Валентинъ Беккеръ-паша, имѣли съ нимъ нѣсколько совѣщаній. Я предложилъ Гиксу операціонный планъ составленный мною на основаніи моего долголѣтняго опыта на Востокѣ. Я настаивалъ на томъ чтобы возстаніе прежде всего было подавлено въ Сенаарѣ и на западномъ берегу Бѣлаго Нила. Лишь въ случаѣ успѣха въ этой области, я совѣтовалъ приступить къ дальнѣйшимъ операціямъ въ Кордофанѣ. Я говорилъ и хедиву, и лорду Дёфферину, и всѣмъ вліятельнымъ лицамъ въ Каирѣ что Дарфуръ слѣдуетъ бросить, и что границей Египта долженъ быть Бѣлый Нилъ. Присутствіе англійскихъ офицеровъ въ египетскомъ экспедиціонномъ корпусѣ было само по себѣ опасностію, ибо офицеры эти возбуждали повсемѣстно ненависть и недовѣріе... Возстаніе въ Суданѣ имѣетъ религіозный характеръ, что еще болѣе возбуждало Арабовъ, тѣмъ болѣе что участвовавшіе въ экспедиціонномъ египетскомъ корпусѣ англійскіе офицеры не понимали ни слова по-арабски и такимъ образомъ находились въ полной зависимости отъ переводчиковъ. На Англичанъ всѣ смотрѣли какъ на людей пришедшихъ завоевать мусульманскія области и обратить мусульманъ въ христіанство. Въ виду этого я умолялъ хедива и другихъ вліятельныхъ лицъ чтобъ они послали вмѣстѣ съ генераломъ Гиксомъ какого-нибудь египетскаго шейха *съ зеленымъ турбаномъ* и показали тѣмъ что Англичане союзники Египетскаго народа и защищаютъ его религіозные принципы. Однако Гиксъ-паша отказался послѣдовать моему совѣту, результатомъ чего было истребленіе его экспедиціоннаго корпуса и усиленіе волненій среди мусульманъ.“

Этихъ словъ достаточно чтобы понять что активныя дѣйствія въ Суданѣ и Кордофанѣ представляются пока крайне рискованными, если не невозможными.

Еще опредѣленнѣе съ военной точки зрѣнія высказывается о будущихъ дѣйствіяхъ Англичанъ генералъ Клапка, напечатавшій на дняхъ свои соображенія въ газетѣ *Daily Telegraph*. „Я съ удивленіемъ узналъ, пишетъ онъ, что въ англійской печати ведется полемика о томъ что лучше: окончательно отказаться отъ Судана или же дѣйствовать энергически противъ Махди, до окончательнаго уничтоженія его полчищъ. По моему мнѣнію было бы одинаково ошибкой очистить весь Суданъ и бросить Хартумъ, какъ и предаваться надеждѣ что революціонное движеніе поднятое Махди можетъ быть подавлено однимъ энергическимъ ударомъ.“ Генералъ Клапка предлагаетъ Англичанамъ ограничиться пока обороной и укрѣпить по возможности хорошо тѣ пункты которые еще не находятся въ рукахъ лжепророка.

Этому совѣту, повидимому, и намѣрены послѣдовать Англичане, какъ это видно изъ сообщеній англійскихъ газетъ. Что такой образъ дѣйствій не обезпечиваетъ быстраго успѣха, это очевидно, но онъ все-таки представляетъ нѣкоторыя гарантіи что порядокъ въ Египтѣ будетъ сохраненъ, на что нельзя было бы разчитывать еслибъ Англичане потерпѣли вторично пораженіе.

Политическія послѣдствія побѣды одержанной лжепророкомъ, однако, этимъ не устраняются. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію что престижъ Англичанъ сильно пострадалъ. Поведетъ ли вѣсть о побѣдѣ Махди ко взрыву мусульманскаго фанатизма въ другихъ областяхъ, кромѣ уже охваченныхъ возстаніемъ, предвидѣть пока нельзя. Во всякомъ случаѣ Англіи придется дѣйствовать съ большою осторожностью. Побѣда Махди не можетъ не отразиться отчасти и на будущей политикѣ Англіи по отношенію ко франко-китайскому конфликту. Мусульманскій фанатизмъ опасенъ какъ для Англіи, такъ и для Франціи, и это обстоятельство можетъ повести къ ихъ сближенію. Какъ бы ни были противоположны интересы Англичанъ и Французовъ въ Китаѣ, Англія въ виду побѣды Махди будетъ пожалуй вынуждена на дальнемъ Востокѣ относиться благосклоннѣе ко Франціи. Въ этомъ смыслѣ побѣда Махди пріобрѣтаетъ нѣкоторое значеніе и для международныхъ отношеній.

Б.

28 ноября назначено въ Петербургѣ первое засѣданіе представителей обществъ взаимнаго отъ огня страхованія, для выработки проекта соединенія всѣхъ таковыхъ обществъ въ одно, съ общею отвѣтственностію за пожарные убытки. Въ виду

стачки акціонерныхъ страховыхъ обществъ, возвысившихъ преміи до непосильнаго для домовладѣльцевъ размѣра, особенно при страхованіи деревянныхъ домовъ (а ихъ въ Россіи по десяти на одинъ каменный), удовлетворительное устройство взаимнаго страхованія есть вопросъ первостепенной важности. Отдѣльныя городскія общества взаимнаго страхованія, по незначительному числу страхуемыхъ въ нихъ имуществъ, не удовлетворяютъ существеннѣйшему условію страхованія, не представляя страхователямъ вѣрнаго обезпеченія въ случаѣ обширныхъ пожаровъ. Потому въ городахъ гдѣ учреждены такія общества многіе домовладѣльцы опасаются вступать въ нихъ и продолжаютъ страховать въ акціонерныхъ компаніяхъ. Сліяніе обществъ взаимнаго страхованія въ одно устранило бы сказанный недостатокъ, но оно угрожаетъ другими, можетъ-быть еще бо́льшими опасностями, если распоряженіе дѣлами и суммами соединеннаго общества будетъ предоставлено одному центральному учрежденію которое будетъ засѣдать вѣроятно въ Петербургѣ. Капиталъ такого всероссійскаго общества долженъ будетъ въ скоромъ времени возрасти до весьма значительной цифры и легко можетъ подвергнуться тѣмъ же случайностямъ какъ и капиталъ Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, тѣмъ болѣе что контроль со стороны провинціальныхъ городскихъ обществъ цѣлой Россіи почти невозможно устроить такъ чтобъ онъ былъ дѣйствительнымъ, а не мнимымъ. Второе важное неудобство соединеннаго общества будетъ состоять въ томъ что участвующіе въ немъ домовладѣльцы разныхъ городовъ, зная что за пожарные убытки отвѣчаетъ имущество не одного ихъ города, а многихъ, быть-можетъ даже всѣхъ городовъ Россіи, не будутъ слѣдить, какъ слѣдятъ теперь, за тѣмъ чтобы дома не оцѣнивались выше ихъ стоимости. Другими словами, здѣсь будутъ вѣроятны и даже несомнѣнны частые поджоги домовъ оцѣненныхъ въ нѣсколько кратъ дороже ихъ дѣйствительной стоимости. Для контроля надъ правильностью оцѣнокъ не будетъ здѣсь даже и того побужденія которое существуетъ въ акціонерныхъ обществахъ, гдѣ пожарные убытки прямо ведутъ къ уменьшенію дохода не только акціонеровъ, но и директоровъ. Въ виду такой двойной опасности, успѣхъ всероссійскому обществу взаимнаго страхованія можно обѣщать лишь въ томъ случаѣ если, вопервыхъ, правительство приметъ участіе въ центральномъ управленіи общества, съ призывомъ въ него нѣкотораго числа представителей отъ губерній, выбираемыхъ по очереди, и вовторыхъ, если оцѣнка страхуемыхъ имуществъ будетъ обставлена возможными обезпеченіями противъ злоумышленнаго ея возвышенія. Для послѣдней цѣли, кромѣ обезпеченій заключающихся въ самыхъ способахъ оцѣнки, необходимо постановить строгую уголовную отвѣтственность за несоразмѣрно-высокія оцѣнки, такъ какъ онѣ прямо ведутъ къ общественнымъ бѣдствіямъ—пожарамъ. Но можетъ-быть, вмѣсто сліянія отдѣльныхъ обществъ взаимнаго страхованія въ одно, былъ бы практичнѣе союзъ этихъ обществъ, со взаимною другъ у друга перестраховкой. Само собою разумѣется что взаимное страхованіе во всякомъ случаѣ должно быть для каждаго домовладѣльца добровольное, а отнюдь не обязательное. Обязательность служила бы въ этомъ случаѣ только поводомъ къ недоимкамъ по взносу премій, ибо приравнивалась бы къ обязательности налоговъ.

№ 331.

Москва, 28-го ноября.

Возвращаемся къ вопросу о „золотой рентѣ,“ которая явилась какъ бы пробнымъ камнемъ для оцѣнки авторитетности многихъ господъ берущихся судить о финансовыхъ дѣлахъ и поучать какъ и чѣмъ исправить нашу кредитную систему и излѣчить всѣ наши экономическія болѣсти. Въ сужденіяхъ нашей печати о „золотой рентѣ“ дѣло доходило до того что она выдавалась за заемъ внутренній; на выпускъ ея указывалось какъ на серіозный шагъ къ поддержанію государственнаго кредита и къ подъему и упроченію нашей валюты; до послѣдней минуты никѣмъ нежданный, негаданный выпускъ „золотой ренты“ выставлялся искуснымъ шахматнымъ ходомъ, обдуманнымъ, ловкимъ финансовымъ маневромъ, который де разомъ положилъ конецъ направленнымъ противъ Россіи махинаціямъ.

„Золотая рента“ какъ „внутренній“ заемъ... Но какъ же называть внутреннимъ

заемъ изъ котораго на долю русскаго люда предоставлены лишь ничтожныя крохи, такъ что, какъ пишутъ въ газетахъ, „по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, непосредственно въ руки частной публики поступило изъ Государственнаго Банка новой ренты менѣе чѣмъ на 500.000 руб. капитала?“ *) Какъ признавать внутреннимъ заемъ къ которому иностранные банкиры привлекались приманкой особыхъ коммиссіонныхъ и арбитражныхъ выгодъ и которому данъ характеръ игры обезпечивающей для заграничной публики выигрышъ навѣрняка, между тѣмъ какъ своя можетъ дѣйствовать лишь очертя голову, при ежеминутномъ неотвратимомъ рискѣ потопленія волнами курсовыхъ колебаній? Впрочемъ, въ немного дней даже и тѣ кто прельщались „золотою рентой,“ какъ отрѣшеніемъ будто бы отъ политики разорительныхъ внѣшнихъ займовъ, принуждены были въ этомъ разочароваться; серіозные же люди не сомнѣвались въ характерѣ займа съ первой минуты, и въ Берлинѣ прямо смотрѣли на него какъ на внѣшній, въ твердомъ убѣжденіи что весь выпускъ ренты, то-есть со включеніемъ и той малой части его которая разобрана въ Россіи, перемѣстится за границу.

„Золотая рента“ какъ средство поднять валюту... Это на первый взглядъ могло казаться вѣроятнымъ: заключеніе каждаго внѣшняго займа вело обыкновенно къ повышенію вексельныхъ курсовъ, по крайней мѣрѣ временному. Но въ данномъ случаѣ, если не считать эфемерныхъ котировокъ во время самой распродажи ренты, не оказалось даже и временнаго улучшенія курсовъ. Чтобъ убѣдиться въ этомъ стóитъ сравнить курсы 18 ноября (послѣдняго биржеваго дня предъ объявленіемъ о продажѣ „золотой ренты“) съ курсами 25 ноября, послѣдней пятничной биржи:

Въ Петербургѣ:

	Курсы 18 ноября:	*Курсы 25 ноября:*
На Лондонъ	$23^{13}/_{32}$, $^1/_2$, $^7/_{16}$	$23^3/_8$, $^7/_{16}$
„ Амстердамъ	$118^1/_2$, $^5/_8$	$118^3/_8$, $^1/_2$
„ Гамбургъ	$199^1/_8$, $^3/_4$, $^1/_2$	$198^5/_8$, $199^1/_4$
„ Парижъ	246, $246^1/_2$, $^1/_4$	$245^1/_2$, 246
Полуимперіалы	8 р. 43 к.	8 р. 43 к.
Въ Москвѣ:		
Полуимперіалы	8 р. 46 к.	8 р. 47 к.

Въ Берлинѣ:

Курсы:		
На Петербургъ 3 нед.	197 —	196 35
„ „ 3 мѣс.	195 15	194 60
„ Варшаву 8 дней	197 40	197 —
Русскіе кредитные билеты наличные	197 90	197 45

Что̀ видно изъ приведенной таблички? Ни одинъ курсъ не повысился, а многіе понизились.

Затѣмъ, что касается фондовъ, то о нихъ едва ли нужно и говорить. Слишкомъ велика разница между высокимъ процентомъ новаго займа и сравнительно умѣренными процентами прежнихъ, слишкомъ выгодны условія въ которыя поставлены пріобрѣтатели „золотой ренты“ сравнительно съ владѣльцами прочихъ займовыхъ облигацій, чтобы новый заемъ не сдѣлался опаснымъ конкуррентомъ для прежнихъ русскихъ займовъ. Какъ не понижаться цѣнамъ русскихъ фондовъ, когда ихъ даже съ большою придачей выгодно мѣнять на „золотую ренту,“ когда при промѣнѣ, напримѣръ на Берлинской биржѣ 25 ноября, трехъ 4% металлическихъ консолидированныхъ 125-рублевыхъ облигацій 1880 года на два тоже 125-рублевые билета новой 6% ренты сохраняется весь годовой доходъ и получается болѣе 18 марокъ единовременной выгоды? Какъ не броситься на „золотую ренту,“ сбывая, хотя бы съ уступкой нѣсколькихъ марокъ, прежніе менѣе доходные русскіе фонды, и тѣмъ роняя ихъ цѣну? Этотъ уронъ цѣны прежнихъ русскихъ фондовъ есть прямой убытокъ для русскихъ и заграничныхъ владѣльцевъ оныхъ, и конечно они не скажутъ спасибо за пониженіе болѣе чѣмъ на десятую долю цѣны русскаго государственнаго кредита продажей 6-рублеваго дохода не за $106^1/_8$—$111^3/_8$, какъ въ пятилѣтіе 1877—1881, а за $96^1/_2$—$94^3/_4$ рублей. Однимъ только и могутъ утѣшаться владѣльцы прежнихъ русскихъ фондовъ что „золотой ренты“ выпущено, слава Богу, только на 50 милліоновъ, а не на бо́льшую сумму, что поэтому причиняемый ею вредъ не перейдетъ извѣстныхъ границъ, иначе всѣ кредиторы Россіи могли бы потерять, благодаря „золотой рентѣ,“ до десятой доли затраченныхъ въ русскіе фонды капиталовъ. Только этимъ, только относительно ограниченнымъ выпускомъ „золотой ренты,“ объясняется сравнительно малое пониженіе фондовыхъ цѣнъ, на-

*) См. *Биржевыя Вѣдомости* № 183.

примѣръ, упомянутыхъ 4% консолей съ 71 м. 85 пф. (18 ноября) на 70 м. 90 пф. (25 ноября), причемъ, однако, неизвѣстно остановится ли пониженіе на этой цифрѣ. А что если за первымъ выпускомъ, можетъ думать каждый, послѣдуютъ раньше или позже новые выпуски „золотой ренты" или другія финансовыя операціи такого же свойства?

При такомъ вліяніи „золотой ренты" на русскіе фонды, указывать на нее какъ на средство поддержать кредитъ болѣе чѣмъ странно. Трудно представить себѣ что-нибудь хуже впечатлѣнія произведеннаго за границей (у насъ и по части финансовъ, и въ другихъ отношеніяхъ цѣнятся преимущественно заграничныя мнѣнія) выпускомъ „золотой ренты." Чтобы получить понятіе объ этомъ впечатлѣніи было бы, конечно, безполезно заглядывать въ газеты патронируемыя Мендельсономъ и другими банкирами, для которыхъ рента явилась лакомымъ кускомъ. Но загляните, напримѣръ, въ *Кельнскую Газету*. „Новый русскій заемъ," телеграфировали въ эту газету изъ Берлина, отъ 4 декабря (22 ноября), въ самый день распродажи ренты, — „новый русскій заемъ, предложенный здѣсь въ понедѣльникъ (3 декабря), принимается за свидѣтельство о бѣдности, которое выдало само себѣ Русское правительство." (Die neue russische Anleihe, welche am Montag hier aufgelegt worden ist, wird als ein Armutszeugniss betrachtet, das sich die russische Regierung selbst ausgestellt habe.) Оказывается что невѣрно было извѣстіе биржеваго хроникера г. Лури будто „выпускъ на 50 милліоновъ непрерывной ренты произвелъ на европейскихъ биржахъ *наилучшее* впечатлѣніе," такъ что не слышно де болѣе ни слова о нашихъ „никуда не годныхъ финансахъ." Но кому и зачѣмъ могло понадобиться выдавать Россіи такое „свидѣтельство о бѣдности," да еще о бѣдности мнимой, а не дѣйствительной?

Загляните въ другія газеты, прочтите, напримѣръ, передовую статью „О новомъ русскомъ займѣ" въ № 567 *Berliner Tageblatt*, тоже отъ 4 декабря (22 ноября). Статья эта дышетъ открытымъ нерасположеніемъ къ Россіи; но лучше выслушать грубое, но прямое слово отъ врага чѣмъ слащавую ложь отъ льстеца-интересана. Поставляя на видъ непомѣрныя выгоды предоставляемыя условіями займа капиталистамъ, авторъ статьи въ этой самой непомѣрности выгодъ указываетъ германскимъ капиталистамъ опасность помѣщать деньги въ русскихъ фондахъ. Если второстепенныя и даже третьестепенныя государства какъ, напримѣръ, Румынія, занимаютъ деньги не болѣе какъ за 5% по $98\frac{1}{2}$ за 100, а государства съ упроченнымъ финансовымъ положеніемъ платятъ по займамъ не болѣе 4%, то что де сказать о странѣ выпускающей 6% ренту по $96\frac{1}{2}$ за 100? Значитъ де ужь очень туго и худо пришлось этой странѣ, значитъ де изсякли ея рессурсы: „Въ настоящее время избытка денегъ и низкаго учета, когда подъ вѣрное обезпеченіе на биржахъ предлагаются деньги за 3% или немного выше, никто пользующійся хорошимъ кредитомъ не станетъ платить шести процентовъ" *(6 pCt. Zinsen* braucht in heutiger Zeit des Geldüberflusses und des niedrigen Zinsstandes, welche die Geldaufnahme gegen erste Sicherheiten in offenen Geldmarkt zu 3 pCt. und darüber gestatten, *Niemand zu zahlen, der sich eines guten Kredits erfreut)*, восклицаетъ авторъ статьи берлинской газеты...

Во всемъ этомъ нельзя не видѣть сознательно или безсознательно фальшиваго представленія о Россіи и ея положеніи и средствахъ. Высота процентовъ по русскому займу объясняется не положеніемъ Россіи: это лишь прямой результатъ ошибочной финансовой системы, которая ведетъ отъ промаха къ промаху и которая упорно держится несмотря на доказанную ея несостоятельность.

Трудно придумать какое-либо оправданіе выпуску „золотой ренты." На него можно было рѣшиться развѣ только подъ давленіемъ крайней нужды. Но развѣ такая нужда настояла?

Какъ объявлено офиціально, „золотая рента" выпущена „для уплаты причитающихся Государственному Банку, на основаніи Высочайшаго указа 1 января 1881 года, 50 милл. рублей и для удовлетворенія расходовъ по желѣзнодорожнымъ сооруженіямъ." Но, вопервыхъ, всѣ эти 50-милліонныя уплаты Государственному Банку изъ Государственнаго Казначейства не что иное какъ перекладываніе денегъ изъ одного казеннаго кармана въ другой тоже казенный, и ради подобныхъ уплатъ странно прибѣгать къ мѣрамъ такого свойства какъ только что состоявшійся заемъ. Во-

вторыхъ, зачѣмъ могъ понадобиться тутъ *металлическій* заемъ, когда для уплаты Банку нужны *кредитные* билеты? Не могло быть нужды ни въ какомъ металлическомъ займѣ, не говоря уже о такомъ какъ „золотая рента,“ и для того чтобъ отпустить около 30 милліоновъ кредитныхъ рублей на желѣзнодорожныя сооруженія. Не только такія, но и вдесятеро бо́льшія суммы можно было бы, какъ засвидѣтельствовано опытомъ, достать путемъ внутреннихъ займовъ на гораздо болѣе льготныхъ для казны и страны, сравнительно съ „золотою рентой,“ условіяхъ.

Несоотвѣтствіе цѣли займа съ условіями выпуска „золотой ренты“ такъ бросается въ глаза что никто не хочетъ вѣрить чтобъ объявленная цѣль была дѣйствительная: въ ней видятъ только предлогъ для замаскированія настоятельной нужды добыть золото для расплаты по купонамъ внѣшнихъ займовъ. Въ петербургскихъ корреспонденціяхъ иностранныхъ газетъ прямо говорится будто Министерство Финансовъ располагаетъ для этого назначенія всего 8 милліонами рублей, а требуется де не 8, а 50 милліоновъ. Но трудно было бы этому повѣрить. Какъ видно изъ *Приложенія къ Отчету Государственнаго Контроля* за 1881 годъ (стр. 10 и 11), въ распоряженіи Особой Канцеляріи по кредитной части числилось суммъ у банкировъ за границей:

Къ 1 янв. 1881	66.604.437 р.	38 к.
„ „ „ 1882	44.268.019 „	9 „

$44^1/_4$ милліона — достаточный золотой запасъ, и если присоединить къ нему 64.322.457 металл. рублей поступившихъ въ 1882 году изъ таможенъ, получится 108.590.476 рублей, сумма которая не могла быть истрачена въ 1882 году на уплату процентовъ по внѣшнимъ займамъ: долженъ былъ остаться добрый кушъ къ 1883 году, а въ текущемъ году, сколько извѣстно, цифра таможеннаго дохода мало разнится отъ прошлогодней. Стало-быть крайней нужды въ золотѣ для заграничныхъ расплатъ не могло быть, и вмѣсто займовъ для этой цѣли, казна могла просто посылать за границу получаемое изъ таможенъ золото, о каковыхъ пересылкахъ и случается подчасъ читать въ газетахъ, причемъ можно лишь подивиться какъ могутъ такія пересылки вызывать у насъ сомнительные толки и гадательныя предположенія.

Остается полагать что рента выпущена въ разчетѣ побудить банкировъ къ повышенію курсовъ. Но не вящимъ усиліемъ зависимости русскихъ курсовъ отъ заграничныхъ банкировъ, не выпусками „золотой ренты“ можетъ быть упрочена наша валюта. „Золотая рента“ можетъ только участить и усилить вредныя колебанія вексельныхъ курсовъ. По доходящимъ изъ Берлина вѣстямъ, тамошніе банкиры по случаю „золотой ренты“ уже составили такой планъ: ко дню взносовъ за ренту улучшать курсы чтобы меньше платить, а ко дню полученія процентовъ по купонамъ ронять курсы какъ можно сильнѣй чтобы больше получать...

Вызванное „золотою рентой“ стремленіе къ курсовой игрѣ, по газетнымъ свѣдѣніямъ, уже и проявляется. Въ одной изъ петербургскихъ газетъ напечатана телеграмма изъ Берлина, отъ 24 ноября (6 декабря), въ которой читаемъ: „Сегодня произошло здѣсь сильное паденіе курса нашего рубля, вслѣдствіе многочисленныхъ приказовъ на продажу со стороны петербургскихъ банкировъ. Послѣдніе выступили какъ здѣсь, такъ и въ Лондонѣ продавцами значительныхъ партій кредитныхъ рублей.“

№ 332.

Москва, 29-го ноября.

7 декабря въ палатѣ депутатовъ прусскаго ландтага обсуждался бюджетъ вѣдомства сельскаго хозяйства. Противъ ожиданія, пренія прошли совершенно спокойно, но было высказано многое не лишенное интереса и за предѣлами Германіи.

Началось съ замѣчаній касательно улучшенія хозяйства въ мелкихъ земельныхъ участкахъ. Для этихъ улучшеній необходимы денежныя средства, а ихъ-то мелкіе землевладѣльцы и не имѣютъ. Большинство мелкихъ владѣльцевъ обременены долгами, на уплату которыхъ уходитъ бо́льшая часть дохода. Сельскіе ростовщики, по нашему „кулаки“, составляютъ главнѣйшее зло, безъ устраненія коего развитіе мелкихъ хозяйствъ немыслимо. Нужна помощь казны, все равно государственной или общественной. Депутатъ Лудвигъ, поэтому, съ особою настойчивостью указывалъ на необходимость облегчить

кредитъ для ищущихъ средствъ улучшить свое хозяйство. Это облегченіе должно де состоять въ щедрыхъ ссудахъ и выгодномъ, разчитанномъ на продолжительные сроки погашеніи оныхъ. Другой депутатъ, г. Шпангенбергъ, рядомъ съ этимъ указалъ на необходимость расширить систему поощреній за правильное веденіе мелкихъ хозяйствъ. Сельскохозяйственнымъ обществамъ въ Пруссіи ассигнуются особыя суммы для выдачи премій за образцовое веденіе хозяйствъ крестьянами. Суммы расходуемыя съ этою цѣлью уже и теперь значительны, но за то и достигнуты, сравнительно, утѣшительные результаты. Огородничество и садоводство сдѣлали громадные успѣхи, счетоводство въ хозяйствахъ ведется правильнѣе прежняго. „Крестьяне, добавилъ г. Бахемъ, сдѣлали бы вѣроятно еще бóльшіе успѣхи, еслибъ этому не препятствовали иногда несоразмѣрно большіе налоги, особенно на содержаніе школъ.“ Изъ офиціальной прусской статистики видно что на постройку школъ въ Пруссіи съ 1874 года по 1881 израсходовано 118 милліоновъ марокъ. Эти „непомѣрные,“ по мнѣнію многихъ, расходы разстраиваютъ средства сельскихъ общинъ, особенно въ западныхъ провинціяхъ Пруссіи, „гдѣ дѣло доходитъ чуть не до маніи.“ Въ Помераніи, напримѣръ, за этотъ періодъ израсходовано 2.900.000 марокъ, а въ Вестфаліи 12½ милліоновъ, въ Рейнской Пруссіи 26 милліоновъ. Въ деревняхъ на Рейнѣ для школъ настроены дворцы. „Есть поводы думать что такія излишества пойдутъ и дальше.“

Не лишены были интереса и сужденія о положеніи сельскаго хозяйства Германіи относительно рынковъ сбыта. Несмотря на высокія „боевыя“ пошлины, нѣмецкій производитель хлѣба не можетъ конкуррировать съ иностраннымъ, особенно американскимъ. Америка отпускаетъ, напримѣръ, пшеницу по 6,7 марки за центнеръ въ Ливерпуль. Нѣмецъ не можетъ отдать такъ дешево, а между тѣмъ стоимость производства непрерывно повышается. Дѣло могло бы улучшиться еслибы за Океаномъ сельское хозяйство клонилось къ упадку; но этого нѣтъ. „Надо прибавить, сказалъ депутатъ Шульцъ, что въ Остъ-Индіи сельское хозяйство быстро развивается, и что вывозъ хлѣбовъ изъ Китая годъ отъ году увеличивается.“ Еще недавно Китай отпускалъ не болѣе 200 тысячъ тоннъ; не больше какъ въ восемь лѣтъ этотъ отпускъ достигъ почти 5 милліоновъ тоннъ.

Возвышеніе таможенныхъ пошлинъ на хлѣбъ нѣсколько облегчило положеніе сельскаго хозяина, но одного этого средства недостаточно. Германія можетъ выйти изъ затрудненія не иначе какъ „увеличеніемъ количества труда:“ вмѣсто сбыта сырыхъ продуктовъ она должна стремиться къ развитію отпуска „издѣлій.“ Ей необходимо развивать свое винокуреніе, табаководство и производство сахара. Только при этихъ условіяхъ нѣмецкій хозяинъ найдетъ выгодный сбытъ своимъ произведеніямъ и средства для дальнѣйшаго развитія и улучшенія хозяйства.

О русскомъ хлѣбѣ на этотъ разъ въ прусскомъ парламентѣ не говорилось; не упомянули и о томъ какое вліяніе имѣетъ онъ на цѣны американскаго привоза.

Развитіе сельскаго хозяйства находится въ прямой зависимости отъ путей сообщенія. Германія въ этомъ отношеніи стоитъ далеко впереди насъ: у нея густая желѣзнодорожная сѣть, прекрасныя шоссе, удобный сплавъ, но несмотря на это въ Германіи, и особенно въ Пруссіи, очень озабочены развитіемъ искусственныхъ водяныхъ путей, постройкой каналовъ. Въ прошлую сессію прусскому ландтагу былъ предложенъ проектъ обширной сѣти водяныхъ сообщеній. Проектъ этотъ не прошелъ, палата господъ отвергла его; но отвергла не потому чтобы считала затраты на постройку каналовъ излишними, а лишь потому что большинство желало иначе начертать эту сѣть, устроивъ непрерывное водяное сообщеніе восточной части монархіи съ западною. Недавно сдѣлался извѣстенъ отвѣтъ правительства на такое предложеніе. Отвѣтъ этотъ безусловно отрицательный. Въ мотивахъ указывается что требуемая система каналовъ, не достигая лучшихъ результатовъ, обошлась бы дороже. Такимъ образомъ, оставаясь при своемъ, правительство намѣрено вновь внести въ ландтагъ свой прошлогодній проектъ и провести его, если только тому не помѣшаютъ новые враги каналовъ. Какъ ни странно, но такими врагами оказались преимущественно желѣзодѣлательные заводы, опасающіеся что развитіе каналовъ, облегчивъ распространеніе каменнаго угля, подниметъ стоимость металлическаго производства, то-есть по-

вредитъ той отрасли промышленности которая особенно развита въ Германіи и быстро идетъ впередъ. Замѣчательно что извѣстный Круппъ оказался наиболѣе завзятымъ противникомъ каналовъ. Желѣзодѣлательнымъ заводчикамъ хотѣлось бы развитія не каналовъ, а желѣзныхъ дорогъ, доставляющихъ имъ массу работы въ видѣ рельсовъ и даже металлическихъ шпалъ. Стали даже увѣрять будто перевозка по желѣзнымъ дорогамъ если не самому отправителю, то государству обходится дешевле и выгоднѣе провоза по каналамъ...

Какъ бы ни были однако разнорѣчивы высказываемыя по этой и по другимъ частямъ мнѣнія, нельзя не видѣть какъ все имѣющее какое-нибудь отношеніе къ сельскому хозяйству служитъ въ Германіи предметомъ серіознаго, дѣловаго интереса. Не будучи страной земледѣльческою по преимуществу, находясь почти на той грани на которой земледѣльческіе интересы готовы уступить первенство интересамъ промышленнымъ, Германія тѣмъ не менѣе дѣлаетъ все возможное и для сельскохозяйственныхъ улучшеній, и для обезпеченія сельскимъ произведеніямъ болѣе обширныхъ рынковъ сбыта, и для расширенія и безъ того уже широко развитой сѣти улучшенныхъ путей къ этимъ рынкамъ. Само собою разумѣется, все это должно быть предметомъ еще болѣе ревностныхъ и дѣловыхъ заботъ въ странѣ живущей чуть не исключительно земледѣліемъ, какова Россія, гдѣ даже вся промышленная жизнь вполнѣ зависитъ отъ сельскохозяйственной, гдѣ всякій успѣхъ и всякая невзгода земледѣльцевъ немедленно отражаются соотвѣтственными успѣхами и невзгодами на фабричномъ и заводскомъ производствѣ.

№ 333.

Москва, 30-го ноября.

Вчера, 29 ноября, французская палата депутатовъ приняла важное рѣшеніе, послѣдствій коего никто не въ состояніи предвидѣть. Большинствомъ 235 голосовъ депутаты разрѣшили правительству расходовать девять милліоновъ франковъ на продолженіе Тонкинской экспедиціи и выразили большинствомъ 109 голосовъ свое довѣріе министерству г. Ферри, приглашая „проявить достаточно энергіи чтобъ отстоять въ Тонкинѣ честь и вліяніе Франціи.“

Другими словами, палата депутатовъ разрѣшила правительству въ случаѣ надобности вступить въ открытую войну съ Китаемъ.

Что таково именно значеніе принятаго палатой, по предложенію г. Поля Бера, перехода къ очереднымъ дѣламъ, ни для кого сомнѣнія быть не можетъ. Депутаты подавали голоса не застигнутые въ расплохъ, какъ это было 31 октября, когда г. Ферри, дабы выиграть время, принужденъ былъ выманить себѣ довѣріе палаты посредствомъ эффектнаго прочтенія пресловутой апокрифической депеши Трику. Вчерашнее постановленіе палаты было результатомъ четырехдневныхъ преній, коимъ предшествовала раздача депутатамъ двухъ объемистыхъ томовъ *Желтой Книги*, содержащихъ въ себѣ дипломатическіе документы по Тонкинскому вопросу съ 1874 года до послѣднихъ чиселъ текущаго ноября. Депутаты имѣли слѣдовательно полную возможность тщательно ознакомиться со всѣми разнообразными фазисами этого вопроса, тянувшагося въ теченіе почти десяти лѣтъ и внезапно принявшаго въ послѣдніе мѣсяцы такой грозный характеръ. Изъ документовъ *Желтой Книги* они могли вывести одно только заключеніе: Франція поставлена въ такое положеніе что ей *поневолѣ* остается одинъ только почетный исходъ—война съ Китаемъ. Въ миролюбіи палаты сомнѣваться нельзя. Ровно шестнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, 29 іюля 1882 года, она громаднымъ большинствомъ голосовъ (416 противъ 79) рѣшилась скорѣе отказаться отъ своего долголѣтняго и прочнаго политическаго и торговаго вліянія въ Египтѣ чѣмъ организовать маленькую экспедицію дабы вмѣстѣ съ Англіей безо всякаго почти риска подавить мятежъ Араби-паши. Теперь та же самая палата ясно убѣдилась что суровая необходимость, вызванная цѣлымъ рядомъ непростительныхъ политическихъ ошибокъ, заставляетъ Францію, безъ союзниковъ, при явномъ недоброжелательствѣ Англіи, начать въ самое невыгодное время въ высшей степени рискованную и почти безцѣльную войну съ Китаемъ.

Мы недавно имѣли случай указать на тѣ разнообразныя ошибки Французскаго правительства результатомъ коихъ явилось

настоящее безвыходное положеніе Франціи. Документы обнародованные въ *Желтой Книгѣ* выставили эти ошибки еще рельефнѣе, и г. Леонъ Рено, докладчикъ парламентской коммиссіи, разсматривавшей требованіе тонкинскаго кредита, безпощадно изобличилъ въ своемъ докладѣ всѣ промахи правителей Французской республики.

Но *Желтая Книга* не только даетъ возможность до полной наглядности убѣдиться въ важности допущенныхъ французскими дипломатами политическихъ ошибокъ, она указываетъ и на тѣхъ кто по справедливости долженъ отвѣчать за эти ошибки.

Такъ какъ Тонкинскій вопросъ начался въ 1874 году, то-есть во время президентства маршала Макъ-Магона, то нѣкоторымъ республиканцамъ хотѣлось бы свалить всю вину на маршала и на его „аристократическаго" министра иностранныхъ дѣлъ, герцога Деказа. Но это было бы несправедливо. Заключенный въ 1874 году трактатъ съ Аннамомъ, устанавливавшій протекторатъ Франціи надъ Тонкиномъ, не вызвалъ въ то время протеста со стороны Китая, и герцогъ Деказъ былъ слишкомъ опытный и дальновидный государственный человѣкъ чтобы допустить какой-либо нежелательный для Франціи конфликтъ на дальнемъ Востокѣ. Въ *Желтой Книгѣ* есть нѣсколько депешъ герцога Деказа въ коихъ онъ какъ бы предсказывалъ все то что случилось когда портфель иностранныхъ дѣлъ попалъ въ „демократическія" руки близорукихъ кабинетныхъ ученыхъ и безшабашныхъ адвокатовъ. Такъ, напримѣръ, 30 мая 1877 года герцогъ Деказъ пишетъ французскому послу въ Пекинѣ г. Бренье-де-Монморану, обратившему его вниманіе на то что Аннамскій императоръ Тю-Дюкъ послалъ подарки Китайскому богдыхану:

„Не слѣдуетъ, по моему мнѣнію, придавать слишкомъ легкое значеніе тому вѣковому преданію которое подчинило уже нѣсколько поколѣній аннамскихъ властителей китайскимъ императорамъ, не слѣдуетъ забывать что на Востокѣ преданія отличаются необыкновенною устойчивостью и пользуются большимъ уваженіемъ, въ особенности если находятъ себѣ поддержку въ близкомъ родствѣ національностей, въ сходствѣ нравовъ и религій. Пекинскій дворъ отнесся, правда, довольно равнодушно къ занятію нами Кохинхины, столь отдаленной отъ предѣловъ Китайской имперія; но едва ли мы встрѣтимъ то же равнодушіе если дѣло будетъ идти о пограничныхъ съ Китаемъ областяхъ Тонкина, на который до сихъ поръ простиралось преобладающее вліяніе китайскихъ мандариновъ и куда донынѣ свободно проникали китайскія войска. Не слѣдуетъ ли намъ опасаться что императоръ Тю-Дюкъ, поддерживая свои вассальныя отношенія къ Китаю, подчинится политикѣ Пекинскаго двора когда у Китайцевъ не будетъ болѣе разчета относиться къ намъ съ тѣмъ равнодушіемъ которое они намъ выказывали до сихъ поръ?"

Такимъ образомъ герцогъ Деказъ еще въ 1877 году зналъ о существованіи вассальныхъ отношеній Аннама къ Китаю и предвидѣлъ послѣдствія могущія возникнуть изъ этихъ отношеній; между тѣмъ г. Ферри лишь въ прошломъ году „къ своему изумленію" узналъ что Китайскій богдыханъ считаетъ Аннамскаго императора своимъ вассаломъ; даже до сихъ поръ г. Ферри не хочетъ признавать этого факта, который кажется ему „выдумкой коварныхъ мандариновъ."

Въ томъ же 1877 году, 7 сентября, герцогъ Деказъ писалъ адмиралу Жикель-де-Тушъ:

„Хотя въ настоящее время обстоятельства съ точки зрѣнія нашихъ международныхъ отношеній довольно выгодны, тѣмъ не менѣе я не думаю чтобы намъ слѣдовало расширять свое вліяніе въ Тонкинѣ. Даже если предположить что подобное предпріятіе само по себѣ обойдется намъ довольно дешево, оно можетъ поставить насъ въ необходимость зайти дальше предполагаемой нами цѣли и вызоветъ во всякомъ случаѣ большія затрудненія, съ которыми намъ придется упорно бороться за недостаткомъ свободныхъ силъ для управленія народонаселеніемъ втрое или даже вчетверо превосходящимъ населеніе Кохинхины."

Такою зоркою предусмотрительностію отличалась французская колоніальная политика наканунѣ паденія „дипломатіи старой школы." Когда на сцену появилась „новая школа," то-есть гг. Ваддингтонъ, Бартелеми-Сентъ-Илеръ, Фрейсине, Шаллемель-Лакуръ и Ферри, прежнія преданія колоніальной политики были брошены какъ негодная старая рутина, и началась

новая „демократическая“ политика, оживленная „свѣжими и практическими умами, не зараженными канцеляризмомъ.“

Мысль покорить Тонкинъ принадлежитъ г. Фрейсине. Покореніе это казалось ему столь легкимъ что онъ, 26 марта 1882 года, поручилъ капитану Ривьеру взять Ганой, давъ ему въ распоряженіе, какъ теперь оказывается, *двѣсти тридцать три* (233) человѣка морской пѣхоты! Капитанъ Ривьеръ исполнилъ данное ему порученіе, приступомъ взялъ Ганойскую цитадель и тотчасъ былъ запертъ въ ней окружившими ее *Черными Флагами*.

Такимъ образомъ на г. Фрейсине падаетъ главная отвѣтственность за ту острую фазу въ которую Тонкинскій вопросъ вступилъ со времени экспедиціи капитана Ривьера. Но дѣло еще было поправимо. Морской министръ, адмиралъ Жорегиберри, хотѣлъ послать на выручку Ривьера шесть тысячъ человѣкъ и приготовилъ законопроектъ испрашивавшій необходимый кредитъ для этой экспедиціи. 16 декабря 1882 года онъ предложилъ въ совѣтѣ министровъ этотъ проектъ президенту республики, г. Греви. Никто не сомнѣвался что „безличный“ президентъ по обыкновенію воздержится ото всякой личной политики. Но ко всеобщему удивленію г. Греви въ недобрый часъ пробудился отъ своей обычной апатіи и заявилъ что ни за что̀ не согласится на какую бы то ни было дальнюю экспедицію, такъ какъ подобныя экспедиціи „непопулярны.“ Адмиралъ Жорегиберри вспылилъ и тутъ же бросилъ свой проектъ въ каминъ, возлагая всѣ могущія быть несчастныя послѣдствія на г. Греви.

Такимъ образомъ г. Греви довершилъ ошибку сдѣланную г. Фрейсине. Капитанъ Ривьеръ продержался еще пять мѣсяцевъ въ Ганоѣ и наконецъ палъ жертвой близорукости „демократическихъ“ дипломатовъ. Всѣ дальнѣйшія послѣдствія явились уже логическимъ результатомъ грубаго промаха г. Фрейсине.

№ 334.

Москва, 1-го декабря.

Нѣтъ такого дѣла которое не нашло бы себѣ адвокатовъ. Не оказалось недостатка въ нихъ и у „золотой ренты.“ На защиту ея выступили и биржевой маклеръ А. Б. Эджубовъ въ своемъ бюллетенѣ Московской биржи отъ 29 ноября, и *Русскія Вѣдомости* (№ 329, отъ 30 ноября), и *Новое Время* (№ 2.785, отъ 28 ноября).

Эта послѣдняя газета еще такъ недавно (№ 2.758, отъ 1 ноября) основательно и убѣдительно доказывала что „заграничные займы русскаго правительства искони постоянно отличались невыгодностью для него и барышами для реализаторовъ подобныхъ финансовыхъ операцій,“ и что „каждая новая операція нашего финансоваго вѣдомства для пріобрѣтенія золота изъ-за границы съ цѣлію введенія у насъ металлическаго обращенія будетъ повтореніемъ операціи размѣна 1862 года.“ Эта газета находила поэтому что „не заключать новый заемъ золотомъ необходимо Россіи при нынѣшнемъ состояніи ея валюты, а... избѣгать новыхъ заграничныхъ займовъ.“ Вдругъ, ни съ того ни съ сего, эта самая газета пошла противъ этихъ своихъ мнѣній, принявъ на себя защиту прямо вопреки имъ выпущенной „золотой ренты.“ Что̀ же проповѣдуетъ этотъ газетный флюгеръ, мѣняющій мнѣнія какъ перчатки?

„Нѣтъ сомнѣнія,“ говоритъ онъ, что условія выпуска ренты „невыгодны, но на болѣе выгодныя условія въ данное время нельзя и разчитывать;“ „бѣда въ паденіи курса нашего кредитнаго рубля и въ паденіи цѣны нашихъ фондовъ на европейскомъ рынкѣ, куда намъ не по своей волѣ (а по чьей же?) приходится обращаться за деньгами“: „поневолѣ приходится предлагать шестипроцентную ренту на продажу по 98.“ Хороша защита золотой ренты и ея авторовъ! Но *Новое Время* заинтересовано не столько самою рентой сколько нашимъ о ней отзывомъ.

Въ № 328 *Московскихъ Вѣдомостей* было замѣчено между прочимъ что нынѣшній металлическій заемъ состоялся какъ бы во исполненіе совѣта даннаго осенью 1877 года г. Вагнеромъ выпускать въ экстренныхъ случаяхъ „займы не въ низкопроцентныхъ облигаціяхъ по пониженному противъ обычнаго курсу, но въ высокопроцентныхъ по курсу близкому къ al pari, выговаривая себѣ право по назначеніи извѣстнаго срока понизить проценты, или выкупить облигаціи по ихъ номинальной стоимости.“ На эту мысль наводили два обстоятельства: 1) переходъ

отъ сравнительно низкопроцентныхъ (3%, 4%, $4\frac{1}{2}$% и 5%) займовъ по цѣнамъ далекимъ отъ al pari *) къ высокопроцентному (6%) по цѣнѣ близкой къ al pari (98 за 100); 2) выговоренное „право выкупа рентъ уплатой владѣльцамъ нарицательнаго капитала, но лишь по истеченіи 10 лѣтъ со времени выпуска рентъ.“

Новое Время могло не согласиться съ нашимъ замѣчаніемъ, могло объявить что совѣтъ г. Вагнера тутъ ни при чемъ; но оно предпочло приписать намъ чего мы не говорили, объявить будто мы сопоставили „номинальные проценты долговыхъ обязательствъ для того чтобы ввести читателя въ заблужденіе и заставить его подумать что финансовое вѣдомство въ самомъ дѣлѣ переплачиваетъ отъ одного до трехъ процентовъ ежегодно по рентѣ“ противъ прежнихъ займовъ. Какая „инсинуація,“ какая „неблаговидная уловка,“ какая „неблаговидная ложь!“ восклицаетъ финансистъ *Новаго Времени* въ фальшивомъ негодованіи...

Милая выходка!

Да, употребляя выраженіе *Новаго Времени*, тутъ есть и инсинуація, и ложь, и уловка самаго неблаговиднаго свойства, но только не со стороны *Московскихъ Вѣдомостей*, а со стороны *Новаго Времени*.

Чтобы чѣмъ-нибудь подкрѣпить свой поклепъ, финансистъ этой газеты выдергиваетъ изъ разныхъ мѣстъ нашей статьи двѣ фразы и ставитъ ихъ рядомъ такъ чтобы читатель подумалъ будто употребленное нами выраженіе: „выпускомъ золотой ренты сдѣланъ шагъ къ повышенію нормальнаго процента за который Россія можетъ занимать деньги,“ значитъ именно то что вотъ де казна занимала прежде деньги за 3%, 4%, $4\frac{1}{2}$% и 5%, а теперь вдругъ заняла за 6%. Нѣтъ, безъ передержки фразъ такого значенія нашему выраженію приписать нельзя: смыслъ его точенъ и ясенъ, ибо *непосредственно* за нимъ слѣдуютъ слова: „чтобъ оцѣнить значеніе этого шага, припомнимъ условія трехъ Восточныхъ займовъ, 1877, 1878 и 1879 годовъ, 6-й выпускъ консолидированныхъ желѣзнодорожныхъ облигацій 1880 и 5-й выпускъ банковыхъ билетовъ 1881 года,“ послѣ чего сдѣланъ такой выводъ:

„...русская казна, соглашавшаяся въ пятилѣтіе 1877—1881 выдавать шестирублевый ежегодный доходъ не дешевле какъ за 106 р. 20 к., 110 р., 108 р. 60 к., 111 р. $37\frac{1}{2}$ к. и 109 р. 14 к., вдругъ сбавила цѣну своего кредита болѣе чѣмъ на десятую долю и продала 6% ренту немного выше $96\frac{1}{2}$ (съ разсрочкой 98) за 100, а частію и много дешевле.“

Ясно ли о какомъ повышеніи нормальнаго процента по займамъ мы говоримъ, и какъ далеко оно отъ подсунутаго намъ *Новымъ Временемъ?*

Отмѣтимъ еще одинъ маневръ этой газеты по дѣлу „золотой ренты.“

Чтобъ ослабить впечатлѣніе нашего замѣчанія что „выпускомъ золотой ренты сдѣланъ шагъ къ повышенію нормальнаго процента за который Россія можетъ занимать деньги,“ *Новое Время* пытается заподозрить въ глазахъ читателей вѣрность нашихъ цифровыхъ разчетовъ. По этимъ разчетамъ выходитъ что размѣръ *дѣйствительнаго* процента по русскимъ займамъ за послѣднее время былъ:

	Считая по цѣнѣ за 100 съ разсрочкой взноса.	Считая по цѣнѣ за 100 при единовременной оплатѣ займовыхъ облигацій.
По Первому Восточному займу (90 за 100) . .	$5\frac{55}{100}$	$5\frac{63}{100}$
По Второму Восточному займу (93 за 100) . .	$5\frac{37}{100}$	$5\frac{43}{100}$
По Третьему Восточному займу ($92\frac{1}{2}$ за 100).	$5\frac{40}{100}$	$5\frac{59}{100}$
По 4% консолидированному займу 1880 года (75 за 100).	$5\frac{33}{100}$	$5\frac{39}{100}$
По золотой рентѣ (98 за 100).	$6\frac{1}{8}$	$6\frac{1}{5}$—$6\frac{1}{3}$

Укоряя насъ по поводу нашего разчета въ „феноменальномъ легкомысліи,“ финансистъ *Новаго Времени* дѣлаетъ по адресу нашей газеты такое замѣчаніе:

„Газета прибѣгла къ простому дѣленію и умноженію и вообразила что опредѣлила стоимость ренты, но совершенно упустила изъ виду что казна приплачиваетъ за каждую погашаемую облигацію въ одномъ случаѣ 10 руб. кред., въ другомъ— 7 руб. кред., въ третьемъ—$7\frac{1}{2}$ руб. кред., въ четвертомъ 25 руб. мет., а при золотой рентѣ всего 2 руб. мет.“

---

*) Напримѣръ: 3% заемъ 20 марта 1859 по $64\frac{94}{100}$ за 100; 4% консоли 12 мая 1880 по 75 за 100; $4\frac{1}{2}$% консоли 29 марта 1875 по 90 въ Парижѣ и Лондонѣ и по 92 въ Россіи за 100; 5% Восточные займы по 90, 93 и $92\frac{1}{2}$ за 100.

Одну часть этого замѣчанія мы готовы принять. При погашеніи 4% желѣзнодорожнаго займа 1880 года дѣйствительно нужно приплачивать по 25 рублей на каждые 75 р. полученные правительствомъ въ ссуду. Это нѣсколько повышаетъ вышеприведенный размѣръ процента по этому займу ($5^{23}/_{100}$%), хотя и не въ такой мѣрѣ какъ полагаютъ въ *Новомъ Времени*, ибо ежегодная амортизація 4% консолей, при погашеніи разчитанномъ на 81 годъ, довольно микроскопична. Но, спросимъ мы, неужели финансистъ *Новаго Времени* серіозно думаетъ что при погашеніи Восточныхъ займовъ казна въ самомъ дѣлѣ должна приплачивать по 10, по 7 и по $7^1/_2$ р. на каждую 100-рублевую облигацію? Это было бы такъ, еслибъ облигаціи этихъ займовъ погашались тиражемъ по нарицательной ихъ цѣнѣ. Но этого нѣтъ. Прочтите всѣ три указа на основаніи которыхъ заключены Восточные займы; въ каждомъ изъ нихъ вы найдете слѣдующее непремѣнное условіе:

„Погашеніе облигацій имѣетъ быть произведено въ теченіи 49 лѣтъ; для чего образуется особый фондъ посредствомъ отчисленія, ежегодно, $^1/_2$% съ нарицательной суммы займа, и фондъ сей, съ присовокупленіемъ процентовъ на облигаціи погашенныя въ предыдущіе годы, употребляется ежегодно на выкупъ облигацій *по биржевой цѣнѣ, когда она будетъ ниже нарицательной стоимости облигацій*, а въ противномъ случаѣ—по тиражу, по нарицательной ихъ цѣнѣ.“

Справьтесь съ биржевыми цѣнами облигацій Восточнаго займа, и скажите: приходится ли казнѣ приплачивать по 10, 7 и $7^1/_2$ руб. на облигацію?

И люди не знающіе даже такихъ общеизвѣстныхъ фактовъ берутся судить и рядить о финансовыхъ вопросахъ, о займахъ и ихъ условіяхъ, и выдавать одобрительные аттестаты „золотой рентѣ!“

Обратимся къ сужденіямъ людей нѣсколько болѣе компетентныхъ.

Почти всегда можно впередъ знать одобрительно или неодобрительно отзовутся дѣльцы денежныхъ биржъ о той или другой новой бумагѣ: если бумага выпущена съ должнымъ соблюденіемъ государственнаго интереса, не жди такая бумага любезнаго вниманія отъ биржеваго люда; но если бумага даетъ хорошую наживу, если на ней можно сдѣлать выгодныя аферы, она будетъ превознесена, и тѣмъ болѣе чѣмъ она невыгоднѣе для государства, чѣмъ выгоднѣе для мастеровъ биржевой игры. Не удивительно, поэтому, что свыкшійся съ такими взглядами биржевой маклеръ объявилъ въ своемъ бюллетенѣ что новый металлическій заемъ „представляетъ собой первый дѣйствительно важный шагъ къ улучшенію финансоваго положенія Россіи,“ выразивъ при этомъ увѣренность что это „начало новой системы“ и что „правительство выпуститъ цѣлый рядъ подобныхъ займовъ съ небольшими промежутками времени между ними.“ „Мы не будемъ,“ говоритъ онъ, „останавливаться на вопросѣ о томъ, дорого или дешево выпущена рента; если, напримѣръ, приравнять новый заемъ къ послѣдней цѣнѣ 4% консолидированныхъ облигацій 1880 года, то окажется что 6% золотая рента должна бы стоить 105 р. металл. Но этотъ вопросъ не имѣетъ для насъ существеннаго значенія.“ Врядъ ли бы, однако, биржевой людъ такъ набросился на золотую ренту еслибъ эта бумага, стоящая по разчету г. Эджубова 105 р., не была продешевлена казной до крайности (до $96^1/_2$ и менѣе рублей). Для г. Эджубова это продешевленіе не важно, но оно, думаемъ, не лишено значенія для русскихъ плательщиковъ податей и налоговъ, и въ ихъ глазахъ цифровой разчетъ г. Эджубова едва ли послужитъ оправданіемъ „золотой ренты.“

Не будемъ оспаривать заявленія г. Эджубова о томъ что участіе въ металлическомъ займѣ заключаемомъ въ видахъ возвышенія курсовъ и доведенія ихъ со временемъ до al pari невыгодно, разорительно для русской публики: г. Эджубовъ растолковалъ ей что давая правительству въ ссуду свои деньги она рискуетъ не получить ихъ обратно отъ правительства полностью, что взамѣнъ своего рубля она можетъ получить только 60 копѣекъ или еще меньше. Но если такъ, то какъ же смотрѣть на то что именно русская публика объявленіями Государственнаго Банка приглашалась къ участію въ такомъ разорительномъ дѣлѣ, причемъ о продажѣ ренты заграничнымъ банкирамъ совсѣмъ умалчивалось? Нѣтъ, г. Эджубовъ оказался тоже крайне неудачнымъ защитникомъ финансоваго вѣдомства въ дѣлѣ выпуска „золотой ренты.“

Выпускъ ренты выставляется г. Эджубовымъ какъ шагъ къ подъему нашихъ

вексельныхъ курсовъ. Это не ново. У насъ постоянно на словахъ много и усердно хлопочутъ объ упроченіи русской кредитной валюты. Но что же на дѣлѣ можетъ сильнѣе колебать ее если не подрывъ довѣрія къ ней фактическими примѣрами недовѣрія оказываемаго правительствомъ къ самому себѣ, къ собственнымъ кредитнымъ деньгамъ? А такое недовѣріе сказывается при каждомъ займѣ допускающемъ уплату и золотомъ, и кредитными билетами по приниженному курсу. И никогда еще это приниженіе правительственнаго кредита въ самой Россіи не обозначалось въ такой мѣрѣ какъ при выпускѣ новой „золотой ренты.“ Сущность этой мѣры для безхитростнаго русскаго человѣка представляется въ слѣдующемъ: предложено бумажки со старымъ посуломъ уплаты монетой мѣнять не на золото, а также на бумажки съ новымъ посуломъ и съ оштрафованіемъ при этомъ владѣльца старыхъ бумажекъ приплатою къ 100 копѣйкамъ 64 копѣекъ, причемъ еще русскій владѣлецъ мнимо-золотой ренты ставится въ положеніе врага всякихъ успѣховъ въ своемъ отечествѣ, всего что̀ можетъ вести къ улучшенію курса. Условія займа таковы что русскіе участники въ немъ могутъ быть въ выигрышѣ лишь при паденіи курсовъ, такъ что, въ силу условій выпуска ренты, они должны радоваться всякимъ бѣдамъ которыя могутъ понизить валюту.

Но перейдемъ къ *Русскимъ Вѣдомостямъ* прежде осуждавшимъ нашу „золотую ренту,“ а теперь повернувшимъ фронтъ и выступившимъ на ся защиту по слѣдамъ *Новаго Времени*.

Въ *Кельнской Газетѣ*, въ *Berliner Tageblatt* и другихъ заграничныхъ листкахъ „золотая рента“ признана „свидѣтельствомъ о бѣдности которое выдало само себѣ Русское правительство.“ Это аргументъ противъ займа, а *Русскія Вѣдомости* не находятъ для его защиты ничего лучшаго какъ именно выдать Россіи свидѣтельство о бѣдности. Продешевленіе „золотой ренты,“ продажа ея по 98 (на дѣлѣ по $96^1/_2$ и частію даже до $94^3/_4$) оправдывается, по словамъ *Русскихъ Вѣдомостей*, „положеніемъ дѣлъ и необходимостью во что̀ бы то ни стало обезпечить успѣхъ займа...“ Предложивъ менѣе щедрыя условія, напримѣръ такія на какихъ занимаетъ деньги Румынія, наше Министерство Финансовъ могло бы де потерпѣть фіаско.

Но ради чего могъ быть нуженъ этотъ металлическій заемъ *во что̀ бы то ни стало?* Нужды въ золотѣ не было ни для уплаты 50 милл. рубл. *кредитныхъ* Государственному Банку, ни для ассигнованія 30 милл. рубл. кредитныхъ на желѣзнодорожныя сооруженія, ни для уплаты процентовъ по внѣшнимъ займамъ: это, кажется, достаточно разъяснено въ № 331 *Московскихъ Вѣдомостей*. Но если никакой, ни объявленной, ни подразумѣваемой крайней нужды въ золотѣ не оказывается, то остается думать что „золотая рента“ выпущена въ угоду иностраннымъ банкирамъ, такъ же какъ въ угоду тѣмъ же банкирамъ обременяется государственный бюджетъ ни для чего не нужными и ни къ чему не ведущими ежегодными 50-милліонными уплатами Государственному Банку. По мнѣнію иныхъ, бѣда будетъ если у банкировъ зародится сомнѣніе что казна вдругъ возьметъ да и не переложитъ 50 милліоновъ изъ одного своего кармана въ другой свой же карманъ: придется, пожалуй, по бывшимъ примѣрамъ, вновь разсыпаться въ увѣреніяхъ что непремѣнно переложитъ.

Русскія Вѣдомости крѣпко вѣрятъ въ тотъ проповѣдуемый доктринерами догматъ что „безъ сокращенія суммы бумажныхъ денегъ курсъ рубля не поправится.“ „Онъ поправится,“ прибавляютъ онѣ, „когда заемъ будетъ употребленъ на уплату долга Казначейства Банку...“

Вѣра въ чудодѣйственную силу казенныхъ уплатъ казенному банку держится незыблемо. Но какъ, однако, ни одинъ изъ жрецовъ этого культа не обратитъ вниманія на слѣдующій фактъ: уплаты Банку по 50 милліоновъ сдѣланы уже два раза; всего, въ силу указа 1 января 1881 года, уплачено уже 117 милліоновъ рублей, и въ настоящую минуту уже сдѣлано все нужное для предстоящей третьей 50-милліонной уплаты. Что̀ же, какъ отозвалось это на вексельныхъ курсахъ? Много ли они повысились?

Въ послѣдній биржевой день 1880 года, 30 декабря, наканунѣ изданія указа объ уплатахъ Банку, на Петербургской биржѣ курсъ на Лондонъ былъ

$$25^1/_{32}, ^3/_{32}.$$

А какой курсъ на Лондонъ имѣемъ мы теперь послѣ уплаты Банку 117 милліоновъ и наканунѣ уплаты новыхъ 50-ти?

Бюллетень послѣдней вторичной биржи отвѣчаетъ:

$23^7/_{16}$, $^{17}/_{32}$.

Этотъ сильный уронъ вексельнаго курса есть единственный пока результатъ и обремененія государственнаго бюджета уплатами Банку, и займовъ сдѣланныхъ ради этихъ уплатъ, и увеличенія лежащихъ на народѣ податныхъ и налоговыхъ тягостей вызваннаго этими займами...

Скажутъ что эта мѣра не повела къ повышенію курсовъ потому что исполненіе ея не сопровождалось де сожженіемъ кредитныхъ билетовъ. Но, сожженныя или не сожженныя, массы кредитныхъ билетовъ извлечены изъ обращенія и погребены въ сундукахъ Государственнаго Банка, не существуя для страны въ тотъ самый моментъ когда со всѣхъ ея концовъ раздаются жалобы на безденежье (къ 1 октября 1883 кредитныхъ билетовъ въ кассахъ Государственнаго Банка, его конторъ или отдѣленій находилось 131.088.656 р.).

Будутъ пожалуй настаивать что погребенія въ кладовыхъ Банка недостаточно, что нужно непремѣнно сожженіе. Но вѣдь и сожженіе бумажныхъ денегъ было не разъ испытано, а какіе получались результаты? Вотъ, напримѣръ, въ 1817 году, у насъ обращалось ассигнацій на 836 милліоновъ рублей; чрезъ три года количество это сократилось до 685, то-есть уменьшилось слишкомъ на полтораста милліоновъ. Что же, поднялись отъ этого курсы? Справьтесь съ тогдашними вексельными курсами на Лондонъ, и увидите что по этимъ курсамъ ассигнаціонный рубль стоилъ, среднимъ числомъ, въ 1817 году $29,_1$, а въ 1820 году $25,_9$ металлическихъ копѣекъ; то-есть изъятіе крупной суммы ассигнацій, стоившее государству большихъ пожертвованій и заключенія займовъ за высокіе проценты (6%) и съ большими преміями, не только не повело къ повышенію курсовъ, а еще сопровождалось большимъ ихъ паденіемъ. Подобныхъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ какъ мало зависитъ подъемъ курсовъ отъ изъятія бумажныхъ денегъ, мы могли бы привести множество; интересующіеся могутъ найти цѣлый рядъ указаній на факты такого рода въ № 271 *Московскихъ Вѣдомостей* за 1879 годъ. Но указывать нашимъ финансистамъ на факты, на живую дѣйствительность не то же ли что разсуждать о цвѣтахъ со слѣпыми? Не напоминаютъ ли эти господа, берущіеся лѣчить русскіе финансы ото всѣхъ недуговъ, Мольеровскихъ докторовъ столь преданныхъ своей наукѣ что отступленіе отъ нея ради излѣченія больнаго было для нихъ дѣломъ невозможнымъ: пусть лучше умретъ больной, лишь бы умеръ онъ по всѣмъ правиламъ науки.

№ 335.

Москва, 2-го декабря.

А.

Въ послѣднее время, на ряду съ непрекращающимися толками объ европейскомъ мирѣ, въ австрійскихъ газетахъ появилось множество статей объ отношеніи къ балканскимъ народамъ Австро-Венгріи и Россіи. При этомъ австрійская печать, а вмѣстѣ съ нею и офиціозная сербская, много толковали о безкорыстіи Австріи, приписывая въ то же время Россіи самые фантастическіе революціонные и завоевательные планы. На неосновательность этихъ инсинуацій указывалось не разъ, и онѣ врядъ ли введутъ кого въ заблужденіе. Но интересно прислушаться къ сужденіямъ тѣхъ кого дѣло прямо касается, въ особенности тѣхъ кто ставитъ свои народные интересы выше всего и геройски защищаетъ свою народную свободу. Мы говоримъ о Черногорцахъ.

На дняхъ новый русскій дипломатическій агентъ въ Цетиньѣ, г. Кояндеръ, былъ принятъ княземъ Николаемъ въ торжественной аудіенціи для врученія вѣрительныхъ грамотъ. Князь Черногорскій и представитель Россіи обмѣнялись при этомъ рѣчами, которыя и сообщаются въ вѣнскихъ газетахъ. Предъявляя свои грамоты, г. Кояндеръ сказалъ между прочимъ: „Я буду стараться, по мѣрѣ силъ, поддерживать и развивать сердечныя отношенія издавна установившіяся между обѣими странами, отношенія зиждущіяся на единствѣ вѣры, племенномъ родствѣ и общности политическихъ интересовъ и скрѣпленныя во многихъ случаяхъ славнымъ военнымъ братствомъ.“ На это его высочество князь Николай отвѣтилъ: „Ваши слова о братскихъ узахъ связующихъ мое Княжество съ могущественною Русскою Имперіей глубоко меня трогаютъ. Издавна

утвердившіяся чувства сыновней преданности Черногоріи къ Россіи и ея Августѣйшему Государю слишкомъ извѣстны. Они имѣютъ для насъ такое значеніе что вы можете быть увѣрены въ дѣятельной поддержкѣ съ нашей стороны для сохраненія вѣковой неизмѣнной дружбы."

Обѣ вышеприведенныя рѣчи не нуждаются въ комментаріяхъ. „Его высочество князь," пишетъ по этому поводу офиціальная черногорская газета, „и новый русскій представитель охарактеризовали отношенія между Россіей и Черногоріей совершенно вѣрно: отношенія эти созданы не въ послѣднее время, они существуютъ съ давнихъ временъ; для установленія этихъ отношеній не было нужды прибѣгать къ дипломатическимъ махинаціямъ, отношенія эти существовали когда владѣніе Черной Горы ограничивалось однимъ Ловченомъ и когда ни одна изъ державъ не желала признать за Черногоріей ея добытую кровью свободу и независимость. Отношенія эти не были занесены ни въ какіе дипломатическіе протоколы; они врѣзаны въ сердца обоихъ народовъ и ихъ владѣтелей, какъ бывшихъ, такъ, Богъ дастъ, и будущихъ."

Времена мѣняются, пишетъ далѣе *Гласъ Черногорца*, и въ Россіи, и въ Черногоріи. Мѣняются волею Божіей и государи въ обѣихъ странахъ. Та и другая страна переживаетъ и счастливыя и несчастливыя минуты, но одно не мѣняется: это постоянно братскія отношенія между маленькою Черною Горой и великою Россіей. Причину этой неизмѣнности дружественныхъ отношеній черногорская газета усматриваетъ, какъ и новый представитель Россіи, въ единствѣ вѣры, племенномъ родствѣ и общности политическихъ интересовъ. Пока Россія и Черная Гора будутъ придерживаться тѣхъ же началъ какъ теперь, пока онѣ будутъ преслѣдовать цѣли національныя, до тѣхъ поръ въ отношеніяхъ этихъ странъ не можетъ наступить никакой перемѣны. Исторія, по словамъ газеты, лучше всего подтверждаетъ это мнѣніе. Сколько приходилось той и другой странѣ переживать тяжелыхъ испытаній, но это всегда вело лишь къ болѣе тѣсному сближенію, а не ко взаимному отчужденію двухъ братскихъ народовъ.

Гласъ Черногорца ставитъ затѣмъ вопросъ: возможно ли вообще чтобъ отношенія между Россіей и Черногоріей измѣнились когда-нибудь, и приходитъ къ заключенію что это совершенно немыслимо. „Есть только *одинъ* случай который могъ бы повліять на эти отношенія, но случай этотъ намъ кажется невѣроятнымъ: это могло бы случиться лишь еслибъ или Черногорія или же Россія отреклись отъ самихъ себя. Въ государственномъ и народномъ смыслѣ отреченіе отъ самого себя есть самоубійство. Къ самоубійству часто прибѣгаютъ отдѣльныя лица, къ нему могутъ прибѣгнуть и цѣлые народы. Отдѣльныя лица прекращаютъ свою жизнь при помощи ножа, пули и т. п. Цѣлые народы совершаютъ это иначе. Часто ихъ нельзя ни перерѣзать, ни перестрѣлять, но они сами постыдно налагаютъ на себя руки тѣмъ что отрекаются отъ самихъ себя. Кровь пролитая отдѣльнымъ человѣкомъ-самоубійцей часто смываетъ съ него позорное пятно, котораго нельзя смыть инымъ путемъ. Кровь народа самоубійцы не смываетъ ничего, она является только позоромъ для всего народа и мараетъ его быть-можетъ свѣтлую исторію. Но къ самоубійству при здравомъ умѣ не прибѣгаетъ никто, ни отдѣльные люди, ни народы которые желаютъ жить. Мы, Черногорцы, желаемъ жить, и пребываемъ, слава Богу, въ здравомъ умѣ, поэтому мы не желаемъ совершать самоубійства, то-есть не желаемъ отречься отъ самихъ себя, не желаемъ измѣнить принципамъ нашей народной и государственной жизни, не желаемъ идти окольными путями... Мы желаемъ жить братски съ нашимъ братомъ и другомъ, мы желаемъ дѣлить съ нимъ горе и радость и готовы, если будетъ нужно, проливать вмѣстѣ съ нимъ свою кровь. Или если угодно чтобы мы выразились на высоко-дипломатическомъ языкѣ: мы желаемъ остаться въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Россіей! Мы этого желаемъ ради себя, ради своей будущности!"

Мы привели статью офиціальной черногорской газеты почти цѣликомъ, находя что она наглядно характеризуетъ отношенія Россіи къ народамъ Востока. Не сомнѣваемся что все сказанное въ этой статьѣ чистая правда и что Черногорскій народъ искренно исповѣдуетъ высказанныя въ ней начала. До тѣхъ поръ пока въ Черногоріи будутъ думать какъ теперь, до тѣхъ поръ пока она будетъ дѣйствовать въ національномъ духѣ какъ до сихъ поръ, друж-

ба и поддержка Россіи и всего Русскаго народа всегда будутъ на ея сторонѣ. Этотъ же принципъ примѣняется, конечно, не только къ Черногоріи, но и къ другимъ государствамъ Балканскаго полуострова, для коихъ Россіей принесено столько жертвъ. Все клонящееся къ обезпеченію вѣры и народности въ этихъ странахъ встрѣтитъ въ Россіи горячее сочувствіе.

Б.

Послѣднія дипломатическія ноты которыми обмѣнялись г. Ферри и маркизъ Цзенгъ бросаютъ яркій свѣтъ на состояніе переговоровъ между Французскимъ и Китайскимъ правительствами наканунѣ военнаго столкновенія обоихъ государствъ въ долинѣ тонкинской Красной Рѣки. Противники заговорили уже тономъ въ которомъ дипломатическая вѣжливость уступаетъ мѣсто рѣзкимъ, даже оскорбительнымъ выраженіямъ, и который все болѣе устраняетъ надежду на возможное примиреніе.

Китайскій меморандумъ переданный маркизомъ Цзенгомъ 21 ноября французскому министру иностранныхъ дѣлъ первый вывелъ Тонкинскій вопросъ изъ области теоретическихъ разсужденій, поставивъ его на болѣе реальную почву стратегическихъ условій. Китайскій Цзонгъ-Ли-Яменъ (верховный совѣтъ, завѣдующій иностранными дѣлами) прямо заявилъ Французскому правительству что тонкинскія крѣпости Бакнинь, Сонтай и Хунгъ-Хоа заняты императорскими войсками, и что слѣдовательно если Французское правительство, „отказавшись отъ чувства чести и справедливости,“ прикажетъ своимъ войскамъ занять эти крѣпости, „то это будетъ значить что Франція хочетъ нарушить миръ, ибо тогда императорскія войска, вынужденныя защищаться, не преминутъ противопоставить силѣ силу.“

Эта угроза была своего рода ультиматумомъ, такъ какъ Китайскому правительству очень хорошо было извѣстно что французскія войска въ Тонкинѣ вотъ уже третій мѣсяцъ только и готовятся къ тому чтобы занять вышеназванныя три крѣпости. Весьма естественно поэтому что рѣзкій по формѣ и содержанію китайскій дипломатическій документъ произвелъ сильное впечатлѣніе во Франціи и не на шутку переполошилъ тѣхъ кто до сихъ поръ еще не отчаявались въ мирномъ исходѣ франко-китайскаго столкновенія.

30 ноября г. Ферри вручилъ маркизу Цзенгу отвѣтъ на меморандумъ Цзонгъ-Ли-Ямена. Въ отвѣтѣ онъ протестовалъ противъ обвиненія Франціи въ несоблюденіи правилъ чести и справедливости и высказалъ предположеніе что это обвиненіе попало во французскій текстъ меморандума вслѣдствіе какой-либо ошибки переводчика; но главную часть меморандума, содержавшую въ себѣ запрещеніе французскимъ войскамъ занять Бакнинь, Сонтай и Хунгъ-Хоа, г. Ферри благоразумно обошелъ молчаніемъ, посвятивъ остальную часть своей ноты историческому изложенію Тонкинскаго вопроса, ссылкамъ на трактаты, заключенные Франціей съ Аннамомъ, которые, какъ извѣстно, Китайское правительство не хочетъ знать, и доказывая, на основаніи этихъ трактатовъ, что въ Тонкинѣ могутъ находиться только французскія и аннамскія войска, а отнюдь не китайскія. Тѣмъ не менѣе г. Ферри заявилъ что Французское правительство „готово обсуждать всѣ предложенія которыя могли бы повести къ разрѣшенію затрудненій путемъ почетнымъ для обѣихъ странъ.“

Цзонгъ-Ли-Яменъ не замедлилъ отвѣтить на уклончивую ноту г. Ферри болѣе точнымъ формулованіемъ своего ультиматума. 5 октября маркизъ Цзенгъ передалъ Жюлю Ферри новую ноту своего правительства, въ которой была высказана готовность приступить къ обсужденію упомянутыхъ французскимъ министромъ предложеній, съ тѣмъ однако условіемъ чтобы до окончанія этого обсужденія французскія войска не только отказались отъ занятія Бакниня, Сонтая и Хунгъ-Хоа, но чтобъ они даже не приближались къ этимъ крѣпостямъ.

Отвѣтилъ ли г. Ферри дипломатическимъ путемъ на эту новую угрозу пока еще неизвѣстно, но 11 декабря, въ засѣданіи палаты депутатовъ, онъ прямо заявилъ что „въ виду отсутствія всякихъ серіозныхъ основъ для соглашенія не можетъ быть и рѣчи о предписаніи французскимъ войскамъ пріостановить движеніе на Бакнинь и Сонтай, которые необходимо занять прежде чѣмъ приступить къ серіознымъ переговорамъ, могущимъ обѣщать какіе-либо серіозные результаты.“

И дѣйствительно, за два дня до этого категорическаго заявленія г. Ферри, въ Парижѣ была уже получена телеграмма отъ

адмирала Курбе, въ которой онъ извѣщалъ что съ прибытіемъ послѣднихъ посланныхъ ему подкрѣпленій немедленно начнется движеніе французскихъ войскъ къ Бакниню и Сонтаю. При этомъ онъ сообщалъ что имъ были произведены двѣ рекогносцировки по направленію къ обѣимъ крѣпостямъ. Къ Бакниню французскіе офицеры могли приблизиться даже на разстояніе двухъ верстъ, тогда какъ самъ адмиралъ Курбе осматривалъ путь къ Сонтаю и подошелъ до этой крѣпости на разстояніе четырехъ верстъ. Изъ этихъ рекогносцировокъ оказалось что непріятель сосредоточилъ всѣ свои силы въ укрѣпленіяхъ расположенныхъ вокругъ самыхъ городовъ Бакниня и Сонтая, которые такимъ образомъ придется брать или правильною осадой или внезапнымъ штурмомъ.

Оба города лежатъ собственно внѣ дельты Красной Рѣки, которую хотятъ себѣ подчинить Французы, а потому Китайцы съ формальной стороны правы когда отрицаютъ притязанія Французовъ на эти города. Но на самомъ дѣлѣ пребываніе Французовъ въ Ганоѣ, столицѣ Тонкина, лежащей въ самой дельтѣ Красной Рѣки, дѣлается совершенно невозможнымъ пока они будутъ находиться въ постоянной опасности подвергнуться набѣгамъ *Черныхъ Флаговъ* и покровительствующихъ имъ Китайцевъ изъ укрѣпленныхъ лагерей Бакниня и Сонтая. Изъ Ганоя ведутъ двѣ дороги къ китайской границѣ; первая направляется на сѣверо-востокъ и проходитъ чрезъ Бакнинь, а вторая на сѣверо-западъ, проходя сперва чрезъ Сонтай, а затѣмъ чрезъ Хунгъ-Хоа. Какъ Бакнинь, съ одной стороны, такъ и Сонтай, съ другой, отстоятъ отъ Ганоя приблизительно на сорокъ верстъ, а другъ отъ друга верстъ на пятьдесятъ. Рекогносцировка генерала Курбе показала что французскія войска могутъ свободно пройти по крайней мѣрѣ тридцать пять верстъ направляясь изъ Ганоя какъ къ той, такъ и къ другой крѣпости. Въ Парижѣ предполагаютъ что адмиралъ Курбе двинетъ одновременно свои войска противъ Бакниня и Сонтая, дабы разобщить обѣ крѣпости и обезопасить свой тылъ, но что онъ начнетъ серіозную аттаку сперва противъ Бакниня, къ которому одновременно съ сухопутнымъ приступомъ подъѣдутъ съ противоположной стороны канонерки какъ для бомбардированія крѣпости, такъ и для того чтобъ отрѣзать пути отступленія ея гарнизону.

Ближайшее будущее покажетъ насколько эти предположенія основательны. Во всякомъ случаѣ, на основаніи послѣднихъ дипломатическихъ переговоровъ можно считать что съ движеніемъ адмирала Курбе къ Сонтаю или Бакниню война Франціи съ Китаемъ получитъ свое фактическое начало.

№ 336.

Москва, 3-го декабря.

Ниже мы воспроизводимъ изъ полученнаго сегодня здѣсь № 264 *Правительственнаго Вѣстника* двѣ замѣтки написанныя въ возраженіе на наши статьи о „золотой рентѣ“ и въ разъясненіе разчетовъ коими руководилось Министерство Финансовъ при выпускѣ ренты и опредѣленіи условій этого выпуска. Войдемъ въ разсмотрѣніе пунктовъ разногласія между нами и нашимъ оппонентомъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*.

По вопросу о томъ „выгоднѣе ли выпускать процентныя бумаги государственныхъ займовъ по курсу близкому къ пари, съ назначеніемъ высшаго процента, или по курсу значительно уклоняющемуся отъ нарицательной цѣны и съ назначеніемъ низкаго процента,“ мы пока еще не высказывались, и еслибы спросили наше о немъ мнѣніе, мы высказались бы предпочтительно въ пользу такихъ займовъ при которыхъ приходилось бы уплачивать столько же сколько занято, а не болѣе, то-есть въ пользу займовъ 100 за 100 или близко къ тому, заключенныхъ притомъ за возможно умѣренный при данныхъ обстоятельствахъ процентъ. Занимая 100 за 100 можно платить и 4% *), и 5%, и 6% и болѣе, смотря по обстоятельствамъ. Дѣло не въ высокопроцентности или низкопроцентности займа, дѣло въ томъ оправдывается ли заключеніе займа не al pari, а по $96^1/_2$ (частью еще ниже) за 100, то-есть за $6^1/_8$, $6^1/_5$ и болѣе процентовъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Нашъ

---

*) Припомнимъ два 4% займа 100 за 100: 1) выпускъ 4% непрерывно-доходныхъ билетовъ 13 марта 1859 года на сумму 154.138.801 руб. и 2) выпускъ 4% металлическихъ билетовъ 16 декабря 1860 года на сумму 60.000.000 руб.

оппонентъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* полагаетъ что оправдывается; мы держимся иного мнѣнія. Которое изъ двухъ мнѣній вѣрнѣе?

Чтобъ оправдать назначенный по золотой рентѣ высокій процентъ, въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* употребляютъ такой способъ: 1) берутъ цѣну одной, *всего одной* бумаги (Седьмаго 5% займа) на Лондонской биржѣ по курсу 5 (17) ноября (почему взятъ именно этотъ, а не другой день, не знаемъ) и выводятъ что эта бумага приноситъ ея владѣльцу $6_{,04}\%$; 2) берутъ петербургскія цѣны (выведенныя по биржевымъ отмѣткамъ неизвѣстно какихъ дней) консолидированныхъ желѣзнодорожныхъ облигацій, и выводятъ что эти облигаціи приносятъ ихъ владѣльцамъ $6_{,06}\%$, кромѣ выгоды доставляемой погашеніемъ. Отсюда дѣлается заключеніе что процентъ назначенный по рентѣ соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ, то-есть положенію денежнаго рынка и курсу процентныхъ бумагъ.

Но „золотая рента“ разобрана преимущественно германскими капиталистами, и потому для оцѣнки ея процента будетъ ближе къ дѣлу сослаться не на Лондонскую и Петербургскую биржи, а на Берлинскую. Вотъ цѣны консолидированныхъ желѣзнодорожныхъ облигацій стоявшія на Берлинской биржѣ 18 (30) *) ноября, наканунѣ объявленія о распродажѣ ренты:

5% консол. желѣзнодорожныя облигаціи 1871 года.......	86 м. 25 пф.
$4^1/_2\%$ консол. желѣзнодорожныя облигаціи 1875 года...	76 „ 85 „
4% консол. желѣзнодорожныя облигаціи 1880 года.......	71 „ 85 „

Какъ видно изъ этихъ котировокъ, консоли приносили ихъ владѣльцамъ не $6_{,06}\%$, а нѣсколько менѣе $5_{,80}\%$, $5_{,86}\%$ и $5_{,57}\%$.

Въ тотъ же день, 18 ноября, цѣны облигацій Восточныхъ займовъ на Петербургской биржѣ были слѣдующія:

Перваго займа..........	$91^3/_4$, 92.
Втораго займа..........	92.
Третьяго займа..........	$91^3/_4$, 92.

*) Въ этотъ день въ Берлинѣ уже знали о предстоявшемъ выпускѣ ренты изъ объявленнаго Мендельсономъ проспекта новаго займа.

Владѣльцы Восточныхъ облигацій довольствовались такимъ образомъ $5_{,43}\%$—$5_{,45}\%$, не разчитывая на выгоды приплатъ при погашеніи, такъ какъ облигаціи Восточныхъ займовъ, по закону, погашаются *не по нарицательной, а по биржевой цѣнѣ.*

Еслибы положеніе денежныхъ рынковъ дѣйствительно характеризовалось цѣнами русскихъ фондовъ вычисленными изъ $6_{,04}\%$ и $6_{,06}\%$, повышеніе этого процента при новомъ займѣ до $6^1/_8\%$, $6^1/_5\%$ и даже до $6^1/_3\%$ не бросалось бы въ глаза и не производило бы невыгоднаго впечатлѣнія. Но положеніе денежныхъ рынковъ наканунѣ новаго займа характеризовалось цѣнами фондовъ вычисленными изъ $5_{,86}\%$, $5_{,80}\%$, $5_{,57}\%$, $5_{,45}\%$ и $5_{,43}\%$, и отъ такихъ нормъ процента крупный скачекъ къ $6_{,13}\%$, $6_{,22}\%$ и выше представляется положительно необъяснимымъ при обстоятельствахъ мирнаго времени и при заключеніи займа относительно малаго размѣра.

Такой скачекъ былъ бы понятенъ еслибы помощію его требовалось обезпечить успѣхъ большаго займа, напримѣръ въ нѣсколько сотъ милліоновъ, подобно тому какъ нуждалась въ этомъ Франція при заключеніи ею двухмилліарднаго и трехмилліарднаго займовъ для уплаты контрибуціи *): но у насъ заключался заемъ всего на 50 милліоновъ. Нѣкоторое, хотя и слабое, оправданіе себѣ сказанный скачекъ могъ бы найти въ разчетѣ произвести выгодное для русскаго кредита впечатлѣніе необычнымъ успѣхомъ займа, такою блестящею подпиской на него при которой предложенная сумма была бы превзойдена во много разъ. Но такого разчета не было. Министерство Финансовъ было такъ далеко отъ подобнаго разчета что вовсе не объявило подписки по которой понадобилась бы разверстка, а замѣнило подписку простою распродажей ренты и, можетъ-быть по недостаточному изученію положенія денежныхъ рынковъ, такъ мало разчитывало на успѣхъ этой распродажи что опредѣлило для нея двухнедѣльный срокъ (съ 22 ноября по 5 декабря включительно). Могло ли это выгодно отразиться на русскомъ кредитѣ?

*) Какъ извѣстно, подписка на двухмилліардный заемъ дала въ общемъ итогѣ 4.897.559.040 франковъ, а подписка на трехмилліардный заемъ превзошла предложенную сумму слишкомъ въ $12^1/_2$ разъ.

Нашъ офиціальный оппонентъ, чтобы доказать что рента не была продешевлена, что продажная цѣна ей была назначена не низкая, а достаточная, приводитъ еще тотъ аргументъ что премія на эту бумагу „составила лишь около 1%." По поводу этого аргумента мы должны сдѣлать три замѣчанія:

1) Если рента оплачивалась единовременно по $96^1/_4$ ($96,_{252}$%) за 100, и если она котируется теперь въ Берлинѣ (биржа 3 декабря) по $98,_5$, то премія составляетъ не одинъ процентъ, а болѣе двухъ, $2^1/_4$% ($2,_{25}$%).

2) На биржевыхъ цѣнахъ ренты не можетъ не отзываться невыгодно пессимистическое представленіе о русскихъ финансахъ внушенное условіями выпуска оной и пока еще не изгладившееся.

3) Цѣна золотой ренты никакъ не можетъ подняться до уровня соотвѣтствующаго высотѣ платимаго по ней процента, ибо правительство оставило за собой право выкупа рентъ уплатой владѣльцамъ нарицательнаго капитала. Кому можетъ быть охота платить за ренту, напримѣръ, 105 руб. и болѣе, съ тѣмъ чтобы потомъ получить въ уплату только 100 рублей? Еслибы была выпущена не шести- а семипроцентная рента на такихъ же условіяхъ уплаты нарицательнаго капитала, то и она не котировалась бы много выше 100 за 100. Подъемъ ея цѣны свыше 100 былъ бы лишь учетомъ выгодъ которыми можно воспользоваться до истеченія 10-лѣтняго срока; съ истеченіемъ же этого срока, со вступленіемъ въ силу выговореннаго правительствомъ права конверсіи, цѣна даже 12-процентной ренты стояла бы 100 за 100 или близко къ тому.

Нашъ оппонентъ признаетъ золотую ренту „займомъ не только внутреннимъ, но отчасти и внѣшнимъ," хотя правильнѣе было бы признать его внѣшнимъ и лишь отчасти внутреннимъ; но чтобы не препираться на этомъ пунктѣ, согласимся признать заемъ, какъ желаетъ нашъ оппонентъ, преимущественно внутреннимъ. Но какое значеніе получаетъ при этомъ сдѣланное въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* офиціальное заявленіе что „заемъ металлическій былъ предпочтенъ кредитному потому что настоящій курсъ кредитнаго рубля низокъ и казначейство понесло бы потерю отъ его возвышенія при заключеніи займа на кредитную валюту?"

Заботиться объ огражденіи казны отъ потерь дѣло хорошее; но вмѣстѣ съ тѣмъ правительство, полагаемъ, должно заботиться объ огражденіи отъ потерь также и русскихъ людей. На дѣлѣ же выходитъ такъ: заемъ заключается въ металлической валютѣ; онъ преимущественно внутренній: бо́льшую часть его должна разобрать русская публика, взнося по 1 р. 64 к. за 1 р. металлическій. Заемъ сдѣланъ въ разчетѣ на повышеніе курса. Когда курсъ повысится, казна останется въ барышахъ: вмѣсто 1 р. 64 к. занятыхъ у русскаго заимодавца, она при возвратѣ долга будетъ платить ему меньше, напримѣръ 1 р. 50 к., можетъ-быть даже ровно 1 р., въ случаѣ повышенія курса до па́ри. Съ фискальной точки зрѣнія это очень выгодно. Но что̀ скажетъ, что̀ почувствуетъ русскій заимодавецъ, который, по довѣрію къ правительству отдавъ ему, напримѣръ, 16.400 р., получилъ бы обратно только 15.000 или даже только 10.000 р.? Въ виду этого, намъ кажется нѣсколько страшною такая мотивировка займа изъ которой можно сдѣлать выводъ что причинить ущербъ русскому заимодавцу, лишить его значительной части его состоянія, будто бы входило въ финансовый разчетъ правительства.

Неудачный въ политическомъ отношеніи финансовый разчетъ, побудившій выпустить преимущественно внутренній заемъ въ металлической валютѣ, легко можетъ оказаться ошибочнымъ и въ фискальномъ отношеніи. Курсы могутъ повыситься, но могутъ и понизиться. Повышеніе ихъ желательно, но болѣе чѣмъ 30-лѣтній опытъ показалъ что при той финансовой системѣ которая держалась у насъ все это время на серіозное, прочное повышеніе курсовъ мало надежды; признаковъ устраненія этой системы пока не видать, а при ней мы двигались съ успѣхомъ только внизъ, а не вверхъ по лѣстницѣ курсовъ. Въ случаѣ же весьма возможнаго поэтому пониженія курсовъ, казна останется не съ барышемъ, а съ накладомъ, точь-въ-точь такъ же какъ заемщики Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита занимавшіе деньги въ металлической валютѣ и принужденные уплачивать долгъ изъ доходовъ получаемыхъ кредитными рублями. Крупный ущербъ для казны въ такомъ случаѣ несомнѣненъ, такъ же какъ и по всѣмъ сдѣланнымъ ею донынѣ металлическимъ зай-

мамъ; но ея ущербъ не будетъ сопровождаться выгодами для русскихъ ея заимодавцевъ: выпускъ золотой ренты уже находится чуть не сполна въ рукахъ заграничныхъ капиталистовъ.

Нашъ оппонентъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* говоритъ будто наше замѣчаніе что владѣлецъ 125 р. ренты, уплативъ 197 р., не можетъ знать во что̀ обратится его капиталъ черезъ годъ, и что онъ будетъ заинтересованъ въ пониженіи вексельнаго курса, — что это наше замѣчаніе *не вѣрно*, „ибо при пріобрѣтеніи облигацій, выпущенныхъ на кредитные рубли, покупщикъ облигацій также не знаетъ что̀ можно будетъ купить на кредитный рубль черезъ годъ, ибо цѣнность сего рубля можетъ и повыситься, и понизиться."

Такой аргументъ нашего оппонента имѣлъ бы значеніе еслибы русскіе люди вели свою домашнюю бухгалтерію въ металлической валютѣ, опредѣляя не въ кредитныхъ, а въ металлическихъ рубляхъ свои доходы и расходы (хотя нельзя знать что̀ можно купить и на металлическій рубль черезъ годъ). Но кто же у насъ, много ли такихъ кто исчислялъ бы ежедневно по биржевымъ курсамъ сколько онъ получилъ въ металлическихъ рубляхъ съ жильцовъ за квартиры, съ арендаторовъ за земли, съ должниковъ за данныя имъ ссуды и т. д.? Кто у насъ высчитываетъ сколькихъ металлическихъ копѣекъ стόитъ ему по ежедневно мѣняющемуся курсу фунтъ говядины, свѣчъ или мыла? Само Министерство Финансовъ ведетъ свою бухгалтерію не въ металлической, а въ кредитной валютѣ; иначе и быть не можетъ когда почти всѣ доходы поступаютъ и почти всѣ расходы производятся кредитными рублями, и когда въ металлической валютѣ получаются почти одни таможенные сборы, а производятся платежи почти исключительно по металлическимъ займамъ. Пока это такъ, пока усилія доктринеровъ не подорвали довѣрія народа къ государственному кредитному рублю, пока не лукаво мудрствующіе русскіе люди, въ силу этого довѣрія, оцѣняютъ свои состоянія числомъ кредитныхъ рублей, до тѣхъ поръ наше замѣчаніе останется *вѣрнымъ*, до тѣхъ поръ и владѣлецъ золотой ренты, купившій ее за 197 р., будетъ считать себя въ барышахъ если продастъ ее за 250 р., и наоборотъ будетъ считать себя въ убыткѣ если будетъ продавать ее за 125 р. кредитныхъ, какіе бы курсы ни отмѣчались на разныхъ биржахъ. Если это такъ, то надобно признать вѣрнымъ и то что выпускъ золотой ренты ставилъ русскихъ участниковъ въ этомъ преимущественно внутреннемъ займѣ въ такое положеніе при которомъ повышеніе курса и все что̀ къ нему ведетъ обращалось бы въ прямой имъ убытокъ, такъ что, въ силу условій займа, они поневолѣ должны были бы радоваться пониженіямъ курса и всему что̀ къ нимъ ведетъ. Хотя уходъ ренты за границу увеличиваетъ нашу задолженность иностранцамъ и усиливаетъ невыгодность нашего международнаго разчетнаго баланса, тѣмъ не менѣе, однако, приходится радоваться что рента уже почти уплыла, а скоро совсѣмъ уплыветъ за границу: всякій ущербъ предпочтительнѣе оставленія русскихъ людей въ положеніи при которомъ ихъ личные интересы шли бы въ разрѣзъ съ интересами государственными.

Нашъ оппонентъ говоритъ что постановкой русскихъ участниковъ займа въ совершенную неизвѣстность сколько именно денегъ придется имъ вносить въ казну при каждой срочной уплатѣ „отнимается у спекуляціи поводъ къ игрѣ на пониженіе кредитнаго рубля, какъ въ Россіи такъ и за границей." Другими словами, въ дни взносовъ будетъ игра не на пониженіе, но только въ дни взносовъ. Но помимо этихъ дней, игра должна идти на пониженіе. Еслибы заемъ былъ въ кредитной валютѣ, иностраннымъ участникамъ въ немъ, купившимъ его по какому бы то ни было курсу, пониженіе этого курса было бы невыгодно: сохраняющая свою кредитную цѣнность, свою кредитную доходность, бумага въ рукахъ иностранца теряла бы при пониженіи курса свою металлическую цѣнность, свою металлическую доходность, и въ собственномъ интересѣ иностранцамъ пришлось бы поддерживать русскіе курсы. При металлическомъ займѣ наоборотъ: чѣмъ больше понизится курсъ, тѣмъ иностранцу выгоднѣе, тѣмъ больше кредитныхъ рублей получитъ онъ по купленной русской бумагѣ, тѣмъ бόльшую массу русскихъ товаровъ и иныхъ цѣнностей обмѣняетъ онъ на эти рубли, а стало-быть ему прямой разчетъ вести безпроигрышную игру на пониженіе курса.

Иностранцы сбываютъ теперь въ Россію облигаціи Восточныхъ займовъ и дру-

гія бумаги въ кредитной валютѣ, то-есть именно тѣ бумаги которыя имъ не выгодно держать у себя при игрѣ на пониженіе курса: не есть ли это признакъ что готовится именно такая игра на пониженіе? Это не лишено значенія при оцѣнкѣ финансоваго разчета на предполагаемое повышеніе курсовъ.

Нашъ оппонентъ говоритъ что для займа избрана та форма въ которой онъ состоялся во вниманіе къ интересамъ нашей промышленности, къ застою въ сбытѣ хлѣба, къ недостатку внутреннихъ сбереженій въ Россіи; займу данъ полувнѣшній характеръ за тѣмъ де чтобы не извлекать по возможности въ большихъ размѣрахъ свободные капиталы изъ внутреннихъ рынковъ Россіи. Но если заемъ имѣетъ цѣлью уплату 50 милліоновъ Государственному Банку, деньги эти во всякомъ случаѣ будутъ извлечены изъ внутреннихъ рынковъ. Внутреннимъ, и хлѣбнымъ, и промышленнымъ, и денежнымъ рынкамъ не будетъ легче оттого что эти деньги пойдутъ частью не на покупку займовыхъ облигацій, а на покупку продаваемаго въ Петербургѣ таможеннаго золота, которое, при нашемъ международномъ разчетномъ балансѣ, не замедлитъ обычнымъ порядкомъ уплыть за границу. Признаемся, мы не въ состояніи понять тотъ финансовый разчетъ который побуждаетъ уплачивать проценты по внѣшнимъ долгамъ не своимъ, имѣющимся въ наличности золотомъ, но золотомъ занятымъ за давно небывалые высокіе проценты, своимъ же золотомъ вести торговлю въ Петербургѣ. Надобно думать что отъ этой торговли ожидается барышъ въ размѣрѣ много превышающемъ $6^1/_4$%...

При спеціально-внутреннемъ займѣ, то-есть при займѣ въ кредитной валютѣ, не привелось бы торговать золотомъ для уплаты Банку кредитныхъ рублей вырученныхъ отъ его продажи: нужные для этого рубли были бы прямо добыты займомъ. Не пришлось бы также толковать о спорной вѣрности опредѣленнаго условіями займа паритета между монетными единицами разныхъ странъ, равно какъ не пришлось бы уплачивать никакой коммиссіи иностраннымъ банкирамъ, „въ вознагражденіе за ихъ труды и возмѣщеніе ихъ расходовъ,“ — коммиссіи которую, по мнѣнію нашего оппонента, не слѣдуетъ принимать въ разчетъ при опредѣленіи продажной цѣны ренты, какъ будто бы уплата этой коммиссіи не уменьшила суммы которую казна получила отъ займа. Берлинскіе банкиры, по заявленію нашего оппонента, не воспользовались, въ ущербъ казнѣ, арбитражными выгодами какія предоставлялись имъ условіями займа и оплатили ренту не франками, а марками: спасибо имъ за это великодушіе съ ихъ стороны.

Министерство Финансовъ, опровергая наше предположеніе о томъ что выпускъ золотой ренты сдѣланъ для поддержанія курса, заявляетъ „что это предположеніе *лишено всякаго основанія*“ *).

Наше предположеніе опровергнуто, и защищать его мы не станемъ. Дѣйствительно, какъ ясно изъ вышеизложеннаго, металлическій заемъ не можетъ служить къ поддержанію курса: онъ можетъ побуждать иностранцевъ лишь къ приниженію его. Но насъ вводила въ заблужденіе главная изъ объявленныхъ цѣлей займа—уплата причитающихся Государственному Банку, на основаніи указа 1 января 1881 года, 50 милліоновъ рублей. Мы полагали до сихъ поръ что этотъ указъ, производимыя на основаніи его уплаты Банку, а стало-быть и заключаемые для этихъ уплатъ займы, имѣютъ прямою цѣлью именно поддержаніе курсовъ, улучшеніе нашей валюты: въ этомъ только и могло заключаться единственное оправданіе мѣры 1 января 1881 года. Изъ сдѣланнаго теперь Министерствомъ Финансомъ официальнаго заявленія всѣ могутъ убѣдиться что само правительство считаетъ эту мѣру не ведущею къ той цѣли ради которой она установлена. Она, стало-быть, безо всякой пользы налагаетъ большія тягости и на народъ, и на государственный бюджетъ, служа главною причиной ежегодныхъ дефицитовъ.

Давно пора убѣдиться что начавшееся въ силу этой мѣры извлеченіе кредитныхъ билетовъ нисколько улучшенію курсовъ и подъему валюты не содѣйствовало. Курсы до изданія указа 1 января 1881 года были много лучше тѣхъ какіе установились послѣ уплаты Казначействомъ Банку 117 милліоновъ. Чтобъ убѣдиться въ этомъ стóитъ сравнить, напримѣръ, курсы на Лондонъ на Петербургской биржѣ за два года, 1880 и 1883. Возьмемъ для сравненія отмѣт-

*) Курсивъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*.

ки первыхъ курсовыхъ дней каждаго мѣсяца:

Курсы 1880 года:	*Курсы 1883 года:*
4 янв.—25, $25\frac{3}{32}$.	3 янв.—$23\frac{11}{16}$, $\frac{3}{4}$.
1 фев.—$25\frac{1}{4}$, $\frac{7}{8}$, $\frac{13}{16}$.	1 февр.—$23\frac{27}{32}$, $\frac{15}{16}$.
4 марта—$25\frac{11}{32}$, $\frac{13}{32}$, $\frac{11}{32}$.	1 марта—24, $24\frac{1}{8}$, $\frac{1}{32}$.
1 апр.—$25\frac{15}{32}$, $\frac{3}{8}$, $\frac{13}{32}$.	1 апр. — 24, $23\frac{29}{32}$.
2 мая — $25\frac{11}{32}$, $\frac{13}{32}$, $\frac{5}{16}$.	3 мая — $23\frac{29}{32}$, 24, $23\frac{15}{16}$.
3 іюня — $25\frac{9}{16}$, $\frac{11}{16}$, $\frac{9}{16}$.	3 іюня — $23\frac{13}{16}$, $\frac{11}{16}$, $\frac{23}{32}$.
1 іюля — $25\frac{3}{8}$, $\frac{7}{16}$, $\frac{3}{8}$.	3 іюля — $23\frac{15}{32}$, $\frac{19}{32}$, $\frac{17}{32}$.
1 авг. — $25\frac{5}{32}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{3}{16}$.	2 авг. — $23\frac{13}{16}$, $\frac{29}{32}$, $\frac{27}{32}$.
2 сент.—$24\frac{7}{8}$, $\frac{15}{16}$.	2 сент. — $23\frac{27}{32}$, $\frac{15}{16}$, $\frac{7}{8}$.
3 окт.—$24\frac{3}{16}$, $\frac{1}{4}$.	4 окт. — $23\frac{19}{32}$, $\frac{23}{32}$, $\frac{19}{32}$.
7 ноября—$24\frac{9}{32}$, $\frac{11}{32}$.	1 ноября — $23\frac{5}{16}$, $\frac{13}{32}$, $\frac{11}{32}$.
2 дек.—$24\frac{1}{2}$, $\frac{17}{32}$.	2 дек.—$23\frac{3}{8}$, $\frac{15}{32}$, $\frac{13}{32}$.

№ 338.

Москва, 6-го декабря.

Въ послѣднее время почти нѣтъ ни одного нумера австро-польскихъ газетъ въ которомъ бы не было какихъ-нибудь клеветъ, часто самаго нелѣпаго свойства, на русскія власти, по преимуществу учебныя, въ Привислинскихъ нашихъ губерніяхъ. Всякое ихъ распоряженіе, клонящееся къ тому чтобы въ школахъ дѣти научались русскому языку, извращается польскими органами печати, всякая забота учебнаго ближайшаго начальства о приведеніи этихъ распоряженій въ дѣйствіе подвергается грубымъ и неприличнымъ нападкамъ. Клеветѣ и лжи дается полный просторъ въ извѣстіяхъ изъ Варшавы, попадающихъ и во львовскую *Gazeta Narodowa*, и въ познанскій *Dziennik*. Особенно въ этомъ отношеніи отличается послѣдній. Одинъ изъ директоровъ варшавскихъ гимназій обратилъ вниманіе на то что гимназисты плохо знаютъ по-русски и относятся къ урокамъ русскаго языка небрежно. Онъ принялъ мѣры чтобы поправить дѣло, и вотъ польскія газеты сочинили цѣлую исторію и досыта налгались по этому поводу. Директоръ учебныхъ заведеній Варшавы, на обязанности котораго лежитъ слѣдить за частными учебными заведеніями этого города, не можетъ сдѣлать шагу по Варшавѣ безъ того чтобы тотчасъ та или другая заграничная польская газета не сообщила какой-нибудь выдумки о его дѣйствіяхъ. Но ложь выдаетъ сама себя: всѣ эти разказы до того нелѣпы и тенденціозны что едва ли имъ вѣритъ даже публика польской заграничной печати, на довѣріе которой разчитываютъ эти органы. Даже осторожный краковскій *Czas*, сначала было совсѣмъ примкнувшій къ этимъ тенденціознымъ измышленіямъ польскихъ quasi-патріотовъ, теперь или обходитъ молчаніемъ эти крики, или, хотя очень рѣдко, предостерегаетъ своихъ читателей отъ тенденціозныхъ выдумокъ своихъ собратій по оружію.

И всѣ эти жалобы, клеветы и брань сыплются изъ рога изобилія на вѣрныхъ исполнителей правительственной задачи въ польскихъ губерніяхъ, именно за то что они стараются поставить русскій государственный языкъ на подобающее ему мѣсто въ школахъ. Извѣстно что въ нѣкоторыхъ частныхъ польскихъ училищахъ прибѣгали къ обману: на расписаніяхъ учебныхъ занятій и въ офиціальныхъ книгахъ значилось одно, а дѣлалось совершенно иное; были случаи когда преподаваніе исторіи велось въ тенденціозномъ смыслѣ, причемъ извращались факты и толковалось о Польшѣ „отъ моря до моря,“ а вмѣсто русскаго языка преподавался польскій. Польскія газеты, сообщая всякую ложь о дѣйствіяхъ учебныхъ властей, спѣшатъ указать и способы которыми могли бы Поляки въ Варшавѣ противодѣйствовать успѣху стараній учебнаго начальства о томъ чтобъ ученики дѣйствительно знали русскій языкъ. Для образца приведемъ одно мѣсто изъ *Познанскаго Дневника* (№ 275 отъ 2 декабря): „Директоръ варшавскихъ училищъ распорядился объ увеличеніи часовъ преподаванія русскаго языка во всѣхъ училищахъ. Начальствующіе въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ рѣшили воспользоваться этимъ превышеніемъ власти и съ этою цѣлью возникла мысль подать протестъ противъ распоряженій г. Крылова въ министерство. Въ эту минуту ничего не могло быть лучше какъ подача подобнаго протеста. Юридическимъ основаніемъ жалобы могли бы служить распоряженія собственноручно записанныя директоромъ въ училищныхъ книгахъ. Кромѣ того, можно бы пожаловаться на его обращеніе и т. д. Нужно только дѣйствовать единомышленно и энергично. Но именно этого намъ не хватаетъ.“ Можно пред-

ставить себѣ сколько затрудненій встрѣчаетъ русскій дѣятель исполняющій свой долгъ въ Привислинскихъ губерніяхъ, и сколько требуется настойчивой энергіи и умѣнія чтобы побѣдить интригу и противодѣйствіе заботамъ государственной власти о томъ чтобы вырвать будущее поколѣніе изъ рукъ польской интриги и воспитать Поляковъ-гражданъ Русскаго государства, полезныхъ, а не вредныхъ.

Въ то же время польскія газеты усердно проповѣдуютъ что „Москали" хотятъ навязать всѣмъ Славянамъ свой языкъ, но что они, Поляки, напротивъ того относятся съ любовію и уваженіемъ даже къ языку галицкаго „хлопа." Извѣстно что свою заботливость о чистотѣ новосоздаваемаго „русинскаго" языка Поляки довели до того что во всякой попыткѣ галицкихъ Русскихъ приблизить языкъ своей печати къ языку литературному русскому видятъ измѣну Австрійскому государству. Сближаясь съ разными „украйнофилами," польскіе дѣятели имъ нашептываютъ что они-то и есть друзья развитія особой украйнофильской литературы, особаго украинскаго литературнаго языка. Но вотъ новое доказательство того насколько Поляки искренно заботятся объ этомъ новомъ русскомъ языкѣ.

Недавно во Львовскомъ университетѣ занялъ мѣсто профессора педагогики на богословскомъ факультетѣ уніатскій патеръ Делькевичъ. До него читалъ лекціи по этому предмету Dr. Францъ Костекъ, преподававшій по-нѣмецки. Вѣроятно изъ желанія выслужиться предъ Поляками, а быть-можетъ и вслѣдствіе какого-нибудь тайнаго распоряженія, г. Делькевичъ сталъ читать свои лекціи на польскомъ языкѣ. Такъ какъ огромное большинство студентовъ на богословскомъ факультетѣ Русскіе по происхожденію и уніаты по вѣроисповѣданію, то они и заявили профессору свой протестъ противъ польскаго языка его лекцій, а трое изъ нихъ, послѣ безуспѣшныхъ стараній у профессора, внесли въ сенатъ письменный протестъ, въ которомъ заявляли что они желали бы слушать эти лекціи по педагогикѣ или на русскомъ, или на нѣмецкомъ языкѣ, какъ это было при покойномъ профессорѣ Косткѣ. Но академическій сенатъ, допускавшій чтобы г. Делькевичъ русскимъ своимъ слушателямъ преподавалъ по-польски, счелъ себя вынужденнымъ вступиться за чистоту „русинскаго" языка и возвратилъ протестъ студентамъ безъ разсмотрѣнія, мотивируя это тѣмъ что онъ написанъ на незаконномъ языкѣ „московскомъ," котораго никто не понимаетъ!.. Нужны были особыя старанія чтобы профессора Львовскаго университета отказались отъ такого „обвиненія" взведеннаго на студентовъ...

Польскія газеты, передавая разказъ объ этомъ случаѣ, конечно, негодуютъ что русская галицкая молодежь еще не утратила сознанія своего русскаго происхожденія и не желаетъ подчиняться капризу польской агитаціи, считающей себя въ правѣ возводить польскій языкъ въ русской Галиціи на степень государственнаго языка.

Другой свѣжій фактъ, свидѣтельствующій о томъ фанатизмѣ ненависти съ которымъ относятся Поляки даже къ звукамъ русскаго языка, произошелъ на студенческомъ праздникѣ, данномъ въ Вѣнѣ въ честь Миклошича. Предсѣдатель русскаго кружка „Буковина," принимавшаго вмѣстѣ съ другими славянскими кружками участіе въ этомъ праздникѣ, произнесъ, между прочимъ, рѣчь на *русскомъ* литературномъ языкѣ, не коверкая его на ладъ мѣстныхъ фальсифицируемыхъ нарѣчій. Онъ говорилъ о великомъ значеніи Россіи въ славянскомъ мірѣ, о сближеніи съ ней и духовномъ единеніи, о необходимости единаго языка науки и высшей литературы для всѣхъ Славянъ и т. д. Но одинъ тотъ фактъ что г. Дудыкевичъ говорилъ *по-русски*, а не *по-русински*, такъ показался оскорбительнымъ для Поляковъ что они не постыдились на этомъ праздникѣ въ честь великаго ученаго устроить цѣлый скандалъ. Раздались угрожающіе крики; начались оскорбительныя выходки польской разнузданности... А когда кто-то изъ присутствующихъ Русскихъ потребовалъ отъ предсѣдателя празднества, тоже, впрочемъ, Поляка, назвать имя перваго крикуна, то предсѣдатель отказалъ въ этомъ, объясняя тѣмъ что многіе кричали. Интересно что *Presse*, органъ графа Таафе, напечатала разказъ объ этомъ скандалѣ въ тонѣ неодобрительномъ для г. Дудыкевича, какъ будто бы онъ сказалъ что-нибудь новое или неожиданное. *Presse*, поддерживающая теперь политику „равноправности народностей австрійскихъ," никакъ не должна была бы находить что-либо странное въ русской рѣчи г. Дуды-

кевича, представителя русской народности на юбилеѣ Миклошича.

Если Поляки въ Галиціи притѣсняютъ даже то русское искусственно составленное нарѣчіе которое они хотятъ возвести на степень литературнаго языка русскихъ Галичанъ, если они заставляютъ русскихъ уніатскихъ студентовъ богословія слушать польскія лекціи не имѣя ровно никакихъ правъ считать польскій языкъ государственнымъ въ Галиціи, то какое основаніе они могутъ привести въ оправданіе всѣхъ своихъ и явныхъ, и тайныхъ происковъ противъ заботъ русскихъ учебныхъ властей поставить преподаваніе въ училищахъ въ Привислинскомъ краѣ русскаго государственнаго языка на надлежащую высоту? Пора бы оглянуться Полякамъ на себя: вѣдь не могутъ же они серіозно давать цѣну тѣмъ бреднямъ иныхъ изъ польскихъ фантазеровъ что князь Бисмаркъ думаетъ воскресить Польшу, или что Австрія имѣетъ въ виду создать подъ своимъ верховенствомъ новое польское государство!..

№ 340.

Москва, 7-го декабря.

Послѣдніе нумера нѣмецкихъ газетъ наполнены толками о возвратномъ пути наслѣднаго принца изъ Испаніи, о посѣщеніи имъ короля Гумберта и — это главная тема всѣхъ толковъ — о визитѣ который принцъ сдѣлаетъ папѣ. Визитъ этотъ, какъ извѣстилъ вчера телеграфъ, уже состоялся.

Проѣхать мимо Рима, послѣ овацій сдѣланныхъ Италіей „заступающему императора“ принцу, на его пути въ Испанію, теперь невозможно. Это было бы явнымъ нарушеніемъ этикета, оскорбленіемъ Италіи, ея короля и народа, съ которыми Германія связана дружбой. Такимъ образомъ, поѣздка наслѣднаго принца въ Римъ и посѣщеніе Квиринала дѣлаются, какъ объясняетъ офиціозное *Агентство Стефани*, „прямо съ цѣлью выразить благодарность за пріемъ и скрѣпить узы связующія обѣ націи.“

Другое дѣло Ватиканъ. При его святѣйшествѣ Пруссія имѣетъ особаго представителя, г. Шлёцера, поддерживая съ папскою куріей, какъ выражаются въ клерикальныхъ кругахъ, „дружественныя“ отношенія. Быть въ Римѣ и не побывать въ Ватиканѣ точно такъ же было бы нарушеніемъ этикета, но совсѣмъ въ другомъ отношеніи.

Клерикальная печать употребляетъ однако всѣ усилія чтобы доказать что наслѣдный принцъ посѣтитъ Римъ, если не исключительно, то главнымъ образомъ для свиданія съ папой въ интересахъ прекращенія культурной борьбы, хотя, конечно, первый визитъ принцъ сдѣлаетъ де королю Италіи, такъ какъ безъ этого обойтись нельзя.

Такое толкованіе не лишено извѣстнаго интереса при настоящихъ отношеніяхъ между Пруссіей и Ватиканомъ. Кто тутъ торжествуетъ, Ватиканъ или Пруссія? Есть ли это путешествіе въ Каноссу, или только шахматный ходъ политики? Извѣстно что переговоры Шлёцера съ куріей въ послѣднее время были рядъ неудачъ. Въ началѣ лѣта прусскій дипломатъ, не добившись ничего, долженъ былъ даже взять продолжительный отпускъ и уѣхать изъ Рима. Возвратясь позднею осенью къ своему посту, Шлёцеръ возобновилъ переговоры. Дѣло шло объ отреченіи епископовъ Ледоховскаго и Мельхерса отъ каѳедръ, съ которыхъ они фактически удалены прусскимъ такъ-называемымъ церковнымъ судомъ за явное противодѣйствіе правительству. Настаивая на отреченіи этихъ сановниковъ и на замѣщеніи ихъ другими, Пруссія предлагала помилованіе остальнымъ удаленнымъ съ каѳедръ католическимъ епископамъ. Соглашаясь въ принципѣ съ требованіями Шлёцера, курія требовала взамѣнъ этой уступки, сверхъ прочаго, предоставленія католической церкви въ Пруссіи полной свободы въ воспитаніи будущихъ священниковъ и отправленіи послѣдними ихъ обязанностей. Шлёцеръ отклонилъ это требованіе какъ несогласное съ достоинствомъ и государственными интересами Пруссіи. Въ свою очередь, коллегія кардиналовъ отвѣчала полнымъ отказомъ относительно Ледоховскаго и Мельхерса. Шлёцеръ добился аудіенціи у папы, но и это ни къ чему не привело. Пришлось прекратить сношенія, а между тѣмъ партія центра въ прусскомъ парламентѣ снова перешла къ наступательному образу дѣйствій и къ обвиненію правительства въ злоупотребленіи тѣми полномочіями которыя даны были ему парламентомъ относительно помилованія удаленныхъ изъ епархій католическихъ

епископовъ. Прусское правительство, твердила клерикальная печать, умышленно не желаетъ пользоваться своими полномочіями и затрудняетъ прекращеніе культурной борьбы, предъявляя въ Ватиканѣ невозможныя требованія. Единственнымъ де выходомъ изо всѣхъ этихъ затрудненій было бы возстановленіе парламентомъ статей 15, 16 и 18 прусской конституціи, отмѣненныхъ въ интересахъ культурной борьбы.

Подъ видомъ уступки общественному мнѣнію католиковъ, членъ партіи центра, Рейхенспергеръ, внесъ въ палату депутатовъ Прусскаго ландтага предложеніе въ этомъ смыслѣ. Предстояли бурныя и непріятныя для правительства пренія. Успѣха предложеніе Рейхенспергера имѣть не могло. За него подали бы голоса только центръ, да развѣ нѣсколько прогрессистовъ; но партія центра хлопотала не объ успѣхѣ, невозможность котораго ясно сознавала, а о демонстраціи. Желательно было внушить прусскимъ католикамъ что всѣ претерпѣваемыя ими затрудненія не что иное какъ результатъ безцѣльнаго недоброжелательства протестантскаго правительства, стремящагося унизить католическую церковь. Положеніе сторонъ было напряженное. И вотъ, совершенно неожиданно, явилось извѣстіе о предстоящемъ посѣщеніи папы наслѣднымъ принцемъ, а затѣмъ послѣдовало и помилованіе епископа лимбургскаго Блума, чего тщетно добивались католики лѣтомъ и что не состоялось несмотря даже на національный праздникъ въ Нидервальдѣ, принадлежащемъ къ Лимбургской епархіи. Естественно было поставить оба событія, и визитъ и помилованіе Блума, въ связь и принять ихъ за выраженіе политики правительства относительно католической церкви. „Ничто не можетъ такъ краснорѣчиво свидѣтельствовать о миролюбіи Прусскаго правительства, замѣтила немедленно *Кельнская Газета*, какъ посѣщеніе принцемъ Ватикана. Предъ этимъ актомъ теряетъ значеніе даже и помилованіе Блума.“ Не курія и центръ, а правительство имѣетъ право жаловаться на неуступчивость. „Правительство дѣлаетъ все для прекращенія нежелательной культурной борьбы. Очередь уступокъ за куріей,“ и на нее, а не на правительство должны быть направлены сѣтованія католическаго населенія.

Обстоятельства видимо измѣнились. Партія центра сочла несвоевременнымъ возбуждать вопросъ о возстановленіи давно отмѣненныхъ статей прусской конституціи, и рѣшила взять лучше назадъ „до будущаго года“ предложенія Рейхенспергера. Такъ или иначе, замысламъ центра нанесенъ ударъ и задуманная имъ демонстрація утратила всякій смыслъ. Роли перемѣнились. Не только центръ, но и сама курія должны принять другую политику. Послѣ визита наслѣднаго принца папѣ и помилованія епископа лимбургскаго неудобно отстаивать Ледоховскаго и Мельхерса, прикрываясь интересами церкви и жалуясь на неуступчивость Прусскаго правительства, будто бы желающаго продолжать культурную борьбу во что бы то ни стало. Было бы для всякаго очевидно за кѣмъ вина и кто дѣйствительно своею неуступчивостью тормозитъ дѣло.

На дняхъ, почти наканунѣ помилованія епископа Блума, прусскій министръ исповѣданій фонъ-Госслеръ ѣздилъ во Фридрихсру, къ князю Бисмарку. Это обстоятельство дало послѣдній поводъ думать что и визитъ наслѣднаго принца въ Ватиканъ, и помилованіе католическаго епископа суть только части того общаго плана которому слѣдуетъ политика имперскаго канцлера.

№ 341.

Москва, 8-го декабря.

А.

На дняхъ мы окончили печатаніемъ судебный отчетъ по Кукуевскому дѣлу, и познакомившіеся съ нимъ читатели могли убѣдиться въ томъ что ради гражданскихъ взысканій предъявленныхъ къ обвиняемымъ процессъ этотъ прошелъ всѣ стадіи уголовнаго судопроизводства и для публики ничего не осталось скрытымъ изъ матеріаловъ добытыхъ слѣдствіемъ.

Уже одно чтеніе обвинительнаго акта не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ что прокурорская власть, представляя въ немъ свои соображенія о преданіи суду обвиняемыхъ имъ лицъ, была крайне стѣснена въ выборѣ статьи Уложенія о Наказаніяхъ, подъ дѣйствіе которой она могла бы безъ натяжки, хотя бы по аналогіи, подвести то преступное дѣяніе ихъ которое она мнила доказаннымъ по актамъ предваритель-

наго слѣдствія. „Сопоставляя правила и обязанности директора дороги и другихъ агентовъ службы пути, изложенныя въ существующей на этотъ счетъ инструкціи, съ дѣятельностью ихъ по отношенію къ ремонту и надзору за дорожнымъ сооруженіемъ 296-й версты (Кукуевской насыпи), нельзя не признать,“ такъ выражается обвинительный актъ, „что всѣ они въ большей или меньшей степени не исполнили ихъ по небрежности, послѣдствіемъ чего было крушеніе поѣзда № 3, каковое событіе могло и должно было бы быть предупреждено, *независимо отъ разрушенія насыпи*, при болѣе внимательномъ исполненіи перечисленными лицами ихъ обязанностей.“ Преступленіе это признано поэтому наказуемымъ по 2-й ч. 1.085 ст. Улож. По этой послѣдней *„тѣ изъ принадлежащихъ къ управленію желѣзной дороги и постороннихъ которые по небреженію, безо всякаго преступнаго умысла, оставятъ на колеѣ оной что-либо тяжеловѣсное или громоздкое, или большія кучи сора и т. д.“* причинятъ этимъ несчастье, стоившее жизни или увѣчья людямъ, подвергаются наказаніямъ опредѣленнымъ 1.466 и 1.494 стт. Улож. Очевидно что ни одна изъ небрежностей перечисленныхъ въ 1.085 статьѣ вовсе не подходитъ къ причинамъ повлекшимъ за собой крушеніе поѣзда на Кукуевской насыпи и не подразумѣвается также подъ словами „и такъ далѣе,“ въ особенности если принять въ соображеніе что прокурорскій надзоръ имѣетъ въ виду небрежности „независимыя отъ разрушенія насыпи,“ признавая, что разрушеніе насыпи произошло отъ причинъ которыя не могли быть прямо предусмотрѣны лицами завѣдывавшими ремонтомъ и движеніемъ по Московско-Курской дорогѣ. Иначе и быть не могло въ виду разнорѣчивыхъ заключеній экспертизы при предварительномъ слѣдствіи. Одна и притомъ малая часть экспертовъ дала неопредѣленное заключеніе о несоотвѣтствіи діаметра трубы подведенной подъ Кукуевскую насыпь съ условіями данной мѣстности и о неудовлетворительности устройства самой насыпи, долженствовавшихъ будто бы внушать желѣзнодорожнымъ чинамъ постоянное опасеніе относительно прочности въ этой мѣстности полотна дороги для движенія поѣздовъ и побуждать ихъ имѣть за этимъ мѣстомъ особый, исключительно бдительный надзоръ. Но большинство экспертовъ дали категорическое заключеніе, удостовѣрявшее что типъ построекъ и сооруженій насыпи былъ общепринятый и соотвѣтственный условіямъ данной мѣстности и обычному при нормальныхъ обстоятельствахъ подпору воды, ничѣмъ не угрожавшему прочности полотна; что размывъ произошелъ вслѣдствіе необычайнаго количества дождевыхъ осадковъ выпавшихъ въ теченіе предшествовавшихъ сутокъ во Мценскомъ уѣздѣ, закончившихся небывалымъ ливнемъ въ ночь на 30-е іюня; что Кукуевская насыпь, находящаяся на 296-й верстѣ, не могла внушать никакихъ опасеній для движенія по ней поѣздовъ, какъ ихъ внушали 289-я и 301-я версты, на которыхъ и въ эту ночь производились работы и имѣлся особо бдительный надзоръ; что Кукуевская насыпь осѣла неожиданно и внезапно вслѣдствіе ливня, разрушительное дѣйствіе котораго не могло быть предусмотрѣно; наконецъ, что отправленіе поѣзда № 3 съ Чернской станціи „безъ пути,“ при прекращеніи дѣйствія телеграфа въ ту ночь (въ виду, вопервыхъ, предупрежденія о неисправности дороги въ совершенно другихъ мѣстахъ, на которыхъ поѣздъ сопровождался дорожнымъ мастеромъ, и, вовторыхъ, того что поѣздъ № 4, скрестившись въ Черни съ № 3, предъ тѣмъ благополучно прослѣдовалъ 296-ю версту) представлялось совершенно въ порядкѣ вещей и не противорѣчило предписаніямъ существующей на этотъ счетъ инструкціи.

Уже данныя предварительнаго слѣдствія представляются недостаточными для обвиненія привлеченныхъ лицъ по 2 ч. 1.085 ст. Улож., и аргументація обвинительнаго акта является въ этомъ отношеніи неубѣдительною; судебное же слѣдствіе производившееся въ засѣданіяхъ Тульскаго окружнаго суда, по нашему мнѣнію, вполнѣ выяснило неосновательность какого бы то ни было уголовнаго обвиненія противъ лицъ привлеченныхъ къ этому суду. Большинство экспертовъ съ достаточною полнотой выяснили причину размыва насыпи и крушенія поѣзда происшедшихъ отъ чрезмѣрнаго подпора воды дѣйствовавшаго разрушительно на полотно дороги съ такою быстротой, въ столь короткій промежутокъ времени что этого ни предотвратить, ни предвидѣть никто не могъ; далѣе тѣ же эксперты утверждали что дѣйствія лицъ отправлявшихъ поѣздъ съ послѣдней стан-

ціи, провожавшихъ его, а также и тѣхъ на чьей обязанности лежалъ надзоръ за безопасностью пути, оказываются совершенно соотвѣтствующими общеустановленнымъ правиламъ и пріемамъ. Достаточно припомнить показаніе профессора Ѳадѣева относительно количества воды выпавшей въ той мѣстности въ ночь крушенія поѣзда, о вѣроятной силѣ стремительности ея и напора на насыпь чтобы, въ виду представленныхъ имъ цифръ, разсѣялось всякое предположеніе чьей-либо виновности въ страшномъ бѣдствіи, которое должно быть признано роковою случайностью. Нѣкоторые изъ выслушанныхъ на судѣ свидѣтелей удостовѣрили что внезапно образовавшіеся потоки воды снесли ихъ жилища построенныя далеко отъ Кукуевки и не около воды, губя ихъ имущество и жизнь близкихъ имъ людей: не обвинить ли и ихъ зачѣмъ они селились въ мѣстности которая могла подвергнуться такимъ случайностямъ? Зачѣмъ, спрашивается, люди жили на островѣ Искіи?

Въ неосновательности возбужденнаго обвиненія убѣдился, между прочимъ, одинъ изъ двухъ оставшихся на судѣ частныхъ обвинителей, повѣренный Ероваго, г. Грушецкій, который и отрекся отъ права взысканія, предъявленнаго его довѣрителемъ къ обвиняемымъ. Лишь Тульскій судъ не убѣдился всѣмъ этимъ; онъ присудилъ въ пользу Ероваго, помимо выраженнаго повѣреннымъ послѣдняго отказа и не взирая на то что судъ гражданскій уже призналъ однажды претензію этого истца ничѣмъ недоказанною, 3.000 рублей, а въ пользу Ожерелкина, болѣзненное состояніе котораго и неспособность къ труду, по заключенію врачей, подлежитъ сомнѣнію, 500 р., косвенно признавъ такимъ образомъ виновность всѣхъ привлеченныхъ къ суду лицъ въ нѣкоихъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ.

Трудно судить какими законами и соображеніями руководился судъ при постановленіи своего приговора... Пока объявлена лишь немотивированная резолюція.

Б.

Печатая открытое письмо Б. М. Маркевича, не можемъ не выразить и со своей стороны сожалѣнія въ виду упадка Императорскихъ Театровъ, который замѣчается всѣми. Театральная дирекція отказалась отъ своихъ правъ, а стало-быть и отъ обязанностей своихъ, въ пользу нѣсколькихъ лицъ, во вредъ дѣлу и въ ущербъ публикѣ. Сцена Императорскихъ Театровъ отдана въ монопольное распоряженіе нѣсколькихъ поставщиковъ сцены извѣстнаго направленія, которое вслѣдствіе этого становится патентованнымъ и какъ бы правительственнымъ. Вкусы гг. Боборыкина и К° рѣшаютъ судьбу пiесъ, опредѣляютъ репертуаръ театровъ и воспитываютъ общественную нравственность, поскольку театральныя зрѣлища имѣютъ на нее вліяніе. Правительственная власть, въ лицѣ директора, уклоняется отъ всякой отвѣтственности, указывая на *спеціалистовъ* которымъ она отдала въ распоряженіе сцену и которые также не несутъ на себѣ никакой отвѣтственности. Дѣло рѣшается по большинству голосовъ, сначала въ департаментѣ, а потомъ безапелляціонно въ общемъ собраніи, какъ въ Сенатѣ. Это называется либерализмомъ, между тѣмъ какъ всякое дѣло только тогда и можетъ идти съ успѣхомъ и достоинствомъ когда имѣетъ своею главною пружиной личную отвѣтственность. Требуется чтобы лицо призванное къ управленію чувствовало себя компетентнымъ въ своемъ дѣлѣ и само могло бы разобрать что̀ хорошо и что̀ дурно. Директоръ хорошо поступитъ если постарается окружить себя всѣми нужными пособіями и будетъ обращаться за совѣтомъ къ разнымъ болѣе или менѣе свѣдущимъ лицамъ, но рѣшеніе во всякомъ случаѣ должно оставаться за нимъ. Онъ долженъ payer de sa personne.

Имя г. Маркевича очень хорошо извѣстно въ нашей литературѣ. Какъ бы кто ни судилъ о его произведеніяхъ, всѣ однако отдаютъ справедливость его таланту. Такъ рѣшительно отвергнуть представленную имъ на разсмотрѣніе драму, какъ это было сдѣлано театральнымъ синклитомъ, есть дѣло произвола, который долженъ оскорбить автора не только въ его самолюбіи, но, вмѣстѣ съ другими, и въ чувствѣ общей справедливости. Къ тому же г. Маркевичъ въ своихъ произведеніяхъ держится направленія которое, съ точки зрѣнія правительства, никакъ не слѣдовало бы считать предосудительнымъ. Сцена Императорскихъ Театровъ, особенно въ послѣднее время, превратилась въ зрѣлище разврата и всякой безнравственности. Одни этому радуются, другіе скорбятъ.

Вмѣсто того чтобы служить образцомъ и указаніемъ для частныхъ театровъ, сцена Императорскихъ Театровъ далеко обгоняетъ ихъ въ развращеніи вкуса публики...

Можно сказать что талантъ повѣствователя не всегда можетъ ручаться за достоинство произведенія назначаемаго для сцены. Драма г. Маркевича взята имъ изъ его романа *Переломъ*. Быть-можетъ, скажутъ, передѣлка недостаточно соображена со сценой, и драма должна была бы потребовать нѣкоторыхъ измѣненій для лучшаго приспособленія къ условіямъ сцены. Но никакихъ указаній въ этомъ смыслѣ сдѣлано не было, и едва ли эти господа могли бы сдѣлать какія-либо серіозныя сценическія указанія для г. Маркевича, который хорошо знаетъ всѣ условія сцены и пріобрѣлъ извѣстность какъ искусный распорядитель и даровитый исполнитель въ любительскихъ спектакляхъ.

№ 342.

Москва, 9-го декабря.

Тонкинскій вопросъ внезапно принялъ въ послѣдніе дни грозный характеръ. Тревожныя событія, быстро слѣдовавшія одни за другими, устранили послѣднюю надежду на мирное улаженіе франко-китайскаго конфликта и поставили Францію въ необходимость подвергнуться новому тяжкому испытанію, навлеченному на нее недальновидною политикой ея неопытныхъ правителей.

Революція вспыхнувшая въ Гюэ, столицѣ Аннамской имперіи, и направленная противъ приверженцевъ французскаго протектората устранила посредствомъ убійства молодаго императора Тіепъ-Гоа, недавно только вступившаго на престолъ послѣ умершаго 20 іюня императора Тю-Дюка. Аннамскіе мандарины съ самаго начала относились враждебно къ новому императору за то что онъ 25 августа подписалъ Гюэскій трактатъ, отдавшій Французамъ Аннамскую провинцію Біенъ-Туанъ, дельту Красной Рѣки и поставившій Аннамскую имперію подъ протекторатъ Французской республики.

Въ глазахъ аннамскихъ патріотовъ подписаніе подобнаго трактата было измѣной своему отечеству. Видя бездѣйствіе Французовъ въ Тонкинѣ и заручившись поддержкой Китая, аннамскіе мандарины объявили что не признаютъ для себя обязательными постановленія трактата 25 августа. Когда императоръ Тіепъ-Гоа захотѣлъ наказать мятежниковъ и обратился за помощью къ французскому резиденту Паламъ-де-Шампо, время для того было уже упущено. Аннамскія войска и гюэская чернь перешли на сторону возмутившихся мандариновъ, и г. Паламъ-де-Шампо, имѣвшій при себѣ лишь охрану во сто человѣкъ французской морской пѣхоты, не могъ оказать содѣйствія несчастному императору, которому Франція, на основаніи трактата, обѣщала свое покровительство. Мятежники отравили Тіепъ-Гоа и объявили войну Французамъ. Какая участь постигла французскаго резидента, до сихъ поръ неизвѣстно. Предполагаютъ что онъ спасся въ лежащую близь Гюэ крѣпость Туанъ-Анъ занятую французскимъ гарнизономъ. Но этотъ гарнизонъ такъ слабъ что для усиленія его адмиралъ Курбе принужденъ былъ отрядить нѣсколько ротъ изъ своего и безъ того немногочисленнаго экспедиціоннаго корпуса въ Ганоѣ.

Одновременно съ Гюэскою революціей и, вѣроятно, въ связи съ нею произошелъ важный политическій переворотъ въ Пекинѣ. Здѣсь кончилась долголѣтняя борьба между старокитайскою и европейскою партіями полною побѣдой первой надъ второю. Главой побѣдившей партіи считается отецъ царствующаго нынѣ богдыхана, принцъ Шунъ-и-Хуанъ, ярый ненавистникъ Европейцевъ и открытый сторонникъ войны противъ Франціи. Онъ добился того что родной братъ его, принцъ Конгъ, главный руководитель партіи мира, относящейся дружелюбно къ Европейцамъ, совершенно отстраненъ теперь отъ государственныхъ дѣлъ; вмѣстѣ съ нимъ подвергся опалѣ ближайшій другъ принца Конга, генералъ Ли-Хунъ-Чанъ, за то что недостаточно энергично велъ переговоры съ французскимъ посломъ Трику. Въ настоящее время губернаторомъ южно-китайскихъ провинцій на мѣсто Ли-Хунъ-Чана уже назначенъ дядя маркиза Цзенга, одинъ изъ самыхъ фанатическихъ приверженцевъ партіи войны.

Извѣстія полученныя одновременно изъ Гюэ и изъ Пекина привели Французское правительство въ сильное смущеніе. Сразу стало очевиднымъ что война съ Китаемъ неминуема. Требовалось немедленно

принять мѣры къ усиленію тонкинскаго экспедиціоннаго корпуса. Но для этого нужны были деньги. Г. Ферри, только что получившій девять милліоновъ отъ палаты депутатовъ, тотчасъ потребовалъ еще двадцать милліоновъ франковъ. Въ изложеніи мотивовъ этого новаго кредита г. Ферри откровенно указалъ на грядущія грозныя опасности, и депутаты, несмотря на громкіе протесты радикаловъ, разрѣшили правительству употребить требуемыя имъ суммы на поддержаніе чести Франціи не только въ глазахъ восточныхъ, но и европейскихъ государствъ. Впрочемъ, трудно было отказать правительству въ этихъ милліонахъ, такъ какъ большею частію они оказались уже израсходованными на снаряженіе новаго экспедиціоннаго отряда, который отправится въ Тонкинъ въ послѣднихъ числахъ декабря подъ командой генерала Мильйо. Этотъ отрядъ будетъ состоять изъ трехъ баталіоновъ алжирскаго войска и трехъ баталіоновъ охотниковъ, выбранныхъ изо всѣхъ восемнадцати корпусовъ французской арміи. Численность отряда опредѣлена въ 6.000 человѣкъ. Вмѣстѣ съ нимъ отправятся въ китайскія моря два броненосца, которые примкнутъ къ находящейся уже тамъ французской броненосной эскадрѣ.

По прибытіи этихъ войскъ въ Тонкинъ, адмиралъ Курбе передастъ начальство надъ сухопутными войсками генералу Мильйо, а самъ приметъ командованіе надъ морскими силами съ тѣмъ чтобы подавить мятежъ въ Гюэ и, въ случаѣ надобности, оперировать противъ китайскихъ портовъ.

Но генералъ Мильйо прибудетъ въ Тонкинъ не раньше начала будущаго февраля, а до тѣхъ поръ многое въ Тонкинѣ можетъ измѣниться. Телеграфъ уже извѣстилъ насъ что адмиралъ Курбе покинулъ наконецъ свое выжидательное положеніе и двинулся къ Сонтаю. Передовыя укрѣпленія этой крѣпости уже перешли послѣ упорнаго и кровопролитнаго боя въ руки Французовъ, которые, какъ извѣстилъ насъ сегодня телеграфъ, въ настоящее время можетъ-быть заняли уже и самый Сонтай. Но за Сонтаемъ находится еще Хунгъ-Хоа, а въ пятидесяти верстахъ восточнѣе его Бакнинь. Пока эти двѣ крѣпости не будутъ въ рукахъ Французовъ, обладаніе однимъ Сонтаемъ не будетъ имѣть для нихъ серіознаго значенія. Рѣшится ли адмиралъ Курбе, послѣ своихъ немалочисленныхъ потерь подъ Сонтаемъ, тотчасъ же двинуться со своимъ слабымъ отрядомъ противъ Хунгъ-Хоа и Бакниня? Это движеніе будетъ затруднено еще тѣмъ обстоятельствомъ что вспыхнувшая въ Гюэ революція уже отразилась на южныхъ окраинахъ Тонкина. Здѣсь находятся занятыя незначительными французскими отрядами крѣпости Намдинь и Ниньбинь. Адмиралу Курбе придется и туда отрядить часть своихъ войскъ дабы обезопасить себѣ тылъ. Съ другой стороны, едва ли Китайцы и Аннамцы позволятъ ему послѣ взятія Сонтая спокойно выжидать цѣлыхъ полтора мѣсяца прибытія генерала Мильйо. А затѣмъ, съ конца февраля, начнется самая невыгодная по климатическимъ условіямъ пора для военныхъ операцій въ Тонкинѣ.

Въ распоряженіи адмирала Курбе находятся въ настоящее время въ разныхъ мѣстахъ Аннамской имперіи 9.000 человѣкъ. Съ прибытіемъ генерала Мильйо, численность французскаго экспедиціоннаго корпуса возрастетъ слѣдовательно до 15.000 человѣкъ. Для войны съ Аннамомъ это можетъ быть достаточно, но для войны съ Китаемъ этого слишкомъ мало. Бывшій губернаторъ Кохинхины, г. Лемиръ-де-Вилеръ, только что напечаталъ обширную статью въ *Nouvelle Revue*, обнаруживающую близкое знакомство автора со всѣми условіями предстоящей кампаніи. Въ этой статьѣ онъ подробно разсматриваетъ всѣ затрудненія которыя Франціи придется преодолѣвать для окончательнаго рѣшенія Тонкинскаго вопроса военною силой. „Тѣмъ не менѣе,“ говоритъ г. Лемиръ-де-Вилеръ, „намъ нельзя медлить, нужно еще разъ испытать счастіе оружія, и оно намъ будетъ благосклонно, при томъ, однако, условіи что мы, наученные горькимъ опытомъ, оставимъ политику полумѣръ. Намъ нужно имѣть въ Индо-Китаѣ по меньшей мѣрѣ 50.000 человѣкъ, большое количество канонирокъ и могущественный флотъ. Затѣмъ, въ случаѣ побѣды, намъ нужно будетъ тратить для упроченія своей власти въ теченіе десяти лѣтъ около 100 милліоновъ ежегодно.“ Лишь при этихъ условіяхъ г. Лемиръ-де-Вилеръ надѣется что Франція выйдетъ съ честью изъ настоящихъ затрудненій. Г. Ферри надѣется что спасеніе этой чести обойдется ему дешевле. События покажутъ кто изъ нихъ правъ.

№ 343.

Москва, 10-го декабря.

А.

Просимъ у читателей особеннаго вниманія. Предметъ котораго мы коснемся сегодня гораздо важнѣе вопроса о „золотой рентѣ,“ хотя именно полемика о ней побудила насъ остановиться на нѣкоторыхъ фактахъ, до сихъ поръ не бросавшихся намъ въ глаза, а между тѣмъ проливающихъ свѣтъ на причины ослабляющія русскій государственный кредитъ и имѣвшія своимъ послѣдствіемъ, между прочимъ, то что та же Россія, которая еще въ недавнее время заключала займы на сносныхъ условіяхъ, увидала себя въ прошломъ мѣсяцѣ заключающею заемъ на такихъ условіяхъ какъ выпускъ „золотой ренты.“ Дѣло такъ важно что мы опасаемся въ немъ положиться только на свое сужденіе, какъ бы ни были убѣждены въ его вѣрности, и просимъ каждаго взвѣсить предъявляемые факты и указать намъ ошибки наши, если таковыя окажутся.

Дѣло касается способа погашенія Восточныхъ займовъ, о которыхъ финансистъ *Новаго Времени* (№ 2.785, отъ 28 ноября) прочелъ намъ чуть не цѣлую лекцію.

Законъ не оставляетъ мѣста для сомнѣній и споровъ о томъ какъ должны погашаться Восточные займы. Въ именномъ Высочайшемъ указѣ 17 мая 1877 о погашеніи облигацій Перваго Восточнаго займа сказано:

„Погашеніе облигацій имѣетъ быть произведено въ теченіе 49 лѣтъ; для чего образуется особый фондъ посредствомъ отчисленія, ежегодно, $^1/_2{}^0/_0$ съ нарицательной суммы займа, *и фондъ сей, съ присовокупленіемъ процентовъ на облигаціи погашенныя въ предыдущіе годы, употребляется ежегодно на выкупъ облигацій по биржевой цѣнѣ, когда оная будетъ ниже нарицательной стоимости облигацій,* а въ противномъ случаѣ—по тиражу, по нарицательной ихъ цѣнѣ“ *).

Затѣмъ, въ именномъ Высочайшемъ указѣ 11 августа 1878 о Второмъ Восточномъ займѣ значится:

„Погашеніе облигацій имѣетъ быть произведено въ теченіе 49 лѣтъ; для чего образуется особый фондъ посредствомъ отчисленія, ежегодно, $^1/_2{}^0/_0$ съ нарицательной суммы займа, и *фондъ сей*, съ присовокупленіемъ процентовъ на облигаціи погашенныя въ предыдущіе годы, *употребляется ежегодно на выкупъ облигацій по цбиржевой цѣнѣ*, когда онѣ будутъ ниже нарицательной стоимости облигацій, а въ противномъ случаѣ—по тиражу, по нарицательной ихъ цѣнѣ“ *).

Наконецъ, въ именномъ Высочайшемъ указѣ 14 мая 1879 о Третьемъ Восточномъ займѣ читаемъ:

„Погашеніе облигацій имѣетъ быть произведено въ теченіе 49 лѣтъ; для чего образуется особый фондъ посредствомъ отчисленія, ежегодно, $^1/_2{}^0/_0$ съ нарицательной суммы займа, и фондъ сей, съ присовокупленіемъ $^0/_0$ на облигаціи погашенныя въ предыдущіе годы, употребляется *ежегодно* на выкупъ облигацій *по биржевой цѣнѣ*, когда она будетъ ниже нарицательной стоимости облигацій, а въ противномъ случаѣ—по тиражу, по нарицательной ихъ цѣнѣ“ **).

Смыслъ закона ясенъ. Но исполненіе его на практикѣ можетъ быть различно. Биржевыя цѣны въ теченіе каждаго года бываютъ не одинаковы. Имѣя порученіе покупать облигаціи на такую-то сумму Перваго, на такую-то сумму Втораго и на такую-то сумму Третьяго Восточныхъ займовъ, исполнители его могутъ или

1) Соблюдать государственный интересъ, стараясь покупать облигаціи когда ихъ биржевой курсъ особенно низокъ: въ такомъ случаѣ и казна выгадываетъ, выкупая на тѣ же деньги болѣе облигацій, и владѣльцы фондовъ выигрываютъ благодаря появленію на облигаціи казеннаго спроса именно въ то время когда биржевая спекуляція роняетъ ихъ цѣну; или

2) Поступать какъ поступаетъ иной ловкій экономъ, покупающій, напримѣръ, говядину хозяйственнымъ способомъ и вычисляющій въ годовомъ отчетѣ сдѣланный расходъ по самой высокой цѣнѣ какая стояла на говядину въ теченіе года, хотя бы такая цѣна держалась всего какіе-ни-

---

*) *Указатель Прав. Расп. по Мин. Финансовъ*, 1877, № 24, стр. 598.

*) *Указ. Пр. Расп. по Мин. Фин.* 1878, № 33, стр. 887.

**) *Указ. Пр. Расп. по Мин. Фин.* 1879, № 21, стр. 542.

будь два или три дня. Слѣдуя примѣру такого эконома, можно сдѣлать разчетъ покупки облигацій такимъ образомъ какъ будто бы вся эта покупка пришлась на дни самой высокой биржевой цѣны оныхъ.

Наконецъ 3) можно совсѣмъ забыть о законѣ и, махнувъ на него рукой, не исполнять его требованія, а дѣйствовать, напримѣръ, какъ будто бы въ законѣ ничего не сказано о погашеніи по биржевой цѣнѣ и погашать облигаціи по нарицательной ихъ цѣнѣ, 100 за 100.

Ниже мы приводимъ три разчета погашенія Восточныхъ займовъ, по каждому изъ трехъ вышеуказанныхъ способовъ, принимая для перваго не низшія цѣны, но среднія, ибо требовать покупки облигацій непремѣнно по самымъ низкимъ цѣнамъ значило бы требовать отъ служащихъ слишкомъ много, требовать даже невозможнаго; но не особенно трудно удовлетворить требованію чтобы покупки облигацій, въ общемъ выводѣ, были сдѣланы по средней цѣнѣ: это значило бы требовать отъ служащихъ не особыхъ заслугъ, но простой, рядовой службы; любая контора, полагаемъ, сочла бы непригоднымъ для себя такого прикащика который, круглый годъ закупая товаръ по ея порученію, закупалъ бы годовые запасы, въ общемъ выводѣ, не ниже, а выше средней годовой цѣны товара.

Изъ сравненія результатовъ погашенія Восточныхъ займовъ по каждому изъ трехъ способовъ оказывается что даже погашеніе по наивысшимъ биржевыхъ цѣнамъ не было бы сопряжено для казны съ такимъ ущербомъ какъ погашеніе по способу финансиста *Новаго Времени*, то-есть по цѣнѣ нарицательной, сто за сто: тутъ уже не хищеніе какихъ-нибудь 332.450 рублей; тутъ ущербъ казны въ 1.766.250 или болѣе рублей только за 1878 — 1882 годы, съ перспективой несравненно бóльшихъ ущербовъ въ будущемъ...

Но оставимъ это и, развернувъ *Отчеты Государственнаго Контроля* *), посмотримъ какъ идетъ не предположительное, а дѣйствительное погашеніе Восточныхъ займовъ.

Начнемъ съ Перваго займа. На какую нарицательную сумму погашался онъ каждый годъ, какъ великъ итогъ этихъ погашеній къ 1 января 1883 г. и до какой цифры сократился вслѣдствіе этихъ погашеній номинальный 200-милліонный долгъ? Изъ контрольныхъ отчетовъ явствуетъ что въ погашеніе Перваго Восточнаго займа уплачено:

Въ 1878 году	1.000.000 руб.
„ 1879 „	1.050.000 „
„ 1880 „	1.102.500 „
„ 1881 „	1.157.600 „
„ 1882 „	1.215.500 „
Итого	5.525.600 руб.

Неуплаченнаго долга къ 1883 году осталось 194.474.400 р.

Приведенныя сейчасъ офиціальныя цифры повергаютъ насъ въ изумленіе: онѣ совпадаютъ рубль въ рубль съ разчетомъ погашенія сдѣланнымъ по номинальной цѣнѣ сто за сто...

Между тѣмъ еслибъ облигаціи выкупались по среднимъ биржевымъ цѣнамъ, долгъ уменьшился бы не на 5.525.600 р., но на 6.103.500 р., и еслибы даже облигаціи выкупались по наивысшимъ изъ биржевыхъ цѣнъ, долгъ все-таки уменьшился бы не на 5.525.600 р., а на 5.981.900 р.

Перейдемъ ко Второму Восточному займу. Въ погашеніе его, какъ значится въ *Отчетѣ Государственнаго Контроля*, уплачено:

Въ 1879 году	1.500.000 руб.
„ 1880 „	1.575.000 „
„ 1881 „	1.653.700 „
„ 1882 „	1.736.400 „
Итого.	6.465.100 руб.

Неуплаченнаго долга къ 1883 году осталось 293.534.900 р.

Опять офиціальныя цифры совпадаютъ рубль въ рубль съ цифрами разчета погашенія не по биржевымъ цѣнамъ, но 100 за 100.

Между тѣмъ, еслибъ облигаціи выкупались по среднимъ биржевымъ цѣнамъ, 300-милліонный долгъ уменьшился бы не на 6.465.100 р., но на 7.149.900 р., и еслибы даже облигаціи выкупались по наивысшимъ изъ биржевыхъ цѣнъ, долгъ все-таки уменьшился бы не на 6.465.100 р., а на 7.013.300 р.

Обратимся къ погашенію Третьяго Восточнаго займа. Погашеніе это должно было начаться въ 1880 году. Но погасительный фондъ въ томъ году не былъ упо-

*) См. *Приложенія къ Отчету Государственнаго Контроля:* 1878 года, стр. 124 и 125, 1879— стр. 84 и 85, 1880—стр. 86 и 87, 1881—стр. 86 и 87, 1882—стр. 110 и 111.

треблень по своему назначенію; онъ гдѣ-то лежалъ подъ условіемъ нарощенія на него процентовъ и былъ съ наросшими на него пятью процентами употребленъ на погашеніе займа лишь въ слѣдующемъ 1881 году. Погасительный фондъ 1881 года также не пошелъ своевременно на погашеніе займа и былъ употребленъ на это дѣло (опять съ наросшими пятью процентами) лишь годомъ позднѣе чѣмъ слѣдовало, одновременно съ употребленіемъ по тому же назначенію погасительнаго фонда 1882 г. Такимъ образомъ, погашеніе Третьяго займа, какъ явствуетъ изъ контрольныхъ отчетовъ, производилось не три, а только два года, причемъ погашено:

Въ 1881 году	1.575.000 руб.
„ 1882 „	3.153.700 „
Итого	4.728.700 руб.

Неуплаченнаго долга къ 1883 году осталось 295.271.300 р.

Итогъ опять совпадаетъ съ итогомъ разчета сдѣланнаго согласно мнѣнію финансиста *Новаго Времени*, то-есть сто за сто.

Между тѣмъ, еслибъ облигаціи выкупались по среднимъ биржевымъ цѣнамъ 300-милліонный долгъ уменьшился бы не на 4.728.700 р., а на 5.232.200 р., и еслибы даже облигаціи выкупались по наивысшимъ изъ биржевыхъ цѣнъ, долгъ всетаки уменьшился бы не на 4.728.700 р., а на 5.158.000 р.

Мы недоумѣваемъ стараясь объяснить себѣ указанныя странныя совпаденія. Простою случайною ошибкой объяснить ихъ нельзя: это не случайно проскользнувшее, но систематическое, повторяющееся изъ года въ годъ несогласіе съ требованіемъ вышеприведенныхъ Высочайшихъ указовъ установившихъ погашеніе Восточныхъ займовъ не по нарицательной, а по биржевымъ цѣнамъ. Мы смотримъ въ контрольные отчеты, и не вѣримъ глазамъ: неужели же въ самомъ дѣлѣ Восточныя облигаціи выкупались по нарицательной цѣнѣ 100 за 100? Но въ такомъ случаѣ когда же производились тиражи такого погашенія, гдѣ эти тиражи были опубликованы, кто были тѣ счастливцы которые наживали при этихъ тиражахъ отъ 6 до 10 и болѣе рублей на каждую погашенную облигацію? По чьимъ карманамъ разбрелись, въ такомъ случаѣ, 1.766.250 или болѣе рублей казенныхъ денегъ которыя были бы потеряны казной только до 1883 года вслѣдствіе погашенія облигацій трехъ Восточныхъ займовъ не по закону, а вопреки ему? Но если эти деньги (болѣе $1^3/_4$ милліона) ни по чьимъ карманамъ не расходились, то гдѣ же онѣ, въ какомъ фондѣ, подъ какою контрольною рубрикой числятся? Да и могутъ ли быть причисляемы къ какимъ-нибудь запаснымъ суммамъ фонды погашенія Восточныхъ займовъ, когда о каждомъ изъ такихъ фондовъ въ Высочайшихъ указахъ прямо выражено что „фондъ сей“ не только сполна, но еще „съ присовокупленіемъ процентовъ на облигаціи погашенныя въ предыдущіе годы, *употребляется ежегодно* на выкупъ облигацій?“ Каждый такой фондъ долженъ ежегодно сполна идти на свое назначеніе, и никакая часть его не можетъ быть ни обращаема на иное употребленіе, ни отлагаема про запасъ на другіе годы, а между тѣмъ...

Для погашенія Восточныхъ займовъ въ тѣхъ размѣрахъ въ какихъ оно сдѣлано не было надобности вносить ежегодно въ бюджетъ для Перваго займа по 1 милліону, для Втораго по $1^1/_2$ милл. и для Третьяго тоже по $1^1/_2$ милл. не номинальныхъ, а дѣйствительныхъ кредитныхъ рублей; для такого погашенія какое сдѣлано можно было бы ограничиться меньшимъ обремененіемъ бюджета. Но милліоны на погашеніе вносились въ бюджетъ сполна, расходовались на погашеніе, сколько можно видѣть это изъ контрольныхъ отчетовъ, кажется тоже сполна; между тѣмъ размѣры сдѣланнаго погашенія далеко, болѣе чѣмъ на $1^3/_4$ милл. рублей, не соотвѣтствуютъ потраченнымъ на это суммамъ...

Будемъ ждать не разъяснятся ли эти непонятные, необъяснимые факты въ дѣлѣ погашенія Восточныхъ займовъ. Разъясненія можно ожидать только отъ Министерства Финансовъ, а не отъ Государственнаго Контроля, потому что еще въ № 24 *Правительственнаго Вѣстника* за текущій 1883 годъ было объявлено что „платежи по государственнымъ долгамъ“ обставлены „особыми условіями производства расходовъ и счетоводства по этимъ оборотамъ, которые изъяты отъ дѣйствія общаго счетнаго и ревизіоннаго порядка,“ и что „кредиты предназначенные на платежи по государственнымъ займамъ не подчинены общимъ правиламъ о заключеніи смѣтъ.“

Въ ожиданіи же разъясненія спросимъ:
Могло ли меньшее чѣмъ слѣдовало бы по закону погашеніе облигацій Восточныхъ займовъ не отозваться невыгоднымъ образомъ на цѣнахъ этихъ облигацій и вообще русскихъ фондовъ?

Могло ли неисполненіе условій объявленныхъ при заключеніи Восточныхъ займовъ не породить сомнѣній касательно должной правильности финансовыхъ операцій по другимъ русскимъ займамъ, и могли ли такія сомнѣнія остаться безъ вреднаго вліянія на русскій государственный кредитъ?

„За границей лучше нашего умѣютъ читать государственныя росписи," говоритъ г. Вессель въ прекрасной статьѣ о нашемъ финансовомъ положеніи *); прибавимъ отъ себя что за границей умѣютъ лучше нашего читать и контрольные отчеты, составляя по нимъ оцѣнку нашего финансоваго управленія и его финансовой системы. Высокіе проценты по которымъ Россія заняла теперь деньги (прежде она занимала за проценты много болѣе низкіе),—эти высокіе проценты, какъ бы свидѣтельствующіе о пониженіи уровня нашего государственнаго кредита, не находятся ли въ прямой связи съ фактами подобными тѣмъ какіе замѣчены въ дѣлѣ погашенія Восточныхъ займовъ?

При защитѣ „золотой ренты" и условій ея выпуска было общимъ мѣстомъ оправдывать эти выгодныя условія указаніемъ на „бѣдность Россіи," находящейся де въ экономическомъ разстройствѣ. Но зачѣмъ сваливать съ больной головы на здоровую, зачѣмъ объяснять невзрачныя финансовыя явленія бѣдностью Россіи, когда для объясненія ихъ достаточно указать на систему при которой возможны необъяснимые пріемы операцій хотя бы по погашенію однихъ Восточныхъ займовъ?

Б.

Въ теченіе нынѣшняго года многія наши статьи были предметомъ особаго вниманія нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ посылающихъ свои „сообщенія" въ *Правительственный Вѣстникъ*. Всѣ эти сообщенія были своевременно разобраны нами съ подобающимъ вниманіемъ, и въ заключеніе, въ № 72 *Московскихъ Вѣдомостей*, мы вынуждены были замѣтить что „было бы желательно чтобы какъ содержаніе, такъ и изложеніе печатаемыхъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* сообщеній подвергалось, прежде ихъ опубликованія, болѣе строгому просмотру и обсужденію, дабы въ этихъ сообщеніяхъ не встрѣчалось крупныхъ промаховъ, которые тоже могутъ быть сочтены правительственными," и что „лучше было бы не допускать печатанія несоотвѣтствующихъ дѣйствительности, а потому и не выдерживающихъ критики сообщеній, по крайней мѣрѣ не допускать печатанія ихъ безъ обозначенія что отвѣтственность за содержаніе оныхъ падаетъ на такія-то должностныя лица, а не на правительство." Напечатанное въ полученномъ сегодня здѣсь № 269 *Правительственнаго Вѣстника* сообщеніе по поводу передовой статьи № 336 *Московскихъ Вѣдомостей* служитъ новымъ подтвержденіемъ основательности мнѣнія выраженнаго въ приведенныхъ замѣчаніяхъ.

Изо всѣхъ соображеній и доводовъ изложенныхъ въ статьѣ № 336 *Московскихъ Вѣдомостей*, авторъ воспроизводимаго ниже офиціальнаго сообщенія остановился лишь на трехъ; всѣ прочіе пункты нашей статьи оставлены безъ возраженія и разъясненія. Такъ, между прочимъ:

Оставлена безъ разъясненія та странность что въ офиціальномъ сообщеніи напечатанномъ въ № 264 *Правительственнаго Вѣстника*, для оправданія назначеннаго по золотой рентѣ непомѣрно высокаго процента, сдѣланы только двѣ ссылки: а) на цѣну одной, *всего одной* бумаги (Седьмаго 5% займа) на *Лондонской* биржѣ по курсу *произвольно выбраннаго дня*, именно 5 (17) ноября, и б) на *петербургскія* цѣны консолидированныхъ желѣзнодорожныхъ облигацій выведенныя по биржевымъ отмѣткамъ *неизвѣстно какихъ дней*, тогда какъ золотая рента разобрана преимущественно *германскими* капиталистами, и потому, для оцѣнки ея процента, было ближе къ дѣлу сослаться не на Лондонскую и Петербургскую биржи, а на *Берлинскую*.

Оставлена безъ разъясненія указанная въ нашей статьѣ странность сдѣланной въ офиціальномъ сообщеніи „такой мотивировки займа изъ которой можно сдѣлать выводъ что причинить ущербъ русскому заимодавцу, лишить его значительной ча-

*) См. ноябрьскую книжку *Русскаго Вѣстника* за текущій годъ, стр. 247. О заслуживающей полнаго вниманія статьѣ г. Весселя мы имѣемъ въ виду поговорить подробно.

сти его состоянія будто бы входило въ финансовый разчетъ правительства."

Оставленъ безъ возраженія сдѣланный въ нашей статьѣ изъ официальнаго заявленія Министерства Финансовъ выводъ что оно само считаетъ указъ 1 января 1881 года объ ежегодныхъ 50-милліонныхъ уплатахъ Государственному Банку мѣрою не ведущею къ поддержанію курсовъ и, сталобыть, мѣрою которая безо всякой пользы налагаетъ большія тягости и на народъ, и на государственный бюджетъ, служа главною причиной бюджетныхъ дефицитовъ.

Не перечисляемъ прочихъ пунктовъ нашей статьи которые, наравнѣ съ тремя приведенными, не вызвали возраженій. Перейдемъ къ тѣмъ пунктамъ нашей статьи которые оспариваются. Объяснимся по каждому изъ трехъ сдѣланныхъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* возраженій:

1) Въ подтвержденіе невыгодности для казны условій выпуска 6% золотой ренты, въ нашей статьѣ были приведены свѣдѣнія: а) о цѣнахъ консолидированныхъ облигацій на Берлинской биржѣ наканунѣ объявленія о распродажѣ ренты и б) о существующей на эту бумагу преміи.

„Эти свѣдѣнія не вѣрны." Таковъ отзывъ о нихъ нашего официальнаго оппонента.

Имѣлъ ли, однако, нашъ оппонентъ достаточныя основанія для такого лаконическаго отрицанія? Мы въ этомъ болѣе чѣмъ сомнѣваемся.

Цѣны русскихъ облигацій отмѣчаются на Берлинской биржѣ не въ маркахъ, не въ рубляхъ, но *въ процентахъ нарицательной стоимости* бумагъ. Такъ ли это? Да или нѣтъ?

Если да, то берлинская отмѣтка для бумаги выпущенной въ фунтахъ стерлингъ означаетъ $86,_{25}$ ф. ст. за 100 ф. ст. Валюта на которую писана бумага не имѣетъ въ такомъ случаѣ ровно накакого значенія. $86,_{25}$% могутъ быть равны только $86,_{25}$%, и никакими изворотами нельзя сдѣлать чтобы $86,_{25}$% нарицательной стоимости бумаги равнялись $84,_{16}$% нарицательной стоимости той же самой бумаги.

Берлинскій вексельный курсъ на Лондонъ имѣлъ бы при этомъ лишь то значеніе что обладатель 5-фунтовой ренты въ Берлинѣ могъ $^{18}/_{30}$ ноября считать себя обладателемъ годоваго дохода во 102 м. $11^1/_4$ пф., а не во 100 марокъ ровно, какъ было бы при курсѣ 20 м. за 1 ф. ст.

Но еслибы даже допустить недопустимую странность что отмѣтка цѣнъ тѣхъ изъ косолидированныхъ облигацій которыя выпущены въ фунтахъ стерлингъ дѣлается на Берлинской биржѣ хотя и въ процентахъ съ нарицательной ихъ стоимости, но не просто въ процентахъ, а съ такими вычурами при которыхъ $86,_{25}$% не суть $86,_{25}$%,—что слѣдовало бы изъ этого страннаго, грѣшащаго противъ ариѳметики допущенія?

Пусть отмѣтка $86,_{25}$% бываетъ сама собою лишь при курсѣ 20 марокъ за 1 ф. ст.; пусть при курсѣ 20 мар. $42^1/_4$ пф. за 1 ф. ст. берлинская отмѣтка $86,_{25}$% является іероглифомъ для обмана непосвященныхъ и для сокрытія отъ ихъ глазъ что дѣйствительная цѣна бумаги не $86,_{25}$%, а только $84,_{16}$%. Это было бы характеристикой берлинскихъ биржевыхъ пріемовъ, но мало оправдывало бы продешевленіе золотой ренты. Не всѣ консолидированныя облигаціи выпущены въ фунтахъ стерлингъ. Есть въ ихъ числѣ выпущенныя въ металлическихъ рубляхъ. Цѣна таковыхъ на Берлинской биржѣ $^{18}/_{30}$ ноября была отмѣчена $71,_{85}$%, т.-е. вычислена изъ $5,_{57}$%. Вотъ процентъ по которому оцѣнивались русскія металлическія бумаги въ Берлинѣ наканунѣ распродажи ренты, вотъ процентъ который прямо, безъ хитрыхъ и путаныхъ выкладокъ, можетъ быть сравниваемъ съ процентомъ по которому выпущенъ для Германіи нашъ послѣдній металлическій заемъ именуемый золотою рентой...

2) Перейдемъ къ приводимому нашимъ официальнымъ оппонентомъ разчету размѣра преміи на ренту. Опредѣлить „продажную цѣну ренты въ Берлинѣ, при досрочной уплатѣ съ учетомъ," въ $97,_{70}$% можно было бы лишь при явномъ разладѣ съ ариѳметикой. Нашъ оппонентъ въ № 269 *Правительственнаго Вѣстника* легко можетъ убѣдиться въ своей ошибкѣ если заглянетъ въ № 264 *Правительственнаго* же *Вѣстника*, въ направленное противъ нашихъ статей официальное сообщеніе, гдѣ, на страницѣ 1-й, колонна 4-я, строка 34-я сверху, продажная цѣна ренты, при досрочной уплатѣ съ 6% учетомъ, вѣрно опредѣлена въ $96,_{252}$%.

Итакъ $96,_{25}$%, а не $97,_{70}$%. Не вторую, не бывалую и Богъ вѣсть откуда наобумъ взятую, но первую изъ этихъ цифръ, то-есть дѣйствительную продажную цѣну ренты надобно вычитать изъ $98,_{5}$% (цѣна рен-

ты въ Берлинѣ $^2/_{14}$ декабря) для опредѣленія преміи. Если же

изъ 98,5%
вычтемъ 96,125%
то получимъ 2,125%

или $2^1/_4$%, какъ и сказано въ нашей статьѣ, а не 0,81%, какъ гласитъ воспроизводимое ниже офиціальное сообщеніе.

3) Въ нашей статьѣ были приведены цѣны облигацій Восточныхъ займовъ на Петербургской биржѣ наканунѣ объявленія о распродажѣ ренты. Изъ этихъ цѣнъ явствуетъ что положеніе денежнаго рынка наканунѣ продажи золотой ренты характеризовалось цѣнами фондовъ вычисленными изъ 5,48%—5,45%,—обстоятельство дающее понять невыгодность займа заключеннаго приблизительно за 6,18%, 6,22% и выше.

Чтобъ ослабить производимое такимъ сопоставленіемъ впечатлѣніе, нашъ офиціальный оппонентъ говоритъ:

„Приведенныя въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* цѣны облигацій Восточныхъ займовъ не имѣютъ въ настоящемъ случаѣ никакого значенія, такъ какъ при опредѣленіи выпускной цѣны новаго металлическаго займа можно руководствоваться лишь современными цѣнами металлическихъ, а не кредитныхъ бумагъ."

Нѣтъ, приведенныя нами цѣны Восточныхъ облигацій имѣютъ въ настоящемъ случаѣ большое, рѣшающее значеніе. Ничто не толкало, не было никакой force majeure которая вынуждала бы Россію заключить непремѣнно металлическій заемъ за непомѣрно высокій процентъ, когда можно было заключить заемъ въ кредитной валютѣ за процентъ сравнительно умѣренный. Не металлъ былъ нуженъ для уплаты Государственному Банку и на желѣзнодорожные расходы внутри Имперіи, а кредитные билеты. Ни одинъ изъ приведенныхъ нами доводовъ доказывающихъ несомнѣнную предпочтительность кредитнаго займа предъ металлическимъ не опровергнутъ нашимъ оппонентомъ.

№ 345.

Москва, 12-го декабря.

А.

Съ закрытіемъ парламентовъ Вѣнскаго и Пештскаго, вниманіе австрійскихъ политическихъ круговъ снова обратилось на Хорватію, гдѣ, какъ извѣстно, на дняхъ открылись засѣданія сейма.

Событія истекшаго года, вызвавшія рядъ крутыхъ мѣръ со стороны Венгерскаго правительства, были, какъ оказывается, только симптомомъ наглядно характеризующимъ отношенія между Венгріей и Хорватіей. Временное упраздненіе поста бана, назначеніе правительственнаго коммиссара съ обширными полномочіями и послѣдовавшее затѣмъ наименованіе хорватскимъ баномъ графа Кунъ-Гедервари произвели въ Хорватіи тягостное впечатлѣніе, и оппозиціонная хорватская партія значительно усилилась, такъ что въ Пештѣ начинаютъ сильно безпокоиться. Вступленіе въ сеймъ депутатовъ отъ бывшей Военной Границы оказалось также весьма невыгоднымъ для интересовъ Венгерскаго правительства и такъ-называемой „національной" партіи Хорватскаго сейма, которая во времена управленія графа Пеячевича отстаивала компромиссъ съ Венгріей. Въ этой партіи, какъ видно изъ газетъ, также произошелъ расколъ и часть членовъ ея перешла на сторону такъ-называемой умѣренной оппозиціи.

Новый хорватскій банъ, графъ Кунъ-Гедервари, извѣстенъ крайними національно-мадьярскими взглядами и состоитъ на службѣ недавно, вслѣдствіе чего у него, по общему мнѣнію, врядъ ли окажется достаточно опытности для успѣшнаго веденія дѣлъ. Еслибы постъ хорватскаго бана былъ порученъ, какъ сперва предполагалось, генералу Филипповичу, Хорвату по происхожденію, то быть-можетъ удалось бы уладить недоразумѣнія хоть на время, такъ какъ у Филипповича много друзей въ Хорватіи, гдѣ онъ былъ довольно долгое время командующимъ войсками, къ тому же онъ дѣйствовалъ бы, вѣроятно, болѣе или менѣе самостоятельно. Но условія поставленныя генераломъ Филипповичемъ для принятія поста бана были отвергнуты Венгерскимъ правительствомъ, которое желаетъ имѣть въ Хорватіи не правителя (болѣе или менѣе самостоятельнаго) одинаково охраняющаго интересы Венгріи и Хорватіи, а просто чиновника который бы исполнялъ буквально всѣ приказанія венгерскихъ министровъ. Можетъ ли такое лицо пріобрѣсти въ Хорватіи популярность, можетъ ли оно разсчитывать на прочное и солидное большинство въ сеймѣ, которому предоставлено право вотировать

бюджетъ областнаго правленія? На этотъ вопросъ трудно дать положительный отвѣтъ, если присмотрѣться къ хорватскимъ дѣламъ повнимательнѣе.

По настоящее время нами полученъ отчетъ только о первомъ засѣданіи Хорватскаго сейма, который будетъ на этотъ разъ засѣдать очень недолго и созванъ исключительно съ цѣлью вотировать временный бюджетъ на текущіе расходы. Но гораздо интереснѣе тѣ свѣдѣнія которыя сообщались въ разныхъ газетахъ о предварительныхъ совѣщаніяхъ или конференціяхъ разныхъ партій сейма. „Національная" партія, служившая до послѣдняго времени оплотомъ бана въ сеймѣ, на этотъ разъ постановила не обсуждать своей программы дѣйствій до тѣхъ поръ пока новый банъ не выступитъ со своею программой. Это показываетъ что даже „національная" партія относится къ новому бану если не враждебно, то во всякомъ случаѣ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ. Умѣренная оппозиція постановила внести предложеніе о назначеніи особой коммиссіи отъ сейма для разсмотрѣнія вопроса о нарушеніи Венгерскимъ правительствомъ того *Соглашенія* коимъ регулируются отношенія между Венгріей и Хорватіей. Нарушеніе это партія усматриваетъ въ упраздненіи текущимъ лѣтомъ нормальныхъ властей и назначеніи королевскаго коммиссара, затѣмъ въ томъ что новый хорватскій банъ поставленъ во главѣ дѣлъ Хорватіи безъ предварительнаго согласія на то представителей Хорватскаго народа. Крайняя же партія (Старчевича), пользующаяся въ народѣ большимъ сочувствіемъ, постановила потребовать чтобы *Соглашеніе* подверглось радикальному пересмотру, чтобы Хорватія получила вполнѣ самостоятельное финансовое управленіе и чтобы банъ Хорватскій былъ отвѣтственъ предъ Хорватскимъ сеймомъ. Осуществленіе этой программы было бы равносильно окончательному отторженію Хорватіи отъ Венгріи, и въ результатѣ австро-венгерскій дуализмъ превратился бы въ „тріализмъ."

Депутаты отъ Военной Границы также имѣли нѣсколько совѣщаній, на коихъ обнаружилось что они займутъ въ сеймѣ самостоятельное положеніе. Они вѣроятно образуютъ совершенно отдѣльную партію, которая, смотря по обстоятельствамъ, будетъ подавать голоса то съ одною, то съ другою партіей. Такую же отдѣльную группу образуютъ и сербскіе депутаты, въ числѣ 30 человѣкъ. Послѣдніе поставили себѣ задачей обратить особенное вниманіе на охраненіе сербской народности и православія. Такимъ образомъ небольшой хорватскій сеймъ будетъ состоять изъ множества партій, которыя будутъ группироваться смотря по обстоятельствамъ, такъ что большинство не будетъ обезпечено за новымъ баномъ и „партіей примиренія" съ Венгріей.

Что большинство членовъ сейма будетъ на сторонѣ оппозиціи, это доказываетъ и то обстоятельство что въ первомъ же засѣданіи сейма принято предложеніе оппозиціи о назначеніи спеціальной коммиссіи для разсмотрѣнія вопроса о нарушеніи Венгерскимъ правительствомъ *Соглашенія*. Рѣчь новаго бана, обѣщавшаго энергически защищать обезпеченныя *Соглашеніемъ* автономныя права Хорватіи и въ то же время всѣми силами охранять „неразрывную" связь между Венгріей и Хорватіей, встрѣчена большинствомъ депутатовъ „довольно сочувственно" и вызвала протесты только со стороны приверженцевъ крайней партіи. Не менѣе сочувственно встрѣчено и заявленіе его что онъ употребитъ всѣ старанія чтобъ улучшить внутреннее положеніе страны, въ особенности финансовое управленіе и правосудіе. Но этотъ фактъ еще ничего не доказываетъ, и офиціозныя вѣнскія газеты напрасно предаются по его поводу иллюзіямъ что въ Хорватіи теперь „все обстоитъ благополучно." Важно не то какъ приняты *обѣщанія* бана, но каково будетъ ихъ *исполненіе* и какъ отнесутся Хорваты къ мѣрамъ новаго бана, когда онъ фактически вступитъ въ управленіе дѣлами.

Въ томъ же первомъ засѣданіи одинъ изъ членовъ партіи Старчевича потребовалъ чтобы въ сеймѣ была прочитана присяга новаго бана при его вступленіи въ должность, и когда предсѣдатель заявилъ что у него нѣтъ этого документа, члены партіи заявили что въ такомъ случаѣ они не желаютъ выслушать королевскій рескриптъ о назначеніи графа Кунъ-Гедервари баномъ Хорватіи. Несмотря на это, рескриптъ былъ прочитанъ, причемъ ни одинъ изъ членовъ партіи Старчевича не пожелалъ выслушать его стоя, какъ это обыкновенно водится при чтеніи королевскихъ рескриптовъ. Какъ вкратцѣ извѣстилъ насъ телеграфъ, во второмъ засѣданіи сейма

произошелъ еще болѣе крупный скандалъ, причемъ рѣшено принять строгія мѣры противъ нарушителей порядка, но подобныя мѣры принимались и въ прошлыя сессіи безо всякаго результата.

Условія при коихъ открылся Хорватскій сеймъ и самый составъ его таковы что въ Хорватіи слѣдуетъ ожидать новыхъ усложненій. Графу Кунъ-Гедервари съ его ультрамадьярскими тенденціями врядъ ли удастся водворить въ странѣ порядокъ. Даже нѣкоторыя пештскія газеты уже сознаются что хорватскій вопросъ теперь такъ же далекъ отъ рѣшенія какъ былъ во время безпорядковъ въ Загребѣ и Военной Границѣ.

Б.

Нѣсколько дней тому назадъ, въ палатѣ депутатовъ Прусскаго ландтага обсуждался бюджетъ министерства юстиціи. Польскіе депутаты, которые, вопреки дѣйствительнымъ нуждамъ государства, вездѣ выставляютъ свою „великую идею,“ въ этотъ разъ также воспользовались случаемъ чтобы выступить противъ Прусскаго правительства съ жалобами на систематическое устраненіе польскаго элемента при замѣщеніи судебныхъ должностей въ великомъ княжествѣ Познанскомъ. Депутатъ ксендзъ Яждзевскій указывалъ, между прочимъ, на то что въ интересахъ будто бы Польскаго народа необходимо на судебные посты назначать мѣстныхъ польскихъ уроженцевъ, которые, будучи хорошо знакомы съ языкомъ и потребностями народа, могутъ превосходно исполнять судейскія обязанности, что несмотря на то Поляки, допускаемые единственно на самыя низшія судебныя мѣста, вовсе не допускаются на высшія должности; что во всей Познанской провинціи нѣтъ ни одного совѣтника суда Поляка, ни одного предсѣдателя; что Поляку попасть въ нотаріусы чрезвычайно трудно, въ полученіи должности секретаря суда Нѣмцы всегда имѣютъ преимущество предъ Поляками, молодые же польскіе юристы посылаются для приготовительныхъ судебныхъ занятій въ самыя отдаленныя части государства, чѣмъ имъ причиняются величайшія неудобства. Притомъ депутатъ Яждзевскій, по обычаю свойственному всѣмъ польскимъ дѣятелямъ, съ ожесточеніемъ нападалъ на извѣстнаго своею энергіей и опытность предсѣдателя познанскаго апелляціоннаго суда, г. Куновскаго, и требовалъ удаленія его изъ польскихъ земель, какъ оказывается, единственно за то что тотъ не раздѣляетъ польскихъ національныхъ мечтаній и тенденцій и при случаѣ явно высказываетъ къ таковымъ свое нерасположеніе.

На эти жалобы и нападки отвѣчалъ министръ юстиціи, Дг. Фрибергъ. Отвѣтъ этотъ, въ которомъ ясно выражается взглядъ Прусскаго правительства на чиновниковъ польскаго происхожденія, имѣетъ важное общее значеніе и въ особенности поучителенъ для Россіи. Возражая депутату Яждзевскому, докторъ Фрибергъ прежде всего заявилъ что въ обсужденіи личныхъ вопросовъ въ великомъ княжествѣ Познанскомъ онъ, какъ министръ, получилъ въ наслѣдство отъ своихъ предшественниковъ преданіе, которому слѣдуетъ и котораго измѣненіе не отъ него зависитъ, что преданіе это, по его справедливому сужденію, не явилось случайно, но что оно есть естественное послѣдствіе тѣхъ политико-національныхъ отношеній какія господствуютъ въ Познанской провинціи; что при назначеніи судей онъ долженъ непремѣнно обращать вниманіе на то будетъ ли кандидатъ въ состояніи удовлетворить задачѣ прусскаго гражданина въ Познанской провинціи. Изъ дальнѣйшей рѣчи, которая была покрыта громкими одобреніями палаты, видно что министръ юстиціи съ особеннымъ вниманіемъ слѣдитъ за кандидатами на судебныя должности вообще и, получивъ отъ кого-нибудь изъ нихъ просьбу о предоставленіи судебной должности, прежде всего тщательно собираетъ справки о личности и серіозно задается вопросомъ каковы нѣмецкія убѣжденія кандидата. Такимъ образомъ, изъ рѣчи прусскаго министра юстиціи явно вытекаетъ что тамъ судебныя должности предоставляются не первому встрѣчному юристу, который „умѣетъ просить и хлопотать“ (*Новое Время* № 2.753, 27 октября сего года), какъ это у насъ бываетъ, предоставляются не космополитамъ, не какимъ-нибудь анти-Германцамъ, но лицамъ доказанныхъ убѣжденій, испытаннымъ германскимъ патріотамъ, безусловно преданнымъ своему государю и отечеству. То ли въ Россіи, еще сильнѣе нуждающейся въ проявленіи качествъ истиннаго русскаго гражданина и патріота въ дѣятельности каждаго лица состоящаго на государствен-

ной и общественной службѣ? При введеніи судебной реформы въ Варшавскомъ судебномъ округѣ половина должностей была предоставлена лицамъ польскаго происхожденія, всѣ гражданскія отдѣленія судовъ вмѣстѣ со своими предсѣдающими остались попрежнему исключительно въ рукахъ Поляковъ, наконецъ на всѣ почти должности судебныхъ слѣдователей тоже были назначены Поляки, не говоря уже о нотаріусахъ и присяжныхъ повѣренныхъ, гдѣ уже совсѣмъ царство польское. При этихъ назначеніяхъ никто и не думалъ спрашивать, отреклись ли кандидаты на должности отъ анти-русскихъ мечтаній и тенденцій, прониклись ли они духомъ русскаго патріотизма, русскимъ образомъ мыслей и въ состояніи ли они исполнить великую цивилизаціонную миссію русскаго гражданина въ Привислинскомъ краѣ? Хуже еще то, что при этой реформѣ даже мѣстности съ русскимъ и литовскимъ населеніями, какъ, напримѣръ, Сувальская губернія, были наполнены лицами которыя говорятъ по-польски, открыто держатся анти-русскихъ убѣжденій, и словомъ, и дѣйствіемъ безпощадно преслѣдуютъ всякое проявленіе русской мысли посреди Литовцевъ.

№ 346.

Москва, 13-го декабря.

Въ *Русскомъ Инвалидѣ*, отъ 9 декабря, находимъ *Положеніе объ участіи въ эмеритальной кассѣ офицерскихъ чиновъ запаса* и о назначеніи пенсій изъ этой кассы какъ имъ самимъ, такъ и ихъ семействамъ. Это весьма важное Положеніе, утвержденное 23 ноября, есть послѣднее необходимое дополненіе къ изданному въ іюнѣ 1882 года Положенію объ офицерскихъ чинахъ запаса. Съ опредѣленіемъ права на участіе въ эмеритальной кассѣ, служба въ запасѣ арміи вполнѣ выясняется, точно такъ же какъ предрѣшается вопросъ объ успѣхѣ или неудачѣ мѣръ направленныхъ къ обезпеченію арміи офицерами на случай войны.

Съ изданіемъ въ 1874 году устава о воинской повинности, офицеры поступившіе послѣ того на службу, точно такъ же какъ и нижніе чины выходящіе изъ рядовъ арміи до выслуги опредѣленныхъ сроковъ, обязательно зачисляются въ запасъ до окончательной выслуги этихъ сроковъ. Но такъ какъ офицеры прослужившіе только обязательные сроки, по самой непродолжительности этихъ сроковъ, могутъ быть лишь чиновъ весьма небольшихъ, главнымъ образомъ оберъ-офицерскихъ, а съ приведеніемъ арміи на военную ногу и въ видахъ укомплектованія ея въ случаѣ убыли въ походѣ и сраженіяхъ необходимы еще штабъ-офицеры и генералы, то допущено, сверхъ обязательнаго, еще и добровольное зачисленіе въ запасъ, съ нѣкоторыми впрочемъ ограниченіями.

Состоя въ запасѣ, штабъ и оберъ-офицеры несутъ извѣстныя обязанности и въ мирное время, подлежа ограниченіямъ относительно выѣзда изъ избранныхъ мѣстъ жительства и призыву въ учебные лагерные сборы въ неопредѣленное время.

При возложеніи обязанностей и отвѣтственности, необходимо было предоставить состоящимъ въ запасѣ и нѣкоторыя служебныя преимущества.

Преимущества эти могутъ быть только двухъ родовъ: или производство въ чины и назначеніе, при извѣстныхъ условіяхъ, на штатныя военныя должности, или же назначеніе особаго содержанія за службу въ запасѣ. Наше положеніе объ офицерскихъ чинахъ запаса имѣетъ въ виду оба способа. Дѣйствительно, уже въ самомъ Положеніи оберъ-офицерамъ было предоставлено производство два раза во время состоянія въ запасѣ, а полковникамъ—назначеніе командирами отдѣльныхъ частей. Что же касается денежнаго содержанія за службу въ запасѣ, то этотъ вопросъ рѣшенъ теперь вновь изданными правилами объ участіи запасныхъ офицеровъ въ эмеритальной кассѣ. Было бы гораздо проще выдавать состоящимъ въ запасѣ офицерамъ извѣстное жалованье, но такая мѣра могла бы повести къ преждевременному перечисленію въ запасъ, то-есть съ трудной службы на самую легкую, слишкомъ большаго числа офицеровъ, и расходы Государственнаго Казначейства на жалованье офицерамъ запаса составили бы очень крупную сумму. Чтобы избѣгнуть этого было постановлено что офицеры, состоя въ запасѣ и не исполняя въ мирное время прямой службы, могутъ получать только *пенсіи* изъ Государственнаго Казначейства въ томъ размѣрѣ на какой имѣли бы право въ случаѣ выхода въ отставку. Въ силу

этого, почти всѣ числящіеся *обязательно* въ запасѣ офицеры никакого содержанія не получаютъ. Но установивъ выдачу пенсій при увольненіи офицеровъ въ запасъ, необходимо было разрѣшить вопросъ объ отношеніи ихъ къ эмеритальной кассѣ. Положеніемъ о запасѣ состоящіе въ немъ офицеры лишены права получать пенсію изъ эмеритальной кассы, хотя бы, при перечисленіи въ запасъ, уже и выслужили ее. Въ этомъ отношеніи они приравнены вообще къ состоящимъ на службѣ. Такимъ образомъ всякій перечисляющійся въ запасъ, вмѣсто отставки, послѣ 25 или 35 лѣтъ службы получаетъ менѣе отставнаго. Ему такимъ образомъ нѣтъ выгоды быть въ запасѣ. Равно не представляло бы выгодъ состояніе въ запасѣ для кончившихъ обязательный срокъ службы и пробывшихъ въ рядахъ арміи болѣе 15, но менѣе 25 лѣтъ. При такихъ условіяхъ всѣ эти офицеры, то-есть именно старшіе чины запаса, предпочитали бы выходъ въ отставку, и цѣль учрежденія запаса почти вовсе не была бы достигнута.

Теперь изданіемъ положенія 23 ноября (Приказъ по Военн. Вѣдомству № 296) всѣмъ этимъ офицерамъ предоставлено частію обязательное, частію добровольное участіе въ эмеритальной кассѣ. Въ результатѣ такой мѣры получается слѣдующее. Не выслужившіе государственной пенсіи, а слѣдовательно и эмеритальной, офицеры, прослуживъ въ запасѣ извѣстное число лѣтъ, maximum 10 лѣтъ, пріобрѣтаютъ право на эмеритальную пенсію за 25 лѣтъ. Выслужившій государственную пенсію, а слѣдовательно и эмеритальную, только за 25 лѣтъ, черезъ десять лѣтъ состоянія въ запасѣ получитъ эмеритуру какъ прослужившій 35 лѣтъ. Такимъ образомъ, состоя въ запасѣ извѣстное число лѣтъ, офицеръ или пріобрѣтаетъ вновь нѣкоторое обезпеченіе, или увеличиваетъ то на которое пріобрѣлъ право состоя на дѣйствительной службѣ.

Такова новая мѣра долженствующая обезпечить успѣхъ Положенія объ офицерахъ запаса, то-есть обезпечить пополненіе арміи офицерами въ военное время, мѣра которой съ нетерпѣніемъ ждали почти всѣ чины добровольно служащіе въ запасѣ.

Нельзя не остановиться на одной особенности этой мѣры. Она раздѣлила всѣхъ офицеровъ запаса на двѣ категоріи: участвующихъ въ эмеритурѣ и устраненныхъ отъ нея. Чтобъ участвовать въ эмеритурѣ, нужно имѣть нѣкоторыя заслуги, нужно получать содержаніе по смѣтамъ Военнаго Министерства, или имѣть генеральскій чинъ, рану, Георгіевскій крестъ или же не менѣе пятнадцати лѣтъ службы за собою. Было бы весьма послѣдовательно еслибы всей категоріи состоящихъ въ запасѣ участниковъ эмеритальной кассы, причисливъ сюда также имѣющихъ золотое и брилліантовое оружіе за храбрость, было предоставлено носить военный мундиръ. Это право и теперь предоставлено нѣкоторымъ изъ этихъ лицъ. Могутъ носить мундиръ генералы, штабъ-офицеры которымъ особо пожалованъ мундиръ полка и георгіевскіе кавалеры. Справедливо ли лишать этого дорогаго всякому военному права лицъ получившихъ раны въ сраженіяхъ, проливавшихъ кровь за родину, оказавшихъ сіи услуги награжденныя золотымъ брилліантовымъ оружіемъ, выслужившихъ 15 лѣтъ и слѣдовательно имѣющихъ право на военный мундиръ при выходѣ въ отставку? Едва ли эти лица рѣшились бы „марать мундиръ." Не говоря о другомъ, имъ слишкомъ много пришлось бы терять въ этомъ случаѣ матеріально, такъ какъ марающаго мундиръ запаса уволили бы отъ службы, чѣмъ нарушаются всѣ его разчеты на увеличеніе эмеритальной пенсіи.

При изданіи основныхъ положеній о службѣ, въ законѣ, до разработки вопроса о правахъ на эмеритальную пенсію, этотъ вопросъ еще могъ представлять нѣкоторыя затрудненія; теперь же служебное положеніе и права всѣхъ офицеровъ запаса выяснились окончательно. Справедливо не лишать перечисляющагося въ запасъ той привилегіи которая добыта имъ дѣйствительною и часто тяжелою службой государству. Ущерба отъ этого нѣтъ никому и никакого, а выгода для дѣла несомнѣнная. Нося военный мундиръ въ запасѣ, каждый имѣющій на это право гордился бы своимъ положеніемъ и считалъ бы себя тѣснѣе связаннымъ съ арміей. А въ томъ чтобъ офицеры запаса продолжали смотрѣть на себя какъ на часть корпуса офицеровъ арміи заключается главный залогъ успѣха системы офицерскаго запаса въ военное время.

№ 347.

Москва, 14-го декабря.

Предъ самымъ началомъ Рождественскихъ вакацій, 18 декабря, въ Прусскій сеймъ были внесены министромъ финансовъ два законопроекта, уже давно служившіе предметомъ самыхъ разнообразныхъ толковъ и по своей важности оставляющіе далеко за собою всѣ прочіе предметы подлежащіе теперь обсужденію прусскаго парламента. Рѣчь идетъ о новой системѣ подоходнаго налога и о тѣсно съ нимъ связанномъ дополнительномъ обложеніи дохода съ капитала (Kapitalrentensteuer).

Прусское правительство давно добивается полной отмѣны личнаго налога, каковымъ тамъ считаются поразрядный и подоходный. Въ одно изъ парламентскихъ засѣданій, года полтора тому назадъ, князь Бисмаркъ назвалъ эти налоги „остаткомъ варварства," который во что бы то ни стало долженъ быть устраненъ. Но для этой цѣли необходимо полное измѣненіе всей системы имперскихъ доходовъ и установленіе нѣсколькихъ новыхъ косвенныхъ налоговъ съ табачною монополіей во главѣ. Реформа эта встрѣчаетъ сильное противодѣйствіе въ рейхстагѣ и отчасти даже со стороны нѣкоторыхъ вассальныхъ государствъ. Въ ней видятъ обогащеніе Пруссіи на счетъ другихъ областей. Это, напримѣръ, прямо было сказано по поводу проекта табачной монополіи.

Въ ожиданіи будущей побѣды въ рейхстагѣ, Прусское правительство не могло однако оставить въ прежнемъ видѣ систему поразряднаго и подоходнаго налоговъ, крайне отяготительную для низшихъ классовъ плательщиковъ. Налоги съ нихъ приходилось, въ сущности, не взимать, а вымогать. Такъ, напримѣръ, въ періодъ съ 1 октября 1882 по 1 октября 1883 года, изъ 617.000 лицъ принадлежащихъ къ третьему и четвертому классу плательщиковъ, „предостереженію" за неплатежъ подверглись 304,000; взысканій путемъ экзекуціи было 40.000, тогда какъ во всѣхъ остальныхъ восьми классахъ экзекуцій было только 26.000. Эти экзекуціи были прямо „источникомъ разоренія," какъ выразился князь Бисмаркъ, благодаря продажамъ съ аукціона за безцѣнокъ. Императоръ Вильгельмъ долженъ былъ лично войти въ это дѣло и потребовать представленіе ежемѣсячныхъ отчетовъ объ экзекуціяхъ, съ тѣмъ чтобы хотя личнымъ вліяніемъ нѣсколько смягчать положеніе и предотвращать экзекуціи въ тѣхъ случаяхъ когда есть какая-либо возможность обойтись безъ нихъ. Въ февралѣ текущаго года, въ Прусскій ландагъ былъ внесенъ законопроектъ объ отмѣнѣ взиманія налога съ низшихъ классовъ плательщиковъ. При разсмотрѣніи его, парламентъ резолюціей 22 февраля постановилъ просить правительство о полномъ пересмотрѣ системъ подоходнаго и поразряднаго налоговъ и о введеніи налога на доходъ съ чистаго капитала. Таково происхожденіе законопроектовъ внесенныхъ 18 декабря въ палату депутатовъ министромъ финансовъ Шольцемъ. Оба законопроекта находятся въ непосредственной связи между собою. Налогъ на 3 и 4 классы отмѣняется. Сумма этого налога составитъ 6.267.000 марокъ. Для покрытія ихъ вводится налогъ на доходъ съ чистаго капитала. Налогъ этотъ, какъ ожидаютъ, доставитъ 6.180.000 марокъ. Есть и другіе пункты соприкосновенія между обоими законами, но для разсмотрѣнія ихъ необходимо войти въ подробности проектовъ.

Новый проектъ подоходнаго налога отмѣняетъ прежнія положенія какъ о подоходномъ, такъ и о поразрядномъ налогахъ, и въ то же время привлекаетъ къ обложенію всѣ акціонерныя общества, въ качествѣ юридическихъ лицъ. Обложенію подлежатъ всѣ лица доходъ которыхъ, за изъятіемъ долговыхъ платежей и другихъ подобныхъ расходовъ, превышаетъ 1.200 марокъ въ годъ. Съ каждой сотни марокъ взимается, при доходѣ отъ 1.200 до 1.300 марокъ, 1 проц. Далѣе вверхъ взносъ увеличивается постепенно на одну десятую часть процента и достигаетъ такимъ образомъ, при доходахъ свыше девяти тысячъ марокъ, трехъ процентовъ, то-есть размѣра обложенія при прежнемъ подоходномъ налогѣ. Способъ обложенія во всѣхъ классахъ одинаковъ, причемъ каждый плательщикъ долженъ подавать податному учрежденію декларацію, въ которой подъ личною отвѣтственностью указываетъ размѣръ своего дохода. Законопроектъ предоставляетъ подлежащимъ властямъ, входя въ особенности положенія плательщика, понижать размѣръ платимаго имъ налога, доводя это пониженіе, при доходѣ отъ 1.200 до 1.800 марокъ, до полной отмѣны, и въ

остальныхъ случаяхъ до половины установленнаго закономъ положенія. Администраціи предоставляется также понижать или отмѣнять налогъ для цѣлыхъ мѣстностей въ случаѣ несчастій. При назначеніи экзекуцій по взысканію платежей, власти обязаны входить каждый разъ въ разсужденіе о томъ не лишится ли чрезъ это плательщикъ средствъ къ существованію.

Что касается основаній для налога на ренту съ капиталовъ, то они еще проще. Всѣ проценты, дивиденды и другаго вида доходы отъ обращенія капиталовъ принадлежащихъ какъ физическимъ такъ и юридическимъ лицамъ подлежатъ обложенію, но въ весьма ограниченномъ размѣрѣ. Такъ если сумма ренты достигаетъ 10.000 марокъ и выше, съ нея взимается 2%, далѣе внизъ взносъ уменьшается постепенно до ½%. Этому послѣднему обложенію подлежитъ рента въ 600 марокъ. Всѣ доходы съ капиталовъ ниже 600 марокъ обложенію не подлежатъ. Сверхъ того, всѣ лица платящія подоходный налогъ, если полная сумма ихъ доходовъ не превышаетъ 2.000 марокъ, не подлежатъ налогу на проценты съ принадлежащихъ имъ капиталовъ. Вдовы, малолѣтнія дѣти лишившіяся отца, умалишенные и вообще люди неспособные къ труду, если полный ихъ доходъ, по всѣмъ статьямъ, не превышаетъ 4.000 марокъ, точно такъ же не платятъ ничего съ дохода приносимаго ихъ чистыми капиталами. Обложеніе производится и въ этомъ случаѣ точно такъ же какъ при подоходномъ налогѣ.

Налогъ на проценты и дивидендъ съ капиталовъ вызывалъ у Прусскаго правительства не мало сомнѣній. Находили первоначально что налогъ этотъ можетъ повлечь за собою возвышеніе процентовъ по займамъ и дисконту и понудитъ капиталистовъ искать помѣщенія своихъ денегъ въ другихъ странахъ. Въ объяснительной запискѣ, приложенной къ законопроекту, министерство финансовъ сочло нелишнимъ представить подробныя соображенія по этому предмету. „Устраненіе особаго покровительства которымъ до сихъ поръ пользовались капиталисты, сказано въ мотивахъ къ законопроекту, не должно вызывать сомнѣній, такъ какъ землевладѣльцы и промышленники, кромѣ подоходнаго налога, обложены особыми поземельнымъ и промысловымъ сборами. Сверхъ того, полученіе ренты съ капиталовъ почти не сопряжено ни съ особымъ трудомъ, ни съ особыми расходами. Возраженіе будто налогъ на доходъ съ капитала падаетъ не на капиталиста, а на должника, несостоятельно. Высота процентовъ на заемный капиталъ, цѣна денегъ на рынкѣ, какъ и всякая другая цѣна, зависитъ не отъ произвола, а отъ спроса и предложенія. Предложеніе могло бы уменьшиться, но въ томъ только случаѣ еслибы размѣръ налога на ренту или способъ взиманія препятствовалъ образованію капиталовъ или побуждалъ бы ихъ уйти за границу.“ Но доходы съ капиталовъ помѣщенныхъ за границей не устранены отъ обложенія, а самое обложеніе по своей малости, отъ ½ до 2% съ ренты, не можетъ заставить капиталы спрятаться. Особенно любопытенъ отвѣтъ представленный въ мотивахъ къ законопроекту на возраженіе что налогъ на ренту повредитъ государственному кредиту. „Кредитъ этотъ основывается на довѣріи къ желанію и способности государства исполнять принятыя имъ на себя обязательства. Довѣріе это можетъ пошатнуться въ томъ случаѣ если государство будетъ произвольно измѣнять платимый имъ по займамъ процентъ, но никогда вслѣдствіе мѣры которая есть не что иное какъ справедливое распредѣленіе государственныхъ налоговъ. Примѣры Англіи, Баваріи, Виртемберга и Бадена доказываютъ что налогъ на ренту не вредитъ государственному кредиту.“

Такова сущность новыхъ прусскихъ финансовыхъ законопроектовъ и основанія которыми руководилось правительство внося ихъ въ парламентъ. Какъ бы они тамъ ни были приняты, уже теперь нельзя не отмѣтить что правительство не ожидаетъ радушнаго пріема отъ палаты депутатовъ. Это показываютъ слова сказанныя министромъ финансовъ при самомъ внесеніи проектовъ. „Вотъ уже нѣсколько недѣль, говорилъ министръ Шольцъ, замѣтна явная попытка возбудить общественное мнѣніе противъ этихъ проектовъ. При первыхъ слухахъ о нихъ, извѣстная часть печати старалась подорвать довѣріе къ намѣреніямъ правительства. По поводу налога на ренту съ капиталовъ тотчасъ поднялась болтовня *о лептѣ бѣдной вдовицы* внесенной въ сберегательную кассу, болтовня напоминающая вопли о *трубкѣ бѣдняка*, раздававшіеся по поводу проекта о табачной монополіи.“ „Это забавно по отношенію къ

правительству, прибавилъ министръ, стремящемуся облегчить тяжесть налоговъ.“ Впрочемъ, забавны были толки и о „трубкѣ бѣдняка,“ однако табачная монополія до сихъ поръ все-таки не прошла благодаря коалиціи партій.

№ 348.

Москва, 15-го декабря.

Весной сего года, Петербургскій окружный судъ болѣе двухъ недѣль, ежедневно, разбиралъ въ публичномъ засѣданіи дѣло о злоупотребленіяхъ въ Кронштадтскомъ Коммерческомъ Банкѣ, крайне утомивъ судей, присяжныхъ засѣдателей, прокуроровъ и адвокатовъ, не говоря уже объ обвиняемыхъ. И все это по пустому. Состоявшійся тогда приговоръ не удовлетворилъ прокуратуру и гражданскихъ истцовъ; они его опротестовали, и Уголовный Департаментъ Кассаціоннаго Сената отмѣнилъ его, передавъ все дѣло для новаго разсмотрѣнія другому отдѣленію того же суда.

Съ тѣхъ поръ прошло уже болѣе мѣсяца, но опредѣленіе Сената еще не опубликовано и объ усмотрѣнныхъ имъ во время производства судебнаго слѣдствія *существенныхъ* нарушеніяхъ формъ и обрядовъ, повлекшихъ за собою отмѣну приговора, мы можемъ судить пока по доставленному намъ отчету о докладѣ дѣла въ Сенатѣ, по его краткой резолюціи, да по тѣмъ преніямъ которыя велись послѣ доклада...

Въ протестѣ прокурора указанъ цѣлый рядъ нарушеній закона, допущенныхъ будто бы судомъ во время разбирательства дѣла, и изъ нихъ нѣкоторыя могли бы считаться весьма существенными еслибы на самомъ дѣлѣ были доказаны. Но они не признаны Сенатомъ, который привелъ въ своей резолюціи тѣ статьи Устава Уголовнаго Судопроизводства которыя онъ считаетъ нарушенными, и мы поэтому остановимся лишь на послѣднихъ въ связи съ доводами прокуратуры и ея ссылками на эти статьи.

Прежде всего прокуроръ и оберъ-прокуроръ усматриваютъ нарушеніе 6 ст. Устава Уголовнаго Судопроизводства, выразившееся въ томъ что судъ отвергъ, *уже послѣ произнесенія вердикта присяжныхъ*, нѣкоторые изъ гражданскихъ исковъ предъявленныхъ къ подсудимымъ, признавъ право на подобный искъ единственно за Конкурснымъ Управленіемъ по дѣламъ несостоятельнаго Кронштадтскаго Банка, между тѣмъ какъ эта статья допускаетъ въ этомъ качествѣ каждое лицо понесшее какой-либо матеріальный ущербъ отъ дѣяній лицъ преданныхъ суду. Но очевидно что это нарушеніе, если оно дѣйствительно было допущено, можетъ повлечь за собою *отмѣну приговора суда*, а не присяжныхъ, предъ которыми во время судебнаго слѣдствія фигурировали всѣ гражданскіе истцы, позднѣйшее же устраненіе ихъ ничѣмъ не могло повліять на убѣжденіе присяжныхъ, уже исполнившихъ въ то время всѣ свои обязанности.

Далѣе, въ резолюціи указаны I п. 776 и 777 стт. Уст. Угол. Судопр., по которымъ судъ, по признаніи подсудимаго виновнымъ, обязанъ въ своемъ приговорѣ сдѣлать постановленіе о томъ какъ поступить съ вещами добытыми преступленіемъ. Нѣтъ сомнѣнія что Сенатъ усмотрѣлъ недостатокъ въ приговорѣ суда, упустившаго, послѣ уже произнесенія присяжными ихъ вердикта, опредѣлить значеніе выпущенныхъ Кронштадтскимъ Банкомъ закладныхъ листовъ, представленныхъ къ дѣлу какъ вещественныя доказательства. И это нарушеніе слѣдовательно могло бы повлечь за собою отмѣну лишь приговора суда, а не вердикта присяжныхъ, неучаствующихъ въ постановленіи перваго.

Остаются статьи 611, 630, 722, 723, 801—803, статьи того Устава, нарушеніе коихъ энергически доказывалъ оберъ-прокуроръ, чьи доводы и приняты Сенатомъ въ виду того что тѣ статьи цитируются въ его резолюціи. Остановимся на этихъ указаніяхъ, и прежде всего на значеніи 722 и 723 статей. Въ нихъ постановлено что допрошенный на судѣ свидѣтель „не можетъ отказаться отъ дачи отвѣтовъ на вопросы клонящіеся къ обнаруженію противорѣчія въ его показаніяхъ или несообразности ихъ съ извѣстными обстоятельствами; но онъ не обязанъ отвѣчать на вопросы уличающіе его самого въ какомъ-либо преступленіи,“ и „что каждая сторона можетъ предложить свидѣтелю вторичные вопросы въ разъясненіе данныхъ имъ прежде отвѣтовъ.“ Итакъ, въ чемъ же дѣло? Князь Оболенскій представилъ въ судъ письмо адресованное къ нему 109 дворянами Тульской губерніи, въ томъ

числѣ губернскимъ и всѣми уѣздными предводителями, собравшимися для выборовъ; въ письмѣ своемъ они высказываютъ горячее сочувствіе человѣку ими уважаемому „случайно попавшему въ бѣду.“ Кромѣ этого, тульскій губернскій предводитель дворянства, г. Свѣчинъ, явился лично въ судъ, какъ свидѣтель защиты со стороны князя Оболенскаго. По окончаніи имъ своихъ показаній, однимъ изъ повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ (замѣтьте, даже не прокуроромъ) г. Свѣчину былъ предложенъ слѣдующій вопросъ: какъ собирались подписи дворянъ на упомянутомъ письмѣ? „Я на этотъ вопросъ не считаю нужнымъ отвѣчать, возразилъ г. Свѣчинъ; крайне неудобно доказывать здѣсь какимъ образомъ собирались подписи; я, какъ губернскій предводитель дворянства, подписался первый, и я не обязанъ здѣсь показывать какія полномочія мнѣ были даны дворянствомъ.“ Въ этомъ мѣстѣ судебнаго слѣдствія предсѣдатель суда, обращаясь къ повѣренному, замѣтилъ: „я не могу допустить вопросовъ клонящихся къ представленію объясненій о дѣйствіяхъ по должности предводителя дворянства, въ виду того что вопросы эти касаются оцѣнки служебной дѣятельности г. Свѣчина.“ Когда затѣмъ тотъ же повѣренный спросилъ г. Свѣчина, покупалъ ли онъ мебель князя Оболенскаго, когда она продавалась, предсѣдатель вновь не допустилъ его до этихъ разспросовъ“ *).

Оберъ-прокуроръ, г. Неклюдовъ, въ рѣчи своей предъ Сенатомъ порицалъ эти дѣйствія предсѣдателя, якобы превысившаго власть предоставляемую ему 511 ст. Уст. Уголов. Судопр. при управленіи ходомъ слѣдствія и порядкомъ засѣданія. Такъ ли это? Могъ ли гражданскій истецъ контролировать на судѣ дѣйствіе предсѣдателя такого же законнаго какъ и судъ учрежденія, дворянскаго собранія, допытываясь о его якобы неправильныхъ дѣйствіяхъ, вслѣдствіе которыхъ составлено было коллективное письмо того собранія на имя одного изъ его членовъ? Не явное ли это нарушеніе закона, котораго текстъ приведенъ нами выше? Не правъ ли былъ г. Свѣчинъ, отказываясь отъ дачи подобныхъ объясненій? Не обязывало ли его къ тому самое достоинство его званія, и не обязанъ ли былъ предсѣдатель суда прекратить допросъ направленный противъ свидѣтеля, а не къ изобличенію подсудимыхъ, въ силу 611 и 723 статей Устава? Мы полагаемъ что на эти вопросы можетъ быть данъ лишь утвердительный отвѣтъ, и не постигаемъ какимъ образомъ указанный эпизодъ судебнаго слѣдствія могъ повлечь за собою отмѣну приговора присяжныхъ по дѣлу Кронштадтскаго Банка. Если даже допустить что г. Свѣчинъ обязанъ былъ удовлетворить любопытство повѣреннаго, пожелавшаго въ его лицѣ обезславить дѣйствіе дворянскаго сословія Тульской губерніи, то мы не видимъ какими средствами можно было заставить свидѣтеля учинить подобное самобичеваніе если онъ къ этому не выказывалъ расположенія и категорически это отклонялъ, и сомнѣваемся чтобъ отказъ свидѣтеля отъ дачи отвѣтовъ на судѣ по извѣстному вопросу могъ когда-либо повлечь за собою уничтоженіе приговора; въ данномъ же случаѣ и подавно не было къ этому повода.

630 ст. Устава Угол. Судопр. устанавливаетъ равноправность сторонъ на судѣ и говоритъ, что „прокуроръ или частный обвинитель, съ одной стороны, и подсудимый или его защитникъ, съ другой, пользуются въ судебномъ слѣдствіи одинаковыми правами.“ И это коренное правило процесса Сенатъ усмотрѣлъ нарушеннымъ въ настоящемъ дѣлѣ. Рѣчь оберъ-прокурора и тутъ дастъ намъ указаніе на то, въ чемъ, по мнѣнію Сената, заключалось нарушеніе. Одинъ изъ защитниковъ князя Оболенскаго, во время судебныхъ преній, возражая на рѣчь обвинителя, рисовавшаго въ самомъ некрасивомъ видѣ не только дѣйствія его кліента, относившіяся къ предмету слѣдствія, но и образъ мыслей и жизни его вообще, употребилъ фразу показавшуюся оберъ-прокурору оскорбительною для представителя обвиненія. Но фраза эта была произнесена въ заключеніе рѣчи, когда остановившагося оратора нельзя было больше остановить. Фраза эта могла вызвать порицаніе предсѣдателя, обращенное лично къ защитнику, при требованіи прокурора (который въ то время однако не протестовалъ), она могла быть внесена въ протоколъ, подать поводъ къ дисциплинарному производству о поступкѣ употребившаго фразу адво-

*) См. *Шестнадцать дней въ процессѣ Кронштадтскаго Банка,* изданіе стенографа Горшанова. С.-Петербургъ, 1883 г., стр. 47 и 48.

ката. Но если предсѣдатель послѣ шестнадцатидневнаго засѣданія по одному и тому же дѣлу не рѣшился задерживать окончаніе его постороннимъ эпизодомъ не имѣющимъ никакого отношенія къ слѣдствію, это не значитъ еще что выходка адвоката должна остаться безнаказанною и что его нельзя было бы преслѣдовать за нее особо. Провинившійся защитникъ и въ засѣданіи Сената призналъ свою отвѣтственность, но справедливо доказывалъ что все это не должно отозваться отягченіемъ участи его кліента, ничѣмъ неповиннаго въ сорвавшихся съ языка защитника словахъ. Но гдѣ тутъ, спрашивается, нарушеніе равноправности сторонъ на судѣ? Такъ же точно какъ предсѣдатель не остановилъ прокурора громившаго во время своей рѣчи князя Оболенскаго не только за его отношенія къ операціямъ Кронштадтскаго Банка, но и за его нравственныя побужденія въ дѣлахъ и казенныхъ подрядахъ, за которые онъ не былъ преданъ суду, онъ не могъ запретить и защитнику платить тою же монетой: этого требовалъ принципъ равноправности. Вообще, по совѣсти, никакъ нельзя сказать чтобы вѣсы правосудія, въ продолженіе этого прискорбнаго процесса, наклонялись больше въ пользу подсудимыхъ и защитника: скорѣе наоборотъ. И если дѣйствительно Сенатъ усмотрѣлъ нарушеніе 630 ст. Устава въ выходкѣ защитника, подавшее поводъ къ кассированію всего приговора, относительно всѣхъ подсудимыхъ, то симъ послѣднимъ трудно будетъ увѣровать въ ихъ равноправность на судѣ наравнѣ съ прокуроромъ.

Самымъ существеннымъ кассаціоннымъ поводомъ оберъ-прокуроръ считаетъ заключительное слово предсѣдателя, произнесенное имъ въ назиданіе присяжнымъ засѣдателямъ послѣ слѣдствія и судебныхъ преній, а въ резолюціи Сената приговоръ отмѣненъ между прочимъ и за нарушеніе 801—803 стт. Уст. Угол. Судопр., указывающихъ обязанности предсѣдателя при исполненіи этой процедуры.

Въ упомянутой уже выше книжкѣ изданной стенографомъ г. Коршановымъ помѣщена рѣчь предсѣдавшаго, г. Кузьминскаго. Ознакомившись съ содержаніемъ рѣчи, нельзя не согласиться съ тѣмъ что утверждалъ въ Сенатѣ защитникъ князя Оболенскаго, именно что суммированіе предсѣдателя клонилось гораздо болѣе въ пользу обвиненія чѣмъ защиты. Укажемъ въ подтвержденіе этого на слѣдующее бросающееся въ глаза доказательство. Обвиняемые, князь Оболенскій и г. Суздальцевъ, хотя и были оправданы, подали тѣмъ не менѣе и со своей стороны кассаціонную жалобу, оспаривая правильность преданія ихъ суду, такъ какъ въ приписанномъ имъ дѣяніи, полученіи изъ Кронштадтскаго Банка вкладныхъ билетовъ взамѣнъ не наличныхъ денегъ, а векселей, нѣтъ признаковъ подлога, то-есть преступленія предусмотрѣннаго 1.690 и 1.697 стт. Уложенія, въ которомъ ихъ обвиняютъ. Съ этимъ долженъ былъ согласиться и оберъ-прокуроръ въ Сенатѣ, хотя онъ остался при мнѣніи что князя Оболенскаго и г. Суздальцева во всякомъ случаѣ, не по той, такъ по другой статьѣ закона, нужно было привлечь къ суду. Квалификація дѣйствій князя Оболенскаго и г. Суздальцева возбуждала и на судѣ горячіе споры. Но предсѣдатель, въ своемъ заключительномъ словѣ, указывалъ присяжнымъ на несомнѣнные будто бы признаки подлога въ дѣйствіяхъ князя Оболенскаго и г. Суздальцева. А такъ какъ подобные выводы предсѣдателя неминуемо должны были ослабить предъ присяжными всѣ доводы защитниковъ, оспаривавшихъ преступность и наказуемость дѣйствій обвиняемыхъ, относительно же другихъ подсудимыхъ ни въ кассаціонномъ протестѣ, ни въ рѣчи оберъ-прокурора не указано никакихъ отступленій отъ закона со стороны предсѣдателя, то трудно понять какимъ образомъ это слово предсѣдателя могло повредить обвиненію и повлечь за собою отмѣну приговора присяжныхъ...

Всѣ кассаціонные поводы уваженные Сенатомъ относятся до дѣйствій суда при изслѣдованіи виновности князя Оболенскаго и солидарнаго съ нимъ г. Суздальцева, между тѣмъ Сенатъ уничтожилъ всѣ послѣдствія приговора состоявшагося по дѣлу и даже относительно тѣхъ подсудимыхъ которые были обвинены и не обжаловали приговора, какъ Шеньянъ, Лангвагенъ и другіе, не давъ при этомъ никакихъ указаній относительно единственнаго спорнаго вопроса, столь затруднившаго производство дѣла во время перваго его разсмотрѣнія, возможно ли дѣйствія князя Оболенскаго и Суздальцева признавать подлогомъ, и законно ли поступили

судебныя власти привлекшія ихъ къ суду за преступленіе въ которомъ они неповинны?

Подождемъ, однако, появленія мотивированной резолюціи Сената.

№ 349

Москва, 16-го декабря.

Египетскій или, лучше сказать, Суданскій вопросъ все еще находится въ томъ же положеніи какъ и въ первые дни послѣ пораженія генерала Гикса въ окрестностяхъ Эль-Обеида. О намѣреніяхъ и планахъ побѣдителя высказывалось не мало догадокъ, но по настоящее время ни одна не оправдалась. Въ Англіи, въ первые дни послѣ пораженія генерала Гикса, сильно переполошились въ ожиданіи похода лжепророка на Каиръ. Невѣроятность и даже невозможность подобнаго предпріятія, впрочемъ, вскорѣ стала для всѣхъ очевидною. Оставалось серіозное опасеніе за городъ Хартумъ; можно было опасаться что Махди воспользуется плодами своей блестящей побѣды и поспѣшитъ осадить или даже попытается взять штурмомъ этотъ городъ. Но и этого не случилось. Вмѣсто того чтобы двигаться впередъ, Махди ограничился пока тѣмъ что уничтожилъ выступившій неосторожно на рекогносцировку незначительный египетскій отрядъ и занялъ выжидательное положеніе. Если вѣрно извѣстіе будто не весь отрядъ генерала Гикса погибъ, если остатки этого отряда дѣйствительно успѣли отступить и занять выгодное стратегическое положеніе среди не приставшихъ къ движенію племенъ, снабжающихъ египетское войско необходимымъ провіантомъ, то бездѣйствіе Махди легко бы объяснилось. Но это извѣстіе оказывается весьма сомнительнымъ: слухи о спасеніи части отряда состоявшаго подъ командой генерала Гикса не разъ распространялись со дня побѣды при Эль-Обеидѣ, но всегда оказывались невѣрными. Если же кажущееся бездѣйствіе Махди не вынуждено, то должны быть важныя ему причины. О причинахъ этихъ можно только догадываться; нѣкоторыя же сами напрашиваются на вниманіе.

Опасность движенія поднятаго лжепророкомъ заключается въ томъ что оно легко можетъ стать искрой отъ которой запылаетъ весь мусульманскій Востокъ. Махди борется въ качествѣ не властителя свѣтскаго, но пророка во имя религіи. Онъ очевидно понимаетъ въ чемъ сила его вліянія. Извѣстіе о пораженіи генерала Гикса произвело впечатлѣніе на всѣ мусульманскія страны куда оно проникло. Но мусульманскій міръ великъ; и вѣсть о побѣдѣ Махди врядъ ли успѣла проникнуть во всѣ закоулки этого міра. Выждать пока молва огласитъ побѣду пророка между всѣми мусульманами для Махди конечно весьма выгодно, тѣмъ болѣе что молва, распространяясь, принимаетъ все болѣе и болѣе фанатическій характеръ. А что Махди имѣетъ цѣлію разжечь мусульманскій фанатизмъ, это ясно и изъ того факта, что, вслѣдъ за пораженіемъ генерала Гикса, лжепророкъ вошелъ въ сношенія съ мусульманскими агитаторами Туниса и Алжира, гдѣ извѣстіе о побѣдѣ надъ „гяурами" было встрѣчено съ восторгомъ, такъ что Французское правительство было вынуждено отказаться отъ своего первоначальнаго плана направить въ Тонкинъ главнымъ образомъ алжирскія войска. Наконецъ Махди вовсе не сидитъ сложа руки. Онъ ведетъ дѣятельные переговоры съ владѣтельными султанами окрестныхъ странъ. Король Абиссиніи, правда, отказалъ ему въ поддержкѣ, ссылаясь на то что самъ онъ и его подданные христіане; за то султанъ Тамарскій (Южная Аравія) открыто заявилъ себя за одно съ нимъ. Дѣятельность агентовъ лжепророка въ самомъ Египтѣ, вѣроятно, также не останется безуспѣшною, тѣмъ болѣе что дѣло считается многими продолженіемъ борьбы поднятой Араби-пашой, а англійскій протекторатъ уже давно успѣлъ надоѣсть всѣмъ, не исключая и самого хедива, низведеннаго Англичанами до положенія куклы.

Въ виду всего этого и почти полнаго бездѣйствія не знающей на что рѣшиться Англіи, временное затишье на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Суданѣ выгодно для Махди, угрожая въ то же время подорвать значеніе Англіи.

Что касается намѣреній этой державы, то они въ короткое время измѣнялись нѣсколько разъ. Послѣ пораженія генерала Гикса, возникъ было слухъ что Англія снарядитъ значительный экспедиціонный корпусъ противъ Махди, чтобы кончить

дѣло однимъ ударомъ. Но планъ этотъ былъ оставленъ какъ слишкомъ рискованный и сопряженный съ огромными расходами. Въ случаѣ полнаго пораженія Махди, Англія конечно выиграла бы много, но еслибъ экспедицію постигла такая же участь какъ генерала Гикса, послѣдствія были бы для Англіи роковыя. Въ виду этого, рѣшено было прибѣгнуть къ полумѣрѣ и дѣйствовать противъ Махди при помощи тѣхъ же египетскихъ войскъ негодность коихъ стала для всѣхъ очевидною. Когда египетскій отрядъ производившій рекогносцировку въ окрестностяхъ Суакима былъ перерѣзанъ мятежниками, Англичане повидимому убѣдились что пока лучше ограничиться обороной, и распорядились увести всѣ суда стоявшія у Абиссинскаго берега.

Между англійскими и турецкими дипломатами ведутся по поводу событій въ Суданѣ переговоры напоминающіе игру въ прятки. Въ Константинополѣ, какъ извѣстно, сперва утверждали что Махди просто разбойникъ, что его приверженцы незначительная шайка негодяевъ, и что слѣдовательно поднятое имъ движеніе не представляетъ никакой опасности. Одновременно съ этимъ, и въ Англіи распространялись слухи что Суданскимъ событіямъ не слѣдуетъ придавать значенія. Между тѣмъ, пока распространялись эти слухи которымъ, кстати замѣтить, въ свѣдущихъ кругахъ никто не вѣрилъ, Порта отдала тайное приказаніе снарядить въ Азіи экспедиціонный корпусъ въ 12.000 человѣкъ. Почти одновременно съ этимъ, Англія также распорядилась мобилизовать нѣсколько индійскихъ полковъ; но Турція не желала допустить Англію до вмѣшательства, а Англія въ свою очередь Турцію. Когда оказалось что на одни египетскія войска надѣяться нельзя, Англійское правительство заявило что предоставляетъ Турціи возстановить прежнее положеніе дѣлъ въ Суданѣ, но Порта уже успѣла передумать и отказалась отъ этого предложенія наотрѣзъ. На слѣдующій же день послѣ этого отказа, въ Лондонѣ поспѣшили заявить что турецкое вмѣшательство недопустимо. Перемѣна взглядовъ въ Лондонѣ и Константинополѣ, замѣчаетъ по этому поводу одна изъ вѣнскихъ газетъ, наступила если не въ одинъ и тотъ же часъ, то во всякомъ случаѣ въ одинъ и тотъ же день. Изъ чего нетрудно де вывести заключеніе что и та и другая держава одновременно были извѣщаемы что положеніе дѣлъ въ Суданѣ гораздо серіознѣе чѣмъ можно было полагать. Въ концѣ концовъ, по общему убѣжденію, Англія будетъ *вынуждена* приступить къ энергическимъ дѣйствіямъ.

№ 350.

Москва, 17-го декабря.

Въ № 259 *Московскихъ Вѣдомостей* мы коснулись приговора здѣшняго Окружнаго Суда по дѣлу редактора-издателя *Московскаго Листка,* осужденнаго за оклеветаніе поручика Васильева къ заключенію въ тюрьмѣ на восемь мѣсяцовъ. Мы высказали тогда недоумѣніе въ виду столь тяжкой кары постигшей издателя газеты, „вся вина котораго могла заключаться только въ неосторожности,“ по дѣлу въ которомъ невозможно было усмотрѣть и „тѣнь злаго умысла.“

Мы разсуждали такимъ образомъ не зная мотивовъ которыми руководился судъ, соображаясь лишь съ фактическою стороной дѣла, насколько оно выяснилось на судѣ.

Теперь предъ нами приговоръ Московской Судебной Палаты, на разсмотрѣніе которой восходило дѣло по аппелляціонному отзыву г. Пастухова. Палата усмотрѣла нѣкоторыя смягчающія обстоятельства въ поступкѣ обвиняемаго и потому понизила слѣдующее ему по 1.039 ст. Улож. о Наказ. тюремное заключеніе до четырехъ мѣсяцевъ.

Но приведенные въ приговорѣ Палаты аргументы, кажется, говорятъ болѣе въ пользу довода г. Пастухова, утверждающаго что въ его дѣяніи нѣтъ признаковъ преступленія предусмотрѣннаго статьей 1.039 Уложенія, чѣмъ за правильность уголовной квалификаціи этого дѣянія судомъ. Какъ припомнятъ читатели, проступокъ редактора *Листка* заключался въ томъ что, напечатавъ свѣдѣнія объ отравившемся въ Москвѣ учителѣ Фенисовѣ, почерпнутыя изъ актовъ полицейскаго дознанія, онъ помѣстилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и текстъ записки найденной при самоубійцѣ, упоминавшемся въ томъ же дознаніи, въ которомъ г. Васильевъ нашелъ оскорбительное для его чести и добраго имени сообщеніе. Въ отзывѣ своемъ, обвиняемый до-

казывалъ что за напечатаніе упомянутой замѣтки въ издаваемой имъ газетѣ онъ могъ лишь подлежать преслѣдованію за проступокъ предусмотрѣнный 2 ч. 1.038 ст. Уложенія, то-есть за оглашеніе въ печати свѣдѣнія обнаруженнаго дознаніемъ до судебнаго по дѣлу засѣданія. По этому поводу Палата признала что свѣдѣнія помѣщенныя въ статьѣ „Отравившійся учитель,“ появившіяся въ № 41 *Московскаго Листка, очевидно извлечены изъ актовъ дознанія*, и Пастуховъ, какъ редакторъ той газеты, могъ бы быть преслѣдуемъ по 2 ч. 1.038 ст. Улож., еслибы прокурорскій надзоръ находилъ къ тому основаніе. Тѣмъ не менѣе Палата полагаетъ что „обвиненіе по сей статьѣ закона не исключаетъ совмѣстнаго преслѣдованія со стороны частнаго лица по обвиненію въ преступленіи предусмотрѣнномъ статьею 1.039 Уложенія,“ тоесть въ клеветѣ.

Съ такимъ выводомъ Судебной Палаты едва ли можно согласиться. Скорѣе слѣдуетъ допустить что возможность обвиненія по 2 ч. 1.038 ст. Улож. исключаетъ совмѣстное преслѣдованіе по статьѣ 1.039, если только не доказано что проступокъ наказуемый по первой статьѣ совершенъ съ явною цѣлью оклеветать извѣстное лицо, ибо клевета, какъ и всякое преступленіе влечетъ за собою наказаніе по суду въ томъ только случаѣ когда въ дѣлѣ обнаружится присутствіе *преступнаго умысла* у обвиняемаго (94 ст. Улож. о Наказ.). Въ этомъ дѣлѣ, напротивъ, обнаружено что г. Пастуховъ, до выхода въ свѣтъ № 41 *Московскаго Листка*, съ поручикомъ Васильевымъ не только не былъ знакомъ, но ни въ какихъ отношеніяхъ къ нему никогда не состоялъ. Могло ли, спрашивается, при такихъ обстоятельствахъ явиться у г. Пастухова какое-либо побужденіе оклеветать его? Разумѣется, нѣтъ. Этого не отрицалъ и самъ г. Васильевъ, которому съ полною готовностію, при первомъ заявленіи его, предоставлена была возможность печатно снять съ себя нареканіе, брошенное въ него „отравившимся учителемъ“ и обнаруженное дознаніемъ. При подобномъ отсутствіи всякаго умысла едва ли обвиненіе можетъ быть признано основаннымъ на законѣ.

По закону, Палата обязана была во всякомъ случаѣ руководствоваться статьею 149 Уложенія и установить съ должною точностью которое изъ двухъ родовъ наказаній, палагаемыхъ по 1.039 статьѣ, слѣдуетъ примѣнить къ г. Пастухову, тюремное заключеніе или денежный штрафъ. Если этотъ выборъ и предоставляется усмотрѣнію суда, то судъ тѣмъ не менѣе не освобождается отъ обязанности приводить тѣ „соображенія о важности вины“ по которымъ онъ счелъ возможнымъ предпочесть въ данномъ случаѣ тягчайшій изъ родовъ наказанія. Напрасно станемъ мы доискиваться этихъ соображеній въ приговорѣ Палаты...

Представимъ себѣ что г. Пастуховъ не то что напечаталъ найденную при самоубійцѣ записку, а просто выдумалъ на неприязненное ему лицо небылицу съ умысломъ опозорить его; представимъ себѣ что сообщая фактъ самоубійства редакторъ прибавилъ бы отъ себя: „мы знаемъ кто довелъ этого человѣка до отчаянія; мы утверждаемъ что такой-то сдѣлалъ то-то и т. д.“ Судъ не могъ бы наказать его строже чѣмъ положено въ законѣ и приговорилъ бы его къ тягчайшему роду наказанія и въ высшемъ его размѣрѣ, тоесть къ заключенію въ тюрьмѣ на одинъ годъ и четыре мѣсяца; при необходимости же понизить наказаніе за силою Манифеста 15 мая на одну треть, назначилъ бы ему почти такой же срокъ заключенія какой Московскій Окружный Судъ опредѣлилъ г. Пастухову, а при томъ смягчающемъ обстоятельствѣ что онъ немедленно согласился опровергнуть напечатанное имъ извѣстіе, что̀ могло случиться и тогда еслибъ это извѣстіе было вымышленное, бытьможетъ приговорилъ бы къ той же мѣрѣ наказанія которую Палата избрала для редактора *Листка*.

Спрашивается, соотвѣтствуетъ ли это справедливости которая должна лежать въ основаніи суда, мыслимо ли допустить что судамъ предоставлено такое широкое усмотрѣніе при выборѣ и опредѣленіи размѣра наказанія что оно граничило бы съ произволомъ?

Лицо привлекшее редактора *Московскаго Листка* къ судебной отвѣтственности имѣло основаніе считать себя оклеветаннымъ. Но оклеветалъ его не г. Пастуховъ, а тотъ несчастный который въ умопомѣшательствѣ или умоизступленіи наложилъ на себя руки. Вина г. Пастухова состояла только въ томъ что онъ случайно, по неосторожности, по недосмотру, но безъ умысла, огласилъ при разказѣ факта содержаніе дѣй-

ствительно найденной дознаніемъ записки. Справедливо ли карать человѣка за клевету въ которой онъ очевидно неповиненъ? Скажутъ: потерпѣвшему лицу не легче отъ того, съ умысломъ или безъ умысла нанесено оскорбленіе его чести. Такъ, но есть существенная разница между дѣйствіемъ умышленнымъ и неумышленнымъ. Тяжкое дѣло убить человѣка, но если убійство совершено по случайности или по неосторожности, то виновникъ его тому ли суду и той ли карѣ подлежитъ что и совершившій умышленное убійство?

Между тѣмъ, на этихъ дняхъ, 14 декабря, въ той же Московской Судебной Палатѣ слушалось дѣло о редакторѣ-издателѣ другой московской газеты, *Русскаго Курьера*, обвинявшагося по той же 1.039 статьѣ Уложенія, и вотъ по какому поводу: Въ № 173 *Курьера* за 1882 годъ напечатана была корреспонденція изъ Оренбурга, въ которой разказывалось о внезапной смерти племянницы нѣкоей Горской, которая впослѣдствіи обвинялась въ убійствѣ своей родственницы, и упоминалось о предосудительныхъ дѣйствіяхъ городоваго врача Лобушкевича, который производилъ вскрытіе умершей и не находилъ никакихъ признаковъ насильственной смерти, между тѣмъ какъ вторичное освидѣтельствованіе другими врачами удостовѣрило переломъ костей. Жалобу на редактора *Курьера* за клевету въ печати подалъ г. Лобушкевичъ, и такъ какъ онъ должностное лицо, то Палата разсматривала это дѣло въ качествѣ первой инстанціи. Признавъ г. Ланина виновнымъ, Палата подвергла его *денежному штрафу въ размѣрѣ десяти рублей*, а за силою Манифеста освободила его и отъ этого наказанія.

Быть-можетъ судъ, какъ органъ государства, считаетъ себя обязаннымъ способствовать правительству въ его затрудненіяхъ, и при разборѣ отдѣльныхъ нарушеній закона обращаетъ вниманіе на общее направленіе органовъ печати, причемъ, пользуясь обширнымъ просторомъ предоставленнымъ его усмотрѣнію, различаетъ изданія въ политическомъ отношеніи благонамѣренныя и неблагонамѣренныя. Но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы въ приговорахъ приводить тѣ соображенія которыя внушаютъ суду такое или другое мнѣніе о направленіи изданія. Что можно спустить г. Ланину за его благонамѣренность, того, и еще гораздо меньшаго, нельзя быть-можетъ спустить г. Пастухову.

№ 352.

Москва, 19-го декабря.

На сей разъ мы намѣрены коснуться дѣла которое можетъ отчасти пролить свѣтъ на причины дефицитовъ въ Государственномъ бюджетѣ, дефицитовъ будто бы требующихъ установленія новыхъ налоговъ, въ родѣ, напримѣръ, недавно введеннаго ярмарочнаго сбора, или проектируемаго трехпроцентнаго сбора съ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, или иныхъ налоговъ, введенныхъ и проектируемыхъ.

Недоумѣнія касательно исполненія условій объявленныхъ при заключеніи Восточныхъ займовъ сами собой ставили вопросъ, все ли въ достаточной мѣрѣ ясно и въ финансовыхъ операціяхъ по другимъ русскимъ займамъ. Въ видахъ уясненія себѣ этихъ операцій, мы поинтересовались заглянуть въ контрольную отчетность по нѣкоторымъ займамъ и натолкнулись на цѣлый рядъ цифръ повергающихъ въ еще большее изумленіе чѣмъ цифры относящіяся къ Восточнымъ займамъ. Цифры эти относятся къ опредѣленію и исполненію расходовъ по самой главной, двухсотмилліонной, статьѣ нашего государственнаго бюджета, по системѣ государственнаго кредита,—статьѣ, которая въ смѣтѣ расходовъ едва ли не важнѣе питейныхъ сборовъ въ смѣтѣ доходовъ, и которая, между тѣмъ, „изъята отъ дѣйствія общаго счетнаго и ревизіоннаго порядка.“ Мы не знаемъ по какимъ побужденіямъ, ради чего допущено это „изъятіе,“ подрывающее значеніе Татариновской реформы, заключавшейся въ установленіи „единства кассъ,“ въ подчиненіи контролю всѣхъ государственныхъ денежныхъ оборотовъ, а между тѣмъ поставившей внѣ общей отчетности важнѣйшія отрасли этихъ оборотовъ. По какимъ бы соображеніямъ ни было допущено сказанное „изъятіе,“ мы, при всемъ стараніи, не могли усмотрѣть ни одного полезнаго государству результата которымъ можно было бы оправдать отступленіе отъ общихъ порядковъ по столь важному предмету какъ платежи по займамъ. Мы видимъ только непонятную путаницу въ дѣлѣ которое должно бы быть ясно какъ день.

Объединеніе кассъ, подчиненіе доходовъ и расходовъ всѣхъ вѣдомствъ контролю одного, въ сторонѣ отъ нихъ стоящаго государственнаго учрежденія, которое само доходовъ не собираетъ и никакихъ суммъ (кромѣ идущихъ на его содержаніе) ни на что не расходуетъ, было, конечно, дѣломъ полезнымъ. Но этотъ контроль всего нужнѣе по отношенію именно къ тому вѣдомству которое собираетъ всѣ доходы и изъ котораго отпускаются деньги на всѣ расходы. Нуженъ, конечно, контроль и надо всѣми другими вѣдомствами, но кругъ ихъ дѣйствій ограниченъ и не распространяется на *всю* область казеннаго хозяйства. И Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, и Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, и Министерство Государственныхъ Имуществъ, и Министерство Народнаго Просвѣщенія, и каждое другое вѣдомство распоряжается лишь тѣми суммами какія ему назначены по бюджету, и при самомъ назначеніи этихъ суммъ требованія каждаго вѣдомства урѣзываются и контролируются Министерствомъ Финансовъ, такъ что отказъ въ деньгахъ съ его стороны служитъ часто препятствіемъ къ осуществленію важныхъ, нужныхъ и полезныхъ мѣръ по разнымъ вѣдомствамъ. Одно министерство Финансовъ вѣдаетъ казенныя денежныя средства во всей ихъ полнотѣ и расходованіе этихъ средствъ по всѣмъ частямъ. Всякая неправильность какая можетъ быть допущена этимъ вѣдомствомъ вредно отзывается на всѣхъ частяхъ управленія, можетъ служить тормазомъ улучшеній по каждой части. Ясно что по отношенію къ такому вѣдомству требуется контроль особенно тщательный и обстоятельный. Между тѣмъ именно важнѣйшіе, особенно крупные государственные расходы производимые непосредственно Министерствомъ Финансовъ почти, а частію совсѣмъ ускользаютъ отъ контроля, стоятъ внѣ его наблюденія, какъ явствуетъ изъ офиціальныхъ заявленій самого Государственнаго Контроля.

Хотя *Отчеты Государственнаго Контроля* начали печататься съ 1866 года, хотя они расходились по многимъ рукамъ и ежегодно бывали предметомъ газетныхъ толковъ, до сихъ поръ у насъ мало кто знакомъ даже съ самыми главными, общими основами нашихъ контрольныхъ порядковъ. Говоря о нихъ, нужно, поэтому, прежде всего знакомить съ ними. Въ настоящемъ случаѣ намъ приходится разъяснить слѣдующее:

Суммы разрѣшаемыя къ расходу по ежегодно Высочайше утверждаемымъ бюджетамъ въ дѣйствительности по многимъ статьямъ полностію не расходуются. Часть испрошенныхъ суммъ ежегодно оказывается не нужною для тѣхъ потребностей коими вызывалось назначеніе этихъ суммъ въ бюджетѣ. При заключеніи счетовъ за каждый годъ постоянно оказываются не израсходованными изъ общаго бюджетнаго итога крупныя суммы двухъ категорій:

а) суммы не израсходованныя, но на которыя ежеминутно могутъ быть предъявлены требованія кредиторовъ казны и которыя поэтому всегда должны находиться въ казначействахъ готовыми для расплаты, и

б) суммы бюджетныхъ кредитовъ закрываемыхъ по оказавшейся ненадобности оныхъ и потому обращающіяся въ свободные рессурсы которые могутъ быть употребляемы казной на любое назначеніе.

Итоги этихъ послѣднихъ суммъ довольно велики *) и имѣютъ то важное значеніе что ими можетъ быть покрываема значительная часть такъ-называемыхъ „сверхсмѣтныхъ кредитовъ." Чѣмъ крупнѣе итогъ закрываемыхъ по истеченіи года кредитовъ, тѣмъ меньшимъ бременемъ ложатся на бюджетъ сверхсмѣтные кредиты, вызывающіе столь сильный ропотъ со стороны нашихъ финансистовъ. Бремя сверхсмѣтныхъ расходовъ много бы облегчилось,—ибо итогъ ежегодно освобождающихся рессурсовъ былъ бы крупнѣе,—еслибъ ассигнованныя на расплаты по займамъ, но въ дѣйствительности не понадобившіяся для такихъ расплатъ суммы, наравнѣ съ другими по-

---

*) По контрольнымъ отчетамъ, итоги закрытыхъ кредитовъ были:

За	1866 годъ	12.784.816	руб.
„	1867 „	13.696.499	„
„	1868 „	18.218.443	„
„	1869 „	14.636.847	„
„	1870 „	13.778.726	„
„	1871 „	10.879.568	„
„	1872 „	10.298.945	„
„	1873 „	6.333.555	„
„	1874 „	10.895.726	„
„	1875 „	6.143.353	„
„	1876 „	10.383.130	„
„	1877 „	16.587.314	„
„	1878 „	26.242.707	„
„	1879 „	14.293.850	„
„	1880 „	8.712.969	„
„	1881 „	6.782.787	„

добными суммами, обращались въ свободные рессурсы. Но такія, остающіяся отъ расплаты по займамъ, суммы, въ силу „изъятія отъ дѣйствія общаго счетнаго ревизіоннаго порядка,“ ускользаютъ отъ Государственнаго Контроля и обратно въ казну не поступаютъ, оставаясь въ распоряженіи финансоваго самоуправленія.

Это не есть какой-либо недосмотръ со стороны контрольнаго вѣдомства: оно тутъ ни при чемъ, ибо Государственный Контроль, какъ печатно заявлено имъ въ офиціальныхъ отчетахъ, *не повѣряетъ документально платежей по займамъ*.

Что касается суммъ неизрасходованныхъ въ теченіе смѣтнаго года, но подлежащихъ къ отпуску по бюджетному назначенію въ слѣдующіе за смѣтнымъ годы, то счеты по такимъ расходамъ заканчиваются обычно по истеченіи четырехъ лѣтъ, причемъ не понадобившіеся кредиты закрываются и обращаются въ свободные остатки. Эти остатки имѣютъ два назначенія:

1) изъ нихъ прежде всего покрываются такіе расходы въ счетъ прежнихъ лѣтъ о которыхъ не было заявлено при заключеніи годичныхъ смѣтъ *);

2) затѣмъ, что̀ остается должно составлять доходъ казны **).

Эта послѣдняя статья казеннаго дохода была бы много крупнѣе еслибы къ расходамъ по системѣ государственнаго кредита примѣнялся, насколько это допускается особыми условіями этихъ расходовъ (то-есть за исключеніемъ суммъ нужныхъ для безостановочныхъ уплатъ по непредставленнымъ своевременно займовыхъ купонамъ и погашеннымъ облигаціямъ), общій порядокъ заключенія смѣтъ. Но, какъ печатно заявлено Государственнымъ Контролемъ, „по существующему порядку кредиты предназначенные на платежи по государственнымъ займамъ, но подчиненные общимъ правиламъ о заключеніи смѣтъ, не закрываются, а оставляются безсрочно и нераздѣльно въ распоряженіи Министерства Финансовъ,“ и употребленіе этихъ суммъ ускользаетъ такимъ образомъ отъ контроля.

Оставленіе этихъ суммъ (сколько ихъ накопилось въ теченіе многихъ лѣтъ едва ли кому извѣстно) въ полномъ, безотчетномъ распоряженіи Министерства Финансовъ могло бы находить себѣ нѣкоторое объясненіе въ необходимости имѣть подручный источникъ „для покрытія передержекъ въ текущихъ платежахъ“ по государственнымъ долгамъ „вслѣдствіе, напримѣръ, измѣненія въ курсѣ.“ Но источникъ для покрытія таковыхъ передержекъ въ текущихъ платежахъ вслѣдствіе измѣненія въ курсѣ имѣется и безъ того въ „дополнительныхъ и экстраординарныхъ кредитахъ“ испрашиваемыхъ чуть не ежегодно въ дополненіе къ суммамъ назначеннымъ въ смѣтѣ на расходы по системѣ государственнаго кредита. Допущеніе же существованія одновременно двухъ источниковъ, бюджетнаго и внѣбюджетнаго, для покрытія однѣхъ и тѣхъ же передержекъ ведетъ лишь къ тому что Государственный Контроль, какъ заявлено имъ въ офиціальныхъ отчетахъ, даже „затрудняется точно опредѣлить къ смѣтѣ какого года относится произведенный въ теченіе года расходъ“ по системѣ государственнаго кредита.

Таковы условія въ которыя поставлены учрежденіемъ государственнаго контроля въ его нынѣшнемъ видѣ расходы по 200-милліонной статьѣ бюджета и наблюденіе надъ правильностію этихъ расходовъ.

Не удивительно что система разныхъ „изъятій,“ породившая массу недоразумѣній и по расходованію громадныхъ суммъ желѣзнодорожнаго фонда за многіе годы, и по расходованію суммъ выкупной операціи, пораждаетъ не мало недоумѣній и по расходованію ежегодно громадныхъ суммъ по системѣ государственнаго кредита. Не-

---

*) Вотъ размѣры такихъ расходовъ за нѣсколько лѣтъ:

Въ 1871 году	1.405.006	р.
„ 1872 „	856.053	„
„ 1873 „	2.144.310	„
„ 1874 „	1.845.857	„
„ 1875 „	892.467	„
„ 1876 „	1.285.070	„
„ 1877 „	2.732.504	„
„ 1878 „	1.122.446	„
„ 1879 „	989.872	„
„ 1880 „	1.044.079	„
„ 1881 „	1.842.251	„

**) Суммы такихъ поступающихъ въ казну доходовъ показаны въ *Отчетахъ Государственнаго Контроля* (не всегда вѣрно) въ слѣдующихъ цифрахъ:

Въ 1874 году	3.085.789	р.	31	к.
„ 1875 „	1.124.090	„	40	„
„ 1876 „	1.722.562	„	29	„
„ 1877 „	1.987.749	„	72	„
„ 1878 „	1.310.556	„	32	„
„ 1879 „	1.019.630	„	59	„
„ 1880 „	1.421.654	„	86	„
„ 1881 „	35.404.946	„	77	„

льзя не придти въ недоумѣніе когда, напримѣръ, по металлическимъ займамъ производится какая-нибудь казенная уплата по курсу $22^{21}/_{32}$ пенсовъ за рубль въ тотъ годъ когда средній курсъ на биржѣ опредѣляется въ $25^{7}/_{32}$ пенсовъ за рубль; или когда видимъ что разные крупные казенные платежи по этимъ займамъ производятся по небывалымъ, неслыханнымъ курсамъ 1 руб. $98^{1}/_{4}$ к., или 2 р., или даже 2 руб. 16 коп. кредитныхъ за 1 руб. металлическій. При отсутствіи какихъ-либо контрольныхъ разъясненій, факты такихъ уплатъ, занесенные въ официальные отчеты Государственнаго Контроля, производятъ впечатлѣніе непонятныхъ, ничѣмъ не оправдываемыхъ передержекъ, безо всякой надобности увеличивающихъ казенные расходы и ослабляющихъ государственныя средства, тѣмъ болѣе что, по существующему порядку, передержки по займамъ въ казну уже не возвращаются.

Между тѣмъ, только по тѣмъ займамъ на которыхъ мы остановились при перелистываніи *Отчетовъ Государственнаго Контроля,* имѣются въ виду слѣдующія передержки:

По Трехпроцентному займу за 1881 годъ. . . .	519.826	р.	— к.
„ Первому пятипроцентному займу за 1878 . . .	448.918	„	72 „
„ Второму пятипроцентному займу за 1879—1882	848.869	„	90 „
„ Пятому пятипроцентному займу за 1878	308.164	„	— „
„ Шестому пятипроцентному займу за 1878 и 1880—1882	3.315.112	„	10 „
Итого	5.440.890	„	72 „
Кромѣ того, по тремъ Восточнымъ займамъ . . .	1.766.250	„	— „
Всего	7.207.140	„	72 „

Итакъ по нѣсколькимъ только займамъ за пять лѣтъ насчитывается на 7.207.140 р. 72 к. безвозвратныхъ, при существующемъ порядкѣ, расходовъ казны, не объяснимыхъ ни размѣрами платежей по означеннымъ займамъ, ни обстоятельствами при которыхъ эти платежи производились. Но, такъ какъ нѣтъ тайны которая бы не открылась, будемъ надѣяться что не останется не разъясненною и судьба этихъ болѣе чѣмъ 7 милліоновъ рублей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, будемъ надѣяться, разъяснятся и тѣ *внѣ-бюджетные*, не значащіеся даже въ сверхсмѣтныхъ кредитахъ, расходы по системѣ государственнаго кредита, на которые было указано въ № 35 *Московскихъ Вѣдомостей* и въ февральской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за текущій годъ. Такихъ внѣ-бюджетныхъ расходовъ по займамъ, какъ явствуетъ изъ контрольныхъ отчетовъ, оказалось:

По исполненію государственной смѣты 1875 года. .	1.815.994	р.	67 к.
„ исполненію государственной смѣты 1876 года.	781.910	„	2 „
„ исполненію государственной смѣты 1877 года. .	367.968	„	88 „
„ исполненію государственной смѣты 1878 года. .	2.314.183	„	69 „
Итого.	5.280.057	„	26 „

7.207.140 р. 72 к. плюсъ 5.280.057 р. 26 к., если не болѣе, составляютъ сумму почти въ $12^{1}/_{2}$ милліоновъ рублей: цифра, полагаемъ, заслуживающая нѣкотораго вниманія. Между тѣмъ къ ней слѣдуетъ еще присоединить тотъ до сихъ поръ не выступившій изъ мрака въ сколько-нибудь ясныхъ очертаніяхъ *десятимилліонный* фондъ (9.970.975 р. 56 к.), о которомъ было обстоятельно, на точномъ основаніи официальныхъ документовъ, говорено въ №№ 19, 22, 32 и 35 *Московскихъ Вѣдомостей* за текущій годъ *). Ни одинъ фактъ, ни одна цифра изъ приведенныхъ нами тогда не были опровергнуты, и изъ высказаннаго нами тогда мы не имѣемъ основанія взять назадъ хотя бы одно слово.

Безъ разъясненія вопросовъ касающихся вышеуказанныхъ 22.458.173 р. 54 к., а можетъ-быть и другихъ подобныхъ суммъ, полагаемъ, нельзя правильно судить ни о бюджетныхъ дефицитахъ, ни о настоятельности введенія новыхъ налоговъ, ни о надобности такихъ займовъ какъ, напримѣръ, золотая рента, по которой придется производить уплаты Богъ вѣсть по какимъ курсамъ. Еще труднѣе, безъ означеннаго разъясненія, судить правильно о предположенной финансовымъ вѣдомствомъ продажѣ таможеннаго золота, тоже по неизвѣстнымъ курсамъ, и о планахъ нѣкоторыхъ финансистовъ ввести *разчеты по курсу* въ разныя внутреннія полученія и платежи казны,—планахъ, которые откры-

*) См. также январьскую и февральскую книжки *Русскаго Вѣстника* за текущій годъ, отдѣлъ „Современной Лѣтописи,“ статьи: 1) „Забытый десятимилліонный капиталъ“ и 2) „Вѣрны ли цифры и заявленія Государственнаго Контроля.“

ли бы въ области государственныхъ бюджетовъ широкое поле для той игры курсовъ которая бросилась намъ въ глаза въ казенныхъ платежахъ по одному трехпроцентному ($22^{21}/_{32}$ пенсовъ за рубль при биржевомъ курсѣ $25^{7}/_{32}$) и четыремъ пятипроцентнымъ металлическимъ займамъ (даже по 2 р. 16 к. кредитныхъ за 1 р. металлическій).

Намъ кажется что разъясненіе вышеуказанныхъ крупныхъ цифровыхъ недоумѣній, возбуждаемыхъ оборотами по системѣ государственнаго кредита изъятыми отъ дѣйствія общаго счетнаго и ревизіоннаго порядка, было бы много важнѣе объявленной въ № 275 *Правительственнаго Вѣстника* финансовой мѣры—уничтоженія кредитныхъ билетовъ на 30 милл. рублей,—мѣры, отъ которой страна едва ли что-нибудь выиграетъ. Безъ разъясненія сказанныхъ недоумѣній было бы, думаемъ, очень затруднительно даже правильное составленіе смѣты государственныхъ доходовъ и расходовъ на предстоящій 1884 годъ. Наконецъ, безъ разъясненія вопросовъ которыхъ касаются упомянутыя недоумѣнія, какое значеніе могутъ имѣть возраженія со стороны самого Министерства Финансовъ противъ отпуска суммъ требуемыхъ для осуществленія разныхъ мѣръ нужныхъ для улучшеній по разнымъ частямъ управленія въ видахъ государственной и общественной пользы?

№ 353.

Москва, 20-го декабря.

Теперь достаточно выяснилось отъ кого исходила иниціатива посѣщенія германскимъ наслѣднымъ принцемъ папы, цѣль этого визита, его значеніе и ожидаемыя послѣдствія.

Дѣло оказывается гораздо важнѣе нежели казалось. Утверждали что визитъ этотъ есть не болѣе какъ acte de courtoisie, и что будучи въ Римѣ его высочеству было бы уже неловко проѣхать мимо Ватикана, съ которымъ Пруссія находится въ „дружественныхъ“ отношеніяхъ и гдѣ содержитъ особаго представителя. Оказалось, однако, что посѣщеніе Ватикана послѣдовало по настоянію князя Бисмарка. Наслѣдный принцъ былъ даже недоволенъ даннымъ ему порученіемъ, но получивъ формальное указаніе изъ Берлина, онъ не нашелъ возможнымъ „взять на свою отвѣтственность образъ дѣйствій, который шелъ бы прямо въ разрѣзъ съ мнѣніями отвѣтственнаго руководителя германской политики.“ По приказу императора, и въ Ватиканѣ принцъ явился его офиціальнымъ „замѣстителемъ.“ Правда, въ Берлинѣ не всѣ согласны съ этимъ. Указываютъ что церемоніалъ пріема былъ не тотъ который соблюдается въ Ватиканѣ при посѣщеніи коронованныхъ особъ, и что, по приказанію папы, кардиналъ Якобини, отъ имени его святѣйшества, сдѣлалъ принцу визитъ. Такимъ образомъ выходило де что принцъ только „отвѣчалъ на визитъ папы.“

Въ дѣйствительности, въ Ватиканѣ еще задолго до пріѣзда въ Римъ наслѣднаго принца знали что онъ будетъ у папы, и что этотъ визитъ едва ли не есть главная цѣль посѣщенія Рима принцемъ. Этого визита ждали и къ нему особо готовились, разчитывая нѣсколько уладить запутанныя отношенія къ Пруссіи, не жертвуя при этомъ слишкомъ многимъ. Въ свою очередь и „отвѣтственный руководитель германской политики“ сдѣлалъ все возможное чтобы заставить курію понять визитъ извѣстнымъ образомъ. Епископъ Лимбургскій Брониманъ былъ помилованъ совершенно неожиданно.

Какую роль игралъ при этомъ представитель Пруссіи въ Ватиканѣ, г. Шлёцеръ, объ этомъ нѣтъ прямыхъ указаній, но достаточно что папа счелъ нужнымъ пожаловать ему высокій орденъ *Пія*.

Дѣло шло не объ обмѣнѣ вѣжливостей. Визитъ принца послужилъ предлогомъ къ возобновленію остановившихся переговоровъ, причемъ обѣ стороны сдѣлали шагъ на пути уступокъ. Шлёцеру дана новая инструкція, прямо указывающая возможность нѣсколько уступить и по вопросу о воспитаніи духовенства, хотя съ оговоркой что правительство не можетъ связывать себя положительными обѣщаніями, такъ какъ всякая уступка подлежитъ еще разсмотрѣнію въ законодательномъ порядкѣ.

Въ миролюбіи Прусскаго правительства, въ желаніи его прекратить культурную борьбу въ Германіи, едва ли кто сомнѣвается; но опытъ прошлаго показываетъ что оно не даромъ дѣлаетъ свои уступки. Эти уступки всегда появляются въ то время когда культурная борьба готова выйти

изъ своихъ предѣловъ и отозваться неблагопріятно на томъ или другомъ государственномъ дѣлѣ, къ ней не относящемся. Въ настоящее время на рукахъ Прусскаго правительства три крупные законопроекта, провести которые въ парламентѣ, безъ поддержки партіи центра, едва ли удастся. Какъ при пересмотрѣ таможенныхъ пошлинъ, такъ и теперь въ вопросѣ о реформѣ подоходнаго налога, введеніи налога на ренту и въ дѣлѣ назначенія дотацій школамъ, князь Бисмаркъ вынужденъ привлечь на свою сторону центръ чтобы составить себѣ большинство въ палатѣ.

Такова первая и ближайшая цѣль визита папѣ. Но князь Бисмаркъ никогда не ограничивается успѣхомъ въ одномъ дѣлѣ, когда можно достичь удачи и въ другомъ. Отношенія къ Италіи офиціально уже давно установились. Но въ Италіи есть партія которой не нравится сближеніе съ Пруссіей. Партія эта состоитъ изъ весьма разнородныхъ элементовъ. Посѣщеніе Рима наслѣднымъ принцемъ не могло не переладить настроенія этой партіи, не могло въ извѣстномъ смыслѣ не ослабить ея отдѣленіемъ клерикальныхъ элементовъ. Не даромъ предсѣдатель италіянскаго государственнаго совѣта, графъ Кадорна, въ письмѣ адресованномъ къ издателю журнала *Deutsche Revue*, замѣчаетъ что „Италіянскій народъ любитъ и чтитъ папу какъ главу религіи и сожалѣетъ будучи вынужденъ видѣть въ немъ въ то же время противника своихъ національныхъ стремленій.“ Далѣе, графъ Кадорна даетъ понять что посѣщеніе наслѣднымъ принцемъ Ватикана было истолковано въ Италіи, съ одной стороны, какъ признаніе религіознаго авторитета папы, а съ другой, какъ одобреніе того положенія которое создано папѣ событіями 1870 года. Посѣщеніе Рима и Ватикана есть фактическое признаніе того что Германія считаетъ такъ-называемый „Римскій вопросъ“ безповоротно рѣшеннымъ. Это признаніе не могло не быть должнымъ образомъ оцѣнено національною партіей, а клерикалы не могли не оцѣнить что „принцъ дружественной королю Италіи страны, будучи гостемъ этого короля,“ оказываетъ знаки уваженія папѣ. „Италія, говоритъ Кадорна, радуется каждому случаю могущему доказать что духовный авторитетъ папы гарантированъ.“

Все это не могло пройти безслѣдно. Курія, послѣ визита наслѣднаго принца, бытьможетъ отнесется иначе и къ Италіянскому правительству.

Итакъ, совершенно вѣрно было замѣчаніе тѣхъ кто въ посѣщеніи Рима наслѣднымъ принцемъ видѣлъ „шагъ долженствующій еще тѣснѣе скрѣпить узы связывающія Италію съ Германіей,“ и такъ же правы клерикалы полагая что при поѣздкѣ въ Римъ визитъ въ Ватиканъ въ политическомъ отношеніи важнѣе посѣщенія Квиринала. То чего нужно было бы достигнуть этимъ посѣщеніемъ, достигнуто едва ли не въ большей мѣрѣ визитомъ папѣ. Теперь это понято всѣми заинтересованными сторонами, доказательствомъ чему служатъ письмо графа Кадорны, награда пожалованная Шлёцеру папой и тѣ свѣдѣнія о настояніяхъ князя Бисмарка которые были предметомъ толковъ въ нѣмецкой печати за послѣдніе дни. Не менѣе замѣчательно что и наслѣдный принцъ Германскій послѣ визита папѣ оставилъ Римъ совсѣмъ съ инымъ настроеніемъ чѣмъ прибылъ туда. Увѣряли что получивъ въ Испаніи маршрутъ на возвратномъ пути въ Германію посѣтить Римъ и папу, принцъ открыто выразилъ свое неудовольствіе по этому поводу. А уѣзжая изъ Рима его высочество подарилъ Шлёцеру свой поясной, богато украшенный портретъ. Это считается признакомъ что принцъ въ Римѣ иначе взглянулъ на дѣло и оцѣнилъ усилія прусскаго посланника въ Ватиканѣ, давшія отвѣтственному руководителю германской политики сдѣлать шагъ увѣнчавшійся блестящимъ успѣхомъ.

№ 354.

Москва, 21-го декабря.

А.

Въ послѣднее время какъ въ самой Сербіи такъ и въ другихъ мѣстахъ за границей распространился и упорно держится слухъ о наступившемъ въ Бѣлградѣ министерскомъ кризисѣ. Офиціозное сербское *Press-Bureau* поспѣшило опровергнуть этотъ слухъ, вызванный аудіенціей данною королемъ Миланомъ бывшему сербскому министру-президенту Ристичу, а *Политическая Корреспонденція* въ свою оче-

редь торжественно возвѣстила что г. Іованъ Ристичъ еще три недѣли тому назадъ просилъ аудіенціи у короля Милана и получилъ ее лишь по истеченіи этого относительно весьма продолжительнаго срока. На самой аудіенціи никакого политическаго разговора не происходило де, и г. Ристичъ ограничился только тѣмъ что выразилъ королю Милану вѣрноподданныя чувства свои и своей партіи и при этомъ прибавилъ что „будь онъ министромъ-президентомъ“ онъ принялъ бы противъ вождей радикальной партіи такія же мѣры какъ и нынѣшній кабинетъ.

Это офиціозное сообщеніе столь неправдоподобно что ему врядъ ли кто повѣрилъ и пущено конечно исключительно съ цѣлью подорвать въ Сербскомъ народѣ авторитетъ лица весьма неугоднаго вѣнскимъ правящимъ сферамъ. Любопытнѣе всего что достовѣрность извѣстія *Политической Корреспонденціи* оспаривается настойчивѣе всего вѣнскими же (оппозиціонными) газетами, главнымъ образомъ бѣлградскимъ корреспондентомъ газеты *Neue Freie Presse*, получающимъ свѣдѣнія, повидимому, изъ достовѣрнаго источника, такъ какъ до сихъ поръ они оказывались въ большинствѣ случаевъ основанными на фактахъ. „Если офиціозныя сообщенія *Политической Корреспонденціи*, говоритъ *Neue Freie Presse*, вѣрны, то-есть если г. Ристичъ представлялся королю Милану *исключительно* съ тѣмъ чтобы выразить свою *лояльность*, то, надо признаться, бывшій министръ-президентъ представляетъ поистинѣ удивительный примѣръ *куртуазности* (ein Wunder der Courtoisie), ибо онъ въ продолженіе *одной недѣли* свидѣтельствовалъ о своемъ вѣрноподданствѣ *три раза*. А что король Миланъ далъ на прошлой недѣлѣ три весьма продолжительныя аудіенціи г. Ристичу, этого не могутъ опровергнуть даже офиціозныя бѣлградскія сообщенія *Политической Корреспонденціи*.“

Министерскаго кризиса въ Сербіи, по словамъ вѣнской газеты, не происходило (по крайней мѣрѣ въ буквальномъ смыслѣ) на томъ простомъ основаніи что нынѣшній кабинетъ Николая Христича не имѣетъ парламентскаго характера, составленъ *по приказанію* короля Милана и останется у дѣлъ пока будетъ угодно его королевскому величеству, не стѣсняясь никакими парламентскими разчетами. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ де ни малѣйшему сомнѣнію что король Миланъ желалъ бы составить либеральное министерство во главѣ съ г. Ристичемъ и въ этомъ его желаніи заключается де своего рода министерскій кризисъ.

Желаніе короля Милана замѣнить нынѣшній „боевой“ кабинетъ другимъ понятно. Не то чтобъ онъ не былъ доволенъ его направленіемъ (нынѣшній кабинетъ въ иностранной политикѣ, какъ извѣстно, держится тѣхъ же началъ какъ и бывшій кабинетъ Пирочанца, Гарашанина и К°), но и для короля Милана конечно не тайна что Николай Христичъ есть одна изъ наименѣе популярныхъ личностей въ Сербіи, и что его управленіе врядъ ли поведетъ къ усиленію королевскаго „престижа“ въ Сербскомъ народѣ.

Вопросъ кому поручить при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ въ Сербіи составленіе новаго кабинета конечно рѣшить не легко. О вождяхъ такъ-называемой радикальной партіи, располагающей въ нераспущенной еще скупщинѣ громаднымъ большинствомъ, и думать нечего. Они открыто и рѣзко выступили какъ противъ бывшаго кабинета Пирочанца, такъ и противъ стоящаго у дѣлъ кабинета Николая Христича, они возстали противниками сомнительныхъ сдѣлокъ съ Бонту и вѣнскимъ „Länder“-банкомъ. Вожди этой партіи были недавно обвинены какъ поджигатели возстанія; болѣе выдающіеся изъ нихъ приговорены къ смертной казни, другіе заключены въ тюрьмы. Составленіе новаго кабинета очевидно не можетъ быть поручено этой партіи.

„Прогрессистская“ партія, во главѣ коей стоятъ члены бывшаго и отчасти нынѣшняго кабинета, также не можетъ стать пока у кормила. Вожаки этой партіи постоянно трубили что они ставятъ выше всего принципъ парламентаризма и гражданской свободы. Пока партія эта располагала въ скупщинѣ большинствомъ (все равно *какъ* составлялось это большинство, при помощи ли насилія или безъ онаго) она могла оставаться у дѣлъ, но пораженіе понесенное ею на послѣднихъ скупщинскихъ выборахъ, несмотря на всѣ ухищренія стоявшихъ у дѣлъ „прогрессистскихъ“ министровъ, наглядно показало что авторитетъ ея въ странѣ окончательно подорванъ. Ей слѣдовательно въ настоящее время также нельзя поручить правленія, тѣмъ болѣе что и вожди ея врядъ ли бы рѣшились стать во главѣ дѣлъ, не имѣя за собою

хотя бы фиктивнаго большинства въ скупщинѣ, какъ это было до послѣднихъ выборовъ въ Сербіи.

Остается слѣдовательно только партія г. Ристича, къ которому и обращался король Миланъ. Партія эта не имѣетъ, правда, въ скупщинѣ много сторонниковъ, и самъ король Миланъ не особенно расположенъ къ ея вождю, но въ послѣдней политической борьбѣ партія эта занимала болѣе или менѣе нейтральное положеніе. Королю Милану вѣроятно вслѣдствіе этого и пришла мысль обратиться къ г. Ристичу съ предложеніемъ составить новый кабинетъ если только согласится на нѣкоторый компромиссъ.

Чт̀о было предметомъ продолжительныхъ совѣщаній короля Милана, этого *вполнѣ* достовѣрно никто не знаетъ и объ этомъ мнѣнія расходятся. Во всякомъ случаѣ свѣдѣнія сообщаемыя по этому поводу газетой *Neue Freie Presse* представляются болѣе всего правдоподобными. „Зная что при дворѣ первую роль все еще играютъ прогрессисты," пишетъ корреспондентъ этой газеты, „г. Ристичъ требовалъ чтобъ ему была предоставлена полная свобода дѣйствій, и при этомъ поставилъ слѣдующія условія: пересмотръ устава, всеобщую политическую амнистію, возвращеніе митрополита Михаила и удаленныхъ отъ должности епископовъ. Король Миланъ со своей стороны выставилъ условіемъ чтобъ ему была предоставлена свобода дѣйствій въ иностранной политикѣ, *въ особенности по отношенію къ Австро-Венгріи;* на остальныя условія г. Ристича король Миланъ согласился *исключая однако условіе о возвращеніи митрополита Михаила.*" При такомъ положеніи дѣлъ, замѣчаетъ далѣе корреспондентъ, продолжительныя совѣщанія короля Милана съ г. Ристичемъ не повели къ желанному результату. Ристичъ заявилъ еще что онъ не будетъ противодѣйствовать если кто-нибудь другой изъ членовъ либеральной партіи найдетъ возможнымъ составить кабинетъ на условіяхъ предложенныхъ королемъ Миланомъ, но переговоры эти также не увѣнчались успѣхомъ. Всѣ выдающіеся вожди либеральной партіи оказались такимъ образомъ солидарными и такъ же неуступчивыми относительно спорныхъ пунктовъ, какъ и самъ Ристичъ.

Чѣмъ разрѣшится нынѣшнее положеніе дѣлъ въ Сербіи, угадать трудно, такъ какъ въ странѣ этой главную роль играютъ личные интересы и политическая интрига. Оказывается что главною помѣхой къ возстановленію нормальнаго положенія дѣлъ въ Сербіи является самъ король Миланъ, не сумѣвшій, вѣроятно вслѣдствіе своей молодости и неопытности, возвыситься надъ партіями и пожертвовать своими личными симпатіями, какъ это наглядно показываетъ его отношеніе къ архипастырю Сербіи.

Б.

Вотъ наконецъ до чего мы дожили! Вотъ какъ обозначилось на общественной нравственности воспитательное, двадцать лѣтъ продолжавшееся, дѣйствіе нашихъ новыхъ судовъ, отъ которыхъ такъ много ожидалось! Почти ежедневно судебная хроника приноситъ какой-либо ужасающій и возмутительный фактъ изъ судебной практики. Сегодня печатаемъ мы судебный отчетъ по дѣлу Свиридова, которое разбиралось въ Кіевскомъ окружномъ судѣ 16 сего декабря. Многочисленная публика, наполнявшая залу судебныхъ засѣданій, неистово рукоплескала вердикту присяжныхъ оправдавшему подсудимаго. Чѣмъ было вызвано это общественное ликованіе? Былъ ли подсудимый жертвой какого-либо притѣсненія? Былъ ли это человѣкъ невинно преслѣдуемый? Было-ли это какое-нибудь тонкое дѣло въ которомъ видимость говоритъ противъ подсудимаго, а внутренніе мотивы свидѣтельствуютъ въ его пользу? Наконецъ, этотъ подсудимый не представлялъ ли собою интереснаго вопроса, по которому могутъ быть два мнѣнія въ здоровомъ обществѣ? Нѣтъ, дѣло было простое, грубѣйшее въ своей простотѣ. Суду предстоялъ похититель, чт̀о въ просторѣчіи, на языкѣ смертныхъ, зовется воромъ. Присяжные признали доказаннымъ фактъ растраты подсудимымъ 264.000 руб., принадлежавшихъ Кіевскому Обществу Взаимнаго Кредита, въ которомъ онъ служилъ. Не было и рѣчи о вмѣняемости или невмѣняемости подсудимаго, чт̀о такъ часто служитъ прикрытіемъ оскорбляющихъ общественную нравственность оправдательныхъ приговоровъ. Подсудимый совершалъ свои хищенія въ полномъ умѣ, съ яснымъ сознаніемъ того чт̀о онъ дѣлалъ. И чт̀о же? признавъ доказаннымъ фактъ преступленія, присяжные объявили преступника невинов-

нымъ, а публика обрадовалась этому какъ торжеству великой идеи.

Повторимъ, фактъ растраты былъ совершенно обнаруженъ, подсудимый въ своемъ преступленіи сознался, и если оспаривалъ цифру растраты, то она доказана была судебнымъ слѣдствіемъ, такъ что у присяжныхъ по этому вопросу не осталось сомнѣнія. Но судъ поставилъ имъ два вопроса: вопервыхъ, онъ спросилъ ихъ, доказано ли дѣяніе Свиридова, и описалъ это дѣяніе по признакамъ того преступленія за которое Свиридовъ преданъ суду; вовторыхъ, судъ потребовалъ отъ присяжныхъ отвѣта, *виновенъ ли* Свиридовъ въ этомъ преступленіи? Не трудно было догадаться присяжнымъ что если ихъ два раза спрашиваютъ объ одномъ и томъ же, они могутъ дать и два различные отвѣта; иначе де зачѣмъ было бы ставить второй вопросъ?

Какого-нибудь законнаго повода къ раздвоенію вопроса не было. Статья 754 Устава Уголовнаго Судопроизводства дозволяетъ выдѣлить вопросъ о фактѣ преступленія отъ вопроса о вмѣненіи только въ томъ случаѣ когда во время судебнаго слѣдствія былъ возбужденъ почему-либо спеціальный вопросъ о вмѣненіи; иначе это раздѣленіе вопросовъ воспрещается тою же статьей. Что же дало суду право возбудить въ присяжныхъ сомнѣніе въ возможности вмѣнить Свиридову его преступное дѣло?

Итакъ, все вышло согласно одно съ другимъ. Судъ раздѣлилъ вопросъ о фактѣ и виновности, какъ бы говоря присяжнымъ: фактъ воровства вы не признать не можете, фактъ очевиденъ; но вы можете признать этотъ фактъ не преступнымъ, можете оправдать подсудимаго. Присяжные такъ и поступили, и публика возликовала.

Хоть убилъ, говорятъ, не виновенъ ни въ чемъ.

Какъ же не радоваться что судъ учрежденный государствомъ и дѣйствующій именемъ Императорскаго Величества признаетъ осуждаемое всѣми кодексами міра дѣло дозволительнымъ, а по впечатлѣнію присутствовавшей въ залѣ публики, заслуживающимъ хвалы какъ доблестный подвигъ!..

Поневолѣ воскликнешь, до чего мы наконецъ дожили, и куда мы идемъ!

При болѣзненномъ состояніи нашего общества, причиненномъ роковою ошибкой которая побуждала государственную власть отказываться отъ своихъ функцій, ослаблять свое дѣйствіе и оставлять свои же органы безъ руководства, тяжело положеніе людей не зараженныхъ эпидеміей. Мы утѣшаемъ себя, однако, увѣренностью что этихъ уцѣлѣвшихъ не мало и что народный материкъ еще не тронутъ. Въ кіевскихъ газетахъ, послѣ знаменитаго засѣданія 16 декабря, нѣкоторыя изъ лицъ состоявшихъ присяжными засѣдателями въ декабрьскую сессію, какъ землевладѣлецъ Кіевскаго уѣзда А. Я. Кохъ и профессоръ университета А. А. Шефферъ, поспѣшили заявить что они не участвовали въ составѣ присяжныхъ судившихъ Свиридова. Изъ Кіева же отъ тамошнихъ обывателей доносятся до насъ скорбные вопли по поводу этого дѣла. Вотъ одно изъ полученныхъ нами писемъ, вылившееся изъ глубины взволнованной совѣсти:

„Извѣстный всей Россіи растратой 264.000 руб. изъ суммъ Кіевскаго Общества Взаимнаго Кредита Свиридовъ оправданъ нашимъ судомъ. Когда обнаружилось это преступленіе, пришлось посадить его въ заключеніе. Сидитъ себѣ преступникъ въ тюрьмѣ какъ въ малинѣ, наслаждается роскошью, ѣстъ изысканныя блюда, пьетъ тонкія вина, въ средствахъ недостатка не имѣетъ. Этого мало: онъ пользовался общимъ сочувствіемъ въ тюрьмѣ, какъ герой. Въ одинъ изъ дней его пребыванія въ тюрьмѣ случились его именины. Со всѣхъ сторонъ посыпались узнику поздравленія, наслали ему до 300 тортовъ которые онъ роздалъ арестантамъ. Любопытно было бы заглянуть въ это время въ душу каждаго изъ нихъ. Не приходило ли имъ въ голову что настала счастливая пора для нихъ, что наконецъ-то преступленіе возбуждаетъ сочувствіе въ обществѣ? Говорятъ что Свиридовъ въ то время былъ даже выбранъ членомъ какого-то общества.

„Признаюсь, мнѣ тогда приходило въ голову, неужели онъ будетъ оправданъ. Увы! опасенія мои сбылись.

„16 декабря, въ полночный часъ, присяжные выходятъ изъ совѣщательной комнаты, и на вопросъ: доказано ли что Свиридовъ присвоилъ и растратилъ значительную часть суммъ принадлежащихъ Обществу Взаимнаго Кредита, старшина отвѣчаетъ: доказано. Затѣмъ на вопросъ: виновенъ ли въ этомъ Свиридовъ, съ достоинствомъ произноситъ: нѣтъ, не виновенъ.

На эти противорѣчивые отвѣты раздались оглушительныя рукоплесканія.

„Боже мой! какое время переживаемъ мы. *Что видимъ, что дѣлаемъ? О Россіяне, законы, здравый смыслъ, правду, честь погребаемъ.*

„Присяжные признали что онъ укралъ, но не нашли въ этомъ вины. Итакъ, воровство не есть преступленіе, святая заповѣдь *Не укради* отмѣнена какъ отсталый несвоевременный законъ. Да процвѣтаетъ преступленіе!

„Что должны чувствовать люди при произнесеніи такого рѣшенія, и какъ должны ликовать при этомъ внутренніе и внѣшніе враги Россіи!“

№ 355.

Москва, 22-го декабря.

Послѣднее засѣданіе французской палаты депутатовъ предъ закрытіемъ сессіи 1883 года, происходившее 17 (29) декабря, отличалось чрезвычайно бурнымъ характеромъ. Г. Жюль Ферри, принявшійся повидимому серіозно за осуществленіе идеи сильнаго правительства, о которой мечталъ Гамбетта, сдѣлался предметомъ самыхъ оживленныхъ нападокъ со стороны депутатовъ принадлежащихъ къ крайней лѣвой партіи.

Дѣло шло о бюджетѣ 1884 года. По теоріи доктринерскаго парламентаризма обсужденіе и окончательное опредѣленіе государственныхъ приходовъ и расходовъ составляютъ одно изъ самыхъ „священныхъ правъ“ народа. По этой теоріи, государственное казначейство не можетъ не существовать, такъ какъ каждая копѣйка получаетъ свое назначеніе не въ рутинныхъ канцеляріяхъ центральной администраціи, а въ публичныхъ засѣданіяхъ парламента. Если парламентъ состоитъ изъ двухъ палатъ, то весь бюджетъ подвергается, по мнѣнію доктринеровъ, двукратному серіозному и подробному обсужденію со стороны не чиновниковъ, а людей практическаго дѣла, независимыхъ и безпристрастныхъ радѣтелей о пользѣ и благѣ народа.

Примѣръ Франціи показываетъ насколько эта теорія осуществляется въ дѣйствительности. Уже въ прошломъ году парламентъ напрягъ всѣ свои силы въ послѣдніе дни декабря чтобы поскорѣе кое-какъ обсудить бюджетъ и принять его не позже 29 декабря. Въ текущемъ году повторилось точно такое же поспѣшное разсмотрѣніе финансовой смѣты на 1884 годъ, причемъ на долю сената пришлось не болѣе трехъ дней, то-есть 26, 27 и 28 декабря. Можетъ ли тутъ быть рѣчь о какомъ бы то ни было серіозномъ и подробномъ обсужденіи государственныхъ приходовъ и расходовъ? Чтеніе и постепенное вотированіе отдѣльныхъ статей бюджета превратились въ скучную и чисто формальную процедуру. Изрѣдка лишь какой-нибудь „радѣтель о пользѣ народа“ предложитъ поправку, и то не экономическаго, а чисто политическаго, партійнаго характера. Такъ было и въ настоящемъ году.

При обсужденіи бюджета исповѣданій, нѣкоторые депутаты крайней лѣвой предложили понизить содержаніе получаемое на основаніи конкордата парижскимъ архіепископомъ съ 45.000 франковъ на 15.000 франковъ и совершенно вычеркнуть изъ бюджета ежегодный кредитъ отпускаемый на стипендіи въ духовныхъ семинаріяхъ. Палата приняла эти „антиклерикальныя“ предложенія, несмотря на протестъ министерства.

Когда бюджетъ перешелъ 26 декабря на обсужденіе сената, многіе сенаторы доказывали что поспѣшное обсужденіе государственной смѣты было бы несогласно съ достоинствомъ сената, и что на этомъ основаніи слѣдовало бы отложить разсмотрѣніе бюджета до января будущаго года. Но на это требованіе послѣдовало указаніе со стороны правительства что на основаніи конституціи всѣ прямые и косвенные налоги не могли бы быть взимаемы съ 1 января если бюджетъ не будетъ принятъ парламентомъ 29 декабря, дабы 30 декабря онъ могъ появиться въ *Офиціальномъ Журналѣ*, который 31 декабря могъ бы быть доставленъ во всѣ департаменты Франціи. Сенату пришлось преклониться предъ этимъ формальнымъ требованіемъ конституціи и вотировать бюджетъ въ трехъ засѣданіяхъ, „съ завязанными глазами,“ какъ выразился одинъ изъ сенаторовъ.

Въ одномъ только мѣстѣ сенаторы захотѣли показать свою самостоятельность. При чтеніи бюджета исповѣданій, они возстали противъ антиклерикализма депутатовъ и возстановили содержаніе парижскаго архіепископа 201 голосомъ противъ 51 и се-

минарскія стипендіи 180 голосами противъ 58.

Вслѣдствіе этого постановленія, бюджетъ долженъ былъ возвратиться въ послѣднее срочное число, то-есть 29 декабря, въ палату депутатовъ. Члены крайней лѣвой партіи готовились уже возбудить „конфликтъ съ клерикальнымъ сенатомъ,“ когда неожиданно для нихъ на ораторскую трибуну вступилъ не министръ финансовъ Тираръ и не министръ исповѣданій Фальерь, а самъ министръ-президентъ г. Жюль Ферри. Пользуясь благопріятнымъ впечатлѣніемъ произведеннымъ его Тонкинскою политикой, увѣнчавшеюся взятіемъ Сонтая, г. Ферри въ весьма категорическихъ выраженіяхъ потребовалъ отъ палаты чтобъ она отказалась отъ своего перваго рѣшенія и согласилась бы съ „клерикальною“ поправкой сената дабы не задерживать своевременнаго обнародованія бюджета. „Сенатъ,“ сказалъ г. Ферри, „пожертвовалъ своею щепетильностью и патріотически принялъ бюджетъ въ три дня. Палата навѣрное захочетъ отвѣтить на эту жертву новою жертвой и со своей стороны.“

Къ этимъ доводамъ г. Ферри прибавилъ сверхъ того совершенно неожиданный coup de théâtre: „Будущій годъ,“ сказалъ онъ, „будетъ годомъ реформъ въ конституціи. Поэтому, если вы хотите чтобы сенатъ согласился на пересмотръ конституціи, вы не должны дѣлать свои отношенія къ нему натянутыми. Я обращаюсь, господа, къ тѣмъ кто добросовѣстно (loyalement) хочетъ достигнуть пересмотра конституціи, а не къ тѣмъ кто требуетъ этого пересмотра для того только чтобы получить отказъ.“

Послѣднія слова министра, намекавшія на радикальныя требованія *несговорчивыхъ*, вызвали цѣлую бурю въ рядахъ крайней лѣвой. „Какъ,“ кричатъ гг. Клемансо, Тони Ревильйонъ и Кловисъ Гюгъ, „вы сомнѣваетесь въ добросовѣстности нашей политики? На кого вы намекаете? Объяснитесь.“ И соскочивъ со своихъ мѣстъ *несговорчивые* бросаются съ криками къ трибунѣ. Президентъ палаты призываетъ къ порядку г. Ревильйона, который въ свою очередь требуетъ чтобы къ порядку былъ призванъ министръ-президентъ, а вся крайняя лѣвая партія кричитъ хоромъ: „Коли такъ, то всѣхъ насъ призывайте къ порядку.“ Все ближе подступаютъ разъяренные депутаты къ г. Ферри и требуютъ отъ него, чтобъ онъ взялъ назадъ свои слова. „Мнѣ нечего брать назадъ,“ громко заявляетъ г. Ферри. „Въ такомъ случаѣ, вы *наглецъ* (insolent),“ кричитъ ему прямо въ лицо г. Кловисъ Гюгъ.

Г. Ферри сходитъ среди невообразимаго шума и гама съ трибуны, а президентъ палаты предлагаетъ произнести противъ г. Гюга *цензуру*, то-есть лишить его на нѣкоторое время суточнаго депутатскаго жалованья. „Я требую слова!“ кричитъ г. Гюгъ. Президентъ заявляетъ что на основаніи регламента г. Гюгъ имѣетъ право высказать свое мнѣніе относительно угрожающаго ему наказанія и г. Гюгъ, взойдя на трибуну, торжественно заявляетъ: „Г. Ферри ничего не взялъ назадъ изъ своихъ словъ, я ему сказалъ: вы наглецъ! Теперь я заявляю что я также этихъ словъ назадъ не беру.“ Начинается новый, еще болѣе сильный шумъ. Наконецъ президентъ произноситъ приговоръ надъ г. Гюгомъ, на основаніи котораго пылкій депутатъ на нѣкоторое время лишается доступа въ палату депутатовъ.

Послѣ этого бурнаго инцидента палата приняла бюджетъ въ редакціи сената, и друзья Жюля Ферри поздравляли его съ „новою побѣдой.“ Но характеръ этой побѣды, заключившей скандаломъ сессію 1883 года, уже даетъ предвидѣть во что обойдется ему извѣщенный имъ на будущій годъ пересмотръ конституціонныхъ законовъ.

№ 356.

Москва, 23-го декабря.

Только что отпраздновали Свиридовское дѣло въ Кіевѣ, какъ новый праздникъ и ликованіе въ Москвѣ... Разыгрался эпилогъ знаменитаго дѣла о кражѣ учиненной бывшимъ казначеемъ Воспитательнаго Дома Мельницкимъ. Разбиралось въ Московскомъ Окружномъ Судѣ дѣло о пособничествѣ ему въ этой кражѣ и объ укрывательствѣ похищенныхъ имъ денегъ членами его семьи и другими. Фактъ пособничества, укрывательства и растраты украденныхъ денегъ нѣкоторыми изъ судившихся лицъ совершенно доказанъ и подтвержденъ собственнымъ сознаніемъ подсудимыхъ. Сомнѣнія въ фактѣ ни малѣйшаго не было, и самыя деньги большею частію найдены. Вопросъ могъ быть толь-

ко о томъ, всѣ ли привлеченныя къ суду лица виновны и въ какой степени. Послѣ четырехдневнаго разбирательства, вердиктомъ присяжныхъ признанъ фактъ пособничества и укрывательства нѣкоторыми изъ подсудимыхъ, но виновнымъ не признанъ никто и ни въ какой мѣрѣ. Такимъ образомъ, участвовать въ кражѣ, укрывать похищенное, пользоваться имъ какъ честно пріобрѣтеннымъ достояніемъ, есть дѣло непреступное, даже добродѣтельное, судя по аплодисментамъ съ какими было встрѣчено рѣшеніе присяжныхъ.

Судъ долженъ быть правымъ, но желательно чтобъ онъ былъ и милостивымъ. Summum jus summa injuria. Желательно чтобы судъ не ограничивался однимъ формальнымъ подведеніемъ даннаго случая подъ статью закона, но входилъ бы во внутренніе мотивы дѣла и соображалъ бы всѣ обстоятельства при которыхъ оно совершено, всѣ индивидуальныя подробности его. Если оказывается, при внимательномъ и глубокомъ разсмотрѣніи дѣла, поводъ къ оказанію милости подсудимымъ, къ смягченію кары постигающей ихъ по закону или къ полному освобожденію отъ нея, то суду предоставляется дорогое право ходатайствовать предъ верховною властію о помилованіи. Само судебное учрежденіе не имѣетъ права миловать. Присяжные должны признать подсудимыхъ виновными въ совершеніи факта если виновность доказана, судьи—примѣнить къ обвиненнымъ ту или другую степень кары установленной закономъ. Вотъ функція судебныхъ учрежденій. Самое же право помилованія есть прерогатива верховной власти, кто бы ни былъ ея носителемъ, монархъ или президентъ республики. Только отъ верховной власти идущее помилованіе не колеблетъ закона; но наше судебное учрежденіе хочетъ повидимому быть во всѣхъ отношеніяхъ самодержавнымъ и верховнымъ. Оно обходится безъ помилованія; оно присвоило себѣ право шагать чрезъ законъ. Нужды нѣтъ что закономъ возбраняются подлежащія суду дѣянія; нужды нѣтъ что законъ этотъ есть одинъ изъ основныхъ началъ человѣческаго общежитія: можно, благодаря учрежденію присяжныхъ засѣдателей, объявить виновника дѣлшія невиновнымъ и стало-быть самое дѣяніе непреступнымъ. Судъ призванный стоять на стражѣ закона присвоилъ себѣ такимъ образомъ право быть его нарушителемъ. Каково же можетъ быть въ обществѣ уваженіе къ закону и могутъ ли быть тверды въ немъ начала нравственности когда само государство въ своихъ учрежденіяхъ, спеціально призванныхъ къ тому чтобы блюсти силу закона, почти ежедневно и какъ бы систематически не только нарушаетъ его, но и проповѣдуетъ неуваженіе къ нему и отрицаніе его силы! Выходитъ какъ бы что само государство въ своихъ органахъ становится не только пособникомъ и укрывателемъ преступленій, но оправдателемъ ихъ. Зачѣмъ же воръ будетъ уважать чужую собственность или убійца чужую жизнь, когда судъ, предъ зерцаломъ закона, признаетъ и кражу, и убійство дѣломъ не преступнымъ, прямо оправдывая ихъ виновниковъ?

Поборники судебнаго произвола ставятъ превыше всего доктрину которой наши суды обязаны своимъ устройствомъ. Но по силѣ этой доктрины, люди, числомъ двѣнадцать, призванные присяжными рѣшителями вопроса о фактѣ, какъ бы конфискуются на все время судебныхъ засѣданій по дѣлу въ которомъ участіе ихъ требуется. Вездѣ принимаются строгія мѣры къ огражденію ихъ ото всякаго вліянія, и даже во время судебнаго слѣдствія и преній предсѣдатель долженъ заботиться чтобы совѣсть ихъ не могла быть уловлена или обманута. У насъ, повидимому, дѣятельное огражденіе присяжныхъ ото всякихъ постороннихъ вліяній не считается обязательнымъ. Въ дѣлѣ Мельницкихъ, по избраніи присяжныхъ засѣдателей, предсѣдатель обратился къ нимъ съ назидательною рѣчью, прося ихъ не поддаваться вліянію молвы и не вступать въ сношенія съ посторонними лицами *„при уходѣ домою на ночь."* Значитъ, въ нашихъ судахъ признается возможнымъ отпускать присяжныхъ по домамъ во время самаго производства дѣла. Но повидимому такая льгота допускается только въ извѣстныхъ случаяхъ по усмотрѣнію суда. Когда разбиралось дѣло игуменіи Митрофаніи, длившееся несравненно долѣе чѣмъ дѣло Мельницкихъ, помнится, присяжныхъ не пускали ночевать домой. Доброе назиданіе предсѣдателя казалось тогда недостаточнымъ для огражденія совѣсти присяжныхъ, и ихъ держали въ заперти.

Подсудимые, при рукоплесканіяхъ публики, вышли изъ суда обѣленными: За то нѣкоторые изъ свидѣтелей привлеченные

къ слѣдствію вышли достаточно поруганными. Судъ у насъ, какъ извѣстно, служитъ законнымъ способомъ безотвѣтственно позорить людей призываемыхъ на помощь суду. Такъ-называемымъ защитникамъ дозволяется не только прибѣгать ко всякимъ изворотамъ для того чтобы выгораживать своихъ клiентовъ, что можетъ быть допущено, и превозносить преступленіе какъ геройскій подвигъ, что едва ли можетъ быть дозволяемо, но даже срамить и безчестить людей, суду не подлежащихъ, или пострадавшихъ, или содѣйствовавшихъ закону въ раскрытіи преступленія.

По дѣлу о пособникахъ и укрывателяхъ кражи Мельницкаго были призваны къ судебному слѣдствію, въ качествѣ свидѣтелей, два человѣка, содѣйствію которыхъ полиція была обязана открытіемъ украденныхъ денегъ. Этихъ несчастныхъ защитники подвергали тяжкой нравственной пыткѣ. Одного изъ нихъ допрашивали въ теченіе всего вечерняго засѣданія 18 декабря, допытываясь о наималѣйшихъ подробностяхъ его сыскной дѣятельности. Производилось слѣдствіе надъ сыщиками. Никакой надобности въ этомъ не было, дѣло подлежавшее суду нисколько этими разспросами не разъяснялось. Подсудимые сами сознались во всемъ, и фактъ во всѣхъ подробностяхъ былъ налицо. Предсѣдатель, находившій возможнымъ отпускать присяжныхъ засѣдателей по домамъ, повидимому не считалъ себя въ правѣ прекратить эту ни въ какомъ отношеніи ненужную для дѣла пытку свидѣтелей, виновныхъ только въ томъ что они помогли правительству открыть украденныя у сиротъ Воспитательнаго Дома деньги. Тенденція съ какою эта пытка производилась достаточно видна изъ вопросовъ которые между прочимъ предлагались однимъ изъ адвокатовъ: „Оправдали ли вы довѣріе которое преимущественно предъ другими оказывалъ вамъ Дорвойтъ?“ —„Да, оправдалъ.“ — „Чѣмъ же? Тѣмъ ли что явились сыщикомъ и доносчикомъ на него?“ Спрашивается, какое право имѣлъ адвокатъ дѣлать подобные вопросы и замѣчанія, и какое отношеніе имѣли они къ дѣлу? Однако изъ отчета не видно чтобы предсѣдатель остановилъ адвоката, или чтобы прокуроръ потребовалъ занесенія его словъ въ протоколъ.

Считаемъ не лишнимъ упомянуть здѣсь объ одномъ характеристическомъ эпизодѣ, который былъ пропущенъ въ нашемъ судебномъ отчетѣ какъ не прямо относящійся къ процедурѣ. Личность Мельницкаго-отца была достаточно раскрыта во время его процесса. Дѣло о членахъ его семьи дополнило его характеристику. Мы узнали какъ, пользуясь всѣмъ авторитетомъ отцовской власти, онъ склонялъ своего сына помогать ему въ безчестномъ дѣлѣ. „Въ деньгахъ, говорилъ онъ сыну, лишь и счастіе въ наше время.“ Страшная картина нравственнаго растлѣнія, прикрытая добропорядочностію! Лучше ли это чѣмъ грабители большихъ дорогъ, которые также находятъ что деньги хорошее дѣло, но по крайней мѣрѣ не фарисействуютъ и не прикрываютъ себя личиною добродѣтели? Вотъ что случилось въ свидѣтельской комнатѣ гдѣ находился и Мельницкій-отецъ. Входитъ дама хорошо одѣтая, приличной наружности, проситъ указать ей Мельницкаго, благоговѣйно цѣлуетъ его руку, и совершивъ поклоненіе, удаляется какъ вошла.

Преступное дѣло не только восторженно превозносится какъ подвигъ, но и становится предметомъ религіознаго поклоненія...

Итакъ, вотъ до чего мы дожили! Послѣ дѣла Вѣры Засуличъ мы пошли судебнымъ путемъ къ полному разложенію. Что такое законы которымъ держится человѣческое общежитіе, если они въ свою очередь не поддержаны силою государства? Законъ есть законъ когда онъ вооруженъ, когда онъ есть выраженіе государственной силы грозно требующей его исполненія. Но если государственная власть бездѣйствуетъ, то и всѣ законы которыми держится человѣческое общежитіе теряютъ силу и становятся предметомъ глумленія. Удивляться ли тому что у насъ завелись *нелегальные* дѣятели при такомъ состояніи нашихъ *легальныхъ* и *архилегальныхъ* сферъ?..

№ 357.

Москва, 24-го декабря.

А.

„Миръ Европы, благодаря центральному положенію мощной Германіи и заключеннымъ ею союзамъ, обезпеченъ,“ такъ, почти слово въ слово, высказались берлинскія газеты вышедшія наканунѣ Нова-

го Года. Политическое положенie и спокойствie Европы достаточно обезпечены, такъ что императоръ при прiемѣ поздравленiй въ Новый Годъ, вопреки издавна установившемуся обычаю, вовсе не коснулся иностранной политики.

Миръ въ Европѣ обезпеченъ; за то безпокойные политики отыскиваютъ опасность на дальнемъ Востокѣ, гдѣ будто бы грозятъ столкнуться французскiе интересы съ англiйскими. На эту опасность на дняхъ указывалъ парижскiй корреспондентъ *Кельнской Газеты*. Органъ князя Бисмарка, *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* сочла это сообщенie, основанное де на „благонадежныхъ" свѣдѣнiяхъ, заслуживающимъ вниманiя, и воспроизвела его въ политическомъ обозрѣнiи наканунѣ Новаго Года.

Сущность дѣла заключается въ слѣдующемъ:

Предъ взятiемъ Сонтая, г. Ферри, какъ утверждаетъ корреспондентъ, показывалъ большую готовность принять посредничество Англiи, такъ что въ Лондонѣ считали дѣло почти слаженнымъ. Съ паденiемъ Сонтая все измѣнилось, и Англiя должна была понять что ей нечего и ждать чтобы Францiя сама просила о посредничествѣ. Оставалось прибѣгнуть къ дипломатическому маневру. Въ этихъ видахъ, Англiйское правительство посовѣтовало маркизу Цзенгу прибыть въ Лондонъ съ просьбой о посредничествѣ. „Англiя намѣревалась сообщить объ этомъ ходатайствѣ Францiи и, такимъ образомъ, щадя самолюбie Французовъ," начать дѣло. Повидимому, китайскiй посолъ внялъ совѣту Англiи. Но что будетъ изъ этого? Лондонскiя депеши французскихъ газетъ касающiяся этого дѣла доказываютъ развѣ только то что Францiя и слышать не хочетъ о посредничествѣ Англичанъ. „Однако лордъ Ляйонсъ уже заявилъ президенту Французской республики что по взятiи Бакниня правительство Англiйское намѣрено *рѣшительно* предложить свое посредничество. Полагаютъ что Францiя, хотя и противъ воли, должна будетъ принять это посредничество, и такимъ образомъ избѣгнуть войны."

Безъ разчета и безъ явной выгоды Англiя едва ли пожелала бы взять эту роль посредницы. Но на какую выгоду она разчитываетъ? Въ Китаѣ Англiя и безъ того занимаетъ первенствующее положенie. Французы не въ состоянiи пошатнуть его даже и занятiемъ Тонкина. Ихъ торговля никогда, какъ полагаютъ въ Берлинѣ, не могла бы успѣшно соперничать съ англiйскою. Англiя заботится очевидно не о настоящемъ, а о будущемъ, и влiятельное сосѣдство Францiи ей никакъ не можетъ быть прiятнымъ. Францiя, какъ бы ни сложились обстоятельства, прiобрѣтетъ что-нибудь. Естественно Англiи искать „эквивалента." Добыть его можно всего легче путемъ посредничества, честнаго маклерства, Англiя разчитывала на хорошiй куртажъ. Еще очень недавно, въ эпоху поѣздки Цзенга въ Лондонъ, распространилось извѣстie объ англо-китайскомъ тайномъ договорѣ, которымъ Англiя обязывалась „побудить" Францiю къ примиренiю и выговаривала будто бы за это уступку Гайнана. Нѣсколько дней спустя, извѣстie о переговорахъ Цзенга подтвердилось, но слухъ о заключенiи тайнаго договора категорически опровергнутъ, хотя при этомъ о Гайнанѣ не было упомянуто ни слова. Въ Берлинѣ усомнились, правда, чтобъ Англiя запросила за свои услуги такъ много. Гайнанъ, говорили нѣмецкiя газеты, имѣетъ 900 кв. километровъ пространства, и Китай едва ли согласился бы на уступку подобнаго рода. Не вѣрнѣе ли что Англичане выговаривали де себѣ у Китайцевъ только право устроить на Гайнанѣ „угольную станцiю" подобную тѣмъ какiя они имѣютъ въ другихъ владѣнiяхъ Китая? Если уступка цѣлаго обширнаго острова можетъ казаться слишкомъ крупнымъ куртажемъ, то не слишкомъ ли мало взять только право на „угольную станцiю?" Права на устройство склада угля Англичане могли бы добиться теперь отъ Китая и безъ попытки на щекотливое посредничество во всякомъ случаѣ сомнительнаго исхода. Да и такъ ли невѣроятенъ спросъ Англiи и ея желанie взять Гайнанъ?

Послѣ взятiя Сонтая, во Францiи стали утверждать что въ рядахъ защитниковъ этого города были регулярные китайскiе солдаты, и что поэтому Францiя имѣетъ полное право требовать отъ Китая денежнаго вознагражденiя. „Если Китай, замѣчала *République Française*, откажется платить, Францiя будетъ поставлена въ необходимость обезпечить платежъ какимъ-нибудь залогомъ." Такимъ залогомъ указывались Гайнанъ или Формоза. „Въ свѣ-

дущихъ кругахъ, говоритъ вышеупомянутый корреспондентъ *Кельнской Газеты*, считаютъ угрозу несеріозною, и полагаютъ что она, какъ и толки о денежномъ вознагражденіи, есть только простая попытка оказать извѣстное давленіе на Китай." Можетъ-быть это и такъ, но ужь одна эта угроза заставляетъ Англію быть на сторожѣ. Развѣ министерство Гладстона не сумѣетъ повторить съ Гайнаномъ исторію Кипрской конвенціи. Обстоятельства и ходъ переговоровъ между Китаемъ и Англіей теперь очень напоминаютъ условія при которыхъ въ 1878 году на глазахъ у всѣхъ, „черезъ голову Берлинскаго конгресса," какъ выражаются Нѣмцы, Англичане заняли преспокойно Кипръ обѣщавъ Туркамъ услуги въ будущемъ. Развѣ теперь повторить этотъ маневръ труднѣе чѣмъ тогда?

Такъ или иначе, дѣла въ Китайскихъ водахъ уже видимо пріобрѣтаютъ европейскій интересъ.

Б.

Передовая статья въ № 352 нашей газеты, гдѣ было высказано нѣсколько недоумѣній касательно опредѣленія и исполненія расходовъ по системѣ государственнаго кредита,—расходовъ ускользающихъ отъ государственнаго контроля, — подала финансистамъ *Новаго Времени* (№ 2.810, отъ 23 декабря) поводъ выразить сомнѣніе въ точности приведенныхъ нами фактовъ и цифръ. Указанныя нами прошедшія мимо контроля крупныя денежныя суммы значатся де „только на бумагѣ, которая все терпитъ, да еще на бумагѣ *Московскихъ Вѣдомостей*," эти милліонныя суммы выведены де „при помощи болѣе или менѣе искуснаго сопоставленія цифръ." „Отчего бы," иронически спрашиваетъ въ скобкахъ финансистъ *Новаго Времени*, „просто не изобразить милліардъ въ туманѣ?"

Не желая оставлять въ туманѣ ничего касающагося такихъ серіозныхъ недоумѣній какія были высказаны нами въ № 352 *Московскихъ Вѣдомостей* по дѣлу имѣющему важное значеніе для всего государственнаго хозяйства, приводимъ рядъ тѣхъ офиціальныхъ цифръ которыя заставили насъ задуматься.

Въ *Приложеніяхъ къ Отчету Государственнаго Контроля за 1881 годъ*, на 84—85 страницахъ читаемъ что по *Трехпроцентному займу 20 марта 1859 года* для подкрѣпленія размѣннаго фонда кредитныхъ билетовъ, за уплатой 3.187.400 ф. ст., неуплаченнаго долга къ 1881 г. оставалось 3.812.600 ф. ст. Въ 1881 г., кромѣ уплаты процентовъ по этому займу, былъ сдѣланъ еще расходъ на погашеніе его, въ размѣрѣ 171.300 ф. ст. Не трудно счесть сколько приблизительно слѣдовало израсходовать на платежи по этому займу въ 1881 году:

3% съ 3.812.600 ф. ст.	114.378 ф. ст.
Погашенія	171.300 „ „
Итого . . .	285.678 ф. ст.

1 ф. ст. = 240 пенсамъ. Стало-быть 285.678 ф. ст. = 68.562.720 пенсамъ. *Средній* курсъ на Лондонъ (см. помѣщаемую ниже таблицу) въ 1881 году былъ $25^7/_{32}$ за рубль. Слѣдовательно, для уплаты 68.562.720 пенсовъ нужно было израсходовать около 2.718.720 кредитныхъ рублей, или немного болѣе при замѣнѣ трехмѣсячнаго курса курсомъ à vue.

Дѣйствительный же расходъ, какъ значится въ *Отчетѣ Государственнаго Контроля за 1881 годъ* (стр. 150—151), опредѣленъ въ 3.026.884 руб. Такая сумма могла бы быть израсходована на упомянутые платежи по Трехпроцентному займу лишь въ томъ случаѣ еслибы въ 1881 г. вексельный курсъ на Лондонъ былъ $22^{21}/_{32}$ п. за рубль.

Но въ 1881 году курсъ только въ маѣ мѣсяцѣ падалъ до $24^1/_4$; во всѣ же остальные мѣсяцы былъ много выше, а въ августѣ доходилъ даже до $26^1/_4$. Какъ же объяснить себѣ что въ государственномъ бюджетѣ, по исполненію его занесенному въ отчетъ Государственнаго Контроля, разчетъ платежей сдѣланъ по небывалому въ томъ году курсу $22^{21}/_{32}$, положимъ, à vue, а не на три мѣсяца? Куда пошла эта передержанная сумма приблизительно въ *308.164 руб.?* Гдѣ, въ какомъ фондѣ нужно ее отыскивать? Ни въ одинъ изъ фондовъ которымъ ведется обстоятельный счетъ въ *Отчетахъ Государственнаго Контроля* эта сумма не поступала.

Въ *Приложеніяхъ къ Отчету Государственнаго Контроля за 1878 годъ*, на 122—123 страницахъ, значится что по *Пятому пятипроцентному займу 8 іюня 1854 года* для подкрѣпленія Государственнаго Казначейства, за уплатой 18.066.000 руб.

мет., неуплаченнаго долга къ 1878 году оставалось 31.934.000 руб. мет. Въ 1878 году, кромѣ уплаты процентовъ по этому займу, былъ сдѣланъ еще расходъ на погашеніе его, въ размѣрѣ 301.500 руб. мет. Стало-быть всего слѣдовало израсходовать на платежи по этому займу въ 1878 году:

5% съ 31.934.000 р. мет. . .	1.596.700 р. мет.
Погашеніе.	301.500 „ „
Итого. .	1.898.200 р. мет.

Вексельные курсы въ 1878 году стояли не высоко, но вообще они были много выше нынѣшнихъ, тѣхъ при которыхъ происходилъ выпускъ золотой ренты съ опредѣленіемъ цѣны 1 мет. рубля въ 1 руб. 64 коп. кредитныхъ. *Средній* курсъ на Лондонъ, на три мѣсяца, въ 1878 году былъ $24^5/_{32}$ пенсовъ за рубль. Еслибы такой курсъ былъ à vue, то (при паритетѣ 1 руб. мет. $= 38^1/_8$ п.) цѣна металлическаго рубля въ кредитныхъ была бы 1 р. $55,_8$ к.; при курсѣ же $24^{15}/_{32}$ на три мѣсяца, ее можно принять приблизительно въ 1 руб. 57 коп. Слѣдовательно для уплаты 1.898.200 руб. мет. нужно было израсходовать 2.980.174 руб. кредитныхъ.

А какой расходъ видимъ мы вмѣсто этого въ *Отчетѣ Государственнаго Контроля за 1878 годъ* (стр. 148—149)?— 3.500.000 руб. (какъ будто бы курсъ былъ свыше 1 руб. 84 коп. кредитныхъ за 1 р. металлическій). Израсходовано *на 519.826 рублей больше чѣмъ слѣдовало бы.*

Эти 519.826 руб. нужно искать тамъ же гдѣ и вышеупомянутые 308.164 руб., но гдѣ именно—не знаемъ.

Въ тѣхъ же *Приложеніяхъ къ Отчету Государственнаго Контроля за 1878 годъ* (стр. 120—121) читаемъ что по *Первому пятипроцентному займу 16 августа 1820 года* для погашенія государственныхъ ассигнацій, за уплатой 20.979.385 руб. мет., не уплаченнаго долга къ 1878 г. оставалось 19.126.615 руб. мет. Въ 1878 году, кромѣ уплаты процентовъ по этому займу, былъ сдѣланъ еще расходъ на погашеніе его, въ размѣрѣ 89.000 руб. мет. Стало-быть всего слѣдовало израсходовать на платежи по этому займу въ 1878 году:

5% съ 19.126.615 р. мет.	956.330 р. 75 к. мет.
Погашеніе	89.000 „ — „ „
Итого. . .	1.045.330 р. 75 к. мет.

Для уплаты этихъ 1.045.330 р. 75 к. мет., при вышеозначенномъ курсѣ 1 руб. 57 коп. кред. за 1 руб. мет., нужно было израсходовать 1.641.169 руб. 28 коп. кредитныхъ.

Вмѣсто того, по *Отчету Государственнаго Контроля за 1878 годъ* (стр. 148—149), расходъ на означенные платежи по Первому пятипроцентному займу опредѣленъ въ суммѣ 2.090.088 руб., ровно *на 448.918 руб. 72 коп. больше чѣмъ слѣдовало бы.*

Заплатить 2.090.088 руб. кредитныхъ за 1.045.330 руб. металлическихъ значило платить 2 руб. кред. за 1 руб. мет., а это могло бы быть лишь при курсѣ $19^1/_{16}$ пенсовъ за рубль. Но до такого низкаго курса на Лондонъ мы, слава Богу, до сихъ поръ еще не доходили и, если только будетъ наконецъ брошена держащаяся донынѣ финансовая система, Богъ дастъ, никогда не дойдемъ.

Затѣмъ, вотъ факты заставляющіе придти къ убѣжденію что мы имѣемъ тутъ дѣло не со случайностями, а съ какою-то непонятною, необъяснимою системой:

Возьмемъ два пятипроцентные займа: *Второй*, 23 іюля 1822, для погашенія государственныхъ ассигнацій, и *Шестой*, 26 ноября 1855, для подкрѣпленія Государственнаго Казначейства,—и прослѣдимъ относящіяся къ нимъ цифры Государственнаго Контроля за пятилѣтіе *) 1878—1882. Начнемъ со *Втораго*, погасительнаго займа.

За уплатой 10.081.770 р. мет., непогашеннаго долга по этому займу къ 1878 году оставалось 32.918.615 р. мет. Въ 1878 году предстояло израсходовать:

5% съ 32.918.615 р. мет.	1.645.911 р. 50 к. мет.
Погашеніе	146.200 „
Итого	1.792.111 р. 50 к. мет.

Расходъ на эти платежи сдѣланъ въ суммѣ 2.797.934 р. кред., стало-быть по разчету 1 р. $56^1/_8$ к. кред. за 1 рубль мет., что близко подходитъ къ среднему уровню тогдашнихъ вексельныхъ курсовъ и не останавливаетъ на себѣ вниманія. Не то видимъ за остальные четыре года.

---

*) См. *Приложенія къ Отчету Государственнаго Контроля: 1878* года—стр. 120—123, *1879*—стр. 80—83, *1880*—стр. 82—85, *1881*—стр. 82—85, *1882*—стр. 106—109, и самые *Отчеты Государственнаго Контроля: 1878* года—стр. 148—149, *1879*—стр. 150—151, *1880*—стр. 150—151, *1881*—стр. 150—151 и *1882* года—стр. 150—151.

Въ 1879 году по Второму займу предстояли уплаты:

5% съ 32.772.030 р. мет.	1.638.601 р. 50 к. мет.
Погашеніе	116.060 „
Итого	1.754.661 р. 50 к. мет.

Средній вексельный курсъ въ 1879 былъ $24^{5}/_{16}$; стало-быть 1 р. мет. равнялся 1 р. $56,_{8}$ к. кр. или, по курсу à vue, приблизительно 1 р. 58 к. кр. Стало-быть уплата 1.754.661 р. 50 к. мет. требовала расхода 2.772.365 р. 17 к. кр. Между тѣмъ расходъ по контролю показанъ въ 2.946.451 р., слѣдовательно считая 1 р. м. почти за 1 р. 68 к. кр., такъ что оказывается *передержка во 174.085 р. 83 к.*

Въ 1880 по тому же займу предстояли уплаты:

5% съ 32.655.970 р. мет.	1.632.798 р. 50 к. мет.
Погашеніе	48.540 „
Итого	1.681.338 р. 50 к. мет.

Средній вексельный курсъ въ 1880 былъ $25^{1}/_{16}$, стало-быть 1 р. м. = 1 р. $52,_{1}$ к. кр. или, по курсу à vue, не болѣе 1 р. $53^{1}/_{2}$ к. кр. При такомъ курсѣ, уплата 1.681.338 р. 50 к. мет. требовала расхода 2.580.854 р. 60 к. кр. По контролю же расходъ показанъ 2.946.141 р., то-есть считая 1 руб. мет. почти за 1 руб. $75^{1}/_{4}$ к. кред., и слѣдовательно *съ передержкой въ 365.286 р. 40 к.*

Въ 1881 по тому же займу предстояли уплаты:

5% съ 32.607.430 р. мет.	1.630.371 р. 50 к. мет.
Погашеніе	254.200 „
Итого	1.884.571 р. 50 к. мет.

Средній вексельный курсъ въ 1881 былъ $25^{7}/_{32}$, стало-быть 1 р. м. = 1 р. $51,_{2}$ к. кр. или, по курсу à vue, 1 р. $52^{1}/_{2}$ к. кр. При такомъ курсѣ, уплата 1.884.571 р. 50 к. мет. требовала расхода 2.873.971 р. 54 к. кред. По контролю же расходъ показанъ въ 3.061.738 р., то-есть считая 1 р. мет. почти за 1 р. $62^{1}/_{2}$ к. кр., и слѣдовательно *съ передержкой 187.766 р. 46 к.*

Наконецъ, въ 1882 году по тому же займу предстояли уплаты:

5% съ 32.353.230 р. мет.	1.617.661 р. 50 к. мет.
Погашеніе	231.300 „
Итого	1.848.961 р. 50 к. мет.

Средній вексельный курсъ въ 1882 былъ $24^{5}/_{32}$, стало-быть 1 р. м. = 1 р. $57,_{8}$ к. кр. или, по курсу à vue, около 1 р. 59 к. кр. При такомъ курсѣ уплата 1.848.961 р. 50 к. мет. требовала расхода 2.939.848 р. 79 к. кр. А по контролю расходъ показанъ въ 3.061.580 р., то-есть считая 1 р. мет. болѣе чѣмъ за 1 р. $65^{1}/_{2}$ к. кр., стало-быть *съ передержкой во 121.731 р. 21 к.*

Итогъ означенныхъ передержекъ по Второму займу за четыре года (1879—1882) составляетъ 848.869 р. 90 к. кр.

Переходимъ къ Шестому займу, послѣднему изъ вызванныхъ Крымскою войной.

За уплатой 6.286.000 р. мет. непогашеннаго долга по этому займу къ 1878 году оставалось 43.714.000 р. мет. Въ 1878 предстояли уплаты:

5% съ 43.714.000 р. мет.	2.185.700 р. мет.
Погашеніе	136.000 „ „
Итого	2.321.700 р. мет.

При курсѣ 1 р. 57 к. кред. за 1 р. мет., уплата 2.321.700 р. мет. требовала расхода 3.645.069 р. кр. Вмѣсто того, по контролю показанъ расходъ 4.253.817 р., то-есть считая 1 р. мет. почти за 1 р. $83^{1}/_{4}$ к. кред. *Передержка 608.748 р.*

Въ 1879 по Шестому займу предстояли уплаты:

5% съ 43.578.000 р. мет.	2.178.900 р. мет.
Погашеніе	650.500 „ „
Итого	2.829.400 р. мет.

Въ этомъ году курсъ стоялъ приблизительно 1 р. 58 к. кр. за 1 р. мет. Почти по этому курсу (1 р. $58^{1}/_{4}$ к. за 1 р.) и вычисленъ расходъ по контролю, именно 4.477.613 р. кр. Передержки, можно сказать, не было.

Въ 1880 по тому же займу предстояли уплаты:

5% съ 42.927.500 р. мет.	2.146.375 р. мет.
Погашеніе	647 500 „ „
Итого	2.793.875 р. мет.

При курсѣ 1 р. $53^{1}/_{2}$ к. кр. за 1 р. мет., уплата 2.793.875 р. мет. требовала расхода 4.288.598 р. 13 к. кр. По контролю же показанъ расходъ 4.728.379 р. 23 к., то-есть считая 1 р. мет. болѣе чѣмъ за 1 р. 69 к. *Передержка 439.781 р. 10 к.*

Въ 1881 по тому же займу предстояли уплаты:

5% съ 42.280.000 р. мет.	2.114.000 р. мет.
Погашеніе	2.000 „ „
Итого	2.116.000 р. мет.

При курсѣ 1 р. $52\frac{1}{2}$ к. кр. за 1 р. мет., уплата 2.116.000 р. мет. требовала расхода 3.226.900 р. кр. По контролю же показанъ расходъ 4.588.105 р., то-есть считая по курсу *2 р. $16,_{12}$ к.* за 1 р. мет. *Передержка 1.361.205 р.* Это въ одинъ годъ только по одному изъ займовъ!

Въ 1882 по тому же займу предстояли уплаты:

5% съ 42.278.000 р. мет.	2.113.900 р. мет.
Погашеніе	192.000 „ „
Итого	2.305.900 р. мет.

При курсѣ 1 р. 59 к. кр. за 1 р. мет., уплата 2.305.900 р. мет. требовала расхода 3.666.381 р. кр. По контролю же показанъ расходъ 4.571.759 р., то-есть считая по курсу 1 р. $98\frac{1}{4}$ к. кр. за 1 р. мет. *Передержка 905.378 р.*

Итогъ передержекъ по Шестому займу за четыре года (1878, 1880, 1881 и 1882) составляетъ такимъ образомъ *3.315.112 руб. 10 коп.*

Въ общемъ выводѣ, вышеуказанныя передержки по займамъ даютъ слѣдующій итогъ:

По Трехпроцентному займу за 1881 годъ. . . .	519.826 р.	— к.
„ Первому пятипроцентному займу за 1878. .	448.918 „	72 „
„ Второму пятипроцентному займу за 1879—1882.	848.869 „	90 „
„ Пятому пятипроцентному займу за 1878 . . .	308.164 „	— „
„ Шестому пятипроцентному займу за 1878 и 1880—1882.	3.315.112 „	10 „
Итого	5.440.890 „	72 „
Кромѣ того, по тремъ Восточнымъ займамъ (см. *Моск. Вѣд.* № 343). .	1.766.250 „	— „
Всего	7.207.140 р.	72 к.

то-есть тѣ самыя цифры которыя приведены въ № 352 *Московскихъ Вѣдомостей.* Что касается другихъ упомянутыхъ въ томъ же нумерѣ суммъ (5.280.057 руб. 26 коп. и 9.970.975 руб. 56 коп.), то офиціальные документы на которыхъ основаны вызываемыя ими недоумѣнія обстоятельно указаны и разобраны въ №№ 19, 22, 32 и 35 *Московскихъ Вѣдомостей* за текущій годъ, а равно въ январьской и февральской книжкахъ *Русскаго Вѣстника* за текущій же 1883 годъ.

Насъ мало интересуютъ сужденія финансистовъ *Новаго Времени* о „финансовой политикѣ“ *Московскихъ Вѣдомостей.* Но полагаемъ что никто изъ понимающихъ дѣло не станетъ отрицать что трудно составить вѣрное представленіе о значеніи любаго изъ нашихъ бюджѣтныхъ дефицитовъ не имѣя въ виду отчетности даже въ вышеуказанныхъ почти $22\frac{1}{2}$ милліонахъ рублей *только по одной части бюджета,* не говоря о другихъ; что безъ разъясненія куда пошли или гдѣ числятся такія суммы, жаль отказывать въ деньгахъ нужныхъ на необходимые и полезные государственные расходы; что безъ ясной, обстоятельно, документально провѣренной отчетности въ подобныхъ суммахъ, трудно судить дѣйствительно ли нуженъ какой-нибудь заемъ, напримѣръ выпускъ золотой ренты; что разъясненіе отчетности въ подобныхъ суммахъ необходимо для убѣжденія въ томъ что установленіе какого-нибудь новаго налога дѣйствительно требуется государственными нуждами, а не есть результатъ административно-финансовой путаницы. Безъ убѣжденія же въ дѣйствительной надобности любаго новаго налога едва ли было бы справедливо даже установленіе „налоговъ на торгующій и промышленный міръ,“ который не пользуется, повидимому, расположеніемъ финансистовъ *Новаго Времени.*

ВЕКСЕЛЬНЫЕ КУРСЫ НА ЛОНДОНЪ НА ПЕТЕРБУРГСКОЙ БИРЖѢ *).

1. *За 1878 годъ*

	Низшіе.	Высшіе.	Средніе.
Въ цѣломъ году .	$22\frac{1}{4}$	$26\frac{7}{8}$	—
„ январѣ	$24\frac{1}{2}$	$26\frac{7}{8}$	$25\frac{11}{16}$
„ февралѣ. . .	$25\frac{1}{16}$	$26\frac{7}{16}$	$25\frac{3}{4}$
„ мартѣ. . .	$22\frac{1}{2}$	$26\frac{1}{16}$	$24\frac{9}{32}$
„ апрѣлѣ . . .	$22\frac{1}{4}$	$23\frac{15}{16}$	$23\frac{8}{32}$
„ маѣ.	23	25	24
„ іюнѣ	$24\frac{5}{16}$	$26\frac{3}{8}$	$25\frac{11}{32}$
„ іюлѣ	25	$25\frac{3}{4}$	$25\frac{3}{8}$
„ августѣ . . .	25	$25\frac{9}{16}$	$25\frac{9}{32}$
„ сентябрѣ . .	$23\frac{15}{16}$	$24\frac{25}{32}$	$24\frac{11}{32}$
„ октябрѣ. . .	$23\frac{3}{32}$	$24\frac{3}{16}$	$23\frac{23}{32}$
„ ноябрѣ . . .	$23\frac{7}{16}$	$23\frac{13}{16}$	$23\frac{9}{16}$
„ декабрѣ. . .	$22\frac{15}{16}$	$23\frac{35}{32}$	$23\frac{11}{32}$
	Средній изъ низшихъ.	Средній изъ высшихъ.	Средній изъ среднихъ.
Въ среднемъ выводѣ за 12 мѣсяцевъ	$23\frac{21}{32}$	$25\frac{3}{16}$	$24\frac{13}{32}$

2. *За 1879 годъ.*

	Низшіе.	Высшіе.	Средніе.
Въ цѣломъ году . .	$22\frac{5}{8}$	$25\frac{15}{16}$	—
январѣ	$22\frac{5}{8}$	$23\frac{23}{32}$	$23\frac{3}{16}$

*) Цифры заимствованы изъ *Указателя Прав. Распор. по Министерству Финансовъ.* При выводѣ „среднихъ“ курсовъ, всякая дробь менѣе $\frac{1}{32}$ отбрасывалась.

	Низшіе.	Высшіе.	Средніе.
Въ февралѣ. . . .	$22^{15}/_{16}$	$23^{11}/_{16}$	$23^{3}/_{8}$
„ мартѣ.	$23^{11}/_{32}$	$23^{15}/_{16}$	$23^{5}/_{8}$
„ апрѣлѣ	$22^{7}/_{8}$	$23^{13}/_{32}$	$23^{1}/_{8}$
„ маѣ.	$22^{29}/_{32}$	$23^{15}/_{16}$	$23^{13}/_{32}$
„ іюнѣ	$23^{1}/_{2}$	$23^{3}/_{4}$	$23^{5}/_{8}$
„ іюлѣ	$23^{31}/_{32}$	$25^{9}/_{16}$	$24^{3}/_{4}$
„ августѣ	$24^{23}/_{32}$	$25^{15}/_{16}$	$25^{5}/_{16}$
„ сентябрѣ . . .	25	$25^{7}/_{8}$	$25^{7}/_{16}$
„ октябрѣ. . . .	$25^{5}/_{32}$	$25^{15}/_{16}$	$25^{17}/_{32}$
„ ноябрѣ	25	$25^{5}/_{16}$	$25^{5}/_{32}$
„ декабрѣ. . . .	$24^{31}/_{32}$	$25^{3}/_{8}$	$25^{5}/_{32}$
Въ среднемъ выводѣ за 12 мѣсяцевъ	Средній изъ низшихъ. $23^{29}/_{32}$	Средній изъ высшихъ. $24^{11}/_{16}$	Средній изъ среднихъ. $24^{5}/_{16}$

3. За 1880 годъ.

	Низшіе.	Высшіе.	Средніе.
Въ цѣломъ году . .	$23^{3}/_{4}$	$26^{1}/_{8}$	—
„ январѣ	25	$25^{7}/_{8}$	$25^{7}/_{16}$
„ февралѣ. . . .	$25^{3}/_{16}$	$26^{1}/_{8}$	$25^{5}/_{8}$
„ мартѣ.	$25^{7}/_{32}$	$25^{15}/_{32}$	$25^{11}/_{32}$
„ апрѣлѣ	$25^{5}/_{32}$	$25^{15}/_{32}$	$25^{5}/_{16}$
„ маѣ.	$25^{7}/_{32}$	$25^{5}/_{8}$	$25^{13}/_{32}$
„ іюнѣ	$25^{15}/_{32}$	$25^{3}/_{4}$	$25^{19}/_{32}$
„ іюлѣ	$24^{7}/_{8}$	$25^{7}/_{16}$	$25^{1}/_{16}$
„ августѣ	$25^{1}/_{16}$	$25^{1}/_{4}$	$25^{5}/_{32}$
„ сентябрѣ . . .	$23^{3}/_{4}$	$24^{15}/_{16}$	$24^{11}/_{32}$
„ октябрѣ. . . .	$23^{31}/_{32}$	$24^{3}/_{4}$	$24^{11}/_{32}$
„ ноябрѣ	$24^{9}/_{32}$	$24^{3}/_{4}$	$24^{1}/_{2}$
„ декабрѣ. . . .	$24^{1}/_{2}$	$25^{3}/_{16}$	$24^{27}/_{32}$
Въ среднемъ выводѣ за 12 мѣсяцевъ	Средній изъ низшихъ. $24^{25}/_{32}$	Средній изъ высшихъ. $25^{3}/_{8}$	Средній изъ среднихъ. $25^{1}/_{16}$

4. За 1881 годъ.

	Низшіе.	Высшіе.	Средніе.
Въ цѣломъ году . .	$24^{1}/_{4}$	$26^{1}/_{4}$	—
„ январѣ.	$24^{21}/_{32}$	$25^{9}/_{32}$	$25^{1}/_{8}$
„ февралѣ. . . .	$25^{1}/_{16}$	$25^{3}/_{16}$	$25^{1}/_{16}$
„ мартѣ.	$24^{19}/_{32}$	25	$24^{23}/_{32}$
„ апрѣлѣ	$24^{17}/_{32}$	$24^{23}/_{32}$	$24^{21}/_{32}$
„ маѣ.	$24^{1}/_{4}$	$24^{19}/_{32}$	$24^{13}/_{32}$
„ іюнѣ	$24^{5}/_{16}$	$25^{3}/_{16}$	$24^{3}/_{4}$
„ іюлѣ.	$24^{31}/_{32}$	$25^{3}/_{4}$	$25^{11}/_{32}$
„ августѣ . . .	$25^{11}/_{16}$	$26^{1}/_{4}$	$25^{31}/_{32}$
„ сентябрѣ. . . .	$25^{23}/_{32}$	$26^{3}/_{16}$	$25^{15}/_{16}$
„ октябрѣ. . . .	$25^{11}/_{16}$	$26^{1}/_{32}$	$25^{27}/_{32}$
„ ноябрѣ.	$25^{3}/_{16}$	$25^{7}/_{8}$	$25^{19}/_{32}$
„ декабрѣ. . . .	25	$25^{7}/_{16}$	$25^{7}/_{32}$
Въ среднемъ выводѣ за 12 мѣсяцевъ	Средній изъ низшихъ. 25	Средній изъ высшихъ. $25^{13}/_{32}$	Средній изъ среднихъ. $25^{7}/_{32}$

5. За 1882 годъ.

	Низшіе.	Высшіе.	Средніе.
Въ цѣломъ году . .	$23^{7}/_{16}$	$25^{1}/_{8}$	—
„ январѣ.	$24^{13}/_{32}$	$25^{1}/_{8}$	$24^{3}/_{4}$
„ февралѣ	$24^{1}/_{8}$	$24^{5}/_{8}$	$24^{3}/_{8}$
„ мартѣ	24	$24^{9}/_{32}$	$24^{1}/_{8}$
„ апрѣлѣ.	$24^{9}/_{32}$	$24^{9}/_{16}$	$24^{13}/_{32}$
„ маѣ.	$24^{1}/_{8}$	$24^{17}/_{32}$	$24^{5}/_{16}$
„ іюнѣ	$23^{7}/_{8}$	$24^{7}/_{16}$	$24^{5}/_{32}$
„ іюлѣ	$23^{15}/_{16}$	$24^{1}/_{4}$	$24^{3}/_{22}$

	Низшіе.	Высшіе.	Средніе.
Въ августѣ.	$23^{31}/_{32}$	$24^{1}/_{4}$	$24^{3}/_{32}$
„ сентябрѣ. . . .	$24^{1}/_{32}$	$24^{1}/_{4}$	$24^{1}/_{8}$
„ октябрѣ.	24	$24^{5}/_{16}$	$24^{5}/_{32}$
„ ноябрѣ.	$23^{21}/_{32}$	$24^{3}/_{32}$	$23^{7}/_{8}$
„ декабрѣ	$23^{7}/_{16}$	$23^{27}/_{32}$	$23^{5}/_{8}$
Въ среднемъ выводѣ за 12 мѣсяцевъ	Средній изъ низшихъ. $23^{31}/_{32}$	Средній изъ высшихъ. $24^{3}/_{8}$	Средній изъ среднихъ. $24^{5}/_{32}$

№ 360.

Москва, 28-го декабря.

За обезпеченіемъ мира въ Европѣ, политикѣ остается пробавляться тонкинскими дѣлами и египетскими затрудненіями.

Однако положеніе дѣлъ въ южныхъ окраинахъ Египта, дѣйствительно, получаетъ теперь интересъ: на сцену появился новый факторъ которому вѣроятно предстоитъ роль въ ближайшемъ будущемъ. Говоримъ объ Абиссиніи.

Со времени извѣстнаго абиссинскаго похода лорда Непира, въ 1868 году, Абиссинія была предоставлена своей участи. Отрѣзанная на востокѣ отъ Чермнаго (Краснаго) Моря узкою береговою полосой, присоединенною послѣ похода Англичанъ къ Египту, Абиссинія въ послѣднее время была внѣ всякаго вліянія Европы, ставъ театромъ междуусобицъ, подавленныхъ наконецъ нынѣ царствующимъ королемъ Абиссиніи, Іоанномъ. Подчинивъ себѣ непокорныхъ вассаловъ, король уже нѣсколько разъ пытался расширить предѣлы своихъ владѣній, въ особенности по направленію къ востоку, гдѣ онъ стремился захватить отошедшую къ Египту береговую полосу съ портомъ Масауа, который имѣлъ бы для Абиссиніи важное торговое значеніе. Помѣхой къ осуществленію этихъ плановъ были до послѣдняго времени Англичане, въ разчеты коихъ входило поддерживать въ этомъ мѣстѣ власть египетскаго хедива.

Когда, два мѣсяца тому назадъ, революціонное движеніе въ Суданѣ приняло угрожающій характеръ и многочисленныя полчища махди Магометъ-Ахмета уничтожили при Эль-Обеидѣ египетскій экспедиціонный корпусъ генерала Гикса, король Абиссинскій Іоаннъ понялъ что ему представляется удобный случай воспользоваться хаотическимъ положеніемъ дѣлъ въ

южныхъ округахъ Египта и осуществить свои давнишніе завоевательные планы. Магометъ-Ахметъ также понялъ что содѣйствіе абиссинскихъ войскъ могло бы служить ему важнымъ подспорьемъ въ борьбѣ съ хедивомъ и, какъ мы сообщали въ свое время, попытался войти съ королемъ Іоанномъ въ соглашеніе для поддержки мусульманскаго движенія. Абиссинскій король однако отказался заключить съ махди формальный союзъ, ссылаясь на то что онъ и подданные его христіане. Въ письмѣ къ Магометъ-Ахмету король Іоаннъ заявилъ что удерживаетъ за собой полную свободу дѣйствій.

На дняхъ въ Лондонѣ было получено поразившее всѣхъ извѣстіе что король Іоаннъ дѣйствительно воспользовался удержанною имъ свободой дѣйствій и открылъ военныя операціи противъ Египтянъ. Двѣ колонны абиссинскихъ войскъ перешли египетскую границу: первая двинулась на западъ по направленію къ Касалѣ (по дорогѣ на Хартумъ), вторая на востокъ съ цѣлью захватить портъ Масауа. Незначительные отряды египетскихъ войскъ, пытавшіеся преградить путь аббиссинскимъ отрядамъ, были отчасти разсѣяны, отчасти взяты въ плѣнъ солдатами короля Іоанна.

Англійскій кабинетъ, получивъ извѣстіе о движеніи абиссинскихъ войскъ, рѣшилъ попытаться привлечь Абиссинію на свою сторону для борьбы противъ махди. Начальникъ египетскихъ войскъ, Бекеръ-паша, получилъ изъ Лондона предписаніе вступить съ королемъ Іоанномъ въ переговоры, результатомъ коихъ была бы, по словамъ англійскихъ газетъ, уступка Абиссиніи порта Масауа, съ тѣмъ условіемъ чтобы король дозволилъ египетскому гарнизону въ Хартумѣ спастись отъ полчищъ Магометъ-Ахмета отступленіемъ чрезъ Касалу и Абиссинію къ Чермному Морю. Бекеръ-паша, какъ говорятъ теперь газеты, уполномоченъ заключить съ королемъ Абиссинскимъ договоръ имѣющій еще болѣе важное значеніе. За содѣйствіе абиссинскихъ войскъ египетскимъ и англійскимъ для подавленія движенія поднятаго лжепророкомъ, Англичане готовы уступить Абиссиніи юго-восточныя области Судана. Удастся ли миссія Бекеръ-паши, пока неизвѣстно, но несомнѣнно что въ виду угрожающей опасности Англичане всячески будутъ стараться о союзѣ съ Абиссиніей. Долго колебаться и медлить имъ нельзя. Все шире разгорается мусульманское движеніе поднятое Магометъ-Ахметомъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, мятежъ распространился до береговъ Чермнаго Моря и передовые отряды мятежниковъ появились уже въ Коссирѣ, лежащемъ на берегу моря въ двухдневномъ переходѣ отъ Суэза.

Появленіе мятежа въ Среднемъ Египтѣ повергло правительство хедива въ сильное смятеніе. Подъ давленіемъ угрожающей опасности, противодѣйствовать которой хедивъ своими силами не можетъ, министры его обратились въ Лондонъ съ рѣшительною нотой, грозя бросить Египетъ въ объятія Турціи если Англія немедленно не приметъ энергическихъ мѣръ для защиты Египта. Въ нотѣ прямо указывается что Египетское правительство готово уступить Турціи всю восточную часть Судана съ тѣмъ чтобы дань которую Египетъ уплачиваетъ Турціи была соотвѣтственно уменьшена.

Такимъ образомъ оказалось бы возможнымъ сосредоточить всѣ египетскія войска въ самомъ Египтѣ, а отсюда уже само собою возникаетъ вопросъ объ оккупаціонной англійской арміи. Въ Каирѣ держатся того мнѣнія что пятнадцати тысячъ египетскихъ солдатъ совершенно достаточно для поддержанія порядка въ странѣ и для охраненія ея границъ. Оккупаціонныя войска становятся такимъ образомъ, какъ непрошенные гости, лишними въ Египтѣ.

Теперь весь вопросъ заключается въ томъ какъ примутъ египетскую ноту въ Лондонѣ и какъ, съ другой стороны, посмотрятъ на нее въ Константинополѣ. Есть извѣстіе что генеральный консулъ въ Египтѣ, г. Берингъ, сообщая полученную имъ ноту своему правительству, прямо высказалъ будто пятнадцати тысячъ Египтянъ недостаточно для поддержанія порядка и для охраны границъ. Позднѣйшія извѣстія, идущія изъ Лондона отъ 6 января, указываютъ на болѣе глубокія несогласія между Англіей и Египетскимъ правительствомъ, заставившія хедива заявить что „онъ отречется отъ престола только подъ давленіемъ силы.“

№ 361.

Москва, 29-го декабря.

А.

Среди господствующаго нынѣ политическаго затишья въ Европѣ, внезапно обратило на себя вниманіе политическое броженіе, появившееся въ Испаніи, которая готова была претендовать на значеніе великой державы.

Когда въ началѣ августа король Альфонсъ собирался въ Германію, на югѣ Испаніи вспыхнуло въ Бадахосѣ и Барселонѣ революціонное движеніе среди войскъ расположенныхъ въ этихъ городахъ, съ цѣлью провозгласить республику въ Испаніи. Это движеніе, вызванное, какъ оказалось въ послѣдствіи, происками проживающаго въ Парижѣ эмигранта Руиса Сорильи, не нашло себѣ поддержки въ населеніи отличающемся преданностью престолу и знающемъ по опыту какое зло причинили ему междуусобицы, въ теченіе десяти лѣтъ терзавшія Испанію. Бадахосское и Барселонское *pronunciamiento* было быстро подавлено энергическими мѣрами министерства Сагасты, и король Альфонсъ могъ черезъ нѣсколько недѣль благополучно совершить свое путешествіе въ Германію.

Но за нѣсколько дней передъ отъѣздомъ короля изъ Испаніи, радикальные члены коалиціоннаго министерства Сагасты произвели давленіе на молодаго короля, представивъ ему внутреннее положеніе государства и настроеніе общества въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Въ отсутствіе короля, доказывали они, въ Испаніи вспыхнетъ повсемѣстная революція если король не предотвратитъ ее образованіемъ новаго радикальнаго министерства изъ членовъ такъназываевой „лѣвой династической партіи,“ къ которой принадлежатъ почти всѣ бывшіе республиканцы оставшіеся въ Испаніи и продолжающіе преслѣдовать свои цѣли подъ личиной „либеральнѣйшей изъ монархическихъ партій.“ Король Альфонсъ чрезвычайно дорожилъ визитомъ который онъ предполагалъ сдѣлать императору Вильгельму, и не находилъ возможнымъ снова отложить его на неопредѣленное время. Тѣмъ не менѣе, онъ не рѣшился наканунѣ своего отъѣзда приступить къ образованію новаго министерства. Но, полагая что въ самомъ дѣлѣ въ его отсутствіе спокойствіе въ Испаніи можетъ быть нарушено если не обезпечить его „либеральными обѣщаніями,“ король Альфонсъ заявилъ что тотчасъ по возвращеніи своемъ изъ Германіи онъ откроетъ новую „либеральную эру“ и назначитъ министрами членовъ „династической лѣвой.“ Напрасно министръ-президентъ Сагаста доказывалъ королю что принятыя имъ мѣры настолько дѣйствительны что опасаться за спокойствіе страны въ отсутствіе короля нѣтъ ни малѣйшаго основанія; радикальные совѣтники короля взяли верхъ, и напуганный ими молодой король остался при своемъ рѣшеніи успокоить мнимое „общественное мнѣніе“ обѣщаніемъ даровать ему, послѣ своего путешествія, „либеральныя“ реформы. Такимъ образомъ, король Альфонсъ отправился въ Германію въ сопровожденіи министра-президента Сагасты, который во время всей поѣздки принужденъ былъ играть незавидную роль присужденнаго къ отставкѣ главы испанскаго кабинета.

Когда, въ началѣ октября, король возвратился въ Испанію, народъ встрѣтилъ его необыкновенно восторженными оваціями, которыя были вызваны событіями сопровождавшими посѣщеніе королемъ Германіи и въ особенности Франціи. Оскорбленія которымъ Альфонсъ XII подвергся со стороны французскихъ республиканцевъ въ Парижѣ возбудили негодованіе во всѣхъ слояхъ Испанскаго народа, поспѣшившаго заявить свою преданность возвратившемуся королю. Сагаста воспользовался этими оваціями чтобъ еще разъ посовѣтовать королю не возбуждать совершенно ненужнаго министерскаго кризиса и король повидимому самъ былъ того же мнѣнія, но онъ считалъ себя связаннымъ даннымъ обѣщаніемъ и заявилъ что хочетъ произвести „добросовѣстнымъ образомъ либеральный экспериментъ,“ для того можетъ-быть чтобъ, если онъ не удастся, имѣть полное основаніе никогда болѣе къ нему не прибѣгать.

Такимъ образомъ умѣренное министерство Сагасты подало въ отставку и на его мѣсто вступило „лѣвое династическое“ министерство Посады Герреры. Однимъ изъ наиболѣе важныхъ постовъ въ каждомъ испанскомъ кабинетѣ есть, безъ сомнѣнія, постъ военнаго министра. Дисциплина въ испанской арміи до такой степени расша-

тана, вслѣдствіе частыхъ возмущеній, что военному министру въ Испаніи всегда предстоитъ трудная задача держать въ повиновеніи ту именно силу отъ которой зависитъ прочность правительства и спокойствіе страны. Посада Геррера предоставилъ въ своемъ кабинетѣ портфель военнаго министерства бывшему республиканцу и крайнему радикалу, Лопесу Домингесу, на томъ де основаніи что этотъ генералъ выработалъ обширный планъ реорганизаціи испанской арміи. Генералъ Домингесъ, вступивъ въ министерство, дѣйствительно тотчасъ началъ приводить въ исполненіе свой планъ, который однако оказался весьма простаго свойства и сводился къ „демократизаціи арміи" посредствомъ назначенія на всѣ главные военные посты самыхъ рьяныхъ республиканскихъ офицеровъ, опытныхъ мастеровъ въ искусствѣ устраивать военные бунты.

Но не одна только армія подверглась „демократизаціи." Всѣ министры кабинета Посады Герреры соперничали другъ предъ другомъ въ демократизаціи всѣхъ зависящихъ отъ нихъ вѣдомствъ. „Либеральный экспериментъ" въ короткое время произвелъ радикальный переворотъ въ испанской военной и гражданской администраціи и подготовилъ почву для дальнѣйшихъ радикальныхъ мѣръ министерства Посады Герреры.

Такія мѣры, осуществленіе которыхъ должно послѣдовать въ ближайшемъ будущемъ, возвѣщены уже министерствомъ: введеніе всеобщей подачи голосовъ и пересмотръ конституціи, имѣющій цѣлью возстановленіе хартіи 1869 года, то-есть той самой хартіи которая вызвала кровопролитныя междуусобныя войны, кончившіяся лишь когда король Альфонсъ, вступивъ на престолъ, поручилъ управленіе страной энергическому главѣ такъ-называемой консервативно-монархической партіи, г. Кановасу-дель-Кастильйо, который нынѣ отстраненъ отъ дѣлъ въ качествѣ „мрачнаго реакціонера."

Король Альфонсъ можетъ теперь уже понять куда ведетъ путь „добросовѣстно произведеннаго эксперимента." Экспериментъ далеко еще не доведенъ до конца, а между тѣмъ въ странѣ стали появляться зловѣщіе признаки грядущей революціи: всюду устраиваются радикалами банкеты въ честь эмигранта Сорильи, который повидимому призванъ быть президентомъ чаемой испанской республики; на сѣверо-востокѣ зашевелились карлисты; радикальныя газеты все рѣзче нападаютъ на монархическій принципъ, а парижскія республиканскія газеты уже открыто привѣтствуютъ близкое, по ихъ мнѣнію, провозглашеніе испанской республики.

Но внезапно надежды испанскихъ радикаловъ омрачились. Оказалось что министерство Посады Герреры не располагаетъ большинствомъ въ кортесахъ. Г. Сагаста, ставшій нынѣ президентомъ кортесовъ, заявилъ отъ имени большинства депутатовъ что введеніе всеобщей подачи голосовъ и пересмотръ конституціи ни въ какомъ случаѣ не будутъ приняты кортесами.

Г. Посада Геррера не смутился. Онъ заявилъ что если кортесы не примутъ предложенныхъ имъ реформъ, онъ будетъ просить короля распустить кортесы, дабы произвести новые выборы „подъ *наблюденіемъ* демократической администраціи," надѣясь что такимъ образомъ онъ подберетъ себѣ въ новыхъ кортесахъ покорное большинство.

Но согласится ли король Альфонсъ уважить требованіе своего радикальнаго министра? Не предпочтетъ ли онъ прекратить „экспериментъ" и вернуться къ строго-монархической политикѣ, которая уже разъ спасла Испанію отъ того самаго хаоса въ который ее снова стараются ввергнуть революціонеры, прикрывшіеся личиной „лѣвой династической партіи?" На дняхъ король Альфонсъ долженъ будетъ принять то или другое рѣшеніе.

Б.

Въ отвѣтъ на замѣтку нашу о существованіи враждебной Россіи клики польскихъ дѣятелей, одинъ изъ выходящихъ въ Москвѣ листковъ держитъ такую рѣчь:

„Мы скажемъ что Россія въ данномъ случаѣ пожинаетъ лишь естественные плоды собственныхъ заблужденій и собственной жестокости относительно Поляковъ. Попытки къ истребленію польской народности и къ довершенію посредствомъ этого истребленія политическаго захвата, насилія и произвола учиненныхъ при раздѣлѣ славянской Польши между Россіей и Нѣмцами — создали въ польскомъ народѣ непримиримыхъ, отчаянныхъ враговъ Россіи."

Подобныя рѣчи не новость. Но до сихъ поръ онѣ произносились лишь въ Швейцаріи, Парижѣ и Лондонѣ, на сходкахъ на которыхъ собирались русскіе нигилисты и польскіе революціонеры и ругали все русское, все Россіи дорогое и святое. Еще въ 1849 году русскій отверженецъ, Михаилъ Бакунинъ, въ Парижѣ, въ день празднованія годовщины польскаго возстанія 1830 года, предлагалъ собравшимся польскимъ „утекинерамъ" „союзъ демократической Польши съ русскими революціонерами," причемъ дѣлалъ мерзкія нападки на Россію за раздѣлъ Польши. Подобныя нападки и обвиненія ихъ повторялись не разъ въ трущобахъ русскихъ враговъ, между прочимъ 29 ноября 1853 года, въ празднованіе 23-й годовщины польскаго возстанія, на сходкѣ въ Гановеръ-Румѣ, въ Лондонѣ. Въ изданіи соціально-революціонной шайки, подъ заглавіемъ: *Государственность и анархія* (Томъ I. Часть I. 1873 года), на страницѣ 61, послѣ замѣчанія что революція въ Россіи немыслима безъ польской независимости и свободы, мы читаемъ слѣдующее: „Она (Польша) никогда не засыпала, потому что со времени разбойническаго похищенія ея свободы, со времени ея раздѣленія между тремя хищническими державами, она не переставала бороться, и что̀ ни дѣлай Муравьевы и Бисмарки, она будетъ бунтовать, пока не добунтуется до политической свободы." Тамъ же на страницѣ 110 говорится: „На развалинахъ шляхетско-польскаго государства основалась Всероссійская Имперія. Лишите ея этой основы, отберите области входившія до 1772 года въ составъ Польскаго государства, и Всероссійская Имперія исчезнетъ."

Но прежде эти безумныя рѣчи произносились за границей, въ мятежническихъ польско-русскихъ кружкахъ и въ соціально-революціонныхъ листкахъ издаваемыхъ русскими отверженцами. Въ настоящее же время пропаганда эта начинаетъ появляться на столбцахъ русской легальной печати „ради счастія и возвеличенія матеріальныхъ и нравственныхъ силъ Русскаго народа."

Въ этой пропагандѣ заграничные нигилисты были по крайней мѣрѣ искреннѣе и открыто высказывали свои фантастическія идеи, громко заявляя что главная цѣль ихъ стремленія есть разрушеніе Русскаго государства; наши же фарисеи дѣйствуютъ подъ прикрытіемъ „величія и славы" Россіи и ложно представляя историческіе факты стараются ввести въ заблужденіе русскую читающую публику.

Польское государство пало не по винѣ Россіи, а единственно и исключительно вслѣдствіе доказанной исторіей и ежедневнымъ опытомъ неспособности Поляковъ къ политической жизни. Польша не смогла выработать себѣ единую, безспорную верховную власть, и пала жертвою многовластія, а Россія, за малыми исключеніями, только обратно взяла свое историческое и народное достояніе захваченное Польшей. Русское правительство никогда не стремилось къ преслѣдованію и истребленію, какъ это ложно утверждаетъ полонофильствующій московскій листокъ, племенныхъ особенностей Поляковъ, напротивъ предоставило Польшѣ, покоренной и безсильной, политическую свободу, дало конституцію, войско и передало въ ея полное и независимое распоряженіе законодательную, учебную, административно-полицейскую и судебную сферы. Говорить въ виду этого о притѣсненіи Поляковъ со стороны Россіи значитъ оскорблять своихъ читателей разчитывая на ихъ невѣжество. Не вина Россіи, если Поляки предоставленною имъ свободой пользоваться не умѣли и употребляли ее во зло и во вредъ Россіи. Вслѣдствіе двухъ лишенныхъ всякаго смысла мятежей 1830 и 1863 года, Русское правительство вынуждено было, въ видахъ собственной безопасности, принять мѣры направленныя къ подавленію всякихъ враждебныхъ Россіи тенденцій, а также взять на себя руководство во всѣхъ сферахъ общественной жизни. Мѣры эти со временемъ составили цѣлую систему, и строгое примѣненіе ихъ приноситъ великую пользу польскимъ населеніямъ. Въ настоящее время, благодаря этимъ мѣрамъ и покровительству, имѣющему цѣлью единственно благо народа, Привислинскій край находится въ цвѣтущемъ состояніи, на что̀ указываютъ даже враги Россіи. Отсутствіе политической свободы не только не вредно Полякамъ, но приноситъ имъ большую пользу, такъ какъ даетъ возможность лучшія народныя силы употреблять на то что̀ дѣйствительно полезно для народа: на развитіе его благосостоянія въ умственномъ, нравственномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Вслѣдствіе этого, милліоны польскихъ крестьянъ вполнѣ довольны своимъ

настоящимъ положеніемъ, съ благоговѣйною благодарностью вспоминаютъ своего Царя Освободителя и сердечно молятъ Бога о дарованіи многолѣтія нынѣ царствующему Монарху. Не менѣе преданъ Россіи многочисленный классъ промышленниковъ и торговцевъ, которые дрожатъ при мысли о войнѣ, возстаніи и смутахъ въ краѣ.

Наконецъ, въ разумной части польской аристократіи замѣчается нѣкоторое расположеніе къ сближенію съ Россіей. Остается всѣмъ извѣстная партія польскихъ дѣятелей, которая набирается по преимуществу изъ такъ-называемой польской интеллигенціи, недовольной ничѣмъ, даже благосостояніемъ края, клика которой органомъ становится московскій листокъ.

№ 362.

Москва, 30-го декабря.

А.

Праздники за границей кончились, и прусская палата депутатовъ 8 января возобновила свои занятія, приступивъ, за недостаткомъ другаго дѣла, къ продолженію преній о бюджетѣ. Какъ водится, скамьи палаты были на половину пусты и пренія не представляли особаго интереса даже по мнѣнію берлинскихъ газетъ. Ораторовъ слушали не охотно, за исключеніемъ только депутата Графа. Рѣчь его вызвала весьма дружное одобреніе и притомъ, что̀ въ послѣдніе годы бывало очень рѣдко, общее на обѣихъ сторонахъ палаты. И это потому что ораторъ удачно коснулся вопроса давно наболѣвшаго не только у насъ, но и въ Германіи, пьянства.

Извѣстно что въ послѣднія пять-шесть лѣтъ пьянство сдѣлало въ Германіи большіе успѣхи, расплодивъ цѣлыя полчища бродягъ противъ которыхъ приходится принимать мѣры. Съ развитіемъ пьнства и бродяжества платежи прямыхъ налоговъ стали поступать туго и число экзекуцій быстро увеличивается съ году на годъ, что̀ побудило правительство приступить къ пересмотру законоположеній о прямыхъ налогахъ. Было время когда затрудненія въ поступленіи налоговъ относили преимущественно къ застою въ торговлѣ и промышленности, къ недостаточному заработку. Но вотъ уже три года̀ какъ заработокъ поднялся и продолжаетъ идти въ гору, а неисправность во взносѣ налоговъ не уменьшается несмотря на льготы. Любопытно что въ обратномъ отношеніи къ неисправному платежу налоговъ шло развитіе шинковъ, трактировъ и другихъ подобныхъ увеселительныхъ заведеній. Умножаясь числомъ, шинки, распивочныя и трактиры начали совершенствоваться состязаясь въ искусствѣ и средствахъ заманиванія „гостей.“ Въ этихъ заведеніяхъ появились танцы, музыка, фокусники, чтецы и другія подобнаго рода забавы. Въ пьяные притоны, какъ замѣчено было въ парламентѣ въ прошломъ году при разсмотрѣніи промысловаго устава, „повалила молодежь проматывать отцовскую копѣйку.“ Пришлось издавать ограниченія, запрещать закономъ музыку и зрѣлища тамъ гдѣ продается водка и пиво. Всѣ эти мѣры принесли микроскопическую пользу и пьянство продолжаетъ неудержимо развиваться, несмотря на усилія довольно многочисленнаго „нѣмецкаго общества противодѣйствія пьянству.“ Въ видахъ противодѣйствія пьянству и предотвращенія тѣхъ ужасныхъ послѣдствій къ которымъ оно приводитъ, замѣтилъ депутатъ Графъ, многіе признаютъ необходимымъ поднять акцизъ на спиртные напитки. Это очень хорошо, но нельзя ждать чтобъ одна эта мѣра могла привести къ уменьшенію пьяства сколько-нибудь замѣтному. Необходимы другія болѣе непосредственно ведущія къ цѣли средства... Говорятъ будто достаточно при выдачѣ патентовъ на торговлю спиртными напитками соображаться съ дѣйствительною потребностью. Но кто и какимъ образомъ можетъ и будетъ судить о размѣрѣ этой потребности, тѣмъ болѣе что она увеличивается... Число питейныхъ заведеній необходимо уменьшить и прямо закономъ опредѣлить на сколько душъ населенія должно приходиться одно такое заведеніе. Сверхъ того, всѣ эти заведенія должны быть изолированы и концессіи на открытіе ихъ должны выдаваться съ разборомъ. Берущій патентъ долженъ дать ручательства и обезпеченіе что будетъ вести дѣло правильно, то-есть не прибѣгая къ системѣ спаиванія. Въ заключеніе ораторъ считаетъ необходимымъ подвергать пьяницъ, за появленіе въ публичныхъ мѣстахъ въ нетрезвомъ видѣ, серіозной отвѣтственности. Г. Графъ сослался на примѣръ Гол-

ландіи, Швеціи и Норвегіи, гдѣ число питейныхъ заведеній ограничено закономъ и гдѣ уже замѣтны добрыя послѣдствія этой мѣры.

Рѣчь Графа вызвала общее одобреніе въ палатѣ. Возраженій на нее не послѣдовало и полагаютъ что объ этомъ вопросѣ толки возобновятся какъ только палата приступитъ къ обсужденію законопроекта о подоходномъ налогѣ которымъ отмѣняется обложеніе теперешнихъ 3-го и 4-го класса плательщиковъ.

О мѣрахъ противъ пьянства въ Прусскомъ ландтагѣ и даже въ рейхстагѣ рѣчь поднималась не разъ, причемъ всегда указывалась необходимость возвышенія акциза и поднятія цѣнности патента. Если до сихъ поръ правительство не нашло возможнымъ принять энергическія мѣры въ этомъ отношеніи, то лишь единственно во вниманіе къ нуждамъ сельскаго хозяйства, разчитывая что возвышеніе акциза можетъ повредить винокуренію и слѣдовательно уменьшить доходы землевладѣльцевъ, на поднятіе коихъ направлены были всѣ усилія правительства съ 1879 года.

Все это имѣло большое значеніе до лѣта настоящаго года, то-есть до заключенія торговаго договора съ Испаніей. Въ Испанію чрезъ посредство Германіи шли массы русскаго спирта какъ сырьемъ, такъ и въ издѣліяхъ. Торговый договоръ съ Испаніей, установивъ что при ввозѣ установленною низкою пошлиной будетъ оплачиваться только спиртъ нѣмецкой фабрикаціи, измѣнилъ положеніе дѣла. Германскому винокуру открытъ такимъ образомъ новый путь выгоднаго сбыта, причемъ акцизъ уплачиваемый винокуромъ при отпускѣ спирта за границу выдается обратно. Теперь уже есть возможность нѣсколько поднять акцизъ на водку не причиняя большаго убытка винокурамъ и не стѣсняя размѣровъ производства возвышеніемъ налоговъ на торговлю водкой. Очень можно думать что рѣчь Графа есть только попытка воспользоваться благопріятными обстоятельствами и двинуть этотъ важный вопросъ.

Б.

Кто желаетъ успѣха нашей судебной реформѣ и ревнуетъ о достоинствѣ новоучрежденныхъ судовъ, тотъ не можетъ оставаться равнодушнымъ въ виду всякой неправильности которая обнаруживается въ ихъ порядкахъ и всякаго безобразія которое случается въ ихъ практикѣ. Но оцѣнки бываютъ различныя, смотря по тому кто съ какой точки зрѣнія смотритъ на дѣло и чего въ немъ ищетъ. Что̀ однимъ нравится, то другимъ можетъ не нравиться. Одни полагаютъ все назначеніе суда въ правосудіи, другіе совсѣмъ въ другомъ.

Одна московская газета, повидимому считающая себя привилегированною поборницей нашихъ судебныхъ порядковъ, съ ожесточеніемъ бросается на насъ когда намъ случится молвить критически слово о судебныхъ порядкахъ. Но себя она не лишаетъ права дѣлать строгіе выговоры судебнымъ дѣятелямъ когда они ей не понравятся.

Недавно, въ городѣ Богородскѣ, Отдѣленіемъ Московскаго окружнаго суда, между разными дѣлами, судилось гнусное преступленіе противъ дѣвической чести. Защитникъ, какъ обыкновенно бываетъ, старался увѣрить свою публику что преступленіе совершено подсудимымъ въ припадкѣ умоизступленія и что онъ страдаетъ душевною болѣзнію, къ чему подлаживался и подсудимый, увѣряя что у него въ моментъ преступленія „щелкнуло въ головѣ;" присяжные однако не повѣрили ему и вынесли вердиктъ обвинительный. Негодованіе газеты, не дозволяющей другимъ критически отзываться о судебныхъ фактахъ, обрушивается на предсѣдавшаго въ Богородскѣ члена суда. Дѣло въ томъ что отпуская присяжныхъ, въ своемъ обращеніи къ нимъ, онъ упомянулъ между прочимъ о показаніи подсудимаго касательно своей невмѣняемости. „Подсудимый, сказалъ предсѣдавшій, объясняетъ что у него что-то щелкнуло въ головѣ въ моментъ совершенія преступленія, но онъ однако не говорилъ намъ что у него щелкало въ другое время въ головѣ. Я думаю что вы не дадите вѣры такому объясненію, такъ какъ страннымъ является что у подсудимаго щелкнуло въ головѣ какъ разъ въ то время когда пришлось ему совершить преступленіе." Что̀ можно сказать въ порицаніе этихъ здравомысленныхъ словъ? Въ чемъ же долгъ предсѣдателя суда, при участіи присяжныхъ засѣдателей, какъ не въ томъ чтобы разъяснить имъ сущность дѣла какъ оно отразилось въ его разумѣніи и совѣсти? Если ужь у насъ заведенъ этотъ несчастный институтъ такъ-называемыхъ при-

сяжныхъ засѣдателей, то надо пользоваться имъ по крайней мѣрѣ сколько-нибудь со смысломъ подобно тому какъ водится въ тѣхъ странахъ откуда институтъ этотъ заимствованъ. Неужели отпуская присяжныхъ онъ можетъ считать свой судейскій долгъ исполненнымъ если отбарабанитъ нѣсколько ничего не значащихъ словъ? Еслибы наши судьи не ограничивались только механическимъ отправленіемъ своей обязанности, то и присяжныхъ скандаловъ было бы по всему вѣроятію менѣе.

Теперь послушайте какъ эта газета, вопіющая противъ всякаго нашего замѣчанія по судебнымъ дѣламъ, высказывается по поводу вышеприведенныхъ словъ судьи:

„Какъ ничтожно должно быть у судьи уваженіе къ человѣческому достоинству подсудимаго (!), какъ неудержима должна быть потребность балагурить чтобы въ такую торжественную минуту какъ произнесеніе резюме дозволить себѣ отпускать шуточки!“

Достоинство подсудимаго! Достоинство мерзавца совершившаго гнуснѣйшее насиліе, который въ защиту свою могъ сказать только то что у него въ головѣ что-то *щелкнуло*. Хорошъ долженъ быть либерализмъ у этихъ ревнителей цивилизаціи! Но чѣмъ же нарушилъ судья должное уваженіе къ этому подсудимому повторивъ его собственное слово котораго оцѣнку предложилъ присяжнымъ засѣдателямъ?

За то эта газета какъ нельзя болѣе довольна рѣшеніемъ по дѣлу Свиридова и находитъ ни съ чѣмъ несообразную постановку вопросовъ сдѣланную Кіевскимъ судомъ совершенно правильною. А о присяжныхъ выражается такъ: „мы не рѣшаемся бросить камнемъ въ вердиктъ присяжныхъ даже тогда, когда онъ намъ кажется несправедливымъ. Вердикты иногда идутъ въ разрѣзъ формальной правдѣ съ тѣмъ чтобы дать торжество внутренней справедливости. Не мы за это будемъ осуждать судъ присяжныхъ. Напротивъ, это качество его“ (качество идти въ разрѣзъ съ очевидною истиной?) „*составляетъ одно изъ великихъ его достоинствъ.*“

А вотъ что мы прочли сегодня въ другой того же пошиба газетѣ по поводу дѣла Мельницкихъ: „Мы вѣримъ что правда прежде всего на сторонѣ гг. присяжныхъ рѣшившихъ это дѣло; затѣмъ на сторонѣ публики, *участвовавшей въ судѣ* во время засѣданій *и рукоплескавшей оправдательному вердикту присяжныхъ*, и наконецъ, на сторонѣ прессы и публики одобряющей этотъ оправдательный вердиктъ!..“

Очевидно что у этихъ господъ *щелкнуло* въ головѣ. И это органы той партіи которая рвется къ дѣламъ и требуетъ чтобъ ее пустили законодательствовать!




2007052012